В. М. Крюков М. В. Крюков

НЕИЗВЕСТНЫЙ СУНЬ ЯТСЕН

Том первый

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
PROCEEDINGS OF THE CHINA DEPARTMENT

東方學研究所・華部叢書・第四十五期

Выпуск 45
Issue

Москва
2023

В. М. Крюков, М. В. Крюков

Неизвестный Сунь Ятсен

Штрихи к портрету

Том I
(1866–1913)

Москва
2023

УДК 94 (510)
ББК 63.3(5 Кит)
К85

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
Выпуск 45

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Редакционная коллегия
д.филос.н., проф. *А. И. Кобзев* (главный редактор),
к.филос.н. *Н. В. Руденко* (ответственный секретарь),
к.и.н. *С. В. Дмитриев* (зам. главного редактора),
д. *П. Адамек* (Piotr Adamek svd, Германия–Польша),
д. *Г. Йегер* (Henrik Jäger, Германия), к.и.н. *М. В. Корольков,*
к.филос.н. *Н. А. Орлова*, проф. *А. Роше* (Alain Rocher, Франция),
к.и.н. *Э. А. Синецкая*, к.и.н. *Е. С. Скрыпник*

Ответственный редактор
А. И. Кобзев

Редакторы
Н. А. Орлова, Д. Б. Омецинский

Рецензенты
к.и.н. *М. Ю. Ульянов*, к.и.н. *Л. П. Черникова*

Крюков В. М., Крюков М. В.

К85 Неизвестный Сунь Ятсен. Том 1 (1866–1913) / В. М. Крюков, М. В. Крюков ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук ; [отв. ред. А. И. Кобзев]. 552 с. : ил. — (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 45 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.). — ISSN 2227-3816, ISBN 978-5-907543-73-7

ISBN 978-5-907543-73-7 (в пер.)

Имя китайского революционера Сунь Ятсена хорошо знакомо отечественному читателю. Однако многие факты его биографии до недавних пор оставались покрытыми пеленой неизвестности. Авторы этой книги поставили своей целью, опираясь на достоверные первоисточники, хранящиеся в архивах Китая, США и России, восстановить его подлинный портрет, свободный от позднейших наслоений и искажений.

УДК 94 (510)
ББК 63.3(5 Кит)

ISSN 2227-3816
ISBN 978-5-907543-73-7 (в пер.) (том 1)
ISBN 978-5-907543-72-0 (в пер.)

© Крюков В. М., Крюков М. В., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023
© Редколлегия «Ученых записок отдела Китая», 2023

Оглавление

О чём эта книга? 13

Глава I. Становление революционера 29

Взглянув на свою страну со стороны 29

Человек, родившийся в разное время в нескольких местах и известный под разными именами 29

Годы учебы 31

«Четыре знаменитых бунтаря» 38

Неожиданный интерес к агрономии 40

Хэ Ци — идейный наставник д-ра Суня 40

Сунь Ятсен пишет Чжэн Цзаожу 41

Общение с Чжэн Гуаньином 42

Послание Ли Хунчжану 44

Рекомендательные письма 44

Снова об опиумном маке 48

Кто был создателем и руководителем Союза возрождения Китая? 50

Сунь Ятсен опровергает ранее сказанное им 50

Чэнь Сяопин предлагает ответ на эти вопросы 55

На Гавайях, в Гонконге и Иокогаме 56

Кантонское восстание 59

Комбинация насильственных и мирных средств 60

Заграница нам поможет 64

Восстание терпит поражение, еще не начавшись 66

Глава II. Похищен в Лондоне 71

Трагические последствия одной досадной оплошности 71

Портланд Плейс, 49 71

Джеймс Кэнтли поднимает на ноги почти весь Лондон 81

Свободен! 85

Дело расследуется *post factum* 89
О версии Холлидея Макартни 90
Иное дело — показания Сунь Ятсена 93
Некоторые другие вопросы, затронутые в докладе 94

Из уст потерпевшего 99
Реакция прессы 99
Книгу переводят за рубежом 100
Необходимый комментарий 102

Имя Сунь Ятсена у всех на устах 104
Образ героической личности 104
Кто он — реформатор или революционер? 107
Встречи, обеды, чествования 108

Споры на старую тему разгораются вновь 110
Сенсационное заявление Чэнь Шаобая 110
Мнения разделились 113
Почему мы не согласны с профессором Хуан Юйхэ 118

Глава III. Неспокойное начало нового века 123

Японские друзья д-ра Суня 123
Фотограф и ученый 123
Рёнин 126
Обласканный божественным микадо 129

«А как назвать твою должность — “президент” или “император”, реши сам» 130
Тайная миссия Лю Сюэсюня 131
Миядзаки и Киёфудзи арестованы в Сингапуре 135
Несостоявшийся император 141

Базируясь на Тайване 147
Под знаменем желтого тигра 148
Филиппинский эпизод 151
Сунь Ятсен с Тайваня руководит восстаниями на материке 153

Гражданин Соединенных Штатов 155
Документы свидетельствуют 156
«Меня зовут Сунь Ятсен. Я родился на Гавайях» 157
Был ли Сунь Ятсен в 1909 г. лишен гражданства США 165

Сунь Ятсен обращается к американцам 168
Желтой опасности не существует 170
Да здравствует Китайская Республика! 172
За единственным неудачным исключением Лафайетов в Штатах не нашлось 174

Глава IV. Накануне решающих сражений 177

Революционные организации объединились 177
Составные части «Объединенного союза» 177
О первом из «Трех народных принципов» Сунь Ятсена 181
Рука об руку с «Кокурюкай» 183

Снова разведчик (теперь — французский) и его сослуживцы 188
Попытка наладить контакт 188
Миссия Букабеля 191
Официальная линия Парижа остается неизменной 196

Бунт на корабле 198
Первые раскаты грома 198
Девятый вал 202
Неожиданный финал противоборства титанов 211

Американская авантюра 215
Коллеги Сунь Ятсена готовят преобразования в Китае 215
Создание «Финансового синдиката» 218
Хуан Син отвергает план «генерала» Ли 227

Разброд и шатание в революционных рядах 230
Сунь Ятсен объявляет организацию распущенной 231
Вместо «Объединенного союза» — Гэминдан? 236
Два письма старым друзьям 239

Глава V. Год под знаками «синь-хай» 243

Кто руководил Синьхайской революцией? 243
Ответ на вопрос дает Сунь Ятсен 243
Белов поправляет Сунь Ятсена 247
Профессор Нанькайского университета ставит все точки над «i» 253

Переговоры Севера с Югом 265
Миссия Лю Чэньэня и Цай Тинганя 265
Переговоры Ляо Юйчуня с Гу Чжунчэнем 267
Официальные переговоры в Шанхае 269

Учанское восстание и позиция держав 272
Невмешательство? 272
Великобритания меняет курс 277
Учан наводит справки о возможности признания державами ... 282

Ехать в Китай или задержаться на Западе? 285
В поисках американских спонсоров 285
Попытки договориться в Лондоне не дали результата 288
То же самое — в Париже 289

Возвращение в родные пенаты 292
Китай уже совсем близко 292
«Генерал» Ли отвечает на вопросы 295
Наконец долгожданное интервью дает и Сунь Ятсен 299

Глава VI. Время идти на компромиссы 303

Президент, но с двумя существенными оговорками 303
Юань Шикай? Сунь Ятсен? 303
Выход найден 307
Сунь Ятсен не против этого варианта 309

Временное правительство:
однопартийное или коалиционное? 312
В отношении ветеранов Учана Сунь Ятсен непреклонен 312
Иначе дело обстояло с «бывшими» 314
Кабинет заместителей министра 317

Отречение Сюаньтуна
и отставка Сунь Ятсена 320
Сунь Ятсен не форсирует переговоры 321
Ультиматум Сунь Ятсена 323
Свершилось! 325

Проблема международного признания 328
Обращение к державам 328
Сурабайский инцидент 333
Юань Шикай тоже добился признания не сразу 337

«Республика пяти наций» и пятицветный флаг 342
У истоков идеи 342
Сунь Ятсен принимает идею, сформулированную его идейными противниками 344
Этот сдвиг в представлениях Сунь Ятсена не был последним 347

Глава VII. Почему Сунь Ятсен уступил свое кресло 349

Мнимая ошибка президента 349
Устами самого Сунь Ятсена 349
Еще одна версия, изложенная Сунь Ятсеном 352
Оказывается, была еще одна проблема 358

Суньятсеноведы предлагают иные версии 364
Революционер-пацифист 364
Особое мнение Чэнь Ижун 367
Причин было несколько 369

Первая попытка решить все проблемы закончилась неудачей 370
Предмет сделки — Ханьепинский комбинат 371
К переговорам подключается Шэн Сюаньхуай 374
Дело сорвалось из-за, казалось бы, пустяка 376

Козырная карта в колоде Сунь Ятсена 379
Речь шла о сопках Маньчжурии 379
Сунь Ятсен и Мори Каку начинают действовать 383
А что же рёнин? 385

Лань Тяньвэй выполнить свою миссию не успел 387
Мирные переговоры подготовке похода на Пекин не помеха 388
Что собой представляла эта 5-я армия 390
В роли командующего и одновременно дипломата 394

Глава VIII. «Я не перестану доверять президенту!» 405

Экс-президент начинает новую жизнь 405
Как грибы после дождя 405
На политической арене Китая появляется Гоминьдан 409
Вождь китайской революции уходит из политики 411

Дело Чжан Чжэньу 412

С чего всё началось 412
Ли Юаньхун ставит Чжан Чжэньу мат в два хода 414
Сообщение о случившемся взбудоражило всю страну 416

Сунь Ятсен и Юань Шикай:
медовый месяц взаимоотношений 417
В Пекин, в Пекин! 418
Сунь Ятсен высказывается о деле Чжан Чжэньу 420
Поток славословий казался неисчерпаемым 423

Лидер революции собирается строить железные дороги 426
План был поистине грандиозен 426
Скептики дают волю своей иронии 429
О связанных с этим технических проблемах 431

Главная цель поездки в Японию объявлена не была 437
Первый раз в Японии в качестве экс-президента 437
Деловые результаты поездки 443
Встреча, которой так долго ждал Сунь Ятсен 445

Глава IX. Вердикт так и не был вынесен 451

Незавершенное расследование 451
До и после того, как прозвучали выстрелы 451
Подозреваемые арестованы и дают показания 454
Дальнейшее развитие событий 457

Кто заказал убийство: четыре версии 458
Версия первая 458
Версия вторая 462
Версии третья и четвертая 463

О методике расследования дела об убийстве Сун
Цзяожэня, предложенной профессором Шан Сяомином 467
Суть методики 467
О подлинности документа и достоверности
сообщаемой им информации 472
Cui bono? 476

Анализируя переписку, обнаруженную в доме Ин Гуйсиня 481
Первые совместные планы 481
Ин Гуйсинь предлагает правительству еще один план 484
Письма, не вошедшие в публикацию переписки 489

Версия, способная ответить на возникающие вопросы, является наиболее вероятной 492
Многочисленные «почему» 492
Надпись на могильной доске Сун Цзяожэня 495
Загадочное поведение Сунь Ятсена 496

Глава X. «Вторая революция», обреченная на поражение 503

На чьей стороне будет вице-президент? 503
Цэнь Чуньсюань и «люди Хуан Сина» зондируют почву 503
За Ли Юаньхуна принимаются российский и японский консулы 504
На вопросы журналиста отвечает Ли Юаньхун 508

«Вторая революция» и Хуан Син 516
Реальное соотношение сил 516
Прежде всего надо заручиться поддержкой масс 519
И все же революция началась 521

Позиция Сунь Ятсена была крайне непоследовательна 525
Конец марта — начало мая 1913 г. 525
Сунь Ятсен убеждается, что первоначальный повод для начала революции не срабатывает 528
Минутная слабость и возвращение на круги своя 532

Итоги двух революций подводит епископ Бэшфорд 534
Положение в стране после синьхайских событий 535
По поводу «Второй революции» 538
Каковы же последствия этой роковой ошибки? 540

Суждения современных исследователей 544
Соотношение понятий «Синьхайская» и «Вторая революция» 544
Потерпела ли Синьхайская революция неудачу? 547
Мнение профессора Чжан Хуатэна 549

Сведения об авторах 551

О чём эта книга?

Авторы готовы побиться об заклад, что ни один из читателей этой книги никогда в жизни не видел портрет Сунь Ятсена, помещенный в ее начале. Он был лишь однажды опубликован и вскоре после этого запрещен. Между тем, этот набросок принадлежит кисти выдающегося китайского живописца Сюй Бэйхуна и хотя бы только поэтому достоин чести сохраниться на скрижалях истории.

А запрещен он был потому, что, по мнению тогдашних руководителей Гоминьдана, создавал ошибочный образ великого революционера.

Если всмотреться в него, невольно поражаешься тому, с каким мастерством художник передал внутренние переживания Сунь Ятсена: его глаза полны невыразимой печали.

Великому революционеру было о чем печалиться. Судьба была слишком строга к нему. Ни одно из его эпохальных начинаний так и не было доведено до конца. Незадолго до смерти он был вынужден признать: «40 лет жизни я отдал революции, а она еще не завершена».

Кстати сказать, он выразился бы более точно, если бы употребил слово «революция» не в единственном, а во множественном числе. Революций, которые были подготовлены и начаты Сунь Ятсеном, было несколько. Сначала он перечислял их: «первая», «вторая», «третья»... Но потом, видимо, боясь сбиться со счета, перестал обозначать их порядковыми числительными и стал называть, указывая цель, которую преследовала каждая из них. Но автора «Трех народных принципов» преследовали неудачи, и эти цели так и не были достигнуты.

Всё изменилось после его кончины. Тщательно отретушированный и отлакированный до блеска портрет Сунь Ятсена был востребован и в гоминьдановском Китае, и в Китайской Народной Республике, и в Советском Союзе.

В СССР портрет Сунь Ятсена понадобился как образ «великого друга советского народа».

Главный отечественный суньятсеновед академик С. Л. Тихвинский следующим образом охарактеризовал историческую роль великого китайского революционера:

> Имя Сунь Ятсена, большого и искреннего друга Советского Союза, неутомимого борца против позорной колониальной системы империализма, пользуется глубочайшим уважением в нашей стране, в странах социалистического содружества, у всех честных людей мира.[1]

В гоминьдановском Китае дело, разумеется, обстояло иначе.

Новому лидеру Гоминьдана Чан Кайши д-р Сунь был нужен для обоснования законности его притязаний на высшую власть в партии и государстве, которую до поры до времени справедливо оспаривали многие другие деятели, имевшие, по их мнению, бóльшее право стать преемником Отца Государства.

Поэтому, одержав верх над конкурентами, Чан Кайши озаботился тем, чтобы представить народу зримые доказательства своего избранничества. Одним из таковых стал фотомонтаж, в котором он изображен третьим вместе с Сунь Ятсеном и Михаилом Бородиным, в то время все еще продолжавшим оставаться главным политическим советником Гоминьдана.

Но история не стоит на месте. Вскоре началась вакханалия, названная «чисткой» Гоминьдана, и Бородин был с позором изгнан из Китая.

Возникла новая задача: найти фотодокумент, на котором новый властитель был бы запечатлен наедине со своим предшественником. Помните прекрасный дубликат такого документа — «Ленин и Сталин в Горках»?

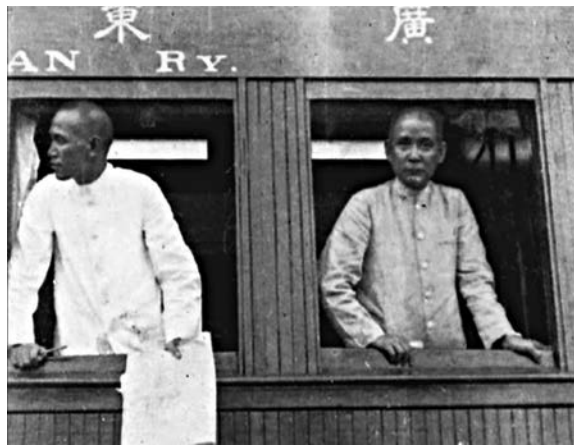
---

[1] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 9.

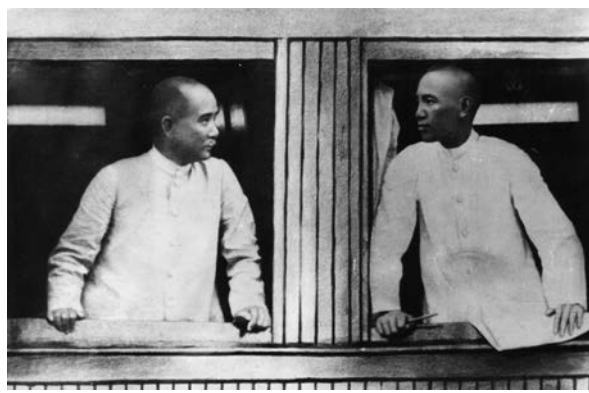
Но задача эта оказалась не из легких. Подходящей фотографии долго не могли сыскать.

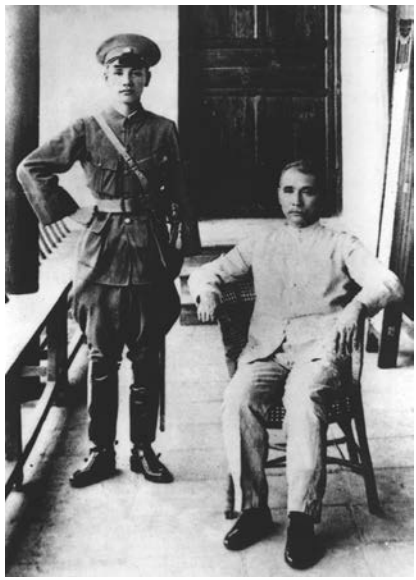
Наконец был найден редкий документальный кинокадр, увековечивший Сунь Ятсена и Чан Кайши в тот момент, когда они ехали в одном и том же вагоне поезда (между прочим, это была «проба пера» основоположника китайского кинодокументализма Ли Миньвэя).

Но своему предназначению этот кадр явно не соответствовал, так как не передавал идею преемственности великих революционных деятелей. Поэтому документ решили немного переиначить: Чан Кайши передвинули вправо, а на освободившееся место поместили Сунь Ятсена с другого кадра той же киноленты.



Вот как теперь выглядел этот кинокадр:





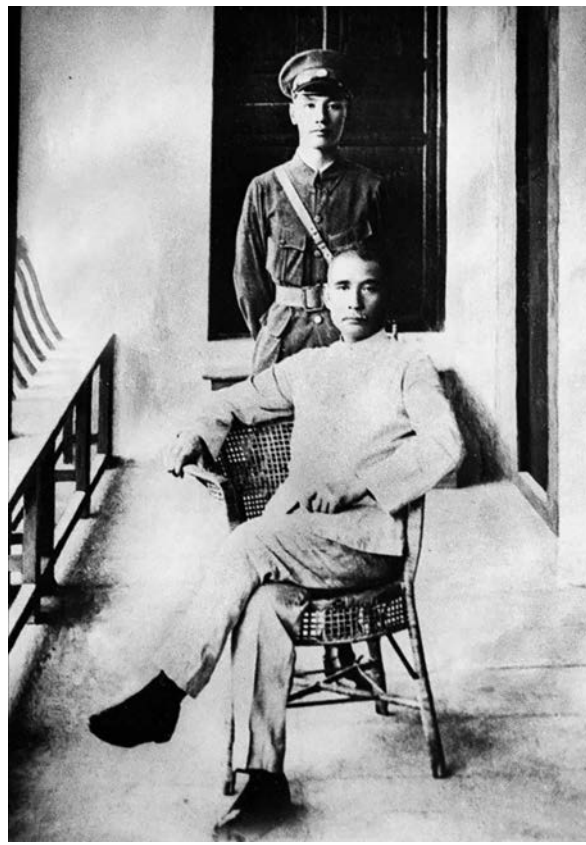
Но и полученный результат не удовлетворял требованиям момента: создавалось впечатление, что перед вами не учитель и ученик, а два спорщика, увлеченные ожесточенной дискуссией. А это было совсем не то, что́ требовалось. Поиски продолжались.

Были еще несколько фото, относящихся к 1924 г., когда Сунь Ятсен посетил военную школу Вампу. На одном из них они сняты вдвоем. И всё бы хорошо, но тут дело портила поза Чан Кайши: вместо того чтобы вытянуться перед Отцом Государства по стойке «смирно», преемник, словно демонстрируя свою независимость, стоял руки в боки.

Была еще одна сделанная тогда же фотография, но она не годилась потому, что на ней было много лишнего.

Всё же после долгих размышлений было принято решение пустить в дело именно этот снимок, лишь несколько облагородив его. Всё лишнее в мгновение ока исчезло с фото. Теперь Сунь Ятсен, как и полагается вождю, сидел в кресле, а на втором плане его преемник скромно ждал своего часа.

Результат этой пластической операции стал еще одним официальным портретом Сунь Ятсена.



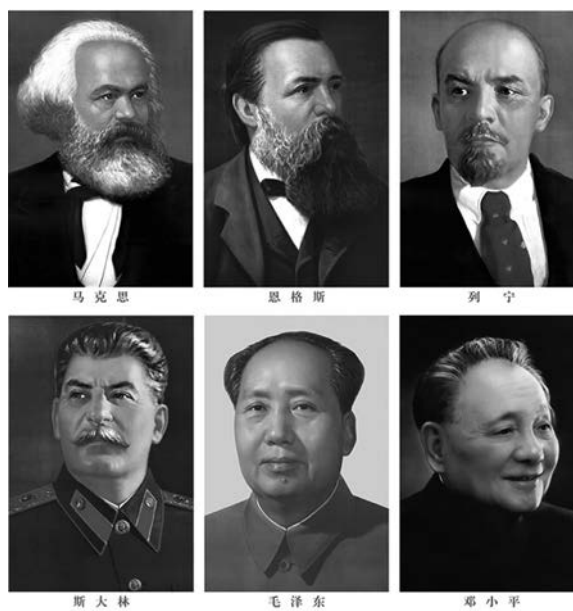
После завершения Второй мировой войны, когда Советская Армия освободила Маньчжурию, Сунь Ятсен появился на гоминьдановских плакатах в необычном обществе — вместе с Лениным, Сталиным и Чан Кайши.

Но это был лишь краткий исторический эпизод.

Портрет Сунь Ятсена нужен был и китайским коммунистам. Им он требовался как свидетельство того, что у великого кормчего был предшественник. Однако в колоде «Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин — Мао Цзэдун» Сунь Ятсену, разумеется, места не было.

Кандидатами на причисление к лику святых были в порядке очередности избранные стать преемником вождя и затем отвергнутые им Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Линь Бяо, Ван Хунвэнь. В конце концов удача была на стороне Хуа Гофэна, который, впрочем, будучи побуждаем ложной скромностью, помимо самого себя включил в список классиков еще и Чжоу Эньлая.

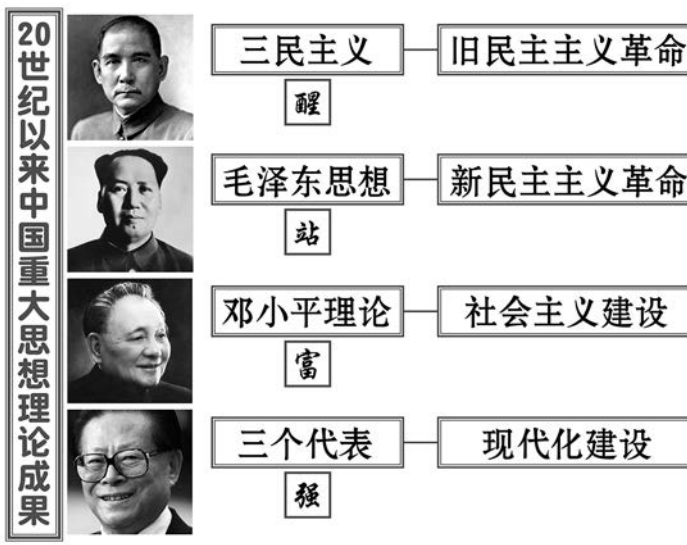
После низложения Хуа Гофэна, которому было отказано в праве считаться преемником великого кормчего, на шестом месте в перечне классиков оказался Дэн Сяопин.



Сунь Ятсен по-прежнему не имел шансов попасть в эту когорту.

Но неожиданно настал его звездный час. В 1997 г. на 15-м съезде КПК Сунь Ятсен, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин были официально признаны «тремя великими личностями Китая XX века», создавшими три великих теории современности и тем самым ознаменовавшими три великих сдвига в истории китайской революции: первый сформулировал «Три народных принципа», второй обогатил сокровищницу человечества своими «идеями», третий своей «теорией». Как и полстолетия до этого, Сунь Ятсен вновь был первым в троице.

Затем число трех великих деятелей XX века увеличилось до четырех, причем у каждого из них были свои заслуги перед историей.



Первый инициировал демократическую революцию в Китае, и благодаря его усилиям китайская нация пробудилась от векового сна.

Второй осчастливил человечество «идеями Мао Цзэдуна», возглавил новодемократическую революцию, и при нем китайская нация встала на ноги.

Третий руководил социалистическим строительством, благодаря чему китайская нация обогатилась.

Четвертый сформулировал принцип «трех представительств», при нем началась модернизация Китая, а китайская нация обрела свою мощь.

Правда, через некоторое время об этих заслугах перед китайской нацией перестали упоминать, потому что выяснилось, что нация-то еще только возрождается и осуществление этой «китайской мечты» — дело будущего. Плеяда великих деятелей XX века оказалась включающей пятерых руководителей Компартии Китая, среди которых Сунь Ятсена — увы! — уже быть не могло.

Почти одновременно с этим, по мере того, как первоначально наглухо закрытые исторические архивы начали открывать свои двери для исследователей, постепенно стало выясняться, что официальный портрет Сунь Ятсена требует основательного обновления.

Данная ситуация схожа с той, которая произошла с портретом Владимира Ильича. Тогда на прилавках наших книжных магазинов появился увесистый том ранее не публиковавшихся документов Ленина[1], из которого мы, помимо всего прочего, узнали, что вождь мирового пролетариата был близким другом провокатора Малиновского, а к русскому народу относился свысока, нередко применяя к нему непарламентские эпитеты, в частности, «говнюки» (да простят нас читатели за эту цитату).

Так или иначе, после того, как Сунь Ятсен был исключен из плеяды, уже можно было, не опасаясь зубодробительных оргвыводов, обсуждать его достоинства и недостатки, заслуги и ошибки. Более того, не только на страницах научных изданий, но и в интернете начались дискуссии, о которых раньше и помыслить-то было невозможно, например, по поводу того, был ли Сунь Ятсен патриотом или же ради достижения революционных целей торговал своей Родиной. Дискуссии эти возникали по мере того, как широкой общественности становились доступными ранее неизвестные документы.

Ли Ао

При этом участники споров оказались представителями трех принципиально различных лагерей.

Сторонники первой точки зрения (в качестве примера здесь можно привести тайваньского историка Ли Ао[2]) утверждают, часто не стесняясь в резких

[1] *Ленин В. И.* Неизвестные документы. М. 1999.

[2] 李敖。孙中山研究 (*Ли Ао*. Исследование о Сунь Ятсене). Тайбэй. 1987.

выражениях, что в действительности Сунь Ятсен был отнюдь не тем, за кого его долгое время принимали, и потому его следует немедля свергнуть с пьедестала.

Второе мнение, прямая противоположность первому, заключается в том, что компромат на Сунь Ятсена — дело рук нечестных злопыхателей, фальсифицировавших эти вновь вводимые в научный оборот документы.

У Сянсян (1912–2007)

Ян Куйсун

Поэтому, заявляют апологеты данной точки зрения, задача исследователя заключается в том, чтобы разоблачить эти грубо сработанные подделки, не имеющие никакого отношения к доброму имени Отца Государства. К этому второму лагерю принадлежит, в частности, тайваньский историк У Сянсян[1].

Наконец, есть ученые, не согласные ни с первой, ни со второй точкой зрения (среди них – известный специалист по новейшей истории Китая Ян Куйсун). Эти исследователи исходят из того, что «спорные» документы, опубликованные за последние годы, в абсолютном большинстве не являются подделками, но это не может быть достаточным основанием для того, чтобы предавать Сунь Ятсена анафеме: всё, что делалось им, он совершал вовсе не ради личной выгоды, а исключительно во имя революции.[2]

Забегая вперед, скажем, что по гамбургскому счету авторы этой книги не вполне согласны ни с одной из перечисленных точек зрения.

В этой книге мы хотим, во-первых, познакомить читателя с ранее неизвестными ему фактами из жизни и деятельности Сунь Ятсена; во-вторых, по мере наших сил и возможностей высказать свое собственное суждение по поводу разгоревшихся сегодня споров; в-третьих (и это главное), попытаться освободить его портрет от наслоений, обусловленных приверженностью исследователей принципу партийности науки.

Перелистывая эту книгу, читатель, несомненно, обратит внимание на обилие иллюстраций, прежде всего портретов — самого Сунь Ятсена, его современников и наших сверстников, изучающих его биографию. Эти

[1] 吴湘相。孙逸仙先生传 (*У Сянсян*. Биография Сунь Ятсена). Тайбэй. 1982

[2] 杨奎松。孙中山到底爱国不爱国？(*Ян Куйсун*. Так был ли Сунь Ятсен патриотом?) // http: //view.news.qq.com/a/20121123/000002.htm.

фотографии — не просто картинки, украшающие текст книги, они — документы эпохи. В этом мы целиком и полностью согласны со словами, произнесенными когда-то М. И. Казаниным, которого мы считаем своим учителем:

> Игнорирование людей во всей их противоречивости, в диалектике их роста и их взаимоотношений, конторский подход к истории лишь как к пачке аккуратно перевязанных передовиц, резолюций и протоколов выхолащивают историю, делают ее «бесчеловечной». Этим путем легко изложить ход истории в целом, но нельзя объяснить ни одного отдельно взятого явления прошлого, ибо история в конечном итоге творится живыми людьми.[1]

Эти слова не следует понимать превратно. «История творится живыми людьми», и историк должен знать их в лицо. Однако это вовсе не значит, что он может пренебрегать передовицами, резолюциями и протоколами, т. е. документами, из которых он, собственно, и черпает свои знания о фактах истории. Поэтому помимо фотографий мы приводим в нашей книге некоторое число первоисточников (в большинстве — факсимильно), с тем чтобы читатель имел возможность познакомиться с ними из первых рук.

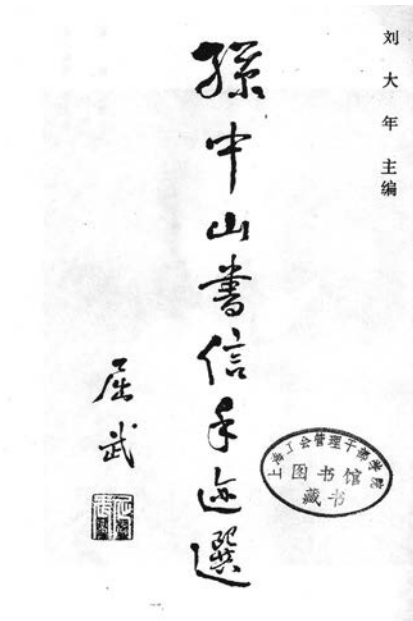
Использованные нами факты мы извлекли из документов, хранящихся в архивах РФ, КНР, Тайваня, Японии, США, Англии, Германии и Франции, а также из прессы и из воспоминаний современников. Эти источники разнородны по своему характеру, равно как неоднозначны содержащиеся в них сведения, но, будучи взятыми в совокупности, они позволяют отделить достоверное от вымысла.

Наиболее существенны фонды архива Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе, в особенности та их часть, которую до сих пор нельзя ксерировать или фотографировать, что говорит об особой ценности этих материалов.

Важные свидетельства можно извлечь из документов, хранящихся в Пекинском городском архиве, Втором государственном архиве (Нанкин), а также в Шанхайской городской библиотеке.

Значительная часть писем и выступлений Сунь Ятсена опубликована. Но это не значит, что его «Полные собрания сочинений» и в самом деле являются полными. С самого начала эти издания, появившиеся на Тайване и на материке, отличались друг от друга, поскольку по политическим соображениям не включали те или иные опусы, рассматривавшиеся

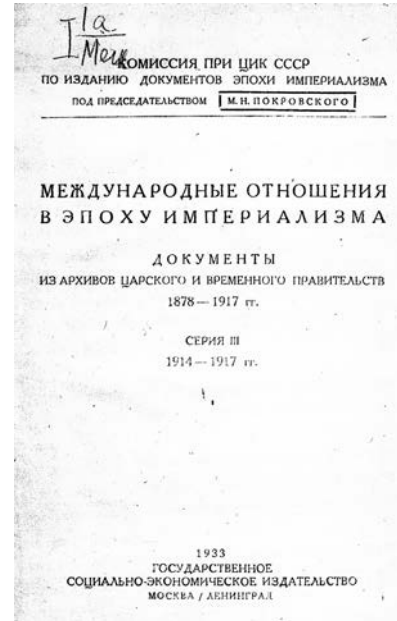
[1] *Казанин М. И.* Записки секретаря миссии. М. 1962. С. 60.


刘大年主编

孫中山書信手迹選

中山图书馆藏书

Факсимильное издание писем Сунь Ятсена


КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
1914—1917 гг.

1933
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА / ЛЕНИНГРАД

Документы из архива МИД Российской империи за 1914-1917 гг.

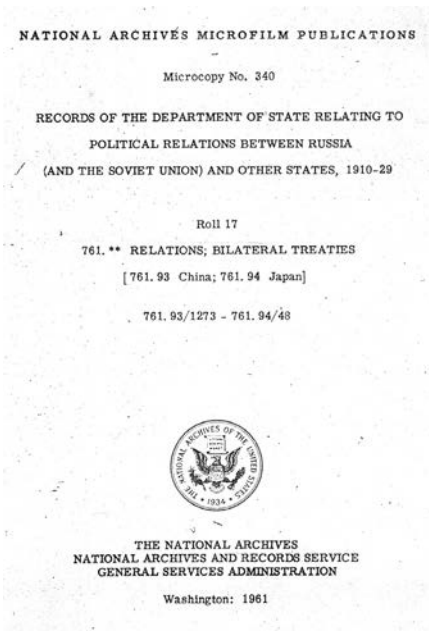
составителями как нарушающие единство образа вождя. Неполными они были и потому, что со временем достоянием исследователей становились всё новые документы, ранее им неизвестные.

Мы пользуемся случаем, чтобы от всей души поблагодарить тех, кто так или иначе помогал нам в работе над этой книгой.

Прежде всего — это чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике А. И. Денисов, чью заботу и поддержку мы постоянно ощущали во время пребывания в Китае и чья исключительная любезность помогла нам получить важные документы, хранящиеся в архиве Министерства иностранных дел Российской Федерации.

А. И. Денисов

Мы благодарны нашим давним друзьям — академику АОН КНР Ли Цзинцзе и кандидату исторических наук Хэ Гоаню, на протяжении многих лет неизменно оказывавшим нам поддержку в процессе наших исследований и постоянно щедро делив-



NATIONAL ARCHIVES MICROFILM PUBLICATIONS

Microcopy No. 340

RECORDS OF THE DEPARTMENT OF STATE RELATING TO POLITICAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA (AND THE SOVIET UNION) AND OTHER STATES, 1910-29

Roll 17

761.** RELATIONS; BILATERAL TREATIES

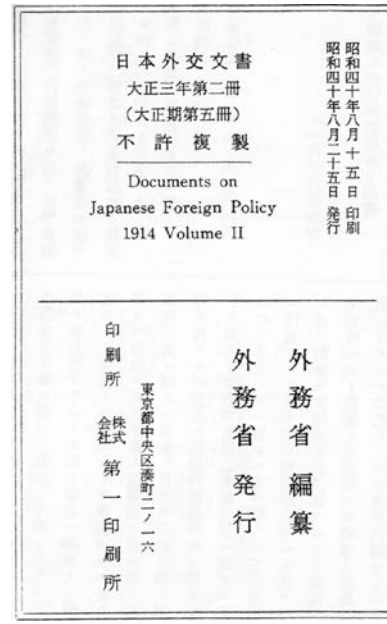
[761.93 China; 761.94 Japan]

761.93/1273 - 761.94/48

THE NATIONAL ARCHIVES
NATIONAL ARCHIVES AND RECORDS SERVICE
GENERAL SERVICES ADMINISTRATION

Washington: 1961

Документы из Национального архива США



日本外交文書
大正三年第二冊
（大正期第五冊）
不許複製

Documents on
Japanese Foreign Policy
1914 Volume II

昭和四十年八月十五日 印刷
昭和四十年八月二十五日 発行

外務省編纂
外務省発行

東京都中央区湊町二ノ一六
株式会社 第一印刷所
印刷所

Документы из архива МИД Японии за 1914 г.

шимся своими познаниями в самых различных сферах исторической науки.

У китайцев есть поговорка: «Пьешь воду — вспомни о колодце». Наш интерес к Сунь Ятсену возник примерно четверть века тому назад в связи с одним эпизодом его деятельности — переговорами с полковником М. Г. Поповым о возможных путях советско-китайского сотрудничества. Тогда нам в руки попал отчет об этих переговорах, волею небес оказавшийся в Национальном архиве Соединенных Штатов Америки. А получили мы этот документ благодаря бывшему сотруднику Института этнографии АН СССР И. И. Крупнику. Сейчас мы с удовольствием и признательностью воздаем должное его неоценимому вкладу в дело создания этой книги.

Ли Цзинцзе

Хэ Гоань

Auswärtiges Amt.
Abteilung A.

Politisches Archiv d. Auswärt. Amts

Akten

betreffend:

vom 1. Oktober 19[illegible]
bis 1. Januar 19[illegible]

Bd. 9.
f. Bd. 10.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts

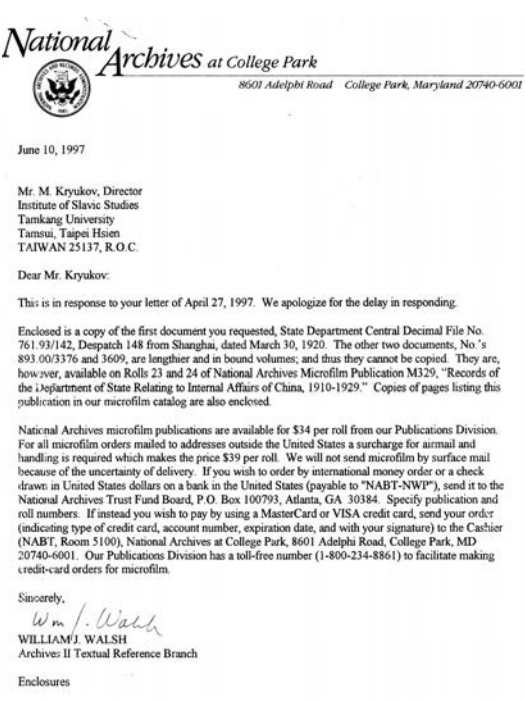
R 17981

China № 7.

Hauptarchiv des Auswärtigen Amtes

Документы из архива МИД Германии

И. И. Крупник



National Archives at College Park

8601 Adelphi Road College Park, Maryland 20740-6001

June 10, 1997

Mr. M. Kryukov, Director
Institute of Slavic Studies
Tamkang University
Tamsui, Taipei Hsien
TAIWAN 25137, R.O.C.

Dear Mr. Kryukov:

This is in response to your letter of April 27, 1997. We apologize for the delay in responding.

Enclosed is a copy of the first document you requested, State Department Central Decimal File No. 761.93/142, Despatch 148 from Shanghai, dated March 30, 1920. The other two documents, No.'s 893.00/3376 and 3609, are lengthier and in bound volumes; and thus they cannot be copied. They are, however, available on Rolls 23 and 24 of National Archives Microfilm Publication M329, "Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of China, 1910-1929." Copies of pages listing this publication in our microfilm catalog are also enclosed.

National Archives microfilm publications are available for $34 per roll from our Publications Division. For all microfilm orders mailed to addresses outside the United States a surcharge for airmail and handling is required which makes the price $39 per roll. We will not send microfilm by surface mail because of the uncertainty of delivery. If you wish to order by international money order or a check drawn in United States dollars on a bank in the United States (payable to "NABT-NWP"), send it to the National Archives Trust Fund Board, P.O. Box 100793, Atlanta, GA 30384. Specify publication and roll numbers. If instead you wish to pay by using a MasterCard or VISA credit card, send your order (indicating type of credit card, account number, expiration date, and with your signature) to the Cashier (NABT, Room 5100), National Archives at College Park, 8601 Adelphi Road, College Park, MD 20740-6001. Our Publications Division has a toll-free number (1-800-234-8861) to facilitate making credit-card orders for microfilm.

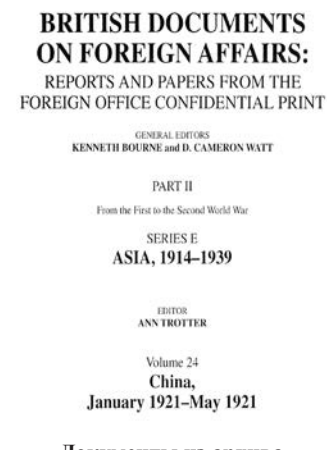
Sincerely,

Wm J. Walsh

WILLIAM J. WALSH
Archives II Textual Reference Branch

Enclosures

Письмо У. Уолша одному из авторов этой книги



BRITISH DOCUMENTS ON FOREIGN AFFAIRS:

REPORTS AND PAPERS FROM THE FOREIGN OFFICE CONFIDENTIAL PRINT

GENERAL EDITORS
KENNETH BOURNE and D. CAMERON WATT

PART II

From the First to the Second World War

SERIES E
ASIA, 1914–1939

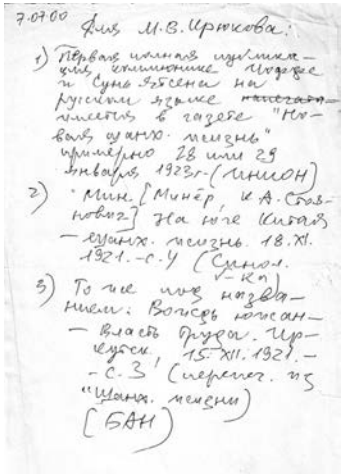
EDITOR
ANN TROTTER

Volume 24
China,
January 1921–May 1921

Документы из архива британского Форин Офис

В этой связи мы должны поблагодарить и ответственного сотрудника Национального архива США У. Уолша, способствовавшего поискам интересовавших нас документов.

Мы считаем своим долгом помянуть добрым тихим словом безвременно ушедшего из жизни большого знатока истории советско-китайских отношений, кандидата исторических наук Константина



Справка К. В. Шевелева о первых публикациях коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе на русском языке

Васильевича Шевелева, чьими консультациями и советами мы пользовались в процессе сбора материала, легшего в основу этой книги.

Неоценимой помощью в анализе социально-политических воззрений Сунь Ятсена мы обязаны выдающемуся отечественному китаеведу, уникальному специалисту по проблемам китайского национализма, ныне покойному доктору исторических наук Алексею Алексеевичу Москалеву. Его блестящее знание китайского языка общеизвестно, но его вклад в историческую науку представляется нам до сих пор еще недостаточно оцененным.

А. А. Москалев

А. И. Кобзев

Заведующий Отделом Китая Института востоковедения РАН доктор философских наук А. И. Кобзев не только любезно согласился быть ответственным редактором этой книги, но и предложил издать ее в качестве одного из выпусков «Ученых записок Отдела Китая», как это уже имело место с нашим предыдущим сочинением. В качестве ответственного редактора он сделал немало ценных замечаний по замыслу книги, которые были нами с благодарностью учтены и во многом стимулировали наше понимание предмета исследования и совершенствование системы доказательств.

В. Ц. Головачёв

Наш приятный долг — выразить благодарность талантливому китаисту-историку, заместителю директора Института востоковедения РАН В. Ц. Головачёву, который неизменно помогает нам

Р. Фельбер

в нашей работе, начиная со времен пребывания на Тайване более двадцати лет тому назад, когда еще только возникла идея создания этого исследования, вплоть до настоящего времени.

Чрезвычайно плодотворным в научном отношении было общение с нашим давнишним другом — известным немецким синологом Роландом Фельбером, автором нескольких неординарных работ о Сунь Ятсене. Мы познакомились с ним в Пекине, он часто подолгу останавливался у нас в Москве, а мы в Германии жили на его роскошной загородной даче под Берлином, собирая в лесу белые грибы и обсуждая с ним спорные вопросы истории Китая.

Исикава Тэйко

Большую помощь в поисках источников на японском языке оказал нам руководитель киотосского Центра по изучению новейшей истории Китая профессор Исикава Тэйко.

Хуан Шуин

Особая благодарность самому близкому нам человеку — Хуан Шуин, создававшей нам идеальные условия для работы и оказывавшей нам неоценимую помощь в поисках документов из архивохранилищ Пекина, Нанкина, Шанхая и Тайбэя.

Лю Юйфу

The last but not the least — слово нашей искренней благодарности профессору офтальмологии Лю Юйфу, который своим своевременным хирургическим вмешательством возвратил зрение одному из авторов этой книги. Нужно ли говорить о том, что без его помощи у нас не было бы шанса встретиться с вами, уважаемые читатели!

Глава I

Становление революционера

Взглянув на свою страну со стороны

В биографии Сунь Ятсена много «белых пятен» и загадочных эпизодов, интерпретируя которые специалисты спорят на протяжении столетия. Даже его элементарные анкетные данные содержат немало такого, что требует подробных комментариев.

Человек, родившийся в разное время в нескольких местах и известный под разными именами

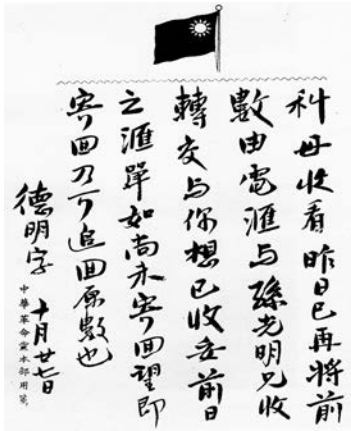
В силу ряда обстоятельств Сунь Ятсен сообщал заинтересованным лицам противоречивые сведения о том, где он родился. Было время, когда он под присягой заявлял, что это произошло в Гонолулу 24 ноября 1870 г., хотя до этого он утверждал, что он родом из Гонконга, а в своей автобиографии писал, что родился в Гуандуне 16 октября 1866 г.

Сунь Ятсен и в самом деле был уроженцем провинции Гуандун. Он родился 12 ноября 1866 г. в деревне Цуйхэнцунь (уезд Сяншань, совр. Чжуншань) недалеко от Гонконга и Макао.

Деревня Цуйхэнцунь

Место рождения у Сунь Ятсена было одно, а вот имен действительно хоть отбавляй.

До недавнего времени у китайца обычно было несколько имен: в раннем



«Дэмин» — подпись Сунь Ятсена под письмом жене от 27 октября 1914 г.

детстве он получал «молочное имя», позднее — «официальное», по достижении совершеннолетия — «второе».

В этом отношении Сунь Ятсен явно выделяется на фоне своих соотечественников: по некоторым подсчетам у него было около 30 различных имен![1]

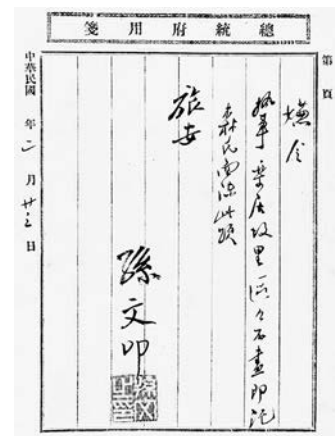
Его «молочным именем» было 帝象 Дисян (букв.: «[своим] обликом схожий с [Гуань]ди[2]»).

Так его называли в детстве, но тем же самым именем он продолжал пользоваться вплоть до юношеских лет: именно так Сунь Ятсена звали во время учебы в Гонконге, когда ему исполнилось 18.

Еще одним детским именем Сунь Ятсена было 德明 Дэмин («добродетельный и умный»); компонент «дэ» свидетельствовал о его родственных связях со старшим братом Сунь Мэем (Дэчжаном).

При крещении Сунь Ятсену было присвоено имя 日新 Жисинь («ежедневно обновляющийся»).

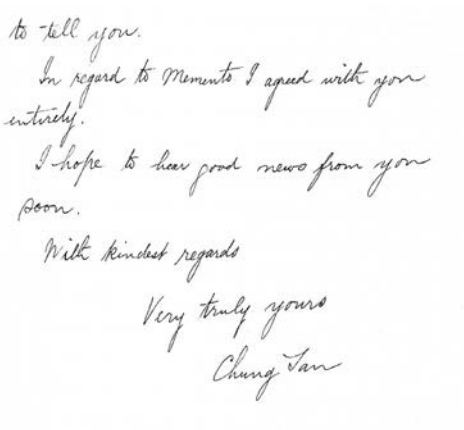
В кантонском диалекте 日新 звучало как *Yatsen*, и в качестве его иероглифического варианта Сунь Ятсен выбрал сочетание 逸仙 (стандартное произношение Исянь, значение — «удалившийся небожитель»). Оно и стало одним из наиболее часто употреблявшихся имен Сунь Ятсена наряду с его «официальным» 文 Вэнь («образованный»). У себя на родине он стал называть себя Сунь Вэнем, в Европе и Америке — Сунь Исянем (Сунь Ятсеном).



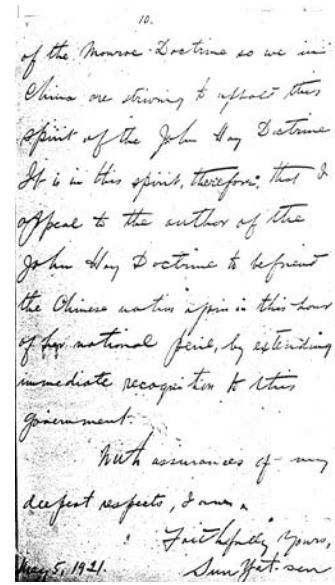
«Сунь Вэнь» — подпись Сунь Ятсена под письмом Шэн Сюаньхуаю от 23 февраля 1912 г.

[1] 尚明轩。孙中山的历程 (*Шан Минсюань.* Путь Сунь Ятсена). Пекин. 2001. С. 5.

[2] Обожествленный после своей смерти герой эпохи Троецарствия.


to tell you.
In regard to Memento I agreed with your entirely.
I hope to hear good news from you soon.
With kindest regards
Very truly yours
Chung San

«Чжуншань» — подпись Сунь Ятсена под письмом Дж. Буту от 8 ноября 1910 г.


10.
of the Monroe Doctrine so we in China are striving to appeal to the spirit of the John Hay Doctrine. It is in this spirit, therefore, that I appeal to the author of the John Hay Doctrine to befriend the Chinese nation in spirit in this hour of her national peril, by extending immediate recognition to this government.
With assurances of my deepest respects, I am,
Very truly yours,
May 5, 1921.
Sun Yat-sen

«Сунь Ятсен» — подпись Сунь Ятсена под письмом президенту США У. Гардингу от 5 мая 1921 г.

Но это было еще не всё. Сунь Ятсен долгие годы прожил в Японии в качестве политического эмигранта. Там он постоянно пользовался различными псевдонимами — Такано Ката, Хаяси Юкимити и пр.

В 1897 г. он по совету своего японского друга зарегистрировался в гостинице под именем Накаяма Кикори 中山樵 и в дальнейшем пользовался им во время пребывания в Японии. Позднее Сунь Ятсен стал употреблять этот псевдоним иначе: фамилия Накаяма в китайской огласовке «Чжуншань» стала его личным именем, и Сунь Ятсен таким образом превратился в Сунь Чжуншаня.

Именно как Сунь Чжуншань он вошел в историю Китая, хотя за рубежом, в том числе — в России, его продолжают называть Сунь Ятсеном.

Годы учебы

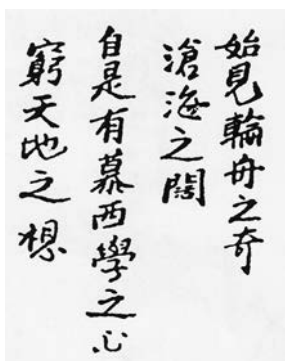
Три поколения предков Сунь Ятсена жили в относительном достатке, зарабатывая на хлеб крестьянским трудом. Его отец получил в наследство большой кирпичный дом, какие в ту пору строили себе только крепкие хозяева. Но потом семья обеднела.

Отец одно время был вынужден сапожничать в Макао (близкий друг Сунь Ятсена Чэнь Шаобай писал, что Сунь Дачэн был «мелким

Родители Сунь Ятсена:
отец Сунь Дачэн (1812–1888), мать Ян [...] (1852–1910)

торговцем»[1]). Когда старшему из братьев, Сунь Мэю, исполнилось 15 лет, он нанялся в работники к местному землевладельцу. Через два года в поисках лучшей жизни он отправился на Гавайи. Там ему повезло: он скопил немного денег и, купив участок земли на о-ве Мани, основал собственную ферму. Дела шли весьма успешно, и через некоторое время бывший батрак превратился в состоятельного предпринимателя, которого даже прозвали «королем Мани».

Летом 1879 г. тринадцатилетний Сунь Ятсен отправился за море навестить брата. Это путешествие стало для него открытием другого мира. Он не мог без волнения вспоминать об этом:



«Там я в первый раз увидел это чудо — пароход
и бескрайние просторы мирового океана...
Возмечтал познать заморскую науку
и понять, что скрыто между Небом и Землей!»

[1] 陈少白。兴中会革命史要 (*Чэнь Шаобай*. Краткий очерк революционной деятельности Союза возрождения Китая). Чунцин. 1941. С. 1.

Сунь Ятсен пробыл на Гавайях четыре года. Брат устроил его в лучшую приходскую школу в Иолани, где преподавание велось на английском языке.

Чжун Гунъюй (1865–1960)

Чжун Гунъюй, соученик Сунь Ятсена (он тоже был родом из Гуандуна и числился в списках учеников как Чунг Кунг Ай), вспоминал:

> В нашей группе первого класса было девять человек. Молодой гаваец по имени Поль преподавал нам основы английского, начиная с алфавита. Через несколько месяцев Поля сменил англичанин м-р Меррил. Ежедневно по утрам он учил нас *spelling*. Если кто-то из нас допускал ошибку, он делал запись у себя в журнале. После трех ошибок он трижды бил провинившегося своей линейкой по ладоням. За пять ошибок следовало более суровое наказание. М-р Меррил был строгим учителем. Когда по вечерам он проверял выполнение нами домашних заданий, никто не осмеливался произносить ни звука. После отбоя в общежитии наступала мертвая тишина. Иногда кое-кто из учеников-китайцев, погасив свет и улегшись на койку, тайком вновь зажигал лампу и читал, но это не ускользало от взоров епископа Уиллиса, и он немедля наводил порядок в спальне.[1]

Епископ Уиллис был попечителем школы. Он обратил внимание на смышленого парнишку и по мере того, как Сунь Ятсен овладевал основами английского, стал внушать ему основы христианской морали. Эти уроки не прошли даром.

Мемориальная доска на территории школы в Иолани

Через три года Сунь Ятсен успешно окончил школу.

На выпускной церемонии присутствовал Его

[1] *Chung Kung Ai.* My Seventy Nine Years in Hawaii. Hongkong. 1960. P. 55.

Последний король Гавайев Калакауа (1836–1891)

Величество король Гавайев Дэвид Калакауа, вручивший награды лучшим ученикам, и в их числе — Сунь Ятсену.

После этого Сунь Ятсен поступил в другое учебное заведение — колледж Оаху. Но его учеба там неожиданно прервалась.

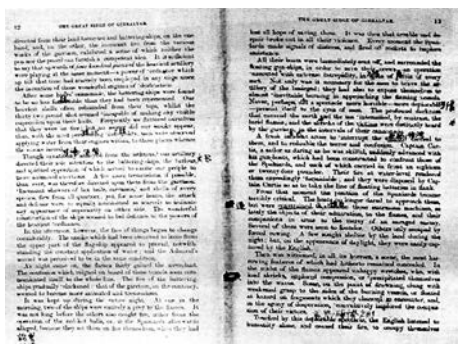
Увлечению Сунь Ятсена христианскими идеями воспротивился его брат, которому претила заморская религия. Поэтому он отправил своего младшего брата обратно на родину.

Сунь Ятсена неодолимо влекли заморские науки. Вскоре он едет в Гонконг и поступает в Квин колледж, где преподавание также, естественно, было на английском языке. Среди изучаемых дисциплин были европейская литература, латынь, история Англии, география и математика.

Об уровне требований, предъявлявшихся к учащимся, свидетельствуют, в частности, экзаменационные вопросы по географии:

1) Describe accurately the positions of Kiev, Stettin, Antwerp, Rouen, Malaga, Leghorn, Belgrade, Prague, Bergen, Helsingfors, Aberdeen, Cadiz, Cork and Bristol.

2) Classify the countries of Europe according to their religion.[1]



Страницы из учебника по истории Англии с пометками Сунь Ятсена

Сунь Ятсен, когда ему исполнилось 18 лет

[1] 黄宇和。三十岁前的孙中山 (*Хуан Юйхэ.* Сунь Ятсен, которому еще не исполнилось тридцать). Пекин. 2012. С. 276.

號數	姓名	年歲	受洗禮日期	原籍	現住	男女	經手牧者	別事	男女童自獻於主或名守聖賢日期	父母姓名
1	宋毓林			花縣	Removed		喜嘉理			
*2	孫日新			香山翠亨鄉	Benched		Dr. C. R. Hager	遊		
*3	八媽			省城	Removed			遊		
*4	陸中桂			香山翠亨鄉	Deceased			遊		
*5	唐雄			香山唐家						
*6	任顯德	小		香港						
*7	宋連好	小		〃 〃	Removed					
*8	宋江燔	小		〃 〃	Deceased			遊		
*9	周惠愛	小		〃 〃	〃			〃		
*10	任顯日	小		〃 〃	〃			〃		
11	陳仲重	宣房		惠平長灣村						
*12	宋嘉壽	小		香港				遊		
*13	宋氏			〃 〃	Removed			遊		
*14	邱開			南海西樵西城村	Dismissed					
*15	周維			香港	Deceased		俱全上	遊		

«Сунь Жисинь» был вторым в списке крещеных Хэйгером

В Гонконге в жизни Сунь Ятсена произошло событие, предотвратить которое всячески старался его брат на Гавайях: он был обращен в христианскую веру. Прямое отношение к этому имел американский миссионер Ч. Хэйгер.

Сунь Ятсен был обращен в христианство 4 мая 1884 г.

А 26 мая отец вызвал его домой, где всё было готово к свадьбе с Лу Мучжэнь — девушкой из соседней деревни. За этим последовал один странный эпизод: когда Сунь Ятсен вернулся в Гонконг, пастор Хэйгер принялся настаивать на том, чтобы они вдвоем съездили к нему домой, и вскоре эта поездка состоялась.

В чем тут было дело, объяснил биограф Сунь Ятсена Хуан Юйхэ.

Хэйгер считал, что поклонение табличке с именами предков — неотъемлемая часть традиционного китайского свадебного ритуала — противоречит христианским догматам, поскольку поклоняться можно только Всевышнему. Он выражал свое удовлетворение тем, что некоторые крещенные им китайцы отказывались совершать этот обряд.

Но Сунь Ятсена в их числе не было. Более того, накануне свадьбы он собственноручно возвел в доме новый алтарь предков и, судя по всему, признался в этом пастору. Выход из щекотливого положения Хэйгер увидел в том, чтобы поехать в родную деревню Сунь Ятсена и обратить в христианство его родителей и молодую жену.[1]

[1] *Хуан Юйхэ.* Сунь Ятсен, которому еще не исполнилось тридцать. С. 335–340.

Замысел Хэйгера не удался. Более того, он имел своим последствием большие неприятности для Сунь Ятсена.

Узнав о том, что его младший брат всё-таки принял христианство, Сунь Мэй велел ему срочно прибыть на Гавайи и устроил ему там выволочку с применением кулачных аргументов, объявив при этом, что лишает его прав на часть своей недвижимости, которую до этого обещал брату.

18-летний Сунь Ятсен был уже не в том возрасте, когда молча сносят побои. Он сорвал со стены изображение Гуаньди, выбросил его на помойку и хлопнул дверью. Его бывший соученик Чжун Гунъюй купил ему билет на пароход, и Сунь Ятсен вернулся в Гонконг. Несколько придя в себя после приступа гнева, Сунь Мэй продолжал оплачивать учебу Сунь Ятсена, и прежние отношения между братьями восстановились.[1]

По окончании Квин колледжа перед Сунь Ятсеном встал вопрос: какую профессию выбрать. Он избрал служение здоровью соотечественников и стал слушателем Гонгконгского медицинского училища.

Джэймс Кэнтли (1851–1926)

Сунь Ятсену повезло. В училище в это время преподавал Дж. Кэнтли — высококвалифицированный специалист и прекрасный педагог, по-отечески заботившийся о своих воспитанниках. По достоинству оценив то стремление к знанию, которое проявил Сунь Ятсен, он окружил его особым вниманием. Между учителем и учеником сложились отношения взаимного уважения и дружбы, которые они пронесли затем через всю свою последующую жизнь.

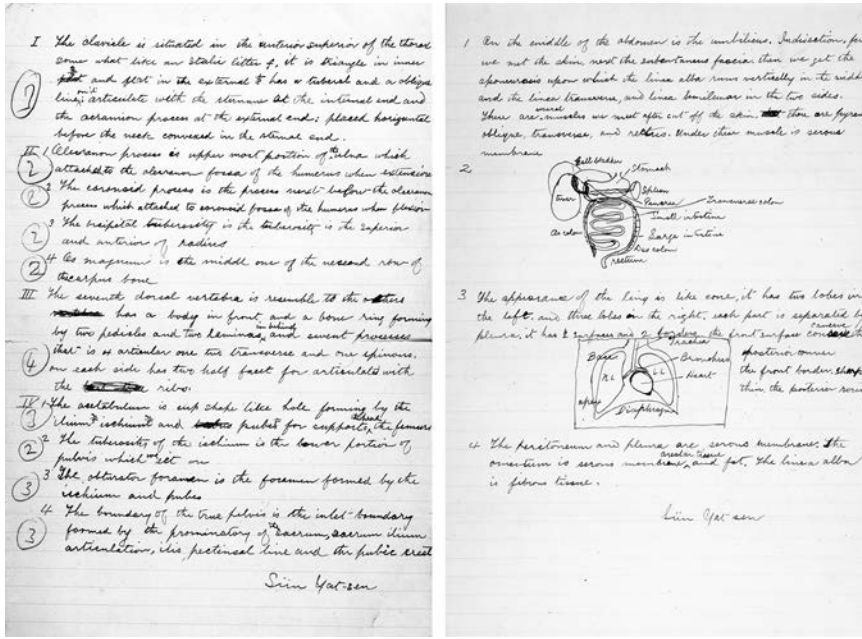
В 1892 г. Сунь Ятсен с отличием окончил медицинское училище и стал практикующим врачом-терапевтом.

В газете «Цзинхай цунбао» Сунь Ятсен опубликовал объявление, в котором сообщал о себе, о расписании приема в своей клинике и расценках за лечение. Он, в частности, писал:

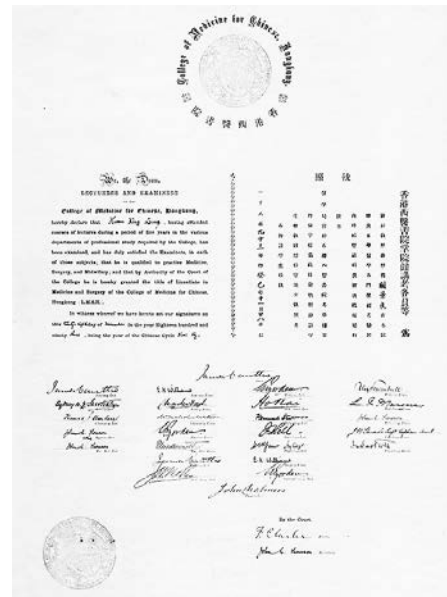
> Я — китаец, но практикую западную медицину. Я человек с добрым характером и обладаю обширными познаниями. Знаменитые врачи Англии и Америки помогли мне овладеть секретами профессии, в настоящее время я принимаю больных в клинике Цзинху, и на протяжении нескольких месяцев мои успехи впечатляющи.[2]

[1] Там же.

[2] 张磊。孙中山评传 (*Чжан Лэй.* Биография Сунь Ятсена). Гуанчжоу. 2000 (вклейка).



Экзаменационные работы Сунь Ятсена



Свидетельство об окончании медицинского училища соучеником Сунь Ятсена – Гуань Цзинляном

Но все эти годы были посвящены им не только изучению наследия Гиппократа.

В 1923 г., выступая в Гонконгском университете, Сунь Ятсен говорил:

> Истоки моего мировоззрения — здесь, в Гонконге. Как оно сформировалось? 37 лет тому назад, во время учебы в Гонконге, я в свободное время бродил по улицам, наблюдал чистоту и порядок, красивые здания и свидетельства постоянного прогресса, и это производило на меня неизгладимое впечатление. Два раза в год я возвращался в Сяншань. Различие между Сяншанем и Гонконгом было разительным. Жизнь здесь была благоустроена и безопасна. Там было всё наоборот. В своей деревне я вынужден был стать самому себе полицейским, постоянно заботясь о том, чтобы защитить себя. Между Сяншанем и Гонконгом всего-навсего 50 миль, почему же они так различаются между собой? Иностранцы смогли за 70–80 лет добиться на заброшенном острове таких успехов, а в Китае с его четырехтысячелетней культурой нет ни одного уголка, подобного Гонконгу. В чем причина?[1]

春滿鏡湖

大國手孫逸仙先生我華人而業西醫者也性情和厚學識精明向從英美
名師游洞窺秘奧現在鏡湖醫院贈醫數月甚著功効但每日除贈醫外向
有診症餘閒在
先生原不欲酌定醫金過為計較然而稠情致送義所應然今我同人為之
釐訂規條著明刻候每日由十點鐘起至十二點鐘止在鏡湖醫院贈醫不
受分文以惠貧乏復由一點鐘至三點鐘止在寫字樓候診三點鐘以後出
門就診其所訂醫金俱係減贈他如未訂各款要必審視其人其症不事奢
求務祈相與有成俾盡利物濟人之初志而已下列條目于左
一凡到草堆街中西藥局診症者無論男女送醫金貳毫晨早七點鐘起至
九點鐘止
一凡親自到仁慈堂右鄰寫字樓診症者送醫金壹員
一凡延往外診者本澳街道送醫金弍員各鄉市鎮遠近隨酌
一凡難產及吞服毒藥延往救治者按人之貧富酌議
一凡成年包訂每人歲送醫金五十員全家眷口不逾五人者歲送醫金百
員
一凡遇禮拜日十點鐘至十二點鐘在寫字樓種牛痘每人收銀壹員上門
種者每人收銀三員
一凡補崩口崩耳割眼膜癰疽癧瘰淋結等症屆時酌議
一凡奇難怪症延請包醫者見症再酌
一凡外間延請報明急症隨時速往決無遷延
一凡延往別處診症每日送醫金三拾員從動身之日起計
鄉愚弟 盧焯之 陳席儒 吳節薇 宋子衡 何穗田 曹子基 全啟

Объявление практикующего врача Сунь Ятсена в газете «Цзинхай цунбао»

Этот вопрос не давал Сунь Ятсену покоя.

«Четыре знаменитых бунтаря»

В Гонконге у Сунь Ятсена было несколько друзей-единомышленников, с которыми он проводил всё время, свободное от его учебных занятий.

Первого звали Чэнь Шаобай.

Уроженец Гуандуна, он был моложе Сунь Ятсена на три года. В 1890 г. их познакомил пастор Цюй Фэнчжи, а затем Сунь Ятсен представил его

---

[1] 孙中山。革命思想之产生 (*Сунь Ятсен.* Истоки революционных идей. Речь в Гонконгском университете 19 февраля 1923 г.) // ПССС. Т. 7. С. 115–117.

Чэнь Шаобай (1869–1934)

своему учителю Кэнтли, и Чэнь Шаобай поступил (правда, ненадолго) в тот же колледж, в котором учился Сунь Ятсен.

Оба приняли крещение, жили в одной комнате и стали названными братьями. Чэнь Шаобай отличался независимостью своих взглядов и остротой языка, что особенно ценил в нем Сунь Ятсен. В дальнейшем на протяжении десяти с лишним лет Чэнь Шаобай оставался ближайшим соратником Сунь Ятсена.

Вторым был Ю Ле, связанный с тайными обществами Гуандуна. В 1921 г. он, между прочим, стал советником президента Суня.

Ю Ле (1866–1936)

Третий — Ян Хэлин — родом из той же деревни, что и Сунь Ятсен, и они поэтому были знакомы с детства. Ян Хэлин пошел по стопам своего отца и держал в Гонконге лавку, ставшую местом постоянных встреч друзей. Там они обсуждали политические проблемы, критиковали правительство, и приказчики в шутку называли их «четырьмя знаменитыми бунтарями».

Ян Хэлин (1868–1934)

«Четыре знаменитых бунтаря» (сидят слева направо: Ян Хэлин, Сунь Ятсен, Чэнь Шаобай и Ю Ле; за ними стоит Гуань Цзинлян)

Неожиданный интерес к агрономии

Сунь Ятсен стал дипломированным врачом, но за годы учебы в Гонконге постепенно приходил к убеждению, что ради блага Родины должен лечить свою страну, а не ее жителей. Однако каким путем можно было осуществить эту миссию?

Сунь Ятсена, равно как и других его собратьев-«бунтарей», увлекал образ их земляка Хун Сюцюаня, возглавившего антицинское Тайпинское восстание, и Сунь Ятсен даже называл себя «вторым Хун Сюцюанем»[1].

В то же время у него перед глазами был и иной пример — Япония, успешно осуществившая реформы государственного строя и в исторически кратчайшие сроки буквально ворвавшаяся в число передовых стран мира.

Хэ Ци — идейный наставник д-ра Суня

Помимо Джеймса Кэнтли среди гонконгских учителей Сунь Ятсена была еще одна личность, общение с которой оказало несомненное воздействие на формирование его мировоззрения.

Этим человеком был Хэ Ци (в кантонском произношении — Хо Кай), основатель Гонконгского медицинского колледжа, проживший десять лет в Англии, получивший там высшее образование по двум специальностям — юриспруденции и медицине, после возвращения домой ставший одним из наиболее влиятельных общественных деятелей Гонконга.

Хэ Ци (1859–1914)

В 1887 г. гонконгская газета «China Mail» опубликовала статью известного китайского дипломата Цзэн Цзицзэ «Спящий и пробуждающийся Китай», в которой он высказывал мысль о том, что спасение Китая — в создании мощного современного флота.

Хэ Ци откликнулся на эту публикацию. С его точки зрения, беды Китая заключались не в слабости его армии, а в пороках политического строя. Поэтому

[1] *Чэнь Шаобай.* Очерк революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 4.

Китай нуждается в реформах, которые охватывали ли бы все стороны его жизни.[1]

Вскоре после этого Хэ Ци (в соавторстве с Ху Лиюанем) обосновал свою программу реформ в книге «Мысли об обновленном управлении».

Обложка книги Хэ Ци и Ху Лиюаня «Мысли об обновленном управлении»

Сунь Ятсен пишет Чжэн Цзаожу

Первым известным нам документом, в котором Сунь Ятсен изложил свои суждения о путях спасения Китая, является его открытое письмо к отставному сановнику Чжэн Цзаожу, бывшему послу в Японии и Соединенных Штатах, земляку Сунь Ятсена. Оно было в свое время опубликовано в малоизвестном журнале «*Хаотоу юэкань*». Его текст был обнаружен историком Хуан Янем.[2]

Хуан Янь

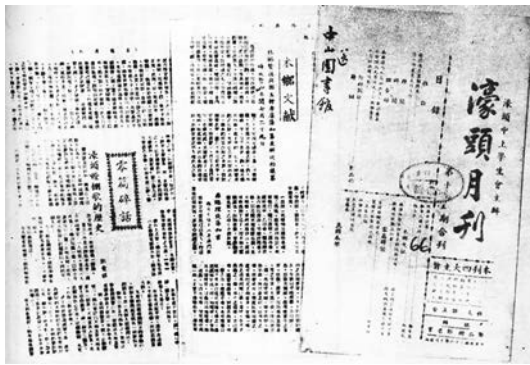
Письмо к Чжэн Цзаожу не датировано, но автор упоминает в нем о том, что ему 24 года. Это значит, что оно было написано в 1889 г. или в 1890 г., в зависимости от того, указал ли Сунь Ятсен свой реальный возраст или по китайской традиции добавлял к нему один год. Так или иначе, это письмо было написано в то время, когда Сунь Ятсен учился в медицинском колледже.

В своем письме Сунь Ятсен прежде всего касается вопроса об упадке сельского хозяйства в его родном уезде: «Посмотрите на горы к юго-востоку — это голые склоны, на которых можно было бы высадить деревья и получать от этого доход, но никто не занимается этим. Крестьяне только рубят деревья, но не сажают их!» С большим сожалением Сунь Ятсен упоминает о том, что в его краях

[1] Подробно см.: 杨世宁。略论港人何启对孙中山早年的影响 (*Ян Шинин.* О влиянии, оказанном на молодого Сунь Ятсена гонконгцем Хэ Ци) // Гуанси миньцзусюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). Т. 19. 1998. № 10. С. 32.

[2] 黄彦。谈谈孙中山致郑藻如书 (*Хуан Янь.* О письме Сунь Ятсена Чжэн Цзаожу) // 黄彦。孙中山研究和史料编纂 (*Хуан Янь.* Исследования о Сунь Ятсене и публикация источников). Гуанчжоу. 1996. С. 14-28.

никто не занимается разведением шелкопряда. Он призывает власти использовать опыт Запада для возрождения китайского земледелия.



Ежемесячник «Хаотоу юэкань»

Второй вопрос — производство опиума и торговля им, что наносит непоправимый вред здоровью простых людей. Поэтому насущная задача власть имущих — запретить опиекурение.

Еще одна проблема — необходимость распространения всеобщего образования. Ныне положение в стране таково, что семь-восемь человек из десяти остаются неграмотными, а среди женщин нет ни одной из ста, знающей иероглифы. Можно ли после этого удивляться отсутствию в Китае талантов, упадку нравов и слабости государства?

По мнению Сунь Ятсена, затронутые им вопросы «имеют первостепенное значение для Поднебесной и государства». Сначала следует решить их в масштабе их родного уезда, после чего его примеру последуют и другие уезды. Стоит только одному человеку бросить клич, и к нему присоединится добрая сотня. Тем самым будет обретена польза и искоренен вред. Это обернется счастьем не только для их уезда, но и для всей страны.

Он заканчивает свое письмо словами: «Я возлагаю большие надежды на то, что Вы будете пропагандировать высказанные идеи. Намерены ли Вы приступить к этому?»[1]

Общение с Чжэн Гуаньином

Идеи, изложенные в письме к Чжэн Цзаожу, Сунь Ятсен развил в эссе «Достоинства земледелия», которое он передал еще одному своему земляку — известному стороннику реформ Чжэн Гуаньину, а тот включил это сочинение в свою нашумевшую книгу «Призыв к процветанию».

Чжэн Гуаньин (1842–1921)

[1] Там же. С. 15–17.

В этом эссе Сунь Ятсен, помимо всего прочего, высказал несколько неожиданное суждение о том, что для борьбы с опиекурением нужно сначала вытеснить импортное зелье местным, и для этого следует пропагандировать посадки опиумного мака.

В своей книге Чжэн Гуаньин писал о Сунь Ятсене:

> Уроженец нашего уезда врач западной медицины Сунь Цуйси, прекрасно разбирающийся в растениеводстве, имеет опыт разведения в Сяншане опиумного мака, и [получаемый из него опиум] по своему качеству не отличается от индийского. Озабоченный тем, что способы выращивания мака могут быть еще далеки от наиболее современных, [Сунь] намерен отправиться в Европу, чтобы овладеть новыми методами и применить их, вернувшись на родину.[1]

香山鄭陶齋先生著
盛世危言

Первое издание «Призыва к процветанию»

Идею относительно расширения посевов опиумного мака в Китае Сунь Ятсен заимствовал у Чжэн Гуаньина, который впервые высказал ее еще в 1873 г.[2] и позднее неоднократно возвращался к ней.

Чжэн Гуаньин активно способствовал следующему шагу, который намеревался предпринять Сунь Ятсен, — встретиться с могущественным

[1] 郑观应。盛世危言 (*Чжэн Гуаньин.* Призыв к процветанию) // 郑观应集 (Собрание сочинений Чжэн Гуаньина). Т. 1. Шанхай. 1982. С. 737.

[2] 郑观应。拟自禁鸦片烟论 (*Чжэн Гуаньин.* О запрещении опиекурения) // Собрание сочинений Чжэн Гуаньина. Т. 1. Шанхай. 1982. С. 19.

Ли Хунчжан (1823–1901)

сановником Ли Хунчжаном и вручить ему свои соображения о проведении реформ в Китае.

Сунь Ятсен не случайно адресовал свое послание именно Ли Хунчжану, а не какому-то другому высокопоставленному сановнику. В 1888 г. Дж. Кэнтли предложил Ли Хунчжану занять почетную должность попечителя медицинского колледжа в Гонконге, и тот с благодарностью принял это приглашение[1], а после того, как в 1892 г. Сунь Ятсен закончил колледж, Кэнтли рекомендовал его и еще одного своего воспитанника Ли Хунчжану, хотя это и не имело реальных последствий.[2]

Послание Ли Хунчжану

Тот факт, что в 1894 г. двадцативосьмилетний Сунь Ятсен написал письмо Ли Хунчжану, изложив в нем свои суждения о необходимости проведения реформ в Китае, хорошо известен. Однако до сих пор существует несколько версий того, при каких обстоятельствах это произошло.

Рекомендательные письма

Ближайший друг д-ра Суня Чэнь Шаобай впоследствии писал по этому поводу:

> Однажды, когда я был в Гонконге, а он в Кантоне, из его аптеки вдруг пришло письмо, в котором говорилось: «Г-н Сунь куда-то исчез, в аптеке невозможно вести расчеты, и в кассе осталось 10 юаней с небольшим».
>
> Получив это письмо, я отправился в Кантон, чтобы вместо него заниматься делами в аптеке. Прошло уже немало дней, а никаких новостей не было, и я начал не на шутку волноваться. А 16-го числа он вдруг появился, держа в руках большой свиток, похожий на какой-то документ.

[1] *Хуан Юйхэ.* Сунь Ятсен, которому еще не исполнилось тридцать. С. 503.

[2] *Cantley N. and G. Seaver.* Sir James Cantley: A Romance of Medicine. London. 1939. P. 79.

Комната, в которой была написана петиция Ли Хунчжану

Увидев меня, он стал извиняться. «Куда ты исчез?» — спросил я его. «Не спрашивай об этом!» — отвечал он, но развернул бумагу, которую держал в руках. Я взял ее и обнаружил, что это — петиция Ли Хунчжану. Только после этого я узнал, что он вернулся к себе в деревню Цуйсянцунь, затворил двери и занялся сочинительством.

Он попросил меня отредактировать написанное, и я кое-что исправил в тексте. После этого он не стал заниматься аптекой, а отбыл в Шанхай, чтобы отправить письмо Ли Хунчжану. <...> Приехав в Шанхай, г-н Сунь встретился с одним уроженцем уезда Сяншань, автором сочинения «Призыв к процветанию» Чжэн Гуаньином (его второе имя — Таочжай) и рассчитывал с его помощью встретиться с Ли Хунчжаном.

В доме у Таочжая он случайно познакомился с Ван Тао <...>. Ван Тао в свое время помогал в Гонконге английскому миссионеру Леггу переводить древнекитайские классические книги. Возвращаясь в Англию, д-р Легг пригласил Ван Тао поехать вместе с ним, и тот прожил в Англии несколько лет. Вернувшись в Гонконг, он стал издавать газету «*Сюньхуань жибао*», а затем возвратился в Шанхай. Он пользовался широкой известностью, великолепно разбирался в том, что происходит в мире, да к тому же был человеком, связанным с тайпинами. Поэтому увидев его в доме Таочжая, г-н Сунь словно встретился со старым знакомым. Он показал

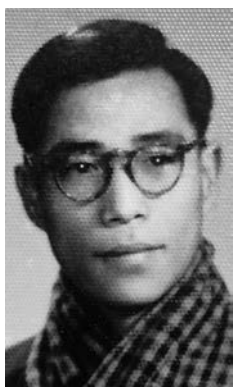
Ван Тао (1828–1897)

Ван Тао свое сочинение и обсуждал с ним написанное, а Ван Тао внес в текст еще кое-какие исправления. В то время у Ван Тао был знакомый, занимавший должность письмоводителя при Ли Хунчжане. Ван Тао написал ему и представил ему г-на Суня с тем, чтобы тот отправился в Тяньцзинь, встретился с этим почтенным человеком и выяснил с ним, нельзя ли нанести визит Ли Хунчжану. Г-н Сунь был чрезвычайно рад этому и прибыл в Тяньцзинь, чтобы повстречаться с этим человеком.

В это время вспыхнула китайско-японская война, начались ожесточенные бои, и Ли Хунчжан отбыл в Лутай для инспектирования войск. <...>

Прошение г-на Суня было передано Ли Хунчжану. Прочитал ли его Ли Хунчжан, неизвестно, но позднее он сказал: «Вот кончится война, тогда можно будет встретиться». Узнав об этом, г-н Сунь понял, что его намерение неосуществимо, и, крайне расстроенный, вернулся в Шанхай.[1]

Сообщение Чэнь Шаобая заслуживает внимания, но в то же время требует некоторых уточнений. В частности, помимо рекомендательного письма, написанного Ван Тао, Сунь Ятсен привез в Тяньцзинь еще несколько писем, адресованных одному из подчиненных Ли Хунчжана — Шэн Сюаньхуаю, который, как полагал Сунь Ятсен, мог организовать его встречу со своим шефом.



Шэнь Вэйбинь (1937–2015)

В 1988 г. профессор Шэнь Вэйбинь нашел в Шанхайской городской библиотеке эти рекомендательные письма, написанные по просьбе Сунь Ятсена Вэй Хэном, Шэн Чжоухуаем и Чжэн Гуаньином.

Письмо Вэй Хэна было адресовано младшему брату Шэн Сюаньхуая — Шэн Чжоухуаю. Получив на руки это письмо, Сунь Ятсен направился в Шанхай, где в это время находился Шэн Чжоухуай, и тот в свою очередь написал брату. После этого Сунь Ятсен навестил Чжэн Гуаньина, который также согласился рекомендовать его Шэн Сюаньхуаю.[2]

Встречался ли Сунь Ятсен с Ли Хунчжаном?

[1] *Чэнь Шаобай.* Краткая история революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 10–12.

[2] 沈渭滨。1894年孙中山谒见李鸿章一事的新资料 (*Шэнь Вэйбинь.* Новые данные о визите Сунь Ятсена к Ли Хунчжану в 1894 г.) // 辛亥革命史丛刊 (Материалы по истории Синьхайской революции). Т. 1. С. 88–94.

Вопрос о том, состоялась ли встреча Сунь Ятсена с Ли Хунчжаном или нет, не вполне ясен.

По словам Чэнь Шаобая, Ли Хунчжан не принял Сунь Ятсена. Некоторые авторы не только настаивали на обратном, но даже сообщали, о чем тогда шла речь.

Ху Цюйфэй в биографии Сунь Ятсена, изданной в 1928 г., писал:

> Прибыв в Пекин, [Сунь Ятсен] на свой страх и риск нанес визит Ли Хунчжану и доверительно обсуждал с ним факты жестокости и коррупции Пекинского правительства, утверждая, что революцию нельзя дальше откладывать <...>. Ли Хунчжан отказался [принимать в ней участие], заявив: «Я знаю, что революция неизбежна, но мне уже 79 лет, я стар и слаб, и от меня мало проку. Надежда на вас, будущее Китая зависит от вас, а я буду содействовать вам!»[1]

Правда, спустя несколько лет Ху Цюйфэй признал, что Сунь Ятсен «намеревался встретиться с Ли Хунчжаном, но это ему не удалось»[2], а это равнозначно признанию в том, что вышеприведенное изложение разговора Суня и Ли являлось плодом воображения автора.

Иначе о том, что якобы сказал Ли Хунчжан Сунь Ятсену, писал Лян Ханьцао:

> Еще не прочитав петицию, представленную ему Отцом Государства, Ли Хунчжан произнес с чувством собственного превосходства: «Дела Поднебесной — вещь серьезная. Вам, молодым, понять это не дано!» Выйдя от него, Отец Государства был вне себя от гнева и, сверкая глазами, сказал Тан Шаои: «Я считал, что Ли Хунчжан чего-то стоит, а сейчас вижу, что это не так. Он не в состоянии осуществить мои предложения. Я сам займусь этим!»[3]

Еще одна версия, автором которой был Гуй Чунцзи:

> «Как тебя зовут?» — спросил Ли Хунчжан у Сунь Ятсена. «Сунь Вэнь», — ответил Сунь Ятсен. В то время он говорил с сильным кантонским акцентом и «Вэнь» прозвучало у него как «Мэнь». Услышав это, Ли Хунчжан сказал: «Да ты нормативного языка не знаешь, а еще хочешь стать чиновником!» <...> Выйдя во двор, Сунь Ятсен обругал Ли Хунчжана, назвав его бюрократом.[4]

---

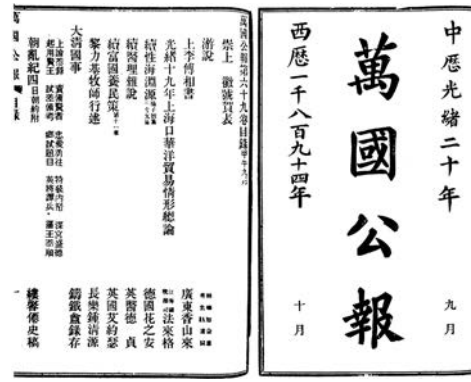
[1] 胡去非。孙中山传 (*Ху Цюйфэй.* Биография Сунь Ятсена). Шанхай. 1928. С. 7.

[2] 胡去非。总理事略 (*Ху Цюйфэй.* Коротко о вожде). Шанхай. 1937. С. 21.

[3] 万世风范的国父 (Великий Отец Государства) // Синьшэнбао, 11 ноября 1965 г.

[4] 桂崇基。中山先生见李鸿章 (*Гуй Чунцзи.* Встреча Сунь Ятсена с Ли Хунчжаном) // Чжуаньцзи вэньсюэ. 1983. Т. 42. № 6. С. 48.

Так или иначе, текст петиции увидел свет в шанхайском журнале «*Ваньго гунбао*» за 1894 г.


中歷光緒二十年　九月
萬國公報
西歷一千八百九十四年　十月

Журнал, в котором было опубликовано письмо Сунь Ятсена Ли Хунчжану

В своей петиции Сунь Ятсен подробно остановился на четырех задачах, решение которых позволило бы Китаю, по его мнению, в течение 20 лет догнать самые развитые страны Запада:

> Итак, если люди могут полностью проявлять свои таланты, то все начинания процветают; если земля может приносить наибольшую пользу, то народу хватает пищи; если вещи могут найти исчерпывающее применение, то материальные средства имеются в изобилии; если товары могут беспрепятственно обращаться, то средств достаточно. Вот почему я говорю, что эти четыре условия — первопричина богатства и могущества, основа управления государством. И только после того как будут выполнены эти четыре условия, мы сможем усовершенствовать законы управления страной, придать размах нашим делам, укрепить войско, сохранить вассальные владения и догнать Европу.[1]

Снова об опиумном маке

При этом подробнее всего автор говорил о модернизации земледения, в том числе — о переходе к выращиванию опиумного мака:

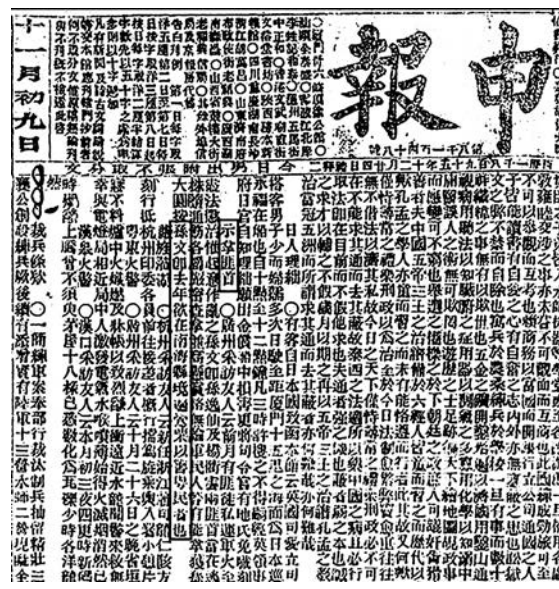
> Недавно, глубоко возмущенный отказом англичан договориться с нами о запрещении опиекурения, я посоветовал нашим земледельцам заняться разведением опиумного мака. В прошлом году это было испробовано на земле, свободной от земледельческих культур, причем оказалось, что головки такого мака ничем не отличаются от индийских, дающих опиум, соответствующий требованиям казны, и что от каждого му земли можно получить доход в десятки золотых. Теперь уже все стали подражать этому, каждый двор пробует сеять мак. Нынешней зимой посев мака на земле, свободной от земледельческих культур, несомненно, увеличится, что не мешает нивам и вместе с тем восполняет нехватки в хозяйстве, оказываясь,

[1] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М. 1964. С. 56.

таким образом, на какое-то время удачным выходом. Когда в дальнейшем это дело распространится, мы, вне сомнения, сможем полностью получать ту выгоду, которую ныне разведение опиума приносит Индии, ибо запах и вкус нашего опиума еще лучше, чем у опиума, поступающего в казну, и с ним не сравним сычуаньский или юньнаньский. Те несколько цзиней, которые мы произвели прошлой зимой, были нарасхват раскуплены и выкурены любителями. Доходы, приносимые ныне индийским опиумом, станут, несомненно, нашими. А когда индийский опиум будет вытеснен, англичане и сами запретят торговлю опиумом и не будут стремиться ввозить его; когда Англия запретит торговлю опиумом, мы сможем перестать сажать мак, отдадим приказ о запрещении опиекурения, и великое зло, существующее уже столетие, исчезнет в самое короткое время. Мои советы разводить мак фактически являются началом запрещения опиекурения.[1]

Идея Сунь Ятсена относительно того, что запрещение опиекурения следует начать с расширения посадок опиумного мака, стала притчей во языцех многих китайских газет.

Так, шанхайская «Шэньбао» на протяжении нескольких последующих лет при каждом упоминании о Сунь Ятсене подчеркивала, что речь идет именно о «том Сунь Вэне, который намеревался заняться выращиванием опиумного мака, что стало бы бедствием для жителей Гуандуна».



Одно из такого рода упоминаний в «Шэньбао» от 24 декабря 1895 г.

[1] Там же. С. 61–62.

Кто был создателем и руководителем Союза возрождения Китая?

Согласно версии, которой до недавнего времени придерживалось большинство суньятсеноведов, а многие из них продолжают придерживаться поныне, Сунь Ятсен, потерпев неудачу со своей петицией Ли Хунчжану и разочаровавшись в возможности проведения в Китае радикальных реформ, отправился на Гавайи и в 1894 г. основал там революционную организацию под названием «Союз возрождения Китая», а в 1895 г. возглавил в Кантоне первое восстание против маньчжурского правительства.

Однако многие аспекты этой версии, долгое время казавшейся бесспорной, на самом деле требуют дополнительного исследования.

Сунь Ятсен опровергает ранее сказанное им

В 1897 г. Сунь Ятсен опубликовал в Лондоне на английском языке книгу, в которой касался событий, приведших его в Англию. Это сочинение было тогда же переведено на русский язык и опубликовано в журнале «Русское богатство». Позднее перевод был в своем первоначальном виде включен в «Избранные сочинения» Сунь Ятсена.[1]

Свое повествование Сунь Ятсен начинал с 1892 г., когда после окончания медицинского колледжа занялся врачебной практикой в Аомэне (Макао), а затем вынужден был перебраться в Кантон.

> Но, еще будучи в Аомыне, узнал я впервые о существовании политического движения, которое наиболее подходящим образом можно определить названием ***партии «Молодого Китая»***.[2] Цели ее были так разумны, так умеренны и так много возбуждали надежд, что все мои симпатии стали сразу на ее сторону, и я пришел к убеждению, что самое лучшее, что я смогу сделать в интересах моей родины, это присоединиться к партии. Основная мысль состояла в том, чтобы мирным путем реформировать Китай; мы надеялись, что, почтительно представивши трону умеренный план реформ, мы тем самым откроем эру нового управления, более соответствующего современным потребностям. <...>

[1] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М. 1964. С. 67–104.

[2] Здесь и ниже выделено нами.

При таком кошмаре, нависшем над Китаем, введение в нем реформ может иметь шансы на успех лишь в том случае, если они исходят от трона; ***партия «Молодого Китая»*** и была основана с целью побудить трон изменить это пагубное положение дел. Рассчитывая, что пекинские власти благодаря своему более широкому общению с иностранцами приобрели кое-какие представления о европейских порядках, я решился, вместе с другими, обратиться к ним, умоляя их самым почтительным образом сделать шаг в этом направлении ради блага Китая. Наши ходатайства имели, однако, лишь один результат: многие из петиционеров были подвергнуты суровым наказаниям. <...>

Обжегшись на мирных средствах, мы стали определеннее в наших идеях и требованиях и постепенно пришли к убеждению, что для успеха дела неизбежно прибегнуть к некоторой доле принудительности. Мы находили поддержку всюду. Высшие классы были недовольны неудачами нашей армии и флота и отлично понимали, что причиною этих неудач были продажность и хищения в самых худших формах. Это чувство недовольства не ограничилось какою-либо одной местностью, но было широко распространено, шло далеко вглубь и обещало найти себе определенное выражение в решительных действиях.

Главная квартира ***партии «Молодого Китая»*** была в сущности в Шанхае; но местом действия назначен был Гуанчжоу.

Некоторые обстоятельства помогли успеху партии.

Во-первых, недовольство солдат. С окончанием в 1895 году войны на севере три четверти гуанчжоуских войск были распущены. Это выкинуло на улицу огромное количество праздных, распущенных людей, причем меньшинство оставшихся на службе были так же недовольны, как и распущенные. Их общий крик был: либо всех распускайте, либо всех оставляйте на службе! Но власти были глухи ко всем крикам. ***Партия реформы*** успела заручиться симпатиями этих недовольных и таким образом значительно увеличила численно свои военные средства. <...> Недовольные сделались еще недовольнее, и, когда ***партия «Молодого Китая»*** сделала первые шаги к сближению, они охотно присоединились к приверженцам реформ. <...> И богатые люди, и «ученые» оказались в числе недовольных и тоже примкнули к ***«Молодому Китаю»***.

Все эти обстоятельства доставили партии большую силу, широкое влияние и значительно сплотили ее, но вместе с тем привели все дело слишком скоро к развязке. План состоял в том, чтобы овладеть городом Гуанчжоу и низложить существующие власти, захватив их врасплох и по возможности без шума или по крайней мере без кровопролития.[1]

[1] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. Т. 1. С. 69–73.

Но спустя 20 лет Сунь Ятсен опроверг свои собственные слова, приведенные выше:

> С первого года Республики литераторы и ученые разных стран создали не менее тысячи разнообразных работ о китайской революции. Характерно, что большинство их представляет собой пересказ сведений, услышанных от посторонних лиц: авторы, за редким исключением, не имели возможности ознакомиться с подлинными фактами революции. Особенно это касается ее начального периода, описывая который авторы, как правило, вынуждены были заимствовать факты лишь из первой главы моих «Записок о лондонских злоключениях». Однако события в ней изложены весьма схематично и кратко, двадцать с лишним лет назад победа революции в Китае представлялась еще весьма проблематичной, и, хотя я в то время находился в столице Англии, мне все же приходилось о многом умалчивать. Так, я не смел признаться, что являюсь основателем «Союза возрождения Китая», что основная задача Союза — свержение маньчжурской династии. Сейчас я специально оговариваю это в интересах установления истины.[1]

Перед нами — один из тех редких случаев, когда Сунь Ятсен во всеуслышание признавал, что сказал или написал неправду. Но когда он отклонился от истины — в «Записках» или в «Учении Сунь Ятсена»? Это отнюдь не праздный вопрос, потому что вторая версия его ранней революционной деятельности далека от объективного изложения бесспорных фактов.

Сунь Ятсен признавался, что во время своего пребывания в Лондоне ему «приходилось о многом умалчивать», к чему его побуждали обстоятельства. Тогда он, по его словам, умалчивал об одном, а в 1918 г., в чем нам нетрудно убедиться самим, счел нужным умолчать о другом — в частности, о своем послании Ли Хунчжану, утверждая при этом: «Лишь в 1885 году, после поражения Китая в войне с Францией, я твердо решил бороться за свержение Цинской династии и установление Республики»[2].

Утверждение, что основной задачей Союза возрождения Китая было свержение маньчжурской династии, также не соответствует действительности. В «Декларации Союза возрождения Китая» говорилось:

> Уже не первый день ржа разъедает Китай! Верхи погрязли в косности и бесчестии, выдают пороки за добродетели, преисполнены чванства и кичливости; низы пребывают в темноте и невежестве, и редкий способен проникать мыслью в будущее. После недавнего позора, покрывшего нашу

[1] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 256–257.

[2] Там же. С. 257.

страну, и разгрома, постигшего армию, враг отторг вассальные владения и угрожает рубежам отечества. Некогда величественному Китайскому Государству нет достойного места среди соседних держав, а культура и обычаи наши снискали презрение иноплеменников. Может ли это не вселять тревогу в сердца мужей чести? А ведь с нашим 400-миллионным огромным населением, с нашей необъятной землей в десятки тысяч ли Китай, несомненно, мог бы расправить крылья и гордо стоять, не зная себе равных в мире. Однако презренные рабы навлекли на родину такую беду, причиняют народу такой вред, что, единожды оступившись, мы не можем воспрянуть. Ныне сильные соседи окружили страну; они смотрят на нас глазами тигра, нацелились, словно ястреб, на добычу, с вожделением зарятся на наши рудные богатства, на обилие производимых у нас продуктов. И если до сих пор они, подобно червям, объедали нашу землю, как акулы, глотали кусок за куском, то теперь готовы разрезать Китай, как тыкву, разделить на доли, как бобы. Всякий, в чьей груди бьется честное сердце, не может сдержать крика боли и спешит избавить наш народ от страшных бедствий, поддержать наш великий Китай и не дать ему пасть окончательно. Вот почему собираемся мы в «Союз», чтобы возродить Китай, вот для чего объединяем талантливых и мужественных, чтобы совместно прийти к нему на помощь, избавить его от страданий и утвердить наше Китайское Государство. Мы надеемся, что единомышленники не пощадят своих сил ради этой великой цели![1]

Современные исследователи согласны с тем, что «Декларация», ратуя за превращение Китая в сильное государство, вовсе не призывала к свержению маньчжурской династии.[2]

Еще один спорный вопрос заключается в том, что в первом случае Сунь Ятсен говорил о «партии Молодого Китая» и не упоминал о Союзе возрождения Китая, а во втором всё было наоборот. Означало ли это, что «партия Молодого Китая» и Союз возрождения Китая — одна и та же организация?

«Избранным произведениям» Сунь Ятсена были предпосланы вступительная статья С. Л. Тихвинского и предисловие от редакции, в котором, в частности, говорилось: «Для облегчения чтения произведений Сунь Ятсена редакция сочла необходимым дать краткие примечания о встречающихся в тексте собственных именах, исторических событиях, китайских философских терминах и т. д., не упоминаемых во вводной статье».[3]

[1] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 64-65.

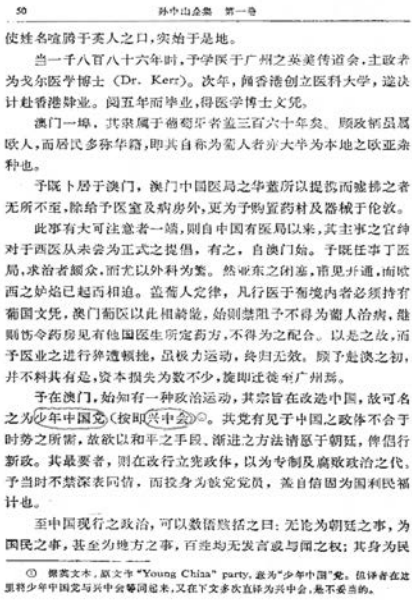
[2] Подробно см.: 黄彦 С. 63–65.

[3] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 42.

Во вводной статье ничего не говорилось о «партии Молодого Китая», но и какого-либо примечания, поясняющего, что это была за партия, в публикации также нет.

Другими словами говоря, читателю было предоставлено право самому решить, чему верить: сказанному Сунь Ятсеном в 1897 г. или 20 лет спустя.

Ответить на вопрос, какому из двух этих описаний отдать предпочтение, отечественный читатель мог бы, если бы имел возможность обратиться к переводу соответствующего раздела воспоминаний Сунь Ятсена на китайский язык, осуществленному Гань Юнлуном в 1912 г.[1] и позднее включенному в «Полное собрание сочинений Сунь Ятсена». При первом упоминании «Young China» party переводчик пояснил в скобках: 少年中国党 (按即兴中会) «Партия Молодого Китая (т. е. Союз возрождения Китая)».[2]



50 孙中山全集 第一卷

使姓名喧腾于美人之口，实始于是地。

当一千八百八十六年时，予学医于广州之英美传道会，主政者为戈尔医学博士（Dr. Kerr）。次年，倾香港创立医科大学，遂决计赴香港肄业。阅五年而毕业，得医学博士文凭。

澳门一埠，其隶属于葡萄牙者盖三百六十年矣。顾政柄虽属欧人，而居民多称华籍，即其自称为葡人者亦大半为本地之欧亚杂种也。

予既卜居于澳门，澳门中国医局之华董所以提携而嘘拂之者无所不至，除给予医室及病房外，更为予购置药材及器械于伦敦。

此事有大可注意者一端，则自中国有医局以来，其主事之官绅对于西医从未尝为正式之提倡，有之，自澳门始。予既任事于医局，求治者颇众，而尤以外科为繁。然亚东之闭塞，甫见开通，而欧西之妒焰已起而相迫。盖葡人定律，凡行医于葡境内者必须持有葡国文凭，澳门葡医以此相龄龁，始则禁阻予不得为葡人治病，继则饬令药房见有他国医生所定药方，不得为之配合。以是之故，而予医业之进行殊遭顿挫，虽极力运动，终归无效。顾予赴澳之初，并不料其有是，资本损失为数不少，旋即迁徙至广州焉。

予在澳门，始知有一种政治运动，其宗旨在改造中国，故可名之为少年中国党（按即兴中会）①。其党有见于中国之政体不合于时势之所需，故欲以和平之手段、渐进之方法请愿于朝廷，俾倡行新政。其最要者，则在改行立宪政体，以为专制及腐败政治之代。予当时不禁深表同情，而投身为彼党党员，盖自信固为国利民福计也。

至中国现行之政治，可以数语赅括之曰：无论为朝廷之事，为国民之事，甚至为地方之事，百姓均无发言或与闻之权；其身为民

① 据英文本，原文作"Young China" party，意为"少年中国"党。但译者在这里将少年中国党与兴中会等同起来，又在下文多次直译为兴中会，是不妥当的。

Переводчик воспоминаний Сунь Ятсена поставил знак равенства между «Young China» party и Союзом возрождения Китая

Составители «Полного собрания сочинений Сунь Ятсена» не были согласны с этой точкой зрения, о чем и сообщили читателю в примечании к тексту. Однако редактор издания «Сунь Ятсен. Мои воспоминания», увидевшего свет в 2004 г., остался на позициях первого перевода, учитывая, по-видимому, тот факт, что ближайшие соратники Сунь Ятсена (в том числе Цзоу Лу и Ху Ханьминь) поддерживали версию, отожествляющую «Young China» party с Союзом возрождения Китая[3].

Еще один неясный момент. По словам Сунь Ятсена, он не

[1] 孙大总统自述伦敦被难记 (Записки о злоключениях в Лондоне, изложенные президентом Сунь Ятсеном). Шанхай. 1912.

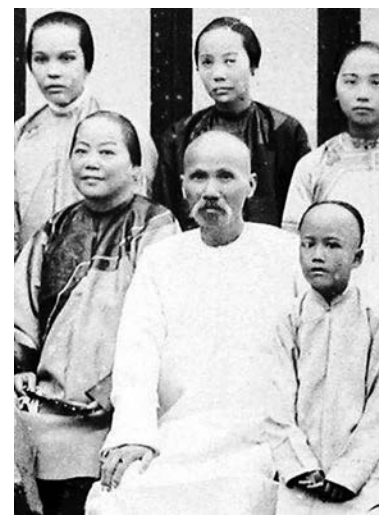
[2] 孙中山全集 (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 1. С. 50.

[3] 孙中山。我的回忆 (*Сунь Ятсен.* Мои воспоминания). Ухань. 2004. С. 19.

упомянул в своих воспоминаниях о том, что был основателем Союза возрождения Китая потому, что счел это небезопасным в условиях, когда победа революции представлялась еще весьма проблематичной. Но этим никак нельзя объяснить, почему он утверждал в «Записках», что «главная квартира партии “Молодого Китая” была в сущности в Шанхае», хотя сам он в то время в Шанхае не находился.

Чэнь Сяопин предлагает ответ на эти вопросы

Именно это обстоятельство побудило профессора Чэнь Сяопина заняться более детальным изучением истории создания Союза. В 2014 г. было опубликовано его исследование, в котором он пришел к выводу, что создателем Союза был не Сунь Ятсен, а уже известный читателю реформатор Чжэн Гуаньин.[1]



Чжэн Гуаньин со своей семьей

С Чжэн Гуаньином Сунь Ятсена познакомил его близкий друг Лу Хаодун, отец которого был компаньоном Чжэна. Летом 1893 г. д-р Сунь часто встречался со своим новым знакомым — в Макао, куда приезжал Чжэн Гуаньин, и в Шанхае, где он постоянно жил.[2]

Лу Хаодун (1868–1895)

В результате этих встреч Чжэн Гуаньин включил статью Сунь Ятсена в первое издание своего сочинения «Призыв к процветанию» и рассказал там об опытах по разведению опиумного мака, предпринимавшихся ее автором.

Но во втором издании книги, представленном императору Гуансюю 20 апреля 1895 г.

[1] 陈晓平。郑观应创造了兴中会？(*Чэнь Сяопин*. Союз возрождения Китая был основан Чжэн Гуаньином?) // Наньфан чжоумо, 24 января 2014 г.

[2] 郑观应年谱长编 (Хронологическая канва жизни и деятельности Чжэн Гуаньина). Т. 1. Шанхай. 2009. С. 348.

Обложка «Призыва к процветанию» (второе издание)

и получившем высочайшее одобрение, Чжэн Гуаньин снял упоминание имени Сунь Ятсена, заменив его абзацем: «Ныне на востоке провинции Гуандун есть некто, практикующий западную медицину».[1]

Что же произошло? Почему Чжэн Гуаньин, активно способствовавший организации встречи Сунь Ятсена с Ли Хунчжаном, не воспользовался редкой возможностью упомянуть о своем протеже, обращаясь прямо к императору?

Более того, Чжэн Жуньшэнь (сын Чжэн Гуаньина) сообщил интервьюеру, что его отец иногда одалживал Сунь Ятсену деньги, получая от него расписки, но потом уничтожил их все вместе с письмами д-ра Суня.[2]

Размышляя над этим, Чэнь Сяопин обратил внимание на то, что после возвращения весной 1895 г. с Гавайев Сунь Ятсен послал Чэнь Шаобая к Чжэн Гуаньину, и они вели в Шанхае длительные переговоры. О чем тогда шла речь, неизвестно. Но Чэнь Сяопин предположил, что поездка Чэнь Шаобая была связана с тем, о чем писал Сунь Ятсен: «Мы стали определеннее в наших идеях и требованиях и постепенно пришли к убеждению, что для успеха неизбежно прибегнуть к некоторой доле принудительности». Это и было началом решительных расхождений с Чжэн Гуаньином, принципиально не признававшим насильственных способов преобразования существующего строя.

В связи с этим встает вопрос: какого рода организации были созданы им в 1894 г. на Гавайях и в 1895 г. в Гонконге и в Кантоне?

На Гавайях, в Гонконге и Иокогаме

Если встать на изложенную выше нетрадиционную точку зрения, то есть основания предположить, что в 1894 г. на Гавайях Сунь Ятсен создал не Союз возрождения Китая, а его местный филиал, по своей про-

[1] Второе издание «Призыва к процветанию» хранится ныне в пекинском музее Гугун.

[2] 郑观应年谱长编 (Хронологическая канва жизни и деятельности Чжэн Гуаньина). Шанхай. 2009. С. 384.

грамме продолжавший линию шанхайской штаб-квартиры и делавший ставку не на насильственное свержение маньчжурского правительства, а, как и прежде, на умеренные реформы.

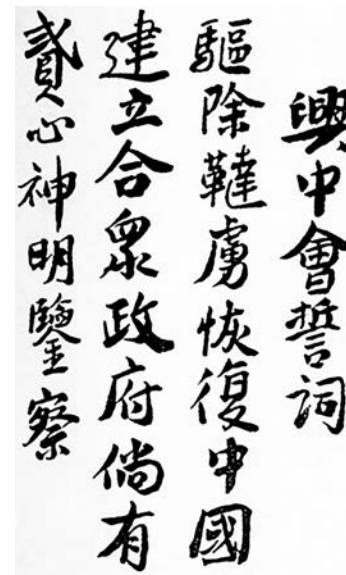
На первый взгляд этот вывод может быть опровергнут содержанием клятвы, которую, как полагают, давали на Гавайях вступающие в Союз. Они клали левую руку на раскрытую Библию, поднимали вверх другую и произносили:

> [Мы клянемся] изгнать варваров, восстановить Китай, создать республиканское правительство, а если изменим [своему слову], пусть святые духи покарают нас!

У нас нет оснований подвергать сомнению подлинность текста этой клятвы, но мы вправе задать вопрос: был ли он составлен в 1894 г. на Гавайях или же появился на более позднем этапе истории Союза?

В пользу второго предположения говорит тот упомянутый выше факт, что в «Декларации [гавайского филиала] Союза возрождения Китая» речь о свержении маньчжурского правительства вооруженным путем не шла.

О том, что это был именно филиал «Союза», свидетельствует, на наш взгляд, следующий факт. На его учредительном собрании руководителем был избран вовсе на Сунь Ятсен, а некто Лю Сян, заместителем которого стал Хэ Куань[1]. Ни тот ни другой в деятельности Союза заметной роли не сыграли (Лю Сян вскоре вышел из него).



Текст клятвы вступающего в Союз возрождения Китая

Создание гавайского филиала Союза, как и учреждение аналогичной организации, например, в Иокогаме[2], было незначительным событием в истории Союза, и именно поэтому Сунь Ятсен не упоминал в своих воспоминаниях ни о том ни о другом.

В феврале 1895 г. произошла реорганизация Союза в результате его слияния с руководимым Ян Цюйюнем обществом Фужэнь вэньшэ.

[1] *Schiffrin H.* Sun Yatsen and the Origines of the Chinese Revolution. Berkeley and Los Angeles. 1968. P. 51.

[2] Ibid. P. 100, 102.

Ян Цюйюнь (1861–1901)

Ян Цюйюнь — незаслуженно забытый политический деятель Китая, сыгравший существенную роль в истории китайской революции. Именно он, а не Сунь Ятсен, был первым, выдвинувшим лозунг низвержения маньчжурской династии и учреждения в Китае республики.

Обновленный Союз возрождения Китая сохранил свое прежнее название, но принял новую платформу; разногласий по этому поводу не возникало. Ожесточенные споры начались по другому вопросу: кому — Сунь Ятсену или Ян Цюйюню — надлежало возглавить организацию и, соответственно, стать президентом республики после победы революции.

О накале страстей говорит хотя бы тот факт, что верный последователь д-ра Суня Чжэн Шилян предложил физически устранить Ян Цюйюня.[1] До кровопролития дело не дошло, но консенсус не был достигнут. В конце концов верх одержал Ян Цюйюнь, и Сунь Ятсену пришлось проглотить пилюлю.

Ян Цюйюнь оставался руководителем Союза вплоть до 1900 г. Зримым свидетельством тому является снимок, сделанный в 1898 г. в Японии, где после неудачи Кантонского восстания оказались заговорщики.

На этой фотографии Ян Цюйюнь (в первом ряду второй справа) сидит рядом с основателем общества Кокурюкай, а Сунь Ятсен скромно стоит за их спиной.

Ян Цюйюнь и Сунь Ятсен с японскими коллегами

[1] *Чэнь Шаобай.* Краткая история революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 38.

Спустя много лет Чан Кайши, которому попалась на глаза эта фотография, готов был заплатить баснословную сумму за негатив, чтобы уничтожить его.[1]

Стоять за спиной сидящего лидера Отцу Государства не подобало.

Кантонское восстание

Первым вооруженным выступлением Союза возрождения Китая против маньчжурского правительства стало восстание в Кантоне. О том, как оно готовилось, мы сегодня можем судить на основании весьма разнообразных источников — воспоминаний Сунь Ятсена, Чэнь Шаобая и видного деятеля Союза Се Цзуаньтая[2], донесений консула в Гонконге Б. Бренона, публикаций английских журналистов — корреспондентов газет «Hongkong Telegraph», «China Mail» и «Overland China Mail» (приложения к «China Mail»).

Хара Кэй (1856–1921)

В 1984 г. к ним добавилась публикация двух документов из архива Хары Кэя, бывшего в то время заместителем министра иностранных дел Японии, — донесений аккредитованного в Гонконге консула Накагавы Цунэдзиро[3]. В них упоминались столь неожиданные факты, что эти документы были тут же переведены на китайский язык и опубликованы[4], хотя все же так и не вызвали должной реакции исследователей, так как их и в самом деле трудно комментировать.

---

[1] 蒋介石100万大洋封杀一张照片(Чан Кайши был готов заплатить миллион долларов за одну фотографию для того, чтобы уничтожить ее) // https://www.360kuai.com/pc/ 9394fb 1869 d653b65?cota=3&kuai_so=1&sign=360_57c3bbd1&refer_scene=so_1.

[2] О нем см., в частности: 張佩貞。谢缵泰研究 (*Чжан Пэйчжэнь.* Исследование [жизни и деятельности] Се Цзуаньтая). Магистерская диссертация. Гонконгский университет. 1997.

[3] 原敬关系文书 (Документы из архива Хары Кэя). Т. 2. Переписка. Токио. 1984. С. 392–393, 395–396.

[4] 中川恒次郎报告孙中山革命活动的信 (Донесения Накагава Цунэдзиро о революционной деятельности Сунь Ятсена) // Лиши данъань.1986. № 3.

Комбинация насильственных и мирных средств

1 марта 1895 г. японского консула Накагаву посетил Сунь Ятсен.

Встреча началась с курьеза. Сунь Ятсен отрекомендовался: «Я — врач западной медицины, моя фамилия Сунь, зовут меня Вэнь» (孙名文 *Сунь мин Вэнь*). Японец, по-видимому, не слишком хорошо владевший китайским языком, счел, что посетителя зовут Сунь Минвэнь, о чем и сообщил в Токио, — явное свидетельство того, что в то время имя Сунь Ятсена было еще совершенно неизвестно широкой аудитории.

Накагава написал Харе, что «Сун Минвэнь» был примерно одного с ним возраста, знал английский язык и «кажется, был христианином». Он поделился с консулом конфиденциальной информацией: в Китае готовится восстание с целью свержения правительства и он — один из руководителей заговора. А на вопрос о том, что за организация стоит за этим, ответил буквально следующее:

> Наша партия называется «Союз возрождения Китая», в ней состоят также члены тайных обществ, но сколько всего человек она объединяет, сказать трудно <...>.
>
> Во главе — уроженец Хайнаня провинции Гуандун Кан Цзучжи (конфуцианец, произведения его запрещены), бывший консул в Кобэ У (официального имени его не знаю, а второе имя Ханьтао), сын Цзэн Цзицзэ, всего четыре человека. Однако, кто будет президентом после успешного завершения [восстания], пока еще не решено.[1]

Кан Ювэй (1858–1927)

Под «сыном Цзэн Цзицзэ» Сунь Ятсен имел в виду Цзэн Ганцзюня — внука известного сановника, палача Тайпинского восстания Цзэн Гофаня. Насколько известно, он никогда не состоял членом Союза. И уж тем более непонятно, как руководителем этой организации мог оказаться «конфуцианец с острова Ханьнань», один из самых известных китайских реформаторов Кан Цзучжи — Кан Ювэй[2].

Можно, разумеется, предположить, что в преддверии восстания Сунь Ятсен умыш-

[1] Документы из архива Хары Кэя. Т. 2. С. 392–393.

[2] То ли Сунь Ятсен, то ли Накагава допустили ошибку: Кан Ювэй был уроженцем не о-ва Хайнань, а уезда Наньхай.

公車上書記
光緒乙未冬

Текст петиции Кан Ювэя

ленно наводил тень на плетень. Но некоторые обстоятельства делают более предпочтительным иное объяснение.

Как раз в то время, когда Сунь Ятсен встречался с Накагавой, в Шанхае по его распоряжению Чэнь Шаобай нанес визит Кан Ювэю и рассказал ему о далеко идущих планах Союза. Беседа, в которой принимал участие Лян Цичао, продолжалась несколько часов. По словам Чэнь Шаобая, Кан Ювэй положительно реагировал на услышанное.[1] Не исключено, что получив от Чэнь Шаобая сообщение об этом, Сунь Ятсен истолковал происшедшее как согласие Кан Ювэя присоединиться к выступлению Союза и, опережая события, сообщил об этом японскому консулу.

Однако Кан Ювэй предпочел идти своим путем. В мае 1895 г. он представил императору Гуансюю свою петицию с предложением радикальных реформ.

Замысел восстания был необычен. По словам Сунь Ятсена, «план состоял в том, чтобы овладеть городом Гуанчжоу и низложить существующие власти, захватив их врасплох и по возможности без шума или ***по крайней мере без кровопролития***» (здесь и ниже выделено нами. — *В.К., М.К.*)[2].

[1] *Чэнь Шаобай.* Краткая история революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 63.

[2] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 73.

Помимо Кан Ювэя, готовя выступление, Союз постарался привлечь к разработке своих планов других известных реформаторов, в том числе бывшего наставника д-ра Суня Хэ Ци, и преуспел в этом.

Хэ Ци был посвящен в планы кантонской акции за полгода до начала восстания — в марте 1895 г.[1]. Он посещал тайные встречи руководителей Союза, и именно благодаря его усилиям намерения заговорщиков обрели поддержку со стороны гонконгских англоязычных средств массовой информации.

Вскоре в газете «China Mail» появился вполне определенный намек на готовившееся выступление:

> Намерение ***революционеров***, не принадлежащих к тайным обществам и объединенных исключительно желанием ***реформировать*** правительство <...>, заключается в том, чтобы осуществить переворот ***по возможности мирными средствами***.[2]

За этим последовало более детальное изложений целей восстания, свидетельствующее о том, что в этом отношении среди членов Союза и сочувствующих не было единства взглядов: маньчжурская династия будет свергнута и «нелепые косы, сами по себе являющиеся символом рабства, исчезнут», однако «***учреждение республики не предполагается***» и «центральное правительство, по мысли ***реформаторов***, будет представлено императором и тремя государственными министрами».[3]

29 августа на совещании руководителей Союза Хэ Ци выступал в дискуссии о будущем «Временном правительстве», а журналист «China Mail» Томас Рэйд там же обещал приложить все силы к тому, чтобы заговорщики могли заручиться симпатией и поддержкой народа и правительства Великобритании[4]. Но ни он, ни другой журналист Чесни Дункан из газеты «Hongkong Telegraph» в этом не преуспели: последний получил от колониальной администрации официальный репримand за свои попытки восстановить рядовых китайцев против «дружественного» правительства.[5]

Наконец, буквально накануне восстания в гонконгской прессе появилось упоминание о том, что опубликованный Хэ Ци памфлет вызвал оживленную реакцию читающей публики, в результате чего «поползли

---

[1] *Tse Tsan Tai.* The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. Hong Kong. 1924. P. 9.

[2] China Mail*,* March 12, 1895.

[3] Overland China Mail, March 20, 1895.

[4] *Tse Tsan Tai.* The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. P. 9.

[5] Ibid.

слухи о грядущем ***насильственном перевороте*** с целью свержения династии и принятия новой конституции ***в духе, предложенном д-ром Хэ***».[1]

Анализируя эти сообщения, Г. Шифрин пришел к выводу, что «по всей вероятности, Хэ Ци оказал влияние на Сунь Ятсена и Ян Цюйюня, убедив их отказаться от цели провозглашения республики или во всяком случае скрыть ее от иностранного сообщества, которое могло быть обеспокоено более радикальной программой».[2]

В этой связи возникает один не вполне ясный вопрос о том, какова была подоплека создания Сунь Ятсеном летом 1895 г. Агрономического общества. В его декларации фигурировали идеи, уже высказывавшиеся Сунь Ятсеном ранее, — важность просвещения, необходимость перенять у Запада передовую технику сельского хозяйства и т. д.

Шифрин считал, что это была своего рода вывеска, которая должна была замаскировать истинные цели революционеров.[3] Однако в свете всего вышесказанного не исключено, что, готовя вооруженное выступление в Кантоне, Сунь Ятсен в то же время продолжал свои штудии в области сельского хозяйства, которые должны были расчистить путь к преобразованию Китая.

Еще одна деталь. Накануне Кантонского восстания Сунь Ятсен обратился за помощью к своему земляку Лю Сюэсюню, разбогатевшему на темных финансовых операциях.

Рассказывая в 1931 г. об общении с Сунь Ятсеном, Лю Сюэсюнь сообщил интервьюеру, что они встретились после длительной разлуки и д-р Сунь посвятил собеседника в планы выступления в Кантоне. Лю Сюэсюнь отнюдь не был воодушевлен этой перспективой, заметив, что до подписания мирного договора в Симоносеки еще можно было бы рассчитывать на успех, а сейчас шанс окончательно упущен. Тем не менее Сунь Ятсен вдруг сделал Лю Сюэсюню неожиданное предложение: «А что вы скажете, если я выдвину вас в руководители нашего движения?»

Лю Сюэсюнь вежливо отказался, а Сунь Ятсен завершил разговор словами: «И всё-таки подумайте об этом!»[4]

---

[1] Overland China Mail, October 16, 1895.

[2] *Schiffrin H.* Sun Yat-sen and the Origines of the Chinese Revolution. P. 77.

[3] Ibid. P. 63.

[4] 苑书义。评鲜为人知的 «总理事实访问记» 兼论孙中山与刘学询的关系 (*Юань Шуи.* По поводу малоизвестного «Интервью о некоторых фактах из жизни вождя» и о взаимоотношениях Сунь Ятсена с Лю Сюэсюнем) // Чжунго цзиньдайши. 2007. № 11. С. 139–140.

Заграница нам поможет

В ходе подготовки к восстанию в Кантоне Сунь Ятсен впервые прибег к стратегическому приему, ставшему впоследствии неотъемлемым элементом его революционной деятельности. По его убеждению, любая силовая акция, направленная на изменение существующего строя, может быть успешной лишь в том случае, если она опирается не только на моральную, но и на материальную поддержку из-за рубежа.

В отличие от подачи петиций, вооруженные выступления против властей требовали больших средств на приобретение оружия и боеприпасов. Отчасти эту проблему можно было решить за счет пожертвований китайских иммигрантов за рубежом, и Сунь Ятсен, понимая это, приложил немало усилий к сбору средств среди своих соотечественников. Насколько можно судить по Уставу гавайского филиала Союза возрождения Китая, именно это было одной из главных обязанностей его членов (из 9 пунктов Устава 3 имели отношение к финансовым вопросам[1]). Незадолго до начала восстания несколько членов Союза распродали свое недвижимое имущество. Но их доброхотные даяния все же не могли решить проблему. Поэтому Сунь Ятсен был первым среди китайских революционеров, кто принял неординарное решение — обратиться за помощью к правительствам зарубежных стран.

Первая попытка в этом направлении была предпринята Сунь Ятсеном 1 марта 1895 г. во время его визита к японскому консулу в Гонконге.

Накагава сообщил в Токио, что «Сунь Минвэнь» с ходу поинтересовался, может ли Япония предоставить заговорщикам 25 000 ружей и 1 000 револьверов.

В ответ консул заявил, что подобные вопросы не входят в круг его обязанностей, поскольку он занимается исключительно проблемами торговли и не вмешивается в политику, добавив многозначительно: «Однако ваши намерения заслуживают поощрения».[2]

Слова Накагавы были восприняты руководителями Союза как положительный ответ дипломата на изложенную ему просьбу. 16 марта Се Цзуаньтай записал в дневнике:

> Через японского консула мы заручились неофициальной поддержкой правительства Японии.[3]

---

[1] 檀香山兴中会章程 (Устав гавайского Союза возрождения Китая) // ПССС. Т. 1. С. 19–20.

[2] Накагава — Харе, 4 марта 1995 г. // Документы из архива Хары Кэя. Т. 2. С. 392.

[3] *Tse Tsan Tai.* The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. Hongkong. 1924. P. 21.

Но в действительности консул писал Харе:

> В наши дни образованные китайцы, которые знакомы с ситуацией в мире, крайне недовольны действиями своего правительства, в особенности коррупцией. Однако требования этих деятелей сомнительны, а среди их руководителей нет выдающихся личностей, обладающих опытом и пользующихся авторитетом. К тому же они разобщены. Поэтому даже если ими разработаны планы и методы, нет уверенности в том, смогут ли они добиться успеха. С давних времен выступления крестьян в Китае постепенно перерастали в восстания, но после их начала никогда не было уверенности, чем они закончатся.
>
> Тем более — такие молодые люди, как Сунь Минвэнь! Он неопытен, и на него трудно положиться.
>
> Но всё же эти люди в самом деле крайне недовольны правительством и взяточничеством наместника-китайца Ли Ханьчжана[1]. Кроме того, хотя член конституционного совета Хэ Ци выступает против нашего вмешательства, другие надеются на то, что наша страна окажет им помощь. <...>

Общий вывод, к которому пришел Накагава:

> Китайская армия сосредоточена на Севере, где она оказывает сопротивление нам, а если эти люди поднимут восстание на Юге, [для китайского правительства] оно будет ударом в спину. Это один из способов ослабить его силы![2]

После этого Сунь Ятсен несколько раз навещал консула, напоминая ему, что китайские революционеры рассчитывают на помощь со стороны Японии и уже транспортируют оружие из Макао в Кантон.

«Однако он не посвятил меня в их внутренние дела и не сообщил даже численность их организации», — добавлял Накагава. По его словам, у него было такое ощущение, что, слушая Сунь Ятсена, он словно читает роман «Речные заводи». Поэтому общий вывод был весьма неутешителен для заговорщиков:

> Объявление провинциями Гуандун и Гуанси независимости и создание республики, о чем говорит Сунь Минвэнь, — это всего лишь неосуществимые мечты![3]

План создания пятой колонны в тылу китайских войск несколько запоздал. Исход войны был предрешен, и японское правительство утратило интерес к обсуждению вопроса об оказании помощи южнокитайским повстанцам.

---

[1] Наместник провинций Гуандун и Гуанси Ли Ханьчжан (старший брат Ли Хунчжана) был смещен с должности 14 апреля 1895 г.

[2] Накагава — Харе, 4 марта 1995 г. // Документы из архива Хары Кэя. Т. 2. С. 393.

[3] Накагава — Харе, 17 апреля 1895 г. // Там же. С. 395–396.

Потерпев неудачу, Сунь Ятсен попробовал обратиться с аналогичной просьбой к германскому генеральному консулу в Гонконге д-ру Кнаппе[1], но безрезультатно.

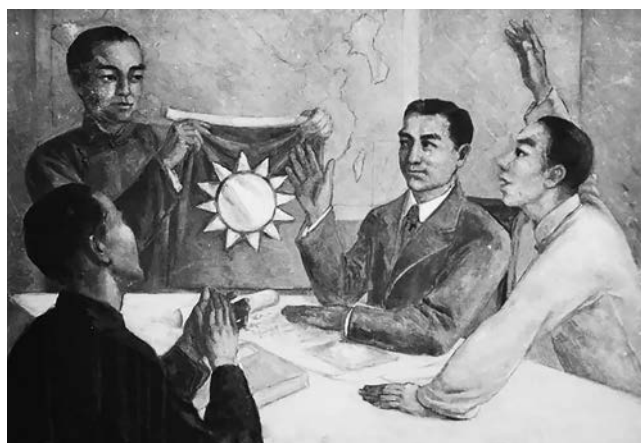
Тем не менее было решено начать действовать.

Восстание терпит поражение, еще не начавшись

В последний момент по эскизному рисунку Лу Хаодуна было изготовлено знамя — белое солнце на фоне синего неба.

Рассказывая о том, как развивались дальнейшие события, Сунь Ятсен писал:

> Чтобы покончить дело одним ударом, сочтено было необходимым употребить подавляющую силу. Согласно этому два отряда были пущены в дело: один — из Сватоу, другой — с берегов Западной реки <...>.
>
> Было условлено, что в известный день в октябре 1895 г. эти отряды направятся к Гуанчжоу, один — с юго-запада, другой — с северо-востока. Всё шло хорошо, и отряды начали наступление. Комитет приверженцев реформ то и дело собирался для обсуждения дел; в главной квартире был образован склад оружия, боевых припасов и динамита. Отряды солдат, шедших к Гуанчжоу, должны были быть подкреплены четырьмя сотнями человек из Сянгана. Наконец, наступил канун назначенного дня. Южный отряд был приостановлен в четырех часах марша от города. Стража в сто



Лу Хаодун демонстрирует знамя восстания

[1] MacDonald to Salisbary, October 19, 1895 // Public Record Office, Colonial Office Records. 129/274.

человек в полном вооружении поставлена была вокруг помещения комитета. Около тридцати скороходов были разосланы ко всем недовольным города с предупреждением быть готовыми к действию на следующее утро.[1]

Чэнь Шаобай вспоминал впоследствии, что в это утро 26 октября он поднялся еще до рассвета и поспешил в комитет. Сунь Ятсена там еще не было. Все с нетерпением ждали сообщений. Судно из Гонконга должно было пришвартоваться в 6 часов, но пробило 8, а никаких новостей не поступало. Наконец появился Сунь Ятсен, у него в руках была телеграмма. Ян Цюйюнь сообщал из Гонконга: «Товар не может быть доставлен».[2]

Всё предприятие было расстроено. Воротить разосланных скороходов было невозможно, а найти других, знающих квартиры недовольных, было негде.

Дальнейшие известия показывали всё яснее и яснее невозможность продолжать дело, и вот, наконец, поднялся крик: «Спасайся кто может!» Распространилась паника, жглись бумаги, пряталось оружие, в Сянган полетели телеграммы, останавливающие выступление тамошнего контингента.

Но первая телеграмма достигла сянганского агента, когда все наши люди были уже на пароходе, который вез также несколько бочонков с револьверами.

Вместо того чтобы отозвать людей, агент оставил их продолжать путь, и они высадились на гуанчжоуской пристани затем только, чтобы немедленно быть арестованными. Предводители восстания бежали кто куда.[3]

Сунь Ятсен добавлял:

Сам я, попадая несколько раз в положения, в которых судьба моя висела на волоске, сел, наконец, на паровой баркас, который и доставил меня в Аомынь. Пробыв там сутки, я отправился в Сянган. <...> Через два дня я сел на японский пароход и высадился в Кобэ.[4]

В отличие от других, Лу Хаодун не покинул Кантон, а остался в городе, чтобы оказать помощь товарищам.

Он был арестован, но отказался выдать своих соратников, и его казнили 7 ноября 1895 г.

---

[1] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 74.

[2] *Чэнь Шаобай.* Краткая история революционной деятельности Союза возрождения Китая. С. 39.

[3] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 74.

[4] Там же. С. 74–75.

В сообщении газеты «Цзинхай цунбао» о неудаче Кантонского восстания давалась положительная оценка деятельности Сунь Ятсена

Тем временем спасшиеся руководители Союза занялись взаимными обвинениями в виновности за неудачу восстания.

Сунь Ятсен во всем винил Ян Цюйюня:

> Ты захотел стать президентом, я тебе не перечил. Ты сказал, что прибудешь в Кантон последним, я согласился с этим. Почему же ты не прибыл, когда настало время? Потом я послал тебе телеграмму, чтобы

> ты не приезжал, а ты через день прислал ни много ни мало 600 человек и всё испортил. Наши планы стали известны, и люди погибли! Ты узнал об этом и сбежал. На что это похоже! Объяснись, иначе я тебе этого не прощу!

Но ближайшие друзья Ян Цюйюня были иного мнения.

Хуан Юншан утверждал, что ответственность за поражение несет Сунь Ятсен, и заявлял, что после всего случившегося он не хочет иметь с ним ничего общего.[1]

А Се Цзуаньтай высказывался еще более определенно: «После первой неудачи в Кантоне я понял, что́ собой представляет Сунь Ятсен, и составил себе представление о его способностях и вообще о нем как человеке».[2]

Современные историки приходят к выводу, что и Сунь Ятсен, и Ян Цюйюнь допустили в решающий момент серьезные просчеты, приведшие к поражению восстания[3]

Кантонское восстание потерпело поражение. Но ретировавшиеся из Кантона руководители Союза наконец узнали, как по-китайски следует называть то дело, которому они решили отныне посвятить всю свою жизнь.

Чэнь Шаобай вспоминал:

> Прибыв в Кобэ, мы купили японскую газету. Хотя в то время мы не знали японского языка, но понимали смысл отдельных иероглифов. Поэтому в глаза нам бросились знаки 中国革命党孙逸仙 («глава китайской революционной партии Сунь Ятсен»). До этого мы считали, что слово 革命 употребляется только применительно к смене династий, наши же действия следует называть «бунтом». Теперь же, когда на глаза нам попалась эта газета, у нас в голове запечатлелись слова 革命党 («революционная партия»)![4]

Японское слово 革命 ***какумэй*** ‘революция’ в его китайской огласовке ***гэмин*** с тех пор прочно вошло в лексикон революционеров.

---

[1] *Tse Tsan Tai.* The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. P. 295.

[2] Ibid. P. 288.

[3] См., например: 简婷。评1895年广州起义中的杨衢云与孙中山 (*Цзянь Тин.* О Ян Цюйюне и Сунь Ятсене во время Кантонского восстания 1895 г.) // Хунань шифань дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао. 2009. № 5. С. 131–134.

[4] *Чэнь Шаобай.* Краткая история революционной деятельности Союза возрождения Китая. С. 41.

Глава II
Похищен в Лондоне

Трагические последствия одной досадной оплошности

Эпизод, произошедший с Сунь Ятсеном в английской столице, — один из самых драматических в его биографии. Революционер, за которым следили правительственные сыщики, оказался заточенным в стенах китайского посольства, и только счастливое стечение обстоятельств спасло его от экстрадиции в Китай и мучительной казни.

Портланд Плейс, 49

У Сунь Ятсена была своего рода слабость, преодолеть которую он не мог всю свою жизнь. Он очень любил фотографироваться (причем всегда смотрел прямо в объектив, придав лицу предельно серьезное выражение; снимки, на которых он улыбается, составляют редчайшие исключения).

В Сан-Франциско Сунь Ятсен зашел в первую попавшуюся фотостудию, чтобы запечатлеть себя в необычном облике — с европейской прической, в сюртуке и галстуке. Результат был на редкость удачен, и, давая интервью корреспонденту одной из местных газет, д-р Сунь не удержался и передал одно из своих фото для публикации. С этого начались все последующие неприятности.

Фотография попала в руки сотрудников китайского посольства в США, «государственный преступник Сунь Вэнь» был опознан, и за ним была установлена слежка.

Сунь Ятсен в Сан-Франциско. Сентябрь 1896 г.

18 июля 1896 г. посланник Ян Жу сообщил своему лондонскому коллеге приметы Сунь Ятсена и написал, что в случае, если тот окажется в Англии, его в соответствии с указанием из Пекина следует экстрадировать в Китай.[1]

Китайский посланник в Лондоне Гун Чжаоюань подтвердил получение этого сообщения.[2]

Когда 23 сентября 1896 г. Сунь Ятсен взошел по трапу лайнера «Маджестик», китайский посланник в США Ян Жу немедля информировал своего коллегу в Лондоне о том, что Сунь Вэнь отбыл в Англию.[3]

В Лондоне тут же начали готовиться к встрече. Секретарь китайского посольства шотландец Х. Макартни запросил

Посланник Ян Жу с членами своей семьи у входа в здание китайской миссии в Вашингтоне

[1] Ян Жу — Гун Чжаоюаню, 18 июля 1896 г. // 中华民国开国五十年文献 (50-летие создания Китайской Республики. Документы). Т. 2. Тайбэй. 1964. С. 188.

[2] Гун Чжаоюань — Ян Жу, 8 августа 1896 г. // Там же. С. 190–191.

[3] 罗家伦。中山先生伦敦蒙难史料考证 (*Ло Цзялунь.* Исследование материалов о похищении Сунь Ятсена в Лондоне). Шанхай. 1935. С. 16–17.

Форин Офис, сможет ли посольство экстрадировать преступника на родину, но получил отказ, мотивированный тем, что у Китая и Англии нет договора о взаимной выдаче преступников. Тем не менее Макартни нанял детектива из принадлежавшей Г. Слейтеру частной сыскной компании, который должен был следить за всеми действиями Сунь Ятсена с момента его прибытия в Англию и тут же докладывать об этом лично Макартни.

1 октября Слейтер представил Макартни свой первый отчет:

> В соответствии с Вашими инструкциями, мы направили одного из наших людей в Ливерпуль, чтобы установить наблюдение за лицом по имени Сунь Вэнь, пассажиром судна «Маджестик» пароходной компании Уайт Стар, и имеем честь доложить, что китаец, отвечающий представленному описанию, был замечен спускающимся с трапа указанного судна вчера в 12:00 <...>.
>
> Здесь следует заметить, что имя Сунь Вэнь не зафиксировано в списке пассажиров и что данное лицо прибыло под именем д-ра Сунь Ятсена. <...>
>
> За ним в настоящее время ведется наблюдение, и мы будем надлежащим образом информировать Вас о результатах операции.[1]

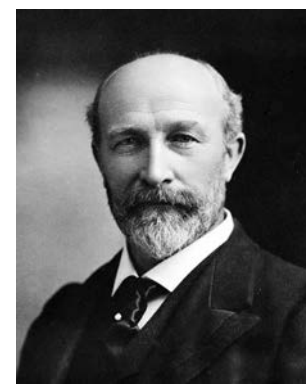
10 октября посланник Гун Чжаоюань телеграфировал в Вашингтон:

> Сунь Вэнь уже прибыл в Англию. Однако министерство иностранных дел отказывается арестовывать его ввиду отсутствия договора об экстрадиции преступников. Говорят, что вскоре он отправится во Францию. Пока что наняли человека, который следит за ним.[2]

По прибытии в Лондон Сунь Ятсен поселился на частной квартире в доме, расположенном в переулке Грэйз-инн Плейс к северу от Трафальгарской площади сравнительно недалеко от того места, где жил его бывший учитель Джеймс Кэнтли.

Их встреча была трогательной, и Сунь Ятсен зачастил к Кэнтли.

По случайному стечению обстоятельств на Портлэнд Плейс, в том же квартале, где жили Кэнтли, была расположена китайская миссия.

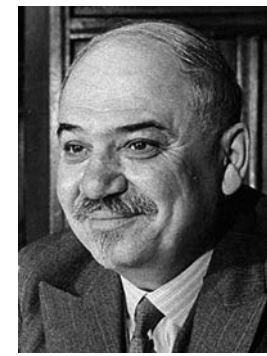


Джеймс Кэнтли был рад встрече со своим учеником

[1] Там же. С. 113.

[2] *Ло Цзялунь.* Исследование материалов о похищении Сунь Ятсена в Лондоне. С. 26.

И. М. Майский, в свое время бывший советским послом в Великобритании, вспоминал, как во время своего предшествовавшего посещения Лондона он шел по городу вместе с неким Дэвисом.



И. М. Майский (1884–1975)

Было холодно, сыро, и резкий ветер раздувал наши пальто. После нескольких поворотов по узким извилистым улицам мы вышли, наконец, на Портэнд Плейс и быстро зашагали по направлению к Риджентс-парку.

Вдруг Дэвис вздрогнул и остановился. Я машинально сделал то же самое и с недоумением посмотрел на своего спутника. Он не двигался и молча впился взглядом в высокое мрачное здание, стоявшее на углу Портлэнд Плейс и Веймут-стрит. При свете полуприспущенного фонаря (в Лондоне тогда было затемнение) я прочитал на доме номер — 49. Не зная, как объяснить поведение Дэвиса, я спросил его, почему-то приглушая голос:

– В чем дело, мистер Дэвис?

Дэвис обжег меня полусумасшедшим взглядом и в свою очередь спросил:

– Вам знакомо имя Сунь Ятсен?

– Знакомо, — ответил я. — Это известный китайский революционер.

– Правильно, — подтвердил Дэвис. — А вы знаете, что это за здание? Дом № 49?

– Нет, не знаю.

Дэвис вдруг пришел в сильное возбуждение и, посмотрев на меня страшными глазами, воскликнул:

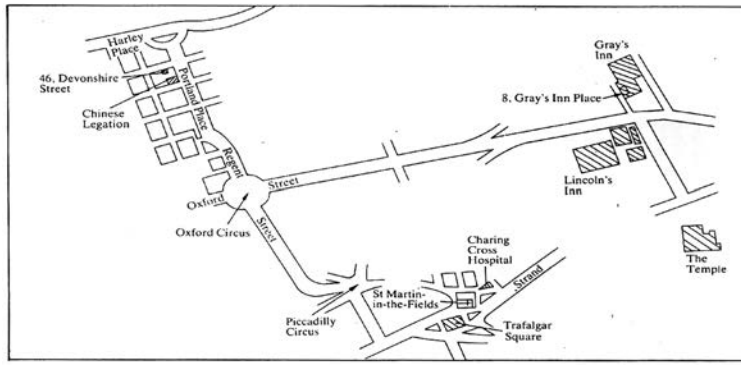
– Это китайское посольство! И сегодня 11 октября. Да, да, сегодня как раз 20 лет с того дня, когда это случилось!

– Да что именно случилось? — в недоумении спросил я. Дэвис крепко схватил меня за руку и потащил за собой.

– Пойдемте в Риджентс-парк, — бросил он на ходу, — сядем на лавочку. Я вам расскажу. Это довольно длинная история.

И когда в темноте промозглой октябрьской ночи мы кое-как примостились на садовой скамейке, я услышал повесть, которую скорее можно было бы счесть продуктом восточной фантазии, чем прозаическим фактом лондонской действительности.[1]

[1] *Майский И. М.* Люди. События. Факты. М. 1973. С. 43–44.



Портланд Плейс и окрестности

11 октября 1896 г. произошло событие, о котором Майскому рассказывал Дэвис: Сунь Ятсен оказался в здании китайского посольства и был задержан там.

Портлэнд-Плейс, 49

Гун Чжаоюань не замедлил сообщить об этом в Пекин:

> Сунь Вэнь находится в Англии. Только что этот преступник появился в посольстве. Он одет в европейский костюм и заявил, что его фамилия Чэнь. Здание посольства — территория Китая, и поэтому он должен быть немедленно задержан. <...> Жду немедленных распоряжений и прошу не ставить об этом в известность английского посланника.[1]

Макартни приказал освободить комнату на верхнем этаже для того, чтобы поместить туда задержанного, и отдал распоряжение наблюдать за ним и в особенности следить, чтобы он ничего не передавал на волю.

Майский, приехавший в Лондон в качестве советского посла, вспоминал:

> Недели через две после вручения мной верительных грамот английскому королю, в ноябре 1932 г., я подъехал к сумрачному зданию № 49 на Портлэнд Плэйс. Дипломатический этикет предписывает каждому вновь назначенному послу сделать визиты вежливости другим иностранным послам, ранее него аккредитованным при главе данной державы. Следуя

[1] Там же.

этому правилу, я посетил целый ряд своих коллег. В их числе был и китайский посол, который в те дни представлял гоминдановское правительство Китая. Здание китайского посольства было такое же, каким я видел его 16 лет назад. Дверь отворил лакей в яркой ливрее с галунами. Китайский посол принял меня в своем кабинете, и минут двадцать мы вели с ним разговор на текущие политические темы. Китайский посол был любезен и в беседе раза два упомянул, что является поклонником Сунь Ятсена.

Когда разговор был закончен, я поднялся и, прощаясь с послом, спросил:

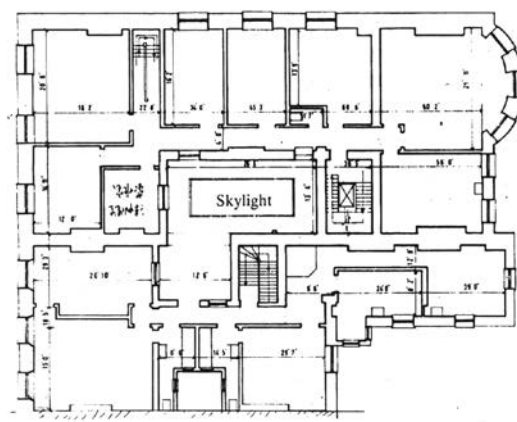
– Если не ошибаюсь, ровно 36 лет назад в этом здании был интернирован Сунь Ятсен?

– Совершенно верно, — ответил китайский посол. — А вам известна эта история?

– Да, известна, — подтвердил я и прибавил, — не могли ли бы вы показать мне, где именно Сунь Ятсен находился в заключении?

– Охотно покажу, — воскликнул китайский посол, — следуйте за мной.

По длинным, крутым лестницам узкого шестиэтажного здания посольства мы поднялись на самый верх и через крохотную дверцу вошли в низкую полутемную мансарду, где двум человекам негде было повернуться. Я выглянул в маленькое, подслеповатое окошечко — оно выходило на плоскую крышу, которая со всех сторон была окружена другими, более высокими остроконечными крышами. <...> Эта мансардная комнатушка очень походила на тюремную камеру.[1]



План этажа, на котором находилась комната Сунь Ятсена

[1] *Майский И. М.* Люди. События. Факты. С. 49.

Существует несколько версий того, при каких обстоятельствах Сунь Ятсен оказался в здании китайской миссии и что происходило с ним на протяжении тех 12 дней, которые он провел там.[1]

Но бесспорно одно: Сунь Ятсен с самого начала стал предпринимать попытки связаться с Кэнтли или хотя бы вообще с кем-нибудь за пределами здания миссии.

Утром 12 октября к нему в комнату зашел слуга (англичанин по имени Джордж Коул) и там произошел следующий разговор:

Сунь Ятсен: Сможете ли Вы отнести записку моему другу?

Коул: Нет, я не смогу это сделать.

Сунь Ятсен: Сделайте это, чтобы спасти родственную душу!

Коул: Но я могу лишиться своего места...

Сунь Ятсен: Во имя Всевышнего, сделайте это! Я умоляю Вас сделать это!

Произнеся эти слова, Сунь Ятсен вложил в руку Коула обрывок газеты с несколькими написанными на нем фразами. Слуга не сопротивлялся, но на следующий раз сказал, что выбросил записку в окно, хотя на самом деле в соответствии с инструкцией, полученной от начальства, передал ее Макартни.[2]

14 октября Сунь Ятсен попросил открыть окно, чтобы подышать свежим воздухом и, воспользовавшись этим, бросил наружу другую записку, которая упала на крышу соседнего дома. Коул забрался туда и поднял записку. Сунь Ятсен попросил слугу вернуть ее ему.

Коул: Мне не разрешено сделать это...

Сунь Ятсен: Ради всего святого, дайте ее мне!

Коул: Я не могу, сэр, Вы уж простите меня...[3]

15 октября Сунь Ятсен всучил Коулу еще одну записку, но и она оказалась у Макартни. После этого, по словам узника, в нему пришел переводчик посольства Дэн Тинцзянь и заявил ему:

Мы заткнем Вам рот (жест рукой), свяжем, положим в мешок и отнесем на корабль, который уже нанят нами. На борту Вы окажетесь в таком же положении, как сейчас: несколько человек будут сторожить

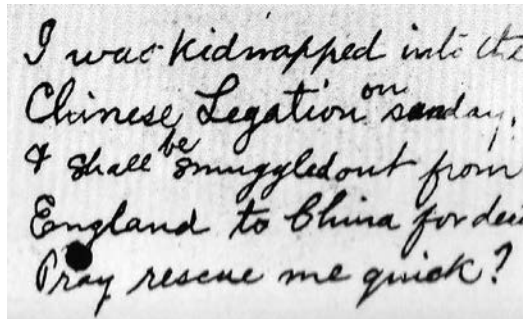
[1] Считаем своим долгом предупредить читателя, что В. Н. Никифоров в своей «документальной повести» основывался на одной из этих версий и тем самым предельно упростил свою задачу (*Никифоров В. Н.* Сунь Ятсен, октябрь 1896 г. Две недели из жизни китайского революционера. М. 1978).

[2] Cole's statement at the Treasury, 2 November, 1896 // British Foreign Office Archives (далее: FO). 17/1718. P. 116–119.

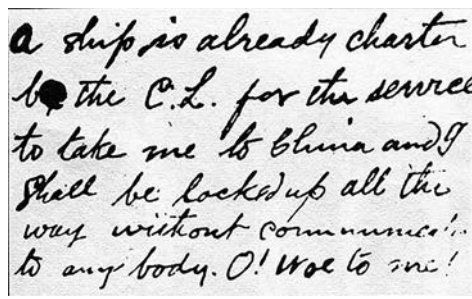
[3] Ibid.

Вас в запертой каюте и Вы не сможете разговаривать с кем бы то ни было. А если нам не удастся переправить Вас туда, мы убьем Вас здесь![1]

Об этом Сунь Ятсен написал на своей визитной карточке, предназначавшейся для Кэнтли: «В воскресенье я был похищен и заключен в китайском посольстве. Меня тайно вывезут из Англии в Китай и казнят. Умоляю Вас: без промедления спасите меня».


I was kidnapped into the
Chinese Legation on sunday,
& shall be smuggled out from
England to China for dea
Pray rescue me quick?

На второй визитной карточке значилось: «Китайским посольством уже зафрахтован корабль, на котором меня отправят в Китай. По пути туда я буду изолирован от внешнего мира. О, горе мне!»


a ship is already charter
by the C.L. for the service
to take me to China and I
shall be locked up all the
way without communica-
to any body. O! Woe to me!

Сначала супруги Кэнтли не обратили внимания на то, что Сунь Ятсен почему-то перестал приходить к ним. Но 17 октября Мэйбл Кэнтли записала в своем дневнике:

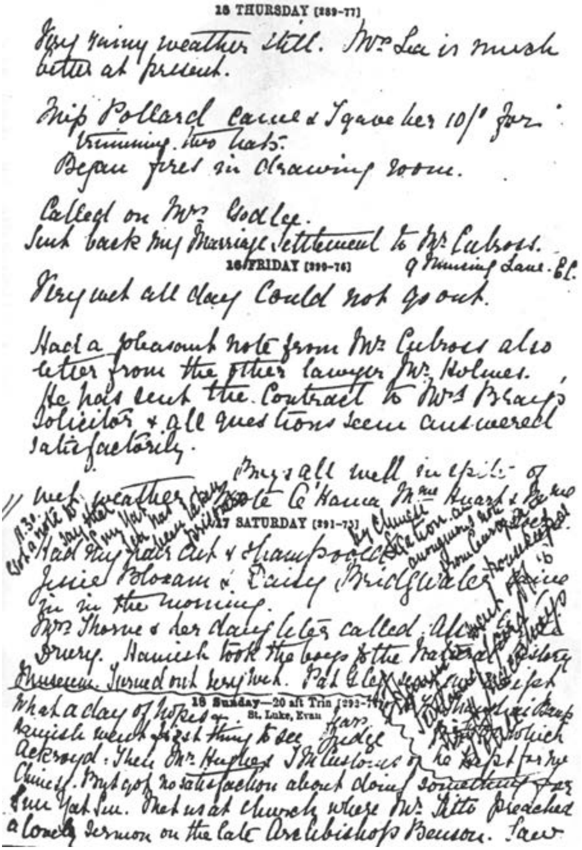
Мы получили записку, в которой говорилось, что Сунь Ятсен заточен в китайском посольстве. Записка анонимная.[2]

[1] Sun Yat-sen's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 119.

[2] Mrs Cantlie's diary, 17 October, 1896.

В записке, которую подсунули под дверь квартиры, где жили Кэнтли, говорилось:

> Ваш друг с прошлого воскресенья заключен в посольстве Китая. Его собираются отправить обратно в страну и казнить. Положение, в котором он оказался, заслуживает сожаления, и, если не спасти его без промедления, с ним будет покончено. Я не решаюсь сообщить своего настоящего имени, но всё сказанное мною — сущая правда. Кажется, Вашего друга зовут Син Ин Сен.[1]



15 THURSDAY [289-77]

Very rainy weather still. Mrs Lea is much better at present.

Miss Pollard came & I gave her 10/- for trimming two hats.
Began fires in drawing room.

Called on Mrs Godlee.
Sent back my Marriage Settlement to Mr Cubross. 9 Mincing Lane. EC.

16 FRIDAY [290-76]

Very wet all day Could not go out.

Had a pleasant note from Mr Cubross also letter from the other lawyer Mr Holmes. He has sent the Contract to Mrs Bray's Solicitor & all questions seem answered satisfactorily.

17 SATURDAY [291-75]

[illegible] wet weather [illegible]
Had my hair cut & shampooed. Jessie Bloxam & Daisy Bridgwater [illegible] in the morning. Mrs Thorne & her daughter called. [illegible] Drury. Hamish took the boys to the Natural History Museum. Turned out very wet. [illegible]

18 Sunday—20 aft Trin [292-74]
St. Luke, Evan

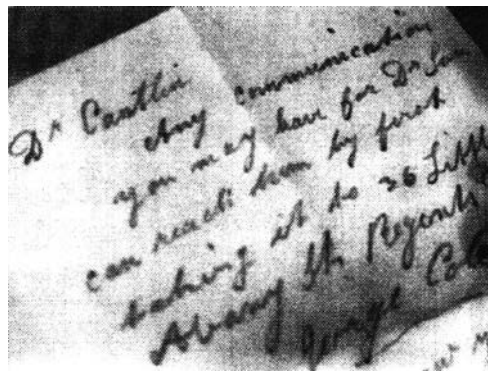
What a day of hopes & fears. Hamish went first thing to see Judge Ackroyd. Then Mr Hughes [illegible] Chief. But got no satisfaction about doing something for Sun Yat Sen. Met us at church where Mr [illegible] preached a lovely sermon on the late Archbishop Benson. Saw

Запись в дневнике М. Кэнтли от 17 октября 1896 г.

---

[1] *Cantle N. & G. Seaver.* Sir James Cantlie. London. 1939. P. 103.

На следующий день супруги Кэнтли получили еще одну записку:

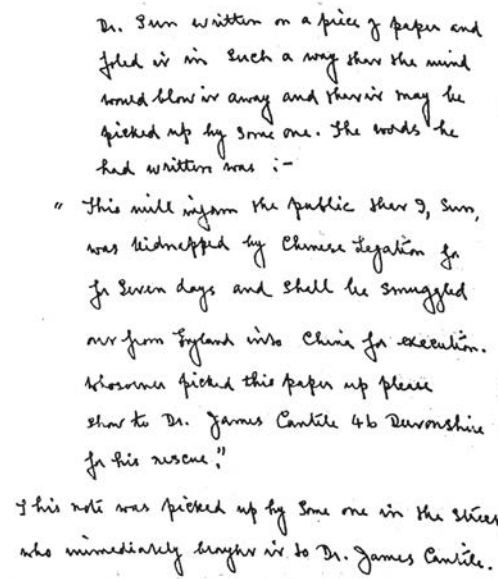


Д-р Кэнтли:

Любое сообщение, предназначающееся д-ру Суню, может быть передано ему через Джорджа Коула по адресу Литтл Олбани, Риджентс-парк, 36.[1]

Заметим, что некто Чжан Дэгуан, ссылаясь на публикацию в газете «Times», излагавшую *post factum* события тех дней, утверждал, что первая полученная Кэнтли записка Сунь Ятсена была датирована 18 октября и вручена адресату вовсе не через Коула:

> Д-р Сунь написал несколько слов на клочке бумаги и выбросил его таким образом, чтобы ветром его отнесло в сторону, и он мог бы быть кем-нибудь подобран. На нем было написано: «Довожу до всеобщего



Dr. Sun written on a piece of paper and folded it in such a way that the wind would blow it away and that it may be picked up by some one. The words he had written was :-

" This will inform the public that I, Sun, was kidnapped by Chinese Legation for for seven days and shall be smuggled over from England into China for execution. Whosoever picked this paper up please show to Dr. James Cantlie 46 Devonshire for his rescue."

This note was picked up by some one in the street, who immediately brought it to Dr. James Cantlie.

[1] 孙中山 (Сунь Ятсен). Пекин. 2001. С. 33.

сведения, что я, Сунь, 7 дней тому назад был похищен китайским посольством и меня собираются переправить из Англии в Китай и казнить. Того, кто поднимет это письмо, я прошу передать его д-ру Джеймсу Кэнтли по адресу Дэвоншир Стрит 46, чтобы он спас меня». Эта записка была обнаружена на улице кем-то, кто немедля вручил ее д-ру Джеймсу Кэнтли.[1]

Это свидетельство противоречит тому, что мы читаем в дневнике М. Кэнтли, и потому не заслуживает доверия.

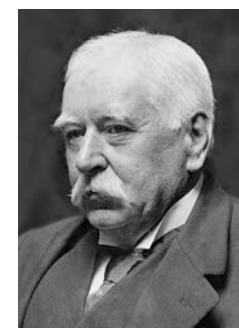
Джеймс Кэнтли поднимает на ноги почти весь Лондон

Отложив все дела, Кэнтли бросился спасать своего ученика, которого он уважал и высоко ценил. Сначала его усилия были бесплодны.

Он пытался разыскать секретаря посольства Макартни, жившего неподалеку, но не застал его дома. Двери были заперты, а соседи сказали, что вот уже несколько дней как в доме никого нет.

Инспектор Скотланд-Ярда, к которому апеллировал Кэнтли, ответил, что ничего не может предпринять, раз дело связано с иностранной миссией.[2]

Поразмыслив, Кэнтли наконец решил сообщить обо всем, что случилось, своему коллеге П. Мэнсону. Тот вызвался обратиться в китайское посольство и отправился туда. Он был встречен переводчиком Дэн Тинцзянем, и между ними произошел такой диалог:



Патрик Мэнсон (1844–1922)

– Здесь ли Сунь Ятсен?

– Кто?

– Сунь Ятсен.

– Здесь такого нет.

– Но я знаю, что он здесь. Я проинформирован об этом. К тому же и полиция, и Форин Офис в курсе. Я хочу видеть Сунь Ятсена.

– Нет, никакого Сунь Ятсена тут нет![3]

Кэнтли и Мэнсон продолжали действовать. Они нашли отставного полицейского, согласившегося за небольшое вознаграждение фланировать около дома № 49 на Портланд Плейс.

---

[1] Сообщение Чжан Дэгуана, 7 августа 1979 г. // Архив Комитета по изучению истории Гоминьдана. 080/135. С. 2.

[2] Chief Inspector H. Moore's report, 18 October, 1896 // FO 17/1718. P. 47–48.

[3] Manson's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 122.

Здание Скотланд-Ярда на набережной Виктории

18 октября Кэнтли побывал в МИДе, и на следующий день Форин Офис обратился с письмом в Министерство внутренних дел (Home Office), а оттуда запросили Скотланд-Ярд. В результате помощник заместителя министра иностранных дел Ф. Берти получил сообщение о том, что «полиция готова предпринять шаги к наблюдению за миссией и вступить в контакт с охранником Коулом».[1]

Когда Коул вернулся с работы домой, там его уже поджидал полицейский в штатском — инспектор Скотланд-Ярда Ф. Джэрвис, попросивший его рассказать всё, что он знает об этом деле, и обещавший, что его имя не будет разглашено.[2]

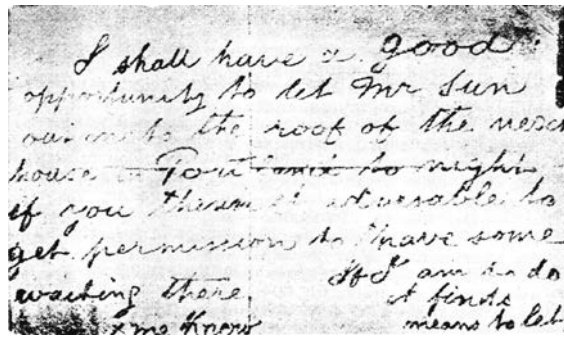
Однако после этого Коул почему-то решил, что чем полагаться на полицейских, лучше уж действовать самостоятельно и на свой страх и риск. Он предложил Кэнтли организовать побег Сунь Ятсена из заключения:

> Сегодня вечером у меня будет прекрасная возможность переправить м-ра Суня из [его комнаты] на крышу соседнего дома на Портланд Плейс. Если Вы считаете это приемлемым, получите от хозяев дома согласие на

[1] Foreign Office memorandum and Bertie's minute, 19 October, 1896 // Ibid. P. 12.

[2] Jarvis' report, 20 October 1896 // Ibid. P. 38–41.

то, чтобы кто-то ждал там и принял его. Если это будет поручено сделать мне, поставьте меня в известность.



Записка Коула с изложением плана спасения Сунь Ятсена[1]

Вот что по этому поводу писали впоследствии газеты:

> Друзья Сунь Ятсена разработали смелый план его спасения. <...> План состоял в том, чтобы взломать окно комнаты, в которой он был заключен, и затем спуститься с крыши соседнего дома № 51. <...> Его друзьям удалось сообщить ему этот план, который они собирались осуществить, и хотя информация, постоянно получаемая ими, указывала на то, что Сунь Ятсен находится под строгим наблюдением, его обещание помочь им изнутри открыть окно укрепило уверенность его друзей в возможности осуществить этот план.[2]

Окно, которое нужно было взломать

В действительности Кэнтли не решился выступить в роли взломщика и сообщил о плане Коула в Скотланд-Ярд, где ему отсоветовали участвовать в столь рискованном предприятии, которое к тому же само по себе являлось нарушением закона.

Мэйбл Кэнтли записала в дневнике: «Поступить подобным образом было бы ошибкой».[3]

---

[1] *В. Н. Никифоров.* Сунь Ятсен, октябрь 1896 г. С. 31.

[2] Bold Scheme of Recapture // Daily Chronicle, 24 October, 1896.

[3] Mrs Cantlie's diary, 20 October, 1896.

На следующий день 21 октября инспектор Джэрвис встретился с управляющим компании «Глен Лайн» Макгрегором. Тот признал, что китайское посольство поручило ему доставить в Китай «какого-то умалишенного».[1]

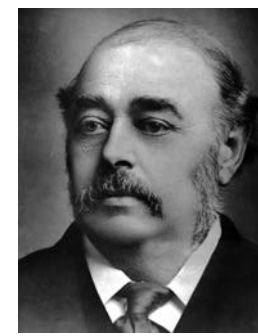
Джэрвис убедился в том, что Сунь Ятсен действительно силой удерживается в здании китайского посольства.

Теперь для возбуждения уголовного дела нужно было составить «обвинение в нарушении закона о личной свободе» (*Writ of Habeas Corpus*), а для этого следовало получить официальное заявление, должным образом заверенное в судебном органе.

Поэтому 22 октября Джэрвис сопроводил Кэнтли и Мэнсона в суд, но судья затруднился выполнить их просьбу. Причина была всё та же — в качестве ответчика должно было выступить не частное лицо — подданный Великобритании, а посольство иностранной державы.

Тем не менее Кэнтли и Мэнсон дали под присягой показания о существе дела[2], которые были переданы в Министерство внутренних дел, а оттуда — в Форин Офис. В сопроводительном письме говорилось:

> Я уполномочен Секретарем[3] сэром Мэттью Ридли сообщить Вам, что им получены данные под присягой показания двух прошедших регистрацию врачей относительно того, что некто по имени Сунь Ятсен вопреки его воле содержится в настоящее время в китайском посольстве на Портланд Плейс. <...> Достоверность этих показаний подтверждается расследованием, произведенным столичной полицией. Сэр Мэттью Ридли будет удовлетворен, если Вы доведете эти факты до сведения маркиза Солсбери[4] и побудите Его Высочество предпринять шаги, каковые он сочтет приемлемыми, для немедленного освобождения Сунь Ятсена из-под стражи.[5]



М. Ридли (1842–1904)

[1] Jarvis' report, 20 October 1896 // FO 17/1718. P. 94.

[2] Affidavits by Cantlie and Manson, 22 October, 1896 // Ibid. P. 22–32.

[3] Home Secretary, т. е. министр внутренних дел.

[4] Р. Солсбери в это время был премьер-министром и одновременно министром иностранных дел Великобритании.

[5] Home Office to Foreign Office, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 51.

В результате этого на стол заместителя министра иностранных дел Т. Сэндерсона был положен доклад о незаконных действиях китайской миссии.

Согласовав все последующие действия с министром иностранных дел, Сэндерсон направил Макартни следующее письмо:

> Дорогой сэр Холлидей,
>
> Лорд Солсбери поручил мне переговорить с Вами по неотложному делу.
>
> Могу ли я просить Вас, если это для Вас удобно, прибыть сюда сегодня во второй половине дня?[1]

Около 7 часов вечера того же дня состоялась встреча Макартни и Сэнденсона. Отвечая на заданные ему вопросы, Макартни признал, что некто Сунь Вэнь действительно в настоящее время находится в здании китайской миссии.

Эта беседа в Форин Офис сыграла решающую роль в освобождении Сунь Ятсена.[2]

Свободен!

22 октября специальный курьер доставил на Портлэнд Плейс, 49 официальную ноту министра иностранных дел Великобритании лорда Р. Солсбери:

> Имею честь информировать Вас, что по сообщению Государственного секретаря внутренних дел Его Величества им получены данные под присягой показания двух проживающих в Лондоне и пользующихся уважением врачей, подтверждающие, что некое лицо по имени Сунь Ятсен, до последнего времени проживавший по адресу Грэйзинн Плейс, в течение нескольких дней вопреки своей воле содержится под стражей в китайском посольстве.
>
> По мнению правительства Его Величества, насильственное задержание этого человека в китайском посольстве является нарушением

Р. Солсбери (1830–1903)

[1] Sanderson's minute on the Home Office letter of the same day, 22 October, 1896 // Ibid. P. 35.

[2] Sanderson's record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // Ibid. P. 54–61.

английских законов, которое явно выходит далеко за пределы привилегий, предоставляемых иностранным дипломатам, и не может быть оправдано этими привилегиями.

В соответствии с этим имею честь потребовать немедленного освобождения указанного Сунь Ятсена.[1]

THE GLOBE, FRIDAY, OCTOBER 23, 1896. 3

FIFTH EDITION.

GLOBE OFFICE, 46, Fleet, E.C.

THE KIDNAPPING CASE.

FULL STORY TO-DAY.

PROMPT ACTION BY LORD SALISBURY.

SUN YAT SEN'S RELEASE DEMANDED.

SIR H. MACARTNEY'S STATEMENT.

DR. CANTLIE'S STATEMENT.

STOP PRESS TELEGRAMS.

Газета «Globe», 23 октября 1896 г.

В тот же самый день лондонская «Globe» опубликовала сообщение о похищении Сунь Ятсена, а на следующий день 23 октября — более подробные материалы на эту тему.

Утром 23 октября у китайского посольства собралась большая толпа журналистов и просто любопытствующих, которым не терпелось своими глазами взглянуть на китайца, чье имя было уже у всех на устах, или, как минимум, узнать что-либо о его судьбе.

В 10 часов утра («раньше, чем обычно», — отметили газетчики) у здания посольства появился Макартни, но отказался отвечать на вопросы и прошел прямо к посланнику, который был в это время нездоров и лежал в постели у себя в комнате. Когда их беседа была завершена, Макартни покинул посольство, заявив, что «едет по срочному делу».

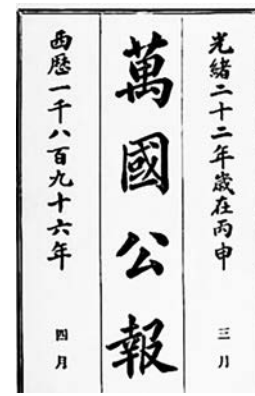
Он спешил в Форин Офис, где его ждал Сэндерсон:

> Я спросил его, известно ли ему, что вчера вечером китайскому посольству была направлена официальная нота за подписью лорда Солсбери. <...>
>
> Если посланник не удовлетворит изложенное в ней требование, это будет основанием для его немедленного отзыва и лишения дипломатических привилегий всех сотрудников посольства, связанных с этим делом.

[1] Salisbury to Gong Zhaoyuan, 22 October, 1896 // Ibid. P. 24–25.

Я добавил, что о случившемся уже было сообщено в газетах, что утром я уже проконсультировался заместителем Секретаря по внутренним делам, что я уверен в невозможности дальнейшего задержания [Сунь Ятсена] и ожидаю инструкций лорда Солсбери относительно направления в посольство требования немедленно выполнить всё, о чем говорилось во вчерашней ноте.[1]

И вот наконец «около 5 часов пополудни моложавый китаец среднего роста, явно уставший и неважно чувствовавший себя, но с торжествующим выражением живых миндалевидных глаз покинул тот кусочек китайской территории, который занимает посольство».[2]


光緒二十二年歲在丙申 三月
萬國公報
西歷一千八百九十六年 四月

«Ваньго гунбао» за 1896 г.

Сенсационная новость об освобождении Сунь Ятсена тут же не только облетела все лондонские газеты, но была перепечатана и за рубежом — в Соединенных Штатах, Австралии, Сингапуре, Гонконге, Японии. Эта новость стала известна и в Китае. Она была помещена на страницах шанхайских газет «Шиши бао» и «Ваньго гунбао».[3]

Выйдя на свободу, Сунь Ятсен написал два письма.

Первое из них он направил в редакции всех ведущих лондонских газет:

> Сэр:
>
> Не будете ли Вы настолько любезны выразить на своих страницах мою глубокую благодарность усилиям Британского Правительства, результатом которых стало мое освобождение из китайской миссии?
>
> Я должен также поблагодарить прессу за своевременную помощь и симпатии ко мне. Если есть необходимость в чем-то, что убедило бы меня в великодушии преобладающего в Великобритании общественного мнения и стремлении к справедливости, отличающем ее народ, то это были события последних дней.
>
> Более отчетливое, чем раньше, представление о том, что такое конституционное правительство и просвещенный народ, побуждает меня еще

[1] Sanderson's record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // FO 17/1718. P. 69–76.

[2] Sun, 24 October, 1896.

[3] Подробнее см.: *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image: Sun Yatsen in London, 1896–1897. Oxford University Press. 1986. P. 61.

активнее способствовать прогрессу, образованности и цивилизованности моей собственной горячо любимой, но угнетаемой страны.[1]

Полагая, что своим спасением он обязан не только усилиям своих друзей, лондонской прессы и официальных представителей правительства Его Величества, но и милости Всевышнего, Сунь Ятсен адресовал второе письмо его давнему знакомому, гонгконгскому пастору Цюй Фэнчжи:

Цюй Фэнчжи (1847–1914)

> В Лондоне меня заманили в маньчжурское посольство, и я провел там в заключении десять с лишним дней. Они собирались посадить меня на корабль и тайно вывезти из страны. Судно уже было готово, и они лишь ждали удобного момента.
>
> Первые 6–7 дней никто не знал о случившемся со мной, и, находясь под стражей, я думал, что смерть неизбежна и надежды выжить больше нет. В безвыходном положении люди обычно обращают взоры к Небу, когда им больно — взывают к родителям. В это время мне не оставалось ничего иного, как горько сожалеть о произошедшем и усердно молиться. Я молился день и ночь напролет 6–7 суток подряд и чем дальше, тем усерднее. И на седьмой день я вдруг обрел успокоение, и мрачные мысли перестали мучить меня. Это произошло неожиданно для меня, и я сказал себе, что это мои

Письмо Сунь Ятсена, адресованное Цюй Фэнчжи

[1] The Times, 26 October, 1896.

молитвы были услышаны Всевышним, который послал мне свое благословение. <...>

После всего, что произошло со мной, я ощущаю себя блудным сыном и заблудшей овцой, отдавая себе отчет в том, что всё это даровано мне Небесным Владыкой. Я искренне надеюсь, что Вы будете и дальше наставлять меня и помогать мне своими поучениями, дабы я мог, следуя по божественному пути, обратиться к пути людскому. Это будет счастьем для меня и счастьем для всего сущего[1].

Дело расследуется *post factum*

Приключение иностранца, среди бела дня похищенного на улице в столице Его Величества, было настолько скандальным и не имеющим прецедентов, что в Форин Офис пришли к выводу о необходимости провести полномасштабное официальное расследование для выяснения некоторых неясных обстоятельств этого прискорбного эпизода. Для этого решили обратиться в Министерство внутренних дел, а там в качестве следователя пригласили специалиста со стороны — юрист-консульта Казначейства Г. Каффа.

Кафф приступил к своим обязанностям 31 октября, ознакомившись с уже имевшимися материалами. Затем он заслушал показания свидетелей и потерпевшего: 2 ноября — Коула[2], 4 ноября — Сунь Ятсена[3], Кэнтли[4] и Мэнсона[5], 5 ноября — хозяйки дома на Грэйзинн Плейс, где жил Сунь Ятсен, Л. Поллард[6]. Каффу потребовалась всего лишь одна неделя, чтобы изучить все эти данные.

12 ноября он представил в Министерство внутренних дел доклад о результатах проведенного им расследования[7].

16 ноября отчет Каффа вместе с приложениями к нему был направлен в Форин Офис со следующим сопроводительным письмом:

---

[1] Сунь Ятсен — Цюй Фэнчжи, октябрь 1986 г. (точная дата неизвестна) // ПССОГ. Т. 4. С. 14–15.

[2] Cole's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 116–119.

[3] Sun Yatsen's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 119–120.

[4] Cantlie's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 121–122.

[5] Manson's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 122.

[6] Pollard's statement at the Treasury, 5 November, 1896 // Ibid. P. 123.

[7] Cuffe to Home Office, 12 November, 1896 // Ibid. P. 113–116.

По поручению министра Ридли представляем лорду Солсбери доклад м-ра Каффа относительно проведенного им расследования дела о недавнем задержании Сунь Ятсена в китайском посольстве.

К докладу прилагаются оригиналы документов, которые мы просим после ознакомления с ними возвратить нам. Если уважаемое министерство скопирует их, то копии также подлежат возврату для использования их министром Ридли.[1]

Мы не знаем, по какой причине, но оригиналы приложенных к докладу Каффа документов хранятся ныне в архиве Форин Офис и благодаря этому доступны для исследователя. Там же находится и текст самого доклада. В 1965 г. он был переведен на китайский язык и опубликован на Тайване[2].

О версии Холлидея Макартни

Кафф признает, что в ходе расследования ему пришлось столкнуться с рядом серьезных трудностей, прежде всего — с тем обстоятельством, что он не мог задавать вопросы китайским сотрудникам посольства (исключение составлял лишь слуга Коул), поскольку об этом мог узнать посланник и его подчиненным в этом случае могло грозить увольнение. Поэтому Кафф располагал ограниченным кругом источников. Помимо снятых им показаний это были протоколы бесед Сэндерсона с Макартни, состоявшихся 22 и 23 октября[3], а также письмо Макартни в редакцию «Times»[4].

Кафф не мог знать содержания книги «Похищен в Лондоне», которая была опубликована в 1897 г., как не знал он ни о воспоминаниях переводчика китайского посольства У Цзунляня, впервые увидевших свет в 1902 г., ни о дневнике военно-морского атташе Фэн Лина, ставшего достоянием общественности только в 1929 г.

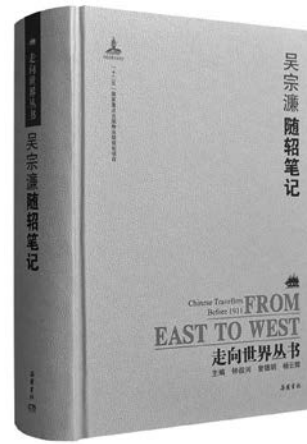
---

[1] Ibid. P. 113.

[2] 国父伦敦蒙难真相的原始报告 (Первоначальный доклад о том, что произошло во время похищения Отца Государства в Лондоне) // Чжуаньцзи вэньсюэ. Т. 7, 1965. № 5. С. 30–34.

[3] Sanderson's record of his interview with Macartney, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 33–35; Sanderson's record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // Ibid. P. 69–76.

[4] Times, 26 October, 1896.



У Цзунлянь (1856–1933) и переиздание его воспоминаний[1]

游餘僅誌卷下
蒙古巴禹特氏夙凌著
光緒二十年正月初一日元旦拜
賀星使病勢漸愈步履尚
艱特令參贊官恭代客廳恭設香案望
闕叩頭洋員馬格里
行西禮但跪一膝而緩步退行亦極恭敬
初二日英報載台灣富商二品銜道員林維源奉獻倭國銀錢
五百萬元求爲保護身家財產經駐台總兵出示曉諭以林維
源爲中國大員受國厚恩難獻欵求護其心恐不可測應將該
華員財產查抄等語
初五日西報論中國　特派李相赴俄賀加冕禮乘此以與
俄國商訂秘約
初八日英國政治雖有定章然隨時變通而勿迂墨守往往博
探他邦之求異域返觀對照凡有利己者無不竭力仿行即一
切器物因時制宜取新棄故是日蒸蒸日上爲他國民所不敢
覬覦
初十日餘觀歐洲諸國雖曰强大而土地人民不過中國廿一

Фэн Лин[2] и первая страница 2-го тома его «Дневника путешествий»[3]

[1] 吴宗濂。随軺笔记四种 (*У Цзунлянь.* Четыре записи о поездках за рубеж в составе императорской миссии). Чанша. 2016.

[2] Автор магистерской диссертации, посвященной этому сочинению, признает, что ему не удалось установить даты рождения и смерти Фэн Лина. См.: 敖丽晶。"游余僅誌"的文献学价值 (*Ао Лицзин.* Источниковедческая ценность «Дневника путешествий» [Фэн Лина]). Педагогический университет Внешней Монголии. 2009. С. 4.

[3] 凤淩。游余僅誌 (*Фэн Лин.* Дневник путешествий). [Б. м.] 1929.

Кроме того, по словам Каффа, трудность заключалась также и в том, что показания различных лиц во многом расходились между собой. Однако, пишет Кафф, они все же достаточны для того, чтобы оценить степень достоверности сообщаемых ими фактов.

Первый вопрос, на который Кафф должен был ответить, — каким образом Сунь Ятсен оказался в здании китайской миссии.

Х. Макартни (1833–1906)

22 октября во время встречи с Сэндерсоном Макартни утверждал, что, собственно говоря, похищения-то вообще не было: Сунь Ятсен сам пришел в посольство[1].

В качестве доказательства справедливости своих слов Макартни привел тот факт, что в пятницу 9 октября Сунь Ятсен уже появлялся в здании миссии. Вначале он не вызвал каких-либо подозрений, но затем выяснилось, что, во-первых, он «заговорил с кантонцем-сотрудником посольства о “нестабильности китайского правительства”»; во-вторых, оказалось, что после его ухода не смогли найти какие-то важные бумаги. Поэтому он и был задержан во время своего повторного посещения в воскресенье 11 октября[2].

Отвечая на вопросы корреспондента газеты «Times», Макартни сообщил дополнительные подробности произошедшего:

> Он пришел добровольно, заговорил с нашим служащим, уроженцем той же провинции, и был представлен мне как человек по фамилии, которую он назвал. Мы немного поговорили, и некоторые замечания посетителя привели меня чуть позднее к мысли, что он может быть той личностью, за которой мы следили. Однако к тому времени он уже покинул миссию. Я связался с нашим частным детективом и узнал от него, что тот потерял его из виду во время его визита к нам на Портлэнд-Плейс. Но на следующий день посетитель вернулся. Мы задержали его, и он до сих пор находится у нас под арестом[3].

Кафф обратил внимание на противоречия, содержавшиеся в показаниях Макартни. Сэндерсону он говорил, что в первый раз Сунь Ятсен пришел в посольство «в пятницу 9 октября», а журналисту из «Times» —

[1] Sanderson’s record of his interview with Macartney, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 33.

[2] Sanderson’s record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // Ibid. P. 72.

[3] The Times, 24 October, 1896.

что во второй раз он был в здании миссии «на следующий день»[1]. Для Каффа это обстоятельство явилось веским основанием для вывода о том, что Макартни нельзя верить.

В то же время Кафф полагал, что расхождения в показаниях Макартни, по-видимому, объясняются не тем, что он намеренно вводил следствие в заблуждение, а тем, что, не будучи сам свидетелем описываемых им событий, излагал их с чужих слов.

Иное дело — показания Сунь Ятсена

В то же время, утверждал Кафф, Сунь Ятсен в своих высказываниях был последователен и непротиворечив, да и его манера отвечать на вопросы внушала доверие к нему.

Кафф сопоставил два показания Сунь Ятсена, которыми в то время располагал, а именно — адресованную Кэнтли записку, датированную 19 октября, и ответ на вопрос, заданный ему в Скотланд-Ярде 23 октября сразу же после освобождения из-под ареста.

В первом случае Сунь Ятсен писал:

> 11 октября (в воскресенье), когда я подошел к дверям посольства, двое китайцев завлекли меня в здание. Держа меня за руки, они толкали меня вовнутрь, говоря при этом, что хотят кое-что обсудить со мной. Когда я вошел, они тут же заперли входную дверь. Меня силой заставили подняться наверх по лестнице, и я был заперт в комнате[2].

То же самое Сунь Ятсен повторил и следователю 23 октября.

Кафф обратил внимание на то, что Сунь Ятсен категорически отрицал утверждение Макартни о том, что он якобы приходил в посольство дважды. Как мог д-р Сунь неоднократно бывать там, рассуждал Кафф, раз он понимал, что китайские власти непременно арестуют его?

В подтверждение версии о том, что Сунь Ятсен не пришел в миссию по своей доброй воле, а был похищен, Кафф приводит также свидетельство Коула: однажды переводчик Дэн Тинцзянь сказал ему: «Я молодец! Это благодаря мне он оказался [в здании миссии].»[3]

Убедительно для Каффа прозвучало и заверение д-ра Суня о том, что, подходя к зданию миссии, он вообще не имел представления о том, что это такое[4].

---

[1] Первоначальный доклад... С. 31.

[2] Там же. С. 30.

[3] Там же. С. 32.

[4] Там же. С. 31.

Правда, Кэнтли рассказал следователю, что однажды Сунь Ятсен спросил его о том, где находится китайское посольство. Кэнтли ответил вопросом на вопрос: «Да уж не собираетесь ли Вы отправиться туда?!», – но Сунь Ятсен засмеялся и заверил собеседника, что подобных намерений у него нет. Кэнтли предостерег своего гостя, сказав ему, что делать это ни в коем случае нельзя[1]. По свидетельству Мэнсона, Сунь Ятсен и его спрашивал о том, «не следует ли ему побывать в миссии».[2] Однако этим важным свидетельствам Кафф не придал должного значения.

Еще один существенный момент доклада, представленного Каффом. Указывая на противоречия в датах, обнаруженные им в сообщениях Макартни, и подчеркивая последовательность утверждений д-ра Суня, Кафф все же упоминает о том, что и в показаниях Сунь Ятсена с датами тоже не всегда концы сходились с концами. Но, по его мнению, это обстоятельство «несущественно»: под влиянием обстоятельств дела Сунь Ятсен находился в возбужденном состоянии, усугублявшемся постоянном недосыпанием, в результате чего даты могли спутаться в его памяти[3].

Здесь следователь вновь демонстрирует нам, что, оказавшись под влиянием личного обаяния Сунь Ятсена, он был готов найти приемлемое объяснение неувязок в сообщениях пострадавшего, но аналогичные неточности в словах Макартни вызывали у Каффа недоверие к ним.

Впрочем, Кафф допускал и иную возможность: не исключено, что показания Сунь Ятсена и Макартни в действительности не противоречили друг другу — если допустить, что д-р Сунь оказался в здании миссии не в результате применения грубой силы, а был завлечен туда обманным путем (из имевшихся в распоряжении следователя материалов можно было сделать и такой вывод)[4].

Некоторые другие вопросы, затронутые в докладе

С какой целью сотрудники миссии арестовали Сунь Ятсена?

Можно предположить, писал Кафф, что д-р Сунь был задержан и на него было оказано давление для того, чтобы выяснить имена его сообщников и планы дальнейших акций по отношению к пекинскому прави-

[1] Cantlie’s statement at the Treasury, 4 November, 1896 // FO 17/1718. P. 121.

[2] Manson’s statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 122.

[3] Первоначальный доклад... С. 32.

[4] Там же.

тельству; однако на самом деле цель миссии заключалась в другом — тайно вывезти Сунь Ятсена из Англии и доставить его обратно в Китай, чтобы подвергнуть наказанию за прежние проступки.

Кафф пришел к убеждению, что указанная цель могла быть с успехом достигнута, если бы не тот факт, что слуга, ежедневно общавшийся с узником, был англичанином[1]. Именно поэтому Кафф придавал столь большое значение всему, что сообщил ему Коул.

Макартни отдавал себе отчет в том, что конвоирование Сунь Ятсена из здания миссии на борт судна «Гленфарг», зафрахтованного специально для этой цели, связано с большим риском, поскольку это было явным нарушением местных законов. Поэтому он предпринял меры предосторожности, отослав свою семью в Шотландию, заперев свой дом и сообщив соседям, что он вместе со всеми родственниками на полгода уезжает из Лондона (именно поэтому Кэнтли не мог разыскать его), а сам поселился в гостинице близ железнодорожного вокзала[2].

К счастью для Макартни во время бесед в Форин Офис вопрос о фрахте судна для отправки Сунь Ятсена на родину не поднимался. Но он интересовал газетчиков. Сэр Холлидей отвечал: «Ничего подобного. Попыток вывезти его за пределы посольства не предпринималось»[3]. Когда же дотошные журналисты из другой газеты нашли компанию «Глен Лайн» и задали тот же вопрос ее управляющему, тот ответил: «Ничего сказать по этому поводу мы не можем»[4].

Располагая материалами этих газет, Кафф воздержался от попыток получить информацию на сей счет из первых рук — от управляющего фирмы «Глен Лайн» Макгрегора, поскольку полагал, что «дальнейшее расследование могло вызвать у того подозрения относительно того, с какой целью это делается»[5].

Из беседы с Коулом Кафф узнал, что Макартни и Макгрегор обменивались телеграммами, и принял меры к тому, чтобы получить в отделении почты и телеграфа копии этой переписки. Из них он установил, что 14 октября Макартни договаривался с Макгрегором о встрече, но она состоялась только 19 октября[6].

---

[1] Там же. С. 34.

[2] Daily Telegraph, 23 October, 1896.

[3] Там же.

[4] Morning, 24 October, 1896.

[5] Первоначальный доклад... С. 32.

[6] Там же.

В своем отчете Кафф затронул вопрос о том, в каких условиях содержался Сунь Ятсен во время своего пребывания в помещении миссии.

Макартни утверждал, что во время пребывания в стенах миссии Сунь Ятсен хорошо питался, был тепло одет и пользовался относительной свободой действий (это фактически удостоверил и Коул).

Сэр Холлидей категорически отвергал предположение, что задержанного пытали:

> Я встречал в газетах утверждение подобного рода, но, разумеется, это полный абсурд. Ни о пытках, ни о каком-либо ином недозволенном давлении никто из сотрудников миссии и помыслить не может, и я бесспорно в их числе[1].

Однако Кафф считал, что Сунь Ятсен мало чем отличался от узника:

> Если не считать того, что на нем не было арестантской робы и что он хорошо питался, условия его содержания были аналогичны пребыванию в тюрьме. Окно в комнате было закрыто и заколочено; дверь заперта на замок и охранялась (один из стражников был вооружен саблей); все письма и документы конфисковывались; общение с внешним миром прервано.
>
> Если сэр Холлидей, зная об этом, утверждал, что с Сунь Ятсеном обращались не так, как с заключенным, то я могу сказать только одно: он употреблял эти слова в каком-то ином значении, но не в том, в каком они используются большинством людей[2].

И, наконец, еще один принципиальный вопрос: а имела ли миссия вообще право задерживать своего подданного?

Во время встречи Сэндерсона и Макартни 22 октября заместитель министра иностранных дел недвусмысленно дал на это отрицательный ответ[3], а сэр Холлидей воздержался от спора на данную тему. Проблема заключалась в том, что ни та ни другая сторона не могла привести юридических оснований для обвинения или оправдания действий китайской миссии.

Свое мнение на сей счет Макартни высказал не в МИДе, а в интервью газете «Daily Telegraph»:

> Никто, кроме китайского посланника, не располагает правом распоряжаться в стенах китайской миссии, которая, согласно международному праву, является китайской территорией[4].

---

[1] Daily Graphic, 24 October, 1896.

[2] Первоначальный доклад... С. 33.

[3] Sanderson's record of his interview with Macartney, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 33.

[4] Daily Telegraph, 23 October, 1896.

В письме, адресованном редакции «Times», Макартни добавлял по этому поводу:

> Если китаец по своей собственной воле приходит в миссию и если против него есть обвинения либо подозрения <...>, никто вне миссии не имеет права препятствовать его задержанию. Разумеется, дело обстояло бы совсем иначе, если бы он был задержан вне здания миссии, ибо в этом случае он находился бы на британской территории и мы не могли бы интернировать его без ордера на арест.[1]

Но для прессы этот вопрос ввиду отсутствия прецедентов был не вполне ясен. «Globe», например, писала:

> Важная проблема, поднятая в связи с этим курьезным инцидентом, заключается в том, что неясно, каковы при подобных обстоятельствах права иностранного представительства и его статус.[2]

В своем отчете Кафф неизбежно был вынужден сформулировать собственное суждение по данному вопросу. Он пришел к следующему выводу:

> Если бы мы установили, что Сунь Ятсен пришел в посольство по своей воле (а я считаю, что дело обстояло иначе), то согласно международному праву и международной практике его задержание было бы правильным и законным.[3]

Цитируя этот абзац доклада, известный специалист по проблемам жизни и деятельности Сунь Ятсена Г. Шифрин придает ему прямо противоположный смысл, утверждая, что, по мнению Каффа, «если бы Сунь пришел в миссию добровольно, его арест [не] был бы правильным и законным».[4]

Шифрин сообщает также, что позднее дело Сунь Ятсена рассматривалось юристами как прецедент. Он ссылается, в частности, на издание по международному праву, в котором говорится: «Дипломатический представитель не имеет права задерживать лицо, являющееся подданным его страны, которое находится на территории принимающей страны, и содержать его под арестом в посольстве, имея в виду его экстрадицию в свою страну». В примечании к этому пассажу, продолжает Шифрин, сказано:

> В качестве примера можно привести дело китайца Сунь Ятсена, имевшее место в 1896 г. в Лондоне. Он был проживавшим в Лондоне

[1] Times, 24 October, 1896.

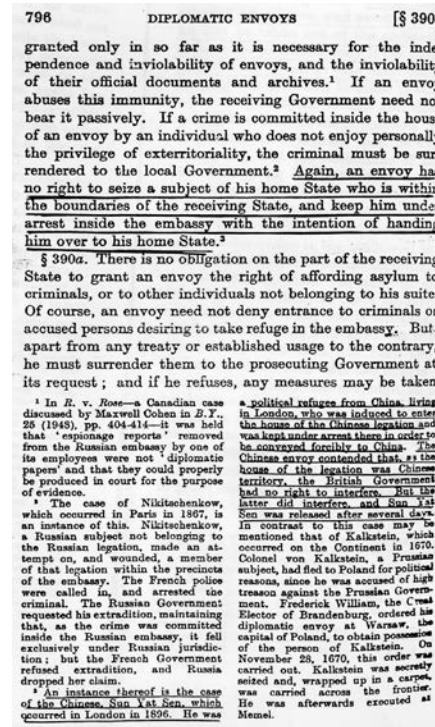
[2] Globe, 24 October, 1896.

[3] Первоначальный доклад... С. 33.

[4] *Schiffrin H. Z.* Sun Yan-sen and the Origins of the Chinese Revolution. Berkeley and Los Angeles. 1968. P. 114.

политическим беженцем из Китая, которого завлекли в здание китайской миссии и держали там под арестом, чтобы насильно отправить в Китай. Китайский посланник утверждал, что поскольку здание миссии является частью территории Китая, британское правительство не имеет права вмешиваться. Но оно вмешалось, и через несколько дней после этого Сунь Ятсен был освобожден.[1]

Мы разыскали издание, на которое ссылался Шифрин, и обнаружили, что в параграфе 390a раздела «Дипломатические представители» помимо дела Сунь Ятсена автор приводил и еще один, противоположный, пример.



796 DIPLOMATIC ENVOYS [§ 390a

granted only in so far as it is necessary for the independence and inviolability of envoys, and the inviolability of their official documents and archives.[1] If an envoy abuses this immunity, the receiving Government need not bear it passively. If a crime is committed inside the house of an envoy by an individual who does not enjoy personally the privilege of exterritoriality, the criminal must be surrendered to the local Government.[2] Again, an envoy has no right to seize a subject of his home State who is within the boundaries of the receiving State, and keep him under arrest inside the embassy with the intention of handing him over to his home State.[3]

§ 390a. There is no obligation on the part of the receiving State to grant an envoy the right of affording asylum to criminals, or to other individuals not belonging to his suite. Of course, an envoy need not deny entrance to criminals or accused persons desiring to take refuge in the embassy. But apart from any treaty or established usage to the contrary, he must surrender them to the prosecuting Government at its request; and if he refuses, any measures may be taken

[1] In *R.* v. *Rose*—a Canadian case discussed by Maxwell Cohen in *B.Y.*, 25 (1948), pp. 404-414—it was held that 'espionage reports' removed from the Russian embassy by one of its employees were not 'diplomatic papers' and that they could properly be produced in court for the purpose of evidence.

[2] The case of Nikitschenkow, which occurred in Paris in 1807, is an instance of this. Nikitschenkow, a Russian subject not belonging to the Russian legation, made an attempt on, and wounded, a member of that legation within the precincts of the embassy. The French police were called in, and arrested the criminal. The Russian Government requested his extradition, maintaining that, as the crime was committed inside the Russian embassy, it fell exclusively under Russian jurisdiction; but the French Government refused extradition, and Russia dropped her claim.

[3] An instance thereof is the case of the Chinese, Sun Yat Sen, which occurred in London in 1896. He was a political refugee from China, living in London, who was induced to enter the house of the Chinese legation and was kept under arrest there in order to be conveyed forcibly to China. The Chinese envoy contended that, as the house of the legation was Chinese territory, the British Government had no right to interfere. But the latter did interfere, and Sun Yat Sen was released after several days. In contrast to this case may be mentioned that of Kalkstein, which occurred on the Continent in 1670. Colonel von Kalkstein, a Prussian subject, had fled to Poland for political reasons, since he was accused of high treason against the Prussian Government. Frederick William, the Great Elector of Brandenburg, ordered his diplomatic envoy at Warsaw, the capital of Poland, to obtain possession of the person of Kalkstein. On November 28, 1670, this order was carried out. Kalkstein was secretly seized and, wrapped up in a carpet, was carried across the frontier. He was afterwards executed at Memel.

Страница из книги Л. Оппенхайма «Международное право»

Речь шла о том, что в 1670 г. обвиненный в государственной измене прусский подданный полковник Кальштейн бежал в Варшаву. Посол Пруссии в Польше получил приказ схватить изменника, и тот был задержан им, после чего его тайно переправили в Мемель, где он и был казнен.

Ни один из приведенных Оппенхаймом прецедентов не дает ответа на вопрос о правомерности действий иностранных дипломатических представителей. С точки зрения Каффа, оценка действий китайских дипломатов в 1896 г. зависела от того, добровольно ли Сунь Ятсен пришел в здание миссии. Но это обстоятельство так и не было выяснено им.

Через много лет после этого оно стало предметом ожесточенных споров, к которым мы еще вернемся в последующем изложении.

[1] *Lauterpacht H. (ed.) L. F. L. Oppenheim.* International Law: A Treatise. London. 1957. Vol. 1. P. 796.

Из уст потерпевшего

Доклад Каффа, равно как и те материалы, на которых он основывался, предназначался для внутреннего пользования и был опубликован лишь много позднее. Широкая публика узнала о приключениях Сунь Ятсена из многочисленных сообщений прессы. Кроме того, в начале 1897 г. в Лондоне увидела свет брошюра, на обложке которой значилось: «Сунь Ятсен. Похищен в Лондоне». В ней сам пострадавший подробно рассказывал обо всем, что с ним произошло в здании на Портлэнд Плейс. Эта доступная каждому книга (ее можно было приобрести всего за один шиллинг) сразу же стала бестселлером, во много способствовавшим тому, что имя Сунь Ятсена почти мгновенно получило широкую известность не только в Великобритании, но и далеко за ее пределами.

Реакция прессы

Брошюра была отпечатана через три месяца после освобождения Сунь Ятсена — 21 января 1897 г. — и в прессе на нее сразу же появилось несколько откликов (один из них — в тот же самый день).[1] Все они без единого исключения были положительными, некоторые — восторженными.

Прежде всего, все рецензенты приняли версию, что Сунь Ятсен был похищен, а не пришел в миссию по своей воле.

Один из них писал как об окончательно установленном факте, что «11 октября он (Сунь Ятсен) был обманом завлечен в китайское посольство».[2]

По мнению другого журналиста, после появления книги Сунь Ятсена нет больше необходимости обсуждать вопрос о том, как же всё-таки он оказался в здании миссии, хотя сэр Холлидей Макартни решительно отвергает обвинение в том, что им были приняты конкретные меры для отправки д-ра Суня в Китай.[3]

Далее, автор книги, полагали авторы рецензий, предстает перед читателем в сугубо положительном облике. Газета «Graphic» писала:

> Сунь Ятсен — образованный китаец, вдохновленный западными идеями, по профессии врач. Он рассказывает свою историю откровенно и немногословно.[4]

[1] Standard, 21 January, 1897.

[2] Graphic, 6 February, 1897.

[3] St James' Gazette, 30 January, 1897.

[4] Graphic, 6 February, 1897.

Первое издание книги «Похищен в Лондоне»

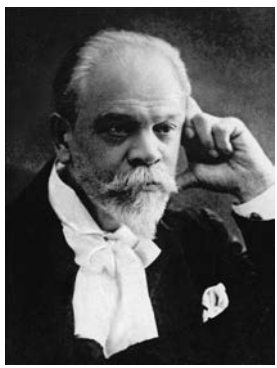
Многие рецензенты подчеркивали тот факт, что Сунь Ятсен — добропорядочный христианин.[1]

Еще один вывод: из книги Сунь Ятсена можно представить себе объективную картину нынешнего состояния общественно-политической жизни Китая:

Массы населения обретаются в невежестве. Никому под страхом смертной казни не разрешается изобретать что-либо новое или доводить до всеобщего сведения какие бы то ни было открытия.[2]

Тот же автор приходит к однозначному суждению о том, что обвинения, предъявлявшиеся Сунь Ятсену и послужившие причиной его задержания в китайской миссии, вымышлены.[3]

Книгу переводят за рубежом



Ф. В. Волховский (1846–1914)

Одним из первых, у кого возникло желание познакомить иностранную читающую публику с этим сочинением Сунь Ятсена, был известный русский народоволец Феликс Волховский.

Он прочитал книгу «Kidnapped in London» и написал об этом Сунь Ятсену. Между ними завязалась переписка. Волховский получил в подарок экземпляр книги, перевел ее на русский язык и опубликовал в журнале «Русское богатство», который тогда редактировал В. Г. Короленко, под интригующим заголовком: «Невероятнее сказки. Рассказ доктора китайца о его похищении и заточении в Лондоне».[4]

С тех пор русская аудитория была наслышана о смелом китайце «Сен-Ят-Сэне», сумевшем одолеть приспешников могущественного китайского императора.

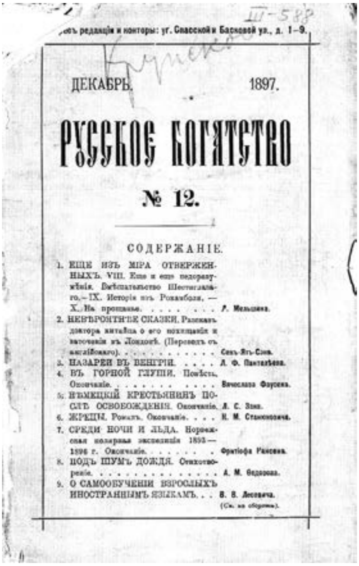
---

[1] Standard, 21 January, 1897.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Русское богатство. 1897. № 12.



...отъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1–9.

ДЕКАБРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

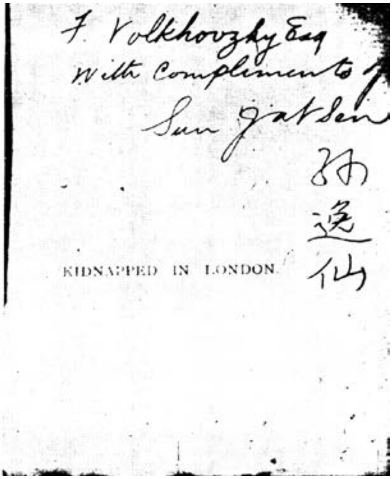
№ 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ЕЩЕ ИЗЪ МІРА ОТВЕРЖЕННЫХЪ. VIII. Еще и еще недоразумѣнія. Бѣгство Шестиглазаго.—IX. Исторія изъ Рокамболи.—X. На прощанье. . . . . Р. Мельшина.
2. НЕВѢРОЯТНЫЕ СКАЗКИ. Разсказъ доктора китайца о его похищеніи и заточеніи въ Лондонѣ. (Переводъ съ англійскаго). . . . . Сенъ-Ятъ-Сэнъ.
3. НАЗАРЕИ ВЪ ВЕНГРІИ. . . . . Л. Ф. Пантелѣева.
4. ВЪ ГОРНОЙ ГЛУШИ. Повѣсть. Окончаніе. . . . . Вячеслава Фаусека.
5. НѢМЕЦКІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ ПОСЛѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ. Окончаніе. А. С. Зака.
6. ЖРЕЦЫ. Романъ. Окончаніе. . . . И. М. Станюковича.
7. СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА. Норвежская полярная экспедиція 1893—1896 г. Окончаніе. . . . . . . Фритіофа Нансена.
8. ПОДЪ ШУМЪ ДОЖДЯ. Стихотвореніе. . . . . А. М. Өедорова.
9. О САМООБУЧЕНІИ ВЗРОСЛЫХЪ ИНОСТРАННЫМЪ ЯЗЫКАМЪ. . . В. В. Лесевича.

(См. на оборотѣ).

В этом номере «Русского богатства» был опубликован перевод книги «Kidnapped in London»



Титульный лист книги с дарственной надписью Сунь Ятсена

К сожалению, переписка Сунь Ятсена с Волховским не сохранилась. Известна лишь краткая записка от 15 марта 1897 г., написанная д-ром Сунем в ответ на какое-то послание русского революционера, жившего тогда в Англии[1] (оригинал хранится в архиве Стэнфордского университета в США).

Следующей на очереди была Япония.

Чэнь Шаобай купил книгу в Токио и показал ее своему знакомому Миядзаки Торадзо. Тот обратил внимание на портрет Сунь Ятсена: такая внешность, подумал он, может быть только у необыкновенной личности, которой суждено великое будущее.

Первое издание книги «Похищен в Лондоне» на китайском языке

[1] Сунь Ятсен — Волховскому, 15 марта 1897 г. // ПСОГ. Т. 4. С. 15.

Вскоре он лично познакомился со своим героем, прибывшим в Японию после пребывания в Англии.

Через некоторое время он взялся за перевод книги на японский язык и в 1898 г. опубликовал плод своих трудов в газете «Кюсю ниппо».[1]

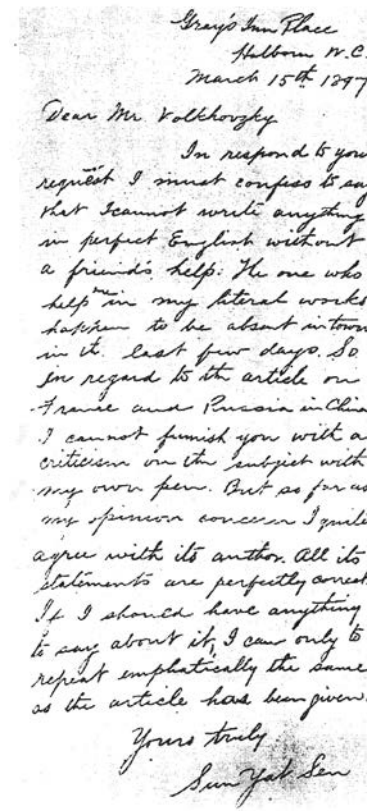
Как уже упоминалось выше, в переводе на китайский язык «Kidnapped in London» была впервые опубликована в Шанхае в 1912 г.

Необходимый комментарий

Упоминавшееся выше письмо Сунь Ятсена Волховскому начинается словами:

> В ответ на Вашу просьбу я должен признаться, что без помощи моего друга я не могу писать что-либо на хорошем английском языке. Человека, который помогает мне писать [по-английски], вот уже несколько дней нет в городе, так что я не могу представить Вам свои замечания по поводу той статьи о [политике] Франции и России в Китае.[2]

От Сунь Ятсена требовалось написать всего несколько строчек по-английски (китайского Волховский, естественно, не знал), но он отказался, признав, что не может сделать это без посторонней помощи. Возникает вполне естественный вопрос: если это так, то как мог Сунь Ятсен, будучи к тому же ограничен во времени, написать не краткий отзыв на чужую статью, а целую брошюру в сотню с лишним страниц?



Gray's Inn Place
Holborn W.C.
March 15th 1897

Dear Mr. Volkhovsky

In respond to your request I must confess to say that I cannot write anything in perfect English without a friend's help. He one who help me in my literal works happen to be absent in town in it. last few days. So in regard to the article on France and Russia in China I cannot furnish you with a criticism on the subject with my own pen. But as for as my opinion concern I quite agree with its author. All its statements are perfectly correct. If I should have anything to say about it, I can only to repeat emphatically the same as the article have been given.

Yours truly
Sun Yat Sen

Письмо Сунь Ятсена Волховскому от 15 марта 1897 г.

[1] Подробнее об этом см.: *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image. P. 193–194.

[2] Сунь Ятсен — Волховскому, 15 марта 1897 г. // ПСООГ. Т. 4. С. 15.

Исследователи-суньятсеноведы обратили также внимание на то, что книга «Kidnapped in London» написана не просто на весьма хорошем английском, она написана ярко, с юмором, тогда как даже короткие записки, вышедшие из-под пера Сунь Ятсена, пестрят грубыми грамматическими ошибками (читатель может сам убедиться в этом; см. выше, с. 78).

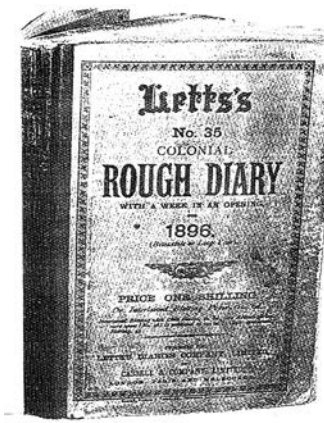
Может быть, помощь друга, о которой говорится в письме Волховскому, заключалась в том, что тот редактировал написанное Сунь Ятсеном?

В авторском предисловии к книге говорится:

> Я должен просить прощения читателей за погрешности в моем повествовании на английском языке и признаюсь, что без помощи, оказанной мне моим добрым другом, излагавшим мои мысли, я никогда не решился бы объявить себя автором книги, написанной по-английски.[1]

Это заявление противоречиво: в том случае, если автор приносит читателю извинения за стилистические недочеты, это означает, что книга была написана им самим; если же мысли автора «излагал» его добрый знакомый, тогда извинения автора естественно были излишни.

Можно было бы до бесконечности гадать о том, что этим хотел сказать Сунь Ятсен, но Хуан Юйхэ, изучавшему подробности приключений д-ра Суня в Лондоне, неожиданно крупно повезло. Ему удалось уговорить наследников Кэнтли показать ему и разрешить цитировать хранившийся у них в качестве семейной реликвии дневник Мэйбл Кэнтли, первоначально вовсе не предназначавшийся ими для публикации.[2]



Обложка дневника М. Кэнтли за 1896 г.

[1] *Sun Yat Sen.* Kidnaped in London. London. 1897. P. 3. Заметим, что в русском переводе этого предисловия, сделанного не с оригинала, а с перевода на китайский, смысл фразы искажен: «Искусство изложения на литературном китайском языке отнюдь не принадлежит к числу моих достоинств, и я уповаю лишь на снисходительное отношение читателя к недостаткам моего стиля. Не окажи друзья существенной помощи в написании предлагаемой книги, я никогда не решился бы вынести ее столь смело на суд общественности» (Записки о лондонских злоключениях // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М. 1964. С. 67).

[2] *J. Y. Wong.* The Origins of an Heroic Image. P. 14.

21 ноября 1896 г. госпожа Кэнтли записала в дневнике:

> Хэмиш[1] только что закончил написание истории Сунь Ятсена и отнес ее издателям.[2]

Через два месяца новая запись:

> Книга Хэмиша о Сунь Ятсене завтра выйдет из печати.[3]

На следующий день:

> Сегодня появилась книга о Сунь Ятсене. Много хороших отзывов.[4]

Эти дневниковые записи свидетельствуют, что Джэймс Кэнтли не ***редактировал*** написанное Сунь Ятсеном, а ***излагал*** его мысли.

Имя Сунь Ятсена у всех на устах

Одним из главных последствий того, что Сунь Ятсен был арестован китайским посольством, а потом, пройдя через нелегкие испытания, благополучно обрел свободу, стал лавинообразный рост его популярности. Способствовал этому он сам, немалую лепту в формирование образа китайского героя внесли его бывшие учителя Кэнтли и Мэнсон, но всё же решающую роль в этом сыграла английская пресса.

Образ героической личности

Справедливости ради нужно сказать, что на первых порах некоторые английские издания расценивали случай на Портлэнд Плейс, 49 в несколько иной плоскости.

В газете «Globe», первой сообщившей о похищении Сунь Ятсена, был помещен комментарий агентства «The Central News»:

> В этом заговоре нет ничего необычного. Кантонская провинция — это рассадник подрывной деятельности. <...> Помимо всего прочего, жители [китайского] Юга рождаются пиратами, и захват заложников — их профессия и искусство, в котором они преуспели. Тот факт, что один из похитителей был похищен в Лондоне — это не более чем зловещий пример китайского юмора.[5]

---

[1] Ласкательное шотландское имя Джэймса Кэнтли.

[2] Mrs Cantlie's diary, 21 December, 1896.

[3] Ibid, 20 January, 1897.

[4] Ibid, 21 January, 1897.

[5] Globe, 23 October, 1896.

Эти слова поразили Джеймса Кэнтли, и он откликнулся на них:

> Я близко познакомился с Сунем в Гонконге. В 1887 г. он учился там в медицинском колледже и окончил его. Он был прекрасным студентом и начал практиковать в Макао, португальском сэттльменте, расположенном примерно в 30 км от Гонконга. Благодаря своей успешной врачебной деятельности он был приглашен друзьями в Кантон. После этого я почти на месяц потерял его из вида, но он навестил меня в Гонконге и сообщил, что у него нелады с китайским правительством.[1]

И очень скоро тон газет, сообщавших о непредвиденном происшествии, стал меняться.

Корреспондентов, бравших интервью у Сунь Ятсена, приятно удивили два обстоятельства: его внешний облик и владение английским языком.

Третий обратил внимание читателей на то, что «в своем светлом пальто, в костюме, сшитом на европейский манер, и в явно европейской мягкой фетровой шляпе черного цвета Сунь Ятсен совсем не похож на восточного заговорщика, каким его изображает китайская миссия».[2]

Что до его знания английского, тот же интервьюер утверждал, что Сунь Ятсен выражает свои мысли «медленно, но на очень хорошем английском языке».[3]

Внешность д-ра Суня сыграла важную роль в стремительном росте его популярности

Лондонская пресса шумно выражала свое удовлетворение благополучным исходом скандальной истории, утверждая, что «хотя Сунь Ятсен не британский подданный, но он — человеческая личность, а у нас здесь в Англии любая человеческая личность, даже если она — китаец, имеет определенные и неотъемлемые права».[4]

Поэтому газеты приветствовали решительные действия правительства, направленные на восстановление справедливости:

---

[1] Evening Standard, 23 October, 1896.

[2] Daily Mail, 24 October, 1896.

[3] Там же.

[4] Sun, 23 October, 1896.

Оперативность, с которой лорд Солсбери заставил [китайскую миссию] освободить Сунь Ятсена, будет встречена самым теплым одобрением повсюду в Британской Империи. <...> Не меньших похвал, чем быстрота действий премьер-министра, заслуживает пренебрежительный тон распоряжения об освобождении [Сунь Ятсена]. Чиновник Форин Офис, сопровождаемый одним-единственным детективом, появился на сцене, чтобы вручить этот документ, и о его безапелляционности можно судить хотя бы по тому, как быстро он был исполнен.[1]

The Case of Sun Yat-Sen

THE sensation of the week was undoubtedly the story of the Chinaman who was detained by the Chinese Legation on October 11. The story was first published in the *Globe* after the Chinaman, Sun Yat-Sen, had been locked up for about ten days. It appears that Sun Yat-Sen is a medical man well known in Hong Kong, who was suspected of being engaged in a conspiracy to upset the reigning dynasty in China. His companions were arrested in China, and he fled to America, afterwards coming over to London, where he intended to study medicine. His friends, and especially Dr. Cantlie, who knew him in China, were much alarmed at his disappearance, as it was feared that he would be smuggled out of England and taken to China for execution. Sun's account of the affair was that he was passing the Chinese Embassy one day, not knowing the house, when two Chinamen came and spoke to him, and, after a little conversation, hustled him into the Embassy, where he was locked up in a top room and treated as a prisoner. Sir Halliday Macartney, however, the Secretary of the Embassy, declares that Sun went to the Embassy of his own accord, and it was only on his third appearance that he was told that he was a prisoner on a charge of treason. Then the Foreign Office took the matter in hand, and Lord Salisbury sent down a peremptory demand for the man's release, with the result that soon after five on the afternoon of the 24th Sun was handed over to Inspector Jarvis of Scotland Yard by the officials of the Embassy, after having been imprisoned the best part of a fortnight.

SUN YAT-SEN
Who was a prisoner at the Chinese Embassy

Статья «Дело Сунь Ятсена» в журнале «The Graphic», 31 октября 1896 г.

Резкое изменение отношения к Сунь Ятсену со стороны лондонской прессы стало причиной кардинальных сдвигов в оценке его деятельности англоязычными газетами, издававшимися в Китае.

В ноябре 1895 г. после неудачи руководимого д-ром Сунем восстания кантонская газета «China Mail» писала о нем:

> Те, кто знает его, не удивлены, что тщательно разработанный им план завершился столь нелепым фиаско. Его претензии на лидерство не подтверждаются его мудрым решением бежать за 24 часа до ареста его товарищей, но если тот факт, что после этого он не решается ходить с высоко поднятой головой, удержит его от возвращения к прежним намерениям, это послужит счастливому избавлению его последователей и друзей.[2]

Прошло чуть больше года и теперь (о, чудо!) та же газета называла Сунь Ятсена «известной исторической личностью»:

> Он выдающийся человек, хорошо осведомленный о поистине жалком состоянии миллионов жителей Китая. <...> Д-р Сунь был единственным, кто совмещал всестороннее понимание ситуации с той безрассудной храбростью, без которой национальное возрождение невозможно.[3]

[1] Globe, 24 October, 1896.

[2] China Mail, 2 November, 1895.

[3] China Mail, 26 November, 1896.

Кто он — реформатор или революционер?

Необходимо подчеркнуть, что большинство лондонских газетчиков считало Сунь Ятсена «героем нынешнего великого поколения»[1], но никто не называл его лидером китайской революции. Он сам приложил к этому руку, всячески воздерживаясь от каких бы то ни было упоминаний о своей революционной деятельности.

Характерен такой случай.

Репортеры, встретившие его на пороге китайского посольства в 5 часов пополудни 23 октября, наряду с другими вопросами поинтересовались: «Можете ли Вы сказать что-либо по поводу тех революционных дел, в которых Вас обвиняет миссия?»

«О, это длинная история и сейчас не время обсуждать ее!» — ответствовал Сунь Ятсен.[2]

Не исключено, что тогда действительно было не время обсуждать эту длинную историю. Но вечером того же дня, когда Сунь Ятсену, отдохнувшему и поужиновавшему на квартире у Кэнтли, журналисты вновь задали тот же вопрос, он отвечал, что был задержан в китайском посольстве из-за, казалось бы, незначительного дела: в свое время он «направил [правительству] меморандум относительно реформ в Китае».[3]

О своей принадлежности к «партии реформ» Сунь Ятсен говорил не только корреспондентам английских газет. Он писал об этом и в своих статьях, опубликованных в Лондоне в начале 1897 г. Первая так и называлась: «Настоящее и будущее Китая: партия реформ просит Британию соблюдать доброжелательный нейтралитет»[4]; вторая — «Реформа законодательства в Китае».[5]

Всё это привело китайского историка Линь Цзэнпина к мысли о том, что в 1896–1897 гг. процесс трансформации Сунь Ятсена-реформатора в Сунь Ятсена-революционера еще не завершился. [6]

Линь Цзэнпин (1923–1992)

[1] Sun, 24 October, 1896.

[2] Daily Chronicle, 24 October, 1896.

[3] Evening Standard, 24 October, 1896.

[4] *Sun Yatsen.* China's Present and Future: The Reform Party' Plea for British Benevolent Neutrality // Fortnighly Review, New Series. Vol. 61. 1897. № 363. P. 424–440.

[5] *Sun Yansen.* Judicial Reform in China // East Asia. Vol. 1. 1897. № 1. P. 3–13.

[6] 林增平。孙中山民主革命思想的形成 (*Линь Цзэнпин.* Формирование идеи Сунь Ятсена о демократической революции) // http://www.doc88.com/p-0059215593838.html.

С этим трудно согласиться — хотя бы потому, что в отличие от высказываний Сунь Ятсена, предназначавшихся им для всеобщего сведения, в своих частных письмах он в это время продолжал обсуждать проблемы свержения цинской династии, а не мирного преобразования существующего в Китае строя.

В книге «Похищен в Лондоне» описан такой эпизод. После освобождения Сунь Ятсена из-под ареста Джэрвис сопровождал его в Скотланд-Ярд.

> На пути туда инспектор Джэрвис прочел мне длинную нотацию о моих прошлых ошибках, пожурив меня, как журят школьников, и дал мне добрый совет — впредь не иметь ничего общего с революциями.[1]

Хуан Юйхэ расценил этот отрывок интерполяцией, вставленной в текст волею Кэнтли, поскольку тот также не терял надежды, что его бывший ученик, приобретший квалификацию врача, оставит политическую карьеру и вернется к занятиям медициной.[2]

Рецензенты обратили внимание на этот пассаж и со своей стороны выразили надежду, что Сунь Ятсен последует разумному совету полицейского.[3]

Как бы то ни было, Сунь Ятсен, образ которого с его собственной помощью и при активном содействии его верных друзей пропагандировала британская пресса, всё же кажется нам не вполне тем Сунь Ятсеном, каким он был в реальной действительности.

Homefield,
Lee Grove Road,
Beckenham,
Kent.

Dear Madam

I am only too glad to give you my autograph and with many thanks for your kindly congratulations.

Yours tr.

Sun Yat-sen

Сунь Ятсен выражает свою готовность вручить автограф незнакомой даме

Встречи, обеды, чествования

Тем не менее его популярность в Лондоне была исключительной. Сунь Ятсена узнавали на улице, писали ему письма с просьбой дать автограф, приглашали на званые обеды и устраивали собрания, на которых он выступал с лекциями.

Мэйбл Кэнтли писала в своем дневнике:

> Хэмиш и Сунь Ятсен были на ужине в Savage Club. Провели там прекрасный вечер.[4]

Газета «China Mail» сообщала об этом:

---

[1] *Сунь Ятсен.* Записки о лондонских злоключениях. С. 102.

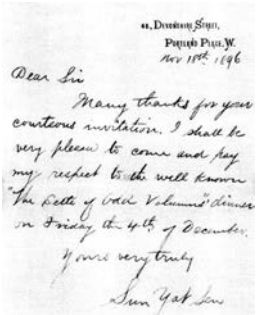
[2] *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image. P. 188.

[3] Times, 21 January, 1897.

[4] Mrs Cantlie's diary, 14 November, 1896.

14 ноября д-р Сунь Ятсен был приглашен на ужин в Savage Club и в ответ на настойчивые просьбы рассказал о пережитом им недавно в китайском посольстве на Портланд Плейс.

Историю своего избавления он поведал, несколько запинаясь, по-английски.[1]



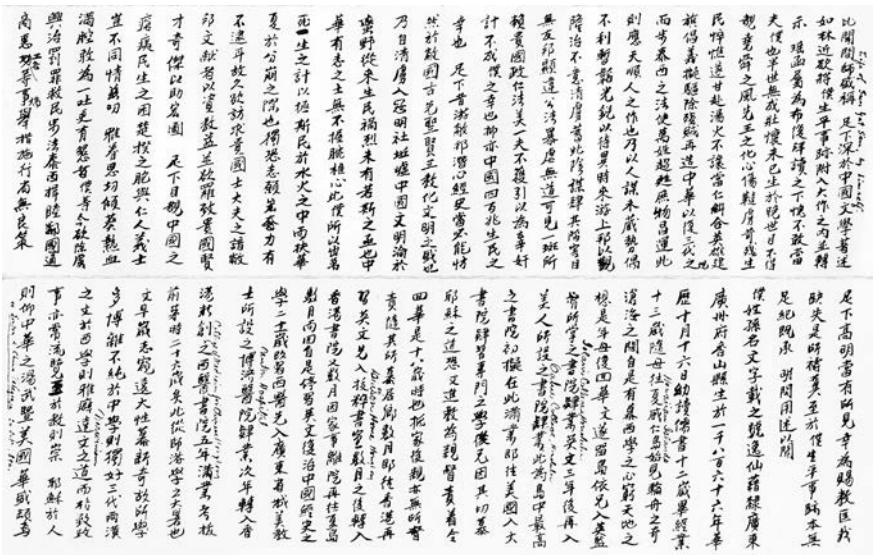
Сунь Ятсен благодарит за приглашение на ужин 18 ноября 1896 г.

Подобных примеров можно привести множество.

Наглядной иллюстрацией популярности, которую в эти дни обрело имя Сунь Ятсена, было намерение знаменитого английского синолога профессора Кэмбриджского университета Г. Джайлса включить статью о Сунь Ятсене в подготавливавшийся им «Китайский биографический словарь».

Отвечая Джайлсу, Сунь Ятсен сообщил некоторые сведения о себе, закончив письмо словами:

Что касается религии, то я почитаю Христа, а среди смертных — китайских Чэн Тана и У-вана, а также американца Вашингтона.[2]



Автобиография Сунь Ятсена, написанная им по просьбе Г. Джайлса

[1] China Mail, 24 December, 1896.

[2] Сунь Ятсен — Джайлсу, ноябрь 1896 г. // 孙中山全集 (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 1. Пекин. 1981. С. 48.

Споры на старую тему разгораются вновь

Казалось бы, версия Холлидея Макартни о том, что Сунь Ятсен пришел в китайскую миссию на Портланд Плейс по собственной воле, давно уже канула в Лету, и ни у кого не может быть сомнений в том, что в Лондоне он был похищен. Но вдруг споры на эту тему разгорелись вновь и притом с еще бóльшим ожесточением, чем раньше.

Сенсационное заявление Чэнь Шаобая

Чэнь Шаобай — один из «четырех знаменитых бунтарей» — был ближайшим другом и верным сподвижником Сунь Ятсена. Он лучше других знал подноготную лидера, которого безгранично уважал, а Сунь Ятсен делился с ним своими самими сокровенными мыслями.

И поэтому неожиданной сенсацией явилось признание Чэнь Шаобая в его воспоминаниях об общении с Сунь Ятсеном летом 1897 г., когда тот только что прибыл в Японию из Лондона.

Сообщение Чэнь Шаобая было подобно разорвавшейся бомбе

Чэнь Шаобай писал:

Знаем ли мы, при каких обстоятельствах д-р Сунь был задержан в посольстве? В книге «Похищен в Лондоне» сообщается, что он встретил на улице атташе посольства Дэн Тинцзяня. Дэн Тинцзянь назвался его земляком, родом из уезда Сяншань, и привел его к себе домой, дабы пообщаться с ним. Этот дом был не чем иным, как посольством. После этого они встречались еще несколько раз, но в конце концов его заставили подняться по лестнице, и он был задержан.

Но на самом деле правда была иной. Как сообщил мне д-р Сунь, он уже знал, что в этом здании помещалось посольство. Однако он ежедневно ходил туда под чужим именем, чтобы агитировать за революцию. Позднее сотрудники посольства заподозрили неладное, потому что слухи о восстании в Кантоне продолжали распространяться. Они подумали, не является ли визитер самим Сунь Ятсеном. Будучи уроженцем того же места, что и Сунь Ятсен, Дэн Тинцзянь подтвердил обоснованность этих подозрений, и д-р Сунь был задержан.[1]

[1] 陈少白。兴中会革命史要 (*Чэнь Шаобай*. Краткая история революционной деятельности «Общества возрождения Китая»). Нанкин. 1935. С. 46.

Ло Цзялунь (1897–1969)

Сообщение, содержавшееся в посмертной публикации воспоминаний Чэнь Шаобая, подтвердило достоверность того вывода, к которому еще до того, в 1930 г. пришел историк Ло Цзялунь.

Профессор Ло Цзялунь проделал кропотливую работу по розыску первоисточников, имеющих отношение к пребыванию Сунь Ятсена в Лондоне. Им, в частности, были обнаружены и опубликованы доклады частного детектива, следившего за Сунь Ятсеном, а также документы, сохранившиеся в архиве китайского посольства.

Дай Цзитао (1891–1949)

Помимо этого, Ло Цзялуню в свое время удалось побеседовать на эту тему с двумя соратниками Сунь Ятсена — Ху Ханьминем и Дай Цзитао.

Ху Ханьминь впервые повстречался с Сунь Ятсеном лишь в 1905 г., спустя почти 10 лет после лондонских событий, но в беседе с Ло Цзялунем в июле 1930 г. засвидетельствовал, что слышал о перипетиях того времени из уст самого Сунь Ятсена.

Тогда Ху Ханьминь сообщил Ло Цзялуню:

> Вопрос о том, пришел ли [Сунь Ятсен] в посольство добровольно или его завлекли туда силой, остается открытым, так как однажды он заявил нам, что оказался там по своей воле.[1]

Ху Ханьминь (1879–1936)

В сентябре 1930 г. Ло Цзялунь взял интервью у Дай Цзитао, который также слышал сказанное Сунь Ятсеном: «Я сам пришел в посольство». Он мог узнать об этом позже, чем Ху Ханьминь, потому что познакомился с Сунь Ятсеном лишь в 1912 г.

Итак, Ло Цзялунь получил одну и ту же информацию из трех различных источников, те же в свою очередь — в разное время от самого Сунь Ятсена.

[1] *Ло Цзялунь*. Исследование материалов... С. 42.

Тем не менее в своих выводах Ло Цзялунь был столь же осторожен, как и Ху Ханьминь, полагая, что окончательный ответ на вопрос о том, что же произошло на Портланд Плейс, 49 в действительности, может быть получен лишь в результате дальнейших исследований.

К этому следует добавить, что в своей книге о раннем периоде деятельности Сунь Ятсена израильский исследователь Г. Шифрин упоминал еще об одном ветеране китайской революции, который, вопреки версии о насильственном похищении д-ра Суня, писал о том, что тот сам пришел в китайское посольство, чтобы «агитировать за революцию». Это был Дэн Мухань, неопубликованная рукопись которого хранится в настоящее время в архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе.[1]

Мы разыскали эту рукопись. В ней, в частности, сказано:

> В тот раз вождь поехал в Европу не только для того, чтобы изучить там ситуацию, но и со специальной целью пропаганды революционных идей и расширения влияния своей организации. В то время в английской столице не было обучавшихся там китайцев, да и иммигрантов из Китая было мало. С чего же он мог начать? По традиции среди дипломатов всегда было много выходцев из Гуандуна, и установление контакта с ними наверняка было бы полезно для перспектив революции. Разумеется, сотрудники посольства были прислужниками маньчжурского правительства, и обращение их в свою веру было крайне опасной затеей. Но неординарные цели революционера не ограничивали его действия обычными рамками. [По пословице:] «Как поймать тигренка, не проникнув в логово тигра?» И вот он решил на свой страх и риск отправиться 4-го числа 9-го месяца (10 октября по европейскому календарю) в китайскую миссию, чтобы встретиться с кантонцами.[2]

Дэн Мухань специально подчеркнул:

> Впоследствии об этом говорил сам вождь, и о том же упоминается в книге У Цзунляня (бывшего в посольстве переводчиком французского языка) «Четыре записи о поездках за рубеж в составе императорской миссии», в «Дневнике путешествий» Фэн Лина (бывшего военно-морским атташе посольства), в официальном донесении Гун Чжаоюаня и показаниях англичанина Макартни — он сам пришел в посольство и потом был задержан там. С точки зрения здравого смысла именно этой версии следует отдать предпочтение.[3]

---

[1] *Schiffrin H. Z.* Sun Yan-sen and the Origins of the Chinese Revolution. P. 113, n. 49.

[2] 邓慕韩。详记孙总理伦敦蒙难事 (*Дэн Мухань.* Подробно о похищении Сунь Ятсена в Лондоне) // Архив Комитета по изучению истории Гоминьдана. 030/131. С. 4.

[3] Там же. С. 7.

Что же касается версии, изложенной в книге «Похищен в Лондоне», то Дэн Мухань утверждал:

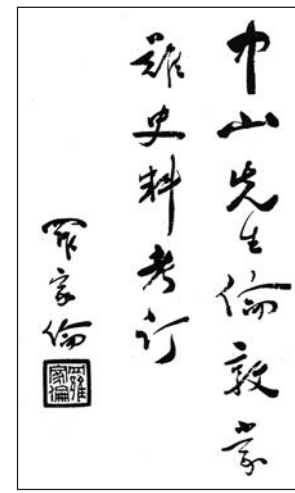
> Автор хотел обрести симпатии лиц, не имевших прямого касательства к этому делу, и представить преступления маньчжурского двора в более выпуклой форме. Поэтому он был вынужден использовать подобный прием, не более того. Прекрасно зная, что это здание посольства, войти в него — это еще отчетливее характеризует революционную смелость вождя, коей не обладает обыватель![1]

Неизвестно, когда были написаны эти строки. В каталоге архива утверждается лишь: «До создания Китайской Республики».[2]

Если составители каталога правы, это сочинение Дэн Муханя было написано задолго до выхода в свет книги Ло Цзялуня.

Мнения разделились

Рукопись Дэн Муханя покоилась на полке архива, а исследование Ло Цзялуня было дважды издано и доступно всем желающим. Поэтому именно он был избран в качестве мишени для смертоносных стрел блюстителей принципа партийности науки, исповедовавшегося Гоминьданом столь же последовательно и строго, как ВКП(б) и КПК.



Обложка книги Ло Цзялуня о злоключениях Сунь Ятсена в Лондоне

Дошло до того, что у секретаря Чан Кайши возникла мысль запретить книгу Ло Цзялуня, поскольку в ней утверждалось, что Отец Государства был способен изрекать неправду, то есть, говоря просторечным китайским языком, лгать. Отказались от этого шага только ввиду того, что книга уже разошлась большим тиражом.[3]

Всё же сам профессор Ло Цзялунь, ректор Университета «Цинхуа», всемирно известный

[1] Там же.

[2] 中国国民党中央委员会党史委员会藏孙中山先生史料目录彙编 (Каталог исторических материалов, связанных с деятельностью Сунь Ятсена, из собрания Комитета по истории партии при ЦК Гоминьдана). Тайбэй. 1995. С. 53.

[3] 吴相湘。«伦敦蒙难» 真相必须澄清 (*У Сянсян.* Правда о «похищении в Лондоне» должна быть восстановлена) // Ляньхэ бао, 12 ноября 1964 г.

Ло Цзялунь и Джавахарлал Неру

ученый, был прилюдно пригвожден к позорному столбу и подвергнут всеобщему осмеянию.

Спустя три десятилетия после выхода в свет книги Ло Цзялуня роль главного инквизитора выпала на долю У Сянсяна, так же, как и его жертва, посвятившего исследованию деятельности Сунь Ятсена многие годы своей жизни.

Для того чтобы восстановить правду о похищении в Лондоне, У Сянсян проделал определенную работу. В поисках прямых доказательств того, что Сунь Ятсен был похищен, он предпринял в 1962 г. специальную поездку в Лондон, где внимательно перелистал документы из фонда 17/1718 в архиве Форин Офис и особенно тщательно познакомился с докладом Каффа. Скопировав ряд материалов, он по возвращении в Китай опубликовал их[1], хотя исходная цель этим не была достигнута.

[1] 吴相湘。海外新见中国现代史史料 (*У Сянсян.* Обнаруженные за рубежом новые материалы по новейшей истории Китая) // 中国现代史丛刊 (Материалы по новейшей истории Китая). Т. 1. Тайбэй. 1962.

В 1964 г. У Сянсян подверг безжалостной критике главный тезис Ло Цзялуня, посвятив этому специальную статью.[1] Повторяя в ней выводы Каффа, автор доказывал их основательность тем, что они были сформулированы официальным представителем британского правосудия. Напротив, У Сянсяну претил тот факт, что Ло Цзялунь использовал в своей книге конфиденциальную переписку китайского посланника с Цзунлиямэнем.

Спустя еще два десятилетия У Сянсян в своей «Биографии Сунь Ятсена»[2] неоднократно возвращался к тому, что считал ошибочным в изложении Ло Цзялуня. На один из наиболее показательных примеров этого позднее обратил внимание Хуан Юйхэ.

Кафф отметил знаменательный факт: Сунь Ятсен спрашивал и у Кэнтли, и у Мэнсона, как они отнесутся к тому, что он посетит китайское посольство. Следователь отнес этот факт в числу тех, которые в какой-то мере плохо согласовывались с его главным выводом о правдивости показаний Сунь Ятсена относительно обстоятельств его похищения.

По этому поводу У Сянсян написал:

> Сунь Ятсен находился в Англии по пути во Францию с целью изучения сельского хозяйства. Он имел на руках паспорт, выданный ему маньчжурским Министерством иностранных дел. Для того чтобы получить французскую визу, визит в китайское посольство был ему необходим.[3]

Хуан Юйхэ справедливо заметил, что, во-первых, никто не знает, действительно ли Сунь Ятсен собирался ехать из Лондона во Францию; во-вторых, неизвестно, был ли у Сунь Ятсена паспорт и, если был, то какой; в-третьих, если бы Сунь Ятсену и в самом деле была нужна французская виза, он должен был бы обратиться во французское, а не в китайское посольство.

Но главное, заключает Хуан Юйхэ, вплоть до Второй мировой войны визы были в Европе неизвестны и житель одной страны мог, не имея даже паспорта, свободно отправляться за границу (за исключением России и Турции).[4] К этому можно добавить, что китайцу, выезжавшему

---

[1] 吴相湘。«伦敦蒙难» 真相必须澄清 (*У Сянсян.* Правда о «похищении в Лондоне» должна быть восстановлена) //Ляньхэ бао, 12 ноября 1964 г.

[2] 吴相湘。孙逸仙先生传 (*У Сянсян.* Биография Сунь Ятсена). Т. 1–2. Тайбэй. 1972.

[3] Там же. Т. 1. С. 153.

[4] *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image. P. 6–7.

Паспорт, выданный в 1908 г. некоему Сун Лянби для поездки на учебу в Канаду

за границу, паспорт требовался только в том случае, если он собирался в США или Канаду.

В целом У Сянсяну, несмотря на все приложенные к тому усилия, так и не удалось доказать, что Сунь Ятсен был похищен.

Выше речь шла о споре, который вели в 30–80-х годах китайские ученые. Но эта тема обсуждалась и за рубежом, что также, разумеется, заслуживает нашего внимания и анализа.

Можно сказать, что в настоящее время в распоряжении читателя есть три наиболее солидные монографии, из которых он может почерпнуть факты и суждения, связанные с тем, каким образом 11 октября 1896 г. Сунь Ятсен был заключен в запертую на ключ комнату на Портланд Плейс, 49. Хронологически на втором месте в этом перечне после книги Ло Цзялуня стоит исследование израильского историка Г. Шифрина[1].

Экземпляр книги С. Л. Тихвинского, преподнесенный им в дар библиотеке Тамканского университета

В советское время этот «буржуазный ученый» подвергался бичеванию за искажение истинного облика великого Сунь Ятсена. С особым рвением этому занятию отдавал время и силы главный отечественный суньятсеновед академик С. Л. Тихвинский. Но даже он признавал, что эта работа Шифрина «основана на серьезном документальном материале».[2]

В этой оценке академик Тихвинский был безусловно и абсолютно прав. Шифрин собрал воедино все доступные ему первоисточники и подверг их детальному критическому анализу.

[1] *Schiffrin H. Z.* Sun Yat-sen and Origins of the Chinese Revolution. Berkeley and Los Angeles. 1968.

[2] *Тихвинский С. Л.* Завещание китайского революционера. М. 1986. С. 221.

Это позволило автору, признававшему справедливость основных выводов Ло Цзялуня, дать их дальнейшее обоснование, а положения, высказанные в осторожной предположительной форме, сформулировать гораздо более определенно.

К таковым относится и главный тезис Ло Цзялуня, а именно — версия о насильственном похищении Сунь Ятсена является вымыслом; Чэнь Шаобай, Ху Ханьминь и Дай Цзитао не осуждали вождя за это: «они понимали, что нужно солгать, дабы заклеймить маньчжурский режим и заодно заручиться поддержкой мирового общественного мнения»[1].

Хуан Юйхэ (J. Y. Wong) председательствует на научной конференции

Третьим по времени издания труда о лондонских приключениях Сунь Ятсена стоит китайский ученый, получивший широкую известность после того, как стал профессором Сиднейского университета. Он сохранил свое китайское гражданство, но из Хуан Юйхэ превратился в Джона Вонга.

Его книга уже упоминалась нами в предшествующем изложении. Это не только самое объемистое (оно насчитывает 330 страниц), но наиболее полно документированное исследование на интересующую нас тему, до сего дня не имеющее в этом отношении себе равных.

От всех предшествующих опусов сочинение Хуан Юйхэ отличает одна немаловажная деталь. Помимо использования всех письменных источников, доступных историкам в середине 80-х годов прошлого века, он предпринял, по собственному выражению, «полевые исследования», скрупулезно изучив улицы и здания Лондона, упоминаемые в этих источниках.

Мы с благодарностью восприняли многие выводы этой книги, кроме одного из важнейших — о том, что, несмотря на все доводы его предшественников, Сунь Ятсен был похищен.

Личная печать профессора Хуан Юйхэ

[1] *Schiffrin H. Z.* Sun Yat-sen and Origins of the Chinese Revolution. P. 111.

Почему мы не согласны с профессором Хуан Юйхэ

Наша позиция основывается, прежде всего, на некоторых новых данных, ранее неизвестных исследователям или недостаточно полно использованных ими, с другой стороны, она — результат комплексного рассмотрения уже хорошо известных первоисточников.

Приводя слова Чэнь Шаобая о том, что́ ему говорил Сунь Ятсен, Хуан Юйхэ сопоставляет их со статьями, опубликованными примерно в то же время японской «Kobe Chronicle» и гонконгской «China Mail», и приходит к выводу: Чэнь Шаобай ***придумал*** версию о добровольном и обдуманном появлении Сунь Ятсена в китайском посольстве — придумал для того, чтобы укрепить авторитет лидера «Общества возрождения Китая» как единственного и незаменимого вождя китайской революции[1].

В это можно было бы поверить, если бы свидетельство Чэнь Шаобая было единственным. Но тот факт, что о том же сообщали также другие соратники Сунь Ятсена, принципиально меняет дело.

Очень важно то, что́ о лондонских событиях писал Дэн Мухань. Ло Цзялунь обнаружил эту статью в тайбэйском архиве уже после того, как его книга была издана, и поэтому в ней нет ссылок на сказанное Дэн Муханем. Ло Цзялунь «показал копию статьи» Шифрину, но и тот ограничился лишь кратким упоминанием об этом факте[2], и в его работе свидетельство Дэн Муханя использовано не было. То же самое произошло и с Хуан Юйхэ. Он знал о статье Дэн Муханя, но не более того.

Между тем эта статья — нечто большее, чем просто четвертое по счету сообщение о признании Сунь Ятсена. Дэн Мухань, как и Ху Ханьминь, не только сообщает об этом, он сопоставляет две противоположные версии случившегося. И если Ху Ханьминь воздерживается от ответа на вопрос, которая из этих версий соответствует действительности, фактически оставляя вопрос открытым, то Дэн Мухань признает справедливой вторую из них, но только потому, что она кажется ему таковой «с точки зрения здравого смысла», и потому, что с ней согласуются свидетельства сотрудников посольства, которых создание героического образа революционного вождя волновать не могло.

Хуан Юйхэ придает немалое значение тому факту, что вторая («добровольная») версия была приведена в статье, сначала помещенной в японской газете «Kobe Chronicle» и перепечатанной затем в гонконгской

[1] *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image. P. 116–124.

[2] *Schiffrin H. Z.* Sun Yat-sen and Origins of the Chinese Revolution. P. 113.

«China Mail». Считая Чэнь Шаобая автором этой статьи, Хуан Юйхэ обращает внимание на тот факт, что она была написана еще до возвращения Сунь Ятсена из Англии, и «добровольная» версия поэтому была вымыслом Чэнь Шаобая.

При этом Хуан Юйхэ упоминает о том, что сразу же после освобождения из плена Сунь Ятсен послал об этом телеграмму Чэнь Шаобаю. Однако, полагает профессор Хуан, во-первых, «невозможно представить себе, что он (Сунь Ятсен) телеграфировал в Японию о том, что он отважился прийти в посольство, в то время, когда он неоднократно сообщал репортерам о своем похищении»; во-вторых, в то время почтовое сообщение было недостаточно быстрым для того, чтобы сообщение Сунь Ятсена могло дойти до Японии прежде, чем была опубликована статья в «Kobe Chronicle»[1].

Что касается второго утверждения, то мы не располагаем конкретными данными о скорости доставки международных телеграмм в 80-х гг. прошлого столетия и поэтому не в состоянии ни принять, ни отвергнуть мнение Хуан Юйхэ. Но что касается первого, то мы не можем согласиться с ним. Как будет показано ниже, во время пребывания в Лондоне Сунь Ятсен делал порой взаимоисключающие заявления, мало заботясь о том, что будет уличен в лжесвидетельстве.

Не следует пренебрегать тем фактом, что Сунь Ятсен спрашивал Кэнтли и Мэнсона о целесообразности его возможного визита в посольство. Хуан Юйхэ отверг притянутое за уши объяснение этого, предложенное У Сянсяном, но не предложил ничего взамен.

Главное даже не в этом. Если Чэнь Шаобай придумал «добровольную» версию, чтобы укрепить пошатнувшийся было авторитет Сунь Ятсена, то он оказал ему медвежью услугу. Приведя вымышленный эпизод, свидетельствующий о безграничной смелости великого революционера, он тем самым обвинил его во лжи, не замечая, что с точки зрения рукотворного образа вождя это, говоря словами Пушкина, «две вещи несовместные». Вождю вовсе не обязательно безрассудно рисковать своей жизнью, но он должен в любых обстоятельствах говорить правду, одну только правду, ничего кроме правды — только в этом случае он может повести за собой своих сторонников, безоговорочно верящих каждому его слову.

Этого не могли не понимать ни сам Чэнь Шаобай, ни Ху Ханьминь, Дай Цзитао и Дэн Мухань. Это прекрасно понимали те, кто охранял от

[1] *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image. P. 123–124.

любых посягательств священный образ вождя. Именно поэтому книгу Ло Цзялуня хотели запретить, а сочинение Дэн Муханя было погребено в недрах партийного архива и так и не было опубликовано.

Хуан Юйхэ, утверждая, что автором «добровольной» версии был не Сунь Ятсен, а Чэнь Шаобай, ссылается, помимо всего прочего, на слова Мэнсона о том, что его друг никогда не говорил неправды:

> Я знаю Сунь Ятсена много лет и всегда находил его высказывания правдивыми.[1]

Но другие лица, знавшие Сунь Ятсена, бывали иного мнения. Достаточно сослаться на мнение редактора одной из нанкинских газет, часто общавшегося с Сунь Ятсеном, Д. Фрэзера. Однажды он написал Дж. Моррисону, что как-то задал Сунь Ятсену вопрос, на который тот ответил, что ничего не знает об этом:

> Сунь наверняка лгал и, как мне кажется, сам понимал, что это глупо с его стороны.[2]

Хуан Юйхэ не мог не знать, что в свою бытность в Лондоне Сунь Ятсен, а не Чэнь Шаобай неоднократно говорил и писал неправду.

В своих показаниях Каффу Сунь Ятсен признал, что, будучи побуждаем переводчиком миссии Дэн Тинцзянем, он написал обращение к Макартни с отрицанием своего участия в кантонском восстании, «полагая, что это единственный способ выйти на свободу».[3]

В данном случае Сунь Ятсен написал неправду, потому что ему угрожала смерть.

Но когда он говорил Мэнсону, что не был обращен в христианство в юношеском возрасте, а родился в христианской семье[4], ему ничто не угрожало.

Точно так же, уже выйдя на свободу, Сунь Ятсен заверил инспектора Скотланд-Ярда, что приехал в Англию для того, чтобы закончить работу над своей диссертацией по медицине.[5]

В записке, адресованной Кэнтли, Сунь Ятсен утверждал, что родился в Гонконге и потому является британским подданным[6], а вскоре после

---

[1] *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image. P. 136.

[2] Fraser to Morrison, 10 February, 1912 // The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 1. Cambridge. 1976. P. 732.

[3] Sun Yatsen's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // FO 17/1718.

[4] Ibid.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

этого в автобиографии, написанной по просьбе профессора Г. Джайлса, писал, что является уроженцем Гуандуна[1], не опасаясь того, что будет уличен во лжи.

Этот факт приводится здесь в связи с утверждением Хуан Юйхэ, что Сунь Ятсен не мог одновременно настаивать на своем похищении и телеграфировать в Японию, что пришел в миссию по доброй воле. По-видимому, мог!

Мы упоминаем обо всем этом не для того, чтобы обсуждать морально-этическую сторону проблемы, а с совершенно иной целью.

Легкость, с которой Сунь Ятсен в своих высказываниях отклонялся от истины, имеет еще один — источниковедческий — аспект.

А именно: исследователь, если только он не хочет оказаться введенным в заблуждение, не должен просто цитировать пассажи из сочинений Сунь Ятсена. Ему каждый раз следует всесторонне проанализировать вопрос о том, когда было сделано то или иное заявление, к кому оно было обращено, говорил ли Отец Государства всерьез или, быть может, шутил и, наконец, сообщал ли он людям правду или по какой-то уважительной причине отклонялся от оной, коль скоро на свете есть понятие «святая ложь».

[1] См. выше (С. 109).

Глава III

Неспокойное начало нового века

Японские друзья д-ра Суня

В Японии у Сунь Ятсена было множество друзей (по некоторым подсчетам число их приближалось к трем сотням). Были среди них друзья особенные, закадычные, которых он не колеблясь посвящал в свои самые сокровенные жизненные планы.

Фотограф и ученый

Кажется, первым японцем, с которым Сунь Ятсен познакомился и надолго подружился, был Умэя Сокити. В 1895 г., вскоре после неудачного восстания в Кантоне, его, владельца фотоателье в Гонконге, представил Сунь Ятсену Джэймс Кэнтли.

Умэя Сокити (1868–1934)

Близко сойдясь с д-ром Сунем, Умэя сказал: «Твое дело — начинать восстание, мое — помогать тебе, тряся мошной!»[1]

Эти слова стали его жизненным кредо; он более четверти века оказывал помощь Сунь Ятсену,

[1] В 1996 г. в Японии было организовано «Общество по изучению исторических материалов о жизни Умэя Сокити», которое возглавил профессор Кубота Бундзи (см.: 久保田文次。梅屋庄吉研究的成果与课题 (*Кубота Бундзи.* Результаты и проблемы изучения деятельности Умэя Сокити) // 看清世界与正视中国 (Понимать ситуацию в мире и правильно оценивать Китай). Тяньцзинь. 2005. С. 559–565.

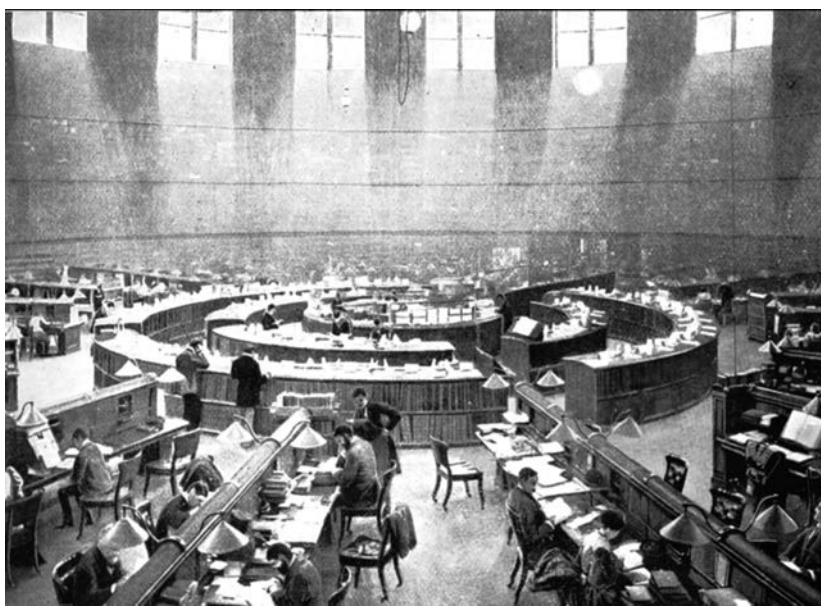
ссужая его деньгами и ничего не требуя взамен, а после кончины друга шел за его гробом.

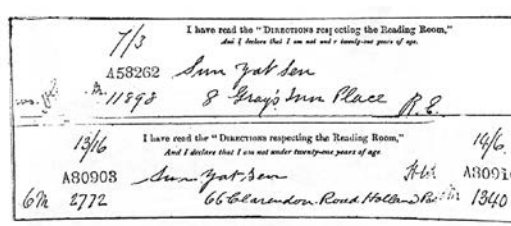
Личностью совершенно иного рода был японец Минаката Кумагусу. Умэя помогал Сунь Ятсену материально, Минаката делился с ним своими знаниями и идеями.

Впервые они встретились в 1897 г.

Произошло это в читальном зале Британского музея.

Минаката был ученым-ботаником, широко образованным человеком, интересовавшимся не только естественнонаучными, но и социально-политическими проблемами.




7/3 I have read the "Directions respecting the Reading Room," And I declare that I am not and I twenty-one years of age.
A58262 Sun Yat Sen
No. 11798 8 Gray's Inn Place W.C.
13/6 I have read the "Directions respecting the Reading Room," And I declare that I am not under twenty-one years of age 14/6.
A80903 Sun Yat Sen A80910
6M 2772 66 Clarendon Road Holland Park 1340

Читальный зал Британского музея и расписка Сунь Ятсена в том, что он познакомился с правилами поведения в нем

Минаката Кумагусу (1867–1941)

Случайно встретившись в Британском музее, они разговорились, вскоре ощутив чувство взаимной приязни, и Сунь Ятсен стал посещать своего нового знакомого у него дома, а тот отвечал ему тем же.

По подсчетам Хуан Юйхэ, произведенным на основании дневника Минаката, в течение трех с половиной месяцев с 16 марта по 3 июля 1897 г. друзья-единомышленники в общей сложности общались 27 раз, причем их встречи нередко продолжались 6–7 часов.[1]

По словам Минаката, во время их первого разговора Сунь Ятсен задал собеседнику вопрос о том, чего ему больше всего хочется в жизни, и в ответ услышал:

Я мечтаю о том, чтобы в один прекрасный день все иностранцы убрались восвояси из Азии раз и навсегда![2]

Эти слова поразили Сунь Ятсена и глубоко запали ему в душу: он впервые услышал четкое изложение паназиатской идеи.

В 1901 г. друзья снова встретились в Японии (Сунь Ятсен сидит в центре, Минаката стоит слева)

[1] *Wong J. Y.* The Origins of an Heroic Image. P. 273–275.

[2] 笠井清。南方熊楠 (*Касаи Киёси.* Минаката Кумагусу). Токио. 1967. С. 131.

Рёнин

В средневековой Японии так называли самураев, потерявших своего сюзерена; после реформ Мэйдзи так стали называть тех, кто нигде не служил, но готов был отдать все свои способности и силы внешней экспансии Японии. А поскольку основным объектом агрессивных устремлений Японии в 20-м веке были сначала земли, так или иначе зависимые от Китая (Рюкю, Корея), а затем и сам Китай как таковой, в японском языке появился неологизм «китайские *рёнин*» — люди, посвятившие всю свою жизнь планам захвата территории Китая. А поскольку они всё же не были чужды самурайской морали, с их точки зрения было необходимым найти себе друга-покровителя, способного помочь им осуществить цель их жизни. Многие *рёнин* стали «друзьями» Сунь Ятсена, но отнюдь не такими бескорыстными, как Умэя или Минаката.

Миядзаки Торадзо (1871–1922)

Одним из них был Миядзаки Торадзо. Он родился в семье самурая и с детских лет мечтал о великих свершениях, которые предопределила ему судьба.

В двадцатилетнем возрасте Миядзаки побывал в Китае и твердо решил, что только в этой огромной стране он сможет найти применение своей неуёмной энергии.

Ему приписывают авторство песенки, которую в начале прошлого века распевали молодые японцы, восхищенные героическими идеями «китайских *рёнин*»:

われも行くから君もこい
せまい日本にや住みあいた
波たつ彼方に支那がある
支那にや四亿の民が待つ

Я отправляюсь, ты тоже со мной поезжай!
Слишком мала нам Япония стала сейчас.
А там вдалеке распростерся огромный Китай,
Сотни мильонов людей уже ждут с нетерпением нас...

Но для осуществления своих грандиозных планов *рёнин*, подобный Миядзаки, нуждался в партнере-китайце, так же, как и он сам, одержимом великой идеей. В иное время таковым мог стать для Миядзаки

кто-то другой. Но в 1897 г. Миядзаки познакомился со скрывавшимся в Японии Чэнь Шаобаем. Тот рассказал ему о Сунь Ятсене и дал почитать изданные в Англии записки «Схвачен в Лондоне». И *рёнин* понял: вот та героическая личность, которую он так долго разыскивал!

Одна из сохранившихся в архиве Миядзаки Торадзо страниц его письменного диалога с Сунь Ятсеном

Когда в августе 1897 г. Сунь Ятсен прибыл в Иокогаму, он не собирался надолго задерживаться в Японии, намереваясь отправиться во Вьетнам. Однако встреча с Миядзаки, положившая начало их тесному сотрудничеству на протяжении более двух десятилетий, изменила его планы.

Как известно, Сунь Ятсен не знал японского, Миядзаки не говорил по-китайски, а их знания английского было явно недостаточно для непосредственного общения. Выход из положения был всё же найден: сидя рядом за одним столом они обменивались своими мыслями, записывая их китайскими иероглифами, понятными обоим собеседникам.[1]

Хираяма Сю (1870–1940)

Перу Миядзаки принадлежат воспоминания о китайской революции и о Сунь Ятсене.[2]

Миядзаки познакомил Сунь Ятсена со своим единомышленником Хираяма Сю, который вошел в историю благодаря тому, что придумал д-ру Суню японскую фамилию Накаяма (中山). Позднее она превратилась в псевдоним, в своем китайском произношении *zhongshan* ставший затем еще одним именем Сунь Ятсена.

[1] Часть этих записей дошла до нас, став ценным источником для реконструкции не только обстоятельств общения Сунь Ятсена с Миядзаки, но и высказывшихся ими политических суждений. Этому историческому источнику посвящена магистерская диссертация Чэнь Линчжи, защищенная в 2017 г. в Чжэцзянском Торгово-промышленном университете. См. 陈龄之。宫崎滔天家藏笔谈残稿诸问题再考 (*Чэнь Линчжи.* Дополнительное исследование вопросов, связанных с записями, хранившимися в частной коллекции Миядзаки).

[2] 宫崎滔天。三十三年落花梦 (*Миядзаки Торадзо.* Тридцать три года прошли как сон). Токио, 1902.

Утида Рёхэй (1874–1937)

В отличие от Миядзаки, получивший в Японии широкую известность *рёнин* Утида Рёхэй считал главной целью всей своей жизни борьбу против злокозненной России, мешавшей Японии осуществить свои давнишние вожделения в северо-восточной части Китайской империи.

Летом 1897 г. он отправился в Сибирь и писал оттуда одному из респондентов:

> Освоение Россией дикой сибирской тайги не столь далеко от того, как это представляется японцам. Это действительно внушает мне серьезные опасения. Если всё будет оставаться в таком же положении лет десять, прямо над Японией нависнет мощное государство. Китай, конечно, падет. Слабая Корея и ей подобные не могут быть партнерами России. Японию может ждать участь Кореи или Китая. <...> Наш народ не думает о России, нет людей, которые посвятили бы свою жизнь решению тех проблем, что связаны с Россией, они только охают, что, дескать, Японии скоро придет конец. <...> Однако нет толку в том, чтобы сидеть и горевать. Я окончательно решил посвятить свою жизнь проблемам, связанным с Россией.[1]

Утида впервые встретился с Сунь Ятсеном летом 1898 г. вскоре после возвращения из поездки в Россию. Их познакомил Миядзаки.

Утида писал в своих мемуарах:

> Сунь сказал мне, что революция в Китае неизбежна и что он надеется на помощь со стороны Японии.
>
> Я ответил, что Китаю действительно нужна революция, но для этой революции необходимы определенные условия. Вопрос первостепенной важности — начало японо-российской войны. Если таковой не будет, остановить агрессию России не удастся. А без этого Россия воспользуется хаосом, который неизбежно будет сопутствовать революции, чтобы захватить часть территории Китая. <...>
>
> Сунь заявил, что в случае, если китайская революция победит, возвратить захваченные Россией территории будет несложно, в особенности если Китай и Япония будут действовать рука об руку. Мне весьма понравилась эта идея Суня, и я сказал: «Если революция в Китае произойдет до начала японо-русской войны, я отложу все дела, связанные с Россией,

[1] Цит. по: *Танака Такэюки.* Утида Рёхэй: взгляд на Россию // https://vivliophica.com/ articles/history/124968.

и буду помогать Вам!». <...> Сунь встретил эти слова с большим энтузиазмом.[1]

В последующие годы Утида неоднократно обращался к японскому правительству, давая ему различные советы, общий смысл которых сводился к немедленному захвату Маньчжурии. Со стороны Сунь Ятсена это не встречало возражений, потому что тогда он неоднократно заявлял, что Маньчжурия — это не совсем Китай и ею вполне можно пожертвовать ради высших революционных соображений.

Рассказу об общении с Сунь Ятсеном Утида Рёхэй посвятил немало страниц в своей книге о китайской революции.[2]

Обласканный божественным микадо

Совершенно особое место среди японских «друзей» Сунь Ятсена занимал некто по имени Мунаката Котаро.

Мунаката был профессиональным разведчиком. Свою первую поездку в Китай он совершил, когда ему было 20 лет. Отпустив себе косу, облачившись в китайское платье и хорошо владея китайским языком, он несколько десятилетий провел в путешествиях по Китаю, собирая разнообразную военно-политическую информацию и незамедлительно передавая ее в Министерство военно-морского флота (сейчас в Японии хранится более 700 его секретных докладов; другие материалы о деятельности Мунаката в Китае находятся в Шанхае).

Мунаката Котаро (1864–1923)

Мунаката особенно отличился во время японо-китайской войны 1895 г. Специалисты утверждают, что именно его донесения во многом способствовали разгрому Северной флотилии, предопределившему исход всей кампании. Неслучайно же его трижды награждали орденами и, кроме того, он удостоился особой чести — персональной аудиенции императора.

---

[1] 内田良平。硬石五十年谱 (*Утида Рёхэй.* Пятьдесят лет моей жизни). Токио. 1927. С. 41.

[2] 内田良平。中国革命 (*Утида Рёхэй.* Китайская революция) // 近代史资料 (Материалы по новой истории Китая). Т. 66. Пекин. 1987.

Страница из дневника Мунаката Котаро

В кругу близких друзей (в первом ряду четвертый справа Сунь Ятсен, второй слева Мунаката)

В ноябре 1897 г. Мунаката вызвали в Токио для получения инструкций. Сунь Ятсен тогда тоже находился в Токио, и Миядзаки Торадзо познакомил его с Мунаката. Их встреча состоялась 20 ноября.

В тот день Мунаката записал в дневнике:

> Сунь [Ятсену] в этом году исполнился 31 год. Хотя он и не представляет собой выдающуюся личность, но обладает хорошими способностями и знаниями, уверен в себе и решителен. Увлечен идеей преобразования Поднебесной. Мы до петухов обсуждали коренные проблемы Востока. Сунь был в высшей степени удовлетворен беседой.[1]

В дальнейшем Мунаката неоднократно пользовался сведениями, которые предоставлял ему ничего не подозревавший Сунь Ятсен.

«А как назвать твою должность — “президент” или “император”, реши сам»

Эта интригующая страница биографии Сунь Ятсена относится к числу тех эпизодов его жизни, которые до сих пор вызывают споры специалистов, по-разному толкующих имеющиеся в их распоряжении исторические свидетельства.

[1] 宗方小太郎文書 (Документы из архива Мунаката Котаро). Токио. 1975. С. 670.

Первый этап этой истории, о котором ранее коротко упоминалось в книге Фань Вэньланя[1], был наиболее полно и всесторонне проанализирован Кун Сянцзи в соавторстве с Мурада Юдзиро.[2]

Профессор Кун Сянцзи

Тайная миссия Лю Сюэсюня

21 сентября 1898 г. поражением завершились «Сто дней реформ».

Шесть руководителей заговора были казнены, а Кан Ювэю и Лян Цичао посчастливилось избежать ареста и скрыться в Японии, где они продолжали пропаганду своих идей и высказывали нелицеприятные суждения о вдовствующей императрице Цыси. А она в свою очередь не оставляла надежд на то, что ей удастся найти злодеев и разделаться с ними.

Кан Ювэй и Лян Цичао

13 октября она получила доклад сановника Ян Чунъи, в котором говорилось, что если не устранить Кан Ювэя и Лян Цичао, «у Китая не будет ни дня покоя», и был изложен конкретный план осуществления этой цели: заручившись согласием и поддержкой Японии, организовать покушение на Кан Ювэя и Лян Цичао руками Сунь Ятсена.

В докладе Ян Чунъи была указана и кандидатура человека, которому можно было поручить задачу связаться с Сунь Ятсеном. Им был тот самый Лю Сюэсюнь, о котором мы уже упоминали в связи с подготовкой Кантонского восстания. Тогда Сунь Ятсен, рассчиты-

[1] 范文澜。中国近代史 (*Фань Вэньлань.* Новейшая история Китая). Т. 1. Пекин. 1961. С. 356.

[2] 孔祥吉、村田雄二郎。罕为人知的中日结盟及其他：晚清中日关系史新探 (*Кун Сянцзи, Мурада Юдзиро.* Малоизвестная история китайско-японского соглашения о союзе: новое исследование китайско-японских отношений в конце эпохи Цин). Чэнду. 2004.

Ян Чунъи

вавший обрести в его лице спонсора революции, ввел Лю Сюэсюня в круг своих ближайших соратников.

У Лю Сюэсюня были личные счеты с Кан Ювэем, и поэтому именно его Ян Чунъи рекомендовал императрице в качестве подходящего человека для организации террористического акта.

В соответствии с первоначальным планом предполагалось, что Лю Сюэсюнь и сопровождающий его Цин Куань выедут в Японию под видом коммерсантов, намеревающихся познакомиться за морем с конъюнктурой тамошнего рынка. Об истинных целях экспедиции не должен был знать никто, даже самые высокопоставленные сановники из окружения вдовствующей императрицы.

Лю Сюэсюнь (1855–1935)

16 ноября Цыси санкционировала этот план.

Когда Лю Сюэсюнь прибыл в Шанхай, откуда он намеревался отплыть в Токио, японский консул Отаки Масуносукэ был проинформирован об истинной цели предпринимаемого путешествия.

Вдовствующая императрица Цыси

Отаки сообщил об этом в свое министерство иностранных дел, которое предложило подвергнуть план дополнительному обсуждению. Конспираторы вместе с Отаки отправились обратно в Пекин.

В результате секретных переговоров 21 мая было принято новое решение: никому не известный коммерсант теперь ехал в Японию как глава официальной миссии доброй воли, призванной способствовать укреплению дружественных отношений между двумя странами.[1]

[1] Там же.

Император Муцухито (1852–1912)

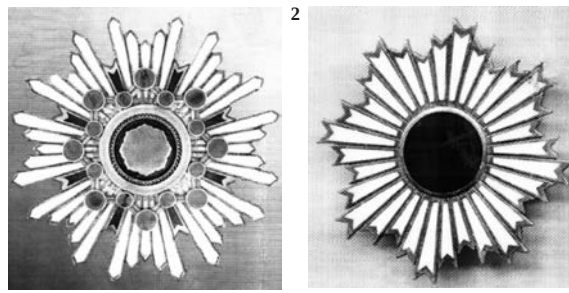
14 июля 1899 г. Лю Сюэсюнь и Цин Куань вместе с сопровождавшими их лицами прибыли в Токио.

Их приняли с высшими почестями, поселив в лучшем отеле столицы, но в то же время установив за ними негласную слежку.

После трехдневного отдыха они были приняты министром иностранных дел Аоки Сюдзо, после этого — премьер-министром Ямагата Аритомо, экс-премьером Ито Хиробуми и, наконец, императором.

Во время аудиенции гости торжественно вручили микадо подарки от вдовствующей императрицы, а он им ордена — «Священного сокровища» 2-й степени Лю Сюэсюню и «Восходящего солнца» 3-й степени Цин Куаню.

1 2



Ордена, врученные Лю Сюэсюню (1) и Цин Куаню (2)

На очереди теперь была важнейшая часть визита за море — встреча с Сунь Ятсеном.

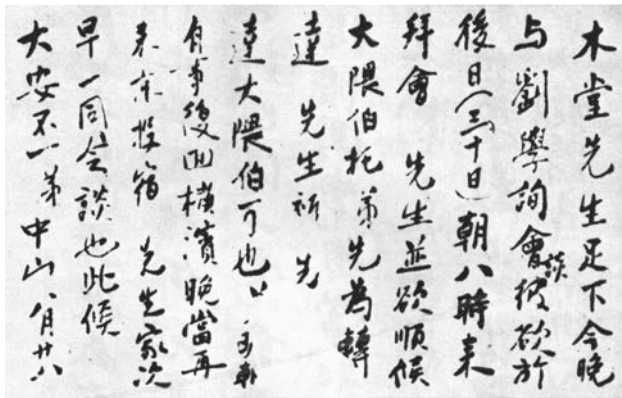
Вездесущий Мунаката Котаро записал в дневнике:

> 16 [июля] навестил в отеле «Тэйкоку» проживавших там Лю Сюэсюня и Цин Куаня. Обсуждали дело. Вернулся домой в 12 часов. После обеда пришел Сунь Ятсен.
>
> 18 [июля] встретился с китайским посланником Ли Шэнцзэ, беседовал с ним до полудня. Приходил Сунь Ятсен. <...>
>
> 27 [июля] навестил Лю Сюэсюня. <...> Вечером того же дня присутствовал на секретной встрече Сунь Ятсена с Лю Сюэсюнем. Вернулся домой в час ночи.[1]

[1] 宗方小太郎日记 (Дневник Мунаката Котаро) // https://max.book118.com/html/2017/0830/130903622.shtm.

Затем состоялись еще две тайные встречи Лю Сюэсюня с Сунь Ятсеном.

Об одной из них, имевшей место 28 августа, Сунь Ятсен сообщил Инукаи Цуёси.[1]



Записка Сунь Ятсена Инукаи Цуёси от 28 августа 1899 г.

О чем тогда шла речь, японской полиции стало известно благодаря юной гейше Окику, постоянно навещавшей гостиничный номер, где жил визитер из Китая.

Она сообщила, что Лю Сюэсюнь предложил Сунь Ятсену организовать покушение на Кан Ювэя[2]. В случае успеха вдовствующая императрица Цыси даровала бы Сунь Ятсену свое высочайшее прощение, а он (Лю Сюэсюнь) со своей стороны вручил бы Сунь Ятсену 200 тысяч *лянов* серебра.[3]

Но выяснилось, что Лю Сюэсюнь опоздал: Кан Ювэя в это время в Японии уже не было.

31 августа Лю Сюэсюнь покинул Токио, 5 сентября отправился из Нагасаки в Шанхай и провел там более месяца, пытаясь навести справки о местонахождении Кан Ювэя, и прибыл с докладом в Пекин лишь 9 октября.

---

[1] Сунь Ятсен — Инукаи Цуёси, 28 августа 1899 г. // ПССС. Т. 1. С. 187.

[2] В тексте донесения ошибочно: «Лян Цичао».

[3] 赵立人。 慈禧密令：借孙中山之手刺杀康有为 (*Чжао Лижэнь*. Тайный приказ Цыси: убрать Кан Ювэя руками Сунь Ятсена) // https://baike.so.com/doc/7048075–7270981.html.

Поскольку об истинной цели операции не знал никто, кроме двух-трех человек из окружения императрицы, посланник Китая в Японии, которому сообщили о тайных встречах Лю Сюэсюня с «беглым преступником» Сунь Ятсеном, счел своим долгом немедля сообщить об этом в Пекин. Получив это донесение, Цыси оставила его без внимания — она-то была в курсе секретного плана.

О чем конкретно Лю Сюэсюнь договорился тогда с Сунь Ятсеном, неизвестно.

Не все историки согласны с изложенной выше реконструкцией событий 1899 г., осуществленной Кун Сянцзи. Так, японский историк Хамада Танэки вообще склонен отрицать тот факт, что главной целью поездки Лю Сюэсюня в Японию была организация покушения на Кан Ювэя.[1]

В еще большей степени расходятся мнения специалистов относительно перипетий, последовавших за визитом Лю Сюэсюня в Японию. Изложим сначала несколько бесспорных фактов.

Миядзаки и Киёфудзи арестованы в Сингапуре

8 июня 1900 г. Сунь Ятсен в сопровождении трех *рёнин* — Миядзаки Торадзо, Утида Рёхэй и Киёфудзи Коситиро — отплыл из Иокогамы в Гонконг.

По прибытии на место трое японцев пересели на катер, присланный гуандунским губернатором Ли Хунчжаном, и направились в Кантон. Там их встретил Ли Сюэсюнь и предложил им поселиться в его доме, где приехавшие вели с ним продолжительные переговоры.

О содержании бесед Миядзаки писал в своих воспоминаниях кратко и многозначительно: «Всё это напоминало приключенческий роман. Но поскольку дело касалось чужих секретов, я, к моему глубокому сожалению, до сих пор не имею права открыто говорить об этом».[2]

29 июня троица прибыла в Сингапур, где тогда находился Кан Ювэй. Миядзаки попытался связаться с ним и договориться о встрече. Ему

[1] 狭间直树。就刘学询与孙中山关系的一个解释 (*Хамада Танэки.* Одно из возможных толкований связи Лю Сюэсюня с Сунь Ятсеном) // 看清世界与正是中国 (Понимать ситуацию в мире и правильно оценивать Китай). Тяньцзинь. 2005. С. 542–543.

[2] *Миядзаки Торадзо.* Тридцать три года промелькнули как сон. С. 261–266.

Цю Шуюань (1873–1941)

удалось узнать, что Кан Ювэй остановился в доме у местного богача и литератора Цю Шуюаня.

Но на вопрос Миядзаки, когда ему можно будет увидеться с Кан Ювэем, Цю Шуюань отвечал, что не знает, где его искать. Понимая, что Кан Ювэй умышленно избегает встречи, Миядзаки написал ему письмо, в котором заявил, что не хочет иметь с ним ничего общего.

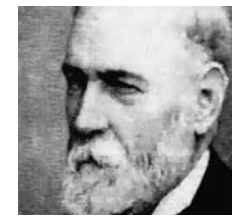
На следующий день переводчик, услугами которого пользовались трое японцев, предупредил их о каких-то грядущих неприятностях, и Утида тут же покинул Сингапур. А 6 июля Миядзаки и Киёфудзи были арестованы сингапурской полицией.

При обыске у них нашли два самурайских меча и большую сумму денег, а также выяснилось, что они посылали из Сингапура шифрованные телеграммы.

На допросе Миядзаки утверждал, что они оказались в Сингапуре по пути в Китай, где у Утида и Киёфудзи были какие-то коммерческие дела, а сам он отрекомендовался журналистом. Мечи же они имели при себе потому, что ни один уважающий себя японец никогда не выезжает за границу, не имея при себе этого чисто символического предмета.[1]

Тем не менее Миядзаки и Киёфудзи было предъявлено обвинение в подготовке теракта против Кан Ювэя.

Узнав об аресте своих сообщников, Сунь Ятсен немедля направился в Сингапур. 10 июля он сделал официальное заявление британскому губернатору А. Светтенхэму:



А. Светтенхэм (1846–1933)

> Я был в Гонконге вместе с Миядзаки и Киёфудзи, а потом отправился в Ханой. После этого я, узнав об их аресте, прибыл сюда. <...> Покидая Японию, я попросил их поехать вместе со мной с тем, чтобы они охраняли меня, как некогда они охраняли Кан Ювэя. <...>
>
> Миядзаки — мой добрый друг, человек положительный, а не плохой. Мне довелось познакомиться с ним через Инукаи, одного из ведущих деятелей Японии. <...>

[1] Swettenham's memorandum, 12 July, 1900 // FO 17/1718. P. 342–345.

Инукаи Цуёси (1855–1932)

Я часто встречаюсь со своими соотечественниками и хочу встретиться с Кан Ювэем, чтобы узнать его мнение о проблемах сегодняшнего Китая и дать ему мой совет. Да, действительно, я выступаю за изгнание маньчжуров, а он поддерживает молодого императора. Но я хочу побеседовать с ним и добиться сотрудничества ради нашего общего дела. Миядзаки побоялся навредить мне и потому не сказал правду. <...>

Мы намерены свергнуть пекинскую власть и создать независимое правительство в Южном Китае. Наши действия не могут привести к беспорядкам, а без этих действий Китай никогда не сможет быть реформирован. Народ во всех южных провинциях подготовлен к этому, и нынешнее спокойствие есть лишь следствие того, что мы еще не начали действовать. Я думаю, что сейчас могут объединиться все, кроме партии Кан Ювэя. <...>

Я считаю, что обвинения со стороны Кан Ювэя в адрес Миядзаки и Киёфудзи — это страшная ошибка. <...>

Вдовствующая императрица назначила вознаграждение за голову Кан Ювэя в 100 тысяч *лянов*, то есть в три раза больше, чем за мою. Китайское правительство послало соглядатаев, которые повсюду шпионят за мной. Сюда я приехал для того, чтобы встретиться с Кан Ювэем и тем самым расширить ряды моих сторонников. [1]

Итак, перед нами та же ситуация, с которой мы уже сталкивались (она еще не один раз возникнет в будущем). Если предположить, что всё сказанное Сунь Ятсеном соответствует действительности, потому что революционный вождь не может говорить неправду, то Сунь Ятсен и его японские сподвижники оказались в Сингапуре и в самом деле ради переговоров с Кан Ювэем о совместной деятельности. Если же допустить, что автор этого официального заявления отклонялся от истины, как это неоднократно случалось с ним, то визит в Сингапур был лишь продолжением неудавшегося в Токио — организацией покушения

[1] Заявление Сунь Ятсена Светтенхэму, 10 июля 1900 г. // ПССС. Т. 1. С. 194–196. Сокращенный перевод текста на английский язык см.: Sun's statement // FO 17/1718. P. 351–352.

на Кан Ювэя. Целый ряд соображений говорит в пользу второго предположения.

Во-первых, Сунь Ятсен заверял Светтенхэма, что с Миядзаки он познакомился через Инукаи Цуёси, главу партии Риккен Сэйюкай, будущего премьера Японии, хотя в действительности дело обстояло как раз наоборот: в 1897 г. Сунь Ятсен встретился с Инукаи с подачи Миядзаки.

Во-вторых, Сунь Ятсен кривил душой, утверждая, что Миядзаки, Утида и Киёфудзи поехали вместе с ним, чтобы охранять его. Почему же в таком случае он уехал в Ханой, оставив их троих в Сингапуре?

В-третьих, по словам Сунь Ятсена, Миядзаки не сказал о предполагавшихся переговорах с Кан Ювэем потому, что боялся повредить своему другу. Но английское правительство, в противовес китайскому, в это время помогало Кан Ювэю, и повредить Сунь Ятсену своим признанием Миядзаки никак не мог.

В-четвертых, и это главное, позднее Утида, в отличие от Миядзаки, не решившегося разгласить содержание переговоров с Лю Сюэсюнем, рассказал об этом в своих воспоминаниях.

Вот что он писал:

> Лю Сюэсюнь был коммерсантом, пользовавшимся покровительством Ли Хунчжана. Хитрый Ли Хунчжан послал его и еще одного офицера, знавшего японский язык, чтобы встретить нас. Прежде чем начать действовать, им хотелось знать, какие требования выдвигает Сунь Ятсен.
>
> Миядзаки изложил суть дела коротко, в двух пунктах: прежде всего, прощение Сунь Ятсену за приписываемые ему преступления и гарантии его безопасности; далее — предоставление ему 100 тысяч *лянов*.
>
> Лю Сюэсюнь ответил: «Я немедленно доложу об этом губернатору. Что касается 100 тысяч *лянов*, то я могу взять это на себя и завтра в Гонконге передам 50 тысяч, а остальное вышлю потом».
>
> Миядзаки сказал: «Сунь Ятсен уже не в Японии, сейчас он, наверное, ждет нас в Сингапуре. Оттуда мы, вероятно, вместе прибудем в Гуандун. Оставшуюся сумму, вероятно, следует послать в Сингапур». Лю Сюэсюнь согласился.
>
> Офицер, о котором шла речь, устроил роскошный ужин и огласил на нем ответ Ли Хунчжана: «Я не только гарантирую всем вам троим безопасность Сунь Ятсена, но направлю вдовствующей императрице доклад с прошением о его амнистии. Упомяну в докладе и о том, что трем уважаемым японцам нужно оказать помощь и поддержку. Поэтому мне нужны ваши фотографии.
>
> Миядзаки сказал на это: «Раз уж у г-на губернатора столь добрые намерения, Сунь Ятсен наверняка не заставит себя ждать. Поэтому

сегодня ночью отправимся в Гонконг, завтра сфотографируемся и передадим снимки г-ну губернатору, после чего поедем в Сингапур».

Лю Сюэсюнь заверил: «50 тысяч *лянов* передам вам завтра, а о фотографиях позаботьтесь уж сами».

Услышав это, Миядзаки был крайне доволен благополучным завершением дела, и трое тут же на катере выехали из Кантона. Было уже около 3-х часов утра. Прибыв в Гонконг, они поздравили друг друга с успехом и сфотографировались в ателье Умэя.

Во второй половине дня сын Лю Сюэсюня привез 50 тысяч *лянов* и задержался в Гонконге на день-другой, дабы дождаться, когда будут готовы фотографии. Мы же втроем, получив деньги и добившись своей цели, отплыли из Гонконга в Сингапур.[1]

К сказанному можно добавить некоторые соображения на этот счет, высказанные китайским историком Чжао Лижэнем.

Чжао Лижэнь

В частности, эта версия проясняет нам смысл переписки между Ли Хунчжаном и Лю Сюэсюнем в конце ноября 1899 г.

24 ноября Ли Хунчжан получил высочайший эдикт, в котором говорилось: «Преступник Кан Ювэй прибыл в Гонконг. <...> Приказываем принять меры».

27 ноября Ли Хунчжан — Ху Чэну: «Получил высочайший эдикт с приказом найти преступника. <...> Прибыл ли Сунь Ятсен? В Гонконге ли Кан Ювэй?»

28 ноября Лю Сюэсюнь — Ли Хунчжану: «Сунь не отвечает на письмо. Кан Ювэй по-прежнему в Гонконге».

29 ноября Ли Хунчжан — Лю Сюэсюню: «Быть может, Сунь не отвечает потому, что всё еще колеблется».

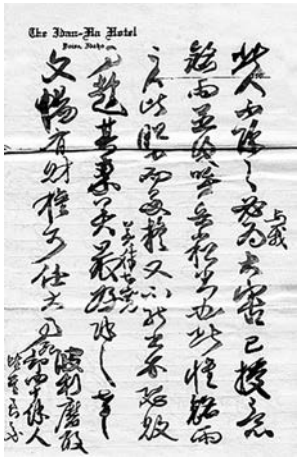
30 ноября Лю Сюэсюнь — Ли Хунчжану: «Преступник никуда не денется. Непременно найдем удобный случай».

В тот же день Ли Хунчжан — Лю Сюэсюню: «Почему от Сунь Ятсена нет писем?»[2]

---

[1] 内田良平。中国革命 (*Утида Рёхэй.* Китайская революция) // 近代史资料 (Материалы по новой истории Китая). Т. 66. Пекин. 1987. С. 50.

[2] 赵立人。康有为的头几成孙中山觐见慈禧的投名状 (*Чжао Лижэнь*. Голова Кан Ювэя едва не стала для Сунь Ятсена основанием получить аудиенцию у Цыси) // http:/www/360doc. cn/article/9570732_581686883.html



Страница из письма Кан Ювэя дочери от 22 сентября 1905 г.

19 декабря эдиктом вдовствующей императрицы Ли Сюэсюнь получил почетную должность — он был назначен чиновником для особых поручений при Ли Хунчжане.

Будучи информирован об этом, Лян Цичао в письме Кан Ювэю предлагал физически устранить их.[1]

Обо всем этом британский губернатор Сингапура Светтенхэм не знал и поверил на слово Сунь Ятсену. 11 июля Миядзаки и Киёфудзи были выпущены на волю с условием, что они немедленно покинут Сингапур и в течение пяти лет больше здесь не появятся.

А через некоторое время после этого произошло еще одно событие, являющееся косвенным свидетельством ошибки Светтенхэма.

Недавно на одном из шанхайских аукционов была выставлена на продажу коллекция ценных документов — письма Кан Ювэя, которые хранила в своем архиве его младшая дочь Кан Тунби.

Среди них были письма, свидетельствующие о ранее неизвестном факте: в 1905 г., когда Сунь Ятсен собирался приехать в Нью-Йорк, Кан Ювэй планировал совершить ответный теракт:

«Если не покончить с этим человеком, он причинит мне большой вред <...>. Ты можешь <...> тратить на это мои сбережения, но покончить с ним нужно непременно», — писал Кан Ювэй своей дочери 22 сентября 1905 г.[2]

Кан Ювэй в кругу своей семьи

[1] Лян Цичао — Кан Ювэю, 8 апреля 1900 г. // 梁任公先生年谱长编初稿 (Первоначальный набросок хронологии жизни Лян Цичао). Т. 1. Тайбэй. 1962. С. 108.

[2] 康有为计划暗杀孙中山信札将上拍 (На аукцион выставлены письма Кан Ювэя с упоминанием о замышлявшемся им покушении на жизнь Сунь Ятсена) // http://ent.china.com.-cn/live/2014-12/08/content_30256432.htm.

Хотя Кан Ювэй был настроен тогда весьма решительно, покушение на Сунь Ятсена не состоялось. Лидеры двух политических течений — реформаторского и революционного — занялись другими делами.

Но контакты Сунь Ятсена с Лю Сюэсюнем, несмотря на неудачу сингапурской эпопеи, на этом не закончились.

Став чиновником для особых поручений при гуандунском губернаторе Ли Хунчжане, он принял непосредственное участие еще в одной авантюре.

Несостоявшийся император

Ли Хунчжан

В 1900 г. китайские революционеры получили прекрасный шанс еще раз испробовать свои силы в борьбе за свержение маньчжурской династии.

Прежде всего, направленное против проживавших в Китае иностранцев «боксерское» движение раскололо двор на выступавших против него и тех, кто поддерживал «боксеров». Среди первых был губернатор провинций Гуандун и Гуанси Ли Хунчжан, тогда как одним из наиболее активных представителей второй придворной группировки зарекомендовал себя великий князь Чжуан (Цзайсюнь, 1854–1901).

Более того, восстание стало поводом для прямого вооруженного вмешательства иностранных держав.

Великий Князь Чжуан

После того, как 20 июня вошедшие в столицу «боксеры» захватили посольский квартал, вдовствующая императрица объявила войну иностранцам, не уточняя, кого именно она имеет в виду.

В ответ объединенные войска европейских стран и Японии высадились близ Тяньцзиня, 14 июля оккупировали его и начали движение в сторону Пекина.

Сунь Ятсен считал, что возникшая ситуация создает прекрасные условия для начала очередного антиманьчжурского восстания в Гуандуне.

А так как губернатор Ли Хунчжан объективно оказался в оппозиции к правительству, возникла идея подвигнуть его на более решительные действия в том же направлении.

Но действовать Сунь Ятсен предпочел, с одной стороны, через своего друга Лю Сюэсюня, возлагая большие надежды, с другой стороны, на гонконгского губернатора Г. Блэйка как представителя державы, находящейся в состоянии войны с маньчжурским правительством.

Г. Блэйк (1840–1918)

Правда, еще в июне Ли Хунчжан получил предписание покинуть Кантон (он был назначен губернатором провинции Чжили), а 8 июля из Пекина последовал повторный приказ.

Задача теперь заключалась прежде всего в том, чтобы предотвратить отъезд Ли Хунчжана или, как минимум, отсрочить его. В этом были заинтересованы как Сунь Ятсен, так и британские власти.

Блэйк проинструктировал консула в Кантоне Скотта, рекомендуя ему принять любые возможные меры для того, чтобы задержать Ли Хунчжана на Юге[1] и испросил разрешение Лондона применить к отъезжающему силу в случае, если того не удастся уговорить по-хорошему[2]. Но министр по делам колоний Дж. Чэмберлен был против силового варианта[3].

Лю Сюэсюню, прибывшему в Гонконг 17 июля, удалось организовать встречу Блэйка с Ли Хунчжаном.

«Кого Британия хотела бы видеть императором Китая?» — в лоб поставил вопрос Ли Хунчжан. Блэйк ответил, что в случае, если бы стало известно, что император Гуансюй не был инициатором действий, совершенных от его имени, то Лондон был бы не против того, чтобы он продолжал царствовать «при соблюдении некоторых условий».

На это Ли Хунчжан высказался в том смысле, что императором Китая должен быть всё же китаец. Эти слова были истолкованы Блэйком как свидетельство претензий на трон самого Ли Хунчжана.

Тем не менее, сказал Ли Хунчжан, он не может ослушаться приказа и вынужден ехать в Пекин. Поэтому принимать непосредственное участие в предполагаемых событиях на Юге он не может. Ли Хунчжан

[1] Blake to Scott, 14 July, 1900 // CO 129/300.

[2] Blake to Chamberlain, 14 July, 1900 // Ibid.

[3] Lucas to Blake, 17 July, 1900 // Ibid.

Г. Блэйк, Ли Хунчжан и Лю Сюэсюнь (стоит рядом с ним слева) во время встречи в Гонконге

добавил, что едет не прямо в Пекин, а сделает остановку в Шанхае. Это означало, подумал Блэйк, что он хочет выждать, пока общая ситуация в стране не прояснится.[1]

Таким образом, попытка Сунь Ятсена привлечь Ли Хунчжана на свою сторону успеха не имела, и он решает обратиться за помощью прямо к Блэйку.

Им был составлен текст обращения к британскому губернатору, начинавшийся словами о том, что прогнившая маньчжурская династия не только причиняет бесчисленные страдания народу Китая, но и является злейшим врагом дружественных Китаю держав. Поэтому «нельзя упустить нынешний шанс, а объединившись, можно рассчитывать на успех»[2].

В обращении была изложена программа преобразований, состоящая из 6 пунктов.

Главными из них были первые два.

---

[1] Blake to Chamberlain, 19 July, 1900 // Ibid.

[2] 致港都卜力书 (Обращение к губернатору Гонконга Блэйку) // ПССС. Т. 1. С. 192.

1. Перенести столицу в более подходящее место. В качестве столицы можно выбрать либо Нанкин, либо Ханькоу, где можно будет осуществлять общение с внешним миром и иметь связь с провинциями.

2. В столице создать центральное правительство для управления страной, а в провинциях — автономные правительства.

Главой центрального правительства избрать человека, пользующегося поддержкой народа; ему будет подчиняться армия и флот, он будет вести переговоры [с зарубежными странами]. Его полномочия будут ограничены конституцией. Будет создан парламент, членами которого станут представители провинций. Аккредитованные в столице посланники зарубежных стран будут приглашены на должность временных советников.[1]

18 августа Блэйк запросил Лондон согласие на ведение переговоров по этому поводу.[2] Однако Чэмберлен запретил ему давать какие бы то ни было обещания на сей счет.[3]

Причиной тому были, по всей вероятности, события в Пекине: 21 июля Цыси, не решаясь далее искушать судьбу и облачившись в простонародное платье, бежала из столицы, а 14 августа Пекин был взят штурмом.

По мнению Сунь Ятсена, лучшего случая для начала замышляемого вооруженного выступления против маньчжурского правительства трудно было придумать.

Он писал Инукаи Цуёси о том, что 6 декабря вспыхнуло восстание в Хуйчжоу:

Цинские войска терпят одно поражение за другим, и это воодушевляет нас. Но в самом начале дело было недостаточно подготовлено. Мы выступили с голыми руками, и в нашем распоряжении только пушки и снаряды, которые мы захватили у противника. <...>

Если Ваше правительство согласится помочь нам, всё необходимое можно тайно доставить с Тайваня. Я всё организую, так что об этом можно не беспокоиться.[4]

Ответа из Японии Сунь Ятсен не получил.

Он вновь подумал о своем сообщнике, уже раскошелившемся в нужную минуту. Для начала он информировал Лю Сюэсюня о том, что уже сделано в Хуйчжоу и что еще предстоит сделать.

---

[1] Там же. С. 193.

[2] Blake to Chamberlain, 18 August, 1900 // FO 17/1718. P. 354.

[3] Chamberlain to Blake, 20 August, 1900 // Ibid.

[4] Сунь Ятсен — Инукаи, 21 октября 1900 г. // ПССС. Т. 1. С. 200.

Письмо Сунь Ятсена Инукаи Цуёси от 21 октября 1900 г.

Есть два способа захватить город. Первый из них готовят сейчас мои подчиненные. Они сообщают, что в городе и в пригородах уже заложены бомбы, в результате взрыва которых 8–9 из каждых десяти солдат правительственных войск будут уничтожены. Но это чревато большими разрушениями. Необходимые для этого взрывчатые вещества уже в наличии: динамита более 40 тыс. фунтов и более 100 фунтов пороха. Если всё это сразу взорвется, то в таком большом городе как Кантон не останется ни одной целой черепицы <...>

Второй план заключается в том, что я лично возглавлю наступающих на провинциальный центр, а одновременно с этим нас поддержат в самом городе. Это более приемлемый план. <...>

Дабы быть уверенными в успехе, до начала выступления необходимо надлежащим образом решить все внутренние и внешние проблемы.

С этим письмом я посылаю к тебе Хираяма Сю и прошу тебя отвечать за дела внутренние.

Прежде всего необходимо создать временное правительство для руководства политическими мероприятиями. Для начала достаточно будет иметь в правительстве пятерых человек. Неважно, как будет называться глава правительства — «президентом» или «императором». Я выдвигаю на этот пост тебя, и ты сам реши, кем ты будешь.[1]

[1] Сунь Ятсен — Лю Сюэсюню, вторая половина октября 1900 г. (точная дата неизвестна) // Там же. С. 201.

Бегство вдовствующей императрицы из Пекина

Несостоявшийся император Лю Сюэсюнь

Направляя это письмо Лю Сюэсюню, Сунь Ятсен почему-то не вспомнил о том, что в программе «Общества возрождения Китая» предложенной альтернативы не было: целью революции там объявлялось создание республики.

Хираяма Сю, которому было доверено передать письмо Лю Сюэсюню, почему-то поручение выполнить не смог. В силу стечения этих случайных обстоятельств ни президентом, ни императором бедняге Лю Сюэсюню стать не довелось.

Князь Чунь (1883–1951)

Совершенно неожиданно мы обнаружили Лю Сюэсюня еще на одной фотографии.

В 1901 г. по условиям «Боксерского соглашения» брат императора Гуансюя восемнадцатилетний князь Чунь отправился в Берлин, чтобы лично принести извинения за убийство немецкого посланника в Китае К. фон Кеттелера.

По дороге в Германию князь Чунь сделал краткую остановку в Гонконге. Там он сфото-

графировался вместе с губернатором Блэйком. В тот момент, когда их фотографировали, рядом с ним стоял Лю Сюэсюнь.

После смерти Гуансюя наследовать почившему в бозе императору должен был князь Чунь, и его портрет уже появился на банкнотах.

Но Цыси решила иначе, и трон достался его сыну Пуи.

Волею судьбы оба «несостоявшихся императора» оказались запечатленными рядом на одной и той же фотографии.

Князь Чунь в Гонконге

Базируясь на Тайване

В войне 1894 г. Китай потерпел сокрушительное поражение и был вынужден подписать унизительный Симоносекский договор.

Тройственное вмешательство 1895 г. на некоторое время остановило японскую экспансию в Маньчжурии, но оно не коснулось других условий Симоносекского договора, в частности пункта о передаче Японии Тайваня и островов Пэнхуледао.

Первая страница Симоносекского договора 1895 г.

Тайвань должен был стать японской территорией в течение 2 месяцев с момента подписания договора. Но ни Ли Хунчжан, ни Ито Хиробуми не предполагали, что за это время там произойдет немало непредвиденных событий.

Прежде всего, стало вполне очевидным, что тайваньские патриоты вовсе не собирались без боя пускать к себе в дом непрошеных гостей, хотя те и заявляли, что они теперь здесь хозяева. Более того, именно в это время на Тайване была создана республика — первая в истории Китая.

Это неординарное событие произошло благодаря самоотверженной деятельности одного из героев антияпонского движения на острове — Цю Фэнцзя.

Цю Фэнцзя (1864–1912)

Под знаменем желтого тигра

15 мая он обратился к тайваньцам с призывом противостоять захватчикам, а затем вступил в переговоры с бывшим китайским губернатором Тан Цзинсуном, убеждая его в том, что создавая независимую республику, не подписывавшую никаких соглашений с японцами, они не обязаны были соблюдать условия Симоносекского договора. После долгих раздумий Тан Цзинсун согласился.

23 мая была опубликована «Декларация независимости Тайваньской Республики». Ее срочно перевели на иностранные языки и вручили аккредитованным на Тайване консулам зарубежных стран.

Тан Цзинсун (1841–1903)

25 мая 1895 г. состоялась торжественная церемония провозглашения Республики.

Ее президентом стал Тан Цзинсун, вице-президентом Лю Юнфу, главнокомандующим Добровольческой армией Цю Фэнцзя. Столицей

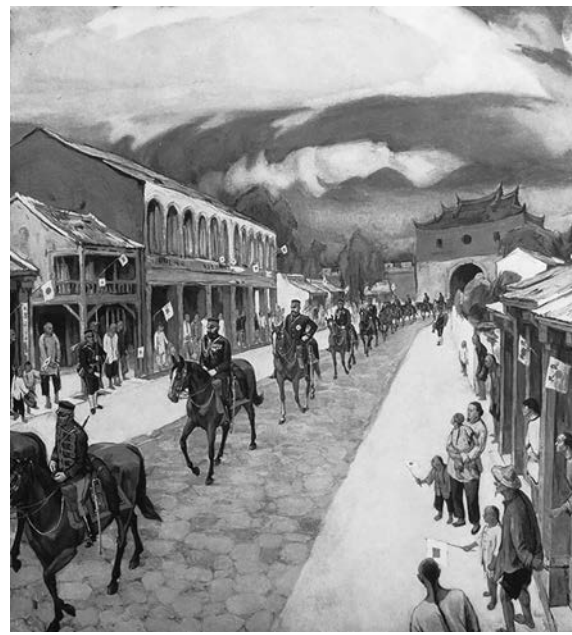
республики был объявлен Тайбэй, избран парламент. Летоисчисление отныне следовало вести от 1-го года Юнцин. Государственным флагом стало полотнище с изображением желтого тигра.

Флаг Тайваньской Республики

Японская армия, высадившаяся 29 мая на севере острова и начавшая наступление на Тайбэй, натолкнулась на ожесточенное сопротивление вооруженных отрядов Республики. Но силы были слишком неравны. 3 июня был захвачен Цзилун. Президент покинул столицу и на немецком торговом судне отбыл в Амой. 11 июня Тайбэй пал.

Печать Тайваньской Республики

Еще через неделю на Тайвань прибыл японский генерал-губернатор Кабаяма Сукэнори. Он был назначен на эту должность еще 10 мая, но приступить к своим обязанностям смог лишь через месяц с лишним.



Японские войска вступают в Тайбэй

Кабаяма Сукэнори (1837–1922)

Сопротивление японцам тем временем продолжалось. 22 июня продвигавшиеся на юг части императорской армии попали в засаду и понесли большие потери.

26 июня в Тайнане Лю Юнфу был объявлен вторым президентом Тайваньской Республики. Его правительство начало выпускать денежные ассигнации, даже почтовые марки.

Военные действия продолжались с переменным успехом до октября, когда японцы были вынуждены направить на Тайвань крупные подкрепления.

18 октября начался решающий штурм окруженного с трех сторон Тайваня. После трехдневных боев столица была взята. Просуществовав всего лишь 5 месяцев, Тайваньская Республика канула в Лету.

Объявив в ноябре о завершении боевых действий, губернатор Кабаяма приступил к следующему этапу покорения острова, получившему наименование «чистка деревень» — выявлению и физическому истреблению наиболее активных противников японской оккупации. В каждом населенном пункте военные арестовывали 30–50 человек недовольных или просто первых попавшихся и предавали их публичной казни.

Репрессии захватчиков против мирного населения приобрели особенно широкий размах при третьем японском генерал-губернаторе Кодама Гентаро. В ноябре 1898 г. он издал приказ о «наказании бандитов», и, по некоторым подсчетам, за первые 4 года его пребывания на Тайване без суда и следствия было казнено около 12 тысяч человек.

Кодама Гентаро (1852–1906)

Помимо наведения «порядка» на острове Кодама был озабочен еще одной не менее важной задачей. По его убеждению, Тайвань должен был стать центром дальнейшего распространения японского вли-

яния в Южном Китае и странах Южных морей, прежде всего в провинции Фуцзянь и на соседних Филиппинах.

Идея использования Тайваня в качестве базы японской экспансии на юг была еще в 1896 г. сформулирована предшественником Кодама на посту генерал-губернатора Тайваня Кацура Таро:

> Державы, пользуясь слабостью Китая, зарятся на его территорию, и Япония не может быть сторонним наблюдателем этого. Нужно сделать Тайвань исходным пунктом и через Амой проникнуть в Южный Китай, который затем станет второй Кореей.[1]

Тогда же только что ушедший в отставку премьер-министр Японии Ито Хиробуми лично побывал в Амое (современный Сямэнь) в связи с планами создания там японской военно-морской базы.[2]

Лейтенант Нагано Ёситора был под видом торговца лекарствами послан на Филиппины для сбора информации относительно возможности японского вмешательства в столкновение между местными сторонниками независимости и испанской администрацией.[3]

Утида Рёхэй недвусмысленно высказывался в пользу оказания помощи повстанцам с тем, чтобы прибрать к рукам Филиппины.[4] В 1897 г. там вспыхнул острый конфликт между только что созданным республиканским правительством Э. Агинальдо и Соединенными Штатами. В Японии сочли, что грех не воспользоваться этим обстоятельством.

Филиппинский эпизод

Имея в виду американо-японские противоречия, Э. Агинальдо рассчитывал на помощь Японии в противостоянии Соединенным Штатам и в июне 1898 г. направил в Токио своего представителя Мариано Понсе.

Филиппинский эмиссар ощутил сочувствие к своей миссии со стороны многих рядовых японцев, но вступить в контакт с правительственными кругами ему не удалось.

Тогда Понсе обратился за поддержкой к Сунь Ятсену, имя которого было уже популярно в странах Юго-Восточной Азии. Тот, в свою очередь,

[1] 藤井昇三。孙文の研究 (*Фуцзии Сёмицу.* Исследование [деятельности] Сунь Ятсена). Токио. 1983. С. 38.

[2] 伊藤博文传 (Биография Ито Хиробуми) Т. 3. Токио. 1944. С. 292–293.

[3] 陈在俊。日本对于孙中山先生革命运动的助力与阻力。三 (*Чэнь Цзайцзюнь.* Помощь и противодействие Японии революционной деятельности господина Сунь Ятсена. III) // Цзиньдай Чжунго. 1994. № 100. С. 30.

[4] Там же. С. 30–31.

обсудил вопрос о помощи филиппинской революции с Миядзаки и Хираяма.

Э. Агинальдо (1869–1964)

В своей биографии Сунь Ятсена Понсе впоследствии вспоминал:

> Однажды холодным осенним вечером[1] я был приглашен в Токио известным японским политиком, членом парламента, бывшим самураем, бывшим министром просвещения, лидером Прогрессивной партии Инукаи. Мне были представлены другие присутствовавшие на встрече, по большой части политики и интеллигенты. Среди них был и Сунь Ятсен.[2]

Инукаи решительно поддержал намерение Сунь Ятсена снабдить филиппинцев оружием, используя Тайвань в качестве перевалочного пункта при благосклонном отношении к этой операции со стороны японского генерал-губернатора.

М. Понсе (1863–1918)

Через несколько месяцев оружие и амуниция были закуплены и погружены на специально зафрахтованное судно.

19 июля 1899 г. «Нунобики-мару» отплыло на Тайвань с тем, чтобы затем направиться на Филиппины, но по пути попало в шторм и затонуло.

По заданию Сунь Ятсена на Лусон был послан Хираяма Сю, которому удалось благополучно добраться до места и встретиться с Агинадьдо. Понсе же вернулся на Филиппины, так и не выполнив своей миссии. Однако его контакты с Сунь Ятсеном продолжались.

Сохранилось несколько писем Понсе в адрес Сунь Ятсена. В одном из них он писал:

> Я вместе с моими соотечественниками испытываю к Вам чувство глубочайшего уважения. Надеюсь, что ради нашего дела, ради всего человечества, ради наших целей в Восточной Азии Вы в ближайшем

[1] 10 ноября 1898 г.

[2] *Ponce M.* Sun Yat-sen, el Fundador de la Republica de China. Manila. 1912. P. 3.

будущем добьетесь решающих успехов. Поэтому мы верим, что, не осуществив желаемого, Вы не откажетесь от содействия нашим общим задачам.[1]

Но внимание Сунь Ятсена в это время переключилось на проблемы подготовки восстания на юге Китая, и с Понсе он более не встречался.

Сунь Ятсен с Тайваня руководит восстаниями на материке

14 августа 1900 г. объединенные войска держав захватили Пекин. Более удобного момента для начала антицинского восстания придумать было невозможно. Сунь Ятсен решает действовать.

Рёнин Ямада Ёсимаса отправился на Тайвань и обсудил с генералгубернатором Кодама Гентаро план японской помощи восстанию, готовящемуся на материке сторонниками Сунь Ятсена. Кодама выразил свое согласие с этим планом, поручив реализацию задуманного гражданскому губернатору Тайваня Гото Симпэй.[2]

Гото Симпэй (1857–1929)

В конце августа японцы, действуя по распоряжению с Тайваня и с санкции из Токио, спровоцировали инцидент в Амое. Человек в одежде монаха поджег японский буддийский храм, консул Уэно обвинил в этом местных жителей, и в город были введены японские войска.[3]

28 сентября Сунь Ятсен прибыл в Цзилун. Начальник уезда Фукуока сообщал в Токио, что Сунь Ятсен, учитывая благосклонное отношение к нему губернатора Кодама, намерен надолго поселиться на острове и оттуда руководить своими сторонниками, готовившими беспорядки в Южном Китае.

Сунь Ятсен, сопровождаемый Утида и Хираяма, получил аудиенцию Кодама и обещание помочь восставшим оружием. Что касалось денег, то Гото посоветовал Сунь Ятсену:

---

[1] *Чэнь Цзайцзюнь.* Помощь и противодействие Японии революционной деятельности Сунь Ятсена. III. С. 40.

[2] *Jansen M.* The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge. 1967. P. 94.

[3] 段云章。孙文与日本史事编年 (*Дуан Юньчжан.* Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией). Гуанчжоу. 1996. С. 89.

> В подвалах Тайваньского банка в Амое хранится 2–3 миллиона долларов серебром. Действуйте революционными методами![1]

8 октября Чжэн Шилян, опираясь на поддержку тайных обществ, но не дожидаясь помощи, обещанной Сунь Ятсеном, начал восстание в Хуйчжоу, недалеко от Кантона. На первых порах удача сопутствовала ему, хотя с самого начала повстанцы испытывали недостаток оружия и его приходилось получать из рук противника.

19 октября в Японии произошла смена кабинета, и к власти вновь пришел Ито Хиробуми. Сунь Ятсен связывал с этим большие надежды. Он писал Инукаи, явно преувеличивая успехи, достигнутые Чжэн Шиляном, что в случае овладения Кантоном весь Южный Китай окажется в руках восставших.

> Другого такого случая больше не будет, и этим шансом нельзя пренебречь. Решается судьба Китая. Если Ваше правительство согласится помочь слабым и поддержать их в трудную минуту, всё необходимое можно будет тайно переправить с Тайваня и я берусь взять это на себя.[2]

В письме, адресованном Сугавара Дэн, Сунь Ятсен конкретизировал ожидаемую помощь со стороны японского правительства:

> До меня дошли слухи о том, что к власти пришли Ваши единомышленники, а у нас началось восстание. Такое совпадение бывает раз в тысячу лет! <...>
>
> Я прошу Вас передать Вашим товарищам в правительстве просьбу тайно оказать нам помощь — предоставить в наше распоряжение [японских] солдат и офицеров, снабдить нас оружием. Если это будет сделано, можно будет в самом ближайшем будущем покончить с коррупцией маньчжурской династии и создать новое, китайское правительство.[3]

Однако, вопреки всем надеждам Сунь Ятсена, кабинет Ито Хиробуми не был склонен к сотрудничеству с китайскими революционерами. Губернатор Кодама получил инструкцию прекратить контакты с Сунь Ятсеном.

25 октября Чжэн Шилян принял решение прекратить все военные действия. Ямада Ёсимаса, который вез ему письмо Сунь Ятсена, был по дороге схвачен маньчжурскими солдатами и казнен.

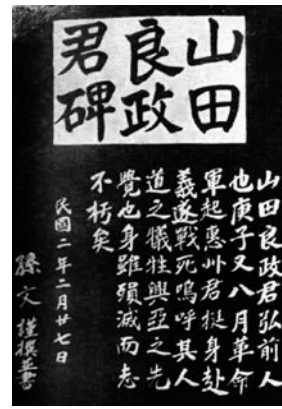
---

[1] *Чэнь Цзайцзюнь.* Помощь и противодействие Японии революционной деятельности Сунь Ятсена. IV // Цзиньдай Чжунго. 1994. № 101. С. 30.

[2] Сунь Ятсен — Инукаи Цуёси, 21 октября 1900 г. // ПССС. Т. 1. С. 200.

[3] Сунь Ятсен — Сугавара Дэн, 23 октября 1900 г. // Там же. С. 201.

Ямада Ёсимаса



Стела на его могиле, установленная (1868–1900) Сунь Ятсеном в 1913 г.

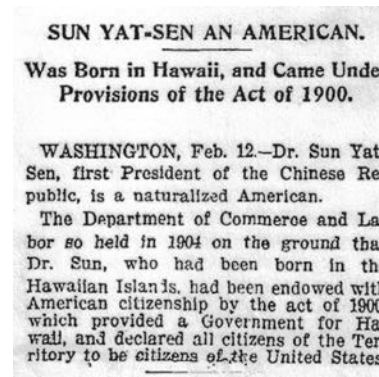
10 ноября нарочный передал Хираяма Сю сообщение от генерал-губернатора Кодама о том, что Гото Симпэй получил приказ из Токио запретить Сунь Ятсену и его японским коллегам пребывание на Тайване.[1]

Сделав хорошую мину при плохой игре, Сунь Ятсен заявил, что он покидает Тайвань добровольно.[2]

Гражданин Соединенных Штатов

Вскоре после того, как 1 января 1912 г. Сунь Ятсен вступил в должность президента Республики, в газете «The New York Times» было опубликовано сообщение из Вашингтона под заголовком «Сунь Ятсен — американец».

В нем говорилось, что первый президент Китайской Республики, будучи уроженцем Гавайев, получил в 1904 г. права гражданства Соединенных Штатов.



SUN YAT-SEN AN AMERICAN.

Was Born in Hawaii, and Came Under Provisions of the Act of 1900.

WASHINGTON, Feb. 12.—Dr. Sun Yat-Sen, first President of the Chinese Republic, is a naturalized American.

The Department of Commerce and Labor so held in 1904 on the ground that Dr. Sun, who had been born in the Hawaiian Islands, had been endowed with American citizenship by the act of 1900, which provided a Government for Hawaii, and declared all citizens of the Territory to be citizens of the United States.

Из газеты «The New York Times» от 13 февраля 1912 г.

[1] *Jansen M.* The Japanese and Sun Yat-sen. P. 97.

[2] *Дуан Юньчжан.* Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 104–105.

В то время на эту заметку не обратили серьезного внимания, посчитав ее нелепой газетной уткой, сочиненной каким-то недобросовестным корреспондентом.

Документы свидетельствуют

Однако спустя 20 лет после этого Л. Шарман нашла в архиве документальные свидетельства того, что Сунь Ятсен действительно стал в 1904 г. гражданином Соединенных Штатов.[1]

Фэн Цзыю (1882–1958)

Через 5 лет после этого соратник Сунь Ятсена Фэн Цзыю подтвердил этот факт в воспоминаниях о раннем этапе деятельности лидера партии.[2]

Позднее этого вопроса касались в своих книгах о Сунь Ятсене американские исследователи Г. Шифрин[3] и Т. Ганшоу[4].

Но официальная гоминьдановская наука отказывалась признать достоверность данного эпизода из биографии Сунь Ятсена. Когда в 1982 г. тайваньский журналист Фу Цзяньчжун поместил в одной из американских китаеязычных газет статью «Сунь Ятсен: отец китайской нации, гражданин США», тут же перепечатанную тайваньской «Чжунго шибао», представитель руководства Гоминьдана потребовал от главного редактора газеты немедленно разобраться в случившемся и выяснить, не является ли Фу Цзяньчжун скрытым «вражеским агентом».[5]

В 1994 г. историк Ли Юнин опубликовал в университетском журнале несколько документов из американского Национального архива, связанных с тем, при каких обстоятельствах Отец Государства Сунь Ятсен

[1] *Sharman L.* Sun Yansen: His Life and its Meaning. New York. 1934. P. 79.

[2] 冯自由。革命逸史 (*Фэн Цзыю*. Неофициальная история революции). Т. 2. Тайбэй. 1965. С. 112–113 (первое издание: Чанша. 1939).

[3] *Schifrin H.* Sun Yat-sen and the Origins of the Chinese Revolution. University of California Press. 1968. P. 328–329.

[4] *Ganschow Th.* A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922. Indiana University. 1971. P. 26–28.

[5] 傅建中。孙中山失去美国籍真相 (*Фу Цзяньчжун*. Обстоятельства, при которых Сунь Ятсен утратил права американского гражданства) // Чжунго шибао, 24 июня 2011 г.

Посетители выставки с огромным интересом рассматривали сенсационные экспонаты

Ма Инцзю (в центре) открывает выставку «Сунь Ятсен и Соединенные Штаты»

стал в 1904 г. гражданином Соединенных Штатов Америки[1], хотя в то время они так и не стали достоянием широкой читающей публики.

Поэтому подлинной сенсацией явилась приуроченная к 100-летнему юбилею Синьхайской революции выставка «Сунь Ятсен и Соединенные Штаты», которую 4 июня 2011 г. торжественно открыл в Тайбэе председатель Гоминьдана Ма Иньцзю.

Среди экспонатов этой выставки, представленных Национальным Архивом США, были документы, подтверждающие, что в 1904 г. Сунь Ятсен получил американский паспорт.

«Меня зовут Сунь Ятсен. Я родился на Гавайях»

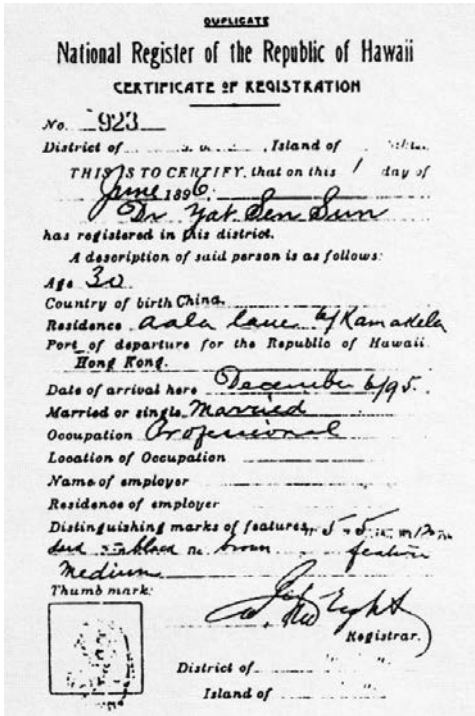
Во время предыдущего визита в Гонолулу в 1895–1896 гг. Гавайи были независимой страной, и поэтому у Сунь Ятсена, предъявившего китайский паспорт, не было проблем с иммиграционной службой.

1 июня 1896 г. его зарегистрировали и выдали сертификат, в котором помимо прочего говорилось, что ему 30 лет и что он родился в Китае.

Но в 1900 г. Гавайи стали 50-м штатом США. Китайскому консулу в Гонолулу было известно, что Пекинское правительство разыскивает Сунь Ятсена, поэтому на этот раз въехать на территорию Соединенных Штатов по китайскому паспорту он не мог.

---

[1] 李又宁。孙中山先生的美国公民权 (*Ли Юнин.* Права Сунь Ятсена на американское гражданство) // Чжуншань дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао, 1994, т. 8, № 4.



DUPLICATE

National Register of the Republic of Hawaii

CERTIFICATE OF REGISTRATION

No. 923

District of ..., Island of ...

THIS IS TO CERTIFY, that on this 1 day of June 1896, Dr. Yat Sen Sun has registered in this district.

A description of said person is as follows:

Age 30.

Country of birth China.

Residence Aala Lane, Honolulu

Port of departure for the Republic of Hawaii Hong Kong.

Date of arrival here December 6/95.

Married or single Married

Occupation Professional

Location of Occupation ...

Name of employer ...

Residence of employer ...

Distinguishing marks of features ...

Medium

Thumb mark

Registrar.

District of ...

Island of ...

Разрешение на въезд на территорию Республики Гавайи, выданное Сунь Ятсену в 1896 г.

Сунь Мэй (1854–1915)

Ситуация казалась безвыходной, и Сунь Ятсен уже подумывал о том, чтобы отказаться от попыток попасть на территорию США. Выход из затруднительного положения предложил его старший брат Сунь Мэй.

Он вызвался найти двух лжесвидетелей, которые согласились бы подтвердить, что Сунь Ятсен родился не в китайской провинции Гуандун, а на Гавайях. Этого, заверял Сунь Мэй своего брата, было бы достаточно для того, чтобы местные власти выдали Сунь Ятсену свидетельство о рождении, а это открывало ему прямой путь к получению прав американского гражданства.

Сказано — сделано.

9 марта 1904 г. Сунь Ятсен подал в иммиграционное управление Гонолулу следующую бумагу:

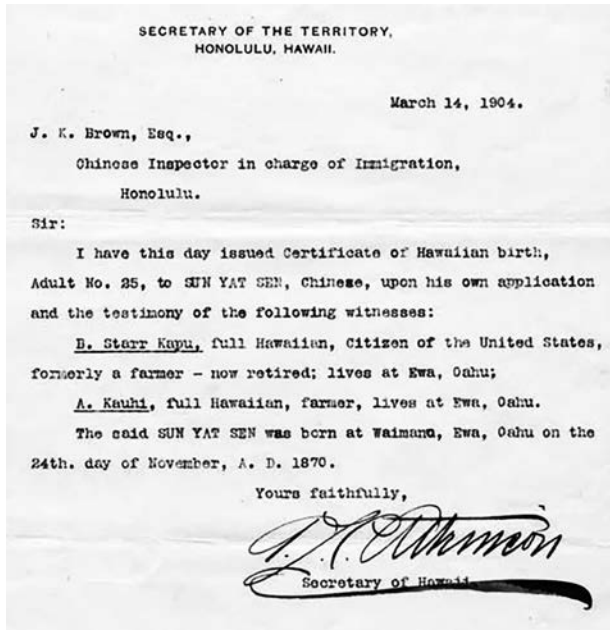
> Я, Сунь Ятсен, под присягой заявляю, что, насколько мне известно, я родился 24 ноября 1870 года в Ваймано, Эва на острове Оаху. Я — врач, в настоящее время практикую в Кула на острове Мауи. Моя семья проживает в Кула. Мой отец Сунь Дачэн в 1874 году уехал в Китай и скончался там.
>
> Я даю присягу, подтверждающую мой статус, с целью получения свидетельства о том, что я родился на Гавайях. Прилагаю свою недавнюю

фотографию. Вышеуказанное я на месте под присягой подписал 9 марта 1904 года.[1]

Через 5 дней после этого инспектор А. Аткинсон написал секретарю территории Гавайи Дж. Брауну о том, что на основании заявления китайца Сунь Ятсена и приложенных к нему свидетельств двух проживающих на Оаху граждан Соединенных Штатов вышеуказанному лицу было выдано свидетельство № 25 о том, что он родился на Гавайях 24 ноября 1870 г.

Не совсем понятно, почему Сунь Ятсен, дав под присягой ложные показания о месте своего рождения, заодно изменил себе и возраст, став моложе на целых четыре года.

Но придуманная им дата «24 ноября» имела вполне определенный символический смысл: это был день основания «Общества возрождения Китая».



SECRETARY OF THE TERRITORY,
HONOLULU, HAWAII.

March 14, 1904.

J. K. Brown, Esq.,
Chinese Inspector in charge of Immigration,
Honolulu.

Sir:

I have this day issued Certificate of Hawaiian birth, Adult No. 25, to SUN YAT SEN, Chinese, upon his own application and the testimony of the following witnesses:

D. Starr Kapu, full Hawaiian, Citizen of the United States, formerly a farmer - now retired; lives at Ewa, Oahu;

A. Kauhi, full Hawaiian, farmer, lives at Ewa, Oahu.

The said SUN YAT SEN was born at Waimanu, Ewa, Oahu on the 24th. day of November, A. D. 1870.

Yours faithfully,

A. N. Atkinson

Secretary of Hawaii

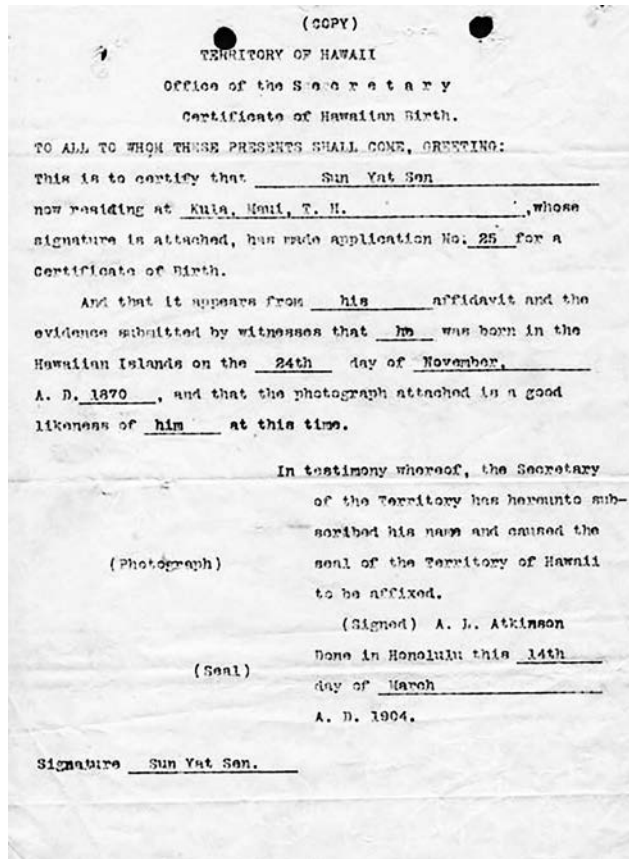
А. Аткинсон — Дж. Брауну, 14 марта 1904 г.

[1] Текст заявления Сунь Ятсена приведен журналистом Ван Фэном со ссылкой на опубликованное в прессе факсимиле. См. 王丰。“孙中山美国籍”之迷雾 (*Ван Фэн.* Тайна «американского гражданства Сунь Ятсена») // Гоцзи сяньцюй даобао, 17 июня 2011 г.

К письму Аткинсона была приложена копия подписанного им свидетельства о рождении. Оригинал свидетельства был выдан на руки заявителю.

С этим документом уверенный в успехе дела Сунь Ятсен отплыл в Сан-Франциско и прибыл туда 6 апреля 1904 г.

Недоброжелатели Сунь Ятсена заблаговременно предупредили американскую иммиграционную службу о том, что государственный преступник Сунь по прибытии в порт намерен предъявить подложные документы. Не успел он сойти на берег, как был арестован.



(COPY)

TERRITORY OF HAWAII

Office of the Secretary

Certificate of Hawaiian Birth.

TO ALL TO WHOM THESE PRESENTS SHALL COME, GREETING:

This is to certify that Sun Yat Sen

now residing at Kula, Maui, T. H. , whose signature is attached, has made application No. 25 for a Certificate of Birth.

And that it appears from his affidavit and the evidence submitted by witnesses that he was born in the Hawaiian Islands on the 24th day of November, A. D. 1870, and that the photograph attached is a good likeness of him at this time.

In testimony whereof, the Secretary of the Territory has hereunto subscribed his name and caused the seal of the Territory of Hawaii to be affixed.

(Photograph)

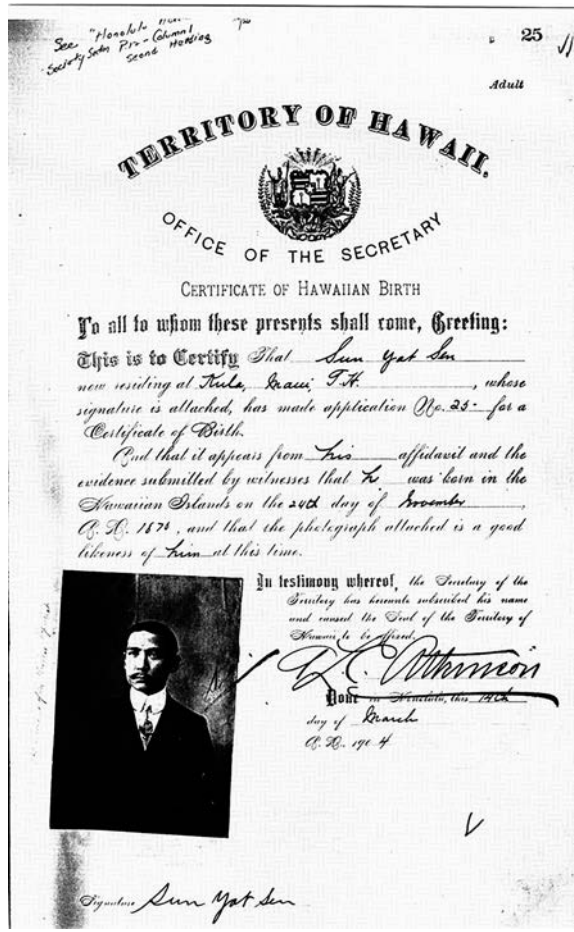
(Signed) A. L. Atkinson

Done in Honolulu this 14th day of March A. D. 1904.

(Seal)

Signature Sun Yat Sen.

Копия свидетельства № 25



TERRITORY OF HAWAII.

OFFICE OF THE SECRETARY

CERTIFICATE OF HAWAIIAN BIRTH

To all to whom these presents shall come, Greeting:

This is to Certify That Sun Yat Sen now residing at Kula, Maui, T.H., whose signature is attached, has made application No. 25 for a Certificate of Birth.

And that it appears from his affidavit and the evidence submitted by witnesses that he was born in the Hawaiian Islands on the 24th day of November, A.D. 1870, and that the photograph attached is a good likeness of him at this time.

In testimony whereof, the Secretary of the Territory has hereunto subscribed his name and caused the Seal of the Territory of Hawaii to be affixed.

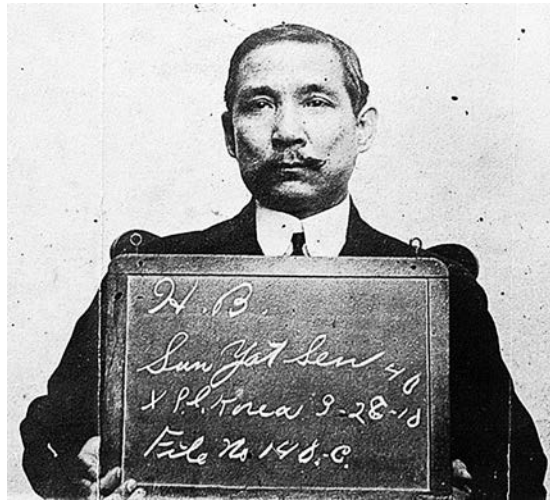
Done at Honolulu, this 14th day of March A.D. 1904

Signature Sun Yat Sen

Оригинал свидетельства о том, что Сунь Ятсен родился на Гавайях

От Сунь Ятсена потребовали дать объяснения по поводу его предыдущих посещений Сан Франциско, и 14 апреля он, положа руку на библию, дал нижеследующее клятвенное показание:

> Меня зовут Сунь Ятсен, я родился на Гавайях и вернулся в Гонолулу из Гонконга в начале 1896 г. или в конце 1895 г. В Гонолулу я оставался 4 или 5 месяцев и после этого приехал в Сан-Франциско, прибыв сюда незадолго до начала июля. Я въехал в страну по документам формы № 6, выдаваемым студентам и путешественникам, которые я получил



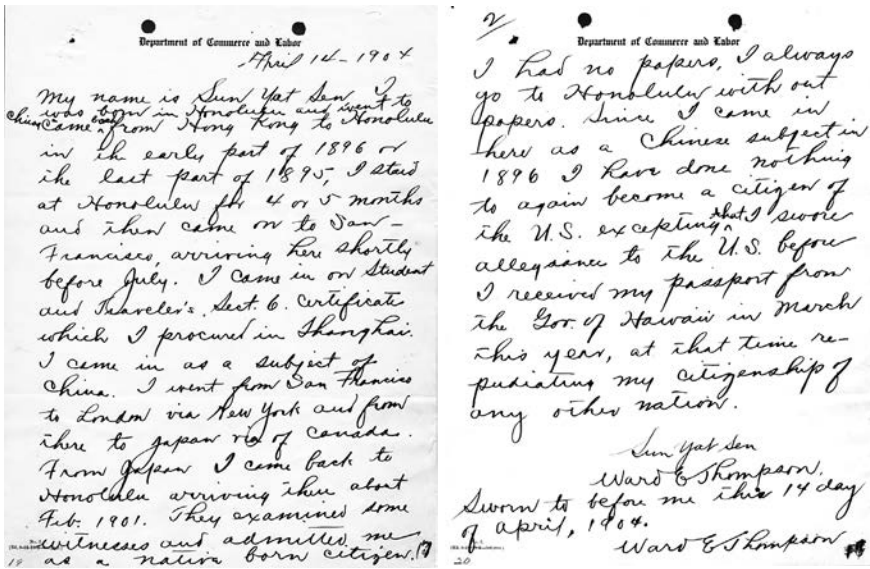
в Шанхае. Я приехал, будучи гражданином Китая. Из Сан-Франциско я через Нью-Йорк поехал в Лондон, а оттуда в Японию через Канаду. Из Японии я вернулся в Гонолулу и прибыл туда где-то в феврале 1901 года. [Местные власти] рассмотрели показания нескольких свидетелей и разрешили мне въезд как гражданину, рожденному в стране. У меня не было паспорта, я всегда езжу в Гонолулу без него. С тех пор как я в 1896 году прибыл сюда как гражданин Китая, я не предпринимал ничего, чтобы вновь стать гражданином США, за исключением того, что прежде чем в марте этого года получить паспорт от правительства Гавайев, я клятвенно подтвердил свою лояльность по отношению к США, тем самым отказываясь от гражданства другой страны.

Чиновник иммиграционной службы У. Томпсон сделал под показанием Сунь Ятсена приписку: «Клятвенно совершено в моем присутствии 14 апреля 1904 г.».[1]

Объяснения Сунь Ятсена не удовлетворили иммиграционную службу Сан-Франциско, и 15 апреля он получил уведомление о том, что въезд в США ему запрещен, хотя он имеет право обжаловать это решение.

Сунь Ятсену не оставалось ничего иного, как воспользоваться этим правом, и 21 апреля он сделал еще одно заявление, в котором излагал свою версию произошедшего, отчасти противореча тому, что́ он говорил ранее:

[1] Autobiography, April 14, 1904 // ПССОГ. Т. 10. С. 478.



Department of Commerce and Labor

April 14- 1904

My name is Sun Yat Sen. I was born in Honolulu and went to China from Hong Kong to Honolulu in the early part of 1896 or the last part of 1895. I stood at Honolulu for 4 or 5 months and then came on to San Francisco, arriving here shortly before July. I came in on Student and Traveler's Sect. 6. Certificate which I procured in Shanghai. I came in as a subject of China. I went from San Francisco to London via New York and from there to Japan via Canada. From Japan I came back to Honolulu arriving there about Feb. 1901. They examined some witnesses and admitted me as a native born citizen.

Department of Commerce and Labor

I had no papers, I always go to Honolulu with out papers. Since I came in here as a Chinese subject in 1896 I have done nothing to again become a citizen of the U.S. excepting that I swore allegiance to the U.S. before I received my passport from the Gov of Hawaii in March this year, at that time repudiating my citizenship of any other nation.

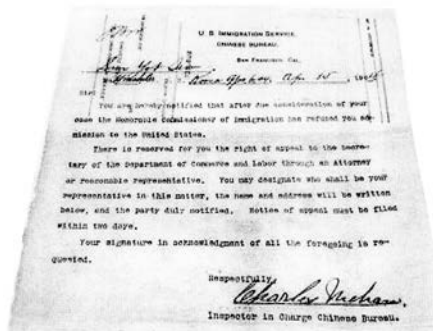
Sun Yat Sen

Ward & Thompson.

Sworn to before me this 14 day of April, 1904.

Ward & Thompson

Текст показаний Сунь Ятсена 7 апреля 1904 г.



U.S. Immigration Service
Chinese Bureau.
San Francisco, Cal.

April 15, 1904

You are hereby notified that after due consideration of your case the Honorable Commissioner of Immigration has refused you admission to the United States.

There is reserved for you the right of appeal to the Secretary of the Department of Commerce and Labor through an Attorney or responsible representative. You may designate who shall be your representative in this matter, the name and address will be written below, and the party duly notified. Notice of appeal must be filed within two days.

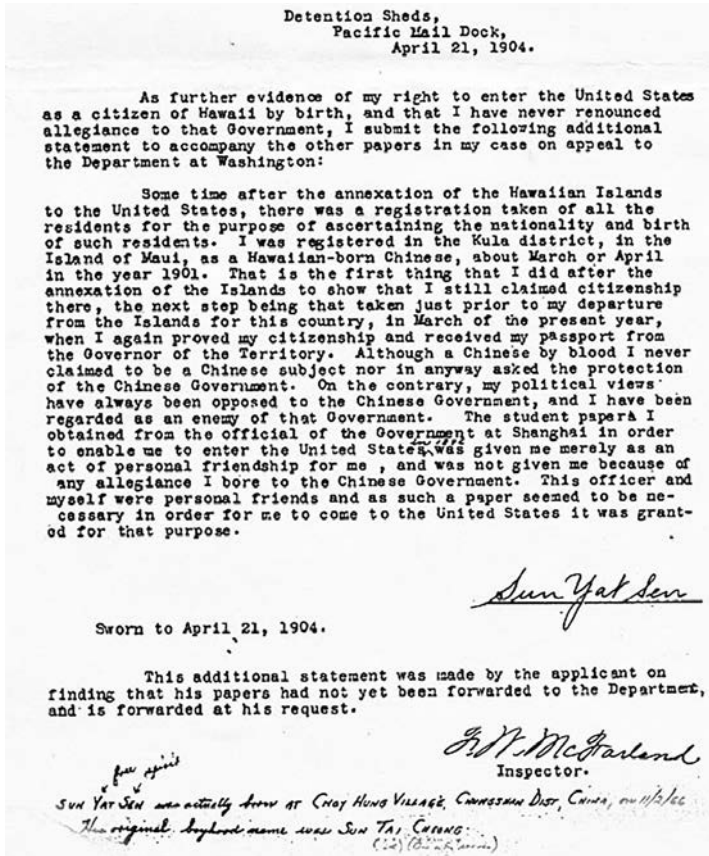
Your signature in acknowledgment of all the foregoing is required.

Respectfully,

Inspector in Charge Chinese Bureau.

Инспектор Иммиграционного бюро — Сунь Ятсену, 15 апреля 1904 г.

Вскоре после присоединения Гавайских островов к Соединенным Штатам была произведена регистрация всех жителей с целью установить их гражданство и место рождения. В марте или апреле 1901 года я был зарегистрирован в Кула на о-ве Мауи в качестве китайца, рожденного на Гавайях. Это был первый шаг после присоединения Гавайев к США, который я предпринял, чтобы доказать, что я добиваюсь получения здесь гражданства. Следующий шаг был предпринят мною перед отплытием с Гавайев, когда в марте этого года я вновь доказал свое гражданство и получил паспорт от



Detention Sheds,
Pacific Mail Dock,
April 21, 1904.

As further evidence of my right to enter the United States as a citizen of Hawaii by birth, and that I have never renounced allegiance to that Government, I submit the following additional statement to accompany the other papers in my case on appeal to the Department at Washington:

Some time after the annexation of the Hawaiian Islands to the United States, there was a registration taken of all the residents for the purpose of ascertaining the nationality and birth of such residents. I was registered in the Kula district, in the Island of Maui, as a Hawaiian-born Chinese, about March or April in the year 1901. That is the first thing that I did after the annexation of the Islands to show that I still claimed citizenship there, the next step being that taken just prior to my departure from the Islands for this country, in March of the present year, when I again proved my citizenship and received my passport from the Governor of the Territory. Although a Chinese by blood I never claimed to be a Chinese subject nor in anyway asked the protection of the Chinese Government. On the contrary, my political views have always been opposed to the Chinese Government, and I have been regarded as an enemy of that Government. The student papers I obtained from the official of the Government at Shanghai in order to enable me to enter the United States in 1895 was given me merely as an act of personal friendship for me , and was not given me because of any allegiance I bore to the Chinese Government. This officer and myself were personal friends and as such a paper seemed to be necessary in order for me to come to the United States it was granted for that purpose.

Sun Yat Sen

Sworn to April 21, 1904.

This additional statement was made by the applicant on finding that his papers had not yet been forwarded to the Department, and is forwarded at his request.

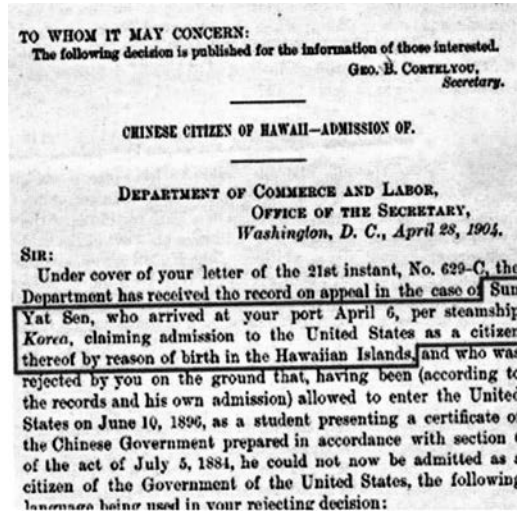
F. W. McFarland
Inspector.

SUN YAT SEN was actually born at CHOY HUNG VILLAGE, CHUNGSHAN DIST, CHINA, on 11/2/66
The original boyhood name was SUN TAI CHEONG.

Заявление Сунь Ятсена от 21 апреля 1904 г.

губернатора территории. Хотя я китаец по крови, я никогда не заявлял, что я китайский подданный и ни в какой мере не просил защиты со стороны китайского правительства. Напротив, мои политические убеждения всегда находились в оппозиции китайскому правительству и меня считали врагом этого правительства. Документы, подтверждающие, что я – студент, полученные мною от чиновника в Шанхае с тем, чтобы я мог въехать в США в 1895 году, были выданы мне в знак личной дружбы, а не вследствие моего обращения к китайскому правительству.

28 апреля 1904 г. секретарь Департамента торговли и промышленности США Дж. Кортелью принял окончательное решение по делу Сунь Ятсена. Он был признан имеющим основание для получения гражданства Соединенных Штатов.



TO WHOM IT MAY CONCERN:
The following decision is published for the information of those interested.
GEO. B. CORTELYOU,
Secretary.

CHINESE CITIZEN OF HAWAII—ADMISSION OF.

DEPARTMENT OF COMMERCE AND LABOR,
OFFICE OF THE SECRETARY,
Washington, D. C., April 28, 1904.

SIR:

Under cover of your letter of the 21st instant, No. 629-C, the Department has received the record on appeal in the case of Sun Yat Sen, who arrived at your port April 6, per steamship *Korea*, claiming admission to the United States as a citizen thereof by reason of birth in the Hawaiian Islands, and who was rejected by you on the ground that, having been (according to the records and his own admission) allowed to enter the United States on June 10, 1896, as a student presenting a certificate of the Chinese Government prepared in accordance with section 6 of the act of July 5, 1884, he could not now be admitted as a citizen of the Government of the United States, the following language being used in your rejecting decision:

Письмо секретаря Департамента торговли и промышленности США инспектору Иммиграционного бюро от 28 апреля 1904 г. (фрагмент)

Получив американский паспорт, Сунь Ятсен мог теперь беспрепятственно приезжать в Соединенные Штаты.

Был ли Сунь Ятсен в 1909 г. лишен гражданства США

В 1981 г. в китайском журнале «Шилинь» была напечатана статья, в которой содержалось утверждение о том, что спустя 4 года после получения гражданства Соединенных Штатов Сунь Ятсен был лишен его.[1] Речь шла о событиях, связанных с пребыванием д-ра Суня в Таиланде.

20 ноября 1908 г. вынужденный покинуть Японию Сунь Ятсен прибыл в Бангкок, однако китайское правительство потребовало депортировать опасного мятежника. 4 декабря он был вызван к мэру города, который объявил, что ему дается неделя на то, чтобы покинуть страну. В голову Сунь Ятсену приходит мысль о том, что он как гражданин Соединенных Штатов может найти защиту в американском диплома-

Э. Рут (1845–1937)

[1] 吴乾兑。1908年孙中山在曼谷 (*У Цяньдуй.* 1908 год: Сунь Ятсен в Бангкоке) // Шилинь, 1991, № 4.

тическом представительстве, если обратится непосредственно к посланнику США в Сиаме Г. Кингу.

Через несколько дней Сунь Ятсен записался на прием к Кингу и попросил оградить его от угроз со стороны сиамских властей. Американский дипломат спросил, какова подоплека этой просьбы, и д-р Сунь рассказал, что он родился на Гавайях и окончил медицинское училище в Гонконге, поскольку его отец был против того, чтобы он учился в Штатах, так как тот якобы боялся, что сын примет христианство (по словам Сунь Ятсена, его отец был состоятельным гавайским плантатором и вместе с его братом владел там большим имением).

Сунь Ятсен предъявил Кингу документы, подтверждающие, что он является гражданином США.

Сообщая об услышанном госсекретарю Э. Руту, Кинг писал о своем собеседнике, который произвел на него приятное впечатление:

> Он прекрасно — лишь с небольшим акцентом — говорит по-английски, интеллигентен, человек большого ума и быстрой реакции, обладает решительным характером. <...> Каждый раз он был весьма откровенен, с готовностью отвечал на вопросы, не задумываясь клялся и исчерпывающе объяснял детали своей деятельности.[1]

Предъявленные Сунь Ятсеном документы — свидетельство о рождении и американский паспорт — убедили посланника в том, что перед ним действительно американский гражданин, о чем он сообщил госсекретарю и направил в Вашингтон переданные ему документы.

Но ответ из Вашингтона задерживался, а день, когда Сунь Ятсен должен был покинуть Сиам, приближался. Не дождавшись результатов своего визита к Кингу, он, оставив несколько адресов, по которым можно было связаться с ним, 10 декабря выехал из Бангкока в Сингапур.

Ответ из Госдепартамента Кинг получил лишь 11 марта 1909 г. Ему сообщали:

> Сунь Ятсен получил гражданство США, но нужно ли в настоящее время защищать его — это совсем другой вопрос. Гражданство предполагает не только права, но и обязанности <...>, а он не только не выполняет обязанности американского гражданина, но целиком вовлечен в Китае в политику и, более того, является лидером агитации против дружественного нам правительства.[2]

---

[1] King to Root, December 15, 1908 // US National Archives 16971, RG 84 (цит. по: *Ganschow Th.* A study of Sun Yat-sen's contacts with the United States Prior to 1922. Indiana University. 1971. P. 49).

[2] Wilson to King, March 11, 1909 // Ibid. P. 52.

Проанализировав содержание этого письма, У Цяньдуй пришел к заключению, что оно означало лишение Сунь Ятсена прав американского гражднства.[1]

Эта версия получила широкое хождение в китайской прессе. Достаточно привести мнение на сей счет, высказанное в 2013 г. на страницах газеты «Гуанчжоу жибао»:

> Можно с уверенностью сказать, что 1 января 1912 г. Сунь Ятсен вступил в должность Временного президента, уже не будучи гражданином США, как утверждают некоторые.[2]

Авторы этой книги принадлежат к числу «некоторых». Наши основания для этого сводятся к следующему.

Во-первых, если бы Госдепартамент США аннулировал в 1909 г. гражданство Сунь Ятсена, полученные из Бангкока документы наверняка оказались бы в мусорной корзине. Но из Вашингтона их вернули Кингу, тот переправил их владельцу, и Сунь Ятсен в письме генконсулу подтвердил их получение.[3]

Во-вторых, через год после этих событий Сунь Ятсен прибыл в США и не только не был задержан на границе, как в 1904 г., но свободно разъезжал по стране, а пресса освещала практически каждый его шаг.

В-третьих, исследователи располагают бесспорными указаниями на то, что Сунь Ятсен утратил права гражданства Соединенных Штатов уже после избрания его Временным президентом Китайской Республики.

После того как в марте 1912 г. Временный президент Китайской Республики официально передал дела своему преемнику на этом посту, он стал подумывать о том, что было бы неплохо вспомнить старину и отправиться на Гавайи. Узнав об этом, инспектор по делам иммиграции в Гонолулу Р. Холси запросил мнение Генерального уполномоченного в Вашингтоне.

> Я имею честь сообщить Вам, что согласно некоторым сообщениям д-р Сунь Ятсен, которому некогда было разрешено высадиться в нашем порту как китайцу, рожденному на Гавайях, намерен прибыть сюда и затем проследовать на материк. Его приезд ожидается в ближайшем будущем.

---

[1] *У Цяньдуй.* 1908 год: Сунь Ятсен в Бангкоке // Шилинь, 1991, № 4.

[2] 孙中山夏威夷出生“证明书”为革命骗取美国籍 (Сунь Ятсен во имя революции обманным путем получил гражданство США с помощью свидетельства о рождении на Гавайях) // https://www.guancha.cn/history/2013_03_13_131484.shtml.

[3] Sun to King, April 27, 1909 // US National Archives 16971, RG 84 (цит. по: *Ganschow Th.* A study of Sun Yat-sen’s contacts with the United States Prior to 1922. P. 52).

Как Вам известно, д-р Сунь Ятсен был первым президентом Китайской Республики, и вопрос в том, утратил ли он гражданство США, вступив в эту должность, и нужно ли нам теперь требовать от него представления бумаг, необходимых для китайцев, не являющихся американскими гражданами.

Если же у д-ра Сунь Ятсена не окажется означенных бумаг, должен ли он быть задержан или же ему будет разрешено сойти на берег как официальному лицу? Естественно, что речь идет о гипотетической ситуации, которая, может быть, и не возникнет. Тем не менее, учитывая необычный статус д-ра Сунь Ятсена, представляется целесообразным поставить этот вопрос перед Вами с тем, чтобы Вы могли сообщить мне Ваши соображения на случай, если эта затруднительная ситуация всё же возникнет.

16 июля Холси получил ответ из Вашингтона. В нем говорилось следующее:

В ответ на Ваше письмо № 140-С от 27 июня Департамент направил Вам сегодня телеграмму с указанием разрешить д-ру Сунь Ятсену высадиться в Вашем порту сразу же по его прибытии на место.

Как Вы помните, д-р Сунь получил права гражданства Соединенных Штатов решением Департамента № 20 от 28 апреля 1904 г. на том основании, что он родился на Гавайях.

Между тем, как сообщается, недавно в статье, опубликованной в газете, он заявил, что родился в Китае. Кроме того, вне зависимости от места рождения, он бесспорно подтвердил свой статус гражданина Китая фактом вступления в должность Временного президента новой республики. <...>

В свете вышеприведенных документов, ставших общеизвестными после выставки в Тайбэе, не может вызывать сомнений тот факт, что автор заметки в «The New York Times» был прав: 1 января 1912 г., когда Сунь Ятсен принимал присягу первого Временного президента Китайской Республики, у него в кармане лежал американский паспорт.

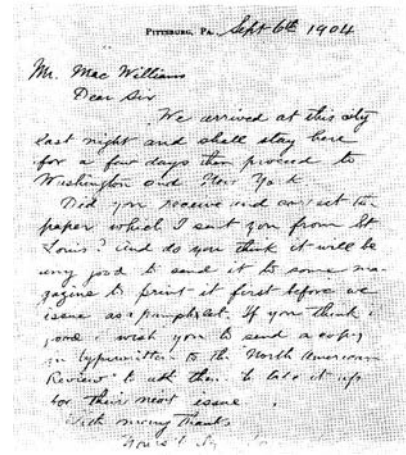
Сунь Ятсен обращается к американцам

Во время пребывания Сунь Ятсена в Соединенных Штатах летом 1904 г. его познакомили с неким Ч. Мак-Уильямсом, который предложил ему изложить свои мысли о будущем Китая для сведения широкой американской публики. Сунь Ятсен последовал совету и попросил своего друга Ван Чунхуя помочь ему набросать по-английски текст небольшой

брошюры под названием «The True Solution of Chinese Question». Отдавая себе отчет в том, что его английский весьма далек от совершенства, Сунь Ятсен написал Мак-Уильямсу:

> Мне хотелось бы, чтобы Вы внимательно прочитали текст и переписали его на более правильном английском языке. Особенно прошу обратить внимание на последние пять страниц, написанные мною. Остальное написано мною вместе с г-ном Ваном. <...>[1]

Мак-Уильямс просьбу выполнил, после чего Сунь Ятсен предложил сначала опубликовать текст в какой-нибудь газете[2].



Pittsburg, Pa. Sept 6th 1904

Mr. Mac Williams

Dear Sir

We arrived at this city last night and shall stay here for a few days then proceed to Washington and New York

Did you receive and correct the paper which I sent you from St Louis? And do you think it will be very good to send it to some magazine to print it first before we issue as a pamphlet. If you think so I wish you to send a copy on typewriter to the North American Review to ask them to take it up for their next issue.

With many Thanks

Yours Sincerely

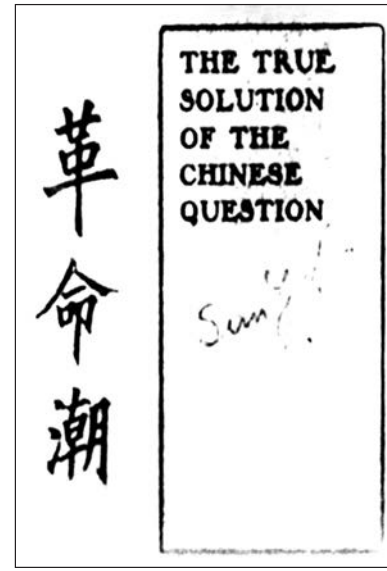
Письмо Сунь Ятсена Мак-Уильямсу от 6 сентября 1904 г.

革命潮

The True Solution of the Chinese Question

The attention of the whole world is at present directed towards the Far East not only because of the war which is now going on between Russia and Japan but also because of the fact that China will ultimately be the main field of struggle between those countries striving for the mastery in Asia. European possessions in Africa which had hitherto been the bone of contention between the European powers having now been pretty well defined, a new field for territorial aggrandizement and colonial expansion must therefore be sought. China, long known as the Sick Man of the Far East, appears naturally such a field for the exploitation of European ambitions. America, notwithstanding her traditional seclusive policy in international politics is however by no means uninterested in it, although in a way somewhat different from that of the other countries. In the first place, the passing of the Philippine Islands under American control makes the United States one of the nearest

Получив от Мак-Уильямса окончательный текст, Сунь Ятсен взял на себя труд еще раз переписать его от руки



革命潮

THE TRUE SOLUTION OF THE CHINESE QUESTION

Sun

Обложка брошюры Сунь Ятсена «Действительное решение китайского вопроса»

[1] Сунь Ятсен — Мак-Уильямсу, 31 августа 1904 г. // ПССС. Т. 1.

[2] Сунь Ятсен — Мак-Уильямсу, 6 сентября 1904 г. // Там же.

Для большего эффекта Мак-Уильямс предложил поместить на обложке несколько китайских иероглифов. Сунь Ятсен идею одобрил: «Прекрасная мысль! <...> Я написал Вам три иероглифа 革命潮, означающие “революционная волна”!»

Брошюра была издана тиражом в 10 000 экземпляров, но в продажу не поступила: она предназначалась для раздачи парламентариям и прочим государственным деятелям Штатов, а также всем желающим.

Желтой опасности не существует

До сих невозможно представить себе Штаты свободными от расовых предрассудков и расовой ненависти. В начале прошлого века ситуация в этом смысле была куда серьезней нынешней. Систематической и изощренной дискриминации подвергались не только потомки черных рабов, но и желтые рабочие, построившие в Новом Свете тысячи километров железных дорог. Именно в это время там получает широкое распространение тезис о «желтой опасности», угрожающей имуществу и жизни добропорядочных белых граждан.

«Желтая опасность» (рисунок из американского журнала)

В своей брошюре Сунь Ятсен посвятил этой теме немало вдохновенных строк.

> Нередко можно слышать суждение, на первый взгляд кажущееся разумным. Китай располагает многочисленным населением и обильными природными ресурсами; если он встанет на ноги и воспримет западный образ жизни и образ мышления, это явится угрозой для всего человечества. Если зарубежные страны помогут Китаю укрепиться, они сами пострадают от этого. Поэтому наиболее мудрая политика с их стороны — это держать китайцев в узде. Другими словами говоря, суть этого суждения — теория «желтой опасности».
>
> Может показаться, что это суждение заслуживает внимания. Но стоит вдуматься, и становится ясно: с какой бы стороны ни подходить к нему, оно в равной мере является несостоятельным. Помимо морального аспекта (допустимо ли, чтобы одна страна стремилась уничтожить другую), здесь есть еще политический аспект.

Как истинный патриот Сунь Ятсен дает следующую характеристику самому себе и своим соотечественникам:

> По натуре китайцы — трудолюбивая, миролюбивая, законопослушная, а не агрессивная нация. Если они воюют, то только ради самообороны. Китайцы станут угрозой миру во всем мире лишь в том случае, если какая-то зарубежная держава использует их в качестве орудия для достижения своих замыслов. Если же китайцы сами решают свою судьбу, они могут доказать, что являются самой миролюбивой нацией на земле.

Сунь Ятсен убеждает своих читателей, что будущие успехи китайского народа — благая весть для всех стран мира.

> Если подходить к проблеме с экономической точки зрения, пробуждение Китая и создание в этой стране цивилизованного правительства принесет пользу не только китайцам, но и всему миру. Страна будет открыта для внешней торговли, в ней будут построены железные дороги, можно будет осваивать полезные ископаемые, народ день ото дня будет богатеть, его жизненный уровень будет неуклонно повышаться, спрос на иностранные товары будет увеличиваться, и нынешний объем международной торговли увеличится в сотни раз. Кто может сказать, что во всем этом заключена «желтая опасность»?!

И за сим:

> Отношения между странами подобны отношениям между людьми. С точки зрения экономики: может ли такое быть, что иметь нищего и необразованного соседа выгоднее, чем состоятельного и умного?
>
> А это значит, что высказанное выше суждение явно несостоятельно. Мы можем с уверенностью сказать, что так называемая «желтая опасность» на деле может обернуться желтым благословением.[1]

[1] *Сунь Ятсен.* Подлинное решение китайского вопроса // ПССС. Т. 1. С. 253.

Да здравствует Китайская Республика!

В этом сочинении Сунь Ятсен впервые четко выразил уверенность в том, что реформы не способны спасти Китай, и сформулировал программу свержения маньчжурского правительства.

> Мы говорим «маньчжурского», а не «китайского» правительства, и это отнюдь не случайно. Сейчас у китайцев нет своего собственного правительства; называть «китайским» нынешнее правительство Китая было бы большой ошибкой. Человеку, плохо знакомому с китайскими делами, это может показаться странным, но это факт, исторический факт.

Рассказав о завоевании Китая маньчжурами, Сунь Ятсен подчеркивал, что героическое сопротивление китайского народа нашествию иноплеменников стоило ему жизней нескольких миллионов людей, а еще несколько сот тысяч китайцев было казнено маньчжурскими завоевателями за отказ носить косы — символ покорности новым властителям.

> В настоящее время маньчжуры насчитывают не более 5 миллионов человек, тогда как китайцев не менее 400 миллионов. Маньчжуры боятся, что наступит день, когда китайцы поднимутся, чтобы освободить свою родину, и для предотвращения этого они принимают разного рода превентивные меры.

Одно за другим Сунь Ятсен перечисляет одиннадцать преступлений, совершаемых маньчжурами по отношению к китайскому народу:

1. Административные мероприятия маньчжуров служат их собственным эгоистическим потребностям, а не интересам порабощенных.
2. Они препятствуют прогрессу китайского народа в области просвещения и материальной жизни.
3. Они относятся к китайцам как порабощенной расе, не предоставляя им равных прав и привилегий.
4. Они покушаются на жизнь, свободу и имущественные права китайцев.
5. Они коррумпированы и способствуют распространению коррупции среди чиновников.
6. Они лишили народ права слова.
7. Они запрещают создание народных обществ и организаций.
8. Не спросив мнения простых людей, они ввели жестокие налоги и поборы.
9. В судопроизводстве по отношению к подозреваемым применяются варварские пытки с целью выбить показания.

10. Игнорируются общепринятые юридические нормы, и обвиняемый лишен права на защиту.
11. Защита жизни и имущества людей не гарантирована.

Допрос подозреваемого

Далее Сунь Ятсен переходит к главному:

Вполне очевидно, что для того чтобы разрешить этот назревший вопрос и покончить с угрозой миру во всем мире, необходимо сменить старое правительство Китая на новое, цивилизованное, прогрессивное.

Если это произойдет, Китай не только сможет двигаться вперед, но и устранит необходимость для других стран заботиться о его независимости и целостности.

Среди китайцев ныне есть немало образованных и способных людей, которые в состоянии взять на себя бремя организации нового правительства. Тщательно обдуман план преобразования маньчжурской монархии в «Китайскую Республику» (中华民国).

Широкие массы народа приветствуют новый порядок, мечтают об улучшении ситуации и о своем освобождении от нынешних жестокостей. Китай сегодня накануне великого национального движения, и достаточно искры, чтобы над землей заполыхало пламя, а варвары-маньчжуры были навсегда изгнаны с нашей исконной территории.

Перед нами стоят трудные задачи, но они вполне осуществимы![1]

[1] Там же. С. 254–255.

И далее:

> Когда великая цель преобразования Китая будет достигнута, перед нашей прекрасной страной встанет заря новой эры, более того, светлые перспективы откроются перед всем человечеством. Вслед за возрождением Китая непременно последует всеобщий мир, и перед цивилизованным человечеством откроется величественная панорама социального и экономического развития, о которой раньше нельзя было и мечтать.[1]

За единственным неудачным исключением Лафайетов в Штатах не нашлось

Первоначально рукопись Сунь Ятсена называлась «Призыв к народу Соединенных Штатов». Он содержался в заключительном абзаце текста:

> Спасение Китая с начала до конца является нашей собственной задачей. Однако в последнее время этот вопрос связан с судьбами всего мира. Поэтому для того, чтобы быть уверенным в успехе, облегчить нашу задачу, избежать лишних жертв, устранить непонимание и вмешательство держав, мы должны обратиться с призывом к народам всего цивилизованного мира, и в особенности — к народу Соединенных Штатов Америки, оказать нам моральную и материальную помощь и поддержку. Вы — провозвестники западной цивилизации в Японии, вы — христианская нация. Создавая наше новое правительство, мы намерены взять ваше в качестве образца. Наконец, вы — борцы за свободу и демократию. Поэтому мы надеемся найти среди вас многих Лафайетов![2]

Т. Рузвельт (1858–1919)

Призыв Сунь Ятсена, обращенный к правителям Соединенных Штатов, остался голосом вопиющего в пустыне.

Памфлет Сунь Ятсена был переведен на китайский и японский языки и опубликован в Гонконге и в Японии. Но кто в Америке прочел эту брошюру и вообще прочел ли ее кто-нибудь, неизвестно.[3]

---

[1] Там же. С. 255.

[2] Там же.

[3] *Ganschow Th.* A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922. Ann Arbor. 1971. P. 40.

Зараженный крайней степенью синофобии, лауреат Нобелевской премии мира за 1906 г. американский президент Теодор Рузвельт ненавидел слабые страны и слабых лидеров, а в его лексиконе слово «китаец» было самым сильным ругательством, почти нецензурным выражением.

Прислушаться к словам Сунь Ятсена он изначально не мог.

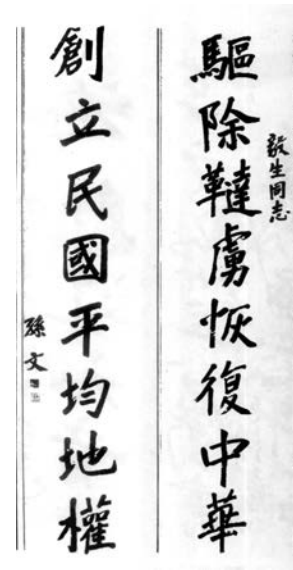
Не нашлось в Штатах и Лафайетов. Единственным исключением мог бы считаться самозваный «генерал» Гомер Ли (ниже о нем еще пойдет речь), но и ему проявить себя в Китае так и не удалось.

Глава IV

Накануне решающих сражений

Революционные организации объединились

Ускользнув от карающей руки Кан Ювэя, д-р Сунь поспешил в Японию, чтобы выполнить главную задачу накануне грядущей революции — объединить разрозненные антиманьчжурские организации. Осуществить эту акцию именно в Стране Восходящего Солнца он планировал потому, что там в то время находились руководители революционных групп; кроме того, он мог рассчитывать на поддержку и помощь со стороны своих многочисленных японских друзей.



Программа «Объединенного союза» (автограф Сунь Ятсена): «Изгнать варваров, восстановить Китай, учредить республику, ввести уравнительное землевладение»

Составные части «Объединенного союза»

Усилия Сунь Ятсена завершились объединением трех групп: руководимого им «Общества возрождения Китая», а также «Союза возрождения Китая» и «Общества освобождения Китая».

Группа членов «Союза возрождения Китая»
(сидят: первый слева Хуан Син, второй справа Сун Цзяожэнь)

В отличие от кантонца Сунь Ятсена, все руководители «Союза возрождения Китая» были уроженцами провинции Хунань.

Хуан Син, которому суждено было стать одним из руководящих деятелей китайской революции и ближайшим соратником Сунь Ятсена, основал «Союз возрождения Китая» 4 ноября 1904 г., когда группа его сподвижников собралась у него дома под видом празднования дня рождения хозяина.

Хуан Син
(1874–1916)

Первой акцией «Союза» стала подготовка вооруженного выступления в Чанша. Об этом стало известно властям, и Хуан Сину пришлось бежать в Японию, где он познакомился с Сунь Ятсеном.

Сун Цзяожэнь был активным членом «Союза» с момента его создания, будучи избран заместителем Хуан Сина. С Хуан Сином его связывала

не только общность взглядов, но и давняя личная дружба. Оказавшись вместе с ним в Японии, Сун Цзяожэнь занялся штудированием политической литературы и перевел на китайский целый ряд книг по истории революционного движения в странах Европы. В 1907 г. он опубликовал исследование «Проблема Цзяньдао», доказав историческую принадлежность этого острова Китаю.

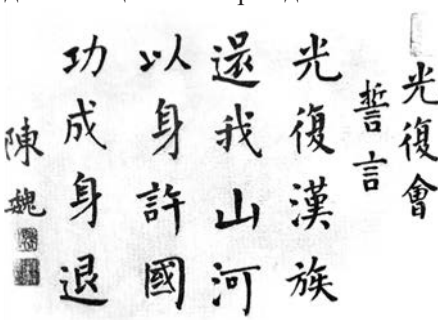
Сун Цзяожэнь (1882–1913)

Тань Жэньфэн был намного старше руководителей «Союза возрождения Китая», и они за глаза называли его «бородатым Танем». Он познакомился с Хуан Сином и Сун Цзяожэнем в 1904 г., приняв участие в организации восстания в Чанша. В 1906 г. с рекомендацией Хуан Сина вступил в «Объединенный союз» и стал одним из его руководителей, во многом не разделяя позицию Сунь Ятсена, что приводило к трениям между ними, нередко переходившим в открытую конфронтацию.

Тань Жэньфэн (1860–1920）

Три революционные группировки, объединившиеся в 1905 г. под общим знаменем, существенно отличались друг от друга как по своим организационным принципам, так и по провозглашавшимся целям их деятельности.

Что касается последнего, то наибольшие различия были характерны для «Общества возрождения» и «Общества освобождения», что отчетливо видно из сопоставления текстов клятвы, которую давали вступающие в организацию.



Клятва вступающего в «Общество освобождения Китя»

Члены «Общества возрождения Китая» клялись, как уже говорилось, «изгнать варваров, восстановить Китай, создать республику, осуществить уравнительное землевладение», тогда как каждый вступающий в «Общество освобождения

Китая» торжественно провозглашал: «Освободим китайскую нацию, вернем нам наши горы и реки!»

Различны были и судьбы «Союза возрождения» и «Общества освобождения» после создания «Объединенного союза». В первом случае первоначальная организация самораспускалась и переставала существовать, во втором — «Общество освобождения» вступало в «Объединенный союз», но сохраняло свою исходную организационную структуру (эта ситуация отчасти повторилась позднее, когда коммунисты вступали в Гоминьдан, сохраняя свое членство в Компартии).

Цай Юаньпэй (1868–1940)

Одним из основателей «Общества освобождения Китая» был Цай Юаньпэй — впоследствии известный деятель Гоминьдана, ученый и организатор науки. В декабре 1903 г. основал в Шанхае еженедельную газету «Эши цзинбао», информировавшую читателей о деятельности русских на территории Маньчжурии (позднее газета была переименована в «Цзинчжун жибао»). С 1907 г., когда ему исполнилось 40 лет, четыре года провел в Германии, изучая в Лейпцигском университете философию и психологию.

Чжан Тайянь (1869–1936)

Чжан Тайянь был одним из наиболее решительных и последовательных противников реформаторских планов Кан Ювэя и Лян Цичао. За свою революционную деятельность он подвергался арестам. По многим теоретическим и практическим вопросам он расходился с Сунь Ятсеном, хотя и полагал, что без объединения всех революционных сил Китая успех движения невозможен. Чжан Тайянь был одним из первых, кто выступал за использование в прессе и в научной литературе разговорного китайского языка.

В отличие от многих других революционных китайских деятелей начала прошлого века, Сюй Силинь считал, что главным оружием антиманьчжурской борьбы является индивидуальный террор. В июне 1907 г. он возглавил покушение на одного из высших маньчжурских чиновников провинции Аньхуй Энь Мина,

открыто заявляя, что за Энь Мином последуют такие известные сановники, как Дуань Фан и др. Однако Сюй Силинь был схвачен, подвергнут жестоким пыткам и казнен.

Сюй Силинь (1875–1907)

О первом из «Трех народных принципов» Сунь Ятсена

Одновременно с организационным оформлением «Объединенного союза» Сунь Ятсен впервые изложил первоначальный вариант своих знаменитых «Трех принципов» — национализм, народоправие, народное благосостояние.

На эту тему написано так много (порой кажется, слишком много), что на первый взгляд нет необходимости затрагивать ее. Тем не менее авторы намерены высказаться по этому поводу, точнее говоря, о первом из трех принципов, или о первой составляющей суньятсеновской теории революции — «революции нации».

Прежде всего — о самом термине «нация».

Китайский термин «нация» (民族 *mínzú*) также как «революция» (革命 *gémìng*) и множество других социально-политических терминов был в новейшее время заимствован из японского языка, а в японском появился как смысловой эквивалент европейского ***nation***.

В настоящее время термин «нация» употребляется в двух различных смыслах. В европейских языках он является синонимом «государства» (отсюда, например, «Организация объединенных наций»), тогда как в русском он имеет значение «этнос» (или «современный тип этнических общностей»).

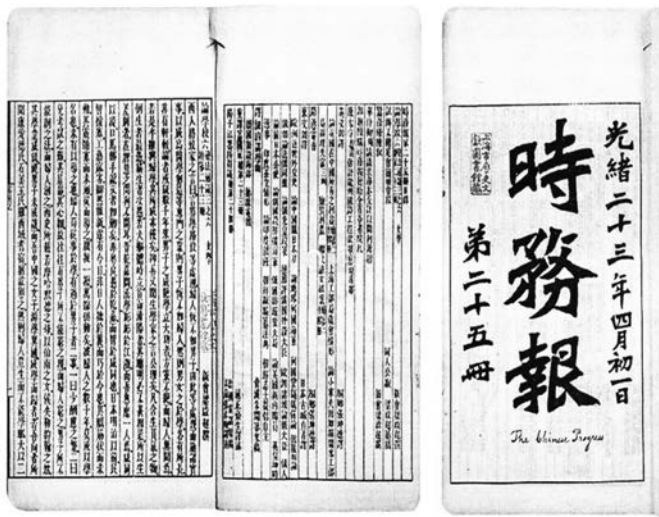
Куга Кацунан (1857–1907)

Но японцы, заимствовав из западноевропейских языков понятие ***nation*** и обозначив его сочетанием двух китайских иероглифов 民族, употребляли его и в первом, и во втором значении.

Известный ученый эпохи Мэйдзи Куга Кацунан, одним из первых использовавший в своих трудах термин 民族 *minzoku*, следующим образом определял его:

> Человечество едино, но подразделяется на белых, черных и желтых. Желтые, черные и белые в свою очередь состоят из различных наций различных государств. Разные нации и разные государства имеют свою собственную историю, свой особенный характер, свое представление о добре и зле, свои обычаи и свою территорию.[1]

Из этого не слишком внятного определения явствует, что *minzoku* обладает признаками как этноса, так и государства, а это, в свою очередь, являлось основой идеи «одна нация — одно государство». В этом значении данный термин и был заимствован в конце 19-го века китайской общественной мыслью (термин 民族 неоднократно встречается, в частности, в публикациях, появлявшихся на страницах основанного в 1896 г. журнала «Шиубао»).



Журнал «Шиубао» № 25 за 1897 г.

Именно так понимали термин *миньцзу* и революционеры, поставившие своей целью вызволить китайцев-хань из-под гнета иноплеменников маньчжуров. Идея многонационального государства была им чужда. Об этом можно безошибочно судить, например, по статье

[1] Цит. по: 书评。民族主义与近代中日关系：民族国家、边疆与历史认识 (Рец. на книгу «Национализм и китайско-японские отношения в новейшее время: “однонациональное государство”, “окраины” и историческое понимание [этих терминов]») // https://site.douban.com/ 125457/widget/notes/10742751/note/590623885/.

«О национализме», опубликованной в 1903 г. в «Чжэцзян чао». В ней утверждалось, что «государство, не являющееся однонациональным, — это не государство».[1]

Поэтому в программе «Объединенного союза» говорилось не о свержении маньчжурской династии, а об ***изгнании*** маньчжуров за пределы этнической территории китайцев-хань и создании однонационального государства хань.

Противники данного пункта программы «Объединенного союза» утверждали, что его осуществление неизбежно приведет к расчленению единого государства: в случае, если цели «Союза» будут достигнуты, на территории Китая помимо однонационального государства хань возникнет по меньшей мере еще три самостоятельных государства.

Сторонники Сунь Ятсена пытались доказать ошибочность подобных утверждений, но их доводы были малоубедительны. Потребовалось несколько долгих лет, прежде чем Сунь Ятсен осознал ошибочность и вредность своего первоначального толкования принципа национализма и воспринял сформулированный его идейными противниками тезис о «республике пяти наций».

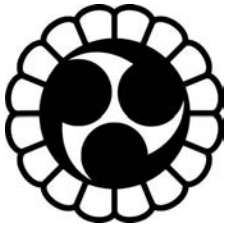
Одним из главных отрицательных последствий выдвижения в начале 20-го века концепции «одна нация — одно государство» было то, что исконная территория проживания маньчжуров, находившаяся за пределами 18 провинций, равно как и Внешняя Монголия, не считалась частью будущего государства китайцев-хань.

В этом заключается разгадка исторического парадокса — как в момент создания «Объединеного союза», так и практически на протяжении всего периода его существования китайские революционеры действовали в тесном взаимодействии с одной из самых реакционных японских политических организаций, получившей наименование «Кокурюкай».

Рука об руку с «Кокурюкай»

Наименование «Кокурюкай» иногда переводится на русский язык как «Общество черного дракона», но это ошибка. На самом деле оно происходит от названия реки Хэйлунцзян. Основоположники общества исхо-

[1] 余一。民族主义论 (*Юй И.* О национализме) // 辛亥革命前十年间时论选集 (Избранные статьи, опубликованные за 10 лет до Синьхайской революции). Т. 1. Часть 2. Пекин. 1960. С. 490.



Символ общества «Кокурюкай»

дили из того, что территории к югу и к северу от этой реки — Маньчжурия, Монголия и Сибирь — должны войти в состав Страны Восходящего Солнца.

Одним из основоположников был уже известный нам Утида Рёхэй. Не будет преувеличением сказать, что главной целью всей его жизни было противодействие России и аннексия китайских территорий на Северо-Востоке страны.

Члены «Кокурюкай» приняли активнейшее участие в создании «Объединенного союза». Его первое собрание происходило не где-нибудь, а на квартире Утида, и сам он во главе группы своих единомышленников вступил в «Союз».

В своей книге «Японская Азия» Утида писал, что все точки над «i», касающиеся будущих взаимоотношений китайских революционеров с японскими *рёнин*, были поставлены еще во время его первой встречи с Сунь Ятсеном в сентябре 1898 г. Д-р Сунь якобы сказал тогда: «Наша цель — уничтожить маньчжуров и восстановить власть китайцев.

Утида Рёхэй (сидит в центре), Миядзаки Торадзо (стоит слева от него) и Сунь Ятсен с другими членами общества «Кокурюкай»

А когда революция победит, можно будет отдать японцам Маньчжурию, Монголию и Сибирь».[1]

По словам Утида, начиная с 1906 г. д-р Сунь неоднократно заверял японских государственных и общественных деятелей: «В случае если Япония поможет китайской революции, Маньчжурия и Монголия будут отданы Японии».[2]

Как китайские, так и японские историки по-разному реагировали на эти строки.

Одни (в их числе — автор двухтомной биографии Сунь Ятсена У Сянсян) сделали вид, что книгу Утида они вообще не читали и поэтому никакой проблемы здесь вообще не существует (не согласовывая своих действий, с У Сянсяном солидаризировались советские историки С. Л. Тихвинский и Г. В. Ефимов; в их исследованиях о Сунь Ятсене нет упоминаний о человеке по имени Утида Рёхэй).

Ян Тяньши

Вторые (в частности, китайский историк Чжао Цзиньюй и японский суньятсеновед Кубота Бундзи) книгу Утида читали, но полагают, что сообщаемые им сведения являются подлогом.[3]

Третьи (например, японский исследователь Фудзии и китайский историк Ян Тяньши) не только читали книгу Утида, но и не сомневаются в том, что его сообщение отражает реальные исторические факты.

Ян Тяньши приводит в этой связи сказанное в мемуарах Когава Хэйёси:

> Как Сунь Ятсен, так и Хуан Син подолгу скрывались в Японии, получали помощь от своих сторонников и в течение длительного времени общались с нами. Они неоднократно говорили нам, что Маньчжурия нужна Японии, что Япония имеет неразрывные связи с Маньчжурией, а китайцы вовсе не нуждаются в землях, которые первоначально зани-

[1] 内天良平。日本の亚细亚 (*Утида Рёхэй.* Японская Азия). Токио. 1932. С. 321.

[2] Там же. С. 340.

[3] 久保田文次。孙文のいはゆる满蒙让与论について (*Кубота Бундзи.* О том, что Сунь Ятсен якобы был готов уступить Маньчжурию и Монголию) // 中岛敏先生古稀纪念论集 (Сборник статей посвященный 70-летию Накадзима Сатоси). Т. 2. Токио. 1981. С. 601–624.

мали маньчжуры. Если китайская революция победит, то намерение Японии овладеть Маньчжурией может быть удовлетворено. Подобные мысли Сунь Ятсен неоднократно высказывал в беседах с нами, и это хорошо известно нашим сторонникам.[1]

Ян Тяньши ссылается также на то, что в 1900 г. Сунь Ятсен нанес визит известной японской феминистке Симода Утако, которая в ответ на его просьбу помочь китайским революционерам сказала: «В тот день, когда ваша революция завершится успехом, Маньчжурия должна быть передана Японии». «Нет проблем», — ответил Сунь Ятсен.[2]

Симода Утако (1854–1936)

Китайский оппонент Ян Тяньши, его коллега по Институту новейшей истории Китая АОН Китая Чжао Цзиньюй в своей книге «Японские *рёнин* и Синьхайская революция», увидевшей свет одновременно с цитированной выше статьей Ян Тяньши, обратил внимание читателей на то, что все приведенные факты почерпнуты из изданий общества «Кокурюкай», а это само по себе является основанием для сомнений в их достоверности.

Чжао Цзиньюй утверждает, что в 1898 г. Сунь Ятсен не мог сказать то, что ему приписывает Утида.

Во-первых, это был частный разговор Утида с Сунь Ятсеном. В это время Утида только что вернулся в Японию из России, общество «Кокурюкай» еще не было создано. Утида был всего лишь рядовым членом правой националистической организации «Сюаньяншэ», а не ее руководителем, каковым являлся Тояма Мицуру. Впервые встретившись с Утида, Сунь Ятсен не мог произнести эти слова.

Во-вторых, в 1898 г. у Сунь Ятсена еще не было плана широкомасштабного восстания. В то время он намеревался наладить контакты с Кан Ювэем и Лян Цичао и у него не было острой потребности в материальной поддержке со стороны Японии. Через 2 года, когда началось восстание в Хуйчжоу, глава филиппинской Армии Независимости Агинальдо пожертвовал 100 тыс. долларов, гонконгский богач Ли Цзитан — 200 тыс. долларов, подчиненный Ли Хунчжана Лю Сюэсюнь — 300 тыс. долларов.

[1] 杨天石。孙中山与«租让满洲»问题 (*Ян Тяньши*. Сунь Ятсен и вопрос об «уступке Маньчжурии» // Цзиньдайши яньцзю. 1988. № 6. С. 69.

[2] Там же.

Поэтому в то время Сунь Ятсен не нуждался в финансовой помощи Японии и ему не было необходимости обменивать ее на Маньчжурию и Монголию.

В-третьих, целью революции Сунь Ятсен считал не «уничтожение маньчжуров и восстановление власти китайцев», а создание республиканского правительства по американскому образцу — в этом состояла программа «Общества возрождения Китая». Тем более не мог Сунь Ятсен сказать об «уничтожении маньчжуров и восстановлении власти китайцев» после создания «Объединенного союза». В книге «Японская Азия» несмотря на это говорится, что целью китайской революции было «уничтожение маньчжуров и восстановление власти китайцев», значит, эти слова умышленно приписываются Сунь Ятсену и вовсе не были сказаны им самим.

В-четвертых, ни в книгах, ни в статьях, ни в беседах, ни в выступлениях Сунь Ятсена нигде не упоминается о его готовности уступить Маньчжурию японцам в качестве компенсации за их помощь.[1]

Контраргументы Чжао Циньюя таковы, что их вполне можно было бы оставить без комментариев и предоставить нашему читателю самому судить об их убедительности. Всё же хочется сказать по поводу четвертого из них. Только очень наивный человек мог бы ожидать, что в своих книгах, статьях, беседах и выступлениях Сунь Ятсен стал бы прилюдно говорить о плане обменять японскую помощь на земли Маньчжурии. Другое дело — его личные письма, не предназначавшиеся для чужих глаз. Кажется странным, что автор монографии «Японские *рёнин* и Синьхайская революция» почему-то умолчал о том, что́ по этому поводу писал Сунь Ятсен своему «другу» Мунаката Котаро. А писал он следующее:

Для меня Япония — вторая Родина, и мне жаль, что многие молодые люди в нашей стране ошибаются, полагая, что если Япония будет управлять Маньчжурией, это нанесет ущерб интересам Китая. Подробные суждения не на пользу нашим двум странам. Каждый раз, когда об этом заходит речь, я стараюсь рассеять сомнения скептиков.[2]

Но с некоторых пор Сунь Ятсен перестал упоминать о своей готовности расплатиться Маньчжурией за японскую помощь. Когда и почему это произошло?

Ответ на этот вопрос мы находим в приведенном Ян Тяньши эксцерпте из книги Когава Хэйёси. Он выражал свое разочарование тем, что после Синьхайской революции Сунь Ятсен изменил свое исходное толкование

[1] 赵金钰。日本浪人与辛亥革命 (*Чжао Цзиньюй.* Японские *рёнин* и Синьхайская революция). Чэнду. 1988. С. 73.

[2] Сунь Ятсен — Мунаката Котаро, 16 июля 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 157–158.

революции и принял первоначально чуждую ему идею «республики пяти наций», согласно которой маньчжуры наряду с тремя другими народами Китая пользовались теми же правами, что и хань.[1]

Это означало, что Маньчжурия стала рассматриваться как составная часть территории Китая и патриот Сунь Ятсен отдавать ее Японии более не собирался. После этого деятели «Кокурюкай» утратили всякий интерес к сотрудничеству с Сунь Ятсеном.

К вопросу о том, с каким трудом Сунь Ятсен воспринял концепцию «республики пяти наций», мы еще вернемся.

Снова разведчик (теперь — французский) и его сослуживцы

Сунь Ятсен никогда не клал все яйца в одну корзину и, добиваясь благосклонности японского правительства, одновременно с этим, если бывал случай, заводил разговор о сотрудничестве с представителями других стран, в том числе — отнюдь не дружественных Японии. Именно так обстоятельства сложились во время японо-китайской войны, когда д-ру Суню представился случай попросить поддержки со стороны Франции.

Попытка наладить контакт

В начале 20-го века позиция французского правительства в отношении политической ситуации в Китае характеризовалась стремлением сохранить *status quo*, воспрепятствовать дальнейшему разделу страны и не допустить усиления влияния Японии в ущерб французским интересам.

Первую попытку вступить в контакт с представителями французских властей Сунь Ятсен предпринял в июне 1900 г., когда, по свидетельству французского посланника в Токио Жюля Армана, д-р Сунь обратился к нему с просьбой о встрече и получил согласие.

Сунь Ятсен рассказал посланнику, что его целью является свержение маньчжурского ига и создание в Китае нового порядка. В случае, если Франция окажет ему содействие в достижении этих целей, после победы

[1] *Ян Тяньши.* Сунь Ятсен и вопрос об «уступке Маньчжурии» // Цзиньдайши яньцзю. 1988. № 6. С. 69.

революции ей будут предоставлены выгодные концессии в южной части Китая. Под «содействием», пояснил Сунь Ятсен, он понимает не материальную помощь, а предоставление оружия и военных советников.

Арман предупредил своего собеседника, что его правительство не склонно помогать тем, кто готовит революции в странах, с которыми Франция имеет нормальные дипломатические отношения. Другое дело — когда революция победит: тогда Франция будет готова признать новое китайское правительство, возглавляемое Сунь Ятсеном. Тем не менее Арман согласился написать губернатору Индокитая Полю Думеру и попросить его принять Сунь Ятсена, если у того будет случай приехать в Сайгон.[1]

Получив сообщение о встрече Армана с Сунь Ятсеном, министр иностранных дел Франции Т. Делькассе высказался в том духе, что необходимо быть в курсе планов Сунь Ятсена, но «для нас было бы крайне опасным способствовать беспорядкам в провинциях, непосредственно граничащих с нашими владениями, и предоставлять ему пусть даже минимальную помощь».[2]

Думеру было предписано в случае встречи с Сунь Ятсеном не давать ему никаких обещаний.[3]

Т. Делькассе (1852–1923)

Сунь Ятсен отправился в Ханой, но поговорить с Думером ему всё же не удалось, потому что губернатора в этот момент там не было.

Ему не оставалось ничего иного, как встретиться с местными колониальными чиновниками, но желаемый результат не был достигнут.

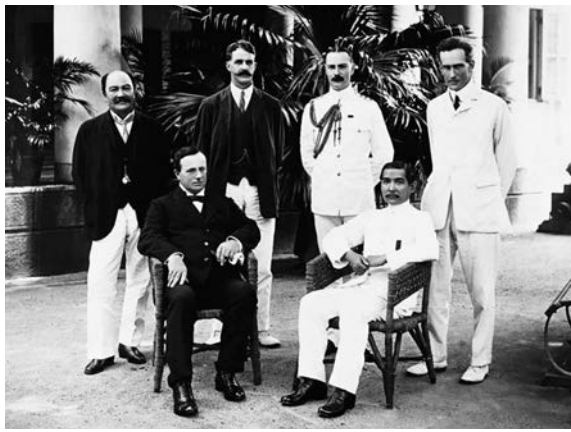
В дальнейшем Думер приглашал Сунь Ятсена посетить международную торгово-промышленную выставку в Ханое, но воспользоваться этим случаем для встречи с ним Сунь Ятсен не смог. Вскоре после этого Думер был отозван из Индокитая.

---

[1] Арман — Думеру, 7 июня 1900 г. // Archives Nationales, Section d'Outre-Mer. Paris (далее — AOM). Indochine B11(36).

[2] Министр иностранных дел — министру по делам колоний, 28 июля 1900 г. // Там же.

[3] Министр по делам колоний — губернатору Индокитая, 9 августа 1900 г. // Там же.



Встреча Сунь Ятсена с французскими чиновниками в Ханое

Сунь Ятсену удалось связаться с секретарем вновь назначенного губернатора Поля Бо. Речь по-прежнему шла о предоставлении Франции концессий в случае, если она поможет китайским революционерам во время восстания в Юньнани.

Однако позиция Бо была однозначной. Он писал в Париж:

> Я абсолютно убежден в том, что мы отнюдь не заинтересованы в расчленении Китая или в низложении китайского императора.[1]

Делькассе был вполне удовлетворен докладом Бо. Но не все во французских дипломатических кругах были согласны с точкой зрения министра. К числу инакомыслящих принадлежал, в частности, консул в Гонконге Рафаэль Ро, встречавшийся с Сунь Ятсеном в марте 1903 г.

Рафаэль Ро (1872–1928)

Обстановка их беседы была столь доброжелательной, что консул написал статью, в которой ратовал за налаживание отношений с южнокитайскими сепаратистами[2], а Сунь Ятсен после этого стал называть Ро своим другом.[3]

---

[1] Бо — министру по делам колоний, 26 февраля 1903 г. // Там же.

[2] La Réforme et ses Réformateurs dans la Chine Meridionale // Bulletin de la Societé Géographique de Rochefort, 1903. N 3.

[3] *Сунь Ятсен.* Тайвань ский историк Чжэн Яньфэнь сообщает, что после этого Ро якобы стал секретарем Сунь Ятсена, но это безусловно явное недоразумение. См.: 郑彦棻。国父与法国 (*Чжэн Яньфэнь.* Отец Государства и Франция) // Цзиньдай чжунго, 1984, № 44. С. 37.

По возвращении во Францию Ро в феврале 1905 г. еще раз встретился с Сунь Ятсеном, после чего характеризовал его как лидера сепаратистского движения на юге Китая, ранее ориентировавшегося на Японию, а теперь агитировавшего за сотрудничество с Францией в расчете на ее военную помощь. По словам Ро, Сунь Ятсен считал, что Франция, придя на смену Японии, может стать главным союзником китайских революционеров в их борьбе против маньчжурских властей.

Ро подчеркивал, что Франция несомненно выиграла бы, положительно отреагировав на предложения Сунь Ятсена, поскольку ее отношения с Японией после японо-русской войны резко обострились в связи с укреплением японских позиций в Китае.[1]

Эта встреча Ро с Сунь Ятсеном совпала по времени с решением военного министерства Франции создать специальный разведовательный орган для сбора информации о положении в Южном Китае. Делькассе дал согласие на это при условии, что разведчики не будут сноситься с французским посольством в Пекине, дабы не бросать тень на его деятельность.[2]

Миссия Букабеля

Во главе этого новоиспеченного органа был поставлен капитан Букабель. Круг его обязанностей, согласованный с преемником Делькассе на посту министра иностранных дел М. Рувье, включал сбор разведданных, в том числе сведений о деятельности японцев в Южном Китае.

Перед своим отъездом из Парижа Букабель беседовал с Ро, и, по всей вероятности, это определило все его последующие действия.

Здесь мы вынуждены с сожалением констатировать, что сведения о миссии Букабеля, которые были в свое время сообщены читателю академиком С. Л. Тихвинским, полностью искажают истинное положение вещей.

Тихвинский утверждает:

> Во время поездки Сунь Ятсена по Европе весной 1905 года французский генеральный штаб установил с ним связь в Париже, в результате чего в 1906 году на Дальний Восток была направлена группа французских

[1] Интервью с Сунь Ятсеном, 9 февраля 1905 г. // Ministère des Affaires Étrangères, Archives Diplomatiques (далее — MAE). Chine n.s. 8.

[2] Министр иностранных дел — посланнику в Пекине, 3 марта 1905 г. // Service Historique de l'Armée, EtatMajor de l'Armée. Rapports des Attachés Militaires. Chine (далее — EMA) 7N1675.

офицеров для оказания помощи «Объединенному союзу» в свержении маньчжурской династии.

В Париже Сунь Ятсен познакомился с генерал-губернатором Индокитая Думером, с которым ему не удалось лично встретиться в 1903 году в Ханое. Думер устроил Сунь Ятсену беседу с французским министром колоний, который также обещал оказывать помощь китайским революционерам.[1]

Начать с того, что ни с Думером, ни с министром по делам колоний Сунь Ятсен в 1905 г. не встречался. В остальном же всё в вышеприведенном изложении поставлено буквально с ног на голову.

Э. Этьен (1844–1921)

Цель миссии Букабеля в том виде, как она была сформулирована военным министром Эженом Этьеном, заключалась вовсе не в помощи «Объединенному союзу».

Напротив, Этьен предостерегал Букабеля от каких бы то ни было связей с китайскими революционерами, поскольку, по его мнению, это могло создать серьезные затруднения для французского правительства.[2]

Тем не менее по прибытии в Гонконг Букабель, вопреки всем полученным им инструкциям, договорился о встрече с Сунь Ятсеном. Таковая состоялась 11 октября 1905 г. на борту парохода в шанхайском порту и продолжалась ни много ни мало 8 часов.

М. Рувье (1842–1911)

Вот что писал об этом сам Сунь Ятсен (курсив наш):

> Однажды, когда корабль, на котором я плыл из Индонезии в Японию, остановился в Усуне, французский офицер Букопэ[3] ***по приказанию своего военного министерства пришел***

[1] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 108.

[2] Этьен — Букабелю, февраль 1906 г. (точная дата неизвестна) // Archives Nationales, Section d'Outre-Mer. Aix-en-Provence (далее — AOM/Aix). 15.825.

[3] Букабель.

ко мне и передал, что его правительство намерено оказать поддержку китайской революции.[1]

Одно из трех: либо Букабель умышленно ввел Сунь Ятсена в заблуждение, либо Сунь Ятсен неправильно понял его слова, либо, наконец, Сунь Ятсен изложил суть дела таким образом, чтобы подчеркнуть значимость состоявшегося разговора.

Так или иначе, французский историк Ж. Шено, не располагая иными свидетельствами, поверил Сунь Ятсену на слово[2], а затем эта версия перекочевала на страницы книги С. Л. Тихвинского.

В действительности французский разведчик счёл, что лидер революционной организации, будучи сам родом с Юга, может стать первоклассным источником необходимых Франции сведений, а чтобы заинтересовать его, можно было на словах посулить ему что-нибудь, в чем он нуждался.

Букабель заявил Сунь Ятсену:

> Не исключено, что мое правительство проявит интерес к Вашим планам, если Вы сможете продемонстрировать, что Ваша организация располагает соответствующими возможностями.[3]

Сунь Ятсен убедил своего визави, что руководимая им революционная партия близка к тому, чтобы контролировать положение на юге Китая:

> Он стал расспрашивать меня, каковы силы революции, и я вкратце осветил ему положение вещей; кроме того, он поинтересовался, налажена ли связь с армиями в провинциях, добавив, что если всё уже готово, то его правительство может немедленно оказать помощь.
>
> Я ответил, что такой уверенности у меня пока еще нет, и попросил его послать кого-нибудь нам в помощь. Французы выделили тогда ***в мое распоряжение*** семь офицеров из своего тяньцзиньского штаба. Я приказал Ляо Чжункаю организовать явку в Тяньцзине, а Ли Чжунши поручил совместно с одним офицеров обследовать положение дел в провинциях Гуандун и Гуанси. Ху Ишэну я приказал отправиться с одним офицером обследовать положение в провинциях Сычуань и Юньнань, а Цяо Ичжаю также с одним офицером ехать в Наньцзин и Ухань.[4]

Букабель, таким образом, с самого начала сумел добиться желаемого: офицеры его группы, якобы находившиеся отныне в распоряжении Сунь

---

[1] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 270.

[2] *Chesneaux J.* Sun Yat-sen. Paris. 1959. P. 116–117.

[3] Букабель — в Военное министерство, 9 ноября 1905 г. // Service Historique de l'Armée, EMA 7N1668.

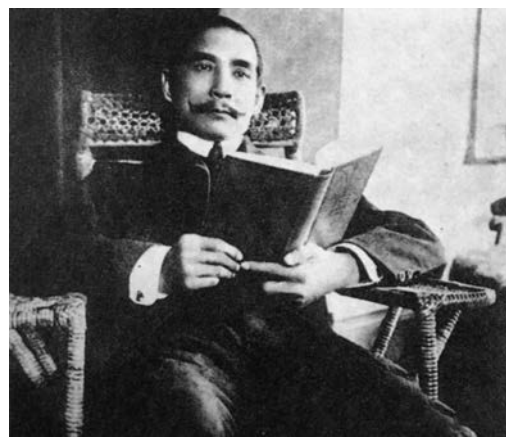
[4] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 270.

Ятсена, могли теперь собирать нужные сведения не самостоятельно, а при содействии китайцев, гораздо лучше их разбиравшихся в местной обстановке.

Уже через полгода, в мае 1906 г. Букабель утверждал, что благодаря контактам с Сунь Ятсеном ему удалось создать в Южном Китае 20 опорных разведывательных точек.[1]

Довольный успехом, достигнутым в результате первой встречи с Сунь Ятсеном, Букабель по приезде в Пекин сообщил обо всем этом французскому посланнику Ж. Дюбелю, но не встретил с его стороны одобрения, так как Букабель одним махом нарушил сразу два предписания начальства — вопреки указаниям военного министра вступил в сношения с революционерами и вовлек в свои секретные дела посольство в Пекине, чего крайне не хотелось министру иностранных дел. Дюбель полагал, что действия Букабеля чреваты большими неприятностями для Франции, так как рано или поздно о связях французских официальных лиц с Сунь Ятсеном станет известно пекинскому правительству.[2]

Но Букабель, воодушевленный удачным началом миссии, доказывал свою правоту. По его словам, восстание, которое вот-вот вспыхнет в Китае, неизбежно должно привести к падению маньчжурского режима или по крайней мере к созданию на Юге независимого правительства во главе с Сунь Ятсеном, к которому, добавлял Букабель, с уважением



Сунь Ятсен в 1906 г.

[1] Букабель — в Военное министерство, 4 марта 1906 г. // EMA 7N1676.

[2] Дюбель — министру иностранных дел, 10 ноября 1905 г. // MAE. Chine n.s. 8.

относятся многие французские парламентарии и кое-кто из министерства иностранных дел.[1]

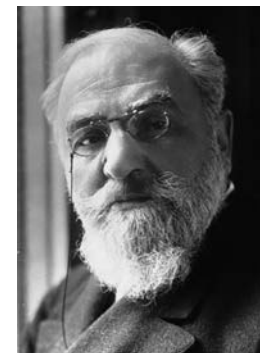
Победные реляции Букабеля вызывали всё большее недовольство тех дипломатов и высокопоставленных военных, которые не разделяли его точку зрения на сотрудничество с южнокитайскими революционерами. Сомнения в правильности избранной стратегической линии начали выражать и некоторые подчиненные Букабеля.

Капитан Водескаль, в частности, советовал своему шефу трижды подумать, прежде чем идти на дальнейшее сближение с Сунь Ятсеном:

> По моему непросвещенному мнению, все иностранцы и французы в особенности всё потеряют и ничего не приобретут от смены династии или любого иного кардинального переворота в Китае.[2]

По мнению военного атташе в Китае майора Бриссо-Демейе, «создание республики на юге Китая приведет к экспорту революции в Тонкин, жители которого с трудом переносят наше присутствие».[3]

В Пекине тем временем, как и предполагал посланник Дюбель, обнаружили присутствие на Юге французских разведчиков во главе с Букабелем. Виной тому был его подчиненный капитан Озиль, который выступил в Ухани на собрании сторонников Сунь Ятсена с речью о французской революции, после чего его посетил некий европеец, настойчиво выспрашивавший подробности деятельности французских военных (судя по всему, это был пекинский контрразведчик).



Леон Буржуа (1851–1925)

Кончилось тем, что в октябре 1906 г. маньчжурские власти заявили французскому посольству официальный протест, представив перехваченные ими письма в качестве веских доказательств подрывной деятельности французских военных вкупе с южными сепаратистами. Оказавшийся в щекотливом положении посланник Бапст ходатайствовал об отзыве Букабеля, и новый министр иностранных дел Л. Буржуа потребовал того же от военного министерства.[4]

---

[1] Букабель — в Военное министерство, 10 мая 1906 г. // Там же.

[2] Водескаль — Букабелю, 30 апреля 1906 г. // Там же.

[3] Бриссо-Демейе — в Военное министерство, 31 мая 1906 г. // EMA 7N1668.

[4] Министр иностранных дел — военному министру, 12 октября 1906 г. // EMA 7N1676.

Именно все эти обстоятельства, а не смена правительства, как полагал С. Л. Тихвинский[1], были причиной фиаско миссии Букабеля.

Официальная линия Парижа остается неизменной

Стефан Пишон, занявший в конце 1906 г. кресло французского министра иностранных дел, продолжал традиционную политику сохранения *status quo* в Китае. «Двойная игра, которую некоторые французы вели с революционными элементами Юга, — полагал он, — безусловно способствовала усилению недоброжелательного отношения к Франции, свидетелями которого мы являемся в настоящее время».[2]

С. Пишон (1857–1933)

Но Сунь Ятсен, которому общение с Букабелем не принесло дивидендов, продолжал надеяться на то, что в будущем ему повезет и он получит поддержку со стороны низших звеньев колониальных властей французского Индокитая.

В начале декабря 1907 г. сторонники Сунь Ятсена взяли штурмом укрепленный пограничный пост Чэннаньгуань. Сунь Ятсен, Хуан Син, японец Икэ Кёкити и какой-то «баловавшийся опиумом» французский артиллерист (по одним сведениям, он был отставным офицером, по другим — находился в отпуске) прибыли в захваченную крепость, а затем направились в Ханой за дополнительным военным снаряжением. Но в это время контратака китайских правительственных войск была успешна, и Сунь Ятсену со товарищи пришлось остаться на территории Тонкина.

Китайские власти потребовали выдачи инсургентов. Губернатор Индокитая Бо посоветовался с Парижем и получил указание разоружить и интернировать гостей с той стороны границы, в то же время заверив Пекин, что любая последующая попытка использовать Тонкин для организации антиправительственных выступлений будет пресечена.[3]

---

[1] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 109.

[2] Министр иностранных дел — министру по делам колоний, 30 сентября 1907 г. // AOM. Indochine B11(36).

[3] Министр иностранных дел — посланнику в Китае, 9 декабря 1907 г. // С. Пишон (1857–1933). Chine n.s. 225.

Пишон же, узнав позже об участии в экспедиции французского офицера, пришел в бешенство и потребовал наказать проштрафившегося.[1]

Во исполнение приказа из Парижа Бо распорядился найти и арестовать Сунь Ятсена, что и было сделано (об этом эпизоде нам уже приходилось говорить в связи с попыткой Сунь Ятсена заручиться защитой со стороны посольства США на том основании, что он является американским гражданином).

Поль Бо

Отчитываясь о проделанной работе, Бо писал в Париж министру по делам колоний:

> Переход революционеров через границу и обратно, равно как и военные действия, которые они провоцируют в Китае, вызывают отзвуки в Тонкине, являются причиной того, что и наши протеже[2] также приходят в состояние возбуждения.[3]

30 апреля 1908 г. в Хэкоу на границе провинции Юньнань и Тонкина вспыхнуло восстание. Пекин потребовал от Франции не допустить снабжения революционеров оружием из-за кордона, и новый губернатор Индокитая Альфонс Бонур получил от министерства по делам колоний строгий приказ принять соответствующие меры.[4]

В результате Хуан Син, выехавший в Ханой за подкреплением, был остановлен на погранзаставе и депортирован в Китай. Менее чем через месяц выступление в Хэкоу было подавлено, а его участники, перешедшие юньнаньско-тонкинскую границу, разоружены.

Подводя итоги хэкоуских событий, Бонур подчеркивал, что без французской помощи китайским правительственным войскам не удалось бы в столь короткие сроки покончить с бунтовщиками.[5]

В итоге в январе 1909 г. было подписано китайско-французское соглашение о сотрудничестве по части борьбы с революционными элементами.

---

[1] Министр иностранных дел — министру по делам колоний, 3 мая 1908 г. //AOM. Indochine B11(37).

[2] Имеются в виду жители Индокитая.

[3] Бо — министру по делам колоний, 12 февраля 1907 г. // AOM. Indochine B11(36).

[4] Мин. по делам колоний — губернатору Индокитая, 7 мая 1908 г. // MAE. Chine n.s. 238.

[5] Губернатор Индокитая — мин. по делам колоний, 6 июня 1908 г. //AOM. Indochine B11 (36).

Однако Сунь Ятсен по-прежнему не терял надежду на то, что Франция поможет ему. В конце 1908 г. он встретился с французским посланником в Бангкоке Полем де Маржери, и тот был немало удивлен проявленным Сунь Ятсеном оптимизмом по поводу перспектив французской помощи китайской революции.[1]

Бунт на корабле

Сунь Ятсен полагал, что сила «Объединенного союза» в том, что в него вошли три самые крупные организации, ставившие своей целью борьбу с маньчжурской династией. Но в этом же была и его слабость: у каждой фракции «Союза» был свой вождь, у каждого вождя — свои амбиции и претензии на лидерство.

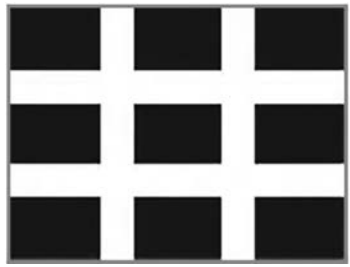
Первые раскаты грома

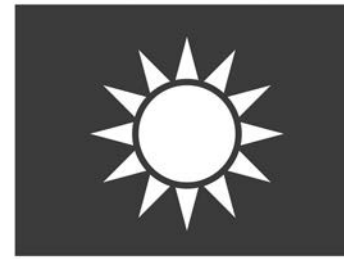
12 января 1907 г. японское правительство получило письмо из Пекина, в котором содержалось требование запретить Сунь Ятсену пребывание в Японии. Узнав об этом, Утида Рёхэй предложил компромиссный вариант, который устраивал бы и китайские власти, и изгнанника. Идея Утида заключалась в том, чтобы уговорить Сунь Ятсена добровольно покинуть Японию, оплатив его будущие расходы и давая ему возможность «сохранить лицо». Министерство иностранных дел приняло предложение Утида, дополнив его обещанием разрешить д-ру Суню через три года вернуться в Японию. По здравом размышлении Сунь Ятсен согласился с этим планом.

Накануне отъезда из Токио Сунь Ятсен встретился с Хуан Сином, чтобы обсудить с ним несколько вопросов, в том числе о том, под каким флагом будет осуществлена грядущая революция.

У Хун Сина на этот счет было предложение: на флаге должен быть изображен иероглиф 井 ‘колодец’, символизирующий идею уравнительного землевладения как одного из политических лозунгов «Объединенного союза».

[1] Посланник в Сиаме — мин. иностранных дел, 10 декабря 1908 г. // MAE. Chine n.s. 198.





Два варианта флага «Объединенного союза», предложенные Хуан Сином (слева) и Сунь Ятсеном (справа)

Против этого выступил Сунь Ятсен, настаивавший на том, чтобы в качестве символа революции был бы утвержден флаг, в свое время придуманный Лу Хаодуном: белое солнце на голубом фоне. Именно под этим флагом, повторял Сунь Ятсен, умирали участники последнего восстания в Кантоне.

Хуан Син стоял на своем, указывая, помимо всего прочего, на то, что флаг с белым солнцем почти неотличим от японского. Спор зашел так далеко, что Хуан Син и Сунь Ятсен несколько дней не разговаривали друг с другом.

Сун Цзяожэнь записал в своем дневнике:

> 28 февраля. В 7 часов вечера я пришел в редакцию «Миньбао» к Хуан Сину. <...> Он долго не отвечал на мои слова. Потом вдруг сказал, что хочет покинуть организацию и не иметь с ней ничего общего. Причина: Сунь Ятсен предложил эскиз флага, который не понравился Хуан Сину, и он высказался за то, чтобы изменить его. Но Сунь Ятсен настаивал на своем и сделал несколько обидных замечаний. В результате Хуан Син в сердцах покинул место их встречи. Присутствовавшие при этом пытались урезонить стороны, но тщетно. Размышляя о случившемся, я пришел к выводу, что у Хуан Сина были более серьезные основания для гнева, чем это может показаться на первый взгляд. Неописуемое недовольство накапливалось в его душе на протяжении длительного времени, прежде чем выплеснуться наружу в этом споре, возникшем, вообще говоря, по совершенно незначительному поводу. Ибо Сунь Ятсен всегда неискренен и тщеславен, он ведет себя почти как диктатор и никогда не прислушивается к чужому мнению, что порой становится невыносимым для его коллег.[1]

[1] 宋教仁日记 (Дневник Сун Цзяожэня). Пекин. 2014. С. 328.

Через некоторое время возмутителем спокойствия стала редколлегия журнала «Миньбао».

Во время пребывания в Японии Сун Цзяожэнь основал в Токио теоретический журнал «Эр ши шицзи чжи чжина» («Китай в XX веке»). После создания «Объединенного союза» журнал был переименован в «Миньбао» и стал его официальным органом.

На первых порах журнал издавался большим тиражом — 17 тыс. экземпляров. Но затем по разным причинам тираж резко сократился. Возникшие вследствие этого финансовые трудности явились главной причиной неожиданно вспыхнувшего летом 1907 г. острого конфликта редколлегии с лидером «Союза», в результате которого политическая карьера Сунь Ятсена оказалась на грани фиаско.

Первый номер «Миньбао» Редакционная коллегия журнала: Ху Ханьминь (главный редактор), Чжан Тайянь и Тао Чэнчжан (члены редколлегии)

4 марта Сунь Ятсен, получив от японцев 16 тысяч иен и передав 2 тысячи редколлегии «Миньбао», отплыл из Иокогамы во Вьетнам.

Когда Утида сообщил остававшимся в Японии ведущим деятелям «Объединенного союза», что перед отъездом лидеру была вручена крупная сумма денег, это вызвало негодование Чжан Тайяня, ставшего к тому времени главным редактором журнала: Сунь Ятсен уехал, взяв с собой почти все полученные средства и оставив редакции какие-то

жалкие гроши. Он сорвал со стены портрет руководителя «Союза» со словами: «Долой Сунь Вэня, предавшего наш “Миньбао”!»[1]

Чжан Тайяня поддержали Тань Чжэньфэн и Сун Цзяожэнь. Чжан Цзи выразил мнение многих членов «Союза» словами: «Прежде чем начинать революцию в стране, надо произвести революцию в нашем революционном стане»[2].

Он потребовал созвать общее собрание членов «Союза» с тем, чтобы избрать более достойного руководителя.

В защиту Сунь Ятсена выступил замещавший его Лю Куйи.

Он утверждал, что лидер вовсе не присвоил полученные деньги, а намеревается истратить их на приобретение оружия для готовившегося восстания. Созвать общее собрание Лю Куйи отказался.

В результате дело дошло до рукопашной. Чжан Цзи первым пустил в ход кулаки, Лю Куйи ответил тем же, и их с трудом разняли присутствовавшие при их обмене любезностями члены «Союза».

Лю Куйи (1878–1950)

Сунь Ятсен действительно собирался закупить в Японии оружие и поручил это дело своему приятелю Каяно Нагатомо. Тот приобрел большую партию винтовок, которые, как оказалось, были устаревшего образца. Деятелям из «Миньбао» только этого и было нужно.

Чжан Тайянь заявил: «Винтовки, закупленные Сунем, в Японии давно уже вышли из употребления. Используя их в Китае, он обрекает товарищей на неминуемую гибель!»[3]

Пренебрегая конспирацией, противники Сунь Ятсена тут же отправили в Гонконг телеграмму с требованием приостановить закупку оружия.

Это в свою очередь вызвало гневную реакцию Сунь Ятсена. Он послал в Японию своего человека, который должен был довести до све-

[1] 冯自由。革命逸事 (*Фэн Цзыю.* Неофициальная история революции). Т. 5. Пекин. 2014. С. 191.

[2] 李吉奎。孙中山与日本 (*Ли Цзикуй.* Сунь Ятсен и Япония). Гуанчжоу. 1996. С. 226.

[3] 同盟会第一次“倒孙”风潮 (Первая кампания членов «Объединенного союза» под лозунгом «Долой Сунь Ятсена!») // https://www.sohu.com/a/130339046_625247.

дения членов «Союза», что Чжан Тайяню и Сун Цзяожэню он запрещает вмешиваться в военные дела.[1] Но отнюдь не все соратники д-ра Суня были готовы подчиняться его приказам.

Хотя до импичмента дело так и не дошло, авторитет лидера был тем не менее основательно подорван.

Девятый вал

Весной 1908 г. временно исполняющим обязанности редактора «Миньбао» стал бывший член «Общества освобождения Китая» Тао Чэнчжан. Но он успел выпустить только два номера журнала. В октябре издание «Миньбао» было запрещено японскими властями.

В марте 1909 г. Тао Чэнчжан путешествовал по странам Южных морей, собирая пожертвования для выпуска нового печатного органа. На одном из собраний китайских иммигрантов близкий друг Сунь Ятсена сказал, что на самом деле Тао Чэнчжан здесь просто турист и не занят серьезным делом. В результате вместо ожидаемых 1000 долларов Тао удалось собрать лишь третью часть этой суммы. «Я не хотел говорить плохое о Сунь Ятсене, — писал он своему соратнику Ли Сехэ, — но пришлось кое-что высказать».[2]

Ли Сехэ (1873–1927)

Дальше — больше.

В мае 1909 г. Тао Чэнчжан пишет Ли Сехэ:

> Прошло уже 9 месяцев с того момента, когда я в прошлом году отправился на юг, но цели поездки, на которые я рассчитывал, так и не были достигнуты. Сунь Ятсен не осмеливается открыто выступать против меня <...>, но агитирует у меня за спиной.[3]

В ответ Тао Чэнчжан и Ли Сехэ, бывший товарищ Хуан Сина по революционным выступлениям в Хунани, во главе большой группы своих сторонников составили документ, озаглавленный «Совместное заявление членов “Объединенного союза” — представителей 7 провинций».

---

[1] Там же.

[2] Тао Чэнчжан — Ли Сехэ, 9 марта 1909 г. // 陶成章信札 (Письма Тао Чэнчжана). Чанша. 1980. С. 23.

[3] Тао Чэнчжан — Ли Сехэ, 9 мая 1909 г. // 陶成章集 (Сборник сочинений Тао Чэнчжана). Пекин. 2014. С. 152.

Это пространное заявление начиналось словами:

> Моральные качества Сунь Вэня давно уже хорошо известны функционерам [«Объединенного союза»] и всем нашим товарищам, и об этом нет необходимости говорить. Поэтому ниже речь пойдет только о его отношении к организации. В то время, когда создавался наш «Объединенный союз», у него не было никаких заслуг, но наши товарищи, поверив его хвастливым заявлениям, необдуманно избрали его своим руководителем. <...>
>
> Обретя власть, он перестал контролировать себя и отдавать себе отчет в том, что он собой представляет, и использовал свое громкое имя для того, чтобы причинить вред великому и важному делу. Он стал считать, что вокруг него все дураки и только он умный, что никто ни на что не способен и лишь он может всё.[1]

Сунь Ятсен обвинялся в многочисленных преступлениях, которые были изложены в трех пунктах:

во-первых, причинение ущерба товарищам по организации;

во-вторых, сокрытие от них своих планов;

в-третьих, осквернение доброго имени «Союза».

Помимо всего прочего, он якобы был виновен в присвоении общественных денег; сообщалось, что на личных счетах Сунь Ятсена в гонконгском и шанхайском банках лежит 200 тысяч *лянов*.

Авторы заявления сформулировали 9 требований, главными из которых были: смещение Сунь Ятсена с поста руководителя «Союза»; принятие нового устава организации; требование от Сунь Ятсена отчета о том, куда тратятся получаемые «Союзом» суммы.[2]

Передать заявление в токийскую штаб-квартиру «Объединенного союза» было доверено Тао Чэнчжану.

Приехав в Токио, Тао Чэнчжан обнаружил, что раздоры в стане революционеров привели к полному организационному развалу «Союза». Штаб-квартира существовала чисто номинально, будучи не в состоянии руководить деятельностью своих филиалов, и ее авторитет был полностью утрачен.[3]

Тао Чэнчжан вручил документ Хуан Сину, потребовав довести его до сведения всех членов «Союза», но оказалось, что Хуан Син целиком

[1] Совместное заявление членов «Объединенного союза» — представителей 7 провинций // Там же. С. 170.

[2] Там же. С. 170–178.

[3] Тао Чэнчжан — Ван Жоюю и Ли Сехэ, август-сентябрь 1909 г. (точная дата неизвестна) // Там же. С. 156.

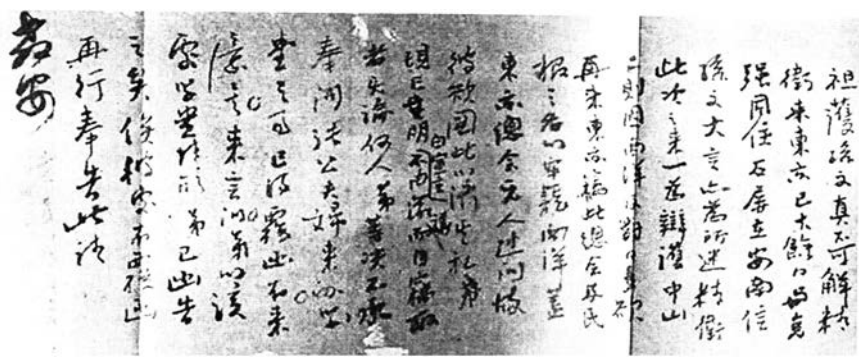
и полностью поддерживает Сунь Ятсена и делает всё от него зависящее, чтобы содержание «Обращения» не стало широко известно. Это показалось Тао Чэнчжану странным, поскольку Хуан Син еще не так давно до хрипоты спорил с Сунь Ятсеном.

На стороне Сунь Ятсена был также только что вернувшийся в Токио Ван Цзинвэй (он поселился на квартире Хуан Сина). По мнению Тао Чэнчжана, он преследовал две основные цели: поддержать Сунь Ятсена и возглавить новую редколлегию журнала «Миньбао», который было решено издавать нелегально и распространять в Париже.[1]

Об этих планах Ван Цзинвэя узнал Чжан Тайянь и был возмущен тем, что его не поставили в известность об этом. Он выступил с заявлением, назвав возобновляемый журнал «подделкой».

Тем временем Хуан Син отказывался обнародовать антисуньятсеновское «Обращение», а когда Тао Чэнчжан потребовал вернуть ему текст, он отказался сделать это и в свою очередь в крайне резкой форме обвинил его в попытках расколоть «Союз». Вслед за этим в газете «Жихуа синьбао» появилась статья, в которой утверждалось, что Тао Чэнчжан является ставленником реакционеров, а Чжан Тайянь будто бы вступил в контакт с маньчжурским сановником Дуань Фаном с целью взорвать «Объединенный союз» изнутри.[2]

В ответ Тао Чэнчжан опубликовал «Обращение к товарищам», оправдывавшее его действия и содержавшее еще более резкую критику Сунь



Письмо Тао Чэнчжана Ли Сехэ и Ван Жоюю, сентябрь 1909 г. (фрагмент)

[1] Тао Чэнчжан — Ли Сехэ и Ван Жоюю, сентябрь 1909 г. (точная дата неизвестна) // Там же. С. 158.

[2] Там же.

Ятсена. Оно было издано отдельной брошюрой и разошлось во многих сотнях экземпляров.

Для Сунь Ятсена наступили трудные времена. Вследствие активности Тао Чэнчжана многие китайцы-иммигранты в странах Южных морей, Европе и Америке больше не хотели иметь с ним дело.

Об этом во время пребывания в Лондоне в октябре 1909 г. Сунь Ятсен писал одному из своих близких друзей.

Тао Шэнчжан (1878–1912)

Сунь Ятсен сообщал Ван Цзыкуану:

> Недавно я получил письмо из Америки, где сказано, что нашлись такие, кто, выступая от имени «Объединенного союза», обращается с письмами в разные города, подвергает меня ожесточенной критике, не дает возможности возразить и тем вносит смуту в настроения людей.
>
> Это обстоятельство стало серьезным препятствием на пути общения с нашими зарубежными соотечественниками. Тао Чэнчжан — вот тот, кто занимается этим.[1]

29 октября Сунь Ятсен встретился в Лондоне с одним из своих сподвижников У Цзинхэном, и они обсуждали вопрос о том, как следует реагировать на происходящее. На следующий день Сунь Ятсен написал У Цзинхэну:

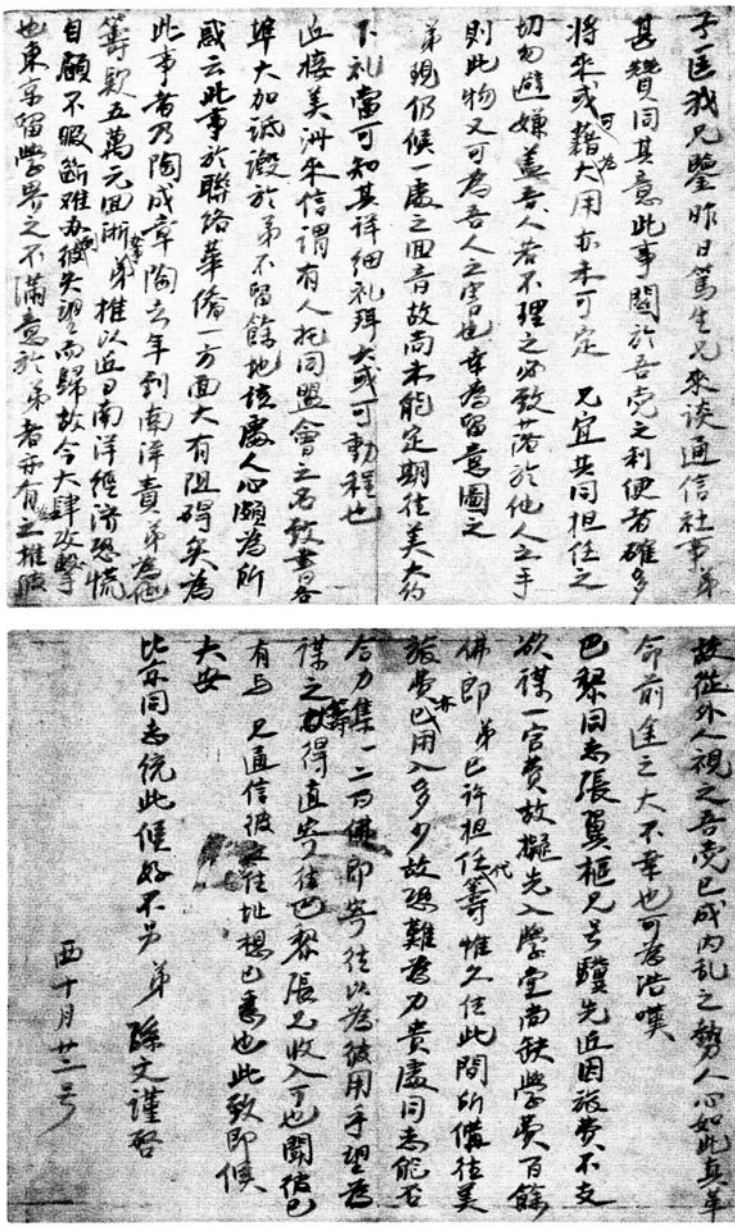
> Вчера Вы высказали мнение, что следует подробно изложить все обстоятельства дела, чтобы рассеять сомнения третьих лиц и добиться справедливого отношения к себе со стороны всего мира.
>
> Долго обдумывая ситуацию, я пришел к выводу, что Вы правы. А поскольку претензии современников касаются прежде всего финансов, я подробно изложу всё, связанное со вспомоществованием, полученным за границей во время руководимых мною трех революций.[2] <...> Если обстоятельно и понятно изложить это людям, те, кто лишь недавно воспринял революционные идеи, больше не будут заблуждаться.[3]

---

[1] Сунь Ятсен — Ван Цзыкуану, 22 октября 1909 г. // 天下为公大道行。纪念孙中山诞辰150周年馆藏文武图集 (Поднебесная является всеобщим достоянием, царит великая справедливость. Материалы из собрания Исторического музея в связи с 150-летней годовщиной со дня рождения Сунь Ятсена). Пекин. 2016. С. 207.

[2] Под «тремя революциями» Сунь Ятсен имел в виду восстания в Гуандуне.

[3] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 30 октября 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 95–96.



Письмо Сунь Ятсена Ван Цзыкуану от 22 октября 1909 г.

Далее автор письма приводил фактические данные о своих предшествующих приходно-расходных операциях и подчеркивал при этом, что он не только не получил от революции никаких благ, но, напротив, потерял то, чем располагал первоначально.

> Не все знают, что до начала революционной деятельности мое материальное положение в обществе было безбедным. Если бы не революция, я не утратил бы этого положения и пользовался бы всеми радостями жизни, о которых мечтает человек. Как же можно говорить, что я нажился на революции?

Сунь Ятсен в 1909 г.

Далее Сунь Ятсен упоминал о том, что его старший брат, проживавший на Гавайях, постоянно оказывавший материальную поддержку революционерам и за счет своих средств содержавший семью младшего брата, в конце концов обанкротился и, не будучи в состоянии расплатиться с долгами, был вынужден переселиться в Гонконг и ютиться там под чужой крышей.

> Тао Чэнчжан клевещет на него, утверждая, что он построил в Коулуне здания, возведенные в европейском стиле. Вначале мой старший брат был состоятельным предпринимателем, и если бы я не стал революционером, он не разорился бы и строить здания в европейском стиле было бы для него обычным делом.[1]

К этому времени Тао Чэнчжан уже пришел к выводу, что продолжать перебранку с Сунь Ятсеном не имеет смысла. Он писал одному из своих сторонников:

> [Ты считаешь, что] впредь не следует нападать на Сунь Вэня; я согласен с этим. С моей точки зрения, мнения могут различаться, подход к делу может быть неодинаков. Можно что-то доказывать, но можно и не делать этого. Но, во всяком случае, не стоит, как это было до сих пор на страницах «Чжунсинбао», ежедневно обмениваться бранью. Это недостойно

[1] Там же. С. 96.

серьезной газеты. Особенно если речь идет о пороках морального облика человека.[1]

Но Сунь Ятсен складывать оружие не собирался. Размышляя над тем, что́ ему следовало бы предпринять в ответ на клеветнические измышления недругов, Сунь Ятсен пришел к выводу, что ему не с руки самому доказывать перед всем миром свою невиновность и будет лучше, если разоблачением домыслов займется кто-то из его сторонников.

Поэтому 12 ноября 1909 г., вскоре после прибытия в Штаты, Сунь Ятсен пишет У Цзинхэну, который был главным редактором издававшейся в Париже китаеязычной газеты «Синь шицзи бао», еще одно письмо.

В этом письме он сообщал, что, по полученным им сведениям, китайские иммигранты в Соединенных Штатах Америки подпали под влияние листовок Тао Чэнчжана и изменили свое доброе отношение к прежде почитаемому ими революционному лидеру. В этой ситуации Сунь Ятсен рассчитывал на помощь со стороны У Цзинхэна.

Он просил своего друга от имени «Синь шицзи бао» в порядке обмена информацией обратиться в редакции газет, выходивших в США и Канаде:

> Укажите на то, что Тао Чэнчжан в погоне за известностью и материальной выгодой без всяких на то оснований обрушивается на меня, дайте на этот счет объективный комментарий, может быть, даже более подробный, чем это будет сделано в «Синь шицзи бао» и посоветуйте товарищам не прислушиваться к заявлениям только одной стороны. <...>
>
> Такого рода письма следовало бы разослать, приложив к ним печать «Синь шицзе бао»: так это будет выглядеть еще более убедительно.[2]

Чжан Цзи (1882–1947)

В тот же день Сунь Ятсен ответил на полученное в Лондоне письмо Чжан Цзи, действовавшего заодно с Тао Чэнчжаном и Чжан Тайянем и требовавшего от д-ра Суня удалиться от дел и официально объявить об отставке с поста руководителя «Объединенного Союза»:

> Во-первых, о том, следует ли мне завершить политическую карьеру и поселиться где-нибудь далеко в горах. Сейчас мы переживаем период

[1] Тао Чэнчжан — Шэнь Фу, 5 ноября 1909 г. // Сборник сочинений Тао Чэнчжана. С. 192–193.

[2] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 12 ноября 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 98–99.

спада революции, а не ее подъема. Это период, когда мне, не страшась опасности и пренебрегая трудностями, нужно двигаться вперед, а не удаляться от дел.

Во-вторых, по поводу официального объявления об уходе с поста руководителя «Объединенного союза». Когда меня выдвинули на должность руководителя «Союза», об этом не было объявлено во всеуслышание всему свету, так что незачем объявлять и об уходе с этого поста.

Что же касается моего ухода по существу вопроса, то я потребовал от «Союза» и от Чжан Тайяня признать свои ошибки, но ни «Союз», ни Чжан Тайянь до сих пор не признали, что были неправы. Поэтому я давно уже не считаю себя их руководителем. Все вооруженные выступления в Гуандуне, Гуанси и Юньнани на протяжении последних двух лет происходили под знаменем «Революционной партии», а вовсе не «Объединенного союза».[1]

Сунь Ятсен с нетерпением ждал получения экземпляра газеты «Синь шицзи бао». По его наблюдениям, положение в восточной части Соединенных Штатов Америки было более удовлетворительным по сравнению с Западом, и он рассчитывал на поддержку со стороны китайских студентов.[2]

Наконец долгожданная газета была получена из Парижа. Сунь Ятсен был доволен:

Опубликованная в «Синь шицзи бао» отповедь измышлениям Тао Чэнчжана — это как раз то, что требуется, и неангажированный читатель теперь разберется в сути дела, так что писать в редакции других газет теперь нет необходимости. <...>

Но недавно мне написали из Токио, что Чжан Тайянь снова разразился бранью, причем еще более безобразной, чем это делал Тао Чэнчжан. <...>

Тао Чэнчжан говорил об огромных суммах, не получив которые пустил в ход зубы. А Чжан Тайянь ведет речь о каких-то нескольких тысячах, из-за коих он обвиняет людей во всех смертных грехах.

Для Тао Чэнчжана «Объединенный союз» — это весь Китай. Для Чжан Тайяня Китай — это редакция «Миньбао». <...>

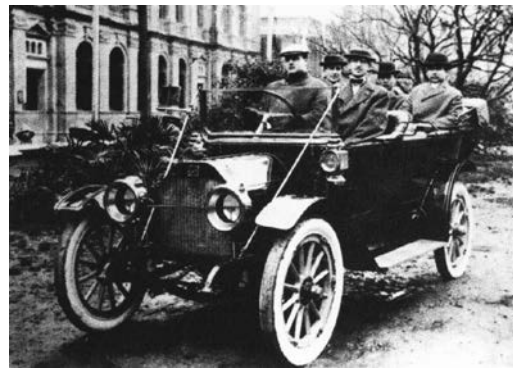
Посылаю Вам кляузу Чжан Тайяня, эти словесные ухищрения низменного человека. Говорят, когда статья Чжан Тайяня была опубликована, все, кто находился в Токио — члены организации и стоящие вне её, осудили эту статью. Значит, люди еще не лишились здравого смысла. Нельзя ли прокомментировать это сочинение в «Синь шицзи бао»?[3]

---

[1] Сунь Ятсен — Чжан Цзи, 12 ноября 1909 г. // Там же. С. 99.

[2] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 25 ноября 1909 г. // Там же. С. 100.

[3] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 4 декабря 1909 г. // Там же. С. 101–102.



Сунь Ятсен в Нью-Йорке (конец 1909 г.)

У Цзинхэн ответил не сразу. Сунь Ятсен торопил его:

> В прошлый раз я послал Вам письмо, приложив к нему статью Чжан Тайяня, напечатанную в «Жихуа синьбао», и спрашивал, нельзя ли поместить отклик на нее. А сегодня я получил сообщение из Сингапура: опус Чжан Тайяня перепечатан в «Наньян цзунхуй бао», органе «Общества защиты императора». <...>
>
> Прошу Вас: непременно поместите в следующем номере «Синь шицзи бао» комментарий постороннего лица, чтобы читатели всё поняли с первого взгляда и не поддавались на обман. Дело в том, что Чжан Тайянь давно пользуется большой известностью, в особенности в связи с тем, что он сидел в шанхайской тюрьме. Поэтому если не опровергать его ошибочные высказывания, они наверняка введут несведущих в заблуждение.[1]

В очередном письме Сунь Ятсен повторил свою просьбу, добавив, что хотел бы получить фотографию письменного заявления Лю Гуанханя (сообщника Чжан Тайяня), чтобы иметь возможность вывести обоих на чистую воду: пребывающие за границей революционеры считают Чжан Тайяня спасительной звездой антиманьчжурского движения, и без доказательств обосновать его неправоту будет невозможно, а унижаться до взаимных пререканий Сунь Ятсен, по его словам, не хотел.[2]

Нетерпение Сунь Ятсена было настолько велико, что в тот же день он написал У Цзинхэну еще одно письмо с той же просьбой, уточнив адрес, по которому нужно было послать эту фотографию.[3]

---

[1] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 13 декабря 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 102.

[2] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 16 декабря 1909 г. // Там же. С. 103.

[3] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 16 декабря 1909 г. // Там же.

У Цзинхэн (1865–1953)

Тао Чэнчжан же считал, что пора прекращать полемику:

Как бы неприятно ни было дело, связанное с Сунь Ятсеном, можно впредь не реагировать на него. Думаю, что и его аргументы уже исчерпаны. У «Синь шицзи бао» личные счеты с Чжан Тайянем, и поэтому понятно, что она поддерживает Сунь Ятсена. А Чжан Тайянь, опровергая «Синь шицзи бао», высказывался в том смысле, что редактировать газету должен я. Поэтому я продолжаю быть вовлеченным в это дело.<...>

А вот позиция Хуан Сина мне непонятна. Он не может не знать о проступках Сунь Ятсена и недавно яростно выступал против него, а теперь вдруг начал обожествлять его. Просто чудеса какие-то![1]

Но Сунь Ятсен продолжал бороться. Еще одно его послание У Цзинхэну в связи с этими событиями датировано 3 января 1910 г. Он просил редактора «Синь шицзи бао» регулярно публиковать отклики на любую вылазку своих недоброжелателей, прежде всего Тао Чэнчжана.[2]

Поддержка со стороны У Цзинхэна сыграла свою роль. Сунь Ятсена, прибывшего летом 1910 г. на запад США, тепло встречали китайские иммигранты. И это всё благодаря «Синь шицзи бао»![3]

Схватка Сунь — Тао завершилась спустя два года после этого.

Неожиданный финал противоборства титанов

30 декабря 1911 г. тяжело заболевшего Тао Чэнчжана положили в больницу. Он написал записку своей сестре:

Я в больнице «Гуанцзы», в камере первой категории № 6. Здесь очень спокойно. Вечером навещать больных не разрешается. Если ты придешь ко мне, можно либо после 8–9 часов утра, либо до 4 часов пополудни.

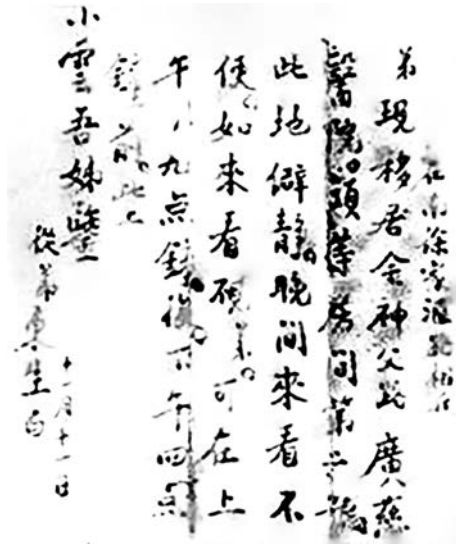
Ночью 14 января 1912 г., спустя две недели после вступления Сунь Ятсена на пост Временного президента Китайской Республики, в палату к Тао Чэнчжану вошли двое.

---

[1] Тао Чэнчжан — Ли Сехэ и Ван Жоюю, начало 1910 г. (точная дата неизвестна) // Сборник сочинений Тао Чэнчжана. С. 180.

[2] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 3 января 1910 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 105.

[3] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 20 июля 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 469–470.



Написанная в больнице записка Тао Чэнчжана, датированная 11-м днем 11-го месяца по традиционному календарю (30 декабря 1911 г.)

«Г-н Тао!» — громко произнес один из них. Тао Чэнчжан открыл глаза и повернулся к пришедшим. Последовал выстрел, и больной был убит наповал. Преступники скрылись.

На следующий день Временный президент Китая направил телеграмму военному коменданту Шанхая Чэнь Цимэю:

> По сообщению газет, 14 января в 2 часа ночи в больнице на территории французского сеттльмента в Шанхае убит командующий Армией освобождения Тао Чэнчжан. <...> Г-н Тао более десяти лет, не жалея своих сил, участвовал в движении. Будучи вдохновлен идеями революции, он имел большие заслуги в момент освобождения. <...> Как можно позволить преступнику совершить это зло по отношению к достойному уважения воину? Вам как военному коменданту Шанхая надлежит принять срочные и строгие меры для расследования преступления, чтобы примерно наказать убийцу. <...> [1]

Во исполнение приказа президента Чэнь Цимэй распорядился начать поиски киллера, но они не дали результатов, и преступление так и осталось бы нераскрытым, если бы много лет спустя убийца сам по доброй воле не сознался в содеянном.

[1] Сунь Ятсен — Чэнь Цимэю, 15 января 1912 г. // Там же. С. 180.

В Нанкинском архиве хранится рукопись воспоминаний Чан Кайши, в период Синьхайской революции бывшего подчиненным Чэнь Цимэя, а в архиве Стэнфордского университета в США был найден его дневник. Из этих документов мы узнаем три существенных факта.

Во-первых, Чан Кайши признавался, что это он убил Тао Чэнчжана.

Во-вторых, покушение было совершено по приказу Чэнь Цимэя.

В-третьих, после этого он впервые ощутил благосклонное отношение к себе со стороны лидера «Объединенного союза».[1]

Чэнь Цимэй (1878–1916)

То, что после убийства Тао Чэнчжана вождь обратил внимание на подающего надежды Чан Кайши (а это стало началом стремительного возвышения последнего), не было, конечно, случайностью. Устранение конкурента, позволившего себе нелицеприятно критиковать руководителя «Союза», было выгодно, прежде всего, не кому-либо еще, а именно Сунь Ятсену.

Когда же злопыхатель был устранен, д-р Сунь сделал шаг к примирению с «Обществом освобождения Китая».

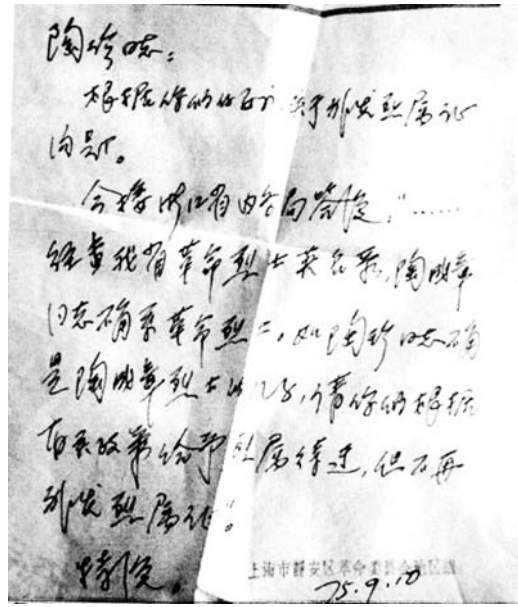
Совсем недавно его упрекали в том, что он делает из мухи слона. Теперь он постарался, чтобы слон снова оказался мухой.

Молодой Чан Кайши

28 января 1912 г. Сунь Ятсен заявил:

> История революционной борьбы «Объединенного союза» хорошо известна кантонцам, и нет необходимости снова излагать ее. <...> А заслуги прежнего и нынешнего «Общества освобождения» также прославили его во всей Поднебесной. Обе органи-

[1] Подробно об этом см.: 杨天石。“倒孙风潮”与蒋介石暗杀陶成章事件 (*Ян Тяньши.* Попытки отправить Сунь Ятсена в отставку и Чан Кайши об убийстве Тао Чэнчжана) // Цзиньдайши яньцзю, 2017, № 2.



Ответ на письмо Тао Чжэня, датированный 10 сентября 1975 г.

зации служат интересам страны, их объединяет ненависть к маньчжурам, и они не только добрые друзья, но и братья. И хотя раньше взгляды кое-кого из их руководителей несколько различались, это не затронуло организации в целом.

Ныне республика уже создана, но маньчжуры еще не усмирены, и мы должны объединить свои усилия и помыслы ради достижения общей цели.[1]

А еще через полстолетия данная тема имела следующее продолжение. В 1975 г. сын Тао Чэнчжана Тао Чжэнь подал в соответствующие инстанции заявление о том, что имя его отца должно быть включено в официальный список «героев, погибших за революцию». Он получил ответ, гласивший, что имя Тао Чэнчжана уже числится в этом списке и поэтому его сын имеет право на полагающиеся по сему вспомоществование.[2]

[1] Сунь Ятсен — Чэнь Цзюнмину, 28 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 193.

[2] 关于辛亥革命元老，光复会创始人革命烈士陶成章有关的信函 (Переписка по поводу ветерана Синьхайской революции, основателя «Союза восстановления суверенитета Китая», героя, погибшему за революцию Тао Чэнчжана) // http://www.kongfz.cn/30121218/pic/.

Американская авантюра

После того как Сунь Ятсен был выдворен из Японии, а его активность в странах Южных морей не дала зримых результатов, он обратил свои взоры за океан, надеясь получить долгожданную помощь в Соединенных Штатах, и встретил там взаимопонимание и поддержку — не со стороны правительственных кругов, а от своих новых американских друзей, разрабатывавших в это время некий грандиозный план.

Коллеги Сунь Ятсена готовят преобразования в Китае

Джеймс Бут (1851–1913)

Предприниматель Джеймс Бут, которому довелось на своем веку побывать мэром Южной Пасадены, в 1892 г. переехал в Лос-Анджелес, где он случайно познакомился с «генералом» Гомером Ли.

Перенесший в детские годы тяжелую болезнь, Ли на всю жизнь остался инвалидом. Горбун 160 см ростом, он страдал от сильнейших головных болей и к тому же плохо видел. Однако решив однажды посвятить себя военному делу, он до конца своих дней был уверен, что ему суждено совершить великие дела. В качестве поля приложения своей недюжинной энергии он избрал Поднебесную.

В апреле 1900 г. Гомер Ли отправился в Китай, где он намеревался помочь Кан Ювэю сформировать армию для свержения императрицы Цыси. Увидеться с Кан Ювэем ему не удалось, но легенда о том, что вождь реформистского лагеря произвел его в генерал-лейтенанты, с тех пор повсюду неизменно следовала за ним.

Когда и где Сунь Ятсен встретился с Гомером Ли, до сих пор неизвестно. Д-р Сунь вспоминал об этой встрече:

> Однажды, выступая перед своими сторонниками, я увидел молодого человека маленького роста (менее 5 *чи*) и примерно моего возраста, бледного и болезненного на вид. Он подошел ко мне со словами:
>
> – Я хочу участвовать в Вашей борьбе, я хочу помочь Вам! Я уверен, что цель, к которой Вы стремитесь, наверняка осуществится!
>
> По его выговору я определил, что он американец. Он протянул мне руку, и я в знак благодарности крепко пожал ее. Но кто он такой, я не знал,

THE SUNDAY CALL
April 22. 1900
Magazine Section.
Young Californian Is Plotting to Become Commander-in-Chief of Chinese Rebel Forces.
He Now Thanks "The Call" for Valuable Information.

Статья в газете «The Sunday Call» от 22 апреля 1900 г. «Юный калифорниец собирается стать главнокомандующим китайской повстанческой армией»

предполагая, что он, возможно, миссионер или ученый. И я не ошибся. Когда он ушел, я спросил одного своего знакомого:

– Что за человек этот маленький горбун?

– О! — ответил тот. — Это полковник Гомер Ли, один из самых выдающихся военных гениев современности... Нет, самый выдающийся военный гений. Он прекрасно владеет стратегией и тактикой современной войны.

Потрясенный, я стоял, разинув рот.

Утром следующего дня я навестил Гомера Ли. Выяснилось, что сейчас он генерал и к тому же известный автор книги «Невольная храбрость». Я сказал ему, что после того как моя революция завершится успехом,

а мои товарищи вручат мне власть, я приглашу его на пост главного военного советника.

– Зачем же ждать, когда Вы станете президентом, — ответил он. — Я и до этого могу пригодиться Вам!..[1]

Гомер Ли (1876–1912)

Великий китайский реформатор и его потенциальный американский соратник заочно познакомились в 1904 г. Кан Ювэй написал Ли, что он был рад услышать о намерении американца оказать содействие делу преобразования Китая и что он надеется встретиться с ним во время своего предстоящего визита в Новый Свет.

Их встреча состоялась. На ней присутствовал и Джеймс Бут. К ним присоединился Жун Хун — первый китаец, получивший ученую степень в американском университете. А позднее к этой тройке присоединился знакомый Бута — финансист В. Аллен. Так сформировалась группа, воодушевленная сверхидеей вдохнуть жизнь в одряхлевший Китай.

Жун Хун (1828–1912)

Однако с течением времени их однозначная ориентация на Кан Ювэя уступила место соображениям иного порядка. Сначала взоры конспираторов обратились к Юань Шикаю. Позднее в поле их зрения появился Сунь Ятсен.

Одно время четверка имела в виду пригласить в Лос-Анджелес руководителей различных антиманьчжурских организаций с тем, чтобы преодолеть существующие между ними противоречия и объединить свои усилия ради достижения общей цели. Предполагалось, что на этой встрече будет создан Высший совет, в который войдут как китайские лидеры, так и члены четверки. Высший совет должен был впоследствии сформировать Временное правительство и осуществлять при нем функции консультативного органа. Американские бизнесмены, ставшие

[1] 孙中山。我的回忆 (*Сунь Ятсен.* Мои воспоминания) // ПССС. Т. 1. С. 552.

спонсорами преобразований в Китае, должны были получить вознаграждение в виде концессий.

Впоследствии от идеи организовать в Штатах конференцию антиманьчжурских лидеров пришлось отказаться, и конспираторам не оставалось ничего иного, как остановить свой выбор на какой-нибудь одной политической фигуре. В конечном итоге выбор пал на Сунь Ятсена.

В декабре 1909 г. Жун Хун сообщил своим коллегам о том, что Сунь Ятсен прибыл в Нью-Йорк, предложил организовать встречу с ним и взял на себя труд установить непосредственный контакт с визитером.

В своем письме Сунь Ятсену Жун Хун изложил свой взгляд на революцию в Китае. По его мнению, для этого было необходимо, во-первых, иметь в банке по меньшей мере три с половиной миллиона долларов; во-вторых, создать временное правительство, в которое вошли бы способные и надежные люди; в-третьих, осуществить единое руководство армией; в-четвертых, создать современный флот.[1]

4 января 1910 г. Сунь Ятсен писал Ван Цзыкуану, что он получил телеграмму от своего знакомого, который пригласил его приехать в Калифорнию для обсуждения «важного дела».[2]

Создание «Финансового синдиката»

Главным результатом переговоров Сунь Ятсена с Бутом и Ли, состоявшихся в феврале 1910 г., стало назначение Бута финансовым агентом «Объединенного союза» в Соединенных Штатах. Он получил от Сунь Ятсена доверенность, воспроизведённую на следующей странице.

Аллен, не уверенный в том, что Сунь Ятсен действительно является именно тем лидером, на которого может быть сделана ставка, во встрече не участвовал. Тем не менее, переговоры завершились созданием «финансового синдиката» — группы, главной целью которой было получение денег на нужды грядущей революции в Китае, руководить которой должен был Сунь Ятсен.

Был согласован документ под названием «Принципы финансовой поддержки»:

1. Железнодорожные концессии предоставляться не будут, так как они предполагают использование земель, находящихся в частной собствен-

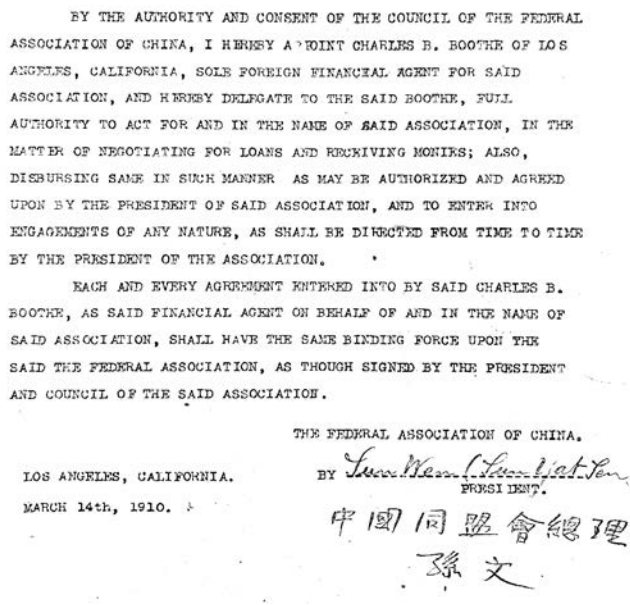
[1] *Ganschow Th.* A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922. Ann Arbor. 1971. P. 106.

[2] Сунь Ятсен — Ван Цзыкуану, 4 января 1910 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 105.

ности, и поэтому встретят отрицательное отношение со стороны населения. Однако дороги все же будут строиться, если синдикат сможет финансировать их.

2. После того, как Временное правительство придет к власти в Китае, все прежние концессии на разработку полезных ископаемых, заключенные при цинском режиме, будут аннулированы и новые концессии будут предоставлены по усмотрению правительства.
3. Когда синдикат начнет выплачивать деньги, он назначит своего представителя казначеем, ответственным за доходы и расходы.
4. Средства, предназначаемые новому правительству, будут выплачиваться казначеем финансовому агенту Буту четырьмя взносами, составляющими в общей сумме 3 630 000 долларов.[1]

По требованию Бута Сунь Ятсен должен был повлиять на своих единомышленников и удержать их от несанкционированных выступлений, потому что это может отпугнуть кредиторов и испортить всё дело.



BY THE AUTHORITY AND CONSENT OF THE COUNCIL OF THE FEDERAL ASSOCIATION OF CHINA, I HEREBY APPOINT CHARLES B. BOOTHE OF LOS ANGELES, CALIFORNIA, SOLE FOREIGN FINANCIAL AGENT FOR SAID ASSOCIATION, AND HEREBY DELEGATE TO THE SAID BOOTHE, FULL AUTHORITY TO ACT FOR AND IN THE NAME OF SAID ASSOCIATION, IN THE MATTER OF NEGOTIATING FOR LOANS AND RECEIVING MONIES; ALSO, DISBURSING SAME IN SUCH MANNER AS MAY BE AUTHORIZED AND AGREED UPON BY THE PRESIDENT OF SAID ASSOCIATION, AND TO ENTER INTO ENGAGEMENTS OF ANY NATURE, AS SHALL BE DIRECTED FROM TIME TO TIME BY THE PRESIDENT OF THE ASSOCIATION.

EACH AND EVERY AGREEMENT ENTERED INTO BY SAID CHARLES B. BOOTHE, AS SAID FINANCIAL AGENT ON BEHALF OF AND IN THE NAME OF SAID ASSOCIATION, SHALL HAVE THE SAME BINDING FORCE UPON THE SAID THE FEDERAL ASSOCIATION, AS THOUGH SIGNED BY THE PRESIDENT AND COUNCIL OF THE SAID ASSOCIATION.

THE FEDERAL ASSOCIATION OF CHINA.

BY Sun Wen (Sun Yat-Sen)
PRESIDENT.

中國同盟會總理
孫文

LOS ANGELES, CALIFORNIA.
MARCH 14th, 1910.

Доверенность, выданная Дж. Буту Сунь Ятсеном[2]

[1] Basis for Financial Support // Ganschow Th. A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922. P. 107–109.

[2] Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 58.

Los Angeles, Cal., May 12th, 1910.

My dear Doctor.-

I received your note advising me of your arrival in the Islands, and also have received the photograph of yourself and son, which we all very much appreciate. It appears to us to be a very excellent likeness, and I want to thank you for the remembrance.

I have been working steadily on our matters ever since you were here and while I am not yet able to advise you of the final results, I am very glad to say that so far I have received very satisfactory encouragement.

As you appreciate, it is necessary to lay a foundation which will be permanent and which must have support diplomatically as well as financially. I have had frequent conferences with the General and about two weeks ago I arranged for our New York friend A to come here, with the result that we have come to several very satisfactory decisions in the important matters.

He will leave here for New York within the next day or two and lay the ground work for arrangements, which I will go East to conclude. I have been delayed some in leaving here for the reason that a certain party, whom it is absolutely necessary to include in our plans, could not be reached although no actual loss of time has perhaps occurred.

I wish that you could prevail upon your friends in the various Provinces to strengthen their organizations, but to withhold action until advised by you that the time is ripe. Every false move that is made is promptly reported in this country and entails upon me the necessity of making explanations, which in the near future may cause me much embarrasment. If you could communicate with your leaders and impress upon them the great desirability of preventing such action, it would in the end greatly hasten the actual consummation of what is desired. There should be but one movement and that a well planned and perfectly concerted one.

I should greatly appreciate your keeping me informed at frequent intervals of any information which may come to your hands, which may be properly imparted. All the details which you can send me may at any time become important for me to have.

I am steadily gaining confidence in the success of all our plans but I cannot hurry matters at the risk of causing failure by so doing. There is a much quoted proverb current in this country attributed to one Davy Crockett, who was a very successful frontiersman. - "Be sure you are right and then go ahead".

I hope before long to give you in my letters some specific information but until my plans are further along, it is impracticable to do so.

I would suggest that you address my letters to No. 1515 Garfield Avenue, South Pasadena.

With kind regards to yourself and son, I remain as ever,

Very faithfully yours,

Bard

Письмо Бута Сунь Ятсену от 12 мая 1910 г.

В конце марта 1910 г. Сунь Ятсен отправился на Гавайи и в дальнейшем больше не встречался с Бутом, поддерживая контакт с ним и Ли по почте. В частности, 9 мая Сунь Ятсен сообщил Гомеру Ли неприятную новость: в Пекине в результате неудачного покушения на одного из маньчжурских сановников арестован Ван Цзинвэй, и спасти его может только взятие столицы революционными войсками.[1]

12 мая Бут сообщил Сунь Ятсену, что он вместе с Гомером Ли уже проделал определенную работу по осуществлению согласованных ранее планов, и в то же время напоминал Сунь Ятсену о необходимости гарантировать, что в Китае не будет преждевременных выступлений.[2]

Сунь Ятсен со своим сыном Сунь Кэ (Гавайи, май 1910 г.)

Сунь Ятсен получил письмо Бута в день своего отъезда с Гавайев и ответил ему уже после прибытия в Токио.

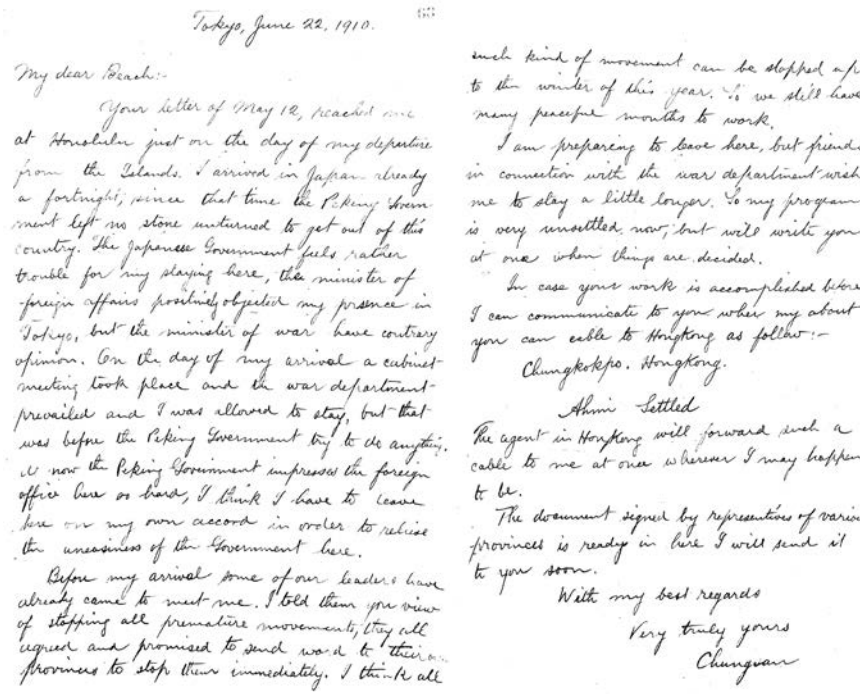
Он сообщал, что не знает, долго ли пробудет в Японии, так как, по его словам, министерство иностранных дел намерено выслать его из страны. Тем не менее ему удалось встретиться с представителями провинций и в соответствии с настояниями Бута убедить их воздержаться от преждевременных военных выступлений против Пекина. Все они согласились с этим и уже отдали соответствующие распоряжения своим подчиненным в Китае. Однако, писал Сунь Ятсен, он не был в состоянии слишком долго удерживать своих сторонников от начала боевых действий, так что в распоряжении его американских партнеров было всего лишь несколько «мирных месяцев» — вплоть до зимы 1910 г.[3]

---

[1] Сунь Ятсен — Ли, 9 мая 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 458.

[2] Бут — Сунь Ятсену, 12 мая 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 61–62.

[3] Сунь Ятсен — Буту, 22 июня 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 63.



Tokyo, June 22, 1910.

My dear Beach:-

Your letter of May 12, reached me at Honolulu just on the day of my departure from the Islands. I arrived in Japan already a fortnight, since that time the Peking Government left no stone unturned to get out of this country. The Japanese Government feels rather trouble for my staying here, the minister of foreign affairs positively objected my presence in Tokyo, but the minister of war have contrary opinion. On the day of my arrival a cabinet meeting took place and the war department prevailed and I was allowed to stay, but that was before the Peking Government try to do anything. As now the Peking Government impresses the foreign office here on board, I think I have to leave here on my own accord in order to relieve the uneasiness of the Government here.

Before my arrival some of our leaders have already came to meet me. I told them your view of stopping all premature movements, they all agreed and promised to send word to their own provinces to stop them immediately. I think all such kind of movement can be stopped up to the winter of this year. So we still have many precious months to work.

I am preparing to leave here, but friends in connection with the war department wish me to stay a little longer. So my program is very unsettled now, but will write you at once when things are decided.

In case your work is accomplished before I can communicate to you when my about you can cable to Hongkong as follow:-

Chungkokpo. Hongkong.

Ahmi Settled

The agent in Hongkong will forward such a cable to me at once wherever I may happen to be.

The document signed by representatives of various provinces is ready in here I will send it to you soon.

With my best regards

Very truly yours

Chungwan

Письмо Сунь Ятсена Джеймсу Буту от 22 июня 1910 г.

Одновременно Сунь Ятсен информировал Бута о том, что он уже подготовил «документ за подписями представителей провинций» и перешлет его по назначению в ближайшее время (речь шла о еще одной доверенности, уполномочивавшей Бута осуществлять переговоры с американскими денежными мешками).[1]

Бут с нетерпением ожидал этот документ. Он вновь писал об этом Сунь Ятсену 25 июня (см. письмо на следующей странице).[2]

Сунь Ятсен постоянно справлялся о том, как подвигаются дела у Бута.[3] Гомеру Ли он сообщал, что ему пока удается удерживать своих сторонников от преждевременного выступления вплоть до того момента, когда синдикат получит ожидаемые средства.[4]

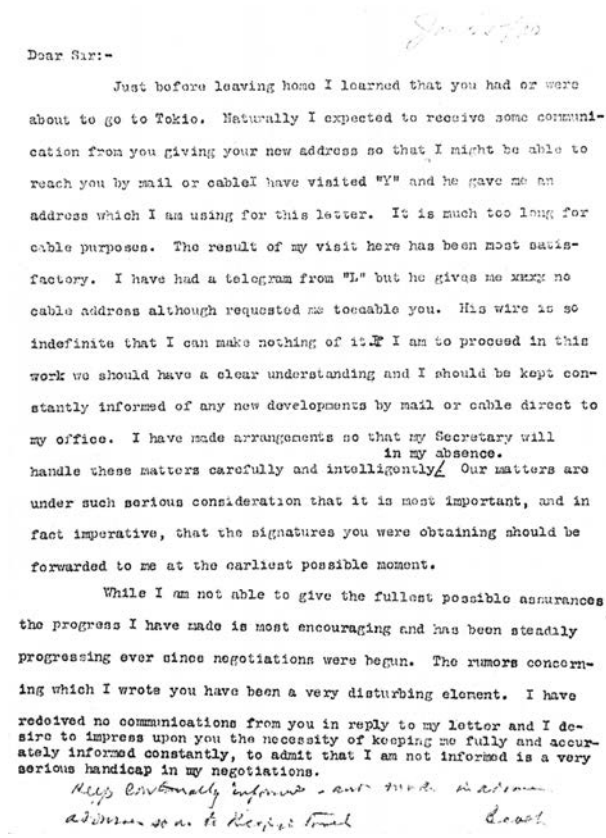
---

[1] Сунь Ятсен — Буту, 22 июня 1910 г. // Там же.

[2] Бут — Сунь Ятсену, 25 июня 1910 г. // Там же. С. 65.

[3] Сунь Ятсен — Буту, 15 июля 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 467.

[4] Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 11 августа 1910 г. // Там же. С. 475.



Dear Sir:-

Just before leaving home I learned that you had or were about to go to Tokio. Naturally I expected to receive some communication from you giving your new address so that I might be able to reach you by mail or cableI have visited "Y" and he gave me an address which I am using for this letter. It is much too long for cable purposes. The result of my visit here has been most satisfactory. I have had a telegram from "L" but he gives me xxxx no cable address although requested xx tocable you. His wire is so indefinite that I can make nothing of it.If I am to proceed in this work we should have a clear understanding and I should be kept constantly informed of any new developments by mail or cable direct to my office. I have made arrangements so that my Secretary will handle these matters carefully and intelligently in my absence. Our matters are under such serious consideration that it is most important, and in fact imperative, that the signatures you were obtaining should be forwarded to me at the earliest possible moment.

While I am not able to give the fullest possible assurances the progress I have made is most encouraging and has been steadily progressing ever since negotiations were begun. The rumors concerning which I wrote you have been a very disturbing element. I have redoived no communications from you in reply to my letter and I desire to impress upon you the necessity of keeping me fully and accurately informed constantly, to admit that I am not informed is a very serious handicap in my negotiations.

Письмо Бута Сунь Ятсену от 25 июня 1910 г.

Наступил сентябрь. Бут с нетерпением ждал обещанной ему второй доверенности на свое имя, скрепленной подписями представителей всех китайских провинций. Она была необходима ему как свидетельство того, что Сунь Ятсен действительно контролирует антиманьчжурские силы во всем Китае. В этом начали сомневаться не только воротилы с Уолл-Стрита, но даже и Аллен, и убедить всех их было крайне важно для конечного успеха всего предприятия.

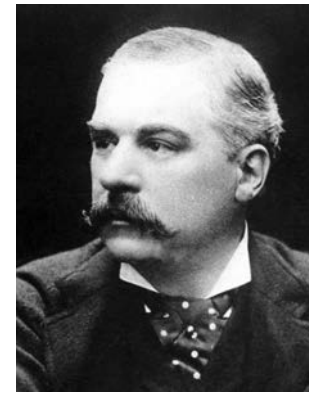
Наконец Бут получил уведомление от Сунь Ятсена, что доверенность с подписями уже послана ему заказной почтой.[1]

[1] Сунь Ятсен — Буту, 4 сентября 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 67.

Получив ее[1], Бут продолжил свои попытки заручиться согласием финансистов субсидировать мероприятия синдиката.

Более месяца Бут провел в Нью-Йорке, но отсутствие лица, на которого он возлагал свои главные надежды, миллиардера Дж. Моргана (тот был в это время в Европе), тормозило дело.

Бут продолжал предостерегать д-ра Суня от преждевременного восстания, которое могло «испортить всё дело». Помимо этого он считал рискованной прямую переписку Сунь Ятсена с «генералом», поскольку у того на квартире дважды был обыск, и предлагал пересылать письма сначала в свой лос-анджелесский адрес.



Джон Морган (1837–1913)

Но самое главное, продолжал Бут, заключалось в том, что после июня 1910 г. американский финансовый рынок находился в состоянии нестабильности, а это пагубно сказывалось на перспективах получения денег для нужд синдиката. Поэтому он заявлял Сунь Ятсену, что не может обещать многого, хотя и продолжает вести переговоры на этот счет, осознавая при этом, что ему следует быть крайне осторожным.[2]

Сунь Ятсен же был преисполнен оптимизма, будучи уверен, что в случае, если Буту удастся раздобыть требуемые 3 млн долларов, грядущему восстанию в Кантоне обеспечен успех. В письмах Гомеру Ли он просил поторопить «М-ра Б» (так в корреспонденциях Сунь Ятсена в целях конспирации именуется Бут).

Прошел октябрь. Дело не сдвинулось с места. Было ясно: что-то не срабатывало, и Сунь Ятсен пишет Буту, что при данных обстоятельствах он уже не рассчитывает на ту сумму, которая была оговорена во время встречи сторон на квартире Бута, и его устроила бы даже небольшая часть этой первоначальной суммы.

> Скажем, полмиллиона долларов золотом было бы нам в настоящий момент достаточно. Небольшую сумму добыть легче и быстрее, чем значительную, не так ли? Если бы Вы получили эти деньги в течение 3 месяцев, для наших целей это было бы как раз вовремя. Ждать дольше мы не будем и предпримем самостоятельные действия для достижения того, что сможем сделать.

[1] Этот документ хранится в архиве Бута.

[2] Бут — Сунь Ятсену, 26 сентября 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 69–70.

Los Angeles
September 26, 1910.

I have sent you today a cable which, translated, reads:- "Have received your power of attorney. Your instructions are having every attention. Syndicate meets early in October."

I spent six weeks in and about New York, and made considerable headway by dint of hard work. However, the absence of the most important man made it impossible to come to any effective agreement. This man was in Europe, and the time of his return to New York was very indefinite. The extremely unusual hot summer was driving everyone to the mountains or the shore, and I returned to Los Angeles about July 20th. Since that time there has been frequent consultations, and a representative from the parties in New York has been here for two weeks getting information and studying the situation. I have called in the General two or three times.

By the way, I would advise you to be very careful about writing him. I think it would be much better if you refrained entirely, sending your correspondence to me and letting him get his information that way. His house has been entered two or three times lately and searched by unknown parties. He had taken the precaution, upon my advice, to bring his papers to me, therefore the efforts were fruitless.

Ever since June the money market in this country has been in a very unsettled condition, and it has been very difficult to induce parties to investigate where the investment of money was to be anticipated. All I am able to assure you at the present time is that I am sparing no pains or efforts or expense to accomplish the desired end, and I hope for a successful termination for my negotiations, but how soon I can bring them to a successful termination, I am unable to state. I am obliged to be very careful at every step, which has the tendency to delay.

Your letter of July 15th has been considerably delayed in transmission, but had no evidence of having been tampered with. The document which I referred to in my cable as "power of attorney" was received promptly, but not until some time after my return to Los Angeles.

I shall probably go east very soon, at least as soon as I am advised that my presence will be effective. Your letters addressed to my residence will receive prompt attention, whether I am here or away, and I hope you will

keep me well informed of every move that in any way effects the situation.

The papers recently have contained positive statements cabled from Pekin that Memorize is about to be recalled. I have learned that Memento is very much concerned regarding a statement which had been made in Canton or Shanghai that he was in some way connected with a fund being arranged here, and ~~has~~ caused Memory some explanation. I think it just as well,-and I am sure that you will agree with me,-that Memento ~~Memorize~~ should not be mentioned to anyone, as it is true that it is impossible for him to be of any assistance, and he therefore should not be held responsible.

I congratulate you upon the cessation of disturbing rumors since your request for it.

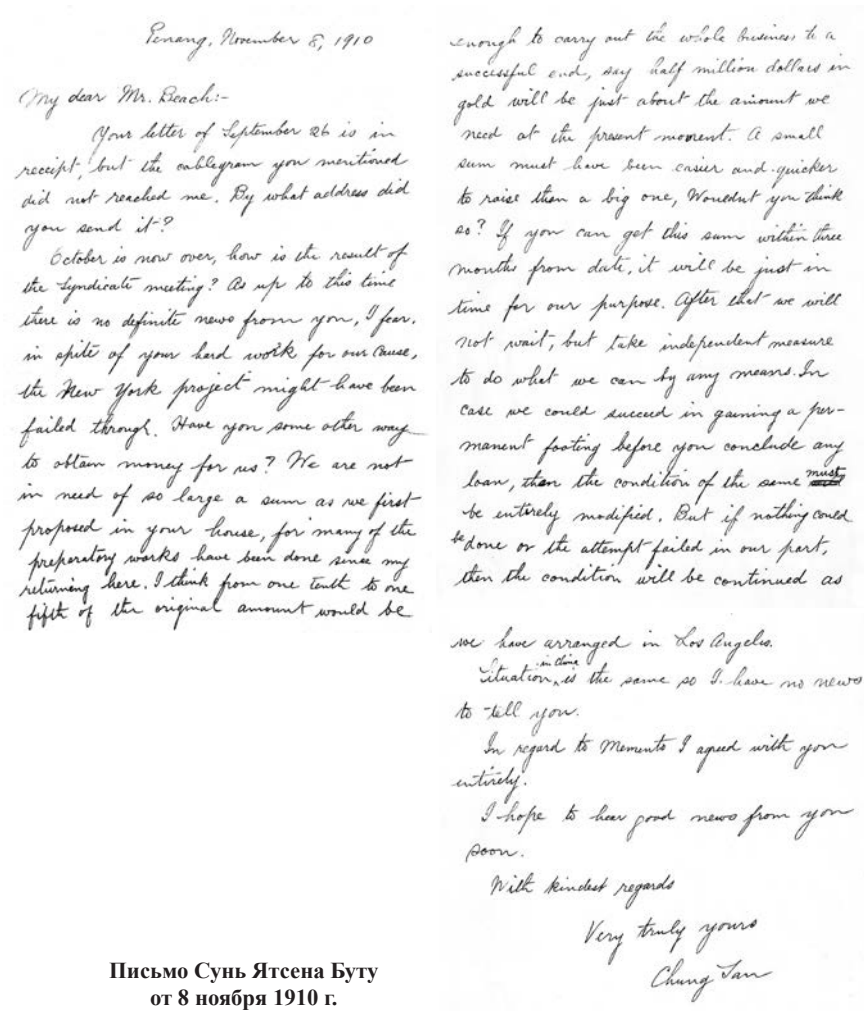
Just at this juncture a note came in by mail from the General, quoting from yours of August 11th at Penang. This information is of value to me, and I think it would be better and safer to send such letters direct to me and I will see that the information is transmitted to the General wherever he may be. He is moving about considerably at the present time.

Wishing you every possible success, and assuring you of my desire to contribute to the utmost to it, and with kindest regards, I remain

Very sincerely yours,

Dean

Письмо Бута Сунь Ятсену от 26 сентября 1910 г.



Penang, November 8, 1910

My dear Mr. Beach:-

Your letter of September 26 is in receipt, but the cablegram you mentioned did not reached me. By what address did you send it?

October is now over, how is the result of the syndicate meeting? As up to this time there is no definite news from you, I fear, in spite of your hard work for our cause, the New York project might have been failed through. Have you some other way to obtain money for us? We are not in need of so large a sum as we first proposed in your house, for many of the preparatory works have been done since my returning here. I think from one tenth to one fifth of the original amount would be enough to carry out the whole business to a successful end, say half million dollars in gold will be just about the amount we need at the present moment. A small sum must have been easier and quicker to raise than a big one, Wouldn't you think so? If you can get this sum within three months from date, it will be just in time for our purpose. After that we will not wait, but take independent measure to do what we can by any means. In case we could succeed in gaining a permanent footing before you conclude any loan, then the condition of the same must be entirely modified. But if nothing could be done or the attempt failed in our part, then the condition will be continued as we have arranged in Los Angeles.

Situation in China is the same so I have no news to tell you.

In regard to Memento I agreed with you entirely.

I hope to hear good news from you soon.

With kindest regards

Very truly yours

Chung Sun

Письмо Сунь Ятсена Буту от 8 ноября 1910 г.

Если нам удастся обрести надежную поддержку до того момента, когда Вы получите займ, условия нашего сотрудничества могут быть полностью пересмотрены. Но если ничего не удастся предпринять и наши попытки закончатся неудачей, условия договоренности останутся такими, какими они были сформулированы в Лос-Анджелесе.[1]

[1] Сунь Ятсен — Буту, 8 ноября 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 71–74.

Но Бут не мог предложить теперь даже этого. Аллен более не интересовался проблемами, волновавшими д-ра Суня, а Жун Хун пришел к выводу, что Китай еще не готов к провозглашению республики. «Финансовый синдикат» распался.

Ждать Сунь Ятсен дальше не мог. Он решает начать восстание в Кантоне. Но оно было недостаточно подготовлено и завершилось полным фиаско.

После этого Сунь Ятсен вновь побывал в Штатах, но встречаться с Бутом не захотел. Вместо этого он потребовал вернуть ему доверенности, уполномочившие Бута быть его финансовым агентом.

Американская авантюра закончилась ничем.

Хуан Син отвергает план «генерала» Ли

С самого начала создания «финансового синдиката» предполагалось разделение труда между двумя его американскими участниками: Бут отвечал за получение денег, Ли занимался разработкой стратегического плана вооруженного восстания, которое должно было положить начало революции в Китае.

Во время встречи Сунь Ятсена с Бутом и Ли в феврале 1910 г. «генерал» изложил общие принципы подготовки будущего вооруженного выступления. На берегу Тонкинского залива предполагалось снять несколько участков земли, где располагались бы тренировочные базы повстанцев, рассчитанные на 1000 чел. каждая. В качестве инструкторов намечалось использовать американских отставных офицеров.[1] 28 марта Сунь Ятсен сообщил этот план, «разработанный военным специалистом», Хуан Сину.

13 мая Хуан Син ответил Сунь Ятену:

«План, разработанный Вами совместно с военным специалистом, несколько отличается от того, что опробовано и осуществляется здесь».

На самом же деле план будущей революции, разработанный Хуан Сином и Чжао Шэном (в письме он назван вторым именем — Босянь), не «несколько», а принципиально отличался от сформулированного Гомером Ли.

План Хуан Сина включал 5 основных пунктов.

Во-первых, несмотря на неудачу февральского восстания в Кантоне, осуществленного силами революционно настроенных офицеров «Новой

[1] *Wilbur C. M.* Sun Yat-sen, Frustrated Patriot. New York. 1976. P. 69.

Первая страница письма Хуан Сина Сунь Ятсену от 13 мая 1910 г.

армии», созданной незадолго до этого Пекинским правительством, Хуан Син по-прежнему считал, что в будущей революции именно правительственная армия, перешедшая на сторону повстанцев, сыграет решающую роль.

По словам Хуан Сина, хотя 1-й полк, активно действовавший во время февральского путча, был расформирован, солдаты остающихся в Кантоне 2-го и 3-го полков в массе своей симпатизируют революции. Наместник Гуандуна намерен рекрутировать 1000 солдат в Хунани, но среди них благодаря успешной деятельности хунаньских революционеров также много сочувствующих делу свержения маньчжурской династии. Аналогичная ситуация характерна для частей, расквартированных в Гуанси, Цзянси, Цзянсу и Чжэцзяне.

Особенно важные результаты дала работа, проделанная в провинции Хубэй неким Сунь У, писал Хуан Син.[1] Не менее благоприятно складыва-

[1] Год спустя Сунь У стал одним из руководителей Учанского восстания.

лись дела в Хунани и Юньнани. В целом, положение таково, что «достаточно крикнуть в одной долине, и эхо отзовется во всех окрестных горах». Поэтому не тайным обществам и китайским иммигрантам за рубежом, на которых доселе делалась основная ставка, а революционно настроенным частям «Новой армии» суждено сыграть первую скрипку в грядущих боях во имя республики, полагал Хуан Син.

Несколько забегая вперед, следует сказать, что Хуан Син как в воду глядел: через полтора года события в Учане полностью подтвердили его слова.

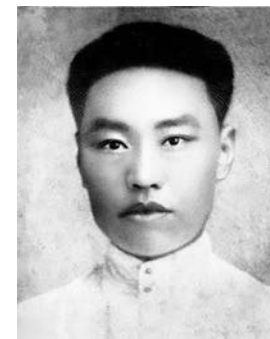
Второй пункт плана, разработанного Хуан Сином, заключался в том, что начинать восстание следует не в приграничных районах, а в больших городах. Создать тренировочные базы на берегу Тонкинского залива, как это предлагал поддержанный Сунь Ятсеном «генерал» Ли, казалось Хуан Сину нереальной затеей, поскольку большое скопление иностранных инструкторов, пусть даже одетых в крестьянское платье, сразу привлечет к себе внимание местных властей. Поэтому начинать восстание следует в Кантоне.

Третий пункт — необходимо планировать восстание таким образом, чтобы выступление в одном месте вызвало цепную реакцию и было поддержано в других частях страны.

Далее, во время подготовки и осуществления революции нельзя полагаться только на членов «Объединенного союза», нужно привлечь к делу всех сочувствующих. «Если мы достаточно скромны и готовы прислушаться к чужому мнению, — утверждал Хуан Син, — все будут рады сотрудничать с нами».

И наконец, Хуан Син рекомендовал Сунь Ятсену назначить командующим революционными войсками в Кантоне Чжао Шэна, имеющего связи с солдатами и офицерами «Новой армии» и знакомого с обстановкой в городе.

Текст письма Хуан Сина сохранился благодаря счастливой случайности — он был обнаружен много лет спустя в корзине для ненужных бумаг в штаб-квартире Гоминьдана на улице Валлона, 44, в Шанхае, где партийный архив хранился с 1916 по 1928 год.[1]



Чжао Шэн (1881–1911)

[1] *Hsüeh Chün-tu.* Huang Hsing and the Chinese Revolution. Stanford. 1961. P. 205.

«Новая армия» Китая (обложка парижского журнала «Le Petit Journal»)

Аргументы Хуан Сина переубедили Сунь Ятсена. В письме Гомеру Ли от 5 сентября 1910 г. он, ссылаясь на мнение «большинства», поддержал предложение о том, чтобы отказаться от создания военных баз на берегу Тонкинского залива и начинать восстание непосредственно в Кантоне. Так, утверждал он, начать выступление будет легче и без излишних затрат, а это было явным преимуществом «по сравнению с планом, разработанным в США».[1]

Но главное заключалось в том, что Сунь Ятсен принял идею Хуан Сина использовать в качестве главной ударной силы солдат юаньшикаевской «Новой армии». В 1906 г. Сунь Ятсен думал лишь о том, как склонить их к сдаче в плен[2]; теперь он утверждал: если все они «присоединятся к нашей партии, то можно будет осуществить великое дело, не запачкав кровью лезвие меча».[3]

Разброд и шатание в революционных рядах

После поражения восстания в Гуанчжоу 12 февраля 1910 г. и гибели его руководителя Ни Индяня упавший духом Тань Жэньфэн прибыл в Токио

[1] Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 5 сентября 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 481.

[2] 中国同盟会革命方略 (Революционный план Объединенного союза Китая) // Там же. С. 303.

[3] 孙中山。在云高华华侨欢迎会的演说 (*Сунь Ятсен.* Речь на собрании китайских иммигрантов в Ванкувере), 13 февраля 1911 г. // Там же. С. 511.

и обнаружил, что боевой пыл его коллег подорван, а «Объединенный союз» как таковой остался без руководителей, пребывавших в это время в Европе и Америке.

Сунь Ятсен объявляет организацию распущенной

Тань Жэньфэн разыскал Сун Цзяожэня и долго говорил с ним, пытаясь найти выход из сложившегося положения. Основной причиной неудач он считал то, что местом большинства предыдущих вооруженных восстаний был избран окраинный Кантон, тогда как выступление в центральном Китае было бы, с его точки зрения, гораздо более перспективным.

Сун Цзяожэню, как и Тань Жэньфэну, судьба «Союза» была далеко не безразлична

Как вспоминал позднее очевидец этой встречи, Тань Жэньфэн заявил Сун Цзяожэню:

> Когда создавался «Объединенный союз», предполагалось организовать пять его отделений на востоке, юге, западе, севере и в центральной части Китая. Поскольку Сунь Ятсен и Хуан Син сейчас годами пребывают за границей и не занимаются делами внутри страны, почему бы нам не вернуться в Китай и не создать отделение «Союза» в центральной части страны, чтобы руководить революцией в провинциях, прилегающих к Янцзы?[1]

Сун Цзяожэнь поддержал эту идею.

В середине июня 1910 г. Сунь Ятсен нелегально прибыл в Японию; туда же вернулся Хуан Син.

В разговоре с Сунь Ятсеном Тань Жэньфэн выдвинул предложения относительно налаживания деятельности «Союза» и, казалось бы, встретил понимание со стороны собеседника. Через несколько дней после этого с аналогичными предложениями к Сунь Ятсену обратился Сун Цзяожэнь, но тот вдруг заявил, что их организации более не существует, и «тот, у кого есть возможность, должен действовать по своему усмотрению».

Удивленный Сун Цзяожэнь спросил, что значат эти слова, а Сунь Ятсен ответил:

[1] 居正文集 (Собрание сочинений Цзюй Чжэна). Т. 1. Ухань, 1989. С. 11.

Финансы «Союза» преумножаются моими личными усилиями, и члены организации не имеют права вмешиваться в это дело. На каком основании они ополчились против меня? Рядовые члены критикуют своего руководителя, а как без него может существовать «Союз»?

Узнав об этом, Тань Жэньфэн пытался убедить Сунь Ятсена, что тот, оскорбленный историей с «Миньбао», преувеличивает серьезность возникшей ситуации. Но слова его не были услышаны.

Тогда Тань Жэньфэн поставил все точки над «i»:

«Объединенный союз» — организация, созданная совместно борцами против маньчжурского засилья во всей стране. Как же одного Вашего слова может быть достаточно, чтобы распустить его?

Руководитель «Союза» избирается его членами, чтобы служить общему делу «Союза». Имеет ли он право мановением руки ликвидировать эту организацию?

Члены «Союза» критикуют своего руководителя, это их право, и в этом нет ничего сверхъестественного. Несколько лет назад Тао Чэнчжан критиковал руководителя «Союза», имея на то свои основания, но не все члены организации были согласны с ним. Как же можно теперь переносить на всех свой гнев по этому поводу?

Да, финансы «Союза» преумножаются Ваши усилиями, но Вы делаете это от имени всех членов организации, и они должны быть в курсе расходования этих средств. Как же можно говорить, что они не имеют права вмешиваться в это дело?[1]

Ответа на эти риторические вопросы не последовало.

Через несколько дней Тань Жэньфэн и Сун Цзяожэнь с удивлением узнали, что Сунь Ятсена в Японии уже нет.

Возмущенный безответственным поведением Сунь Ятсена, Тань Жэньфэн решает переговорить с Хуан Сином, но тот отослал его к Ху Ханьминю, который, как он был уверен, в этом споре станет на сторону Сунь Ятсена. И действительно, Ху Ханьминь с усмешкой сказал Тань Жэньфэну:

У нас нечем платить за аренду помещения для токийской штаб-квартиры, и мы тут не знаем, как свести концы с концами, как же можно говорить еще о каком-то другом отделении «Союза»?!

Все проживающие за рубежом члены «Союза» знают только одного руководителя — Сунь Ятсена. Если Вы создадите еще одно отделение, придется избрать еще одного руководителя, и вслед за этим неминуемо возникнет спор по поводу того, кто же в конце концов у нас руководитель. Ведь нас иностранцы на смех подымут![2]

[1] 谭人凤集 (Собрание сочинений Тань Жэньфэна). Чанша, 1985. С. 359–360.

[2] Там же.

У Чжао Шэна было особое мнение

Вскипевший Тань Жэньфэн набросился на Ху Ханьминя с кулаками. Спорщиков разняли силой, но их взаимоотношения были вконец испорчены.

В июле 1910 г. на квартире Тань Жэньфэна было созвано совещание представителей 11 провинций, на котором председательствовавший Тань выдвинул лозунг «Сплотиться под единым руководством, нести ответственность за свой участок работы!»

Сун Цзяожэнь сформулировал на совещании три варианта совершения революции в Китае.

Первый: используя свое проникновение в ряды правительственной армии и опираясь на Северо-Восток в качестве тыла, захватить Пекин.

Второй: выступить одновременно в нескольких пунктах Центрального Китая, создать там революционное правительство, после чего предпринять поход на Север.

Третий: создать тайные опорные пункты на территориях, находящихся под иностранным влиянием на окраинах страны — на Северо-Востоке, в Юньнани или в Гуандуне — и оттуда начать действовать.[1]

Участники совещания высказались за то, что третий вариант не решает проблемы, а осуществление первого — слишком трудное дело. Поэтому большинство высказалось за перенесение центра подготовки революции в район бассейна Янцзы. Некоторые члены «Союза» были против этого.

Так, Чжао Шэн, выступавший за организацию восстаний в Гуандуне, утверждал:

> Революция требует жертв. Где она вспыхнет и будет ли она успешной — кто может сказать наверняка?

Тань Жэньфэн отвечал ему:

> Раз высказываются различные точки зрения, давайте действовать параллельно.

[1] 徐血儿。宋先生教仁传略 (*Сюй Сюээр.* Краткая биография Сун Цзяожэня) // 辛亥革命在上海史料选辑 (Избранные историские материалы о Синьхайской революции в Шанхае). Шанхай. 1981. С. 943.

Штаб-квартира Отделения «Объединенного союза» в Шанхае

Сомнение в целесообразности организации новой штаб-квартиры высказал Хуан Син. Он указывал на то, что неудавшееся восстание 1906 г. в Хунани деморализовало тамошних революционеров.

Этот довод не убедил Тань Жэньфэна, и он продолжал агитировать за создание отделения «Союза» в средней части Китая.[1]

Его усилия увенчались успехом. 31 июля 1911 г. в Шанхае было создано отделение «Объединенного союза». На учредительном собрании присутствовало 33 человека — 9 от Фуцзяни, 7 — от Чжэцзяна, 4 — от Сычуани, 3 — от Цзянсу, 2 — от Аньхуя, 1 — от Юньнани.

Были приняты программные и организационные документы отделения — «Декларация» и «Устав».

Во-первых, в составленной Сун Цзяожэнем «Декларации» подвергалась критике ситуация, сложившаяся в «Союзе», и, в частности, говорилось:

> Его идеи так прогрессивны, состав его столь многочислен, а деятельность так незначительна. В чем причина того, что он не в состоянии одолеть правительство?

[1] 谭人凤另组中部同盟会：不满孙中山逃避责任 (Тань Жэньфэн, будучи недоволен тем, что Сунь Ятсен увиливает от ответственности, создал отделение «Объединенного союза» в Центральном Китае) // https://news.qq.com/a/20110422/000730.htm.

> У него есть общая цель, но нет общей программы. Есть достойные люди, но нет подходящей организации. Почему можно утверждать это?
>
> Взять, к примеру, Чжан Тайяня, Тао Чэнчжана, Лю Гуанханя. Они члены «Союза», но то выступают за раскол, то заняты нападками, ведут себя как обозленные псы. Разве это не является результатом отсутствия общей программы? <...>
>
> Или взять Сюй Силиня, Вэнь Шэнцая, Сюн Чэнцзи. Они не были членами «Союза», но пожертвовали своей жизнью, первый — в Аньцине, второй — в Гуанчжоу, третья — на Северо-Востоке. Не потому ли, что они не нашли для себя подходящей организации?[1]

Вэнь Шэнцай (1870–1911)

Сюн Чэнцзи (1887–1910)

Общий тон «Декларации» свидетельствует о том, что организация, официально называвшаяся Отделением «Объединенного союза», фактически рассматривалась ее лидерами как часть, независимая от целого.

Неслучайно и цели деятельности Отделения, сформулированные в его уставе, отличались от того, что было декларировано «Союзом» в 1905 г.:

> Конечной целью Отделения является свержение маньчжурского правительства и создание демократического конституционного строя.[2]

Во-первых, здесь не говорится о введении «уравнительного землевладения», а во-вторых, под «демократическим конституционным строем» можно было подразумевать не только республику, но и конституционную монархию.

---

[1] Декларация о создании Отделения «Объединенного союза» в центральном Китае // 辛亥革命在上海史料选辑 (Синьхайская революция и Шанхай. Избранные исторические материалы). Шанхай. 1981. С. 6.

Вэнь Шэнцай и Сюн Чэнцзи, имена которых упоминались в «Декларации», участвовали в антиманьчжурских вооруженных выступлениях, после поражения которых были арестованы и казнены.

[2] Устав Отделения «Объединенного союза» в центральном Китае // Там же. С. 8.

Вместо «Объединенного союза» — Гэминдан?

Сунь Ятсен на активность Тань Жэньфэна и Сун Цзяожэня никак не реагировал. Самоустранившись от руководства «Объединенным союзом», он строил планы создания «Революционной партии» (Гэминдана), о которой, как мы видели, он писал Чжан Цзи.

Чтобы полностью отмежеваться от «Объединенного союза», Сунь Ятсен намеревался создать свою новую партию в Европе или в Америке.

25 ноября 1909 г. он писал из Нью-Йорка У Цзинхэну:

> Я собираюсь создать организацию заново (в случае успеха напишу об этом отдельно), дабы и в Европе можно было сделать то же самое для укрепления наших сил.[1]

4 декабря Сунь Ятсен сообщал У Цзинхэну, что в США проживает от 70 до 80 тысяч китайских иммигрантов, примерно половину которых можно вовлечь в революцию, «а когда здесь будет создана база, к нам непременно примкнут иммигранты из Канады, Центральной и Южной Америки, Кубы, других мест; с этой целью я хочу постепенно нарастить силы Гэминдана, потому что это единственный способ [добиться нашей цели]».[2]

Дело понемногу подвигалось вперед. 25 декабря переехавший в Бостон Сунь Ятсен информировал Ван Цзыкуана, что ему не удается обратить в свою веру местное китайское студенчество, но он надеется на поддержку коммерсантов, с которыми собирается встретиться и поговорить об их вступлении в новую организацию. «Когда она окрепнет, — добавлял Сунь Ятсен, — я напишу подробнее».[3]

Но посылая в марте 1910 г. Дж. Буту свою доверенность на ведение от его имени коммерческих операций с США, Сунь Ятсен всё же по-прежнему подписал ее как руководитель «Объединенного союза».

Вновь создаваемая партия получила официальное наименование «Чжунхуа гэминдан».

24 августа 1910 г. Сунь Ятсен писал Дэн Цзэжу, что во всех партийных документах слова «член Объединенного союза Китая» следует заменить на «член Революционной партии Китая».[4]

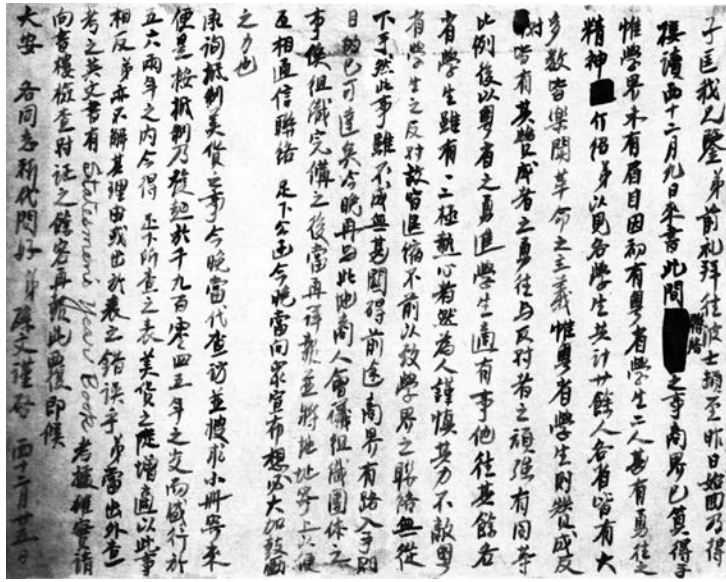
---

[1] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 25 ноября 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 100.

[2] Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 4 декабря 1909 г. // Там же. С. 102.

[3] Сунь Ятсен — Ван Цзыкуану, 25 декабря 1909 г. // Там же. С. 104.

[4] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 24 августа 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 476–477.



Письмо Сунь Ятсена Ван Цзыкуану от 25 декабря 1909 г.

Сунь Ятсен собственноручно составил текст клятвы вступающего в новую партию:

> Я, вступающий в партию имярек, родом из провинции такой-то, такого-то города, такого-то уезда, именем Неба клянусь соблюдать единство рядов партии ради свержения иноземной династии Цин, создания Китайской Республики и осуществления принципа народного благосостояния, клянусь быть с начала до конца преданным делу революции. Если же я нарушу эту клятву, то мои товарищи накажут меня.[1]

Прибыв в конце 1910 г. в Малайю, Сунь Ятсен потребовал от всех местных организаций «Объединенного союза» впредь именоваться филиалами Гэминдана, но его распоряжению не подчинились.

О создании новой партии «Чжунхуа гэминдан» весной 1911 г. писала только-только начавшая издаваться в Сан-Франциско на китайском языке газета «Шаонянь чжунго бао» (ее английское название — «The Young China»).

Однако довести дело до конца Сунь Ятсену тогда всё же так и не удалось.

[1] Сунь Ятсен — Ван Юэчжоу, 10 ноября 1910 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 140.

"The Young China"

少年中國

К этому следует добавить, что еще в начале 1910 г. бывшие члены «Общества возрождения Китая» объявили о своем выходе из «Объединенного союза» и о том, что они являются отныне самостоятельной политической партией.

В 1911 год «Объединенный союз» вступал в виде разрозненных остатков некогда мощной организации. Тань Жэньфэн винил в этом Сунь Ятсена, утверждая, что не «Союз» подвел Сунь Ятсена, а Сунь Ятсен разрушил «Союз».

В июле 1911 г. Сунь Ятсен организовал выпуск ассигнаций будущей «Китайской Республики», на которых стояла его подпись как руководителя партии «Чжунхуа гэминдан», хотя эта партия так и не была создана и быть ее председателем Сунь Ятсен никак не мог.

Бумажная ассигнация в 100 долларов, выпущенная от имени еще не существовавшей партии «Чжунго гэминдан»

Настал сентябрь 1911 г., а новая партия так и не была создана, о чем можно судить по тому, что́ писал Сунь Ятсен Гомеру Ли:

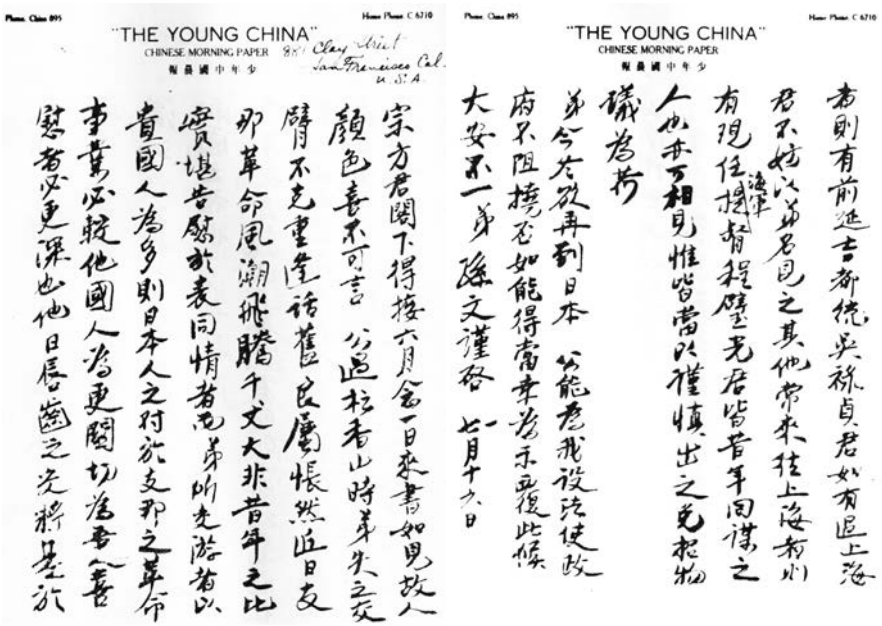
> Я по-прежнему считаю, что в случае, если удастся получить материальную поддержку, штаб-квартиру [Гэминдана] следует организовать в Париже или Лондоне.[1]

Два письма старым друзьям

О его настроении в это время мы можем судить по письму, отправленному в адрес Мунаката Котаро 16 июля 1911 г.:

> Получив Ваше письмо от 21 июня, я словно увидел знакомые черты старого друга! Мою радость невозможно выразить словами!
>
> Когда Вы были в Гонолулу, я упустил возможность обнять Вас, не смог встретиться с Вами и вспомнить о прошлом. Какая жалость!
>
> За последнее время над Китаем реют революционные вихри, каких не бывало раньше, и о них хочется рассказать всем, кто сочувствует нам. А среди тех, с кем я общаюсь, большинство составляют Ваши соотечественники. Японцы наверняка интересуются революцией в Китае больше, чем граждане других стран, и больше, чем они, радуются нашим успехам, причем эти братские чувства со временем будут еще более сильными. <...>
>
> Вернувшись в Японию в июне прошлого года, я старался убедить простых людей Вашей страны в необходимости налаживания дружеских контактов между Национальными партиями наших стран на благо прогресса Восточной Азии.

[1] Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 25 сентября 1911 г. // ПССС. Т. 1. С. 540.

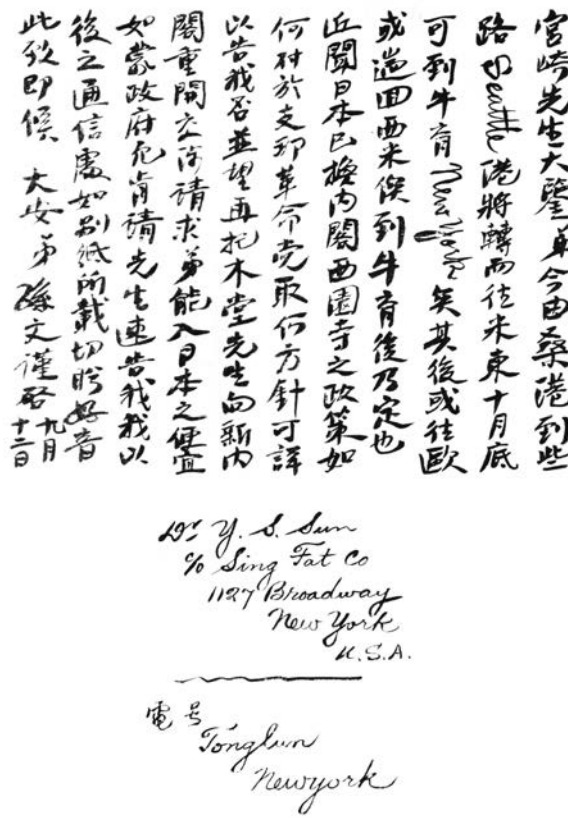


Первая и последняя страница письма Сунь Ятсена Мунаката Котаро от 16 июля 1911 г.

К сожалению, прибыв в Эдо, я столкнулся с противодействием Вашего правительства, которое не разрешило мне длительное пребывание, так что мои намерения, к моему глубокому сожалению, не смогли быть реализованы. Не имея возможности надолго обосноваться в Вашей стране, я был вынужден отправиться в дальнее путешествие по странам Европы и Америки, чтобы установить контакт с европейско-американскими деятелями и общественным мнением этих стран. Для этого я основал отделения Революционной партии Китая в США — в Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорке, а также в европейских странах — в Лондоне, Париже, Берлине и Брюсселе. С созданием этих отделений появилась возможность постоянного общения с жителями этих стран.

Они больше узнали о происходящем в Китае, и постепенно число сочувствующих нам стало увеличиваться. Когда начались революционные события, можно было с уверенностью сказать, что внешнего вмешательства не будет. Это — несомненный успех нашей дипломатии. Но есть еще и вопросы, вызывающие беспокойство. К ним относится то, что правительство Вашей страны все еще не сочувствует нам. Мысль об этом не дает мне покоя. Изменить ситуацию можно только силами наших давних знакомых.

Вы — один из моих старых друзей, и я очень надеюсь на то, что Вы вкупе со своими единомышленниками сможете развернуть кампанию в пользу союза народов Японии и Китая, направить на это общественное мнение, оказать моральное воздействие на правительство Вашей страны с тем, чтобы оно преисполнилось симпатиями к революции в Китае, дабы Китай мог вновь занять свое место в мире и выступать наравне с великими державами. Это было бы бесценным подарком нашей партии со стороны Японии, о котором китайская нация не забудет и через сто поколений. Я очень надеюсь на это! Хотя в Гуандуне нас постигла неудача, но это не нанесло нам сколько-нибудь серьезного ущерба, напротив, оказало чрезвычайно сильное воздействие на настроения китайского народа. Это победа в поражении. Вы считаете, что момент [для решительного высту-



Письмо Сунь Ятсена Миядзаки Торадзо от 12 сентября 1911 г.

> пления] еще не созрел, и я согласен с этим. Через несколько лет дух армии и уверенность народа окрепнет, и можно будет взять пример с величия португальской революции. <...> Зимой этого года я намерен вновь побывать в Японии. Могли ли бы Вы сделать так, чтобы японское правительство не препятствовало бы этому? Если да, то напишите мне. <...> [1]

Один принципиальный момент здесь заслуживает нашего внимания: летом 1911 г. Сунь Ятсен считал, что революция начнется не раньше, чем через два-три года.

Ответа от Мунаката Сунь Ятсен не получил. Его беспокоили два вопроса: во-первых, какую позицию по отношению к китайским революционерам займет только что пришедшее к власти правительство Сайондзи; во-вторых, сможет ли Мунаката добиться от властей разрешения на его въезд в Японию. Об этом он два месяца спустя писал Миядзаки Торадзо.[2]

Просьбу замолвить словечко перед правительством Японии Мунаката оставил без внимания. В его докладе начальству об этом нет ни полслова.

[1] Сунь Ятсен — Мунаката Котаро, 16 июля 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 157–158.

[2] Сунь Ятсен — Миядзаки Торадзо, 12 сентября 1911 г. // Там же. С. 164–165.

Глава V

Год под знаками «синь-хай»

Кто руководил Синьхайской революцией?

В начале октября 1911 г. путешествовавший по США Сунь Ятсен получил шифрованную телеграмму, отправленную ему из Гонконга Хуан Сином. Но ключ к шифру был уже упакован в багаж, и д-р Сунь смог познакомиться с содержанием телеграммы только по прибытии в Денвер: «Цзюй Чжэн прибыл из Учана в Сянган и сообщил, что “Новая армия” непременно выступит; прошу срочно перевести деньги для неотложных нужд». Подумав, что немедля достать средства ему не удастся, Сунь Ятсен хотел уже дать ответную телеграмму, с указанием не начинать выступление, но, очень устав с дороги, решил отложить это до следующего дня. Утром по дороге в ресторан он купил местную газету и, сев за столик, развернул ее. В глаза ему сразу бросилось сообщение: «Учан захвачен революционной армией».

Ответ на вопрос дает Сунь Ятсен

До сравнительно недавнего времени задавать вопрос «Кто руководил Синьхайской революцией?» попросту не имело смысла: в любом учебнике для средней школы мы могли прочесть краткий, но не вызывающий каких-либо сомнений ответ: «Возглавляемая Сунь Ятсеном революционная организация “Объединенный союз”».

Первым, кто сформулировал этот тезис, был сам Сунь Ятсен.

Спустя две недели после начала военных действий в Учане он, отвечая на вопрос, заданный ему по поручению японского консула

в Нью-Йорке Мидзуно, заявил: «Нынешним восстанием в Китае руковожу я».[1]

Позднéе в своем «Учении Сунь Вэня» Сунь Ятсен следующим образом излагал события, связанные с Учанским восстанием:

> 29 марта 1911 года произошло революционное выступление в Гуанчжоу. В этом событии участвовали лучшие люди революционной партии, собравшиеся из всех провинций, чтобы дать последний бой чужеземным захватчикам. Хотя и это восстание окончилось неудачей, но славные подвиги 72 героев Хуанхуагана потрясли весь мир и способствовали складыванию в стране революционной ситуации. <...>
>
> Чэнь Инши[2], Сун Дуньчу[3], Тань Шипин[4] и Цзюй Цзяошэн[5], действуя под руководством сянганского штаба, еще раньше разрабатывали план помощи Гуанчжоу. Когда же мы потерпели в этом городе два поражения подряд, они перенесли свое внимание на Ухань. После того как я послал французского офицера для установления связи с расположенными в Ухане частями «Новой армии», революционные настроения стали расти там с каждым днем; эти части давно уже были готовы к выступлению.
>
> К сожалению, и цинские власти предпринимали все более суровые предупредительные меры. Дуань Фан перебросил свою армию в провинцию Сычуань, Жуй Чэн, наместник провинций Хунань и Хубэй, отдал наиболее революционно настроенные части под его командование, надеясь таким путем задушить восстание в зародыше.
>
> После Гуанчжоуского восстания по провинциям поползли тревожные слухи. Охваченным паникой цинским властям всюду мерещилось что-то подозрительное. Особенно тревожно было в Учане. Жуй Чэн заблаговременно договорился с консулом одной иностранной державы[6] о вводе в Ухань военных кораблей, которые должны были в случае выступления революционной партии открыть артиллерийский огонь. В это время было по нескольку тревог в день. Сунь У и Лю Гун вели энергичную работу, и в армии с нетерпением ждали сигнала к восстанию. Однако совершенно неожиданно провалился руководящий центр восстания. Более тридцати человек было арестовано. Узнав о происшедшем, Ху Ин, находившийся

[1] Консул Мидзуно — министру иностранных дел Утида, 26 октября 1911 г. // 段云章。孙文与日本史事编年 (*Дуань Юньчжан.* Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией). Гуанчжоу. 1996. С. 203.

[2] Чэнь Цимэй.

[3] Сунь Цзяожэнь.

[4] Тань Чжэнфэн.

[5] Цзюй Чжэн.

[6] Имеется в виду Япония.

тогда в учанской тюрьме, нашел способ предупредить Чэнь Инши, чтобы тот не приезжал.

В это время в артиллерийских и инженерных частях большинство солдат были членами революционной партии. Услышав, что захвачены списки революционеров и что аресты могут начаться с часу на час, они не могли больше ждать и подняли восстание, видя в этом единственный путь к спасению. Первым выступило подразделение Сюн Бинкуня, за ним поднялись отряды Цай Цзиминя и других, начав артиллерийский обстрел резиденции наместника.

При первых же выстрелах Жуй Чэн бежал в Ханькоу. Он обратился к иностранному консулу, о котором шла речь выше, с просьбой открыть, согласно уговору, артиллерийский огонь по повстанцам. Но поскольку по договору 1901 года ни одно государство не имело права действовать в Китае самостоятельно, было спешно созвано совещание консульского корпуса, чтобы принять большинством голосов соответствующее решение. Ни у кого из консулов не было сложившегося мнения. Французский консул господин Ро был моим старым знакомым, ему были известны цели нашей революции.

Уже в первый день Учанского восстания он сообщил всем обо мне и заявил, что выступление произошло по моему приказу. Председательствуя на совещании, французский консул настойчиво подчеркивал, что революционная группа Сунь Ятсена ставит своей целью совершенствование политического строя, что это вовсе не бессмысленный бунт и что нельзя расценивать нынешние события как выступление новой группировки вроде клики боксеров и идти на интервенцию. Русский консул, бывший в то время старшиной консульского корпуса, занял такую же позицию, и большинство присоединилось к ним. Было вынесено решение придерживаться принципа невмешательства; одновременно они обнародовали декларацию о нейтралитете.

Жуй Чэн, видя, что упомянутый выше консул нарушил договоренность и что он остался без всякой поддержки, бежал в Шанхай, за ним последовал и Чжан Бяо[1]. Таким образом, цинский двор выпустил из рук бразды правления, и наступило безвластие.

Что же происходило в это время в стане революционеров?

Сунь У, раненный при изготовлении взрывчатки, еще не поправился. Лю Гун не брался за руководство, а шанхайские товарищи прибыть не смогли. Тогда члены «Объединенного союза» Цай Цзиминь и Чжан Чжэньу заставили Ли Юаньхуна принять на себя обязанности губернатора провинции Хубэй.

[1] Командующий правительственными войсками в провинции Хубэй.

Порядок постепенно начал восстанавливаться, а вскоре подоспели Хуан Кэцян[1] и другие товарищи.

В это время стали подниматься провинции Хунань и Хубэй, и руководить движением из одного центра стало невозможно. Успехом в Учане мы были обязаны совершенно непредвиденному обстоятельству — бегству Жуй Чэна. Если бы он не сбежал, то, конечно, остался бы и Чжан Бяо, который не выпустил бы власть из своих рук, и порядок не был бы нарушен. Ведь в то время большая часть подразделений «Новой армии», дислоцированных в Учане и стоявших за революцию, была переброшена Дуань Фаном в провинцию Сычуань, в Учане же остались лишь

EXCELSIOR
Journal Illustré Quotidien
LA REVOLUTION CHINOISE -- AU PAYS DU SOULEVEMENT

Первая полоса парижской газеты «Excelsior» от 15 октября 1911 г.

[1] Хуан Син.

небольшие артиллерийские и инженерные подразделения (другие подразделения «новой армии», находившиеся в Учане, еще не определили своей позиции). Однако и эта, меньшая часть революционных войск Учана была поставлена под удар провалом штаб-квартиры восстания. Когда они решились поднять восстание, трудно было сказать, на чьей стороне будет успех. Их победа оказалась неожиданностью для них самих.

Вот уж поистине само Небо помогло ханьцам на погибель чужеплеменникам!

Когда мы мало-мальски закрепились в Учане, полное освобождение Уханя и окончательная победа революции во всей стране стали зависеть уже не столько от наших действий в самом Ухане, сколько от движения, которое должно было вспыхнуть во всех провинциях в ответ на Учанское восстание. Это понимали все наши товарищи. Поэтому, не сговариваясь, но согласованно, они продолжали сражаться каждый на своем участке, и не прошло и нескольких месяцев, как 15 провинций сбросили иго маньчжуров.

Наиболее горячо откликнулись тогда на наш призыв шанхайские товарищи, их деятельность оказала огромное влияние на развитие событий во всей стране. Особой активностью среди них отличался товарищ Чэнь Инши. Когда пал Ханькоу, Чэнь Инши немедленно, в свою очередь, овладел Шанхаем, открыв путь к Наньцзину, а когда был потерян Ханьян, наши товарищи захватили Наньцзин, чем еще более укрепили положение революционеров. Таким образом, действия одного нашего шанхайского товарища Чэнь Инши значили для революции больше, чем все операции, которые мы проводили в то время.[1]

Белов поправляет Сунь Ятсена

В 1972 г., когда хрущевская оттепель давно уже завершилась, известный отечественный специалист по Синьхайской революции Е. А. Белов выступил на конференции «Общество и государство в Китае» с докладом, который по всем правилам следовало в то время счесть опасным инакомыслием. Доклад назывался «О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания».

Назвав в начале доклада Сунь Ятсена «вождем Синьхайской революции» и упомянув о том, что оценки, данные им различным сторонам истории этого восстания, «впоследствии оказали большое влияние на работы гоминьдановских — да и не только гоминьдановских! — исто-

[1] *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. С. 278–281.

риков»[1], автор убедительно показал, что эти оценки серьезно искажают исторические факты.

Замечания Белова сводятся к семи пунктам.

Во-первых,

> Сунь Ятсен не указал, что Учанское восстание было подготовлено и возглавлено местными хубэйскими революционными организациями Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуем. О них вождь первой буржуазной революции не упоминает, а говорит только о членах Тунмэнхуя как о руководителях Учанского восстания. Этим Сунь Ятсен положил начало в гоминьдановской литературе неправильному толкованию роли Тунмэнхуя и местных хубэйских революционных организаций в истории Учанского восстания.[2]

Отметим, что этот момент в изложении Сунь Ятсеном истории Учанского восстания еще в 1952 г. отчасти исправила Л. В. Симоновская. Она писала, что «Тунмэн удалось связаться в своей работе с небольшими национальными организациями мелкой буржуазии, как то: Гунцзихой[3] (“Общество всеобщего прогресса”) и Жичжихой (“Общество каждодневных познаний”)»,[4] хотя и она в дальнейшем о роли этих организаций в подготовке Учанского восстания не упоминает.

Л. В. Симоновская (1902–1972)

Во-вторых,

> Сунь Ятсен в своем труде, который рассматривался впоследствии гоминьдановскими историками в качестве своеобразного образца по написанию истории буржуазно-революционного движения в Китае, не вскрыл причин победы восстания в Учане 10 октября 1911 г. Более того, он объяснял успех Учанского восстания случайностью. <...>

Как свидетельствуют многочисленные источники, конечно же, не «бегство Жуй Чэна» привело к «успеху в Учане», и никакой «неожиданности» в победе революционных солдат учанского гарнизона вечером 10 октября 1911 г. не было.

---

[1] *Белов Е. А.* О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания // III Научная конференция «Общество и государство в Китае». М. 1972. Вып. II. С. 259.

[2] Там же.

[3] Следует читать: Гунцзиньхуй (共进会) и Жичжихуй (日知会).

[4] *Симоновская Л. В.* Союз Тунмэн в китайской революции 1911–1912 г. // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М. 1952. С. 71.

Причина успеха Учанского восстания коренилась в многолетней упорной пропагандистской и организаторской деятельности хубэйских революционеров среди солдат Хубэйской новой армии.[1]

В-третьих,

> Сунь Ятсен неправильно интерпретировал переброску части хубэйских новых войск в Сычуань в сентябре 1911 г. <...>
>
> Источники твердо убеждают нас в том, что Жуй Чэн перебросил часть хубэйских новых войск в Сычуань не потому, что считал эти войска революционно настроенными, а потому, что считал их надежными для подавления народного движения в Сычуани. Хубэйский отряд войск численностью около 2 тыс. человек (вся же Хубэйская новая армия насчитывала 15–16 тыс.) из Уханя в Сычуань отправился 12 сентября, то есть тогда, когда ни Жуй Чэн, ни Дуань Фан еще ничего не знали о революционных настроениях в частях Хубэйской новой армии. <...>
>
> Мысль Сунь Ятсена о том, что «наиболее революционно настроенные воинские части» Хубэйской новой армии не находились в Учане 10 октября 1911 г., должна была подкрепить его положение о беспричинности бегства Жуй Чэна и, стало быть, о случайности «успеха в Учане».[2]

В-четвертых, по поводу того, что Чэнь Цимэй, Сун Цзяожэнь, Тань Жэньфэн и Цюй Чжэн перенесли свое внимание с Кантона на Ухань:

> Цзюй Чжэн, действительно, очень рано перенес «свое внимание на Ухань», ибо он был одним из видных (но не главным) лидером хубэйского Гунцзиньхуя — организации, подготовившей вместе с Вэньсюэшэ Учанское восстание. Что касается Чэнь Цимэя, Сун Цзяожэня и Тань Жэньфэна — лидеров Тунмэнхуя Центрального Китая, то они никогда не «переносили свое внимание на Ухань» в том плане, чтобы там, в Ухане, подготовить и провести восстание, которое положило бы начало революции в стране.
>
> Главный комитет Тунмэнхуя Центрального Китая, организации, созданной в Шанхае 31 июля 1911 г., ставил своей задачей подготовку революции в провинциях бассейна Янцзы (начало которой намечалось на 1913 год), не уточняя, где будет находиться основной революционный центр — в Ухане, Нанкине, Шанхае или Чэнду. Больше того, когда 17 сентября 1911 г. к Чэнь Цимэю, Сун Цзяожэню и Тань Жэньфэну в Шанхай приехали Цзюй Чжэн и Ян Юйжу в качестве представителей хубэйских революционных организаций и доложили вышеназванным лидерам

[1] *Белов Е. А.* О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания. С. 260.

[2] Там же. С. 261.

Тунмэнхуя Центрального Китая о том, что Ухань готов немедленно восстать, начать революцию, то последние отклонили план хубэйских революционеров, предложив отсрочить восстание в Ухане с тем, чтобы потом начать революцию одновременно в Учане, Нанкине и Шанхае.[1]

В-пятых,

о приезде в Ухань летом 1906 г. французского офицера Оуцзило[2]. Приезд последнего в Ухань был заметным эпизодом в деятельности одной из первых хубэйских революционных организаций — Жичжихуя (Общество воскресных знаний). Однако, как показывают источники, в том числе воспоминания Фань Хунсюня, Цао Ябо, Чжан Наньсяня и других активных деятелей Жичжихуя, он не оказал решающего влияния на деятельность этого революционного общества. Этот приезд тем более не оказал решительно никакого влияния на деятельность последующих революционных организаций, проводивших в 1907–1911 гг. самостоятельную активную работу в новых войсках, дислоцированных в Ухане.[3]

Этот вывод Белова правилен лишь отчасти. Визит французского капитана Озиля в Ухань в 1906 г. не оказал никакого влияния на подготовку восстания 1911 г., но он не мог быть и заметным эпизодом в деятельности местных революционеров, поскольку Озиль приезжал тогда в Ухань, будучи разведчиком группы Букабеля, а вовсе не для помощи хуйбэйским патриотам.

В-шестых,

Сунь Ятсен первым в китайской литературе поставил вопрос о том, почему хубэйские революционеры избрали Ли Юаньхуна главой Учанского республиканского правительства. <...>

Выдвижение Ли Юаньхуна Сунь Ятсен объясняет очень просто: в результате бегства Жуй Чэна и Чжан Бяо в Учане «наступило безвластие», а поскольку революционеры не нашли в своей среде такого человека, который бы смог восстановить порядок, то они вынуждены были для этой цели избрать командира 21-й смешанной бригады Ли Юаньхуна — третье после Жуй Чэна и второе после Чжан Бяо должностное лицо в Учане. Впоследствии гоминьдановские историки вышеприведенное объяснение Сунь Ятсеном причин выдвижения Ли Юаньхуна сформулируют очень кратко: революционеры «не имели лидера», и поэтому им пришлось на самый высокий пост в Учанском правительстве выдвинуть Ли Юаньхуна.

[1] Там же. С. 262–263.

[2] Следует читать: Озиля.

[3] *Белов Е. А.* О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания. С. 263.

Портрет Ли Юаньхуна на страницах парижской газеты (октябрь 1911 г.)

> Однако, <...> по свидетельству активных участников Учанского восстания Вань Хунцзе (члена Вэньсюэшэ) и Ху Цзушуня (члена Гунцзиньхуя), еще в апреле 1911 г., то есть за полгода до начала Учанского восстания, собрание революционеров, представлявших обе хубэйские организации — Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуй, наметило кандидатуру Ли Юаньхуна на пост дуду.[1]

Этот выявленный Беловым факт имеет принципиальное значение. Если на пост руководителя революционного правительства еще до начала вооруженного выступления был выдвинут не кто-то из лидеров «Объединенного союза», а человек, никакого отношения к нему не имевший, то уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы судить об истинной роли «Союза» в подготовке Учанского восстания.

Наконец, в-седьмых, о том, почему представители «Союза» не смогли прибыть в Учан к моменту начавшегося там восстания:

> Сунь Ятсен отвечает на этот поставленный им самим вопрос довольно просто и в сущности неверно. Он пишет: «Ху Ин, находившийся тогда

[1] Там же. С. 264.

в Учанской тюрьме, нашел способ предупредить Чэнь Инши (Чэнь Цимэя), чтобы тот не приезжал».

Историки КНР установили, что Ху Ин (член Тунмэнхуя, арестованный в 1907 г.) действительно послал в начале октября 1911 г. революционера Цэнь Вэйшэна в Шанхай сказать Чэнь Цимэю, Сун Цзяожэню и другим лидерам Тунмэнхуя Центрального Китая, чтобы те не ездили в Ухань, ибо, по мнению Ху Ина, в обстановке, когда хубэйские власти ввели в Учане военное положение, начинать там восстание нельзя. По словам самого Цэнь Вэйшэна, в Шанхай он приехал 8 октября, то есть за два дня до начала Учанского восстания. Однако, как мы уже указывали, к этому времени лидеры Тунмэнхуя Центрального Китая отклонили план руководителей хубэйских революционеров немедленно начать вооруженное восстание в Ухане (первоначально оно намечалось на 6 октября 1911 г.). Так что главная причина отказа руководителей Тунмэнхуя Центрального Китая приехать в Ухань заключалась не в «предупреждении» Ху Ина, а в их разногласиях с лидерами хубэйских революционеров по вопросу о месте и сроках начала революции.[1]

Проанализировав все приведенные факты, автор доклада задает вопрос: почему очень важные моменты истории Учанского восстания Сунь Ятсеном были освещены ошибочно или неточно?

Быть может, отчасти это можно объяснить незнанием некоторых фактов из истории этого восстания. Сунь Ятсен в течение пяти лет, предшествовавших Учанскому восстанию, совсем не был связан организационно с деятельностью хубэйских революционеров. Больше того, он до вечера 11 октября 1911 г. ничего не знал о том, что в Учане подготовлено восстание (о самом восстании он узнал утром 12 октября). Совершенно оторванный в течение многих лет от хубэйского революционного центра, Сунь Ятсен, вероятно, мог и не знать некоторых деталей истории подготовки восстания в Учане. Но, разумеется, на наш взгляд, Сунь Ятсен не мог не знать таких ярких (и известных в Китае в период Синьхайской революции) фактов из истории Учанского восстания, как существование хубэйских революционных организаций — Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуя, их роли в подготовке и проведении этого восстания. В апреле 1912 г. Сунь Ятсен посетил Учан, где имел беседы с участниками Учанского восстания. В октябре 1912 г. в гоминьдановской газете «Миньчжубао» было опубликовано коллективное письмо большой группы членов Вэньсюэшэ, в котором давалась история этой революционной организации и подчеркивалась та мысль, что Вэньсюэшэ наряду с Гунцзиньхуем являлось руко-

[1] Там же. С. 265–266.

водителем Учанского восстания. Публиковались и другие материалы об Учанском восстании.

Тогда в чем же главная причина такой однобокости суньятсеновского описания истории Учанского восстания?

Ответ автора на заданный им вопрос нетривиален:

> Нам думается, что эта причина кроется в том, что Сунь Ятсен строил содержание своего очерка о китайской революции исходя из того, чтобы исторически обосновать необходимость существования единого революционного центра в Китае. Ведь он писал свою работу («Учение Сунь Вэня») для того, чтобы вдохновить, собрать, объединить под своим руководством революционеров всего Китая для борьбы за освобождение его от гнета феодальных милитаристов и иностранного империализма. Видимо, Сунь Ятсен боялся, что упоминание о Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуе, которые проводили в течение ряда лет фактически независимую от руководства Тунмэнхуя революционную деятельность и самостоятельно начали и провели Учанское восстание, может способствовать возникновению полицентризма в революционном движении Китая[1].

С этим выводом вполне можно согласиться, за исключением одного нюанса: упоминание об «антиимпериализме» Сунь Ятсена было в этой ценной работе Белова данью господствующей тогда официальной версии. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Профессор Нанькайского университета ставит все точки над «i»

Ли Синьюй

Спустя четыре десятилетия после того заседания научной конференции «Общество и государство в Китае», на котором прозвучал весьма смелый для своего времени вывод о том, кто же в конце концов был руководителем Синьхайской революции, в китайском журнале была напечатана статья, окончательно поставившая, с нашей точки зрения, эту тему с головы на ноги. Автор статьи, профессор Ли Синьюй, излагал свои мысли без экивоков и расшаркиваний. Для начала он привел то, что об этом сказано в авторитетном энциклопедическом словаре «Цыхай», а затем написал:

> Так об этом говорится в энциклопедиях, так же об этом сказано в учебниках, так же в статьях и точно так же в увесистых исторических иссле-

[1] Там же. С. 266–267.

дованиях. Для того чтобы изложить вопрос о Синьхайской революции, нужно сначала рассказать о том, как Сунь Ятсен создавал заграницей революционные организации, как он пропагандировал революционные идеи, как он возглавил свое первое вооруженное выступление, и только после этого можно перейти к Учанскому восстанию и объявлению независимости провинциями, а потом речь должна пойти о том, как Сунь Ятсен был избран Временным президентом. Далее следует упомянуть факт уступки Сунь Ятсеном поста президента Юань Шикаю, но на этом конец истории: Синьхайская революция «потерпела поражение». Повествование ведется весьма искусно, и нет необходимости говорить о том, что вывод напрашивается сам — главным действующим лицом в Синьхайской революции был Сунь Ятсен и возглавляемый им «Объединенный союз», а руководил Синьхайской революцией, разумеется, Сунь Ятсен. Все почести — императору или вождю. Это наша традиция, и преодолеть ее в сознании простых людей непросто.[1]

Сказанное не означает, продолжает автор, что он ставит своей целью принизить историческую роль Сунь Ятсена и созданного им «Объединенного союза». Однако пропагандировать революционные воззрения — это одно, руководить Синьхайской революцией — это другое, и первое не следует смешивать со вторым.

Если речь идет конкретно об Учанском восстании, то его готовили и руководили им две революционные организации — «Литературное общество» (Вэньсюэшэ 文学社) и «Союз всеобщего прогресса» (Гунцзиньхуй 共进会).

«Литературное общество» объединяло не любителей изящной словесности, а солдат и офицеров «Новой армии», которая была создана по прусскому образцу в первые годы XX века для защиты интересов отживающей свой век маньчжурской династии, но выглядела вполне современно.

В отличие от «Объединенного союза», претендовавшего на роль общекитайского лидера, «Литературное общество» не действовало за рубежами страны, не организовывало массовых сходок и не издавало газет. Оно работало втайне от посторонних глаз и не имело контактов с «Объединенным союзом».

Последним «Общество» отличалось от «Союза всеобщего прогресса», организованного в 1907 г. в Японии представителями нескольких провинций — Лю Гуном, Цзюй Чжэном и Сунь У от Хубэя, Чжан Байсяном

[1] 李新宇。是谁领导了辛亥革命? (*Ли Синьюй.* Кто руководил Синьхайской революцией?) // Минцзо синьшан. 2011. № 16. С. 41.

от Сычуани, Цзяо Дафэном от Хунани, Дэн Вэньхуем от Цзянси и др. Поскольку дело было в Японии, они неизбежно были в той или иной степени связаны с «Объединенным союзом», хотя и представляли собой самостоятельную организацию.

Цзяо Дафэн (1886–1911)

Об этом красноречиво говорит такой эпизод. Хуан Син упрекал Цзяо Дафэна за то, что он и его товарищи создали группу, независимую от «Объединенного союза», тот отвечал: «Мы идем разными путями, но к общей цели. Что же в этом плохого?» Хуан Син не сдавался: «Но должен же кто-то возглавлять наше движение к этой цели?» Цзяо Дафэна этот вопрос не смутил: «Вы добьетесь бóльших успехов — мы будем подчиняться вам, а будет наоборот — вам придется подчиняться нам».[1]

Весьма показательно, что даже устав обоих «Союзов» не был идентичен. В первом случае в нем говорилось о «равных правах на землю», во втором — о «равноправии людей». Выступали члены «Союзов»

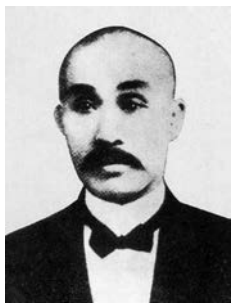
В этом здании в 1911 г. функционировало Хубэйское военное правительство

[1] Там же. С. 42.

под разными знаменами (вопреки утверждению Л. В. Симоновской)[1]: над Учаном, захваченным восставшими, реяли флаги не «Объединенного союза», а полотнище с восемнадцатью звездами, символизировавшее 18 провинций Китая.

Сюн Бинкунь

Учанское восстание было подготовлено руководителями «Литературного общества» и «Союза всеобщего прогресса», но в силу непредвиденных обстоятельств во главе восставших солдат 10 октября 1911 г. стояли не эти, а совсем другие лица. Весь день бразды руководства восстанием были в руках сержанта Сюн Бинкуня. Лишь около 10 часов вечера, когда арсенал был уже в его руках и правительственные войска понесли значительные потери, а их боевой дух был подорван, он передал командование восставшими младшему офицеру У Чжаолиню.



У Чжаолинь

После этого началась атака на резиденцию наместника, и Учан был полностью захвачен. В тот же день был создан политический центр во главе с Цай Цзиминем, принявший важные решения: о создании Военного правительства, о провозглашении Китая республикой и об обращении к провинциям с призывом начать военные действия против Пекинского правительства. После этого Ли Юаньхун официально принял присягу в качестве главы Военного правительства провинции Хубэй.

Ли Юаньхун

Руководители шанхайской штаб-квартиры «Объединенного союза» добрались до Учана лишь после того, как вопрос о создании Военного правительства был решен и роли в нем распределены: Тань Жэньфэн и Цзюй Чжэн — 15 октября, Хуан Син и Сун Цзяожэнь — 28 октября. Попытка объявить Хуан Сина военным губернатором провинций Хунань и Хубэй, тем самым подчинив ему Ли Юаньхуна, закончилась неудачей. В результате он

[1] *Симоновская Л. В.* Союз Тунмэн в китайской революции 1911–1912 г. С. 73.

был назначен командующим Революционной армией, став таким образом подчиненным Ли Юаньхуна.[1]

Свою статью Ли Синьюй заканчивает словами:

> Революция совершилась. Ее руководители и участники принадлежали к различным группировкам, и этот факт изменить невозможно, вне зависимости от того, признаем ли мы его или нет.[2]

Возвращаясь к тому, как события Учанского восстания излагал Сунь Ятсен, можно констатировать, что он был прав, говоря: «Полное освобождение Уханя и окончательная победа революции во всей стране стали зависеть уже не столько от наших действий в самом Ухане, сколько от движения, которое должно было вспыхнуть во всех провинциях в ответ на Учанское восстание».

Движение это действительно вспыхнуло, и одна провинция за другой объявляли о своей независимости от маньчжурского двора. Руководили ими люди различных убеждений, которых объединяло лишь одно — стремление освободиться от векового господства иноплеменников.

В абсолютном большинстве случаев во главе восстаний в провинциях стояли офицеры «Новой армии», но когда дело доходило до создания правительств, они, не будучи искушены в делах административного управления населением, привлекали себе в помощь более или менее опытных политиков.

Поэтому немалый вклад в общий успех Синьхайской революции внесли и те, кого у нас принято было называть «прожженными политиканами».

Среди последних был, в частности, Тан Хуалун, назначенный гражданским губернатором провинции Хубэй, а затем в 1912 г. включенный Сунь Ятсеном в состав своего правительства. В общей сложности из 9 министров этого правительства 6 были «либералами» и только 3 — членами «Объединенного союза».[3]

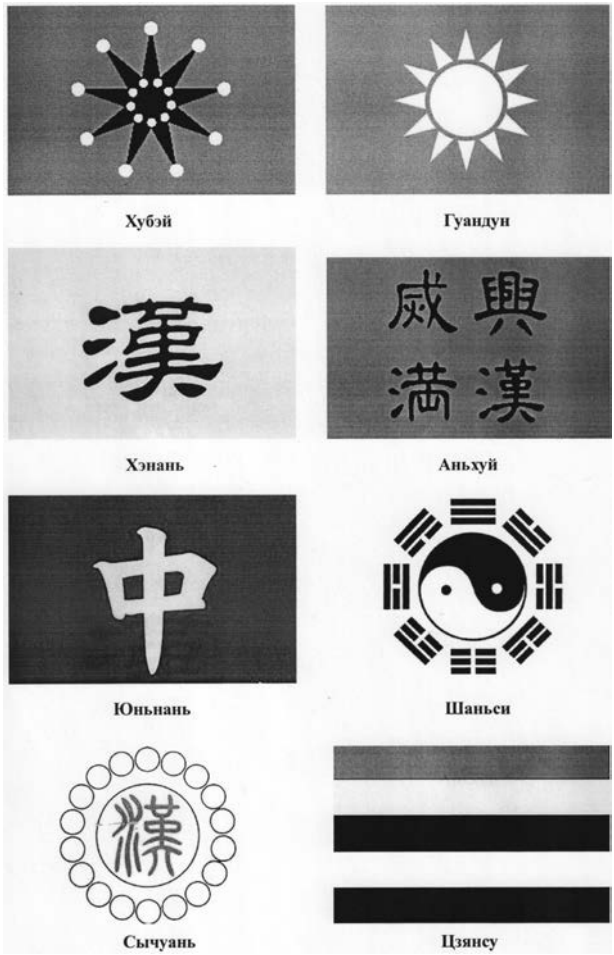
Тан Хуалун (1874–1918)

Весьма показателен и такой факт. Создававшиеся в освободившихся от власти Пекина провинциях революционные армии и организуемые ими правительства выступали под разными флагами, и знамя

[1] *Ли Синьюй.* Кто руководил Синьхайской революцией? С. 43.

[2] Там же.

[3] Там же.



Знамена революционных правительств некоторых независимых провинций Китая

«Объединенного союза» реяло только над правительственными зданиями в Гуандуне.

Приведенные выше флаги провинциальных правительств можно разделить на три категории.

Изображения на флагах первой из них не связаны с идеей создания «государства ханьской нации». Хотя «Объединенный союз» исповедовал эту идею, 12 лучей солнца на его знамени соответствовали числу месяцев в году.

В отличие от него, абсолютное большинство флагов независимых провинций так или иначе символизировало изгнание «варваров» и восстановление власти китайцев-хань. Это выражалось либо словесно (иероглифы 汉 ‘хань’ на флагах Хэнани и Сычуани, 灭满兴汉 ‘уничтожим маньчжуров, восстановим хань’ в провинции Аньхуй).

И только флаг, принятый после взятия Нанкина 2 декабря 1911 г., принципиально отличался от всех других: он пропагандировал идею провозглашения «государства пяти наций». И это вовсе не было случайностью. Традиция утверждает, что эскиз пятицветного флага был начертан Чжао Фэнчаном, сторонником конституционной монархии, принимавшим участие в заседании 4 декабря в Нанкине. Принятие именно этого варианта нового флага знаменовало важный исторический сдвиг от «расовой революции» со всеми ее отрицательными последствиями в сторону идеи многонационального государства.

Разнобой в отношении флагов имел еще одно проявление.

Военные правительства различных провинций выпускали монету каждое на свой лад. Приведем пример из нашей нумизматической коллекции (см. илл. справа).

Более того, в провинциях, декларировавших свою независимость от Пекина, использовались различные системы летоисчисления.

Монеты местной чеканки
1 — провинция Цзянси;
2 — провинция Сычуань

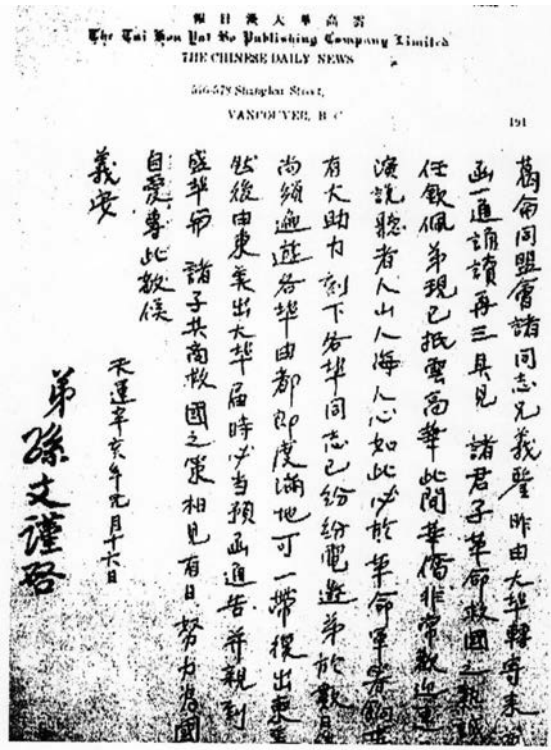
Популярным был отсчет времени со дня рождения мифического императора Хуанди, считавшегося первопредком всех китайцев-хань [1911 г. = 4609 г.]; кроме этого в ходу были наименования лет, обозначаемых сочетаниями двух циклических знаков [1911 г. = год *синь-хай*], причем перед ними зачастую ставились имитации девиза правления — 天运 *Тяньюнь*, 大汉 *Дахань* и т. п.

Подводя итоги Синьхайской революции, В. И. Данилов писал:

> В большинстве районов победа была одержана под руководством местных организаций Лиги[1]. Только в двух провинциях (Чжэцзян и Гуандун) Лига не принимала участия в событиях и объявление самостоятельности произошло под руководством либералов. <...> О большом влиянии Лиги свидетельствует тот факт, что из 14 провинций, провозгла-

[1] Имеется в виду «Объединенный союз».

1



2

3

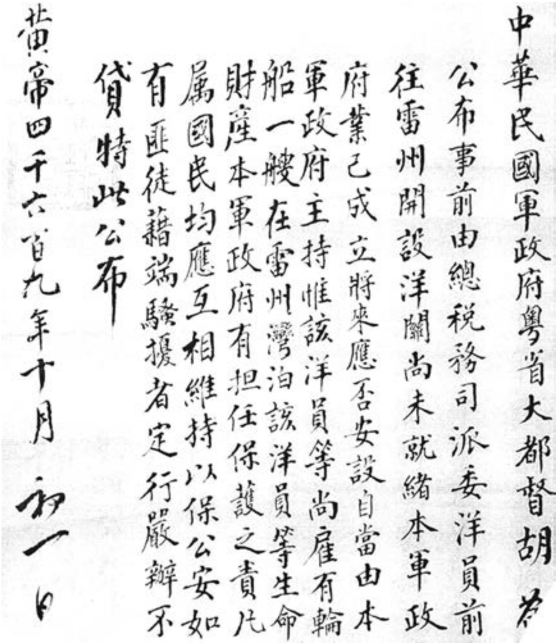
Документы, датированные «девизом» *Тяньюнь*
(1 — письмо Сунь Ятсена; 2 — доверенность, выданная Сунь Ятсеном Миядзаки Торадзо; 3 — облигация, выпущенная в провинции Гуандун)

1

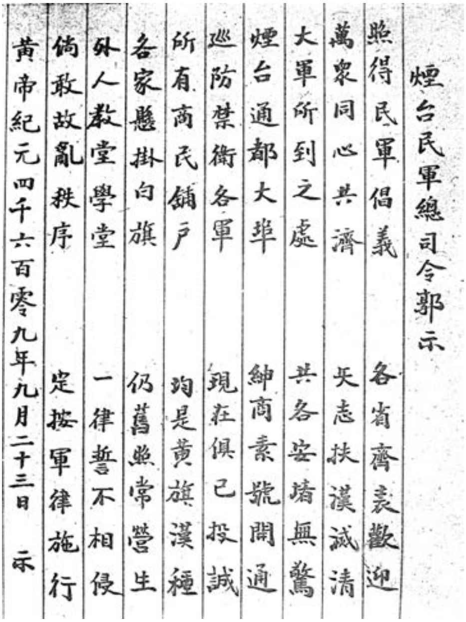
2

Документы, датированные «девизом» *Дахань*
(1 — свидетельство об окончании школы; 2 — купчая крепость)

1


中華民國軍政府粵省大都督胡為
公布事前由總稅務司派委洋員前
往雷州開設洋關尚未就緒本軍政
府業已成立將來應否安設自當由本
軍政府主持惟該洋員等尚雇有輪
船一艘在雷州灣泊該洋員等生命
財產本軍政府有担任保護之責凡
屬國民均應互相維持以保公安如
有匪徒藉端騷擾者定行嚴辦不
貸特此公布
黃帝四千六百九年十月初一日

2


煙台民軍總司令郭示
照得民軍倡義　各省齊表歡迎
萬衆同心共濟　矢志扶漢滅清
大軍所到之處　共各安堵無驚
煙台通都大埠　紳商素號開通
巡防禁衛各軍　現在俱已投誠
所有商民鋪戶　均是黃旗漢種
各家懸掛白旗　仍舊照常營生
外人教堂學堂　一律誓不相侵
倘敢故亂秩序　定按軍律施行
黃帝紀元四千六百零九年九月二十三日　示

3

上海縣民政長令據
本圖　字圩　則田
圖糧戶　完納
貳升陸合
除備存查外合給執照歸農
黃帝紀元四千六百九年　月　日給
民政長
此串如有舛錯隨時呈請更正
第　號

Документы, датированные 4609 г. летоисчисления Хуанди (1 — приказ Военного правительства провинции Гуандун; 2 — приказ командующего армией уезда Яньтай; 3 — расписка начальника уезда Шанхай)

сивших самостоятельность, в 7 были созданы правительства, состоящие только из членов Лиги, в 5 они поделили власть с либералами, и лишь в 2 провинциях либералам удалось полностью устранить представителей Лиги от участия в правительствах.[1]

Г. В. Ефимов приводит на этот счет другие данные[2]:

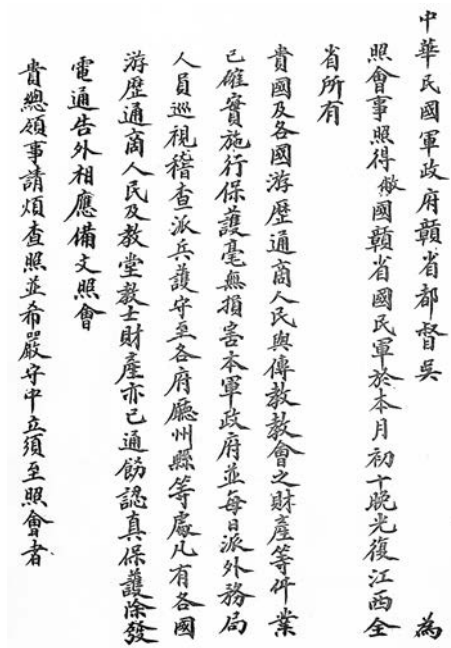
Название провинции	Военный губернатор (дуду)	Пост, партийность
Хубэй	Ли Юань-хун	Бригадный командир, впоследствии лидер Прогрессивной партии (буржуазно-помещичьей, проюаньшикаевской ориентации)
Хунань	Тань Янь-кай	Либерал - конституционалист. Председатель провинциального совещательного комитета
Шэньси	Чжан Фэн-хуй	Батальонный командир
Цзянси	Пэн Чэн-вань	Член Объединенного союза
Шаньси	Янь Си-шань	Бригадный командир, впоследствии один из лидеров гоминьдана [56]
Юньнань	Цай Э	Бригадный командир. Один из лидеров Единой республиканской партии, впоследствии гоминьдановец
Гуйчжоу	Ян Цзинь-чэн	Военный деятель
Цзянсу (Шанхай)	Чэнь Ци-мэй	Видный деятель Объединенного союза
Цзянсу (Сучжоу)	Чэн Дэ-цюань	Губернатор провинции. В ноябре 1911 г. вступил в Объединенный союз
Чжэцзян	Тан Шоу-цянь	Либерал - конституционалист, председатель провинциального совещательного комитета
Гуанси	Шэнь Бин-кунь	Губернатор провинции
Аньхуй	Сунь Юй-юнь	Член Объединенного союза
Фуцзянь	Сунь Дао-жэнь	Бригадный командир
Гуандун	Ху Хань-минь	Видный деятель Объединенного союза
Шаньдун	Сунь Бао-ци	Губернатор провинции при Цинах
Сычуань (Чунцин)	Чжан Пэй-цзюэ	Член Объединенного союза
Сычуань (Чэнду)	Инь Чан-хэн	Военный деятель, впоследствии гоминьдановец

Впрочем, и эти сведения (они даны по состоянию на 1 декабря 1911 г.) требуют небольшого уточнения.

[1] *Данилов В. И.* «Объединенная революционная Лига Китая» и ее роль в подготовке революции 1911–1913 гг. М. 1959. С. 149–150.

[2] *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913 гг. М. 1974. С. 192.

Сразу же после восстания правительство провинции Цзянси возглавил командующий бригадой «Новой армии» У Цзечжан. Затем его сменил член «Союза» Пэн Чэнвань. Однако уже в начале декабря последний уступил свое место командиру полка Ма Юйбао.[1]



中華民國軍政府贛省都督吳
為
照會事照得敝國贛省國民軍於本月初十晚光復江西全
省所有
貴國及各國游歷通商人民與傳教教會之財產等件業
已確實施行保護毫無損害本軍政府並每日派外務局
人員巡視稽查派兵護守至各府廳州縣等處凡有各國
游歷通商人民及教堂教士財產亦已通飭認真保護除發
電通告外相應備文照會
貴總領事請煩查照並希嚴守中立須至照會者

Обращение к державам главы Военного правительства провинции Цзянси У Цзечжана

В одной из своих книг советский историк В. Н. Кучумов утверждал, что ему удалось «развенчать буржуазно-помещичий миф» о том, что Синьхайской революцией руководила армия.[2] Трудно сказать, какое отношение к констатации данного факта имели помещики и буржуи, но то, что сам по себе он не является мифом, — это несомненно.

Сунь Ятсен вернулся в Китай, когда судьба маньчжурской династии была уже предрешена. «Объединенный союз», от руководства которым Сунь Ятсен отказался еще в 1910 г., существенной роли в Синьхайской революции не сыграл.

[1] Там же. С. 121.

[2] *Кучумов В.* Очерки по истории китайской революции. М. 1934. С. 10.

Переговоры Севера с Югом

Не исключено, что после того, как Учан был захвачен восставшими, дальнейшие события могли развиваться по какому-то иному сценарию, если бы при дворе не приняли решения вернуть во власть опального Юань Шикая, назначив его наместником провинций Хунань, Хубэй, Гуандун и Гуанси, а затем — и главой Пекинского правительства.

Для Юань Шикая это вовсе не было неожиданностью.

Еще в июне 1911 г., когда известный политик-конституционалист Чжан Цзянь навестил своего опального друга на его родине, Юань Шикай сказал ему:

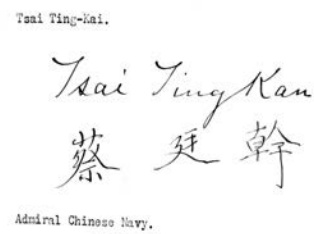
> Когда наступит этот день, и я милостью Его Величества буду возвращен из ссылки, я во всем буду действовать исходя из того, чего желает народ. Иными словами говоря, следуя твоему совету. Но тебя я прошу объяснять это людям и действовать заодно со мной.[1]

Юань Шикай терпеливо ждал своего часа

Миссия Лю Чэньэня и Цай Тинганя

Сразу же после назначения Юань Шикая наместником четырех провинций его подчиненный Лю Чэнъэнь получил предписание обратиться к Ли Юаньхуну с предложением начать переговоры о перемирии. Ответа не последовало, и тогда Юань Шикай сам написал главе Хубэйского правительства. Ли Юаньхун ответил согласием, в свою очередь выдвинув далеко идущую идею: если Юань Шикай поддержит восставших, он наверняка одержит верх на грядущих выборах первого президента Китайской республики.[2]

10 ноября 1911 г. Лю Чэнъэнь и ближайший помощник Юань Шикая Цай Тинган направились в Учан для переговоров с южанами.



Визитная карточка Цай Тинганя

[1] 刘厚生。张謇传记 (*Лю Хоушэн.* Биография Чжан Цзяня). Пекин. 1958. С. 181.

[2] 張國淦。辛亥革命史料 (*Чжан Гогань.* Документы Синьхайской революции). Пекин. 1958. С. 279.

О том, какие вопросы обсуждались во время этих переговоров, нам известно со слов австралийского журналиста Дж. Моррисона, получившего эту информацию непосредственно от Цай Тинганя.[1]

На протяжении многих лет Цай Тингань был верным сторонником Юань Шикая. <...>

Будучи назначен Юань Шикаем в качестве делегата на переговорах с революционным лидером ради достижения компромисса, он приехал в Учан, где был принят со всеми почестями и в сопровождении двух официальных лиц отвезен в карете в новое здание Провинциальной ассамблеи. <...>

Цай Тингань (1861–1935)

По прибытии в ассамблею ему были оказаны знаки внимания, предложена чашка чая, после чего его сопроводили в зал, где началась дискуссия с 40 делегатами, и усадили на почетное место.

Он обратил внимание на то, что делегаты представляли все провинции, расположенные в бассейне Янцзы, а не только Хунань и Хубэй. Большое впечатление произвел на него возраст делегатов: Ли Юаньхун в свои 48 лет (по китайскому счету) был самым пожилым из них.

Цай Тинкая попросили изложить суть дела. Он заявил, что приехал как представитель наместника, чтобы восстановить мир и, если это будет возможно, добиться компромисса. Он настаивал на том, что республиканская форма правления не соответствует условиям Китая, указывая на то, какая опасность может возникнуть, если каждая провинция станет республикой в составе федерации. Что сможет предотвратить отделение той или иной провинции? Кто удержит отделяющуюся провинцию в рамках объединенного Китая? <...> Он указал на то, что, по мнению Юань Шикая, ограниченная монархия является лучшей гарантией сохранения единства страны. При этом будут учтены все реформы, предлагаемые революционной партией.

Затем начали выступать представители южных провинций, единодушно полагавшие, что правящая династия должна быть низложена, потому что «нельзя верить ни одному ее слову». В Китае должна быть создана республика — по образцу Соединенных Штатов с их президентской формой правления либо Франции с некоторыми модификациями, которые можно заимствовать у Швейцарии. В любом случае президент

[1] The Correspondence of G. E. Morroson. I. Cambridge. 1976. P. 661–666.

должен избираться народом и исполнять свои обязанности в течение трех лет.

В ответ Цай Тинган указывал на то, что конституционная монархия в том виде, в каком она существует, например, в Англии, является самой устойчивой формой государственного устройства, тогда как в республиках Южной Америки революции происходят каждые два-три года.

Общее впечатление, которое сложилось у Моррисона после разговора с Цай Тинганем, сводилось к следующему: во-первых, учреждение в Китае конституционной монархии нереально; во-вторых, даже Цай Тинган, доверенное лицо Юань Шикая, не поддерживает идею сохранения маньчжурской династии; в-третьих, окружение императора Сюаньтуна, по-видимому, также отдает себе отчет в том, что дни династии сочтены.[1]

Юань Шикай и Цай Тинган[2]

Переговоры Ляо Юйчуня с Гу Чжунчэнем

27 ноября правительственным войскам удалось взять Ханьян и начать обстрел Учана.

После падения Ханьяна положение восставших резко ухудшилось, и Хуан Син, командующий армией Юга, решает предпринять попытку

[1] Ibid. P. 665–666. Подробно о роли Цай Тинганя в переговорах Юань Шикая с революционными лидерами и в последующих событиях см.: 赵立彬、冯丽萍。蔡廷干与清末民初政局 (*Чжао Либинь, Фэн Липин.* Цай Тинган и политическая ситуация в конце эпохи Цин — начале Республики) // Сюйчжоу шифань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). 2011. Т. 37. № 1. С. 8–14.

[2] С этой фотографией произошли те же пертурбации, что и со многими другими графическими документами истории: на первой полосе еженедельника «Illustrated London News» от 31 августа 1912 г. на месте китайца Цай Тинганя каким-то необъяснимым образом оказался англичанин Дж. Моррисон (в том же преображенном виде фотография была перепечатана в публикации The Correspondence of G. Morrison. Vol. 2. Cambridge. 1976). Подробнее об этой фальсификации см.: 徐家宁。修改照片: 一门历史悠久的手艺 (Препарирование фотографий: отрасль искусства, имеющая длительную историю) // https://xw. qq.com/iphone/m/category/ ee45c5e7b878c30a7f870d4024076553.html.

достичь перемирия. Несмотря на достигнутый успех, Дуань Цижуй, командующий армией Севера, руководствуясь общей стратегией Юань Шикая, также делает в это время шаги в сторону переговоров.

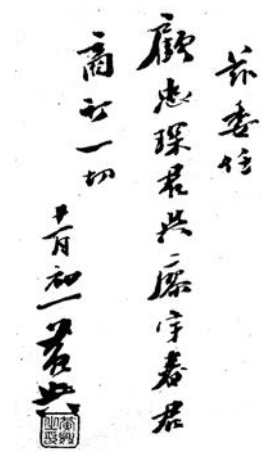
В середине декабря в Шанхай прибыл начальник Баодинской военной школы Ляо Юйчунь, вступивший в контакт с начальником штаба Цзянсу-Чжэцзянской группировки Гу Чжунчэнем.

Последний сообщил об этом Хуан Сину, и тот выдал ему мандат на переговоры с Ляо Юйчунем.

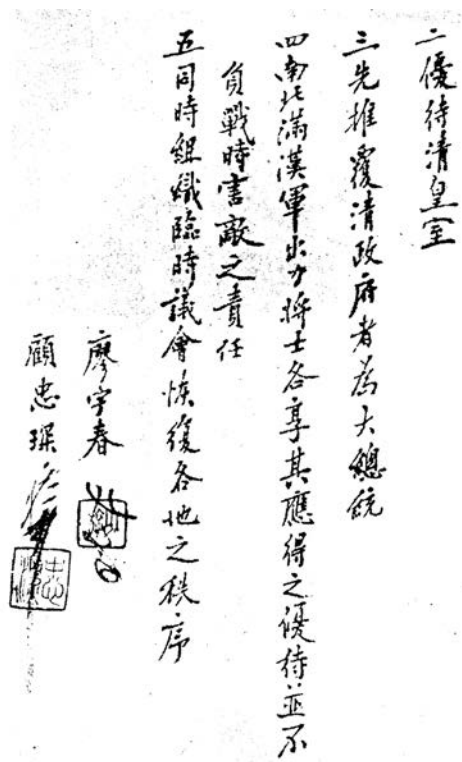
20 декабря стороны достигли договоренности, зафиксированной в следующем соглашении:

Пункт 1. Декларируется республиканская форма государственного строя.

Пункт 2. Гарантируются благоприятные условия отречения цинского императорского дома.



Подписанный Хуан Сином мандат Гу Чжунчэня



Соглашение, подписанное в результате переговоров Ляо Юйчуня и Гу Чжунчэня

Пункт 3. Тот, кто низложит цинское правительство, становится президентом республики.

Пункт 4. Маньчжуры и китайцы — офицеры и солдаты армий Юга и Севера — не несут ответственности за ущерб, причиненный во время войны противоположной стороне.

Пункт 5. В провинциях созываются временные парламенты, призванные поддержать порядок в стране.[1]

Официальные переговоры в Шанхае

Еще задолго до того, как Ляо Юйчунь встретился с Гу Чжунчэнем, возглавляемое Юань Шикаем цинское правительство, с одной стороны, и руководители революционного лагеря — с другой, начали подготовку к официальным переговорам.

Кого назначить главой делегации на переговорах с Югом — в этом вопросе у Юань Шикая не было сомнений. Он рассчитывал на своего давнего сослуживца Тан Шаои, а его заместителем хотел видеть известного ученого-просветителя Янь Фу. Однако Янь Фу от предложения представлять маньчжурский двор отказался и ограничился тем, что дал Юань Шикаю несколько советов. Цель переговоров, по его мнению, заключалась в том, чтобы склонить делегацию Юга к принятию решения о создании в Китае конституционной монархии. В этом у него с Юань Шикаем расхождений не было.

4 декабря делегаты южных провинций приняли в Ухане решение начать переговоры с Севером и назначили своим полпредом У Тинфана. Через несколько дней Юань Шикай, еще не зная об этом решении, уполномочил Тан Шаои быть на переговорах делегатом Севера.

У Тинфан (1842–1922)

Так за один стол с двух его противоположных концов должны были сесть опытные дипломаты, бывшие коллеги по Министерству иностранных дел. Один из них был старше другого на целых 20 лет. Но оба они верили в то, что новый Китай должен быть демократической

[1] 錢基博。辛亥南北議和和別記 (*Цянь Цзибо.* Синьхайская революция: мирные переговоры Юга и Севера) // 辛亥革命 (Синьхайская революция). Шанхай. 1957. Т. 8. С. 103.

Тан Шаои (1862–1938)

Чжао Фэнчан (1856–1938)

республикой, хотя один из них мог говорить об этом вслух, тогда как другой вынужден был *ex officio* отстаивать противоположный тезис.

Большую роль в подготовке переговоров сыграл тогда Чжао Фэнчан, которого неслучайно называли впоследствии «повивальной бабкой Республики».

Переговоры должны были происходить в Ханькоу. Однако когда Тан Шаои прибыл туда, выяснилось, что обосновавшиеся в Шанхае руководители «Объединенного союза» не согласны с этим выбором и настаивают на проведении переговоров в Шанхае.

Тан Шаои пришлось срочно запрашивать мнение Юань Шикая. Тот под давлением дипломатического корпуса вынужден был согласиться, и Тан Шаои отправился в Шанхай.

Переговоры начались 18 декабря. Сохранилась стенографическая запись заседаний, позволяющая во всех деталях восстановить ход дискуссии.[1]

18 декабря на первом заседании обе стороны прежде всего обсудили вопрос о продлении перемирия.

Затруднение заключалось в том, что в провинции Шаньси возобновились военные действия, и стороны обвиняли друг друга в том, кто первым нарушил перемирие. В конце концов было решено не выяснять отношений, а телеграфировать военному главнокомандованию Севера и Юга и рекомендовать отдать приказ о прекращении взаимных столкновений.[2]

20 декабря состоялось второе заседание, посвященное проблеме будущего государственного строя Китая. Острой дискуссии по этому вопросу не получилось.

[1] 南北代表会议问答速记录 (Стенограмма переговоров представителей Севера и Юга) // https://www.wenku365.com/p-20579726.html.

[2] Там же.

У Тинфан: Раньше я тоже выступал за конституционную монархию, полагая, что Китай еще не готов к конституционной республике. Но сейчас положение в стране радикально изменилось. Республика и демократия сегодня в Китае осуществимы. Это всеобщее мнение. Не только студенты так думают, но и их профессора, раньше считавшиеся ретроградами, также присоединяются к голосу масс.

Почему так? Коль скоро возможна конституция, то возможна и республика, ведь разница заключается лишь в выборах президента. Ныне консультативные органы в провинциях и консультативный юань в Пекине уже избираются народом, так почему же трудно избрать президента? Подобное рассуждение я считаю вполне справедливым.

Ныне ситуация в стране принципиально изменилась. Авторитарный монархический строй Цинской династии существует уже более 200 лет. Зачем нужно сохранять его и далее? К тому же императоры — не китайцы. Находясь на троне более 200 лет, они довели Китай до того плачевного состояния, в котором он находится сегодня.<...>

Сегодня Китаю необходима демократия, нужно, чтобы простые люди избирали президента, чтобы создать всё заново. С моей точки зрения, это совершенно справедливое требование. То, о чем мы с Вами дискутируем, касается будущего государства, а не одной нации, провинции или уезда.

К тому же учреждение демократического строя весьма выгодно и для маньчжуров. Речь идет лишь об отречении императора, а обращение с остальными маньчжурами, в том числе и с родственниками императора, будет нормальным.

Сегодня маньчжурам, живущим в столице, запрещено заниматься торговлей, а после преобразований ни маньчжуры, ни китайцы не будут испытывать унижений. В будущем и маньчжур сможет быть избран президентом. Так зачем же маньчжуры выступают за сохранение нынешней династии?! <...>

Тан Шаои: Мы, прибывшие из Пекина, вовсе не против конституционной республики.

У Тинфан: Вот и прекрасно!

Тан Шаои: <...> Хуан Син телеграфировал правительству Юань Шикая: если он поддержит создание республики, он может быть избран президентом. Эта телеграмма была передана Юань Шикаю через Ян Ду. Юань Шикай ответил, что этого он сделать не может и предоставляет это Хуан Сину. [Может создаться впечатление, что] Юань Шикай выступает за продолжение войны, только не может прямо сказать об этом.

Идея конституционной республики овладела умами масс, и мы, китайцы, все поддерживаем ее. Однако необходима подходящая процедура, которая позволит решить проблему мирным путем, чтобы избежать сопротивления со стороны маньчжурского двора.

> Должен добавить, что моя приверженность республиканской идее сформировалась раньше, чем у Вас, потому что я воспринял ее еще в годы учебы в Америке. Сейчас мы обсуждаем этот вопрос не потому, что я выступаю против республиканских принципов, а только потому, что необходимо найти способ мирного достижения цели.[1]

На третьем заседании 29 декабря обсуждался вопрос о гарантиях, которые должен был получить император в случае его отречения от престола.

Было принято решение о последующем созыве Национального собрания, призванного избрать президента Республики.

На четвертом заседании 30 и 31 декабря была достигнута договоренность о нормах представительства на выборах делегатов Национального собрания.

Нерешенным остался лишь вопрос о месте и времени его созыва.[2]

Учанское восстание и позиция держав

Соединенные Штаты Америки, европейские страны и Япония не могли не быть заинтересованы в исходе событий в Китае — слишком велики были их финансовые интересы в этой разделенной на сферы иностранного влияния стране.

Невмешательство?

Первой на события в Учане отреагировала Япония.

26 октября временно управляющий российского МИД А. А. Нератов писал поверенному в делах в Токио С. С. Броневскому:

[1] Там же.

[2] Подробно см.: 朱英。唐绍仪与辛亥南北议和 (*Чжу Ин.* Тан Шаои и мирные переговоры Севера и Юга 1911 г.) // Гуандун шэхуй кэсюэ, 1989, № 2; 桑兵。辛亥南北议和与国民会议 (*Сан Бин.* Мирные переговоры Севера и Юга 1911 г. и вопрос о Национальном Собрании) // Лиши сюэбао, 2015, № 2.

По газетным сведениям, в Японии идут приготовления к возможной экспедиции в Китай, и официозный «Japan Times» уже поместил статью, в которой говорится, что если китайское правительство не сумеет восстановить порядок, Япония предпримет самостоятельные меры для охраны своих интересов в Китае.[1]

А. А. Нератов (1863–1938)

Броневский вскоре подтвердил достоверность этих сведений: в японском военном министерстве сообщили, что «ввиду серьезного оборота, принимаемого восстанием в Китае», Япония, получив предварительное согласие России и Англии, намерена направить бригаду пехоты для оккупации железной дороги от Шанхайгуаня до Пекина.[2]

Впрочем, как доносил Броневский, министр иностранных дел Японии Утида Косаи высказался против немедленного военного вмешательства, предпочитая выждать, когда и как проявится власть, сосредоточенная ныне в руках Юань Шикая.[3]

Утида Косаи (1865–1936)

Против японской инициативы выступила Англия. 11 ноября поверенному в делах Японии в Лондоне был вручен меморандум, в котором, в частности, говорилось о том, что министр иностранных дел Англии Э. Грэй «решительно возражал бы против любого действия японского правительства, которое не диктовалось бы необходимостью и могло бы повести к осложнениям, связанным с другими странами».[4]

И. Я. Коростовец (1862–1933)

21 ноября российский посланник в Пекине И. Я. Коростовец писал А. А. Нератову о Юань Шикае:

---

[1] Нератов — Броневскому, 26 октября 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств (далее — МОЭИ). Серия II. Т. XVIII. Часть II. № 734. С. 248.

[2] Броневский — Нератову, 2 ноября 1911 г. // Там же. № 786. С. 293.

[3] Броневский — Нератову, 4 ноября 1911 г. // Там же. № 802. С. 305.

[4] Меморандум МИД Великобритании, 11 ноября 1911 г. // FO. 405/205. N282. P. 245.

Он считает, что подавление мятежа вооруженной силой может затянуться и что посему нужно искать компромисса с восставшими путем удовлетворения их разумных требований. <...> Он уже сделал попытки договориться с революционерами и убедить их отказаться от крайних требований, причем некоторый успех в этом отношении уже достигнут.[1]

Идзюин Хикокити (1864–1924)

Натолкнувшись на несогласие Англии санкционировать прямое вмешательство держав, японское правительство было вынуждено действовать иначе. 18 ноября посланник Японии в Пекине Идзюин Хикокити встретился с Юань Шикаем и выразил надежду на скорейшее разрешение кризисной ситуации в Китае.

Юань Шикай заявил ему, что сам он выступает за учреждение конституционной монархии, однако революционеры настаивают на республике и федерации. «Что с Вашей точки зрения и по мнению европейских и американских государственных деятелей более соответствует условиям Китая — конституционная монархия или федерация?» — спросил Юань Шикай.

Идзюин ответил, что первое, с его точки зрения, предпочтительней, и добавил: «Деятелей Европы и Америки вовсе не интересует форма правления в Китае, они озабочены лишь тем, как бы не пострадали жизнь и имущество их граждан».[2]

Сохранение в Китае маньчжурской династии, пусть даже ограниченной конституционными нормами, не было личным мнением Идзюина. Этой позиции придерживалось правительство Японии, стремившееся заручиться в этом отношении поддержкой других держав.

Ямадза Эндзиро (1866–1914)

28 ноября временный поверенный в делах Японии в Лондоне Ямадза Эндзиро во время встречи с министром Грэем настаивал на необходимости сохранить в Китае власть маньчжурского императора.[3]

[1] Коростовец — Нератову, 21 ноября 1911 г. // МОЭИ. Т. XIX. Часть 1. № 58. С. 52.

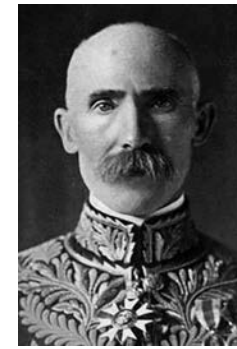
[2] Идзюин — Утида, 18 ноября 1911 г. // 日本外交文书选译。关于辛亥革命 (Избранные документы внешней политики Японии. Синьхайская революция). Пекин. 1980. С. 249–252.

[3] Утида — Ямадза, 28 ября 1911 г. // Там же. С. 253–256.

Спустя несколько дней после этого Ямадза вновь встретился с Грэем и передал ему две телеграммы, полученные из Пекина. В них говорилось, что план создания в Китае республики нереален и поэтому державам надлежит совместно предпринять меры для разрешения кризиса, заставив двор пойти на кое-какие уступки Югу.[1]

Это предложение не встретило понимания в Форин Офис. Помощник заместителя министра иностранных дел Р. Кэмпбелл пояснил Ямадза, что Британия выступает против непосредственного вмешательства в конфликт, предоставив обеим сторонам самим найти выход из сложившегося положения. По мнению британского МИД, на приближавшихся переговорах Севера и Юга представитель Пекина вполне мог уговорить южан согласиться на конституционно-монархический вариант.[2]

Британский посланник в Китае Дж. Джордан информировал Грэя о том, что члены дипломатического корпуса в Пекине единодушны в своей поддержке маньчжурской династии, если ее властные прерогативы были бы ограничены конституцией, коль скоро провозглашение республики может привести к распаду единого государства, а это не соответствует интересам держав.[3]



Дж. Джордан (1852–1925)

15 декабря посланники США, Франции и Германии нанесли визит Джордану и условились о том, что дипломатические представители 6 стран обратятся к делегатам Севера и Юга с рекомендацией достичь консенсуса на предстоящих переговорах.

Ноты, содержащие эту рекомендацию, были вручены Тан Шаои и У Тинфану 20 декабря, т. е. в тот день, когда в Шанхае состоялось второе заседание конференции Севера и Юга. В них говорилось:

> Миссии <...> в Пекине поручено ее правительством сделать следующее официальное заявление уполномоченным на ведение переговоров

[1] Грэй — Мак Дональду, 1 декабря 1911 г. // FO. 405/205. № 407. P. 319; 辛亥革命史资料新编 (Новое издание документов по истории Синьхайской революции). Т. 8. Ухань. 2006. С. 119–121.

[2] Ямадза — Утида, 6 декабря 1911 г. // Избранные документы внешней политики Японии. Синьхайская революция. С. 267.

[3] Джордан — Грэю, 3 декабря 1911 г. // FO. 405/205. № 419. P. 326; Новое издание документов по истории Синьхайской революции. Т. 8. С. 121–122, 149–151.

> об условиях восстановления мира в Китае. Правительство <...> считает, что продолжение ведущейся борьбы в Китае затрагивает не только саму эту страну, но и материальные интересы и безопасность иностранцев. Продолжая сохранять позицию абсолютного нейтралитета, занятую им до сего времени, правительство <...> считает необходимым официозным образом обратить внимание обеих делегаций на необходимость достигнуть скорейшего соглашения, способного положить конец настоящему конфликту, так как оно убеждено, что эта точка зрения отвечает желанию обеих стран.[1]

Получив ноты, У Тинфан и Тан Шаои ограничились устным заверением в том, что в ходе дальнейших переговоров надлежащим образом учтут мнение держав.[2]

Дж. Моррисон (1862–1920)

В тот момент, когда посланники великих держав вручали свои ноты делегатам Севера и Юга, в Шанхае находился корреспондент «Times» Дж. Моррисон, принимавший активное участие в происходивших там событиях.

Еще 17 ноября Моррисон писал Д. Брэхэму: «Дни династии сочтены»[3]; теперь настало и его время действовать.

Моррисон встретился с У Тинфаном, их беседа продолжалась более часа. После этого он навестил японского консула в Шанхае Ариёси, стараясь доказать ему, что наилучшим выходом из положения был бы следующий сценарий: стороны на переговорах соглашаются на отречение императора и его переселение в Жэхэ, провозглашение республики и избрание президентом Юань Шикая.[4]

После этого Моррисон имел встречу с Тан Шаои.

Авторитет Моррисона в дипломатических кругах Лондона был настолько велик, что министр Грэй согласился с его аргументами и изменил свою первоначальную точку зрения.

---

[1] МОЭИ. Т. XIX. Часть 1. С. 195.

[2] Стенограмма переговоров представителей Севера и Юга. С. 3.

[3] Моррисон — Брэхэму, 17 ноября 1911 г. // The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 1. P. 661.

[4] Ариёси — Утида, 20 декабря 1911 г. // Избранные документы внешней политики Японии. Синьхайская революция. С. 297.

В течение недели, от второго до третьего заседания, на переговорах в Шанхае шла непрерывная дискуссия, но за его пределами — не между Таи Шаои и У Тинфаном, а между представителями правительств Великобритании и Японии.

Великобритания меняет курс

21 декабря Джордан уведомил Идзюин о смене ориентации Лондона, объяснив произошедшее изменением соотношения сил Севера и Юга.

Джордан: Если пытаться на этих переговорах достичь соглашения на основе сохранения маньчжурского двора, то, судя по всему, надежд на успех нет. Что же можно предпринять в этой обстановке? Можно ли принять предложение Моррисона и, предложив Юань Шикая на пост президента, добиться консенсуса?

Идзюин: Неужели Вы считаете, что свержение маньчжурской династии и провозглашение республики может обеспечить единство Китая и успокоение общества? Что касается выдвижения Юань Шикая на пост президента, то хотя Моррисон полагает, что это возможно, я не считаю, что Юань Шикай пользуется поддержкой и доверием в масштабах всей страны. На юге к Юань Шикаю относятся отрицательно, это неоспоримый факт. А если это так, то сохранение единства посредством выдвижения Юань Шикая на пост президента весьма сомнительно.

Джордан: Я раньше тоже считал, что наилучшим вариантом является сохранение маньчжурской династии и введение конституционного строя, поскольку положение республики не будет устойчивым. Но сейчас не может быть и речи о том, что революционная армия примет этот вариант. Поэтому остается выбирать одно из двух зол: или разрыв переговоров, или создание республики.

Идзюин: Я целиком и полностью согласен с Вашим мнением о том, что приходится выбирать меньшее из двух зол. Именно поэтому императорское правительство высказывается в пользу сохранения правящей династии и введения конституционной монархии. Провозглашение республики не приведет к созданию эффективной власти, и за этим последует раскол. А это не только будет внутренней проблемой Китая, но и вызовет международный конфликт. Мы выступаем за конституционную монархию именно ради того, чтобы предотвратить это большее зло. Как Вам хорошо известно, императорское правительство искренне надеется на сохранение единства и общественного порядка в Китае. Вам нетрудно убедиться в этом. Если ситуация действительно такова, как об этом сообщается в телеграммах из Шанхая, то добиться осуществления того или

иного плана нельзя без вмешательства третьей стороны. А это неизбежно вызовет противодействие со стороны китайцев Юга. Способствовать распаду Китая и всеобщему хаосу — это одно зло. Предотвратить это, кое-чем рискуя при этом, — это другое зло. Не нужно доказывать, какое зло из этих двух следует выбрать.

Джордан: Говоря теоретически, Вы правы. Но Великобритания имеет существенные торговые интересы в центральном и южном Китае. Поэтому наше правительство не может не учитывать настроения китайцев на юге страны и настаивать на конституционной монархии, не принимая во внимание грозящие ему опасности. Тем более, если Моррисон и иже с ним уже довели мнение о поддержке избрания Юань Шикая президентом до сведения нашей прессы.[1]

Получив эту информацию, министр иностранных дел Утида телеграфировал в Лондон Ямадза по поводу обмена мнениями между Идзюин и Джорданом:

Их беседа свидетельствует о том, что посол Великобритании пессимистически оценивает перспективы шанхайских переговоров, полагает, что на основе учреждения конституционной монархии соглашения между сторонами достичь будет трудно, и поэтому он изменил свою позицию, склонившись к избранию Юань Шикая президентом ради стабилизации положения в стране.

На первый взгляд этот вариант представляет собой выход из тупика. Однако пока неясно, откажется ли Юань Шикай от своей извечной приверженности конституционной монархии и рискнет ли согласиться занять пост президента. Даже если Юань Шикай станет президентом, трудно представить себе, что маньчжурский двор и родственники императора молча воспримут предательство Юань Шикая и будут сторонними свидетелями его избрания президентом. К тому же, революционная армия с самого начала весьма отрицательно относилась к Юань Шикаю, и крайне сомнительно, что в случае провозглашения республики она решится перейти на его сторону, избрав президентом. Даже если это произойдет из сиюминутных соображений, нетрудно представить себе, что вскоре после избрания Юань Шикая старые эмоции возьмут верх и снова возникнет конфликт. <...>

Хотелось бы знать, действительно ли правительство Великобритании думает подобно тому, как это было неофициально сообщено его посланником? Если да, то что оно думает по поводу вышеприведенных сомнений императорского правительства? Надеюсь, что Вы, не откла-

[1] Идзюин — Утида, 21 декабря 1911 г. // Там же. С. 300–301.

дывая дело в долгий ящик, встретитесь с министром иностранных дел Великобритании, изложите ему вышесказанное и немедля сообщите по телеграфу его реакцию.[1]

Ямадза ответил незамедлительно:

Ввиду отсутствия и министра, и Кэмпбэлла[2] я не мог встретиться с ними. Поэтому 22 декабря я навестил начальника Азиатского департамента и изложил ему порученное мне дело. <...> Он заявил, что ни в коем случае нельзя надеяться на то, что революционная партия согласится на сохранение маньчжурской династии, потому что даже сам Тан Шаои, по всей видимости, склоняется в сторону позиции революционеров. Хотя Юань Шикай пока еще не дал своего согласия, революционеры ясно дали понять: даже если Юань Шикай не изменит своего мнения, маньчжуры всё равно будут изгнаны и т. д.[3]

Позиция, занятая Тан Шаои на переговорах, была неожиданностью для многих

В свою очередь Идзюин сообщил в Токио о своей беседе с Юань Шикаем, состоявшейся 22 декабря:

Юань Шикай: Ознакомились ли Вы с переданными Вам сегодня тремя телеграммами, которыми мы обменялись с Тан Шаои?

Идзюин. Так точно. Из телеграммы Тан Шаои следует, что переговоры зашли в тупик. Но одно мне непонятно: что на самом деле думает Тан Шаои, будучи представителем правительства? Исходя из своего статуса, он должен был бы твердо стоять на точке зрения конституционной монархии, а насколько можно судить по его телеграмме, он вроде бы не против республики и уже намекнул об этом У Тинфану. Более того, как сообщает советник посольства Мацуи, Тан Шаои открыто заявил, что он с самого начала был сторонником республики. Раз он придерживается подобных взглядов, как Вы можете доверять ему миссию ведения переговоров?

[1] Утида — Ямадза, 22 декабря 1911 г. // Там же. С. 303–304.

[2] В 1902–1912 гг. Ф. Кэмпбэлл был заместителем министра иностранных дел Великобритании.

[3] Ямадза — Утида, 23 декабря 1911 г. // Там же. С. 309.

Юань Шикай: Я не могу с полной уверенностью сказать, придерживается ли сейчас Тан Шаои подобных взглядов. Когда он уезжал из Пекина, он получил инструкции до конца стоять за конституционную монархию, и он это прекрасно понимал и до сих пор придерживался этой линии в спорах с революционерами. Что же касается только что сказанного Вами, если Тан Шаои высказал У Тинфану свое личное мнение и если сказанное им советнику Мацуи также соответствует действительности, то есть отражает его убеждения, то, наверное, он попал под влияние революционного духа, господствующего в Шанхае, уже по прибытии туда, и у него все смешалось в голове. Я же ни под каким видом не принимаю идею республики и прошу понимать это.

Идзюин: Что касается Вашего отношения в этой проблеме, то ни у меня, ни у моего правительства никогда не было никаких сомнений. А о личных взглядах Тан Шаои здесь не место говорить. Но раз уж так произошло, считаете ли Вы, что переговоры дадут результат? И что Вы думаете о предложении Тан Шаои, чтобы вопрос о государственном строе страны решался парламентом? Реально ли это?

Юань Шикай: В телеграмме Тан Шаои говорится, что революционеры категорически против конституционной монархии и выступают за создание республики. Коль скоро дело обстоит таким образом, надежды на осуществление целей нашей стороны нет. Но мне уже неоднократно приходилось говорить о том, что я решительно против республики. <...>

По поводу предложения о том, чтобы вопрос решался парламентом. Оно противоречит здравому смыслу. Ведь парламент — это орган народного управления, он должен состоять из представителей, действительно способных выражать волю населения всей страны. А хотя члены парламента, который будет в Шанхае, заявляют о том, что они представляют все провинции, в большинстве своем поют гимн революции и выступают за республику. Я решительно не могу согласиться с тем, чтобы доверить решение вопроса о судьбе государства такому безответственному органу.

Идзюин: Я полностью разделяю Вашу точку зрения. Но что Вы собираетесь предпринять в связи с этим?

Юань Шикай: Я с начала до конца выступаю за конституционную монархию. Я поклялся в этом императорскому двору и объявил об этом народу. Я довел это до сведения послов всех держав и, заручившись их поддержкой, принимаю все меры к осуществлению этого курса. К счастью, послы всех стран, и в особенности Японии и Англии, приветствовали мою позицию и прямо заверяли меня в том, что окажут мне всяческую помощь. Это вдохновляло меня, и я был исполнен решимости преодолеть

все трудности и во что бы то ни стало добиться конечного результата. К сожалению, шанхайские переговоры зашли в тупик и надежды на их успешное завершение уже нет. Особенно беспокоят последние события, заставившие английского посланника внезапно изменить свою позицию. Раньше он заявлял о своей поддержке конституционной монархии и обещал, что приложит в этом направлении все свои силы. Он оказал мне существенную помощь как в прекращении военных действий в Ухане, так и в организации переговоров в Шанхае. Но сегодня он заявляет, что не получал ясных указаний своего правительства относительно поддержки идеи конституционной монархии. <...> В этой обстановке я сегодня могу полагаться исключительно на Вашу страну. Если же Ваше правительство будет придерживаться линии Англии, то все мои планы обречены на провал. <...>[1]

Князь Цин (1838–1917)

24 декабря Идзюин нанес визит председателю Императорского совета князю Цину. При их беседе присутствовал Юань Шикай.

Князь Цин поблагодарил посла за поддержку маньчжурского двора, но признался, что если в нынешней ситуации спросить его, как он относится к республике, он не станет отвергать возможность ее провозглашения.

Идзюин заметил, что ему непонятен смысл только что произнесенной фразы, и предложил не торопиться с ответом на телеграммы Тан Шаои. И князь Цин, и Юань Шикай согласились с этим.[2]

Японскому правительству становилось ясно, что продолжать настаивать на его первоначальном курсе бесперспективно. 26 декабря Утида дал Идзюин сигнал к отступлению:

> Как явствует из Ваших сообщений № 727-729, решимость Юань Шикая отстаивать идею конституционной монархии поколеблена, и даже ближайшие родственники императора, в том числе князь Цин, согласились на созыв Национальной ассамблеи для решения вопроса о будущем государственном строе. Коль скоро дело приняло такой оборот, следует признать, что у императорского правительства нет более оснований продолжать в одиночку выступать за конституционную монархию в Китае. <...>

[1] Идзюин — Утида, 23 декабря 1911 г. // Там же. С. 310–312.

[2] Идзюин — Утида, 25 декабря 1911 г. // Там же. С. 319–320.

> В этом вопросе императорскому правительству не остается ничего более, как предоставить событиям развиваться своим ходом. Юань Шикай должен понять и извинить наше решение.[1]

28 декабря был издан императорский указ, в котором выражалось согласие на созыв Национальной ассамблеи. Правительству предписывалось составить проект закона, регламентирующего выборы делегатов.

Судьба династии была предрешена.

Учан наводит справки о возможности признания державами

Но невмешательства держав Учанскому правительству было мало. Оно было не прочь позондировать почву насчет международного признания *de jure*.

22 ноября генеральный консул Соединенных Штатов в Ханькоу Р. Грин сообщил посланнику У. Кэлхуну о том, что его посетил заместитель министра по иностранным делам Учанского правительства Ван Чжэнтин.

Ван Чжэнтин (1882–1961)

Грин знал, что Ван Чжэнтин — выпускник Йельского университета. Он произвел на консула приятное впечатление своим безупречным английским. Но то, с чем он пришел, озадачило Грина. Ван Чжэнтин спросил консула, что тот думает по поводу перспектив признания его правительства державами, добавив: «Мне хотелось бы видеть Соединенные Штаты первыми в этом отношении».

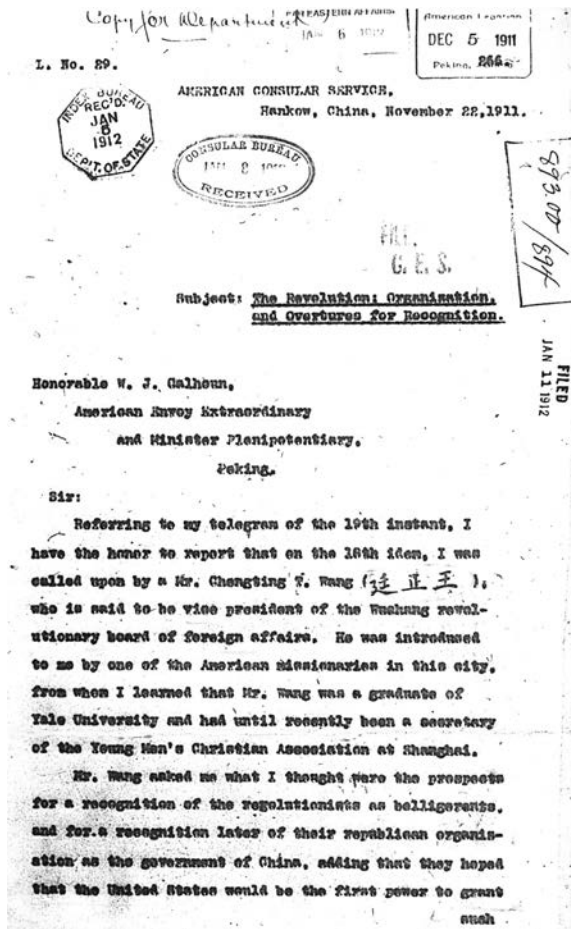
Грин ответил, что в этом вопросе нужно исходить из реальных фактов, а они таковы: лидеры революционного движения в различных провинциях страны ставят перед собой различные цели и действуют независимо друг от друга, а единое революционное правительство еще не создано. Поэтому пока державам некого признавать, и поэтому данный вопрос ими вообще еще не рассматривается.

Ван Чжэнтин признал справедливость этих слов, однако заметил, что в Учане ведется подготовка к формированию всекитайского правительства. Представители Хунани, Цзянси и Аньхуя уже прибыли с этой целью в Учан, а Юньнань и Гуйчжоу уведомили учанское правительство телеграммами, что оно вправе представлять их интересы, поскольку при-

[1] Утида — Идзюин, 26 декабря 1911 г. // Там же. С. 326.

бытие делегатов задерживается. В Учане полагают, что недели через две туда прибудут делегаты остальных южных провинций, за исключением, возможно, Сычуани, потому что сейчас там еще продолжаются военные действия. Так или иначе, заключил Ван Чжэнтин, все южные провинции в конечном итоге объединятся.

Когда Грин спросил Ван Чжэнтина, кто же возглавит будущее всекитайское правительство, тот не задумываясь ответил, что Сунь Ятсен. Неслучайно в газете, издаваемой революционерами в Учане, почти



Copy for Department

DEC 5 1911

L. No. 89.

AMERICAN CONSULAR SERVICE,
Hankow, China, November 22,1911.

REC'D. BUREAU JAN 6 1912 DEPT. OF STATE

CONSULAR BUREAU RECEIVED

FAR. C. E. S.

Subject: The Revolution: Organization, and Overtures for Recognition.

FILED JAN 11 1912

Honorable W. J. Calhoun,
American Envoy Extraordinary
and Minister Plenipotentiary,
Peking.

Sir:

Referring to my telegram of the 19th instant, I have the honor to report that on the 18th idem, I was called upon by a Mr. Chengting T. Wang (汪正王), who is said to be vice president of the Wuchang revolutionary board of foreign affairs. He was introduced to me by one of the American missionaries in this city, from whom I learned that Mr. Wang was a graduate of Yale University and had until recently been a secretary of the Young Men's Christian Association at Shanghai.

Mr. Wang asked me what I thought were the prospects for a recognition of the revolutionists as belligerents, and for a recognition later of their republican organization as the government of China, adding that they hoped that the United States would be the first power to grant such

Первая страница доклада Р. Грина в Госдепартамент от 22 ноября 1911 г.

ежедневно публикуются прокламации, в которых д-ра Суня называют «Президентом военного правительства Китайской Республики».

Два других возможных кандидата на этот пост — генерал Ли Юаньхун и Хуан Син, отвечающий ныне за ход военных операций в Хубэе. Но Ван Чжэнтин убежден в том, что ни один из них не может составить сколько-нибудь серьезную конкуренцию Сунь Ятсену.

Это заявление было воспринято Грином скептически: перед встречей с Ван Чжэнтином корреспондент одной из газет сообщил ему, что, по словам Ли Юаньхуна, Сунь Ятсен не имеет никакого отношения к революционному правительству в Учане.

Общий вывод Грина: условия для рассмотрения вопроса о признании еще не созрели. Не только на Юге еще нет пользующегося всеобщей поддержкой правительства, но значительная часть провинции Хубэй по-прежнему в руках Пекина. Более того, правительственные войска угрожают Ханьяну и обстреливают Учан, а его падение может радикально изменить существующую ситуацию не в пользу республиканцев.[1]

Миссионер, по рекомендации которого Грин принял Ван Чжэнтина, поинтересовался, может ли он временно предоставить гостю из Учана свою квартиру и помочь ему (по его просьбе) в выработке текста конституции.

По мнению консула, в этом не было ничего противозаконного, однако он все же не рекомендовал бы иностранным гражданам оказывать содействие одной из сторон в то время, пока конфликт еще не завершен:

> Я категорически не советовал миссионеру приглашать г-на Вана в свой дом и рекомендовал ему свести их контакты к минимуму. <...>
>
> Я уверен, что иностранцы, утверждающие, что они работают на благо мира, а на самом деле пытаются склонить [признанное державами] правительство к безоговорочной капитуляции, оставляя всё республиканцам, совершают большую ошибку.
>
> Если в стране вдруг вспыхнет агитация, направленная против иностранцев, и возникнут беспорядки, такие иностранные граждане, которые выражали свои симпатии революционерам и способствовали им в свержении существующего правительства насильственными методами, будут также нести свою долю моральной ответственности за случившееся.[2]

[1] Грин — Кэлхуну, 22 ноября 1911 г. // USDS. 893.00/894.

[2] Там же.

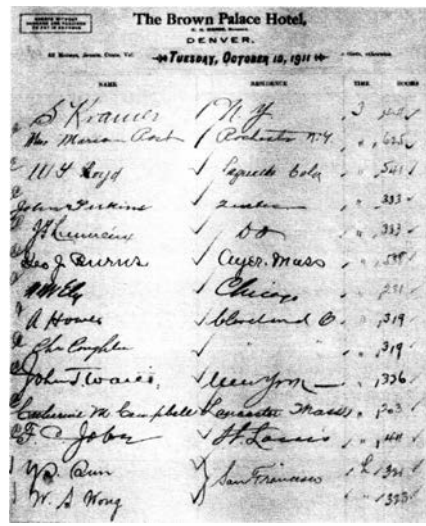
Ехать в Китай или задержаться на Западе?

Прочтя в газете о том, что в Китае началось антиманьчжурское восстание, Сунь Ятсен задумался. Как ему следовало поступить — немедленно вернуться домой, чтобы принять на себя руководство, или же остаться за рубежом, чтобы решить извечную проблему нехватки средств и заодно попытаться убедить правительства Америки и Европы в необходимости поддержать революцию в Китае?

В конце концов он решил, что второй план предпочтительней. Его поездка по Соединенным Штатам продолжалась.

В поисках американских спонсоров

Сунь Ятсен остановился в одном из лучших отелей Денвера.


The Brown Palace Hotel,
DENVER.
Tuesday, October 10, 1911

Его визит оживленно комментировался местной прессой. Газеты сообщали об этом под броскими заголовками: «Будущий правитель Китая — в Денвере! За его голову маньчжурские власти обещают 100 тыс. таэлей!»

Разочаровавшись в возможности заинтересовать заокеанских толстосумов своими обещаниями предоставить им привилегии в Китае, Сунь Ятсен возлагал теперь все свои надежды на апелляцию непосредственно к правительственным кругам Штатов.

THE DAILY NEWS: DENVER, COLORADO, SATURDAY, OCTO

Future Ruler of China Pays Denver a Visit

Dynasty Offers $100,000 for Dr. Sen's Head

Famous Revolutionary Leader Appeals to Compatriots Here for Funds.

Leaves After Receiving Hearty Support From Sympathizers of Local Colony.

GROCERY CLERK DISAPPEARS; MAY BE ASTHMA VICTIM

Сообщениями о приезде Сунь Ятсена пестрели все местные газеты

KANSAS CITY—OCTOBER 14, 1911—SATURDAY

THE CHINESE LEADER WAS HERE.

Dr. Sun Yat Sen, leader of the revolutionists in China, who is in line for the presidency if the uprising be successful, was in Kansas City until 6 o'clock last night. He came here yesterday morning and intended to hold a public meeting for the Chinese of Kansas City. A cablegram from Pekin advising him of the situation there caused him to hurry to Chicago.

Doctor Sen has long been identified with the revolutionary movement and was one of the leaders of a plot to seize Canton in 1895. The plot was discovered, fifteen of the instigators were put to death and Doctor Sen fled to Hongkong, where he became a British subject.

In 1900 he lectured in England and in this country, appealing especially to Chinese at the universities. In England, while pleading the Chinese legation building, he was induced to come inside, then informed that he was an Chinese still. Detectives were placed around the building by his friends to prevent his deportation. As an English subject the plan to kidnap him for removal to China was frustrated.

«The Kansas Times» сообщает о прибытии Сунь Ятсена

Д-р Сунь прежде всего рассчитывал заручиться поддержкой руководителя внешней политики этой страны, государственного секретаря Ф. Нокса.

18 октября 1911 г. он написал письмо Ноксу:

> Во время своего предыдущего пребывания в Вашингтоне я хотел нанести Вам визит, но это мне не удалось сделать. Теперь я решился написать Вам и просить секретной аудиенции. Если Вы не откажете мне в этой просьбе, я буду премного благодарен Вам.[1]

Ф. Нокс (1853–1921)

Нокс не удостоил Сунь Ятсена своим вниманием, и хочешь — не хочешь, он был вынужден примириться с этим. Оставалось попытать счастья в туманном Альбионе, тем более что там

[1] Сунь Ятсен — Ноксу, 18 октября 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 167.

в это время находился «генерал» Гомер Ли, постоянно указывавший на свои связи с британскими политиками.

31 октября Сунь Ятсен писал в Лондон Гомеру Ли:

> Декларация Ли Юаньхуна[1] вызывает недоумение. Быть может, внезапный успех породил далеко идущие планы. Но он не обладает талантами полководца и долго не продержится. Ситуация на местах весьма благоприятная. Всеобщее желание — чтобы я руководил [революцией]. Если я получу финансовую поддержку, то, безусловно, смогу держать ход событий под контролем. До моего возвращения создать сильное правительство не удастся.[2]

На следующий день тому же адресату:

> Генерал Хуан [Син] прибыл в Ханькоу. Ситуация улучшилась. По всей видимости, завтра [отплываю в Англию] на «Мавритании».[3]

Перед отъездом из Штатов Сунь Ятсен дал интервью корреспонденту гонконгской газеты, в котором изложил принципы внешней политики правительства, которое он собирался возглавить после возвращения в Китай:

1. Все международные договоры, заключенные маньчжурским правительством до момента восстания нашей армии, остаются в силе до тех пор, когда это правительство будет свергнуто.
2. Все займы, полученные маньчжурским правительством до начала восстания, признаются действительными, и изменений в отношении их не будет. В дальнейшем они будут возвращены, гарантией чему являются таможенные доходы.
3. Сохраняются все сеттльменты иностранных держав, полученные ими от маньчжурского правительства до момента восстания.
4. Гарантируется защита всех иностранцев и их имущества в Китае.
5. Соглашения, сеттльменты и займы, заключенные маньчжурским правительством после начала восстания, не признаются.
6. Если державы будут оказывать помощь маньчжурскому правительству в военных действиях против нашей армии, они будут рассматриваться как наши враги.
7. Если державы будут снабжать маньчжурское правительство военным снаряжением, оно подлежит конфискации.[4]

---

[1] Сунь Ятсен имел в виду декларацию о создании Военного правительства провинции Хубэй.

[2] Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 31 октября 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 168.

[3] Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 1 ноября 1911 г. // Там же.

[4] Обращение к державам // ПССОГ. Т. 1. С. 545.

Попытки договориться в Лондоне не дали результата

Э. Грэй (1862–1933)

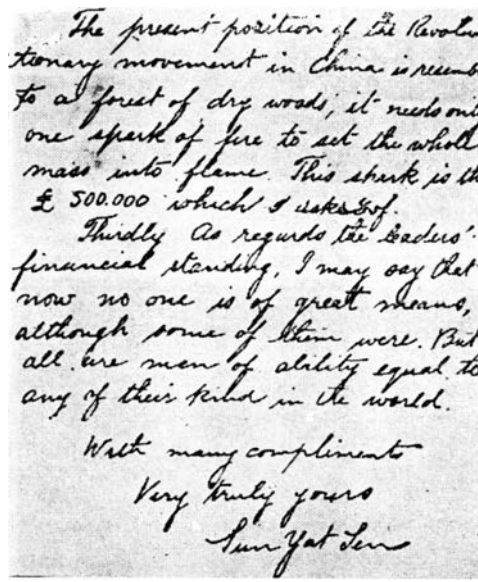
11 ноября 1911 г. Сунь Ятсен прибыл в Лондон и поселился в том же отеле, где жил Гомер Ли.

14 ноября Ли встретился с министром иностранных дел Англии Э. Грэем и передал ему письмо за подписью Сунь Ятсена. Ответ Грэя был краток: в вопросе о китайской революции Британия будет соблюдать нейтралитет.

16 ноября Сунь Ятсен послал письмо в редакцию газеты «Миньлибао» для передачи Уханьскому правительству:

> Прибыв из Америки в Европу, я имел секретные встречи с видными государственными лицами. Есть твердая договоренность о нейтралитете [держав].[1]

Это было всё же лучше, чем ничего. Хуже дело обстояло с получением денег на нужды революции.



The present position of the Revolutionary movement in China is resemble to a forest of dry woods, it needs only one spark of fire to set the whole mass into flame. This spark is the £ 500.000 which I asked for.

Thirdly As regards the leaders' financial standing, I may say that now no one is of great means, although some of them were. But all are men of ability equal to any of their kind in the world.

With many compliments

Very truly yours

Sun Yat Sen

Страница из письма Сунь Ятсена, в котором он писал о сухом лесе и искре стоимостью 500 тысяч фунтов

[1] Сунь Ятсен — Уханьскому правительству, 16 ноября 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 168.

В одном из писем в это время Сунь Ятсен писал, что современное положение дел в Китае представлялось ему высохшим на корню лесом и достаточно искры для того, чтобы он вспыхнул. Такой искрой, по мнению Сунь Ятсена, могли стать 500 тыс. фунтов стерлингов.

Но вопрос заключался в том, что эти 500 тысяч взять было негде.

21 ноября Сунь Ятсен прибыл в Париж.

То же самое — в Париже

О том, чем был занят Сунь Ятсен во время трехдневного пребывания в Париже, можно судить главным образом по документам, сохранившимся в архиве МИД Франции. В то же время как в мемуарах самого Сунь Ятсена, так и в некоторых авторитетных изданиях, освещающих его жизнь и деятельность, можно, к нашему сожалению, обнаружить серьезные неточности.

В 1918 г. Сунь Ятсен вспоминал:

> В Париже я встречался с официальными лицами и теми, кто не состоял в правительстве. Все они отнеслись ко мне в высшей степени сочувственно, в особенности нынешний премьер-министр Клемансо.[1]

Ж. Клемансо (1841–1929)

Сунь Ятсен называет Клемансо «нынешним премьер-министром» (现任首相). Академик Тихвинский, приводя эти слова, пишет: «В Париже Сунь Ятсен, как он сообщал в своей “Автобиографии”, был тепло принят новым премьер-министром Клемансо и представителями правительственных и общественных кругов»[2]. Но в 1911 г. Клемансо не был премьер-министром. Будучи вынужден уйти в 1909 г. в отставку, он занялся журналистской деятельностью и издавал газету «L’Homme Libre». Не исключено, что поэтому формулировка Г. В. Ефимова была более обтекаемой: «Сунь Ятсен с удовлетворением вспоминал о своем пребывании во Франции, где он встретился с рядом государственных

[1] 孙中山选集 (Избранные сочинения Сунь Ятсена). Т. 1. Пекин. 1981. С. 211.

[2] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 134–135.

и общественных деятелей, в том числе с Клемансо».[1] Однако китайский историк Чжан Чжэнькунь, специально изучавший этот вопрос, не нашел во французских архивах документов, подтверждающих, что Сунь Ятсен действительно встречался с Клемансо.[2]

Что касается других представителей правительственных кругов, то в «Биографической хронике Сунь Ятсена» утверждается, будто бы 21 ноября 1911 г. он «встречался с министром иностранных дел С. Пишоном», а 23 ноября «посетил французский парламент и в беседе с депутатами потребовал от правительства Франции признать Китайскую Республику».[3]

Чжан Чжэнькунь совместно с французским историком Марианной Бастид, автором исследования «Французская дипломатия и революция 1911 г.»[4], установил, что, во-первых, в 1911 г. Сунь Ятсен не встречался с министром иностранных дел Франции; во-вторых, Пишон не был в это время министром иностранных дел Франции; в-третьих, встреча Сунь Ятсена с французскими парламентариями носила частный характер.[5]

Этим можно объяснить тот факт, что во французском издании мемуаров Сунь Ятсена переводчик опустил упоминание о том, что д-р Сунь встречался в Париже с «представителями правительственных кругов».[6]

Сегодня можно считать бесспорно установленным, что Сунь Ятсен установил тогда контакт со столичной прессой: помимо интервью, данного корреспонденту газеты «Le Journal», он обсуждал проблемы китайской революции в редакции «Le Courrier Européen».

Но, пожалуй, наибольшие надежды Сунь Ятсен возлагал на свою беседу с управляющим «Индокитайского банка» С. Симоном. Она состоялась 23 ноября.

Симон доложил в министерство иностранных дел, какие проблемы обсуждал с ним Сунь Ятсен.

---

[1] *Ефимов Г. В.* Буржуазная рволюция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913. М. 1974. С. 206.

[2] 张振鹗。辛亥革命时期的孙中山与法国 (*Чжан Чжэнькунь.* Сунь Ятсен и Франция во время Синьхайской революции) // http://jds.cass.cn/ztyj/mgzzs/201605/t20160506_3324239. shtml

[3] 孙中山年谱 (Биографическая хроника Сунь Ятсена). Пекин. 1980. С. 127–128.

[4] *Bastid M.* La diplomatie française et la revolution chinoise de 1911 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1969. T. XVI. № 4-6. P. 221–245.

[5] *Чжан Чжэнькунь.* Сунь Ятсен и Франция во время Синьхайской революции // http:// jds.cass.cn/ztyj/mgzzs/201605/t20160506_3324239. shtml.

[6] Souvenires d'un revolutionnaire Chinois. Paris. 1933. P. 223.

Ассигнация, выпущенная «Индокитайским банком»

Во-первых, гость поинтересовался, может ли банк «немедленно» или «в ближайшем будущем» предоставить заём временному правительству Китая, которое будет вскоре образовано. Симон ответил на этот вопрос отрицательно, но заявил, что после того, как правительство будет создано и признано державами, они смогут оказать ему материальную поддержку.

Во-вторых, д-р Сунь пояснил, что этот заём он предполагает использовать для выплаты контрибуции, навязанной Китаю в связи с боксерским восстанием.

В-третьих, Симону был задан вопрос о том, согласен ли он и согласится ли его правительство, чтобы гарантией погашения полученного займа служил не тариф на ввозимые товары, как это имеет место сейчас, а другие источники. Он ответил, что считает это абсолютно невозможным.

В-четвертых, Сунь Ятсен попросил собеседника передать французскому правительству его просьбу воздействовать на Россию и воспрепятствовать ее сближению с Японией. Симон ответил, что это чисто политическая проблема и поэтому она находится вне его компетенции.

С. Д. Сазонов (1860–1927)

В-пятых, Сунь Ятсен выразил опасение, не станет ли создание международного консорциума четырех стран угрозой для интересов Китая, и услышал в ответ, что его сомнения на этот счет не имеют под собой основания.[1]

Во время пребывания в Париже Сунь Ятсен предпринял попытку встретиться с находившимся в это время во Франции российским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, но безуспешно.[2]

В целом поездка Сунь Ятсена по США и странам Европы, на которую он возлагал столь большие надежды, не дала практических результатов. Он не получил ни щедрых даяний от иностранных спонсоров, ни обещаний государственных деятелей поддержать китайских революционеров в их борьбе с маньчжурской династией.

24 ноября д-р Сунь сел в Марселе на корабль, чтобы вернуться в Китай.

Возвращение в родные пенаты

Домой Сунь Ятсен возвращался не один. В Марселе к нему присоединился его сын Сунь Кэ, представившийся прессе как секретарь своего отца, Гомер Ли с супругой и большая группа японцев.

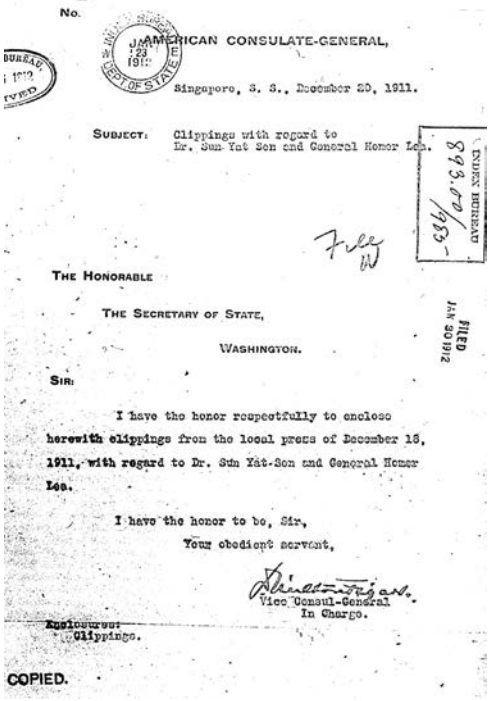
Китай уже совсем близко

14 декабря Сунь Ятсен и сопровождавшие его лица добрались до Пенанга. Там он категорически отказывался отвечать на вопросы журналистов, объясняя это тем, что давно не был в Китае и плохо знаком с обстановкой в стране. Вместо него главным источником информации был для газетчиков «генерал» Ли, заявлявший, что он назначен начальником Генерального штаба при Сунь Ятсене.

---

[1] Archives des Affaires étrangéres. Chine. N.S. 204. P. 107–101 (приводится здесь по: *Чжан Чжэнькунь.* Сунь Ятсен и Франция во время Синьхайской революции) // http:// jds. cass.cn/ ztyj/mgzzs/201605/t20160506_3324239. shtml.

[2] *У Сянсян.* Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 989.



No.

AMERICAN CONSULATE-GENERAL,

Singapore, S. S., December 20, 1911.

SUBJECT: Clippings with regard to Dr. Sun Yat Sen and General Homer Lea.

INDEX BUREAU 893.00/936

File W

THE HONORABLE

THE SECRETARY OF STATE,

WASHINGTON.

FILED JAN 30 1912

SIR:

I have the honor respectfully to enclose herewith clippings from the local press of December 15, 1911, with regard to Dr. Sun Yat-Sen and General Homer Lea.

I have the honor to be, Sir,

Your obedient servant,

Vice Consul-General In Charge.

Enclosures: Clippings.

COPIED.

Вице-консул США в Сингапуре поспешил информировать Госдепартамент обо всем, что о Сунь Ятсене сообщалось в газетах

18 декабря Сунь Ятсен прибыл в Сингапур. Накануне его прибытия там упорно циркулировали слухи о том, что агенты пекинского правительства готовили на него покушение и его сторонники приняли меры для обеспечения безопасности своего лидера.

20 декабря на горизонте показался Гонконг. На рейде к судну, на котором находились прибывшие, пришвартовались два катера с большой группой встречавших. Среди них были Ху Ханьминь, Ляо Чжункай, Чэнь Шаобай, а также Миядзаки Торадзо и Ямада Дзюнсабуро.

SUN YAT SEN.

ARRIVES IN THE STRAITS.

Penang, Dec 14.

Doctor Sun Yat Sen, General Homer Lea and Mistress Lea are on board the Devanha en route for Shanghai.

Dr Homer Lea directs the military side of the revolutionist work and has already been engaged in a military capacity in North China.

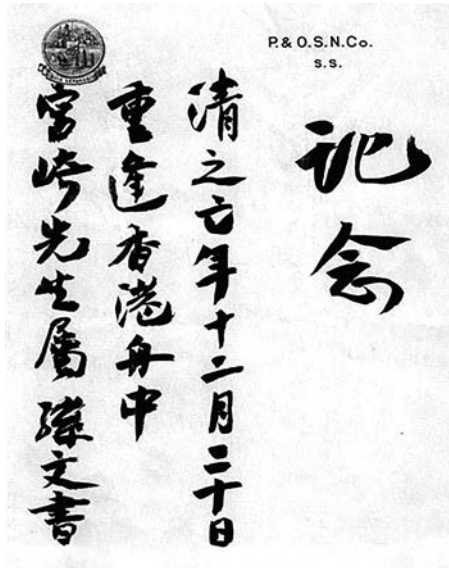
A large crowd of Chinese witnessed Sun Yat Sen's landing, but no persons were allowed to converse with him and he was closely guarded.

[General Homer Lea was formerly in the American army and has written on the decay of China from a military point of view. In the course of his writing he says: "To such a low plane of self-defence did the Chinese fall in the fourth and fifth cycles of decadence that we find the vast empire conquered by these desert tribes. And it is in relation to these two periods of national disintegration, during which China became a subject nation, that the present cycle must be considered, since conditions are basically the same. In these periods of decadence, during which occurred the destruction of the Sung Dynasty and the establishment of the Mongol Dynasty of Yuen, and later the dissolution of the Ming Dynasty and the enforcement of Manchu sovereignty, China had but to protect herself from the squat horseman that screamed along her northern frontiers. To day, in a period of national depression and decay that is in no degree removed from the defencelessness of the fourth and fifth cycles of disintegration, this race has now for the first time to face enemies, not alone on her northern borders, but also upon the east and south and west, nations whose morality of conquest is no different, no better than was that of the Mongol and Manchu tribes who made her ten thousand fields a barren tenure.]

Сингапурская газета о прибытии Сунь Ятсена в Пенанг

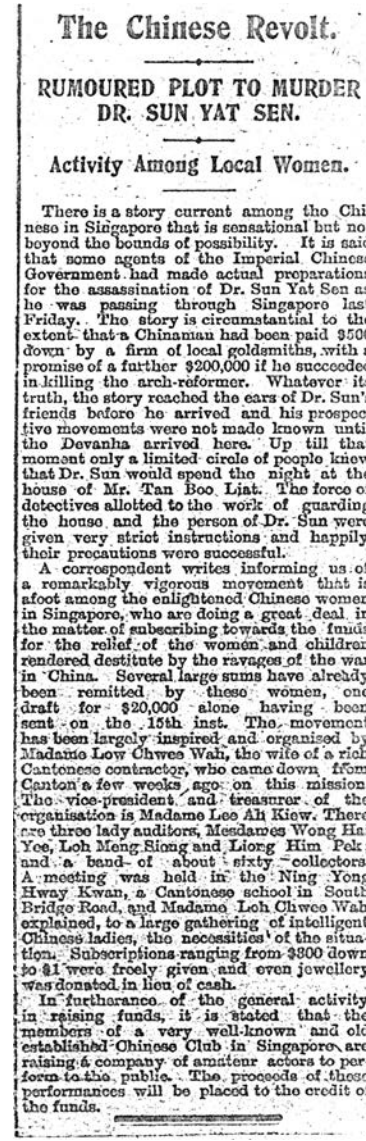
Выражая свою полную уверенность в грядущем успехе, Сунь Ятсен подарил Миядзаки карточку с надписью:

> На память о встрече на корабле в Гонконге 20 декабря того года, когда пала маньчжурская династия.



В своем докладе Госсекретарю генконсул США в Гонконге писал:

> Появление здесь д-ра Суня, организатора революции в Китае, которой он отдал 25 лет своей жизни, по праву может быть охарактеризовано как начало нового этапа революционного движения в стране. <...> Революционная партия Южного Китая находилась ранее и находится сейчас в руках д-ра Суня. <...> Он пользуется таким же авторитетом в районе Янцзы и в тех частях Севера, которые охвачены революцией. <...> Представляется,



The Chinese Revolt.

RUMOURED PLOT TO MURDER DR. SUN YAT SEN.

Activity Among Local Women.

There is a story current among the Chinese in Singapore that is sensational but not beyond the bounds of possibility. It is said that some agents of the Imperial Chinese Government had made actual preparations for the assassination of Dr. Sun Yat Sen as he was passing through Singapore last Friday. The story is circumstantial to the extent that a Chinaman had been paid $500 down by a firm of local goldsmiths, with a promise of a further $200,000 if he succeeded in killing the arch-reformer. Whatever its truth, the story reached the ears of Dr. Sun's friends before he arrived and his prospective movements were not made known until the Devanha arrived here. Up till that moment only a limited circle of people knew that Dr. Sun would spend the night at the house of Mr. Tan Boo Liat. The force of detectives allotted to the work of guarding the house and the person of Dr. Sun were given very strict instructions and happily their precautions were successful.

A correspondent writes informing us of a remarkably vigorous movement that is afoot among the enlightened Chinese women in Singapore, who are doing a great deal in the matter of subscribing towards the funds for the relief of the women and children rendered destitute by the ravages of the war in China. Several large sums have already been remitted by these women, one draft for $20,000 alone having been sent on the 15th inst. The movement has been largely inspired and organised by Madame Low Chwee Wah, the wife of a rich Cantonese contractor, who came down from Canton a few weeks ago on this mission. The vice-president and treasurer of the organisation is Madame Lee Ah Kiew. There are three lady auditors, Mesdames Wong Hai Yee, Loh Meng Siong and Liong Him Pek; and a band of about sixty collectors. A meeting was held in the Ning Yong Hway Kwan, a Cantonese school in South Bridge Road, and Madame Loh Chwee Wah explained, to a large gathering of intelligent Chinese ladies, the necessities of the situation. Subscriptions ranging from $300 down to $1 were freely given and even jewellery was donated in lieu of cash.

In furtherance of the general activity in raising funds, it is stated that the members of a very well-known and old established Chinese Club in Singapore are raising a company of amateur actors to perform to the public. The proceeds of these performances will be placed to the credit of the funds.

Газетное сообщение о готовившемся покушении на Сунь Ятсена

На память о встрече после долгой разлуки

что основная мысль д-ра Суня заключается в том, чтобы добиться мира, а затем создать постоянное правительство на принципах, приемлемых для народа и соответствующих традициям. Подразумевается, что компромисса с маньчжурами не будет; надежда возлагается на поддержку со стороны США и Великобритании.[1]

«Генерал» Ли отвечает на вопросы

И вот, наконец, долгожданный Шанхай. В особняке американского миллионера С. Хардуна Сунь Ятсену была устроена торжественная встреча, на которой лидера приветствовали видные деятели «Объединенного союза».

Отбоя от журналистов не было. Их в равной мере интересовали как сам д-р Сунь, так и следовавший за ним Гомер Ли.

28 декабря шанхайская «China Press» напечатала интервью с этим колоритным индивидуумом, охотно отвечавшим на одни вопросы и игнорировавшим другие.

С. Хардун (1851–1931)

[1] Генеральный консул в Гонконге — Госсекратарю США, 22 декаря 1911 г. // USDS. 893.00/ 1016.

Вопрос: Как давно Вы связаны с революционным движением в Китае?
Ответ: Около двенадцати лет.
Вопрос: Какова Ваша официальная должность?
Ответ: Я начальник Генерального штаба.
Вопрос: А что будет входить в Ваши обязанности?
Ответ: Всё, чем полагается заниматься начальнику Генерального штаба.
Вопрос: В таком случае Вы будете руководить всеми военными операциями революционной армии, включая планируемые генералом Ли Юаньхуном?
Ответ: Нет, я не буду вмешиваться в дела генерала Ли Юаньхуна. В сущности, функции начальника Генштаба — передача приказов президента.
Вопрос: Вы полагаете, что д-р Сунь Ятсен будет президентом Китайской Республики?
Ответ: Безусловно. Во время пребывания в Лондоне мы получили телеграмму от делегатов 14 провинций с приглашением прибыть сюда и вступить в должность президента. Тогда мы не собирались выезжать немедленно, но тотчас отправились в Китай, хотя у нас было много дел, связанных с предотвращением интервенции. Сейчас опасность миновала. По поводу интервенции здесь было много ненужных разговоров, а проблема эта уже давно была решена. Сейчас угрозы более нет.

Вопрос: Обсуждали ли Вы эту проблему с сэром Эдвардом Грэем и другими европейскими дипломатами?
Ответ: Разумеется.
Вопрос: В таком случае Вы выполняли дипломатическую миссию по поручению революционной партии?
Ответ: Нет. Все они — мои личные друзья — навещали меня, когда я был в Лондоне. Навещал меня и сэр Робертс.[1] Все они читали мою книгу, которая, между прочим, была переведена на японский язык и в течение месяца была раскуплена, а потом выдержала 24 издания тиражом 80 000 экземпляров.
Вопрос: Были ли Вы удивлены тем, что революция вспыхнула именно в это время?
Ответ: Да. Она должна была начаться через 6 месяцев.

[1] Чарльз Робертс (1860–1943) — известный канадский поэт.

"GEN." HOMER LEA SAYS HE IS CHIEF OF STAFF

He Will Not, He Declares, Interfere With Gen. Li Yuan Hung's Operations

STOPPED INTERVENTION

"American and British Generals Are Coming to Aid Revolutionary Party"

Mr. Homer Lea, who says he is Chief of Staff of the revolutionary Army under Dr. Sun Yat Sen as the President of the Chinese Republic talked very freely to a reporter fo. the CHINA PRESS yesterday afternoon, about his connection with the revolutionary movement.

Mr. Lea, who is generally known as "General" Lea is the author of "The Valor of Ignorance," a book which attracted some attention because it discussed the probability of a Japanese invasion of America. The book was discussed very seriously in Europe where it was erroneously assumed that Mr. Lea had some connection with the United States Army.

His interview with a CHINA PRESS reporter yesterday consisted chiefly of questions and answers, Mr. Lea readily answering every question that was put to him.

"How long have you been connected with the revolutionary movement in China?" he was asked.

"For about twelve years."

"What is your official capacity?"

"I am Chief of the General Staff."

"What will be your duties in that capacity?"

"The usual duties of a chief of staff."

"Then you will direct all the military operations of the Revolutionary Army, including those of General Li Yuan Hung?" was suggested.

"No, I don't expect to interfere with General Li's operations. Of course a chief of staff is simply the means of transmitting orders from the president to the army."

Интервью с «генералом» Ли
(шанхайская газета «China Press» от 28 декабря 1911 г.)

Вопрос: Каким образом Вы смогли стать начальником Генерального штаба революционной армии, будучи гражданином США?

Ответ: Это дело было улажено. В помощь нам приезжает целая группа американских генералов.

Вопрос: Очень странно, что американским генералам разрешено приехать в Китай, чтобы принимать участие в боях...

Ответ: В таком случае я думаю, что Вы будете удивлены, узнав, что на помощь нам прибудут и английские генералы!

Вопрос: А когда они прибудут?

Ответ: Я не имею права разглашать эти секретные данные, но они скоро будут здесь.

Вопрос: Встречались ли Вы здесь с лидерами революционной партии?

Ответ: Да, со всеми.

Вопрос: И с У Тинфаном тоже?[1]

Ответ: Нет, с У Тинфаном я не встречался. Я собирался навестить его сегодня во второй половине дня, но был занят.

Вопрос: А кто были те лидеры, с которыми Вы встречались?

[1] У Тинфан был в это время министром иностранных дел Шанхайского военного правительства.

Гомер Ли незадолго до кончины

Ответ: Не помню. У меня очень плохая память на имена.

Вопрос: А кто те японцы, которые приехали сюда вместе с Вами и д-ром Сунь Ятсеном?

Ответ: Не знаю. В Гонконге нас встречали около 75 китайцев и японцев. Среди них были японские корреспонденты, которые прибыли, чтобы взять у меня интервью, а другие японцы встречали д-ра Суня. Было там и несколько китайцев, но большинство сопровождавших нас были японцами. Я не могу вспомнить их имена, кроме м-ра Икэ, который перевел мою книгу на японский.

Вопрос: Были ли Вы и д-р Сунь удовлетворены встречей, устроенной Вам в китайских портах?

Ответ: Безусловно. Встречать нас из Кантона были посланы два корабля и еще четыре отсюда. Но мы прибыли в Усун на 8 часов раньше условленного времени, и несколько тысяч человек никак не могли найти нас. А потом из усунского форта прозвучал салют из 21 орудия.

Вопрос: В чем заключается значение этого салюта?

Ответ: Это был президентский салют в честь д-ра Сунь Ятсена.

Вопрос: А где Вы получили Ваше генеральское звание?

Ответ: 11 лет тому назад я командовал четырьмя дивизиями, сформированными мною для спасения императора Гуансюя.

Вопрос: Где была создана эта армия?

Ответ: Главным образом на Юге. Командирами в ней были американские офицеры. А позднее я был командующим китайскими войсками в Соединенных Штатах.

Вопрос: А как Вы связаны с американской армией?

Ответ: Мои книги по военному искусству используются на экзаменах в Вест-Пойнте и Аннаполисе.

Вопрос: Ваши официальные связи с армией?

Ответ: Никаких официальных связей. Это ошибочные слухи.[1]

Несколько забегая вперед, скажем, что мнимому начальнику Генерального штаба революционной армии так и не довелось применить в Китае свои познания в области военного искусства.

[1] "General" Homer Lea Says He Is Chief of Staff // China Press, December 28, 1911.

15 февраля 1912 г. его разбил приступ паралича. Усилия врачей были тщетны, и вскоре после этого он вместе со своей супругой был вынужден вернуться в Соединенные Штаты.

11 ноября 1912 г. он скончался в своем доме в Калифорнии.

Наконец долгожданное интервью дает и Сунь Ятсен

Корреспонденту «China Press» повезло. 28 декабря 1912 г. Сунь Ятсен согласился встретиться с ним.

По прибытии в Шанхай д-р Сунь Ятсен был очень занят, и хотя вчера пополудни он отказал в приеме многим визитерам, его штаб-квартира на авеню Поль Бруна, 408 была переполнена. На улице стояло множество экипажей и рикш, а в приемной негде яблоку было упасть. Его японскому секретарю понадобилось несколько страниц в книге, где он регистрировал посетителей.

Д-р Сунь Ятсен сказал, что у него нет заявления для прессы, но что таковое появится через несколько дней. Он согласился выслушать вопросы корреспондента «China Press», но на многие не дал иного ответа, кроме улыбки.

Вопрос: Кто те японцы, которые сопровождают Вас здесь?

Ответ: Я не помню их имен. Их знает мой секретарь г-н Икэ.

Вопрос: Все они военные?

Ответ: Не все.

Вопрос: Не думаете ли Вы, что Ваше прибытие сюда в сопровождении стольких японцев потребует комментариев и разъяснений?

Ответ: Нет. Меня также сопровождают американцы и англичане. Мой секретарь — японец.

Вопрос: Имеют ли Ваши японские компаньоны какое-либо отношение к революционному движению?

Ответ: Что Вы имеете в виду?

Вопрос: Примут ли они какое-то участие в формировании республиканского правительства?

Ответ: Не могу сказать. Но Япония весьма дружелюбно относится к нашему делу.

Вопрос: Есть ли у Вас контакты с японским правительством?

Ответ: У нас есть контакты со всеми правительствами. Мы собираемся формировать новое правительство и надеемся иметь дружественные отношения со всеми странами.

Вопрос: Являетесь ли Вы кандидатом на пост президента Китайской Республики?

Ответ: Я не могу ответить на этот вопрос.

Вопрос: М-р Гомер Ли сообщил мне, что Вы прибыли сюда по приглашению 14 провинций, чтобы стать президентом.

Ответ: Если м-р Ли сообщил Вам это, мне нечего добавить.

Вопрос: Везете ли Вы с собой деньги, предназначенные для революционеров?

Ответ *(в ответ на этот вопрос д-р Сунь рассмеялся так же, как он воспринял большинство из заданных ему вопросов):* А почему Вы спрашиваете об этом?

Во время интервью д-р Сунь то и дело смеялся

Вопрос: Существует мнение, что вопрос о том, кто одержит победу, зависит от сумм, которыми располагает каждая из борющихся сторон.

Ответ: Революционерам не нужны деньги. Они полагаются на свой энтузиазм. Я привез с собой не деньги, а революционный дух.

Вопрос: Есть ли среди революционеров инакомыслящие?

Ответ: Инакомыслящие? В китайском языке нет такого слова! Среди нас нет инакомыслящих. Инакомыслие может быть на страницах «China Press», но не в наших рядах. Генерал Ли Юаньхун прислал сюда 10 своих представителей, чтобы приветствовать меня, и многие провинции поступили так же. Среди нас нет инакомыслящих![1]

Замечание журналиста:

Д-р Сунь — человек небольшого роста, загорелый и общительный. Во время своего интервью для «China Press» он то и дело смеялся, особенно когда речь заходила о предположении, что в рядах революционеров есть инакомыслящие. Он производит впечатление умного политика и хорошего публициста, но никак не опытного практического деятеля.[2]

[1] "Japan Is Very Friendly To Our Cause" — Dr. Sun Yat Sen // China Press, December 28, 1911.

[2] Ibid. Отметим, что в «Дополнениях к полному собранию сочинений Сунь Ятсена» утверждается, что это интервью было дано «25 или 26 декабря».

26 декабря на квартире у Сунь Ятсена состоялось совещание руководителей «Союза», на котором обсуждался вопрос о том, каков должен быть статус будущего революционного правительства.

Сун Цзяожэнь выступил за кабинет министров во главе с премьером, ответственный перед парламентом. Сунь Ятсен был против и настаивал на том, что возглавлять правительство должен президент. Большинство выступавших поддержало Сунь Ятсена:

> Кроме Вас нет никого, кто мог бы решить этот вопрос. Мы уважаем Вас и будем действовать так, как Вы говорите![1]

[1] 吴相湘。孙逸仙先生传 (*У Сянсян.* Биография Сунь Ятсена). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 996.

Глава VI

Время идти на компромиссы

Президент, но с двумя существенными оговорками

Е. А. Белов писал:

> 25 декабря 1911 г. из эмиграции на родину вернулся вождь китайской революции Сунь Ятсен. Он был восторженно встречен в Китае. Даже весьма умеренные делегаты нанкинской конференции, учитывая популярность Сунь Ятсена, поддержали его кандидатуру на пост временного президента республики.[1]

В действительности дело обстояло не совсем так, а точнее — совсем не так.

Юань Шикай? Сунь Ятсен?

Сразу же после того, как стало известно, что Юань Шикай назначен наместником провинций Хунань, Хубэй и Гуандун, в революционном лагере возникла неординарная стратегическая идея — привлечь Юань Шикая на свою сторону, гарантировав ему пост президента республики.

24 октября 1911 г. редактор газеты «Даханьбао» Ху Шиань опубликовал свое письмо Юань Шикаю.

В письме, в частности, говорилось:

> В газетах сообщают, что Вы приняли от маньчжурских варваров назначение на должность хубэйского наместника. Нет слов, чтобы выразить удивление на сей счет. О, Боже! Разве Вы не китаец?

[1] *Белов Е.А.* Революция 1911–1913 годов в Китае. М., 1958. С. 45.

Призывая Юань Шикая перейти на сторону революции, автор письма восклицал:

Китайский Вашингтон! Мы надеемся на Вас![1]

大漢報

△黃帝紀元四千六百零九年九月初三日

△西曆一千九百十一年十月廿四號禮拜二

第十號

社說

Первая страница газеты «Даханьбао» от 24 октября 1911 г.

Примерно в то же самое время член «Объединенного союза» Чжу Фухуан (позднее он стал личным секретарем Сунь Ятсена) был послан с секретной миссией в Аньян, где в это время находился Юань Шикай. Он должен был встретиться с Юань Шикаем и убедить его перейти на сторону восставших, чтобы затем возглавить республику.[2]

Чжу Фухуан (1877–1955)

Один из руководителей «Объединенного союза» Ван Цзинвэй, усыновленный Юань Шикаем, также убеждал своего названного отца порвать с цинским

---

[1] 胡石庵。湖北革命實見記 (*Ху Шиань.* Записки участника революции в Хубэе) // 辛亥革命在湖北史料選輯 (Избранные документы о Синьхайской революции в Хубэе). Ухань. 1981. С. 40.

[2] 辛亥南北議和與朱芾煌 (1911 г.: переговоры Севера с Югом и Чжу Фухуан) // http://www.doc88.com/p-0304522211404.html.

двором: «В Китае впредь будет республика, и учредить ее можете только Вы, так что только Вы можете стать ее президентом».[1]

Ван Цзинвэй (1883–1944)

28 октября 1911 г. идея избрать Юань Шикая президентом, если он перейдет в лагерь революции, была изложена в статье, опубликованной в издававшейся «Объединенным союзом» газете «Миньлибао».

2 ноября «Шэньчжоубао» опубликовала три обращения зарубежных китайцев, проживавших в Лондоне и Чикаго, а также студентов, обучавшихся в Японии, единодушно утверждавших, что «Юань Шикай достоин стать президентом».

4 ноября в той же газете были напечатаны две статьи, посвященные Юань Шикаю. В них только что вступившего в должность наместника называли «китайским Вашингтоном».

Еще до этого послание примерно такого же содержания написал Юань Шикаю глава военного правительства провинции Хубэй Ли Юаньхун, официально пообещавший ему кресло первого президента Китайской Республики.[2]

9 ноября 1911 г. английский чиновник Э. Сагден докладывал начальнику таможенного управления Ф. Эглену:

> Согласно сообщению Ли Юаньхуна, он обратился по телеграфу к главам провинций и семеро из их числа уже выразили согласие учредить республику и выдвинуть Юань Шикая на пост президента.[3]

Одновременно с этим японский консул в Ханькоу сообщал в МИД, что, по имеющимся у него сведениям, пять руководителей революционных войск намерены обратиться к Юань Шикаю с предложением стать президентом республики.[4]

В тот же день, 9 ноября, Хуан Син написал Юань Шикаю письмо, пообещав ему, что на будущих выборах президента его как китайского

[1] 黃興集 (Собрание сочинений Хуан Сина). Пекин. 2011. С. 94.

[2] 張國淦 。孫中山與袁世凱的鬥爭 (*Чжан Гогань.* Борьба Сунь Ятсена с Юань Шикаем) // 近代史史料 (Документы новой истории Китая). Пекин. 1955. С. 4.

[3] 帝國主義與中國海關 (Империализм и китайская таможня). Вып. 13. Шанхай. 1964. С. 26.

[4] 近代史资料 (Материалы по новейшей истории Китая). 1961. № 1. С. 563.

Наполеона и Вашингтона поддержат не только провинции Хунань и Хубэй, но и все население Севера и Юга.[1]

Во время переговоров, которые во второй половине ноября вели в Ухане Лю Чэнъэнь и Цай Тингань, Ли Юаньхун неоднократно подчеркивал, что Юань Шикаю гарантирована победа на грядущих президентских выборах.[2]

Вопрос о том, что Юань Шикай должен стать президентом республики, был согласован в результате встреч Ляо Юйчуня с Гу Чжуншэнем, хотя в тексте соглашения имя Юань Шикая не упомналось.[3]

16 декабря в «Миньлибао» было опубликовано «Обращение к Тан Шаои», в котором было еще раз зафиксировано обещание Юань Шикаю.

23 декабря, после начала официальных переговоров Севера и Юга, Ли Юаньхун и У Тинфан подтвердили газете «Далубао», что если Юань Шикай даст свое согласие на учреждение республики, он будет избран ее президентом.

Чжэн Юйсю (1891–1959)

Среди революционеров были и те, кто не соглашался с решением гарантировать Юань Шикаю президентское кресло. Более того, кое-кто из них даже готовил теракт с целью его физического устранения. К числу последних принадлежала, в частности, известная террористка Чжэн Юйсю. Свой план она пыталась осуществить 1 января 1912 г., но покушение завершилось неудачей, а она сама была ранена.

Однако это были одиночки, составлявшие в лагере революции ничтожное меньшинство. Подавляющее большинство последовательно выступало за избрание Юань Шикая президентом. Мнение этого большинства выразил тогда Хуан Син:

> Юань Шикай сможет удержать в руках обстановку в целом, обеспечить координацию действий армии и народа, немедленно свергнуть маньчжурское правительство, ускорить стабилизацию ситуации и при-

[1] Собрание сочинений Хуан Сина. С. 81–82.

[2] 辛亥革命 (Синьхайская революция). Т. 8. Шанхай. 1957. С. 66.

[3] 李書城。辛亥前後黃克強先生的革命活動 (*Ли Шучэн.* Революционная деятельность Хуан Сина до и после 1911 г.) // 回憶辛亥革命 (Воспоминания о Синьхайской революции). Пекин. 1981. С. 156.

знание республики иностранцами. А именно этого хотят все люди в нашей стране.[1]

Его поддержали представители провинций, голосовавшие за соответствующие решения конференций в Ханькоу (7 декабря 1911 г.) и Нанкине (12 декабря 1911 г.).

Возникает вопрос: если курс на избрание Юань Шикая президентом был решен окончательно и однозначно, почему временным президентом Китайской Республики в конце концов оказался Сунь Ятсен?

Е. А. Белов, как мы видели, в свое время ответил на этот вопрос, утверждая, что причиной тому была популярность Сунь Ятсена, так что даже весьма умеренные делегаты нанкинской конференции поддержали его кандидатуру на пост временного президента республики. Однако факты говорят об ином.

Руководители революционного лагеря, не имевшие никаких источников пополнения своей казны, испытывали катастрофическую нужду в средствах, а возвращение Сунь Ятсена в родные пенаты было овеяно упорными слухами об огромных суммах денег, которые он привез с собой. По мнению многих, избрание д-ра Суня президентом республики хотя бы частично могло решить проблему, однако это означало бы, что в условиях, когда маньчжурское правительство еще не было свергнуто, Юань Шикай счел бы себя обманутым и – как знать! — мог отказаться от поддержки революции.

Выход найден

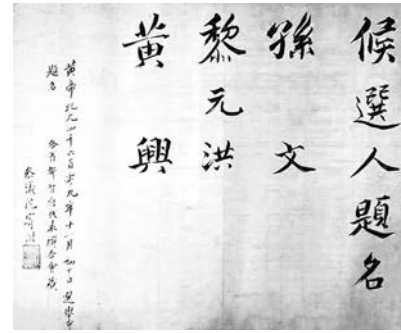
Выход из этого казавшегося безвыходным положения был все же найден: Сунь Ятсену предложили стать временным президентом, более того — не на весь срок вплоть до выборов постоянного президента, а лишь до момента отречения императора, после чего прерогативы временного главы республики должны были перейти, как и было обещано, к Юань Шикаю.

Единственное затруднение заключалось в том, что как раз в это время на переговорах Севера и Юга стороны уже пришли к соглашению о том, что решение о форме государственного устройства Китая должна принять созываемая специально для этого Национальная ассамблея. Были согласованы

[1] Хуан Син — Ван Цзинвэю, 9 декабря 1911 г. // Собрание сочинений Хуан Сина. С. 94.

нормы представительства от всех провинций и даже предложена дата начала её работы — 8 января 1912 г.

Тем не менее собравшиеся в Нанкине представители 17 провинций приняли 29 декабря 1911 г. резолюцию, отвергавшую созыв Национальной ассамблеи, и проголосовали за незамедлительное избрание временного президента.


候選人題名
孫文
黎元洪
黃興

Бюллетень на выборах Временного президента Китайской Республики

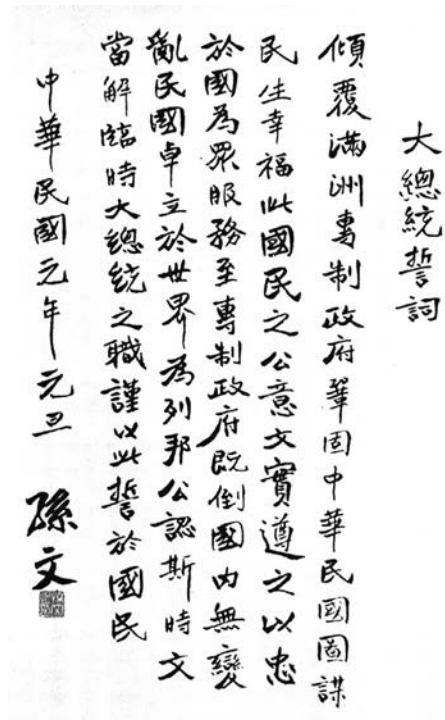
На выборах баллотировались три кандидата: Сунь Ятсен, Ли Юаньхун и Хуан Син.

Сунь Ятсен получил 16 голосов, став таким образом первым президентом Китайской Республики; Ли Юаньхун был избран вице-президентом.

В тот же день Сунь Ятсен послал ничего не подозревавшему Юань Шикаю телеграмму, в которой сообщал о случившемся и подтверждал, что готов передать ему свое президентское кресло.[1]

1 января 1912 г. состоялась церемония инаугурации, во время которой Сунь Ятсен произнес клятву и заверил граждан республики:

> Когда самодержавное правительство будет низвергнуто, в стране воцарится порядок, Республика займет подобающее ей место в мире и будет признана державами, я покину пост [временного президента].


大總統誓詞
傾覆滿洲專制政府鞏固中華民國圖謀
民生幸福此國民之公意文實遵之以忠
於國為眾服務至專制政府既倒國內無變
亂民國卓立於世界為列邦公認斯時文
當解臨時大總統之職謹以此誓於國民
中華民國元年元旦
孫文

Текст клятвы Временного президента Китайской Республики

[1] Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 29 декабря 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 172.

Для Юань Шикая факт избрания президента не Национальной ассамблеей, как было договорено, а представителями нескольких провинций, был полной неожиданностью, и он выразил на сей счет свое изумление.

Сунь Ятсену пришлось писать ему еще раз и разъяснять возникшее «недоразумение».[1]

Поскольку выборы президента были проведены вопреки решению, принятому на переговорах Севера и Юга в Шанхае, представитель Севера Тан Шаои 1 января 1912 г. подал в отставку. На следующий день Юань Шикай объявил, что отставка Тан Шаои принята.[2]

Для Юань Шикая, приложившего немало сил к тому, чтобы уговорить двор согласиться на созыв Национальной ассамблеи, избрание Сунь Ятсена было шоком

Сунь Ятсен не против этого варианта

Сунь Ятсен вернулся в Китай с твердой уверенностью в том, что будет избран первым президентом Китайской Республики без каких бы то ни было оговорок. Предложенный ему вариант был для него неожиданностью. Когда декабря во время встречи с представителями провинций во главе с Ма Цзюньу выяснилось, что ему хотят предложить пост временного президента, Сунь Ятсен был неприятно поражен и воскликнул: «Президент — это президент, зачем же добавлять к нему слово “временный”?»

Почему же Сунь Ятсен всё-таки согласился стать не полноправным, пусть и временным, президентом на весь полагающийся ему срок, а лишь халифом на час? Его собственные высказывания относительно его намерений были весьма противоречивы.

В письме Гомеру Ли от 31 октября 1911 г. он писал:

> Все [в Китае] хотят, чтобы я принял на себя руководство [революцией]. Если я получу финансовую поддержку, я, безусловно, смогу

[1] Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 4 января 1912 г. // Там же. С. 174.

[2] Идзюин — Утида, 2 января 1912 г. // Избранные документы внешней политики Японии. Синьхайская революция. С. 337.

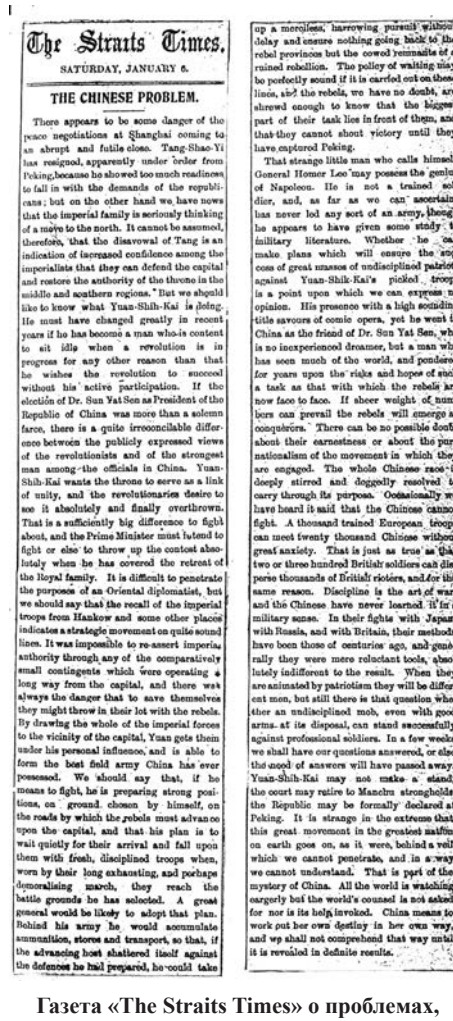
контролировать ситуацию. До моего прибытия [в Китай] создать сильное правительство невозможно.[1]

Однако 16 ноября Сунь Ятсен направил телеграмму Военному правительству в Ухане, в которой поддержал идею избрания Юань Шикая президентом.[2]

Столь же загадочно Сунь Ятсен высказывался в разговоре с Кэнтли. Он утверждал, что вовсе не домогается поста президента, но в то же время сказал: «Вы еще обо мне услышите!».[3]

Ответ на вопрос, каковы же были истинные планы Сунь Ятсена, он сформулировал Ху Ханьминю в Гонконге 21 декабря 1911 г.:

Говорят, что Юань Шикаю нельзя верить. Это действительно так. Но я использую его для того, чтобы свергнуть аристократическое маньчжурское самодержавие, [правящее Китаем] более 260 лет. Это лучше, чем посылать [на север] стотысячную армию. Если же Юань Шикай, беря пример с маньчжуров, будет



The Straits Times.

SATURDAY, JANUARY 6.

THE CHINESE PROBLEM.

There appears to be some danger of the peace negotiations at Shanghai coming to an abrupt and futile close. Tang-Shao-Yi has resigned, apparently under order from Peking, because he showed too much readiness to fall in with the demands of the republicans; but on the other hand we have news that the imperial family is seriously thinking of a move to the north. It cannot be assumed, therefore, that the disavowal of Tang is an indication of increased confidence among the imperialists that they can defend the capital and restore the authority of the throne in the middle and southern regions. But we should like to know what Yuan-Shih-Kai is doing. He must have changed greatly in recent years if he has become a man who is content to sit idle when a revolution is in progress for any other reason than that he wishes the revolution to succeed without his active participation. If the election of Dr. Sun Yat Sen as President of the Republic of China was more than a solemn farce, there is a quite irreconcilable difference between the publicly expressed views of the revolutionists and of the strongest man among the officials in China. Yuan-Shih-Kai wants the throne to serve as a link of unity, and the revolutionaries desire to see it absolutely and finally overthrown. That is a sufficiently big difference to fight about, and the Prime Minister must intend to fight or else to throw up the contest absolutely when he has covered the retreat of the Royal family. It is difficult to penetrate the purposes of an Oriental diplomatist, but we should say that the recall of the imperial troops from Hankow and some other places indicates a strategic movement on quite sound lines. It was impossible to re-assert imperial authority through any of the comparatively small contingents which were operating a long way from the capital, and there was always the danger that to save themselves they might throw in their lot with the rebels. By drawing the whole of the imperial forces to the vicinity of the capital, Yuan gets them under his personal influence, and is able to form the best field army China has ever possessed. We should say that, if he means to fight, he is preparing strong positions, on ground chosen by himself, on the roads by which the rebels must advance upon the capital, and that his plan is to wait quietly for their arrival and fall upon them with fresh, disciplined troops when, worn by their long exhausting, and perhaps demoralising march, they reach the battle grounds he has selected. A great general would be likely to adopt that plan. Behind his army he would accumulate ammunition, stores and transport, so that, if the advancing host shattered itself against the defences he had prepared, he could take up a merciless, harrowing pursuit without delay and ensure nothing going back to the rebel provinces but the cowed remnants of a ruined rebellion. The policy of waiting may be perfectly sound if it is carried out on these lines, and the rebels, we have no doubt, are shrewd enough to know that the biggest part of their task lies in front of them, and that they cannot shout victory until they have captured Peking.

That strange little man who calls himself General Homer Lea may possess the genius of Napoleon. He is not a trained soldier, and, as far as we can ascertain, has never led any sort of an army, though he appears to have given some study to military literature. Whether he can make plans which will ensure the success of great masses of undisciplined patriots against Yuan-Shik-Kai's picked troops is a point upon which we can express no opinion. His presence with a high sounding title savours of comic opera, yet he went to China as the friend of Dr. Sun Yat Sen, who is no inexperienced dreamer, but a man who has seen much of the world, and pondered for years upon the risks and hopes of such a task as that with which the rebels are now face to face. If sheer weight of numbers can prevail the rebels will emerge as conquerors. There can be no possible doubt about their earnestness or about the pure nationalism of the movement in which they are engaged. The whole Chinese race is deeply stirred and doggedly resolved to carry through its purpose. Occasionally we have heard it said that the Chinese cannot fight. A thousand trained European troops can meet twenty thousand Chinese without great anxiety. That is just as true as that two or three hundred British soldiers can disperse thousands of British rioters, and for the same reason. Discipline is the art of war, and the Chinese have never learned it in a military sense. In their fights with Japan, with Russia, and with Britain, their methods have been those of centuries ago, and generally they were mere reluctant tools, absolutely indifferent to the result. When they are animated by patriotism they will be different men, but still there is that question whether an undisciplined mob, even with good arms at its disposal, can stand successfully against professional soldiers. In a few weeks we shall have our questions answered, or else the mood of answers will have passed away. Yuan-Shih-Kai may not make a stand, the court may retire to Manchu strongholds, the Republic may be formally declared at Peking. It is strange in the extreme that this great movement in the greatest nation on earth goes on, as it were, behind a veil which we cannot penetrate, and in a way we cannot understand. That is part of the mystery of China. All the world is watching eagerly but the world's counsel is not asked for nor is its help invoked. China means to work out her own destiny in her own way, and we shall not comprehend that way until it is revealed in definite results.

Газета «The Straits Times» о проблемах, стоявших перед руководимым Сунь Ятсеном республиканским правительством

[1] 呂芳上。荷玛李档案简述 (*Люй Фаншан.* Краткий обзор архива Гомера Ли) // Источники и историография деятельности Сунь Ятсена (研究中山先生的史料与史学). Тайбэй. 1975. С. 432.

[2] ПССОГ. Т. 4. С. 169.

[3] Cantlie N. and G. Seaver. Sir James Cantlie: A Romance in Medicine. P. 106–110.

творить недобрые дела, нетрудно будет разделаться с ним, поскольку его база уже не та.[1]

Сунь Ятсен хотел использовать Юань Шикая в качестве орудия для свержения маньчжурской монархии, так как понимал, что в противном случае эта задача была невыполнима, но с самого начала имел в виду последующее низложение мавра, сделавшего свое дело. Прерогативы временного президента, пусть даже в их усеченном варианте, давали ему шанс подготовиться к решающей битве, которую он позднее назвал «второй революцией».

Для этого д-ру Суню было необходимо решить две задачи.

Во-первых, получить за границей деньги, достаточные для оснащения антиюаньшикаевской армии; во-вторых, найти предлог для начала военных действий, который мог бы убедить общественность в справедливости этой акции.

Сразу же после инаугурации Сунь Ятсен приступил к делу.

Временный президент Китайской Республики направляется в свой рабочий кабинет

[1] Запись этого разговора была опубликована в сингапурской газете «The Straits Times». Она была обнаружена тайваньским историком У Сянсяном во время его визита в Сингапур в 1962 г. (*У Сянсян.* Биография Сунь Ятсена (吴相湘。孙逸仙先生传). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 993.)

Временное правительство: однопартийное или коалиционное?

Согласие Сунь Ятсена быть избранным временным президентом, да к тому же с существенным ограничением срока полномочий, было с его стороны вынужденным компромиссом. Но это была не единственная уступка, а лишь первая в довольно длинном ряду.

Следующая за ней была связана с формированием Временного правительства Китайской Республики.

В отношении ветеранов Учана Сунь Ятсен непреклонен

В связи с составлением списка кандидатов на посты министров в окружении Сунь Ятсена разгорелись жаркие споры. По свидетельству Цзюй Чжэна, Сун Цзяожэнь настаивал на том, чтобы все они без исключения были бы членами «Объединенного союза». Хуан Син в принципе считал такой подход вполне справедливым, однако признавал, что в обстановке, сложившейся в конце 1911 г., создание однопартийного кабинета вызвало бы резко отрицательную реакцию в стране.[1]

Другими словами говоря, в правительство должны быть введены представители трех других общественных сил: военных, руководивших восстаниями на местах; сторонников конституционной монархии, уже вошедших в состав провинциальных правительств; бывших цинских чиновников, перешедших в ходе революции на сторону восставших.

Сунь Ятсен был вынужден принять эти соображения Хуан Сина, но с одним исключением. Он был категорически против включения в состав Временного правительства руководителей антиманьчжурских восстаний в провинциях. Для этого у него были определенные основания.

Всё дело в том, что авторитет Сунь Ятсена среди участников восстаний 1911 г. был весьма невысок. Достаточно сослаться на слова Цай Тинганя, сказанные им в разговоре с Дж. Моррисоном:

> Находясь в Учане, он спросил о том, какое участие в нынешней революции принимал Сунь Ятсен. Ему сказали, что Сунь Ятсен в восстании, являвшемся чисто военной акцией, не участвовал.

[1] 居正。辛亥札记 (*Цзюй Чжэн*. Заметки о Синьхайской революции) // 居正先生全集 (Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна). Т. 1. Тайбэй. 1998. С. 79.

> Революционеры, с которыми он встречался, неуважительно отзывались о человеке, бывшем не более чем барабанщиком революции, не принимавшим в ней фактического участия и всегда оказывающемся в стороне, чтобы спасти собственную шкуру.[1]

Простить учанцам столь нелестную оценку Сунь Ятсен не мог и полностью игнорировал их при составлении списка будущих министров и их заместителей.

Соратники Сунь Ятсена указывали ему на то, что позиция, занятая им в отношении ветеранов Синьхайской революции, неизбежно подольет масла в огонь взаимной неприязни. Но д-р Сунь был в этом отношении непримирим.

Сунь У (1879–1939)

Герой Учанского восстания Сунь У приехал в Нанкин рассчитывая получить пост заместителя военного министра, но тщетно.[2] После этого член Хубэйского военного правительства Сунь Фасюй заявил: «Нанкинское правительство не признает уроженцев Хубэя, а среди них много заслуженных и талантливых деятелей. Придется действовать самостоятельно, вопреки [Нанкину]».[3]

Действовать самостоятельно участники Учанского восстания начали 16 января 1912 г., когда Сунь У, Сунь Фасюй и Жао Ханьсян объявили о создании «Народного общества» («Миньшэ») и начали издавать оппозиционную Нанкину газету «Миньшэн жибао». Среди основателей «Общества» был также бывший член «Объединенного союза» Лю Чэнъюй. В противовес программе «Объединенного союза» руководство «Народного общества» выдвинуло в качестве целей своей деятельности «углубление знаний народа, исправление морали народа, накопление сил народа».[4]

---

[1] Ibid. P. 666.

[2] 李守孔。民初之国会 (*Ли Шоукун.* Парламент в первые годы Республики). Тайбэй. 1977. С. 45.

[3] 李西屏。武昌首义记事 (*Ли Сипин.* Записки об Учанском восстании) // 辛亥首义回忆录 (Воспоминания о восстании в год Синьхай). Т. 4. Ухань. 1981. С. 83.

[4] 曾业英、徐辉琪。民初政党概述 (*Цзэн Еин, Сюй Хуйци.* Очерк политических партий начала Республики) // Гуйчжоу шэхуй кэсюэ. 1982. № 3. С. 65.

Единственным учанцем в составе Временного правительства оказался Ли Юаньхун, занявший чисто номинальную должность вице-президента и реальной властью не обладавший. Ли Юаньхун это прекрасно понимал и потому отказался переезжать в Нанкин и по-прежнему остался у себя в Ухани.

Кончилось тем, что целый ряд ветеранов Синьхайской революции (и в их числе такой известный военный деятель, как Ли Сехэ) перешли на сторону Юань Шикая и впоследствии стали активными сторонниками реставрации монархии.

Президент и вице-президент Республики

Иначе дело обстояло с «бывшими»

Это может показаться парадоксом, но гораздо более благосклонным Сунь Ятсен был в отношении тех маньчжурских чиновников, которые в силу различных обстоятельств оказались попутчиками революции.

А. Н. Вознесенский (1881–1937)

Свое мнение по поводу того, почему это могло произойти, Хуан Син высказал А. Н. Вознесенскому, в послеоктябрьские годы ставшему «одним из столпов Наркоминдела», а в 1912 г. занимавшему пост секретаря российского консульства в Ханькоу:

> С момента торжества революции в среду республиканцев, т. е. в настоящий состав правительства, армии и администрации, вошли элементы по природе своей чуждые и даже враждебные духу нового строя. <...>
>
> Когда по общему настроению в стране стало видно, что старому режиму пришел конец — это было около конца ноября прошлого года — и что никакие победы горсти маньчжурских солдат не остановят естественного хода вещей, тогда один за другим крупнейшие сановники

империи стали переходить на сторону республики. Началось повальное предательство своего правительства.

Большинство подобных сановников, по большей части одной ногой стоящих уже в гробу, руководствовалось, как я думаю, только одним соображением: не потерять своего доходного места.

Одни, более апатичные, рассчитывали как-нибудь приладиться к новому режиму и продолжать свою прежнюю деятельность, стерев на своем ямыне слово «дацинский»; другие, более энергичные и честолюбивые, надеялись, полагаясь на свой государственный опыт, в недалеком будущем обратить новое течение в старое русло.

Ведь понятно, что лишенная административного опыта молодежь не могла пренебречь людьми государственного ума, хотя бы и старого режима; ведь понятно, что в армии должны были остаться специалисты, хотя бы служившие ранее маньчжурам; ведь понятно, что в дипломатии нужны люди, известные в Европе, хотя бы их деятельность была связана с дацинским двором.

Как бы ни была основательна ломка строя, мы не могли обойтись — скажем, временно — без опытных чиновников старого режима. Так и я понимал их значение, никогда и ни малейшим образом не доверяя их приверженности новому строю.[1]

Разумеется, не все цинские сановники, перешедшие в лагерь революции, руководствовались стремлением не потерять своего доходного места. Среди них были разные люди, движимые различными мотивами.

Были такие, кто поддержал революцию из идейных соображений и был готов честно и бескорыстно служить новой власти. Один из наиболее ярких примеров такого рода — видный дипломат и юрист У Тинфан.

Ван Чунхуй (1881–1958)

Еще в 1903–1906 гг. он разработал проект модернизации традиционной судебной системы и уголовного кодекса Китая, предусматривавший отмену жестоких методов смертной казни и применение пыток в ходе судебного разбирательства.

В 1909 г. был посланником Китая в США, Мексике и на Кубе. Вскоре после начала Учанского восстания У Тинфан написал обращение к маньчжурскому двору, призывая его к отречению импера-

[1] Отчет секретаря консульства в Ханькоу А. Вознесенского о беседе с Хуан Сином // Синьхайская революция. М. 1962. С. 251.

тора. Как уже говорилось, У Тинфан был представителем революционного лагеря на переговорах Севера и Юга.

Учитывая международный авторитет У Тинфана, Сунь Ятсен решает включить его в состав своего кабинета, и большинство в окружении вождя считало, что его место — в кресле министра иностранных дел. Но Сунь Ятсен был против, потому что утверждал, что внешнюю политику он будет курировать сам.

В итоге министром иностранных дел стал молодой и еще неопытный Ван Чунхуй, тогда как У Тинфан был назначен министром юстиции, что вызвало недоумение прочих руководителей «Объединенного союза».

По-разному сложилась судьба двух других крупных цинских чиновников — Сунь Баоци и Чэн Дэцюаня.

Сунь Баоци (1867–1931)

Сунь Баоци был губернатором провинции Шаньдун. Когда эта провинция объявила о своей независимости от Пекина, он остался на своей должности, однако затем объявил об отмене решения о противостоянии династии и тем скомпрометировал себя и в состав Временного правительства не попал. Своего звездного часа ему пришлось ждать целый год: вскоре после прихода к власти Юань Шикая он стал министром иностранных дел Пекинского правительства.

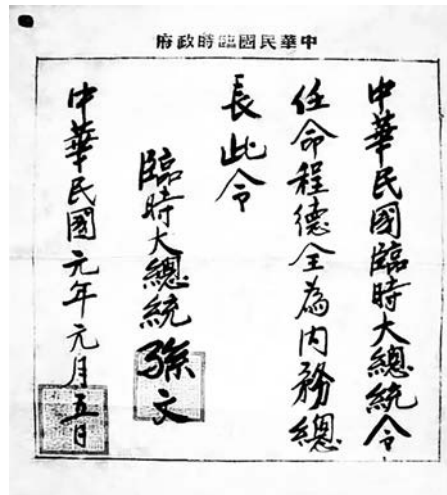
Бывший коллега Сунь Баоци, губернатор провинции Цзянсу Чэн Дэцюань после перемены власти также остался на своем посту, но в отличие от него не проявлял колебаний в своей приверженности новым порядкам. Это обстоятельство было по достоинству оценено в Нанкине, и Чэн Дэцюань был назначен министром внутренних дел.

Чэн Дэцюань (1860–1930)

Но он вовсе не домогался этой почетной должности, более того, воспринял свое новое назначение без должного энтузиазма и, получая министерское жалование, в столицу не перебрался, а, ссылаясь на старческие болезни, продолжал наслаждаться красотами Сучжоу.

Между прочим о болезнях Чэн Дэцюаня в упоминавшемся выше разговоре с А. Н. Вознесенским говорил Хуан Син:

> Лишь только отставка моя была принята, я телеграфировал *дуду* Чэн Дэцюаню в Сучжоу о принятии им моей должности. Он ответил, что нездоров и что не может оставить Сучжоу <...> А Вы знаете, что имя Чэн Дэцюаня в Сучжоу популярно и его отъезд мог быть истолкован превратно. Что же касается болезни Чэна, то она хроническая. Он всегда будет болен. Так я ему и ответил, прося по крайней мере принять временно заведывание гражданскими делами, дав мне возможность заняться последние дни военными.[1]



Указ Временного президента Китайской Республики о назначении Чэн Дэцюаня на должность министра внутренних дел

Кабинет заместителей министра

Когда в окружении Сунь Ятсена зашел спор о том, допустимо ли назначение на пост членов правительства «чуждых элементов», Хуан Син, настаивавший на неизбежности этого шага, добавил: «Так ведь есть еще заместители министров! Реальные полномочия будут в их руках, а министры будут занимать свои должности лишь номинально».

[1] Отчет секретаря консульства в Ханькоу А. Вознесенского о беседе с Хуан Сином // Синьхайская революция. М. 1962. С. 251.

Сунь Ятсен счел эту мысль прекрасным выходом из затруднительного положения. В результате первоначальный список членов правительства был пересмотрен, и «чужие» министры получили себе в помощники надежных ветеранов «Объединенного союза».

26 декабря 1911 г. Сунь Ятсен обсуждает в Шанхае состав будущего правительства

3 января 1912 г. собрание представителей провинций утвердило окончательный список министров Временного правительства Китайской Республики:

— военный министр — Хуан Син, его заместитель — Цзян Цзобинь;
— министр военно-морского флота — Хуан Чжунъин, его заместитель — Тан Сянмин;
— министр внутренних дел — Чэн Дэцюань, его заместитель — Цзюй Чжэн;
— министр иностранных дел — Ван Чунхуй, его заместитель — Вэй Чэньцзу;
— министр юстиции — У Тинфан; его заместитель — Люй Чжии;
— министр просвещения — Цай Юаньпэй; его заместитель Цзин Юэюэ;
— министр финансов — Чэнь Цзиньтао; его заместитель — Ван Цзыкуан;

Чжан Цзянь (1853–1926)

Чэнь Цзиньтао (1871–1939)

Хуан Чжунъин (1868–1912)

Сунь Ятсен открыл заседание правительства

— министр путей сообщения — Тан Хуалун, его заместитель — Ю Южэнь;

— министр торговли — Чжан Цзянь.

5 января под председательством Сунь Ятсена состоялось первое заседание Временного правительства.

Исследователи разошлись в своей оценке включения в состав Временного правительства «чуждых элементов». По мнению некоторых историков, это была ошибка Сунь Ятсена. Другие, напротив, считают, что расширение базы правительства было на пользу дела. С нашей точки зрения, это была вынужденная уступка, подобная другим компромиссам, на которые пришлось пойти Сунь Ятсену в январе 1912 г.

Временный президент Сунь Ятсен с членами парламента

Отречение Сюаньтуна и отставка Сунь Ятсена

В январе 1912 г. отречение императора и падение Цинской династии было лишь вопросом времени.

Император Сюаньтун

Рассуждая чисто теоретически, временный президент республики должен был использовать все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы ускорить это событие, знаменовавшее осуществление одной из главных целей революции и ликвидацию двоевластия в стране.

Но на практике всё было иначе.

Сунь Ятсен не форсирует переговоры

Сунь Ятсен, ожидавший со дня на день получения японских денег, делал всё от него зависящее, чтобы затянуть проходившие в Шанхае мирные переговоры Севера и Юга, чтобы выиграть время для подготовки свержения Юань Шикая с помощью военной силы.

Тем временем ситуация на переговорах изменилась. Тан Шаои подал в отставку с поста представителя Севера, и Юань Шикай принял ее.

У Тинфан информировал Нанкин:

> Юань Шикай неожиданно сместил своего делегата, сам общается со мной по телеграфу и намерен отменить договоренности, под которыми уже стоит подпись его полномочного представителя. Я считаю, что мирные переговоры нельзя вести путем обмена телеграммами; тем более нельзя аннулировать уже достигнутые договоренности.

Но Сунь Ятсена это не смутило.

4 января Сунь Ятсен дает указание У Тинфану ежедневно информировать его о ходе переговоров[1].

15 января У Тинфан получает телеграмму Сунь Ятсена:

> Если маньчжурский император отречется от престола и будет провозглашена республика, временное правительство не нарушит свое обещание и я официально объявлю о сложении своих полномочий и, учитывая заслуги Юань Шикая, предложу его в качестве первого кандидата [в президенты].[2]

18 января Сунь Ятсен предупреждает У Тинфана, что не следует спешить с заключением соглашения:

> Если договоренность будет достигнута в какие-нибудь два дня, над нами не только будут смеяться иностранцы, но это вызовет возражения южных провинций.

В той же телеграмме Сунь Ятсен сообщает У Тинфану условия соглашения:

1) С отречением маньчжурского императора он одновременно лишается всех своих властных полномочий и не должен передавать их своим подчиненным.
2) В Пекине не должно создаваться другое временное правительство.
3) Получив телеграмму из Пекина об отречении императора, революционное правительство информирует об этом иностранные державы и просит их о признании Китайской Республики.

---

[1] Сунь Ятсен — У Тинфану, 4 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 174.

[2] Сунь Ятсен — У Тинфану, 15 января 1912 г. // Там же. С. 180.

The President's Telegraph Office.

報來房報府統總

STATION, the Journ. No.

Received. Retransmitted. Sent out. Service Remarks

TELEGRAM Nr. Class Words.

Given in at the 10 H.

Телеграмма У Тинфана Сунь Ятсену от 30 января 1912 г.

4) Сразу же после этого я сообщаю парламенту о своей отставке и публикую сообщение о том, что сложил свои полномочия в соответствии с согласованным ранее сроком.
5) Я прошу парламент избрать Юань Шикая президентом.[1]

Однако на следующий день в Шанхай была отправлена еще одна телеграмма:

> Прошу срочно сообщить Тан Шаои, что вместо пунктов 3, 4 и 5 во вчерашней телеграмме следует читать: «После признания Китайской Республики державами временный президент слагает с себя полномочия и обращается к парламенту с просьбой избрать президентом республики Юань Шикая».[2]

Ясно, что это принципиально меняло изложенные ранее условия: предвидеть, когда вслед за отречением императора державы признают

[1] Сунь Ятсен — У Тинфану, 18 января 1912 г. // Там же. С. 182.
[2] Сунь Ятсен — У Тинфану, 19 января 1912 г. // Там же. С. 183.

Китайскую Республику и признают ли они ее вообще, было невозможно. В Шанхае вновь начались дебаты, еще несколько дней было выиграно.

Тем временем 21 января Сунь Ятсен уполномочил У Тинфана потребовать, чтобы маньчжурское правительство либо заменило своего представителя Тан Шаои другим человеком, либо ускорило обсуждение повестки дня — маневр с целью переложить на Пекин ответственность за затягивание переговоров.[1]

Ультиматум Сунь Ятсена

22 января Сунь Ятсен послал У Тинфану телеграмму, содержание которой тот должен был сообщить Юань Шикаю. Китайские газеты назвали эту телеграмму «ультиматумом»:

> Из сообщений прессы ясно, что Юань Шикай хочет не только порвать с маньчжурским правительством, но одновременно ликвидировать республиканское правительство и создать в Пекине свое временное правительство.
>
> Каким оно будет — самодержавно-конституционным? Или республиканским? Кто знает! Кто может гарантировать, что это правительство будет республиканским?
>
> Поэтому я в недавней телеграмме заявил о том, что уйду в отставку только после признания республики державами. Это сделано с целью укрепить базу республики, так что моя нынешняя позиция ничуть не противоречит прежней. Если Юань Шикай порвет с маньчжурским правительством и станет гражданином республики, я выполню это свое обещание.

Далее Сунь Ятсен изложил свои прежние условия в новой редакции:

1) После отречения императора Юань Шикай немедленно уведомляет об этом аккредитованных в Пекине иностранных послов и сообщает республиканскому правительству, что отречение состоялось (или поручает аккредитованному в Шанхае консулу сообщить об этом).
2) Одновременно Юань Шикай выступает с заявлением о своей политической позиции, т. е. о том, что он безоговорочно поддерживает республиканскую форму правления.
3) Получив от дипкорпуса или консула сообщение о том, что император отрекся от престола, слагает с себя полномочия временный президент.
4) Парламент избирает Юань Шикая временным президентом.

[1] Сунь Ятсен — У Тинфану, 21 января 1912 г. // Там же. С. 186.

5) После избрания временным президентом Юань Шикай может вступить в должность только после того, как произнесет клятву соблюдать принятую парламентом конституцию.

Таким образом, Сунь Ятсен еще раз изменил свои условия, потребовав, чтобы об отречении императора ему было сообщено через посредство иностранных дипломатов, хотя было неясно, захотят ли они участвовать в этой процедуре.

И в заключение Сунь Ятсен сформулировал главное:

> Если Юань Шикай не выполнит эти требования, т. е. не захочет признать республику и решить проблему мирным путем, то льготы императору и маньчжурской армии не смогут быть осуществлены, военные действия возобновятся, в Поднебесной прольется кровь и будет ясно, кто несет ответственность за это.[1]

Суньятсеновский ультиматум вызвал негативную реакцию китайского общественного мнения. Достаточно сослаться на газету «China Press», опубликовавшую статью под названием «Сунь Ятсен, а не маньчжуры срывает соглашение».

В ней, в частности, говорилось:

> Что произойдет в будущем, никто не может предсказать. Действия нанкинского правительства одним ударом разрушили то, что было с трудом достигнуто за несколько недель.[2]

29 января, спустя три дня после того, как в Нанкине был парафирован текст соглашения с японцами о Ханьепинском комбинате, Сунь Ятсен, уверенный, что теперь финансовая помощь с Востока ему обеспечена, дал телеграмму У Тинфану, в которой говорилось уже не о «заслугах» Юань Шикая, как прежде, а о его «преступлениях» и о том, что «армия и народ всей страны преисполнены решимости уничтожить Юань Шикая».[3]

Правда, в окружении Сунь Ятсена этот демарш был сочтен преждевременным, и один из соратников президента Фэн Цзыю официально выразил удивление несанкционированными действиями редакций тех газет, которые перепечатали телеграмму от 29 января, о которой в секретариате президента якобы ничего не было известно, и потребовал дать опровержение.[4]

Последующие события подтвердили, что подобная осторожность Фэн Цзыю отнюдь не была излишней.

---

[1] Сунь Ятсен — У Тинфану, 22 января 1912 г. // Там же. С. 187.

[2] Sun Yat Sen, not Manchus, Blocks the Settlement // China Press, January 24, 1912.

[3] Сунь Ятсен — У Тинфану, 22 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 187.

[4] Фэн Цзыю — в редакции газет, 30 января 1912 г. // Там же.

Политические игры на переговорах в Шанхае шли своим чередом, а в Пекине в это время происходили не менее судьбоносные события.

Свершилось!

Шестилетний Сюаньтун, разумеется, не принимал участия в спорах о судьбе династии, а в среде высшей маньчжурской знати мнения разделились. Некоторые сановники признавали тот неоспоримый факт, что дни династии сочтены; другие выражали намерение стоять до конца.

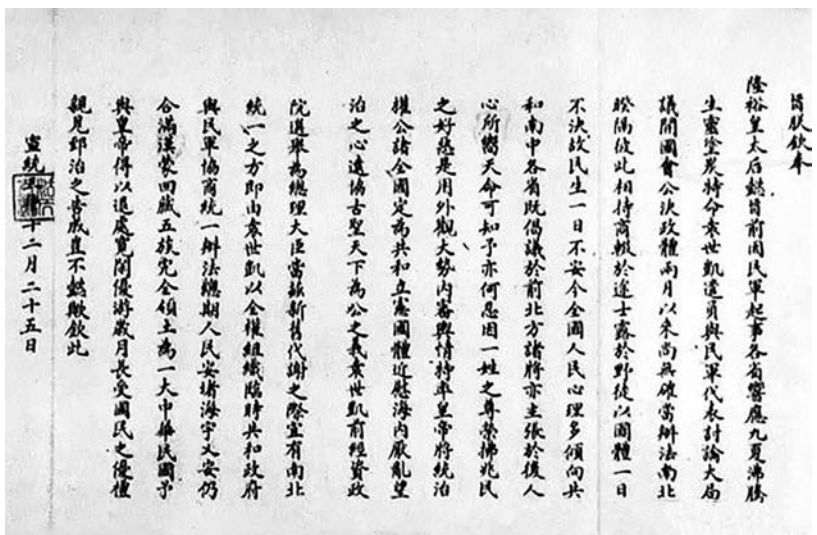
26 января глава «твердолобых» Лян Би был убит членом «Объединенного союза» Пэн Цзячжэном.

На этом споры во дворце прекратились. Стало ясно, что часы пробили полночь.

Через две недели, 12 февраля, в результате окончательного согласования льгот, которые должны были получить члены императорского двора после падения династии, был издан эдикт вдовствующей императрицы Лунъюй об отречении Сюаньтуна.

Цинская династия прекратила свое существование.

Юань Шикай не замедлил подробно информировать об этом Временное правительство, телеграфировав эту новость в Шанхай и Нанкин.



Эдикт об отречении Сюаньтуна от престола

The President's Telegraph Office.
報來房報府統總
STATION, the Jourl. No.
Received. Retransmitted. Sent out. Service Remarks
from to the H M /m. the H M /m. Stat. Mess
by me by me by me
TELEGRAM Nr. Class Words.
Given in at the 19 H. M. /m.

Юань Шикай сообщает об отречении Сюаньтуна (фрагмент)

После этого Юань Шикай приказал срезать его косу — символ преданности маньчжурам. Эту ответственную операцию он поручил своему наперснику Цай Тинганю.[1]

14 февраля Сунь Ятсен обратился в парламент с заявлением об отставке:

> Я, президент, руководствуюсь решимостью моих соотечественников учредить республиканскую форму правления и свергнуть самодержавие. Повсюду в стране были сформированы добровольческие армии. Вся нация рассматривала лишение маньчжурского императора его власти как вопрос исключительной важности, понимая, что в том случае, если трон продолжит свое существование, улучшений [в жизни народа] не произойдет. Поэтому ему было предложено отречься. Ныне издан указ,

[1] Ts'ai T'ing-kan to Morrison/ 16 February, 1912 // The Correspondence of G. E. Morrison, 16. T. 1. P. 737.

«Отныне Юань Шикай будет ходить без косы» (обложка французского журнала «Le Petit Journal»)

провозглашающий отречение императора, согласие на учреждение федеральной формы правления и признание Китайской Республики. Согласно воле всего китайского народа императорская власть отныне и навек прекращает свое существование. Настало время, когда Республика должна быть учреждена надлежащим образом.

Я, президент, был избран для того, чтобы быть слугой народа. Я дал торжественную клятву свергнуть самодержавную власть и принять меры к тому, чтобы твердо установить республиканскую форму правления. Эта клятва имела своей целью гарантировать процветание и счастье народа. Я должен был уйти в отставку сразу же после того, как самодержавие будет свергнуто, в стране воцарится порядок, а созданная Республика будет признана иностранными державами. Ныне маньчжурский император отрекся от престола, самодержавие перестало существовать, Север и Юг пришли к согласию и беспорядкам положен конец, а мы денно и нощно надеемся на признание Республики державами. Поэтому я, президент, должен в соответствии со своей клятвой уйти в отставку. Я обращаюсь с этим письмом к членам парламента как представителям народа и прошу вас избрать достойного человека, который прибыл бы в Нанкин и вступил в мои права с тем, чтобы я мог покинуть свой офис на следующих условиях:

1) местопребыванием Временного правительства должен быть Нанкин, поскольку это было решено представителями народа и не может быть изменено;
2) после моей отставки я должен дождаться избрания парламентом моего преемника и после того, как он лично прибудет в Нанкин, я вместе членами кабинета покину свой пост;
3) установления о деятельности Временного правительства будут приняты парламентом, и новый президент должен будет соблюдать их.[1]

[1] Letter of Resignation Sent by the Provisional President, Sun Wen, to the Nanking Assembly // USDS 893.00/1227.

В тот же день Сунь Ятсен телеграфировал Юань Шикаю:

> Сегодня я и руководители всех министерств подали в парламент заявления об отставке, которые были приняты <...>. Одновременно я высказался в пользу избрания Вас на пост Временного президента. Завтра в 14:00 парламент соберется для проведения выборов.<...>[1]

На следующий день Юань Шикай ответил Сунь Ятсену:

> Я получил Вашу телеграмму, отдал должное ее содержанию и объят чувствами стыда и страха. У меня нет слов, чтобы выразить мое восхищение Вашей скромностью. Но современных трудностей слишком много, и неисчислимые проблемы требуют внимания к себе. Они не смогут быть решены, если для этого будет по ошибке избран такой человек, как я. Если я, не оценив обстановку, необдуманно займу этот пост, я останусь в долгу как перед тяжкой ответственностью, возложенной на меня народом, так и перед Вашей щедрой рекомендацией. Я искренне надеюсь на то, что парламент изберет кого-то другого, обладающего добродетелями и способностями, и даст мне, Юань Шикаю, возможность провести отведенный мне срок жизни в уединении как простому гражданину Республики. Это удовлетворит все мои амбиции. О том, что недосказано в этом послании, по моей просьбе Вам сообщит Тан Шаои.[2]

15 февраля 1912 г. парламент единогласно избрал Юань Шикая новым Временным президентом Китайской республики. Ли Юаньхун остался на своем посту вице-президента.

Проблема международного признания

Вступая в права президента, Сунь Ятсен объявил, что одна из его задач на этой должности — добиться международного признания Китайской Республики. Поэтому уже в первые дни пребывания на этой должности он вместе с министром иностранных дел Ван Чунхуем предпринимает ряд мер в этом направлении.

Обращение к державам

Что должно предпринять Временное правительство, чтобы способствовать скорейшему признанию республики державами, — этот вопрос

[1] Sun Yat-sen to Plenipotentiary Yuan, February 14, 1912 // USDS 893.00/1228.

[2] Reply of Plenipotentiary Yuan to Sun Yan-sen, February 15, 1912 // Ibid.

У. Дональд (1875–1946)

дискутировался на заседании в Министерстве иностранных дел в начале января 1912 г.

Участники обсуждения пришли к выводу, что выдвижение радикальных требований, связанных с аннулированием невыгодных для Китая международных договоров, ранее навязанных ему державами, может воспрепятствовать признанию и потому неприемлемо. Было признано целесообразным отложить решение проблемы неравноправных договоров на неопределенное будущее время, а пока пойти на компромисс и признать эти договоры сохраняющими свою силу, дабы, сделав уступку державам, добиться от них признания *de jure*.

По указанию Сунь Ятсена министр иностранных дел Ван Чунхуй обратился к известному австралийскому журналисту У. Дональду с просьбой составить в указанном духе текст «Обращения Временного президента к дружественным державам».

Дональд весьма критически относился к Сунь Ятсену и всей его деятельности, но не счел себя вправе отказывать в просьбе и подготовил требуемый документ в лучших традициях английской стилистики. Написанный им текст был подвергнут детальному обсуждению в узком кругу ближайших сподвижников временного президента, после чего Сунь Ятсен поставил под ним свою подпись.

«Адресуя ныне всему человечеству это исполненное стремления к миру и добрых намерений обращение, — говорилось в документе, — Китайская Республика выражает свою глубокую надежду на то, что она сможет стать членом сообщества стран, признанного международным правом, и не только пользоваться ответствующими правами и преимуществами, но и вместе со всеми странами способствовать вечному прогрессу человеческой цивилизации. В наши дни нет задачи более благородной и важной».[1]

Основные принципы политики Временного правительства по отношению к правам иностранных держав и их граждан, полученным ими от маньчжурского правительства, были сформулированы в обращении следующим образом:

1. Республика признает сохранившими силу вплоть до истечения их срока все договоры, заключенные маньчжурским правительством

[1] 对外宣言书 (Обращение к иностранным державам), 5 января 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 11.

с иностранными державами до революции. Договоры, заключенные после начала революции, не признаются.

2. Республика признает свои обязательства по внешним займам, заключенным маньчжурским правительством, и не будет изменять их условия. Займы, полученные после выступления Революционной армии, не признаются. <...>
3. Республика также будет уважать все права, полученные от маньчжурского правительства государствами или их отдельными гражданами. Права, полученные после выступления Революционной армии, не признаются.
4. Республика будет уважать и охранять жизнь и собственность иностранных граждан на территории, находящейся под юрисдикцией республиканских властей.[1]

5 января текст обращения был разослан во все иностранные миссии и в редакции газет.[2]

Однако ответа на него так и не последовало. Что же касается реакции газет, издававшихся в Китае на английском языке, то она была явно негативной.

Так, 10 января «Peking Daily News» напечатала отклик на «Обращение», озаглавленный «Республиканское правительство издает манифест. Просит о признании. Манифест не достигает цели»:

> Манифест не произвел большого впечатления, поскольку считают, что республиканскому правительству еще предстоит продемонстрировать, что оно обладает теми необходимыми качествами, которые дают ему право на признание в соответствии с обычаем международного права.[3]

Тем не менее Сунь Ятсен и Ван Чунхуй продолжали действовать.

10 января Сунь Ятсен послал телеграмму министру иностранных дел Франции:

> Имею честь уведомить Вас, что г-н Чжан Ишу назначен полномочным представителем Временного правительства Китайской Республики во Франции с целью установления дружественных отношений между двумя братскими республиками и осуществления совместных усилий, направленных на прогресс цивилизации и развитие торговли и промышленности.[4]

---

[1] Там же. С. 10.

[2] С. Л. Тихвинский допускает неточность, полагая, что 6 января 1912 г. в газете «North China Daily News» был опубликован английский перевод «Обращения» (*Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 139). Текст документа был написан У. Дональдом по-английски.

[3] Peking Daily News, January 10, 1912.

[4] 致法国政府电 (Телеграмма правительству Франции), 11 января 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 16–17.

Ответа на телеграмму не поступило.

17 января Ван Чунхуй обратился к министрам иностранных дел США, Франции и Японии с посланием, в котором, в частности, говорилось:

> Республиканское правительство создано. Наилучшим способом способствовать контактам между иностранными государствами и нашей страной и облегчить исполнение ею международных обязанностей является скорейшее признание нашего правительства.[1]

19 января Ван Чунхуй вновь призвал правительства США, Франции, Англии и др. стран признать республиканское правительство Китая сразу же после отречения маньчжурского императора, чтобы «избежать беспорядков, которые могут возникнуть во время смены правительства».[2]

Параллельно Временное правительство принимало меры к тому, чтобы предотвратить на местах какие бы то ни было акции, которые нарушили бы содержавшееся в «Обращении» обещание державам, разъясняя при этом, что в настоящее время «приходится идти на уступки иностранцам».[3]

10 февраля в Нанкине состоялась встреча Сунь Ятсена с секретарем посольства США Ч. Тэнни, на которой присутствовал журналист Ф. Мак-Кормик. Речь шла о признании Временного правительства Китайской Республики.

Тэнни заверил Сунь Ятсена в дружеских чувствах, которые питают к Китаю правительство и народ Соединенных Штатов, но дал ему понять, что республиканское правительство может рассчитывать на международное признание лишь после объединения страны, которое должно последовать за отречением Сюаньтуна.

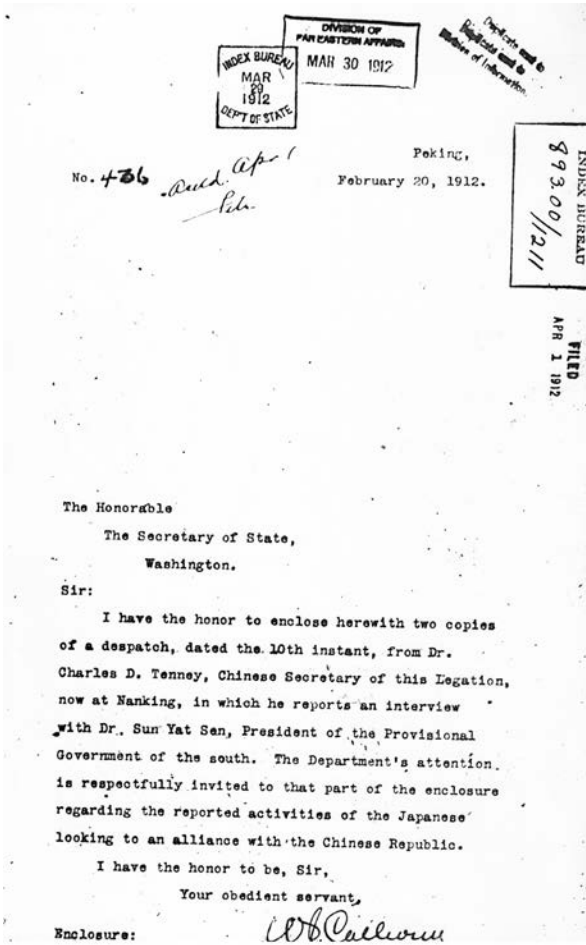
> Я спросил д-ра Суня, что он намерен предпринять сразу после отречения, если таковое последует. Он ответил, что столица должна быть немедленно перенесена в Нанкин. Юань Шикай сообщил, что ему трудно найти подходящего человека, которому можно было бы поручить контроль над Пекином, но с этим нет необходимости спешить, поскольку Юань Шикай в случае необходимости может оставаться на

---

[1] Цит. по: 俞幸焞。辛亥革命时期中日外交史 (*Юй Синтунь.* История дипломатических отношений между Китаем и Японией в период Синьхайской революции). Тяньцзинь. 2000. С. 102.

[2] 吴东之。中国外交史。中华民国时期1911–1949 (*У Дунчжи.* История дипломатии Китая. Период Китайской Республики. 1911–1949). Кайфэн. 1994. С. 6.

[3] 北洋军阀史料选辑 (Избранные материалы о бэйянских милитаристах). Т. 1. Пекин. 1981. С. 146.



DIVISION OF FAR EASTERN AFFAIRS
MAR 30 1912
INDEX BUREAU MAR 29 1912 DEPT OF STATE
INDEX BUREAU 893.00/1211
FILED APR 1 1912

No. 436 Rec'd Apr 1

Peking,
February 20, 1912.

The Honorable
The Secretary of State,
Washington.

Sir:

I have the honor to enclose herewith two copies of a despatch, dated the 10th instant, from Dr. Charles D. Tenney, Chinese Secretary of this Legation, now at Nanking, in which he reports an interview with Dr. Sun Yat Sen, President of the Provisional Government of the south. The Department's attention is respectfully invited to that part of the enclosure regarding the reported activities of the Japanese looking to an alliance with the Chinese Republic.

I have the honor to be, Sir,
Your obedient servant,

Enclosure:

Сопроводительное письмо посланника У. Кэлхуна, направившего доклад Ч. Тэнни госсекретарю США, от 10 февраля 1912 г.

Севере в течении двух-трех недель, осуществляя там военный контроль, и прибыть на Юг после принятия необходимых мер по поддержанию порядка на Севере.

Я спросил его, каким образом он предполагает поддерживать международные отношения в то время, когда иностранные посольства остаются в Пекине, а китайское правительство, включая министерство иностранных дел, будет находиться в Нанкине. Он высказал предположение о том, что это в качестве временной меры можно будет делать через консульства <...>

> Я заверил его, что Америка не отстанет от других стран и продемонстрирует Китаю свою дружбу, как только китайцы окончательно преодолеют свои внутренние противоречия и Север воссоединится с Югом.[1]

Сунь Ятсену стало ясно, что надежд на незамедлительное признание республики державами больше нет. Тем не менее в разговоре с Мак-Кормиком он не мог удержаться, чтобы не посетовать на досадную пассивность своих заокеанских друзей:

> Президент Сунь Ятсен <...> заговорил со мной о необходимости признания республики. <...>
>
> «Мы вне закона, — сказал президент. — У нас 360 миллионов населения, и мы владеем пятнадцатью провинциями до самых границ Бирмы. У нас есть правительство, но мы вне закона. Мы не можем продолжать далее таким образом! Народ настаивает. Он не может понять, почему державы не признают нас, он не может понять иностранной политики. Вы знаете, что повсюду в народе есть враждебное чувство к иностранцам. И оно может усилиться. Мы не будем в состоянии сдерживать его, так как ничего не можем ответить китайскому народу, который не дает нам покоя. В самом деле, все выражают нам дружбу, но мы больше всего нуждаемся в официальном признании. Вы должны признать нас!»[2]

Но это был голос вопиющего в пустыне.

Сурабайский инцидент

Признание *de jure* было делом не только престижа. Непризнанные нанкинские власти были лишены возможности напрямую общаться с правительствами держав, чтобы улаживать возникавшие международные конфликты. Одним из таковых стал т. н. «сурабайский инцидент».

19 февраля китайские иммигранты, проживавшие в г. Сурабая на о-ве Ява, отметили отречение маньчжурского императора выйдя на улицу, вывесив пятицветные флаги и взрывая петарды. Голландские власти сочли это нарушением общественного порядка, восстанавливать который принялась полиция. Три китайца были убиты, многие ранены, более ста арестованы. В знак протеста против применения силы владельцы китайских лавок и харчевен объявили забастовку.

Полиция продолжала наводить порядок, в результате более 400 иммигрантов было брошено за решетку.

---

[1] Ch. Tenney to W. Calhoun, February 10, 1912 // USDS. 893.00/1211.

[2] *Мак-Кормик Ф.* Китайская революция. СПб. 1914. С. 103–104.

Торговые улицы Сурабаи опустели

Представители пострадавших направили телеграммы Пекинскому и Нанкинскому правительствам, а также шанхайской Ассоциации китайских иммигрантов с требованием защитить их от действий властей.

21 февраля Ван Чунхуй, получив телеграмму из Сурабаи, обратился к только избранному, но еще не приступившему к исполнению своих обязанностей президенту Юань Шикаю, указав на то, что произошедший инцидент нанес ущерб имиджу республики и потому требует немедленной реакции правительства.[1]

23 февраля Ван Чунхуй вновь написал Юань Шикаю:

> Китайские иммигранты в голландской колонии отмечали важное событие в жизни республики и не совершили ничего противозаконного. Голландские власти вмешались, не имея к тому никаких оснований, что привело к убийствам, ранениям и многочисленным арестам, закрытию газет, нарушению транспорта и прочим жестокостям, которые наносят ущерб китайско-голландской дружбе. Прошу сделать серьезное представление посланнику Голландии.[2]

Голландские власти ответственность за произошедшее не признали и со своей стороны направили ноту посланнику Китая в Голландии Лю Цзинжэню, упрекая его в том, что он сообщил своим соотечествен-

[1] Ван Чунхуй — Юань Шикаю, 21 февраля 1912 г. // 王宠惠先生文集 (Собрание сочинений Ван Чунхуя). Пекин. 1982. С. 632–633.

[2] Ван Чунхуй — Юань Шикаю, 23 февраля 1912 г. // Там же. С. 634.

никам на Яве о событиях, происходивших на родине.[1]

Время шло, а дело не продвигалось вперед. Ван Чунхуй вновь обратился в Пекин:

> Неужели же только что созданная республика будет вести себя столь же безответственно, как маньчжурский двор, бросая своих зарубежных соотечественников на произвол судьбы? Наши иммигранты подверглись жестокому обращению, и если им немедленно не оказать помощь, их страдания будут увеличиваться день ото дня. <...>
>
> Сейчас необходимо потребовать от голландского представителя срочно телеграфировать своим властям с тем, чтобы немедленно освободить заключенных и уплатить денежную компенсацию за убитых и раненых, а также за причиненный материальный ущерб.[2]

Лю Цзинжэнь (1866–?)

Аналогичная резолюция была принята нанкинским парламентом, а Временное правительство телеграфировало Лю Цзинжэню:

> Первое: потребуйте от голландского правительства немедленно освободить арестованных и выплатить компенсацию за убитых, раненых и пострадавших; второе: ответственность за произошедшее целиком на голландской стороне, поэтому не следует принимать во внимание их отпирательство, нужно действовать принципиально и не идти на уступки.[3]

Характеризуя произвол голландских властей, Ван Чунхуй писал, что по действующим там законам арестованные китайцы не имеют права апеллировать к суду. Продержав их неделю, им произвольно вменят преступление. Нанять защитника арестованный не может. Приговор, вынесенный полицейскими, является окончательным и обжалованию не подлежит. При этом подобные установления применяются только к китайцам.[4]

---

[1] 中华民国大事记 (Важнейшие события истории Китайской Республики). Пекин. 1997. С. 190.

[2] Ван Чунхуй — Юань Шикаю, 26 февраля 1912 г. // Собрание сочинений Ван Чунхуя. С. 634.

[3] Линьши чжэнфу гунбао, 28 февраля 1912 г.

[4] Собрание сочинений Ван Чунхуя. С. 634.

27 февраля Ван Чунхуй получил телеграмму Тан Шаои, который сообщал о том, что в разговоре с ним голландский посланник согласился на то, чтобы китайская сторона «в неофициальном порядке» обратилась к правительству Голландии с просьбой не запрещать вывешивание китайских флагов и по мере возможности освободить часть арестованных.[1]

Такая постановка вопроса не устроила Ван Чунхуя. В своем ответе Тан Шаи он категорически высказался против того, чтобы требования к голландской стороне были сформулированы «в неофициальном порядке». Кроме того, дело было не в праве вывешивать свои национальные флаги, а в освобождении арестованных и получении компенсации.[2]

Настойчивость министра иностранных дел, со дня на день готовившегося покинуть свой служебный кабинет, дала свои плоды. В результате переговоров с Лю Цзинжэнем голландская сторона согласилась, во-первых, наказать лиц, ответственных за смерть китайских иммигрантов; во-вторых, оплатить похороны погибших и выплатить вспомоществование их семьям; в-третьих, оплатить лечение раненых; в-четвертых, компенсировать ущерб, нанесенный имуществу китайских иммигрантов; в-пятых, впредь при рассмотрении подобных инцидентов гарантировать китайцам равные права с гражданами Голландии.[3]

Настойчивость Ван Чунхуя принесла свои плоды

Своим участием в урегулировании Сурабайского инцидента Ван Чунхуй наглядно продемонстрировал, что даже при самых неблагоприятных обстоятельствах политика уступок отнюдь не всегда является оптимальным выходом из сложного положения.

[1] Важнейшие события истории Китайской Республики. С. 190.

[2] Собрание сочинений Ван Чунхуя. С. 636.

[3] *У Дунчжи.* История дипломатии Китая. Период Китайской Республики. 1911–1949. С. 7.

Юань Шикай тоже добился признания не сразу

В 1911 г. маньчжурское правительство имело дипломатические отношения с 19 зарубежными странами — Англией, Россией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Швецией, Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией, Италией, Португалией, Испанией, Соединенными Штатами Америки, Бразилией, Перу, Мексикой, Кубой и Японией. То или иное решение вопроса о признании только что появившейся на свет Китайской Республики зависело в первую очередь от трех крупнейших европейских государств, России, Японии и Соединенных Штатов.

После того как Сунь Ятсен ушел с поста президента, он продолжал добиваться признания Республики державами. Он писал американскому миллиардеру О. Брауну:

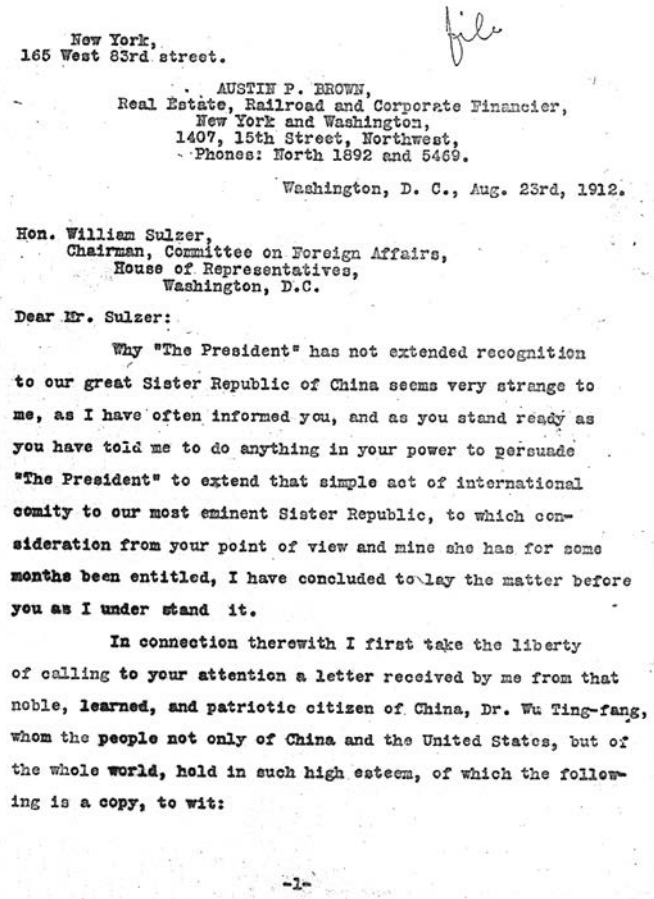
> Уважаемый сэр,
>
> Я получил Ваше письмо от 23 апреля с приложениями, в которых говорится о Ваших усилиях, направленных на признание Китайской Республики правительством Соединенных Штатов, за что примите наилучшие выражения моей благодарности.
>
> Естественно, представляется желательным, чтобы иностранные державы все вместе как можно скорее признали мое государство, и мы надеемся, что первой в их ряду будет родина Вашингтона. Скорейшее признание будет полезным не только двум странам, но будет во многом содействовать прогрессу всеобщего мира.
>
> Благодарю за любезные усилия, прилагаемые Вами в этом отношении.
>
> Искренне Ваш,
>
> Сунь Ятсен[1]

Получив письмо Сунь Ятсена, которого он считал, между прочим, самым выдающимся политическим деятелем современного Китая, Браун разворачивает бурную деятельность, бомбардируя МИД телеграммами и письмами.

23 августа Браун пишет пространное письмо председателю Комитета по иностранным делам Палаты представителей США У. Сульцеру.

> Мне кажется странным, что президент не признал нашу великую братскую Китайскую Республику. Поскольку Вы, как я знаю с Ваших слов, готовы сделать всё, что в Ваших силах, чтобы уговорить президента распространить этот элементарный акт международной вежливости на нашу самую выдающуюся братскую республику, рассчиты-

[1] Enclosure to: Brown to Wilson, April 4, 1913 // USDS. 893.00/1634.



New York,
165 West 83rd street.

AUSTIN P. BROWN,
Real Estate, Railroad and Corporate Financier,
New York and Washington,
1407, 15th Street, Northwest,
Phones: North 1892 and 5469.

Washington, D. C., Aug. 23rd, 1912.

Hon. William Sulzer,
Chairman, Committee on Foreign Affairs,
House of Representatives,
Washington, D.C.

Dear Mr. Sulzer:

Why "The President" has not extended recognition to our great Sister Republic of China seems very strange to me, as I have often informed you, and as you stand ready as you have told me to do anything in your power to persuade "The President" to extend that simple act of international comity to our most eminent Sister Republic, to which consideration from your point of view and mine she has for some months been entitled, I have concluded to lay the matter before you as I under stand it.

In connection therewith I first take the liberty of calling to your attention a letter received by me from that noble, learned, and patriotic citizen of China, Dr. Wu Ting-fang, whom the people not only of China and the United States, but of the whole world, hold in such high esteem, of which the following is a copy, to wit:

-1-

Первая страница письма О. Брауна от 23 августа 1912 г.

вать на который она, с Вашей и с моей точки зрения, вправе вот уже несколько месяцев, я решил изложить Вам свое понимание этого дела.[1]

Переписка Брауна с Сунь Ятсеном была продолжена. 21 октября 1912 г. Сунь Ятсен писал:

Дорогой м-р Браун,

Я подтверждаю получение двух Ваших любезных писем, одного от 9 сентября и другого от 17 сентября, за которые я Вас искренне благодарю.

[1] Ibid.

Должен сказать, что наш народ удивлен тем, что Ваше правительство не желает прислушаться к единодушному желанию Вашего народа признать нашу юную, но благополучно существующую республику.

И республиканский Сенат, и демократическая Палата представителей приняли резолюции в пользу скорейшего признания нашей республики.

Я искренне надеюсь, что Америка покажет пример всему миру и первой признает великую братскую нацию, избравшую республиканскую форму правления.

Ваш
Сунь Ятсен.[1]

Ситуация изменилась после того, как президентом США был избран Вудро Вильсон, а государственным секретарем стал Уильям Брайан. Произошло это весной 1913 г.

В. Вильсон (1856–1924)

Браун возлагал большие надежды на новое правительство.

4 марта 1913 г. он обратился к Вильсону:

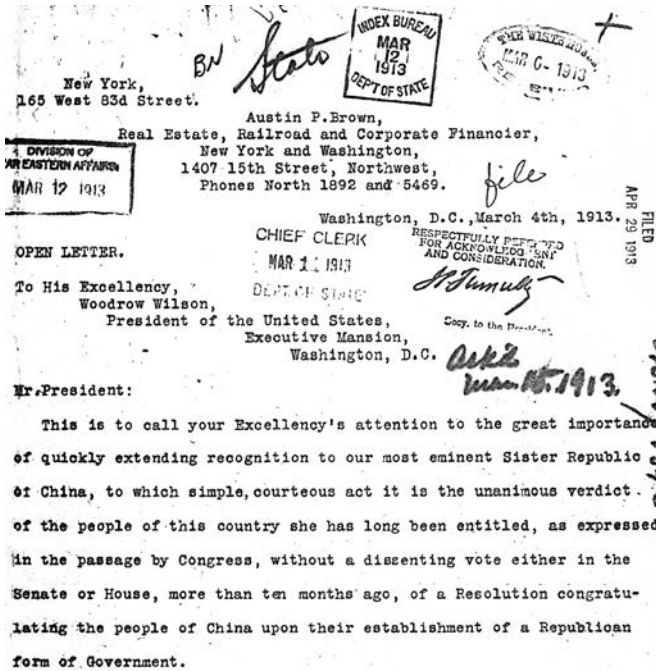
Я пишу, дабы обратить внимание Вашего Превосходительства на исключительную важность незамедлительного признания нашей самой выдающейся братской Китайской Республики — простого акта вежливости, которого она заслуживает в соответствии с тем единодушным вердиктом народа этой страны, который был вынесен уже давно, когда Конгрессом — как в Сенате, так и в Палате представителей — без единого голоса против была принята резолюция с поздравлением народу Китая по поводу учреждения республиканской формы правления.[2]

Пространное послание американскому президенту заканчивалось словами:

Ради народа Соединенных Штатов и человечества в целом я искренне надеюсь, что Ваше Превосходительство не будет пребывать в состоянии летаргии, которое в данном вопросе накрепко сковывало предыдущего

[1] Ibid. Эти письма Сунь Ятсена не были включены ни в одно из его «Полных собраний сочинений».

[2] Brown to Wilson, April 4, 1913 // USDS. 893.00/1634.



New York,
165 West 83d Street.

INDEX BUREAU
MAR 12 1913
DEPT OF STATE

Austin P. Brown,
Real Estate, Railroad and Corporate Financier,
New York and Washington,
1407 15th Street, Northwest,
Phones North 1892 and 5469.

DIVISION OF FAR EASTERN AFFAIRS
MAR 12 1913

Washington, D.C., March 4th, 1913.

FILED
APR 29 1913

CHIEF CLERK
MAR 1 1 1913
DEPT OF STATE

RESPECTFULLY REFERRED FOR ACKNOWLEDGMENT AND CONSIDERATION.

OPEN LETTER.

To His Excellency,
Woodrow Wilson,
President of the United States,
Executive Mansion,
Washington, D.C.

Copy to the President

Mr. President:

This is to call your Excellency's attention to the great importance of quickly extending recognition to our most eminent Sister Republic of China, to which simple, courteous act it is the unanimous verdict of the people of this country she has long been entitled, as expressed in the passage by Congress, without a dissenting vote either in the Senate or House, more than ten months ago, of a Resolution congratulating the people of China upon their establishment of a Republican form of Government.

Первая страница письма О. Брауна А. Вильсону от 4 марта 1913 г.

президента, но, напротив, не откладывая рассмотрит его и разрешит в положительном смысле.[1]

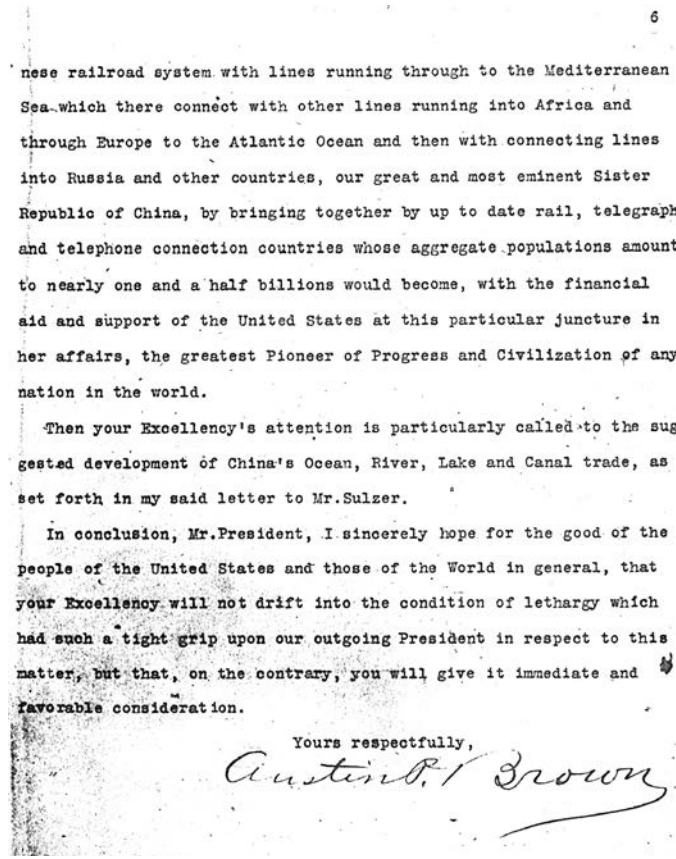
Юань Шикай и его министр иностранных дел Лу Чжэнсян воспользовались случаем поздравить Брайана со вступлением в должность, чтобы еще раз напомнить, что они с нетерпением ожидают признания Китайской Республики.

1 апреля Брайан получил доклад посланника США в Пекине Э. Уильямса, в котором тот также настаивал на безотлагательном признании Китайской Республики: «Чем раньше мы признаем правительство [Юань Шикая], тем лучше будет для Китая и для американских интересов в Китае».[2]

У. Брайан (1860–1925)

[1] Ibid.

[2] Williams to Bryan, April 1, 1913 // Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1913. P. 108.



6

nese railroad system with lines running through to the Mediterranean Sea which there connect with other lines running into Africa and through Europe to the Atlantic Ocean and then with connecting lines into Russia and other countries, our great and most eminent Sister Republic of China, by bringing together by up to date rail, telegraph and telephone connection countries whose aggregate populations amount to nearly one and a half billions would become, with the financial aid and support of the United States at this particular juncture in her affairs, the greatest Pioneer of Progress and Civilization of any nation in the world.

Then your Excellency's attention is particularly called to the suggested development of China's Ocean, River, Lake and Canal trade, as set forth in my said letter to Mr. Sulzer.

In conclusion, Mr. President, I sincerely hope for the good of the people of the United States and those of the World in general, that your Excellency will not drift into the condition of lethargy which had such a tight grip upon our outgoing President in respect to this matter, but that, on the contrary, you will give it immediate and favorable consideration.

Yours respectfully,

Austin P. Brown

Последняя страница письма О. Брауна В. Вильсону от 4 апреля 1913 г.

2 апреля Брайан вручил меморандум аккредитованным в Вашингтоне дипломатическим представителям держав:

> Таково пожелание президента, чтобы я передал вам и в вашем лице правительствам ваших стран, что 8 апреля он намеревается признать правительство Китая <...>. Он искренне надеется на сотрудничество вашего правительства и его действия в том же направлении и в то же время.[1]

По ряду причин официальное признание Китайской Республики вновь было отложено. Оно состоялось 2 мая 1913 г.

[1] Aide Memoire by Bryan, April 2, 1913 // Ibid.

«Республика пяти наций» и пятицветный флаг

В литературе долгое время имела хождение точка зрения, согласно которой автором концепции «республика пяти наций» был Сунь Ятсен. Первым, кто доказал ошибочность этого взгляда, был японский историк Катаока Кадзутада.[1] В свете продемонстрированных им фактов стало вполне очевидным, что отказ Сунь Ятсена от его первоначального курса на изгнание маньчжуров и создание государства китайцев-хань, на смену которому пришла концепция «республики пяти наций», — еще один компромисс, на который Временный президент вынужден был скрепя сердце пойти в силу объективно сложившихся условий.

У истоков идеи

В конце 19-го века провозвестники реформаторского движения в Китае выступали за уравнивание в правах маньчжуров и китайцев-хань.

После того, как «Сто дней реформ» потерпели крах, а Кан Ювэй со своим верным последователем оказался в Японии, Лян Цичао занялся разработкой национальных проблем Китая.

В противовес пропагандируемой революционерами идее выдворения маньчжуров с исконной ханьской территории Лян Цичао впервые выдвинул тезис о том, что единая китайская нация должна включать в себя несколько компонентов: не только хань, но также маньчжуров, монголов, мусульман, мяо и тибетцев.[2]

Лян Цичао (1873–1929)

Эта новаторская концепция получила затем дальнейшее развитие в сочинениях известного сторонника конституционно-монархической доктрины Ян Ду — главным образом в его статьях, публиковавшихся в основанном им в Токио журнале «Чжунго синьбао».

---

[1] 片冈一忠。辛亥革命期の五族共和论をめぐって (*Катаока Кадзутада.* О концепции «республика пяти наций» в период Синьхайской революции) // 中国近现代史诸问题 (Проблемы новой и новейшей истории Китая). Токио. 1984. С. 279–306.

[2] 梁启超。饮冰室合集 (*Лян Цичао.* Сочиненное в Иньбинши). Т. 2. Пекин. 1969. С. 75–76.

Ян Ду (1875–1931)

В 1907 г. в первых пяти номерах этого журнала увидел свет опус Ян Ду под названием «Принцип золота и железа». Речь в нем шла не о металлургических, а о национальных и государственных проблемах.

Эта работа интересна тем, что автор предложил в ней свою оригинальную схему периодизации человеческой истории. Она включала три последовательных этапа развития общества: сначала «дикость», затем «клановое общество» и, наконец, «государство».

В эпоху «кланового общества», полагал Ян Ду, на Среднекитайской равнине господствовал кочевой образ жизни, в эпохи Ся, Шан и Чжоу происходил переход от «кланового общества» к «государству», а собственно «государство» возникло в эпохи Цинь — Хань, продолжая свое существование в течение нескольких тысячелетий.[1]

Ян Ду утверждал, что в наше время «хань, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы находятся под управлением одного и того же правительства и являются гражданами одного и того же государства». Поэтому Китай не может утратить ни одну территорию, на которой проживают эти нации, равно как не может лишиться какой бы то ни было из их числа. «Их объединение — важнейшая задача на будущее».[2]

При этом Ян Ду отнюдь не считал, что все пять наций Китая находятся на одном и том же этапе общеисторического развития: так, тибетцы достигли ныне лишь «кланового» уровня и совершают переход от кочевого к земледельческому образу жизни, а, скажем,

«Чжунго синьбао» за 1907 г., № 4

[1] 杨度。金铁主义说 (*Ян Ду.* Принцип золота и железа) // https://zhuanlan.zhihu.com/p/ 127051423.

[2] Там же.

маньчжуры этот переход уже завершили. Но это не мешает всем без исключения нациям Китая стремиться к объединению. «Поэтому, — заключал Ян Ду, — для того, кто хочет процветания китайского государства, единство населения всей страны — чрезвычайно важная задача».[1]

После начала Синьхайской революции Ян Ду продолжал пропагандировать свои взгляды, что нашло, в частности, свое отражение в дискуссии на переговорах Севера и Юга. Благодаря его усилиям идея «пяти наций» получила широкое распространение, причем как среди сторонников конституционной монархии, так и протагонистов республики.

Ее внешним проявлением стало появление пятицветного полотнища в качестве государственного флага будущей республики.

Существуют различные версии того, кто был автором эскиза пятицветного флага. Среди претендентов на это почетное звание — Чжао Фэнчан, Чэн Дэцюань и другие. Но как бы то ни было, именно этот вариант государственного флага был принят революционным правительством провинций Цзянсу и Чжэцзяна после объявления независимости от Пекина.[2]

Сунь Ятсен принимает идею, сформулированную его идейными противниками

В силу сложившихся обстоятельств Сунь Ятсен был вынужден отказаться от своего прежнего лозунга об «изгнании варваров» и взять на вооружение концепцию «пяти наций», хотя и выступил против пятицветного знамени как государственного флага Республики.

10 января 1912 г. решение об этом было принято парламентом. Сунь Ятсен обратился к законодателям со специальным письмом, в котором излагал причины своего несогласия.

Судя по всему, рядовые граждане Республики об этом ничего не знали, потому что в тексте одного из проектов государственного гимна, выставленного на конкурс в феврале 1912 г., были такие строки:

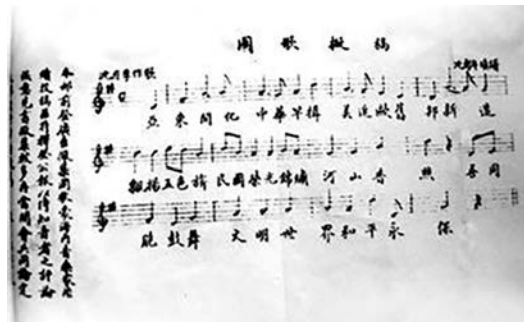
«Развевайся же, флаг пятицветный,
гордый символ Республики нашей!»[3]

---

[1] Там же.

[2] 潘先林。“五族共和”思想的提出、确立与渊源论析 (*Пань Сяньлинь.* Об утверждении идеи «пяти наций» и ее происхождении) // Сысян чжаньсянь. 2006. Т. 32. № 3. С. 5.

[3] 1912年中华民国征集国歌时的一首国歌拟稿 (Проект гимна Китайской Республики на конкурсе 1912 г.) // http://www.manfen5.com/GZ_LS-SYS 201404300409091472270892.html.



Текст и мелодия одного из проектов первого гимна Китайской Республики

В качестве государственного флага Китайской Республики пятицветный флаг был окончательно утвержден 10 мая 1913 г. и просуществовал вплоть до 1928 г., когда на смену ему пришел гоминьдановский флаг.

Будучи противником пятицветного флага, Сунь Ятсен тем не менее безоговорочно принял идею «республики пяти наций».

1 января 1912 г. в своей «Декларации Временного президента Китайской Республики» Сунь Ятсен заявлял:

> Основа государства — народ. Объединить земли хань, маньчжуров, монголов, мусульман, тибетцев под юрисдикцией одного государства значит объединить хань, маньчжуров, монголов, мусульман, тибетцев. Так будет достигнуто единство наций.[1]

28 января в послании монгольским князьям Сунь Ятсен писал:

> Ныне наши соотечественники <...> поднялись против деспотии не потому, что они ненавидят маньчжуров, а потому что хотят сплотить народ всей страны, будь то хань, маньчжуры, монголы, мусульмане или тибетцы, с тем чтобы все в равной мере пользовались человеческими свободами. Это одобряют даже маньчжуры, по крайней мере те из них, кто хоть немного разбирается в том, что происходит.[2]

18 февраля того же года он утверждал:

> Китайская Республика создана для того, чтобы гарантировать права и свободы сотен миллионов граждан страны, объединить в единую семью хань, маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев, с тем чтобы они действовали помогая друг другу, развивали промышленность, совершенствовали просвещение.[3]

[1] ПССС. Т. 2. С. 2.

[2] Там же. С. 48.

[3] Там же. С. 105.

Республика пяти наций (плакат 1912 г.)

3 сентября:

Ныне пять наций, как члены одной семьи, пользуются равными правами, проблема расового неравенства разрешена, а вместе с ней — и проблема политического неравенства. Впредь не будет поводов для конфликтов![1]

6 сентября:

Цель политической реформы — объединить все пять наций страны.[2]

7 сентября:

Ныне создана Китайская Республика и пять наций объединились.[3]

19 сентября:

Ныне у нас республика пяти наций и вся Поднебесная — одна семья.[4]

В тот же день:

Мы исповедуем три народные принципа: национализм, народовластие, народное благосостояние. Ныне пять наций объединились и создали республику. Национализм и народовластие уже осуществлены.[5]

[1] Там же. С. 439.
[2] Там же. С. 450.
[3] Там же. С. 451.
[4] Там же. С. 470
[5] Там же. С. 472.

Этот сдвиг в представлениях Сунь Ятсена не был последним

Говоря о том, что Сунь Ятсен отказался от своего первоначального политического лозунга «изгнания варваров» и принял идею «пяти наций», следует напомнить, что в дальнейшем его представление о нации продолжало эволюционировать.

Очередной сдвиг в суньятсеновской теории нации произошел через несколько лет после создания Китайской Республики.

Он писал:

> После свержения маньчжурского двора наследственные бюрократы, твердолобые политиканы и стремившийся к реставрации «Цзуншэдан» сплотились воедино и стали кричать о «республике пяти наций». К этом заключался корень всех ошибок![1]

Излагая очередной вариант «Трех народных принципов», Сунь Ятсен заявлял в 1919 г.:

> Вскоре после победы революции неразумные люди выдвинули идею «республики пяти наций», а бюрократы тут же стали подпевать им. Более того, военный стяг династии Цин был принят в качестве государственного флага Китайской Республики (имелось в виду, что пять полос на нем — это хань, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы).[2]

Опровергая концепцию, которую он сам усердно пропагандировал в 1912 г., Сунь Ятсен формулирует принцип «нация-государство».

> Мы должны все проживающие в Китае нации консолидировать в одну «китайскую нацию», а ее превратить в высоко цивилизованную нацию. Только после этого принцип национализма будет осуществлен.[3]

Под «консолидацией в одну нацию» Сунь Ятсен понимал ассимиляцию собственно китайцами-хань всех других народов Китая:

> Наша партия должна приложить усилия к тому, чтобы маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы были ассимилированы ханьцами.[4]

Но и на этом дело не кончилось. Впереди был еще один резкий поворот: на этот раз — под влиянием идей Коминтерна. Получив в начале 20-х гг. советскую помощь, Сунь Ятсен не мог не принимать во внимание то, чего хотели от него спонсоры революции.

В «Декларации Гоминьдана», опубликованной 1 января 1923 г., Сунь Ятсен писал:

---

[1] ПССС. Т. 5. С. 473.

[2] Там же. С. 187.

[3] Там же.

[4] ПССС. Т. 5. С. 473–474.

> Принцип национализма, которому следует наша партия, в его пассивном выражении имеет в виду ликвидацию неравенства между нациями, в активном — сплочение всех наций страны, составляющих единую великую китайскую нацию. После начала европейской войны лозунг самоопределения наций с каждым днем становится все более популярным. Мы должны действовать в этом духе, внутри страны способствовать прогрессу наций, вне ее — добиваться равноправия наций мира.[1]

Смысл сказанного выражен здесь недостаточно четко. Но из последующих заявлений Сунь Ятсена можно сделать вывод, что в это время он уже отказался от политики ассимиляции неханьских народов:

> В отношении малых народов страны Правительство [должно] поддерживать малые народы страны, дабы они могли осуществить самоопределение и самоуправление.[2]

[1] Там же. Т. 7. С. 3.

[2] Там же. Т. 9. С. 127. Подробнее о трансформации идей Сунь Ятсена, связанных с нацией и национальной политикой см.: 杨强。论孙中山民族思想的三次转型 (*Ян Цян.* Три сдвига в представлениях Сунь Ятсена о нации) // Гуанси миньцзу яньцзю. 2018. № 3. С. 25–31.

Глава VII

Почему Сунь Ятсен уступил свое кресло

Мнимая ошибка президента

Отказавшись от поста Временного президента Китайской Республики в пользу Юань Шикая, Сунь Ятсен задним числом попытался объяснить этот свой шаг. Но объяснял он это по-разному.

Устами самого Сунь Ятсена

3 марта 1912 г. в письме Джэймсу Кэнтли Сунь Ятсен сообщал, что ушел в отставку, поскольку его «революционная работа уже завершена».[1]

Однако в 1921 г. в письме советским руководителям Сунь Ятсен писал, что, отказавшись от поста Временного президента и передав его Юань Шикаю, он совершил роковую ошибку:

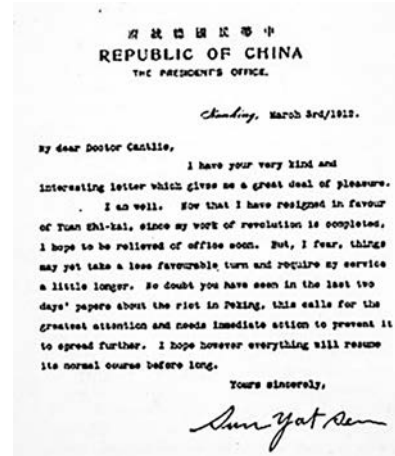
> Я отказался от поста в пользу Юань Шикая, так как мои друзья, которым я полностью доверял и которые тогда обладали более точным знанием китайских внутренних отношений, чем я, убеждали меня, что Юань Шикай способен объединить страну и обеспечить устойчивость Республики, располагая доверием со стороны иностранных держав. Мои друзья теперь признают, что моя отставка была большой политической ошибкой, имевшей в точности такие же политические последствия, которые имели бы место в России, если бы на смену Ленину в Москве

[1] Сунь Ятсен — Кэнтли, 3 марта 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 238–239.

пришел Колчак, или Юденич, или Врангель.[1]

Е. А. Белов приводит в своей книге эти слова Сунь Ятсена[2], не комментируя их и не приводя доказательств справедливости сказанного.

То, что вскоре после Учанского восстания подавляющее большинство противников маньчжурской династии стало возлагать свои надежды на Юань Шикая, является бесспорным фактом. Но вопрос в том, приходилось ли им убеждать в этом Сунь Ятсена. Из его высказываний, относящихся к тому времени, видно, что он с самого начала (по крайней мере, на словах) разделял подобную точку зрения, так что никакой необходимости убеждать его в этом не было.



REPUBLIC OF CHINA
THE PRESIDENT'S OFFICE.

Nanking, March 3rd/1912.

My dear Doctor Cantlie,

I have your very kind and interesting letter which gives me a great deal of pleasure.

I am well. Now that I have resigned in favour of Yuan Shi-kai, since my work of revolution is completed, I hope to be relieved of office soon. But, I fear, things may yet take a less favourable turn and require my service a little longer. No doubt you have seen in the last two days' papers about the riot in Peking, this calls for the greatest attention and needs immediate action to prevent it to spread further. I hope however everything will resume its normal course before long.

Yours sincerely,

Sun Yat Sen

Письмо Сунь Ятсена Джэймсу Кэнтли от 3 марта 1912 г.

Поэтому неудивительно, что некоторые современные исследователи высказываются против этой версии, получившей в гоминьдановской исторической литературе довольно широкое распространение, хотя и без ссылок на письмо Сунь Ятсена 1921 г., оставшееся неизвестным большинству писавших на эту тему.

Примером тому может служить неопубликованная статья Чжан Яньцзюя, хранящаяся ныне в архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана.

Автор пишет, что версия об «ошибке» Сунь Ятсена на первый взгляд кажется приемлемой, но в действительности не соответствует фактам, и приводит четыре доказательства своей точки зрения.

Во-первых, Чжан Яньцзюй приводит выдержку из письма Сунь Ятсена своему сторонника Дэн Цзэжу, в котором говорится:

> Посторонние люди, будучи не в курсе [тогдашних событий], упрекают меня за то, что я передал [пост президента Юань Шикаю]. Но если бы я не сделал этого, то даже сегодняшней квазиреспублики и то не удалось бы создать. В то время сторонники различных партий были одержимы

[1] Письмо в Наркомат иностранных дел РСФСР, 26 августа 1921 г. // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М. 1964. С. 341–342.

[2] *Белов Е.А.* Революция 1911–1913 годов в Китае. С. 57.

стремлением к власти, и преодолеть это поветрие было невозможно. Я опасался, что может вспыхнуть братоубийственная война, и поэтому ушел в отставку, предоставив гражданам самим решать свою судьбу.[1]

Во-вторых, автор ссылается на телеграмму Сунь Ятсена Юань Шикаю, в которой он писал, что накануне его отставки многие соратники выступали против и упрекали его в том, что он пренебрег мнением представителей 17 провинций, избравших его на пост президента.[2]

В-третьих, по мнению Чжан Яньцзюя, Сунь Ятсен никогда не стремился к обладанию прерогативами руководителя. Создав в 1895 г. на Гавайях «Общество возрождения Китая», он рекомендовал на пост его председателя Лю Сяна; в 1896 г. согласился с тем, чтобы будущим президентом Китая был Ян Цюйюнь; в 1899 г., стремясь привлечь Кан Ювэя в ряды революционеров, Сунь Ятсен был согласен передать ему бразды руководства движением, а в 1900 г. обещал то же Лю Сюэсюню. В 1912 г. Сунь Ятсен уступил пост президента Юань Шикаю при условии, что тот признает Республику, и никогда не сделал бы этого, если бы Юань Шикай продолжал выступать за конституционную монархию.[3]

Ху Эгун (1884–1951)

В-четвертых, ссылаясь на воспоминания Ван Чунхуя[4] и Ху Эгуна[5], автор констатирует, что явное большинство в окружении Сунь Ятсена выступало против его отставки, и поэтому предпринятый им шаг отнюдь не был его ошибкой, вызванной давлением со стороны.[6]

Первый, второй и четвертый аргументы, перечисленные Чжан Яньцзюем, заслуживают внимания,

[1] 张延举。国父让位于袁世凯是否为失误并未主和同志所迫之考证 (*Чжан Яньцзюй.* Исследование о том, была ли передача президентских полномочий Юань Шикаю ошибкой Отца Государства и результатом давления со стороны его пацифистски настроенных единомышленников) // Архив Комитета по изучению истории Гоминьдана. 030/363. С. 3.

[2] Там же. С. 4.

[3] Там же. С. 6.

[4] 王宠惠。追怀总理 (*Ван Чунхуй*. Вспоминая вождя) // 中国国民党五十周年特刊 (50 лет партии Гоминьдан). Тайбэй. 1945.

[5] 胡鄂公。辛亥革命北方实录 (*Ху Эгун.* О Синьхайской революции на севере страны). Пекин. 1948.

[6] *Чжан Яньцзюй.* Исследование о том, была ли передача президентских полномочий Юань Шикаю ошибкой Отца Государства. С. 8.

чего нельзя сказать о третьем, хотя на первый взгляд к приведенным примерам можно добавить еще один, почему-то упущенный автором статьи из виду: в 1900 г. в Иокогаме Сунь Ятсен, обращаясь к какому-то неизвестному нам лицу, говорил: «В качестве руководителя [революционного движения], который пользовался бы всеобщей поддержкой, следует выдвинуть Жун Хуна[1]. Когда-то он был посланником в Соединенных Штатах, да и в стране пользуется большим авторитетом».[2]

Однако мы уже приводили многочисленные свидетельства того, что Сунь Ятсен всегда крайне щепетильно подходил к вопросу о том, кто стоит у руля революции. Первый пример, приведенный Чжан Яньцзюем, относящийся к самому началу деятельности Сунь Ятсена, является в этом смысле исключением: не только д-р Сунь по доброй воле согласился выпустить из своих рук бразды правления, но и председателем гавайского отделения «Общества возрождения Китая» в самом деле без всякого конфликта был избран Лю Сян. Однако уже второй пример говорит о совершенно ином. Выдвижение Ян Цюйюня на пост будущего президента Китая сопровождалось острейшей сварой, едва не закончившейся поножовщиной. В дальнейшем Сунь Ятсен неоднократно обещал уступить свой статус руководителя революции другому лицу, но ни разу не исполнил обещанного. Когда же кто-то претендовал на лавры лидера, это каждый раз приводило к конфликтам, иногда заканчивавшимся для претендентов на партийную власть летальным исходом. О некоторых из них речь еще пойдет в нашем дальнейшем изложении.

Тем не менее Чжан Яньцзюй несомненно прав: в 1912 г. отставка Сунь Ятсена с поста президента произошла не потому, что он поддался на уговоры своих соратников.

Еще одна версия, изложенная Сунь Ятсеном

Следует отметить, что заявление Сунь Ятсена, сделанное в 1921 г. в письме руководителям большевиков, противоречит сказанному им в 1918 г. в его книге «Учение Сунь Вэня». Поэтому мы вынуждены, злоупотребляя долготерпением читателя, привести обширные выдержки из этого сочинения.

Сунь Ятсен начинает словами о своей непоколебимой приверженности идеалам революции:

[1] О Жун Хуне см. выше, с. 217.

[2] ПССС. Т. 1. С. 198.

Более тридцати лет посвятил я служению Родине. Этому отдал я все свои знания. Ни разу не изменил я своим идеалам, и сотни неудач не заставили меня свернуть с избранного пути. Маньчжуры оказались бессильными сломить меня, и трудности не смогли поколебать моей решимости. Раз поставив перед собой цель, я неуклонно шел к ее осуществлению: чем больше было неудач, тем энергичнее продолжал я борьбу за подъем народного движения, за создание в стране благоприятной для нас обстановки. В конце концов при содействии гуманных и принципиальных мужей нам удалось осуществить стремление народа — свергнуть монархию и основать Республику.

Вслед за этим можно было бы, казалось, продолжить наше движение вперед и провести в жизнь три народных принципа и конституцию пяти властей, составляющие идеологическую основу нашей революционной партии, а также осуществить великие созидательные планы, намеченные нашей революционной программой. Тогда мы, конечно, сумели бы, используя благоприятную обстановку, в кратчайшие сроки сделать Китай процветающей и могучей страной и открыть перед народом светлое царство мира и радости.[1]

Далее автор признает, что вскоре после того, как произошел сдвиг в общей ситуации в стране, а сам он оказался на посту Временного президента, возникли непредвиденные трудности:

Вопреки ожиданиям, уже при первом успехе революции среди членов нашей партии обнаружились разногласия. Многие пришли к выводу, что мои идеалы слишком высоки, что они не отвечают китайской действительности. «Общее мнение плавит металл», — говорит пословица. И когда порыв революционной бури стих, сомнение зародилось даже у ближайших моих единомышленников. Вот почему на посту Президента Республики я не смог проводить в жизнь свои планы так же успешно, как во времена, когда я был вождем революции, вот почему созидательная работа не увенчалась успехом, а положение страны после осуществления революционной ломки стало ухудшаться с каждым днем.[2]

Вышеприведенный абзац противоречит тому, что было сказано в самом начале: там речь шла о «сотнях неудач», здесь же — о том, что во времена, когда он был не президентом, а лишь вождем революции, все его планы осуществлялись успешно. Но в чем же была причина теперешних неудач? Признав, что виной тому были его собственные недостатки, Сунь Ятсен тут же перекладывает вину на своих товарищей:

[1] *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. С. 162.

[2] Там же. С. 162–163.

> Начиная революцию, наша партия ставила своей задачей спасти Родину и нацию, стремилась избавить народ от несчастий и дать ему благополучие. Но мы ввергли его в еще горшие бедствия, причинили ему еще большие страдания. Результаты революции оказались в вопиющем противоречии с ее первоначальными целями. Виной тому, конечно, мои собственные недостатки: невысокие личные качества, неумение воспитывать товарищей, неспособность управлять массами. Однако и мои товарищи по партии повинны в том, что вера их в цели революции и революционную программу оказалась нетвердой и что они не приложили должных усилий для их осуществления.[1]

Далее следует фраза, демонстрирующая, что признание собственных недостатков было в данном случае лишь данью правилам хорошего тона:

> Когда я вспоминаю, чему заботливо учил товарищей по партии и чем они пренебрегли как пустыми фантазиями, когда оцениваю все с точки зрения сегодняшнего дня, то вижу, что именно мои идеи отвечают ходу мировой истории, именно они должны были послужить основой в строительстве Республики.[2]

Тем не менее Сунь Ятсен признается в том, что неудачи на посту Временного президента едва не сломили его волю:

> Вот почему во времена маньчжуров я неизменно добивался успехов в революционной борьбе и шаг за шагом неуклонно продвигался вперед, а со дня создания Республики мне не удалось осуществить ни одного из моих созидательных планов; все они были заранее обречены на провал. Поэтому моя беззаветная верность долгу, которую я свято хранил на протяжении тридцати лет, едва не поколебалась, а моя неукротимая воля, которую не могли сломить сотни неудач, едва не была сломлена.[3] <...>
>
> С первых дней создания Республики, когда я, стремясь к достижению созидательных целей нашей революции, к проведению в жизнь трех народных принципов, всеми силами добивался осуществления этой программы, большинство моих соратников по партии колебалось и считало ее нереальной. Все мои разъяснения и убеждения остались безрезультатными. Мне возражали, будто мои идеалы слишком высоки, что познание легко, трудно только действие! Но разве мои идеалы слишком высоки?! Не правильнее ли сказать, что уровень знаний членов нашей партии был в то время слишком низок? И тогда у меня невольно опустились руки.[4]

---

[1] Там же. С. 163.

[2] Там же. С. 165.

[3] Там же. С. 163–164.

[4] Там же. С. 232.

Именно это обстоятельство, по словам Сунь Ятсена, и послужило причиной его отставки:

> В самом деле, ведь в революции ломка и созидание должны следовать одно за другим, должны дополнять друг друга. У нас же после революционной ломки созидательная работа не была начата, то есть период революционного строительства так и не наступил. Но если нет революционного строительства, то для чего же тогда нужен революционный президент Республики? Вот почему у меня зародилась мысль отказаться от поста президента.
>
> После сформирования Наньцзинского правительства я продолжал стоять за продление перемирия и возобновил мирные переговоры. Сейчас, когда времена изменились, многие упрекают меня за это. Они заявляют, что после создания Республики я не должен был соглашаться на дальнейшие мирные переговоры, не должен был так легко уступать свой президентский пост. Допустим, что мне следовало остаться президентом. Но ведь большинство членов нашей партии после завершения революционной ломки перестали соблюдать присягу на верность революции и не выполняли установок своего лидера. И хотя нам удалось силами революционной партии объединить весь Китай, мы так и не смогли осуществить революционное строительство, все свелось в конечном итоге лишь к замене старой бюрократии новой. По сути дела произошла просто замена одного насилия другим, замена, ничего не давшая для укрепления основ государственного порядка, для подъема благосостояния народа. Следовательно, мне не было никакой необходимости оставаться президентом.[1]

Далее следует еще одно важное утверждение:

> Некоторые, не разобравшись в фактах, полагали, что у меня в то время было значительно меньше сил, чем у Юань Шикая, поэтому я вынужден был пойти на мирные переговоры с ним, пренебрегая интересами дела. Более того, находились даже клеветники, заявлявшие, будто я уступил президентский пост за миллионную взятку. Вздорность этого обвинения очевидна и не требует доказательств. Ведь если бы мной действительно двигали корыстные мотивы, я уж, во всяком случае, не уступил бы свой пост за миллион долларов. Разве мы не видим, сколько успевает положить за год в свой карман простой губернатор провинции или какой-нибудь командир дивизии? Неужели клеветники считали меня не только корыстолюбивым, но и вдобавок глупым?
>
> Что касается рассуждений, будто после создания Республики у меня было меньше сил, чем у Юань Шикая, то эти рассуждения тем более не

[1] Там же.

выдерживают никакой критики. Ведь Республика уже тогда объединяла 15 провинций, в провинциях Шаньдун и Хэнань бурно росло число сторонников народа, а в Чжили войска только ждали сигнала, чтобы поддержать нас. Еще несколько месяцев — и власть народа, несомненно, была бы установлена во всей стране.

Но если даже отвлечься от сложившейся тогда обстановки и взглянуть на события, развернувшиеся до и после перемирия, легко будет понять, что я пошел на мирные переговоры отнюдь не потому, что боялся Юань Шикая. Ведь до революции я терпел поражения десять раз, но это ни в коей мере не поколебало моей воли к борьбе.[1]

Невольно возникает вопрос к автору: так «опустились ли у него руки» после первых же неудач на посту президента или же эти неудачи, как и прежде, «не поколебали его воли к борьбе»?

Сунь Ятсен резюмировал:

В свете этих событий каждому соотечественнику должно быть ясно, что я отказался от поста президента Республики не потому, что побоялся чьей-то силы, а лишь потому, что не имел возможности осуществить революционное строительство. Тот, кто осознает это, сможет понять мои действительные стремления и то глубокое значение, которое я вкладываю в слова «революционное строительство».[2]

Но тут естественно возникал очередной вопрос:

Почему же революционная ломка увенчалась успехом, а революционное строительство потерпело неудачу? Причина успеха в познании, в понимании, причина неудач — в отсутствии познания, в непонимании. Я десять раз начинал революционную ломку и десять раз терпел поражение из-за того, что подавляющее большинство китайцев еще не сознавало, что народ порабощен маньчжурами. Люди жили в полном неведении и считали революцию предательством. Впоследствии революционное движение разрослось, люди поняли необходимость свержения маньчжуров и восстановления прав китайского народа. И тогда уничтожить маньчжурское владычество оказалось легче легкого. В вопросах же революционного строительства не разбирались даже сами члены нашей партии, не говоря уже о рядовых гражданах.[3]

Невольно возникает вопрос: если после того, как люди поняли необходимость свержения маньчжуров и восстановления прав китайского народа, уничтожить маньчжурское владычество оказалось легче лег-

[1] Там же. С. 233.

[2] Там же. С. 234.

[3] Там же. С. 241–242.

кого, почему же сам Сунь Ятсен, понимавший это с самого начала, за три месяца до Учанского восстания считал, что победоносная революция может начаться не раньше, чем через 2–3 года?

Далее выясняется, что даже члены «Объединенного союза», претендуя на руководство Синьхайской революцией, не знали, в чем заключаются их задачи после того, как главная цель этой революции была достигнута, и приходится разъяснять им это много лет спустя:

> В революции самое трудное — ломка, а самое легкое — строительство.[1]

Здесь перед нами очередное противоречие: только что было сказано, что свергнуть маньчжурское владычество было в 1911 г. легче легкого. К тому же, еще совсем недавно Сунь Ятсен утверждал обратное: «Революционная война — дело несложное. Бóльшие трудности ожидают нас в ходе послевоенного строительства».[2]

Впрочем, каждый теоретик имеет право менять свои точки зрения. Вопрос лишь в том, становятся ли они после этого способными переубедить оппонента. Изменив свое мнение по поводу того, что труднее и что легче в процессе революции, Сунь Ятсен продолжал:

> Как же случилось, что, преуспев в трудном, мы потерпели неудачу в легком? Причина такой неудачи заключалась именно в том, что большинство людей, видя легкость этого дела, отнеслось к нему несерьезно и не поняло всей его необходимости. Почему я называю революционное строительство легким? Да потому, что при революционной ломке все противодействующие силы сокрушаются полностью, а когда они уничтожены, перед нами открываются безграничные возможности, мы обретаем полную свободу действий в отличие от того времени, когда мы только готовили революционную ломку, когда малейшая неосторожность грозила нам провалом. Однако тогда мы понимали, что революция и свержение маньчжуров необходимы для спасения Родины, и никакие трудности и опасности нас не останавливали. Когда же ломка была завершена, многим стало казаться, что такое легкое и безопасное дело, как строительство, можно вести различными путями, что совершенно не обязательно осуществлять его революционными методами. Вот в чем причина провала нашего строительства.[3]

Итак, не ошибка, объяснявшаяся превратными взглядами соратников Сунь Ятсена на политические потенции Юань Шикая, а невозможность

---

[1] Там же. С. 242.

[2] Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 14 августа 1914 г. // ППСОГ. Т. 4. С. 319.

[3] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 241–242.

осуществить революционное строительство — такова причина передачи президентом своих полномочий другому лицу. Объяснение многословное, но так же, как и первое, недостаточно убедительное и противоречивое.

Однако автор «Учения Сунь Вэня» не ограничился этим. Он выдвинул еще одно, принципиально иное объяснение произошедшего.

Оказывается, была еще одна проблема

Эта проблема — принесение присяги.

> Когда мы основывали «Объединенный союз», чтобы взять на себя дело революции, мы прежде всего занялись агитацией, а затем собрали людей, готовых служить народу и стране. Мы принесли присягу, что будем проводить в жизнь три народных принципа, что нашей целью является создание Китайской Республики. Тех же, кто не верил в эти принципы, кто не присягал в присутствии товарищей, мы не считали членами партии.
>
> Вначале все наши патриоты смотрели на присягу как на пустую формальность, полагая, что она не может способствовать успеху дела. Однако тем, что за несколько лет влияние нашей партии выросло, ряды ее сплотились и она нашла в себе силы свалить владычество маньчжуров, мы целиком обязаны присяге, которая обеспечила идейное сплочение партии. Но если это помогло партии, тем более это должно помочь государству.[1]

По мнению Сунь Ятсена, в политике начало всех начал — это принесение присяги:

> Говорят, что 400 миллионов китайцев — это лишь масса ничем не скрепленных между собой песчинок. Как же должны мы поступить, чтобы объединить эти 400 миллионов песчинок в конституционное государство, представляющее собой единый организм? Мы должны начать с принесения присяги, которая сделает наши сердца открытыми, а мысли — честными. Лишь после этого можно будет добиться нравственного самоусовершенствования, мира в семье, порядка и спокойствия в государстве.[2]

В этом отношении Сунь Ятсен ссылался на практику, существующую в западных странах:

> В наши дни во всех цивилизованных государствах, где на страже порядка стоит закон, принесение присяги считается основной правовой процедурой. Поэтому там все желающие принять гражданство данной страны должны дать присягу, заявив о чистоте своих помыслов и обязуясь уважать существующий государственный строй, соблюдать законы

[1] Там же. С. 242–243.

[2] Там же. С. 243.

страны и выполнять свой гражданский долг. Только после этого человек может считаться гражданином данной страны. В противном случае, проживи он в стране всю жизнь, его по-прежнему будут считать иностранцем, ему не предоставят гражданских прав наравне с другими.

Государственные служащие и депутаты в этих странах допускаются к исполнению своих обязанностей также только после принесения присяги. Если же там происходит изменение государственного строя, новое правительство всегда требует, чтобы каждый гражданин принес ему присягу, выразив свою солидарность с новым режимом; тех же, кто отказывается от присяги, рассматривают как врагов и изгоняют из пределов государства. Такие порядки существуют в наши дни во всех цивилизованных странах с конституционным строем.

Обратимся к государствам, возникшим в Европе после войны или в результате революции. Там, где граждане своевременно были приведены к присяге, обеспечен полный порядок; там же, где не смогли или не догадались этого сделать, не прекращались смуты. По этой же причине и Китай оказался ныне в тяжелом положении.[1]

Всё дело опять-таки заключалось в том, что соратники недооценили идею своего лидера.

Создавая революционную партию, мы рассматривали ее как прообраз будущего государства. Действительно, на ее основе впоследствии и сложилась Республика. При вступлении после революции на пост президента я первый принес присягу на верность Республике и приказал, чтобы все гражданские и военные чиновники, военнослужащие и гражданское население последовали моему примеру. Однако мои товарищи по партии, считая это дело несрочным и не столь важным, резко воспротивились моему указанию. Мне ничего не оставалось, как отложить этот вопрос до лучших времен.<...>

В самом начале строительства нашей Республики мои товарищи считали, что с присягой можно не спешить, и просили меня не настаивать на ее введении; кстати сказать, другие мои идеи, расцененные ими как нереальные, касались таких же элементарных вопросов, которые было легко решить. Приступая к созданию партии, мы ввели присягу, в момент же строительства Республики, в дни, когда и государство и народ начинали новую жизнь, мы, напротив, отказались от этой торжественной церемонии, являющейся основной при конституционном строе. В этом заключается одна из существенных причин неудачи, которую мы потерпели в строительстве.[2]

[1] Там же.

[2] Там же. С. 244–245.

Каким же образом торжественная церемония принесения присяги была в состоянии гарантировать успех революционного строительства?

Сунь Ятсен разъясняет:

> Если бы члены нашей партии не пренебрегли в то время моими советами, то в создаваемой нами Республике мы установили бы тот же порядок, что и в партии: все государственные чиновники, перешедшие на сторону Республики, всякий, кто вступал в ее гражданство, должны были бы принести присягу, заявив об искренности и чистоте своих помыслов и стремлений, обязуясь поддерживать Республику, способствовать развитию народовластия и повышению благосостояния населения. Только после этого они получали бы права граждан Китайской Республики. Не принесший присяги по-прежнему считался бы подданным маньчжурской династии. Тогда мы имели бы юридические основания квалифицировать как бунтовщиков всех, кто, дав присягу, совершил бы в дальнейшем действия, направленные против Республики.
>
> С правовой точки зрения в нынешней Китайской Республике только немногочисленные члены революционной партии да Юань Шикай, давшие присягу на верность, морально и юридически обязаны соблюдать верность Республике. Остальные же 400 миллионов человек, собственно говоря, не несут за измену ни юридической, ни моральной ответственности.[1]

Далее в книге Сунь Ятсена следует весьма здравая мысль:

> Отныне мы не можем возлагать всю ответственность за строительство Республики только на членов революционной партии. Все передовые граждане страны должны осознать, что перекладывать эту задачу на плечи других нельзя, что они должны сами взять на себя ее решение.

Но это справедливое утверждение входит в противоречие с предшествующим абзацем, гласящим:

> Члены нашей партии сочли выдвинутый мною план строительства Республики неосуществимым и не поняли необходимости его реализации. Вот почему наша революция развивалась довольно странно: ломка была осуществлена, а строительство так и не началось. Вот почему наш народ уже восемь лет терпит тяжкие страдания.[2]

Здесь революционный лидер, вопреки сказанному вслед за этим, в очередной раз перекладывает ответственность за некогда принятые им решения и все их последствия на плечи своих товарищей по партии.

---

[1] Там же. С. 245.

[2] Там же. С. 246.

Завершается этот раздел книги «Учение Сунь Вэня» очередной идеей, поняв и осуществив которую граждане Республики, по мнению Сунь Ятсена, смогли бы «с энтузиазмом продолжив начатое, завершить более легкое и безопасное дело — революционное строительство». Гарантия успеха — поголовная присяга на верность Республике:

> Принимать присягу должно, собственно говоря, правительство. Однако нынешнее правительство Республики[1] не обладает нужными для этого данными и не вправе ее принимать. Я надеюсь, что передовые люди нашей страны организуют в своих уездах союзы местного самоуправления и принесут такую присягу друг перед другом.
>
> После создания союза его члены приносят присягу перед населением всего уезда. Каждый должен собственноручно подписать текст присяги и, подняв правую руку, публично его огласить. Пусть эти тексты хранятся в союзах местного самоуправления, а лицам, принесшим присягу, выдаются удостоверения. Нужно добиваться, чтобы присягу принесли все совершеннолетние мужчины и женщины уезда. Когда эта работа в каждом уезде будет закончена, следует помочь другим уездам создать у себя союзы местного самоуправления.
>
> Все, кто принесет присягу, должны действовать в соответствии с велениями их совести и закона, только тогда они будут достойны звания граждан Китайской Республики. В противном случае они останутся эпигонами маньчжурской династии.

И далее — утверждение, которое нужно перечитать несколько раз, чтобы убедиться, что здесь нет опечатки:

> Успех в строительстве нашей страны целиком зависит от того, проявят ли наши сограждане должный энтузиазм в проведении церемонии присяги на верность Республике. Так пусть же все патриоты нашей Родины первыми покажут в этом пример![2]

Вождь революции всегда и во всём впереди. Поэтому —

> Я прошу разрешения сделать это первым. Вот текст моей присяги:
>
> «Я, Сунь Вэнь, с открытым сердцем и чистыми помыслами перед лицом собравшихся торжественно клянусь, что с этой минуты отрешаюсь от старого и присягаю новому, что буду достойным гражданином Республики. Я обязуюсь, не щадя своих сил, поддерживать Китайскую Республику, проводить в жизнь три народных принципа и руководствоваться конституцией пяти властей. Да будет управление страной усовершенствовано,

[1] Сунь Ятсен имел в виду Пекинское правительство, которое в 1918 г. возглавлял Дуань Цижуй.

[2] *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. С. 247.

а спокойствие и счастье народа обеспечены, да обретут основы нашего государства незыблемость, и восторжествует мир во всем мире! В этом клянусь!

12 января 8 года Китайской Республики. Сунь Вэнь».[1]

Подразумевалось, что аналогичным должен быть и текст присяги, принимаемой всеми без исключения гражданами Китайской Республики.

Однако что было тем «старым», от которого торжественно отрекался лидер революции, и какому «новому» от присягал? Ведь без конкретизации этого клятва утрачивала всякий смысл. Могла ли она после этого стать панацеей от всех бед, преследовавших китайский народ и до и после революции?

Еще один вопрос по существу проблемы.

Сунь Ятсен утверждал, что процесс принесения присяги состоял в том, что присягавший собственноручно подписывал ее текст, затем оглашал его, подняв правую руку, и получал соответствующее удостоверение, после чего сомнений в его искренности уже быть не должно.

Возможно, излагая это, Сунь Ятсен запамятовал, что задолго до своей присяги 1918 г. и присяги, произнесенной в 1912 г. при вступлении в должность Временного президента Китайской Республики, ему уже не один раз приходилось клясться в достоверности своих слов.

Первый раз это было в 1886 г. в Лондоне, когда он, положив руку на Библию, клятвенно подтвердил следователю Г. Каффу, что был похищен сотрудниками китайской миссии, а спустя некоторое время сообщил своим верным друзьям, что оказался в здании посольства по собственной воле.

Второй раз в Гонолулу он, также положив руку на Библию, принес клятву в том, что родился на Гавайях, и получил официальное свидетельство о своем рождении.

Имел ли Сунь Ятсен после этого моральное право рассуждать об «искренности» и «чистоте помыслов», равно как и о важности клятв, якобы способных избавить его соотечественников от тех бед, к которым он сам приложил руку своими непоследовательными действиями, обвиняя при этом не себя, а тех, кто поверил ему и пошел за ним? Почему он не допускал мысли о том, что приносящие клятву граждане Республики будут поступать подобно тому, как сам он поступил в Лондоне и Гонолулу?

Или, может быть, дозволенное Юпитеру не дозволено быку?

[1] Там же. С. 246–247.

Мы не знаем, как реагировала Сун Цинлин на содержавшиеся в этой книге многословные, но путанные и неискренние объяснения ее супруга по поводу передачи им своих президентских полномочий Юань Шикаю.

Что же касается современных китайских историков, то кое-кто из них, анализируя побудительные мотивы отставки Сунь Ятсена, воспользовался этими объяснениями, и прежде всего — наивными рассуждениями Сунь Ятсена о важности клятв для достижения конечной победы китайской революции: обладавший высокими нравственными качествами Сунь Ятсен ни при каких обстоятельствах не мог нарушить клятвенное обещание, данное им Юань Шикаю при вступлении в должность Временного президента Китайской Республики.[1]

Экземпляр «Учения Сунь Вэня», подаренный Сун Цинлин ее супругом

Данная версия представляется неубедительной.

Не говоря уже о том, что Сунь Ятсену не однажды доводилось нарушать официально принятые на себя обязательства (об одном наиболее красноречивом примере этого см. ниже), текст клятвы 1912 г. не обязывал его уйти в отставку сразу же после отречения Сюаньтуна, поскольку в ней говорилось:

> Когда самодержавное правительство будет низвергнуто, в стране воцарится порядок, Республика займет подобающее ей место в мире и будет признана державами, я покину пост [временного президента].

[1] См. например: 汲广远。论民元孙中山让位的思想根源 (*Цзи Гуанъюань.* Идейная подоплека отставки Сунь Ятсена в 1-м году Республики) // Гуандун шэхуй кэсюэ. 2000. № 1. С. 95–96; 廖利明。孙中山让位袁世凯真相 (*Ляо Лимин.* Правда о передаче Сунь Ятсеном президентских полномочий Юань Шикаю) // Чжунго данъань бао, 18 ноября 2016 г. и др.

12 февраля 1912 г. самодержавное маньчжурское правительство было низвергнуто, но до восстановления порядка в стране было еще далеко, державы и не помышляли о признании Нанкинского правительства, и говорить о том, что Китайская Республика уже заняла подобающее ей место в мире, было рано. Тем не менее Временный президент во всеуслышание заявил о том, что покидает свой пост. Для этого у него, вероятно, были какие-то достаточно веские соображения.

Какие именно?

Ни сказанное в «Учении Сунь Вэня», ни основанная на нем версия о том, что Сунь Ятсен не мог нарушить данное им слово, не дают удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Поэтому исследователи предлагали и другие объяснения этого исторического факта.

Суньятсеноведы предлагают иные версии

Нам уже приходилось говорить о том, что в разное время, при различных обстоятельствах и обращаясь к разным людям Сунь Ятсен нередко высказывал мысли, не аналогичные по своему смыслу, а порой — и прямо противоречившие друг другу. Поэтому цитируя его высказывания, не выяснив предварительно три перечисленные выше аспекта, можно зачастую доказать всё, что исследователю очень хочется доказать. Мнения историков в связи с излагаемой нами сейчас проблемой — яркое свидетельство этого. Приведем лишь несколько примеров.

Революционер-пацифист

На предыдущей странице мы ссылались на статью Цзи Гуанъюаня, в которой он доказывал мысль о том, что Сунь Ятсен, будучи человеком высоких нравственных идеалов, просто не мог не выполнить своего обещания подать в отставку после отречения императора Сюаньтуна. Однако автор не ограничился этим и указал еще на одну — причем, с его точки зрения, даже более важную — причину отставки Сунь Ятсена. Соответствующий раздел своей статьи он озаглавил «Главное — мир, осмотрительность в использовании вооруженной силы и даже во время революции “по мере возможности применение мирных методов и обра-

щение к насилию только в случае необходимости”».[1] При этом к фразе, взятой внутри цитаты в кавычки, Цзи Гуанъюань дает ссылку на слова, произнесенные Сунь Ятсеном в середине ноября 1911 г.

Данная фраза — лишь часть более развернутого суждения, а именно:

> Хотя у нас есть причины ненавидеть маньчжуров, мы тем не менее пытались наладить с ними добрые отношения, но это нам и не удалось. Поэтому мы, китайцы, твердо решили по мере возможности применять мирные методы и обращаться к насилию только в случае необходимости для того, чтобы добиться справедливого отношения к себе и способствовать укреплению мира на Дальнем Востоке и во всем мире.[2]

Не будь сноски на «Полное собрание сочинений Сунь Ятсена», можно было бы подумать, что эта тирада принадлежит не вождю китайской революции, а какому-нибудь стороннику реформистского лагеря, с которым Сунь Ятсен боролся на протяжении доброй половины своей жизни.

Не менее показателен и другой абзац из того же источника:

> Год тому назад Юань Шикай прислал ко мне человека с просьбой, но я не решился довериться этому послу. Я думал, что это уловка Юань Шикая, хотя на самом деле он был вполне искренен. Он хотел отменить приказ об объявлении меня в розыск и официально предложить мне действовать совместно. А я вместо этого сказал его послу: «Прошу Вас по возращении домой передать Вашему хозяину, что вот уже 15 лет я веду тяжелую борьбу и постоянно подвергаюсь опасностям — не для того, чтобы бездумно поддаться на обман! Передайте Его превосходительству, что я могу подождать. Ведь “воля Неба непостоянна”!»
>
> Если бы я поверил послу Юань Шикая, революция разразилась бы раньше и я сейчас был бы уже в Пекине![3]

Это ли не лучшее доказательство того, что революции должны совершаться мирными средствами! Но что же случилось с Сунь Ятсеном, вдруг ставшим убежденным пацифистом?

Разгадка очередного парадокса проста. Приведенные выше слова революционного лидера были обращены не к его собратьям по оружию, а к правительственным кругам Великобритании, помощь которых он взыскал, находясь в это время в Лондоне. Как и в 1896 г., он делал всё возможное, чтобы доказать, что китайские революционеры — это не

[1] *Цзи Гуанъюань.* Идейная подоплека отставки Сунь Ятсена в 1-м году Республики. С. 90.

[2] ПССС. Т. 1. С. 556.

[3] Там же. С. 557.

сборище экстремистов, как тогда полагали многие на Западе, а добропорядочные буржуа, в разгар Учанского восстания озабоченные судьбами мира во всем мире.

Но автор цитируемой нами статьи не ограничивается этим. Он ссылается на интервью, данное Сунь Ятсеном вскоре после этого в Париже. Цель заявления та же: «Франция — прогрессивная республика, поэтому она должна хоть чем-то помочь Китаю!»[1] Суть заявления не изменилась — мы не экстремисты, в своей борьбе мы действуем цивилизованно:

> Мирными средствами способствовать прогрессу Китая — вот каково в действительности исконное желание нашей партии![2]

Нужно ли после этого удивляться оценке, полученной Сунь Ятсеном от участников Учанского восстания, истекавших кровью в боях с правительственной армией в то самое время, когда революционный лидер произносил эти слова, под которыми охотно подписался бы любой его идейный противник — сторонник преобразования Китая реформистскими методами!

Трудно сказать, поверили ли англичане и французы заверениям Сунь Ятсена, но у работавших в Китае иностранных дипломатов, лучше своих рядовых соотечественников знавших ситуацию в стране пребывания, на тот счет было свое мнение. Сошлемся на донесение английского генерального консула в Нанкине от 24 января 1912 г.:

> Почти все без исключения военные из числа революционеров и экстремистские элементы (а именно этим экстремистам своим нынешним положением обязан Сунь Ятсен) выступают за продолжение военных действий. Они считают, что война позволит им получить всё, ничего не потеряв.[3]

Предоставляем читателю самому решать, убедил ли его автор изложенной выше версии отставки Сунь Ятсена с поста президента Республики.

---

[1] 孙中山。与巴黎 «巴黎日报» 记着的谈话 (*Сунь Ятсен.* Беседа с корреспондентом парижской газеты), 21–23 ноября 1911 г. (точная дата неизвестна) // ПССС. Т. 1. С. 562.

[2] Там же.

[3] Генеральный консул в Нанкине — посланнику Великобритании в Китае Джордану, 24 января 1912 г. // 英国蓝皮书有关辛亥革命资料选译 (Избранные переводы документов о Синьхайской революции из Британской голубой книги). Т. 2. Пекин. 1984. С. 456.

Особое мнение Чэнь Ижун

Профессор Юго-Западного педагогического университета Чэнь Ижун сформулировала мнение, стоящее особняком в ряду точек зрения по поводу того, почему Сунь Ятсен уступил президентский пост Юань Шикаю.

Чэнь Ижун

Она полагает, что сама формулировка «уступил пост» является ошибочной и не находит подтверждения в реальных фактах. По ее мнению, Сунь Ятсен в сущности был не президентом, а всего-навсего временно исполняющим обязанности президента, и поэтому «уступить» кому бы то ни было свой пост вообще не мог.

Ее аргументация включает три основных пункта.

Прежде всего, с самого начала революции ее лидеры были едины в своей уверенности, что только Юань Шикай способен эффективно осуществлять обязанности президента Республики. Это мнение абсолютного большинства было закреплено в решениях представителей провинциальных правительств: 3 декабря 1911 г. в Ханькоу они договорились о том, чтобы «не занимать должность Временного президента в ожидании того, что Юань Шикай перейдет на сторону революции»; 14 декабря в Нанкине — о том, что «впредь до избрания Временного президента его обязанности исполняет главнокомандующий». Основой всех официальных и неофициальных переговоров Севера и Юга был консенсус относительно того, что президентом Китайской Республики будет Юань Шикай (исключением не были и переговоры в Шанхае Гу Чжуншэня и Ляо Юйчуня, хотя в итоговом документе было решено не упоминать имя Юань Шикая и заявить, что «президентом будет свергнувший цинское правительство»).[1]

Далее, Сунь Ятсен был провозвестником китайской революции и, рассуждая теоретически, именно его должны были считать единственным кандидатом на должность первого президента Республики. Почему же на заседании 11 декабря в Ханькоу, когда уже было известно, что Сунь Ятсен возвращается в Китай, было решено, что пост президента должен

[1] 陈一容。孙中山民元“让位”问题再认识 (*Чэнь Ижун.* Иное понимание вопроса о том, что Сунь Ятсен в 1-м году Республики «уступил пост президента») // Синань шифань дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуй кэсюэбань). 2002. Т. 28. № 3. С. 110–111.

оставаться незанятым в ожидании прибытия не Сунь Ятсена, а Юань Шикая?

Причина в том, считает Чэнь Ижун, что «Объединенный союз» не был монолитной организацией, более того — он был постоянно раздираем большими и малыми раздорами, причем несколько раз даже возникал вопрос о смещении Сунь Ятсена с поста руководителя. А Сунь Ятсен большую часть времени отсутствовал в Китае, находясь за границей (на протяжении 17–18 лет с момента создания «Союза» вплоть до Учанского восстания он лишь однажды вернулся на родину и 4 дня провел на корабле в шанхайском порту). Помимо этого немаловажно, что победа в Учане была одержана отнюдь не под руководством Сунь Ятсена. В силу этих причин кандидатура Сунь Ятсена как будущего президента вообще не обсуждалась.

Могут возразить, пишет Чэнь Ижун, что в революционном лагере были те, кто считал Сунь Ятсена единственно достойным чести быть первым президентом Республики. Это действительно так, отвечает она своим оппонентам, но следует иметь в виду, что в численном отношении это были отдельные единицы, тогда как сторонники Юань Шикая выступали сомкнутыми рядами. Причем все агитировавшие в пользу Сунь Ятсена не занимали руководящих позиций в когорте победителей, а были рядовыми солдатами революции. Что же касается того, что якобы Хуан Син еще 14 октября телеграфировал Сунь Ятсену, приглашая его возвратиться в Китай и возглавить борьбу, то никаких следов этой телеграммы до сих пор не обнаружено.

Отвечая на вопрос о том, почему же Сунь Ятсен все же был избран Временным президентом, хотя и с весьма существенной оговоркой, Чэнь Ижун подчеркивает, что не последнюю роль в этом сыграли оказавшиеся газетной уткой слухи о том, что он едет в Китай с карманами, набитыми иностранной валютой, которой в это время так не хватало революционерам.[1]

И последнее. Автор разбираемой статьи утверждает, что формулировка об «уступке» Сунь Ятсеном поста президента неприемлема с теоретической точки зрения.

Сунь Ятсен неоднократно заявлял, что «империя — это объект единоличной власти императора, в республике же [государственные дела] решает народ всей страны»[2]; «мы свергли маньчжурскую династию, преобразовали самодержавный строй, создали республику, и теперь

[1] Там же. С. 111–113.

[2] ПССС. Т. 9. С. 57–62.

400 миллионов граждан имеют право решать важнейшие проблемы»[1] и т. д. Можно ли после этого утверждать, что Сунь Ятсен по своему усмотрению «уступил» кому-то должность, на которую был избран представителями народа?

Кроме этого, говорит Чэнь Ижун, «уступка» Сунь Ятсеном поста президента противоречит весьма широко распространенному в научных кругах тезису о том, что Юань Шикай «узурпировал власть», поскольку «уступка» и «узурпация» логически не совместимы друг с другом.

Далее, формулировка об «уступке» влечет за собой оценку этого события как позорного пятна на репутации вождя революции.

Наконец, это связано и с ошибочной общей оценкой Синьхайской революции, так как многие исследователи считают «уступку» Сунь Ятсена свидетельством конечного поражения революции, хотя успех или поражение революции не определяется тем, какой пост занимает та или иная личность.[2]

Многое из того, о чем в своей статье говорит Чэнь Ижун, проливает свет на истинную ситуацию, возникшую после отречения Сюаньтуна. Однако нельзя не видеть, что главный пафос автора состоит всё же не в анализе причинно-следственных связей события, а в том, как мы должны или не должны ***называть*** его. Но суть данного события не изменится, если мы вслед за Чэнь Ижун будем говорить не о том, что Сунь Ятсен «уступил» свой пост, а о том, что он «ушел в отставку».

К сожалению, ее статья так и не ответила на гораздо более важный вопрос — ***почему*** Сунь Ятсен ушел в отставку.

Причин было несколько

Ху Шэнъу

Среди многочисленных версий, пытающихся ответить на вопрос ***почему***, выделяется одна, согласно которой не какая-то одна причина, а совокупность нескольких причин заставила Сунь Ятсена вручить Юань Шикаю свои президентские полномочия. Эта точка зрения была высказана известными специалистами по новейшей истории Китая Ху Шэнъу

[1] Там же. Т. 8. С. 470.

[2] *Чэнь Ижун.* Иное понимание вопроса о том, что Сунь Ятсен в 1-м году Республики «уступил пост президента». С. 113–114.

Цзинь Чунцзи

и Цзинь Чунцзи. Правда, заголовок их статьи[1] не вполне соответствует ее содержанию.

Авторы справедливо отмечают, что в спорах об отставке Сунь Ятсена внимание исследователей было до недавнего времени сосредоточено преимущественно на том, поступил ли д-р Сунь правильно или это была его ошибка, а не на причинах, побудивших его поступить так, а не иначе.

Первый вопрос, который задают авторы статьи: почему именно на Юань Шикая возлагало свои надежды большинство руководителей Учанского восстания? Неужели они не видели опасности, скрытой за выдвижением его кандидатуры?

Ху Шэнъу и Цзинь Чунцзи считают, что это объясняется тремя обстоятельствами.

Во-первых, Юань Шикай был китайцем, а целью революции было свержение власти маньчжуров.

Во-вторых, существовало мнение, что избрание Юань Шикая президентом может предотвратить интервенцию иностранных держав.

В-третьих, Юань Шикай был способен заставить маньчжурский двор покинуть историческую арену.

Первая попытка решить все проблемы закончилась неудачей

Сунь Ятсен был уверен, что после его инаугурации державы незамедлительно предоставят ему обещанные займы.

Видный деятель «Объединенного союза» Ли Шучэн вспоминал:

> Однажды вечером Хуан Син пригласил меня пойти с ним к Сунь Ятсену, чтобы узнать, как обстоят дела с получением займов Англии и США. Сунь Ятсен в это время читал газету. Отложив ее, он сказал:
>
> – Иностранцы обещали мне, что как только революционная партия Китая придет к власти и сформирует правительство, они могут обсудить с нами

[1] 胡绳武、金冲及。辛亥革命孙中山为何让位袁世凯：国内外民众要求 (*Ху Шэнъу, Цзинь Чунцзи.* Почему во время Синьхайской революции Сунь Ятсен отказался от своего поста в пользу Юань Шикая: требование масс внутри страны и вне ее) // http://news.ifeng.com/ history/shixueyuan/detail_2011_11/28/10946338_6.shtml.

вопрос о займах. После инаугурации я напоминал им об этом и несколько раз отправлял телеграммы. Как раз вчера я телеграфировал им, чтобы побудить их выполнить обещание. Но сегодня суббота, завтра воскресенье, а иностранцы по выходным дням не работают. Завтра ответной телеграммы не будет, она, возможно, придет послезавтра, и я тут же сообщу вам.[1]

Но ни послезавтра, ни через неделю, ни позднее ответа из-за границы так и не пришло. Державы не торопились с признанием Китайской Республики, возглавляемой Сунь Ятсеном. А ему ждать у моря погоды было не с руки. Поэтому, не оставляя надежды на помощь Запада, Сунь Ятсен обратил свой взор в сторону Страны Восходящего Солнца.

Сторонний наблюдатель мог судить об этом по целой серии назначений, последовавшей в начале января 1912 г.

6 января старинный друг Сунь Ятсена, будущий премьер-министр Японии Инукаи Цуёси, был назначен политическим советником Временного правительства, Тэрао Тору и Фукусима Ёси — советниками по юридическим вопросам, Сакатани Ёсиро и Харагути Канамэ — по проблемам финансов, а Икэ Кёкити стал личным секретарем Сунь Ятсена.

Инукаи Цуёси в новой должности

Что же касается секретных переговоров с японцами по поводу займа Временному правительству, то к этому времени они уже дали кое-какие предварительные результаты.

Предмет сделки — Ханьепинский комбинат

29 декабря 1911 г., сразу же после того, как стали известны результаты голосования на выборах президента, Сунь Ятсен нанес визит Фудзисэ Сэйдзиро, главе шанхайского отделения японской фирмы Мицуи. Сопровождал его сотрудник той же фирмы Ямада Дзюнсабуро, младший брат Ямада Ёсимаса, ставший впоследствии постоянным посредником Сунь Ятсена в его контактах с представителями деловых кругов Японии.

Д-р Сунь спросил Фудзисэ, согласна ли его фирма предоставить Временному правительству заем в 5 млн иен. Тот ответил положительно и сформулировал условие сделки: фирма Мицуи становится совладельцем Ханьепинского металлургического комбината — современного на тот

[1] *Ли Шучэн.* Революционная деятельность Хуан Сина до и после 1911 г. С. 198.

Сунь Ятсен и Ямада Дзюнсабуро

момент предприятия, разрабатывавшего расположенные недалеко друг от друга залежи каменного угля и железной руды, что создавало идеальные условия для производства дешевой стали.

Сунь Ятсен выразил свое согласие с этим; стороны договорились о том, что окончательное решение будет принято через неделю.[1]

Сообщение об этом было с энтузиазмом встречено владельцем японской металлургической кампании Накамура Юдзиро, уже давно строившим планы овладеть Ханьепинским комбинатом. Не откладывая дело в долгий ящик, 31 января он посетил члена правления фирмы Мицуи Ямамото Дзётаро и убедил его, что было бы непростительной ошибкой не воспользоваться нежданно-негаданно представившейся Японии возможностью отказаться от закупок железной руды и каменного угля за рубежом и получать всё это в Ханьепине.

Вслед за этим Накамура и Ямамото сообщили о готовящейся сделке министру иностранных дел Японии Утида и премьер-министру Сайондзи.

5 января участвовавший в разговоре Сунь Ятсена с Фудзисэ сотрудник той же фирмы Мори Каку выехал в Токио для согласования деталей соглашения с руководством фирмы Мицуи.

Ямамото Дзётаро (1867–1936)

11 января в министерстве иностранных дел был составлен проект соглашения, переданный на рассмотрение правительства Японии. Он включал 6 унктов:

1. Ханьепинский комбинат становится совместным предприятием двух стран.

2. Общая сумма акций совместной компании будет составлять 26 млн юаней; половина ее будет вложена японской стороной.

[1] Подробно см.: 李廷江。日本财界与辛亥革命 (*Ли Тинцзян*. Финансовые круги Японии и Синьхайская революция). Пекин. 1994. С. 265.

3. Правление вновь создаваемой компании признает все обязательства, ранее взятые на себя комбинатом.

4. Правление компании будет обладать всеми правами бывшего комбината.

5. Председателем правления компании будет китаец, его заместителем — японец.

6. Казначеем компании становится представитель Японии.[1]

12 января этот проект обсуждался и был утвержден на совещании представителей министерства иностранных дел, торговли и финансов Японии.

Сунь Ятсен безоговорочно согласился с условиями этого соглашения.[2]

Посланный в Токио представитель Временного правительства Хэ Тяньцзюн официально уведомил об этом японское правительство. Всё было готово к подписанию соглашения о предоставлении Нанкину займа на сумму 5 млн японских иен.

Но в самый последний момент Сунь Ятсеном вдруг овладели сомнения.

Сунь Ятсен отдавал себе отчет в том, что заключение секретного соглашения, условия которого противоречили суверенным интересам Китая, наверняка вызовет протесты общественного мнения и может серьезно подорвать авторитет Временного правительства и его лидера.

Для того чтобы предотвратить эти крайне нежелательные последствия подписания соглашения о японском займе, Сунь Ятсен решил прибегнуть к обходному маневру: договоренность о предоставлении денег и согласие на выдвинутые Японией условия должны исходить не от правительства, а от самого Ханьепинского комбината.

С этой целью д-р Сунь вступил в контакт с находившемся в Японии бывшим председателем Правления Ханьепинского акционерного общества Шэн Сюаньхуаем, в свое время смещенным со своего поста Пекинским правительством.

Шэн Сюаньхуай (1844–1816)

[1] 旧中国汉冶萍公司与日本关系史料选辑 (Избранные материалы о Ханьепинском комбинате в старом Китае и его взаимоотношениях с Японией). Шанхай. 1985. С. 297–298.

[2] 盛宣怀实业函电稿 (Деловая корреспонденция Шэн Сюаньхуая). Т. 2. Гонконг. 1993. С. 900.

Здесь следует заметить, что в китайской исторической литературе на протяжении длительного времени господствовало мнение, согласно которому инициатором этой акции был сам Шэн Сюаньхуай.[1] Эта версия противоречит достоверным историческим фактам, и с начала 90-х гг. ее отвергают многие ученые.[2]

К переговорам подключается Шэн Сюаньхуай

17 января Сунь Ятсен предложил Шэн Сюаньхуаю следующий план: японский займ должен быть получен не правительством, а акционерным обществом, правительство же в знак благодарности Шэн Сюаньхуаню за его содействие вернет конфискованное у него имущество.[3]

Но Шэн Сюаньхуай колебался, понимая, что в этом случае ответственность за получение займа ложится лично на него, и тянул с принятием решения. Временное правительство вынуждено было поторопить его.

21 января Хэ Тяньцзюн передал ему распоряжение из Нанкина:

> Получена телеграмма Нанкинского правительства. Следует преобразовать [Ханьепинскую] акционерную компанию в китайско-японское совместное предприятие для получения большой суммы на нужды армии. Просим уполномочить компанию действовать соответственно. За всё

[1] См., например: 吴纪先。盛宣怀与辛亥革命 (*У Цзисянь.* Шэн Сюаньхуай и Синьхайская революция) // 辛亥革命五十周年纪念论文集 (Сборник статей, посвященный 50-летней годовщине Синьхайской революции). Пекин. 1962; 全汉昇。汉冶萍公司史略 (*Цюань Ханьшэн*. Краткая история Ханьепинского комбината). Гонконг. 1972; 刘思格。孙中山与汉冶萍 (*Лю Сыгэ.* Сунь Ятсен и Ханьепин) // Бэйфан луньцун. 1985. № 4 и др.

[2] 李培德。汉冶萍公司与辛亥革命 (*Ли Пэйдэ.* Ханьепинский комбинат и Синьхайская революция) // 辛亥革命与现代中国 (Синьхайская революция и современный Китай). Пекин. 1994; 孙立田。民初汉冶萍公司中日“合办”问题探析 (*Сунь Литянь.* Исследование вопроса о «совместном управлении» Ханьепинким комбинатом в первые годы Республики) // Лиши цзяосюэ. 1998. № 3; 杨华山。论南京临时政府期间汉冶萍“合办”风波 (*Ян Хуашань*. Страсти, разгоревшиеся вокруг «совместного управления» Ханьепинским комбинатом в период существования Нанкинского временного правительства) // Сюэшу юэкань. 1998. № 11; 易惠莉。孙中山与中日合办汉冶萍借款案 (*И Хуйли.* Сунь Ятсен и дело о займе в связи с созданием совместной китайско-японской Ханьепинской компании) // Шилинь. 2002. (дополнительный выпуск).

[3] 辛亥革命前后：盛宣怀档案资料选辑之一 (До и после Синьхайской революции: избранные документы из архива Шэн Сюаньхуая). Шанхай. 1979. С. 231–232.

последующее новое правительство гарантирует свою поддержку. Ни в коем случае не медлите.[1]

23 января Шэн Сюаньхуаю вручили телеграмму Хуан Сина, напоминавшего, что нельзя откладывать дело с получением займа. Однако в это время в шанхайские газеты проникли слухи о намерении бывшего главы Ханьепинской компании передать японцам половину ее акций, и Шэн Сюаньхуай подвергся за это резкой критике. Попав в столь затруднительное положение, он, осознавая, что «создание совместного предприятия чревато отрицательными последствиями»[2], вынужден был признаться управляющему шанхайским отделением иокогамского банка Одагири Масуносукэ, что не видит иного выхода, кроме согласия на этот план.[3]

Отвечая на телеграмму Хуан Сина, Шэн Сюаньхуай писал:

> На днях японский предприниматель Одагири заявил мне, что не согласен на предоставление займа и требует создания совместной компании. Из письма Хэ Тяньцюна явствует, что правительство уже выразило свое согласие с этим, хотя в телеграмме о «совместной компании» не упоминается. Хотя это не противоречит прежнему уставу о разработке природных богатств, с точки зрения закона данный план может быть осуществлен только в том случае, если он санкционирован правительством. Какова на этот счет позиция правительства? Японский представитель ждет, поэтому прошу срочно ответить.[4]

26 января Хуан Син телеграфировал Шэн Сюаньхуаю:

> До сих пор мы не получили четкого ответа. Это значит, что Вы не вполне искренни в своей поддержке Республики. Вы уже получили полномочия на ведение прямых переговоров с Мицуи, и поэтому далее медлить нельзя. Если Вы добьетесь получения займа, это будет выгодно и государству, и Вам лично. В противном случае республиканское правительство отдаст приказ о конфискации Вашего имущества.[5]

Шэн Сюаньуай понял, что больше медлить и в самом деле нельзя. В тот же день он вместе с Одагири подписал включавшее 10 пунктов соглашение о создании китайско-японской акционерной Ханьепинской компании и предоставлении займа на сумму 5,5 млн японских иен.[6]

---

[1] Там же. С. 233.

[2] Там же. С. 232.

[3] Там же. С. 234.

[4] Там же. С. 233–234.

[5] Там же. С. 235.

[6] Деловая корреспонденция Шэн Сюаньхуая. Т. 2. С. 950–951.

Одагири Масуносукэ (первый слева) и Дж. Моррисон (в центре)

Но аппетит приходит во время еды. Сообщая Сунь Ятсену об успешном завершении переговоров о Ханьепинской компании, Ямамото Дзётаро заодно напомнил ему, что в декабре 1911 г. речь шла еще об одном крайне выгодном для Японии проекте — предоставлении Нанкину займа при условии превращения в совместное предприятие Чжэцзянской железной дороги. Теперь японский деятель намекнул Сунь Ятсену, что в случае, если эта дорога останется в руках китайцев, с реализацией соглашения о Ханьепине могут возникнуть трудности.[1]

Дело сорвалось из-за, казалось бы, пустяка

Для того чтобы соглашение могло вступить в силу, требовалось еще согласие общего собрания акционеров. Об этом Ямамото напомнил Сунь Ятсену в своем письме от 1 февраля, сообщив, что теперь оставалось только подписать еще одно, трехстороннее соглашение, текст которого доставит в Нанкин Мори Каку.[2]

От имени правительства соглашение было подписано Сунь Ятсеном и Хуан Сином.[3]

[1] До и после Синьхайской революции. С. 237.

[2] Там же. С. 244–245.

[3] 孙中山全集续编 (Дополнения к Полному собранию сочинений Сунь Ятсена, далее — ДПССС). Т. 1. Пекин. 2017. С. 181–182.

漢冶萍煤鐵廠礦有限公司
THE HAN YEH PING IRON & COAL CO. LTD.
第玖千壹百肆拾號
計拾股
本公司完全商辦原定招股貳千萬圓第四次股東會議定推廣續招壹千萬圓先後共叁千萬圓官利餘利一律照章勻分每股伍拾圓息票另給
股東張學社係省縣籍
股分銀元伍百圓
中華民國九年十二月十六日給
董事會長 孫寶琦
經理 夏偕復
收支所長 金志騫

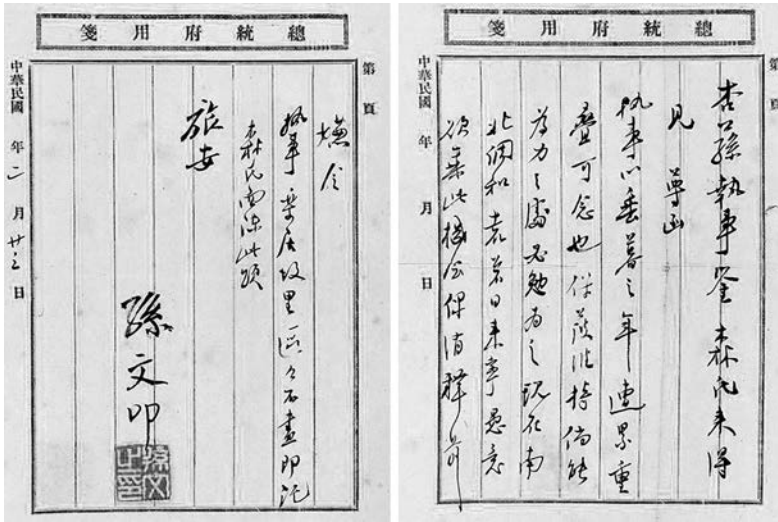
Акция Ханьепинского комбината

Между тем, хотя переговоры о судьбе Ханьепинского комбината велись с соблюдением сугубой секретности, они вскоре стали известны китайской общественности и вызвали с ее стороны шквал критики.

«Получение займа Ханьепинским комбинатом, — писал в те дни журнал “Дунфан цзачжи”, — дело туманное, содержание соглашения засекречено, поэтому процесс его подписания неясен. Если судить по сообщениям прессы, то остается непонятным, то ли это произошло по инициативе правительства, то ли Шэн Сюаньхуая. В этом следует разобраться!»[1]

Многое из того, что было известно прессе, говорило не в пользу Шэн Сюаньхуая, созыв общего собрания акционеров Ханьепинской компании откладывался. Кончилось тем, что Сюаньтун уже подписал эдикт о своем

[1] Цит. по: *И Хуйли.* Сунь Ятсен и дело о займе в связи с созданием совместной китайско-японской Ханьепинской компании. С. 43.



Письмо Сунь Ятсена Шэн Сюаньхуаю, 23 февраля 1912 г.

отречении, а согласие акционеров на создание совместного предприятия так и не было получено.

Сунь Ятсену пришлось извиняться перед Шэн Сюаньхуаем за то, что его втянули в историю, закончившуюся фиаско первоначальных планов и лишь навлекшую на него гнев соотечественников: «Поистине достойно сожаления, что Вы на старости лет оказались в столь неприятном положении».

Для самого Сунь Ятсена закончившаяся неудачей попытка заключить соглашение с Японией также обернулась большими неприятностями.

26 февраля японский генеральный консул в Ханькоу Мацумура Садао доносил министру иностранных дел Утида Косаи:

> Как только Учанское военное правительство узнало о том, что Нанкинское правительство ведет переговоры о получении займа под залог имущества Ханьепинского комбината, оно тут же направило Сунь Ятсену телеграмму с выражением протеста, а заместитель министра иностранных дел Цзян Хуабэнь был направлен в наше консульство с требованием информировать его обо всей совокупности взаимоотношений Японии с вышеуказанным комбинатом.[1]

[1] Мацумура — Утида, 26 февраля 1912 г. // 日本外交文书选译：关于辛亥革命 (Избранные документы внешней политики Японии, касающиеся Синьхайской революции). Пекин. 1980. С. 364.

Началась длительная и крайне неприятная для Сунь Ятсена переписка Учана и Нанкина, в ходе которой ему пришлось в очередной раз давать задний ход.

В учанской газете «Чжунхуа миньго гунбао» было опубликовано адресованное Ли Юаньхуну письмо Ван Чжэнтина, в котором он заявлял, что поскольку японская сторона еще не выплатила оговоренную в соглашении сумму, оно вполне может быть расторгнуто[1].

Официальный орган Хубэйского военного правительства газета «Чжунхуа миньго гунбао»

По словам консула Мацумура, крайнее недовольство как Хубэйского правительства, так и жителей этой провинции было вызвано тем, что о секретных переговорах о судьбе находящейся на территории собственности органы местной администрации в извесность поставлены не были.

Мацумура считал, что это не только роковая ошибка Сунь Ятсена, но и просчет японской стороны, так как вся эта история вызвала в Хубэе взрыв антияпонских настроений.[2]

Козырная карта в колоде Сунь Ятсена

Но у Сунь Ятсена был про запас еще один козырь, и в начале февраля 1912 г., когда ситуация с Ханьепином уже стала критической, д-р Сунь решает поставить его на кон.

Речь шла о сопках Маньчжурии

3 февраля он встретился с сотрудником фирмы Мицуи Мори Каку и имел с ним продолжительную беседу. О ее содержании Мори подробно информировал директора компании Масуда Такаси.[3]

---

[1] Там же. С. 365.

[2] Там же. С. 365–366.

[3] Мори Каку — Масуда Такаси, 8 февраля 1912 г. // ДПССС. Т. 1. С. 183–187.

Мори сразу уловил мысль собеседника и перешел к сути дела:

Масуда Такаси (1848–1938)

Мори Каку (1882–1932)

Как Вы знаете, сегодня в мире идет война желтой и белой расы. Япония полагает, что для того, чтобы сдержать продвижение России на юг (а она выступает авангардом белой расы), чтобы гарантировать безопасность Японии и мир в Тихоокеанском регионе, нужно защитить Маньчжурию. Япония не собирается в связи с этим ставить на карту судьбу страны и приносить в жертву жизни людей и материальные ресурсы. Но Россия движется на юг, а Германия захватила Циндао, и поэтому придется защищать Маньчжурию руками японцев. В силу нынешних обстоятельств Китай вряд ли самостоятельно сможет осуществить эту задачу, и Вы, я думаю, согласитесь с этим.<...>

В настоящее время революционное правительство испытывает многочисленные трудности и, без сомнения, не сможет выполнить свою миссию без помощи Японии, занимающей особую позицию с географической и исторической точки зрения.

Если Вы откажетесь от Маньчжурии, судьба которой уже предрешена, и согласитесь передать ее под покровительство Японии, то в качестве компенсации получите от Японии помощь в осуществлении великих революционных целей. Япония в этом случае незамедлительно согласится на Ваши требования и предпримет меры для их удовлетворения.<...>

Как Вы относитесь к этому предложению? Если Вы согласны с тем, что изложено Вашим покорным слугой, следует решать не мешкая. Как г-н Кацура[1] намекнул г-ну Масуда, если Вы намерены действовать, кто-то один из вас двоих[2] должен вместе со мной поехать на встречу с г-ном Кацура, воспользовавшись возвращающимся в Японию военным судном, после чего добраться специальным поездом до Киото и встретиться там

[1] Кацура Таро неоднократно занимал пост премьер-министра Японии.

[2] Мори имел в виду Сунь Ятсена и Хуан Сина.

с г-ном Кацура, который прибудет из Токио. Думается, что на поездку туда и обратно потребуется недели две.[1]

Предложение Мори отнюдь не было для Сунь Ятсена неожиданным. Раньше он уже неоднократно беседовал на эту тему с японцами, выражая свою готовность отдать Маньчжурию под их «покровительство». Поэтому на этот раз он без обиняков заявил:

Намерение г-на Кацура дорогого стоит! Я давно уже озабочен будущим Китая, с тревогой думаю о судьбах желтой расы, размышляю о мире на Тихом океане. Поэтому с самого начала революции я имел намерение полностью передать Маньчжурию Японии в качестве компенсации за поощь, которую она нам окажет. Однако Япония держалась отчужденно, не желая сближения с нами. В начале нашего движения я хотел обосноваться в Японии, но мне не разрешили въехать в страну, и я постепенно пришел к мысли, что японцы не хотят иметь с нами дело, и поэтому уехал в Америку.

Но в силу географических и расовых причин Китай ничего не сможет осуществить без солидарности и помощи Японии. Поэтому я употребил все имеющиеся в моем распоряжении средства для того, чтобы добиться понимания со стороны Японии. И в результате среди японских политических деятелей оказалось немало таких, кто был готов всячески содействовать нашему революционному правительству. Но что касается японского правительства, то оно до сих пор так и не поддержало нас. <...>

Сунь Ятсен добавил:

Если бы я по дороге в Китай или хотя бы в Гонконге узнал о планах г-на Кацура, я тут же направился бы в Японию, чтобы решить проблему. А сейчас ситуация изменилась. Вначале все вопросы, связанные с действиями революционной армии, я мог решать вдвоем с Хуан Сином. Но сейчас дело обстоит иначе. Провинции поддержали нас и встали под наши знамена. Но из-за военных и финансовых причин мы не можем действовать по своему усмотрению и вынуждены решать принципиальные вопросы с учетом общего мнения. За последнее время финансы революционного правительства до предела истощились.

Кацура Таро (1848–1913)

Если проблема военных расходов не будет немедленно решена, дело обернется катастрофой. Если в течение нескольких дней мы не получим средств,

[1] Мори Каку — Масуда Такаси, 8 февраля 1912 г. // ДПССС. Т. 1. С. 183–187.

крайне необходимых нам для разрешения нашей критической ситуации, нам придется распустить нашу армию, а революционное правительство падет. Но если мы в эти дни не будем показываться на публике, распространятся слухи о том, что мы из-за этих трудностей бежали из страны.<...>

А вслед за этим Сунь Ятсен без утайки поделился с малознакомым ему иностранным бизнесменом своим сокровенным планом:

Если нам повезет и мы получим средства, достаточные для того, чтобы предотвратить роспуск армии, то мы будем продолжать до следующего года[1] мирные переговоры с Юань Шикаем и увеличивать наши финансовые возможности, после чего покончим с Юань Шикаем, в соответствии с первоначальным планом с помощью военной силы окончательно устраним инакомыслящих на Юге и на Севере, вырвем корень зла, противостоящий нам сегодня, и укрепим республиканский строй.<...>

Если же к нашему несчастью в течение ближайших пяти дней до 9 числа, то есть до конца года по старому календарю, мы не сможем получить 15 500 000 японских иен, то все будет кончено. Придется, не дожидаясь краха революционного правительства, самим сделать первый шаг и, прервав мирные переговоры Севера и Юга, временно передать власть Юань Шикаю. Трудно предвидеть, как сложится обстановка после того, как власть окажется в руках Юань Шикая, но, во всяком случае, секретное соглашение с Японией будет уже невозможным.<...>

Ситуация ныне такова, что если мы получим деньги, то сможем спокойно рассчитывать на поддержку армии, а коль скоро проблема армии будет решена, кто-то из нас двоих с Хуан Сином поедет в Японию, чтобы обсудить с г-ном Кацура вопрос о Маньчжурии и о перспективах деятельности революционного правительства. Таков давно уже принятый нами план. Если сейчас есть возможность, нужно немедленно решать проблему.

Но хотя сегодня мы и понимаем необходимость этого, все же по вышеизложенным причинам ни на шаг не можем покинуть Нанкин. Что поделать? Остается сожалеть, что Ваше предложение так запоздало!

Но Мори по-прежнему продолжал настаивать на своем:

Когда будет подписано мирное соглашение, что-либо изменить будет уже затруднительно. А что если продолжать переговоры и одновременно с этим послать в Японию человека, который будет представлять Вас и Хуан Сина?

Это предложение не было принято Сунь Ятсеном, который утверждал, что столь важную миссию невозможно доверить какому-то третьему лицу и поэтому ехать в Японию должен либо он сам, либо Хуан Син.

[1] Сунь Ятсен имел в виду «следующий год» по китайскому традиционному календарю.

Сунь Ятсен и Мори Каку начинают действовать

Нужно отдавать себе отчет в том, чем рисковал Сунь Ятсен, начиная переговоры с Мори об уступке японцам Маньчжурии в обмен на финансовую помощь Временному правительству. Хотя сама по себе эта идея не была для него нова, в 1912 г. общая ситуация принципиально отличалась от существовавшей несколькими годами ранее. Когда Сунь Ятсен во время первой встречи с Утида Рёхэй предлагал тому то же самое, он руководствовался своим пониманием сущности антицинской революции — изгнать маньчжуров на их исконные земли, а в Китае основать республику китайцев-хань. Теперь же в его стране уже существовала «республика пяти наций», и территория нынешних северо-восточных провинций Китая была ее неотъемлемой частью. Неслучайно после того, как китайской общественности стало известно о намерении Сунь Ятсена уступить Маньчжурию японцам, закономерно встал вопрос: любил ли он свою Родину или же был готов торговать ею. Это обстоятельство требовало абсолютной секретности переговоров, и нет ничего удивительного в том, что даже известный японский суньятсеновед Кубота Бундзи, 40 лет тому назад писавший о «так называемой готовности Сунь Вэня пожертвовать Маньчжурией» и упоминавший о ряде других эпизодов, видимо, ничего не знал о переговорах 1912 г.[1] Адресованное Масуда Такаси письмо Мори Каку было обнаружено в архиве фирмы Мицуи лишь в 80-х гг.

Но вернемся к разговору Сунь Ятсена с Мори, состоявшемуся 3 февраля 1912 г.

Мори предупредил Сунь Ятсена, что выплатить запрошенную им сумму в течение пяти дней абсолютно невозможно, остается немедленно дать телеграмму Масуда и ждать решения вопроса.

Сунь Ятсен еще раз напомнил:

> Если деньги будут переданы лишь в самом конце года, не исключено, что это уже утратит всякий смысл.[2]

Тут же был составлен следующий текст телеграммы в Токио:

> Ввиду финансовых трудностей, в случае если до конца года по традиционному китайскому летоисчислению мы не получим 15 500 000 японских

[1] 久保田文次。孫文のいわゆる«滿蒙譲与»論について (*Кубота Бундзи.* О так называемой «готовности Сунь Вэня пожертвоаать Маньчжурией» // 中島敏先生古稀紀念論集 (Сборник статей в честь 70-летия проф. Накадзима Сатоси). Токио. 1981.

[2] Мори Каку — Масуда Такаси, 8 февраля 1912 г. // ДПССС. Т. 1. С. 183–187.

иен, вести военные действия будет невозможно, а революционное правительство ожидает коллапс. Соглашение с Ханьепинским комбинатом о 5 000 000 японских иен достигнуто <...>, в настоящее время ведутся переговоры с Англией, Германией и США о займах в размере 10 000 000 иен. Если в течение пяти дней мы не получим от вас указанную сумму, все будет кончено, Сунь Ятсен и Хуан Син подпишут мирное соглашение с Юань Шикаем и уступят ему власть. Сунь Ятсен согласен на передачу Маньчжурии. Если Япония для того, чтобы предотвратить роспуск революционной армии, помимо 5 000 000 Ханьепинскому комбинату немедленно выплатит 10 000 000 иен, мы прервем переговоры с Юань Шикаем, а Сунь Ятсен или Хуан Син выедут в Японию для заключения секретного договора о Маньчжурии. Если же деньги не будут получены, армию придется распустить, а нанкинское правительство прекратит свое существование.[1]

В тот же день Сунь Ятсен отправил письмо одному из «старейшин» Японии Иноуэ Каору, надеясь на его содействие в осуществлении намеченной операции.[2]

Иноуэ Каору (1836–1915)

Видимо, подумав, что кашу маслом не испортишь, Сунь Ятсен и Хуан Син послали Иноуэ кроме этого телеграмму за двумя подписями, заранее благодаря его за помощь.[3]

Сразу после встречи с Сунь Ятсеном Мори выехал в Шанхай. 5 февраля д-р Сунь напомнил ему о срочности задуманного, и он послал Масуда очередную телеграмму, а 6 февраля на нее пришел ответ:

Абсолютно секретно. Все в высшей степени удовлетворены [предложением о] Маньчжурии. В настоящее время путем соответствующих мер решаем вопрос о средствах. На днях встретимся с премьером.[4]

Мори немедля сообщил об этом Сунь Ятсену:

Вы можете быть удовлетворены тем, как продвигается дело с Маньчжурией. В телеграмме из Токио говорится, что деньги срочно

[1] Сунь Ятсен — Масуда Такаси, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 187.

[2] Сунь Ятсен — Иноуэ Каору, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 188.

[3] Сунь Ятсен, Хуан Син — Иноуэ Каору, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 188–189.

[4] Цит. по: 杨天石。孙中山与“租让满洲”问题 (*Ян Тяньши.* Сунь Ятсен и проблема «уступки Маньчжурии») // Цзиньдайши яньцзю. 1988. № 6. С. 65.

изыскиваются. Пока из Токио не последует иное суждение, продолжайте мирные переговоры с Юань Шикаем. Немедля сообщите Ваше мнение.[1]

Еще не получив эту телеграмму Мори, Сунь Ятсен сообщал ему:

Мирные переговоры с Юань Шикаем продолжим до 9 февраля. Надеемся до этой даты получить определенный ответ.[2]

11 февраля Мори телеграфировал Масуда:

По мнению Сунь Ятсена и Хуан Сина, получение займа под залог судостроительной компании наталкивается на значительные трудности, крайне затянулось и надеяться на успех более нельзя. Над армией нависла опасность роспуска. До Нового года помимо 5 000 000 иен за Ханьепин нужно получить еще 10 000 000 иен. Без этого обойтись невозможно. Если эта сумма не будет получена, они не смогут покинуть Нанкин. Они выразили свое согласие на передачу Маньчжурии и требуют в течение 10 дней предоставить 10 000 000 иен. Если согласиться на это, Хуан Син может немедленно прибыть в Японию для подписания секретного соглашения. Просьба тут же дать ответ о том, как следует поступить. Дело чрезвычайной важности, прошу приложить все Ваши силы.[3]

А что же рёнин?

У читателя невольно может возникнуть вопрос: в чем же заключалось участие в переговорах о судьбе Маньчжурии японских *рёнин*, для которых этот вопрос имел первостепенное значение?

В декабре 1911 г., накануне избрания Сунь Ятсена на пост Временного президента, глава общества «Кокурюкай» Утида Рёхэй выступил со статьей «О преобразовании Китая», в которой содержались рекомендации японскому правительству по поводу того, какой линии в отношении китайской революции ему следовало придерживаться.

Говоря теоретически, писал Утида, существовало три возможности добиться выгодного для Японии преобразования государственного строя соседней страны.

Ведущие деятели «Кокурюкай» Утида Рёхэй (справа) и Тояма Мицуру

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Твм же.

Прежде всего, Япония могла бы поддержать маньчжурскую династию, способствовать подавлению революции, чтобы затем провести в стране необходимые реформы.

Далее, Китай мог быть разделен на две половины, одна из которых (севернее Хуанхэ) была бы подвластна маньчжурам, другая — революционному правительству.

Наконец, Япония могла выступить на стороне революционной партии и этим поддержать создание в Китае республики.

Однако первый вариант, хотя он широко пропагандировался в странах Европы, не соответствовал, по мнению Утида, современным условиям Китая. Второй вариант, учитывая стремление китайской общественности к объединению страны, мог рассматриваться как не более чем некое переходное состояние. Поэтому, утверждал Утида, японское правительство должно встать на третий путь радикального решения китайского вопроса.[1]

Нет сомнений в том, что, выдвигая свой план, предводитель «Кокурюкай» руководствовался прежними заверениями Сунь Ятсена о готовности отблагодарить японцев передачей им Маньчжурии.

Поэтому, в противоположность правительству Сайондзи Киммоти, руководители «Кокурюкай» были решительно против продолжения мирных переговоров Севера и Юга.

Чжан Тайянь писал по этому поводу:

> Япония давно уже зарится на Маньчжурию и Монголию, изыскивая случай, чтобы завладеть ими, и хочет воспользоваться для этой цели внутренними беспорядками в Китае. На переговорах Севера и Юга обе стороны озабочены судьбой Китая, стремясь как можно скорее подвести надежную базу под китайскую государственность и исходя из насущных нужд страны и ее народа. Но в случае, если договоренность будет достигнута, Япония наверняка лишится удобного случая овладеть Маньчжурией и Монголией. Поэтому Тояма и Инукаи препятствуют переговорам, утверждая, что «переговоры невыгодны революционной партии», и отговаривают Сунь Ятсена и Хуан Сина от компромисса. Но Сунь Ятсен и Хуан Син достаточно мудры, чтобы понимать их тайные намерения, и вежливо отклоняют их советы.[2]

---

[1] Подробно см.: 王柯。民族主义与近代中日关系 (*Ван Кэ.* Национализм и китайско-японские отношения в новейшее время). Гонконг. 2015. С. 82–88.

[2] Цит. по: 赵金钰。日本浪人与辛亥革命 (*Чжао Цзиньюй.* Японские *рёнин* и Синьхайская революция). Чэнду. 1988. С. 121–122.

Действительно ли понимал Сунь Ятсен тайные намерения главарей «Кокурюкай» или же неприятности, возникшие в связи с делом Ханьепина, заставляли его действовать с максимальной осмотрительностью, но он не прислушался к советам «друзей» и, следуя рекомендации японского правительства, в ожидании решения вопроса продолжал шанхайские переговоры.

А японское правительство, казалось, вот-вот впервые в новейшей истории согласится на оказание поддержки революционному правительству.

Но словно гром среди ясного неба последовало сообщение о том, что кабинет министров Японии решил аннулировать договоренность, достигнутую Сунь Ятсеном и Мори Каку 3 февраля.

Исимото Синроку (1854–1912)

Как писал в своих воспоминаниях Ямамото Дзюнсабуро, против заключения соглашения о сделке по поводу Маньчжурии выступил военный министр Исимото Синроку.

Он заверил правительство, что японская армия в состоянии самостоятельно решить эту проблему, так что, стало быть, платить за это большую сумму денег нет никакой необходимости.[1]

Сунь Ятсен остался без оружия и без денег. План прервать переговоры между Севером и Югом, чтобы с помощью военной силы устранить Юань Шикая, был сорван.

Временный президент Китая был вынужден «выполнить обещанное» и уйти в отставку, не дожидаясь признания Республики державами.

Лань Тяньвэй выполнить свою миссию не успел

Имя «Лань Тяньвэй» наверняка мало что говорит широкой читающей публике. Между тем, в январе 1912 г. д-р Сунь сделал на него серьезную ставку, и его неудача стала одной из причин того, что президент покинул свое кресло.

[1] Подробно см.: *Ян Тяньши.* Сунь Ятсен и проблема «уступки Маньчжурии». С. 66.

Мирные переговоры подготовке похода на Пекин не помеха

4 января Сунь Ятсен дал указание У Тинфану ежедневно информировать его о ходе мирных переговоров с Севером[1] и одновременно с этим написал в Кантон Чэнь Цзюньмину:

> Создание центрального правительства стократно укрепило боевой дух армии. Как бы ни закончились мирные переговоры, ни в коем случае нельзя отказываться от похода на Север.[2]

7 января Сунь Ятсен изложил Ли Юаньхуну общую диспозицию войск перед наступлением:

> [Войска, расквартированные на территории провинций] Хубэй и Ханань, составляют 1-ю армию, которая наступает вдоль железной дороги Ханькоу-Пекин.
>
> [Войска, расквартированные в] Нанкине и в провинции Аньхуй, — это 2-я армия, она наступает в направлении Хэнани и встречается с 1-й армией в районе между Кайфэном и Чжэнчжоу.
>
> [Войска, расквартированные в] Хуайяне, — 3-я армия, в Яньтае — 4-я армия, они наступают в направлении Шаньдуна и встречаются Луаньчжоу и Циньхуандао.
>
> Войска, [расквартированные] за заставой [Шаньхайгуань], составляющие 5-ю армию, и в провинциях Шаньси-Шэньси, т. е. 6-я армия, наступают на Пекин.[3]

14 января, получив информацию о том, что революционные войска, находящиеся на севере провинции Аньхуй, допускают грубые нарушения воинской дисциплины и бесчинства в отношении местного населения, Сунь Ятсен приказывает навести порядок в армии, «которую и в Китае, и за рубежом называют “воинством, борющимся за справедливость”, дабы не давать повода для нападок вражеской пропаганды».[4]

Вскоре аналогичные жалобы поступили от жителей Нанкина, и Сунь Ятсен приложил немало усилий к тому, чтобы успокоить их:

> Взаимное недоверие армии и народа было бы самой больной проблемой после успеха революции. Испытывая экономические трудности, народ и так уже настрадался, а тут еще постоянно приходят сообщения

[1] Сунь Ятсен — У Тинфану, 4 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 174.
[2] Сунь Ятсен — Чэнь Цзюнмину, 4 января 1912 г. // Там же. С. 175.
[3] Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 7 января 1912 г. // Там же. С. 176.
[4] Сунь Ятсен — Сунь Юйцзюню, 14 января 1912 г. // Там же. С. 179–180.

о грабежах, совершаемых военными. Как может народ после завершения военных действий вынести такое?

После избрания президентом я прежде всего озаботился задачей объединения армии и на протяжении нескольких последних дней обсуждаю эту проблему с командованием сухопутных войск. Дисциплина в армии вскоре будет восстановлена. Сообщите об этом всем горожанам! Нужно немного потерпеть![1]

14 января Сунь Ятсен отправил телеграмму Ли Юаньхуну, обсуждая с ним вопрос о закупке военных самолетов. Обмен мнениями на эту тему был продолжен через два дня.[2]

20 января Сунь Ятсен сообщил Ли Юаньхуну о ходе мирных переговоров и указал, что «в случае, если цинский двор будет стоять на своем, у нас будет повод для возобновления военных действий».[3]

26 января в телеграмме Чэнь Цзюнмину Сунь Ятсен высказывает мысль о том, что «мирные переговоры застопорились, вскоре начнутся военные действия».[4] В тот же день Ли Юаньхуну:

Мирные переговоры продвигаются с трудом, боевую подготовку нашей армии нельзя приостанавливать ни на минуту. План военных действий на территории Хубэя должен быть выработан у вас на месте.[5]

28 января в ответ на обращение военного губернатора провинции Гуйлинь Лу Жунтина Сунь Ятсен писал ему:

В армию для похода на Север нужно включать отборные войска. Вы проявили беспримерную храбрость, и Ваши подчиненные также прославились. Если Вы станете в первые ряды служения Родине, маньчжурские варвары не выдержат. <...> Но Вам нет необходимости принимать личное участие, достаточно послать в поход на Север отборные части, и этого будет достаточно для усиления нашей армии.[6]

Не будет ошибкой сказать, что, продолжая мирные переговоры, Сунь Ятсен «ни на минуту» не приостанавливал подготовку к Северному походу. При этом особые надежды он возлагал на 5-ю армию, которой согласно изложенной им диспозиции надлежало начать наступление непосредственно на Пекин.

---

[1] Сунь Ятсен — жителям Нанкина, 24 января 1912 г. // Там же. С. 190.

[2] Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 16 января 1912 г. // Там же. С. 181.

[3] Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 20 января 1912 г. // Там же. С. 184–185.

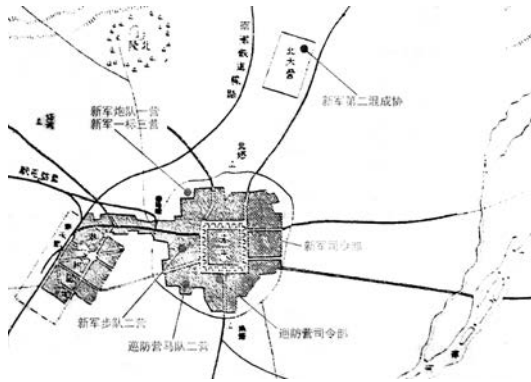
[4] Сунь Ятсен — Чэнь Цзюнмину, 26 января 1912 г. // Там же. С. 190.

[5] Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 26 января 1912 г. // Там же. С. 192.

[6] Сунь Ятсен — Лу Жунтину, 28 января 1912 г. // Там же. С. 194.

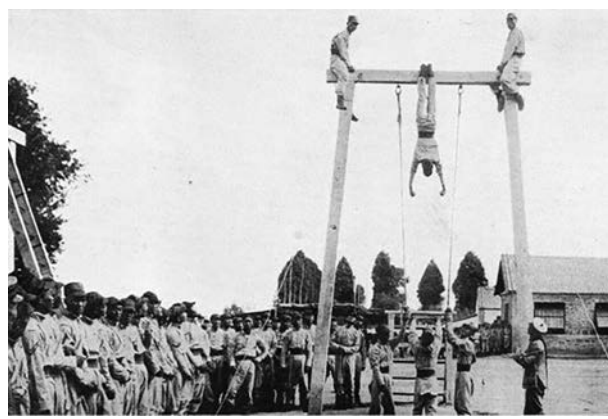
Что собой представляла эта 5-я армия

Речь шла о частях 2-й бригады Новой маньчжурской армии, первоначально расквартированных в Бэйдаине близ Мукдена.



Военный лагерь Бэйдаин (北大营) в северном предместье Мукдена

2-я смешанная бригада была одним из образцовых подразделений Новой армии, созданных по западному образцу и оснащенных современным вооружением.



Тренировка солдат 2-й смешанной бригады

Большинство старших офицеров обучалось в Японии, где они оказались под влиянием «Объединенного союза», а некоторые из них вступили в эту организацию.

В 1907 г. в Мукдене был создан филиал «Объединенного союза», насчитывавший более 100 членов. Одним из его руководителей стал командир 3-й бригадой Лань Тяньвэй.

Лань Тяньвэй (1878–1921)

Лань Тяньвэй был уроженцем провинции Хубэй, где началась его военная карьера. Он трижды длительное время стажировался в Японии и вскоре стал одним из авторитетных военных деятелей. Когда в 1911 г. в Учане обсуждался вопрос о том, кто должен стать главой военного правительства, и речь зашла о Ли Юаньхуне, один из участников совещания заметил: «Но он же не наш человек!» — и услышал в ответ:

> Нельзя сказать, что в революционном лагере нет достойных стать руководителем. Когда здесь служил Лань Тяньвэй, его собирались выдвинуть на пост губернатора. Но сейчас он далеко — в Мукдене и прибыть на юг не может.[1]

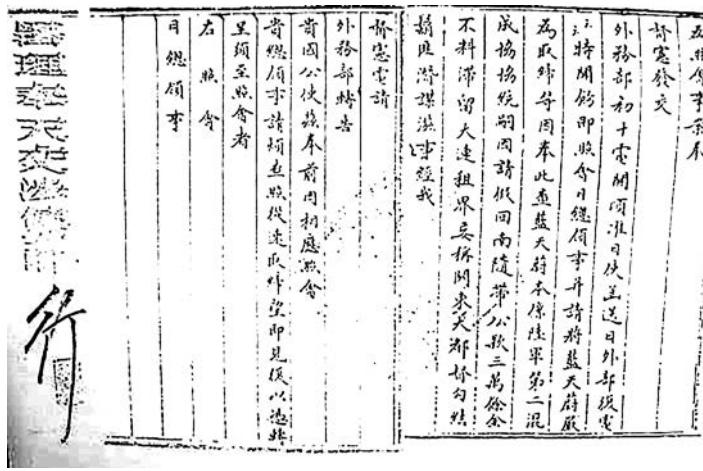
Высшие офицеры Новой армии начали активную подготовку к вооруженному выступлению против маньчжурского правительства еще летом 1911 г. Они решили воспользоваться маневрами, которые должны были проходить в Луаньчжоу, но дело сорвалось.

6 октября на квартире Лань Тяньвэя в Бэйдаине состоялось совещание, на котором заговорщики избрали его руководителем будущего революционного правительства Трех Восточных провинций.

Об этом стало известно маньчжурским властям, Лань Тяньвэй был снят с должности командира 2-й бригады, за ним была установлена слежка. Ему удалось скрыться в Дайрене на территории японской концессии, и 11 октября канцелярия военного губернатора Чжао Эрсюня вручила японскому консулу в Мукдене Отиаи ноту с требованием пресечь деятельность Лань Тяньвэя.

27 ноября заместитель министра иностранных дел Пекинского правительства Цао Жулинь посетил посланника Японии Идзюин Хикокити и сделал ему представление в связи с тем, что, по сообщению губернатора Трех Восточных провинций, тамошние революционеры во главе с Лань Тяньвэем скрываются на территории японской концессии, накапливают

[1] 蓝天蔚生平都有什么主要成就 (Каковы главные заслуги Лань Тяньвэя) // http://www. manfen5.com/lishi /34220.



Нота от 11 октября, полученная в японском консульстве в Мукдене

там оружие и пользуются покровительством японских властей. Цао Жулинь предъявил посланнику следующие требования:

1) китайские и японские власти должны совместными усилиями арестовать заговорщиков;

2) в случае возникновения беспорядков китайская сторона своими силами обеспечит безопасность иностранных граждан, так что Япония не должна осуществлять вооруженное вмешательство;

3) заговорщики являются уголовными элементами, поэтому они не могут считаться государственными преступниками.[1]

Министр иностранных дел Японии Утида ответил консулу:

> Императорское правительство естественно не может допустить, чтобы на управляемой нами территории разрабатывались планы какой бы то ни было политической деятельности. Поэтому если это действительно имеет место, необходимо принять эффективные меры пресечения. Прошу передать Юань Шикаю, что он может быть спокоен на этот счет.[2]

Мы не знаем, успокоило ли это Юань Шикая, но губернатору Трех Восточных провинций Чжао Эрсюню события тех дней явно не давали спать спокойно.

---

[1] Идзюин — министру иностранных дел Утида, 27 ноября 1911 г. // 日本外交文书选译。关于辛亥革命 (Избранные переводы японских дипломатических документов. Синьхайская революция). Пекин. 1980. С. 211–212.

[2] Утида — Идзюин, 28 ноября 1911 г. // Там же. С. 212.

3 декабря он встретился с японским консулом Отиаи и изложил ему свои претензии: японские власти всячески затрудняют правительственные перевозки, а это не позволяет ликвидировать бандитов. Консул заверил губернатора, что надлежащие меры уже приняты, но это заявление не удовлетворило Чжао Эрсюня, и он крайне раздраженным тоном повторил, что действия японской стороны фактически льют воду на мельницу заговорщиков и противоречат принципам китайско-японской дружбы. В этих условиях он как военный губернатор не может взять на себя ответственность за дальнейшее развитие событий и т. д.[1]

Отиаи доносил в МИД, что в районе Чжуанхэ и Фучжоу действительно скапливаются силы инсургентов.[2]

Тем временем Лань Тяньвэй отбыл из Дайрена в Шанхай, куда 25 декабря вернулся из-за границы Сунь Ятсен.

С Сунь Ятсеном и его ближайшим окружением (второй слева — Лань Тяньвэй, четвертый — Хуан Син, пятый — Сунь Ятсен)

Приступив в Нанкине к исполнению обязанностей временного президента, Сунь Ятсен написал в Шанхай:

> Срочно. Губернатору Шанхая Чэнь [Цимэю] для передачи губернатору территорий за пределами завставы [Шаньхайгуань] Лань [Тяньвэю].

[1] Отиаи — Утида, 3 декабря 1911 г. // Там же. С. 213.

[2] Отиаи — Утида, 4 декабря 1911 г. // Там же. С. 214.

> Расквартированные в Шанхае войска, направляющиеся в поход на Север, а также три боевых корабля «Хайжун», «Хайтань» и «Таньтань» передаются в Ваше распоряжение. Приказ о Вашем назначении прилагаю. Президент Сунь Вэнь.[1]

В Дайрен Лань Тяньвэй вернулся, будучи официально назначен на пост «губернатора территорий за пределами заставы».

Незадолго до его приезда министр Утида сообщал японскому консулу в Пекин:

> По имеющимся сведениям, революционная армия уже создала экспедиционный корпус для похода на Север, который планирует высадиться в Циньхуандао, <...> после чего революционная армия из района Циньхуандао предпримет наступление на Пекин.[2]

Лань Тяньвэй был полон решимости выполнить свой долг

В роли командующего и одновременно дипломата

Части, которым предстояло наступать на Пекин, сосредотачивались в районе Чифу (совр. Яньтай).

17 января вице-консул в Чифу Аиба сообщал министру Утида:

> 16 января в порт прибыла флотилия, обслуживающая Северный поход. Корреспондент газеты «Мансю нитинити симбун» Симада поспешил взять интервью у Лань Тяньвэя и получил следующую информацию:
>
> Сухопутные военно-морские подразделения экспедиционного корпуса находятся под командованием Лань Тяньвэя. Лань Тяньвэй прибыл на флагманском корабле «Хайжун», в общей сложности на трех кораблях — 600 человек. Одновременно из Шанхая вышли четыре транспортных судна с полутора тысячами человек на борту. Но ввиду разницы крейсерской скорости они прибудут в порт сегодня вечером или завтра, 17-го, утром.[3]

---

[1] Сунь Ятсен — Лань Тяньвэю, 12 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 178.

[2] Утида — Идзюин, 9 января 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 215.

[3] Так в тексте.

Порт Чифу

Цель движения этого контингента — Маньчжурия, но место высадки держится в секрете (корреспонденту несколько раз задавались вопросы о Циньхуандао). <...>[1]

Получив это сообщение, Утида телеграфировал в Петербург послу Мотоно:

Революционная армия Китая приняла решение направить часть экспедиционного корпуса морским путем на Север. Три корабля «Хайжун», «Хайтань» и «Наньтань», опережая транспортные суда, вчера (16-го) пополудни пришвартовались в Чифу. Насколько можно судить на основании полученной разнообразной информации, план революционной армии заключается в том, чтобы экспедиционный корпус высадился на побережье южной Маньчжурии и во взаимодействии с революционерами, сконцентрировавшимися там за последние дни, начал какую-то операцию. <...>

Разумеется, смогут ли они осуществить вышеуказанный план в короткие сроки, в настоящее время сказать трудно. Но если дело начнется, в южной Маньчжурии неизбежно возникнет хаос. Для защиты наших интересов в этом районе, для предотвращения ущерба железной дороге севернее заставы и для обеспечения сообщения между Пекином и указанным

[1] Аиба — Утида, 17 января 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 217–218.

районом мы, по всей вероятности, будем вынуждены направить туда войска. Их численность не будет превышать необходимый минимум, и когда порядок в регионе будет восстановлен, они будут выведены.

Прошу Вас срочно встретиться с представителем российских властей и с соблюдением секретности довести до его сведения вышеуказанные соображения, чтобы заблаговременно заручиться согласием российского правительства. <...>

Что касается вопроса о том, что мы будем самостоятельно нести ответственность за безопасность железной дороги к северу от заставы, то в настоящее время мы ведем секретные переговоры об этом с британским правительством.<...>[1]

19 января пришел ответ Мотоно:

Я встретился с российским министром иностранных дел и в соответствии с полученной от Вас телеграммой подробно изложил ему суть дела. Министр заявил, что у него нет возражений против того, чтобы императорское правительство самостоятельно несло ответственность за безопасность железной дороги к северу от заставы. Министр указал, что по японо-российскому соглашению южная Маньчжурия относится к сфере влияния Японии, и если в случае необходимости Япония оккупирует железную дорогу к северу от заставы для поддержания там порядка и обеспечения сообщения этого района с Пекином, российское правительство не будет чинить тому препятствий.[2]

Еще до этого Утида получил сообщение от управляющего Квантунской областью Осима:

Мною получена телеграмма от «губернатора территорий за пределами заставы» Лань Тяньвэя:

«Выступление китайской республиканской армии имеет своей целью покончить с самодержавным правительством, обеспечить счастливое существование народу и гарантировать мир во всем мире. Поэтому она всемерно охраняет жизнь и собственность иностранных граждан. Местная инфраструктура в большинстве своем имеет отношение к Вашей уважаемой стране, поэтому я, будучи в соответствии с приказом Временного президента Китайской Республики губернатором территорий за пределами заставы, делаю в этом отношении всё от меня зависящее. Что касается местной железной дороги, то она принадлежит Вашей уважаемой стране, и поэтому, стремясь к сохранению мира, я надеюсь, что Ваша уважаемая страна гарантирует нейтральный статус Южно-Маньчжурской

[1] Утида — Мотоно, 17 января 1912 г. // Там же. С. 218–219.

[2] Мотоно — Утида, 19 января 1912 г. // Там же. С. 222.

железной дороги и предоставит на ней равные возможности и республиканской, и цинской армиям».[1]

Осима следующим образом характеризовал сложившуюся ситуацию:

Если экспедиционный корпус революционной армии высадится на Ляодунском полуострове, порядок и спокойствие там будут нарушены. Поэтому я должен принять необходимые меры к обеспечению порядка в регионе и защите безопасности наших иммигрантов. В соответствии с Вашими указаниями, необходимо строго придерживаться нейтралитета по отношению к правительственной и революционной армии: с одной стороны, воспрепятствовать высадке революционной армии в нейтральной зоне, с другой — не допускать посылку туда правительственных войск. В подходящий момент следует опубликовать следующее заявление обеим сторонам (прошу ознакомиться с ним и, если нужно, внести исправления):

1) Императорское правительство ответственно за поддержание спокойствия и порядка в зоне отчуждения Южно-Маньчжурской железной дороги и на прилегающих к ней территориях, поэтому ваша армия не должна использовать этот район в качестве своей базы, вступать в его пределы и осуществлять в нем какую бы то ни было вооруженную деятельность. Даже в случае, если военные действия будут происходить вне этого района, вы должны избрать для этого место, откуда не будет исходить угроза спокойствию этого района.
2) Даже в том случае, если военные действия будут происходить вне указанного района, но там живут или занимаются предпринимательской деятельностью иммигранты из нашей страны, ваша армия должна вовремя уведомить наши власти с тем, чтобы предоставить иммигрантам необходимое время для самосохранения.
3) Представляя собой важную магистраль, соединяющую континенты Европы и Азии, Южно-Маньчжурская железная дорога является международным предприятием, и поэтому ваша армия должна блюсти ее безопасность.
4) Имея в виду соблюдение ответственного отношения к ситуации в целом, императорское правительство отказывается от предоставления правительственным и революционным армиям права перевозить по Южно-Маньчжурской железной дороге войска, боевое снаряжение и пр.[2]

Утида одобрил соображения Осима, уточнив:

Наша сторона может молча согласиться с высадкой [китайского] экспедиционного корпуса вне территории концессии и нейтральной зоны.

[1] Осима — Утида, 18 января 1912 г. // Там же. С. 219–220.
[2] Осима — Утида, 20 января 1912 г. // Там же. С. 222–223.

Что касается того, какие меры следует принять нашей стороне в случае, если после высадки в районе Южно-Маньчжурской железной дороги будет нарушен порядок, ждите последующих указаний, которые получите в надлежащее время.[1]

25 января в японском МИДе получили телеграмму из Чифу, к которой был приложен отчет капитана японского военного судна о встрече с Лань Тяньвэем:

1) В начале беседы Лань Тяньвэй заявил:

«Что касается высадки в нейтральной зоне Маньчжурии, то я понял разъяснения капитана вашего корабля. <...> Если в будущем возникнет ситуация, при которой мы будем вынуждены высадиться в нейтральной зоне, я непременно воспользуюсь дипломатическими каналами, чтобы получить на то согласие японской стороны» <...>

Я довел содержание полученной мной инструкции до сведения Лань Тяньвэя, несколько раз повторив: «Не только недопустимо использование нейтральной зоны, но высадка в другой части побережья Маньчжурии приведет к нарушению спокойствия и порядка, а значит и явится угрозой безопасности проживающих там иностранных граждан и тем нанесет ущерб интересам нашей страны. Во избежание грядущих беспорядков мне приходится просить Вас отказаться от планов высадки [в Маньчжурии]».

На это Лань Тяньвэй ответил:

«Высадка в Маньчжурии не только не затронет нейтральную зону, но и вообще не приведет к каким-либо беспорядкам, поскольку более половины правительственных войск уже готовы откликнуться на призыв революционной армии. Мы полны решимости объявить независимость Маньчжурии, поскольку это вытекает из стратегических потребностей революционной армии».

Из этих слов можно заключить, что Лань Тяньвэй действительно намерен осуществить высадку где-то вне нейтральной зоны.

2) Прибывшие сюда войска намереваются привести себя в порядок на суше. Первая партия военных, высадившихся в порту, вместе со снаряжением расположилась в здании военно-морского училища близ Восточной крепости.
3) Во время перемирия войска не будут предпринимать каких-либо действий. На этот раз перемирие имеет своей целью дать возможность императору отречься от престола и покинуть Пекин, после чего будет создана республика. Сейчас Юань Шикай и Сунь Ятсен ведут об этом переговоры, и в связи с этим перемирие было продлено.<...>

[1] Утида — Осима, 24 января 1912 г. // Там же. С. 227.

4) Что касается высадки в Циньхуандао, судя по всему, это не вполне соответствует намерениям Лань Тяньвэя. Некоторые факты говорят о том, что сухопутная правительственная армия готова, и как только экспедиционный корпус направит небольшой отряд, она начнет действовать. Однако, насколько можно судить, в своем намерении объявить независимость Маньчжурии Лань Тяньвэй непреклонен.
5) Первоначально капитаном корабля «Хайжун» был маньчжур Си Чан. Он бежал, еще будучи в Ханькоу, и на его место был назначен Ду Сигуй. Командующий эскадрой Тан Сянмин болел дизентерией, но сейчас уже выздоровел и поблагодарил нас за то, что мы прислали ему врача.
6) Лань Тяньвэй заявил:

«Будучи губернатором территорий за пределами заставы, я командую сухопутными и военно-морскими силами. Завтра я нанесу Вам ответный визит».

7) По отношению к нашей стороне как сам Лань Тяньвэй, так и его подчиненные ведут себя в высшей степени дружественно и выражают желание общаться. Я сказал ему, что взаимный обмен мнениями полезен для обеих сторон. Если у него есть какие-нибудь требования к японской стороне, пусть он формулирует их, и будет сделано всё возможное, чтобы пойти ему навстречу. Лань Тяньвэй и его люди выражают удовлетворение добрыми намерениями нашей стороны.
8) Что касается отречения императора, то никаких сообщений на сей счет еще не было.[1]

Отречения Сюаньтуна можно было ждать со дня на день, но Сунь Ятсен продолжает принимать меры к упрочению положения Лань Тяньвэя в Шаньдуне.

26 января он назначает Ху Ина губернатором Яньтая[2] и сообщает об этом Лань Тяньвэю[3]. Временно исполняющим обязанности губернатора Яньтая становится Ду Цянь.

Ху Ин (1889–1961)

Ду Цянь (1887–1952)

В Шаньдун был направлен новый контингент войск.

---

[1] Запись беседы с главнокомандующим Ланем, 20 января 1912 г. // Там же. С. 224–226.
[2] Сунь Ятсен — общественности Яньтая, 26 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 191.
[3] Сунь Ятсен — Лань Тяньвэю, 26 января 1912 г. // Там же.

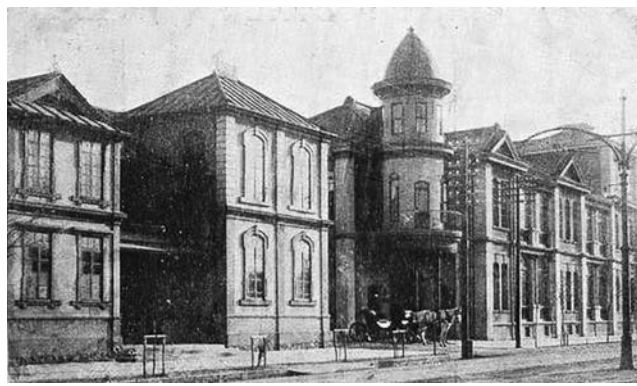
28 января японский вице-консул в Чифу Аиба телеграфировал в Токио:

> Согласно сообщению из Дэнчжоу[1], туда на трех транспортных судах прибыло 6 с лишним сотен солдат. Вместе с 3 с лишним сотнями, уже находящимися там, это составляет 1000 (эта цифра, по-видимому, достоверна). После высадки это подразделение под командованием выпускника нашего военного училища Тан Чжидао начало наступление на уезд Хуансянь[2]. Два пулемета и два полевых орудия, состоящие на вооружении этого отряда, немецкого производства.[3]

30 января, закончив предварительную подготовку к высадке экспедиционного корпуса на Ляодуне, Лань Тяньвэй отбыл из Чифу в Дайрен.[4]

На следующий день комендант Дайрена Сога сообщал генеральному консулу Отиаи:

> Сегодня в 1:30 пополудни Лань Тяньвэй нанес визит в комендатуру, после чего направился в управление Южно-Маньчжурской дороги, намереваясь устроить сегодня вечером в ресторане «Ляодун» прием для ответственных сотрудников местных газет и наиболее известных журналистов.



Ресторан «Ляодун» в Дайрене

Во время посещения комендатуры Лань Тяньвэй заявил:

1) В этот раз я прибыл сюда как частное лицо, но надеюсь, что в ближайшем будущем смогу нанести Вам официальный визит.

---

[1] Совр. Пэнлай.

[2] Совр. Лункоу.

[3] Аиба — Утида, 28 января 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 229–230.

[4] Аиба — Утида, 30 января 1912 г. // Там же. С. 230.

2) И на севере, и на юге Китая ситуация одинакова: революционеры делятся на фракции, совершенно недостаточно контактирующие друг с другом. На юге сейчас создано военное правительство, и уполномоченные им люди занимаются проблемами управления, но когда возникают трудности, они сплошь и рядом не могут действовать, отдавая приказы, а вынуждены согласовывать мнения, что создает большие трудности. Связь между Учаном, Нанкином, Шанхаем и другими городами также неудовлетворительная. Я прибыл сюда с целью добиться сплочения товарищей. Сегодня я нанес Вам визит как частное лицо, чтобы выразить уважение к Вам.
3) Учитывая позицию, которую занимает Ваша уважаемая страна, место высадки нашего экспедиционного корпуса ни при каких обстоятельствах не будет избрано в пределах нейтральной зоны. Об этом уже сообщено в части, и неожиданностей на этот счет не будет.
4) В разных частях Северо-Востока наша партия насчитывает более 100 тысяч членов. Набор в армию здесь не представляет трудностей; необходимые люди у нас повсюду. В зимнее время доставка контингента с юга на Северо-Восток затруднена и не может решить проблему. Но зачем же тогда мы перебрасываем людей с юга? Для того, чтобы воодушевить наших сторонников на Северо-Востоке. Это вопрос стратегии.
5) Хотя осуществлять набор людей на Северо-Востоке нетрудно, но здесь мы ощущаем крайний недостаток в оружии и снаряжении. Для этого нужны средства. Поэтому нашу партию в настоящий момент больше всего беспокоят экономические вопросы.
6) Мало кто из числа китайцев имеет военное образование. В настоящее время уже накоплены запасы оружия и боеприпасов, но тамошние организации часто не хотят выпускать его из своих рук. Благодаря моим усилиям удалось получить 3000 единиц различного огнестрельного оружия и 1 500 000 патронов. Часть из этого количества нужно передать для использования в Шаньдуне, поэтому в настоящий момент имеющегося у нас оружия не хватает. Надеюсь, что в течение ближайших недель мы получим с юга еще денег, оружия и боеприпасов.
7) Сейчас реальная власть в Мукдене полностью оказалась в руках Чжан Цзолиня, и не будет преувеличением сказать, что в его руках даже жизнь губернатора Чжао Эрсюня. Чжан в прошлом — бандит с большой дороги, он отличается жестокостью, и убивать стало его привычкой, в его глазах человеческая жизнь гроша ломаного не стоит. Вплоть до настоящего времени более 400 наших товарищей стали его жертвами.

Любопытная деталь: с момента начала действий нашей революционной армии нам не по пути с теми, кто носит фамилию Чжан: Чжан Сюнь, Чжан Цзянь, Чжан Цзолинь — уже 16 Чжанов стали врагами нашей партии!

8) Большая часть [правительственной] армии Трех Восточных провинций склоняется в сторону нашей партии, ее командный состав в том числе. Лишь из-за того, что первоначально они были врагами революционной партии, они боятся, что даже если они выступят сегодня на нашей стороне, им в дальнейшем будет грозить опасность, и они колеблются и никак не могут принять решение. Но скоро неизбежно наступит день, когда они убедятся в истинных намерениях нашей партии и перейдут на нашу сторону.
9) Тенденция развития ситуации в Шаньдуне вполне ясна. Губернатор Ду Цянь недостаточно подготовлен, и на него трудно рассчитывать. Другие люди там — молодежь, обучавшаяся в Японии, но не имеющая опыта. Стоит возникнуть какой-нибудь проблеме, и может случиться непредвиденное. Это внушает серьезные опасения. Вчера была получена телеграмма: запрещение курить опиум и сбор средств на военные нужды вызвали недовольство населения и привели к беспорядкам. Меня вызывают обратно в Яньтай. Когда-то раньше я был в Яньтае, но потом уехал оттуда. Ни раньше ни сейчас я не вмешивался в дела на севере, тем не менее то одни то другие действуют прикрываясь моим именем. <...>
10) Ван Гочжу[1] — человек ненадежный, с ним не стоит иметь дело.
11) Правительство и простые люди Вашей страны всегда проявляли чувство глубокой симпатии к нашей партии, и мы весьма благодарны за это. Я надеюсь, что вы и дальше будете продолжать оказывать нам поддержку. <...>[2]

Есть основания предположить, что Лань Тяньвэй неслучайно раскрывал перед японским военным комендантом все свои карты рассказывая о проблемах, существовавших в революционном лагере, и критикуя назначенного из Нанкина вице-губернатора Яньтая. Понимая, что, не получив согласия японцев, он не сможет осуществить свой первоначальный план, он явно хотел продемонстрировать свою мнимую искренность и тем самым заручиться расположением к себе японской стороны. Этот дипломатический ход отчасти удался.

[1] Личность не установлена.

[2] Сога — Отиаи, 1 февраля 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 230–232.

В то время, когда он расшаркивался перед японцем, части экспедиционного корпуса начали высадку в наиболее удобных для этого местах нейтральной зоны.

Губернатор Квантуна Осима сообщил в Токио, что в ночь с 1 на 2 февраля 600 китайских солдат высадились с парусных лодок в районе Гаоличэнцзы, а еще 400 — на подходе.[1] Вступив в бой с расположившимися неподалеку частями правительственных войск, этот отряд начал наступление на город Хуаюанькоу и захватил его.[2]

Когда находившемуся в Чифу Лань Тяньвэю было предъявлено требование объяснить, почему он нарушил данное ранее слово, тот ответил, что строгий приказ не высаживаться в нейтральной зоне Ляодуна был им своевременно отдан, но, по-видимому, не дошел до адресата, чем и было вызвано это досадное недоразумение, о котором он глубоко сожалеет.[3]

Прибывший 9 февраля к месту назначения губернатор Яньтая Ху Ин немедля проинформировал Сунь Ятсена о положении в Шаньдуне и попросил его санкции на переброску подкреплений из Фуцзяни.[4]

Но все эти действия немного запоздали. 13 февраля 1912 г. император Сюаньтун отрекся от престола. Пекинский поход, на который Сунь Ятсен возлагал столь большие надежды, утратил смысл. Неудача задуманной операции стала еще одной причиной, заставившей Сунь Ятсена исполнить данное им обещание и покинуть президентский дворец.

Однако Лань Тяньвэй не хотел признать фиаско своих планов и продолжал подготовку похода. Юань

Тан Шаои вновь оказался нужен

[1] Осима — Утида, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 235.
[2] Осима — Утида, 5 февраля 1912 г. // Там же. С. 240.
[3] Осима — Утида, 7 февраля 1912 г. // Там же. С. 241.
[4] Аиба — Утида, 13 февраля 1912 г. // Там же. С. 243–244.

Шикай направил в Чифу Тан Шаои с тем, чтобы заключить компромиссное соглашение с Лань Тяньвэем.

Отиаи сообщал в Токио:

> В 10 часов утра 23 февраля судно «Синьюй», на котором находился Тан Шаои, прибыло в порт. На борт тотчас же поднялся Лань Тяньвэй. Во время их встречи обсуждался вопрос об отставке губернатора Чжао Эрсюня и Чжан Цзолиня, а также о вступлении Лань Тяньвэя в Мукден для поддержания там порядка. Мнения сторон уже начали сближаться.[1]

Но позиция Японии оставалась неизменной. Лань Тяньвэй вынужден был отказаться от своих первоначальных планов.

[1] Отиаи — Утида, 24 февраля 1912 г. // Там же. С. 245–246.

Глава VIII

«Я не перестану доверять президенту!»

Экс-президент начинает новую жизнь

Обращаясь к периоду деятельности Сунь Ятсена, начавшемуся с момента его ухода в отставку, мы, как это было уже не раз и еще будет в дальнейшем, сталкиваемся с недоуменными вопросами, подобные которым Ю. М. Галенович в свое время называл «белыми пятнами» или «болевыми точками». В данном случае неясное для нас белое пятно заключается в том, что, передав президентские полномочия Юань Шикаю, Сунь Ятсен заявил о своем уходе из большой политики.

Что произошло? У потерпевшего неудачу экс-президента «опустились руки»? Или им руководили какие-то иные тайные мотивы?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нужно прежде всего окинуть мысленным взором общую политическую ситуацию, сложившуюся в стране после низвержения маньчжурской династии.

Как грибы после дождя

Синьхайская революция не разрешила (да и не могла разрешить!) глубинные социально-экономические проблемы Китая. Но политическая жизнь страны претерпела в результате учреждения республики радикальные изменения.

Прежде всего, политические общества, союзы и группы, еще недавно вынужденные действовать в подполье, перешли на легальное положение.

Словно грибы после дождя, в Китае появлялись все новые и новые партии, каждая из которых претендовала на свою особую нишу в структуре парламентской системы.

«Китайские партии, — писала по этому поводу Е. Ю. Стабурова, — озадачивали своим особым обликом сначала современников, потом историков. И вправду, они были весьма странными: малочисленные либо нереально большие; объединявшиеся друг с другом, но умевшие при этом сохранить свою обособленность; враждовавшие вплоть до рукоприкладства, когда их лидеры, связанные между собой узами родства или дружбы, мирно встречались на банкетах. Эти партии имели аморфные структуры, срок их жизни был обычно непродолжительным. Исследователи, которые знали, что представляют собой партии в развитых буржуазных странах, не могли скрыть своего разочарования: китайские партии не отвечали известным критериям. <...> Одни историки связывали особенности китайских партий с неразвитостью демократических институтов. Другие говорили о том, что это была неудачная попытка перенесения на китайскую почву чуждых Китаю форм организации — “слишком поспешное подражание Западу”. Один из современников описываемых событий — Чжан Синъянь (Чжан Шичжао) даже назвал китайские партии “противоестественным явлением”. Многие исследователи просто-напросто отказываются видеть в подобных организациях партии. Действительно, китайские партии мало напоминали политические организации, известные по истории буржуазной Европы и Америки. Но это не может служить основанием для того, чтобы задним числом лишать их права называться так, как они себя сами называли — “партией” <...>. Они были кровно связаны с той политической системой, становление которой происходило в ходе революции и которую однозначно называют республикой. Очевидно, что какова была республика, таковы же были и партии».[1]

Цзян Канху (1883–1954)

Одной из первых партий, возникших вскоре после начала Учанского восстания, стала Китайская социалистическая партия (Чжунго шэхуйдан). Ее основание было заложено еще

[1] *Стабурова Е. Ю.* Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М. 1992. С. 4–5.

10 июля 1911 г., когда только что вернувшийся на родину Цзян Канху организовал в Шанхае Общество пропаганды социализма.

В программе этой партии говорилось:

> Политические формы в мире развиваются от монархии к установлению конституции, а от конституции — к республике. Республика хоть и не лучший способ для достижения благополучия и мира, но на сегодняшний день это относительно более совершенный строй. Да к тому же она — неизбежная ступень развития.[1]

В то же время руководители партии имели в виду и далекую перспективу развития человечества, которая представлялась им следующим образом:

> Гуманизм [наступает тогда, когда] в пределах четырех морей все люди станут братьями. Социалистическая партия решительно выступает против межгосударственных границ. Тем более не следует разделять границами нации, [живущие] в одном государстве. Надо прилагать усилия к тому, чтобы со временем они размылись, чтобы взаимные подозрения исчезли, чтобы все породнились, чтобы стала единой культура и нельзя было бы в будущем обнаружить какие-либо различия в знаниях.[2]

Ли Хуайшуан (1874–1950)

Следующей по времени своего возникновения (январь 1912 г.) была Партия свободы Китайской Республики (Чжунхуа миньго цзыюдан) во главе с Ли Хуайшуаном, издававшим влиятельную газету «Миньдобао».

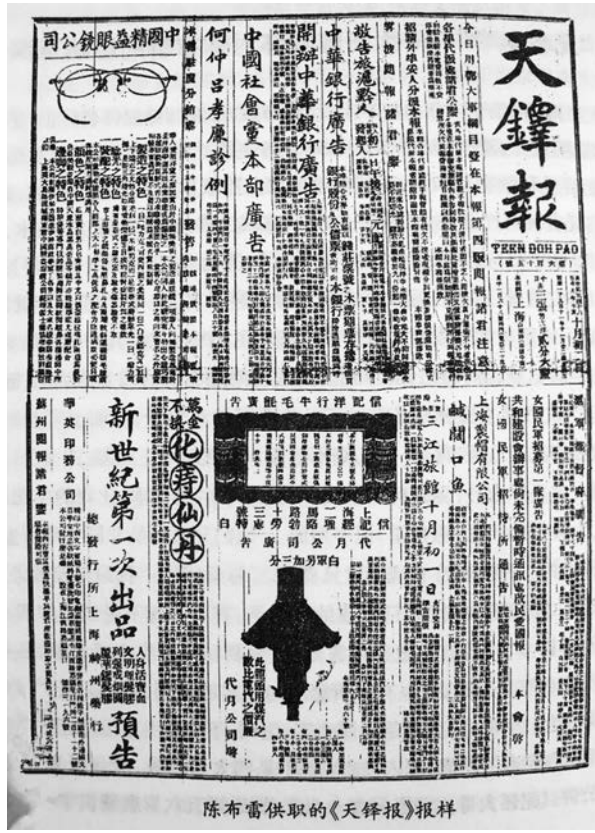
Партия свободы поддерживала деловые контакты как с Социалистической партией, так и с Объединенным союзом, и ее иногда даже называли «ответвлением» последнего.

29 февраля 1912 г. по инициативе бывшего заместителя министра просвещения Временного правительства Цзин Яоюэ была создана Единая республиканская партия (Тунъи гунхэдан). Среди ее активных членов выделялись губернаторы ряда провинций — Юньнани (Цай Э), Шэньси (Чжан Фэнхуй) и др.

Цзин Яоюэ (1881–1944)

[1] Цит. по книге Е. Ю. Стабуровой. С. 172.

[2] Там же. С. 173.



样报《天铎报》的职供雷布陈

Миньдобао

Партия ставила своей главной задачей незамедлительную реформу административной структуры республики и унификацию ее налоговой и денежной системы. В партийной программе упоминалось также о благоденствии народа и о «социализме», хотя не было ясно, что́ именно понимается под последним, если не считать тезиса о будущем слиянии воедино всех наций Китая.

Одной из самых влиятельных партий, возникших в начале 1912 г. была Республиканская партия (Гунхэдан). Номинальным главой ее был Ли Юаньхун, одним из фактических руководителей — Чжан Цзянь, активными членами — бывшие министры в составе Временного правительства Чэн Дэцюань и У Тинфан.

На фоне укрепления авторитета этих партий идея преобразования в политическую партию возникла и у членов «Объединенного союза».

На политической арене Китая появляется Гоминьдан

Маньчжурский император отрекся от престола, двоевластию был положен конец. Означало ли это, что революция победоносно завершена и перед революционерами встают новые, принципиально иные, чем прежде, задачи?

Большинство членов Объединенного союза»отвечало на этот вопрос положительно. Выражая мнение этого большинства, функционер Союза Вэй Чэньцзу выдвинул 14 июля 1912 г. предложение реформировать и переименовать его с целью создания «полноценной политической партии».

Вэй Чэньцзу (1885–1942)

Часть членов Союза выступила против. Но идею Вэй Чэньцзу поддержал один из руководителей Союза Сун Цзяожэнь, в свою очередь предложивший объединиться с некоторыми другими партиями и на этой основе создать Гоминьдан — Национальную партию, главной задачей которой должна была стать парламентская борьба.

В отличие от Сун Цзяожэня, Сунь Ятсен полагал, что революция еще не завершена. Поэтому его участие в реформировании Объединенного союза носило чисто номинальный характер. Более того, он во многих отношениях негласно противодействовал усилиям Сун Цзяожэня.

Позднее корреспондент газеты «Шибао» писал по этому поводу следующее:

> Реорганизацией Гоминьдана фактически руководит один Сун Цзяожэнь <...>, а Сунь Ятсен и Ван Цзинвэй занимают пассивную позицию, так что дело чуть было не застопорилось. По этому можно судить, насколько сильно сопротивление реорганизации. Но Сун Цзяожэнь уже давно живет в Пекине, его политические воззрения своеобразны, он фактически является центром активности Гоминьдана. Члены парламента от «Объединенного союза» поддерживают его и способствуют его популярности, вместе с ним выступают за реорганизацию. А если вопрос

о реорганизации будет окончательно решен, члены парламента от Гоминьдана тем более будут его поддерживать.[1]

Сюй Цянь (1871–1940)

Летом 1912 г. обозначились первые итоги усилий Сун Цзяожэня, направленных на объединение Союза с близкими ему по духу политическими организациями.

В начале июля председатель Национального общества совместного прогресса (Гоминь гунцзиньхуй) Сюй Цянь высказался за объединение с Союзо» в рамках новой политической партии.

Примерно через месяц после этого аналогичное согласие было получено от одного из руководителя Единой республиканской партии У Цзинляня.

У Цзинлянь (1873–1944)

Сложнее дело обстояло с Общенациональной партией (Гоминь гундан). По настоятельной рекомендации У. Дональда, крайне отрицательно относившегося ко всему, что было связано с Сунь Ятсеном, представитель руководства этой партии Вэнь Цзунъяо, выступая на собрании своих коллег, решительно воспротивился объединению с «Союзом» (аргументы были подсказаны ему Дональдом). В результате этого было принято решение отклонить предложение Союза. Правда, еще через полгода ситуация изменилась, и первоначальная резолюция была аннулирована.

Вэнь Цзунъяо (1876–1947)

25 августа 1912 г. в Пекине состоялся учредительный съезд Гоминьдана, в состав которого помимо Объединенного союза вошли еще 4 партии. По предложению Сун Цзяожэня председателем Правления партии был избран Сунь Ятсен, назначивший Сун Цзяожэня своим заместителем.

Наступил звездный час политической карьеры Сун Цзяожэня.

В сентябре 1912 г. началась подготовка к выборам в постоянно действующий парламент. В предвыборной кампании наибольшую активность

[1] Шибао, 25 октября 1912 г.

Сун Цзяожэнь стал негласным лидером Гоминьдана

проявляли 4 партии. Помимо Гоминьдана это были Республиканская партия, Партия единства и созданная незадолго до этого Демократическая партия.

Состоявшиеся в феврале 1913 г. выборы закончились убедительной победой Гоминьдана.

В нижней палате парламента из 596 депутатов 269 были членами Гоминьдана, 120 — Республиканской партии, 18 — Партии единства, 16 — Демократической партии.

В верхней палате преимущество Гоминьдана (123 депутатов из 274) было еще более убедительным.

Вполне реальной стала задача формирования Гоминьданом однопартийного кабинета министров, за что на протяжении всего времени после создания партии ратовал Сун Цзяожэнь. Сам он имел все шансы стать премьер-министром.

Вождь китайской революции уходит из политики

В ходе предвыборной кампании все политические партии выставили своих кандидатов на пост постоянного президента Китайской Республики. Исключением был лишь Гоминьдан: Сун Цзяожэнь в избрании президентом заинтересован не был, поскольку рассчитывал на кресло премьера, а Сунь Ятсен объявил, что отныне он политикой не интересуется.

Сунь Ятсен писал Сун Цзяожэню:

> Общая ситуация в республике такова, что, кто бы сейчас ни был у власти, предпринять что-либо существенное невозможно. Ресурсы внутри страны с каждым днем скудеют, извне угрожают державы, и сразу изменить всё это не удастся. Если пытаться действовать только политическими методами, то можно только усугубить проблемы, и чем дальше, тем будет становиться всё труднее. Поэтому сейчас нужно начинать с основы, развивать экономику с тем, чтобы народ был более зажиточным и положение в стране стабилизировалось, а после этого можно будет заняться политикой. Я сейчас намерен порвать с политикой и сосредоточиться на железнодорожном строительстве.[1]

[1] Сунь Ятсен — Сун Цзяожэню, 22 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 404.

О своем уходе из большой политики Сунь Ятсен не уставал повторять интервьюерам.

28 августа:

> **Вопрос:** Вы сейчас занимаетесь только экономикой, это заслуживает уважения! Но приближаются повторные выборы президента. Как Вы поступите, если граждане республики не разрешат Вам ограничить свою деятельность экономической сферой?
>
> **Ответ:** У меня есть право самому решать, и граждане не могут заставить меня [изменить мое решение]. <...> Я хочу заняться экономикой. А политика подождет.[1]

29 августа:

> Я решительно не хочу иметь дело с политикой, я хочу быть свободным гражданином![2]

29 января 1913 г., когда уже было ясно, что Гоминьдан одержал на парламентских выборах убедительную победу, к Сунь Ятсену с вопросом о том, намерен ли он баллотироваться в президенты Китайской Республики, обратился Мунаката Котаро.

Сунь Ятсен ответил твердо и решительно:

> Хотя наша партия победила на выборах в парламент, <...> я вовсе не собираюсь быть президентом, а хочу некоторое время укреплять свои позиции среди рядовых граждан. Да к тому же быть президентом — это такое муторное дело![3]

Дело Чжан Чжэньу

Весьма показательно в этом отношении нашумевшее «дело Чжан Чжэньу».

С чего всё началось

Имя Чжан Чжэньу неразрывно связано с историей Учанского восстания, одним из руководителей которого он был.

---

[1] Интервью корреспонденту газеты «Ясия жибао», 28 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 416–417.

[2] Миньцюаньбао, 29 августа 1912 г.

[3] *Дуань Юньчжан.* Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 304.

Чжан Чжэньу (1877–1912)

С самого начала у Чжан Чжэньу не заладились деловые отношения с Ли Юаньхуном, против назначения которого губернатором Хубэя он категорически возражал.

После трагической неудачи под Ханьяном на военном совете Хуан Син предложил оставить Учан, сосредоточив все имеющиеся силы в направлении Нанкина. Ли Юаньхун согласился с этим планом, а Чжан Чжэньу выхватил саблю и закричал: «Зарублю на месте каждого, кто посмеет покинуть Учан!»

Через некоторое время двое подчиненных Ли Юаньхуна обнаружили, что он собирает свои чемоданы, и донесли об этом Чжан Чжэньу. Тот отвечал, не задумываясь: «Вручаю губернатора вам двоим, и если он сбежит, отвечать будете вы!» Эти слова передали Ли Юаньхуну.

Вскоре после этого Чжан Чжэньу отправился в Шанхай для закупки оружия и амуниции.

27 января, отослав в Учан партию винтовок, он запросил еще денег.[1]

Через два дня от Ли Юаньхуна пришел ответ:

> Доставленные винтовки были опробованы, и все оказались бракованными и непригодными к употреблению. Нужно срочно и со всей строгостью заявить об этом на заводе и обменять партию. Из Вашей телеграммы следует, что снаряды и патроны к винтовкам уже прибыли в Шанхай и за них надлежит перевести 50 000 юаней. Однако количество снарядов и патронов к пулеметам и винтовкам не указано. Сколько за них уже уплачено? Подробно ответьте.[2]

Еще через неделю Ли Юаньхун уточнил ситуацию:

> Приобретенные Вами пулеметы действительно пригодны к употреблению, их следует срочно доставить в Хубэй, и они будут оплачены в соответствии с объявленной стоимостью. Но купленные ранее винтовки опробованы, и треть их забракована, а к двум третям нет штыков. Патроны слишком давнего производства, треть их непригодна. Кто же будет платить за всё это? Вам надлежит привести в порядок все счета и срочно возвращаться в Хубэй.[3]

---

[1] 关于张振武案始末中的电报 (Телеграммы, связанные с делом Чжан Чжэньу) // https://tieba.baidu.com/p/5644013854?red_tag=0052047854.

[2] Там же.

[3] Там же.

В ответ на это Чжан Чжэньу сообщил, что поскольку деньги для оплаты оружия не были переведены вовремя, половина закупленного была приобретена на средства Тань Жэньфэна и по его распоряжению отправлена в Яньтай.

Это вызвало крайнее недовольство Ли Юаньхуна, и 12 февраля он написал помощнику Чжан Чжэньу:

> Сейчас уже идут переговоры Севера и Юга, в Яньтае боевых действий нет, поэтому купленное Чжан Чжэньу оружие должно быть полностью отправлено в Хубэй.[1]

Ли Юаньхун обвинил Чжан Чжэньу в коррупции: тот якобы присвоил себе часть денег, предназначавшихся для закупки вооружения. А через некоторое время после этого дело приобрело крайние формы.

Ли Юаньхун ставит Чжан Чжэньу мат в два хода

В мае 1912 г. Ли Юаньхун настоял на том, чтобы Чжан Чжэньу был переведен в Пекин, но тот вскоре вернулся в Хубэй, и его взаимоотношения с Ли Юаньхуном еще более обострились.

По настоянию Ли Юаньхуна в первых числах августа 1912 г. Чжан Чжэньу и его ближайший подчиненный Фан Вэй были вновь вызваны в Пекин. Вслед за ним Ли Юаньхун послал Юань Шикаю секретную депешу, в которой обвинял Чжана в измене и попытке совершить военный переворот с целью свержения Хубэйского правительства.[2]

Г. В. Ефимов, рассмотрев доступные ему свидетельства, пришел к выводу, что «сопоставление противоречивых сведений о содержании политической деятельности Чжан Чжэньу и Фан Вэя не дает достаточно убедительного материала для того, чтобы поверить в версию о существовании заговора»:

> Эта версия легко распадается при попытке всерьез проанализировать ее (например: если заговор действительно существовал и был близок к осуществлению, то почему же Чжан Чжэньу поехал в Пекин, причем без всякой гарантии на возвращение?!).[3]

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. С. 295.

Ма Чаоцзюнь (1885–1977)

На деле уже тогда было известно, что заговор всё-таки существовал. Об этом на старости лет поведал ветеран Объединенного союза Ма Чаоцзюнь:

> В то время все товарищи в Ухани были озабочены недальновидностью Ли Юаньхуна и его намерением переметнуться на сторону Юань Шикая, что противоречило целям нашей партии. Чжан Чжэньу и Фан Вэй собрали товарищей, организовали кружок под названием Общество железа и крови и предложили мне участвовать в нем. Товарищи собирались низложить Ли Юаньхуна и овладеть Уханью. Тайные собрания происходили часто и бурно, в результате о них стало известно, и Ли Юаньхун, получив информацию об этом, отправил Юань Шикаю секретную телеграмму с тем, чтобы именем президента завлечь Чжан Чжэньу и Фан Вэя на Север и казнить их в Пекине. Одновременно Ли Юаньхун произвел аресты членов Общества, задержав более 100 человек и получив в свое распоряжение списки организации. Я, будучи его советником и тем не менее приняв участие в этом деле, оказался особенно ненавистен Ли Юаньхуну. Меня арестовали и поместили в военную тюрьму. Об этом стало известно лидеру[1], и он поручил У Тинфану, Вэнь Цзунъяо и У Чжихую[2] совместно поручиться за меня. Отсидев в тюрьме 8 месяцев, я 30 апреля 2-го года Республики вышел на свободу.[3]

15 августа в одном из самых роскошных пекинских ресторанов был устроен прием, на котором присутствовали представители генералитета двух армий, еще недавно сражавшихся на поле брани, дабы поставить крест на прошлом и действовать отныне рука об руку.

Пиршество закончилось около 10 часов ночи. Когда Чжан Чжэньу возвращался в свой отель, он был остановлен на улице нарядом полицейских и доставлен в отделение. Там ему были предъявлены телеграмма Ли Юаньхуна с требованием казнить предателя и соответствующее распоряжение Юань Шикая. «Никогда не думал, что и при республике будет

---

[1] Ма Чаоцзюнь имел в виду Сунь Ятсена.

[2] У Цзинхэну.

[3] 马超俊 • 傅秉常口述自传 (Устная автобиография Ма Чаоцзюня и Фу Бинчана). Пекин. 2008. С. 20–21.

царить подобное беззаконие!» — воскликнул Чжан Чжэньу и был тут же расстрелян. Расстрелян был и полковник Фан Вэй.

Место в западной части Пекина, около которого в ночь с 15 на 16 августа 1912 г. были казнены Чжан Чжэньу и Фан Вэй

Сообщение о случившемся взбудоражило всю страну

Весть о том, что «предатель» Чжан Чжэньу был расстрелян без суда и следствия, всколыхнула общественное мнение.

Соратники казненного Сунь У, Лю Чэнъюй и другие явились во дворец президента с требованием к Юань Шикаю объяснить случившееся. Президент лично принял их и сказал, что инициатива расправы исходила от Ли Юаньхуна, добавив: «Я вижу, что виноват перед жителями Хубэя и теперь вся Поднебесная будет сквернословить по моему поводу».[1]

Но слова Юань Шикая не могли успокоить общественность. Газета «Миньлибао» писала по этому поводу:

> Чжан Чжэньу расстреляли без суда и следствия, даже не допросив его и не предъявив доказательства его виновности. Всё решила одна телеграмма Ли Юаньхуна. Между тем, по закону его следовало предать военному суду.[2]

[1] Там же.

[2] Миньлибао, 25 августа 1912 г.

«Ясия жибао» утверждала, что даже в эпоху Цин Китай в большей мере удовлетворял требованиям, предъявляемым к правовым государствам: когда Ван Цзинвэй совершил террористический акт и все улики были налицо, тем не менее он был приговорен лишь к тюремному заключению.

Казнь Чжан Чжэньу и Фан Вэя стала предметом разбирательства в парламенте. Группа парламентариев во главе с Лю Чэнъюем сделала запрос по поводу обвинений в адрес Чжан Чжэньу. В ответ Ли Юаньхун утверждал, что это дело рассматривалось в Хубэе военным трибуналом, который приговорил обвиняемого к высшей мере наказания по 57-й статье временного уголовного кодекса, однако не смог представить в парламент соответствующие документы.

В парламенте был поднят вопрос об отставке правительства, и Юань Шикаю дважды пришлось давать объяснения по этому поводу.

20 августа Хуан Син написал в своей телеграмме президенту Юань Шикаю:

> В любом правовом государстве нельзя по собственному усмотрению казнить чиновника любого ранга, не подвергнув дело судебному разбирательству. А ныне деятель, имеющий заслуги в создании республики, расстрелян без суда. Это грубейшим образом нарушает права человека и законы страны![1]

Сунь Ятсен до поры до времени о деле Чжан Чжэньу не высказывался.

Сунь Ятсен и Юань Шикай: медовый месяц взаимоотношений

«Говорят, на Юань Шикая нельзя полагаться, а я считаю, что можно!»

Это — заявление Сунь Ятсена, сделанное корреспонденту шанхайской газеты «Миньцюаньбао» 18 августа 1912 г.[2] (менее года до этого он утверждал прямо противоположное: «Говорят, Юань Шикаю нельзя верить. Это действительно так»[3]).

---

[1] Хуан Син — Юань Шикаю, 20 августа 1912 г. // Сборник сочинений Хуан Сина. С. 249.

[2] 与送行者谈话 (Беседа с провожающими), 18 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 401.

[3] См. выше (С. 310).

На протяжении последующего полугодия изысканные славословия экс-президента в адрес Юань Шикая не прекращались.

В Пекин, в Пекин!

Ажиотаж вокруг дела Чжан Чжэньу совпал по времени со сборами Сунь Ятсена в дальнюю дорогу — в Пекин по приглашению президента Юань Шикая.

Приглашение поступило еще весной 1912 г.

11 апреля Юань Шикай прислал Сунь Ятсену сначала телеграмму, а затем письмо о том, что он был бы безмерно счастлив приветствовать экс-президента в столице. Д-р Сунь ответил, что в связи с неотложными делами в Кантоне вынужден отложить поездку на Север.[1]

Через месяц Юань Шикай повторил свое приглашение, добавив, что пошлет своего сына Юань Кэдина в Шанхай, чтобы сопровождать Сунь Ятсена[2], но снова получил вежливый отказ: мол, ситуация в Гуандуне требует моего присутствия там.[3]

Однако уже в конце мая Сунь Ятсен предложил Хуан Сину совершить совместный вояж в Пекин[4] и стал готовиться к поездке, хотя она и была вновь отложена на два месяца.

2 августа Сунь Ятсен и Хуан Син телеграфировали Юань Шикаю о том, что через несколько дней собираются в Пекин, и из столицы прибыли представители правительства для сопровождения двух знатных гостей к месту назначения. Отъезд был назначен на 17 августа.

Но как раз в это время пришло сообщение о казни Чжан Чжэньу и Фан Вэя. Багаж был уже погружен на пароход, но ближайшие сотрудники Сунь Ятсена стали удерживать его от опасной поездки, а какая-то незнакомая женщина вынула из сумочки пистолет и заявила, что если всеми уважаемый вождь не прислушается к увещеваниям, она тут же покончит с собой.

Сунь Ятсену пришлось уговаривать провожающих и доказывать, что опасность ему не грозит: «Что бы ни случилось, я не перестану доверять президенту!»[5]

---

[1] Миньлибао, 14 апреля 1912 г.

[2] Цзянси миньбао, 16 мая 1912 г.

[3] Тяньдобао, 21 мая 1912 г.

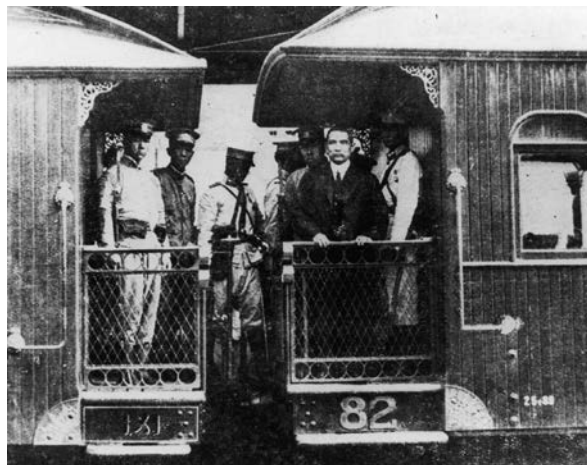
[4] Цзянси миньбао, 30 мая 1912 г.

[5] Миньцюаньбао, 19 августа 1912 г.

Противников поездки убедил главный аргумент д-ра Суня: «Если я не поеду в Пекин, граждане будут думать, что я боюсь Юань Шикая, а если поеду, все убедятся, что я защищаю их интересы»[1].

В конце концов договорились, что с Сунь Ятсеном поедет в Пекин целая группа его сторонников — Вэй Чэньцзу, Цзюй Чжэн и др. (всего более 10 человек), а также жена и дочь, но Хуан Син должен остаться в Шанхае. На том и порешили, и пароход отошел от пирса.

После непродолжительной остановки в Яньтае и Тяньцзине Сунь Ятсен 24 августа прибыл в Пекин.



Сунь Ятсен в поезде Тяньцзинь–Пекин

В Пекине его ждала торжественная встреча.

Когда поезд подошел к перрону, в вагон к Сунь Ятсену поднялись четыре министра, приветствовавшие его от имени президента. Несколько тысяч горожан, выстроившихся на площади около вокзала, встретили экс-президента аплодисментами. Военный оркестр исполнил бравурный марш. Сунь Ятсен, сопровождаемый личными представителями Юань Шикая, подошел к роскошной позолоченной карете, запряженной белоснежными лошадьми, и направился на ней к отведенной ему резиденции. На улицах по пути следования кортежа было перекрыто движение.[2]

[1] 黄宗汉、王灿炽。孙中山与北京 (*Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи.* Сунь Ятсен и Пекин). Пекин. 1996. С. 11–12.

[2] 孙中山先生莅京记 (Г-н Сунь Ятсен прибыл в Пекин) // Миньлибао, 30 августа 1912 г.

Дружеская встреча
(рисунок, обошедший в августе 1912 г. всю европейскую прессу)

В тот же день вечером в президентском дворце состоялся банкет в честь высокого гостя. Юань Шикай в своем приветственном слове отдал должное заслугам Сунь Ятсена, а тот в свою очередь в изысканных выражениях благодарил президента за оказанный ему исключительно теплый прием.

После банкета он заявил корреспондентам:

> С Юань Шикаем можно иметь добрые отношения. Он предан республике. Граждане не имеют никакого основания в чем-то подозревать его.[1]

Сунь Ятсен высказывается о деле Чжан Чжэньу

Вполне естественно, что в беседах Сунь Ятсена с Юань Шикаем, которые последовали за этим приемом, речь не раз касалась судьбы Чжан Чжэньу и Фан Вэя.

На первой встрече с Юань Шикаем, состоявшейся 24 августа, Сунь Ятсен заявил:

> Общая обстановка в стране обнадеживает, да и страсти вокруг дела Чжан Чжэньу и Фан Вэя скоро прекратятся. Я на днях намерен посетить парламент и присутствовать при разбирательстве дела. Судя по всему, телеграмма губернатора Ли Юаньхуна из Учана в адрес президента была

[1] Там же, 27 августа 1812 г.

отправлена не по его личной инициативе, наверняка были еще люди, настоявшие на том, чтобы губернатор поступил именно так. Конечно, было бы лучше, если бы Чжан Чжэньу и Фан Вэй были арестованы в Учане.[1]

Через несколько дней после прибытия Сунь Ятсена в Пекин у него взял интервью корреспондент газеты «Ясия жибао».

Журналиста интересовало многое, и вопрос о Чжан Чжэньу оказался последним.

Корреспондент: Что Вы думаете о деле Чжан Чжэньу и Фан Вэя?

Сунь Ятсен: С моей точки зрения, нельзя сказать, что Чжан и Фан невиновны. Но представляется, что губернатору Хубэя следовало бы арестовать их на месте и казнить в Учане. Тогда не возникла бы эта проблема. Передача их центру неизбежно показала беспомощность [Ли Юаньхуна].

Республика только что создана, законодательство еще несовершенно. В центре получили телеграмму, но доказательства их вины представлены не были, и это стало причиной протестов. Я считаю, что лучше всего было бы, если бы центральное правительство, арестовав Чжан Чжэньу и Фан Вэя, препроводило бы их в Учан или же в соответствии с законом предало бы их суду. Но оно не сделало этого. Поэтому я и говорю, что и в Хубэе, и в столице поступили не должным образом.

Корреспондент: Представляется, что вина в этом деле целиком лежит на Пекине. Губернатор Хубэя не нарушал закона. Он, судя по всему, опасался того, что у Чжан Чжэньу и Фан Вэя много сторонников и, казнив их в Учане, трудно было бы избежать крупных беспорядков. Поэтому он был вынужден подключить к делу центр. Если правонарушители в провинциях будут в соответствии с телеграммами с мест арестовываться в центре, то в этом нет ничего предосудительного и нарушающего закон. А в данном случае в центре, получив телеграмму, поступили неосмотрительно. Вы говорите, что республика только что создана и нет закона, на основании которого центр мог действовать. Но разве временная конституция не допускает арест, задержание под стражей, дознание и наказание граждан? Почему же правительство не обратило на это внимания? Вина в этом деле лежит на правительстве, а вовсе не на губернаторе Хубэя!

(Сунь Ятсен молча кивнул головой, и поскольку время интервью истекло, пожал руку журналисту и удалился).[2]

---

[1] Цит. по: 黄宗汉、王灿炽。孙中山与北京 (*Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи.* Сунь Ятсен и Пекин). Пекин. 1996. С. 26.

[2] 与“亚细亚日报”记者的谈话 (Интервью корреспонденту газеты «Ясия жибао», 28 августа 1912 г.) // ПССС. Т. 2. С. 418.

Однако после нескольких встреч с Юань Шикаем Сунь Ятсен изменил свою точку зрения, оправдывая президента.

29 августа он заявил журналистам:

> В деле Чжан Чжэньу Ли Юаньхун допустил большую ошибку, и боюсь, что после этого его авторитет будет подорван.[1]

Это мнение Сунь Ятсен повторил, когда корреспонденты в другой раз спросили, каково его мнение о роли Ли Юаньхуна в деле Чжан Чжэньу и Фан Вэя:

> В деле Чжан Чжэньу и Фан Вэя Ли Юаньхун перестарался. Если Чжан Чжэньу был виноват, вполне можно было разбирать его дело в Хубэе, незачем было передавать его в столицу.[2]

Он писал Хуан Сину:

> По моему мнению, на самом деле Юань Шикай оказался вовлеченным в ситуацию, достойную сожаления. Случившееся с Чжан Чжэньу произошло из-за срочной телеграммы Ли Юаньхуна, и [Юань Шикай] не мог не сделать [того, что он сделал]. <...> Он вовремя не разобрался в этом деле, и вот вам результат![3]

Своим друзьям-парламентариям Сунь Ятсен «советовал не поднимать излишнего шума из-за дела Чжан Чжэньу».[4] Теперь он полагал, что «нет необходимости требовать отставки [премьера и военного министра], делу это не поможет, только отнимет драгоценное время».[5]

Можно подвести итог. В декабре 1911 г. он говорил: «Если Юань Шикай, беря пример с маньчжуров, будет творить недобрые дела, нетрудно будет разделаться с ним».[6]

В августе 1912 г., когда Юань Шикай совершил явное противозаконие, Сунь Ятсен не только «смирился с казнью учанских революционеров» (формулировка Г. В. Ефимова)[7], но встал на сторону президента, оправдывая его действия, выражая ему сочувствие в связи с ситуацией, в которой он оказался, и полностью перекладывая всю вину на Ли Юаньхуна.

---

[1] Шэньбао, 30 августа 1912 г.

[2] 在北京与各报记者的谈话 (Беседа с корреспондентами в Пекине), август 1912 г. (точная дата неизвестна) // ПССС. Т. 2. С. 426.

[3] Шибао, 31 августа 1912 г.

[4] Миньлибао, 30 августа 1912 г.

[5] ПССОГ. Т. 2. С. 820.

[6] См. выше, с. 310–311, примеч. 1.

[7] *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. С. 298.

А через год, еще не получив убедительных доказательств причастности президента к убийству Сун Цзяожэня, Сунь Ятсен начал «Вторую революцию», целью которой было свержение «палача» Юань Шикая.

Поток славословий казался неисчерпаемым

Тот факт, что во время пребывания в Пекине Сунь Ятсен в деле Чжан Чжэньу встал на точку зрения оправдания действий Юань Шикая, отнюдь не противоречил всему сказанному экс-президентом по поводу своего преемника. За всю свою жизнь д-р Сунь не пропел ему столько дифирамбов, как за месяц, проведенный в столице.

Восхваление бывшего соперника звучало каждый раз, когда речь заходила о приближавшихся выборах постоянного президента Китайской Республики.

26 августа: «Президент Юань — человек выдающихся способностей. Я очень надеюсь на то, что он пробудет на посту президента 10 лет!»[1]

28 августа Сунь Ятсена спросили: «Может ли кто-нибудь кроме Юань Шикая рассчитывать на избрание [постоянным] президентом?» «Вряд ли!» — отвечал Сунь Ятсен.[2]

4 сентября Сунь Ятсен дал продолжительное интервью известному журналисту Хуан Юаньюну.

> **Вопрос:** Как Вы оцениваете президента Юань Шикая?
>
> **Ответ:** Это сильная личность и к тому же трудолюбивая. В республике сейчас трудно найти второго такого человека.
>
> **Вопрос:** Но, пожалуй, у него плохо дело обстоит с новыми знаниями, новыми идеями?
>
> **Ответ:** Он мыслит очень здраво. Редко бывает такое, чтобы кто-то, ни разу не побывав за границей, мыслил столь четко.
>
> **Вопрос:** А как насчет амбиций?
>
> **Ответ:** Вот этого у него нет![3]

Всё это говорилось за глаза. Когда же предоставлялся случай выразить свое отношение к президенту в его присутствии, тем более прилюдно, голос Сунь Ятсена звучал на октаву выше. Так было 28 августа на приеме в его честь, на котором присутствовали все министры, высшие

---

[1] Шибао, 30 августа 1912 г.

[2] Миньлибао, 30 августа 1912 г.

[3] 在北京答记者黄远庸问 (Интервью, данное в Пекине журналисту Хуан Юаньюну), 4 сентября 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 445.

военачальники, монгольские князья и родственники низложенного императора.

Приветствуя Сунь Ятсена, президент сказал:

Прежде распространялись слухи, что между Югом и Севером существуют многочисленные противоречия. Но вот посмотрите — г-н Сунь в Пекине, он предельно искренен в беседах со мной. Это свидетельствует о том, что все прежние сплетни являются результатом недоразумения. Отныне республика будет еще более прочной, и это самое приятное обстоятельство. Прошу всех выпить за это!

Наполнив свой бокал, Сунь Ятсен произнес ответное слово:

Сегодня я с чувством глубочайшей благодарности имею честь присутствовать на приеме, устроенном президентом!

Ныне заложена база нашей Китайской Республики. Впереди множество проблем, связанных со строительством нового. Безупречной Республика станет только в том случае, если пять великих наций страны объединят свои усилия и будут, сплотившись, идти вперед.

Есть еще кое-кто, не обладающий пониманием этого, утверждающий, что Республика существует только на бумаге[1], и недовольный деятельностью правительства. Эти люди не понимают, что Республика только что создана, на месте разрушенного еще предстоит построить новое, не говоря уже о том, что в одночасье невозможно превратить в Республику существующий несколько тысячелетий монархический строй.

На мой взгляд, понадобится не менее 10 лет, пока подлинная Республика не проявит все свои преимущества.

Китаю повезло: во главе государственных дел у нас сегодня стоит президент Юань, обладающий богатейшим политическим опытом! <...>

Юань Шикай выслушивал осанну в свою честь молча, как нечто само собой разумеющееся

[1] 24 августа в Тяньцзине на приеме в его честь Сунь Ятсен говорил: «Наша республика — одно название без всякого содержания» («Дагунбао», 25 августа 1912 г.).

Да здравствует президент Юань!
Да здравствует Китайская Республика!
Да здравствуют пять великих наций![1]

Если президент в ответ на словоизлияния знатного гостя вел себя вполне корректно, хотя и весьма сдержанно, то этого нельзя было сказать о многих деятелях из его окружения. Чжан Гогань[2] рассказал на этот счет почти невероятную историю.

Чжан Гогань (1876–1959)

Через два дня после прибытия Сунь Ятсена в Пекин на очередном приеме в его честь, на котором присутствовало не менее 500 приглашенных, был накрыт стол в виде буквы «П». Д-ру Суню и его свите были отведены почетные места, и они расположились, обратившись лицом на юг; Юань Шикай и высшие военачальники сидели напротив.

Когда подали второе блюдо, на юго-западном конце стола разговаривавшие вполголоса гости вдруг перешли на повышенный тон, и оттуда стали раздаваться их голоса. Сначала речь шла о том, что заслуга в учреждении республики по праву принадлежит северянам. Потом кто-то неодобрительно высказался об Объединенном союзе, после чего послышались ругательства в адрес Сунь Ятсена.

«В первый момент я подумал о том, — записал в своем дневнике Чжан Гогань, — что Юань Шикай или Дуань Цижуй должны приструнить распоясавшихся, но они сидели молча, как ни в чем не бывало. Создавалось впечатление, что всё это было запланировано заранее. <...> На следующий день, зайдя к Сунь Ятсену, я начал было объяснять ему, что военные-северяне — народ грубый и не умеют вести себя в обществе. Сунь Ятсен сделал вид, что ничего не произошло, и сказал, чтобы я не принимал это близко к сердцу».[3]

Общение с Юань Шикаем занимало почти все время пребывания в Пекине. Исключением были визиты к вчерашним смертельным

[1] 在北京袁世凯欢宴席上的答词 (Ответное слово на приеме, устроенном Юань Шикаем в Пекине), 28 августа 1912 г. // Там же. С. 418–419.

[2] Чжан Гогань занимал в Пекине ряд высоких постов, был, в частности, начальником секретариата президента. В 1953–1959 гг. он был научным сотрудником Института новейшей истории АОН КНР.

[3] 张国淦。孙中山与袁世凯的斗争 (*Чжан Гогань.* Борьба Сунь Ятсена с Юаньшикаем) // 近代史资料 (Материалы по новейшей истории), № 4. Пекин. 1955.

врагам — членам императорского дома, отдыхавшим во дворце от былых трудов. Одному из них — князю Чуню — Сунь Ятсен преподнес на память свою фотографию.

«На память князю Чуню от Сунь Вэня»

Лидер революции собирается строить железные дороги

После того как Сунь Ятсен ушел в отставку с поста президента, им овладела идея, на несколько месяцев ставшая лейтмотивом всей его практической деятельности: Китай спасут железные дороги!

План был поистине грандиозен

Впервые свои мысли на этот счет Сунь Ятсен изложил 5 июня в интервью газете «Миньлибао».

Через полтора месяца после этого на приеме в Обществе железных дорог Китайской Республики он более подробно изложил суть дела.

Газета «Миньлибао»

> Китай располагает многочисленным населением и обширной территорией, а в цивилизационном отношении и экономически уступает Европе и Америке. Одна из главных причин этого заключается в том, что он отстает в смысле железных дорог.
>
> Сейчас создана Китайская Республика и организовано данное Общество для того, чтобы активизировать железнодорожное строительство. Я от всей души приветствую это начинание.
>
> Чем больше в стране железных дорог, тем она сильнее и богаче. Например, в Соединенных Штатах в настоящее время их протяженность составляет более 200 000 км, что равняется 700 000 китайских *ли*. Благодаря этому США стали самой богатой страной на планете. По территории Китай в 5 раз превосходит США, и если построить у нас 350 000 *ли* железных дорог, то самым могущественным на земле станет Китай! А то населения-то много, а оно разобщено, так что всё равно что его мало. Территория велика, а сообщение с юга на север и с запада на восток затруднено, перевозки страдают от этого, и пользы от обширной территории нет никакой. <...>
>
> Я надеюсь, что все присутствующие приложат максимум усилий к тому, чтобы в течение 10 лет завершить строительство железных дорог по всей стране ради пользы государства и счастья народа![1]

Правда, по пути в Пекин, во время короткой остановки в Яньтае, когда его угостили местным Spezialität'ом — красным виноградным вином производства старейшей китайской фирмы «Чжан Юй», Сунь Ятсен на время изменил свою точку зрения, заявив:

> Торговля в Китае пришла в упадок, и так дело обстоит не только в Яньтае, но и повсюду: во всех открытых портах прибыль утекает за границу. Ныне

[1] 在上海中华民国铁道协会欢迎会的演说 (Речь на приеме в шанхайском Обществе железных дорог Китайской Республики), 22 июля 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 391.

> для того, чтобы возродить торговлю, нужно начать с производственной сферы. Вот в Яньтае компания «Чжан Юй» построила большой винодельческий завод, производит виноградное вино, по масштабам производства не уступает крупной французской фирме и в будущем будет продолжать получать прибыль. <...> Г-н Чжан в одиночку смог создать такое мощное предприятие — в этом проявляется подлинный прогресс Китая в сфере производства![1]

Отдав должное прекрасным вкусовым качествам яньтайского вина, Сунь Ятсен вспомнил и о другом — о производимых в Шаньдуне традиционных соломенных шляпах. По его мнению, в нынешние времена, когда китайцы отказываются от вековых привычек и постепенно переходят на цивилизованную европейскую одежду, спрос на соломенные шляпы западного образца будет неуклонно расти. Поэтому шаньдунские предприниматели имеют шанс обогатиться, если они перейдут с плетения прежних соломенных шляп на производство модных европейских. Одним словом, «ныне в Китае в сельском хозяйстве, промышленности и торговле следует стремиться к прогрессу, объединив свои усилия».[2]

Но это было лишь случайное отклонение от главного предмета, к которому были прикованы мысли Сунь Ятсена.

Уже через день, отвечая на вопрос газетчика, он вернулся к своей первоначальной формулировке:

> **Вопрос:** Как насчет Вашего плана железнодорожного строительства?
> **Ответ:** Я приехал, чтобы способствовать возрождению общественного производства. Но начинать это дело надо со строительства железных дорог. Я считаю, в отношении железных дорог должен существовать общий план, охватывающий всю страну. Но этот план может быть утвержден лишь после того, как определится стратегия правительства и будет получено согласие парламента. С моей точки зрения, если этот план будет поддержан не всеми гражданами Республики, а лишь в нескольких провинциях, можно будет начать его осуществление с этих провинций. <...> Так или иначе, в данный момент план железнодорожного строительства — это наиболее важная проблема, и я буду по мере всех своих сил его пропагандировать вне зависимости от того, что по этому поводу думает правительство и парламент.[3]

---

[1] 在烟台商会的演说 (Речь в яньтайском Обществе коммерсантов), 21 августа 1912 г. // Там же. С. 403–404.

[2] Там же. С. 404.

[3] 在塘沽与某报记者的谈话 (Беседа с журналистом одной из газет в Тангу), 23 августа 1912 г. // Там же. С. 405.

Сунь Ятсен не исключал того, что колоссальные масштабы его плана могут вызвать сомнения в возможности осуществить намеченное. Он писал Сун Цзяожэню:

> В настоящее время я хочу оставить политику, сосредоточиться на строительстве железных дорог и в течение 10 лет соорудить их протяженностью 200 000 *ли* так, чтобы они вдоль и поперек пересекали все пять частей страны. План уже готов, есть соображения насчет того, как обеспечить финансирование. <...> Остается дождаться, когда парламент даст согласие, а правительство утвердит план, и можно будет начать действовать. Однако у большинства граждан наверняка будут сомнения, порожденные грандиозными масштабами плана. Поэтому пока я еще не решаюсь обнародовать его [во всем объеме] и хочу сначала побывать в столице и посмотреть, куда дует ветер.[1]

Во время своих встреч с Юань Шикаем (с 24 августа по 17 сентября их в общей сложности было 14!) он неоднократно возвращался к своей излюбленной теме: президент останется на своем посту еще 10 лет и создаст пятимиллионную армию, а сам он в это время посвятит себя железнодорожному строительству. Правда, самому ему уже стало ясно, что ориентир в 350 000 *ли* с тем, чтобы сделать Китай самой могущественной державой в мире, всё-таки немного завышен. Теперь экс-президент ставил перед собой более скромную цель — построить 200 000 *ли* железнодорожных путей, но и этого, с его точки зрения, было достаточно, чтобы полностью преобразить облик Китая.

30 августа, во время пятой по счету встречи с Юань Шикаем, Сунь Ятсен заявил:

> В течение 10 ближайших лет Вы, будучи президентом, подготовите пятимиллионную армию, после чего Китай сможет на равных разговаривать с державами планеты. А я за эти 10 лет построю 200 000 *ли* железных дорог. Когда они будут сооружены, мы будем получать 800 млн дохода ежегодно. Эти деньги пойдут на содержание армии, а также на административные расходы в центре и на местах.[2]

Скептики дают волю своей иронии

Многим план сооружения за 10 лет 200 тыс. *ли* (свыше 100 тыс. км) железных дорог казался совершенно нереальным и свидетельствовал о том, что Сунь Ятсен — неисправимый фантазер и человек, не контролирующий свои слова и действия.

---

[1] Сунь Ятсен — Сун Цзяожэню, 22 августа 1912 г. // Там же. С. 404-405.

[2] Там же, 31 августа 1912 г.

Особенно едко высказывался в этой связи о Сунь Ятсене австралийский журналист У. Дональд. В письме Дж. Моррисону от 4 июля 1912 г. он рассказывал о своей недавней встрече с Сунь Ятсеном.

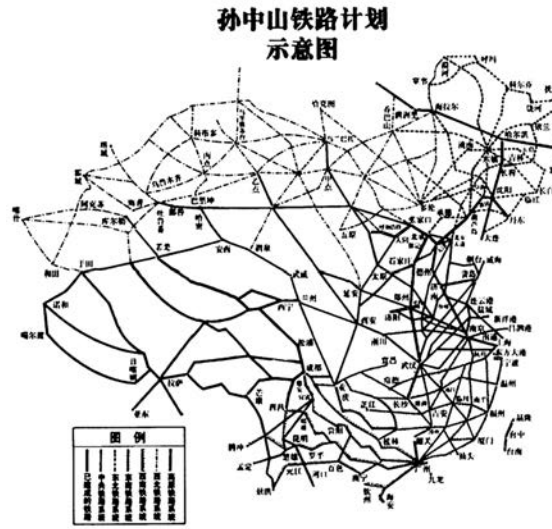
Дональд Сунь Ятсена не жаловал

> На днях он сообщил мне, что намеревается полностью посвятить себя железнодорожному строительству. <...>
>
> Он принес с собой большую карту. Она была размером около 6 футов, и когда Сунь расстелил ее на полу, я воочию убедился в том, что он безумнее шляпника. Он человек абсолютно далекий от жизни, лишенный всякого здравого смысла и не имеющий элементарного представления о предмете, который сейчас обсуждает.
>
> Его карта включала Тибет, Монголию и крайние западные районы Китая. Время от времени Сунь брал в руки кисть и палочку туши, чтобы заполнить каждую провинцию и зависимую территорию столькими линиями, сколько они только могли вместить. Жирными линиями он обозначал ключевые отрезки железных дорог, начинающиеся на побережье от Шанхая до Кантона и простирающиеся поперек скалистых гор до Лхасы, достигающие западной границы, Синьцзяна и Монголии. Он провел еще одну линию от Шанхая в Сычуань и далее в Лхасу. И еще одну, ведущую в Монголию по краю пустыни Гоби. Иные имели направление на север и северо-восток. Неисчислимое количество тонких линий заполняло провинции, так что составленная Сунем карта была не чем иным, как китайской головоломкой.
>
> Сунь сел на пол и давал мне свои пояснения. Он сидел, а я подумал, что невозможно представить себе более нелепого поведения первого Президента Китайской Республики. Он явно не в себе! <...>
>
> Я заплатил бы 100 долларов за фотоснимок, на котором был бы запечатлен сидящий на полу рядом со своей картой Сунь, уверенный в том, что через 10 лет весь Китай будет опоясан железными дорогами. Небольшая линия от Лаокая до провинциального центра Юньнани стоит что-то около 8 млн фунтов стерлингов. Сколько же — о, Боже Милостивый! — будет стоить линия от Юньнани до Лхасы! И зачем она вообще нужна, разве что для того, чтобы летом совершать экскурсии на край земли или пригодиться Далайламе, когда он задумает сбежать?[1]

Сарказм Дональда отнюдь не был безосновательным.

В 1911 г. в Китае насчитывалось около 9 тыс. км железных дорог. В настоящее время протяженность железных дорог в стране составляет

[1] The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. I. P. 812–813.



Такую карту будущих железных дорог Китая Сунь Ятсен расстелил на полу в квартире Уильяма Дональда

около 86 тыс. км.[1] Иными словами говоря, сейчас, спустя 100 лет, Китай, уже ставший второй экономикой в мире, еще не дотягивает до показателя, достичь который Сунь Ятсен планировал за 10 лет.

О связанных с этим технических проблемах

В отличие от Дональда, многие китайские журналисты восприняли план Сунь Ятсена всерьез и задались целью выяснить из первоисточника некоторые неясные им детали.

К числу таковых относился, прежде всего, вопрос о том, где взять деньги, необходимые для строительства железных дорог. Ответ на него Сунь Ятсен сформулировал в письме Сун Цзяожэню еще до прибытия в Пекин: деньги дадут зарубежные кредиторы. При этом он утверждал:

> То, каким образом я планирую получить иностранные займы, обладает многими преимуществами по сравнению с условиями, на которых займы под строительство железных дорог брали раньше: во-первых, вытекающие из этого права не попадут в руки иностранцев; во-вторых, кредиторам будет должно не государство; в-третьих, по истечении договоренного срока дороги будут национализированы без выкупа.[2]

[1] 中国铁路 (Железные дороги Китая) // http://1430mm.ru/node/27.

[2] Сунь Ятсен — Сун Цзяожэню, 22 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 404

Журналистам Сунь Ятсен разъяснял:

> Если у частных лиц будет возможность, то субсидировать строительство будут частные лица. Если нет, по придется взять большой займ за границей, но на самых благоприятных для нас условиях, чтобы не повторить прежнюю ситуацию, когда при Цинах Китай оказывался в результате этого в бесправном положении.[1]

Когда нечто подобное из уст Сунь Ятсена услышал Дональд, он как ни старался, не смог удержаться и не высказать Моррисону всё, что он в тот момент думал об авторе этого плана.

> Вы должны простить мне то состояние раздражения, в котором я сейчас нахожусь, потому что у меня кровь вскипает, когда я думаю о фанатике, уверенном, что он может проповедовать антииностранные настроения, социализм и дюжину прочих измов в этой погруженной во мрак невежества стране и думать при этом, что финансисты всего мира раскошелятся и швырнут свое золото под ноги Китаю, потому что он, Сунь Ятсен, подал им сигнал рукой. Я представляю его стоящим перед сворой гончих собак в ожидании, что они начнут завывать, как только он раскроет свой рот. Кнуд Великий (это тот джентльмен, если не ошибаюсь, который пытался повернуть волны вспять) был плохим человеком, но это было где-то около 1020 года, тогда как лунатик Сунь, прославляемый многими как гений и считающий себя таковым, живет и не тужит в Божьей милостью 1912 году![2]

Но интервьюерам реагировать подобным образом на слова интервьюируемых не позволяет их профессия, и им приходится сдерживаться, а эмоции выражали их коллеги-карикатуристы.

«Надежда Китайской Республики на светлое будущее» (таким план Сунь Ятсена был представлен в одной из тогдашних газет)

Журналисты продолжали задавать вопросы.

Интервью, взятое у Сунь Ятсена корреспондентом «Ясия жибао» 28 августа 1912 г., по-прежнему было в основном посвящено проблеме финансирования проекта.

[1] Беседа с журналистом одной из газет в Тангу, 23 августа 1912 г. // Там же. С. 405.

[2] The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. I. P. 813.

Вопрос: Судя по газетным сообщениям, Вы сейчас разработали два плана, а именно построить 200 000 *ли* железных дорог и сформировать пятимиллионную армию. Так ли это?

Ответ: Именно так. Но прежде всего — план, имеющий отношение к железным дорогам, после осуществления которого можно будет заняться промышленностью и торговлей, образованием и т. д. Если не будет дорог, то и армия будет ни к чему. Китайское правительство и китайское общество всегда действовали пассивно, и какие-то там 1000 *ли* железных дорог зачастую не могли быть проложены в течение нескольких лет. Нам же в будущем предстоит действовать активно и строить 20 000 *ли* дорог ежегодно. Только в этом случае мы добьемся своей цели. Но граждане у нас по-прежнему выступают против импорта иностранного капитала, и нам придется еще потратить немало усилий, чтобы переубедить их.

Вопрос: Для строительства 200 000 *ли* железных дорог потребуется 6 млрд. Где государство возьмет такую огромную сумму? Под иностранным капиталом Вы понимает зарубежные займы?

Ответ: Зарубежные займы нам не повредят. Они только принесут прибыль без ущерба для суверенитета.

Вопрос: А эти железные дороги будут государственными или частными?

Ответ: Вначале они должны быть частными, чтобы путем конкуренции ускорить их строительство. Государство будет оказывать им поддержку, а через 40 лет они будут национализированы. На протяжении этих 40 лет частные железные дороги принесут колоссальную прибыль, и государству не будет нужды тратить средства, чтобы по закону национализировать их. Граждане от этого не пострадают, и государство будет в выгоде.

Вопрос: Если дороги будут принадлежать частным лицам, то брать за границей займы будет государство или сами граждане?

Ответ: 200 000 *ли* железных дорог можно распределить между 10 крупными компаниями, которые будут брать деньги взаймы от своего собственного имени.

Вопрос: Можно ли будет достичь цели, беря деньги в долг от имени частных компаний? И не превратятся ли эти 10 компаний за долгие 40 лет в монополистов?

Ответ: Получать иностранные займы от имени частных железнодорожных компаний вполне возможно. Зарубежные банки обеспокоены только тем, что мы не берем займы. А будем брать — все наперебой будут предлагать нам деньги. Что до монополистов, то этого тоже можно избежать. Если государство увидит, что какие-то дороги приносят максимальный доход, вполне можно будет выбрать из них наилучшую и выкупить ее за деньги, не дожидаясь ранее обозначенного срока.[1]

[1] Интервью корреспонденту газеты «Ясия жибао», 28 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 415.

Трудно сказать, был ли журналист удовлетворен ответами Сунь Ятсена, но проблема субсидирования грандиозного плана строительства так и осталась не вполне проясненной.

1 сентября Сунь Ятсен продолжал давать свои пояснения:

> Сам я совершенно уверен в осуществимости моего плана железнодорожного строительства. В последнее время некоторые газеты выступают против, полагая, что его трудно реализовать, и действительно это дело нелегкое. Но надо подходить к нему всесторонне. Территория Китая обширна, на границах положение обостренное; если начнется война, то разные районы страны окажутся отрезанными и не смогут прийти на помощь. Такое государство не в состоянии существовать наравне с державами. Поэтому я и возлагаю надежды на то, что через 10 лет вся страна покроется сетью железных дорог. Для этого требуются большие расходы, и решение этой проблемы также весьма непросто. Поэтому я предлагаю взять внешний займ на сумму 6 млрд. Однако стоит мне упомянуть о займе в 6 млрд, как многие опять против на том основании, что такую большую сумму получить будет трудно. Им невдомек, что эти большие деньги вовсе не обязательно получать единовременно, можно получать их по частям. Например, 600 млн в год — 300 млн на закупку материалов, 300 млн на строительные расходы. <...> У держав денег много, и все хотят вкладывать их за границей. Например, Англия ежегодно дает займы на сумму более 6 трлн фунтов стерлингов, Франция, США и др. — примерно столько же.[1]

Ту же мысль Сунь Ятсен развивал в беседе, состоявшейся 2 сентября:

> Говорят, что во всем мире нет такой суммы денег, которую мы хотим взять в долг. Это совершенно ошибочное мнение. <...> Наша страна переживает трудные времена, и люди думают, что если у нас нет денег, то их нет нигде в мире. Люди не понимают, что у капиталистов всех стран есть продовольственные склады и банки, и их заботит лишь то, что мы не станем брать у них в долг.[2]

Проблема финансирования не была единственной, безотлагательно требующей разрешения. Помимо этого журналисты поднимали и ряд других важных вопросов, на которые у Сунь Ятсена уже был готов ответ:

> Говорят, что, даже получив деньги, за 10 лет трудно построить 200 000 *ли* железных дорог. Это тоже заблуждение. 10 лет предусмотрены планом с большим запасом. Два года уйдут на поиски средств, два года —

[1] Миньлибао, 8 сентября 1912 г.

[2] Там же, 9 сентября 1912 г.

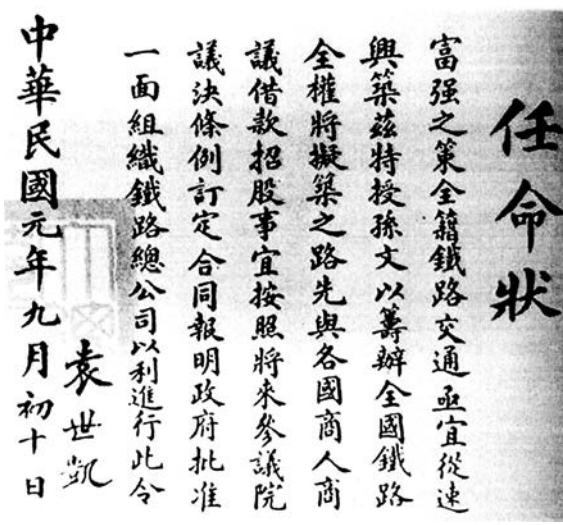
на геолого-разведочные работы, а за пять лет вполне можно завершить строительство. Это не пустые слова.

В Канаде железная дорога протяженностью 100 000 *ли* была построена 150 тысячами китайскими кули за три года. Для того, чтобы сооружать железные дороги в нашей стране, нет необходимости нанимать рабочих за океаном, и это намного упрощает дело. За пять лет строительство наверняка можно будет завершить.

Кое-кого смущают масштабы моего плана, ставящие под сомнение его реализацию. Эти люди не понимают, что, принимая во внимание размеры территории нашей страны, 200 000 *ли* железных дорог — это очень скромная цифра. В США сейчас примерно 800 000 *ли*, а общая территория меньше, чем в нашей стране. С этой точки зрения, не следует заблуждаться, полагая, что за 10 лет построить 200 000 *ли* железнодорожных путей — это хвастовство. На самом деле это очень и очень немного.[1]

Юань Шикай, посвященный в эти планы, опубликовал 10 сентября 1912 г. указ о назначении Сунь Ятсена главой вновь создаваемой компании, ответственной за железнодорожное строительство в стране.

После назначения Сунь Ятсена на новый пост в прессе продолжали раздаваться голоса противников его плана, и ему вновь и вновь

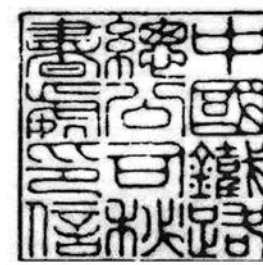

任命狀

富强之策全籍鐵路交通亟宜從速
興築茲特授孫文以籌辦全國鐵路
全權將擬築之路先與各國商人商
議借款招股事宜按照將來參議院
議決條例訂定合同報明政府批准
一面組織鐵路總公司以利進行此令

中華民國元年九月初十日

袁世凱

Указ Временного президента Китайской Республики от 10 сентября 1912 г. о назначении Сунь Ятсена главой Китайской железнодорожной компании



Печать Китайской железнодорожной компании

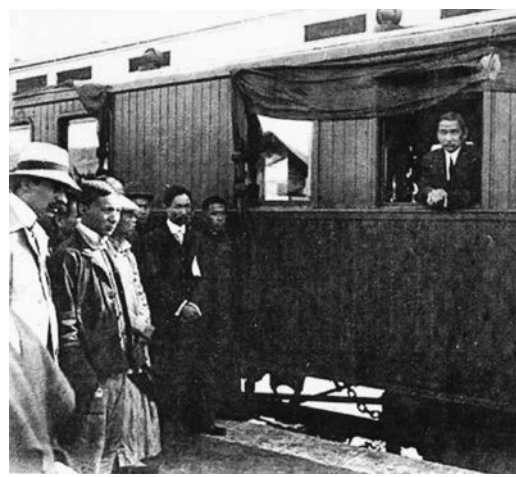
[1] Там же.

приходилось объяснять всё с начала. К первоначально задававшимся вопросам добавились новые.

Состоявшаяся 20 сентября пресс-конференция, на которой присутствовало в общей сложности более 60 человек, началась с выступления Сунь Ятсена:

> Сегодня я пригласил вас, господа, чтобы еще раз поговорить о проблемах железнодорожного строительства, поскольку некоторые газеты заблуждаются относительно моего плана и выступают против него. Одни не поняли существа дела, другие знают, что оно принесет пользу, но протестуют ради того, чтобы протестовать. Я приветствую тех, кто критикует не разобравшись, а те, кто стоит на крайне противоположных позициях и стремится подорвать всё начинание, должны знать, что моя инициатива со строительством железных дорог затрагивает принципиальный вопрос о том, быть или или не быть Китайской Республике, и разрушать этот план равносильно разрушению основ республики, а этого допустить я ни в коем случае не могу.
>
> После того как президент издал указ о моем назначении, противники подходят к этой проблеме с точки зрения либо ее законности, либо реальной ситуации. Мнения разные, но суть их одна — это результат недоразумения.[1]

За год, проведенный Сунь Ятсеном на этом посту, дело железнодорожного строительства в Китае не сдвинулось ни на йоту. Единственное, что



Сунь Ятсен прибыл с инспекцией в Тайюань

[1] Миньлибао, 20 сентября 1912 г.

он за это время успел сделать — совершить несколько инспекционных поездок по стране, о которой до того имел крайне смутное представление.

Главная цель поездки в Японию объявлена не была

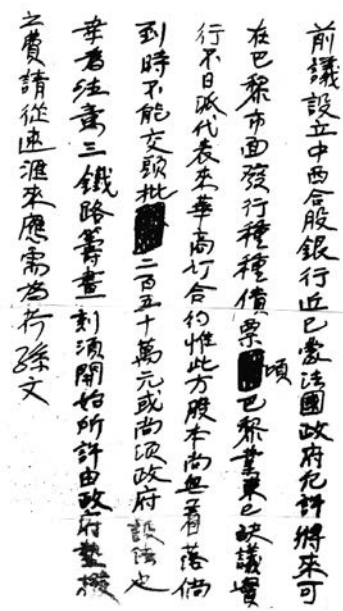
Постепенно желание Сунь Ятсена посвятить 10 лет своей жизни железнодорожным делам отошло на второй план, уступив место другому плану — совершить поездку в Японию.

Первый раз в Японии в качестве экс-президента

Вскоре после возвращения из поездки на Север Сунь Ятсен написал Юань Шикаю письмо, в котором вновь коснулся тем, обсуждавшихся в Пекине:

> Сегодня главные проблемы, которые надо решить для того, чтобы предотвратить беду, это незамедлительный перенос столицы и немедленное заключение союза с Японией. Только осуществив хотя бы один из этих двух пунктов, можно устранить опасность и водворить спокойствие. Поскольку перенос столицы наталкивается на определенные трудности, заключение союза с Японией нельзя откладывать на будущее. Я весьма озабочен этим делом и хочу лично заняться им.[1]

Сунь Ятсен сообщал, что в конце ноября он хочет отправиться в Японию, где намерен встретиться с тамошними государственными деятелями и подготовить почву для подписания китайско-японского соглашения.



Черновик письма Сунь Ятсена Юань Шикаю от 9 ноября 1912 г.

[1] Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 9 ноября 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 280.

Юань Шикай встретил это сообщение без энтузиазма, подчеркнув, что поскольку Китай и Японию не связывают официальные дипломатические отношения, поездка Сунь Ятсена может носить только сугубо частный характер.[1]

Между тем Сунь Ятсен раз за разом откладывал свой отъезд, следя за развитием политической обстановки в Японии.

5 декабря кабинет Сайондзи ушел в отставку; через две недели премьер-министром Японии стал Кацура Таро.

Сунь Ятсен, казалось, ждал именно этого момента. Всё же он не смог отправиться в путь немедля и сел в Шанхае на японское судно, направлявшееся в Нагасаки, лишь 1 февраля 1914 г.

Но, еще не добравшись до места назначения, Сунь Ятсен получил неожиданное известие о том, что, пробыв премьером полтора месяца, Кацура был вынужден покинуть свой пост.

Эта неприятная для Сунь Ятсена новость была лишь отчасти компенсирована исключительно теплым приемом, оказанным ему по прибытии в Нагасаки.

На пирсе гостя ожидала толпа встречающих, среди которых было немало официальных лиц, включая мэра Нагасаки, а также, разумеется, уроженца о-ва Кюсю Миядзаки Торадзо.

Сунь Ятсен и Миядзаки

Корреспондент местной газеты «Фукуока нитинити симбун» писал по поводу визита Сунь Ятсена:

> По слухам, его нынешний приезд не имеет никакой политической подоплеки. У него в стране началась кампания по выборам президента, и он, дабы не составлять конкуренцию Юань Шикаю, временно покинул страну.[2]

Поездка экс-президента по городам и весям Страны Восходящего Солнца, которую по праву можно было назвать триумфальным шествием, началась.

Менее чем за полтора месяца Сунь Ятсен побывал на о-ве Кюсю и объехал бóльшую часть южной половины Хонсю. Вот график его путешествия:

---

[1] *У Сянсян.* Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1176.

[2] Фукуока нитинити симбун, 13 февраля 1913 г.

Карта Японии (фрагмент)

13 февраля — Нагасаки–Симоносэки
14 февраля — Симоносэки–Кобэ–Токио
28 февраля — Токио–Хаконэ
1 марта — Хаконэ–Токио
5 марта — Токио–Иокогама
7 марта — Иокогама–Токио
8 марта — Токио–Нагоя
9 марта — Нагоя–Киото–Нара–Осака
13 марта — Осака–Кобэ
15 марта — Кобэ–Хиросима
16 марта — Хиросима–Симоносэки
18 марта — Симоносэки–Фукуока
20 марта — Фукуока–Кумамото
21 марта — Кумамото–Нагасаки
22 марта — отплытие из Нагасаки

15 февраля, на приеме в его честь, организованном обществом Тоадобункай, Сунь Ятсен произнес речь:

> Ваша страна — моя вторая родина, а люди вашей страны — мои учителя и друзья! Хотя политическая революция в моей стране добилась выдающихся успехов, возможности государства ограничены и знания народа недостаточны. Поэтому я надеюсь на то, что деятели вашей страны окажут нам помощь во многих отношениях![1]

[1] 段云章。孙文与日本史事编年 (*Дуан Юньчжан.* Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией). Гуанчжоу. 1996. С. 311.

На другом приеме в тот же день Сунь Ятсен говорил:

> Азия — это Азия азиатов. В общении китайского и японского народов не должно быть взаимных подозрений. <...> Защищать мир в Азии — это долг азиатов. В особенности же Китай и Япония должны сотрудничать в этом деле. В настоящий момент возможности Китая в защите мира в Азии недостаточны, поэтому ответственность Японии в этом отношении особенно велика. Я надеюсь, что Япония будет проявлять всестороннюю заботу о Китае и действовать в полном согласии с ним.[1]

16 февраля:

> Хотя наша революция победила, успокаиваться нам нельзя, потому что никто не может предсказать, что может возникнуть в будущем. Поэтому я прошу вас впредь оказывать нам помощь так же, как это было в прошлом.[2]

20 февраля на банкете в фирме Мицуи Сунь Ятсен говорил:

> Самим фактом своего создания Нанкинское республиканское правительство обязано помощи барона Мицуи, и поэтому Китайская Республика от всей души благодарна Вам.[3]

«Вне зависимости от того, какую цель преследует Сунь Ятсен в своей поездке по Японии, — писала газета «Фукуока нитинити симбун», — за время пребывания здесь он своими выступлениями способствовал укреплению добрых отношений с нашей страной, каких раньше было трудно себе представить. Особое доверие он выражает деловым кругам нашей страны, а те отвечают ему чувством уважения».[4]

Следовали встреча за встречей, раут за раутом. Отвечая на приветственные речи, Сунь Ятсен не уставал повторять, что считает Японию второй родиной, а японцев — своими учителями. И хозяева, и гости были довольны.

Но Сунь Ятсен не только произносил красивые слова. Он пытался оказать гостеприимным хозяевам помощь в том, в чем они остро нуждались. Он отправил китайским иммигрантам на Филиппинах телеграмму следующего содержания:

> Китай и Япония — соседи и должны жить в согласии. Ради счастья Восточной Азии нужно избегать конфликтов. Сейчас и правительство, и общественное мнение Японии хотят единства с нами, и с этим согласен весь их народ. Принимая во внимание это обстоятельство, прекратите бойкот японских товаров![5]

---

[1] Там же. С. 312.

[2] Там же. С. 314.

[3] Там же. С. 317.

[4] Фукуока нитинити симбун, 2 марта 1913 г.

[5] *Дуань Юньчжан.* Хронология взаимоотношений Сунь Ятсена и Японии. С. 330.

Получив ответную телеграмму с выражением согласия прекратить бойкот, Сунь Ятсен был удовлетворен сознанием выполненного долга.[1]

3 марта высокого гостя принял премьер-министр Ямамото, и Сунь Ятсен немедля передал его слова Юань Шикаю:

> Если хотя бы один день я буду возглавлять кабинет министров, я буду стремиться к тому, чтобы Япония и Китай заключили между собой дружественный союз.

Премьер Ямамото пообещал:

> Как только президент Юань Шикай будет постоянным президентом, я попрошу императора о том, чтобы первой страной, признавшей Китайскую Республику, непременно стала Япония.[2]

Ямамото Гомбэ (1852–1933)

На следующий день званый обед в честь Сунь Ятсена устроил японский министр иностранных дел Макино.[3]

14 марта Дж. Моррисон писал Д. Брэхэму:

> Сейчас Сунь Ятсен в Японии. <...> Его принимают даже с бóльшими почестями, чем те, которые когда-либо раньше оказывались представителям какой-либо другой страны, если только те не были в ранге наследников престола.[4]

17 марта Сунь Ятсен получил телеграмму из Токио с сообщением о том, что его супруга Лу Мучжэнь и секретарша Сун Айлин попали в аварию и получили тяжелые травмы.

Сопровождавший д-ра Суня отец Сун Айлин спросил его, когда они вернутся в Токио, чтобы быть у постели раненых, но Сунь Ятсен ответил: «Мы должны ехать в Фукуока, там у нас назначены встречи, и нам надо держать слово». В Токио они так и не вернулись.

Первая супруга Сунь Ятсена Лу Мучжэнь (1867–1952)

[1] Там же.

[2] Шэньбао, 6 марта 1913 г.

[3] Фукуока нитинити симбун, 5 марта 1913 г.

[4] The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 101.

18 марта Сунь Ятсен прибыл в Фукуока, и Миядзаки пригласил его посетить свой дом, расположенный недалеко от города в селе Араомура. Там их ждали родственники хозяина. Всем не терпелось взглянуть на этого китайца, о котором они были столь наслышаны.

«Пусть дружеские отношения между Японией и Китаем крепнут день ото дня подобно моей дружбе с моим братом Миядзаки!» — произнес растроганный Сунь Ятсен.

Сунь Ятсен в гостях у Миядзаки Торадзо

Одним из последних выступлений Сунь Ятсена была его речь на приеме у китайского консула в Нагасаки. Он сказал, в частности:

> Что касается будущности Китая, то некоторые предлагают опираться на помощь Америки. Но могут ли Соединенные Штаты Америки с их доктриной Монро стать опорой Китая? В состоянии ли США определять судьбу Китая? В будущем спасти Китай от смерти может только Япония. Я твердо верю в это![1]

Перед отплытием из Нагасаки Сунь Ятсен во всеуслышание заявил:

[1] ПССС. Т. 3. С. 50.

Граждане моей страны никогда не забывали о трехсотшестидесятилетней дружбе, связывающей Китай и Японию![1]

Деловые результаты поездки

Реальным результатом многочисленных встреч Сунь Ятсена с японских предпринимателями стало соглашение о создании совместного японо-китайского коммерческого общества.

Мацуката Масаёси (1835–1924)

В первых числах марта друзья организовали Сунь Ятсену встречу с весьма влиятельным политиком Мацуката Масаёси — факт неординарный, который Моррисон посчитал заслуживающим упоминания в письме к Грэхэму.[2]

Д-р Сунь обратился к *генро* с просьбой по мере возможности посодействовать установлению экономических контактов между двумя странами.

Мацуката согласился, и благодаря его протекции через несколько дней в правлении фирмы Мицуи состоялось совещание, участие в котором, помимо Сунь Ятсена, приняли такие известные *дзайбацу*, как Сибудзава Эйити и Окура Кибатиро, а также Масуда Такаси и Ямамото Дзётаро.

Окура Кибатиро (1837–1928)

Инициативу переговоров взял на себя Сибудзава, предложивший проект соглашения о создании совместной японо-китайской компании.

Обмен мнениями выявил различия в подходе двух сторон к целому ряду аспектов будущей фирмы.

Первый и наиболее принципиальный вопрос — в соответствии с законодатель-

[1] Фукуока нитинити симбун, 24 марта 1913 г.

[2] The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 101.

ством которой из двух стран будет создана компания.

По мнению Сибудзава, этой страной должна быть Япония. Сунь Ятсен придерживался противоположного взгляда. Он полагал, что, во-первых, в Китае в настоящее время принят специальный закон об организации коммерческих фирм; во-вторых, нынешнее законодательство разрешает смешанным компаниям заниматься предпринимательской деятельностью во внутренних районах страны. И хотя соответствующие правовые нормы были приняты еще при Цинах, в ближайшее время предполагалось принятие парламентом нового закона.

Сибудзава Эйити (1840–1931)

А главное — Сунь Ятсен опасался того, что создание компании в соответствии с японскими законами может вызвать протесты со стороны граждан Республики.

Далее возникли разногласия по поводу размеров уставного капитала компании.

Сунь Ятсен предложил сумму 10 млн японских иен. Сибудзава настаивал на том, что 3 млн иен будет достаточно. После длительных споров стороны сошлись на 5 млн.

Разногласия обнаружились и по другим вопросам.

Сибудзава считал, что раз предприятие является совместным, оно должно возглавляться двумя директорами — по одному с каждой стороны. Его в этом отношении активно поддержали Окура и Масуда, но Сунь Ятсен считал, что в фирме должен быть один директор.

По большинству спорных вопросов Сунь Ятсену удалось отстоять свою точку зрения, что нашло отражение в принятых тогда документах.

Первый из них представлял собой общую декларацию о намерениях, в которой, в частности, говорилось:

> Наилучшим способом укреплять тесные контакты между гражданами двух стран Восточной Азии, относящихся к одной расе и обладающих общей культурой, способствовать их нерушимой дружбе и сотрудничеству являются их экономические контакты. Именно по этой причине влиятельные предприниматели Китая и Японии собрались сегодня, побуждаемые искренним желанием создать предпри-

ятие, которое будет век служить интересам Восточной Азии, и учредить совместную китайско-японскую коммерческую акционерную компанию.[1]

Второй документ определял организационные основы фирмы:

Данная компания — это совместное китайско-японское акционерное общество, созданное в соответствии с законами Китайской Республики. <...>

Уставной капитал данной компании составляет 5 млн японских иен и обеспечивается равными взносами акционеров обеих сторон. <...>

Контора компании находится в Шанхае, ее филиал — в Токио. <...>

Правление состоит из 10 человек, контрольная комиссия — 4. Члены Правления и комиссии избираются из числа акционеров двух стран поровну на общих собраниях акционеров. <...>

Из состава Правления избирается управляющий, его заместитель и 2 постоянных члена. <...>

Работа по созданию компании осуществляется Сунь Вэнем со стороны Китайской Республики и бароном Сибудзава со стороны Японии. <...> [2]

Встреча, которой так долго ждал Сунь Ятсен

Однако главная цель, которую ставил перед собой Сунь Ятсен, отправляясь в Японию, заключалась всё же не в этом.

24 февраля Сунь Ятсен нанес краткий визит Кацура Таро, а через день после этого экс-премьер устроил в своей резиденции торжественный прием в его честь, после чего состоялась их продолжительная и исключительно важная беседа. Сунь Ятсена сопровождали Ямада Дзюнсабуро и Миядзаки Торадзо. Переводил Дай Цзитао.

Все трое оставили свои воспоминания о том, что в тот день обсуждалось в апартаментах японского политика, встретиться с которым год тому назад настоятельно рекомендовал Мори Каку.

Наиболее подробно содержание состоявшейся 26 февраля 1913 г. беседы изложено в книге Дай Цзитао «О Японии».

Кацура начал с утверждения, что главными врагами Японии и Китая являются Англия и Россия, поэтому Япония, объединившись с Китаем, Германией и Австрией, должна разорвать свой союз с Англией, чтобы

[1] 中国兴业股份公司发起书 (Декларация о создании «Китайской коммерческой акционерной компании») // Линнань вэньши. 1994. № 3. С. 45.

[2] Там же.

**На память об одной из встреч в Токио
(в центре сидят Сунь Ятсен и Кацура Таро,
стоят: первый слева Ямада Дзюнсабуро, третий Дай Цзитао)**

в дальнейшем нанести ей и России военное поражение. «Сегодня оказать сопротивление Англии и сокрушить ее могут лишь три человека — я, Вы и кайзер!» — добавил он.

Сунь Ятсен согласился с мнением своего собеседника, но сделал акцент на вопросе японо-китайского сотрудничества. Он подчеркивал, что Япония не только разгромила Россию, но и оказала помощь китайской революции. В будущем Япония и Китай смогут осуществить свои далеко идущие цели только в том случае, если они объединят свои усилия.[1]

**Первое издание книги Дай Цзитао
«О Японии»**

[1] 戴季陶。日本论 (*Дай Цзитао*. О Японии). Тайбэй. 1954. С. 60–65.

Дай Цзитао упоминает также о том, что помимо этого речь зашла о тогдашней ситуации в Китае, и Кацура сказал:

> Насколько я могу судить, Юань Шикай — не тот политик, которому республика может доверять. Он враг республики и Ваш враг. Но если бороться с ним сегодня, это принесет не пользу, а только вред.
>
> Если Вы, судя по Вашим словам, сейчас отдаете все свои силы строительству в Китае железнодорожных магистралей, то это очень важно. Когда железнодорожная сеть будет построена, Вы сможете подумать о властных полномочиях, и я непременно всячески помогу Вам![1]

Другими словами говоря, согласно сообщению Дай Цзитао, Кацура обещал поддержать Сунь Ятсена в борьбе против Юань Шикая, но рекомендовал отложить это до лучших времен. На этом тема «Сунь Ятсен — Юань Шикай» якобы была исчерпана.

Миядзаки Рюсукэ, сын Миядзаки Торадзо, основываясь на рассказах отца, излагал эту часть разговора Кацура с Сунь Ятсеном иначе.

Миядзаки Рюсукэ (1892–1971)

В статье, посвященной этой беседе, он утверждал, что вопрос об отношении к Юань Шикаю был тогда центральным. Кацура заявил о своей готовности оказать Сунь Ятсену немедленную помощь в борьбе за власть, а растроганный Сунь Ятсен произнес:

> Япония действительно понимает нужды Китая! Если она может помогать нам строить новый Китай, отдать ей Маньчжурию не жалко![2]

После того, как эта статья Миядзаки Рюсукэ увидела свет, представители официальной гоминьдановской науки заявили, что сообщенная автором информация недостоверна, «поскольку сам он на встрече Сунь Ятсена и Кацура Таро не присутствовал».[3]

Но эта информация находит подтверждение в мемуарах Ямада Дзюнсабуро, бывшего свидетелем беседы.[4]

---

[1] Там же.

[2] 宮崎滔天全集 (Полное собрание сочинений Миядзаки Торадзо). Т. 5. С. 548–549.

[3] Подробно см.: 李敖。孙中山研究 (*Ли Ао.* Этюды о Сунь Ятсене). Тайбэй. 1987. С. 129–130.

[4] *Ян Тяньши.* Сунь Ятсен и вопрос о «передаче Маньчжурии». С. 69.

Кацура был одержим идеей овладения Маньчжурией: этот факт не подлежит сомнению. Неслучайно, только что оказавшись на посту премьера, он 10 января 1913 г. тут же заявил корреспондентам, что намерен продолжать прилагать усилия к тому, чтобы гарантировать уже достигнутое Японией в Маньчжурии и двигаться дальше в том же направлении.[1]

На смертном ложе Кацура сожалел об одном — что не осуществил план помощи Сунь Ятсену в деле низвержения Юань Шикая.[2]

А так как после этого он больше не встречался с Сунь Ятсеном, можно утверждать, что консенсус «японская помощь в обмен на Маньчжурию» был достигнут именно 26 февраля 1913 г.

Сунь Ятсен возвратился в Китай, окрыленный успехом и готовый к новым схваткам.

Здесь мы можем вернуться к вопросу, сформулированному в начале данной главы. Что означало нетривиальное поведение Сунь Ятсена после его отказа от должности Временного президента? Почему лидер китайской революции вдруг заявил о том, что больше не интересуется политикой? Было ли искренним его братание с Юань Шикаем, которого он еще недавно перед этим собирался уничтожить с помощью военной силы?

В литературе можно встретить утверждение, что Сунь Ятсен был введен в заблуждение велеречивыми заявлениями Юань Шикая и поверил в то, что он действительно порвал со своими прежними устремлениями и будет отныне столпом Республики.

Эта версия отвергается теми исследователями, которые не склонны считать Сунь Ятсена наивным новичком в политике и полагают, что, напротив, он действовал обдуманно, с дальнесрочным расчетом на будущее.

В пользу этой второй точки зрения можно привести казус, случившийся во время одного из банкетов в Пекине. Юань Шикай в своей приветственной речи между прочим упомянул о том, что революция, мол, уже окончена. Полуопьяневший Сунь Ятсен возразил ему: «Да нет, еще не окончена!» — и Юань Шикай изменился в лице.[3] Что у трезвого на уме, то у провозгласившего десяток тостов — на языке.

---

[1] Миньлибао, 11 января 1913 г.

[2] *Дай Цзитао*. О Японии. С. 62.

[3] *Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи.* Сунь Ятсен и Пекин. С. 152.

Пение дифирамбов Юань Шикаю отнюдь не означало, что Сунь Ятсен делал это по своей неопытности. Об этом как нельзя более убедительно свидетельствуют его переговоры с Кацура Таро.

Но по нашему мнению, мнимый отказ д-ра Суня от политики имел своей целью ввести в заблуждение не одного только президента. У Сунь Ятсена был в это время соратник, угрожавший его дальнейшей политической карьере не меньше Юань Шикая.

Глава IX

Вердикт так и не был вынесен

Незавершенное расследование

20 марта 1913 г. на шанхайском вокзале был убит Сун Цзяожэнь, намеревавшийся ехать в Пекин, чтобы принять личное участие в работе парламента и формировании кабинета министров.

Смертельно раненый Сун Цзяожэнь

До и после того, как прозвучали выстрелы

В 10 час. вечера 20 марта 1913 г. Сун Цзяожэнь и сопровождавшие его Хуан Син, Ляо Чжункай, Чэнь Цэ и То Лушэн прибыли на вокзал и зашли в комнату отдыха членов парламента.

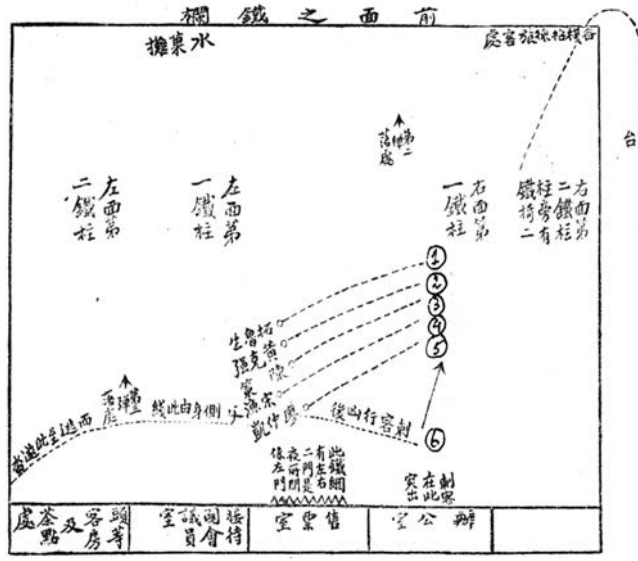
Железнодорожный вокзал в Шанхае

В 10:40 они вышли из комнаты отдыха в зал ожидания и направились к выходу на перрон.

Когда они были в нескольких шагах от служащего, проверявшего билеты, прозвучал выстрел. Услышав его, к ним побежал находившийся в другом месте зала Юй Южэнь.

«Я ранен!» — произнес Сун Цзяожэнь.

Воспользовавшись возникшей паникой и тем, что в зале не было полицейских, стрелявший произвел еще два выстрела, после чего скрылся.



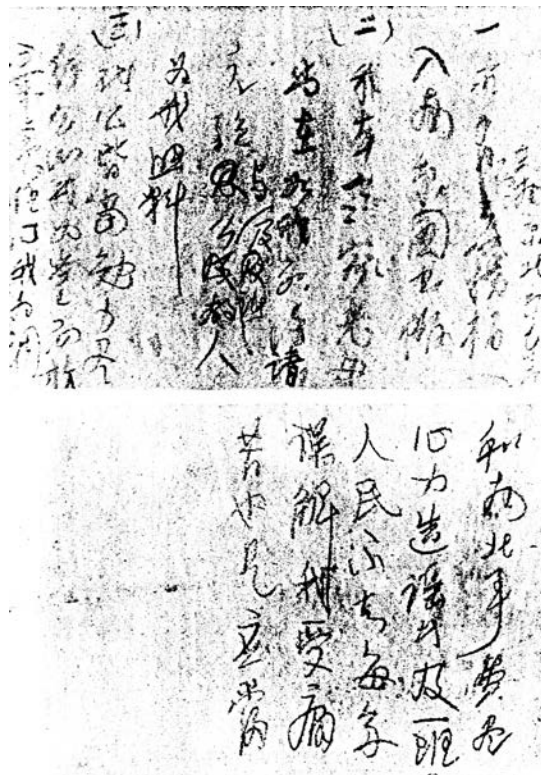
Местонахождение направлявшегося к выходу на перрон Сун Цзяожэня и его сопровождающих в момент выстрела (1 — То Лушэн; 2 — Хуан Син; 3 — Чэнь Цэ; 4 — Сун Цзяожэнь; 5 — Ляо Чжункай; 6 — стрелявший)

Раненый Сун Цзяожэнь был доставлен в больницу, где в 12:30 ему была сделана операция, после которой он продиктовал письмо, адресованное президенту Юань Шикаю.

На следующий день последовала вторая операция. Придя в сознание, Сун Цзяожэнь попросил Юй Южэня записать свою последнюю волю.

Во-первых, он передавал Нанкинской библиотеке все свои книги; во-вторых, просил товарищей позаботиться о его близких; в-третьих, попросил записать:

Товарищи должны настойчиво продолжать свое дело, больше не вспоминать обо мне и не чувствовать себя виноватыми. Я отдал все свои силы на то, чтобы предотвратить конфликт между Югом и Севером. Но клеветники и простые люди, не зная существа дела, оказались введенными в заблуждение. Я заслужил свои мучения и не буду роптать после смерти.[1]



Последняя воля Сун Цзяожэня

Политическим завещанием Сун Цзяожэня были его слова:

> Я надеюсь, г-н Президент, что Вы будете действовать по справедливости, защищать права граждан с тем, чтобы в нашей стране была принята незыблемая конституция.[2]

[1] Миньлибао, 21 марта 1913 г.

[2] Сун Цзяожэнь — Юань Шикаю, 21 марта 1913 г. (цит. по: 张耀杰。悬案百年：宋教仁案与国民党 (*Чжан Яоцзе.* Прошло сто лет, но преступление осталось нераскрытым. Дело об убийстве Сун Цзяожэня и Гоминьдан). Тайбэй. 2010. С. 55.

Эти слова были обращены умирающим не к главе своей политической партии, а к президенту Юань Шикаю.

Рано утром 22 марта Сун Цзяожэнь скончался.

Подозреваемые арестованы и дают показания

До и после Синьхайской революции покушения на убийство отнюдь не были в Китае чем-то необычным. Револьверные выстрелы и взрывы бомб то и дело уносили десятки, если не сотни, человеческих жизней. За преступлениями, как правило, не следовало наказание, поскольку они оставались нераскрытыми. В этом смысле дело Сун Цзяожэня представляло собой явление совершенно исключительное: уже через два дня после покушения были арестованы подозреваемые, вскоре они начали давать показания, а следователи — изучать вещественные доказательства.

23 марта в офис одного из функционеров Гоминьдана пришли два студента, рассказавшие о подозрительном поведении постояльца той же гостиницы, где жили они. Этот «человек маленького роста и невзрачной наружности», обычно крайне небрежно одетый, вдруг стал щеголять в европейском костюме и кожаных штиблетах, хвастаясь при этом, что ему обещано за его работу 1000 долларов. Студенты предложили проверить, не имеет ли он отношение к произошедшему на шанхайском вокзале.

Ин Гуйсинь (1865–1914)

В тот же день некто Ван Афа сообщил, что он, будучи торговцем антиквариатом, несколько дней тому назад пришел в дом руководителя полулегальной организации «Гунцзиньхуй» Ин Гуйсиню, чтобы предложить тому несколько старинных картин. Ин Гуйсинь неожиданно показал ему фотографию какого-то человека. «Его нужно убрать!» — сказал он и предложил антиквару принять в этом участие. Ван Афа отказался, а после покушения на Сун Цзяожэня обнаружил, что именно его фотографию показывал ему Ин Гуйсинь.

Поскольку дом Ин Гуйсиня был расположен на территории французского сеттльмента Шанхая, представитель Гоминьдана обратился к французским властям и в сопровождении полицейского комиссара и двух агентов отправился по указанному Ван Афа адресу. Ин Гуйсиня они не застали, но во время обыска его доме были обнаружены документы,

имеющие отношение к убийству. Среди находившихся в доме был и «человек маленького роста и невзрачной наружности». Он также был арестован, после чего задержали и Ин Гуйсиня.

24 марта состоялся первый допрос Ин Гуйсиня, которому была организована очная ставка с Ван Афа. Ин Гуйсинь заявил, что незнаком с Ван Афа и не имеет никакого отношения к убийству. Ван Афа же путался в своих показаниях и не мог ответить на некоторые контрвопросы подозреваемого.[1]

У Шиин (1891–1913)

25 марта был допрошен второй арестованный. Он сообщил, что его зовут У Шиин, что он отставной солдат и что накануне покушения к нему пришел некто по фамилии Чэнь. Чэнь предложил У Шиину вступить в члены общества Гунцзиньхуй и убить одного человека, который может причинить непоправимый вред китайцам. Побуждаемый патриотическими чувствами, У Шиин согласился, и Чэнь отвез его в дом Ин Гуйсиня, с которым У повторно встретился после убийства и вернул револьвер, полученный от Чэня. На вопрос о том, получил ли он обещанное ему вознаграждение, У Шиин ответил отрицательно.[2]

31 марта во французском сеттльменте состоялось ***первое*** предварительное заседание суда, на котором обсуждалось требование передать дело на рассмотрение местным китайским правоохранительным органам. В этом им было отказано.[3]

4 апреля состоялось ***второе*** предварительное заседание суда, на котором У Шиин неожиданно изменил свои показания, заявив, что он застрелил Сун Цзяожэня по собственной инициативе и что в этом деле у него не было сообщников.

«Почему же ты решил убить Сун Цзяожэня?» — спросил У Шиина адвокат.

У Шиин: «Он — преступник, замышлявший против 400 миллионов моих соотечественников».

Адвокат: «А откуда же ты узнал об этом?»

---

[1] Шэньбао, 25 марта 1913 г.

[2] Шэньбао, 26 марта 1913 г.

[3] Шэньбао, 1 апреля 1913 г.

У Шиин: «Да он даже министром сельского хозяйства не смог быть, а сейчас хочет стать президентом. Этого еще не хватало! Вот я и решил убить его».

Адвокат: «А знаешь ли ты, какие цели ставит перед собой Гоминьдан?»

У Шиин: «Вторую революцию готовят. Хотят свергнуть центральное правительство».

Адвокат: «Откуда ты знаешь, что они хотят свергнуть центральное правительство?»

У Шиин: «Да они сейчас в Цзянси не подчиняются приказам центрального правительства».[1]

5 апреля состоялось ***третье*** предварительное заседание суда. Обсуждались три вопроса: во-первых, следует ли обнародовать личности доносителей; во-вторых, о достоверности сделанных накануне показаний обвиняемого; в-третьих, нужно ли ознакомить суд с содержанием документов, обнаруженных в доме Ин Гуйсиня.[2]

Обсуждение этих вопросов было продолжено 7 апреля на ***четвертом*** предварительном заседании суда.[3]

На ***пятом*** предварительном заседании 9 апреля были заслушаны показания Ван Афа и Ин Гуйсиня, после чего обвинение высказало свои суждения о виновности последнего.[4]

Шестое предварительное заседание суда, состоявшееся 11 апреля, было посвящено вопросам, связанным с содержанием письменных улик. Ин Гуйсинь категорически отрицал какую-либо связь их с покушением на Сун Цзяожэня.[5]

12 апреля, на ***седьмом*** заседании суда, было решено удовлетворить требование шанхайских властей и передать дело на рассмотрение им, поскольку убийство произошло вне иностранного сеттльмента. У Шиин и Ин Гуйсинь были переведены в городскую тюрьму.[6]

Первое заседание суда было назначено на 25 апреля. Утром 24 апреля тюремный надзиратель обнаружил у У Шиина признаки отравления: у него изменился цвет лица и он не мог говорить. В 10 часов он скончался.

---

[1] Шэньбао, 5 апреля 1913 г.

[2] Шэньбао, 6 апреля 1913 г.

[3] Шэньбао, 8 апреля 1913 г.

[4] Шэньбао, 10 апреля 1913 г.

[5] Шэньбао, 12 апреля 1913 г.

[6] Шэньбао, 13 апреля 1913 г.

Дальнейшее развитие событий

Сразу же после передачи дела китайским властям губернатор Чэн Дэцюань высказался, во-первых, за обнародование документов, обнаруженных в доме Ин Гуйсиня (21 апреля они были отправлены в Пекин президенту Юань Шикаю) и, во-вторых, за учреждение Чрезвычайного суда, который занялся бы рассмотрением дела Сун Цзяожэня. Это второе предложение вызвало возражение Министерства юстиции на том основании, что это противоречит Временной конституции.

5 и 17 мая состоялись предварительные заседания городского суда, на которых Ин Гуйсинь подтвердил данные ранее показания.

Через две недели после этого суд собрался на первое заседание. Защитник Ин Гуйсиня заявил, что рассмотрение дела должно быть перенесено в Пекин.

Второе заседание суда было назначено на 16 июля.

Накануне прокурор Шанхая Цай Цзипин подал в отставку, и председатель суда объявил, что судебное заседание состояться не может, поскольку некому представлять обвинение.

В ночь с 24 на 25 июля Ин Гуйсинь при загадочных обстоятельствах бежал из тюрьмы.

Корреспондент «Шэньбао» сообщал, что Ин Гуйсинь подкупил начальника тюрьмы У Цюэшэна и нескольких тюремщиков, и когда его выпустили через ворота тюрьмы, он был встречен охранниками в штатском; понимая серьезность ситуации, начальник тюрьмы послал своих людей, проделавших в стене несколько отверстий, чтобы создать впечатление, будто преступник бежал через эти дыры в стене.[1]

神州日報
中國公學招生廣告
昌明公司股東均鑒
中西女塾廣告
博物大辭典
毛筆模範畫帖

Газета «Шэньчжоу жибао»

[1] 城内访函 (Новости города) // Шэньбао, 27 июля 1913 г.

Губернатор Чэн Дэнъюань распорядился выяснить обстоятельства побега, и через некоторое время газета «Шэньчжоу жибао» подтвердила, что администрация тюрьмы была подкуплена[1], но из-за начала «Второй революции» тюремщики к ответственности привлечены не были.

Поскольку У Шиин был мертв, а Ин Гуйсинь бежал, дальнейшее рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня было прекращено.

Кто заказал убийство: четыре версии

Таким образом, в ходе расследования была установлена личность убийцы и подозреваемого в организации покушения. Но было ясно, что кто-то стоял за их спиной, будучи заказчиком преступления. Каких-либо сведений о том, кто это был, следствию получить не удалось.

На протяжении ста с лишним лет, прошедших с тех пор, именно этот вопрос неизменно привлекал пристальное внимание историков.

Версия первая

Эта версия, сформулированная руководителями Гоминьдана по свежим следам события, на протяжении длительного времени считалась историками единственной и, казалось бы, не вызывающей вопросов. Ее авторы утверждали, что ими было установлено, как взаимодействовали между собой инициатор, непосредственные организаторы и исполнители теракта.

Впервые эта версия была изложена через месяц после теракта в шанхайской газете «Миньлибао»:

> Сунь Цзяожэня убили не Хун Шуцзу, Ин Гуйсинь и У Шиин. Его убили Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь. Хун Шуцзу и Ин Гуйсинь были всего лишь орудием, а У Шиин стал орудием орудия.[2]

Позднее вышеприведенная схема была повторена китайским историком Дин Чжунцзяном:

> Инициатором убийства был президент Юань Шикай, его сообщником — премьер Чжао Бинцзюнь, связным — секретарь министерства

[1] 应桂馨逃狱之真相 (Правда о том, как Ин Гуйсинь бежал из тюрьмы) // Шэньчжоу жибао, 15 августа 1913 г.

[2] Миньлибао, 27 апреля 1913 г.

Организаторы и исполнители покушения на Сун Цзяожэня в соответствии с первой версией преступления

Газета «Миньлибао»

> внутренних дел Хун Шуцзу, организатором покушения в Шанхае — известный негодяй Ин Гуйсинь, непосредственным исполнителем — безработный отставной солдат У Шиин.[1]

Что касается доказательств этой версии, то исследователи основывались на соображениях двоякого рода.

Прежде всего — на отдельных намеках, содержащихся в переписке Ин Гуйсиня и Хун Шуцзу.

Во-вторых, на традиционном представлении о Юань Шикае как узурпаторе, воспользовавшемся плодами Синьхайской революции в своих личных интересах, который ни в коем случае не мог допустить, чтобы премьером его правительства стал один из лидеров оппозиционной партии.

Чэнь Бода (1904–1989)

Именно так характеризовал дело об убийстве Сун Цзяожэня Чэнь Бода, который позднее стал секретарем Мао Цзэдуна, а в 1946 г. опубликовал свой памфлет «Узурпатор Юань Шикай», переизданный в 1954 г.[2]

Та же самая версия была изложена У Сянсяном в его фундаментальной «Биографии Сунь Ятсена», где он обосновывал свое мнение о том, что Сун Цзяожэнь, резко критиковавший пекинское правительство, представлял собой реальное препятствие на пути осуществления коварных планов Юань Шикая; это и явилось главной причиной безвременной гибели выдающегося деятеля Гоминьдана.[3]

У Сянсян писал:

> Обнародование переписки Хун Шуцзу и Ин Гуйсиня было подобно грому среди ясного неба. После этого тот факт, что Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь организовали убийство Сун Цзяожэня, уже не вызывал сомнений. <...> Сун Цзяожэнь, основываясь на большинстве, полученном Гоминьданом в парламенте, мог стать премьер-министром, а Юань Шикай оказался бы за бортом правительства.[4]

---

[1] 丁中江。北洋军阀史话 (*Дин Чжунцзян.* История бэйянских милитаристов). Т. 1. Пекин. 1992. С. 404.

[2] 陈伯达。窃国大盗袁世凯 (*Чэнь Бода.* Узурпатор Юань Шикай). Пекин. 1954.

[3] *У Сянсян.* Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1170–1175.

[4] 吴相湘。宋教仁传：中国民主宪政的先驱 (*У Сянсян*. Биография Сун Цзяожэня: пионер конституционной демократии в Китае). Тайбэй. 1985. С. 223–224.

Эта версия была в свое время поддержана ведущими советскими историками.

Г. В. Ефимов (1906–1980)

Г. В. Ефимов писал:

> Кто же организовал убийство Сун Цзяожэня? Ответить на этот вопрос — значит установить, кто был заинтересован в его устранении. Сун Цзяожэнь как лидер парламентской фракции Гоминьдана должен был стать премьер-министром. <...> Премьер-министром в то время был Чжао Бинцзюнь. <...>. Устранение Сунь Цзяожэня было выгодно и ему, и правящей пекинской клике. Наконец, еще одно и, видимо, решающее обстоятельство особенно страшило Юань Шикая — возможность выдвижения гоминьдановцами своего кандидата на пост президента.[1]

Вопроса о том, не было ли убийство Сун Цзяожэня выгодно кому-либо еще, автор в своей монографии не рассматривал, хотя это и следовало бы сделать.

Академик С. Л. Тихвинский в книге, посвященной внешнеполитическим воззрениям Сунь Ятсена, упоминая о покушении на Сун Цзяожэня и не приводя каких-либо доказательств, утверждал, что «21 марта 1913 г. в Шанхае по заданию Юань Шикая наемным убийцей был убит Сун Цзяожэнь».[2]

С. Л. Тихвинский (1918–2018)

20 лет спустя С. Л. Тихвинский в другой своей работе повторил ту же формулировку, так и не подкрепив ее фактами и лишь исправив допущенную им ранее ошибку в дате.[3] С тех пор эта версия стала в нашей литературе аксиомой. Сегодня она абсолютно превалирует в материалах о Синьхайской революции, выложенных на отечественных сайтах интернета.

---

[1] *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен (1911–1913 гг.). М. 1974. С. 307.

[2] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 175.

[3] *Тихвинский С. Л.* Завещание китайского революционера. М. 1986. С. 107.

Вышеизложенной версии убийства Сун Цзяожэня по-прежнему придерживаются в наше время и некоторые современные китайские ученые.[1]

Версия вторая

Несколько лет тому назад профессор истфака Пекинского университета Шан Сяомин выпустил объемистую монографию под многообещающим названием «Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня»[2].

В ней он утверждал, что, хотя многие считают себя вправе высказываться по поводу дела об убийстве Сун Цзяожэня, исследования настоящих специалистов можно пересчитать по пальцам одной руки, а все остальные — это суждения любителей, которыми можно было бы пренебречь без ущерба для дела.

Шан Сяомин

Шан Сяомин заявлял, что даже специалисты использовали в своих работах на данную тему не более одной десятой всех имеющихся источников, что и определило неубедительность их выводов. Сам он, по его словам, обнаружил в библиотеке исторического факультета Пекинского университета и в Пекинском городском архиве ценнейшие документы, позволившие ему по-новому взглянуть на суть происходившего в Шанхае.

Далее Шан Сяомин выдвинул тезис о том, что «дело Сун Цзяожэня» и «дело об убийстве Сун Цзяожэня» — это принципиально разные вещи, и их не следует смешивать.

Отвергнув традиционную версию, Шан Сяомин пришел к неожиданному выводу: преступной личностью, заказавшей убийство Сун Цзяожэня, был не президент Юань Шикай, а малоизвестный широкой аудитории секретарь пекинского министерства внутренних дел по имени Хун Шуцзу.

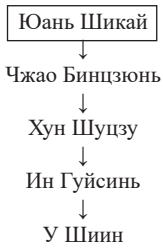
---

[1] См., например: 缪人风。袁世凯就是谋杀宋教仁的元首 (*Мяо Жэньфэн.* Инициатор покушения на Сун Цзяожэня — не кто иной, как Юань Шикай) // http://bbs.tianya.cn/post-no05187549-4.shtml.

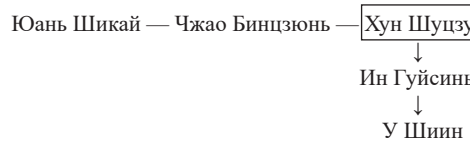
[2] 尚小明。宋案重审 (*Шан Сяомин.* Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня). Пекин. 2018. С. 1–523.

В соответствии с версией Шан Сяомина прежняя схема связей между причастными к убийству лицами была принципиально изменена (в рамке — имя инициатора преступления):

Версия № 1



Версия № 2



Главный пафос аргументов Шан Сяомина сводится к доказательству того, что Хун Шуцзу связывали с Юань Шикаем особые интимные отношения и что Хун Шуцзу постарался добиться того, что и Ин Гуйсинь оказался приближен к особе президента. Однако главным побудительным мотивом инициатора преступления были не политические, а чисто личные корыстные соображения: Хун Шуцзу надеялся получить от Юань Шикая солидное денежное вознаграждение.

Хун Шуцзу (1859–1919)

По мнению Шан Сяомина, первоначально Хун Шуцзу был намерен ограничиться сбором компромата на Сун Цзяожэня и других руководителей Гоминьдана (эту часть преступного замысла автор назвал «делом Сун Цзяожэня»), но позднее пришел к выводу, что физическое устранение Сун Цзяожэня было бы предпочтительнее (это послужило началом «дела об убийстве Сун Цзяожэня»).

Что касается Ин Гуйсиня, то он действовал под диктовку Хун Шуцзу в надежде, что и ему кое-что перепадет.

Версии третья и четвертая

Еще до выхода в свет книги Шан Сяомина китайский историк Чжан Яоцзе опубликовал на Тайване несколько статей, вылившихся в конечном

итоге в монографию[1]. В ней он выдвинул гипотезу, шокировавшую многих специалистов и заинтриговавшую читателя.

Суть данной версии: Юань Шикай не причастен к этому преступлению, которое явилось результатом борьбы внутри Гоминьдана, а главным организатором убийства был видный деятель этой партии Чэнь Цимэй.

Чжан Яоцзе

В своих работах Чжан Яоцзе, так же как и его предшественники, не смог привести какие-либо прямые доказательства в пользу своей гипотезы, но использовал многочисленные косвенные свидетельства.

Одним из главных среди них стало то, что контакты Ин Гуйсиня с президентом Юань Шикаем были кратковременны и эфемерны, тода как с Чэнь Цимэем его связывали длительные и весьма тесные узы.

В самом деле, на одном из допросов Ин Гуйсинь показал, что знает Чэнь Цимэя 6 или 7 лет. Они оба некогда были членами действовавшей в Шанхае гангстерской организации под названием «Зеленое братство» (Цин дан).

Более того, когда Сунь Ятсен вернулся в Китай и собирался выехать из Шанхая в Нанкин, Чэнь Цимэй назначил его начальником охраны будущего временного президента. Ясно, что на этом ответственном посту

Сунь Ятсен отправляется в Нанкин (справа рядом с ним Ин Гуйсинь)

[1] *Чжан Яоцзе.* Прошло сто лет, но преступление осталось нераскрытым. Дело об убийстве Сун Цзяожэня и Гоминьдан. Тайбэй. 2010.

мог оказаться только человек, которого Чэнь Цимэй лично хорошо знал, которому он целиком и полностью доверял и за которого мог поручиться своей головой. После этого Ин Гуйсинь получил место в канцелярии Сунь Ятсена.

Формулируя свою версию, Чжан Яоцзе основывался также на высказываниях современников тех трагических событий.

Наконец, в работах ряда современных ученых сформулирована и еще одна — четвертая по счету — версия убийства Сун Цзяожэня: организатором преступления являлся Сунь Ятсен.[1]

И снова Чэнь Цимэй?

В кругах, близких к руководству Гоминьдана, были деятели, которые по горячим следам событий если открыто не обвиняли Сунь Ятсена в причастности к делу Сун Цзяожэня, то во всяком случае намекали на это.

Одним из наиболее активных из числа этих людей был член Гоминьдана, личный секретарь Сун Цзяожэня японец Кита Икки.

Кита Икки оставил мемуары, в которых вспоминал о трагедии на шанхайском вокзале. Там, в частности, есть такие строки:

> Я могу заявить, в полной мере отвечая за свои слова, что Юань Шикай не был злоумышленником в этом деле, в известном смысле он был лишь сообщником. Убийство спланировал революционный «соратник» Сун Цзяожэня — Чэнь Цимэй, у которого был ***еще один знаменитый сообщник***.[2]

Кита Икки (1883–1937)

Анализируя эти слова Кита Икки, Чжан Яоцзе пришел к выводу, что они ясно указывают на Чэнь Цимэя как на бесспорного организатора покушения на Сун Цзяожэня, но недостаточны

[1] См., например: 彭珊珊。袁世凯嫡孙为何称“孙中山是刺杀宋教仁最大嫌疑人”(*Пэн Шаньшань.* Почему внук Юань Шикая утверждает, что «Сунь Ятсен — главный подозреваемый в деле об убийстве Сун Цзяожэня») // http://news.ifeng.com/a/20160530/-48874634_2. shtm

[2] 张耀杰。一个日本人眼中宋教仁案 (*Чжан Яоцзе.* Дело Сун Цзяожэня глазами японца) // http://m.jrj.com.cn/madapter/finance/2016/05/02001020904208.shtml (курсив наш).

для того, чтобы обвинить Сунь Ятсена в причастности к этому преступлению.[1]

Однако закономерен вопрос: мог ли Чэнь Цимэй решиться на физическое устранение одного из руководителей своей партии без согласия на это со стороны ее лидера?

Ситуация, возникшая в 1913 г., была аналогична той, которая имела место годом раньше, когда Чэнь Цимэй приказал Чан Кайши расстрелять Тао Чэнчжана. И в тот и в этот раз он мог организовать убийство, только получив санкцию или хотя бы молчаливое одобрение со стороны Сунь Ятсена.

Поэтому четвертая и третья версии фактически тождественны между собой и различаются только тем, кто был инициатором плана — Чэнь Цимэй или Сунь Ятсен, но и в том и в другом случае подразумевается причастность последнего к убийству:

Версия № 3

Сунь Ятсен
↓
[Чэнь Цимэй]
↓
Юань Шикай — Чжао Бинцзюнь — Хун Шуцзу — Ин Гуйсинь
↓
У Шиин

Версия № 4

[Сунь Ятсен]
↓
Чэнь Цимэй
↓
Юань Шикай — Чжао Бинцзюнь — Хун Шуцзу — Ин Гуйсинь
↓
У Шиин

Таковы четыре версии убийства, ни одна из которых на протяжении вот уже более ста лет не может считаться доказанной, поскольку, повторяем, прямых свидетельств в пользу какой-либо из них до сих пор не обнаружено.

[1] Там же.

Теоретически не исключено, что таковые могут быть найдены в будущем. Но надежд на это мало. Преступники, совершающие политические убийства, как правило, не оставляют следов. Неслучайно, например, мы до сих пор не имеем прямых доказательств, касающихся дела об убийстве Кирова, и вынуждены строить свои предположения на сей счет исключительно на соображениях логического свойства.

О методике расследования дела об убийстве Сун Цзяожэня, предложенной профессором Шан Сяомином

Как говорилось выше, опубликовав свою книгу, Шан Сяомин обратился к критике своих предшественников, прежде всего Чжан Яоцзе. Тот тут же отвечал на острые замечания, не в силах отказать себе в удовольствии нанести оппоненту удар ниже пояса. К радости любителей острых ощущений и к вящему сожалению прочих свидетелей этого научного спора, таковой вскоре фактически прекратился, а его участники перешли на личности и взаимные оскорбления.

Едва ли не единственным позитивным результатом этого обмена любезностями явилась публикация Шан Сяомином статьи, в которой он излагал методические принципы, которых, по его мнению, должен придерживаться исследователь дела о покушении на Сун Цзяожэня. Эта публикация заслуживает специального рассмотрения.

Суть методики

В работе, о которой в данном случае идет речь[1], сформулированы пять основополагающих тезисов.

Тезис первый: исследуя дело Сун Цзяожэня, следует предварительно максимально полно собрать соответствующие материалы.

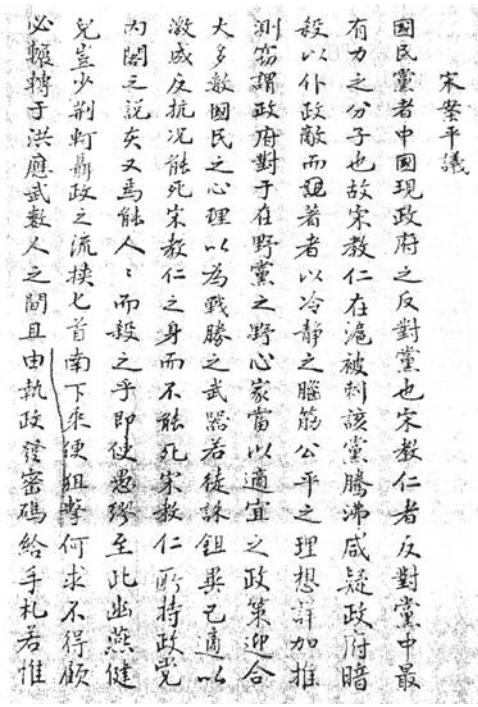
Подобная постановка вопроса не может встретить возражения; авторы этой книги в своих предыдущих исследованиях также высказы-

[1] *Шан Сяомин.* Вопросы методики исследования «дела Сун Цзяожэня» (尚小明。“宋教仁案”研究的方法问题) // http://jds.cass.cn/xwkx/sxpy/201807/t20180716_4504027.shtml.

вались именно в этом духе.[1] Однако мы не можем согласиться с некоторыми высказываниями Шан Сяомина, которыми он сопровождает приведенное выше справедливое суждение.

Так, он утверждает, что его книга полностью отвечает выдвинутому им требованию, поскольку в ней якобы учтены все имеющиеся источники, причем 90% из них в течение ста лет, прошедших после убийства Сун Цзяожэня, не использовались исследователями.[2]

Действительно, Шан Сяомин нашел и в той или иной мере использовал немало новых источников, в частности, рукописи из архива исторического факультета Пекинского университета «О деле Сун Цзяожэня», «Правда об убийстве Сун Цзяожэня» и др.

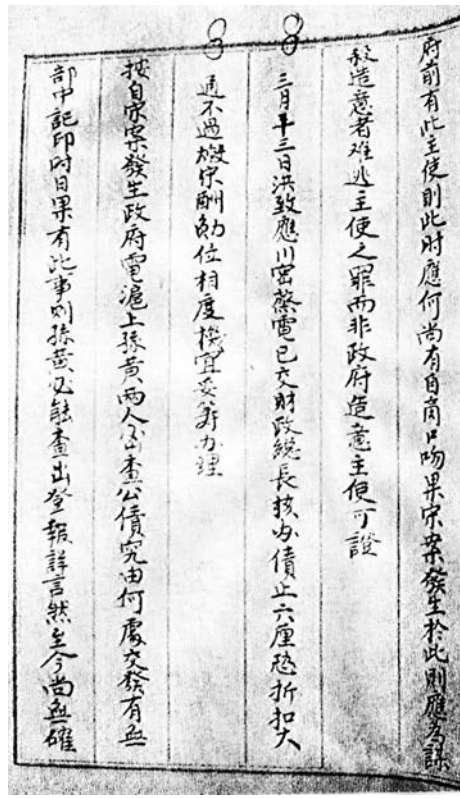


Первая страница рукописи «О деле Сун Цзяожэня»[3]

[1] *Крюков В. М., Крюков М. В.* Весна и осень революционной дипломатии. Т. 1. М. 2015. С. 49.

[2] *Шан Сяомин.* Вопросы методики исследования «дела Сун Цзяожэня». С. 2.

[3] 宋案评议 (О деле Сун Цзяожэня) // Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.



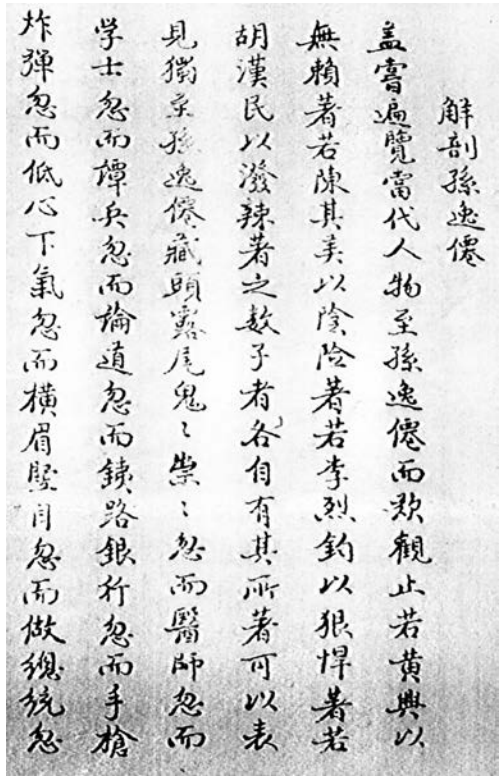
Страница рукописи «Правда об убийстве Сун Цзяожэня»[1]

К сожалению, на некоторые другие материалы из того же архива Шан Сяомин почему-то не обратил внимания. К числу таковых относится, например, «Анатомия Сунь Ятсена».

Тезис второй: в процессе данного исследования нужно исходить из анализа главных улик.

Автор утверждает, что изучение дела Сун Цзяожэня за прощедшие 100 лет почти не продвинулось вперед потому, что историки игнорировали дошедшие до нас важнейшие улики, обнаруженные в доме Ин Гуйсиня.

[1] 宋教仁被杀知真相 (Правда об убийстве Сун Цзяожэня) // Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.



Первая страница рукописи «Анатомия Сунь Ятсена»[1]

При этом, по мнению автора, анализировать следует не только свидетельства, имеющие непосредственное отношение к теме исследования, но и косвенные материалы, способные зачастую пролить неожиданный свет на интересующие нас события.

После этого справедливого замечания Шан Сяомин писал, что недостаточное стремление досконально изучить улики проявляли до сих пор как дилетанты-любители, так и специалисты-профессионалы.

> Разница между ними заключается в том, что в случае недостаточности доказательств или невозможности объяснить факты исследователь-профессионал осторожен при формулировании своих выводов, тогда как

[1] 解剖孙逸仙 (Анатомия Сунь Ятсена) // Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.

> любитель уходит от главного и уделяет внимание вопросам типа «каковы были побудительные мотивы» или «кому это было выгодно».<...> Вопросы такого рода не только не могут прояснить дело Сун Цзяожэня, но и усугубляют имеющиеся противоречия.[1]

Согласиться с тем, что вопросы о побудительных мотивах преступления и о том, «кому это было выгодно», задают себе лишь неопытные дилетанты, мы не можем и специально вернемся к этому.

Между тем, исходя из этого утверждения, Шан Сяомин пишет:

> Если мы будем основываться на уликах, то обнаружим: возможность того, что закулисным манипулятором убийства Сун Цзяожэня был Сунь Ятсен, равна нулю, поскольку в этом деле нет абсолютно никаких фактов, указывающих на Сунь Ятсена. Именно поэтому данная версия вообще не обсуждается в книге «Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня».
>
> Точно так же равна нулю и возможность того, что человеком, который замыслил убить Сун Цзяожэня, был Чэнь Цимэй.[2]

Тут Шан Сяомин противоречит самому себе: если третья версия столь же неосновательна, как и четвертая, то ее также не имело смысла обсуждать. Тем не менее ее опровержению Шан Сяомин посвятил три десятка страниц своей книги.

***Тезис третий*:** при расследовании дела об убийстве Сун Цзяожэня необходимо уделить внимание установлению подлинности источников.

Этот тезис бесспорен и важен, разумеется, отнюдь не только при изучении дела Сун Цзяожэня, но и вообще в любом историческом исследовании.

Вопрос заключается лишь в том, как сам Шан Сяомин решает сформулированную им задачу, и к этому мы еще вернемся ниже.

***Тезис четвертый*:** источники следует анализировать с предельной тщательностью, иероглиф за иероглифом; «если ограничиваться лишь выяснением общего смысла свидетельства и основываться на этом в своих выводах, то результат зачастую будет неубедителен».[3]

Наш комментарий по этому поводу совпадает с тем, что было сказано о тезисе № 3.

И, наконец, ***тезис пятый*:** при рассмотрении данного дела следует сочетать микро- и макроанализ.

---

[1] *Шан Сяомин.* Вопросы методики исследования «дела Сун Цзяожэня». С. 4.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 7.

Мы полностью согласны с этим пожеланием, так же как и с заключительными словами Шан Сяомина: «Без правильного метода исследования нельзя прийти к выводам, которые встретят всеобщее одобрение».[1]

О подлинности документа и достоверности сообщаемой им информации

Иллюстрируя тезис о важности критического анализа используемых источников, Шан Сяомин упоминает о документе, озаглавленном «Заявление пекинского государственного совета», в котором излагается версия о причастности руководящих деятелей Гоминьдана, в том числе Чэнь Цимэя, к делу Сун Цзяожэня.

Впервые полный текст этого документа был приведен У Сянсяном в его биографии Сун Цзяожэня[2], позднее использован У Динцзяном[3], после чего этот документ, пишет Шан Сяомин, стал использоваться не только дилетантами, но даже и исследователями-профессионалами в качестве доказательства вины Чэнь Цимэя.

Но среди хранящихся на историческом факультете Пекинского университета бумаг автор обнаружил последнюю страницу некоего текста, доказывающего, по его мнению, что «Заявление» является подделкой — в действительности это письмо сообщника Ин Гуйсиня, сочиненное с единственной целью оклеветать Хуан Сина и Чэнь Цимэя.[4]

Прежде чем обратиться к найденному Шан Сяомином тексту, следует напомнить общеизвестную истину: обращаясь к критике исторических свидетельств, историк имеет дело с двумя различными процедурами, которые не следует смешивать. Первую принято называть «внешней критикой», она призвана ответить на вопрос о том, является ли документ подлинным или это подделка; вторая — «внутренняя критика», устанавливающая, насколько достоверна сообщаемая документом информация.

Итак, сначала о «внешней критике» текста, о котором в данном случае идет речь.

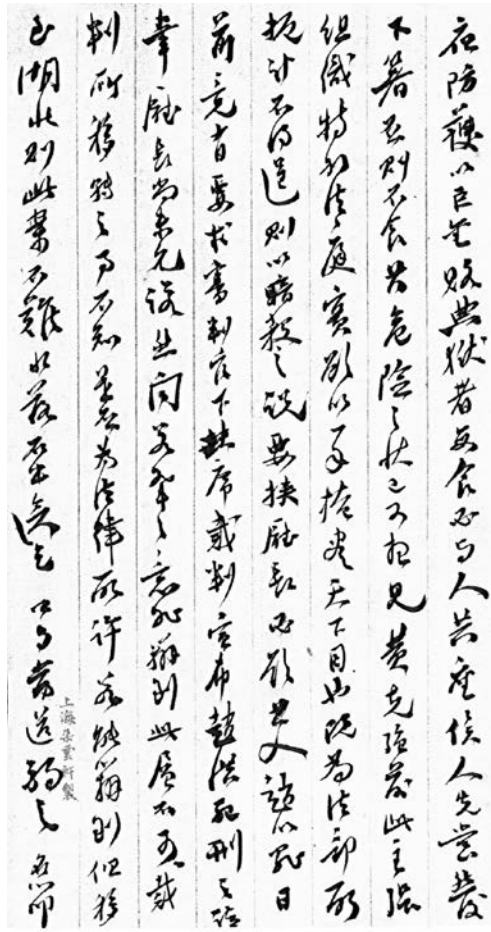
---

[1] Там же. С. 9.

[2] 吴相湘。宋教仁：中国民主宪政的先驱 (*У Сянсян.* Сун Цзяожэнь: пионер демократического конституционализма в Китае). Тайбэй. 1971. С. 267–268.

[3] 丁中江。北洋军阀史话 (*Дин Чжунцзян.* История бэйянских милитаристов). Т. 1. Пекин. 1987. С. 413–414.

[4] *Шан Сяомин*. Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 478–479.



Последняя страница текста, обнаруженного Шан Сяомином

Если мы обратимся к факсимиле упомянутого текста, то обнаружим, что написан он не безымянным «сообщником Ин Гуйсиня», а его пекинским респондентом Хун Шуцзу.

Во-первых, под текстом стоит подпись «Минсинь» 名心 — именно так иногда подписывал свои письма Хун Шуцзу.

Во-вторых, об этом свидетельствуют особенности почерка: своеобразное написание ряда иероглифов (之, 人, 儿, 至), встречающихся в этом тексте и в письмах Хун Шуцзу, аналогично.

Таким образом, находка этого документа не может опровергнуть подлинность «Заявления Пекинского государственного совета» и свидетельствует лишь о том, что оно было составлено на основании письма Хун Шуцзу.

Теперь о «внутренней критике» этого текста.

Шан Сяомин приводит 4 соображения, свидетельствующие, по его мнению, о том, что письмо, а стало быть и «Заявление», с начала до конца являются клеветническим памфлетом.

Во-первых, в письме упоминается о том, что, намереваясь стать премьер-министром, Сун Цзяожэнь поддерживал кандидатуру Юань Шикая на посту президента, чем вызвал неудовольствие Хуан Сина, также претендовавшего на кресло главы государства; этим воспользовался Чэнь Цимэй для того, чтобы поссорить двух видных деятелей Гоминьдана.

Шан Сяомин считает, что это утверждение не соответствует фактам: в тот момент, когда создавался Гоминьдан, парламентарий У Цзинлянь выдвинул в качестве условия своего вступления в партию отказ от споров по поводу того, кто будет президентом, а Хуан Син и Сун Цзяожэнь согласились с этим.[1]

Но, с нашей точки зрения, условие, выдвинутое У Цзинлянем, не только не опровергает сказанное в письме, но, напротив, подтверждает факт, что создание Гоминьдана сопровождалось дискуссиями о том, кто должен стать президентом Республики.

Во-вторых, в письме утверждается, что Чэнь Цимэй «использовал Ин Гуйсиня и У Шиина для того, чтобы покончить с Сун Цзяожэнем, обвинив в этом центральное правительство.<...> Они не предполагали, что нанявший их человек предаст их и потому не приняли никаких мер предосторожности и не скрылись».

Шан Сяомин считает все это откровенным вымыслом:

> В самом деле, если Чэнь Цимэй действительно дал указание Ин Гуйсиню и У Шиину убить Сун Цзяожэня, а потом предал их, почему только У Шиин рассказал в суде правду, а Ин Гуйсинь молчал? Неужели он был согласен с тем, чтобы Чэнь Цимэй предал его? Если У Шиин действительно рассказал в суде, что он был нанят Чэнь Цимэем <...>, то почему в газетах (включая газеты, поддерживавшие Юань Шикая), подробно сообщавших о ходе предварительного рассмотрения дела, не упоминали о показании У Шиина о причастности Чэнь Цимэя?

[1] *Шан Сяомин.* Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 482.

> И еще одно. 3 апреля Ин Гуйсинь написал письмо заместителю министра внутренних дел с просьбой о помощи. Если Чэнь Цимэй действительно использовал его и У Шиина для того, чтобы убрать Сун Цзяожэня, а потом обвинить в этом центральное правительство, то почему он не сообщил об этом в центр, чтобы заручиться его помощью, а обвинил Чэнь Цимэя в организации преступления, сославшись на У Шиина — после того, как У Шиина уже не было в живых и тот не мог возразить ему?[1]

Задавая эти риторические вопросы, Шан Сяомин допускает искажение фактов. В суде У Шиин сообщил немало такого, что свидетельствовало о причастности Гоминьдана (в частности, о планах начать «Вторую революцию»), но вовсе не говорил о том, что он был нанят Чэнь Цимэем, и именно поэтому в сообщениях прессы имя Чэнь Цимэя не фигурировало. Точно так же не упоминал о Чэнь Цимэе и Ин Гуйсинь — ни от своего имени, ни от имени У Шиина. Ин Гуйсинь молчал об этом вовсе не из-за согласия с тем, что Чэнь Цимэй предал его, а, как можно предполагать, надеясь на то, что организатор акции выполнит свое обещание и гарантирует его безопасность.

В-третьих, в письме говорится о том, что Чэнь Цимэй дал большую взятку судье, чтобы «изменить показания У Шиина».

Шан Сяомин задает вопрос: поскольку в зале суда присутствовали журналисты, каким образом можно было изменить показания обвиняемого?

Но речь могла идти о другом: после того, как У Шиин отказался от сказанного им ранее и стал утверждать, что действовал в одиночку, не имея сообщников, судья ограничился тем, что зафиксировал это новое показание и более к этому вопросу не возвращался.

В-четвертых, в письме упоминается о том, что Хуан Син оказывал давление на судью, требуя, чтобы к суду был привлечен премьер-министр Чжао Бинсюнь.

По мнению Шан Сяомина, это утверждение также является клеветой, поскольку Хуан Син выступал за рассмотрение дела в законном порядке специальным трибуналом и оказывать давления на суд не мог.

К сожалению, вынести свое суждение о том, насколько достоверно это содержащееся в письме свидетельство, затруднительно ввиду отсутствия других источников.

Подводя итог, можно констатировать, что, на наш взгляд, Шан Сяомину не удалось доказать сформулированный им тезис о том, что «Заявление Пекинского государственного совета» является фальшивкой,

[1] Там же. С. 483.

имевшей своей целью оклеветать руководителей Гоминьдана. Этот документ должен рассматриваться наряду со всеми прочими источниками, проливающими свет на подоплеку убийства Сун Цзяожэня.

Cui bono?

Как уже говорилось, профессор Шан Сяомин полагает, что в процессе исследования уголовного преступления только дилетант может задать вопрос типа «каковы были побудительные мотивы подозреваемого?» или «кому это выгодно?» (cui bono?).

Между тем, Цицерон говорил:

> Знаменитый Кассий, которого римский народ считал справедливейшим и мудрейшим судьей, обычно спрашивал во время суда: «***Кому это выгодно?***» (выделено нами. – *В. К., М. К*). Такова жизнь человека: никто не пытается совершить злодеяние без расчета и без пользы для себя.[1]

Со времен Кассия (II в. до н. э.) при расследовании уголовных преступлений юристы неизменно ищут ответ на этот вопрос.

Его же, противореча самому себе, в своей книге задает и Шан Сяомин, причем, с нашей точки зрения, поступает в этом случае совершенно правильно.

Прежде всего, развернутый ответ именно на этот вопрос содержится в разделе «Несколько соображений в пользу того, что Юань Шикаю незачем было убивать Сун Цзяожэня». Шан Сяомин приводит на этот счет в общей сложности 5 соображений.

Во-первых, в начале 1913 г. подходил к концу срок временного президентства Юань Шикая и на повестке дня уже стояли выборы постоянного президента Китайской Республики. Сун Цзяожэнь не был конкурентом Юань Шикая на выборах и не представлял собой препятствие на пути к его успешному избранию. Поэтому у Юань Шикая не было оснований для убийства Сун Цзяожэня.[2]

Юань Шикая действительно волновал вопрос о том, выставит ли Гоминьдан свою кандидатуру на выборах и кто конкретно это может быть.

Поскольку Сунь Ятсен официально заявил о том, что баллотироваться на выборах президента он не собирается, единственным теоретически воз-

---

[1] *Цицерон.* Речь в защиту Секста Росция из Америи, XXX, 84 (пер. В. О. Горенштейна).

[2] *Шан Сяомин.* Повторное рассмотрение дела Сун Цзяожэня. С. 254–255.

можным конкурентом Юань Шикая мог быть только Хуан Син. Поэтому был прав автор статьи, опубликоваанной в газете «Peking Daily» и перепечатанной в «Ясия жибао», который задавал вопрос: «Почему же Юань Шикаю пришло в голову лишить жизни Сун Цзяожэня, а не Хуан Сина?».[1]

Во-вторых, хотя Гоминьдан и получил на выборах большинство голосов, он не принимал решения поручить Сун Цзяожэню формирование кабинета министров, так что для Юань Шикая Сун Цзяожэнь не представлял реальной угрозы и убивать его Юань Шикаю было незачем.

В-третьих, Юань Шикай отдавал себе отчет в том, что ему противостоит оппозиционная партия, а не отдельные ее представители. Поэтому он не мог не понимать, что убийство Сун Цзяожэня не только не будет решением проблемы, но неизбежно вызовет ответную реакцию общественного мнения.

В-четвертых, в ответ на успешные для Гоминьдана результаты выборов в парламент Юань Шикай еще за месяц до убийства Сун Цзяожэня начал действовать, намереваясь противопоставить этому объединенные усилия других политических партий и группировок. Он, в частности, установил контакт с Лян Цичао, который положительно отнесся с идее кооперации трех партий в противовес Гоминьдану.[2]

В-пятых, в распоряжении Юань Шикая был еще один способ воспрепятствовать возможным попыткам Гоминьдана ограничить его власть: он мог добиться принятия конституции, по которой президент Республики не отчитывался бы в своих действиях перед парламентом.

Учитывая всё сказанное, можно утверждать, что у Юань Шикая не было решительно никаких оснований совершать теракт против Сун Цзяожэня.[3]

Примерно так же рассуждают Хэ Яньмин, Ван Чао и Ван Вэньцзян. Они убедительно показали, что несмотря на большинство, полученное депутатами — членами Гоминьдана в результате выборов в парламент, положения Временной конституции Китайской Республики делали практически невозможным устранение действовавшего премьера Чжао Бинцзюня. Для этого требовалось бы, чтобы в голосовании приняло участие не менее 75% всех депутатов, более двух третей из числа которых высказались бы за импичмент. В то время в парламенте насчитывалось 862 депутата, 392 из них были членами Гоминьдана. Даже если бы все

[1] Об убийстве Сун Цзяожэня (论宋教仁之被刺) // Ясия жибао, 24 марта 1913 г.

[2] Лян Цичао — Лян Сышуню, 18 марта 1913 г. // 梁启超未刊书信手迹 (Факсимильное издание ранее не публиковавшихся писем Лян Цичао). Т. 1. Пекин. 1994. С. 205.

[3] *Шан Сяомин.* Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 254–264.

они приняли участие в голосовании, все же для положительного решения вопроса не хватало бы 34 голосов.

Далее, у руководителей Гоминьдана отнюдь не было уверенности в том, как проголосуют в парламенте их делегаты, тем более что сам Чжао Бинцзюнь также был членом Гоминьдана.

Наконец, даже если бы решение парламента об импичменте Чжао Бинцзюня было принято, право предложить кандидатуру нового премьера принадлежало президенту Юань Шикаю.

Таким образом, у Сун Цзяожэня не было реальных шансов занять пост премьер-министра, а у Юань Шикая — резона убивать его.[1]

Был ли заинтересован в устранении Сун Цзяожэня премьер-министр Чжао Бинцзюнь?

Факты говорят скорее ***contra***, чем ***pro***.

Начать с того, что Чжао Бинцзюня и Сун Цзяожэня связывали добрые, если не сказать дружеские, отношения.

Чжан Гогань, бывший в то время в курсе происходившего в Пекине, рассказывал, что однажды на заседании кабинета изменившийся в лице Чжао Бинцзюнь воскликнул: «Если люди говорят, что это я убил Сун Цзяожэня, то это значит, что я предал своего друга. Могу ли я после этого считаться человеком?».[2]

По словам корреспондента газеты «Миньлибао», 29 марта Чжао Бинцзюнь заявил Юань Шикаю:

> Я с самого начала не хотел быть премьером и стал им по настоянию президента, не решаясь снимать с себя ответственность [за происходящее в стране]. Заняв эту должность, я трудился в поте лица, не жалея себя. <...> Сейчас возникло дело Сун Цзяожэня, и нашлись люди, подозревающие меня в том, что я являюсь главным злоумышленником. Это предположение нелепо, но как я могу доказать свою невиновность? Поэтому я подаю в отставку и поеду в Шанхай на очную ставку с убийцей.[3]

Чжао Бинцзюнь (1859–1914)

[1] 何延明、王超、王文江。宋案元凶探渊 (*Хэ Яньмин, Ван Чао, Ван Вэньцзян.* Кто замыслил убийство Сун Цзяожэня?) // Вэньшань шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюбао. 2008. Т. 28. № 1. С. 26–27.

[2] 张国淦。北洋述闻 (*Чжан Гогань.* Услышанное в коридорах Бэйянского правительства). Шанхай. 1998. С. 47.

[3] Миньлибао, 30 марта 1913 г.

В Шанхай Чжао Бинцзюнь так и не поехал, но подал Юань Шикаю прошение об отставке, а получив отказ, еще дважды повторял свою просьбу, пока не добился своего (оригинал третьего по счету послания Чжао Бинцзюня президенту хранится в архиве исторического факультета Пекинского университета).

Был ли Хун Шуцзу заинтересован в убийстве Сун Цзяожэня?

Если бы дело обстояло именно так, то непосредственный исполнитель, стрелявший в Сун Цзяожэня на шанхайском вокзале, наверняка воспользовался бы благоприятной возможностью заодно покончить и с шедшим рядом Хуан Сином, получив за это двойную плату. Но У Шиин почему-то стрелял именно в Сун Цзяожэня, хотя в конце концов в его револьвере осталось еще три неиспользованных патрона.

Почему? Вероятнее всего потому, что ему был заказан не любой руководитель Гоминьдана, а именно Сун Цзяожэнь.

Остается выяснить, были ли Чэнь Цимэй и Сунь Ятсен заинтересованы в убийстве Сун Цзяожэня.

Можно предположить, что, планируя эту акцию, Чэнь Цимэй рассчитывал занять место своей жертвы. Действительно, после смерти Сун Цзяожэня он стал правой рукой Сунь Ятсена, значительно повысив свой рейтинг по сравнению с другими руководителями Гоминьдана. Но как нам уже приходилось отмечать, Чэнь Цимэй безусловно не решился бы на этот шаг без ведома и согласия лидера партии.

Все нити подозрений так или иначе ведут к Сунь Ятсену.

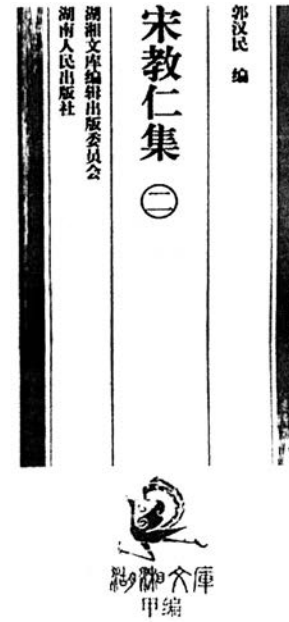
Соратники-соперники

Многие исследователи уже неоднократно показывали в своих работах, что хотя после смерти Сун Цзяожэня д-р Сунь неоднократно называл его своим другом, их взаимоотношения были отнюдь не безоблачны, а порой переходили в прямую конфронтацию. Причиной тому были как чисто личностная взаимная неприязнь, так и принципиальные расхождения в оценке политической ситуации в стране и путей решения существовавших проблем.

Перелистывая «Собрание сочинений Сун Цзяожэня», читатель то и дело наталкивается на далеко не дружелюбные, порой едко саркастические высказывания автора о лидере Гоминьдана.

Одно из наиболее показательных: во время пребывания Сун Цзяожэня в Японии в ноябре 1908 г. он заявил одному из своих друзей:

> Если возглавлять наше дело будет авантюрист, подобный Сунь Ятсену, китайская революция, безусловно, не сможет достичь своей цели.[1]



«Собрание сочинений Сун Цзяожэня»

После свержения маньчжурской монархии Сун Цзяожэнь расходился с Сунь Ятсеном по принципиальным вопросам государственного строя: он выступал за организацию правительства во главе с премьер-министром, ответственного перед парламентом, по примеру Франции, тогда как д-р Сунь ратовал за президентскую республику по американскому образцу.

После того как Гоминьдан одержал победу на парламентских выборах, появилась перспектива того, что Сун Цзяожэнь, исполняющий обязанности лидера партии во время отсутствия Сунь Ятсена, лишит его обладания высшей властью в партии и государстве. Устранив Сун Цзяожэня, д-р Сунь приближался к цели, к которой он всегда стремился.

Если, следуя за авторами 3-й и 4-й версии убийства Сун Цзяожэня, предположить, что оно было организовано Чэнь Цимэем с ведома и согласия Сунь Ятсена, то лидер Гоминьдана попадал в этом случае, как любят говорить китайцы, одной стрелой сразу в двух птиц: устранял

[1] 宋教仁集 (Собрание сочинений Сун Цзяожэня). Т. 1. Чанша, 2008. С. 69.

опасного претендента на руководство партией и обретал повод для начала «Второй революции».

Анализируя переписку, обнаруженную в доме Ин Гуйсиня

У Сянсян в свое время писал, что «обнародование переписки Хун Шуцзу и Ин Гуйсиня было подобно грому среди ясного неба: после этого тот факт, что Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь организовали убийство Сун Цзяожэня, уже не вызывал сомнений».

Вопреки своему тайваньскому коллеге, Шан Сяомин утверждал, что именно эта переписка является бесспорным доказательством вины не Юань Шикая и Чжао Бинсюня, а Хун Шуцзу.

Чжан Яоцзу же не обнаружил в ней ни того ни другого.

Так о чем же, в конце концов, свидетельствуют эти документы?

Первые совместные планы

Вслед за передачей подозреваемых шанхайским властям рабочая группа под председательством губернатора провинции Цзянсу Чэнь Дэцюаня закончила разбор писем и других материалов, изъятых в доме Ин Гуйсиня. На каждом документе была поставлена печать губернатора. Затем бумаги расположили в хронологическом порядке и пронумеровали. Подлинники 53-х документов были посланы президенту Юань Шикаю, а их иероглифические транскрипции опубликованы в прессе.

Приведем наиболее важные.

Документ № 1 — рекомендательное письмо Чжан Шаоцзэна от 17 сентября 1912 г., в котором он сообщает Ин Гуйсиню о том, что в Шанхай едет Хун Шуцзу.

В это время у Ин Гуйсиня были большие неприятности. Он был обвинен Ли Юаньхуном в связях с заговорщиками, выступившими против хубэйского правительства, и его объявили в розыск. Вскоре после этого Юань Шикай отдал приказ о ликвидации нелегальных организаций, к числу которых было отнесено и руководимое Ин Гуйсинем общество Гунцзиньхуй. Поездка Хун Шуцзу в Шанхай была связана как раз с этим делом, и он рассчитывал, что, пообещав Ин Гуйсиню свое заступниче-

委任狀

今委任應夔丞為駐滬巡查長此狀

江蘇都督 程德全

中華民國 年 月 十六日

Мандат Ин Гуйсиня, подписанный Чэн Дэцюанем

ство перед лицом Ли Юаньхуна, сможет заручиться помощью главы Гунцзиньхуй для успешного выполнения порученного ему задания.

Все получилось как нельзя более удачно. Ин Гуйсинь согласился взять на себя полную ответственность за ликвидацию возглавляемого им общества, Хун Шуцзу не только гарантировал Ин Гуйсиню прощение высшего начальства, но и ходатайствовал перед губернатором Чэнь Дэцюанем о назначении его на должность акредитованного в Шанхае уполномоченного следственного управления провинции Цзянсу.

16 октября Ин Гуйсинь получил извещение о своем назначении. На следующий день довольный Хун Шуцзу отбыл в Пекин.

Документ № 2 — адресованное Ин Гуйсиню письмо Хун Шуцзу от 24 октября 1912 г.

По возвращении в Пекин Хун Шуцзу встретился с премьер-министром и заручился его согласием на то, чтобы ликвидация общества Гунцзиньхуй была поручена Ин Гуйсиню. Сообщая об этом своему новоиспеченному побратиму, Хун Шуцзу писал, что на днях собирается переговорить об этом с президентом.[1]

Документ № 5 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 29 октября 1912 г.:

> Все предыдущие дни хлопотал по твоему делу, просил президента издать указ о прощении, а вице-президента Ли — об отмене распоряжения об объявлении в розыск. К счастью, всё уже сделано. <...> Выслушав мои разъяснения, президент выразил свое полное согласие. <...>[2]

[1] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 24 октября 1912 г. // 革命文献 (Документы революции). Т. 4243. Тайбэй. 1968. С. 156.

[2] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 29 октября 1912 г. // Там же. С. 157–158.

Там же — приписка от 30 октября 1912 г.:

> За крабов спасибо! К сожалению, больше половины уснуло, так что вручать их президенту неудобно. Пришлось ограничиться тем, что две большие корзины переданы премьеру. <...>
>
> Лучше всего будет, если ты, братец, сам налегке приедешь в столицу и встретишься с президентом и премьером, это наверняка будет тебе на пользу. Если на поездку нужны деньги, дай телеграмму и объясни, в чем дело, я передам (в этой телеграмме говори только об этом деле, не упоминай о другом и не пиши ничего личного) <...>.[1]

Документ № 6 — адресованное Хун Шуцзу письмо Чэнь Дэцюаня от 30 октября 1912 г.:

> Получил ответную телеграмму [Ли Юаньхуна], в которой говорится: «<...>. Ин Гуйсинь готов искупить свою вину и может гарантировать, что Гунцзиньхуй впредь не будет нарушать закон и совершать деяния, наносящие ущерб правопорядку, более того — он согласен немедля распустить организацию. То, что уханьские заговорщики раскаялись и начинают новую жизнь, дорогого стоит. Предложенный Вами план хорош, и объявление [Ин Гуйсиня] в розыск естественно должно быть отменено. <...>»[2]

Документ № 9 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 29 ноября 1912 г.:

> Сегодня заседал Государственный совет, решено выделить 30 000. <...> Президент хочет, чтобы ты, брат, приехал немедля. <...> Нанесешь визит президенту, да и деньги получишь! <...>[3]

Документ № 10 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 11 декабря 1912 г.:

> Мандат действительно подписан. Немедленно приезжай, чтобы лично получить его. Телеграфируй о том, когда прибудешь в Пекин.[4]

Получив это письмо, Ин Гуйсинь завершил последние приготовления к свертыванию деятельности своего общества и 19 декабря прибыл в столицу. Через несколько дней он был принят Юань Шикаем и Чжао Бинцзюнем.

Документ № 18 — сопроводительная записка Чжао Бинцзюня Ин Гуйсиню по поводу шифра, которым тот мог пользоваться, связываясь в будущем непосредственно с премьер-министром.[5]

---

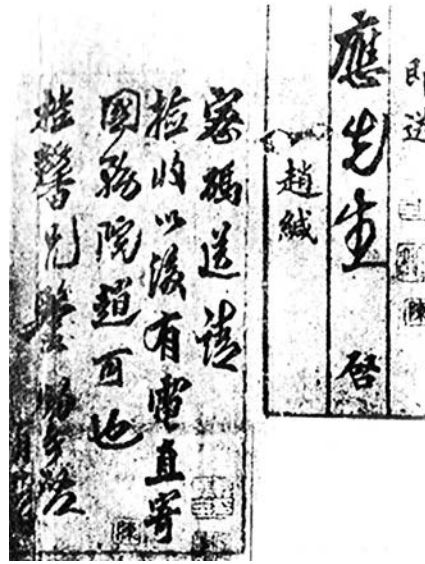
[1] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 29 октября 1912 г. // Там же. С. 158.

[2] Чэнь Дэцюань — Хун Шуцзу, 30 октября 1912 г. // Там же. С. 159.

[3] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 29 ноября 1912 г. // Там же. С. 161.

[4] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 11 декабря 1912 г. // Там же. С. 162.

[5] Чжао Бинцзюнь — Ин Гуйсиню, 14 января 1913 г. // Там же. С. 167.



Записка Чжао Бинцзюня Ин Гуйсиню от 14 января 1913 г.

Именно эта записка рассматривается сторонниками 1-й версии как свидетельство причастности премьер-министра (а значит, — и президента) к убийству Сун Цзяожэня. Но она была написана по совершенно иному поводу и какого бы то ни было отношения к делу о покушении на Сун Цзяожэня иметь не могла.

Далее в публикации переписки Хун Шуцзу и Ин Гуйсиня — лакуна. Но как раз в это время они переходят к обсуждению совершенно нового плана.

Ин Гуйсинь предлагает правительству еще один план

Документ № 25 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 1 февраля:

> Большая тема может иметь ценность лишь в том случае, если налицо будет какая-нибудь вызывающая статья. <...>[1]

Что имел в виду Хун Шуцзу, говоря о «большой теме»? Ответ мы находим в следующей телеграмме Ин Гуйсиня Чжао Бинцзюню.

Документ № 28 — телеграмма, отправленная Ин Гуйсинем Чжао Бинцзюню 2 февраля:

[1] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 1 февраля 1913 г. // Там же. С. 175.

Сунь Ятсен, Хуан Син, Ли Юаньхун, Сун Цзяожэнь развили бурную деятельность. Ли Юаньхун получил материальную помощь зарубежных китайцев. Гоминьдан неожиданно высказался за выдвижение Сун Цзяожэня на пост премьер-министра. Из двух вариантов, изложенных в телеграмме от 1 февраля, один представляется осуществимым. Думаю прибегнуть к нему и уже [принимаю меры к тому, чтобы] купить в Японии компромат на Сунь Ятсена, Хуан Сина и Сун Цзяожэня. Хуан Син фотографировался с женщинами сомнительного поведения, а полицейское управление располагает свидетельствами незаконной деятельности Сун Цзяожэня, которые были сфотографированы и изданы в количестве 100 000 экземпляров, распространять их будут из Иокогамы. Узнав об этом, Сунь Ятсен послал в Японию человека по фамилии Ма, чтобы он за большие деньги скупил и уничтожил их. <...>[1]

Документ № 28

Документ № 29 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 2 февраля:

После того как в канцелярии Чжао Бинцзюня получили телеграмму от 1 февраля, она была передана мне. Я лично вручил ее президенту, и когда он прочел ее, у него на лице можно было прочесть полное одобрение. Он сказал, что ты — молодец и что, поскольку есть уверенность в успехе, надо действовать в этом направлении. <...>[2]

[1] Ин Гуйсинь — Чжао Бинцзюню, 2 февраля 1913 г. // Там же. С. 176–177.

[2] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 4 февраля 1913 г. // Там же. С. 177.

Первоначально Ин Гуйсинь намеревался собрать компромат на нескольких руководителей Гоминьдана, но после 2 февраля в переписке фигурировало лишь «дело Сун Цзяожэня». Хун Шуцзу торопил Ин Гуйсиня с присылкой компрометирующих материалов, подчеркивая, что только после этого можно просить вознаграждение.

Документ № 31 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 8 февраля:

> Выяснилось ли за последние дни, где искать материалы по делу Сун Цзяожэня? Центр проявляет большой интерес к этому. <...>[1]

Документ № 34 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 11 февраля:

> Когда материалы на Сун Цзяожэня будут получены, приезжай получать деньги и смотри не запоздай. <...>[2]

Далее в опубликованных материалах снова большая лакуна. Через 11 дней после этого Хун Шуцзу упоминает о каком-то неизвестном нам письме Ин Гуйсиня.

Документ № 35 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 22 февраля:

> Полученное письмо уже лично мной передано президенту, и он прочел его. <...> Просить о вознаграждении нужно после того, как будут получены материалы, когда начнется сессия парламента, не раньше и не позже. Сумма — не более 30 000. <...>[3]

И далее — документ № 36, письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 6 марта, которое рассматривалось Шан Сяомином как ключевое во всей переписке.

По мнению Шан Сяомина, в тексте этого письма содержится адресованное Ин Гуйсиню прямое указание Хун Шуцзу отказаться от намерения скомпрометировать Сун Цзяожэня и вместо этого не мудрствуя лукаво убить его.

Шан Сяомин основывается на том, что в письме упоминается о готовящемся убийстве некого «Дэна» (предполагают, что речь шла об основателе шанхайской газеты «Чжунхуа миньбао» Дэн Цзяяне). Но подобный вывод представляется ошибочным.

В самом деле, в письме говорится:

> Как и в деле об устранении Дэна, необходимо сначала прислать все газеты, в которых он выступает против [властей] и решить, как действовать (в наше время без доказательств никто не поверит). Его некролог можно поместить в «Миньцянбао» — только такой метод будет правильным.[4]

---

[1] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 8 февраля 1913 г. // Там же. С. 178.

[2] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 11 февраля 1913 г. // Там же. С. 181.

[3] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 22 февраля 1913 г. // Там же.

[4] Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 6 марта 1913 г. // Там же. С. 182.

Документ № 36

Если Хун Шуцзу собрался тайно убить Дэн Цзяяня, то у него не было необходимости сначала кому-то что-то доказывать и присылать кому-то какие-то газеты. И уж во всяком случае не имело значения, в какой газете был бы помещен некролог убитого. Но всё становится на свои места, если истолковать сказанное Хун Шуцзу иначе: он собирался не убивать Дэн Цзяяня, а скомпрометировать его: для этого действительно нужны были доказательства и их («некролог») следовало поместить именно в газете «Миньцянбао», редакция которой уже была подкуплена организаторами акции.

Об этом, с нашей точки зрения, говорят и последующие строки:

> Касательно же того, что, прежде всего, нужно иметь печатные материалы, то в настоящее время не только нет оригинала, но и не получена даже копия, так что трудно даже заводить об этом речь. Ты — умный человек и [должен понимать, что] в подходящий момент приступать к делу можно только после того, как проделана соответствующая работа (так или иначе, лучше всего иметь печатные материалы) или налицо откровенные действия (Дэн действовал вполне откровенно, и в этом случае нам будет легче реагировать).[1]

[1] Там же.

Ключевая фраза, от смысла которой зависит то или иное понимание всего текста в целом, это 方可乘机下手.

Словосочетание 下手 имеет в китайском языке два значения: во-первых, «начать что-то», «приступать к чему-то»; во-вторых, «поднять руку на кого-то».[1]

В письменном китайском языке служебное слово 方 указывает на то, что одно действие (состояние) может иметь место только после другого.[2]

Шан Сяомин выбрал второе значение 下手 и проигнорировал наличие в этом предложении слова 方. В результате получилось, что, по словам Хун Шуцзу, убивать Сун Цзяожэня можно было только после того, как будут получены письменные свидетельства его прегрешений, что явно является нонсенсом.

Сказанное означает, что Хун Шуцзу в своем письме от 6 марта вовсе не настаивает на убийстве Сун Цзяожэня, а убеждает Ин Гуйсиня ограничиться дискредитацией его доброго имени и, как в своих предыдущих письмах, требует от сообщника срочно представить материалы, компрометирующие Сун Цзяожэня.

Об этом говорит и ответ Ин Гуйсиня, который пытался убедить Хун Шуцзу в том, что физическое устранение Сун Цзяожэня в сложившейся обстановке совершенно необходимо.

Документ № 40 — адресованное Хун Шуцзу письмо Ин Гуйсиня от 13 марта:

> Я никогда не стремился к славе и наградам. Но это слишком серьезное дело, и я хочу найти способ, дабы вытащить хворост из-под котла. Если не убрать Суна, то не только возникнут бесконечные проблемы, но и общая ситуация окажется под угрозой. <...>[3]

На наш взгляд, прав Юань Шикай, который, получив переписку Ин Гуйсиня с Хун Шуцзу, писал Хуан Сину, что, по его мнению, документы, предшествующие 13 марта 1913 г., не имеют прямого отношения к убийству Сун Цзяожэня.[4]

---

[1] 汉俄大词典 (Большой китайско-русский словарь). Шанхай. 2009. С. 2202.

[2] 文言虚词浅释 (Служебные слова письменного китайского языка). Пекин. 1979. С. 68.

[3] Ин Гуйсинь — Хун Шуцзу, 13 марта 1913 г. // Документы революции. Т. 42–43. С. 186.

[4] Юань Шикай — Хуан Сину, 28 апреля 1913 г. // Там же. С. 139.

Письма, не вошедшие в публикацию переписки

22 февраля Хун Шуцзу вручил Юань Шикаю полученное перед этим послание Ин Гуйсиня. О чем говорилось в этом письме? И как реагировал на него президент? И то и другое нам неизвестно. Тем не менее на этот счет можно высказать вполне определенные предположения.

Шан Сяомин обнаружил одну важную деталь: по сообщению слуги Хун Шуцзу, 27 февраля тот перевез свою семью из Пекина в Тяньцзинь.[1] Преуспевающий чиновник, вхожий в кабинет президента, вдруг чего-то испугался и принял срочные меры к обеспечению безопасности своих близких.

Ситуацию проясняет то, о чем на состоявшемся 30 марта в столице траурном митинге памяти Сун Цзяожэня рассказал комендант Пекина Ван Чжисинь:

> Во время разговора Чжао Бинцзюня с президентом тот сказал: однажды Хун Шуцзу завел разговор о том, что политические трудности, с которыми сталкивается президент, проистекают из воззрений оппозиционеров. Почему бы не разделаться с одним или двумя из их числа ради устрашения остальных? Президент ответил, что против него выступает партия, а не несколько отдельных личностей, и поэтому это предложение неразумно.[2]

О том, что такой разговор действительно состоялся, сообщал и пекинский корреспондент газеты «Миньлибао»:

> Хун Шуцзу навестил президента и сказал: «Сопротивление оппозиционной партии нарастает. Что если убрать двух-трех человек?» Президент воспротивился этому: «Против выступает партия, а не отдельные личности. Как же можно [последовать Вашему совету]?»[3]

Судя по всему, Хун Шуцзу предлагал это не от своего имени, а комментируя письмо Ин Гуйсиня. Получив отрицательный ответ и опасаясь, что помимо своей воли может оказаться вовлеченным в криминальную историю, он решил на всякий случай вывезти свою семью в Тяньцзинь. Невозможно представить себе, что после этого он все же мог подстрекать Ин Гуйсиня к убийству.

---

[1] *Шан Сяомин*. Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 247.

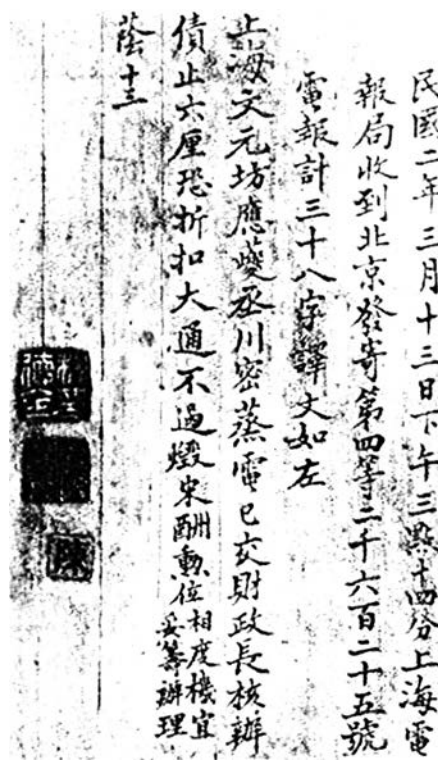
[2] 关于刺宋案演说中之要闻 (Важные обстоятельства, о которых было ссобщено в речи по поводу убийства Сун Цзяожэня) // Дачжунхуа миньго жибао, 31 марта 1913 г.

[3] Миньлибао, 5 апреля 1913 г.

С этой точки зрения мы можем решить, что хотел сказать Хун Шуцзу в своей телеграмме Ин Гуйсиню от 13 марта (документ № 39).

Речь там идет о 燬宋酬勳位, то есть о «повышении по службе в качестве поощрения за ... Сун Цзяожэня».

Спорное слово 燬 имеет в китайском языке два значения: во-первых, «сжигать», «уничтожать» и, во-вторых, «компрометировать», «подрывать авторитет». Одни полагали, что Хун Шуцзу употребил данное слово в первом его значении и это, таким образом, еще одно свидетельство того, что он был инициатором убийства Сун Цзяожэня. Сам же он впоследствии утверждал, что в пекинском наречии слово 燬 имеет второе из указанных значений.[1]


民國二年三月十三日下午三點十四分上海電
報局收到北京發寄第四等二千六百二十五號
電報計三十八字譯文如左
上海文元坊應夔丞川密蒸電已交財政長核辦
債止六厘恐折扣大通不過燬宋酬勳位相度機宜妥籌辦理
蔭十三

Документ № 39

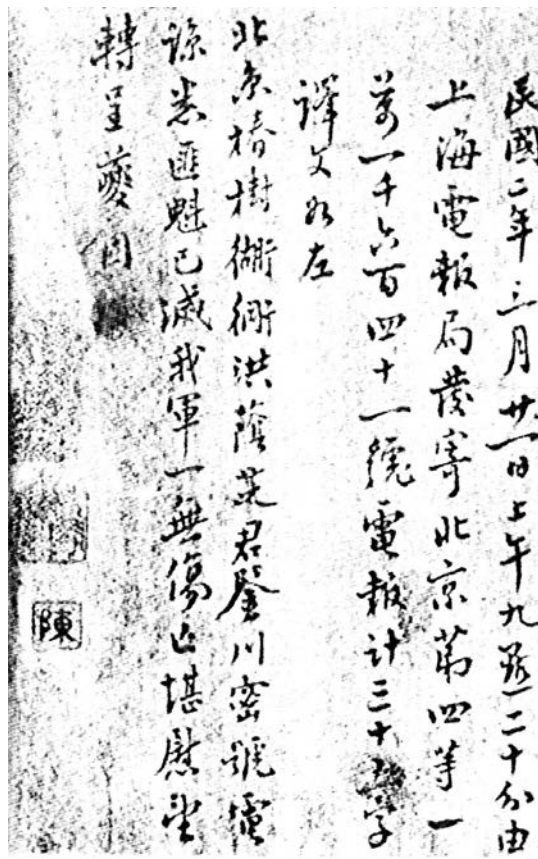
[1] Хун Шуцзу — Юань Шикаю, 3 мая 1913 г. // Документы революции. Т. 42–43. С. 226.

Представляется, что в этом споре прав был Хун Шуцзу: невозможно представить себе, что после разговора с Юань Шикаем он по-прежнему мог рассчитывать на повышение по службе в качестве платы за убийство Сун Цзяожэня.

А Ин Гуйсинь продолжал стоять на своем.

21 марта он телеграфировал Хун Шуцзу (документ № 46):

> Глава бандитов уничтожен. В нашей армии убитых и раненых нет. Будьте спокойны. Прошу доложить наверх.[1]



Документ № 46

[1] Ин Гуйсинь — Хун Шуцзу, 21 марта 1913 г. // Там же. С. 190.

Версия, способная ответить на возникающие вопросы, является наиболее вероятной

Выдвинув несколько различных версий убийства Сун Цзяожэня, историки решили одну из задач, которые обычно ставит перед собой криминалист, расследующий уголовное преступление.

Значение следственных версий состоит в том, что они «составляют базу для дальнейшего планирования расследования преступления, помогают установить истину по делу, способствуют расширению объёма информации по делу, представляют собой метод деятельности по расследованию и раскрытию преступлений, с помощью которого анализируется, систематизируется, упорядочивается информация».[1]

При этом в конечном итоге следователь отдает предпочтение той версии, которая может максимально полно ответить на неясные вопросы, возникающие в ходе расследования.

В деле об убийстве Сун Цзяожэня можно насчитать более десятка странных обстоятельств, вызывающих желание задать вопрос: «Как же это могло случиться?» Рассмотрим их и выясним, которая из известных нам версий способна дать ответ на эти вопросы.

Многочисленные «почему»

Обстоятельство № 1.

Совершив преступление, злоумышленник, как правило, прежде всего уничтожает следы содеянного.

Почему непосредственный организатор убийства Ин Гуйсинь не уничтожил письменные улики, а продолжал хранить их вместе с револьвером, из которого был застрелен Сун Цзяожэнь, даже не вынув из барабана две оставшиеся пули — словно для того, чтобы можно было установить их тождественность пуле, извлеченной из тела убитого?

Обстоятельство № 2.

Почему Ин Гуйсинь сохранил несколько десятков компрометирующих его документов, но уничтожил письмо, имевшее первостепенное

[1] *Арцишевский Г. В.* Выдвижение и проверка следственных версий. М. 1978. С. 67.

значение в этом деле — сообщение о том, что Юань Шикай категорически отверг предложение «убрать одного-двух лидеров Гоминьдана»? Не потому ли, что этот документ, будь он приобщен к делу, свел бы на нет весь тщательно продуманный план?

Обстоятельство № 3.

Почему студенты, увидевшие щеголявшего в европейском костюме и кожаных штиблетах У Шиина, сразу же связали трансформацию его внешнего облика не с чем-то иным, а именно с убийством Сун Цзяожэня, хотя в Шанхае с его миллионным населением ежедневно совершалось множество других преступлений? Их поведение воскрешает в памяти историю с носовым платком Дездемоны.

Обстоятельство № 4.

Почему Ван Афа, информировавший гоминьдановского функционера о предложении убить Сун Цзяожэня, которое ему сделал Ин Гуйсинь, не мог вспомнить, какую картину он собирался продать и сколько раз он побывал на квартире злоумышленника?

Обстоятельство № 5.

Почему глава гангстерской организации Ин Гуйсинь хотел поручить роль киллера не кому-нибудь из своих «братьев», а совершенно незнакомому продавцу антиквариата?

И почему в конечном итоге Ван Афа бесследно исчез из поля зрения правосудия?

Обстоятельство № 6.

Когда должностные лица из французской администрации вместе с заведующим отделом внешних связей шанхайской штаб-квартиры Гоминьдана Чжоу Наньгаем явились с обыском на квартиру отсутствовавшего в это время Ин Гуйсиня, они вначале не нашли там ничего существенного.

Тогда Чжоу Наньгай сказал на ухо хозяйской наложнице, что он пришел по поручению «самого́» взять хранящиеся в их доме документы и перепрятать их, после чего та немедля открыла ему тайник. Но откуда Чжоу Наньгай мог знать, что Ин Гуйсинь хранит у себя изобличающие его документы?

Обстоятельство № 7.

4 апреля, отвечая на вопрос о том, что он знает о Гоминьдане, обвиняемый У Шиин заявил, что эта партия готовит «Вторую революцию» с целью свержения пекинского правительства.

Загадочность ситуации состоит в том, что это вообще первое публичное упоминание неологизма «Вторая революция», о которой в прессе заговорили лишь спустя некоторое время после этого.

Ясно, что услышать словосочетание «Вторая революция» Ин Гуйсинь и У Шиин могли только от гоминьдановских деятелей. Это в свою очередь свидетельствует о том, что «Вторая революция» отнюдь не была реакцией на убийство Сун Цзяожэня; речь о ней шла в гоминьдановских кругах еще задолго до совершения теракта.

Обстоятельство № 8.

Почему У Шиин, сначала рассказавший о некоторых фактах, указывавших в сторону Гоминьдана, затем изменил свои показания?

Обстоятельство № 9.

16 апреля, после того как администрация французского сеттльмента удовлетворила настоятельную просьбу китайской стороны о передаче ей дела Сун Цзяожэня, У Шиин был отконвоирован в находившуюся в непосредственном подчинении Чэнь Цимэю образцовую тюрьму. Через неделю после этого, 24 апреля У Шиина нашли в камере бездыханным.

Рассуждая чисто теоретически, в устранении одного из двух главных обвиняемых могли быть заинтересованы и Юань Шикай, и Хун Шуцзу, и руководители Гоминьдана. Но осуществить этот план, находясь в Пекине, было затруднительно. Чэнь Цимэю сделать это было куда легче.

Обстоятельство № 10.

Руководство Гоминьдана добилось-таки желаемого, и дело было передано китайской стороне. Казалось бы, теперь не было никаких препятствий, мешающих скорейшему выяснению всех деталей преступления, якобы совершенного по приказу президента республики. Но, в отличие от французов, китайские вершители правосудия почему-то не спешили с установлением истины. Если до передачи дела за три недели с 24 марта по 12 апреля было проведено 7 судебных заседаний, то после передачи очередное заседание суда прошло только 30 мая, а следующее назначено на 16 июля, но не состоялось из-за того, что накануне председатель суда подал в отставку.

Объяснить это обстоятельство можно только в том случае, если мы встанем на точку зрения 3-й или 4-й версии и предположим, что гоминьдановское руководство не было заинтересовано в раскрытии преступления.

Обстоятельство № 11.

25 июля Ин Гуйсинь совершил побег из тюрьмы, и дело было прекращено.

Еще одно случайное стечение обстоятельств?

Обстоятельство № 12.

Незадолго до побега Ин Гуйсиня Чжоу Наньгай спросил у Чэнь Цимэя, что делать с заключенным — перевести его в более безопасное место или застрелить. Чэнь Цимэй сказал, что расстреливать Ин Гуйсиня не следует. Однако через некоторое время после побега тот был убит, и это дело так и осталось нераскрытым.

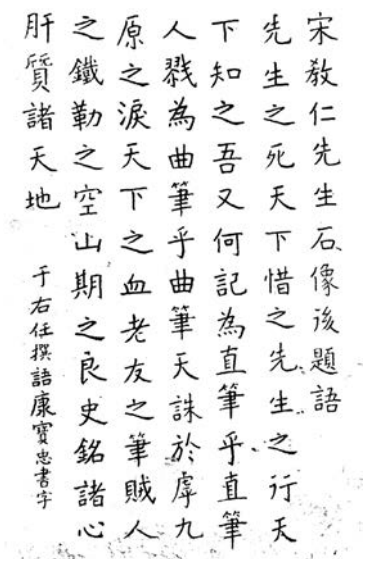
Еще одна случайность?

Надпись на могильной доске Сун Цзяожэня

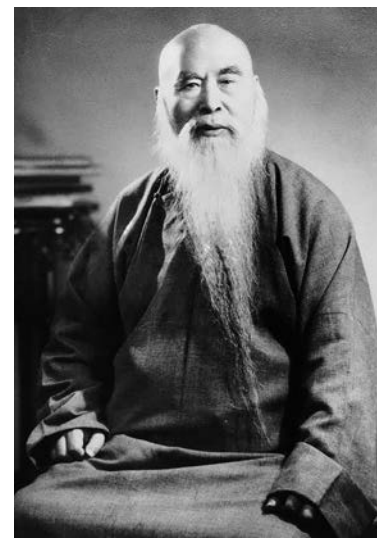
Вскоре после кончины Сун Цзяожэня к его верному другу Юй Южэню обратились с просьбой сделать надпись на могильной плите усопшего. Он согласился и написал:

> Поднебесная скорбит по поводу Вашей смерти. Все в Поднебесной знают о Ваших заслугах. Что я могу еще сказать?
>
> Сказать правду? Если я скажу правду, меня убьют.
>
> Сказать неправду? Если я скажу неправду, меня покарает Всевышний. <...>

Какую правду имел в виду Юй Южэнь? Чьей карающей руки он опасался?


宋教仁先生石像後題語
先生之死天下惜之先生之行天
下知之吾又何記為直筆乎直筆
人戮為曲筆乎曲筆天誅於虐九
原之淚天下之血老友之筆賊人
之鐵勒之空山期之良史銘諸心
肝質諸天地
于右任撰語康寶忠書字

Надпись на могиле Сун Цзяожэня



Юй Южэнь (1879–1964)

Загадочное поведение Сунь Ятсена

Весьма странное впечатление производит также и то, как до и после убийства Сун Цзяожэня вел себя Сунь Ятсен.

Факт № 1.

Во второй половине февраля 1913 г. стало известно, что совершавший поездку по стране Сун Цзяожэнь возвращается в Шанхай. Не дожидаясь его, Сунь Ятсен отбыл в Японию. Трудно отделаться от впечатления, что лидер Гоминьдана почему-то сознательно избежал встречи со своим заместителем.

Почему?

Факт № 2.

4 марта совершавший поездку по Японии д-р Сунь вдруг получил телеграмму от Юань Шикая с предписанием немедленно вернуться в Китай «для обсуждения важного дела».[1]

Однако Сунь Ятсен пренебрег этим распоряжением президента, на что у него, очевидно, были достаточно серьезные основания. Он вернулся на родину лишь через три недели, получив сообщение об убийстве Сун Цзяожэня.

Что было причиной того, что Сунь Ятсен проигнорировал телеграмму Юань Шикая?

Может быть, отсутствие Сунь Ятсена в Китае в момент убийства было необходимо ему в качестве алиби?

Факт № 3.

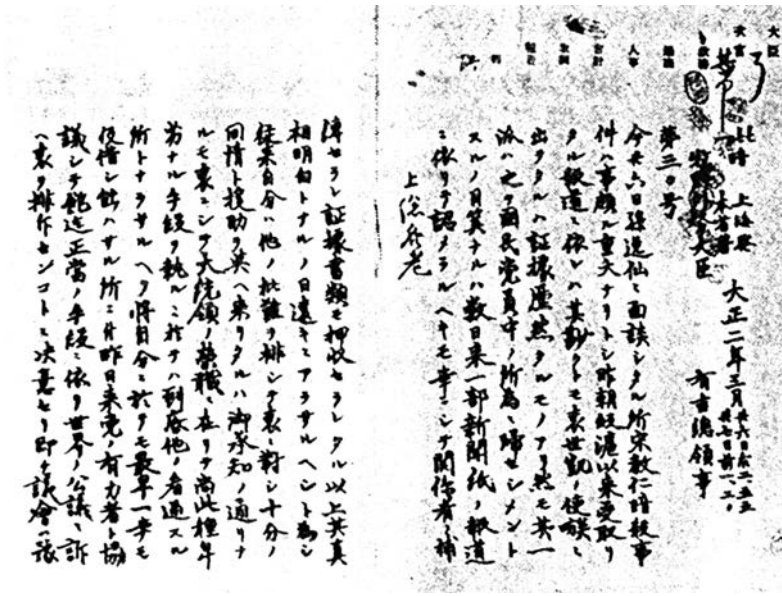
Сунь Ятсен вернулся в Шанхай 25 марта, и вечером того же дня на квартире Хуан Сина состоялось совещание руководителей Гоминьдана.

На следующий день, 26 марта, Сунь Ятсен встретился с японским консулом Ариёси Акира и заявил ему:

> Убийство Сун Цзяожэня — чрезвычайно серьезное дело. После того как я вчера утром вернулся в Шанхай, согласно полученным данным (хотя число их и невелико), доказательства того, что организатором преступления является Юань Шикай, не вызывают сомнения.<...> Поскольку убийца арестован, а письменные доказательства найдены, недалек тот день, когда тайное станет явным. <...> Вчера после совещания с ведущими деятелями партии было решено во что бы то ни стало использовать

[1] *Дуань Юньчжан.* Сунь Ятсен и Япония. С. 328.

соответствующие каналы для того, чтобы привлечь [Юань Шикая] к суду международной общественности.[1]



Донесение консула Ариёси министру иностранных дел Макино от 26 марта 1913 г.

Какими же доказательствами вины Юань Шикая мог располагать Сунь Ятсен утром 26 марта 1913 г.?

После того как в доме Ин Гуйсиня была обнаружена переписка, имевшая отношение к делу Сун Цзяожэня, она была бегло просмотрена, «но конкретное содержание писем оставалось неизвестным», после чего изъятые документы были тут же опечатаны представителем французской администрации, который взял на себя ответственность за их сохранность.

Содержание писем оставалось нераскрытым вплоть до 7 апреля, когда оно было частично обнародовано в ходе четвертого предварительного судебного заседания.

Утверждать в беседе с Ариёси, что переписка Ин Гуйсиня и Хун Шуцзу содержит бесспорные доказательства причастности Юань Шикая к убийству, Сунь Ятсен мог только в том случае, если содержание этой

[1] Запись беседы Сунь Ятсена с Ариёси Акира, 26 марта 1913 г. // 孙中山全集续编 (Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена). Т. 1. Пекин. 2017. С. 387.

переписки было известно ему или другим руководителям Гоминьдана еще до обыска в доме Ин Гуйсиня.

Факт № 4.

28 марта состоялась еще одна встреча Сунь Ятсена с Ариёси, на которой японский консул по поручению своего правительства настоятельно советовал Сунь Ятсену воздержаться от крайних мер в отношении Юань Шикая. На это Сунь Ятсен отвечал, что «Юг преисполнен решимости».[1]

Однако еще через день произошло непредвиденное.

30 марта Сунь Ятсен посетил Ариёси и сообщил ему, что в сложившейся непростой ситуации он намерен на время покинуть страну и до 4 апреля под чужим именем выехать в Японию. Для этого он накануне уже снял со своего счета в банке 3 тысячи юаней и перевел их частично в Японию, частично в Гонконг.[2]

Что же произошло перед этим? Почему лидер Гоминьдана, только что выразивший твердое намерение наказать Юань Шикая за совершенное тем преступление, вдруг решил бежать за границу? И почему он собирался сделать это непременно до 4 апреля?

Ответ на эти недоуменные вопросы мы получим, если вслед за авторами 3-й и 4-й версий дела об убийстве Сун Цзяожэня попытаемся восстановить логику предшествовавших событий.

Согласно этой версии, организаторам убийства было важно не просто устранить свою жертву, но и получить доказательства вины Юань Шикая. Для этого им нужно было прежде всего осуществить арест Ин Гуйсиня и «обнаружить» у него в доме переписку с Хун Шуцзу, срежиссированную Ин Гуйсинем в соответствии с полученными им указаниями. Согласиться с таким планом Ин Гуйсинь и У Шиин могли только в том случае, если им была предоставлена гарантия того, что в результате судебного разбирательства они не пострадают.

Но события развивались не так, как это было запланировано. Французская администрация взяла на себя расследование дела об убийстве, отказавшись передать его в руки контролируемых Гоминьданом городских властей.

30 марта стало известно, что на следующий день назначено первое заседание суда, председательствовать на котором должен был англи-

[1] Запись беседы Сунь Ятсена с Ариёси Акира, 26 марта 1913 г. // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. 1. С. 388.

[2] Там же. С. 390.

чанин. Разбирательство дела, таким образом, вышло из-под контроля со стороны Гоминьдана, и предвидеть, как оно будет развиваться в дальнейшем, было невозможно.

Опасаясь, что в ходе рассмотрения дела в такой ситуации могут выясниться обстоятельства, компрометирующие Гоминьдан и его руководителя, Сунь Ятсен решил скрыться и обратился к японскому консулу с просьбой разрешить ему под чужим именем выехать в Японию. До первого заседания суда сделать это было уже невозможно, и поэтому Сунь Ятсен просил Ариёси завершить все необходимые формальности до 4 апреля — на этот день было назначено очередное судебное заседание, и Сунь Ятсен рассчитывал покинуть Китай до его начала.

Факт № 5.

Ариёси сообщил о намерении Сунь Ятсена послу Японии в Китае Идзюин Хикокити.

Идзюин полагал, что надо выдать Сунь Ятсену въездную визу: «Если Сунь не сможет поехать в Японию, он отправится куда-нибудь еще. Между тем его поездка в Японию предпочтительнее, потому что там его можно было бы использовать в соответствии с планами императорского правительства».[1]

Ариёси передал мнение Идзюин министру иностранных дел Японии Макино, но тот телеграфировал консулу, что Совет министров высказался против поездки Сунь Ятсена, поскольку если он, только что вернувшись из Японии, вдруг отправится туда снова, это может вызвать ненужные подозрения.[2]

В тот же день Ариёси навестил Сунь Ятсена и сообщил ему, что не может выдать ему визу. В ответ на это Сунь Ятсен неожиданно заявил, что он сам решил на время отложить свою поездку.[3]

Что же могло произойти в этот день, из-за чего уже готовый к отъезду Сунь Ятсен вдруг изменил свои планы?

Объяснение этому может быть найдено лишь в том случае, если Сунь Ятсен узнал, что на первом заседании суда обсуждались процедурные вопросы и какие-либо компрометирующие его разоблачения не имели места. К тому же, стало известно, что еще 27 марта дуайен консульского корпуса в Шанхае в ответ на запрос Министерства иностранных дел

[1] Идзюин — Ариёси, 31 марта 1813 г. // *Дуань Юньчжан.* Сунь Ятсен и Япония. С. 341.

[2] Макино — Ариёси, 31 марта 1913 г. // Там же. С. 341–342.

[3] Ариёси — Макино, 31 марта 1913 г. // Там же. С. 342.

согласился на передачу местным шанхайским властям арестованных по делу Сун Цзяожэня и всей сопутствующей документации.

Факт № 6.

Подготовка «Второй революции», призванной свергнуть преступника Юань Шикая, была в самом разгаре, и до ее начала оставалось менее трех недель, когда оказавшийся в Макао Сунь Ятсен дал 24 июня 1913 г. интервью корреспонденту гонконгской газеты.

> **Журналист:** Можете ли Вы вкратце рассказать о том, что сейчас происходит в Пекине?
>
> **Сунь Ятсен:** Моя политическая миссия завершена, и о том, какова сейчас ситуация, я ничего не могу сообщить. С тех пор, как был убит Сун Цзяожэнь, я больше не интересуюсь этим. Но я могу сказать, что раньше я всемерно поддерживал президента Юаня и постоянно (не только в Китае, но и за рубежом) заявлял, что он — лучшая кандидатура на пост президента.
>
> Дело об убийстве Сун Цзяожэня меня крайне угнетает. Говорят, что пекинское правительство было причастно к этому делу, но это несправедливо. Я должен заявить, что президент Юань не имел отношения к этому делу, но причастен к нему был премьер-министр, и президент наверняка знал об этом. Это крайне неприятно мне и мучит меня. <...>
>
> Я не знаю, что я буду делать дальше. Может быть, вскоре отправлюсь в Англию. Но в настоящее время снова собираюсь на Север, чтобы заняться своим планом железнодорожного строительства. <...>
>
> **Журналист:** Боюсь, что Вы не сможете заручиться поддержкой правительства и Вам будет трудно осуществить свой план <...>.
>
> **Сунь Ятсен:** Нет, правительство наверняка не будет препятствовать моим начинаниям.[1]

Читая эти строки, буквально не знаешь, как на них реагировать. Но попробуем всё-таки разобраться в этом.

23 июня 1913 г. газета «Миньшэн жибао» поместила следующее сообщение:

> Нынешняя поездка г-на Суня в Макао связана с тем, что его дочь серьезно больна. Возвратившись домой из Америки, она слегла и отправляла по несколько телеграмм в день с просьбой к отцу приехать навестить ее. Поэтому г-н Сунь в сопровождении трех человек отправился из Шанхая на английском корабле в Гонконг, а оттуда — в Макао и встре-

[1] 答香港 «士蔑西报» 记者问 (Сунь Ятсен отвечает на вопросы корреспондента газеты «The Hongkong Telegraph») // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. 1. С. 429–431.

тился со своей дочерью. Г-н Сунь — опытный врач, и одного взгляда ему было достаточно, чтобы установить, что ее болезнь неизлечима. Это потрясло его.[1]

Через день дочь Сунь Ятсена скончалась. Ей было всего 19 лет.

Был ли шок, испытанный Сунь Ятсеном, причиной того, что он воспринял внезапную смерть дочери как кару небесную, раскаялся в содеянном, отказался от своих прежних обвинений в адрес Юань Шикая и решил вообще уйти с политической арены?

Старшая дочь Сунь Ятсена
Сунь Янь (1894–1913)

Мы предоставляем читателю возможность самому дать ответ на этот и все другие перечисленные выше вопросы.

[1] 孙中山返奥 (Сунь Ятсен в Макао) // Миньшэн жибао, 23 июня 1913 г.

Глава X

«Вторая революция», обреченная на поражение

На чьей стороне будет вице-президент?

Помимо антиюаньшикаевской пропаганды и мобилизации имевшихся в распоряжении Гоминьдана вооруженных сил, его усилия были направлены в конце мая — начале июня 1913 г. на поиски союзников в борьбе с Пекином.

Немаловажное значение имел вопрос о том, кого поддержит бывший нанкинский, а ныне пекинский вице-президент Ли Юаньхун, штаб-квартира которого по-прежнему находилась в Учане.

Цэнь Чуньсюань и «люди Хуан Сина» зондируют почву

У аккредитованных в Ханькоу иностранных консулов в эти дни сложилось впечатление, что в Учане происходит что-то важное, неслучайно туда съехались многие видные политические деятели.

Среди них был открыто выражавший свое недовольство действиями президента Юань Шикая генеральный директор Кантон-Ханькоу-Сычуаньской железной дороги Цэнь Чуньсюань. 20 мая он заявил консулам, что намерен внести свой вклад в преодоление противоречий между Севером и Югом.

Генеральный консул США в Ханькоу Р. Грин сообщал поверенному в делах Э. Уильямсу, что, по сообщению заслуживающего доверия источника, «Хуан Син и Сунь Ятсен предложили Цэнь Чуньсюаню пост пре-

Цэнь Чуньсюань (1861–1933)

зидента южнокитайской республики, которую они предполагают учредить». Грин добавлял, что не знает, какова была реакция на это со стороны Цэнь Чуньсюаня, но во всяком случае известно, что он в сопровождении представителей Хуан Сина направился в Шанхай, где тогда находился Сунь Ятсен. Цэнь Чуньсюань выказал свою солидарность с утверждением лидеров Гоминьдана о причастности президента к убийству Сун Цзяожэня.[1]

Перед своим отъездом в Шанхай Цэнь Чуньсюань и «люди Хуан Сина» имели беседу с Ли Юаньхуном, которому они предложили выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах постоянного президента Китайской Республики.

Ли Юаньхун отказался, поскольку, с его точки зрения, единственным деятелем, способным справиться со сложившейся ситуацией, является Юань Шикай. По его словам, Соединенные Штаты Америки признали Китайскую Республику только потому, что ее временным президентом является Юань Шикай.[2]

А вслед за этим произошел странный эпизод, ставший новостью «№ 1» для китайской прессы и надолго взбудораживший общественное мнение.

За Ли Юаньхуна принимаются российский и японский консулы

27 мая 1913 г. Грин получил сообщение, что с тем же самым предложением к Ли Юаньхуну обратились генеральные консулы Японии и России Ёсидзава и А. Н. Тимченко-Островерхов.

Чтобы проверить эту необычную новость, Грин послал в Учан вице-консула Дж. Джемисона, которому удалось навести подробные справки о произошедшем.

По его данным, 25 мая Ёсидзава нанес визит Ли Юаньхуну и предложил ему баллотироваться на выборах президента Республики.

На следующий день к Ли Юаньхуну явился Островерхов и повторил сказанное Ёсидзава. Но на этот раз между ними завязалась беседа, продолжавшаяся два с половиной часа.

[1] Green to Williams, May 28, 1913 // USDS. 893.00/1738.

[2] Ibid.

Российский генконсул начал с выражения своего восхищения способностями вице-президента, а затем высказал свое убеждение в том, что в случае, если Ли Юаньхун выставит свою кандидатуру на выборах, успех ему обеспечен. При этом, в отличие от японца, Островерхов стал в резкой форме доказывать целесообразность подобного шага.

Прежде всего генконсул крайне негативно отзывался о Юань Шикае, не забыв при этом сослаться на дело об убийстве Сун Цзяожэня. По его словам, Юань Шикай — солдафон, а не государственный деятель. Если он будет избран, все тяготы последствий его некомпетентности лягут на плечи народа.

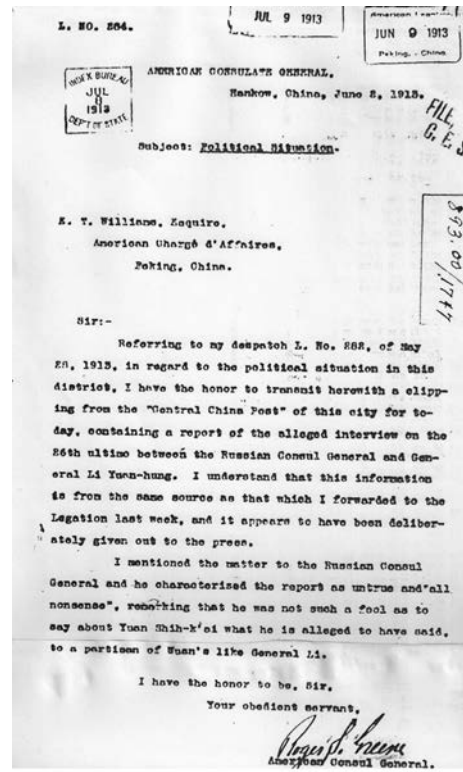
Акцент был сделан на то, что фигура Юань Шикая крайне непопулярна в массах и что его избрание неизбежно приведет к восстаниям в провинциях, а это может повлиять на признание Республики державами.

На выборах кандидатура Ли Юаньхуна будет поддержана Гоминьданом, что явится наиболее весомой гарантией его успеха.

Несмотря на то, что все эти аргументы были повторены вновь и вновь, Ли Юаньхун наотрез отказался принять адресованное ему предложение.[1]

Вслед за этим Грин направил Уильямсу еще один доклад, приложив к нему вырезки из местной прессы.

Он сообщал, что встретился с Островерховым и расспросил его о том, что именно обсуждалось 26 мая во время встречи с Ли Юаньхуном. Российский



L. NO. 884.

JUL 9 1913

JUN 9 1913 Peking, China

INDEX BUREAU JUL 9 1913 DEPT OF STATE

AMERICAN CONSULATE GENERAL,
Hankow, China, June 8, 1913.

FILE G.E.S.

Subject: Political Situation.

E. T. Williams, Esquire,
American Chargé d'Affaires,
Peking, China.

Sir:-

Referring to my despatch L. No. 882, of May 28, 1913, in regard to the political situation in this district, I have the honor to transmit herewith a clipping from the "Central China Post" of this city for today, containing a report of the alleged interview on the 26th ultimo between the Russian Consul General and General Li Yuan-hung. I understand that this information is from the same source as that which I forwarded to the Legation last week, and it appears to have been deliberately given out to the press.

I mentioned the matter to the Russian Consul General and he characterized the report as untrue and "all nonsense", remarking that he was not such a fool as to say about Yuan Shih-k'ai what he is alleged to have said, to a partisan of Yuan's like General Li.

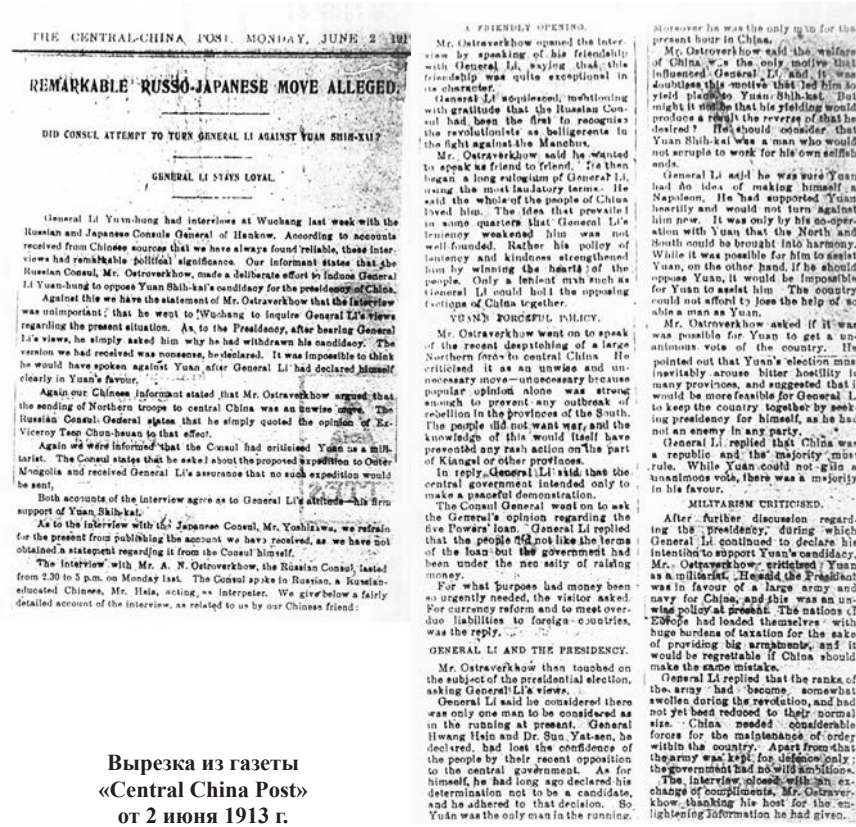
I have the honor to be, Sir,
Your obedient servant,

American Consul General.

Доклад генерального консула США в Ханькоу Грина поверенному в делах Уильямсу от 8 июня 1913 г.

[1] Jameson to Green, May 28, 1913 // Ibid.

консул заявил, что сообщение прессы ошибочно и что он «не настолько глуп, чтобы говорить якобы сказанное им явному стороннику Юань Шикая Ли Юаньхуну».[1]



THE CENTRAL-CHINA POST, MONDAY, JUNE 2 191

REMARKABLE RUSSO-JAPANESE MOVE ALLEGED.

DID CONSUL ATTEMPT TO TURN GENERAL LI AGAINST YUAN SHIH-KAI?

GENERAL LI STAYS LOYAL.

General Li Yuan-hung had interviews at Wuchang last week with the Russian and Japanese Consuls General of Hankow. According to accounts received from Chinese sources that we have always found reliable, these interviews had remarkable political significance. Our informant states that the Russian Consul, Mr. Ostroverkhow, made a deliberate effort to induce General Li Yuan-hung to oppose Yuan Shih-kai's candidacy for the presidency of China.

Against this we have the statement of Mr. Ostraverkhow that the interview was unimportant; that he went to Wuchang to inquire General Li's views regarding the present situation. As to the Presidency, after hearing General Li's views, he simply asked him why he had withdrawn his candidacy. The version we had received was nonsense, he declared. It was impossible to think he would have spoken against Yuan after General Li had declared himself clearly in Yuan's favour.

Again our Chinese informant stated that Mr. Ostraverkhow argued that the sending of Northern troops to central China was an unwise move. The Russian Consul-General states that he simply quoted the opinion of Ex-Viceroy Tsen Chun-hsuan to that effect.

Again we were informed that the Consul had criticised Yuan as a militarist. The Consul states that he asked about the proposed expedition to Outer Mongolia and received General Li's assurance that no such expedition would be sent.

Both accounts of the interview agree as to General Li's attitude—his firm support of Yuan Shih-kai.

As to the interview with the Japanese Consul, Mr. Yoshikawa, we refrain for the present from publishing the account we have received, as we have not obtained a statement regarding it from the Consul himself.

The interview with Mr. A. N. Ostroverkhow, the Russian Consul, lasted from 2.30 to 5 p.m. on Monday last. The Consul spoke in Russian, a Russian-educated Chinese, Mr. Hsia, acting as interpeter. We give below a fairly detailed account of the interview, as related to us by our Chinese friend:

A FRIENDLY OPENING.

Mr. Ostraverkhow opened the interview by speaking of his friendship with General Li, saying that this friendship was quite exceptional in its character.

General Li acquiesced, mentioning with gratitude that the Russian Consul had been the first to recognise the revolutionists as belligerents in the fight against the Manchus.

Mr. Ostraverkhow said he wanted to speak as friend to friend. He then began a long eulogium of General Li, using the most laudatory terms. He said the whole of the people of China loved him. The idea that prevailed in some quarters that General Li's leniency weakened him was not well founded. Rather his policy of leniency and kindness strengthened him by winning the hearts of the people. Only a feblent man such as General Li could hold the opposing factions of China together.

YUAN'S FORCEFUL POLICY.

Mr. Ostraverkhow went on to speak of the recent despatching of a large Northern force to central China. He criticised it as an unwise and unnecessary move—unnecessary because popular opinion alone was strong enough to prevent any outbreak of rebellion in the provinces of the South. The people did not want war, and the knowledge of this would itself have prevented any rash action on the part of Kiangsi or other provinces.

In reply, General Li said that the central government intended only to make a peaceful demonstration.

The Consul General went on to ask the General's opinion regarding the five Powers' loan. General Li replied that the people did not like the terms of the loan but the government had been under the necessity of raising money.

For what purpose had money been so urgently needed, the visitor asked. For currency reform and to meet overdue liabilities to foreign countries, was the reply.

GENERAL LI AND THE PRESIDENCY.

Mr. Ostraverkhow then touched on the subject of the presidential election, asking General Li's views.

General Li said he considered there was only one man to be considered as in the running at present. General Hwang Hsin and Dr. Sun Yat-sen, he declared, had lost the confidence of the people by their recent opposition to the central government. As for himself, he had long ago declared his determination not to be a candidate, and he adhered to that decision. So Yuan was the only man in the running. Moreover he was the only man for the present hour in China.

Mr. Ostroverkhow said the welfare of China was the only motive that influenced General Li, and it was doubtless this motive that led him to yield place to Yuan Shih-kai. But might it not be that his yielding would produce a result the reverse of that he desired? He should consider that Yuan Shih-kai was a man who would not scruple to work for his own selfish ends.

General Li said he was sure Yuan had no idea of making himself a Napoleon. He had supported Yuan heartily and would not turn against him now. It was only by his co-operation with Yuan that the North and South could be brought into harmony. While it was possible for him to assist Yuan, on the other hand, if he should oppose Yuan, it would be impossible for Yuan to assist him. The country could not afford to lose the help of so able a man as Yuan.

Mr. Ostroverkhow asked if it was was possible for Yuan to get a unanimous vote of the country. He pointed out that Yuan's election must inevitably arouse bitter hostility in many provinces, and suggested that it would be more feasible for General Li to keep the country together by seeking presidency for himself, as he had not an enemy in any party.

General Li replied that China was a republic and the majority must rule. While Yuan could not gain a unanimous vote, there was a majority in his favour.

MILITARISM CRITICISED.

After further discussion regarding the presidency, during which General Li constantly declared his intention to support Yuan's candidacy, Mr. Ostroverkhow criticised Yuan as a militarist. He said the President was in favour of a large army and navy for China, and this was an unwise policy at present. The nations of Europe had loaded themselves with huge burdens of taxation for the sake of providing big armaments, and it would be regrettable if China should make the same mistake.

General Li replied that the ranks of the army had become somewhat swollen during the revolution, and had not yet been reduced to their normal size. China needed considerable forces for the maintenance of order within the country. Apart from that the army was kept for defence only; the government had no wild ambitions.

The interview closed with an exchange of compliments, Mr. Ostroverkhow thanking his host for the enlightening information he had given.

Вырезка из газеты «Central China Post» от 2 июня 1913 г.

После публикации этого сообщения Ёсидзава и Островерхов выступили с претензиями по поводу неточностей в изложении состоявшегося разговора.

Ёсидзава пояснил, что в беседе с Ли Юаньхуном он не допускал вмешательства в дела суверенного государства, а лишь посетовал на то, что, направляя свои войска на юг, центральное правительство поступает недостаточно мудро.

[1] Green to Williams, June 2, 1913 // USDS. 893.00/1747.

Комментируя данное замечание, редакция газеты писала:

> По словам нашего информатора, генерал Ли ответил, что это — наше внутреннее дело и что он был бы весьма признателен консулу, если бы тот не обременял себя подобными проблемами. Г-н Ёсидзава сообщил нам, что он поблагодарил генерала за это пожелание.[1]

Островерхов действовал более решительно. Он написал письмо в редакцию:

> Дорогой г-н редактор!
>
> Разрешите мне спросить Вас, зачем Вы поднимали вопрос о статье, появившейся сегодня в Вашей газете под сенсационным заголовком?
>
> Вчера мне казалось, что прежде чем печатать ее, Вы хотели удостовериться, соответствует ли она истине, на что я сказал Вам, что она не заслуживает того места, которое займет в газете, будучи опубликована. Несмотря на это мое заявление, Вы предпочли ознакомить Ваших читателей с анекдотом, рассказанным Вашим информатором и отражающим, вероятно, его собственные тайные намерения. Вы по-прежнему сомневаетесь в достоверности моего заявления, задавая вопрос: «Пытался ли консул восстановить генерала Ли против Юань Шикая?»
>
> Поскольку Вы, как представляется, не придаете значения тому, что я говорю Вам, и не можете противостоять желанию наполнить Вашу газету сенсационными, хотя и явно недостоверными статьями, я полагаю, что дальнейшее обсуждение этой темы было бы пустой тратой времени. Со своей стороны, я не намерен заниматься этим. Вы согласны со мной, г-н редактор? С уважением, дорогой г-н редактор,
>
> Ваш А. Островерхов[2]

Опубликовав это письмо Островерхова, редактор добавил от себя:

> Не исключено, что завтра я получу письмо от нашего учанского информатора: «Что Вы имели в виду, опубликовав со знаком вопроса сообщенное мною в качестве достоверного факта? Вы знаете, что я никогда не предоставлял Вам ложной информации. На каком основании Вы не доверяете мне?» и т. д. Это правда, что в своих многочисленных интервью г-н Островерхов никогда не обманывал нас. Правда и то, что наш учанский информатор в прошлом зарекомендовал себя как абсолютно достоверный источник. Мы привели сообщения двух свидетелей и благодарны за то, что не обязаны быть судьей и выносить вердикт. Наши читатели согласятся с тем, что интервью, о котором идет речь, было важным и заслуживающим публикации. Никто не просил снять его и никто не обещал сделать это.[3]

---

[1] The Alleged Russo-Japanese Move // Central China Post, June 3, 1913.

[2] Ibid.

[3] Ibid.

The Alleged Russo-Japanese Move.

JAPANESE CONSUL'S INTERVIEW WITH GENERAL LI.

As we intimated yesterday, the Japanese Consul General at Hankow, Mr. Yoshizawa, as well as the Russian Consul General, had an interview with General Li Yuan-hung last week, the purport of which was said to be of great international importance. Yesterday we obtained from Mr. Yoshizawa a statement regarding the interview, and we publish it here together with the account received from the same official who informed us as to the Russian Consul's interview.

The Chinese statement was to the effect that the Japanese Consul had urged upon General Li in diplomatic language that the central government was acting unwisely in sending a large force of Northern troops to central China as this step was likely to lead to an outbreak of hostilities.

Mr. Yoshizawa states, on the other hand, that he simply pointed out to General Li the danger of an accidental collision between the outposts of the Northern and Kiangsi forces now facing one another on the borders. He expressed the hope that the General would take all precautions to prevent any misunderstanding between the troops that lead to such a collision, as any internal conflict in China at present would do injury to foreigners as well as Chinese. He pointed out that the increase of the forces on both sides of the border enhanced the danger of an accidental collision, and urged General Li to take precautions.

General Li's reply, according to our Chinese informant, was that the matter concerned China's internal policy alone, and that he would be pleased if the Consul would not trouble himself about it.

Mr. Yoshizawa informs us that the General simply thanked him for his advice.

THE RUSSIAN CONSUL'S INTERVIEW.

To the Editor,
"CENTRAL-CHINA POST."

Dear Mr. Editor,—Will you allow me to ask you what was the object of your inquiry from me as regards the article which appears today in your paper under such a sensational heading?

I understood yesterday you intended to ascertain the truth of this article before publishing the same, and I told you in good faith it was not worth space it will occupy. Notwithstanding my statement to you, you choose to acquaint your readers with the yarn, told by your informant and which possibly represents his own secret aspirations, and you still doubt the correctness of my statement, as you question: "Did Consul attempt to turn General Li against Yuan Shih kai?"

As it seems that you gave no heed to my words, and as you do not abstain from filling your paper with sensational, though known to be false, articles, I am of opinion that in such case it is simple waste of time to make any inquiries, and on my part I would not give myself such trouble. Don't you think so, Mr. Editor?

I remain, Dear Mr. Editor, Yours faithfully,

A. OSTRAVERKHOW.

Hankow, June 2.

(Probably tomorrow the editor will receive a letter from his Wuchang informant to this effect: "What do you mean by publishing under a query mark what I told you as a fact? You know I have never told you a falsehood. What reason had you to doubt my word?" And so forth. It is a fact that in many interviews with Mr. Ostraverkhow we have never known him to mislead us. It is also a fact that our Wuchang informant has proved himself in the past entirely reliable. We have given the evidence from both witnesses. We are grateful that we are not in the position of a judge with the duty of giving a verdict. Our readers will agree that the interview was important enough to merit publication. No promise to withhold it was asked or given.—Ed.)

Вырезка из газеты «Central China Post» от 3 июня 1913 г.

На вопросы журналиста отвечает Ли Юаньхун

Примерно через два месяца после этого интервью у Ли Юаньхуна взял главный редактор газеты «China Press», известный американский журналист Т. Миллард.

Первым вопросом, который он задал Ли Юаньхуну, был: «Как Вы относитесь ко “Второй революции”?» и услышал в ответ: «За ней нет ничего, кроме личных амбиций известных деятелей».

Вице-президент продолжал:

Мы сражались ради свержения маньчжурской монархии и учреждения республики. Цель была достигнута путем компромисса с северными реформаторами, в частности, с Юань Шикаем. Для этого обе стороны были вынуждены в чем-то уступить друг другу. Юань Шикай высказывался в пользу сохранения монархической формы правления, которая, по его мнению, больше подходила Китаю, и создания конституционного правительства во главе с ответственным премьером. Он приводил целый ряд убедительных аргументов в пользу этой точки зрения, но в конце концов уступил искреннему стремлению Юга к республике и предотвращению раскола нации. В ответ на эту уступку и потому, что он был самым опытным и способным из всех ныне живущих государственных деятелей Китая, мы, южане, избрали его временным президентом и обещали его администрации свою поддержку и помощь. Разумеется, правительство натолкнулось на множество трудностей. Разумеется, оно совершило немало ошибок. Разумеется, многие были недовольны. Это — нормальная ситуация для многих правительств, особенно республиканских. Однако недовольные не должны стремиться изменить администрацию иначе как конституционными методами. В Китае до сих пор нет постоянной конституции, но обвинять в этом Юань Шикая несправедливо. Юг поступает несправедливо, лишая его своей поддержки до того, как создано постоянное правительство. Пытаться в нынешних условиях изменить администрацию путем вооруженного восстания — это не только глупая, но и злокозненная идея.

Вопрос:

Какие организации или отдельные личности несут ответственность за попытку свергнуть нынешнее правительство?

Ответ:

Такой организацией является Гоминьдан, а личности — это Хуан Син и Сунь Ятсен.

Вопрос:

А какова их цель?

Ответ:

Личное стремление занять более высокое положение в обществе. Их разговоры о том, что Юань Шикай узурпировал власть, — нелепица, и они сами это знают. Они не искренни. Они никогда по-настоящему не поддерживали Юань Шикая. Стоило республике появиться на свет, как они стали планировать его изгнание и свое избрание на его место. Я знаю, о чем я говорю, потому что долгое время меня, южанина, считали недоброжелателем Юань Шикая и ко мне обращались с предложениями действовать

заодно с оппозицией. Я отказался от этого, потому что я считал, что временное правительство имеет хорошие шансы овладеть ситуацией и подготовить создание постоянного правительства.

Помимо всего прочего, я не вижу в толпе этих людей никого, кто мог бы заменить Юань Шикая. Вспомните, что они предприняли в то время, когда в Нанкине контролировали временное правительство. Было потрачено около 90 миллионов долларов, причем большинство неизвестно на что. Говорят, что Хуан Син и его свора присвоили 30 миллионов. Я не верю им и их способности управлять Китаем. Их нынешний курс, если ему не противостоять, разрушит и уничтожит нацию.

Вопрос:

А в какой мере нынешний бунт поддерживают иностранцы?

Ответ:

В значительной мере. Фактически, я не думаю, что он мог бы начаться без иностранной помощи.

Вопрос:

В чем состоит эта помощь?

Ответ:

В финансовой и людской поддержке. Мы знаем, что большая группа японцев — и в их числе военные — активно помогает мятежникам. Если позволит время, я представлю Вам сотню конкретных примеров, указывающих на то, что граждане Японии принимают активное участие в заговоре против китайского правительства и что правительство Японии услужливо закрывает глаза на их действия, а может быть, и оказывает им прямую поддержку. Каждый раз, когда мы обнаруживаем заговорщиков, бомбометателей и тому подобное, они оказываются тесно связанными с Японией и японцами. Они имеют постоянные контакты с японцами: они приезжают и уезжают на японских судах. Будучи разоблачены, они скрываются именно таким путем. Это не случайность и не совпадение. Такое может случиться однажды или несколько раз, но не может повторяться непрерывно. Мы знаем, что на протяжении нескольких месяцев японские суда, курсирующие по Янцзы, доставляют оружие и амуницию для войск в Нанкине, Цзянси и Хунани, где сейчас находится центр восстания против правительства. Суда бросают якорь и забирают груз вблизи Усуна по ночам. Они останавливаются в оговоренных местах (одним из них является Хукоу) и ночью разгружаются. Таким способом было постепенно налажено снабжение оружием и снаряжением, благодаря чему мятеж смог начаться. <...>[1]

[1] General Li and the Rebellion // Central China Press, July 26, 1913.

GENERAL LI AND THE REBELLION.

SEVERE INDICTMENT OF JAPANESE.

HWANG HSIN AND SUN YAT-SEN DENOUNCED.

REBELLION INVOLVES GRAVE DANGER TO CHINA'S EXISTENCE.

We are indebted to Mr. Thomas F. Millard, editor of the "China Press," for an advance copy of his account of his recent interview with General Li Yuan-hung in which the present rebellion was frankly discussed. We reserve Mr. Millard's personal impressions of General Li to a later issue and proceed to the account of the interview itself. Mr. Millard asked General Li to what he attributed the rebellion.

"It is founded upon nothing except the personal ambitions of certain men," he replied without hesitation, and then he went on to elucidate without waiting for further inquiry.

REBELLION FOOLISH—AND WICKED.

"We fought to overthrow the Manchu monarchy, and establish a Republic. This was done by reaching a compromise with some of the northern reformers, notably Yuan Shih k'ai. To reach that compromise it was necessary for each party to yield on some points. Yuan had been in favour of retaining the monarchical form of government, which he thought would work better in China, and imposing upon it a constitutional government headed by a responsible Premier. He advanced many strong arguments in defense of his view, but in the end he yielded to the earnest desire of the South for a Republic, and the prevention of a division of the nation. In return for this concession, and because he is the most experienced and able of living Chinese statesmen, we Southerners chose him as provisional President, and pledged ourselves to give his administrations our support and assistance. Of course, the government has encountered difficulties. Of course, it has made mistakes. Of course, many people are dissatisfied. This is merely the usual condition in all governments, especially in republics. But those who are dissatisfied are not thereby justified in attempting to change the administration except by constitutional means. China has not yet got a regular constitution, but Yuan Shih-kai cannot justly be blamed for that. It is not fair for the South to withdraw its support from him before a permanent government has been established. To attempt to change the administration, under these circumstances, by an armed rebellion is more than foolish—it is wicked."

HWANG HSIN AND DR. SUN.

"What organizations or persons are responsible for efforts to overthrow the present Government?"

"The organization is the Kuo Min Tang, and perhaps one or two governments are helping. The principal persons are Hwang Hsin and Dr. Sun Yat Sen."

"What are their objects?"

"Personal aggrandisement. Their talk about Yuan usurping power is nonsense, and they know it. They are not sincere. They have never supported Yuan Shih-kai sincerely. Hardly was the Republic formed when they began to scheme to get him out of office, and elect themselves in his place. I know whereof I speak, as for a long time it was thought that I was not favorable to Yuan Shih-kai, being a Southerner, and I was frequently approached to ally myself with the opposition. This I refused to do, as I felt that the provisional government should get a fair chance to straighten things out and prepare for the permanent government.

"SQUEEZE" AT NANKING.

Furthermore, I could not see among that crowd anyone fitted to replace Yuan. Remember what they did when they controlled the provisional government at Nanking. About $60,000,000 was spent, the greater part of which

Интервью с Ли Юаньхуном (фрагмент)

Вопрос:

Какую цель ставит перед собой Япония, поощряя беспорядки в Китае?

Ответ:

Япония не хочет видеть Китай окрепшим. Такова ее общая политическая цель, и она прибегает к различным способам, чтобы Китай был слабым и уступающим ей в своем развитии. Один из таких способов — расчленение страны на две части или несколько частей, каждая

Сомнений в том, на чьей стороне Ли Юаньхун, больше быть не могло

из которых выступает против других. Способ задержать или свести на нет наше развитие — ставить рогатки на пути импорта современной индустрии. Заем, предоставленный Хунани, — хороший пример этого. В долг дали 10 миллионов долларов, в том числе 8 с половиной миллионов получает эта провинция или, точнее, Гоминьдан. Остальные — комиссионные. Насколько я понимаю, около половины этой суммы пошла на закупку у японских фирм оружия и военного снаряжения, прибыль от которой составляла 200%. Оружие, к тому же, низкого качества. Я помню, как несколько партий такого оружия были во время революции присланы мне из Шанхая Хуан Сином и его подчиненными. Может быть, оставшееся, т. е. не присвоенное, будет переправлено войскам для выступления против правительства.

Нетрудно видеть, что подобные сделки разрушают страну. Разорительный заем предоставлен, и средства истрачены на то, что в лучшем случае не связано с производством и при данных обстоятельствах носит абсолютно деструктивный характер, ибо служит гражданской войне, разрушению торговли и опустошению страны, ставит палки в колеса материальному производству, делая в ряде случаев его невозможным, препятствует формированию идеи национализма и со всё возрастающей жестокостью и злобой возрождает межпровинциальные подозрения, враждебность и недоверие. А для того, чтобы получить эти деньги, оказываются заложенными права на разработку полезных ископаемых в богатой провинции. <...> И тот, кто поступает подобным образом, еще критикует правительство за его политику получения зарубежных займов![1]

И далее — едва ли не центральный вопрос всего интервью: «Как Вы относитесь к Сунь Ятсену?»

Ответ:

В мире существует ошибочное представление о Сунь Ятсене. Он практически не имел отношения к свержению монархии. Когда он вернулся в Китай, революция была уже завершена. Если я и слышал о нем тогда, то только что-то неопределенное и в общих чертах. Я не знал его полити-

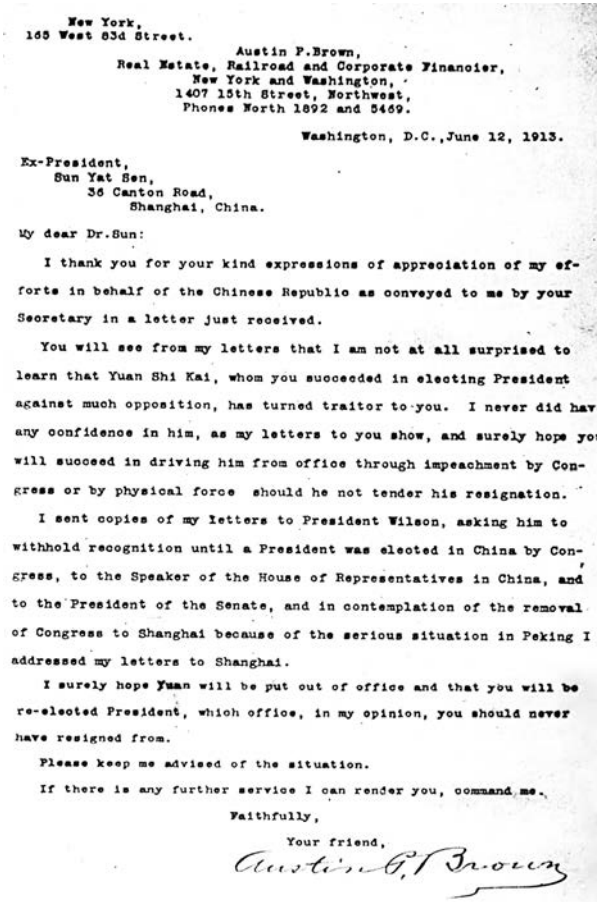
[1] Ibid.

ческих взглядов, только слышал что-то о его агитации. Насколько я мог судить о нем, он представлялся мне мечтателем. Он прибыл в Шанхай в тот момент, когда южане из республиканской партии решили, что следует создать номинальное правительство со столицей в Нанкине. Это было сделано для морального эффекта в Китае и за рубежом. По разным причинам никто из подлинных лидеров революции не хотел возглавлять его. Сунь Ятсен, так долго отсутствовавший в Китае, не был связан ни с одной из фракций, его имя было известно за границей и поэтому, как казалось, он подходит на эту роль. Если он и оказал революции какую-то ощутимую помощь, то я об этом ничего не знаю. Его репутация основана преимущественно на вымыслах. Хуан Син принимал более существенное участие в действительной революции, но его военных заслуг лучше не касаться. После того, как республика была создана, Сунь Ятсен и Хуан Син оказались оттесненными, хотя у меня не было намерения добиваться этого, и я думаю, что не было его и у Юань Шикая. Им предложили важные официальные должности, но они отказались. В Китае занимать официальную должность означает нести ответственность. Они поселились в иностранном сеттльменте вне юрисдикции китайских властей и создали партию, которая с самого начала намеревалась изгнать Юань Шикая и меня, заняв наше место. Вначале они, несомненно, надеялись добиться этого посредством нормального политического процесса и пытались контролировать ход парламентских выборов. Но затем они разочаровались в этом способе захвата власти и начали вооруженное восстание. Ни Юань Шикая, ни меня нельзя назвать непогрешимыми. Я недостаточно опытен и компетентен для того, чтобы владеть ситуацией. Но оба мы служим своей родине, не требуя жалования и делая всё, что в наших силах. Хуан Син же разбогател на революции, а Сунь Ятсен живет в Шанхае в полном достатке на деньги, которые правительство выделило для железнодорожного строительства <...>.[1]

Заметим в скобках, что Сунь Ятсену было, разумеется, крайне неприятно читать о себе такое. Но его отчасти утешало то, что как раз в это время он получил письмо от своего знакомого, упоминавшегося выше американского предпринимателя Остина Брауна, в котором ему была дана совершенно иная характеристика. Браун писал, что по-прежнему восхищается д-ром Сунем и уверен, что рано или поздно он будет переизбран на пост президента (копию этого письма Браун переслал президенту Вильсону).[2]

[1] Ibid.

[2] Brown to Sun Yat-sen, June 12, 1913 // USDS. 893.00/1766.



New York,
165 West 83d Street.

Austin P.Brown,
Real Estate, Railroad and Corporate Financier,
New York and Washington,
1407 15th Street, Northwest,
Phones North 1892 and 5469.

Washington, D.C., June 12, 1913.

Ex-President,
Sun Yat Sen,
36 Canton Road,
Shanghai, China.

My dear Dr.Sun:

I thank you for your kind expressions of appreciation of my efforts in behalf of the Chinese Republic as conveyed to me by your Secretary in a letter just received.

You will see from my letters that I am not at all surprised to learn that Yuan Shi Kai, whom you succeeded in electing President against much opposition, has turned traitor to you. I never did have any confidence in him, as my letters to you show, and surely hope you will succeed in driving him from office through impeachment by Congress or by physical force should he not tender his resignation.

I sent copies of my letters to President Wilson, asking him to withhold recognition until a President was elected in China by Congress, to the Speaker of the House of Representatives in China, and to the President of the Senate, and in contemplation of the removal of Congress to Shanghai because of the serious situation in Peking I addressed my letters to Shanghai.

I surely hope Yuan will be put out of office and that you will be re-elected President, which office, in my opinion, you should never have resigned from.

Please keep me advised of the situation.

If there is any further service I can render you, command me.

Faithfully,

Your friend,

Austin P. Brown

Письмо О. Брауна Сунь Ятсену от 12 июня 1913 г.

Миллард между тем продолжал спрашивать.

Вопрос:

Ваше мнение о будущем?

Ответ:

Оно покрыто тучами. Но все-таки есть надежда избавить нацию от нынешних трудностей, если народ проявит свой патриотизм и объединится, отбросив личные амбиции. Продолжение восстания может разрушить нацию. Мы не можем не принимать во внимание нынешнее финансовое положение страны и опасность того, что иностранные державы откажут нам в праве выкупить заклад, если правительство не сможет справиться с его нынешними текущими расходами и долговыми обязательствами.

Вопрос:

Что же должно предпринять правительство?

Ответ:

Прежде всего добиться мира, законности и порядка. Пока это не сделано, никакие реформы невозможны. Нынешнему восстанию должен быть положен конец, а его вдохновители наказаны. Недальновидным и амбициозным личностям следует внушить, что им не дано безнаказанно атаковать правительство. Пока народ не поймет это, существование стабильного правительства невозможно. А без стабильного правительства Китай не может двигаться вперед по пути современного прогресса. В нынешнем кризисе у всех китайцев-патриотов один долг — защищать республику для того, чтобы гарантировать политические привилегии, которые мы с таким трудом вырвали у средневековых институтов.

«Мне хотелось бы добраться до тех, кто несет ответственность за этот мятеж, — добавил Ли Юаньхун, — и подвергнуть их наказанию, которого они заслуживают. Но учитывая, что иностранцы помогут им бежать в случае, если они будут разбиты, на это мало надежд».

Завершая свое интервью с Ли Юаньхуном, Миллард задал ему вопрос, к тому времени так и не получивший однозначного ответа: действительно ли представители Гоминьдана делали ему предложение перейти на их сторону. Ли Юаньхун ответил на это: «Да, такое предложение было мне сделано. Но сейчас я не хочу более говорить об этом».

Все же последовал еще один вопрос: о его встречах с японским и российским консулами. Ли Юаньхун подтвердил, что действительно беседовал с ними, но сообщить какие-либо детали отказался: «Это всё дипломатические игры, и мне не хочется сейчас обсуждать этот вопрос», — и добавил, улыбаясь: «Говорят, что дипломат я никудышный!»[1]

Так или иначе, интервью, взятое Миллардом у Ли Юаньхуна, наглядно продемонстрировало, что неудача попыток привлечь вице-президента в ряды оппозиции Пекинскому правительству отнюдь не была случайной.

Свое сообщение о состоявшемся интервью Миллард заключает следующими словами:

Когда я покидал штаб-квартиру [Ли Юаньхуна], мне вспомнился известный анекдот про Линкольна и Гранта.

Однажды к президенту Линкольну явился его друг, любивший вмешиваться в чужие дела, и рассказал, что генерал Грант якобы злоупотребляет спиртным. Президент внимательно выслушал, а затем спросил, как обычно растягивая слова:

[1] General Li and the Rebellion // Central China Press, July 26, 1913.

– А какой сорт виски, Джон, пьет Грант?

– Не знаю... А почему ты спрашиваешь?

– Я хочу раздобыть именно этот сорт, чтобы послать некоторым другим моим генералам! — ответил Линкольн.

Услышав откровения, содержащиеся в комментариях Ли Юаньхуна по поводу ситуации, в которой оказалась его страна, читатель задаст себе вопрос: а не лучше ли будет для Китая, если ярлык «глупец», навешиваемый на генерала Ли Юаньхуна, был бы применим ко многим другим знаменитым политическим деятелям Китая?

«Вторая революция» и Хуан Син

Многие современники с подачи Сунь Ятсена считали Хуан Сина главным виновником конечного поражения «Второй революции», поскольку он, вопреки линии лидера Гоминьдана, выступал против немедленного начала военных действий, предпочитая покарать Юань Шикая не с помощью применения грубой силы, а путем судебного разбирательства по делу об убийстве Сун Цзяожэня.

Так, Чэнь Цимэй писал в 1915 г. о Хуан Сине: он «был медлителен, не верил [словам Сунь Ятсена], хотел решить проблему с позиций юриспруденции и не готовился к объявлению войны; а ведь известно, что колебания в тот момент, когда нужно действовать, всегда портят всё дело!»[1]

Однако подобная оценка поведения Хуан Сина неизбежно требует ответа на вопрос: в чем была причина того, что бывший военный министр Временного правительства, имевший к тому времени немалый опыт руководства боевыми действиями, был против немедленного объявления войны, а сугубо цивильный человек, возглавлявший Гоминьдан, настаивал на этом?

Реальное соотношение сил

Новейшие исследования со всей очевидностью свидетельствуют, что позиция Хуан Сина объяснялась вовсе не его нерешительностью, а трезвым учетом всех факторов, прежде всего, соотношения сил двух противоборствующих сторон.

[1] 陈英士先生纪念全集 (Полное юбилейное собрание сочинений Чэнь Цимэя). [Б. м.], 1930. Т. 1. Ч. 2. С. 24.

После роспуска Временного правительства и демобилизации армии в распоряжении революционного лагеря имелось в общей сложности четыре дивизии, тогда как Пекин располагал тринадцатью, другими словами говоря, имел более чем трехкратное превосходство в живой силе.

К тому же, вооруженные силы революционеров обладали целым рядом весьма существенных недостатков. О них писал в своих мемуарах Чэн Цянь, в то время бывший главой военного ведомства правительства провинции Хунань:

Чэн Цянь (1882–1968)

> Годом раньше Хуан Син распустил революционную армию и вместо нее сформировал четыре дивизии во главе с Чэнь Чжии (8-я дивизия), Чжан Цзы, Чжан Хэши и Лэн Цзюем. Эти дивизии состояли на довольствии правительств провинций Цзянсу и Аньхуй, не испытывая недостатка в средствах и будучи сравнительно хорошо оснащенными. Если бы с самого начала Кэцян озаботился подбором командного состава и обучением рядовых, то к моменту убийства Сун Цзяожэня, то есть по истечении целого года эти дивизии, имевшиеся в распоряжении Нанкина, стали бы боеспособными подразделениями и на них в любом случае можно было бы положиться. А так прошел год, командный состав укомплектован не был, и армия существовала чисто номинально.
>
> Чжан Чжии был зятем Фэн Гочжана и человеком с бюрократическими замашками, командующий бригадой Хуан Кайюань — сыном богатого хубэйского торговца. Хотя оба горячо поддержали патриотов, выступавших против маньчжурской династии, они были плохо подготовлены к осуществлению задачи свержения Юань Шикая. Ван Сяочэнь (командующий еще одной бригадой 8-й дивизии) — человек положительный, но неспособный принимать решения в ответственный момент. Чжан Цзы — деятель, преисполненный революционного духа, но человек штатский. А уж о других и говорить нечего. Поскольку в этих подразделениях не было подходящих командиров, то и профессиональная подготовка рядового состава страдала <...>. Части были фактически небоеспособны. Так обстояло дело с четырьмя нанкинскими дивизиями. <...> В Цзянси номинально было две дивизии, но только полк под командованием Линь Ху, расквартированный в провинциальном центре, был боеспособен, а другие части действовали больше на словах. Гуандун был далеко за горами, там

тоже не было обученных войск, к тому же Ху Ханьминь и Чэнь Цзюнмин «лежа на одной кровати, видели разные сны», и это наносило непоправимый ущерб их деятельности. В Хунани, как уже говорилось, не было ни одного солдата, прошедшего необходимую подготовку <...>.

Из сказанного понятно, что четыре объединившиеся провинции в военном отношении были чрезвычайно слабы, к тому же мнения их руководителей расходились. С самого начала было ясно, что единственное, на что они способны, — это выдвинуть политический лозунг борьбы с Юань Шикаем, но противостоять наступлению войск Юань Шикая они были не в состоянии. А тут еще Ли Юаньхун склонился на сторону Юань Шикая, что с географической и чисто политической точки зрения для четырех провинций было крайне невыгодно.[1]

Не располагая собственными боеспособными частями, Хуан Син обратился к руководителям южных провинций, объявивших о своей независимости от Пекинского правительства, с призывом начать подготовку к военным действиям, но из Хунани получил ответ о том, что для этого там нет денег, из Гуандуна — что немедленное выступление затруднительно, из Нанкина — «в настоящее время начинать военные действия преждевременно».[2]

Ли Шучэн (1882–1965)

Картину дополняют воспоминания Ли Шучэна, бывшего заместителем Хуан Сина в составе Временного правительства:

Прибыв в Шанхай, мы обсуждали с Сунь Ятсеном, Хуан Сином и другими находившимися там товарищами, что следует предпринять в связи с убийством Сун Цзяожэня. Все были крайне возбуждены и высказывались за то, чтобы немедленно объявить о преступлении Юань Шикая, организовавшего убийство, и начать против него военные действия. Было решено, что Сунь Ятсен даст телеграмму в Гуандун Чэнь Цзюнмину, Хуан Син — в Хунань Тань Янькаю с требованием начать подготовку выступления, а я вместе с Ли Гэньюанем и Чжан Сяочжунем был послан в Нанкин готовить 8-ю дивизию к действиям

[1] 程潜。辛亥革命前后回忆片段 (*Чэн Цянь.* До и после Синьхайской революции: обрывки воспоминаний) // 辛亥革命回忆录 (Воспоминания о Синьхайской революции). Т. 1. Пекин. 1961. С. 88–89.

[2] 李喜所。黄兴在“二次革命”中的地位和作用 (*Ли Сисо.* Место и роль Хуан Сина во «Второй революции») // Нанькай сюэбао чжэшэбань, 1993, № 5. С. 34.

против Юань Шикая. Однако Чэнь Цзюнмин и Тань Янькай ответили, что начало военных действий наталкивается на затруднения, что многие у них высказываются против, а силы недостаточны, поэтому сейчас выступать нельзя. В Нанкине Чэнь Чжии, Чэнь Юйши, Ван Сяочэнь, Хуан Кайюань и другие ссылались на то, что 8-я дивизия еще полностью не укомплектована, полк под командованием Линь Ху, входивший в состав 8-й дивизии, переброшен в Цзянси, а губернатор Хунани Тань Янькай, не располагая достаточными средствами на военные расходы, передислоцировал в Чанша полк из состава той же дивизии, находившийся под командованием Чжао Хэнти. <...> Их вывод: выступать в настоящее время нельзя.

Ли Гэньюань (1879–1965)

Вернувшись в Шанхай, мы доложили Сунь Ятсену и Хуан Сину о ситуации в Нанкине. Хуан Син высказался в том смысле, что коль скоро лица, в руках которых находятся войска, не решаются сейчас выступить против Юань Шикая, размахивать в Шанхае кулаками и кричать «Долой Юаня!» бессмысленно.[1]

Прежде всего надо заручиться поддержкой масс

Изложив реакцию Хуан Сина на результаты неудачной поездки в Нанкин, Ли Шучэн приходит к принципиально важному заключению: видя невозможность немедленного вооруженного выступления, Хуан Син по-новому сформулировал стратегию борьбы с Юань Шикаем, а именно — сначала представить народу бесспорные доказательства вины Юань Шикая и лишь заручившись поддержкой масс думать о военной стороне дела.[2]

Ли Шучэн сообщает:

> Хуан Син не случайно решил прежде всего обратиться к юридической стороне дела. Он считал, что в то время граждане республики еще

[1] 李书城。辛亥前后黄克强先生的活动 (*Ли Шучэн.* Деятельность Хуан Сина до и после Синьхайской революции) // Воспоминания о Синьхайской революции. Т. 1. С. 206.

[2] Автор цитированной выше статьи Ли Сисо ошибочно приписывает это объяснение Ли Гэньюаню, сопровождавшему Ли Шучэна в Нанкин, хотя цитирует мемуары Ли Шучэна (см.: *Ли Сисо.* Место и роль Хуан Сина во «Второй революции». С. 36–38).

> не имели правильного представления о преступной физиономии Юань Шикая и полагали, что выступление против него — это необоснованная крайность, пропагандируемая гоминьдановцами. Если мы, апеллируя к закону, продемонстрируем истинную роль Юань Шикая в злодейском убийстве Сун Цзяожэня, граждане убедятся в том, что произошло в действительности, это изменит их отношение к Юань Шикаю, вызовет их гнев, в результате чего они станут поддерживать Гоминьдан.[1]

Если Ли Шучэн адекватно передал соображения Хуан Сина, нельзя не признать их справедливость и обоснованность.

Несмотря на то, что в это время уже были преданы гласности документы, обнаруженные в доме Ин Гуйсиня, в них не содержалось прямых доказательств вины Юань Шикая, и многочисленные обличительные статьи, выходившие из-под пера сторонников Гоминьдана, носили сугубо декларативный характер. К тому же газеты, поддерживавшие Пекинское правительство, не оставались в долгу и печатали многочисленные заявления о том, что Сун Цзяожэнь погиб в результате внутрипартийной разборки. Разобраться в том, кто здесь прав, рядовому читателю было затруднительно. Поэтому Сунь Ятсен и Хуан Син то и дело получали телеграммы, в которых деятели на местах выражали протест по поводу военных приготовлений Гоминьдана, а в прессе нередко публиковались статьи, обвинявшие гоминьдановцев в заговоре против законного правительства.

Даже многие члены Гоминьдана не без оснований указывали на то, что после недавних битв с маньчжурскими монархистами народ устал и жаждет мира и спокойствия. Газета «Миньчжубао» опубликовала статью Сун Ляна, в которой говорилось следующее:

> С завершением прошлой великой революции энергия народа истощена, его силы на исходе, он не в состоянии восстановить потерянное, как же может он пойти на новые колоссальные жертвы? Общество мечтает о всеобщем мире, и услышав о том, что назревают события, люди объяты страхом и забывают о сне и еде. Сейчас положение в принципе отличается о того, как во время прошлой революции сообщения о начале военных действий встречали с радостью! А поскольку народ против этого, кто же решится возглавить вооруженное выступление? И кто последует за ним? Поэтому вполне очевидно, что «Вторая революция» в нашей стране не имеет перспектив![2]

---

[1] *Ли Шучэн.* Деятельность Хуан Сина до и после Синьхайской революции. С. 206.

[2] Миньчжубао, 1 июня 1913 г.

Активный участник синьхайской революции генерал Цай Э, в 1913 г. поддерживавший идею низложения Юань Шикая, тем не менее писал Хуан Сину:

> Козни злодея Юаня еще не стали очевидными, и у армии нет убедительного повода для выступления. Поэтому полагаю, что необходимо некоторое время проявлять терпение, так как подходящий момент еще не наступил. Советую Вам ни в коем случае не начинать действовать не продумав тщательно все детали.[1]

Цай Э (1882–1916)

Хуан Син рассуждал примерно так же, как этот многоопытный военачальник.

Чжан Шичжао, давнишний знакомый Хуан Сина, так оценивал его позицию:

> Сунь Ятсен торопится, Хуан Син медлит. Но его медлительность объясняется глубоким пониманием состояния армии и сложности момента.[2]

И все же революция началась

Нам неизвестно, почему в один прекрасный момент Хуан Син, приложивший немало усилий к тому, чтобы учредить Специальный трибунал для рассмотрения дела об убийстве Сун Цзяожэня, перестал настаивать на дальнейшем судебном разбирательстве и больше не спорил с Сунь Ятсеном по поводу начала военных действий против Юань Шикая. Возможно, причиной тому явился последовавшмй 8 июня президентский указ о смещении с должности военного губернатора Цзянси Ли Лецзюня (затем участь Ли Лецзюня разделили губернаторы провинций Гуандун и Аньхуй — Ху Ханьминь и Бо Вэньвэй).

Оказавшись не у дел, Ли Лецзюнь отправился в Шанхай, чтобы обсудить с Сунь Ятсеном и Хуан Сином план дальнейших действий. Была достигнута договоренность о начале вооруженного выступления.

7 июля Хуан Син обратился к аккредитованным в Шанхае иностранным консулам:

---

[1] 黄兴年谱 (Хронологическая канва жизни и деятельности Хуан Сина). Чанша. 1980. С. 223.

[2] Воспоминания о Синьхайской революции. Т. 2. С. 145–146.

При республиканской форме правления президент должен направлять курс своих действий согласно желанию народа, а Юань Шикай попирает права и привилегии парламента, насилует республиканскую конституцию, назначает несведущих и порочных лиц на высшие должности, изменнически умерщвляет народных патриотов, напрасно старавшихся удалить Юан Шикая от президентства дозволенными конституцией средствами, издает распоряжения худшие, чем абсолютный монарх.[1]

12 июля Ли Лецзюнь объявил о начале военных действий. Хуан Син был назначен главнокомандующим карательной экспедиции против Пекина.

Он прибыл в Нанкин и 15 июля опубликовал манифест, в котором говорилось:

Хотя на Юге был мир и порядок, совершенно неожиданно по распоряжению Юань Шикая некоторые пункты по реке Янцзы были заняты северными войсками.

Несмотря на то, что в настоящее время на монгольской границе происходят события, угрожающие опасностью стране, посылаются войска внутрь страны для борьбы со своими же гражданами.

Эти действия наглядно показывают недостаток государственной мудрости у Юань Шикая. Он преследует каждого, кто не поддерживает его политику. Его действия направлены на гибель республики.

Кто, заботясь о величии государства, может хладнокровно смотреть на подобные дела? <...>

Я вижу ясно сильное желание народа поддержать движение.

Главнокомандующий карательной экспедицией против Пекина

Патриотически настроенная часть граждан жалеет, что дело восстания затянулось, но теперь мы будем пользоваться каждым случаем, чтобы наверстать потерянное время.

Мы вполне готовы двинуться на Север. Для обеспечения успеха я приглашаю всех, кому дороги интересы республики, примкнуть к движению.

Хотя я не одарен большими способностями, но я не трус и в этой экспедиции рад пожертвовать своей жизнью, лишь бы цель была достигнута.

Я молю духов наших предков помочь нам в этой трудной борьбе. Деспоты затрепещут, когда народ примет участие в национальном деле.

[1] Хуан Син — консульскому корпусу в Шанхае, 7 июля 1913 г. // Синьхайская революция 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов. М. 1968. С. 207.

Единственная моя цель — устранить узурпатора Юань Шикая.

Как только достигну этого, я вложу меч свой в ножны и вернусь домой, предоставляя дела управления страной более достойным.

Если я преследую какие-нибудь эгоистические цели, Небо накажет меня.

Я пересылаю это послание с глазами полными слез.[1]

Губернатор Цзянсу Чэн Дэцюань объявил о независимости провинции. Хуан Син сформировал штаб Северной экспедиции, назначив Хуан Кайюаня начальником штаба, Чжан Шичжао — ответственным секретарем, Чжан Цзы — военным советником губернатора.

16 июля прогремели первые пушечные залпы «Второй революции».

На улицах Нанкина жизнь тем временем шла своим чередом

Но силы, как с самого начала предвидел Хуан Син, всё же были слишком неравны.

В конце июля правительственная армия развернула наступление на войска повстанцев. Нанкин оказался под прямой угрозой. Понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий

[1] Манифест Хуан Сина, 15 июля 1913 г. // Синьхайская революция 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов. М. 1968. С. 206–207.

попытался покончить с собой, но этому помешал начальник его штаба, силой заставивший Хуан Сина покинуть осажденный Нанкин.

Как впоследствии признал Сунь Ятсен, все это время проведший в Шанхае, непосредственного участия во «Второй революции» он не принимал.[1]

Военные действия были завершены.

Юань Шикай отдал приказ об отмене введенного ранее чрезвычайного положения в столице республики.

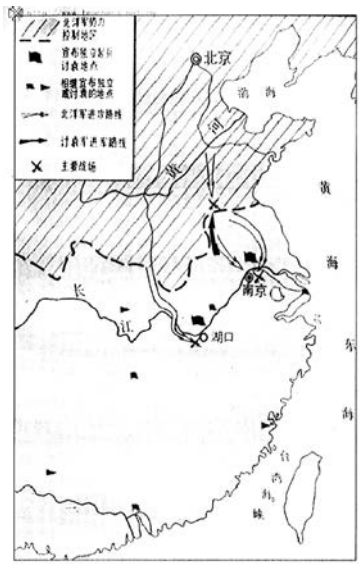


Схема военных действий Юга и Севера во время «Второй революции»

Приказ Юань Шикая об отмене чрезвычайного положения в Пекине[2]

[1] ПССОГ. Т. 4. С. 373.

[2] Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.

Позиция Сунь Ятсена была крайне непоследовательна

«Сунь Ятсен спешит, Хуан Син медлит», — говорил современник событий 1913 г. Как выясняется, поспешая, Сунь Ятсен то и дело менял акценты своих высказываний, которые на поверку оказываются противоречащими друг другу.

Китайские ученые Ши Яньтао и Ши Шэнвэнь проследили эволюцию отношения Сунь Ятсена к делу об убийстве Сун Цзяожэня как к главному поводу для начала «Второй революции» и выделили в ней несколько периодов (использованные ими материалы могут быть дополнены из других источников).[1]

Конец марта — начало мая 1913 г.

Вечером 25 марта Сунь Ятсен созвал совещание руководства Гоминьдана, чтобы решить, какие меры следовало принять в связи с убийством Сун Цзяожэня.

На следующий день Сунь Ятсен сообщил японскому консулу Ариёси, что располагает неопровержимыми доказательствами причастности к этому делу президента Юань Шикая и преисполнен решимости наказать его.[2]

Участники совещания 25 марта

31 марта в разговоре с японским консулом Сунь Ятсен выразил надежду на то, что державы окажут давление на Юань Шикая и принудят его уйти в отставку.

[1] 石彦陶、石胜文。孙中山对宋案处置演变蠡测 (*Ши Яньтао, Ши Шэнвэнь.* Эволюция отношения Сунь Ятсена к делу Сун Цзяожэня) // http://www.doc88.com/p-860116485726. html.

[2] 有关孙中山、黄兴反对袁世凯斗争的日本外交文书选译 (Избранные переводы японских дипломатических документов, имеющих отношение к борьбе Сунь Ятсена и Хуан Сина против Юань Шикая) // Миньго данъань. 1988. № 3. С. 66.

Ариёси задал Сунь Ятсену вопрос: «Неужели Вы хотите, чтобы иностранные державы вмешались во внутренние дела Китая?»

Ответ Сунь Ятсена: «В условиях полунезависимого статуса Китая давление на Юань Шикая не может рассматриваться как вмешательство иностранцев в наши внутренние дела»[1].

И далее Сунь Ятсен пояснил, почему нельзя рассчитывать на то, что парламент объявит импичмент Юань Шикаю:

> По сообщениям из Пекина, Юань Шикай непрерывно готовится к сопротивлению. Вполне очевидно, что до и после открытия сессии парламента он применит репрессивные меры и не исключено, что прибегнет к убийству тех депутатов, которые предложат импичмент. Поэтому проект решения об импичменте не будет внесен, но даже если и будет внесен, то не будет принят. Как бы то ни было, если нельзя добиться удовлетворительного решения в парламенте, губернаторы южных провинций выступят против Юань Шикая. <...> К тому же в Пекине войска за небольшим исключением не подчинятся Юань Шикаю, а это обстоятельство облегчает карательный поход.[2]

Тем не менее на телеграмму Юань Шикая, в которой тот торопил его с приездом в Пекин, 6 апреля Сунь Ятсен отвечал:

> На этот раз я задержался в Шанхае исключительно из-за того, что занимаюсь делом Сун Цзяожэня. Это дело вызвало крайнее возмущение части людей, и им требуются объяснения. Я стараюсь вместе со всеми уладить дело, и оно ни в коем случае не создаст угрозы общей ситуации [в стране]. Мне придется пробыть в Шанхае еще несколько дней. В любом случае я прибуду в столицу в середине этого месяца.[3]

В тот же день Сунь Ятсен в очередной раз встретился с Ариёси и заявил ему:

> Эту подлую личность люди по незнанию выдвинули на пост президента, я не снимаю ответственности за это и с себя. Ныне дело дошло до его сегодняшнего состояния, и я должен со всей решительностью выступить в первых рядах борцов за свержение Юань Шикая. Первый шаг — парламентский импичмент. Поскольку он всегда предпринимал репрессивные меры, если первый шаг не даст результата, Юг должен объявить о лишении его полномочий с тем, чтобы обязанности президента исполнял вице-президент Ли Юаньхун. Кроме того, я должен телегра-

[1] Там же. С. 67.

[2] Там же.

[3] 袁总统敦促中山 (Президент Юань торопит Сунь Ятсена) // Шэньбао, 7 апреля 1913 г.

фировать ему и настаивать на том, чтобы он подал в отставку. А если он не согласится, я решил лично возглавить армию в карательном походе против Юаня. <...>

Если великие державы или несколько других стран, исходя из гуманистических соображений и сложившейся ситуации, почтут возможным вмешаться, Юань Шикай наверняка уйдет в отставку, и это будет наилучшим выходом из положения.[1]

По мнению Ши Яньтао и Ши Шэнвэня, в первых числах апреля позиция Сунь Ятсена изменилась: на первый план в его стратегии борьбы с Юань Шикаем вышли легальные методы.

9 апреля Сунь Ятсен сообщил Ариёси, что Гоминьдан заинтересован в том, чтобы открывающаяся 12 числа сессия парламента как можно дольше тянула время, пока не будет принято решение суда по делу Сун Цзяожэня. Если же импичмент не состоится, на выборах постоянного президента вместо Юань Шикая будет выставлена другая кандидитура.[2]

Сунь Ятсен все еще надеялся на вмешательство держав, которые должны были вынудить Юань Шикая уйти в отставку. Но события развивались по прямо противоположному сценарию: 2 мая временный поверенный в делах США Э. Уильямс вручил Юань Шикаю послание президента Вильсона о том, что Соединенные Штаты признали Пекинское правительство.[3]

6 мая, отвечая на телеграмму американского миссионера Э. Твинга, Сунь Ятсен утверждал, что «слухи о Второй революции не имеют под собой оснований».[4]

7 мая на встрече с генеральным консулом США в Шанхае А.Уилдером Сунь Ятсен заявил, что применение вооруженной силы не входит в планы Гоминьдана: «Он вполне определенно дал мне понять, что вовсе не готовит революцию; эта мысль ему абсолютно чужда».

А присутствовавший при разговоре Ван Чунхуй добавил, что это утка, с провокоционной целью придуманная сторонниками Юань Шикая.[5]

---

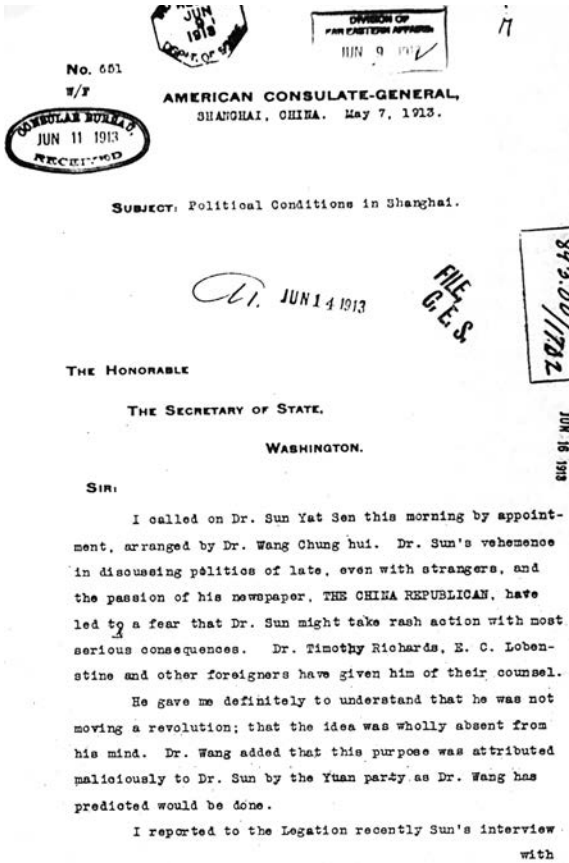
[1] Избранные переводы японских дипломатических документов, имеющих отношение к борьбе Сунь Ятсена и Хуан Сина против Юань Шикая. С. 70.

[2] ПССС. Т. 3. С. 55.

[3] Williams to Bryan, May 2, 1913 // USDS. 893.00/1641.

[4] Сунь Ятсен — Твингу, 6 мая 1913 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 300.

[5] Wilder to Bryan, May 7, 1913 // USDS. 893.00/1702.



No. 661
W/F

AMERICAN CONSULATE-GENERAL,
SHANGHAI, CHINA. May 7, 1913.

SUBJECT: Political Conditions in Shanghai.

THE HONORABLE

THE SECRETARY OF STATE,

WASHINGTON.

SIR:

I called on Dr. Sun Yat Sen this morning by appointment, arranged by Dr. Wang Chung hui. Dr. Sun's vehemence in discussing politics of late, even with strangers, and the passion of his newspaper, THE CHINA REPUBLICAN, have led to a fear that Dr. Sun might take rash action with most serious consequences. Dr. Timothy Richards, E. C. Lobenstine and other foreigners have given him of their counsel.

He gave me definitely to understand that he was not moving a revolution; that the idea was wholly absent from his mind. Dr. Wang added that this purpose was attributed maliciously to Dr. Sun by the Yuan party as Dr. Wang has predicted would be done.

I reported to the Legation recently Sun's interview with

Первая страница доклада Уилдера Госдепартаменту от 7 мая 1913 г.

Сунь Ятсен убеждается, что первоначальный повод для начала революции не срабатывает

Создается впечатление, что в начале мая Сунь Ятсен окончательно понял, что обвинение президента в организации убийства Сун Цзяожэня не способно воодушевить массы на «Вторую революцию». Не оставляя надежд на реальность осуществления замысла свергнуть Юань Шикая с помощью вооруженной силы, Сунь Ятсен сконцентрировал свои усилия на поисках какого-либо другого преступления своего антипода.

Кто ищет, тот всегда найдет.

В конце апреля правительство Юань Шикая и банковский консорциум пяти стран заключили соглашение о предоставлении Китаю займа

в объеме 25 млн английских фунтов. Эта сделка не была санкционирована парламентом, который в то время еще не начал работать.

Узнав о произошедшем, Сунь Ятсен безуспешно пытался воспрепятствовать реализации сделки, после чего обратился к державам с манифестом, в котором говорилось:

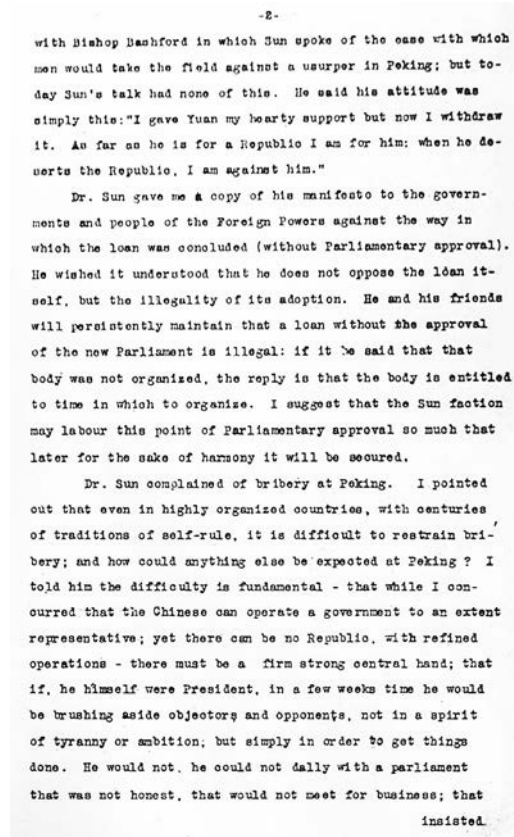
> В результате тщательного расследования, проведенного назначенными правительствам официальными лицами по поводу недавнего убийства в Шанхае лидера Гоминьдана Сун Цзяожэня, было ясно установлено, что Пекинское правительство непосредственно замешано в этом преступлении. В связи с этим народ испытывает крайнее возмущение, и ситуация стала настолько серьезной, что нация оказалась на грани самого острого и опасного кризиса в своей истории.
>
> Правительство, отдавая себе отчет в своем преступлении и масштабах совершенного, а также видя силу волны возмущения, охватившую нацию в результате его преступных действий и подлого предательства ранее возлагавшихся на него надежд, в предвидении своего падения внезапно, неконституционным путем, несмотря на протесты собравшихся в Пекине представителей нации, заключило соглашение с банковским консорциумом пяти стран о получении займа в объеме 25 млн фунтов стерлингов.
>
> Этот самовольный и неконституционный акт правительства не замедлил ужесточить гнев, вызванный отвратительным убийством Сун Цзяожэня, так что в настоящий момент ярость народа достигла белого каления, и ужасные последствия кажутся неизбежными; кризис обострился до такой степени, что в любой момент тлеющие угли могут вспыхнуть всепоглощающим пожаром.
>
> С первого дня Республики я боролся за единство, мир, согласие и процветание. Я рекомендовал Юань Шикая на пост президента, поскольку он давал основания полагать, что, поступая таким образом, я приближаю объединение нации и начало эры мира и процветания. С тех пор я делал всё, что было в моих силах для того, чтобы на смену хаосу, вызванному революцией, пришли мир, порядок и законное правительство. Я искренне желаю Республике мира, но мои усилия окажутся напрасными, если финансисты будут снабжать Пекинское правительство деньгами, которые могут и, вероятно, будут использованы для ведения войны против народа.
>
> <...>
>
> Поэтому во имя и ради гуманности, которую цивилизация считает священной, я обращаюсь к вам с надеждой, что вы употребите ваше влияние и воспрепятствуете предоставлению банкирами средств Пекинскому правительству, явно предназначенных им на нужды войны. Я обращаюсь

ко всем, кто желает человечеству длительного процветания, оказать мне свою моральную поддержку в предотвращении ненужного кровопролития и защите моих соотечественников от несчастий, ими совершенно незаслуженных.[1]

Сунь Ятсен вручил свой манифест американскому консулу и в разговоре с ним, судя по всему, был очень взволнован, потому высказал несколько соображений, явно противоречивших одно другому.

Прежде всего, он подчеркивал, что протестует не против займа как такового, а против займа, не санкционированного парламентом и потому незаконного. Значило ли это, что если бы парламент проголосовал за заключение займа, который предназначался Юань Шикаем для нужд войны против своего народа, вождь Гоминьдана не выступал бы против него?

Далее, в манифесте говорилось, что «в настоящий момент ярость народа достигла белого каления, и ужасные последствия кажутся неизбежными; кризис обострился до такой степени, что в любой момент тлеющие угли могут вспыхнуть всепоглощающим пожаром». Однако когда консул Уилдер упомянул о консерватизме китайцев и отметил, что большинство народа поддерживает правительство Юань Шикая, Сунь Ятсен согласился с этим и со своей стороны добавил,



-2-

with Bishop Bashford in which Sun spoke of the ease with which men would take the field against a usurper in Peking; but today Sun's talk had none of this. He said his attitude was simply this:"I gave Yuan my hearty support but now I withdraw it. As far as he is for a Republic I am for him: when he deserts the Republic, I am against him."

Dr. Sun gave me a copy of his manifesto to the governments and people of the Foreign Powers against the way in which the loan was concluded (without Parliamentary approval). He wished it understood that he does not oppose the loan itself, but the illegality of its adoption. He and his friends will persistently maintain that a loan without the approval of the new Parliament is illegal: if it be said that that body was not organized, the reply is that the body is entitled to time in which to organize. I suggest that the Sun faction may labour this point of Parliamentary approval so much that later for the sake of harmony it will be secured.

Dr. Sun complained of bribery at Peking. I pointed out that even in highly organized countries, with centuries of traditions of self-rule, it is difficult to restrain bribery; and how could anything else be expected at Peking ? I told him the difficulty is fundamental - that while I concurred that the Chinese can operate a government to an extent representative; yet there can be no Republic, with refined operations - there must be a firm strong central hand; that if, he himself were President, in a few weeks time he would be brushing aside objectors and opponents, not in a spirit of tyranny or ambition; but simply in order to get things done. He would not, he could not dally with a parliament that was not honest, that would not meet for business; that insisted.

Вторая страница доклада Уилдера Госдепартаменту от 7 мая 1913 г.

[1] Sun Yat Sen to the Governments and People of the Foreign Powers // USDS. 893.00/1702.

что «во время правления прошлой династии китайцы точно так же были спокойны».

Что касается убийства Сун Цзяожэня, то Сунь Ятсен заявил Уилдеру, что его, собственно говоря, «возмущает не сам факт, а интрига вокруг него: он еще раз процитировал Юань Шикая, который сообщил пекинским газетчикам через несколько часов после события, когда о нем еще никто не знал, что это дело рук Хуан Сина и Чэнь Цимэя».

Тем не менее Уилдер сделал вывод:

> Хотя Сунь Ятсен — идеалист, каким его считают, было бы ошибкой недооценивать его. Он человек большого личного достоинства и твердости и, по моему мнению, думает не о себе, а своей стране.[1]

16 мая в Госдепартамент написал поверенный в делах США в Китае Э. Уильямс, следующим образом объяснивший, почему Сунь Ятсен отказался от своего намерения начать «Вторую революцию»:

> Хотя Сунь Ятсен недавно опроверг слухи о его планах начать восстание <...>, разговор с епископом Бэшфордом 1 мая <...> определенно показывает, что он замышлял подобную акцию. Епископ Бэшфорд был не единственным человеком, кому д-р Сунь говорил об этом. Фактически конспираторы действовали столь открыто, что об этом в курсе вся страна. <...>
>
> Только после того, как д-р Сунь и генерал Хуан поняли, что народ не с ними и что денег на поддержку движения не будет, они заявили, что у них и в мыслях нет начинать революцию. <...> На протяжении двух недель ситуация была критической. И хотя опасность еще не миновала, положение дел понемногу улучшается. Твердая поддержка, оказанная Юань Шикаю вице-президентом Ли Юаньхуном, который отказался клюнуть на предложения агитаторов стать президентом и установил контроль северной армии над Ханькоу и близлежащими городами, во многом дезорганизовала движение. Даже Гуандун, родная провинция д-ра Суня, отказывается поддерживать его. 5 мая генеральный консул США в Кантоне сообщил в посольство, что тамошние торговые круги не принимали участия в протесте по поводу подписания соглашения о займе и что они решительно выступают против контрреволюции и любых действий тех политиков, которые намерены создать трудности для внутренних районов страны. 7 мая тот же консул телеграфировал в посольство, что хотя военный губернатор Гуандуна и критиковал займ на публичном митинге, он будет поддерживать центральное правительство. <...> Коль скоро торговые круги представляют собой оппозицию гражданской войне,

[1] Wilder to Bryan, May 7, 1913 // Ibid.

попытка свержения нынешнего правительства не может быть успешной. И д-р Сунь прекрасно понимает это.[1]

В состоявшемся 1 мая разговоре с американским епископом Дж. Бэшфордом Сунь Ятсен упоминал о том, что очень надеется на помощь со стороны Японии.[2] Однако через месяц произошло событие, обескуражившее его.

В Шанхае остановился направлявшийся на родину видный японский дипломат Като Такааки, согласившийся встретиться с Сунь Ятсеном. Сунь Ятсен пожаловался японцу на то, что Юань Шикай оказывает на него давление, стремясь нарушить его планы.

Сообщив о содержании имевших место в Пекине переговоров с Юань Шикаем, Като потребовал от Сунь Ятсена «сдерживать себя и следовать курсу на то, что длительный мир разрешит ситуацию, и поэтому ни в коем случае нельзя предпринимать необдуманных действий.[3] Но отговорить Сунь Ятсена отказаться от своих планов было не таким простым делом.

11 июня он сказал консулу Ариёси, что так или иначе примет меры для устранения Юань Шикая, даже если они будут казаться авантюристическими.[4]

Не преуспел в уговорах д-ра Суня и Мунаката Котаро, 13 июня указавший ему на то, что силы Севера намного превосходят Юг и поэтому в случае возникновения вооруженного конфликта исход его предрешен. Собеседник отвечал на это, что, по его мнению, силы Севера только кажутся превосходящими. После ухода Сунь Ятсена Мунаката задал себе вопрос: «Действительно ли Гоминьдан начнет выступление и сможет ли призыв Сунь Ятсена воодушевить южные провинции?».[5]

Минутная слабость и возвращение на круги своя

Сунь Ятсен внезапно узнал, что его вернувшаяся в Макао из Штатов дочь неизлечимо больна.

Д-р Сунь был нравственно и физически надломлен. В ответ на телеграму Твинга, котоый завел разговор о будущем Китая, он нашел в себе силы написать ему только буквально несколько слов:

[1] Williams to Bryan, May 16, 1913 // USDS. 893.00/1700.

[2] Ibid.

[3] Шибао, 31 мая 1913 г.

[4] 与有吉明的谈话 (Беседа с Ариёси Акира), 11 июня 1913 г. // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. 1. С. 425.

[5] 与宗方小太郎的谈话 (Беседа с Мунаката Котаро), 13 июня 1913 г. // Там же. С. 426–427.

> Телеграмму получил. Сейчас я больше не хочу интересоваться политическими проблемами. Хороша ли политика или нет, это дело правительства. Впредь я буду заниматься только строительством железных дорог. Об остальном я не хочу слышать. Сунь Ятсен.[1]

Это было частное письмо знакомому, не ставшее достоянием общественности. Но приехав в Макао и убедившись, что поставленный диагноз не оставляет надежд, Сунь Ятсен дал газетчикам интервью, в котором повторил сказанное Твингу.

Более того, упомянув об убийстве Сун Цзяожэня, он во всеуслышание заявил:

> Говорят, что пекинское правительство было причастно к этому делу, но это несправедливо. Я должен заявить, что президент Юань не имел отношения к этому делу.[2]

Еще месяц тому назад Сунь Ятсен писал Инукаи, что «благодаря совместным усилиям местных чиновников и следователей были изучены доказательства и доподлинно установлено, что организаторами преступления являлись Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь».[3]

Сунь Ятсен отказался от своих прежних обвинений

Газеты не замедлили довести до всеобщего сведения: лидер Гоминьдана официально признал, что его прежнее обвинение Юань Шикая в причастности к убийству Сун Цзяожэня является вымыслом.

Как же должны были реагировать на это широкие массы, многократно слышавшие из уст самого Сунь Ятсена то, что он теперь в одночасье опроверг?

Но стойкий революционер преодолел минутную слабость. Перестать интересоваться политикой, которая с некоторых пор стала главным делом его жизни, он явным образом был просто не в состоянии.

---

[1] Сунь Ятсен — Твингу, 15 июня 1913 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 302.

[2] Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. 1. С. 429–431.

[3] Сунь Ятсен — Инукаи, 17 мая 1913 г. // ППСОГ. Т. 4. С. 300.

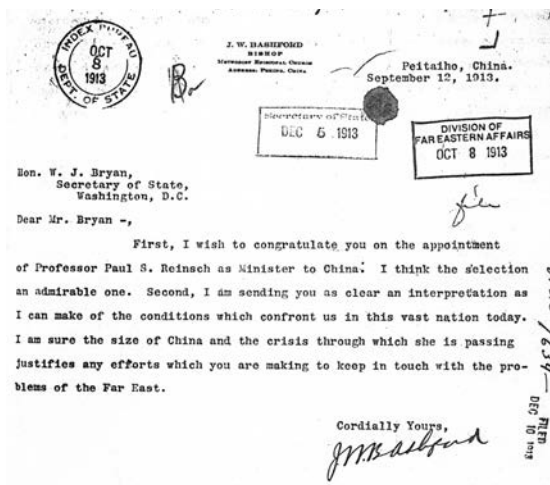
22 июля, через десять дней после того как отстраненный Юань Шикаем военный губернатор Цзянсу Ли Лецзюнь объявил о начале военных действий против Пекинского правительства, Сунь Ятсен послал президенту телеграмму и призвал его добровольно покинуть свой пост:

> Если Вы сделаете это, я уговорю армию и народ на юго-востоке сменить злобу на доброе отношение, чтобы у Вас не было ощущения, что Вы оседлали тигра.[1]

В ответ Юань Шикай объявил Сунь Ятсена и его ближайших сподвижников в розыск, назначив за их головы солидное вознаграждение.

Итоги двух революций подводит епископ Бэшфорд

Миссионер Джеймс Бэшфорд живо интересовался происходившим в Китае. Весной 1913 г. он встречался с Сунь Ятсеном и обсуждал с ним перспективы дальнейшего развития событий. А после того как горнисты протрубили отбой, он написал письмо госсекретарю США и изложил свое мнение по поводу того, как «Вторая революция» повлияла на жизнь страны.



Письмо Бэшфорда госсекретарю Брайану от 12 сентября 1913 г.[2]

[1] Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 22 июля 1913 г. // Там же. С. 303.

[2] Bashford to Bryan, September 17, 1913 // USDS.893.00/1634.

Положение в стране после синьхайских событий

Полагая, что результатом нынешней борьбы в Китае является консолидация, а не дезинтерграция страны, Бэшфорд писал:

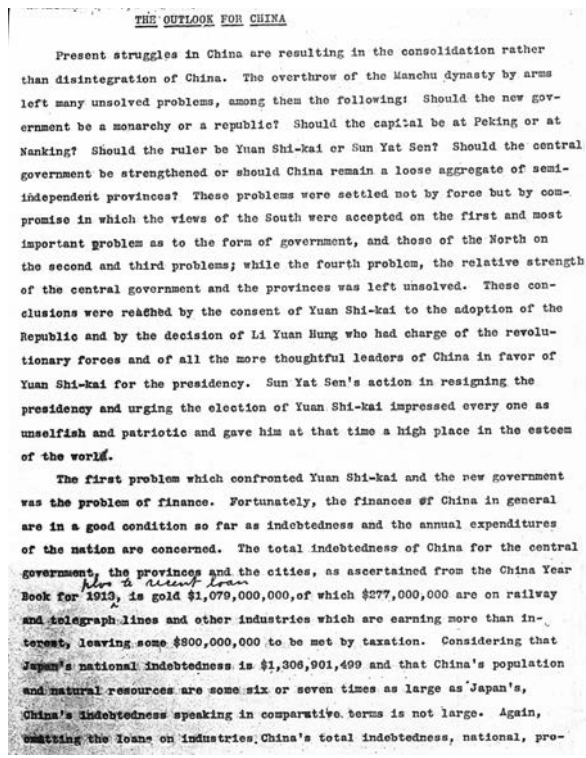
> Свержение маньчжурской династии с помощью оружия создало множество нерешенных проблем, в том числе: будет ли новое правительство монархическим или республиканским, где будет находиться столица — в Пекине или в Нанкине, кто будет правителем — Юань Шикай или Сунь Ятсен, укрепится ли центральное правительство или Китай останется рыхлой совокупностью полунезависимых провинций?
>
> Эти проблемы были решены не с помощью силы, а путем компромисса.
>
> По первому и наиболее важному вопросу, касающемуся формы правления, была принята позиция Юга, по второму и третьему — Севера, тогда как четвертый — соотношение сил центра и провинций — остался нерешенным.
>
> Эти итоги были достигнуты благодаря согласию Юань Шикая на учреждение республики, а также решению Ли Юаньхуна, стоявшего во главе революционных сил, и других наиболее авторитетных лидеров Китая о том, что президентом должен был стать Юань Шикай. Отставка Сунь Ятсена с поста президента и его рекомендация избрать Юань Шикая произвели на всех сильное впечатление как проявление бескорыстия и патриотизма, заставив в то время весь мир уважать его.

Но придя к власти, Юань Шикай оказался перед лицом новых проблем.

> Первая проблема, вставшая перед Юань Шикаем и новым правительством, связана с финансами.
>
> К счастью, общее финансовое положение Китая в отношении задолженности и ежегодных расходов является удовлетворительным. Общий долг центрального правительства, провинций и отдельных городов, насколько можно судить по «China Year Book for 1913», плюс нынешний заём составляет $ 1 079 000 000 золотом, в том числе $ 277 000 000 в связи с железными дорогами, телеграфом и прочими промышленными предприятиями, приносящими доход, который превышает сумму процентов по займу. Остальные $ 800 000 000 покрываются за счет налогов. Учитывая, что национальный долг Японии составляет $ 1 306 901 499 и что население Китая и его природные ресурсы в 6–7 раз больше, чем в Японии, долг Китая в относительном выражении невелик. Опять-таки, исключая займы на промышленные нужды, долг центрального правительства,

провинций и городов Китая составляет $ 800 000 000, тогда как долг Нью-Йорка вырос за период 1898–1913 гг. и достиг $ 913 000 000.

Если взглянуть на проблему с иной точки зрения, совокупный долг Китая составляет около 2 долларов на душу населения, тогда как в Японии (включая проживающих на ее территории корейцев) — около 20 долларов, а муниципальный долг Балтиморы без учета национального долга — 40 долларов, Филадельфии — 55 долларов, Питсбурга — 81 доллар на душу населения. <...>



THE OUTLOOK FOR CHINA

Present struggles in China are resulting in the consolidation rather than disintegration of China. The overthrow of the Manchu dynasty by arms left many unsolved problems, among them the following: Should the new government be a monarchy or a republic? Should the capital be at Peking or at Nanking? Should the ruler be Yuan Shi-kai or Sun Yat Sen? Should the central government be strengthened or should China remain a loose aggregate of semi-independent provinces? These problems were settled not by force but by compromise in which the views of the South were accepted on the first and most important problem as to the form of government, and those of the North on the second and third problems; while the fourth problem, the relative strength of the central government and the provinces was left unsolved. These conclusions were reached by the consent of Yuan Shi-kai to the adoption of the Republic and by the decision of Li Yuan Hung who had charge of the revolutionary forces and of all the more thoughtful leaders of China in favor of Yuan Shi-kai for the presidency. Sun Yat Sen's action in resigning the presidency and urging the election of Yuan Shi-kai impressed every one as unselfish and patriotic and gave him at that time a high place in the esteem of the world.

The first problem which confronted Yuan Shi-kai and the new government was the problem of finance. Fortunately, the finances of China in general are in a good condition so far as indebtedness and the annual expenditures of the nation are concerned. The total indebtedness of China for the central government, the provinces and the cities, as ascertained from the China Year Book for 1913, is gold $1,079,000,000, of which $277,000,000 are on railway and telegraph lines and other industries which are earning more than interest, leaving some $800,000,000 to be met by taxation. Considering that Japan's national indebtedness is $1,306,901,499 and that China's population and natural resources are some six or seven times as large as Japan's, China's indebtedness speaking in comparative terms is not large. Again, omitting the loans on industries, China's total indebtedness, national, pro-

Первая страница аналитической записки Бэшфорда

Что касается текущих расходов, то положение Юань Шикая представляется благополучным. Общая сумма расходов правительства за первые 6 месяцев 1913 г., недавно представленная парламенту, составила $ 84 411 726 золотом, что соответствует $ 168 823 452 в год. Эта сумма немного меньше, чем половина годовых расходов японского

правительства, притом что, как уже было сказано, китайцы в 6–7 раз превосходят японцев по общей численности населения и запасам полезных ископаемых.

Таким образом, насколько я знаю, доходы и расходы правительства успешно скоординированы и обеспечивают Китаю более благоприятные финансовые условия по сравнению с гораздо более тщательно разработанным бюджетом Японии.

Однако притом что расходы за первые 6 месяцев 1913 г. составили $ 84 411 726, доходы за тот же период времени были равны всего лишь $ 25 668 400, что означает дефицит в $ 58 000 000. Это печальное обстоятельство влечет за собой еще более серьезную и до сих пор нерешенную проблему взаимоотношений между центральным правительством и провинциями.[1]

На протяжении всей истории Китая вплоть до настоящего времени, писал Бэшфорд, центральное правительство всегда получало доходы через чиновников в провинциях.

Дж. Бэшфорд (1849–1919)

Китайцы знают, что правительство существует исключительно силой своего кошелька. Для того чтобы правительство чувствовало себя уверенным в своих доходах, император назначал местных чиновников вплоть до начальников уездов. Чиновник мог выполнять или не выполнять свои функции, выплата налогов центральному правительству была первым условием того, что он мог надеяться остаться на своей должности. Но поскольку императорское правительство зачастую вело себя деспотическим образом, общественное мнение в Китае на протяжении столетий было на стороне местных властей, а не императорского правительства. Когда во время революции маньчжурские губернаторы покидали свои насиженные места, провинциальные ассамблеи, следуя естественным устремлениям своих лидеров и примеру Соединенных Штатов, избирали губернаторов своих провинций. В результате Юань Шикай оказался лицом к лицу с губернаторами, которые отнюдь не были обязаны ему своим положением. Ситуация еще более осложнилась после того, как в ноябре 1911 г. вспыхнула революция и 7 из 22 провинций не вносили в казну ни единого доллара, а остальные 15 платили гораздо меньше налогов, чем раньше.

[1] *Bashford J.* The Outlook for China. P. 1–2 // USDS. 893.00/1634.

Поэтому, несмотря на то, что расходы были в Китае меньше, чем в других странах, Юань Шикай располагал лишь третьей частью необходимых доходов, а иностранные державы к тому же настойчиво требовали от него уплаты просроченных процентов по займам.

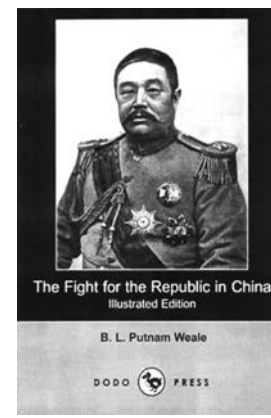
Если бы Юань Шикай проявил себя как диктатор, он наверняка бы стал действовать подобно тому, как на протяжении столетий действовали императоры, то есть стал бы смещать чиновников, не собиравших налоги, и назначать губернаторов, верных центральному правительству. Но он, напротив, проявил терпение, подобное Аврааму Линкольну, а не энергию Наполеона. Не исключено, что политика обдуманной неактивности была при данных обстоятельствах самой мудрой. Каждый, кто знаком с западными правительствами, признает, что провинциальные ассамблеи были правы, настаивая на праве провинций избирать своих губернаторов. Если бы Юань Шикай предпочел смещать чиновников, избранных провинциями, и наказывать провинции за то, что они не пополняют казну, он несомненно был бы обвинен в деспотизме, а это привело бы к сокрушительному восстанию. Но вместо того чтобы правильно оценить иностранные угрозы Китаю, недовольные Юань Шикаем интерпретировали его отказ наказать их как его слабость, а заём, произведенный без согласия второго парламента, — как проявление деспотизма. Восстание состоялось.[1]

По поводу «Второй революции»

Рассуждая на эту тему, Бэшфорд ссылается на мнения авторитетных журналистов — Б. Симпсона и Т. Милларда.

Симпсон, писавший под литературным псевдонимом «Б. Путнам Уил», был автором нескольких книг о Китае и слыл знатоком китайской действительности. Он считал Юань Шикая выдающимся государственным деятелем, Ли Юаньхуна — борцом за республику, Хуан Сина — китайским Дантоном, а Сунь Ятсена — мечтателем, не способным оказывать практическое влияние на ход событий.

Что касается Милларда, то, по его мнению, Сунь Ятсен, находясь под влиянием Хуан Сина,



Б. Путнам Уил.
Борьба за республику в Китае

[1] Ibid. P. 3–4.

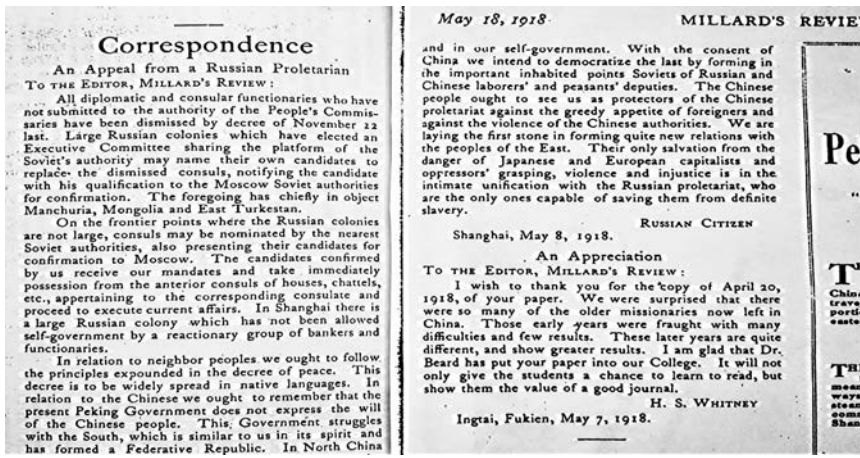
был не склонен отказываться от поста президента и сделал это под сильным давлением со стороны вице-президента Ли Юаньхуна.[1]

Миллард считал, что заявление Сунь Ясена от 21 июля, в котором лидер Гоминьдана сформулировал призыв свергнуть Юань Шикая, было нелогичным и потому неубедительным. В нем, в частности, говорилось: «Поскольку народ шести или семи провинций готов пожертвовать своей жизнью, чтобы оказать сопротивление тирану, он как слуга народа должен был подать в отставку».

Бертрам Ленокс Симпсон (1877–1930)

Комментарий Бэшфорда:

> Это заявление содержит серьезную теоретическую и не менее серьезную фактическую ошибку.
>
> Во-первых, 6 или 7 провинций — это меньше чем одна треть 22 провинций Китая. Но, по мнению Сунь Ятсена, если народ численностью менее одной трети нации намерен оказать сопротивление человеку, избранному парламентом на пост правителя, его долг — уйти в отставку. В соответствии с подобной философией в отставку должен был подать Авраам Линкольн и любой другой президент, против которого выступило



Correspondence

An Appeal from a Russian Proletarian

To the Editor, Millard's Review:

All diplomatic and consular functionaries who have not submitted to the authority of the People's Commissaries have been dismissed by decree of November 22 last. Large Russian colonies which have elected an Executive Committee sharing the platform of the Soviet's authority may name their own candidates to replace the dismissed consuls, notifying the candidate with his qualification to the Moscow Soviet authorities for confirmation. The foregoing has chiefly in object Manchuria, Mongolia and East Turkestan.

On the frontier points where the Russian colonies are not large, consuls may be nominated by the nearest Soviet authorities, also presenting their candidates for confirmation to Moscow. The candidates confirmed by us receive our mandates and take immediately possession from the anterior consuls of houses, chattels, etc., appertaining to the corresponding consulate and proceed to execute current affairs. In Shanghai there is a large Russian colony which has not been allowed self-government by a reactionary group of bankers and functionaries.

In relation to neighbor peoples we ought to follow the principles expounded in the decree of peace. This decree is to be widely spread in native languages. In relation to the Chinese we ought to remember that the present Peking Government does not express the will of the Chinese people. This Government struggles with the South, which is similar to us in its spirit and has formed a Federative Republic. In North China

May 18, 1918 MILLARD'S REVIEW

and in our self-government. With the consent of China we intend to democratize the last by forming in the important inhabited points Soviets of Russian and Chinese laborers' and peasants' deputies. The Chinese people ought to see us as protectors of the Chinese proletariat against the greedy appetite of foreigners and against the violence of the Chinese authorities. We are laying the first stone in forming quite new relations with the peoples of the East. Their only salvation from the danger of Japanese and European capitalists and oppressors' grasping, violence and injustice is in the intimate unification with the Russian proletariat, who are the only ones capable of saving them from definite slavery.

Russian Citizen

Shanghai, May 8, 1918.

An Appreciation

To the Editor, Millard's Review:

I wish to thank you for the copy of April 20, 1918, of your paper. We were surprised that there were so many of the older missionaries now left in China. Those early years were fraught with many difficulties and few results. These later years are quite different, and show greater results. I am glad that Dr. Beard has put your paper into our College. It will not only give the students a chance to learn to read, but show them the value of a good journal.

H. S. Whitney

Ingtai, Fukien, May 7, 1918.

Газета «Millard's Review»

[1] Ibid. P. 4.

абсолютное меньшинство. Вне всяких сомнений, она делает создание республиканского правительства невозможным.

Во-вторых, Сунь Ятсен умышленно кривил душой, уверждая, что народ шести или семи провинций был готов пожертвовать жизнью, чтобы оказать сопротивление Юань Шикаю. Нам известно, что в течение нескольких дней между 20 апреля и 5 мая по крайней мере 4 или 5 американцев и китаец — потомок Конфуция навещали Сунь Ятсена и заверяли его, что достаточных оснований для начала «Второй революции» нет и что, напротив, преобладающее настроение деловых людей, гильдий и представителей общественного мнения в этих провинциях было против «Второй революции». Более того, члены его собственной партии Гоминьдан были в Пекине сильно встревожены поступающими сообщениями о его намерении начать восстание. Эти парламентарии поддерживали тесные контакты со своими избирателями и были знакомы с общественными настроениями в Китае. 3 мая послали представителя партии из Пекина в Шанхай, чтобы информировать Сунь Ятсена о том, что ни одна провинция не высказывается за восстание и что они не будут вместе с ним совершать политическое самоубийство. Исход военных действий показал, что руководители Гоминьдана были правы и что утверждение Сунь Ятсена о том, будто 6 или 7 провинций были готовы умереть ради свержения Юань Шикая, основывалось или на незнании фактов, или на их заведомом искажении.[1]

Вывод Бэшфорда:

Мы считаем Сунь Ятсена мечтателем, полагающим, что одним мановением своей волшебной палочки он покончил с маньчжурской династией, а другого будет достаточно, чтобы покончить с Юань Шикаем; мечтателем, убеждавшим своих последователей, что он осуществил половину своей великой миссии свергнув маньчжуров и что оставшаяся ее половина требует свергнуть Юань Шикая и самому стать президентом. И хотя мы не считаем его злокозненным конспиратором, тем не менее его явно ошибочные действия равнозначны преступлению. Нынешнее восстание, возглавляемое Хуан Сином и иже с ним, но немыслимое без санкции Сунь Ятсена, является именно такой ошибкой. <...>

Каковы же последствия этой роковой ошибки?

В результате военных действий, утверждает Бэшфорд, над Китаем нависли четыре серьезных опасности.

[1] Idid. P. 5.

Во-первых, война имела своим следствием значительное увеличение расходов в критический момент истории. Она дезорганизовала промышленное производство в центральном Китае и в какой-то мере в стране в целом, в результате чего нация на какое-то время оказалась в худшем финансовом положении, чем после окончания [Синьхайской] революции.

Во-вторых, война оставила нацию беспомощной перед лицом агрессии России и Японии. Россия воспользовалась кризисом и старается заставить Юань Шикая отказаться от всех претензий Китая на Монголию.

В-третьих, исход войны продемонстрировал китайским солдатам, что в смутное время, подобное нынешнему, правительство полагается на физическую силу и на армию как на воплощение этой силы. Аналогичное открытие было сделано французскими солдатами перед завершением Французской революции и римскими легионерами во времена правления Отона и Гальбы. Если только китайские солдаты не проявят большей любви к миру, чем римляне и французы во время аналогичных кризисов, не исключено появление сильной личности — военного диктатора — или же сама армия выступит арбитром будущности Китая со сменяющими друг друга диктаторами, время от времени избираемыми солдатами. Печальное впечатление производит тенденция к грабежам и насилиям, проявляемая китайскими солдатами на протяжении двух последних лет. Однако мы убеждены, что подобные тенденции в период между 1911 и 1913 гг. контролировались лучше, чем в предшествующих войнах. Некоторые иностранные обозреватели полагают, что китайские солдаты грабят и насильничают не в такой степени, как это делали солдаты одной или двух иностранных держав, напавших на Китай в 1900 г. В целом я не думаю, что военные будут доминировать в Китае.

В-четвертых, значительное большинство молодых людей в Китае, которые сегодня через прессу оказывают влияние на общественность, а завтра могут стать лидерами Китая, не доверяют Юань Шикаю. Они говорят, что он предал императора Гуансюя в 1898 г., что он предал вдовствующую императрицу отказавшись выступить против иностранцев в 1900 г., что он предал принца Чуня в 1911 г., что теперь он предаст Республику.

Мы не можем согласиться с этим мнением. С нашей точки зрения, критицизм этих молодых людей основан на отсутствии опыта и желании видеть каждую реформу осуществленной в течение одного дня. Но в чем бы ни заключалась причина их недоверия к Юань Шикаю, оно — самая серьезная проблема, с которой сегодня сталкивается Китай. Если их суждения не изменятся и постепенно овладеют всей нацией, в будущем возможны новые восстания и существование республиканского прави-

тельства под руководством Юань Шикая станет невозможным. В этом случае Юань Шикай может быть вынужден подать в отставку, а в настоящее время это было бы несчастьем для Китая.[1]

И всё же, полагает Бэшфорд, у нас есть основания для оптимизма.

Во-первых, Китай был лицом к лицу с кризисом, требовавшим его немедленного разрешения. Из-за того что провинции прекратили регулярную выплату таможенных пошлин, центральное правительство обанкротилось и ему требовались немедленные меры для того, чтобы платить жалование солдатам, тем самым удерживая их от грабежей, чтобы обеспечить работу министерств и предотвратить паралич правительства, чтобы выплачивать проценты по внешним займам и спасти Китай от иностранного контроля. Взяв деньги в долг, обеспеченный природными ресурсами Китая, Юань Шикай предпринял антикризисную меру, которую при аналогичных обстоятельствах вынуждены были бы предпринять Соединенные Штаты или любое другое цивилизованное правительство.

Во-вторых, борьба отсеяла некоторые личности, неподходящие на роль лидера. Обидно терять лидеров в то время, когда в Китае недостает выдающихся деятелей, но Китай выиграл от того, что обнаружил слабость Сунь Ятсена и неискренность Хуан Сина во внутренней борьбе, а не в международной схватке, которая могла стоить нации права на существование. Правда, следует иметь в виду, что при старой деспотической форме правления на протяжении столетий китайцы не считали бунт преступлением и Сунь Ятсен может без труда вновь стать влиятельной фигурой в Китае, хотя, как нам представляется, китайцы слишком хорошо узнали его и ему вряд ли суждено впредь стать президентом.

Сюн Силин (1870–1937)

В-третьих, кризис выдвинул на первый план группу новых лидеров, подающих большие надежды конструктивных государственных деятелей. Таковы новый премьер-министр Сюн Силин, который обещает многое своим характером, способностями и опытом решения конкретных проблем Китая; Лян Цичао, проявивший себя позитивным мыслителем во время революции 1911 г., (ему Юань Шикай предложил войти в состав кабинета) и формирующий умонастроения в Китае в плане реаль-

[1] Ibid. P. 6.

ного прогресса; другие деятели, обретающие всё больше влияния: Ван Чжэнтин, нынешний лидер Гоминьдана; Янь Хуйцин, недавно назначенный посланником в Германии; Чжань Тянью и Янь Течэн, построившие лучшую в Китае Пекин-Калганскую железную дорогу. <...>

Янь Хуйцин (1877–1950)

Помимо всего прочего, Юань Шикай и Ли Юаньхун были двумя личностями, которые проявились в результате революции как люди своего слова, способные подтверждать слова делами, а китайцы продемонстрировали инстинктивную способность находить в трудную минуту самых сильных людей, чтобы сделать одного президентом, другого — вице-президентом.

В целом Юань Шикай производит на меня сильное впечатление тем, что под влиянием кризиса он стал сильнее и либеральнее. Я внимательно следил за его карьерой на протяжении последних девяти лет. С моей точки зрения, нельзя обвинять Юань Шикая за то, что в 1898 г. он пошел за вдовствующей императрицей, а не за ее сыном, тогда как в 1900 г., отказавшись повиноваться ей, он бесспорно действовал в интересах гуманности и ради будущего своей страны, а в 1911 г. он вовсе не предавал принца Чуня, уговаривая его согласиться с неизбежным и отказаться от трона.

Таким образом, мне кажется, что каждый раз, когда возникал кризис, Юань Шикай был движим интересами Китая, а не своими личными желаниями или соображениями о благосостоянии своей семьи, устояв перед искушениями, угрожающими сильному человеку в породившем его обществе. Более того, он проявил верность своим обещаниям, необычную для восточного и даже для западного политика. Имея в своем распоряжении верную ему армию, он вполне мог попытаться стать диктатором. Но я сомневаюсь в том, что в этом случае Ли Юаньхун последовал бы за ним <...>.

К тому же маловероятно, что Юань Шикай хочет быть диктатором или думает, что сможет быть им продолжительное время. Он понимает, что ни один из его сыновей не может наследовать ему на троне после его смерти. Он бесспорно знает, что деспотизм, в условиях которого он был воспитан в молодости, обречен. Он отдает себе отчет в ценности республики. Поэтому представляется, что всеми силами своей души Юань Шикай искренне борется за создание республики. Он предпочитает войти в историю как отец республики, а не как основатель новой династии. Его

амбиция — царить в душах народа, получить положительную оценку потомков и, прежде всего, завоевать благосклонность Неба.

В четвертых, укрепление центрального правительства на фоне неудачных попыток трех-четырех провинций объявить независимость может иметь важные последствия в будущем. Точно так же как в Германии тридцать или сорок полунезависимых правительств слились в Германской империи, как в Италии королевства Неаполя, Сардинии, Венеции и пр. объединились в итальянскую нацию, как в США полунезависимые штаты в результате гражданской войны превратились в одно сильное государство и эти три нации стали мощными факторами современного мира, так и в Китае полунезависимые провинции должны сформировать единую нацию, если только Китаю суждено сыграть его роль в мировой истории. Последующая четверть или половина столетия может стать наиболее значительным результатом нынешнего восстания.

Есть надежда, что здравый смысл, направлявший китайцев на «средний курс» в столь многочисленных предыдущих кризисах, подскажет им избрание Юань Шикая президентом.[1]

Аналитическая записка Бэшфорда, не только направленная им в Госдепартамент, но и опубликованная в шанхайском журнале «Chinese Recorder» во многом способствовала тому, что как «Вторая революция», так и вообще деятельность Сунь Ятсена после его отставки с поста Временного президента получила более широкую негативную оценку китайского общественного мнения.

Суждения современных исследователей

В свете вышесказанного нет ничего удивительного в том, что в оценке исторического значения «Второй революции» мнения современных историков существенно расходятся.

Соотношение понятий «Синьхайская» и «Вторая революция»

В своих выступлениях и печатных работах Сунь Ятсен не употреблял столь привычное для нас сегодня словосочетание «Синьхайская революция», называя ее «Первой» в отличие от «Второй» и «Третьей». Так, в 1915 г. в письме Международному социалистическому бюро Сунь Ятсен четко противопоставляет их:

[1] Ibid. P. 6–10.

Когда завершилась «Первая революция», я был избран Временным президентом Китайской республики. <...>

Причиной поражения нашей «Второй революции» было отсутствие единства в рядах революционеров. <...>

Наша следующая революция наверняка будет успешной. <...>[1]

Хронологические рамки «Первой революции» в понимании Сунь Ятсена — от Учанского восстания до избрания Временного президента КР — целиком укладываются в 1911 г. и, следуя его точке зрения, ее можно было бы называть «революцией 1911 г.»

Но английский журналист Э. Дингл, опубликовавший в 1912 г. книгу о Синьхайской революции[2], полагал, что она завершилась отречением маньчжурского императора и поэтому должна называться «революцией 1911–1912 годов». Это наименование принято ныне как в китайской, так и в западной историографии.

Э. Дингл (1881–1972)

У нас дело обстоит иначе. Отечественные историки разбились на два лагеря: одни, как и их зарубежные коллеги, датируют эту революцию 1911–1912 годами, другие считают, что ни с избранием Сунь Ятсена президентом, ни с падением маньчжурской династии Синьхайская революция не завершилась, и что это произошло в 1913 г. после подавления «Второй революции». Соответственно, с точки зрения этих исследователей, адекватным наименованием события, о котором идет речь, является «революция 1911–1913 годов».

Первым, кто четко сформулировал вторую точку зрения, был В. Н. Кучумов[3]; за ним последовали сначала Г. В. Ефимов[4], а затем Е. А. Белов[5] (вопросу об определении хронологических рамок Синьхайской революции Е. А. Белов посвятил специальную работу[6]).

---

[1] ПССОГ. Т. 4. С. 371–373.

[2] *Dingle E.* China Revolution: 1911–1912. Shanghai. 1912.

[3] *Кучумов В.* Очерки по истории китайской революции. М. 1934.

[4] *Ефимов Г. В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М. 1949.

[5] *Белов Е. А.* Революция 1911–13 гг. в Китае. М. 1958.

[6] *Белов Е. А.* К вопросу о хронологических рамках Синьхайской революции // Вопросы истории и историографии Китая. М. 1968. С. 243–262.

Однако доводы в защиту выдвинутой ими точки зрения представляются недостаточно убедительными, а некоторые — вызывают удивление.

Так, анализируя вопрос о хронологических рамках Синьхайской революции с точки зрения того, в руках какого класса находилась государственная власть, Е. А. Белов писал: «Передача президентского поста Юань Шикаю еще не была ни окончательной победой феодально-компрадорской реакции, ни полным поражением республиканской буржуазии. Обе стороны не складывали оружия; они продолжали борьбу, но в иных условиях и иными средствами».[1]

Какими же средствами стороны продолжали борьбу после отставки Сунь Ятсена?

По словам Е. А. Белова, буржуазные революционеры «надеялись мирным путем сохранить и упрочить республиканский строй в Китае»[2]; «на следующий же день после отречения цинской династии началась борьба за власть с помощью ***мирных средств*** между левой группировкой республиканской буржуазии и Юань Шикаем»[3]; позднее «лидеры “Тунмынхуя” боялись сказать народу правду о Юань Шикае и снова пытались конфликт с ним разрешить ***мирным путем***»[4].

Таким образом, полагая, что и после падения маньчжурской династии и передачи Сунь Ятсеном поста президента Юань Шикаю Синьхайская революция продолжалась, Е. А. Белов утверждает, что в истории человечества случались революции, осуществляемые мирными средствами.

Период мирного развития Синьхайской революции продолжался, по Е. А. Белову, около года, после чего начался ее очередной этап — «восстание против Юань Шикая», причем «не прошло и двух месяцев с начала восстания, как оно потерпело поражение».[5]

Почему же именно неудачное завершение «восстания 1913 г.» надлежит считать заключительным аккордом Синьхайской революции?

Потому, отвечает Е. А. Белов, что «потерпев разгром, буржуазно-революционное движение в последующие несколько лет перестало быть существенным фактором политической жизни Китая».[6]

---

[1] Там же. С. 247.

[2] Там же. Здесь и далее курсив наш.

[3] Там же. С. 248.

[4] Там же. С. 255.

[5] Там же. 261.

[6] Там же.

Примерно так же рассуждал и Г. В. Ефимов, утверждавший: «Антиюаньшикаевское восстание[1] потерпело поражение. Это была последняя серьезная попытка спасти революцию».[2]

Но «Вторая революция» была отнюдь не последней попыткой Сунь Ятсена спасти революцию. За ней последовала «Третья революция» 1916 г., ставившая те же цели, что и «Вторая». Значит ли это, что Синьхайская революция продолжалась и после 1913 г. и мы должны называть ее «китайской революцией 1911–1916 гг.»?

Потерпела ли Синьхайская революция неудачу?

Предпринятый Кучумовым, Ефимовым и Беловым пересмотр хронологических рамок Синьхайской революции имел еще один важный аспект: раз «Вторая революция», якобы являвшаяся составной частью Синьхайской, потерпела неудачу, значит, поражением завершилась и вся Синьхайская революция в целом.

«К концу 1913 г., — писал Е. А. Белов, — в Китае установилась реакционная диктатура крупных помещиков и компрадоров. Революция потерпела поражение, и государственная власть была захвачена реакционной кликой Юань Шикая».[3]

То же у Г. В. Ефимова:

> [«Вторая революция»] закончилась неудачей. Это означало, что революция 1911–1913 гг. в достижении своих наиболее высоких целей — подлинно демократической республики, благоденствия народа — также потерпела поражение.[4]

Против этого вывода выступил профессор А. В. Меликсетов, еще задолго до перестройки и гласности позволявший себе несанкционированные суждения.

В своем докладе на VII научной конференции «Общество и государство в Китае» Меликсетов утверждал: если бы советские историки, полагающие, что Синьхайская революция потерпела поражение, исходили из формулы Сунь Ятсена «Цель нашей революции добиться счастья для

---

[1] «Вторая революция».

[2] *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913 гг. М. 1974. С. 338.

[3] *Белов Е. А.* Революция 1911–1913 годов в Китае. М. 1958. С. 105.

[4] *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913 гг. С. 338.

Китая», то их выводы не могли бы встретить возражений: Синьхайская революция действительно «добиться счастья для Китая» не сумела.

> Но марксистские историки, анализируя судьбы буржуазной революции, оперируют, естественно, другими понятиями, другими аргументами. <...> И в этом случае ответ нам представляется иным — Синьхайская революция победила, ибо она самым радикальным образом решила первейшую историческую задачу, стоявшую перед страной, — ликвидировала маньчжурскую монархию и тем самым не только освободила Китай от ненавистного гнета иноземной династии, но и уничтожила деспотическую империю, являвшуюся серьезнейшим препятствием на пути социального прогресса. <...>
>
> «И еще вчера стоял величаво на глиняных ногах огромный деспотический колосс восточной монархии, повелевая и распоряжаясь народами, — писала 5 ноября 1911 г., в первые дни китайской революции, большевистская газета “Звезда”, — сегодня он уже почти повергнут в прах. И этот вчерашний молчаливый, понурый, всем покорный раб провозгласил под боевые клики восставшего и победившего народа федеративную республику и, может быть, мы накануне действительного чуда: Россия будет граничить на расстоянии 10 тысяч верст с республиканским государством». И чудо свершилось. Свершилось беспримерное в Азии событие — на развалинах китайской империи была провозглашена республика! Синьхайская революция победила.[1]

В высшей степени показательно, что почти одновременно с проф. Меликсетовым к практически аналогичному выводу пришел гоминьдановский историк У Сянсян, отнюдь не разделявший марксистскую концепцию исторического развития человечества:

> «Вторая революция» не имела ничего общего с Синьхайской. Она не встретила поддержки и сочувствия со стороны как китайцев, так и иностранцев.[2]

А. В. Меликсетов (1930–2006)

Иначе говоря, антиюаньшикаевское выступление 1913 г. потерпело поражение, но к вопросу

[1] *Меликсетов А. В.* Потерпела ли поражение Синьхайская революция? // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». М. 1976. Ч. II. С. 305–310.

[2] 吴相湘。孙中山先生传 (*У Сянсян.* Биография Сунь Ятсена). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 1211.

о том, была ли успешной Синьхайская революция, это обстоятельство не имеет отношения.

Мнение профессора Чжан Хуатэна

В связи со 100-летием «Второй революции» декан исторического факультета Аньянского педагогического института Чжан Хуатэн поделился своими мыслями об этом знаменательном событии.

Чжан Хуатэн

Отвечая на вопрос журналиста о том, как он оценивает политическую ситуацию в Китае накануне «Второй революции», Чжан Хуатэн подчеркнул, что согласно принятой в Нанкине уже после отставки Сунь Ятсена Временной конституции Китайской Республики, на смену первоначально учрежденной по его настоянию президентской формы правления пришла парламентская республика, при которой премьер-министр (этой должности в Нанкинском правительстве вообще не существовало) отчитывался не перед президентом, а перед парламентом, что фактически делало президента чисто номинальным главой государства, не обладавшим фактическими властными полномочиями.

Юань Шикай был недоволен внезапной сменой прерогатив президента, о чем свидетельствует его обращение в парламент[1], однако вплоть до начала «Второй революции» он соблюдал Временную конституцию и сотрудничал с парламентом, хотя по ряду вопросов и не мог найти с ним общего языка.[2]

Это замечание Чжан Хуатэна представляется нам очень важным, тем более что Сунь Ятсен, ведя в свою бытность президентом переговоры о получении японского займа, в отличие от Юань Шикая соблюдал строжайшую конспирацию и даже не помышлял информировать об этом орган законодательной власти.

---

[1] 白蕉。袁世凯与中华民国 (*Бай Цзяо.* Юань Шикай и Китайская Республика) // 近代稗海 (Море мелочей новейшей истории). Т. 3. Чунцин. 1985. С. 57–59.

[2] 张华腾: 二次革命，一场可疑的讨伐 (Чжан Хуатэн: «Вторая революция» — необоснованное выступление) // http://history.sina.com.cn/his/zl/2013-07-10/170750218_4.shtml.

Поэтому можно согласиться с выводом Чжан Хуатэна о том, что второй повод для начала выступления против Юань Шикая был столь же надуман и неубедителен, как и первый, а это в свою очередь явилось одной из главных причин почти молниеносного поражения «Второй революции», поскольку она не могла найти и не нашла отклика в сердцах рядовых граждан республики.

«Вторая революция» лишила Китай шанса на мирное конституционное развитие, как об этом много лет тому назад говорил Лян Шумин.[1]

[1] 梁漱溟全集 (Полное собрание сочинений Лян Шумина). Т. 4. Цзинань. 1991. С. 673.

Сведения об авторах

Василий Михайлович Крюков (1962–2008) в 1984 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ, в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал научным сотрудником Института востоковедения РАН. Стажировался в Пекинском университете. Затем был приглашенным исследователем в Центре синологических исследований (Тайвань) и в Оксфорде.

С 1996 г. после защиты докторской диссертации преподавал в Тамканском университете (Тайвань). Его вклад в развитие высшего образования на Тайване отмечен правительственной наградой Китайской Республики «За заслуги».

В Институте стран Азии и Африки МГУ и Тамканском университете учреждены мемориальные стипендии его имени.

Автор около 40 научных трудов на русском, китайском, английском языках, в том числе шести монографий.

Михаил Васильевич Крюков родился в Москве в 1932 г. В 1955 г. окончил Московский государственный институт международных отношений, в 1962 г. — Пекинский университет. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1970 г. стал доктором исторических наук. Был научным сотрудником, затем заведующим Отделом народов зарубежной Азии Института этнологии и антропологии РАН, главным редактором журнала «Этнографическое обозрение», позднее — директором Института России Тамканского университета.

Член Европейской Академии, почетный член Британского Королевского антропологического общества. Удостоен международной премии «Золотой диск», присуждаемой за научные достижения; медали Кембриджского биографического общества «20th Century Award for Achievements» и медали И.Ю. Крачковского Института востоковедения РАН.

Автор более 300 научных работ, в том числе 16 монографий.

Научное издание

В. М. Крюков, М. В. Крюков

Неизвестный Сунь Ятсен. Штрихи к портрету

Том I
(1866–1913)

Верстальщик *А. Б. Дунаева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректоры *С. В. Кирюхина, А. И. Кобзев, Н. А. Орлова*

В книге использованы иллюстрации из открытых источников

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 17.04.2023. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 34,5.
Уч.-изд.л. 26,0. Тираж 500 экз. Зак. №7543

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте https://book.ivran.ru
Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в типографии ООО «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: http://amirit.ru

В. М. Крюков М. В. Крюков

НЕИЗВЕСТНЫЙ СУНЬ ЯТСЕН

Том второй

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
PROCEEDINGS OF THE CHINA DEPARTMENT

Выпуск 46
Issue

東方學研究所・華部叢書・第四十六期

Москва

2023

В. М. Крюков, М. В. Крюков

Неизвестный Сунь Ятсен

Штрихи к портрету

Том II
(1913–1925)

Москва

2023

УДК 94 (510)
ББК 63.3(5 Кит)
К85

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
Выпуск 46

Рекомендовано Ученым советом
Института востоковедения РАН

Редакционная коллегия
д.филос.н., проф. *А. И. Кобзев* (главный редактор),
к.филос.н. *Н. В. Руденко* (ответственный секретарь),
к.и.н. *С. В. Дмитриев* (зам. главного редактора),
д. *П. Адамек* (Piotr Adamek svd, Германия–Польша),
д. *Г. Йегер* (Henrik Jäger, Германия), к.и.н. *М. В. Корольков,*
к.филос.н. *Н. А. Орлова*, проф. *А. Роше* (Alain Rocher, Франция),
к.и.н. *Э. А. Синецкая*, к.и.н. *Е. С. Скрыпник*

Ответственный редактор
А. И. Кобзев

Редакторы *Н. А. Орлова, Д. Б. Омецинский*

Рецензенты
к.и.н. *М. Ю. Ульянов*, к.и.н. *Л. П. Черникова*

К85 **Крюков В. М., Крюков М. В.** Неизвестный Сунь Ятсен. Том II (1913–1925) / В. М. Крюков, М. В. Крюков ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук ; [отв. ред. А. И. Кобзев]. 512 с. : ил. — (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 46 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.). — ISSN 2227-3816, ISBN 978-5-907543-73-7

ISBN 978-5-907543-74-4 (в пер.) (том 2)

Имя китайского революционера Сунь Ятсена хорошо знакомо отечественному читателю. Однако многие факты его биографии до недавних пор оставались покрытыми пеленой неизвестности. Авторы этой книги поставили своей целью, опираясь на достоверные первоисточники, хранящиеся в архивах Китая, США и России, восстановить его подлинный портрет, свободный от позднейших наслоений и искажений.

ББК 63.3(5 Кит)

ISSN 2227-3816
ISBN 978-5-907543-74-4 (в пер.) (том 2)
ISBN 978-5-907543-72-0 (в пер.)

© Крюков В. М., Крюков М. В., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023
© Редколлегия «Ученых записок Отдела Китая», 2023

Оглавление

Глава XI. Назад, к революции! 13

Снова в Японии 13

Знойный август 1913 г. 13

Забота о безопасности непрошеных гостей или тайная слежка за ними 17

Первые неудачи на японской земле 21

Рука об руку с эпигонами свергнутой маньчжурской династии 24

Далеко идущие планы князя Су 24

Попытки реставрации династии Цин и японские рёнин 27

Задача: установить контакт с Цзуншэдан 29

На свет появляется Революционная партия Китая 32

«Главное — единое руководство!» 33

Между Сунь Ятсеном и Хуан Сином пробежала черная кошка 36

И всё же партия была создана 39

Сунь Ятсен пишет премьеру Окума 42

О чем говорилось в письме 42

Небольшое отступление от темы: кто разгласил содержание письма Сунь Ятсена? 49

Споры о подлинности письма не утихают до сих пор 54

Оптимизм сменяется разочарованием 62

До свиданья, друг мой, до свиданья! 62

Универсальные магазины — вот что нам нужно 68

Джеймс Дэйтрик, бизнесмен из Кентукки 70

Глава XII. Мечты, мечты! Где ваша сладость? 75

Началась мировая война 75

Япония аннексирует Шаньдун 75

Китайские революционеры активизируют свою деятельность ... 79
Утида Рёхэй формулирует требования, которые следует предъявить Китаю ... 82

«Двадцать одно требование» ... 87
Предварительные телодвижения ... 87
Китаю предъявлено «21 требование» ... 90
Реакция китайской и японской прессы ... 95

Еще два спорных документа ... 98
Проект соглашения о китайско-японском союзе ... 98
Письмо Сунь Ятсена в МИД Японии ... 100
Аргументы за и против ... 104

Конкретные доводы спорящих сторон ... 105
Чэнь Цзайцзюнь: «Соглашение» — подделка ... 106
Чэнь Цзайцзюнь о фальсификации письма в МИД ... 112
Контраргументы ... 116

Снова резкая смена настроения ... 119
Поездка в Соединенные Штаты отменяется ... 120
Опять кризисная ситуация ... 124
Лидер более не питает надежд на японскую помощь ... 128

У сторонников Сунь Ятсена появился еще один повод порицать своего лидера ... 137
Любовь зла ... 137
Против были не только родители ... 141
Чего не знали критики Сунь Ятсена ... 142

Глава XIII. Роковая ошибка Юань Шикая ... 145

Накануне ... 145
Сунь Ятсен нарушает молчание ... 145
Воля народа или ее имитация? ... 148
Гу Вэйцзюнь отправляется в Соединенные Штаты ... 156

Настоятельная рекомендация ... 157
Посланник Крупенский информирует Петроград ... 157
«Дружеский совет» держав ... 161
Определенного ответа не последовало ... 167

Император Хунсянь 172
Свершилось! 172
Так кто же он: президент или император? 175
Япония показывает зубы 177
Особое мнение южных провинций 179
Первой поднялась Юньнань 179
За Юньнанью последовала Гуйчжоу 181
И наконец — Гуанси 183
Finita la comedia 184
У представителей держав нет единого мнения 184
Конвульсии Пекина 188
Горнисты трубят отбой 189

Глава XIV. Ничто не вечно под луной 193
Неожиданные последствия соглашения 193
Пометы Юань Шикая на тексте «21 требования» 193
Китай отвечает бойкотом японских товаров 197
Япония тоже не остается индифферентной 199
Новый министр — новые веяния в коридорах власти 202
«21 требование» глазами Исии Кикудзиро 203
Министр умолчал о главном 207
Кадровые перестановки 209
Сначала убрать Юань Шикая, а там видно будет 211
Англия и Россия против 211
Попытка удушить Юань Шикая финансовой петлей 213
Планам японцев помешали американцы 215
Ставка на Сунь Ятсена 216
Поддержать мятежников 217
Получите и распишитесь! 221
Две проблемы, настоятельно требовавшие решения 227
Северо-Восточная армия 230
Шаньдун: плюсы и минусы 231
Место У Дачжоу занимает Цзюй Чжэн 233
За границей рекрутируются бойцы-смертники 235

Глава XV. Место действия — Шаньдун 237

Зияющая лакуна сегодня должна быть заполнена 237
Воспоминания участников событий 238
Донесения иностранных наблюдателей и материалы прессы 240
Документы из фонда АКИИГ 241

«План революционных действий в Шаньдуне» 242
Цели, программа действий, методы осуществления 243
График боевых действий, задействованные силы, подготовка операций 245
Кто платит, тот и заказывает музыку 247

Загадка капитуляции вэйсяньского гарнизона 253
Рассказывает Янь Гофу 256
Японская версия 257
Информация, полученная в посольстве США 259

Какой флаг вывешивать? 263
На этот раз командовать Сунь Ятсену не довелось 263
С местным населением или против него? 266
У Дачжоу приказам не подчиняется 269

На краю пропасти 272
В Цзинани неспокойно 272
«Мы снова потерпели поражение!» 273
Что делать дальше? 278

Глава XVI. «Северо-Западный план»: первоначальный вариант 281

Ласковый теленок двух маток сосет 281
Деньги брал Сунь Ятсен, а отдавать должны другие 281
Немцы хотят сотрудничать с Сунь Ятсеном 287
Немецкие деньги Сунь Ятсена 291

За и против нейтралитета 294
«Вопрос жизни и смерти Китая» 294
Ли Юаньхун против Дуань Цижуя 297
Борцы за демократию не прочь получить помощь от США 299

Главнокомандующий 308
В стране вновь двоевластие 308
Державы отказывают Сунь Ятсену в поддержке 311
Высокая должность — большие неприятности 314

Цао Ябо едет в Берлин....319
Экс-главнокомандующий передумал....319
Запоздавшие переговоры....323
В Москве о плане Сунь Ятсена не имели ни малейшего представления....326

Глава XVII. Шанхай: 1919–1920....329

Уйти? Остаться?....329
Член правительства, действующий через представителя....329
Ехать в Париж Сунь Ятсен отказался....335
Конференцией Севера и Юга Сунь Ятсен тоже не интересовался....337

Сунь Ятсен садится за письменный стол....340
Действовать легко, познавать трудно....340
Материальное строительство (промышленный план)....343
Социальное развитие Китая....346

Теперь уже не немецкие военнопленные, а регулярная Красная Армия....347
Снова взгляд в северо-западном направлении....348
Эмиссары Москвы — фиктивные и реальные....350
Переговоры на улице Мольера....356
Сунь Ятсен, поразмыслив, прислушивается к мнению Попова....359

Сунь Ятсен и генерал Потапов....363
Характеристика, данная Потапову Сокольским, была вполне адекватна....363
Письмо Ленину и другие сочинения генерала Потапова....365
Побочный эффект....367

Глава XVIII. Эпопея Чэнь Цзюнмина....375

Конфликт, заслуживающий сожаления....375
Сунь Ятсен снова в Кантоне....375
Их мнения по кардинальным аспектам государственной политики оказались несовместимыми....377
В оценке конфликта Сунь Ятсена и Чэнь Цзюнмина общественное мнение разошлось во взглядах....388

За Вашингтоном последовала Москва 391
Письмо Сунь Ятсена так и не было передано адресату 391
Мы хотим в Вашингтон 395
Миссия Гоминьдана в Москве 396

Документы, найденные в сейфе Сунь Ятсена 399
Идея тройственного союза 399
Реакция прессы 405
Сунь Ятсен приглашает японцев на остров Хайнань 407

Глава XIX. «Великий перелом» в мировоззрении Сунь Ятсена? 411

На пути к альянсу 411
Ленин меняет свое отношение к Сунь Ятсену 411
Мнение Виленского 414
Коммюнике Сунь Ятсен — Иоффе 417

«Северо-Западный план» терпит фиаско 427
Иоффе выступает за оказание помощи Сунь Ятсену 427
«Делегация д-ра Сунь Ятсена» в Москве 436
Сунь Ятсен принимает то, что ему дают 441

Дело об исключении коммунистов из Гоминьдана 444
Сунь Ятсен предостерегает Карахана 445
Соглашение Карахан — Гу Вэйцзюнь вступило в силу 449
Коммунисты нарушают партийную дисциплину 453

Апокалипсис Сигуаня 459
Предыстория конфликта 459
Противоречия устранены не были 463
Мятеж подавлен 465

Глава XX. В поисках запасного аэродрома 469

Вопрос, кого считать «единственным учителем», еще не решен 469
Кого только Сунь Ятсен не называл своими учителями! 469
«Мы должны учиться у Англии!» 471
И опять Германия 472

Америка, Америка! 473
Шурман в Кантоне 473
Неподтвержденная деталь встречи Сунь Ятсена с Шурманом 476
Письмо Генри Форду 477
Взгляд на Восток 479
Сунь Ятсен пишет Инукаи 479
Снова случай побывать на второй родине 482
Япония должна помочь нам отменить неравноправные договоры 484
Извечная «паназиатская идея» 486
Историческая миссия Азии 486
Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут 489
Надежда на Азию 493
О «предсмертном письме Сунь Ятсена советским руководителям» 496
Некоторые спорные моменты 497
Рассматривая подлинник документа 501
Подписи свидетелей 505

Предельно краткое заключение 509

Глава XI

Назад, к революции!

Снова в Японии

Убедившись в том, что «Вторая революция» потерпела окончательное поражение, Сунь Ятсен решает покинуть страну. Но куда он мог направиться? Перед ним было две возможности: США и Япония. Д-р Сунь выбрал второй вариант. Но вскоре выяснилось, что на пути в Страну Восходящего Солнца перед ним возникли серьезные трудности. Японские власти не хотели видеть у себя непрошеного гостя.

Знойный август 1913 г.

2 августа 1913 г. Сунь Ятсен в сопровождении Ху Ханьминя и еще нескольких ближайших соратников покинул Шанхай и направился в Фучжоу. Там он сообщил аккредитованному при японском консульстве военному атташе Тага Соно, что собирается отплыть в Японию, и услышал в ответ: «Я не уверен, что мое правительство разрешит Вам въезд в страну!» Тага посоветовал Сунь Ятсену подыскать себе какое-нибудь другое место, и он остановил свой выбор на Цзилуне (Тайвань), куда и прибыл 5 августа.

Сакума Самата (1844–1915)

Исполняющий обязанности консула в Фучжоу информировал министра иностранных дел Японии Макино Нобуаки о том, что Сунь Ятсен намерен связаться из Цзилуна

с находившимся в Кобэ Сун Цзяшу и решить с ним, куда было бы предпочтительнее направиться. В связи с этим Макино телеграфировал губернатору Тайваня Сакума Самата:

> 4 августа Сунь Ятсен отплыл из Фучжоу в Цзилун. Принимая во внимание существующую внутреннюю и международную ситуацию, императорское правительство полагает, что лучше всего было бы воспрепятствовать приезду в страну главаря нынешних беспорядков в Китае, и намерено проводить эту линию в жизнь. Исходя из этого, примите надлежащие меры и уговорите Суня ехать не в Японию, а куда-нибудь еще[1].

Но Сунь Ятсен к «совету» Самата не прислушался и утром 9 августа прибыл в Кобэ.

На следующий день префект уезда Хёго Хаттори Итидзо докладывал министру Макино, что, по его сведениям, активное содействие Сунь Ятсену оказывает некто Каяно Нагатомо: он накануне прибыл в Кобэ и встретил Суня в порту[2].

Информация Хаттори была достоверной. Еще будучи в Китае, Сунь Ятсен действительно просил Каяно о помощи:

> Если ехать куда-то далеко, это отрицательно скажется на перспективах деятельности нашей партии. Поэтому я хочу во что бы то ни стало на некоторое время поселиться в Японии. Нельзя ли обсудить этот вопрос прямо на пароходе в Кобэ?[3]

Используя свои связи в правительственных кругах, Каяно постарался убедить премьер-министра Ямамото в том, что пребывание Сунь Ятсена в Японии не нанесет никакого ущерба интересам империи. Сначала его усилия не имели успеха. Но когда к делу подключился Инукаи, премьер-министр в конце концов согласился, и перед самым прибытием Сунь Ятсена в Кобэ Каяно получил из столицы долгожданное сообщение: «Ямамото не против, сообщи об этом Суню».

Ямамото не был против; против был Юань Шикай.

---

[1] Макино — Сакума Самата, 5 августа 1913 г. // 日本外交文书 (Документы внешней политики Японии). 1913. Т. 2. С. 392; 孙中山在日活动密录。1913.8–1916.4。日本外务省档案 (Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. Август 1913–апрель 1916. Из архива МИД Японии). Тяньцзинь. 1990. С. 586.

[2] Хаттори — Макино, 10 августа 1913 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 588.

[3] 萱野长知。中华民国革命秘笈 (*Каяно Нагатомо*. Революционные тайны Китайской Республики). Токио. 1941. С. 198.

В это время на смену японскому посланнику в Пекине Идзюин Хикокити прибыл Ямадза Эндзиро. Ему пришлось объяснять сложившуюся ситуацию:

Ямамото Гомбэй (1852–1933)

> С точки зрения добрососедских японо-китайских отношений пребывание Сунь Ятсена и Хуан Сина в Японии не отвечает пожеланиям императорского правительства, и об этом заблаговременно были оповещены консулы на местах, чтобы помешать этому. Однако, несмотря на это, они тайно высадились в стране. Хотя императорское правительство испытывает чувство сожаления по этому поводу, оно, руководствуясь духом и буквой конституции, не может заставить этих лиц покинуть Японию. К тому же многочисленные японские друзья Сунь Ятсена и Хуан Сина сочувствуют их трудному положению и хотят защитить их, что еще более усложняет задачу [стоящую перед правительством]. Тем не менее местные власти предпринимают в настоящее время попытки уговорить их незамедлительно покинуть территорию Японии. Хотя результат их усилий пока неизвестен, этому придается исключительно большое значение, и даже если они временно останутся здесь, Япония ни в коем случае не станет базой их новых выступлений[1].

Выход из положения, по мнению японского правительства, заключался в том, что оно не будет принимать меры для немедленного выдворения из Японии лидеров антиюаньшикаевского лагеря, но установит за ними строжайшее негласное наблюдение, дабы воспрепятствовать их конкретной деятельности по подготовке дальнейших революционных выступлений[2].

Коль скоро согласие правительства было получено, 16 августа Сунь Ятсен в обстановке полной секретности в сопровождении двух спутников и члена парламента Кикути Рёити отбыл из Кобэ в Иокогаму.

---

[1] Ямаса — Макино, 14 августа 1913 г. // Документы внешней политики Японии. 1913. Т. 2. С. 401; Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 590.

[2] Макино — Ямаса, 12 августа 1913 г. // Документы внешней политики Японии. 1913. Т. 2. С. 400; Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 591.

Японское посольство в Пекине

Получив эти сведения, министр Макино телеграфировал префекту уезда Синагава, что по прибытии в Иокогаму Сунь Ятсена следует ради соблюдения конспирации пересадить на моторный катер и тайно доставить на берег[1].

Префект выполнил это предписание и подробно информировал министра иностранных дел о том, с какими приключениями всё это происходило:

> В 5 часов пополудни начальник полицейского управления и начальник морской полиции (оба в штатском), а также прибывшие из Токио Маэкава и Мива сели на принадлежащий морской полиции моторный катер и в 6 часов отплыли к месту назначения.
>
> Через полчаса они прибыли к точке, расположенной на расстоянии 1 *ли* от границы порта, и остановились в ожидании парохода из Кобэ. Но пароход опоздал на 2 часа, и только в 9 часов смогли увидеть огни на его мачте. Однако ввиду плохой погоды облака закрыли луну, и было невозможно определить, то ли это судно, которого ждали.
>
> Для того чтобы привлечь его внимание, был дан сигнал сиреной, и с парохода тотчас же ответили. Подплыв к пароходу на расстояние, на котором можно было различить человеческую речь, окликнули его и спросили название судна, убедившись, что ошибки нет. Объявив, что

[1] Там же. С. 4–5.

Сунь Ятсен и его друзья в Кобэ

пароход встречает катер морской полиции, приказали команде остановиться и, пришвартовавшись к правому борту, вызвали капитана, после чего вместе с ним поднялись на палубу.

Сунь Ятсен в это время был там же на палубе, и его вместе с двумя попутчиками пересадили на катер, перенеся туда же багаж (плетеный чемодан, две дорожные сумки и портфель). С парохода на катер пересели и следовавшие с Сунь Ятсеном охранники из морской полиции. Было уже 10 часов вечера[1].

На берегу прибывших уже ожидал автомобиль, остановившийся в сорока шагах от места высадки.

Поскольку на улице была ночь, отъезд из Иокогамы и прибытие в Токио не привлекли постороннего внимания. Добрались до места, где должен был отныне жить Сунь Ятсен, в 40 минут первого 18 августа.

Забота о безопасности непрошеных гостей или тайная слежка за ними

27 августа министр Макино отправил послу Японии в Пекине Ямадза телеграмму с предписанием еще раз заверить Юань Шикая, что пребывание Сунь Ятсена и его товарищей в Японии не представляет собой угрозы Китаю:

Императорское правительство не хотело, чтобы беглецы, связанные с нынешними беспорядками в Китае, прибыли в Японию. Они уже

[1] Там же. С. 593–594.

прибыли, и их невозможно удалить. Но за ними установлено строгое наблюдение, что не дает им возможности использовать территорию нашей страны в качестве базы для подготовки мятежа в соседнем государстве[1].

Японское полицейское управление накопило к этому времени немалый практический опыт по установлению секретного контроля за подозрительными иностранцами, так что в организационном отношении здесь не должно было возникнуть сколько-нибудь серьезных проблем.

16 августа были утверждены «Меры по наблюдению за Сунь Ятсеном во время его следования в столицу», включавшие 6 пунктов[2]. Полицейские в штатском сопровождали его по пути в Токио вплоть до дома, где Сунь Ятсена поселили его друзья.

В дальнейшем меры, предпринятые полицейским управлением, сводились к четырем аспектам:

во-первых, составление списков прибывших из Китая инсургентов;

во-вторых, внешнее наблюдение за ними;

в-третьих, прослушивание телефонных разговоров;

в-четвертых, получение информации от тех, кто побывал на квартире у Сунь Ятсена.

На первых порах главное внимание уделялось регистрации всех прибывших и составлению их списков.

В своем первоначальном виде эти списки включали следующие графы:

1) фамилия и имя;

2) псевдоним, под которым данное лицо было зарегистрировано в Японии;

3) должность, которую оно занимало в Китае;

4) нынешний адрес;

5) примечания.

Позднее власти потребовали от полиции более детальную информацию о прибывших из Китая, и в их списках появились новые графы:

6) возраст;

7) когда отбыл из своей страны;

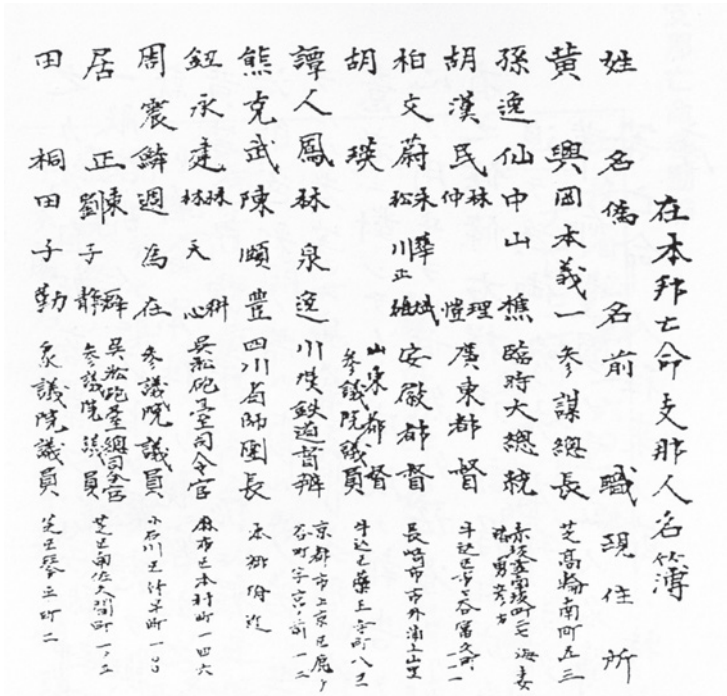
8) в каком порту высадился;

9) когда прибыл в Токио.

По мере прибытия в Японию новых лиц списки регулярно обновлялись. Отдельно составлялись перечни всех тех, кто покидал страну.

[1] Там же. С. 596.

[2] Там же. С. 592.



Первая страница одного из списков прибывших в Японию китайских революционеров

Благодаря такого рода спискам, сохранившимся в японском архиве, мы имеем сегодня возможность получить исчерпывающую информацию о том, кто вместе с Сунь Ятсеном или несколько позднее прибыл в Японию после поражения «Второй революции», а также где конкретно обосновались приехавшие и какие псевдонимы они себе выбрали.

Из этих списков мы узнаем, что Сунь Ятсен фигурировал в них под именем Накаяма Кикори, а местом его постоянного проживания в Токио была частная квартира в доме по адресу: № 27, Рэйнандзака, Акасака. Хуан Син жил в Японии под псевдонимом Окамото Гиити, Ху Ханьминь — Хаяси Осаму, Дай Цзитао — Кимура Токити.

Важнейшим элементом слежки за Сунь Ятсеном и его товарищами было наблюдение за его квартирой и фиксация всех, кто приходил к нему.

Агенты в штатском, сменяя друг друга, ежедневно с утра до вечера дежурили около его дома, а затем составляли подробные отчеты о том, кто и когда навещал Сунь Ятсена, сколько времени продолжался визит и т. д.

在东京的中国流亡者名单

姓名	化名	年龄	原职务	来自何地	出发日期	抵日		抵东京日期	现地址	备注
						地点	日期			
孙文		46	铁路总裁	福州	8月4日	基隆	8月5日	1913年8月18日	赤坂区灵南坂田27海妻宅	8月9日抵神户
黄兴	风本义一	39	参谋总长	香港	8月4日	马关	8月8日	8月27日	芝区高轮南町53	
胡汉民	林理	37	广东总督	福州	8月4日	基隆	8月5日	8月16日	赤坂区传马町2—7	8月12日抵门司
胡瑛		29	山东都督	上海	9月6日	长崎	9月8日	9月10日	四谷区荒丘町55	也有10月14日抵京的记载
张继	姜白	32	原参议院议长	香港	8月5日	基隆	8月7日	8月24日	麹町区内幸町1—5旭馆	
李烈钧	吉田清风	35	江西都督	大冶	9月12日	若松	9月17日	9月22日	芝区白金今里町1—3	日比谷宾馆8月18日抵大阪
陆惠生		30	商人					6月7日	麹町纪尾井町3	
金佐之	关声振	35	总督府参谋					8月16日	赤坂区传马町2—7	

Другой вариант списков прибывших из Китая[1]

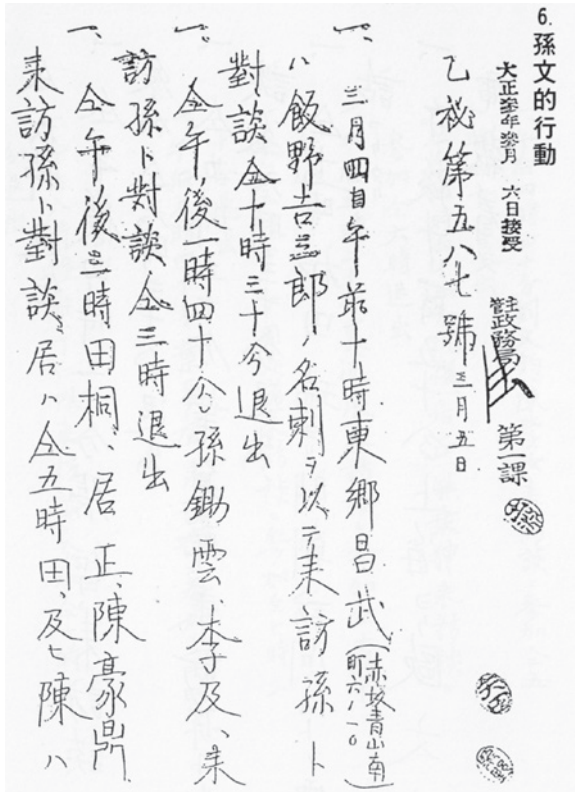
В случае, если гостем Сунь Ятсена был японец, от него потом требовали сообщить содержание разговоров, свидетелем которых он был.

Помимо этого, круглосуточно прослушивался телефон, установленный на квартире Сунь Ятсена.

Все полученные сведения обобщались и немедленно передавались в Министерство иностранных дел, где они подшивались к делу «Деятельность Сунь Вэня».

Трудно сказать, отдавал ли Сунь Ятсен себе отчет в том, насколько всесторонне его повседневные действия становились достоянием японских властей. Но так или иначе, как справедливо заметил в свое время Мао Цзэдун, «плохое дело может превратиться в хорошее дело». Благодаря мерам, принятым японской охранкой, и их результатам, отраженным в докладах сексотов и дошедшим до нас в архиве японского МИД, мы

[1] Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 751.


6. 孫文的行動

Журнал наблюдения за квартирой Сунь Ятсена (запись от 5 марта 1914 г.)

сегодня располагаем исключительно подробными данными обо всем, что связано с пребыванием Сунь Ятсена в Японии в 1913–1916 гг. Как мы убедимся ниже, эти материалы в ряде случаев позволяют решить некоторые спорные вопросы анализируемой нами темы.

Первые неудачи на японской земле

Изменив свое первоначальное мнение и разрешив Сунь Ятсену прибыть в Токио, японское правительство, по-видимому, помимо всего прочего руководствовалось тем соображением, что в случае отказа принять Сунь Ятсена и его сообщников, он мог уехать в Соединенные Штаты, что в условиях острого соперничества двух стран было невыгодно Японии.

Именно на это обстоятельство указывали друзья Сунь Ятсена, готовившиеся встретить его на японской земле. Так, Тояма писал Каяно, что «нельзя отдать его (Сунь Ятсена) в руки американцев»; Каяно был согласен с этим: «Нужно во что бы то ни стало подготовить его высадку в Японии, нельзя отдавать его иностранцам»; Мацуката полагал, что нужно «выкрасть Суня» у американцев[1].

Между тем ближайший сподвижник д-ра Суня Хуан Син не хотел скрываться в Японии, предпочитая поездку за океан. Сунь Ятсен настоял на своем, и Хуан Син все-таки прибыл в Японию, но продолжал убеждать его в преимуществах путешествия в Штаты.

2 сентября Хуан Син попросил свою знакомую Э. Свони запросить госсекретаря Соединенных Штатов о том, могут ли американские власти разрешить ему въехать в страну, хотя у него нет необходимых документов[2].

Поэтому Хуан Син не участвовал во встречах Сунь Ятсена с представителями японских деловых и военных кругов, которые он начал организовывать сразу же после прибытия в Токио.

Хэ Хаймин (1887–1944)

Сунь Ятсен изложил Ху Ханьминю, Кикути Рёити и Каяно Нагатомо свой план, который он намеревался осуществить в течение двух недель.

Речь шла о совместных действиях с Хэ Хаймином, готовившим вооруженное выступление в Нанкине. Но, как всегда, главным условием успеха был вопрос о деньгах и оружии, и Сунь Ятсен тут же вплотную занялся им.

В эти дни Сунь Ятсену представили некоего Ино Китисабуро, известного своими связями в политических и военных кругах

[1] Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 789.

[2] Guthrie to the Secretary of State, September 7, 1913 // USDS. 893.00/1962.

Японии. Вскоре после этого он подписал с Ино «клятвенное соглашение» о сотрудничестве, а тот тут же сообщил в полицейское управление:

> Я несколько раз встречался с Сунь Вэнем, <...> он хотел видеть меня. Если бы я сразу же согласился, это было бы не в интересах нашей страны. Поэтому я посоветовался с соответствующим начальством и стал играть роль звукозаписывающего аппарата[1].

21 сентября Сунь Ятсен вместе со своим бывшим секретарем Икэ Кёкити отправился в гости к Ино Китисабуро, где познакомился с начальником управления военного министерства Цудзимура.

Сунь Ятсен сказал своему новому знакомому, что, насколько ему известно, японское правительство и общественное мнение страны расходятся в вопросе о том, кого следует поддерживать в Китае – южан или северян. В то же время, по слухам, японское правительство далеко от того, чтобы полностью игнорировать общественное мнение. Может ли позиция японской армии в недалеком будущем совпасть с тем, что думают по этому поводу массы?

Цудзимура предпочел уклониться от ответа на этот щекотливый вопрос[2].

6 октября Сунь Ятсен встречался с одним из самых богатых предпринимателей Японии — Сибудзава Эйити, вместе с которым он за полгода до этого организовал совместное китайско-японское предприятие[3].

О содержании их беседы рассказал полиции сам Сибудзава.

> **Сунь Ятсен**: «Наши товарищи готовы к любым лишениям ради того, чтобы в случае, если сбор средств на военные расходы завершится успехом, снова оснастить армию и двинуть ее против Юань Шикая. Сегодня вечером я пришел к Вам в надежде, что Вы поможете мне уговорить Ваше правительство, прежде всего военное и военно-морское министерство, оказать содействие нашему выступлению».
>
> **Сибудзава**: «Я предприниматель и далек от дипломатии и политики. Что же касается сказанного Вами, то единственное, что я могу сделать, – это дать Вам дружеский совет. Может быть, Вы будете недовольны им. Но моя цель ведь не в том, чтобы говорить вам приятные вещи, а в том, чтобы высказаться прямо и откровенно <…>. Я не разделяю Вашего плана вновь выступить против Юань Шикая!»[4]

---

[1] Там же. С. 606.

[2] Там же. С. 606.

[3] Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 603.

[4] Там же. С. 605–606.

Свою точку зрения Сибудзава обосновывал тем, что в данный момент выступление против Юань Шикая преждевременно, и предлагал Сунь Ятсену отложить осуществление его плана до более подходящего момента.

Против намерения Сунь Ятсена незамедлительно начать подготовку к «Третьей революции» совершенно определенно высказался и Ино Китисабуро.

Во время одной из встреч с ним Сунь Ятсен сказал, что намерен скорректировать свои планы, и спросил мнения Ино. Тот поинтересовался, идет ли речь о подготовке революции, и Сунь Ятсен ответил: «Да!» Тогда Ино заявил, что он считает ошибочным решение начать вооруженные действия против Юань Шикая, и призвал Сунь Ятсена к выдержке и терпению. Сунь Ятсен ушел, ничего не ответив.

А Ино доложил в полицию:

> Я изложил Сунь Вэню аргументы против «Третьей революции» и убедил его. Он сказал, что не будет начинать ее[1].

Всё это крайне расстроило Сунь Ятсена.

Через два дня после этого разговора он вновь навестил Ино и сообщил ему, что собирается через одну-две недели, максимум через два месяца, покинуть Японию и потому хочет расторгнуть заключенное с ним соглашение[2].

Первые попытки начать в Японии подготовку к очередной антиюаньшикаевской революции завершились неудачей. Такое начало не внушало оптимизма в отношении перспектив на будущее.

Рука об руку с эпигонами свергнутой маньчжурской династии

Сунь Ятсен из Японии не уехал, потому что в начале 1914 г. его внимание привлекли события в Маньчжурии.

Далеко идущие планы князя Су

После отречения маньчжурского императора большинство членов свергнутого клана предпочли найти убежище там, откуда они были

[1] Там же. С. 606.

[2] Там же. С. 609.

родом — на территории Маньчжурии. Многие из них лелеяли мечту вернуть утраченное и восстановить династию. Наиболее активным среди них был князь Су.

Когда в 1910 г. Ван Цзинвэй совершил неудачное покушение на отца императора Сюаньтуна, именно князь Су фиксировал показания арестованного. Сохранилась запись этого допроса, больше походившего на диалог.

Князь Су (1866–1922)

Князь Су: «Я читал Ваши статьи, опубликованные в «Миньбао». Вы выступаете за то, чтобы Китай был сильной и независимой державой, хотите преобразовать его политический строй, агитируете за участие народа в управлении и за конституционную систему западного образца. Но ведь всё это совпадает с намерением императорского двора, который в настоящее время готовится к установлению конституционной монархии и созданию парламента, с тем чтобы народ принимал участие в политике. Разве это не та цель, за осуществление которой выступаете Вы?»

Ван Цзинвэй: «Мы, революционеры, выступаем не за конституцию, а за свержение феодального авторитарного строя, за осуществление «Трех народных принципов». Раз Вы, князь, читали мои статьи в «Миньбао», Вы должны знать, в чем состоят мои революционные требования!»

Князь Су: «Ваша революционная партия в самом деле выдвинула немало выдающихся суждений. Но вы должны внимательно прислушаться и к нашему мнению. Если говорить откровенно, я считаю, что «Три народных принципа» — это недальновидная теория, которой в будущем Китай не может руководствоваться. Зачем надо призывать к свержению маньчжуров и восстановлению прав китайцев? Может ли подобная пропаганда национальной ненависти помочь Китаю достичь гармонии во взаимоотношениях между пятью нациями? Зачем нужно ни с того ни с сего начинать кровопролитную революцию, если мы уже согласились ввести конституционный строй, при котором смогут осуществиться различные политические воззрения? Добиться воплощения своих полити-

ческих идеалов мирным путем — разве это не лучше, чем сделать это посредством революции, ценой многочисленных человеческих жизней и уничтожения материальных ценностей?

Разве наш сосед Япония не может послужить нам положительным примером конституционной монархии?»

Ван Цзинвэй: «Когда мы выдвинули идею революции, многие выступили против нее, ссылаясь на успешное осуществление конституционной монархии в Японии. Но суть реформ Мэйдзи в Японии заключалась в том, что Сайго Такамори захватил власть сёгуна с помощью военной силы, а вовсе не в том, что сёгун с улыбкой на устах передал свои прерогативы императору. Осуществление в Китае конституционной монархии ни в коей мере не способно сегодня покончить с многолетней коррупцией, а учреждение парламента как основы демократии — не более чем красивая мечта, потому что парламент будет марионеткой и гончим псом монарха. Только демократическая революция — вот единственный путь к спасению Китая».

Князь Су: «Политическая ситуация в Китае весьма сложна, общественное мнение разделилось, разве можно в этих условиях спешить с преобразованием политического строя? К тому же богомол думает о своем, а за ним сзади следит чиж. Разве иностранные державы не зарятся сейчас на Китай? Поспешность может привести к смуте. Я прошу Вас хорошенько обдумать это»[1].

Теперь ситуация принципиально изменилась. Князь Су собирался свергать существующее правительство, а китайские революционеры были не прочь наладить сотрудничество с убежденным сторонником реставрации монархии. Поистине неисповедимы пути Господни!

Через 10 дней после отречения Сюаньтуна князь Су и несколько десятков его единомышленников — членов общества Цзуншэдан — тайно переправились в Люйшунь, где создали базу для подготовки вооруженного выступления против республиканского правительства.

С этой целью князь Су занялся вербовкой местных жителей и обучением их основам военного дела.

Был налажен выпуск ассигнаций. Когда главный специалист по этой части Ма Цинфэн был задержан властями, он показал, что казначейских билетов зеленого цвета достоинством 25 юаней было выпущено 10 тысяч, красного цвета достоинством 10 юаней – столько же.

[1] 肃亲王与汪精卫：政敌or朋友 (Князь Су и Ван Цзинвэй: враги или друзья) // https://www.toutiao.com/i6255045630293443074.

Новобранцы армии князя Су

Заблаговременно были изготовлены желтые флаги с изображением дракона, а также печати с надписью: «Правительство Великой империи Цин»[1].

Однако предпринятое летом 1912 г. вооруженное выступление на юге Маньчжурии завершилось полным поражением.

Попытки реставрации династии Цин и японские рёнин

После того как Временное правительство Китайской Республики приняло идею «пяти наций» и декларировало равноправие маньчжуров и китайцев-хань, а стало быть, Маньчжурия больше не считалась зарубежной территорией, надежды *рёнин* на помощь революционеров во

[1] 武育文。日本浪人与宗社党的 «满蒙独立» 运动 (*У Юйвэнь.* Японские *рёнин* и движение общества Цзуншэдан за независимость Маньчжурии и Монголии) // https://www.sohu.com/a/217754337_115482.

главе с Сунь Ятсеном в овладении японцами территории современных провинций Северо-Востока Китая значительно поблекли. В этой обстановке деятели общества Кокурюкай обратили свои взоры на нового союзника — князя Су.

В июне 1913 г. Утида Рёхэй сочинил статью «Мнение о Китае», которую переслал премьер-министру Ямамото. Смысл ее сводился к следующему.

1. Японское правительство поддерживает стремление маньчжуров и монголов создать в Маньчжурии и Внутренней Монголии независимые государства.

2. Японское правительство выступает против учреждения буферной зоны между территориями независимых государств Маньчжурии и Монголии, с одной стороны, и Китаем – с другой.

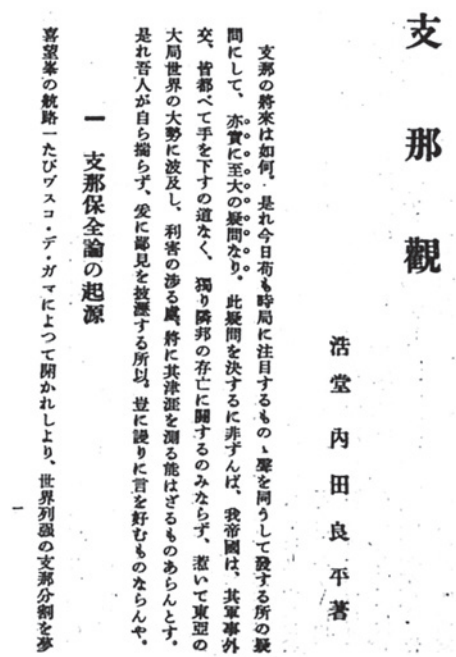
3. Таможенные и налоговые поступления независимых государств используются как залог для предоставления внешних займов.

4. Япония предлагает вновь создаваемым государствам заключить договор о сотрудничестве[1].

Предложения Утида получили одобрение правительства Японии.

В связи с этим в июле Утида и группа его единомышленников занялась разработкой конкретных мероприятий в области сотрудничества с князем Су и подготовки нового вооруженного выступления в Маньчжурии.

1 октября 1913 г. Утида Рёхэй опубликовал очередной



支那觀

浩堂内田良平著

支那の將來は如何。是れ今日苟も時局に注目するものゝ聲を同うして發する所の疑問にして、亦實に至大の疑問なり。此疑問を決するに非ずんば、我帝國は、其軍事外交、皆都べて手を下すの道なく、獨り隣邦の存亡に關するのみならず、惹いて東亞の大局世界の大勢に波及し、利害の渉る處、將に其津涯を測る能はざるものあらんとす。是れ吾人が自ら揣らず、爰に鄙見を披瀝する所以、豈に謾りに言を好むものならんや。

一　支那保全論の起源

喜望峯の航路一たびヴスコ・デ・ガマによつて開かれしより、世界列强の支那分割を夢

Первая страница брошюры Утида Рёхэй «Взгляд на Китай»

[1] 赵金钰。日本浪人与辛亥革命 (*Чжао Цзиньюй*. Японские *рёнин* и Синьхайская революция). Чэнду. 1988. С. 174.

«Взгляд на Китай» с изложением своего плана создания совместными усилиями *рёнин* и общества Цзуншэдан независимой Маньчжурии.

В этой брошюре, в частности, утверждалось, что «китайская революционная партия отказалась от своего прежнего курса на сотрудничество Китая и Японии»[1]. Утида имел под этим в виду, что Сунь Ятсен более не предлагал японцам Маньчжурию в качестве платы за помощь.

Кавасима в маньчжурской одежде

Практические шаги по воплощению плана Утида Рёхэй в жизнь поручались давнему знакомому князя Су по имени Кавасима Намихая.

Заметим попутно, что связи князя Су с Кавасима Намихая были настолько тесными, что они не только совместно разрабатывали планы реставрации маньчжурской династии, но Су отдал свою дочь японцу, который стал ее приемным отцом, а она сменила свою фамилию и имя, превратившись в Кавасима Ёсико. Позднее она пошла по стопам своего нового родителя, став известным японским шпионом, чему в немалой степени способствовало ее безупречное владение своим родным китайским языком. Знающие люди называли ее «второй Мата Хари».

Японская Мата Хари

Задача: установить контакт с Цзуншэдан

14 января 1914 г. японский посланник в Пекине Ямадза Эндзиро сообщал японскому губернатору Квантуна Фукусима Ясумаса, что пекинское правительство внимательно следит за событиями на юге Маньчжурии. Согласно полученным им достоверным данным, князь Су готовит там новое вооруженное выступление. Он направил своих

[1] Там же. С. 175.

представителей в Корею, где у него находятся тайные склады оружия.

Главное же, о чем сообщал японский посланник, было то, что в Даляне ожидают прибытия двух эмиссаров из Токио — Дай Цзитао и Чэнь Цимэя, «намеревающихся войти в контакт с обществом Цзуншэдан во главе с князем Су»[1].

Макино Нобуаки (1861–1949)

16 января начальник уезда Нагасаки Рика Рюсукэ доносил министру иностранных дел Макино Нобуаки о некоторых подробностях предстоящей поездки Чэнь Цимэя и Дай Цзитао в Далянь:

> Обосновавшийся в Даляне Лю Датун поддерживает связь с находящимися в Японии политическими эмигрантами и планирует начать в ближайшее время «Третью революцию» <...>.
>
> Где начнется революция, пока неясно. По слухам, ее базой будет Далянь: знамя революции поднимется вблизи Фэнтяня[2], а одновременно восстания вспыхнут во всех провинциях, чтобы совместными усилиями оказать давление на Юань Шикая.
>
> Среди японцев, участвующих в разработке этого плана: в Даляне это Канэко Кокки, в Токио — Ямада Дзюнсабуро, в Нагасаки — Нонака Юити и др. По всей видимости, они поддерживают постоянный контакт с Канэко. В ноябре-декабре прошлого года Канэко сообщил Нонака план революции. Из его письма можно составить себе представление об основных пунктах плана. В письме говорится также, что план не был осуществлен из-за финансовых трудностей. Поэтому они попросили Чэнь Цимэя собрать 2 000 иен на нужды политических эмигрантов в Даляне[3].

Засланный в Далянь осведомитель уточнял, что общая численность проживающих там революционеров составляет 84 человека и они первоначально не ладили с членами общества Цзуншэдан, но в связи с при-

---

[1] Ямадза Эндзиро — Фукусима Ясумаса, 14 января 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 638.

[2] Совр. Шэньян.

[3] Рика Рюсукэ — Макино Нобуаки, 16 января 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 639–640.

ближающейся «Третьей революцией» стали сотрудничать с ними. Сейчас они ожидают прибытия в Далянь Дай Цзитао и Чэнь Цимэя[1].

Сообщалось, что силы Цзуншэдан в целом незначительны, но в случае, если революционеры начнут действовать, организация князя Су окажет им помощь[2].

Вскоре в японское министерство иностранных дел поступил подробный доклад об обосновавшихся в Маньчжурии революционерах.

Автор доклада утверждал, что они представлены тремя группами. Первая во главе с Лю Ичжоу была подчинена Хэ Хаймину; вторая, возглавляемая Нин Мэнъянем, — Чэнь Цимэю; третья имела штаб-квартиру в Шаньдуне. Взаимоотношения между группами оставляли желать лучшего, но их сближало то, что все они испытывали крайнюю нужду в материальных средствах.

Получив в декабре 1913 г. сообщение о том, что находившиеся в Японии руководители Гоминьдана намерены формировать начало «Третьей революции», все три группы приняли решение покончить с прежними распрями и объединиться.

По их мнению, выступление в Маньчжурии имело целый ряд преимуществ по сравнению с каким бы то ни было другим районом Китая:

во-первых, в зимнее время реки здесь замерзали, а это облегчало действия восставших;

во-вторых, жизнь крестьян в Маньчжурии была более зажиточной и во время военных действий это могло стать источником провианта;

в-третьих, охранные отряды были частично распущены;

в-четвертых, неофициальный хозяин Маньчжурии Чжан Цзолинь был недоволен Юань Шикаем и его можно было привлечь на свою сторону;

в-пятых, восставших непременно поддержали бы сторонники князя Су;

в-шестых, можно было установить контакт с мятежной монгольской знатью[3].

Другой доклад был посвящен состоянию дел в организации князя Су.

Сообщалось, что ее возможности расширились после того, как в декабре 1913 г. в Далянь прибыл еще один убежденный сторонник реставрации дома Цин — Шэн Юнь, бывший при маньчжурской династии военным губернатором провинции Шэньси.

---

[1] Там же. С. 640.

[2] Там же. С. 641.

[3] 大连革命党员及总社党员等之动静 (Деятельность революционеров и членов общества Цзуншэдан в Даляне), 3 февраля 1914 г. // Там же. С. 667–669.

Шэн Юнь
(1858–1931)

Обсудив ситуацию с князем Су, он побывал в Шаньдуне, где в то время находился князь Гун, и договорился с ним о необходимости сотрудничества с Гоминьданом. «Несмотря на то, что его политические взгляды как небо и земля отличались от тех, которых придерживались революционеры, они поняли, что для достижения своих целей в борьбе против существующего правительства взаимное сотрудничество выгодно и для тех и для других»[1].

26 января Дай Цзитао и Чэнь Цимэй вместе с сопровождавшим их Ямада Дзюнсабуро, бывшим сотрудником японской фирмы «Мантэцу», хорошо знакомым с местной обстановкой, прибыли в Далянь.

Ямада отчитался о проделанной ими работе перед министерством иностранных дел. Он писал, что до отъезда из Японии Чэнь Цимэй и Дай Цзитао получали из Даляня многочисленные сообщения о том, что в Маньчжурии всё готово к выступлению и есть полная уверенность в успехе.

Но, по мнению Ямада, эти оценки страдали преувеличением. К аналогичному выводу пришел и Чэнь Цимэй: условия для восстания еще не созрели и поэтому следует дождаться момента, когда благоприятная ситуация сложится как на Северо-Востоке, так и на Юге страны.

Проанализировав все полученные данные, Сунь Ятсен счел немедленное начало боевых действий в Маньчжурии рука об руку с отрядами князя Су преждевременным[2].

На свет появляется Революционная партия Китая

Оказавшись в Японии, Сунь Ятсен был уверен, что главная причина поражения «Второй революции» заключается в том, что антиюаньшикаевские силы действовали разрозненно. Но и в 1914 г. дело обстояло не

[1] 总社党员之动静 (Деятельность членов общества Цзуншэдан) // Там же. С. 741.
[2] Там же. С. 662.

лучше. Революционный лагерь был разбит на многочисленные фракции, действовавшие зачастую кто во что горазд, причем используя помощь и поддержку разных японских деятелей, воззрения и планы которых подчас тоже не были едины.

«Главное — единое руководство!»

Весьма красноречиво писал об этом Окубо Тоситакэ, мэр Осака:

> Миядзаки поддерживает группировку Сунь Ятсена, Каяно — Хуан Сина, полковник Хино — Ли Лецзюня, Такано — Бо Вэньвэя, Фукуда Ясутаро — Хэ Хаймина. При этом Цзуншэдан и Кавасима — это маньчжурская группировка, полковника Бандзаи — пекинская, Ивамото — юньнаньская, Каи – сычуаньская, Фурукава — хунаньская[1].

Препятствия, чинимые властями передвижению китайских политических эмигрантов по стране, затрудняли общение их отдельных групп, проживавших в различных частях Японии. Поэтому они нередко обсуждали свои планы порознь и приходили к выводам, не согласованным между собой.

Примером могло быть собрание в Нагасаки, состоявшееся в 20-х числах января 1914 г. Обсуждался вопрос о предстоящей «Третьей революции». Мнения присутствовавших разделились. Представители токийской группы участия в собрании не принимали[2].

К тому же (это особенно беспокоило Сунь Ятсена) занимавший крайне левые позиции Хэ Хаймин в это время пользовался в среде революционеров исключительным авторитетом.

Подобная ситуация стала главной причиной твердого намерения Сунь Ятсена преобразовать Гоминьдан — эту «партию парламентской борьбы», в организацию, ориентированную на продолжение революции. Так она и должна была называться — Чжунхуа гэминдан (Революционная партия Китая).

Главным организационным принципом новой партии было беспрекословное подчинение всех без исключения ее членов лидеру, личность которого была определена с самого начала и обсуждению не подлежала — им был сам Сунь Ятсен.

Возвращаясь к практике Общества возрождения Китая и Объединенного союза, каждый вступающий в партию должен был произ-

[1] Окубо Тоситакэ — Макино Нобуаки, 1 января 1914 г. // Там же. С. 607.

[2] Рика Рюсукэ — Хара Кэй, 24 января 1914 г. // Там же. С. 706.

нести клятву, письменный текст которой после этого хранился в партийном архиве. Однако содержание клятвы принципиально изменилось: когда-то члены организации клялись в верности делу революции, теперь — прежде всего в личной преданности лидеру партии, а затем уже в верности всему остальному.

Сунь Ятсену казалось, что и этого недостаточно. К письменному изложению содержания клятвы вступающий должен был теперь приложить отпечаток пальца.

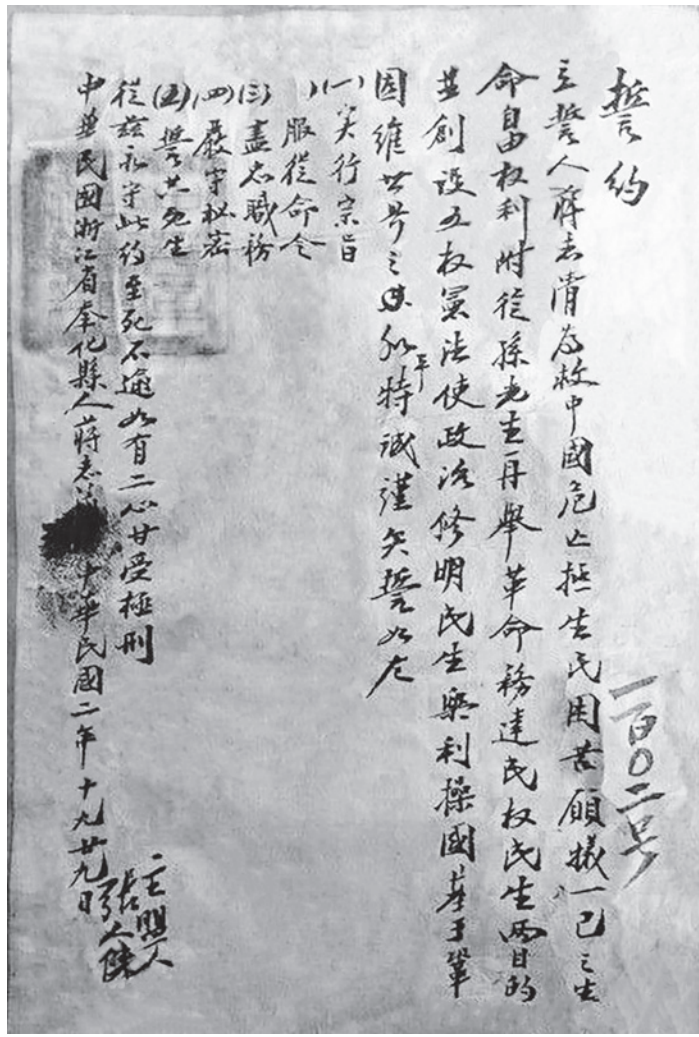
До нас дошел текст клятвы Чан Кайши:

> Я, произносящий эту клятву Цзян Чжицин[1], ради спасения Китая от гибели, а народа — от нищеты и страданий готовый пожертвовать собственной жизнью, свободой и правами, подчиняться г-ну Суню, вновь начать революцию, достичь цели народоправия и народного благоденствия, способствовать принятию конституции пяти прав, чтобы политика была чистой, а жизнь народа — радостной, укреплять основы государства и защищать мир во всем мире, искренне клянусь, что
>
> 1) буду осуществлять политику партии,
>
> 2) исполнять приказы,
>
> 3) оставаться верным своему долгу,
>
> 4) строго хранить тайну,
>
> 5) быть верным клятве в жизни и смерти.
>
> Я буду всю свою жизнь следовать этой клятве, а если предам ее, пусть меня настигнет страшная кара.
>
> Гражданин Китайской Республики, уроженец провинции Чжэцзян уезда Фэнсянь Цзян Чжицин [далее следует отпечаток пальца].
>
> 29 октября 1913 года.
>
> При произнесении клятвы присутствовал Чжан Жэньцзе.

Клятву произнес и сам Сунь Ятсен. Но ее текст, разумеется, несколько отличался от стандартного. Во-первых, была опущена фраза о готовности «подчиняться г-ну Суню»; во-вторых, он клялся не «исполнять приказы», а «быть осмотрительным, отдавая приказы».

Сунь Ятсен разработал Устав партии, который включал ряд необычных положений. Так, хотя клятву должны были давать как новички, так и члены Объединенного союза, после победы революции члены партии получали различный социальный статус в зависимости от их партийного стажа. Они делились на три категории:

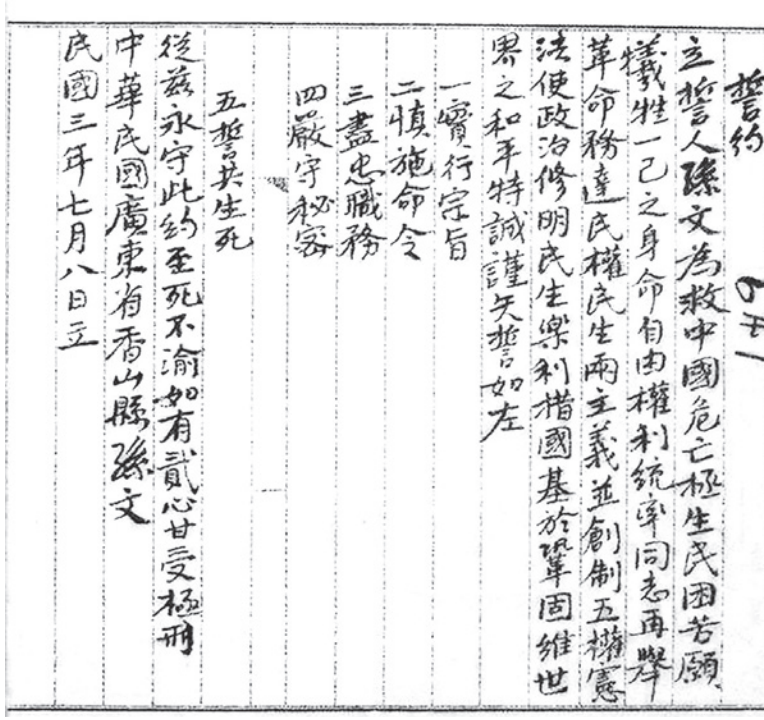
[1] Чан Кайши.



Текст клятвы Чан Кайши

1) тот, кто вступил в партию еще до Учанского восстания, считался «ветераном партии», становился «привилегированным гражданином» и мог пользоваться «особыми» правами;

2) вступивший в партию после начала Учанского восстания, но до создания Республики в декабре 1911 г., относился к категории «почетных


誓約
立誓人孫文為救中國危亡極生民困苦願
犧牲一己之身命自由權利統率同志再舉
革命務達民權民生兩主義並創制五權憲
法使政治修明民生樂利措國基於鞏固維世
界之和平特誠謹矢誓如左
一實行宣言
二慎施命令
三盡忠職務
四嚴守秘密
五誓共生死
從茲永守此約至死不渝如有貳心甘受極刑
中華民國廣東省香山縣孫文
民國三年七月八日立

Текст клятвы Сунь Ятсена

членов партии» и «заслуженных граждан», получая право избирать и быть избранным на общественный пост;

3) человек, вступивший в партию после учреждения Республики, становился «рядовым членом»: он мог выбирать, но не мог быть избран.

Беспартийные будут лишены гражданских прав[1].

Между Сунь Ятсеном и Хуан Сином пробежала черная кошка

Эти нововведения были встречены в штыки многими ветеранами партии. Они готовы были клясться в верности делу революции, но не могли понять, почему от них требовали заявлять о преданности лично лидеру партии еще до того, как были проведены выборы. Не меньшее сопротивление встретило и требование прикладывать к клятве отпечаток

[1] *Bergère M.-C.* Sun Yat-sen. Stanford. 1998. P. 257–258.

Устав Революционной партии Китая (рукопись Сунь Ятсена)

пальца наподобие того, как это обычно делает преступник, ставящий свою подпись под приговором суда.

Сунь Ятсену пришлось вновь и вновь разъяснять заблуждающимся необходимость всего этого для грядущей победы революции.

Вот что по этому поводу он писал своему другу Дэн Цзэжу:

> Прибыв сюда в прошлом году, я вновь поднял партийное знамя. Чтобы начать всё сначала, нужно было вместе товарищами создать тайную организацию. Дабы преодолеть пороки прошлого — расхлябанность и отсутствие единого руководства на этот раз при создании партии был сделан акцент на подчинении приказам партийного руководителя. Все должны принести присягу о том, что они готовы пожертвовать своей жизнью, свободой и правами, подчиняться приказам и оставаться верными своему долгу. За прошедшее время [в партию вступило] 400–500 человек самых надежных товарищей, хотя этого пока еще мало <...>.
>
> Нынешняя организация непременно должна подчиняться одному мне, потому что во время и первой, и второй революции члены партии действовали каждый по своему усмотрению, на свой страх и риск, без единого руководства, и в итоге допустили немало ошибок. Знающие люди говорят, что все поражения нашей партии — результат расхлябанности,

> и это действительно так. Во время Нанкинского правительства я считался президентом, а на самом деле был лишь вывеской и всё делалось помимо моей воли. Что до того, как Юань Шикай стал президентом, то он сам заявлял, что получил власть из рук императрицы Лунъюй, а не из рук Республики. Я тогда был разгневан и решительно выступал против этого, полагая, что это дело принципа и лучше начать войну, но нельзя согласиться с этим и допустить постепенное сползание к диктату. Но в то время товарищи осуждали меня и были против моего мнения. Только сейчас, когда Юань Шикай командует своей партией и официально заявляет, что не обязан своим местом Республике, многие одумались и поняли, что моя позиция тогда была достаточно дальновидной[1].

На Тайване в Архиве истории Гоминьдана хранится записка Сунь Ятсена, в которой он поручает секретарю ответить на одно из писем, которые во множестве получал в то время. Речь шла об отпечатках пальцев.

Сунь Ятсен разъяснял, что после того, как «Третья революция» одержит победу, в стране будут проведены широкомасштабные административные мероприятия: все граждане дадут присягу в верности Республике и пройдут регистрацию. Поскольку ветераны партии будут иметь определенные привилегии, то преступные элементы неизбежно будут стараться перекраситься под старых членов партии.

> Отпечатки пальцев предназначены для того, чтобы воспрепятствовать подлогам. Пальцевой узор у всех различный и не меняется на протяжении всей жизни, поэтому подделать его невозможно. Именно с этой целью вступающие сейчас в партию должны оставлять отпечаток пальца. <...> Как настоящие члены партии смогут подтвердить свою партийную принадлежность без отпечатков пальцев? <...>
>
> Что же касается уподобления оставившего отпечаток пальца преступнику, то за границей таковых только фотографируют. Так что же мы из-за этого должны перестать фотографироваться? Какие странные речи![2]

Однако эти разъяснения не удовлетворили сомневающихся.

Наиболее решительно против сформулированных Сунь Ятсеном основ Революционной партии выступил Хуан Син.

Особые возражения у него вызывал у него текст клятвы и в особенности фраза «подчиняться г-ну Суню», а также прикладывание к клятве

---

[1] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 18 апреля 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 309.

[2] 总理批关于“盖用指模”事 (Указание лидера партии относительно отпечатков пальцев) // Архив комитета по изучению истории Гоминьдана. 052/314.

отпечатка пальца. «Первое противоречит принципу равенства, — утверждал он, — а второе унизительно»[1].

Хуан Син предложил заменить слова «подчиняться г-ну Суню» на «подчиняться лидеру “Революционной партии”», поскольку «каким бы именно г-ном он ни был, раз он избран партийным руководителем, товарищи должны подчиняться ему»[2].

Однако в ответ Хуан Син услышал, что никаких изменений в проектах партийных документов не будет[3].

Хуан Син не согласен с Сунь Ятсеном

Когда в конце апреля 1914 г. Сунь Ятсену вручили список видных деятелей Объединенного союза, отказывающихся вступать в Революционную партию, первым в этом списке он увидел имя Хуан Сина, за которым следовали Тань Жэньфэн, Ли Лецзюнь, Ху Ханьминь, Юй Южэнь и др.[4]

И всё же партия была создана

Тем не менее 8 июля на собрании представителей 8 (!) провинций Китая было провозглашено создание новой партии. Ее лидером был единогласно избран Сунь Ятсен. Он подписал приказ о назначении руководителей отделов.

Незанятым остался предусмотренный уставом пост заместителя Сунь Ятсена. Первоначально эта должность предназначалась для Хуан

---

[1] 邵元冲。中华革命党史略 (*Шао Юаньчун*. Краткая история Революционной партии Китая) // Документы революции. Т. 5. С. 666.

[2] Подробно см.: 高桥良和。中华革命党结党时における孙黄决裂の意味について (*Такахаси Рёва.* О разрыве Сунь Ятсена с Хуан Сином во время создания Революционной партии Китая) // Нагоя дайгаку тоёси кэнкю. № 7. 1981. С. 32–61.

[3] 居正。中华革命党时代的回忆 (*Цзюй Чжэн*. Воспоминания периода Революционной партии Китая) // Документы революции. Т. 5. С. 82–83.

[4] 吴相湘。孙逸仙先生传 (*У Сянсян*. Биография Сунь Ятсена). Т. 2. С. 1226–1227.

中華革命黨總理令

據黨務部呈請委任如左

委凌鉞為黨務部第一局長

委蕭萱為黨務部第二局長

委張肇基為黨務部第三局長

委賀治襄為黨務部第四局長

委徐朗西為黨務部第五局長

委范鴻鈞為黨務部機要職務長

委方穀為黨務部機要庶務

委鍾鼎為黨務部第三局職務員

委夏里民為黨務部第三局職務員

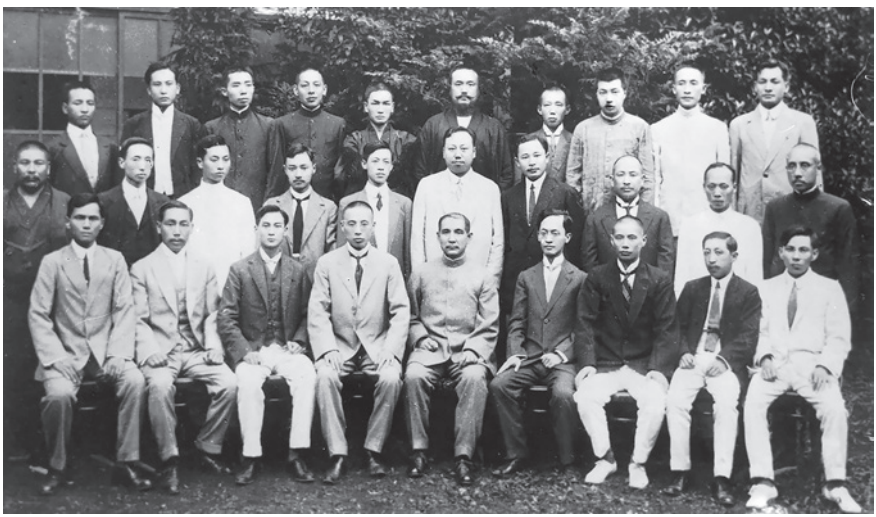
委周道萬為黨務部第三局職務員

中華民國二十二日令第二號

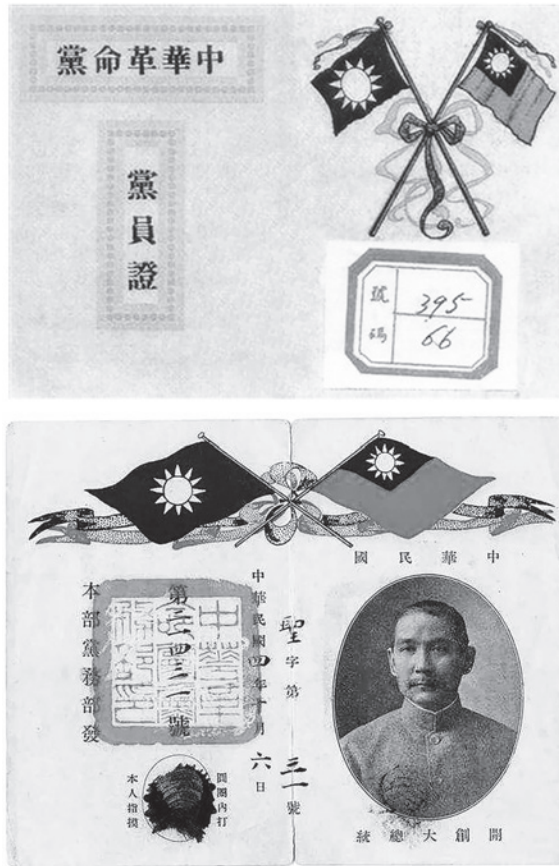
孫文

已寫

Приказ лидера Гоминьдана



Руководство Революционной партии Китая



Партийный билет члена Революционной партии Китая

Сина, но он, так и не вступив в партию, в это время уже высадился в Соединенных Штатах.

К руководству Революционной партии пришли новые люди, ранее занимавшие в Гоминьдане третьи позиции. Негласной правой рукой Сунь Ятсена стал Чэнь Цимэй.

Создав новую партию в том виде, как он ее замыслил, Сунь Ятсен совершил одну из самых серьезных ошибок за всё время своей политической карьеры.

Он создавал партию для того, чтобы сплотить воедино все революционные силы Китая. Результат получился обратный. Диктаторские

замашки Сунь Ятсена, отразившиеся в принятых в 1914 г. партийных документах, имели своим следствием беспрецедентный раскол в рядах китайских революционеров.

Это существенно ослабило ряды противников правевшего на глазах Юань Шикая.

Позднее кое-кто из отказавшихся вступать в Революционную партию вернулся в суньятсеновский лагерь, другие так и остались за его бортом, а третьи — перешли на сторону пекинского правительства.

Однако Сунь Ятсен так и не извлек урока из этого печального эпизода своей биографии.

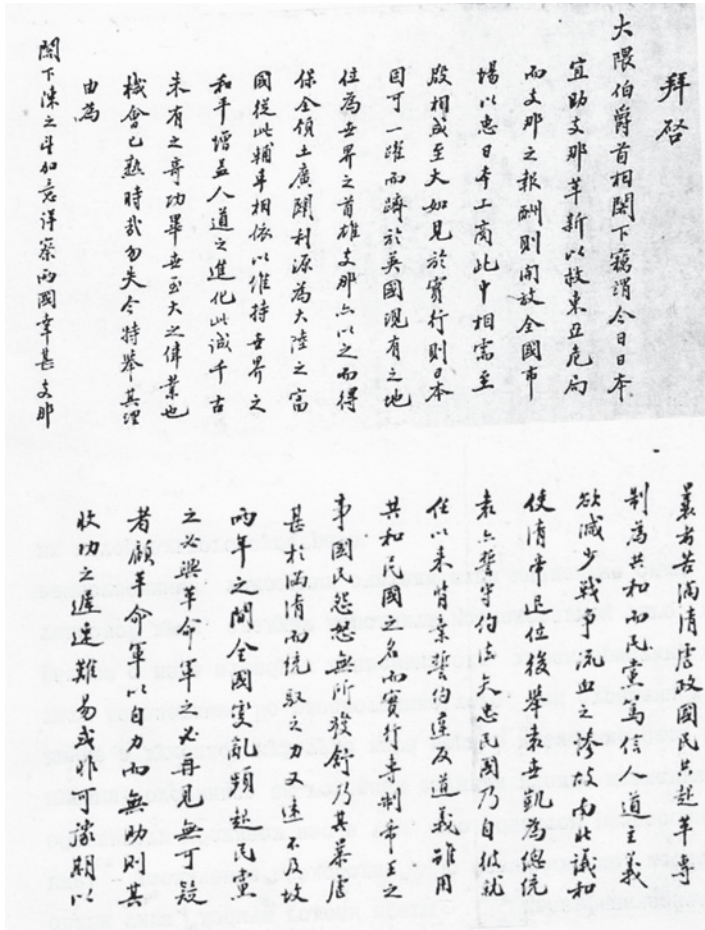
Сунь Ятсен пишет премьеру Окума

Письмо руководителя Гоминьдана премьер-министру Японии Окума Сигэнобу, датированное 11 мая 1914 г., — один из тех документов, которые вызывали и вызывают до сих пор ожесточенные споры и потому требуют особого внимания к себе.

О чем говорилось в письме

Прежде чем принять участие в этой дискуссии, приведем текст письма полностью.

> Его Превосходительству премьер-министру графу Окума.
>
> Осмелюсь высказать свое скромное мнение о том, что сегодня Япония должна поддержать преобразования в Китае, чтобы найти выход из восточно-азиатского кризиса. Со своей стороны Китай отблагодарит ее тем, что откроет весь свой рынок для японских предпринимателей. Этого настоятельно требуют взаимные интересы, а результаты осуществления такого плана невозможно переоценить. Если он найдет свое практическое воплощение, Япония сможет в течение короткого времени обеспечить себе положение, занимаемое ныне Англией, и превратиться в ведущую державу мира, а Китай получит возможность обеспечить целостность своей территории, освоить запасы полезных ископаемых, превратиться в процветающее государство [азиатского] материка. Тем самым будет положено начало взаимодействию [наших двух стран] во имя поддержания мира во всем мире и содействия прогрессу гуманизма. Это будет поистине выдающимся достижением, не знающим исторических преце-



Две первые страницы письма Сунь Ятсена премьер-министру Окума

дентов, и грандиозным свершением, не имеющим себе равных. Условия для этого уже созрели, главное – не упустить момента. Ниже я изложу соответствующие аргументы, представляемые мною на суд Вашего Превосходительства. И если они удостоятся внимания, это принесет огромную пользу обеим нашим странам.

В прошлом Китай страдал от жестокого правления маньчжурской династии, народ поднялся в едином порыве, и на смену тирании пришла республика. Партия Гоминьдан твердо следовала принципам гуманизма и стремилась избежать войны и кровопролития. Поэтому Юг и Север

начали переговоры с целью заставить императора отречься от престола. Позднее Юань Шикай стал президентом и поклялся соблюдать конституцию и служить Республике.

Но, заняв свое кресло, он забыл обо всех обещаниях, пошел против справедливости и под республиканской вывеской начал творить дела, достойные тирана-самодержца. Народ страдал и был преисполнен гнева, но не был в состоянии что-либо сделать. В жестокости [Юань Шикай] превзошел маньчжурских правителей, а его способность управлять страной не идет ни в какое сравнение с ними. Поэтому за последние два года страна оказалась охваченной смутой, и стало несомненным, что [в Китае] обязательно появится Гоминьдан и вновь будет создана революционная армия. Но если эта революционная армия будет действовать на свой страх и риск, не получая помощи [извне], то очень трудно или даже невозможно предсказать, когда она добьется успеха.

Сначала — об аспекте разрушения. Если [Китай] получит помощь мощной мировой державы, то тяготы войны не будут продолжительными, жертвы внутри страны не будут чрезмерными, а на международной арене не возникнет излишних трудностей. В географическом отношении Япония — сосед Китая, интересы [двух стран] тесно связаны между собой. Поэтому тот факт, что Китай в поисках помощи прежде всего обращается к Японии, соответствует объективной логике вещей.

Затем — об аспекте созидания. [Китаю] не обойтись без помощи специалистов из передовой страны для совершенствования внутренней структуры страны, создания армии, налаживания дела просвещения, организации производства. С этой точки зрения столь же естественным было бы, если Япония как страна той же расы и той же культуры, установившая связи [с Китаем] в период революции, оказала бы ему помощь. Если Япония поможет Китаю усовершенствовать его политические институты, освоить его природные богатства, то близкие и дружественные отношения обеих стран – начиная от правительства и кончая простыми людьми – не знали бы себе равных среди всех других государств. Китай готов открыть весь свой рынок на благо японских промышленников, и Япония благодаря этому получит монопольные преимущества в торговле. Одновременно Китай в еще большей степени нуждается в дипломатической поддержке со стороны Японии, для того чтобы освободиться от международных оков, навязанных ему в прошлом, и пересмотреть неравноправные договора. Если [китайское] законодательство, суд, тюрьмы будут усовершенствованы под японским руководством, то Япония сможет стать первой страной, которая признает отмену права экстерриториальности. Совместное проживание во внутренних районах страны предоставит

японцам благоприятные условия в Китае, а последующее достижение таможенной независимости создаст условия для заключения таможенного союза с Японией. Ввозимые в Китай японские товары не будут облагаться пошлинами, равно как и ввозимое в Японию китайское сырье. Ресурсы Китая будут непрерывно осваиваться, а японская промышленность и торговля будет всемерно расширять сферу своей деятельности.

Возьмем для примера Англию. Это — три маленьких по своей площади острова, но все видят, как ее мощь растет день ото дня. Ни одна из мировых держав не может соперничать с нею — потому что Англия имеет материк Индии в качестве огромного рынка для своей метрополии. Естественные ресурсы Японии уже исчерпаны, и она лишена возможностей для дальнейшего развития, а Китай представляет собой огромную страну с еще не освоенными богатейшими природными ресурсами. Если Япония сможет получить доступ на огромный китайский рынок, не нуждаясь в расходовании сил и средств на содержание там армии, как это вынуждена делать Англия в Индии, то это будет вдвойне выгодно для нее. Именно это я имею в виду, когда говорю о том, что Япония сможет в течение короткого времени обеспечить себе положение, занимаемое ныне Англией, и превратиться в ведущую державу мира. Но Япония не сможет добиться этого, если она будет продолжать свою нынешнюю политику в Китае. Почему?

Сейчас в Китае правит Юань Шикай, который не учитывает ситуацию в Восточной Азии и для вида заигрывает с Японией, а на деле игнорирует ее. При всех прочих равных условиях Японии не по пути с ним. В недавних скандалах, связанных с Ханьепинской кампанией, историей с Коммерческой палатой или нефтяным инцидентом, — во всех этих случаях правительство либо нарушало свои прежние обязательства, а затем подстрекало массы к выступлению против уже подписанных соглашений, либо передавало другим странам выгоды, по праву принадлежащие Японии. Не располагая достаточными силами и страшась Гоминьдана, который всегда поддерживал добрые отношения с Японией, [Юань Шикай] на словах льстил Японии и одновременно применял против Японии методы, известные из истории времен эпохи Сражающихся царств. Можно с уверенностью сказать, что в случае, если положение [Юань Шикая] укрепится, его позиция по отношению к Японии будет еще более непримиримой. Поэтому, если Япония не окажет военной помощи революции [в Китае], правительство Юань Шикая будет продолжать свою антияпонскую политику. И если даже затем Юань Шикай падет, то Япония все равно не будет пользоваться доверием китайского народа. Таким образом, только в том случае, если Япония окажет поддержку Китаю, между двумя странами смогут установиться взаимовыгодные добрые отношения.

Если Революционная партия Китая не сможет заблаговременно заручиться поддержкой со стороны мощной державы, то успех ее дела будет отсрочен. После того как будет одержана победа, ее планы в отношении усовершенствования внутригосударственной системы и внешней политики будет трудно осуществить без помощи сильного государства. Поэтому сейчас Революционная партия крайне нуждается в помощи, а Япония, оказав ей такую помощь, получит для себя огромные выгоды. Именно это я имею в виду, когда говорю, что [план создания китайско-японского союза] отвечает взаимным интересам сторон, а результаты осуществления этого плана невозможно переоценить. Могут возразить, что в своей внешней политике Япония не в состоянии самостоятельно решать проблемы Китая без согласия Англии. Но этот аргумент не выдерживает критики. За последнее время проблемы Китая предстали [перед мировой общественностью] в своем истинном виде. Когда Юань Шикай пришел к власти, он потратил огромные средства для подкупа некоторых европейских журналистов, чтобы они в своих корреспонденциях изображали его с самой положительной стороны. И английское правительство тогда верило им. Но сейчас общественное мнение в Англии изменилось. «Таймс» пишет, что Юань Шикай не в состоянии преодолеть смуту и навести порядок в стране. У Англии самые тесные межгосударственные отношения с Францией, а правительство и народ Франции уже не верят Юань Шикаю, поэтому гарантии предоставления займа Французско-китайским банком аннулированы. Прежде Англия совершала ошибку и поддерживала Юань Шикая, стремясь к действительному умиротворению Китая; но сейчас она уже видит, что ошиблась и в будущем будет вести себя подобно Франции. Если Япония будет проводить в отношении Китая политику, которая не на словах, а на деле разрешит китайский вопрос и обеспечит мир в этой стране, Англия без сомнения поддержит действия Японии. В отношении Китая Япония постоянно стремится заручиться солидарностью Англии, а та, в свою очередь, руководствуется в этом отношении намерениями Японии. Но о мире и безопасности в Китае можно будет говорить только в том случае, если власть в этой стране перейдет в руки Гоминьдана.

Окума Сигэнобу (1838–1922)

Существует три сорта китайцев: представители старой бюрократии,

члены партии Гоминьдан и простой народ. Простые люди не играют серьезной роли в политической борьбе. Если старая бюрократия имеет власть, она готова драться с соперниками ради сохранения своего положения в обществе, однако у нее уже нет прежних возможностей бороться и проявлять свою реакционную сущность. Когда Юань Шикай был смещен прежними цинскими властями, он радовался уже только тому, что остался жив, и ему было не до сопротивления. Иное дело партия Гоминьдан. Она действует во имя высоких принципов, не откажется от них даже перед лицом смертельной опасности, и поэтому ее цели непременно будут достигнуты. На смену павшим придут новые бойцы. К каким бы жестоким репрессиям ни прибегали правители цинской династии, они не могли одержать верх.

Всякий, кто хорошо разбирается в состоянии дел в Китае, не может не понимать, что мир в Китае наступит только тогда, когда Гоминьдан сможет осуществить свои намерения. И в деле защиты мира в Восточной Азии правда на стороне [Гоминьдана], а не его врагов.

Конечно, поддержка Гоминьдана в деле свержения существующего правительства не соответствует рутинным нормам международных отношений. Но в истории необычайные дела совершались неординарными личностями, добивавшимися исключительных успехов.

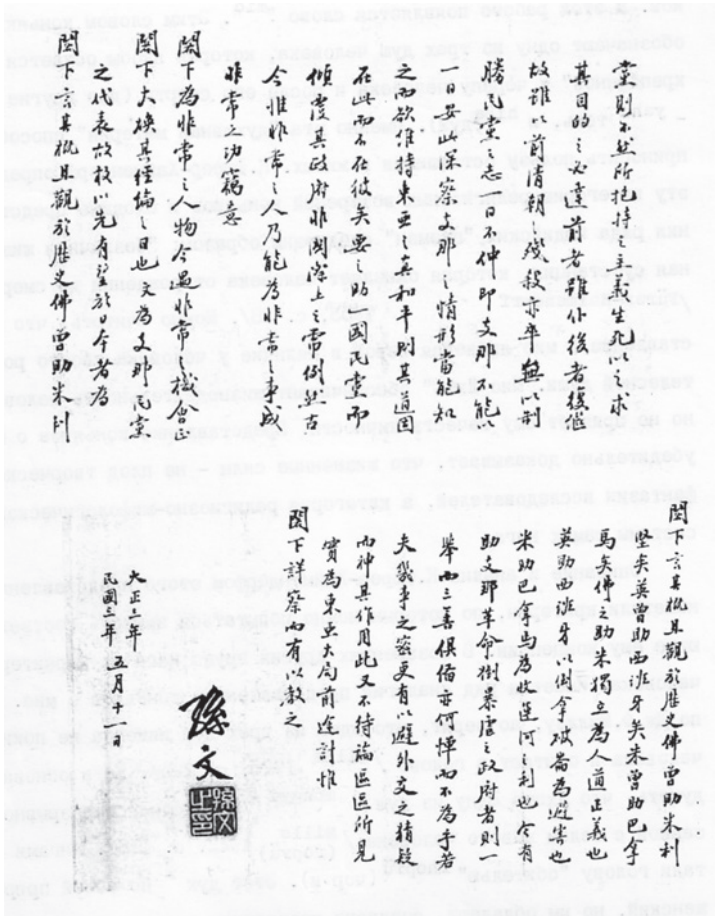
Вы, Ваше Превосходительство, — неординарная личность. И ныне, в чрезвычайных обстоятельствах, наступил день, когда Ваше Превосходительство сможет блестяще проявить свои выдающиеся таланты. Я — представитель Гоминьдана и потому, возлагая на Японию свои надежды, осмелился кратко изложить Вашему Превосходительству свои соображения.

Обратимся к истории.

Франция в свое время оказала поддержку Америке, Англия – Испании, Америка — Панаме. Когда Франция помогала Америке обрести независимость, она была движима соображениями гуманности и справедливости. Англия помогала Испании, чтобы покончить с Наполеоном, то есть ради искоренения внешней опасности. А Америка поддержала Панаму, чтобы обрести выгоды, связанные с каналом.

Если сегодня найдется правительство, которое окажет помощь революции в Китае для свержения жестокого режима, оно достигнет сразу всех трех указанных положительных целей. Можно ли упустить такую возможность?

Нет нужды упоминать о том, что, во избежание дипломатических недоразумений и ради обеспечения успеха дела, вышеизложенное не подлежит огласке.



Две последние страницы письма Сунь Ятсена премьеру Окума

Формулируя мои скромные соображения, я думал исключительно о перспективах развития ситуации в Восточной Азии. Надеюсь, что Ваше Превосходительство детально рассмотрит их и выскажет о них свое высокое суждение.

Сунь Вэнь (подпись, личная печать)

11 мая 3 года Тайсё, 3 года Китайской Республики[1].

[1] Китайский оригинал письма см.: 彭泽洲。检讨中山先生致大隈首相书的真实性 (*Пэн Цзэчжоу.* О подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума) // Далу цзачжи. 1980. № 6. С. 251–253.

Небольшое отступление от темы: кто разгласил содержание письма Сунь Ятсена?

Хотя Сунь Ятсен просил Окума рассмотреть письмо, не предавая его содержание гласности, вскоре оно было напечатано в Китае в выходившей на английском языке газете «North China Herald».

Заподозренным в том, что секретное письмо премьеру Окума стало известно прессе, оказался Хуан Син. Ему пришлось отводить от себя подозрения.

8 августа 1914 г. он написал одному из своих знакомых:

> За последнее время получаю отовсюду письма членов Гоминьдана и читаю в сообщениях китайских и иностранных газет, что это я разгласил содержание письма Сунь Ятсена. Как только могло возникнуть такое предположение! Вот уж поистине моральные основы партии настолько поколеблены, что дело доходит до этого. Остается только сожалеть об этом! Мне нет нужды доказывать, справедливы эти обвинения или нет. Лучше спроси самого Сунь Ятсена, как дело обстоит в действительности. Писал ли Сунь Ятсен японскому правительству, до сих пор неясно. Мерзавец Юань, замышляя недоброе, подсылает своих агентов, чтобы внести разлад в наши ряды, — такое тоже случается. Если письмо Сунь Ятсена — реальность, он никогда не давал мне читать его. Каким же образом я мог разгласить его содержание? Подобная низость не пристала никому, у кого хоть в какой-то мере есть совесть. Хотя я и не обладаю нравственными достоинствами, но за всю свою жизнь не совершал подобной подлости![1]

Бесспорно, что человек, ответственный за разглашение содержания письма премьеру Окума, был близок к Сунь Ятсену и к тому же хорошо владел английским языком. Письмо было переведено им на английский и передано в Пекине Цай Тинганю со следующим пояснением:

> В течение 12 лет я занимался революционной деятельностью вместе с д-ром Сунем. Поразительно, что я остался жив после всего произошедшего в прошлом году. Объявленной целью наших усилий было сохранение целостности Родины, и поэтому я был потрясен, когда мое внимание привлекло письмо д-ра Суня премьеру некой страны. Содержание этого письма недвусмысленно свидетельствует о том, что он намерен превратить Китай в страну, зависимую от иностранцев наподобие Индии. Бесспорно, что по отношению к Китаю он выступает в той же роли, что и Ли Ван Ён в Корее[2].

---

[1] Полное собрание сочинений Хуан Сина. С. 311.

[2] Имя корейского премьер-министра Ли Ван Ёна (이완용), поставившего в 1910 г. свою подпись под договором о включении Кореи в состав Японской империи, стало символом национального предательства.

> Предпринятый им шаг в корне противоречит моим устремлениям, и я не могу более признавать в нем своего лидера. Я хочу, чтобы это письмо было обнародовано, с тем чтобы познакомить с ним членов нашей партии, дабы они приняли к сведению этот потрясающий факт[1].

7 июня 1914 г. Цай Тинган, в свою очередь, переправил письмо Дж. Моррисону со словами: «Не могли бы Вы организовать публикацию в Шанхае и Лондоне?» Моррисон послал текст исполнявшему обязанности редактора «North China Daily News» Ф. Пратту, оговорив, что документ подлинный, но перевод нуждается в редактировании, и предупредив: имя передавшего письмо ни в коем случае не должно быть предано гласности[2].

20 июня Пратт напечатал письмо в «North China Herald» под заголовком: «Патриотизм Сунь Ятсена. Поразительное обращение к Японии. Китай выставлен на торги»[3].

Сун Цзяшу в кругу семьи

Есть основания полагать, что лицом, передавшим письмо Сунь Ятсена Цай Тинганю, был его свояк Кун Сянси.

Для того чтобы понять, почему это могло произойти, нужно вернуться к взаимоотношениям Сунь Ятсена с семьей его старинного знакомого Сун Цзяшу (Яожу).

Они были знакомы с 1894 г. Когда в 1912 г. Сунь Ятсен занял кресло президента Республики, Сун Цзяшу стал одним из его сотрудников, а его старшая дочь Сун Айлин — секретарем президента.

Постоянное общение с Сун Айлин, которой в это

[1] The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. Cambridge. 1978. P. 324.

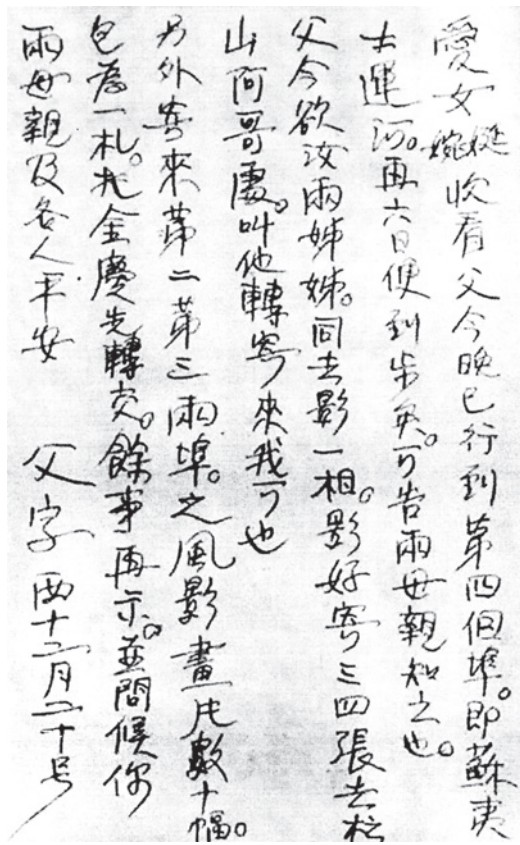
[2] Ibid.

[3] Ibid. P. 323. Английский перевод письма Сунь Ятсена приведен в публикации переписки Моррисона (The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 324).

время было 20 с небольшим, привело к тому, что Сунь Ятсен (ему тогда было за 45) стал испытывать к своей секретарше отнюдь не отеческие чувства.

К этому времени Сунь Ятсен был уже дважды женат. Китайские обычаи того времени разрешали мужчине иметь несколько «законных» жен, и обе супруги д-ра Суня (первая — Лу Мучжэнь и вторая – Чэнь Цуйфэнь) жили под одной крышей. В письме к дочерям от первого брака, датированном 20 декабря 1910 г., Сунь Ятсен просил их передать привет «обеим матушкам».

Сун Айлин (1889–1973)



愛女娫娫 收看父今晚已行到第四個埠。即蘇夷士運河。再六日便到步矣。可告兩母親知之也。父今欲汝兩姊姊。同去影一相。影好寄三四張去松山阿哥處。叫他轉寄來我可也 另外寄來第二第三兩埠。之風影畫片數十幅。包為一札。托金慶先轉交。餘事再示。並問候你兩母親及各人平安 父字 西十二月二十号

Письмо Сунь Ятсена дочерям от 20 декабря 1910 г.

«Обе матушки»

Сунь Ятсен с семьей в мае 1912 г. в Кантоне (сидят Лу Мучжэнь и Сунь Ятсен; стоят слева направо их старшая дочь Сунь Янь, сын Сунь Кэ, Сун Айлин, младшая дочь Сунь Вань)

Но статус «второй» не удовлетворял Чэнь Цуйфэнь, и в 1912 г. она ушла от мужа. Тогда Сунь Ятсен принял решение: пустующее место должна занять Сун Айлин.

Хотя в литературе мы не найдем упоминаний об этом, такой вывод можно сделать, анализируя фотографии, сделанные во время посещения Сунь Ятсеном родных пенатов в мае 1912 г.

На фотографии мы уже не видим «вторую матушку»; ее место заняла Сун Айлин.

Из Кантона все вместе (за исключением Сунь Кэ) отправи-

Братья со своими домочадцами (слева направо: Сунь Янь, Сун Айлин, Лу Мучжэнь, Сунь Ятсен, Сунь Мэй, его жена, его сын, Сунь Вань)

лись на родину Сунь Ятсена в деревню Цуйсянцунь, где сфотографировались на память с семьей его старшего брата Сунь Мэя.

И, наконец, еще один многозначительный снимок:

Сунь Ятсен и Сун Айлин (в центре) перед храмом предков клана Сунь

В нашем распоряжении нет источников, позволяющих реконструировать ход дальнейших событий. Известно только, что в 1914 г. Сун Айлин вышла замуж за богатого предпринимателя Кун Сянси, вращавшегося среди соратников Сунь Ятсена. Они поженились, и Сун Айлин уехала с мужем в Пекин, оставив вместо себя на должности секретаря д-ра Суня свою младшую сестру Сун Цинлин, которая вскоре сочеталась законным браком со своим шефом, решительно потребовав при этом, чтобы он официально развелся со своей женой Лу Мучжэнь.

Кун Сянси (1880–1967)

Но из-за этой истории личные отношения Сунь Ятсена и Кун Сянси были бесповоротно испорчены, и они перестали общаться, а Кун Сянси не только более не считал себя сторонником Сунь Ятсена, но и стал открыто критиковать его.

Что же касается содержания письма премьеру Окума, то Кун Сянси мог узнать его через Сун Айлин.

Передав Моррисону текст письма, Кун Сянси продолжал поддерживать с ним переписку, обсуждая важные политические вопросы и критикуя линию, проводимую Сунь Ятсеном.

Он писал: «Факты, касающиеся махинаций японцев и их манипуляций с Сунь Ятсеном, почерпнуты автором этих строк из его собственных наблюдений и иных источников, заслуживающих доверия. Он считает своим долгом информировать о сложившейся ситуации тех, кто тесно связан с правительством, и просит, чтобы изложенное рассматривалось как сугубо личное и конфиденциальное»[1].

Моррисон отвечал ему: «Всё сказанное Вами произвело на меня большое впечатление, и если у меня будет возможность, я непременно прокомментирую Ваши интересные соображения, разумеется, не ссылаясь на Вас»[2].

Споры о подлинности письма не утихают до сих пор

Как упоминалось выше, Хуан Син высказал предположение о том, не является ли этот документ подделкой, изготовленной агентами Юань Шикая с целью скомпрометировать лидера Гоминьдана. Но после смерти Окума историк Ватанабэ Икудзиро стал собирать материалы к биографии экс-премьера и обнаружил в его личном архиве подлинник этого документа. Ватанабэ перевел его на японский язык и поместил в своей статье об Окума, напечатанной в 1932 г.

[1] The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 391.

[2] Ibid. P. 388.

Благодаря этой публикации с текстом письма познакомился китайский историк Ван Юньшэн, который осуществил его обратный перевод с японского на китайский и опубликовал в Китае в 1933 г.[1]

Ван Юньшэн (1901–1980)

В рецензии на названный труд Ван Юньшэна вопросы, связанные с письмом Сунь Ятсена, вскоре после этого обсуждал Цзян Тинфу – будущий министр иностранных дел Китая[2]. Примерно в это же время английский текст документа, опубликованный в свое время в Китае, использовала в своей книге о Сунь Ятсене американская исследовательница Л. Шарман[3].

Когда во время антияпонской войны в Нанкине возникло коллаборационистское правительство, это письмо было перепечатано в сборнике высказываний Сунь Ятсена о Японии, призванном оправдать сотрудничество Ван Цзинвэя с оккупантами[4]. Это вызвало бурю негодования патриотически настроенных китайских историков, и они объявили этот документ японской фальшивкой, решительно отвергнув возможность того, что он мог иметь какое-либо отношение к вождю китайской революции.

Цзян Тинфу (1895–1965)

Л. Шарман в своей биографии Сунь Ятсена, касаясь проблемы подлинности разбираемого письма, хотя и высказывалась весьма осторожно, все же пришла к выводу о том, что оно не могло быть подделкой.

В 60-х гг. прошлого века к этому тексту обратился американский исследователь М. Джэнсен. Он высказал мнение, что до того как документ был найден Ватанабэ, можно было сомневаться в его подлинности, но после

[1] 王云生。六十年来中国与日本 (*Ван Юньшэн*. 60 лет китайско-японских отношений). Т. 1–6. Тяньцзинь. 1933.

[2] 蒋廷黻。民国初年之中日关系 (*Цзян Тинфу*. Китайско-японские отношения в начальный период Китайской Республики) // Дагунбао, 18 сентября 1933 г.

[3] *Sharman L*. Sun Yat-sen. His Life and its Meaning. Stanford.1934. P. 187–190.

[4] China and Japan: Natural Friends — Unnatural Enemies. A Guide for China's Foreign Policy by Sun Yat-sen. Shanghai. 1941. P. 1–7.

публикации оригинала приходится признать, что автором письма является не кто иной, как Сунь Ятсен[1].

В исследовании о внешнеполитических концепциях Сунь Ятсена С. Л. Тихвинский не ставил под сомнение подлинность письма[2]. С мнением о достоверности письма вслед за ним согласился и Г. В. Ефимов[3].

Между тем большинство тайваньских историков продолжало настаивать на том, что письмо Сунь Ятсена является подделкой.

В 1980 г. Пэн Цзэчжоу опубликовал на эту тему специальную статью, в которой обнародовал фотокопию оригинального китайского текста документа, который в свое время был сфотографирован им в библиотеке Университета Васэда. Автор привел конкретные соображения, не позволявшие ему согласиться с утверждением о том, что автором письма является Сунь Ятсен[4].

Эта статья Пэн Цзэчжоу была помещена в тайваньском журнале «Далу цзачжи» с примечанием от редакции, в котором говорилось: «Судя по всему, это секретное письмо японскому премьер-министру было подделано японцами по указанию самого Окума, чтобы он мог использовать фальшивку для оказания давления на Юань Шикая»[5].

В 1987 г. в Тайбэе была опубликована книга о Сунь Ятсене, принадлежащая перу известного тайваньского историка и политического деятеля Ли Ао.

В ней автор отверг все высказывавшиеся ранее сомнения относительно подлинности письма, о котором идет речь, хотя и ограничился лишь констатацией своей позиции, не рассматривая всех конкретных возражений оппонентов. При этом он с сарказмом писал о том, что гоминьдановские власти так и не решились опубликовать это письмо Сунь Ятсена[6].

Однако в 1989 г. этот важный документ был без каких-либо комментариев включен в вышедший на Тайване 4-й том «Полного собрания сочинений Отца Государства»[7].

---

[1] *Janson M*. The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge. 1967. P. 189.

[2] *Тихвинский С. Л*. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. 189–191.

[3] *Ефимов Г. В*. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М. 1981. С. 28.

[4] 彭泽洲。检讨中山先生致大隈首相书的真实性 (*Пэн Цзэчжоу*. О подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума) // Далу цзачжи. 1980. № 6. С. 249–258.

[5] Там же. С. 258.

[6] 李敖。孙中山研究 (*Ли Ао*. Исследование о Сунь Ятсене). Тайбэй. 1987. С. 114.

[7] Сунь Ятсен — Окума, 11 мая 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 310–313.

Нужно отдать должное смелости Ли Ао, с которой он отстаивал свои научные убеждения

Наконец, в 1991 г. была опубликована статья Чэнь Цзайцзюня, который, не приводя каких-либо доказательств в пользу своей точки зрения, сообщал читателям, что его собственные исследования позволяют признать письмо Сунь Ятсена премьеру Окума подлинным документом[1].

Вопрос о подделке был, таким образом, как будто бы снят. Тем не менее авторы этой книги считают необходимым вернуться к исследованию Пэн Цзэчжоу, поскольку выдвинутые им аргументы в пользу подделки никогда не рассматривались историками.

Кроме того, вплоть до недавнего времени продолжали раздаваться голоса, солидаризировавшиеся с выводами Пэн Цзэчжоу[2].

Пэн Цзэчжоу привел три аргумента, опровергающих, с его точки зрения, подлинность письма Сунь Ятсена премьеру Окума.

Во-первых, полагал этот автор, по почерку письма можно судить о том, что оно не было написано рукой Сунь Ятсена.

[1] 陈在俊。中日关系史上一桩重大疑案的辩证。上 (*Чэнь Цзайцзюнь*. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1) // Цзиньдай чжунго. 1991. № 83. С. 177.

[2] См., например,彭泽洲“检讨中山先生致大隈首相书的真实性”论文的历史意义 (Историческое значение статьи Пэн Цзэчжоу «О подлинности письма Сунь Ятсена премьер-министру Окума») // http://blog.sina.com.cn/s/blog_ 4c4f7f980100b0nw.html.

Во-вторых, д-р Сунь не мог быть автором письма потому, что в тексте неоднократно употребляются чисто японские названия стран – «Чжина» 支那 вместо «Чжунго» 中国 (Китай), «Фо» 佛 вместо «Фа» 法 (Франция), «Ми» 米 вместо «Мэй» 美 (Америка) и т. д., которые Сунь Ятсен в своих письмах японским адресатам не использовал.

В-третьих, если сравнить стоящую в конце письма подпись с другими подлинными образцами, несомненно, выполненными рукой Сунь Ятсена, то обнаруживаются определенные отличия в написании иероглифов «сунь» 孙 и «вэнь» 文. Оттиск приложенной к документу печати также вызывает сомнения в его подлинности[1].

Первый аргумент Пэн Цзэчжоу вполне убедителен и может быть полностью принят. Письмо графу Окума написано четким уверенным почерком, тогда как Сунь Ятсен вовсе не обладал талантами каллиграфа и писал обычно весьма небрежно.

Текст документа, несомненно, был переписан кем-то другим. А как дело обстоит с подписью «Сунь Вэнь», стоящей в конце письма?

Пэн Цзэчжоу полагал, что графические особенности этой подписи выдают бесспорный факт подделки письма. Для доказательства этого он привел в своей статье шесть примеров того, как расписывался лидер китайской революции. Ни один из них не аналогичен подписи, стоящей под письмом, о котором идет речь.

Но, как ни странно, автор сопоставляет эту подпись с образцами, относящимися не к тому периоду, когда было написано письмо Окума, а к гораздо более позднему времени. Из шести приведенных автором примеров первый датируется 1918 г., второй — 1922 г., третий – 1923 г., четвертый, пятый и шестой — 1924 г.

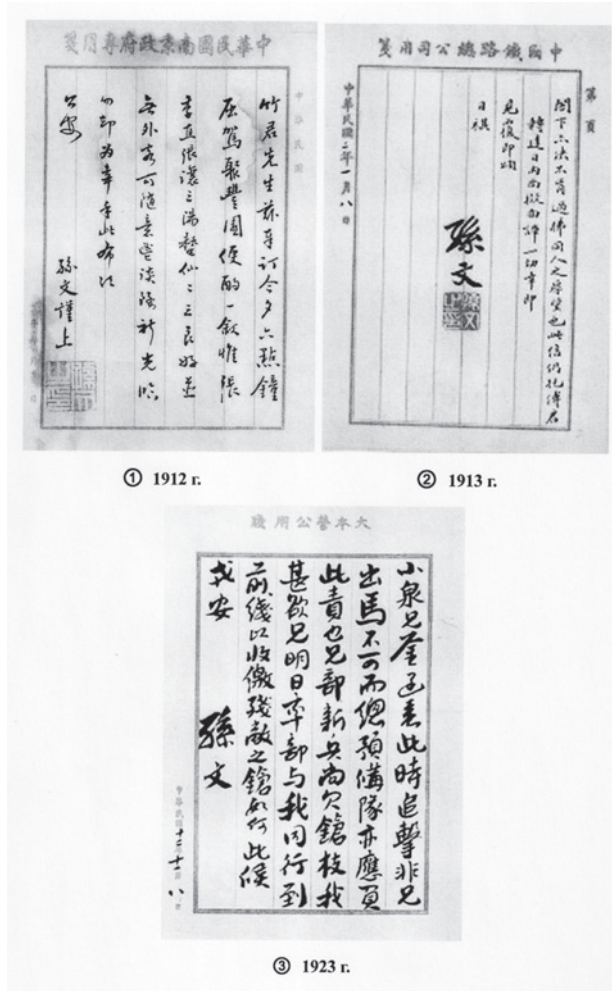
Между тем можно утверждать, что Сунь Ятсен в своей жизни дважды менял свою подпись. Для этого достаточно сопоставить его автографы, относящиеся к 1912 г., от 1913 г. до 1917 г. и, наконец, к более поздним годам его жизни.

Сравнение показывает, что подпись на разбираемом нами документе практически неотличима от подлинных автографов Сунь Ятсена 1914–1915 гг.

Таким образом, этот аргумент Пэн Цзэчжоу бьет мимо цели.

---

[1] *Пэн Цзэчжоу*. О подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума. С. 254–255.



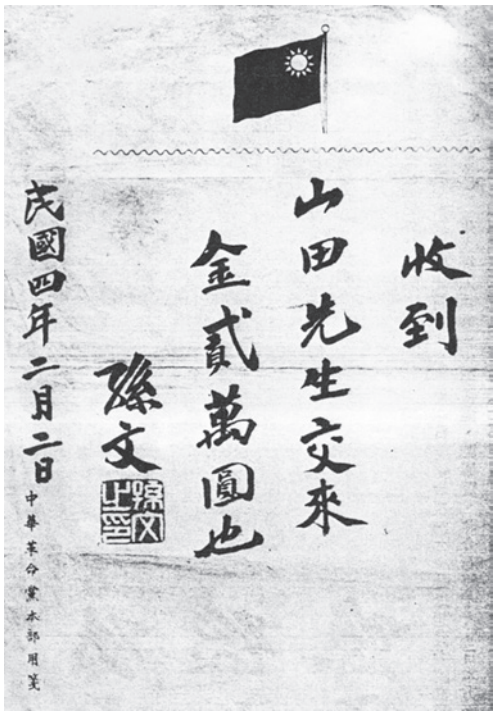
① 1912 г. ② 1913 г.

③ 1923 г.

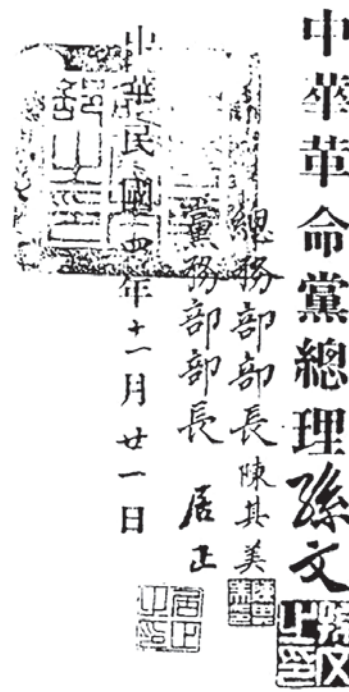
1 2 3 4 5

Подписи Сунь Ятсена
(1 — под письмом премьеру Окума; 2 — май 1914 г.; 3 — февраль 1915 г.; 4 — март 1915 г.; 5 — ноябрь 1915 г.)

Точно так же обстоит дело и с оттиском личной печати Сунь Ятсена, который не обнаруживает сколько-нибудь существенных отличий от других аналогичных оттисков, датируемых 1915 г.:



2 февраля 1915 г.

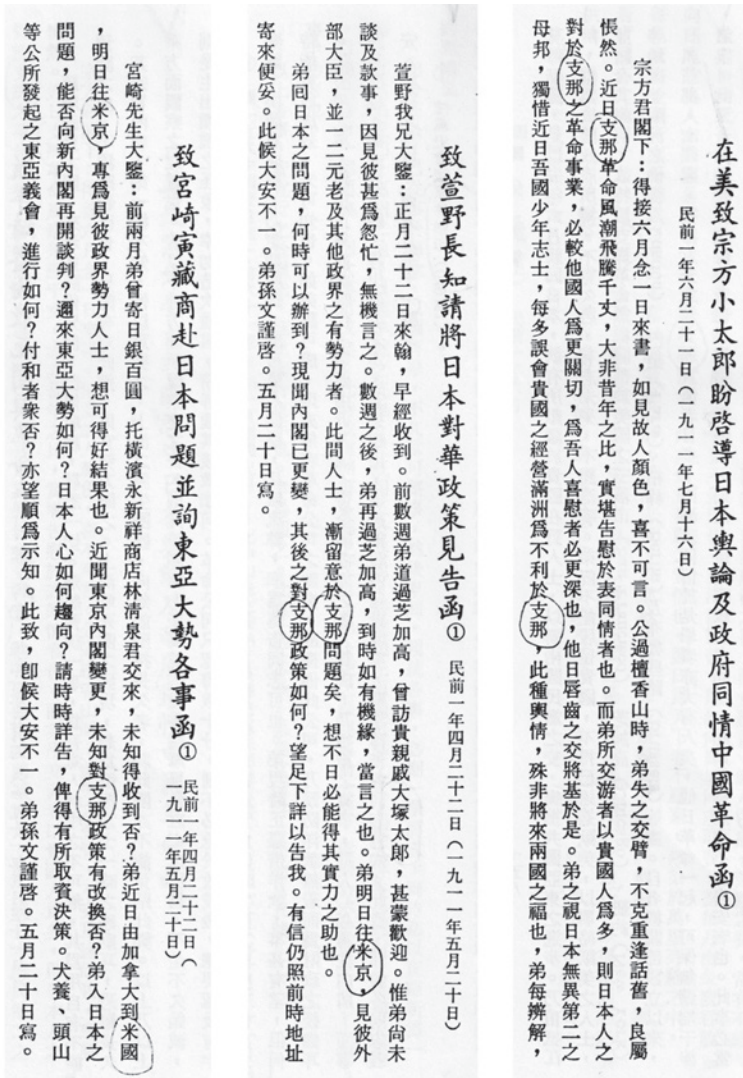


21 ноября 1915 г.

Наконец, Пэн Цзэчжоу утверждал, что подделку выдает употребление в тексте географических названий, характерных для японского языка и не свойственных китайскому. С этим доводом также невозможно согласиться.

Действительно, в своих письмах, адресованных японцам, Сунь Ятсен нередко употреблял обычные названия «Чжунго» (Китай), «Мэйго» (Америка) и т. д. Однако, если перелистать его эпистолярное наследие, нетрудно убедиться в том, что он постоянно использовал в своих письмах японским адресатам те самые названия, которые Пэн Цзэчжоу считает чисто японскими.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что составители 4-го тома «Полного собрания сочинений Отца Государства» были правы, признав неубедительными все высказывавшиеся ранее сомнения в подлинности письма Сунь Ятсена премьер-министру Окума от 11 мая 1914 г.



在美致宗方小太郎盼啓導日本輿論及政府同情中國革命函①

民前一年六月二十一日（一九一一年七月十六日）

宗方君閣下：得接六月念一日來書，如見故人顏色，喜不可言。公過檀香山時，弟失之交臂，不克重逢話舊，良屬悵然。近日支那革命風潮飛騰千丈，大非昔年之比，實堪告慰於表同情者也。而弟所交游者以貴國人爲多，則日本人之對於支那之革命事業，必較他國人爲更關切，爲吾人喜慰者必更深也，他日唇齒之交將基於是。弟之視日本無異第二之母邦，獨惜近日吾國少年志士，每多誤會貴國之經營滿洲爲不利於支那，此種輿情，殊非將來兩國之福也，弟每辨解，

致萱野長知請將日本對華政策見告函① 民前一年四月二十二日（一九一一年五月二十日）

萱野我兄大鑒：正月二十二日來翰，早經收到。前數週弟道過芝加高，曾訪貴親戚大塚太郎，甚蒙歡迎。惟弟尚未談及款事，因見彼甚爲忽忙，無機言之。數週之後，弟再過芝加高，到時如有機緣，當言之也。弟明日往米京，見彼外部大臣，並一二元老及其他政界之有勢力者。此間人士，漸留意於支那問題矣，想不日必能得其實力之助也。

弟回日本之問題，何時可以辦到？現聞內閣已更變，其後之對支那政策如何？望足下詳以告我。有信仍照前時地址寄來便妥。此候大安不一。弟孫文謹啓。五月二十日寫。

致宮崎寅藏商赴日本問題並詢東亞大勢各事函① 民前一年四月二十二日（一九一一年五月二十日）

宮崎先生大鑒：前兩月弟曾寄日銀百圓，托橫濱永新祥商店林清泉君交來，未知得收到否？弟近日由加拿大到米國，明日往米京，專爲見彼政界勢力人士，想可得好結果也。近聞東京內閣變更，未知對支那政策有改換否？弟入日本之問題，能否向新內閣再開談判？邇來東亞大勢如何？日本人心如何趨向？請時時詳告，俾得有所取資決策。犬養、頭山等公所發起之東亞義會，進行如何？付和者衆否？亦望順爲示知。此致，即候大安不一。弟孫文謹啓。五月二十日寫。

Письма Сунь Ятсена, в которых он употреблял названия государств, принятые в Японии

Оптимизм сменяется разочарованием

Косвенными свидетельствами подлинности письма Сунь Ятсена японскому премьер-министру Окума являются события, имевшие место летом–осенью 1914 г.

До свиданья, друг мой, до свиданья!

В конце мая — начале июня 1914 г. Сунь Ятсен и Хуан Син обменялись письмами, смысл которых, видимо, не был до конца понят современными исследователями, вследствие чего об этой переписке одни упоминают лишь вскользь, другие же вообще умалчивают. Между тем, на наш взгляд, она заслуживает сугубого внимания.

29 мая Сунь Ятсен получил от Хуан Сина письмо, содержание которого нам неизвестно, и ответил на него.

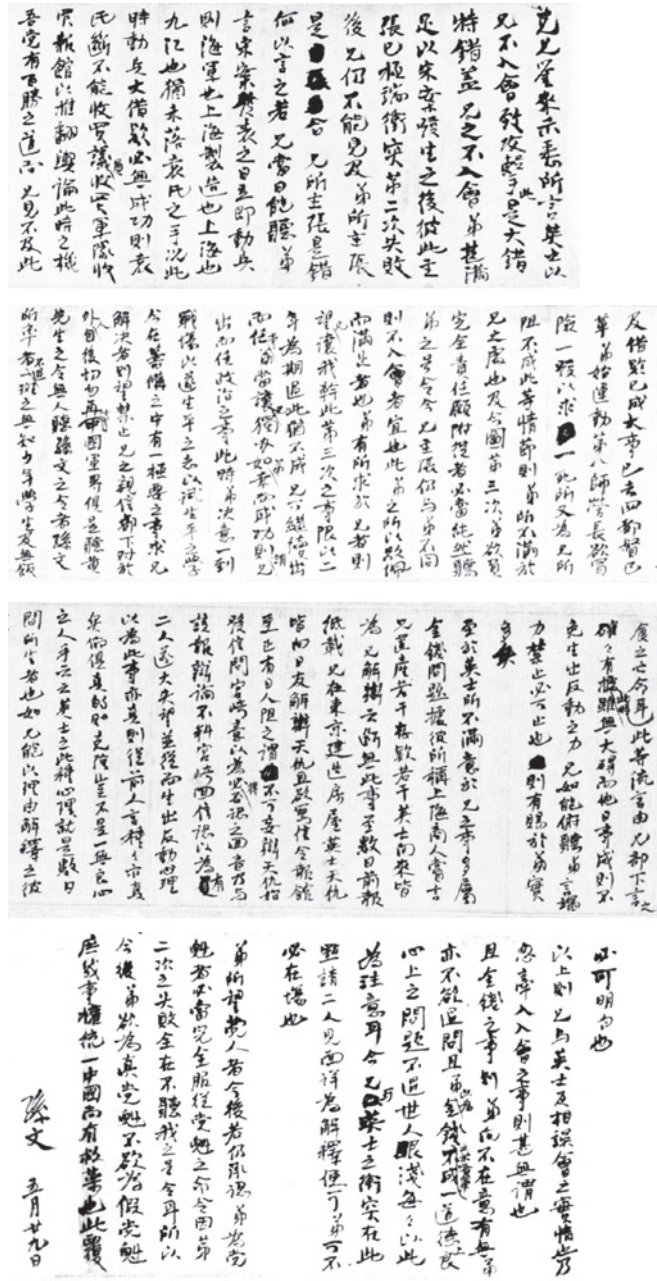
В этом письме д-р Сунь вновь излагает свои претензии к Хуан Сину, не прислушавшемуся к мнению вождя и тем обрекшему «Вторую революцию» на поражение.

Он писал:

> После Второй революции ты по-прежнему не соглашаешься с моей точкой зрения, а твоя точка зрения ошибочна. Почему я имею основания говорить так?
>
> Если бы ты тогда прислушался к моим словам и немедленно после убийства Сун Цзяожэня начал вооруженное выступление, то в руки Юань Шикая не попал бы ни флот, ни шанхайские фабрики, ни сам Шанхай, ни Цзяцзян. К тому же, если бы военные действия были начаты незамедлительно, Юань Шикаю не удалось бы получить заем и он не смог бы подкупить членов парламента, подкупить армию, подкупить прессу, чтобы овладеть общественным мнением. В тот момент у нас были стопроцентные шансы на победу, а ты не понял этого. <...>
>
> Сегодня твои намерения по-прежнему не совпадают с моими, так что твой отказ вступить в партию понятен. Поэтому я уважаю твой выбор и испытываю радость по поводу того, что ты не вступаешь в партию![1]

Сунь Ятсен не оговорился. Он недвусмысленно повторил свое мнение еще раз:

[1] Сунь Ятсен — Хуан Сину, 29 мая 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 313.



Письмо
Сунь Ятсена
Хуан Сину
от 29 мая 1914 г.

Ты пишешь, что нападки на тебя со стороны Чэнь Цимэя объясняются тем, что ты отказался вступить в партию. Это ошибка, большая ошибка! Я очень рад тому, что ты не вступаешь в партию![1]

Высказав это неожиданное суждение, автор письма обращался к своему визави с не менее странной просьбой.

Дай мне два года на то, чтобы я мог заняться делами Третьей революции. Если я за это время не смогу добиться успеха, ты вновь вернешься к исполнению своих обязанностей. Я предоставлю тебе возможность действовать по собственному усмотрению[2].

Хуан Син отреагировал на письмо пространным посланием, в котором писал Сунь Ятсену:

После прибытия в Японию я анализировал международную обстановку и ситуацию внутри нашей партии, думал о причинах нашего поражения и о будущих трудностях. <...>

Если наша партия <...> займется коренными проблемами, <...> не будет стремиться как можно скорее преуспеть в не имеющих большого значения силовых акциях, не будет устрашать обывателей неподобающими заявлениями, а будет вместо этого <...> правильным то, что в прошлом было правильно, и неправильным то, что было неправильно, не боясь признать это перед лицом своих соотечественников, в этом случае авторитет нашей партии постепенно может быть восстановлен.

Отвечая Сунь Ятсену по поводу того, что тот радуется отказу своего товарища вступить в Гоминьдан, Хуан Син писал:

Я весьма благодарен Вам за эти слова. Они отрицательно повлияют на перспективы [нашего движения], но благоприятно скажутся на моей деятельности.

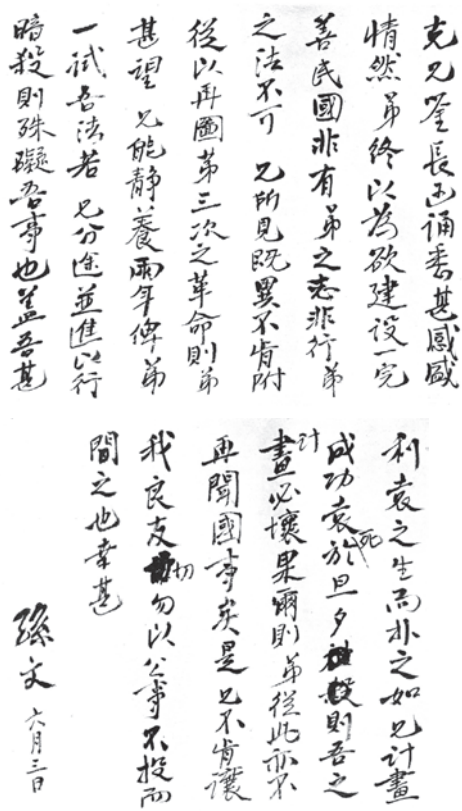
Вы требуете от меня, чтобы я устранился на два года ради Третьей революции <...>. Я же думаю, что цель будущей революции — осуществить преобразование политического строя, и участие в ней — призвание человека, а не торговля по поводу привилегий членов какой-то корпорации. <...> Поэтому прошу Вас впредь больше не упоминать об этом. Если у меня будет случай [участвовать в революции], я сделаю все, что в моих силах, и можно быть уверенным в том, что ничем не помешаю Вам.

Свое письмо Хуан Син заканчивал словами:

В Ваших руках ныне большое дело. Будучи Вашим другом, я высказал Вам свои соображения и очень надеюсь, что Вы примете их. Это было бы для меня ни с чем не сравнимым счастьем.

[1] Там же.

[2] Там же.



Письмо Сунь Ятсена Хуан Сину от 3 июня 1914 г.

3 июня Сунь Ятсен снова написал Хуан Сину. Он начал это свое письмо многозначительными словами:

> Я всегда был уверен, что создать подлинную Республику можно лишь в том случае, если следовать сформулированным мною целям и использовать предложенные мною методы![1]

И продолжал:

> Ты думаешь иначе и, планируя Третью революцию, не намерен мне подчиняться, поэтому я и надеюсь на то, что ты согласишься на два года отойти от дел и дать мне возможность испробовать на практике мои методы. Если же ты будешь, действовать самостоятельно, <...> то ты нарушишь все мои планы.

[1] Сунь Ятсен — Хуан Сину, 3 июня 1914 г. // Там же. С. 314.

Письмо заканчивается следующим абзацем:

> Впредь нам не следует обсуждать государственные дела, хоть в частном общении ты и остаешься моим добрым другом...[1]

Хуан Син не ответил на это письмо. Его переписка с Сунь Ятсеном надолго прервалась.

Японские друзья Сунь Ятсена не были согласны с тем, что он столь резко оттолкнул от себя Хуан Сина. В августе 1914 г. Каяно и Миядзаки попытались восстановить status quo во взаимоотношениях двух наиболее влиятельных деятелей Гоминьдана и стали зондировать почву на предмет возвращения Хуан Сина в Японию, но тот никак не реагировал на это. Тогда Каяно, Миядзаки и Ван Тунъи уговорили Чэнь Цимэя заговорить об этом с Сунь Ятсеном. Но д-р Сунь был непреклонен[2].

После этого обмена письмами невозможно было представить себе, что Сунь Ятсен и Хуан Син когда-нибудь снова сфотографируются вдвоем

[1] Там же.

[2] 孙中山在日活动密录。1913.8–1916.4。日本外务省档案 (Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. Август 1913 — апрель 1916. Из архива МИД Японии). Тяньцзинь. 1990. С. 686–687 (сообщение датировано 22 августа 1914 г.).

Почему Сунь Ятсен изменил свое отношение к отказу Хуан Сина вступить в Гоминьдан?

Когда Хуан Син и его единомышленники заявили, что не будут вступать в новую партию, д-р Сунь приложил максимум усилий к тому, чтобы переубедить своих оппонентов и тем самым предотвратить раскол еще не окрепшего Гоминьдана.

Неожиданное изменение отношения Сунь Ятсена к поведению своих бывших соратников требует объяснения.

Разумеется, не исключено, что новоиспеченный глава Гоминьдана просто устал уговаривать Хуан Сина и сделал вид, что всё к лучшему в этом лучшем из миров.

Однако если мы обратим внимание на даты, в голову придет иное объяснение.

Обратившись к премьер-министру Японии с подробно аргументированными предложениями, Сунь Ятсен явно надеялся на позитивный ответ и испытывал прилив воодушевления. Ему казалось, что, получив японскую помощь, он сможет без труда решить все трудности, с которыми он столкнулся во время подготовки Третьей революции.

Поэтому он был уверен в успехе предприятия даже и без помощи своего сподвижника.

Он, казалось, забыл о том, что, по его же собственному мнению, неудача Второй революции объяснялась отсутствием единства в лагере восставших, и готов был действовать теперь на свой страх и риск. Рассчитывая на скорую помощь японского правительства, он был исполнен радужных надежд.

Не меньшее воодушевление испытывал тогда и ближайший соратник Сунь Ятсена Чэнь Цимэй. Он заявлял:

> Благодаря самоотверженным усилиям наших товарищей подготовка к Третьей революции в основном завершена. Мы планируем в ближайшие дни начать выступление на юге Китая. <...> А стоит революции начаться, как мы мгновенно овладеем одной-двумя провинциями. Когда эта цель будет осуществлена, мы с Сунь Ятсеном немедленно вернемся в Китай. И еще: я уже договорился с Сунь Ятсеном, что, захватив одну-две намеченные провинции, мы прежде всего назначим японцев на должности полицейских советников и военных инструкторов[1].

[1] Там же. С. 690 (сообщение датировано 12 сентября 1914 г.).

Универсальные магазины — вот что нам нужно

Соображения по поводу тех благ, которые предназначались Японии в случае, если бы она помогла Сунь Ятсену свергнуть Юань Шикая, не убедили японского премьера. С его точки зрения, Гоминьдан был слишком слаб и разобщен внутренними противоречиями. Делать ставку на него в большой дипломатической игре Окума счел опасным. Ответа на обращение Сунь Ятсена не последовало.

Но сам автор письма был уверен, что изложенные им предложения наверняка будут приняты японским правительством.

У Сунь Ятсена, казалось бы, были все основания для того, чтобы видеть будущее в розовом свете.

28 мая 1914 г. заместитель начальника Общего отдела Гоминьдана Се Чи записал в своем дневнике:

> Получил сведения о том, что [представитель] японского Генерального штаба встретился и беседовал с Инши[1] (переводил [Хуан] Фушэн). А несколько дней тому назад [представители] штаба японского флота и армии якобы выразили желание оказать помощь нашей партии[2].

На следующий день Се Чи попытался узнать подробности этой встречи у Хуан Фушэна. Тот не отрицал сам факт переговоров, но отказался сообщить их детали; Се Чи пришел к выводу, что причиной тому была секретность переговоров[3].

Судя по всему, Сунь Ятсен воспринял действия представителей японского командования как свидетельство позитивной реакции премьер-министра на письмо от 11 мая. В действительности это было не так. Как мы уже отмечали выше, в вопросе о том, кому помогать в Китае — Юань Шикаю или силам, выступавшим против него, – японский генералитет занимал принципиально иную позицию по сравнению с Министерством иностранных дел. Но Суть Ятсен, по-видимому, не знал этого.

Летом 1914 г. д-р Сунь был преисполнен оптимизма и с воодушевлением писал вдове Гомера Ли:

> Я рад сообщить Вам, что моя работа продвигается успешно. Вот-вот наступит решающий момент, и реакционное правительство потерпит окончательное поражение[4].

---

[1] Инши — второе имя Чэнь Цимэя.

[2] Дневник Се Чи, 28 мая 1914 г. // 谢持日记未刊稿 (Непубликовавшийся дневник Се Чи). Т. 1. Гуйлинь. 2007 (далее — СЧ). С. 202.

[3] Там же, 29 мая 1914 г. // СЧ. Т. 1. С. 203.

[4] Сунь Ятсен — Э. Ли, 13 сентября 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 323.

Будучи абсолютно убежден в том, что японское правительство в ближайшее время окажет ему помощь для свержения Юань Шикая, лидер Гоминьдана уже заглядывал в будущее — в то время, когда «Третья революция» будет завершена и на повестку дня встанут вопросы хозяйственной деятельности возглавляемого им правительства.

Фотография Сунь Ятсена, преподнесенная им в подарок Этель Ли

Для решения этих вопросов в голове Сунь Ятсена уже созрел план, которым он поспешил поделиться со своими зарубежными друзьями.

Речь, как всегда, зашла о деньгах. Сунь Ятсен писал Этель Ли:

> Самая большая из всех трудностей, с которыми мы сталкиваемся, — это финансы. Но я уже знаю, как с помощью универсальных магазинов разрешить эту трудность. Не могли бы Вы помочь мне, найдя людей, сведущих в этой области? Если Вы сможете найти таких людей, захотят ли они приехать сюда для того, чтобы помочь нам справиться с этой трудностью?
>
> Как Вы знаете, из-за недостатка твердой монеты в военное время бумажные деньги девальвируются торговцами. Но если во всех городах будут открыты универсальные магазины, мы сможем поддержать ценность бумажных денег. Всегда бывает так, что в каком-то одном городе скапливаются излишки того или иного товара, тогда как в других городах наблюдается его дефицит. Если же удастся наладить товарооборот, эту проблему нетрудно будет решить[1].

Этель Ли

Позднее он уточнял:

> Цель моего плана открытия универсальных магазинов заключается в том,

[1] Сунь Ятсен — Э. Ли, 17 июня 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 316.

чтобы хотя бы отчасти решить финансовые трудности и способствовать развитию торговли в период революции, поскольку, как Вы знаете, финансы Китая целиком и полностью контролируются иностранными банками. Когда начинается война, это неизбежно сказывается на развитии торговли, от чего страдают граждане страны. Мой план призван преодолеть эти тяготы, и я надеюсь, что никто не будет возражать против него[1].

Сунь Ятсен добавлял:

Недавно мне написал наш друг г-н Дэйтрик, и я уполномочил его заниматься этим делом. Поэтому впредь не буду беспокоить Вас по этому поводу[2].

Джеймс Дэйтрик, бизнесмен из Кентукки

Сунь Ятсен впервые вступил в контакт с Дэйтриком в 1912 г., когда его мысли были заняты железнодорожным строительством.

В архиве Дэйтрика в Стэндфордском университете хранится более 20 его писем, адресованных Сунь Ятсену. Из них явствует, что предприимчивый американец предлагал экс-президенту Китая финансовую помощь в расчете получить определенные привилегии для ведения своих дел в Китае.

Позднее их переписка надолго прервалась, и вот теперь Дэйтрик вновь написал Сунь Ятсену и предложил ему свое содействие в решении новых проблем, стоявших перед лидером Гоминьдана.

В ответном письме Сунь Ятсен обратился к Дэйтрику с просьбой приложить усилия к тому, чтобы воспрепятствовать получению Юань Шикаем материальной помощи из-за океана.

Но главное, в чем он видел поле их совместной деятельности, состояло в другом, относящемся ко времени «после завершения военных действий и победы революции»:

Революционная война — дело несложное. Бóльшие трудности ожидают нас в ходе послевоенного строительства. И в этом отношении Вы можете во многом помочь мне[3].

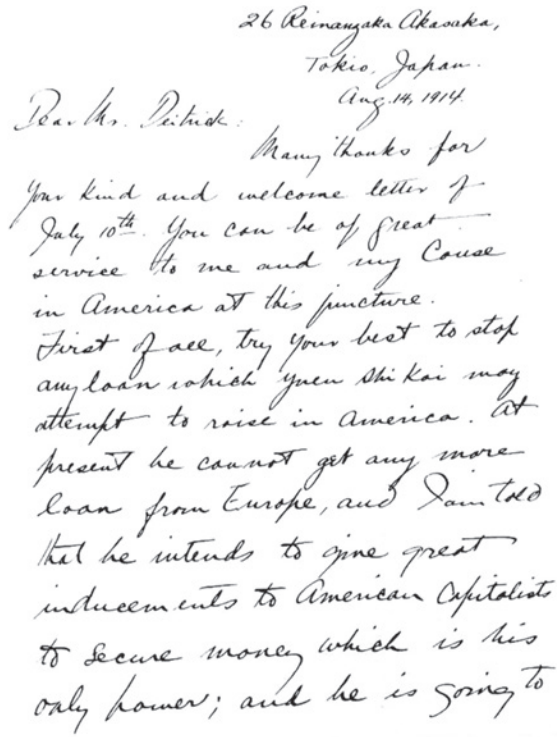
И далее Сунь Ятсен изложил Дэйтрику свой план создания в Китае сети универсальных магазинов, о чем он уже рассказывал Э. Ли.

---

[1] Сунь Ятсен — Э. Ли, 13 сентября 1914 г. // Там же. С. 323.

[2] Там же.

[3] Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 14 августа 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 319.



26 Reinanzaka Akasaka,
Tokio, Japan.
Aug. 14, 1914

Dear Mr. Patrick:

Many thanks for your kind and welcome letter of July 10th. You can be of great service to me and my Cause in America at this juncture. First of all, try your best to stop any loan which Yuen Shi Kai may attempt to raise in America. At present he cannot get any more loan from Europe, and I am told that he intends to give great inducements to American Capitalists to secure money which is his only power; and he is going to

Первая страница письма Сунь Ятсена Дж. Дэйтрику от 14 августа 1914 г.

> В Соединенных Штатах организация по снабжению населения товарами – вещь обычная. В Китае же этого еще нет, как нет никого, кто был бы сведущ в вопросах управления такого рода предприятием. Если оно появится в Китае, то я уверен, что Вам будет нетрудно найти для меня соответствующего специалиста. <...>
>
> Я готов предоставить ему привилегии в сфере налаживания товарообращения по всему Китаю при условии, что он сможет дать нам в долг 10 миллионов долларов[1].

В одном из последующих писем Сунь Ятсен пояснял, что он имеет в виду создание совместной компании, половина акций которой принадлежала бы американской стороне. При этом сказано, что упоминавшиеся 10 миллионов долларов не имеют прямого отношения к дея-

[1] Там же. С. 320.

тельности компании: это лишь условие предоставления американскому бизнесмену права участвовать в совместном деле. А в случае, если таковой не заинтересован в проекте относительно универсальных магазинов, ему могут быть предоставлены привилегии в сфере железнодорожного строительства, разработки полезных ископаемых и т. д.[1]

В этом письме, датированном 19 октября, мы впервые обнаруживаем, что речь идет уже не совсем о том, о чем она шла летом того же года: здесь открытым текстом говорится, что кредит в 10 миллионов долларов не имеет отношения к проекту организации в Китае универсальных магазинов. При этом отнюдь не случайно, что автор письма впервые упоминал об отрицательном отношении японского правительства к планам Гоминьдана:

> Что касается позиции правительства Японии, то она вследствие существования англо-японского соглашения неблагоприятна для нас. Однако японский народ выражает солидарность с нами и нашим делом[2].

Позднее в письмах Сунь Ятсена, адресованных Дэйтрику, более ни слова не упоминается об универсальных магазинах. Теперь лидеру Гоминьдана было не до них. Ему стало ясно, что правительство Окума не намерено помогать ему в деле свержения Юань Шикая.

К тому же беда никогда не приходит одна. Сунь Ятсен писал Дэйтрику:

> Неожиданно для нас произошло несколько прискорбных событий.
>
> Во-первых, один из наших главных соратников г-н Фань Хунсянь убит приспешником Юань Шикая. Он пользовался большим авторитетом в войсках Севера, расквартированных в Шанхае и окрестностях, и способствовал тому, что их значительная часть перешла на нашу сторону.
>
> Во-вторых, из-за того, что противник вел разведку, сорвалось соединение наших войск в Ханчжоу (Чжэцзян).
>
> В-третьих, в ходе начатого несколько дней тому назад наступления на Кантон взять его не удалось из-за недостатка средств. В настоящее время вокруг Кантона идут бои и еще неизвестно, чем они закончатся.

Фань Хунсянь (1882–1914)

[1] Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 19 октября 1914 г. // Там же. С. 328.

[2] Там же. С. 329.

Подготовка к совместным действиям в западных и северных провинциях завершена, но и тут ощущается недостаток средств. <...>

Я в настоящее время остро нуждаюсь в средствах. Можете ли Вы предоставить нам хотя бы 500 тысяч долларов наличными? Если да, то у меня по-прежнему будет возможность воспользоваться ситуацией и осуществить в конце этого или начале будущего года успешную операцию.

Если Вы сможете достать для меня указанную сумму, то будьте любезны приобрести десять или более новейших аэропланов и немедленно переправить их в Манилу капитану Гунну. Если же купить аэропланы Вам не удастся, приобретите двигатели (не менее 14 лошадиных сил) и соответствующее оборудование и детали к ним[1].

Сунь Ятсену, потерявшему к осени 1914 г. всякие надежды на японцев, приходилось искать иные источники материальной помощи. Дэйтрик, обладавший связями в деловом мире Соединенных Штатов, был, с его точки зрения, одним из таких потенциальных источников.

[1] Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 20 ноября 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 334.

Глава XII

Мечты, мечты! Где ваша сладость?

Началась мировая война

28 июня 1914 г. в Сараево был убит эрцгерцог Франц Фердинанд.

1 августа Германия объявила войну России. Началась мировая война. Китайское правительство объявило о своем нейтралитете.

Япония аннексирует Шаньдун

Като Такааки (1860–1926)

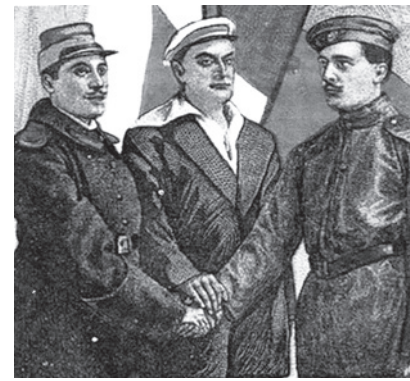
Японские политические деятели сочли начало войны прекрасным поводом для осуществления своих давних экспансионистских замыслов, ставя первоочередной целью прежде всего овладение немецкими концессиями на территории Шаньдунского п-ва. Особую активность в этом отношении проявлял министр иностранных дел Японии Като Такааки.

Учитывая реальную ситуацию, Германия решила опередить японцев.

14 августа поверенный в делах России в Пекине В. В. Граве сообщил в Петроград о сделанном германской миссией предложении вернуть Циндао Китаю[1].

[1] Граве — Нератову, 18 августа 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия III (Далее — МОЭИ). Т. 6. Ч. 1. С. 122. Примеч. 2.

15 августа Япония предъявила Германии ультиматум с требованием вывести из Японского моря все военные корабли и передать Японии немецкие концессии в районе Цзяочжоу.



Тройственное согласие (плакат времен 1-й мировой войны)

Граве писал в МИД:

> Министр иностранных дел [Китая] не скрыл от меня вчера своих опасений, что, несмотря на торжественное обещание, Япония не вернет Циндао Китаю. Китайцы надеются, что державы Тройственного согласия не допустят японцев одних атаковать этот порт и что они примут участие в этой операции и затем настоят на исполнении помянутого обещания[1].

Граве заявил китайскому МИД:

> Германское предложение о непосредственном возвращении Циндао Китаю было бы в настоящий момент не доказательством благосклонности Германии к Китаю, но только признаком слабости. Принятие такого предложения со стороны Китая было бы теперь объяснено как косвенная поддержка, оказанная Китаем Германии и как нарушение нейтралитета. Подобный факт вызвал бы раздражение Японии и мог бы навлечь на Китай серьезные последствия[2].

19 августа министр иностранных дел Китая информировал дипломатических представителей Англии, Франции и России, что китайское правительство отклонило сделанное ему немцами предложение[3].

23 августа Япония объявила Германии войну.

Российский посол в Японии Н. А. Малевский-Малевич писал в Петроград:

> На вопрос мой, как отнесется Китай к неизбежному нарушению японскими осаждающими войсками китайского нейтралитета при высадке на Шаньдун, министр иностранных дел ответил мне под условием соблюдения тайны, что по взаимному соглашению Китай заявит Японии формальный протест, который не будет иметь последствий. Министр иностранных дел находит, что Япония вправе высадить свои

[1] Там же. С. 122.

[2] Граве — Сунь Баоци, 18 августа 1914 г. // Там же. С. 123.

[3] Там же. Примеч. 1.

войска за пределами нейтральной полосы вокруг Цзяочжоу, так как немцы, сделав из последнего базу своих морских операций в японских водах, первые нарушили нейтралитет Китая[1].

В. Н. Крупенский (1869–1945)

Посланник России в Пекине В. Н. Крупенский докладывал министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

> Вспыхнувшая в Европе война, распространившаяся отчасти и на Дальний Восток, привлекает к себе живейшее внимание китайского правительства, весьма опасающегося возможных последствий в будущем для Китая как от неизбежного конечного изменения соотношения сил между великими державами, так и от временного предоставления Японии полной свободы действий на Дальнем Востоке, ввиду отвлечения всех сил остальных воюющих держав на европейский театр войны.
>
> Симпатизируя в душе Германии, систематические усилия коей выставлять себя бескорыстным другом Китая не остались совершенно бесплодными, китайцы тем не менее всячески стараются держаться строго нейтрального положения, чтобы не быть обвиненными в содействии той или другой стороне и не поплатиться за это впоследствии. Прекрасно сознавая, однако, свое бессилие в военном отношении, Китай тщательно избегает прямого столкновения с воюющими сторонами,

Немецкая карта г. Цындао и его окрестностей

[1] Малевский-Малевич — Сазонову, 29 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 181.

чем и объясняется его молчаливое согласие под протестом на высадку и проход по китайской территории японских войск, отправленных против Цзяочжоу <...>[1].

Почувствовав свою полную безнаказанность, японские войска вышли за пределы зоны, определенной китайским правительством для ведения германо-японских военных действий, и заняли железную дорогу от Циндао вплоть до Вэйфана (Вэйсянь).

Крупенский информировал Сазонова:

> Японские войска заняли Шаньдунскую железную дорогу до Вэйсянь к западу от зоны, определенной Китаем для военных операций. Китайское правительство заявило японской миссии протест против подобного нарушения нейтралитета Китая и просило о немедленном отозвании японского войска. О своем протесте китайцы уведомили английскую миссию, надеясь на воздействие Англии на Японию в желательном для них смысле. Хотя англичанам проникновение японцев и представляется весьма неприятным, вряд ли можно ожидать с их стороны серьезного выступления в этом вопросе. По словам моего английского коллеги, сам японский посланник как будто не одобряет принимаемых военными властями мер; но все же, по-видимому, японцы намерены захватить в свои руки железнодорожную линию до самого Цзинаньфу[2].

Протест китайского правительства остался гласом вопиющего в пустыне. Малевский-Малевич уточнял из Токио:

> Говоря со мной о Шаньдунской железной дороге, министр иностранных дел сказал, что занятие ее было необходимо, так как железная

Пленные немцы

[1] Крупенский — Сазонову, 9 сентября 1914 г. // Там же. С. 229–230.

[2] Крупенский — Сазонову, 29 сентября 1914 г. // Там же. С. 234.

дорога является германским предприятием, непосредственно связанным с концессией Цзяочжоу. Хотя железная дорога германо-китайская, однако фактически она принадлежит германцам, которые ею пользовались и для военных целей. Протест Китая не будет, по мнению министра иностранных дел, иметь последствий, нося скорее формальный характер; при этом китайцам известно, что на всей линии не больше 500 японских солдат, которым настрого приказано не сходить с железнодорожной полосы, чтобы не нарушать нейтралитета Китая. На вопрос мой о дальнейшей судьбе Шаньдунской железной дороги министр иностранных дел ответил, что при ликвидации войны это выяснится, прибавив, что целью Японии является вытеснение германского влияния из Китая[1].

Китайские революционеры активизируют свою деятельность

Подобно японским политикам, полагавшим, что начало мировой войны предоставляет им долгожданный шанс в Китае, китайские революционеры во главе с Сунь Ятсеном также считали, что это редкая возможность начать «Третью революцию» и упускать этот случай никак нельзя.

Активизация их действий не могла пройти незамеченной пекинским правительством. Крупенский писал по этому поводу:

За последнее время, правда, замечается усиленная деятельность со стороны наиболее известных революционных вожаков, но правительство Юань Шикая, несомненно, может справиться с этой агитацией под условием, чтобы последняя не получила поддержки извне, т. е. от Японии. Возможность такой поддержки более всего устрашает в настоящую минуту пекинское правительство, сознающее, что если только Япония желает возникновения волнений в Китае, чтобы под их предлогом занять оккупационными отрядами наиболее интересующие ее пункты, то вызвать подобные волнения ей будет весьма легко, равно как и своей поддержкой сделать их опасными для Пекина.

Я не решусь, конечно, отрицать, что подобные опасные для целости Китая замыслы не существовали у японского правительства. Положительных данных, однако, чтобы подозревать японцев в подготовке ныне в Китае новой революционной вспышки, у меня не имеется. Хотя здешние японские корреспонденты охотно говорят о вероятных в ближайшем будущем волнениях на юге, новый здешний посланник г-н

[1] Малевский-Малевич — Сазонову, 8 октября 1914 г. // Там же. С. 382.

> Хиоки с большой утвердительностью заявил мне, что имеющиеся у него сведения не позволяют ожидать ничего подобного. Со своей стороны, и мой великобританский сотоварищ, вообще далеко не отличающийся японофильством, выразил мне уверенность, что в настоящую минуту Япония не задается целью вызвать в Китае внутренние осложнения[1].

Было бы, разумеется, странно, если бы в сложившейся ситуации японский посланник стал предупреждать Пекин о готовившихся на юге Китая антиправительственных выступлениях. Что до утверждения английского дипломата, то лучшим мерилом его справедливости была реакция Токио на ноту Пекина относительно проживающих в Японии китайских политических эмигрантов.

Лу Цзунъюй (1876–1941)

9 сентября посланник Китая в Токио Лу Цзунъюй передал в японское министерство иностранных дел ноту со следующими требованиями:

1) Японскому правительству следует удалить со своей территории китайских бунтовщиков, возглавляемых Сунь Ятсеном, Хуан Сином, Чэнь Цимэем и др., а также отказывать в приеме их единомышленников, находящихся в настоящее время в других странах.

2) Японское правительство должно передавать Китаю всех тех иммигрантов, против которых Пекин возбуждает уголовные дела.

3) Японское правительство должно пресекать любые проявления помощи китайским политическим иммигрантам со стороны японских граждан[2].

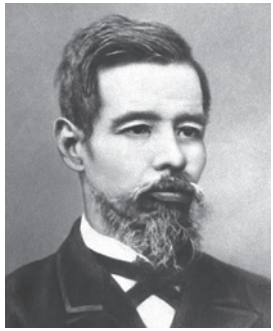
МИД Японии никак не реагировал на китайскую ноту. Идея Като Такааки была предельно проста: проживающие в Японии китайские революционеры были дополнительным рычагом давления императорского правительства на Китай.

Близкие к *рёнин* политические деятели шли еще дальше, обосновывая пользу от пребывания в Японии Сунь Ятсена и иже с ним. Тэрао Тору утверждал:

---

[1] Крупенский — Сазонову, 9 сентября 1914 г. // Там же. С. 230.

[2] Нота правительства Китая от 9 сентября 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 747.



Муцу Мунэмицу (1844–1897)

[Японские] дипломаты выражают сомнения в отношении планируемой Сунь Ятсеном и Хуан Сином «Третьей революции», а общественные деятели считают, что для дипломатического курса Японии это прекрасная возможность, которая случается раз в тысячу лет. Помнят ли власти, что население нашей страны ежегодно увеличивается на 500 000 человек? В каком направлении будет развиваться такой прирост населения за последние 10 лет? Америка третирует Японию, и кроме соседнего Китая у него нет пространства для дальнейшего роста. <...>

Если правительство не может открыто содействовать революции в Китае, то оно по крайней мере должно установить контакт с революционерами и помогать им закулисно. А после того как революция завершится успехом, Сунь Ятсен и Хуан Син окажутся в высшей степени полезными для нашей страны. Юань Шикай — глава китайского правительства, признанного державами, и наше правительство как таковое, разумеется, не может открыто поддерживать революционеров.<...> Но политика министра иностранных дел Като слишком прямолинейна, и создается впечатление, что барону не знакомы приемы европейской дипломатии. По сравнению с ним Муцу Мунэмицу и Комура Дзютаро[1] действовали гибче и изощреннее.

Комура Дзютаро (1855–1911)

Двуличие несовместимо с самурайским духом, но такова уж дипломатия всех стран, и Японии незачем примерять на себя личину благородного мужа.

Я, Инукаи и Тояма считаем, что сейчас настал благоприятный момент для начала революции [в Китае], который нельзя упустить. Но Сунь Вэнь еще не готов из-за недостатка средств и некоторых других причин. С моей точки зрения, сейчас не следует дожидаться, когда мы сможем предоставить им большую сумму на военные нужды, достаточно минимальных средств, необходимых для начала восстания[2].

[1] Японские дипломаты эпохи Мэйдзи.

[2] 寺尾亨关于中国革命之谈话 (Тэрао Тору о революции в Китае), 14 сентября 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 691–692.

Со своей стороны, китайские политэмигранты во главе с Сунь Ятсеном продолжали надеяться на помощь со стороны японских властей и были готовы сторицей отблагодарить их.

Утида Рёхэй формулирует требования, которые следует предъявить Китаю

Главарь общества Кокурюкай также не оставался в стороне от обсуждения злободневных вопросов.

29 октября 1914 г. он выступил с очередным опусом, озаглавленным «Мнение о том, как разрешить китайскую проблему».

Первый раздел его был посвящен новым аспектам «китайской проблемы», обрисовавшимся после начала мировой войны.

Утида утверждал:

> Сможет ли японское императорское правительство разрешить проблемы Дальнего Востока и осуществить политику нашей великой империи, целиком и полностью зависит от того, сможем ли мы искусно использовать общую ситуацию в мире для того, чтобы укрепить наши силы и выбрать реально осуществимый курс в отношении Китая. Если наши власти и наш народ будут относиться к нынешней войне в Европе индифферентно и без должного внимания, пренебрегая будущими итогами этой войны и сосредоточившись исключительно на вопросе Цзяочжоу, политика нашей великой империи неизбежно станет иллюзией, а допущенная ошибка будет намного большей, чем это можно себе представить. Мы не можем не высказать правительству наши предложения по поводу этой политики не потому, что мы любим спорить, а потому, что мы глубоко заинтересованы в процветании нашей страны[1].

Утида продолжал:

> Сейчас — самый удобный момент для того, чтобы Япония смогла быстро разрешить китайскую проблему. Такой случай бывает раз в 1000 лет. Действовать без промедления — этого требует не только священная обязанность Японии, но и благоприятный момент, предоставляемый нам ситуацией в Китае. Мы должны без колебаний принять решение и начать действовать. Если наши власти не используют эту редкую возможность, им неизбежно придется нести суровую ответственность за урегулирование китайской проблемы в будущем. После войны Япония будет

[1] 解决中国问题意见书 (Мнение о том, как разрешить китайскую проблему) // 赵金钰。日本浪人与辛亥革命 (*Чжао Цзиньюй*. Японские *рёнин* и Синьхайская революция). С. 185.

изолирована европейскими державами, и они дадут волю своей зависти по отношению к Японии так же, как сейчас это происходит с Германией. Разве немедленное решение китайской проблемы не является для Японии гранью между жизнью и смертью?[1]

Сформулировав тезис о необходимости действовать незамедлительно, Утида подробно изложил то, что именно, с его точки зрения, необходимо предпринять японскому правительству.

Выполнит ли Япония свою священную миссию и посредством героических усилий разрешит китайскую проблему, заставив Китай по своей воле полагаться на Японию, — эта предельно важная задача зависит от избранного нами политического курса. У японского императорского правительства нет иного способа заставить Китай согласиться с уготованным ему положением, кроме как, использовав предоставляющуюся ныне возможность обретения политической и финансовой мощи, любыми доступными средствами заключить [с Китаем] оборонительный союз на нижеследующих секретных условиях[2].

Условия заключения японо-китайского «оборонительного союза» включали 10 пунктов:

1. Если в Китае возникает внутренняя смута или Китай оказывается в состоянии войны с каким-либо государством (государствами), Япония направляет свои войска на помощь Китаю и несет ответственность за защиту его территории и поддержание мира и порядка.

2. Признавая особые права Японии в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, Китай передает Японии суверенитет над этими территориями, чтобы Япония могла на прочной основе осуществлять план обороны этого региона.

3. После того как Япония оккупирует район залива Цзяочжоу, она получает все ранее принадлежавшие Германии права на железную дорогу, разработку полезных ископаемых и пр. После восстановления мира и порядка в Циндао этот район передается Китаю и становится международным портом.

4. Имея в виду укрепление обороны Китая и Японии на море, Китай передает Японии права на концессию стратегически важных портов в прибрежной части провинции Фуцзянь, где создаются военно-морские базы. Японии передаются также все права на железные дороги и разработку полезных ископаемых.

5. С целью реформирования своей армии Китай поручает эту функцию японским инструкторам.

[1] Там же. С. 187.

[2] Там же. С. 188.

Всё это было сочинено «другом» Китая

6. Для унификации вооружения и боеприпасов Китай впредь будет использовать оружие японского производства и создаст при содействии Японии оружейные заводы во всех стратегически важных пунктах.

7. Для создания и укрепления флота Китай приглашает японских инструкторов.

8. Для реформирования финансовой системы и методов сбора налогов Китай поручает эту работу Японии. Япония рекомендует способных финансистов, которых назначают на должности высших советников китайского правительства.

9. Китай приглашает японских специалистов в области образования в качестве советников. С целью повышения образовательного уровня населения во всех районах Китая повсеместно создаются школы с преподаванием японского языка.

10. Прежде чем заключить с другим государством соглашение о предоставлении займа, передаче концессии или уступке территории Китай должен предварительно получить согласие Японии[1].

Утида оговаривал, что до заключения японо-китайского оборонительного союза необходимо прежде всего выяснить вопрос об отношении к нему со стороны китайского правительства.

> Японское правительство должно заблаговременно дать себе отчет в том, насколько прочны позиции нынешнего правителя Китая Юань Шикая, пользуется ли политика его правительства доверием большинства китайцев, согласится ли Юань Шикай с предложениями японского правительства и без задержек заключит с нами оборонительный союз. <...>
>
> Если судить по поведению Юань Шикая вплоть до настоящего времени, в сношениях с другими государствами он нередко идет на компромиссы. Хотя внешне он может демонстрировать доброжелательность по отношению к нам, но на самом деле, опираясь на ту или иную великую державу, занимать по отношению к нам наиболее удобную для него позицию и отклонять наши предложения. Примером тому может быть его поведение по отношению к нам после объявления императорским правительством войны Германии. Мы можем судить по этому, какие действия он предпримет в будущем.<...>

[1] Там же. С. 188–189.

Мы уверены, что в случае, если в стране возникнет смута, Юань Шикай без помощи со стороны не сможет самостоятельно восстановить мир и объединить страну. В результате Китай окажется расчлененным на части, и управлять им будет невозможно. Возникновение подобной ситуации нетрудно предвидеть. А если она возникнет, должны ли мы помочь правительству Юань Шикая подавить смуту с тем условием, что он примет выдвинутые нами требования? Или нам следует помочь революционерам одержать верх, дабы использовать их в качестве орудия для достижения наших целей? Мы должны решить для себя этот вопрос, чтобы применить ответ на практике.

Если мы будем слепо поддерживать правительство Юань Шикая, не отдавая себе отчета о будущей судьбе Китая, заключим с Китаем оборонительный союз и окажем ему помощь в подавлении революционеров ради достижения наших целей, то это явно будет ошибочной политикой. Почему?

Потому что большинство китайского народа полностью утратило доверие к растерявшему свой авторитет Юань Шикаю, чьи позиции ныне крайне непрочны, и вся страна обвиняет его в том, что он торгует своей Родиной[1].

За или против него?

Если ставка на Юань Шикая была бы непростительной ошибкой, то что же предлагал Утида своему правительству?

Поскольку японское императорское правительство считает, что оно должно поддерживать китайцев, то нам следует содействовать китайским революционерам, обществу Цзуншэдан и прочим недовольным в их стремлении начать беспорядки в масштабе всей страны. Китай будет ввергнут в смуту, и правительство Юань Шикая падет. Тогда мы выберем из 400 млн китайцев самого сильного, самого известного человека, поможем ему организовать новое правительство и объединить Китай. Одновременно с этим наша армия должна помочь ему восстановить мир и порядок во всей стране, охранять жизнь и имущество граждан. В этом случае китайцы будут рады новому правительству, а оно будет доверять Японии и полагаться на нее. Только осуществив всё это, мы можем без труда достичь цели заключения оборонительного союза с Китаем.

Мы считаем, что сейчас настал самый подходящий момент для того, чтобы спровоцировать революционеров и иных недовольных на организацию беспорядков в стране. Они в данный момент не начинают активных

[1] Там же. С. 190.

действий потому, что у них нет достаточных средств. Если императорское правительство воспользуется этим обстоятельством, даст им денег взаймы и будет подстрекать их к беспорядкам, весь Китай будет охвачен смутой, а мы сможем вмешаться и без труда уладить дело. <...>

Мы можем упустить удобный момент, который уже не повторится. Мы должны использовать этот случай и ни в коем случае не должны проявлять колебаний. Зачем нам ждать, когда революционеры и недовольные начнут действовать по собственной инициативе? Почему мы не можем сами заранее составить план их действий?[1]

Но и этого автору «Мнения» казалось мало:

Когда мы обращаемся к вопросу о политическом строе Китая, мы должны спросить: «А соответствует ли республика национальным особенностям Китая? Отвечает ли она мыслям и пожеланиям китайского народа?» Если мы сравним достигнутое ею с момента создания Китайской Республики до настоящего времени с тем, что́ нужно было сделать в смысле администрации и объединения страны, то, с нашей точки зрения, всё оказывается неудовлетворительным. Даже революционеры, которые вначале высказывались в пользу республиканского строя, и те признают, что ошиблись.

Сохранение в Китае республиканского строя будет главным препятствием на пути заключения будущего китайско-японского оборонительного союза. Почему это так? Потому что в условиях республики основные принципы правительства, общественное устройство и нравственные критерии как небо от земли отличаются от государства с конституционной монархией. Противоречат друг другу их законы и административная система. <...> Поэтому, чтобы радикально реформировать китайское правительство, заключить китайско-японский оборонительный союз, гарантировать длительный мир на Дальнем Востоке и реализовать политику японской империи, мы должны использовать нынешний случай и преобразовать республиканский строй Китая в конституционную монархию[2].

И, наконец, заключительный аккорд:

Если Китай сменит республиканский строй на конституционную монархию, то в вопросе выбора нового правителя будем мы за реставрацию императора Сюаньтуна, или выберем самого способного человека среди членов общества Цзуншэдан или же найдем самую авторитетную личность в Революционной партии? По нашему мнению, лучше всего не обсуждать сейчас этот вопрос, отложив его до того момента, когда это будет насущно необходимо[3].

[1] Там же. С. 191.

[2] Там же. С. 191–192.

[3] Там же. С. 192.

О Сунь Ятсене в записке Утида вообще не упоминалось. С некоторых пор их отношения утратили прежнюю задушевность. За все время пребывания Сунь Ятсена в Японии они не встречались ни разу.

«Двадцать одно требование»

Прочтя «Мнение» Утида, министр иностранных дел Като Такааки отверг ряд изложенных в нем идей, но всё же извлек для себя кое-что полезное. Оно вскоре было реализовано на деле.

Предварительные телодвижения

Для обсуждения проблем, связанных с грядущими переговорами, был вызван посланник в Китае Хиоки Масу.

Хиоки полагал:

> Императорское правительство заняло Циндао, и военные действия завершились. Мощь империи потрясла заморские страны. В то же время война в Европе набирает обороты. Сейчас самое время предъявить Китаю наши требования[1].

По мнению Хиоки, переговоры с правительством Юань Шикая должны стать итогом дипломатических и военных усилий императорского правительства. С другой стороны, если на этих переговорах не удастся добиться успеха, это может серьезно повлиять на перспективы дипломатической деятельности правительства и нанести ущерб его международному престижу и внутреннему положению в стране. Поэтому, подчеркивал Хиоки, до начала переговоров следует тщательно предусмотреть все детали, отработать текст требований и продумать обоснование каждого пункта.

Основная идея Хиоки заключалась в том, что успех переговоров может быть обеспечен лишь в том случае, если японская сторона будет вести их, применяя методы кнута и пряника.

---

[1] 日本驻华公使日置益致日本外箱加藤高明“关于对中国提出要求之拙见”(Японский посланник в Китае Хиоки Масу — министру иностранных дел Японии Като Такааки «Мое мнение о предъявлении требований Китаю»), до 3 декабря 1914 г. (точная дата неизвестна) // 中日“二十一条”交涉史料全编 (Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования»). Хэфэй. 2001. С. 12.

В ноябре 1914 г. японский посланник в Китае вернулся в Токио для подготовки переговоров с пекинским правительством

Что касается сущности выдвигаемых нами требований, то китайская сторона, пожалуй, не понимает, что усиление мощи [японской] империи — это залог благополучия Китая и умиротворения общей ситуации в регионе. Она будет рассматривать их исключительно как проявление наших корыстных устремлений и может не принять их. Поэтому мы должны использовать любую представившуюся возможность для того, чтобы сочетать угрозы с обещаниями, не забывая при этом и о других приемах[1].

Хиоки Масу (1861–1926)

В качестве пряника у японской стороны были, как полагал Хиоки, следующие обещания:

1. При соблюдении определенных условий возвратить район залива Цзяочжоу Китаю.

2. Гарантировать безопасность президента Юань Шикая и его правительства.

[1] Там же. С. 13.

3. Решительно пресекать антиправительственную деятельность находящихся в Японии революционеров, членов общества Цзуншэдан, китайских студентов и японских *рёнин*.

4. Оказывать поддержку президенту Юань Шикаю и членам его кабинета.

5. Согласиться на пересмотр таможенных пошлин.

В качестве кнута Хиоки предлагал использовать два момента:

1. Оставить части японской армии, оккупировавшие Шаньдун, там, где они сейчас находятся, чтобы они представляли собой постоянную угрозу пекинскому правительству.

2. Подстрекать революционеров и сторонников реставрации маньчжурской монархии к постоянным действиям.

При всем том Хиоки признавал, что обе эти угрозы могли иметь лишь весьма ограниченное воздействие на ход пекинских переговоров.

Если в решительный момент японская армия в Шаньдуне не начнет военных действий, ее значение как переговорного фактора будет сведена на нет.

Еще сложнее обстоит дело с угрозой со стороны оппозиционных сил. Остается не вполне ясным, будут ли они продолжать работать на Японию, если поймут, что являются японскими марионетками[1].

Хиоки напоминал, что, будучи главой государства и имея право объявлять войну и заключать договоры, Юань Шикай все же не является абсолютным диктатором и даже продолжение его полномочий на следующий срок еще не определено конституцией республики.

Тяньцзинь-Пукоуская железная дорога

[1] Там же. С. 13–15.

В заключение Хиоки высказывал ряд пожеланий в адрес правительства.

Во-первых, смотря по ходу переговоров, нужно быть готовым к расширению сферы влияния японской армии в Шаньдуне и, в частности, иметь в виду оккупацию северного участка железной дороги Тяньцзинь — Пукоу.

Во-вторых, прежде чем применять силу, нужно пытаться заинтересовать Юань Шикая выгодными для него обещаниями, а среди таковых наиболее привлекательным для него является запрещение деятельности революционеров и сторонников реставрации маньчжурской династии. В силу этого правительству следует детально изучить эту проблему, чтобы максимально удовлетворить пожелания Юань Шикая.

В-третьих, следует пойти на уступки Китаю в плане постройки новых железнодорожных линий в Маньчжурии.

В-четвертых, то же самое касается железнодорожного строительства в Южном Китае.

В-пятых, предоставление пекинскому правительству займа может существенно воздействовать на принятие им сформулированных Японией требований.

В-шестых, даже если Юань Шикай в конечном итоге согласится на наши условия, среди его окружения наверняка найдутся люди, которые будут против этого. Подкупить самого Юань Шикая вряд ли возможно, но заинтересовать взяткой его чиновников вполне реально. Кроме того, деньги понадобятся для манипуляций с прессой. Поэтому правительство должно выделить достаточные средства на эти цели[1].

Китаю предъявлено «21 требование»

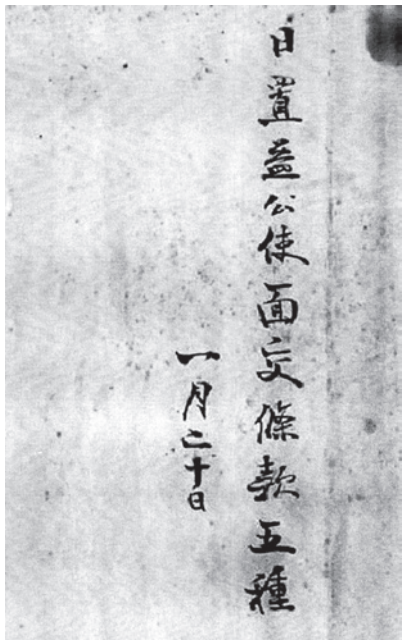
Соображения Хиоки были учтены. Вернувшись в Пекин, он 19 января 1915 г. попросил аудиенцию у президента Китайской Республики и вручил ему текст японских требований.

Японские требования включали 5 разделов.

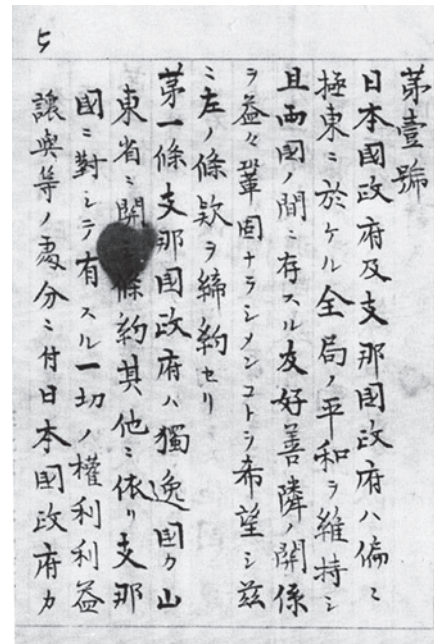
Первый из них определял права Японии на территории Шаньдуна:

> Правительства Японии и Китая, исходя из взаимного желания сохранить мир в Восточной Азии и укрепить существующие ныне дружественные отношения двух стран, согласились о следующем:
>
> 1. Китайское правительство признает все права и преимущества, которые японское правительство получит в Шаньдуне на основании соглашения с Германией или иным путем.

[1] Там же. С. 16–17.



Обложка «21 требования»



Начало первого раздела «21 требования»

2. Китайское правительство согласно не уступать и не сдавать в концессию другим странам земли на территории Шаньдуна и близлежащих островах.
3. Китайское правительство согласно с тем, что Япония построит железные дороги, связывающие Яньтай или Лункоу с Цзяочжоу и Цзинанью.
4. Китайское правительство согласно незамедлительно открыть иностранцам для проживания и торговли все важнейшие города Шаньдуна. Список таковых будет утвержден отдельно[1].

Второй раздел имел отношение к Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии:

Поскольку Китай всегда признавал особые интересы Японии в Южной Маньчжурии и Внешней Монголии, правительства Японии и Китая согласились о нижеследующем.

[1] 日本公使日置益提出的“二十一条”要求原案 (Текст «21 требования», предъявленный японским посланником Хиоки), 18 января 1915 г. // Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования». С. 20.

1. Срок аренды Люйшуня и Даляня, а также Южно-Маньчжурской и Аньдун-Фэнтяньской железных дорог продлевается до 99 лет.
2. Граждане Японии имеют право арендовать и иметь в собственности землю на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии для развития промышленности и торговли или занятий сельским хозяйством.
3. Граждане Японии имеют право селиться в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии и заниматься там хозяйственной деятельностью.
4. Китайское правительство разрешает японским гражданам разрабатывать полезные ископаемые в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Список соответствующих предприятий будет утвержден отдельно.
5. Прежде чем давать согласие на нижеследующее, китайское правительство должно получить согласие Японии:
   а) строительство иностранными гражданами железных дорог на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии или получение займов для указанного строительства;
   б) снижение уровня налогообложения на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии.
6. Прежде чем согласиться иметь на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии политических, финансовых или военных советников и инструкторов, китайское правительство должно обсудить этот вопрос с правительством Японии.
7. Китайское правительство передает японскому правительству право распоряжаться железной дорогой Цзилинь — Чанчунь сроком на 99 лет[1].

Третий раздел касался Ханьепинского комбината:

Учитывая тесные связи японских предпринимателей и Ханьепинского комбината и имея в виду взаимные интересы двух стран, правительства Японии и Китая договорились о нижеследующем.

1. Обе договаривающиеся державы согласны превратить Ханьепинский комбинат в совместное предприятие, с тем чтобы китайское правительство не имело права распоряжаться им без согласия японского правительства.
2. Китайское правительство согласно с тем, что без согласия указанного совместного предприятия разработки полезных ископаемых поблизости от него не могут быть переданы иностранным гражданам. Любые мероприятия, способные прямо или косвенно повлиять на дея-

[1] Там же. С. 21.

тельность указанного предприятия, не могут осуществляться без его согласия[1].

Четвертый раздел ограничивал права Китая в прибрежных районах:

Имея в виду обеспечение целостности территории Китая, правительства Японии и Китая договорились о том, что порты на побережье Китая и близлежащие острова не могут быть уступлены или сданы в аренду другим странам.

Пятый раздел ограничивал государственный суверенитет Китая:

1. Центральное правительство Китая нанимает японских граждан в качестве политических, финансовых и военных советников.
2. Все японские больницы, храмы, школы и пр. имеют право собственности на землю, на которой они расположены.
3. Учитывая прежние полицейские инциденты, впредь там, где это необходимо, учреждается совместная японо-китайская полиция и для совершенствования ее деятельности приглашаются японские граждане.
4. В Японии закупается определенное количество вооружения (более половины всего вооружения, необходимого китайскому правительству) или на территории Китая создаются военные заводы, для работы на которых приглашаются японские технические специалисты, а также используются японские материалы.
5. Япония получает право на сооружение железной дороги, связывающей Учан с Цзюцзяном и Наньчаном, а также железных дорог Наньчан — Ханчжоу и Наньчан — Чаочжоу.
6. Если для строительства железных дорог, разработки полезных ископаемых и оборудования портов на территории провинции Фуцзянь потребуются внешние займы, этот вопрос предварительно обсуждается с Японией.
7. Японские граждане получают право заниматься в Китае миссионерской деятельностью[2].

2 февраля в помещении Министерства иностранных дел состоялось продолжавшееся 4 часа первое заседание на японо-китайских переговорах по поводу выдвинутых Японией требований.

Японская сторона была представлена посланником Хиоки Масу, Обата Юкити и Такао Тору. 20 марта Хиоки упал с лошади на ипподроме и получил небольшую травму. На двенадцатом заседании его замещал Обата. Но уже 24 марта Крупенский сообщал в Петроград, что «японский посланник зна-

[1] Там же. С. 21–22.

[2] Там же. С. 22.

чительно поправился и переговоры с ним китайского министра иностранных дел возобновились вчера в японской миссии»[1] .

Китайская сторона была представлена на переговорах министром иностранных дел Лу Чжэнсяном, сменившим 27 января своего предшественника Сунь Баоци, заместителем министра Цао Жулинем и секретарем Ши Люйбэнем.

Со 2 февраля по 26 апреля 1915 г. состоялось 25 заседаний. По настоянию японской стороны переговоры проходили в обстановке полной секретности.

Лу Чжэнсян (1871–1949)

На втором заседании 5 февраля Хиоки выразил свое недовольство тем фактом, что о начале переговоров уже известно прессе, и предупредил:

> Обе стороны на нынешних переговорах должны соблюдать тайну, о чем уже сообщено президенту Юаню и министру Суню[2].

Однако благодаря усилиям Дж. Моррисона содержание «21 требования» вскоре стало достоянием общественности.

Цао Жулинь (1877–1966)

5 февраля Моррисон встретился с Юань Шикаем и записал в своем дневнике:

> По отношению к министру и его заместителю Хиоки ведет себя весьма высокомерно и настаивает на принятии всех требований. Но президент заверил меня, что он ни в коем случае не согласится с этими требованиями, даже если японская армия будет осаждать ворота Синьхуамэнь[3].

9 февраля Моррисон связался с австралийским журналистом Дональдом, и на следующий день тот навестил Моррисона.

---

[1] Крупенский — Сазонову, 24 марта 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. С. 15.

[2] Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования». С. 50.

[3] Цит. по: 窦坤。日本妄图灭亡中国的“二十一条”披露始末 (*Доу Кунь*. Как было раскрыто содержание «21 требования», посредством которых Япония намеревалась уничтожить Китай) // http://news.sina.com.cn/cul/2005-04-11/5633.html.

Джордж Моррисон на пороге своего дома

12 февраля содержание «21 требования», включая особо секретный пятый раздел, было опубликовано на страницах лондонской «Times»[1].

Поэтому третье заседание 22 февраля началось с выяснения вопроса о том, как газетам стало известно, какие именно требования Япония предъявила Китаю[2].

Но поезд уже ушел.

Реакция китайской и японской прессы

На общем фоне прогрессивных китайских средств массовой информации явственно выделялось в эти дни одно из самых влиятельных периодических изданий Китая — шанхайская газета «Шэньбао», с самого начала занявшая непримиримую позицию по отношению к экспансионистским действиям Японии. Активность «Шэньбао» в значительной мере определялась суждениями ее редактора Чэнь Цзинханя, автора большин-

[1] Там же.

[2] Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования». С. 50.

ства наиболее острых политических комментариев, появлявшихся на ее страницах[1].

Возмущение общественности вызвало, прежде всего, то, что Япония была намерена держать в секрете не только содержание, но и сам факт переговоров[2].

После того как японские требования стали секретом Полишинеля и в Китае начались массовые демонстрации протеста, «Шэньбао» ежедневно публиковала передовые и авторские статьи, разоблачавшие замыслы японцев и отвечавшие на провокационные заявления японской печати.

Речь шла, в частности, об утверждении ряда японских газет, что демонстрации против «21 требования» якобы спровоцированы немцами.

В ответ в японской прессе появились «сведения» о том, что китайские газеты издаются на немецкие деньги.

С разоблачением этих домыслов выступил Лян Цичао, давший волю своему сарказму.

Лян Цичао (1873–1929)

«Вы утверждаете, — писал он, — что китайцам не известны такие понятия, как “жизненные принципы” и “интересы своей Отчизны”, что у них на уме только деньги. Так почему бы вам не взять пример с немецких коллег и не подкупить дюжину китайских газет, чтобы они прославляли ваши выходки?»[3]

Он писал:

> Неотложная задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы граждане нашей страны требовали от правительства не поддаваться японцам, а правительство должно подавить в себе злобу по отношению к революционерам и проявить добрую волю, чтобы совместными усилиями противостоять угрозе извне[4].

---

[1] Подробнее о журналистской деятельности Чэнь Цзинханя см.: 辛亭亭。陈景韩的“三重身份”解读 (*Синь Тинтин*. «Три ипостаси» Чэнь Цзинханя). Сучжоу. 2015. Магистерская диссертация. С. 1–106.

[2] См., например: Шэньбао, 25 февраля 1915 г.

[3] 中日时局与鄙人的言论 (Китайско-японские отношения и высказывания вашего покорного слуги) // 梁启超全集 (Полное собрание произведений Лян Цичао). Пекин. 1999. С. 2763–2764.

[4] 告政府与党人 (Обращение к правительству и членам революционной партии) // Шэньбао, 21 февраля 1915 г.

Ориентация Сунь Ятсена на Японию оставалась неизменной

Один из ветеранов революционного лагеря Лю Шипэй напечатал на страницах «Шэньбао» обращение к старым членам Объединенного союза, призывая их помнить, что в критический момент истории нужды страны должны превалировать над партийными интересами и уж тем более недопустимо ради партийных интересов полагаться на помощь извне вопреки нуждам государства[1].

Его призыв встретил понимание многих членов Объединенного союза.

Но Сунь Ятсен продолжал стоять на своем.

[1] 刘师培告旧中国同盟会诸同志 (Обращение Лю Шипэя ко всем прежним членам Объединенного союза) // Шэньбао, 6 февраля 1915 г.

Еще два спорных документа

Осенью 1945 г., после того как американские оккупационные войска вошли в Токио, представители генерала Макартура произвели обследование архивов японского МИД.

Фудзии Сёмицу

В 1966 г. в Токио вышла из печати книга известного японского историка Фудзии Сёмицу под названием «Исследование деятельности Сунь Ятсена».

В ней упоминалось о том, что среди документов, обнаруженных американскими военными в 1945 г. в архиве Министерства иностранных дел Японии, было письмо Сунь Ятсена на имя директора политического департамента МИД Коикэ Тёдзо от 14 марта 1915 г., к которому был приложен проект секретного соглашения Сунь Ятсена с Японией, содержащий ряд серьезных уступок японцам.

Чэнь Сици (1912–2008)

Еще через четверть века, 24 апреля 1991 г. по каналу ведущей японской телекомпании NHK в эфир вышла сенсационная передача, в которой приняли участие Фудзии Сёмицу и китайский историк, профессор Университета имени Сунь Ятсена в г. Гуанчжоу Чэнь Сици.

Сенсация заключалась в том, что Фудзии продемонстрировал телезрителям обнаруженный в Японии недавно перед этим оригинал проекта соглашения 1915 г., а Чэнь Сици подтвердил, что на нем стоит подлинная подпись Сунь Ятсена, добавив от себя, что это – бесспорно весьма серьезный вопрос, касающийся оценки деятельности великого революционера.

Проект соглашения о китайско-японском союзе

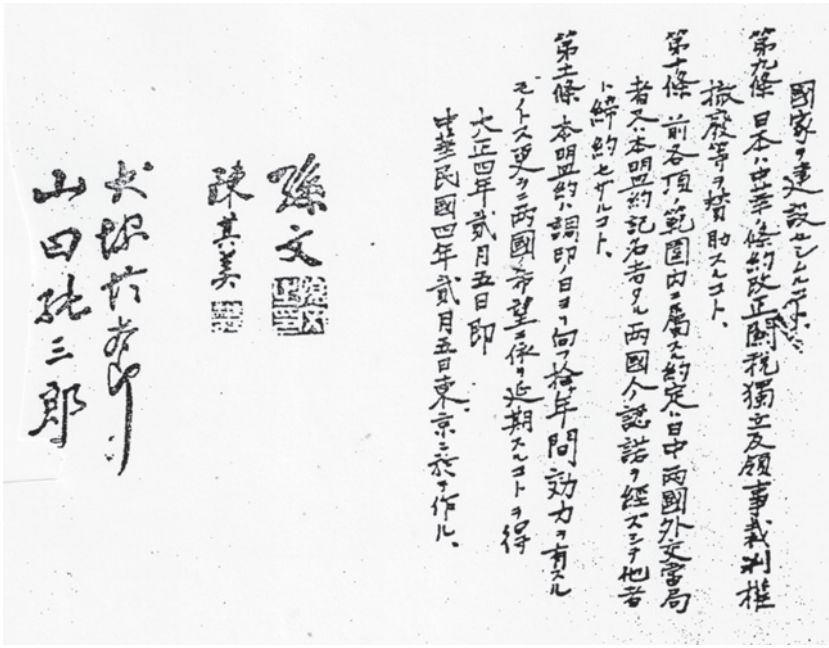
Первый из этих документов был составлен на двух языках – японском и китайском – и переписан рукой одного и того же лица.

Он был подписан Сунь Ятсеном, Чэнь Цимэем и двумя японцами.

Договор о китайско-японском союзе

Япония и Китай, исходя из стремления к достижению вечного благосостояния Восточной Азии и выражая свое обоюдное желание сотрудничества между двумя странами, договорились о нижеследующем:

1. По всем важнейшим проблемам, касающимся действий третьих стран в Восточной Азии, сотрудничающие между собой Япония и Китай будут предварительно обмениваться мнениями с целью согласования своих позиций.
2. В целях облегчения сотрудничества Японии и Китая в области ведения боевых действий армия и флот Китая будут использовать оружие, боеприпасы и оснащение японского образца.
3. Имея в виду вышеизложенные цели, в случае, если армия и флот Китая будут пользоваться услугами иностранных советников, таковые будут комплектоваться преимущественно из числа граждан Японии.
4. Для обеспечения сотрудничества Японии и Китая в политической сфере в случае приглашения иностранцев для занятия должностей в центральном или местных правительствах преимущество будет отдано гражданам Японии.
5. Для развития экономического сотрудничества Японии и Китая будут созданы Японо-китайский банк и в основных городах двух стран его отделения.
6. Имея в виду вышеозначенные цели, в случае, если при разработке природных богатств, эксплуатации железных дорог или морских средств связи возникнет потребность в привлечении иностранного капитала или создания совместных предприятий, [китайская сторона] будет проводить консультации с Японией и заключать с другими иностранными государствами соглашения лишь в том случае, если Япония откажется от участия в соответствующих проектах.
7. Япония предоставит необходимую помощь для реформирования денежной системы Китая и осуществит эту реформу в короткие сроки.
8. Япония окажет Китаю помощь в усовершенствовании административной системы и преобразовании армии, чтобы Китай превратился в сильное государство.
9. Япония окажет помощь Китаю в пересмотре международных договоров, создании независимой таможенной системы и отмене права экстерриториальности.
10. Любые соглашения с третьей стороной по всем вышеизложенным пунктам возможны лишь в случае согласия дипломатических учреждений или представителей двух стран, подписавших настоящее соглашение.



Последняя страница проекта соглашения о китайско-японском союзе

11. Настоящее соглашение действует в течение десяти лет со дня подписания и может быть продлено по желанию сторон.

Составлено в Токио, 4-й год Тайсё, 3 месяц, 14 день, т. е.
5 февраля 4-го года Китайской Республики

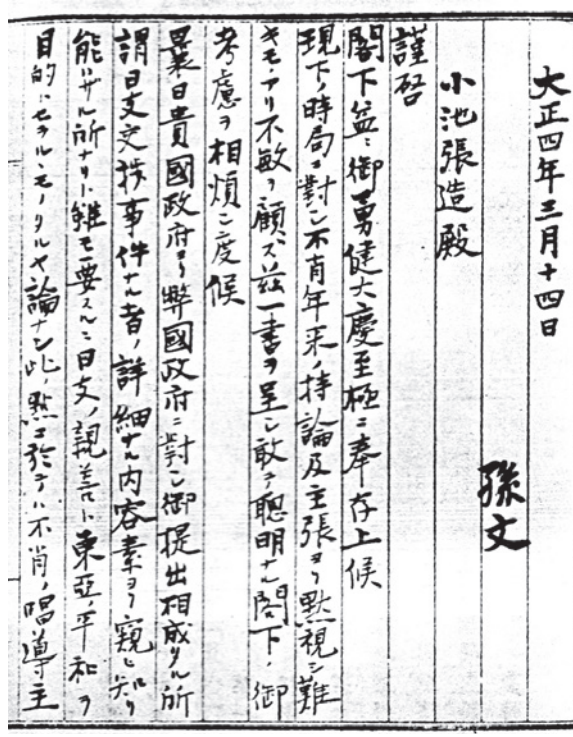
Сунь Вэнь
Чэнь Цимэй
Инудзука Нобутаро
Ямада Дзюнсабуро

Письмо Сунь Ятсена в МИД Японии

4-й год Тайсё, 3 месяц, 14 день
Сунь Вэнь
Господину Коикэ Тёдзо

Прежде всего прошу принять мои пожелания здоровья и успехов в Вашей деятельности!

Сложившаяся ныне обстановка не позволяет мне хранить молчание, почему я решаюсь вернуться к изложению мнений, которых я придержи-


大正四年三月十四日
小池張造殿
孫文
謹啓
閣下益〻御勇健大慶至極ニ奉存上候
現下ノ時局ニ對シ不肖年來ノ持論及主張ヲ默視シ難
キモノアリ不敏ヲ顧ズ茲ニ一書ヲ呈シ敢テ聰明ナル閣下ノ
考慮ヲ相煩ハス度候
畧曰貴國政府ヨリ弊國政府ニ對シ御提出相成リタル所
謂日支交渉事件ナル者ノ詳細ナル内容素ヨリ窺ヒ知リ
能ハサル所ナリト雖モ要スルニ日支ノ親善ニ東亞ノ平和ヲ
目的トスルモノナルヤ論ナシ此點ニ於テハ不肖ノ唱導主

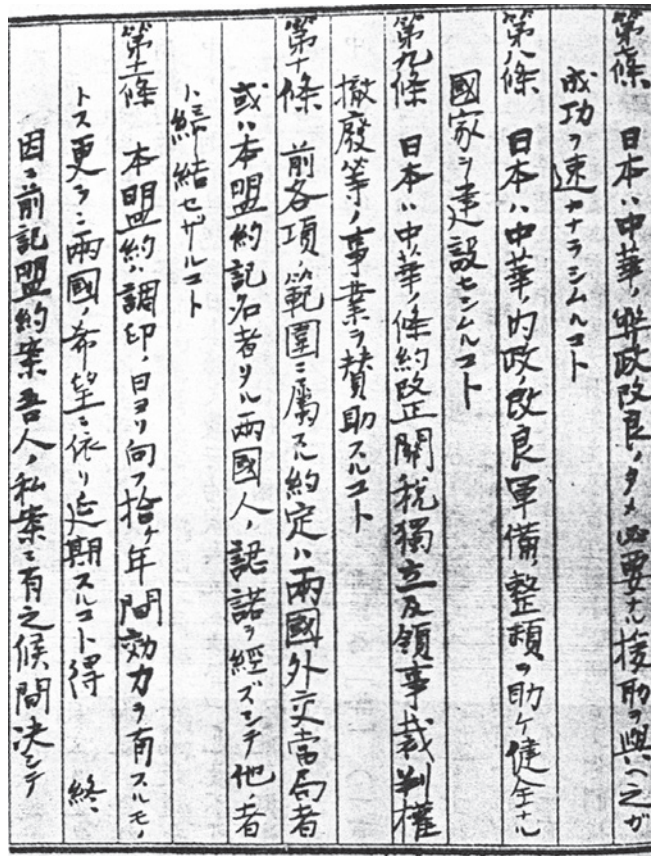
Первая страница письма Сунь Ятсена от 14 марта 1915 г.

вался на протяжении всех последних лет. Я надеюсь, что это мое письмо будет со вниманием рассмотрено Вашим Превосходительством. Хотя конкретное содержание инициированных Вашим правительством контактов с правительством моей страны, получивших название «японо-китайских переговоров», остается нам неизвестным, однако не подлежит сомнению, что их главной целью является укрепление японо-китайской дружбы и мира в Восточной Азии.

Я рад подтвердить, что в этом отношении они отвечают позиции, которая отстаивается мною. Однако что касается средств для достижения указанной цели, то они обескураживают и заставляют глубоко задуматься над происходящим. Для достижения мира в Восточной Азии нет иного пути, кроме осуществления подлинного сотрудничества между Японией и Китаем. Поэтому если такое сотрудничество не будет обеспечено, не только в моей стране нельзя надеяться на установление безопасности жизни [граждан], но безопасность Вашей

страны также окажется под угрозой. Однако совершенно ясно, что на происходящих ныне переговорах правительство моей страны, не озабоченное проблемами подлинного сотрудничества [с Японией], не проявляющее доброй воли, с самого начала и до сих пор ведет переговоры с враждебных властям [Вашей страны] позиций. Результат вполне очевиден: время неудержимо движется вперед, а достигнутое может вызвать только ощущение неудовлетворенности. Я выражаю свое глубокое сожаление по поводу применяемых [правительством Китая] методов, которые совершенно не соответствуют задачам достижения нашей конечной цели — сотрудничества между Японией и Китаем. Если источник нечист, вода в реке будет мутной — эта истина не требует доказательств. Как может нынешнее грязное правительство Китая обеспечить чистоту [направляемого им] потока? Оно ни при каких обстоятельствах не в состоянии достичь конечной благородной цели. Дипломатическая инициатива Вашего правительства уже натолкнулась на серьезные препятствия. Даже если на этих переговорах Ваше правительство сможет добиться некоторых успехов, результатом этого будет еще большее отчуждение между Японией и Китаем. Отрицательные последствия этого непременно скажутся в будущем. Лично для меня в этом нет ни малейших сомнений. С этой точки зрения перспективы длительного мира в Восточной Азии представляются в крайне пессимистическим духе. Быть может, прямо говорить об этом сейчас не имеет смысла, но не сказать нельзя: Ваше правительство по-прежнему слишком доверяет вероломному руководителю нынешнего китайского правительства. Если Япония хочет оказать помощь Китаю, то являются ли переговоры с этим правительством единственной возможностью? Если да, то самозваный восточноазиатский союзник наверняка не оправдает возлагающихся на него надежд. Если дело будет обстоять именно так, вопреки всем моим ожиданиям, то будущее принесет нам лишь разочарование.

Я и мои соратники всегда были уверены в том, что единственным путем достижения безопасности и благосостояния Восточной Азии является сотрудничество между Японией и Китаем. Иного не дано. С целью укрепления этого союза я некоторое время тому назад составил проект «Соглашения о союзе», который я привожу ниже, чтобы конфиденциально предъявить его представителям властей [Вашей страны]. Хотя этот идеал труднодостижим в настоящее время, но в условиях всеобщей смуты, когда исход европейской войны невозможно предсказать, японо-китайское сотрудничество приобретает еще большую значимость и становится неотложной задачей. Если отношения между двумя стра-



Последняя страница письма Сунь Ятсена от 14 марта 1915 г.

нами одной расы и одной культуры вновь претерпят изменение, если [народы наших стран] вновь будут терпеть унижение от людей иной расы, которые только и ждут удобного случая для этого, то каждому задумывающемуся о длительном мире в Восточной Азии останется лишь сокрушаться о своих несбывшихся мечтах. Поэтому необходимо не откладывая обсудить вопрос о том, каким способом можно исправить сложившуюся ситуацию, чтобы изыскать пути подлинного сотрудничества. Будучи преисполнен самых добрых намерений, я осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство высказать свое высокое мнение по поводу вышеизложенного. В заключение почтительно обращаюсь

к Вашему Превосходительству с чувствами глубокого уважения и рад случаю пожелать Вам всего наилучшего.

(*Далее следовал текст проекта соглашения о китайско-японском союзе с припиской*: «Поскольку вышеизложенный текст является нашим частным предложением, мы надеемся на то, что он не будет предан гласности»)[1].

Аргументы за и против

Публикация подлинников проекта соглашения о китайско-японском союзе и письма Сунь Ятсена на имя Коикэ всколыхнула научный мир.

В защиту доброго имени Сунь Ятсена выступил тайваньский историк Чэнь Цзайцзюнь, издавший в том же 1991 году большое исследование, в котором привел целый ряд аргументов в пользу того, что документы, опубликованные Фудзии, являются грубой фальсификацией[2].

Через два года после этого на Тайване была организована научная конференция, целью которой было дать сторонникам двух противоположных научных лагерей возможность встретиться в очном поединке.

Однако организаторы этого форума заранее поставили противников признания подлинности документов в привилегированное положение: их представляли четыре участника — Чэнь Цзайцзюнь, Ли Юньхань, Цзян Юйцзин и Чэнь Пэнжэнь, тогда как из числа сторонников Фудзии Сёмицу на конференцию был приглашен лишь Линь Цзяю. Председательствовал Ли Юньхань.

Первым выступил Фудзии, а для комментариев по его докладу слово было предоставлено Чэнь Пэнчэню. Затем выступал Чэнь Цзайцзюнь, его тезисы обсуждались Цзян Юйцзином, после чего Фудзии получил возможность ответить Чэнь Цзайцзюню.

Естественно, в силу численного преобладания одной стороны создавалось впечатление, что ее доводы убедили участников дискуссии.

Во всяком случае, профессор Линь Цзяю заявил, что, будучи первоначально сторонником Фудзии, он теперь переходит в лагерь воздержав-

---

[1] Оригинал документов см.: 陈在俊。中日关系史上一桩重大疑案的辩证 (*Чэнь Цзайцзюнь*. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1) // Цзиньдай чжунго. 1991. № 83. С.170–173.

[2] 陈在俊。中日关系史上一桩重大疑案的辩证 (*Чэнь Цзайцзюнь*. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1) // Цзиньдай чжунго. 1991. № 83. С. 168–177; То же. Часть 2 // Там же. 1991. № 84. С. 190–201.

шихся и полагает, что проблема пока еще не может быть окончательно решена[1].

Позднее к сторонникам этой нейтральной точки зрения примкнул профессор Нанькайского университета Юй Синьтунь, автор ряда статей, в которых он до этого поддерживал версию о фальсификации[2].

В 2001 г. один из авторов данной книги опубликовал разбор мнения Чэнь Цзайцзюня, приведя доводы в пользу подлинности документов[3].

В 2018 г. новые данные, свидетельствующие о подлинности разбираемых документов, обнародовали историки Ван Ган и Чжао Чжэнчао[4].

Юй Синьтунь

Конкретные доводы спорящих сторон

Какие же аргументы были приведены сторонниками двух прямо противоположных точек зрения в этой уже порядком затянувшейся научной дискуссии?

Начнем с Чэнь Цзайцзюня — наиболее убежденного апологета версии о том, что документы являются фальшивкой.

---

[1] Чжунъян жибао, 17 января 1998 г. Обзор точек зрения на проблему подлинности этих документов в работах историков КНР см.: 杜继东。中国大陆地区孙中山与日本关系研究回顾 (*Ду Цзидун*. По поводу исследований ученых материковой части Китая о взаимоотношениях Сунь Ятсена и Японии) // Цзиньдайши яньцзю. 2005. № 3.

[2] 俞辛焞。孙中山的中日盟约文题辨析 (*Юй Синьтунь*. Исследование вопроса о Сунь Ятсене и «Соглашении о китайско-японском союзе») // http://www.360doc.com/content/15/ 0621/11/22346171_479553652.shtml.

[3] *Крюков М. В*. Ценные исторические документы или грубая подделка? К спорам о подлинности двух писем Сунь Ятсена // Восток — Россия — Запад. К 70-летию академика Владимира Степановича Мясникова. М. 2001. С. 302–328.

[4] 王刚、赵正超。孙中山与“中日盟约”新证 (*Ван Ган, Чжао Чжэнчао.* Новые данные о Сунь Ятсене и «Соглашении о китайско-японском союзе» // Шилинь. 2018. № 1. С. 122–138.

Чэнь Цзайцзюнь: «Соглашение» — подделка

В своей статье 1991 г. он привел ряд аргументов, свидетельствующих, по его мнению, о фальсификации «Соглашения о союзе».

Аргумент № 1. Печать Сунь Ятсена на проекте соглашения подделана.

Для доказательства этого Чэнь Цзайцзюнь специально заказал в Японии копию вышедшей в эфир телезаписи, после чего по его просьбе владелец тайваньской газеты «Ляньхэбао» Лю Чанпин распорядился изготовить в своей фотостудии отпечаток кадра с изображением печати Сунь Ятсена. Он-то и был подвергнут Чэнь Цзайцзюнем сравнению с другими образцами.

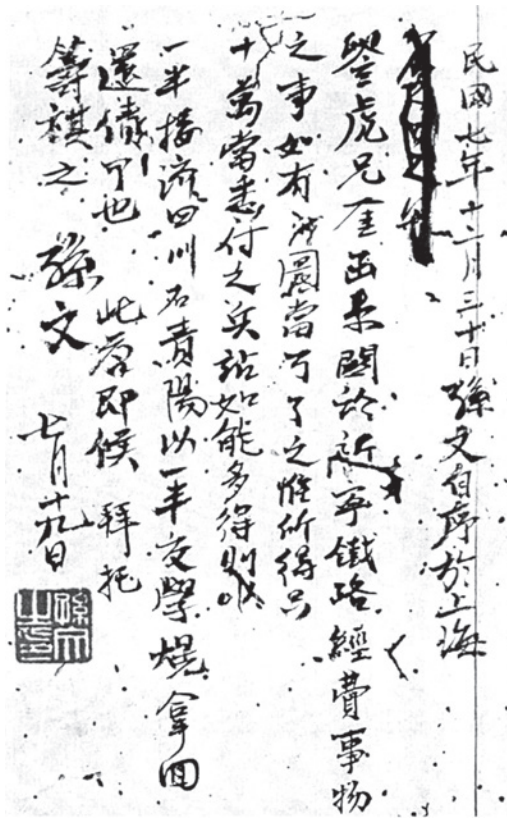
На первый взгляд результат сопоставления может показаться убедительным.

Но почему исследователь решил прибегнуть к столь сложной процедуре? Ведь он вполне мог обратиться к факсимиле, опубликованному Фудзии, и тем самым избежать искажений, вполне очевидно присутствующих на приведенной Чэнем фотографии с телезаписи.

Оттиски личной печати Сунь Ятсена, приведенные Чэнь Цзайцзюнем в качестве доказательства подделки «Соглашения о китайско-японском союзе» (а — отпечаток кадра телезаписи, б — подлинные оттиски)[1]

Все дело в том, что во время телепередачи ведущий держал продемонстрированный телезрителям оригинал текста не вполне вертикально,

[1] *Чэнь Цзайцзюнь*. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося истории взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 2. С. 193.



Автограф Сунь Ятсена с его печатью, датированный 19 июля 1919 г.

в результате чего на использованной Чэнь Цзайцзюнем фотографии он оказался перекошенным и практически непригодным для объективного сопоставления с приведенными тем же автором нормальными оттисками печати.

Напротив, оттиск, опубликованный в статье Фудзии, не обнаруживает каких-либо отклонений от известных образцов печати Сунь Ятсена, которой он пользовался на протяжении длительного времени начиная с момента вступления в должность Временного президента Китайской Республики и которая была заменена другой печатью где-то около 1918–1919 гг., о чем можно судить хотя бы по приведенному выше документу.

Первый аргумент Чэнь Цзайцзюня выглядит, таким образом, совершенно неубедительным.

Аргумент № 2. Подпись Сунь Ятсена на проекте соглашения подделана.

Для доказательства этого тезиса Чэнь Цзайцзюнь пользуется тем же методом — сопоставляет подпись на фотографии телезаписи с другими образцами.

Образцы подписи Сунь Ятсена, приведенные Чэнь Цзайцзюнем (а — на кадре телезаписи, б — на подлинных документах)[1]

Здесь Чэнь Цзайцзюнь допускает ту же ошибку, которая уже встречалась нам в работе Пэн Цзэчжоу, посвященной проблеме подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума: за исключением крайнего левого примера все остальные относятся к более позднему времени и для сравнения непригодны.

Правда, Чэнь Цзайцзюнь приводит еще одно соображение: каждый, кто знаком с произведениями китайских каллиграфов, может отличить подлинный знак от подделки, поскольку в первом случае чувствуется этакая легкость и одухотворенность написания, передать которую кисть фальсификатора не в состоянии[2].

Спорить по этому поводу с г-ном Чэнем трудно: ему удалось усмотреть в приведенных иероглифах неподдающуюся словесному описанию одухотворенность, которую авторы этой книги не видят.

Аргумент № 3. Инудзука Нобутаро и Ямада Дзюнсабуро подписали с Сунь Ятсеном другое соглашение.

Суть этого аргумента заключается в том, что Чэнь Цзайцзюнь обнаружил в архиве Комитета по истории Гоминьдана текст еще одного китайско-японского соглашения о сотрудничестве, датированный 11 июня 1917 г. С китайской стороны его подписали 10 человек, в том числе

[1] Там же. С. 196.

[2] Там же. С. 195.

Сунь Ятсен, с японской — пять, включая Инудзука Нобутаро и Ямада Дзюнсабуро.

«Этот документ, который сегодня публикует автор, — пишет Чэнь Цзайцзюнь, — свидетельствует о том, что после того как задача похода на Юань Шикая была выполнена, Сунь Ятсен хотел отблагодарить некогда помогавших ему Инудзука, Кикути, Ямада и др., предоставив им материальные компенсации в Китае, что было вполне естественно. С этой точки зрения, то, что двумя годами раньше, еще находясь в Японии, Сунь Ятсен мог подписать с двумя простыми гражданами Инудзука и Ямада "Соглашение о союзе", наносящее ущерб суверенитету Китая в пользу Японии, это просто анекдот какой-то! Разрешите спросить: неужели Инудзука и Ямада были святыми духами, которые могли принять этот подарок от имени японских властей? С чьего позволения они могли обещать Сунь Ятсену от имени японских властей "оказать Китаю помощь в усовершенствовании административной системы и преобразовании армии, чтобы Китай превратился в сильное государство" (пункт 8), "оказать помощь Китаю в пересмотре международных договоров, создании независимой таможенной системы и отмене права экстерриториальности" (пункт 9)? Спросить любого мало-мальски здравомыслящего человека, бывали ли в истории человечества нелепые договоры, подобные этому "Соглашению"? Поэтому мы можем со стопроцентной уверенностью утверждать: обнаружение достоверного исторического документа "О китайско-японском сотрудничестве" доказывает, что никакого "Соглашения о китайско-японском союзе" быть не могло»[1].

Прочтя эти строки, нам не остается ничего иного, как развести руками. Объяснить, что этим хотел сказать автор, можно только предположив, что обуреваемый желанием опровергнуть достоверность компрометирующего Сунь Ятсена «Соглашения о союзе» Чэнь Цзайцзюнь так разнервничался, что здравый смысл изменил ему.

В самом деле, его 3-й аргумент вызывает в памяти русскую поговорку о бузине в огороде. После 1915 г. Сунь Ятсен неоднократно заключал с японцами другие соглашения, но этот факт не может иметь какого-либо отношения к проблеме подлинности «Соглашения о союзе».

Что же касается вопросов о том, кто такие были Янудзука и Ямада, то задать их Чэнь Цзайцзюнь мог, не ссылаясь на свою архивную находку.

[1] Там же. С. 198–199.

О Ямада Дзюнсабуро читатель, мы думаем, уже имеет достаточное представление. Что же до Инудзука Нобутаро, то он был коллегой Ямада по фирме Мицуи и одновременно членом Правления Южно-Маньчжурской железной дороги. Янудзука оказывал содействие Чэнь Цимэю, когда тот ездил в Далянь для ознакомления с деятельностью общества Цзуншэдан[1].

Инудзука Нобутаро (1874–1919)

Инудзука Нобутаро был на короткой ноге, с одной стороны, с влиятельным адмиралом Акияма Санэюки[2], с другой — с директором Политического департамента Министерства иностранных дел Коикэ Тёдзо. Оба имели прямое отношение к составлению текста «Соглашения».

Ямада и Инудзука, разумеется, не были уполномочены заключать какие бы то ни было договоры от имени правительства, да они и не заключали их. Они подготовили и представили Сунь Ятсену проект соглашения, который был завизирован обеими сторонами, после чего документ нужно было передать в Министерство иностранных дел, где его должны были подписать официальные лица.

Акияма Санэюки (1868–1918)

Самое забавное заключается тут в том, что в отношении датированного 1917 г. документа,

[1] 李吉奎。孙中山与日本 (*Ли Цзикуй*. Сунь Ятсен и Япония). Гуанчжоу. 1996. С. 417.

[2] В статье В. Рязанцева «Гекатомба в Цусиме» о нем говорится: «После Цусимского сражения все лавры победы достались адмиралам Того, Камимура, Катаока, Мидзу. Никто не вспоминал имени морского офицера японского флота Санэюки Акиямы. А ведь именно он был „отцом" этой победы японского флота. Именно он, совместно с морским штабом Японии, разработал план морской войны с Россией, планы морских сражений японского флота с 1 и 2 Тихоокеанскими эскадрами. Кто такой Акияма? Морской офицер японского флота получил морское образование в Японии. Далее продолжил обучение в США, где изучал труды иностранных теоретиков военно-морского искусства. Вернувшись в Японию, много работал по вопросам тактики броненосных морских сил. Основываясь на средневековом тактическом приеме, называвшемся охватывающей атакой (*"касумагакари"*), разработал современный тактический прием охвата головы колонны неприятеля» // http://podplav.ru/vospominaniya/1505-gekatomba-v-tsusime.html.

обнаруженного и опубликованного тайваньским историком, можно при желании повторить почти все соображения самого Чэнь Цзайцзюня, приводимые им в качестве доказательства фальсификации «Соглашения».

Подпись Сунь Ятсена и его печать под соглашением 1917 г.

В самом деле, этот автор начинает свой анализ с утверждения, что некоторые мельчайшие детали надписи на печати Сунь Ятсена выдают подделку. Но печать д-ра Суня, приложенная к документу 1917 г., вообще не похожа на все известные нам предыдущие и последующие оттиски: на ней выгравировано не «Сунь Вэнь», а «Сунь Исянь» (Сунь Ятсен). Чэнь Цзайцзюню следовало бы, исходя из своей собственной строгой позиции в отношении печатей лидера Гоминьдана, выяснить, действительно ли в 1917 г. он сменил свою обычную печать на эту, для его документов не характерную. Автор этого не делает и тем самым дает оппонентам право спросить: «А подлинная ли печать приложена к соглашению 1917 г.?»

Аргумент № 4. Чэнь Цзайцзюнь считает одним из доказательств подделки «Соглашения» 1915 г. тот факт, что неясны обстоятельства, при которых оно было обнаружено.

Выяснение такого рода обстоятельств он считает необходимым условием любого серьезного исторического исследования. Но ирония судьбы заключается в том, что сам критик также не приводит никаких сведений о том, при каких обстоятельствах появился на свет обнародованный им документ 1917 г., кто хранил его, кем он был передан в Комитет изучения истории Гоминьдана и т. д. Его вопросы к профессору Фудзии с успехом могут быть возвращены ему самому и, следуя его логике, послужить основанием для сомнений в подлинности опубликованного им текста.

Аргумент № 5. Еще одним моментом, говорящим против подлинности «Соглашения», является, по словам критика, отсутствие упоминаний о нем в публикациях общества Кокурюкай.

Но в этих публикациях ни словом не упоминается и договор 1917 г. Значит ли, что и этот документ является подделкой?

Авторы этих строк далеки от мысли следовать данной логике и объявлять поддельным текст 1917 г., не обнаруживающий каких-либо формальных признаков фальсификации. Но историк в своих суждениях должен быть последователен. В противном случае его выводы утрачивают свою убедительность.

Аргумент № 6. В тексте документа можно обнаружить несколько ошибочно написанных иероглифов. Мог ли Сунь Ятсен подписать его, не потребовав, чтобы он был переписан еще раз?

Читатель, быть может, будет удивлен, но в бесспорно подлинных рукописях Сунь Ятсена мы также нередко можем обнаружить иероглифические ошибки. Некоторые из них могут быть объяснены небрежностью, но большинство других относятся к категории так называемых *байцзы* (вместо правильного знака пишущий употребляет другой, сходный по звучанию).

Такие ошибки делает обычно человек, не прошедший в детстве основательной традиционной подготовки в области иероглифики. Д-р Сунь допускал, мягко говоря, нестандартные написания даже в самых обычных и часто употребляющихся словах. В качестве одного из многих десятков примеров такого рода достаточно указать на слово 消息 ‘новость’**:** первый знак в нем Сунь Ятсен, как правило, писал не с «водой» в качестве смыслового детерминатива, а с «металлом». Эти и другие ошибки, которые часто делал Сунь Ятсен, были выправлены при издании его сочинений, причем добросовестные публикаторы каждый раз оговаривали их в своих примечаниях к тексту.

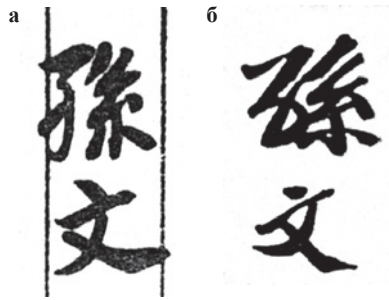
Тем более есть основания полагать, что текст соглашения был обсужден с Сунь Ятсеном, но написан японцем.

Таковы доводы Чэнь Цзайцзюня по поводу проекта «Соглашения о китайско-японском союзе». Не менее обстоятельно доказывает он факт подделки письма в адрес Коикэ.

Чэнь Цзайцзюнь о фальсификации письма в МИД

Прежде всего, утверждает автор, достаточно беглого взгляда на текст письма, чтобы определить, что оно сфальсифицировано и не имеет никакого отношения к Сунь Ятсену. Речь идет о двух иероглифах «Сунь Вэнь», стоящих в самом начале текста.

Чэнь Цзайцзюнь приводит их рядом с «подлинной» подписью Сунь Ятсена:



Иероглифы 孫文 в письме Коикэ (а) и «подлинная» подпись Сунь Ятсена (б)

Здесь Чэнь Цзайцзюнь допускает по меньшей мере две ошибки.

Во-первых, повторяя свою ошибку в отношении текста «Соглашения о китайско-японском союзе», он сопоставляет несопоставимое: письмо Коикэ было написано в 1915 г., а «подлинная» подпись Сунь Ятсена относится ко времени не раньше 20-х годов XX века.

Во-вторых, иероглифы «Сунь Вэнь» в тексте письма вообще не являются подписью его автора.

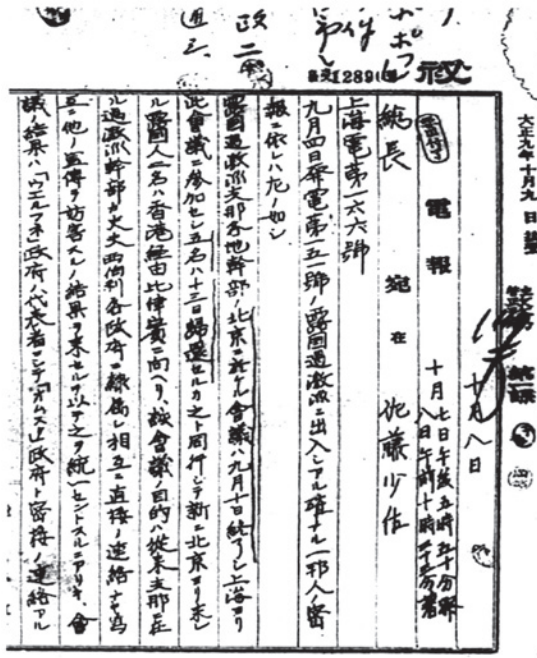
Издревле и по сию пору люди во всем мире (в том числе, разумеется, и в Китае) ставят подпись в конце своих писем, но никак не в их начале. В данном случае два знака 孫文 на первой странице письма – это не подпись, а своего рода помета: «В архив — к документам, имеющим отношение к Сунь Вэню».

Примеры такого рода широко известны всем, кто когда-либо имел дело с архивными материалами. Мы приводим здесь лишь один пример: в начале доклада о деятельности в Шанхае М. Г. Попова проставлена его фамилия — ポポフ.

Разница между двумя документами лишь в том, что в первом случае фамилия и имя «Сунь Вэнь» написаны рукой получившего письмо на свободном месте в начале текста, а во втором — на его полях.

Но Чэнь Цзайцзюнь не ограничился лишь утверждением о «фальсификации подписи Сунь Ятсена».

Он приводит еще несколько дополнительных доводов в пользу своей точки зрения.



Первая страница доклада о пребывании в Шанхае М. Г. Попова[1]

Довод № 1. Свои письма японским адресатам Сунь Ятсен, не знавший японского языка, всегда писал по-китайски, а письмо Коикэ составлено по-японски, к тому же с характерными особенностями, свойственными традиционному эпистолярному стилю.

Этот довод может показаться убедительным тем, кто считает, что письмо было написано самим Сунь Ятсеном, но он отпадает в случае, если предположить, что содержание текста было согласовано с Сунь Ятсеном во время многократных визитов на его квартиру, а затем написано японцем с соблюдением норм письменного японского языка.

Довод № 2. Письмо было написано японцем с характерными для японской традиции иероглифическими особенностями.

Такую возможность мы только что допустили как весьма вероятную.

Приведенные выше первые три довода имели отношение к внешним признакам текста, последующие — к его содержанию.

[1] Архив МИД Японии. 4-3-2. № 1-4-5.

Довод № 3. Сунь Ятсен, революционер, отдавший великой цели преобразования Китая сорок лет своей жизни, не мог по своей собственной воле предлагать японцам то, что он якобы предложил в «Соглашении».

На наш взгляд, от таких аргументов, подобных чеховскому «этого не могло быть, потому что не могло быть никогда», серьезному исследователю всё же желательно воздерживаться, и очень жаль, что Чэнь Цзайцзюнь придерживается на сей счет прямо противоположного мнения.

Довод № 4. В мае 1913 г. премьер-министр Окума отверг предложение Сунь Ятсена о сотрудничестве Китая и Японии. Как мог он вскоре после этого в своем письме к мелкому чиновнику Коикэ идти на более серьезные уступки, чем те, которых в это время японцы тщетно добивались от Юань Шикая? «Неужели Сунь Ятсен был до такой степени глуп?»[1]

Степень глупости того или иного исторического деятеля – и в самом деле интересный вопрос, заслуживающий нашего внимания, но ответ на него представляет собой итог, а не априорную предпосылку научного исследования.

Довод № 5. В 1914 г. содержание письма Сунь Ятсена премьеру Окума стало известно пекинскому правительству, и Юань Шикай поручил своим наемным писакам сочинять разного рода пасквили на Сунь Ятсена, чем ввел в заблуждение даже многих революционеров. Как мог после этого Сунь Ятсен еще раз рисковать своей репутацией и перспективами революции, посылая японскому чиновнику письмо, «которое лично ему не сулило никаких выгод»[2]?

По всей вероятности, парафируя текст «Соглашения», Сунь Ятсен и в самом деле не думал о каких-то личных выгодах. Речь шла о том, чтобы щедрыми посулами заставить японское правительство переориентировать свою политику в отношении Китая и добиваться своих целей не путем давления на Юань Шикая, а оказывая поддержку Сунь Ятсену. Игра стоила свеч, и Сунь Ятсен рискнул еще раз, опасаясь, что в случае капитуляции Юань Шикая у революционеров более не будет шансов рассчитывать на помощь благожелателей из-за моря.

---

[1] *Чэнь Цзайцзюнь*. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося истории взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1. С. 176.

[2] Там же.

Довод № 6. После того как Япония предъявила Китаю «21 требование», Сунь Ятсен долгое время воздерживался от каких-либо комментариев по этому поводу и впервые высказал свое осуждение уступчивости Юань Шикая в так называемой директиве № 8 от 10 марта 1915 г. Как же мог он уже после этого, 14 марта 1915 г., писать японцам о своей готовности отдать им то, чего они требовали от правительства Юань Шикая?

Это — единственный из всех доводов Чэнь Цзайцзюня, заслуживающий серьезного анализа, и мы подробно рассмотрим этот вопрос в следующем разделе данной главы.

Довод № 7. Сунь Ятсен добивался получения материальной помощи от японских капиталистов, но ему и в голову не приходило поступаться ради этого суверенитетом Китая или соглашаться на территориальные уступки. Хотя кое-кто и утверждал, что во имя достижения своих целей Сунь Ятсен был готов пожертвовать японцам Маньчжурию, бесспорные доказательства этого так и не были приведены.

Когда Чэнь Цзайцзюнь формулировал свои доводы, протоколы переговоров Сунь Ятсена с Мори Каку 1912 г. еще не были обнародованы. Чем именно Сунь Ятсен был готов пожертвовать, чтобы заручиться помощью Японии, — это вопрос оценки его политической деятельности в целом, и утверждать, что в данном случае «этого быть не могло, потому что не могло быть никогда», недостаточно для доказательства фальсификации письма в адрес Коикэ от 14 марта 1915 г.

Контраргументы

Рассмотрев доводы Чэнь Цзайцзюня в пользу тезиса о том, что и текст «Соглашения», и письмо в МИД Японии являются подделкой, невольно вспоминаешь о сказанном по этому поводу Ли Ао.

Документы фальсифицируют не из любви к искусству, а с какой-то вполне определенной целью. Зачем японцам понадобилось бы подделывать рассмотренные выше документы? Единственно возможный ответ — для того, чтобы предъявить их Юань Шикаю в качестве дополнительного средства давления на него. Но японские дипломаты не сделали этого даже тогда, когда Юань Шикай отказался принять требования 5-го раздела.

Если бы документы были поддельными, утверждал Ли Ао, то их сразу же пустили бы в ход, а не оставили лежать в секретном архиве японского

Се Чи
(1876–1939)

МИД в ожидании, когда Япония потерпит поражение в мировой войне и они будут обнаружены американскими военными[1].

Но помимо этого чисто логического соображения в пользу подлинности документов 1915 г. были приведены и конкретные доказательства. Это было сделано Ван Ганом и Чжао Чжэнчао[2].

Эти два историка проанализировали опубликованный недавно дневник Се Чи, который в 1915 г. был заместителем Чэнь Цимэя и благодаря этому знал о многом, что для рядовых членов Гоминьдана оставалось секретом.

Общая обстановка в январе–феврале 1915 г. характеризовалась двумя обстоятельствами.

Во-первых, в первый день Нового года японские газеты одна за другой напечатали сообщения о начале вооруженного восстания в Сычуани[3].

Во-вторых, финансы партии пришли в окончательный упадок. Сунь Ятсен по-прежнему надеялся на своих японских друзей, но Се Чи считал, что полагаться на них опасно: они сначала помогут материально, а потом могут использовать нас в своих целях[4].

15 февраля Се Чи дважды (утром и вечером) навещал Чэнь Цимэя и на квартире Сунь Ятсена не был[5].

После этого Чэнь Цимэй сообщил Се Чи какую-то важную новость, но тот (по-видимому, из соображений конспирации) не записал, о чем именно шла речь.

6 марта Чэнь Цимэй вдруг спросил Се Чи, кто в сложившейся обстановке более всего подходит на должность посланника в Японии[6].

7 марта Се Чи навестил своего коллегу Ян Шуканя и «сообщил ему то, о чем сказал Чэнь Цимэй», выразив недоумение по поводу того, «почему

---

[1] *Ли Ао*. Исследование о Сунь Ятсене. С. 126.

[2] 王刚、赵正超。孙中山与“中日盟约”新证 (*Ван Ган, Чжао Чжэнчао*. Новые данные о Сунь Ятсене и «Соглашении о китайско-японском союзе») // Шилинь. 2018. № 1. С. 122–138.

[3] 谢持日记未刊稿 (Непубликовавшийся дневник Се Чи). Т. 1. Гуйлинь. 2007. С. 324.

[4] Там же. С. 327.

[5] Там же. С. 338.

[6] Там же. С. 388.

Ян Шукань (1881–1942)

такая спешка с этим обменом мнениями с целью согласования своих позиций»[1].

На первый взгляд, в этой фразе нет ничего примечательного. Но на самом деле она – один из ключевых моментов темы, так как почти буквально повторяет первый пункт текста «Соглашения о китайско-японском союзе»!

А 8 марта в дневнике Се Чи появилась не менее многозначительная запись:

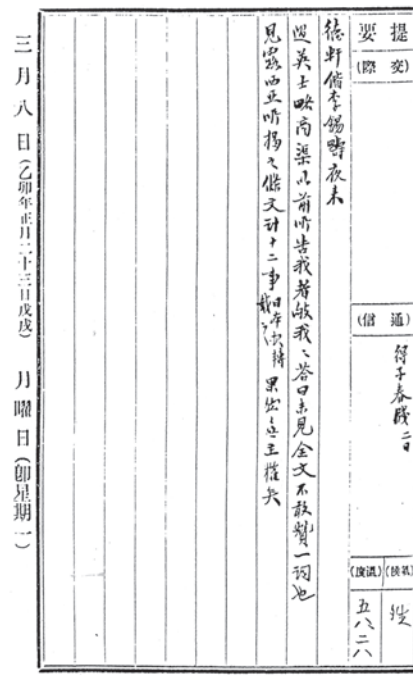
> Побывал у Чэнь Цимэя. Он хотел обсудить то, о чем говорил мне ранее. Но я ответил: «Ничего не могу сказать, так как не видел полного текста»[2].

Это означает, что в начале марта руководство Революционной партии обсуждало вопрос о «Соглашении», оригинал которого не был показан даже таким высокопоставленным партийным функционерам, каким был Се Чи.

14 марта — еще более многозначительная запись в его дневнике:

> Вечером был у Чэнь Цимэя. Он сообщил слова Кикути: «Мнение министра иностранных дел Като еще не определилось»[3].

Читатель, мы надеемся, помнит, что член парламента Кикути Рёити в свое время помогал Сунь Ятсену обосноваться в Японии; в конце января он вместе с Ямада Дэюнтаро навестил Сунь Ятсена[4], а затем, по всей видимости, стал связным между ним и министром Като.



Дневник Се Чи, 8 марта 1915 г.

[1] Там же. С. 389.

[2] Там же. С. 390.

[3] Там же. С. 396.

[4] *Дуань Юньчжан*. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 432.

С нашей точки зрения, Ван Ган и Чжао Чжэнчао совершенно правы, утверждая, что приведенные ими выдержки из дневника Се Чи при всей своей лапидарности являются убедительными свидетельствами исторического факта: 14 марта 1915 г. в Министерство иностранных дел Японии вместе с сопроводительным письмом был передан проект «Соглашения о китайско-японском союзе».

Снова резкая смена настроения

Если нашего читателя не убедили приведенные выше доказательства подлинности двух спорных документов, мы готовы добавить к ним еще несколько соображений, на которые наши предшественники не обратили внимания.

Прежде всего, можно утверждать, что основное содержание «Соглашения о союзе» обсуждалось руководителями Революционной партии еще задолго до февраля 1915 г.

В этом отношении показательны слова Чэнь Цимэя, высказанные им в сентябре 1914 г. в беседе с неназванным японцем:

> Подготовка к Третьей революции уже завершена, и мы планируем в ближайшие дни начать действовать на Юге. <...> Наш план заключается в том, чтобы, как только начнется революция, тут же овладеть одной-двумя провинциями. Когда эта цель будет достигнута, Сунь Вэнь и я немедленно возвращаемся в Китай. И еще: с Сунь Вэнем мы уже договорились о том, что как только намеченные одна-две провинции будут в наших руках, мы прежде всего пригласим японцев на должности советников полиции и военных инструкторов[1].

Приглашение японских полицейских и военных советников — 3-й пункт «Соглашения о союзе».

3 февраля 1915 г. Сунь Ятсен заявил:

> Что касается японо-китайских переговоров, о которых пишут в газетах, то я не знаю, о чем там идет речь. Но если судить по газетным сообщениям, я считаю, что нынешняя позиция японского правительства исходит из стремления к сохранению мира на Дальнем Востоке и имеет в виду дружественные отношения между Китаем и Японией[2].

[1] 中国流亡者陈其美之谈话 (Беседа с китайским политэмигрантом Чэнь Цимэем), 12 сентября 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 690.

[2] *Дуань Юньчжан*. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 433.

Начало письма Сунь Ятсена к Коикэ почти буквально повторяет эти слова.

А теперь о главном.

Поездка в Соединенные Штаты отменяется

В конце 1914 г. американец Дэйтрик в соответствии с намерениями Сунь Ятсена стал готовить его поездку в США. Он предложил своему протеже приехать на срок в 6–8 недель для чтения лекций, что, по его мнению, облегчило бы получение займа от местных бизнесменов. В первых числах февраля всё было готово для приема высокого китайского гостя[1].

Вдруг пришла телеграмма из Токио, в которой Суть Ятсен просил приостановить подготовку к его поездке в Соединенные Штаты. Вскоре Дэйтрик получил датированное 5 февраля 1915 г. письмо, в котором д-р Сунь сообщал, что не сможет отправиться за океан вплоть до мая.

Причина?

> Up to that time I am going to do some wonderful work[2].

В это время у Сунь Ятсена не было англоязычного секретаря, и он писал письмо сам. Судя по всему, прилагательное «wonderful» было выбрано им не вполне удачно: речь шла о каком-то «важном» деле, из-за которого он не мог отлучиться из Токио.

Каком именно, он не уточнял.

Ни Т. Ганшоу, ни М. Уилбур, в свое время цитировавшие в своих исследованиях это письмо Сунь Ятсена, не попытались выяснить это. Между тем, сделать это принципиально важно.

Для начала приведем полностью письмо Сунь Ятсена от 5 февраля 1915 г.

Что же произошло 5 февраля 1915 г.?

Судить об этом мы можем потому, что полицейское управление Токио вело наблюдение за квартирой Сунь Ятсена и было в курсе того, с кем и когда он ежедневно встречался.

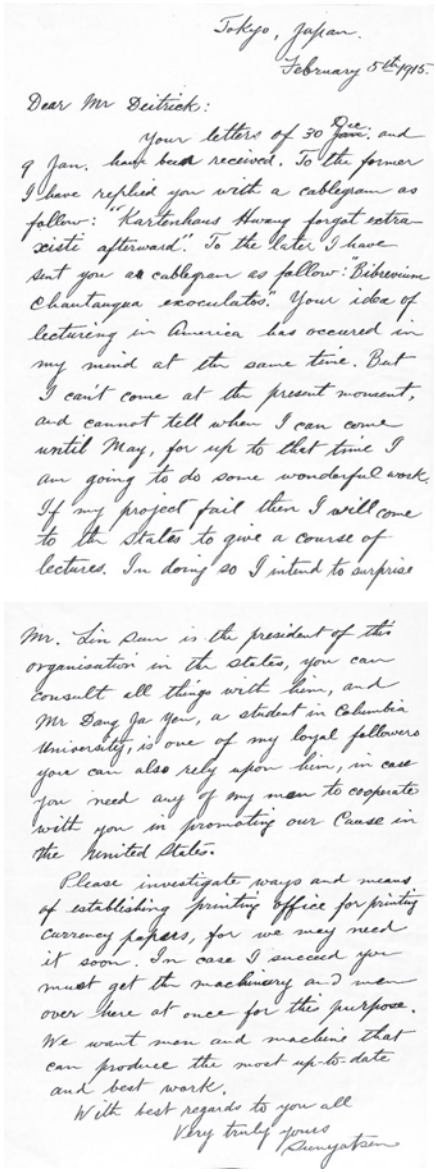
В докладе за 5 февраля 1915 г. значилось:

> «В 11:00 утра пришел Ямада Дзюнсабуро, покинувший дом в 1:50 пополудни.

---

[1] Дж. Дэйтрик — Сунь Ятсену, 50 декабря 1914 г. // Архив Дэйтрика в Стэнфордском университете.

[2] Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 5 февраля 1915 г. // Там же.



Tokyo, Japan.
February 5th 1915.

Dear Mr Deitrick:

Your letters of 30 Dec. and 9 Jan. have been received. To the former I have replied you with a cablegram as follow: "Kartenhaus Hwang forgot extraxisti afterward." To the later I have sent you a cablegram as follow: "Bibrevium Chautauqua exoculatos." Your idea of lecturing in America has occured in my mind at the same time. But I can't come at the present moment, and cannot tell when I can come until May, for up to that time I am going to do some wonderful work. If my project fail then I will come to the States to give a course of lectures. In doing so I intend to surprise the American public with something quite new to them. Therefore I do not want you to arrange lectures for other than myself, for I fear it might spoil matter, for no others can give a satisfactory view of China as I wish. So if I cannot come at all it rather to be left undone than give a superficial view, and disappoint American public.

By the way I must warn you not to mix with Hwang and his men too much, for they did not join me yet in the new organisation which I formed since the failure of the second revolution. Until he swear his loyalty to me and obey my order implicitly, I would have nothing to do with him and his men.

Mr. Lin Sun is the president of this organisation in the states, you can consult all things with him, and Mr Dang Ja Yen, a student in Columbia University, is one of my loyal followers you can also rely upon him, in case you need any of my men to cooperate with you in promoting our Cause in the United States.

Please investigate ways and means of establishing printing office for printing currency papers, for we may need it soon. In case I succeed you must get the machinery and men over here at once for this purpose. We want men and machine that can produce the most up-to-date and best work.

With best regards to you all
Very truly yours
Sunyatsen

Письмо Сунь Ятсена Дж. Дэйтрику от 5 февраля 1915 г.[1]

[1] James Deitrick Papers. Department of Special Collections. Stanford Libraries. M0140, Box 1, folder 4. Публикуется впервые с любезного разрешения Департамента специальных коллекций библиотеки Стэнфордского университета.

В 11:10 утра [Сунь Ятсен] позвонил по телефону Чэнь Цимэю и велел немедленно явиться к нему, взяв с собой свою личную печать.

В 11:48 Чэнь Цимэй явился в сопровождении некоего Фудзита (торговец оружием, проживающий в Фэнтяне на улице Синьшицзе и имеющий магазин в Даляне, улица Шаньсяньгунлу, 112). Фудзита принял участие в разговоре.

Чэнь [Цимэй] ушел в 11:50, Фуцзита — в 1:02 пополудни.

В 12:10 Чэнь Цимэй вернулся в дом и принял участие в разговоре. Он ушел в 1:45.

В 12:10 пришел Ван Тунъи, принял участие в разговоре и покинул дом в 2:00»[1].

Фудзии Сёмицу счел это свидетельство доказательством подлинности проекта соглашения о китайско-японском союзе.

Во-первых, Сунь Ятсен, Чэнь Цимэй и Ямада Дзюнсабуро, поставившие свои подписи под этим документом, датированным 5 февраля, действительно около двух часов находились в этот день на квартире Сунь Ятсена.

Во-вторых, агент полиции упоминает о том, что Сунь Ятсен звонил перед этим Чэнь Цимэю и просил его срочно прийти к нему с личной печатью.

В-третьих, почти два часа в тот день на квартире Сунь Ятсена находился Ван Тунъи. Это обстоятельство немаловажно, потому что к письму, переданному позднее в МИД Японии, была подколота визитная карточка Ван Тунъи.

Что касается Инудзука, чья подпись также стоит под «Соглашением», то, по сведениям полиции, он отсутствовал в квартире Сунь Ятсена, но мог подписать документ в какой-то иной день.

Чэнь Цзайцзюнь выразил свое несогласие с этими выводами Фудзии.

Прежде всего, пишет он, соображения конспирации исключали возможность того, чтобы при подписании столь важного документа присутствовал посторонний Фудзита, к тому же пробывший в доме Сунь Ятсена более часа — с 11:48 до 13:03.

Далее, заключение «Соглашения» должно было проходить в присутствии всех четырех подписавших его лиц. На каком основании Фудзии полагает, что Инудзука поставил свою подпись позже?

[1] 日本外交文书 (Документы внешней политики Японии). 3-й год Тайсё. Т. 2. Токио. 1965. С. 564.

По мнению Чэнь Цзайцзюня, в тот день речь вообще не шла о подписании «Соглашения». Главным действующим лицом во время этой встречи был Фудзита, с которым Чэнь Цимэй познакомился в свое время в Даляне. В тот день Фуцзита явился к Сунь Ятсену вместе с Ямада, по-видимому, для переговоров о продаже оружия Гоминьдану. Присутствие Чэнь Цимэя и наличие у него печати было необходимо для того, чтобы скрепить соответствующий договор. Ямада выступал при его подписании в качестве свидетеля или посредника.

Свой анализ ситуации Чэнь Цзайцзюнь завершает словами:

> Я задаю вопрос: какая из двух версий в большей мере может соответствовать реальности — моя, основанная на конкретных доказательствах, или профессора Фудзии, основанная лишь на домыслах?[1]

Нам неизвестно, какой ответ дает на этот вопрос читатель, но с нашей точки зрения, если уж говорить о домыслах, то ими грешит как раз версия Чэнь Цзайцзюня. При этом если даже тогда действительно был подписан какой-то другой, до сих пор неизвестный науке договор между Сунь Ятсеном, Чэнь Цимэем и Фудзита, это вовсе не означает, что Сунь Ятсен, Чэнь Цимэй и Ямада Дзюнсабуро одновременно с этим не могли парафировать и проект «Соглашения».

Добавим, что Ван Ган и Чжао Чжэнчао сделали недавно важное уточнение. Сопоставив текст дневника Се Чи с донесениями полицейских агентов, ведших наблюдение за квартирой Сунь Ятсена, они пришли к выводу, что сексоты порой допускали сбои в своей работе и не фиксировали лиц, посещавших д-ра Суня. Так, по данным Се Чи, 3 января 1915 г. он навестил лидера Гоминьдана вместе с только что прибывшим из Китая Лу Шиди, однако в докладах полицейского управления об этом не упоминалось[2].

С нашей точки зрения, решающим аргументом в этом споре является письмо Сунь Ятсена Дэйтрику, написанное в тот же самый день – 5 февраля 1915 г. Забыв обо всех своих горестных размышлениях о злокозненной политике кабинета Окума, д-р Сунь отменил свою запланированную поездку в Соединенные Штаты, поскольку в Японии ему предстояла некая «замечательная работа».

---

[1] *Чэнь Цзайцзюнь*. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося истории взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 2. С. 201.

[2] *Ван Ган, Чжао Чжэнчао*. Новые данные об отношении Сунь Ятсена к «Соглашению о китайско-японском союзе» // Шилинь, 2018, № 1. С. 128.

Опять кризисная ситуация

Подписав проект соглашения о китайско-японском союзе, обретший второе дыхание Сунь Ятсен, казалось бы, должен был немедля заняться «замечательной работой» и передать парафированный им документ в японский МИД.

Но почему-то это произошло лишь месяц спустя. Почему?

В феврале 1915 г. в печать начали просачиваться сообщения о требованиях, предъявленных японскими дипломатами пекинскому правительству. В них китайская общественность усмотрела реальную угрозу суверенитету страны и со все возраставшей энергией начала выражать свой протест по поводу притязаний Японии.

Все чаще в китайских газетах появлялись статьи с критикой курса Гоминьдана на сотрудничество с японцами[1]. Большим тиражом в Пекине была издана брошюра анонимного автора, утверждавшего, что Сунь Ятсен является предателем Родины[2].

Активизировались бывшие соратники Сунь Ятсена, не разделявшие его внешнеполитические взгляды (Хуан Син, Чэнь Цзюнмин, Сюн Кэу и др.). Они выступили с предложением «временно приостановить революцию и сосредоточиться на сопротивлении внешней агрессии»[3].

Не менее серьезная опасность подстерегала Сунь Ятсена с другой стороны.

В феврале 1915 г., когда переговоры в Пекине натолкнулись на несогласие китайской стороны принять японские требования, токийская дипломатия решила применить новый прием, для того чтобы заставить Юань Шикая смирить гордыню.

3 и 12 февраля министр иностранных дел Японии Като дважды беседовал с китайским посланником Лу Цзунъюем и без обиняков заявил ему, что в случае, если китайское правительство займет на переговорах более уступчивую позицию, Япония примет меры против находящихся на ее территории инсургентов[4].

---

[1] См., например: Шэньбао за 2, 18, 24 февраля 1915 г.

[2] Полный текст этого сочинения: http:www.doc88.com/p-7703705626185.html.

[3] *Чжао Чжэнчао*. Кое-что об «Обществе изучения ситуации в Европе» // 文史资料选辑 (Избранные материалы по литературе и истории). Т. 7. Выпуск 24. Пекин. 2011. С. 344.

[4] 李毓澍。中日二十一条交涉 (*Ли Юйшу*. Китайско-японские переговоры по поводу 21 требования). Тайбэй. Т. 1. 1966. С. 392.

Перед лицом этой реальной опасности Гоминьдан был вынужден решать, как ему быть.

29 февраля на квартире Сунь Ятсена состоялось совещание высшего руководства партии, посвященное этой проблеме[1].

1 марта свою точку зрения по этому вопросу сформулировал Дай Цзитао: во-первых, некоторые из числа китайских студентов, обучающихся в Японии, являются членами Гоминьдана, но они выступали в поддержку президента как частные лица, не выражая волю всей партии; во-вторых, необходимо найти аргументы против заявленного Хуан Сином курса на приостановку революции; в-третьих, следует пропагандировать мысль о том, что обвинения Гоминьдана в коллаборационизме не имеют основания[2].

4 марта Се Чи «встретился с Чэнь Цимэем, обсуждался вопрос о мерах, принимаемых японской стороной по отношению к нашей партии»[3]. В этой критической ситуации ряд руководящих работников Гоминьдана пришел в выводу, что прежний курс на сотрудничество с Японией исчерпал себя и дальнейшее пребывание членов Гоминьдана в Стране Восходящего Солнца более не имеет смысла.

5 марта Се Чи записал в дневнике:

> Встретился с Чэнь Цимэем. Обсуждали вопрос о том, следует ли нашей партии покинуть Японию. Для судеб страны, для сохранения доброго имени нашей партии и для ее дальнейшей деятельности кроме плюсов это не имело бы каких бы то ни было минусов. Кроме того, это создало бы благоприятную ситуацию на нынешних переговорах с Японией.
>
> Он как будто бы согласился со мной, но в то же время обратил мое внимание на другие стороны проблемы. Я ответил, что мне нужно подумать, после чего я выскажу свое мнение. По дороге домой размышлял на эту тему и пришел к выводу, что все-таки лучше уехать из Японии[4].

6 марта Се Чи сообщил Ляо Чжункаю и Ху Ханьминю свое мнение о том, что Сунь Ятсену целесообразно покинуть Японию[5].

Продолжая быть сторонником смены курса, он на следующий день на квартире Сунь Ятсена продолжал настаивать на том, что ему «следует

---

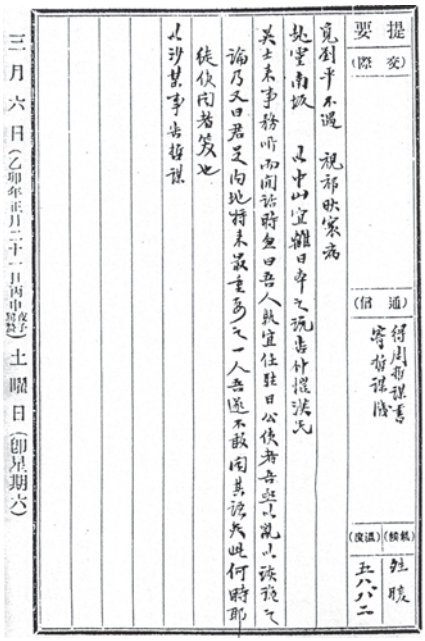
[1] Непубликовавшийся дневник Се Чи. Т. 1. С. 381.

[2] Доклады полицейского управления г. Токио (август 1913 г. — апрель 1916 г.). С. 717.

[3] Непубликовавшийся дневник Се Чи. Т. 1. С. 386.

[4] Там же. С. 387.

[5] Там же. С. 388.



Дневник Се Чи, 6 марта 1915 г.

отправиться в Штаты, чтобы продемонстрировать разрыв с Японией»:

Внутри страны это может рассеять подозрения сограждан и укрепить авторитет Гоминьдана, на международной арене — воспрепятствовать козням японцев и склонить их к поддержанию мира в Восточной Азии[1].

Сунь Ятсен ответил на это:

Если Япония начнет «принимать меры», добиться успеха нашей партии наверняка не удастся. Нужно обдумать способ воспрепятствовать этому. Но [поездка в] Штаты ничего не даст[2].

По мнению Ван Гана и Чжао Чжэнчао, в этот момент Сунь Ятсен колебался, не зная, какой выход из сложившегося положения предпочтительней: если последовать совету Се Чи и покинуть Японию, «принять меры» против Гоминьдана японское правительство не сможет; если же продолжать оставаться в Японии, то сорвать сделку Токио с Юань Шикаем можно будет, только предложив японцам больше, чем они в данный момент рассчитывали получить на переговорах в Пекине[3].

Когда 11 марта обсуждение этой дилеммы продолжалось, «Сунь Ятсен молчал»[4].

Но наконец, 14 марта, выбор был сделан. В японское министерство иностранных дел был передано письмо Сунь Ятсена, к которому прилагался текст «Соглашения».

Тут возникает еще один вопрос: почему письмо Сунь Ятсена не было подписано? Как ни странно, историки никогда не задавали себе этого вопроса, хотя для понимания происходившего ответить на него

[1] Там же. Т. 1. С. 391.

[2] Там же.

[3] *Ван Ган, Чжао Чжэнчао*. Новые данные об отношении Сунь Ятсена к «Соглашению о китайско-японском союзе» // Шилинь, 2018, № 1. С. 130.

[4] Непубликовавшийся дневник Се Чи. Т. 1. С. 392.

необходимо. Чтобы сделать это, обратимся к событиям, имевшим место в марте 1915 г.

12 марта на квартире Сунь Ятсена побывал японский парламентарий Кикути Рёити (Сун Цинлин называла его «верным другом» своего мужа[1]) и сообщил, что министр Като еще не решил, как ему поступить в связи с письмом д-ра Суня.

15 марта Сунь Ятсен написал одному из своих респондентов: «Курс нашей партии по-прежнему остается неизменным»[2].

Это значит, что, надеясь на положительный ответ японского правительства, Сунь Ятсен отказался от совета покинуть Японию, ожидая, каков будет ответ МИД.

Но уже 19 марта Сунь Ятсен написал г-же Кэнтли: «Японское правительство не решается оказать нам дружескую поддержку»[3].

А вскоре Чэнь Цимэй вдруг заявил, что намерен вернуться в Китай:

> В нашей партии не найдется никого, кто не говорил бы, что служит государству. На деле же 95 человек [из ста] думают лишь о своих личных интересах. Люди Кэцяна[4] еще не знают, что я за человек. Они считают, что Чэнь Цимэй превыше всего ставит свою собственную жизнь и боится смерти. Перед смертью я напишу товарищам письмо, чтобы тем подбодрить их[5].

Чэнь Цимэй оказался еще более прояпонски настроенным, чем даже лидер Гоминьдана

24 марта, проводив своего шэфа, Се Чи записал в дневнике:

> Он заслуживает уважения. Его готовность принять смерть впечатляет![6]

Ситуация кажется совершенно необъяснимой. Второе лицо в Гоминьдане неожиданно объявляет о своем возвращении на родину, но не ради того чтобы продолжать служить делу партии, а для того чтобы свести там свои счеты с жизнью. Перед тем как Чэнь Цимэй принял это решение, должно было произойти что-то крайне важное.

---

[1] Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии, С. 350.

[2] Сунь Ятсен — Чжоу Инши, 15 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350.

[3] Сунь Ятсен — г-же Кэнтли, 19 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350–351.

[4] Кэцян — второе имя Хуан Сина.

[5] Непубликовавшийся дневник Се Чи. Т. 1. С. 404.

[6] Там же. С. 406.

Нам представляется, что объяснить происходившее можно лишь предположив нижеследующее.

В критической ситуации Сунь Ятсен не знал, что ему следует предпринять — резко изменить курс и уехать из Японии, как это предлагал сделать Се Чи, или, следуя настояниям Чэнь Цимэя, отправить письмо в МИД и ждать положительного ответа. В конце концов он уступил Чэнь Цимэю, приняв компромиссное решение, — письмо было отправлено, но без его подписи. Чэнь Цимэй, таким образом, брал на себя всю ответственность за свою инициативу. Вскоре выяснилось, что правительство Японии, как и прежде, не собирается оказывать помощь Гоминьдану, и Чэнь Цимэй заявил, что готов ценой своей жизни заплатить за все возможные последствия.

Лидер более не питает надежд на японскую помощь

19 марта Сунь Ятсен отправил в Лондон ответ на письмо вдовы д-ра Кэнтли, в котором она рассказывала, что последнее время была очень занята:

> Я также очень занят, посвящая работе все свое время и всю свою энергию. Но начать наше дело в соответствии с первоначальным планом в настоящее время не представляется возможным. Вмешательство английского правительства и влияние консервативных сил привело к тому, что правительство Японии не решилось оказать нам дружескую поддержку. Тем не менее мы можем действовать самостоятельно и убеждены в том, что обязательно добьемся успеха. Если бы Вы смогли убедить общественное мнение Вашей страны не оказывать поддержку Юань Шикаю, это было бы неоценимой помощью нам. Будьте любезны разъяснить, что поддержка Англией Юань Шикая является косвенной поддержкой Германии. Ибо в своем бесчинстве, жадности и себялюбии Юань Шикай ничем не отличается от кайзера Вильгельма II. Юань Шикай — абсолютно прогерманская фигура.
>
> Если Германия расширит свои действия в нынешней войне, Китай превратится в ее сателлита. Если Англия будет и дальше поддерживать Юань Шикая, она не только ничего не добьется, но может потерять свои позиции в Китае. Поэтому необходимо разъяснить гражданам Вашей страны, что Юань Шикай — это прогерманский деятель[1].

[1] Сунь Ятсен — г-же Кэнтли, 19 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350–351.

Слова д-ра Суня о недоброжелательном отношении правительства Японии к Гоминьдану не были случайно сорвавшимся с языка выражением досады. Они характеризовали суть новой ситуации во взаимоотношениях между руководимой Сунь Ятсеном группой китайских революционеров и японским правительством, сложившейся весной 1915 г.

Год назад, предлагая Окума план китайско-японского сотрудничества, Сунь Ятсен называл его «неординарной личностью». Теперь, обращаясь к правительству Японии с просьбой о помощи, Сунь Ятсен в то же самое время критиковал его.

Когда стало ясно, что помощи не будет, Сунь Ятсен написал Дэн Цзэжу:

> В настоящее время мы не питаем в отношении X[1] никаких радужных надежд. Но сюда быстро доходят новости из Китая, да и вернуться на родину отсюда удобно. Мы только что начали действовать, так что предпочтительнее оставаться здесь, чем передислоцироваться куда-то в другое место. Позиции народа этой страны и ее правительства расходятся между собой. Поэтому если в будущем действительно возникнут неприятности, то правительству будет трудно осуществить свои дурные намерения[2].

В письме к г-же Кэнтли Сунь Ятсен утверждал, что в условиях, когда японское правительство заняло недружественную позицию по отношению к китайским революционерам, Гоминьдан начал действовать самостоятельно.

«Действовать самостоятельно» означало «готовить свержение режима Юань Шикая, не рассчитывая более на японскую помощь». Это было возможно лишь в том случае, если бы Гоминьдан нашел альтернативный источник средств, совершенно необходимых ему для безотлагательной подготовки к «Третьей революции».

Дэн Цзэжу (1869–1934)

Таким источником могли стать доброхотные даяния китайских эмигрантов. Отнюдь не случайно весна 1915 г. отмечена резкой активизацией контактов д-ра Суня с зарубежной китайской диаспорой.

Главным связующим звеном между Сунь Ятсеном и его зарубежными соотечественниками в странах Юго-Восточной Азии был в это время

[1] Имеется в виду Япония.

[2] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 26 мая 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 356.

его друг Дэн Цзэжу — богатый предприниматель, вступивший в 1907 г. в Объединенный союз и с тех пор решительно поддерживавший Сунь Ятсена. Последний называл Дэн Цзэжу не иначе как «фактическим начальником финансового отдела партии»[1].

14 марта Сунь Ятсен информировал Дэн Цзэжу о том, что посылает своих эмиссаров во главе с Сюй Чунчжи в страны Южных морей для руководства на месте сбором пожертвований для Третьей революции[2].

Сунь Ятсен утверждал, что «действия в Китае целиком и полностью зависят от поддержки со стороны товарищей за рубежом»[3].

Указывая на то, что решающий момент для осуществления планов партии наступил и нужда в деньгах теперь особенно остра, лидер предлагал своим единомышленникам использовать любую возможность для сбора средств, в том числе не останавливаясь перед продажей принадлежащего партии недвижимого имущества. Коль скоро это партийная собственность, ею можно распорядиться в тот момент, когда настоятельно требуется партии, и тут не должно быть другого мнения[4].

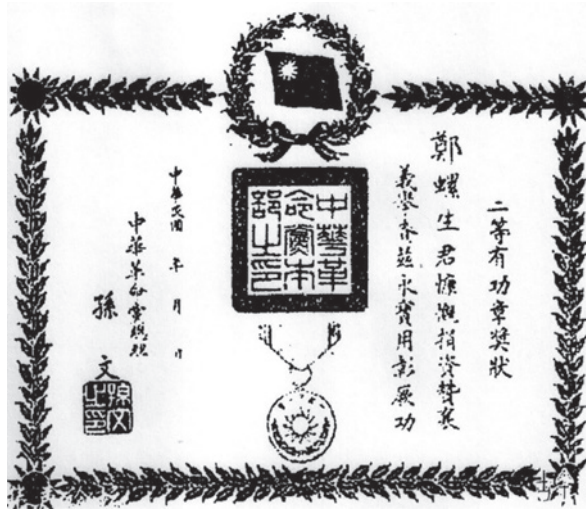
Получая переводы из-за границы, Сунь Ятсен рассылал расписки в получении денег[5], а от местных организаций Гоминьдана требовал присылать ему списки патриотов, пожертвовавших свои сбережения на дело революции. Для того чтобы стимулировать приток доброхотных даяний, руководство Гоминьдана приняло «Положение о награждении лиц, пожертвовавших на революцию».

Пункт второй «Положения» устанавливал, что гражданин, внесший в партийную кассу 100 долларов, приравнивался в своих правах к членам Гоминьдана и награждался медалью 3-й степени.

Пожертвовавший 1000 долларов получал медаль 2-й степени и преимущественное право на разработку природных богатств страны.

Медаль 2-й степени за заслуги перед революцией

[1] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, сентябрь 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 324.
[2] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 14 марта 1915 г. // Там же. С. 350.
[3] Сунь Ятсен — Чэнь Теу, 3 апреля 1915 г. // Там же. С. 353.
[4] Сунь Ятсен — Цюй Шэньгану, 25 иая 1915 г. // Там же. С. 355.
[5] Сунь Ятсен — Чэнь Теу, 3 апреля 1915 г. // Там же. С. 353.



Свидетельство о награждении медалью 2-й степени за заслуги перед революцией[1]

Тот, чей взнос составлял 10 000 долларов, мог рассчитывать на медаль 1-й степени и становился «народным представителем».

Обладателю десяти медалей 1-й степени будущее правительство должно было установить на его родине бронзовый бюст[2].

По некоторым данным, в общей сложности Гоминьдан получил от китайских эмигрантов в странах Юго-Восточной Азии 500 тысяч, на американском континенте — 1 млн долларов[3]. Для того чтобы самостоятельно решить финансовые проблемы, связанные с подготовкой «Третьей революции», этих сумм было явно недостаточно.

Причина неудачи заключалась в том, что Сунь Ятсен столкнулся здесь с одной трудностью, которую вполне можно было предвидеть.

---

[1] Обращаем внимание на тот факт, что к этому документу приложена личная печать лидера Гоминьдана, которую он использовал в 1914–1916 гг., однако подписано свидетельство не его рукой (подпись имитирует почерк д-ра Суня того времени, когда он был Временным президентом Китайской Республики). Читатель может убедиться в этом, вернувшись к образцам подписи Сунь Ятсена, приведенным выше.

[2] Положение о награждении лиц, пожертвовавших на революцию // Гэмин вэньсянь. № 45. Тайбэй. 1969. С. 43.

[3] *Ло Ицюнь*. Воспоминания о деятельности Революционной партии Китая // Гуандун вэньши цзыляо. № 25. Гуанчжоу. 1979. С. 85.

Чжу Чжисинь (1885–1920)

Ли Лецзюнь (1882–1946)

Дело в том, что в это время в нескольких странах Юго-Восточной Азии, Европы и Америки находились бывшие соратники Сунь Ятсена, разошедшиеся с ним во взглядах и отказавшиеся вступать в Гоминьдан. Они также занимались сбором средств и были, таким образом, опасными конкурентами Сунь Ятсена.

Среди таких ослушников был один из ближайших соратников Сунь Ятсена — Чжу Чжисинь.

Не получив разрешения лидера партии, он намеревался отправиться в страны Южных морей. Сунь Ятсен вызвал его к себе на квартиру и предложил подписать обязательство в том, что он будет действовать в дальнейшем только под руководством вождя, однако Чжу Чжисинь наотрез отказался сделать это, и Сунь Ятсену пришлось в течение нескольких часов подряд убеждать его. Но все было напрасно[1].

Еще одним такого рода деятелем был Ли Лецзюнь, ранее активный участник Синьхайской революции, претендовавший теперь на роль руководителя антиюаньшикаевского движения.

Осенью 1914 г. Сунь Ятсен получил сведения о том, что Ли Лецзюню удалось собрать в странах Южных морей от 2 до 3 миллионов долларов. После этого Ли отправился в Париж, где, по слухам, намеревался вступить в прямой контакт с французским правительством на предмет получения от него дипломатической поддержки.

Сунь Ятсен писал по этому случаю Дэн Цзэжу:

> Это значит, Ли не хотел сотрудничать со мной из-за того, что в этом случае, как знать, кресло президента ему, может быть, не достанется. Иначе зачем ему разворачивать свое собственное знамя?

[1] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 20 октября 1914 г. // ППСОГ. Т. 4. С. 330.

Если это действительно так, это означает, что Ли плохо меня знает. Я мог уступить президентскую власть Юань Шикаю, так неужели я не уступлю ее своему товарищу?

Прошу тебя и товарищей из стран Южных морей во что бы то ни стало убедить Ли ни в коем случае не действовать сепаратно, потому что успех возможен лишь в том случае, если мы объединим свои усилия, в противном случае позитивного результата не будет. Если Ли согласится выдать нам миллион и воспользоваться существующей сейчас благоприятной возможностью [для выступления против Юань Шикая], то свергнуть Юаня не составит никакого труда. <...>

Я прошу тебя как начальника финансового отдела партии заключить с Ли соглашение о том, что в случае если он передаст нам свои деньги, ты можешь поставить свою подпись под обязательством провести агитационную кампанию за то, чтобы после успеха Третьей революции товарищи проголосовали бы за избрание его президентом. <...>

Я надеюсь, что тебе удастся убедить его последовать [за нами]; ведь собранные им деньги — это общественные средства Республики, а не его личный капитал. Если он не согласится передать общественные средства на общественные нужды, он поступит эгоистично, негуманно и несправедливо. Я надеюсь, что в этом случае ты найдешь подходящий способ, чтобы посчитаться с ним[1].

Обещая уступить Ли Лецзюню президентское кресло, если тот передаст в кассу Гоминьдана собранные им пожертвования, Сунь Ятсен явно кривил душой. Его заявление противоречило как неоднократно выражавшемуся им намерению лично руководить всем связанным с «Третьей революцией», так и его требованию к членам партии клясться в верности ему как руководителю Революционной партии.

Чэнь Цзюнмин (1888–1933)

Видное место среди ослушников занимал тогда Чэнь Цзюнмин, которому суждено было через несколько лет после этого вступить с Сунь Ятсеном в открытую схватку за власть.

Чэнь Цзюнмин, как и Ли Лецзюнь, был ветераном Синьхайской революции. В 1914 г. он,

[1] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, сентябрь 1914 г. // ППСОГ. Т. 4. С. 324–325.

будучи не согласен с проектом устава новой партии, отказался вступать в Гоминьдан и покинул Японию.

Но своим самым опасным конкурентом Сунь Ятсен в это время считал Хуан Сина, также занимавшегося в Соединенных Штатах сбором пожертвований китайских эмигрантов.

Еще одним способом добыть необходимые для «Третьей революции» деньги руководители Гоминьдана сочли выпуск долговых облигаций.

Одна из облигаций, выпущенных Гоминьданом в 1915 г.

Их первая партия номиналом 1000 юаней была выпущена с обещанием погасить в течение 3 лет «после создания нового правительства».

Однако это была попытка с негодными средствами. Никаких гарантий относительно того, когда будет создано это «новое правительство» и будет ли оно в состоянии погасить облигации, Сунь Ятсен, подписавший это обязательство, дать, разумеется, не мог. Общая сумма выпущенных в Токио облигаций неизвестна[1].

Становилось ясно, что «самостоятельные действия» Сунь Ятсена – задача исключительно сложная. Начинать действия против Юань Шикая в этих условиях было невозможно.

И Сунь Ятсен наконец принимает решение — подать сигнал всеобщего отступления. 6 апреля Се Чи записал в дневнике:

> Чжуншань вкратце изложил план свертывания деятельности партии. К несчастью, поскольку в Цзянсу и Чжэцзяне мы вновь потерпели поражение, наша партия сможет думать о новом выступлении не раньше как года через три. Финансы иссякли, и долго продержаться невозможно.
>
> Остается распустить членов партии, не имеющих собственных средств к существованию, распустить партийные органы, оставить в Японии несколько человек, а остальные пусть отправляются куда кто может.
>
> Он спросил меня, куда я поеду. Я ответил, что либо в Шанхай, либо на острова Южных морей. А сам Чжуншань отправится в Штаты[2].

Через день после этого, отвечая на вопросы директора телеграфного агентства «Тайё симбун» Хатано Харуфуса, Сунь Ятсен сделал вид, будто бы он по-прежнему преисполнен оптимизма:

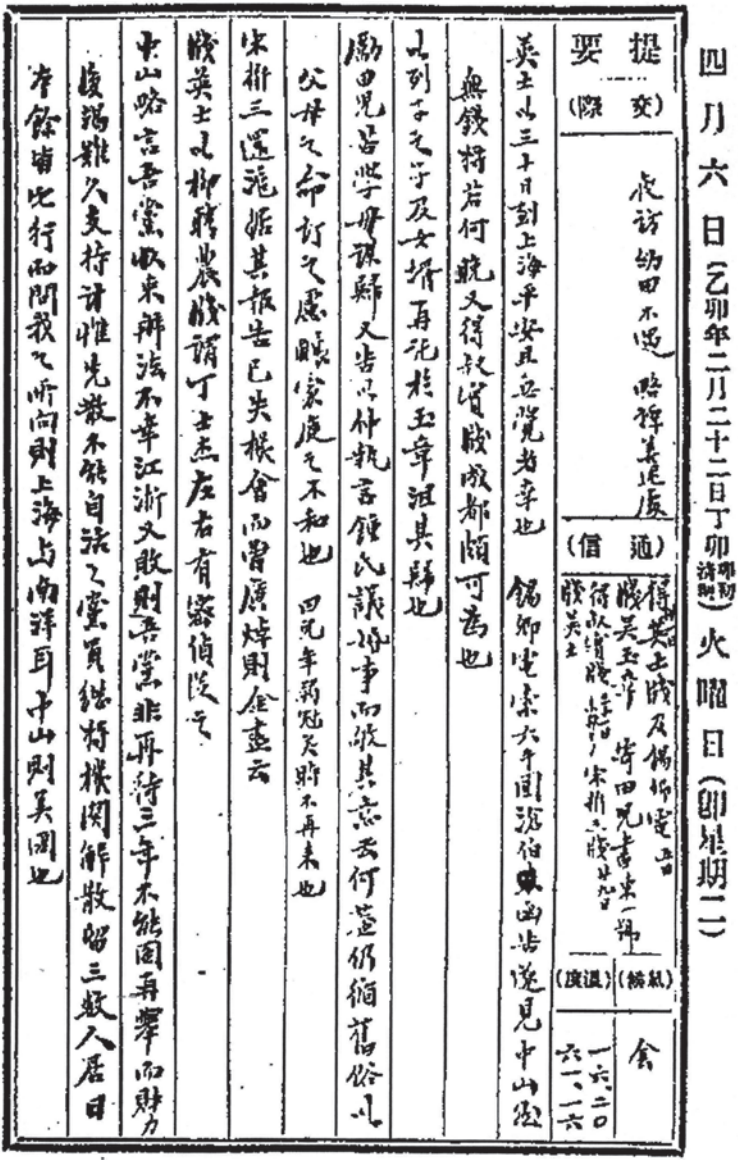
> Поскольку позиция общественного мнения с каждым днем становится всё более твердой, Юань Шикай оказался в весьма трудном положении. Воспользовавшись этой ситуацией, я намерен осуществить свой первоначальный план. В настоящее время я при посредничестве одного японского деятеля (его имя должно быть сохранено в секрете) добиваюсь помощи японского правительства.

Однако тут же Сунь Ятсен поделился с японской прессой своими ближайшими планами:

> Если же японское правительство не согласится с моими требованиями, я отправлюсь за помощью в Соединенные Штаты и в течение года

[1] *Ань Юэхуа*. Выпуск Революционной партией Китая долговых облигаций // Чжунго гоцзя боугуань гуанькань, 2011, № 5.

[2] Непубликовавшийся дневник Се Чи. Т. 1. С. 419.



四月六日（乙卯年二月二十二日丁卯 清明卯初）火曜日（即星期二）

提要（交際）
晨訪幼田不遇 晤譚英氏處

（信通）
得英士函及鶴卿電 晤
發吳玉章 寄田兄書束一冊
得叔續復 [illegible] 宋樹之 [illegible]
發英士

（摘紀）會

（度溫）一六、二〇 六一、一六

英士以三十日到上海平安且無覺者幸也 鶴卿電云六年閏泥伯[illegible]函告遂見中山公
無錢將若何耽又得叔省啟成都頗可為也
以到子之子及女婿再死於玉章泪其歸也
勵田兄昌學冊課歸又告以仲執言鍾氏議以事而欲其意云何遂仍循舊俗以
父母之命訂之慮家庭之不和也 四兄年弱冠矣將不再來也
宋樹三還滬據其報告已失根會而胃瘟烽則全盡云
啟英士以柳聘農啟請丁士杰左右有密偵防之
中山略言吾黨收來辦法不幸江浙又敗則吾黨非再待三年不能圖再舉而財力
復竭難久支持計惟先撤不能自活之黨員繼將機關解散留三數人居日
本餘皆比行而間散之所向則上海占南洋耳中山則美國也

Дневник Се Чи, 6 апреля 1915 г.

буду выступать там, чтобы заручиться сочувствием граждан этой страны и получить средства для подготовки военных действий. После этого я поеду в Англию, а затем в другие страны Европы, после чего начну действовать.

Наше выступление будет отсрочено, но что поделать, раз Япония отказывается помогать нам![1]

У сторонников Сунь Ятсена появился еще один повод порицать своего лидера

Вторая половина 1915 г. была для Сунь Ятсена, пожалуй, самым трудным временем за весь период его пребывания в изгнании.

Надежд получить помощь японцев больше не было. К тому же сам по себе курс на союз с Японией против Юань Шикая, которого Сунь Ятсен продолжал придерживаться на протяжении предшествующих лет, был встречен в штыки даже теми, кто всегда поддерживал его. Создание Гоминьдана, замысленное как средство сплочения всех революционных сил, обернулось прямо противоположным исходом: слишком резкая формулировка принципа единоначалия оттолкнула многих последователей Сунь Ятсена и привела к расколу движения. И даже у тех, кто остался верен д-ру Суню, в это время появился повод для критики вождя, правда, не имевший никакого отношения к его политической программе.

Любовь зла

Когда секретарь Сунь Ятсена Сун Айлин отвергла матримониальные планы шефа и вместе с Кун Сянси покинула Японию, она, памятуя о том, что личное не должно наносить ущерб общественному, рекомендовала на оставленный ею пост свою младшую сестру, только что вернувшуюся из Штатов.

Сун Цинлин более чем кто-либо другой подходила на должность секретаря, ответственного за ведение иностранной переписки лидера Гоминьдана. Она родилась в 1893 г. в космополитичном Шанхае. В семье ее на заморский манер называли Rosamond. Первоначальное

[1] *Дуань Юньчжан*. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 443–444.

образование она получила в миссионерской школе и с детства свободно изъяснялась по-английски. Когда Сун Цинлин исполнилось 15, она вместе со своей сестрой Сун Мэйлин отправилась в Штаты, где поступила на гуманитарный факультет частного университета.

Сун Цинлин (1893–1981)

Увлечение западной литературой не мешало ей оставаться горячей патриоткой Китая. Однажды, прочтя слова Наполеона «Китай — это дремлющий лев, и когда он пробудится ото сна, его рычание заставит содрогнуться весь мир!», она сказала: «У нас на Родине есть свои выдающиеся личности, подобные Петру Первому, Наполеону и Вашингтону!»[1]

Одной из таких выдающихся личностей Сун Цинлин с детских лет считала Сунь Ятсена. Поэтому предложение стать его секретарем она восприняла как подарок судьбы.

«Тогда я еще не любила его, — вспоминала она впоследствии, — я преклонялась перед ним как перед героем. Я хотела помочь ему спасти Китай, а Сунь Ятсен был человеком, способным на это»[2].

Но ежечасное общение со своим кумиром привело к тому, что преклонение перед героем сменилось совсем иным чувством. И она призналась в этом Сунь Ятсену.

Д-р Сунь, исподтишка засматривавшийся на свою юную секретаршу, все же счел нужным сказать: «Цинлин, еще раз как следует подумай об этом. Ты молода, тебе всего 22 года!»

И услышал в ответ: «Революция не спрашивает, сколько лет человеку. Любовь — тоже. Возраст не может стать для нас непреодолимым препятствием. В своих мыслях я все время с тобой, и моя жизнь теперь немыслима без твоей»[3].

---

[1] 黄瑾、毛胜。孙中山一家人 (*Хуан Цзинь, Мао Шэн*. Семья Сунь Ятсена). Пекин. 2004. С. 212.

[2] Там же. С. 115.

[3] Там же. С. 117.

Сунь Ятсену в это время исполнилось 49 лет. Его сын Сунь Кэ был старше Сун Цинлин на год.

Сун Цинлин вспоминала:

> Я прекрасно понимала, что если у меня дома узнают, что я согласна стать его женой, все будут решительно против. Исходя из своих религиозных убеждений, они ни при каких обстоятельствах не могли согласиться на мой брак с разведенным[1].

Тем не менее она решила поехать домой в Шанхай, чтобы попробовать уговорить своих родителей.

Узнав о намерении дочери, ее матушка всплеснула руками: «Да ты с ума сошла, Розамунд, ты просто с ума сошла! Он ведь в два раза старше тебя, да к тому же у него семья! Я никогда не соглашусь на этот брак!»

Не менее определенно высказался и ее отец Сун Яожу.

Сун Цинлин не сдавалась: «Я нужна г-ну Суню и его великому делу! А он нужен мне!»

Со своей стороны 20 июля Сунь Ятсен написал Сун Яожу письмо, в котором эзоповым языком сообщал о намерении соединить свою жизнь с Цинлин.

Ответ Сун Яожу:

> То, о чем ты поведал, настолько невероятно, что в это невозможно поверить! Я склонен считать, что это шутка. Она настолько чудовищна и смехотворна, что походит на детский лепет, выходящий за пределы моего понимания!

Сун Яожу продолжал:

> Дорогой доктор! Не верь словам девочки, начитавшейся романов, тем более что ей нравится шутить над собой. Я могу заверить тебя, что мы относимся к тебе с огромным уважением и никогда не сделаем ничего, что причинит вред тебе и твоему делу. «Предатели» всегда останутся нашими врагами, и Розамунд ненавидит таких людей так же, как и ты. <...> Но наша семья верит в Бога, и наша дочь не может стать чьей бы то ни было наложницей, даже если тот — всемогущий правитель, император или президент. Мы можем нищенствовать, но нам неведома алчность и тем более какие-то иные замыслы, и маловероятно, чтобы мы совершили нечто, противоречащее христианской морали. <...>
>
> Дорогой доктор! Запомни: что бы ни случилось, мы остаемся твоими верными друзьями. Я берусь утверждать, что среди китайцев нет чело-

[1] 宋庆龄自述 (*Сун Цинлин*. Автобиография) // Данъань юй шисюэ. 1997. № 1. С. 3.

誓約書

今般孫文ト宋慶琳トノ間ニ婚約ヲ結ヒタルニ付
左ノ諸件ヲ誓約ス

一、成ルヘク速ニ支那ノ國法ニ依リ正式ノ婚姻
手續ヲ執ルヘキ事

二、將來永遠ニ夫婦關係ヲ保續シ各自
相互ノ幸福ヲ增進スルニ努ムヘキ事

三、万一本誓約書ニ背反スル行爲アリタル時
ハ法律上並ニ社會上ノ制裁ヲ受クルモ各自
何等異存ナキコト從テ各自ノ名譽保
持等ノ為メ各自又ハ其ノ親族ヨリ各自
ニ對シテ為ス措置ニ付テハ一切苦情ヲ申
出ヲサルヘキ事

右ノ諸件ハ本誓約ノ成立ニ立會セル和田瑞ノ
面前ニ於テ各自誓約シ和田瑞ハ本誓約ノ
履行ニ付充分ノ斡旋ヲ為スヘキコトヲ確約シ
タリ

本書ハ三通ヲ作成シ誓約者各自一通ヲ保有
シ他ノ一通ハ立會人之ヲ保有スルモノトス

千九百十五年十月二十五日

誓約者 孫文
同 宋慶琳
立會人 和田瑞

Брачный контракт Сунь Ятсена и Сун Цинлин

века более благородного, искреннего и любящего свою Родину. Как могут сознательные и честные люди выступать против тебя? Но мы скорее согласны на то, чтобы Цинлин умерла и была похоронена, чем видеть, что она стала наложницей (или женой) человека, предавшего нас. Можешь быть совершенно уверен: мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы воспрепятствовать этому![1]

Сун Яожу запер дочь в ее комнате, запретив ей покидать свою обитель. Но ей всё же каким-то чудом удалось бежать, и она вскоре добралась до Токио.

Сунь Ятсен к тому времени получил от Лу Мучжэнь согласие на развод. Узнав о планах мужа, она произнесла: «Я неграмотная и по-английски не умею, так что быть ему полезной не могу!» – и приложила палец к заявлению о разводе.

25 октября Сунь Ятсен и Сун Цинлин явились к известному токийскому юристу Вада с просьбой зарегистрировать их брак. Вада составил соответствующий документ (на японском языке), под которым вслед за

[1] Сун Яожу — Сунь Ятсену, 3 августа 1915 г. // *Хуан Цзинь, Мао Шэн.* Семья Сунь Ятсена. С. 120–121.

новобрачными поставил свою подпись. Поскольку по японским понятиям оформлять столь важное дело лучше было в четный день, документ был датирован 26 октября.

В тот же день во второй половине дня в доме у Умэя Сокити состоялась свадьба, на которую были приглашены только близкие друзья.

А на следующий день в Токио приехали родители Сун Цинлин, намеревавшиеся помешать свадьбе дочери.

Против были не только родители

Видя, что все его пространные рассуждения не убедили д-ра Суня, Сун Яожу встал перед ним на колени, умоляя оставить Сун Цинлин в покое. Но ему показали их брачный контракт. Потерявший над собой контроль отец крикнул своему новоявленному зятю, что впредь не хочет иметь с ним ничего общего и что Сун Цинлин больше ему не дочь. Вернувшись в Китай, он слег и долго не мог прийти в себя.

Сун Цинлин вспоминала на старости лет:

> Мои родители прочли оставленную мною записку, сели на пароход и поспешили в Японию в надежде уговорить меня оставить моего будущего мужа <...> Мама плакала, а отец, страдавший болезнью печени, даже побежал к японским властям с просьбой аннулировать наш брак на том основании, что я несовершеннолетняя и вступила в брак по принуждению. Ясно, что японцы не могли вмешаться![1]

Новобрачные в 2016 г.

Брак Сунь Ятсена был встречен в штыки многими его соратниками, полагавшими, что

[1] Там же. С. 123.

это событие бросает тень на моральный облик лидера партии, который должен быть всегда и во всем образцом для своих товарищей.

Симпатии старых сторонников Сунь Ятсена — Ху Ханьминя, Ван Цзинвэя, Чжу Чжисиня, Ляо Чжункая и др. — были на стороне Лу Мучжэнь и Чэнь Цуйфэнь (согласия второй из них на брак Сунь Ятсена по китайским законам не требовалось).

Но Сунь Ятсен проявил твердость духа. Он отвечал критикам:

> Я обсуждаю с вами государственные дела, а вмешиваться в мои семейные проблемы вам нет необходимости[1].

Чего не знали критики Сунь Ятсена

Друзья и последователи, порицавшие своего лидера за его развод и очередную женитьбу, не подозревали о том, что его брак с Сун Цинлин был не третьим, а четвертым по счету.

Оцуки Исао (1888–1970)

На самом деле у Сунь Ятсена была еще одна законная жена.

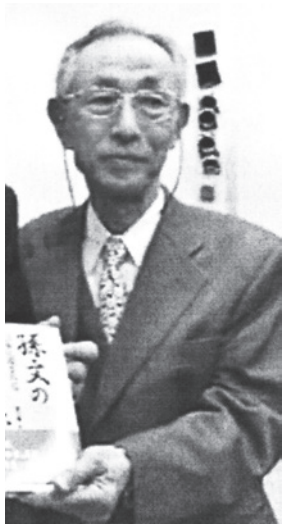
В 1898 г. на втором этаже дома № 121 по Ямаситамати в Иокогаме, где жил некий Оцуки Сото, возник пожар. Домочадцы принялись заливать огонь, но перестарались, и вода просочилась в квартиру первого этажа. Оцуки послал свою дочь Исао, немного знавшую английский язык, извиниться перед пострадавшим соседом.

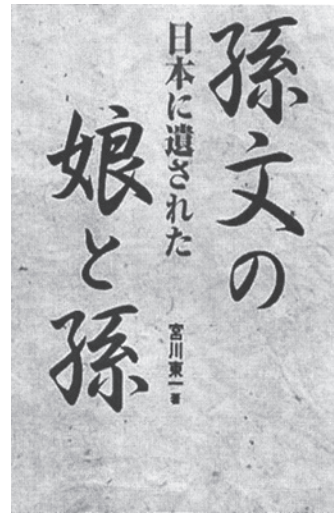
Этим соседом был Сунь Ятсен. Миловидная Исао приглянулась ему, и он стал наведываться к ней в гости.

Вскоре Сунь Ятсен попросил у Оцуки Сото согласия на брак с его дочерью, но получил отказ: Исао в это время было всего 14 лет. Д-р Сунь продолжал настаивать на своем, и в 1904 г. его брак с Исао был зарегистрирован с соблюдением всех японских законов.

12 мая 1905 г. Исао родила дочь, которую назвали Томиёсико. Сунь Ятсена в этот момент в Японии уже не было. Узнав о появлении на свет дочери, он ограничился тем, что написал Исао письмо. По-японски делать это он не мог, а читать по-английски его супруга не умела.

[1] Там же. С. 125.





Миягава Тоити и его книга

Поэтому весточку жене Сунь Ятсен написал по-китайски, попросив жившего в Иокогаме японца перевести ее.

Время шло, и скоро он перестал интересоваться судьбой Исао и своих японских потомков — дочери и внука Миягава Тоити, который впоследствии написал книгу под названием «Дочь и внук Сунь Ятсена, брошенные им в Японии»[1].

[1] 有谁知道孙中山和大月熏的故事 (Кому известна история Сунь Ятсена и Оцуки Исао?) // https://zhidao.baidu.com/question/351976615.html.

Глава XIII
Роковая ошибка Юань Шикая

Накануне

В своих воспоминаниях последний император маньчжурской династии Пуи писал, что 1914 г., принесший ему и его родне надежду на лучшее будущее, вполне можно было бы назвать «годом реставрации».

Сунь Ятсен нарушает молчание

Внимательно перелистав официальные выступления Сунь Ятсена за первую половину 1915 г., читатель несомненно обратит внимание на странный факт: до того момента, когда министр иностранных дел Лу Чжэнсян поставил свою подпись под соглашением, означавшим принятие большинства японских условий, лидер Гоминьдана хранил упорное молчание по поводу происходивших событий, словно они его вообще не касались.

По натуре Сунь Ятсен отнюдь не был молчуном. Напротив, он всегда спешил довести до всеобщего сведения свои идеи, намерения и решения. Но в данном случае он почему-то упорно хранил молчание по одному из самых острых вопросов современности.

Парадоксальность ситуации, разумеется, мнимая.

Сунь Ятсену было не с руки обвинять пекинское правительство в предательстве интересов китайского народа, если в своих обращениях к кабинету министров Японии он сам выражал готовность удовлетворить все желания восточного соседа в обмен на помощь в его борьбе против «архипалача» Юань Шикая. При этом немаловажным было то обстоя-

тельство, что Япония принуждала китайских дипломатов пойти ей на уступки, а пекинское правительство всеми силами сопротивлялось грубому нажиму, тогда как еще более щедрые посулы Сунь Ятсен делал по своей собственной инициативе, а Токио не спешило принимать их.

Воздерживаясь от комментариев по поводу грабительских требований японского правительства, глава Гоминьдана оставлял дверь для дальнейших уступок со своей стороны открытой. Но чем дальше, тем молчание Сунь Ятсена вызывало всё большее недоумение как членов Гоминьдана, так и патриотически настроенных граждан страны. Он вынужден был что-то предпринять, чтобы окончательно не лишиться поддержки со стороны своих соотечественников.

Наконец настало время, когда молчать больше было нельзя. 10 марта 1915 г. отдел партийных дел Гоминьдана опубликовал «Инструкцию № 8», призванную прояснить ситуацию. Она была подписана начальником отдела Цзюй Чжэном и разослана в партийные ячейки. Смысл этого пространного текста сводится к следующему.

По поводу «21 требования» Японии наперебой высказывались те, кто принимал участие во «Второй революции», но затем изменил ее идеям. К ним относятся такие деятели, как Хэ Хаймин, пришедший к Юань Шикаю с повинной; Линь Ху, поспешивший заявить о своей непричастности к деяниям Юань Шикая; Хуан Син, «считающий революции преступлениями, но не признающий таковым свое дезертирство».

Вождь Гоминьдана не спешил обнародовать свое мнение по этому поводу потому, что полагал:

> Не занимая соответственного общественного положения, нет смысла выражать свою точку зрения, потому что ее все равно не примут всерьез и она ничем не поможет решению вопроса. <...>
>
> Наша партия находится [в Японии] на положении нелегальной организации, и ей не подобает выступать с заявлениями по поводу официальных международных переговоров.

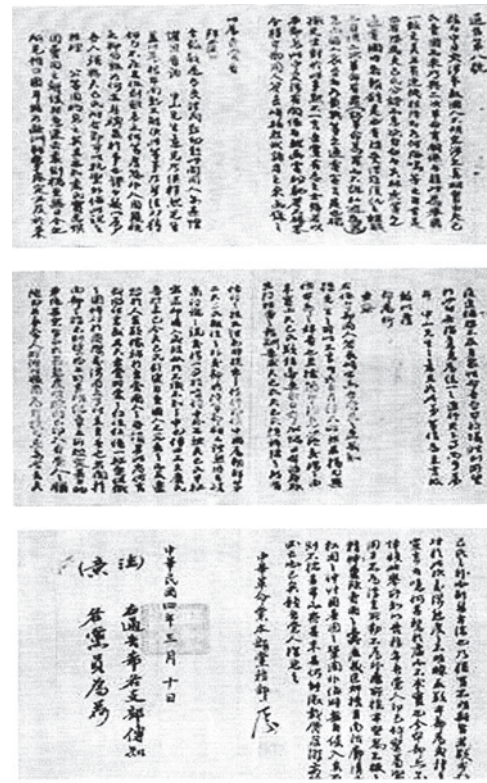
Но своя точка зрения у лидера партии, конечно, была, и он разъяснял ее всем, кто обращался к нему. Суть этой точки зрения: невозможно повлиять на ситуацию, не решив главную проблему.

А главная проблема сейчас состоит в том, что нужно покончить с юаньшикаевским режимом.

> Если навести порядок внутри страны, народ получит бóльшие права, основа государства укрепится и внешняя агрессия станет невозможной. <...>

> Между тем соотечественники не задумываются над необходимостью удалить [Юань Шикая], а валят с больной головы на здоровую, обвиняя в чем-то нашу партию. Такова глупость наших соотечественников! Что тут еще можно сказать?! Что тут еще можно сказать?!

К тому же, говорилось в «Инструкции», инициатором начала нынешних переговоров в Пекине является сам Юань Шикай, решивший объявить себя императором и нуждающийся в признании иностранными державами. Юань Шикай обратился с соответствующей просьбой к японскому правительству, а оно назначило цену, которую узурпатор должен был заплатить за оказанную ему услугу.



«Инструкция № 8»

«Инструкция № 8» была документом, обращенным к членам Гоминьдана, и изложенная в ней версия осталась неизвестной широким кругам китайской общественности, продолжавшим недоумевать по поводу того, почему д-р Сунь не высказывает своего отношения к пекинским переговорам. После того как Юань Шикай принял бóльшую часть японских требований, представители китайского студенчества обратились с этим вопросом непосредственно к Сунь Ятсену.

Он был вынужден высказаться по этому острому вопросу.

В своем ответе Сунь Ятсен повторяет версию, изложенную до этого в «Инструкции № 8», утверждая, что инициатором переговоров по поводу «21 требования» был президент Юань Шикай:

> После начала войны в Европе западным державам было не до происходящего на Востоке, [и Юань Шикай] решил воспользоваться ситуацией, для того чтобы объявить себя императором.

Он хотел заручиться поддержкой со стороны Японии, так что нынешние переговоры фактически были начаты по его просьбе. Япония выдвинула ответные требования, [Юань Шикай] понимал, что ему неизбежно придется заплатить вознаграждение [японцам, и он] намеревался вести переговоры в условиях секретности. Но в зарубежных газетах появились сообщения о происходившем, что вызвало возмущение общественного мнения. Даже его ближайшие приспешники вроде Дуань [Цижуя] и Фэн [Гочжана] выступили против. В этих условиях ему не оставалось ничего иного, как сделать вид, что он сопротивляется и тянет время. Когда же японская сторона ужесточила свои требования, [Юань Шикай] принял их, заявив, что у Китая нет сил [сопротивляться].

Если рассмотреть требования японской стороны, то главные из них, затрагивающие интересы [Китая], касаются Шаньдуна, Маньчжурии, Восточной Монголии, провинции Фуцзянь и добычи каменного угля и железа Ханьепинским комбинатом. Еще до получения ультиматума Юань Шикай уже склонялся к тому, чтобы согласиться с этим требованиями. <...>

Что же касается пятой группы требований, [подписать которые Юань Шикай отказался,] то [в случае их принятия] Китай действительно превратился бы во вторую Корею, и это был бы «договор, подписанный под стенами капитулировавшей крепости». <...> Поскольку Япония видела, что ее жители не хотят начинать войну, а иностранные державы занимают в этом вопросе примирительную позицию, она для вида пошла на уступку, согласившись отложить обсуждение этого вопроса. <...> На основании вышесказанного можно утверждать, что не кто иной, как Юань Шикай, предавший интересы своей страны и согласившийся принять предъявленные ему требования ради получения согласия [на реставрацию монархии], является главным виновником [сложившейся ситуации][1].

Воля народа или ее имитация?

У нас нет оснований принимать на веру это утверждение Сунь Ятсена, но в 1915 г. в Китае то тут, то там действительно начали раздаваться голоса, ставившие под вопрос правомерность и целесообразность республиканского строя.

Одним из наиболее активных проповедников подобного рода взглядов был престарелый ученый Лао Найсюань. В свое время он получил

[1] Ответ Сунь Ятсена на письмо пекинских студентов, май 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 357–358.

Лао Найсюань (1843–1921)

широкую известность благодаря тому, что предложил вдовствующей императрице Цыси отказаться от иероглифики и перейти на фонетическое письмо. Теперь он вплотную занялся политикой.

Лао Найсюань написал брошюру под названием «Что такое республика», а некоторое время спустя закончил продолжение этого сочинения и в 1914 г. издал обе части под одной обложкой.

Основная мысль автора: республиканский строй в его европейской интерпретации не подходит для Китая с его специфическими традициями. Поэтому он предлагал сохранить название «Республика», но на деле перейти к конституционно-монархической форме правления.

Эту идею Лао Найсюань изложил бывшему губернатору Трех Восточных провинций Чжао Эрчжуаню и нашел в нем своего убежденного единомышленника, однажды заявившего: «Скоро солнце и луна снова будут блистать на небосклоне».

Чжао Эрчжуань был в это время приглашен на должность председателя комиссии по составлению истории эпохи Цин. Он согласился при условии, что правительство официально реабилитирует его брата Чжао Эрфэна, убитого восставшими во время Синьхайской революции, на что президент Юань Шикай ответил согласием. На вопрос о том, почему он пошел служить республиканскому правительству, Чжао Эрчжуань отвечал: «Я — цинский чиновник и, составляя историю эпохи Цин, я, как и прежде, служу ей». Но эти слова вызвали отповедь со стороны его еще более консервативного коллеги: «История эпохи Цин еще не завершилась, и составлять ее пока рано».

Чжао Эрчжуань (1844–1927)

Среди отставных цинских чиновников, постоянно общавшихся между собою и обсуждавших проблемы реставрации монархического строя, был Лян Динфэнь, бывший наставник императора Сюаньтуна. Для его отношения

Лян Динфэнь (1859–1919)

к окружающей действительности характерен эпизод, произошедший в марте 1913 г. на похоронах вдовствующей императрицы Лунъюй.

Когда катафалк подъехал к месту погребения, Лао Найсюань и Лян Динфэнь, громко плача, простерлись на земле. В это время дальний родственник императорской семьи Сунь Баоци (ему суждено было впоследствии стать премьер-министром Китайской Республики), одетый в европейское платье, совершал поклоны у гроба. Увидев его, Лян Динфэнь едва не набросился на него с кулаками:

– Вы, извините, из какой страны приехали?

– Перестань шутить, брат! — удивился Сунь Баоци, на что разъяренный Лян Динфэнь отвечал:

– А я вовсе не шучу! Если ты революционер, то тебе здесь не место, а если ты еще помнишь, что служил империи, то почему ты не в трауре?!

– Здóрово ты его! — заметил еще не успевший подняться с земли Лао Найсюань.

Одним из сотрудников комиссии по составлению истории Цин был в это время известный ученый Сун Юйжэнь, также включившийся в полулегальную деятельность своих сослуживцев. Он настаивал на том, чтобы направить президенту петицию на предмет реставрации монархического строя в Китае.

Кончилось тем, что прокурор Ся Шоукан потребовал от правительства привлечь вышеупомянутых деятелей к уголовной ответственности.

Во время обсуждения этого вопроса Юань Шикай заметил:

> Сюаньтун — маньчжур, да к тому же он сам отрекся от престола. Если уж им непременно нужен император, пусть им будет китаец. Династия эпохи Цин воцарилась, свергнув Мин. Так что хорошо бы найти кого-то по фамилии Чжу, а лучше всего —

Сун Юйжэнь (1857–1931)

потомка Хунъу[1]. Если же найти такового не удастся, то министр Чжу[2] сгодится на это![3]

Рассказав Чжан Гоганю эту маленькую историю, свидетель произошедшего Сюй Шичан (будущий президент Китайской Республики) высказал предположение, что это было первым по времени свидетельством желания Юань Шикая самому занять императорский престол[4].

Возможно, это действительно так и было. Но не исключено, что Юань Шикай в тот раз просто пошутил. Трудно поверить, что он мог всерьез говорить о своем министре транспорта как о будущем императоре Китая. Во всяком случае, он утвердил решение правительства о наказании лиц, пропагандировавших идею восстановления династии эпохи Цин. Их снимали с занимаемых должностей и ссылали на родину, запрещая при этом впредь принимать какое бы то ни было участие в любой политической деятельности.

Через год ситуация изменилась. Она приобрела новые формы и иной размах.

14 июля 1915 г. российский посланник в Пекине В. Н. Крупенский в своей очередной депеше докладывал министру иностранных дел С. Д. Сазонову о том, что в китайской столице «снова стали циркулировать слухи о введении монархического строя»[5].

18 августа 1915 г. посланник сообщил об этом гораздо более подробно:

> С молчаливого согласия Юань Шикая некоторые члены совета по правительственным делам, как то: помилованный член партии Гомин[ь] дан Сун Юйюн [Сунь Юйцзюнь], Ян Ду, известный болтун и крикун по политическим вопросам, Янь Фу, закоренелый курильщик опиума, лингвист и автор сочинений о европейской цивилизации (эти три лица, между прочим, состоят членами начавшей уже свои работы комиссии по выработке постоянных конституционных законов) и три вновь помилованные революционера Лю Шипэй, Ли Сехе и Ху Ин организовали в Пекине Общество принятия мер к обеспечению спокойствия в государстве (Чоуаньхуй) и готовятся путем публичных лекций внушить народу,

[1] Хунъу — основатель правившей династии эпохи Мин Чжу Юаньчжан.

[2] Чжу Цицянь был в это время министром транспорта.

[3] 张国淦。北洋述闻 (*Чжан Гоганъ*. Услышанное в коридорах Бэйянского правительства). Шанхай. 1998. С. 75.

[4] Там же.

[5] Крупенский — Сазонову, 14 июля 1915 г. // Международные отношения эпохи империализма (далее — МОЭИ). Т. 8. Ч. 2. С. 261.

Ян Ду

Лю Шипэй

Сунь Юйцзюнь

Янь Фу

Ху Ин

Ли Сехэ

что республиканский строй для Китая не годится и что спасение страны в возвращении к монархии[1].

В Китае перечисленных Крупенским деятелей в то время называли «Шестью благородными мужами». Все они были известными личностями и их имена были на слуху и у прессы, и у рядового обывателя.

Но это были люди разной судьбы, и в Обществе они оказались по разным причинам.

Инициатором создания Общества был Ян Ду.

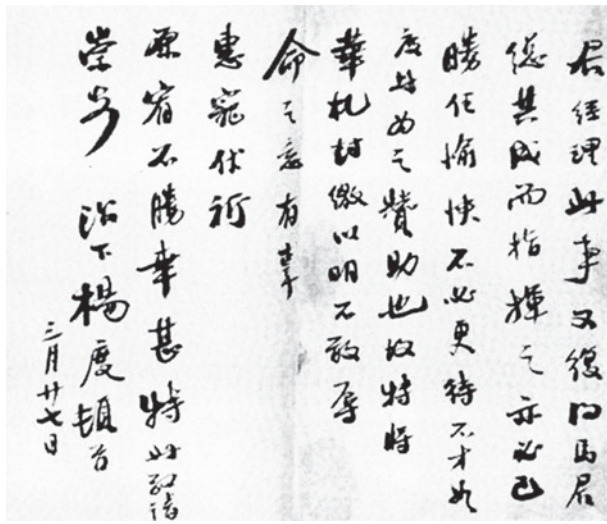
Идея конституционной монархии оставалась его idée fixe практически на всем протяжении сознательной жизни (он отказался от нее, кажется, только в 1929 г., вступив в компартию).

Когда в начале прошлого века Ян Ду учился в Японии, произошла его встреча с Сунь Ятсеном. Речь, естественно, зашла о том, как спасти

[1] Крупенский — Сазонову, 18 августа 1915 г. // Там же.

Китай. Собеседники спорили несколько дней кряду, но найти общего языка не смогли. Прощаясь, Ян Ду сказал:

> Я выступаю за конституционную монархию. Надеюсь, что в случае, если я осуществлю задуманное, Вы поможете мне.
>
> Вы агитируете за расовую революцию. Если Вы добьетесь успеха, я изменю свои убеждения и всеми силами буду помогать Вам[1].



Автограф Ян Ду

Но Ян Ду не сдержал своего слова. После того как в 1911 г. «расовая революция» победила, Ян Ду своих убеждений не изменил и вместе с Ван Говэем организовал группу, разрабатывавшую проект учреждения в Китае конституционно-монархического строя, но эта его попытка осуществить цель своей жизни закончилась неудачей.

Предыстория вступления Лю Шипэя, Сунь Юйцзюня, Ли Сехэ и Ху Ина в Общество была иной. Все они некогда состояли в Объединенном союзе и все при разных обстоятельствах разочаровались в революции, став в конце концов сторонниками Ян Ду.

Что же касается Янь Фу, самого пожилого и заслуженного члена шестерки, известного просветителя, познакомившего китайскую чита-

[1] 是革命还是改革？杨度与孙中山辩论了三天三夜 (Революция или реформы? Ян Ду три дня и три ночи спорил с Сунь Ятсеном) // https://tech.ifeng.com/c/7rMD48NfzUW.

Здание, в котором заседало Общество

ющую публику с трудами европейских эволюционистов, то он до последнего момента сопротивлялся уговорам инициатора, которому нужно было не столько реальное участие этого ветерана в работе Общества, сколько его авторитетное имя[1].

Так или иначе, 14 августа 1915 г. было официально объявлено об учреждении Общества, а 23 августа газеты поместили на своих страницах составленный Ян Ду манифест.

Объявленные цели Общества состояли в теоретическом изучении вопроса о том, какая форма правления — монархическая или республиканская — более соответствует условиям Китая. Однако дело не ограничивалось академическими изысканиями. Шестерка обращалась к провинциальной администрации и общественным организациям с призывом высказывать свое мнение по главной проблеме дня, а получив отклики с мест, публиковала результаты опроса.

Сведения о том, как реагировало правительство на деятельность Общества, на первых порах были противоречивы.

Посол Крупенский доносил в Петроград, что сам Юань Шикай высказывается одобрительно о планах восстановления монархии, но «заявляет,

[1] *Цзе Сичжан*. О том, как имя Янь Фу оказалось в списке организаторов общества Чоуаньхуй // http://dajia.qq.com/xqz20180409.html/

что лично он императорского титула не примет, а будет способствовать возведению на престол малолетнего Пуи, бывшего маньчжурского императора»[1].

Между тем 30 августа Министерство иностранных дел разослало в китайские посольства за рубежом инструкцию, которую следовало довести до сведения правительств стран пребывания.

В инструкции говорилось:

> Синьхайская революция свергла маньчжурскую династию под знаменем Республики, которая стала основой государственного строя в силу расовых соображений. Но вскоре после этого граждане стали тяготиться ею, поскольку она не соответствовала традициям страны. За последние два года всё больше влиятельных людей из различных провинций высказывается в пользу монархического строя. Президент Юань решительно выражает свое отрицательное отношение к этому и принимает меры к прекращению этих толков. Однако общественному мнению трудно противостоять. <...> У президента Юаня широкий взгляд на вещи, и можно предвидеть, что он не допустит, чтобы сомнительные действия нанесли ущерб его репутации. Если в настоящее время правительство будет действовать методами, характерными для эпохи маньчжурского владычества, и категорически запрещать обсуждать вопрос о государственном строе, то влиятельные деятели страны будут вынуждены объединиться с политиками, а это грозит Китаю бóльшими опасностями, чем во время революции 4 года тому назад[2].

Вслед за этим 6 сентября Юань Шикай сделал официальное заявление парламенту:

> Будучи президентом, я призван способствовать укреплению республики. Но за последнее время жители ряда провинций обращаются в парламент с петициями по поводу изменения государственного строя, что несовместимо с моим статусом президента. Но я был избран народом и, естественно, должен сейчас прислушаться к гласу народа[3].

Лян Шии (1869–1933)

19 сентября министр Лян Шии объявил об учреждении Объединенного общества петиций.

[1] Крупенский — Сазонову, 18 августа 1915 г. // МОЭИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 261.

[2] Цит. по: 唐启华。洪宪帝制外交 (*Тан Цихуа*. Дипломатия имперского строя [периода] Хунсянь). Пекин. 2017. С. 55.

[3] Там же. С. 55–56.

Движение за реставрацию монархического строя вступило в новую фазу. Теперь оно уже перестало быть чисто внутренним делом Китая, потому что на него не могли не реагировать великие державы, заботившиеся об охране своих интересов в этой стране.

Большинство из них реагировало на происходившие в Китае события по-разному.

Тан Цихуа

Гу Вэйцзюнь отправляется в Соединенные Штаты

По мнению такого серьезного исследователя, каким является тайваньский историк Тан Цихуа, с подготовкой к реставрации в Китае монархии было связано назначение Гу Вэйцзюня в июле 1915 г. послом в Мексику, а затем — в Соединенные Штаты Америки[1].

В своих воспоминаниях Гу Вэйцзюнь отрицал это:

> Лично я не верил, что это движение может завершиться успехом. <...> В свою бытность в Пекине я всячески избегал каких бы то ни было контактов с теми, кто выступал за реставрацию. Руководители движения знали мое мнение и мои политические позиции. Никто из них не обращался ко мне с предложением поддержать их[2].

Гу Вэйцзюнь (1888–1985)

Однако, как было показано Тан Цихуа, конкретная деятельность Гу Вэйцзюня в Штатах свидетельствует, что он готовил тамошнее общественное мнение к мысли о том, что в Китае могут произойти важные поли-

[1] *Тан Цихуа*. Дипломатия имперского строя [периода] Хунсянь. Пекин. 2017. С. 44–54.

[2] 顾维钧回忆录 (*Гу Вэйцзюнь*. Воспоминания). Т. 1. Пекин. 1983. С. 96.

тические изменения. К аналогичному выводу пришел и американский исследователь С. Крафт:

> Главная цель миссии Гу Вэйцзюня в Америке заключалась в том, чтобы попытаться убедить американцев: у Китая нет иного выбора, кроме возвращения к монархической форме правления[1].

Настоятельная рекомендация

Правительства великих держав внимательно следили за событиями, происходившими в Китае.

Посланник Крупенский информирует Петроград

Российский посланник в Пекине В. Н. Крупенский в своих докладах министру иностранных дел С. Д. Сазонову детально характеризовал ситуацию, сложившуюся вокруг движения за реставрацию. Поэтому ниже мы приводим обширные выдержки из его донесений.

8 сентября он написал Сазонову:

> Монархическое движение в Китае <...> пошло было за истекшие две недели еще более ускоренным темпом. По почину общества Чоуаньхуй из разных мест Китая стали поступать в Пекин телеграммы с изложением пожеланий о восстановлении монархического строя.
>
> В том же смысле поступили заявления и от имени большинства провинций как собственного, так и застенного Китая, причем следует отметить, что в большинстве случаев в качестве представителей этих провинций, особенно наиболее отдаленных, самозвано выступили не имевшие на то ни малейшего права проживающие в Пекине либо уроженцы этих местностей, либо лица, занимавшие в них прежде административные должности.
>
> Наконец, президенту недавно была представлена вновь назначенным *цзяньцзюнем* трех маньчжурских провинций Дуань Чжигуем петиция, подписанная всеми *цзяньцзюнями* и военными губернаторами, с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса об окончательной форме правления путем восстановления монархии. Подобная же петиция подана совещательной палате от имени всех торговых палат Китая.

[1] *Craft S. G.* Wellington Koo and the Emergence of Modern China. Lexington. 2004. P. 39–40.

Столь быстрый и неосмотрительный образ действий поощряемых свыше заправил монархического движения возбудил, однако, живейшие опасения некоторых из наиболее опытных и осторожных китайских государственных деятелей, которые, несмотря на свою бесспорную преданность Юань Шикаю, сочли долгом высказаться перед ним в том смысле, что они не считают настоящий момент благоприятным для осуществления признаваемой ими, впрочем, в принципе желательной перемены формы правления в Китае.

Таковой взгляд лица эти, между коими следует отметить вице-президента Ли Юаньхуна, министра иностранных дел Лу Чжэнсяна, государственного контролера Сун[ь] Баоци и советников при президенте адмирала Цай Тингана и генерала Мунте, основывают как на несочувствии, проявляемом китайской интеллигенцией и большинством прессы к столь внезапному возвращению к старому строю, так и, главным образом, на опасении, что Япония воспользуется предполагаемой переменой для возбуждения беспорядков и активного вмешательства под предлогом оных во внутренние дела Китая, что привело бы к новым с ее стороны захватам.

Далее Крупенский сообщал, как прореагировали на происходившее в Японии и Англии:

Нельзя не признать, что последние опасения представляются вполне основательными. Японское общественное мнение и пресса относятся враждебно к перспективе предполагаемой в Китае перемены государственного строя, а японский посланник перед своим отъездом определенно сказал мне и нашему британскому сотоварищу, что, хотя в Японии и считают монархический образ правления наиболее подходящим для Китая, Юань Шикай там никакими симпатиями не пользуется и его вступление на китайский престол встречено было бы весьма несочувственно.

Как сэр Дж. Джордан, так и я вынесли из нашей беседы с г-ном Хиоки впечатление, что Япония не отнесется безразлично к провозглашению Юань Шикая императором и желает оставить за собой в этом отношении полную свободу действий.

Все вышеизложенное побудило великобританского посланника в высшей степени категорически высказаться перед несколькими китайскими государственными деятелями против желательности изменения формы правления в Китае в настоящую минуту, когда порядок внутри страны едва только установился и ей могут угрожать внешние осложнения. Это свое мнение сэр Дж. Джордан довел до сведения президента.

Мне, со своей стороны, кажется, что никак не в наших интересах, чтобы между Китаем и Японией произошли осложнения именно теперь, когда мы, подобно другим европейским державам, будучи всецело погло-

щены войной, лишены возможности оказать подобающее России влияние на то или иное направление дальневосточных дел.

Между тем весьма вероятно, что Япония воспользовалась бы переменой государственного строя в Китае, чтобы предъявить к последнему новые требования, которые могли бы оказаться совершенно не отвечающими нашим интересам и в осуществлении коих ей, однако, при настоящем положении вещей ни мы, ни кто другой не могли бы помешать. Возможно даже, что побужденные ею самой внутренние неурядицы в Китае помогли бы ей достигнуть заветной цели подчинения своему влиянию всего Китая путем возведения на китайский престол японского ставленника.

Ввиду этих соображений я счел долгом, будучи запрошен приближенными к президенту лицами о моем мнении по вопросу о возвращении Китая к монархическому строю, высказаться более или менее в одинаковом с великобританским посланником смысле.

Оговорившись, что я нисколько не желаю вмешиваться во внутренние дела Китая, подлежащие решению исключительно самих китайцев, и что в принципе я, несомненно, признаю преимущества монархического строя перед республиканским, я высказал мнение, что в настоящую минуту общее международное политическое положение не благоприятствует каким-либо переменам, могущим создать для Китая внутренние или внешние осложнения, и что мне казалось бы поэтому предпочтительным, как в интересах Китая вообще, так и самого президента, отложить до окончания войны осуществление мысли о восстановлении монархии. Смею надеяться, что такой мой образ действий встретит одобрение Вашего Высокопревосходительства.

Крупенский продолжал:

Мои слова были тотчас переданы президенту, и два дня тому назад Юань Шикай прислал доверенное лицо, чтобы выразить мне его искреннюю благодарность за откровенно высказанное мной мнение, заверив меня, что он его высоко ценит, и сообщить, что он намерен отложить до окончания европейской войны решение вопроса о перемене государственного строя в Китае. Вместе с тем президент поручил своему посланнику объяснить мне, что он не принимал никакого участия в возникновении монархического движения и готов лишь исполнить все то, что от него потребует народ во имя блага страны. В тот самый день, когда мне было сделано от имени президента вышеизложенное сообщение, Юань Шикай обратился к совещательной палате с прилагаемым при сем в переводе посланием, в коем он высказывается против изменения в настоящую минуту формы правления. В том же смысле им был послан по телеграфу ответ на петицию *цзянцзюней* и военных губернаторов.

Таким образом, можно полагать, что в соответствии с полученными им с разных сторон советами осторожности президент примет меры к приостановлению движения в пользу немедленного возвращения к монархическому строю и побудит общество Чоуаньхой ограничиться пока подготовкой общественного мнения к этой неизбежной в будущем перемене.

До сих пор, однако, никакого определенного поворота в деятельности монархистов еще не заметно, хотя уже говорят, что в их среде произошел раскол. Некоторыми из них ныне распространяется мысль о возможности характерно китайского компромисса, который выразился бы либо в провозглашении Юань Шикая «императором Китайской республики», либо в объявлении его «наследственным президентом»[1].

Вскоре после этого Крупенский имел беседу с министром Лян Шии.

По словам последнего, «ныне <...> представляется несвоевременным, с точки зрения мирового политического положения, и даже опасным, с точки зрения общественного спокойствия, слишком торопиться с проведением в жизнь этой реформы. Ввиду этого решено несколько затормозить монархическое движение и по возможности дольше затянуть решение вопроса о форме правления, которым, однако, неизбежно должно заняться национальное собрание, имеющее быть созванным в конце этого года для выработки окончательной конституции»[2].

Юань Шикай уже примерил императорский мундир

1 октября Крупенский испросил указаний Сазонова «на случай запроса китайцев о признании нового режима императорским правительством» и добавил: «Насколько можно судить, здесь затруднений в вопросе о признании нельзя ожидать ни от какой державы»[3].

---

[1] Крупенский — Сазонову, 8 сентября 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. С. 261–265.

[2] Крупенский — Сазонову, 22 сентября 1915 г. // Там же. С. 265.

[3] Крупенский — Сазонову, 1 октября 1915 г. // Там же.

Ответ Сазонова гласил:

Мы предвидим разнообразные затруднения для Юань Шикая при его провозглашении китайским императором.

Прежде всего, это событие, вероятно, подаст повод к внутренней смуте на юге Китая, а может быть, и на его окраинах. Однако мы считаем вопрос о государственном строе внутренним делом китайцев. Если Юань Шикай чувствует себя достаточно сильным, чтобы справиться с этими затруднениями, степень серьезности которых мы предоставляем ему оценить, и если он на деле докажет эту свою силу, то с нашей стороны не встретится препятствий к его признанию императором.

За всем тем мы не можем не сомневаться в своевременности замышляемого Юань Шикаем государственного переворота[1].

«Дружеский совет» держав

Крупенский докладывал Сазонову:

Наш посол в Токио уведомил меня о предложении, сделанном Японией императорскому правительству, присоединиться к ней в преподании Юань Шикаю дружеского совета повременить с провозглашением монархии. Я тотчас же счел долгом <...> доложить вашему высокопревосходительству мои соображения по поводу этого шага токийского правительства и высказаться за желательность присоединения как нашего, так и других держав к предположенному выступлению, дабы не предоставлять Японии возможности действовать в этом вопросе совершенно самостоятельно.

Мои великобританский и французский сотоварищи, с коими я немедленно обменялся мнениями по сему вопросу, вполне согласились с моим взглядом, и г-н Конти поспешил послать телеграмму в этом смысле в Париж. Из слов же сэра Джона Джордана я мог заключить, что он еще прежде высказал ту же точку зрения своему правительству, коему японское предложение было, по-видимому, сделано ранее, чем нам. <...>

Все эти дни монархическое движение в Китае шло именно тем путем, который легко было предвидеть еще несколько времени тому назад, и, если его темп вообще несколько ускорился, то о какой-либо «перемене» в положении говорить никак не приходится. Японская поспешность в приведении в исполнение задуманного шага является тем менее объяснимой, что не далее как 23 сего октября в разговоре с нашим послом японский министр иностранных дел, упомянув о более успокоительных, чем прежде, донесениях японских консулов в Китае, сказал, что серьезной

[1] Сазонов — Крупенскому, 21 октября 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 34.

Благодаря донесениям посланника Крупенского министр Сазонов был в курсе событий, происходивших в это время в Китае

смуты, по-видимому, ожидать нельзя[1]. При таких обстоятельствах вполне естественным и наиболее правдоподобным является предположение, что Япония поспешила со своим представлением в Пекине в расчете, что мы не успеем к ней присоединиться и что она таким образом сохранит за собой большую свободу действий в будущем. Нельзя не отметить сверх того, что если бы японское правительство действительно желало, чтобы Юань Шикай отложил до более спокойного времени восстановление монархии, то совет в этом смысле оно должно было бы дать ему значительно раньше, как это и было сделано сэром Джоном Джорданом и мною[2]. Между тем в то время здешние японские представители под рукой поощряли китайцев спешить с переменой формы правления, с официальным же «дружеским советом» в обратном смысле токийский кабинет выступил, лишь когда ему, несомненно, прекрасно должно было быть известно, что дело зашло слишком далеко вперед, чтобы Юань Шикай мог, без опасности потери своего престижа и возникновения серьезного недовольства, особенно в военных сферах, прекратить распространившуюся по всей стране монархическую агитацию. Все указывает, что японское правительство рассчитывало именно на означенное затруднительное положение Юаня и надеялось принудить его таким образом купить благоволение Японии ценою всех тех уступок, которые ей заблагорассудилось бы самой для этого назначить[1].

В половине шестого пополудни 28 октября английский посланник Джордан, японский поверенный в делах Обата и российский посланник Крупенский прибыли в Министерство иностранных дел Китая. Их встретили министр Лу Чжэнсян и заместитель министра Цао Жулинь. Крупенский рассказывал:

> Я как раз успел присоединиться к великобританскому посланнику и японскому поверенному в делах, ехавшему в *вайцзяобу* для преподания совета отложить провозглашение монархии. Японский поверенный в делах

[1] Крупенский — Сазонову, 2 ноября 1915 г. // Там же. С. 142–145.

первым прочел довольно длинное заявление, упоминавшее о существовании противников монархии, о возможности беспорядков с опасными от них последствиями и указывавшее на желательность сохранения нынешнего status quo и заключавшее совет временно отложить перемену формы правления. Великобританский посланник и я затем заявили, что нам предписано присоединиться к упомянутому совету, причем Джордан специально спросил, уверено ли китайское правительство, что оно может поддержать в стране порядок в случае перемены режима. Министр иностранных дел ответил, что принимает к сведению дружеский совет, преподанный нами, но что вопрос этот — исключительно внутреннее дело Китая, монархическое движение является результатом народной воли, и правительство не в силах прекратить, задержать или ускорить его. Телеграммы, полученные от военных и гражданских властей всех провинций, дают правительству возможность гарантировать, что никаких беспорядков не произойдет. Министр прибавил, что административная попытка правительства подавить движение могла бы, как раз наоборот, привести к нарушению того спокойствия на Дальнем Востоке, сохранением коего так озабочено, по словам японского поверенного в делах, японское правительство. В заключение Лу Чжэнсян обещал доложить президенту о сделанном нами шаге. Сегодня утром товарищ министра иностранных дел ознакомил меня с текстом сообщения по вопросу о восстановлении монархии, которое должно быть сделано китайскими посланниками в Петрограде, Лондоне, Париже, Токио и Вашингтоне правительствам, при коих они аккредитованы. Это сообщение, несомненно, вызвано ожидавшимся китайцами шагом со стороны Японии[1].

1 ноября заместитель министра Цао Жулинь в устной форме сообщил дипломатическим представителям трех держав, что вопрос о реформе государственного строя является внутренним делом Китая и решается на основе общественного мнения страны. Что же касается поддержания порядка, то в этом отношении правительство не ожидает каких-либо эксцессов[2].

Крупенский сообщил в Петроград:

Товарищ министра иностранных дел посетил сегодня японского поверенного в делах, великобританского посланника и меня, чтобы передать нам ответ китайского правительства на сделанный нами шаг по вопросу о восстановлении монархии. Ответ этот составлен в смысле

[1] Крупенский — Сазонову, 28 октября 1915 г. // Там же. С. 89–90.

[2] МИД — посланникам Китая в Японии, Великобритании и России, 1 ноября 1915 г. // 中华民国外交档案 (Архив МИД КР). 03-13-032-02-001.

заявления, сделанного вашему высокопревосходительству китайским посланником, и предварительного ответа, данного нам министром иностранных дел <...>. В нем подчеркивается, что правительство не сочувствовало монархическому движению, но должно было подчиниться воле народа, что провинциальные власти гарантируют спокойствие лишь при условии исполнения общего желания о перемене формы правления и что подавление движения правительством грозило бы вызвать беспорядки.

Полный текст прочитанного заявления сообщается вашему высокопревосходительству китайским посланником.

Я ответил товарищу министра, что передам вашему высокопревосходительству его слова. Такие же ответы были даны ему, как он мне сообщил, японским и великобританским представителями.

В последовавшем затем частном обмене мнений я заверил товарища министра, что императорское правительство далеко от мысли создать Китаю какие-либо затруднения, но указал на опасность возбуждения японскими агентами беспорядков, коими японское правительство могло бы воспользоваться прежде, чем китайцы успели бы их подавить, для того чтобы высадить войска и предъявить какие-либо требования. Ввиду этого я снова посоветовал по возможности помедлить с провозглашением монархии. Товарищ министра ответил, что решительных мер по отношению к Китаю японское правительство, вероятно, не предпримет без санкции *генро*, которые, по его мнению, относятся к таковым мерам отрицательно.

Замедлить переворот, к которому уже подготовлена вся страна, можно было бы, по его словам, лишь на короткое время, но никак не до окончания войны, и все меры в этом направлении все равно не достигли бы цели[1].

4 ноября японский посол в Лондоне Иноуэ направил телеграмму послу в Петрограде Мотоно телеграмму:

Я уполномочен министром иностранных дел передать вам для вашего конфиденциального осведомления следующую его телеграмму, посланную им нашему поверенному в делах в Пекине <...>:

«3 ноября меня посетил китайский посланник Лу [Цзунъюй] и прочел мне согласно инструкции своего правительства exposé на китайском языке, в общем одинаковый с содержанием ваших телеграмм <...>.

Я выразил чрезвычайное сожаление, что китайское правительство решило не следовать доброжелательному совету Японии.

Посланник ответил, что эта инструкция содержит только изложение нынешнего политического положения в Китае, согласно донесениям

[1] Крупенский — Сазонову, 1 ноября 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 126–127.

провинциальных властей, и в ней не сказано ничего относительно того, отклоняется ли совет Японии или нет.

В ответ на это я заявил, что если так, то мы настойчиво требуем, чтобы нам сообщили, желает ли китайское правительство искренне принять наше представление или нет. Посланник ответил, что нынешний ответ касается главным образом порядка в Китае и не затрагивает вопроса о восстановлении монархии и что он не имеет инструкции давать другие объяснения. На мое заявление, что желательно получить по этому вопросу от китайского правительства ясный ответ, посланник обещал немедленно телеграфировать своему правительству.

Ответ китайского правительства, как я его понимаю на основании беседы с посланником Лу [Цзунъюем], является весьма неопределенным, и я подозреваю, не имеет ли он какое-либо особое значение. Согласно заявлению китайского премьер-министра <...> Юань Шикай намерен осуществить восстановление монархии. Так как смысл инструкции посланнику Лу [Цзунъюю] во всяком случае непонятен, я вас прошу немедленно обратиться к китайским властям и потребовать ясного ответа, намерено китайское правительство последовать нашему совету или нет?»[1]

5 ноября Сазонов получил вербальную ноту китайского посланника в Петрограде, в которой, в частности, говорилось:

Мое правительство в ответ на дружеские советы, которые благоволили ему дать представители России, Англии и Японии по вопросу о государственном строе, поручило мне сообщить Вам на словах нижеследующее.

Уже с давних пор [китайское] общественное мнение склоняется к монархическому строю, но китайское правительство в целях сохранения нынешнего режима не преминуло отклонить это течение.

В самое последнее время эти настроения стали изо дня в день усиливаться, и им сочувствует большинство влиятельных лиц. Течение это становится все сильнее, и сторонники его многочисленнее. <...>

12 октября президент приказал по телеграфу инспекторам, следящим за голосованием, точно выполнять данные им приказания согласно действующим законам, запрещая спешить и поступать опрометчиво. Это является доказательством, что китайское правительство не дало своего согласия в этом вопросе, тем более что оно не имеет никакого намерения немедленно изменять государственный строй.

Тем не менее, так как законодательная власть зависит от народа, мы обязаны предоставить народу решить открыто этот вопрос. <...>

[1] Иноуэ — Мотоно, 4 ноября 1915 г. // Там же. С. 159–160.

Причины, по которым народ стремится к монархическому режиму, коренятся в следующем: в большом протяжении территории, в разнообразии нравов населения, в брожении умов, в недостаточности народного просвещения, а также в том, что частая смена главы государства при республиканском режиме могла бы быть причиной беспорядков, и в таком случае не только жизнь и имущество китайских граждан были бы в опасности, но и торговля иностранцев в Китае не могла бы быть обеспечена. Наконец, это стремление объясняется еще тем, что в течение 4 лет со времени провозглашения Республики капиталисты не желали вкладывать свои средства в предприятия и вопросы как экономические, так и административные не могут разрешаться по плану, принятому на продолжительное время. <...>

Что касается меньшинства революционеров, укрывшихся за границей или в некоторых пунктах, в которых не действуют китайские законы, то каков бы ни был режим Китая, они стараются привести в исполнение свой заговор, но не могут одержать никакого реального успеха. За последние годы, несмотря на имевшие недавно место незначительные волнения, порядок был быстро восстановлен, и никакого влияния на общее положение они не имели. В настоящий момент провинции принимают более энергичные меры предупредительного характера, и мы надеемся, что правительства держав будут продолжать оказывать нам в этом отношении поддержку в пунктах, где китайские законы не действуют, дабы революционеры не могли найти базу для организации беспорядков[1].

Однако когда же в Китае будет провозглашена монархия?

Ожидая немедленного и прямого ответа на этот вопрос, державы начали проявлять нетерпение.

5 ноября Крупенский докладывал из Пекина:

Японский поверенный в делах от имени своего правительства спросил вчера у китайского министра иностранных дел разъяснений по поводу данного китайцами ответа на наш общий шаг, желая знать, означает этот ответ, что китайское правительство готово отложить провозглашение монархии или нет, прибавив, что вопрос о монархии находится в тесной связи с сохранением спокойствия на Дальнем Востоке и что всякое недоразумение может привести к осложнениям между обеими странами. Министр иностранных дел сказал на это, что китайское правительство

[1] Вербальная нота китайской миссии в Петрограде министру иностранных дел, 5 ноября 1915 г. // Там же. С. 172–173.

со своей стороны сделает все, что от него зависит, в этом отношении. На вопрос японского поверенного в делах, относятся ли эти слова только к сохранению спокойствия на Дальнем Востоке, министр ответил, что он имел в виду как это, так и вообще весь вопрос о восстановлении монархии, что китайское правительство не имело и не имеет намерения спешить с последним, что это дело не может быть окончено в какие-нибудь две или три недели, но что правительству было бы затруднительно изменить назначенные уже сроки для подачи голосов в провинциях. По получении результатов голосования таковые еще будут, прежде своего поступления в палату, подвергнуты проверке во вновь назначенной президентом с этой целью специальной комиссии, так что дело будет вестись с особой осмотрительностью и тщательностью. В заключение министр повторил, что китайское правительство сделает в этом отношении все возможное. Помянутое выступление г-на Обата было предпринято им без предварительного уведомления о том английского и французского посланников и меня, и я узнал об оном не от него, а от присланного сообщить мне об этом советника *вайцзяобу*. Все это подтверждает уже высказанное мной мнение, что Япония желает действовать в этом вопросе независимо от остальных[1].

Определенного ответа не последовало

Между тем время шло, а ситуация в Китае продолжала оставаться в подвешенном состоянии.

7 ноября министр Сазонов направил Крупенскому телеграмму:

> Не могли ли бы Вы лично сообщить Юань Шикаю о возможных опасных последствиях его провозглашения императором <...>. Несочувствие держав Запада и явно отрицательное отношение Японии создают почву, на которой провозглашение Юань Шикая императором может повести к событиям, грозящим китайскому правительству осложнениями, серьезность которых трудно наперед учесть.
>
> Если Вам нужен какой-либо предлог для свидания с Юань Шикаем и Вы не найдете лучшего, Вы могли бы сослаться на данное Вам поручение передать президенту мою благодарность за только что полученный мной через здешнего китайского посланника орден «Тучного колоса»[2].

[1] Крупенский — Сазонову, 5 ноября 1915 г. // Там же. С. 175.

[2] Сазонов — Крупенскому, 7 ноября 1915 г. // Там же. С. 184.

Орден «Тучного колоса»[1]

11 ноября Крупенский ответил Сазонову:

Я не переставал самым настоятельным образом давать советы как главнейшим китайским сановникам, так и самому Юань Шикаю в указанном в телеграмме № 5510 смысле. По получении последней я еще усилил свои настояния перед всеми помянутыми лицами, указав им на необходимость более определенного ответа, дабы предотвратить дальнейшие еще более опасные для Китая выступления со стороны Японии. При этом я посоветовал заявить представителям четырех подавших Китаю дружеский совет держав, что начатое уже голосование не может быть остановлено, так как народу необходимо предоставить высказать свою волю до конца, но что китайское правительство, разделяя мнение держав, считает настоящий момент неблагоприятным для приведения в исполнение принципиально принятого решения о перемене формы правления, откладывает таковое до более подходящего для этого времени. Вместе с тем я просил о свидании с Юань Шикаем, который ответил, что примет меня завтра. <...>

Вчера министр иностранных дел сообщил мне, что просит всех четырех представителей собраться у него сегодня, чтобы дать нам ответ в указанном мной смысле. <...>

Когда мы собрались в Министерстве иностранных дел, Лу Чжэнсян сделал нам устное конфиденциальное сообщение следующего содержания:

«Китайское правительство уже заявило, что не намерено ускорить изменение формы правления. Ныне уже значительное большинство

[1] Орден «Тучного колоса» был учрежден указом Юань Шикая 12 июля 1912 г.

населения решило своим голосованием вопрос в пользу восстановления монархии. На происходивших в последние дни совещаниях выяснилось, что совершение “великой церемонии” может состояться, лишь когда будут закончены все подготовительные мероприятия. При таком положении вещей нельзя обойтись без некоторой задержки, о чем министр конфиденциально сообщает в надежде, что сообщение это будет выслушано четырьмя представителями с удовлетворением. Однако такой образ действий придется не по душе населению Китая. К тому же вне китайской юрисдикции имеются мятежники, которые подстрекают население с целью вызвать беспорядки. В случае возникновения в Китае непредвиденных осложнений у правительства хватит авторитета и средств, чтобы своевременно подавить их»[1].

Реакцию Крупенского, рассчитывавшего на совершенно иной ответ китайского правительства, можно было предвидеть:

Сообщение [Лу Чжэнсяна], снова не содержащее в себе определенного ответа об отложении восстановления монархии, произвело на всех нас неблагоприятное впечатление. Я опасаюсь, что неразумное упорство китайцев, не желающих официально ответить, что перемена формы правления будет отложена, как они это в сущности уже решили, даст японцам желанный предлог к дальнейшим выступлениям. Я не премину снова обратить на это внимание президента при свидании с ним завтра[2].

Назначенная на 12 ноября встреча Крупенского с президентом состоялась.

Юань Шикай «выразил притворное удивление» относительно того, что сообщение министра иностранных дел не вполне соответствовало советам, ранее данным ему российским посланником, и обещал расследовать это дело, указав при этом «на свое крайне затруднительное положение ввиду предъявленных ему наиболее влиятельными лицами требований не медлить с приведением в исполнение народной воли»[3].

23 ноября Сазонову была вручена вербальная нота японского посольства в Петрограде со следующим проектом коллективного ответа держав на заявление китайского правительства от 11 ноября: «Принимая к сведению сообщение, сделанное китайским правительством <...>, четыре державы, сохраняя за собой все свои права, ограничатся для настоящего момента наблюдением за дальнейшим развитием событий»[4].

---

[1] Крупенский — Сазонову, 11 ноября 1915 г. // Там же. С. 221–223.

[2] Там же. С. 223.

[3] Крупенский — Сазонову, 17 ноября 1915 г. // Там же.

[4] МОЭИ. Т. 9. С. 330–331. Примеч. 5.

Министра Сазонова волновал еще другой вопрос. Он инструктировал посла в Париже Извольского и в Лондоне Бенкендорфа:

> Японский посол передал нам предложение своего правительства, чтобы Россия, Франция, Англия и Япония ответили китайскому правительству на его обещание отложить восстановление монархии <...>: на случай, если бы Юань Шикай, воспользовавшись неопределенностью вышеуказанного обещания, провозгласил себя императором, Россия, Франция, Англия и Япония должны условиться не признавать его <...>.
>
> Мы полагаем, что важнейшая политическая цель союзников в Китае состоит в том, чтобы разъединить его с Германией. Для этого разрыв Китая с Германией и изгнание германских подданных является лучшим средством. Союзники, прежде всего сама Япония, извлекут из этого выгоды, перед которыми вопрос о том, будет ли Юань Шикай именоваться президентом или императором, является несущественной подробностью. Здравый расчет требовал бы поэтому, чтобы для достижения этой цели союзники не останавливались ни перед снабжением Юань Шикая деньгами, ни перед признанием его императором. Напротив, японское предложение грозит оттолкнуть от союзников Юань Шикая, бросить его в объятия Германии и привести к последствиям, опасность которых очевидна[1].

Отношение Юань Шикая к Германии волновало многих.

В Китае не могли забыть тот факт, что, став президентом Китайской Республики, Юань Шикай действительно выступал за налаживание добрых отношений с Германией и, более того, лично посещал германское посольство.

Президент Китайской Республики направляется в германское посольство в Пекине (1912 г.)

Сунь Ятсен вообще считал его человеком кайзера Вильгельма. В письме вдове д-ра Кантли он писал:

> Если бы Вы смогли убедить общественное мнение Вашей страны не оказывать поддержку Юань Шикаю, это было бы неоценимой помощью нам. Будьте любезны разъяснить, что поддержка Англией Юань Шикая является косвенной под-

[1] Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу, 23 ноября 1915 г. // Там же. С. 330–331.

держкой Германии. Ибо в своем бесчинстве, жадности и себялюбии Юань Шикай ничем не отличается от кайзера Вильгельма II. Юань Шикай — абсолютно прогерманская фигура.

Если Германия расширит свои действия в нынешней войне, Китай превратится в ее сателлита. Если Англия будет и дальше поддерживать Юань Шикая, она не только ничего не добьется, но может потерять свои позиции в Китае. Поэтому необходимо разъяснить гражданам Вашей страны, что Юань Шикай — это прогерманский деятель[1].

Юань Кэдин (1878–1958)

Вильгельм весьма положительно отнесся к намерению Юань Шикая реставрировать монархию — не только потому, что он сам был кайзером, но и будучи побуждаем стремлением обрести в лице китайского императора своего сторонника.

Когда в 1914 г. Юань Кэдин, сын Юань Шикая, приехал в Берлин лечиться, кайзер счел необходимым не только лично принять больного, но и высказался по поводу того, что, по его мнению, республиканская форма правления не соответствует ни традициям, ни нынешнему положению Китая[2].

Так что опасения Сазонова, судя по всему, не были безосновательными. Ему удалось склонить на свою сторону правительства Англии, Франции и Италии. Английский министр иностранных дел Э. Грэй согласился признать Юань Шикая императором и так же, как и Сазонов, опасался того, что Германия и Австрия могут в этом отношении опередить союзников.

Грэй был согласен с Сазоновым

[1] Сунь Ятсен — г-же Кэнтли, 19 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350–351.

[2] Подробно см.: *Лю Гохуй*. Юань Шикай и Германия // Хэйлунцзян шичжи. 2009. № 3; *Ван Ци, Лю Гохуй*. Об отношениях между Юань Шикаем и Германией в период реставрации империи // Цзинцзи яньцзю даокань. 2012. № 3.

Ху Вэйдэ заручился согласием Франции

К России и Англии присоединилась Франция.

Китайский посланник в Париже Ху Вэйдэ сообщал, что проблем с признанием Юань Шикая императором со стороны Франции не предвидится[1].

Против была только Япония.

По словам Крупенского, она «ныне возбуждает вопрос об отказе в признании восстановления монархии в Китае до окончания войны».

Российский посланник полагал, что «отказ в признании Юань Шикая императором, когда о форме правления будет нам официально сообщено, поставил бы нас совершенно напрасно в крайне неловкое положение по отношению к китайскому правительству, тем более что Германия и Австрия, равно как и все нейтральные державы, несомненно поторопятся признать новый строй»[2].

Император Хунсянь

Пока великие державы препирались по поводу будущего признания или непризнания смены государственного строя в Китае, Юань Шикай окончательно решился реставрировать монархию, приняв титул императора Хунсянь.

Свершилось!

Восстановить соответствующие события мы можем опять-таки на основании подробных донесений посланника Крупенского, который 15 декабря сообщал в Петроград в Министерство иностранных дел:

[1] Ху Вэйдэ — в МИД КР, 29 декабря 1915 г. // Архив МИД Китая. 03-13-032-03-001.

[2] Крупенский — Сазонову, 14 декабря 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 548.

11 декабря <...> состоялось заседание Совещательной палаты, действующей в качестве законодательного органа и являющейся по поручению народонаселения «главным представителем “Великого собрания народных представителей”».

В этом заседании названная палата подвергла рассмотрению результаты имевшего место в провинциях и специальных административных округах голосования по вопросу о форме правления, причем оказалось, что всё население единогласно, в лице своих 1993 представителей, высказалось в пользу конституционно-монархического строя.

Подробный результат голосования был принят весьма сочувственно присутствующими, и палата, по предложению представителя маньчжур[ов] князя Пулуня, признала необходимым отменить закон об избрании президента Китайской Республики. Вместе с тем она, сославшись на полученные от народных представителей телеграммы с единогласным избранием нынешнего президента императором, выработала текст соответствующего адреса и представила его Юань Шикаю.

В ответ на таковой последовал особый декрет президента, имеющий характер обращения ко всему населению Китая.

В этом декрете президент приводит полностью постановление палаты и, сославшись на ту статью временных основных законов, где говорится, что «вся полнота суверенной власти в Республике принадлежит всем ее гражданам в совокупности», он заявляет, что ему как президенту не приходится более высказываться по существу вопроса, раз налицо столь ясно выраженная воля народа об изменении в форме правления.

Что же касается избрания его самого императором, то Юань Шикай в этом декрете заявляет, что не считает себя достойным такой высокой чести ни по своим скромным заслугам, ни по своим нравственным качествам и это тем более, что он дал клятву при вступлении в должность президента всеми силами поддерживать республиканский строй.

Ввиду сего Юань возвращает в палату все адреса об избрании его императором и просит еще раз всё обдумать и избрать другое лицо[1].

Реакцию Юань Шикая вполне можно было предвидеть. Нечто похожее он говорил перед избранием его Временным президентом Китайской Республики.

По получении означенного декрета палата вновь обратилась к президенту в форме всеподданнейшего доклада, титулуя его императором и умоляя не отказываться от престола. В докладе этом палата называет Юань Шикая «священным» и «божественным» и, перечисляя его заслуги во всех отраслях управления, разрешает его от клятвы, которая, по ее

[1] Крупенский — Сазонову, 15 декабря 1915 г. // Там же. С. 550–551.

мнению, была необходима лишь при старом республиканском строе, ныне волею народа отмененном. На это новое обращение президент ответил вторым декретом, объявляющим о его согласии принять избрание императором.

Юань Шикай опробовал трон, изготовленный по его эскизу, и остался доволен

Это согласие он обосновывает своим убеждением, что всякий гражданин ответственен в разрушении или процветании своего отечества и поэтому должен проявлять свой патриотизм. Будучи патриотом не менее других граждан Китая, Юань Шикай отказывался от принятия императорского титула ввиду своей неспособности, а отнюдь не от смирения. Но раз, несмотря на это, народ считает необходимым, чтобы он стал императором, он из чувства патриотизма не может более отказываться от исполнения воли народа. Вместе с тем, ввиду переходного положения, в коем находится ныне правительство, он предлагает всем министрам и всем прочим властям продолжать исполнять по-прежнему свои обязанности, а народу сохранять порядок и спокойствие[1].

Английский посланник Джордан сообщал в свое Министерство иностранных дел:

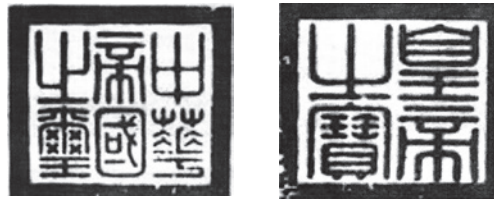
Юань Шикай направляется во дворец на церемонию коронации

Юань Шикай принял избрание его императором <...>. Поскольку его поддерживает чиновничество, президенту до вступления на престол остается один шаг. Всё произошло очень быстро, возможно, потому, что им хотелось поставить японцев перед свершившимся фактом прежде, чем те могли бы воспрепятствовать этому. <...>

Но Лян Шии по секрету сообщил мне, что слухи о том, что восшествие на престол состоится 1 января будущего года, неосновательны[2].

[1] Там же. С. 551–552.

[2] Jordan to Grey, December 13, 1915 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series E, Asia. New York. 1994. P. 132.



Императорская печать

Мемориальная монета с девизом «Хунсянь»

После того как Юань Шикай изъявил свое согласие на избрание императором, в Пекине состоялась торжественная церемония, во время которой он, сидя на троне, принимал поздравления верноподданных.

Однако официальная церемония восшествия на престол по разным соображениям была отложена на длительный срок — до февраля 1916 г.

Так кто же он: президент или император?

В Китае сложилась парадоксальная ситуация.

Юань Шикай продолжал оставаться президентом Китайской Республики, но уже была изготовлена новая государственная печать «Китайской империи», выпущена юбилейная серебряная монета с девизом «Хунсянь», и Юань Шикаю воздавались императорские почести.

Министерство иностранных дел Китая на всякий случай еще раз запросило Петроград по поводу того, о чем он уже имел случай высказаться. Крупенский телеграфировал Сазонову:

Министр иностранных дел прислал ко мне сегодня советника министерства с просьбой запросить по телеграфу Ваше превосходительство о том, как отнеслось бы императорское правительство к формальному восстановлению монархии в Китае и было бы оно готово признать нового императора. Китайское правительство находится ныне, по словам министра, в весьма затруднительном положении, так как откладывать на долгий срок формальное осуществление перемены формы правления не представляется возможным, так как в Пекине ныне находятся с нетерпением ожидающие этого события народные представители со всех концов Китая, так как скорейшего восстановления монархии требуют все военные чины и так как дальнейшая нерешительность в этом вопросе может явиться как бы поощрением к новым беспорядкам со стороны революционных элементов <...>. Ввиду всего этого китайское правительство полагает, что ему будет невозможно задержать формальное восстановление монархии далее, чем до китайского нового года по лунному календарю, наступающему через 6 недель[1].

Получив из Петрограда инструкции, Крупенский сообщал:

Я сделал министру иностранных дел сообщение в указанном мне смысле.

Я высказался также перед моими сотоварищами согласно содержанию телеграммы Вашего превосходительства <...>. Как французский, так и английский посланники также считают нежелательным задерживать признание монархии. Японский посланник сказал мне, что сообщит о таковом нашем мнении своему правительству, но я легко мог заметить, что сам Хиоки придерживается иного взгляда. Вопрос, по-видимому, вошел теперь в такую стадию, при коей ни китайцы, ни японцы не хотят уступить из-за самолюбия, чтобы не оказаться потерпевшими неудачу и не потерять лицо перед общественным мнением.

Так кем же в конце концов Юань Шикай был в декабре 1915 г. — президентом или императором?

Крупенский добавлял:

Японцы, несомненно, стараются внушить Китаю, что признание союзными державами монархии или отказ

[1] Крупенский — Сазонову, 21 декабря 1915 г. // Там же. С. 622.

> в оном зависит исключительно от доброй воли одной Японии и что Китай поэтому должен считаться с ней одной и купить ее согласие той ценой, какую она пожелает назначить. Сообразно с этим они, естественно, не могут не желать, чтобы признание монархии союзниками состоялось не иначе, как чрез японское посредство. <...> Претензия Японии служить посредником между Китаем и державами привела бы, в случае ее одобрения последними, к признанию японского главенства в дальневосточных делах и почти что к установлению протектората Японии над Китаем, что отнюдь не может входить в наши виды[1].

К точно такому же выводу пришел и российский посол в Токио Малевский-Малевич:

> Мое впечатление от частных разговоров с японскими государственными деятелями таково: Япония желает использовать стремление Юань Шикая к императорской власти, чтобы выговорить себе какие-либо реальные выгоды и дать почувствовать в Пекине, что без ее согласия перемена государственного строя в Китае неосуществима[2].

Япония показывает зубы

Как и предполагал Крупенский, японцы предприняли неожиданный демарш.

Юань Шикай намеревался направить в Токио своего специального представителя — министра торговли и промышленности Чжоу Цзыци, чтобы вручить императору Тайсё высший китайский орден.

Однако, вопреки всем нормам дипломатической вежливости, китайскому министру было отказано в визе.

По словам японского посланника в Пекине, причина заключалась в том, что с помощью этого жеста китайцы хотели добиться согласия Японии на восстановление монархии. Теми же доводами отказ японского правительства принять Чжоу Цзыци объяснял и министр иностранных дел

Чжоу Цзыци (1869–1923)

[1] Крупенский — Сазонову, 29 декабря 1915 г. // Там же. С. 683–684.

[2] Малевский-Малевич — Сазонову, 1 января 1916 г. // Там же. С. 726.

в телеграмме послу Мотоно: «Если бы мы приняли посольство, которое преследует политические цели, то оппозиция у нас против признания Китая империей чрезвычайно усилилась бы и были бы возможны разные недоразумения»[1].

«Воспользовавшись отказом японского правительства принять китайского посла, — писал Крупенский, — я спросил товарища министра, имеет ли японское правительство сведения, что президент намерен провозгласить себя императором в первых числах февраля нового стиля».

> Товарищ министра ответил, что такие сведения ранее у них имелись, но по некоторым признакам они заключают, что президент не решится сейчас на этот шаг ввиду предостережения держав Четверного согласия. <...>
>
> Между прочим, товарищ министра сказал мне, что, по словам здешнего китайского посланника, президент не посылает ему больше телеграфных предписаний настаивать в Токио на скорейшем признании его императором; из этого посланник выводит заключение, что президент перестал торопиться с этим вопросом, более всего интересующим его генералов, ожидающих себе личных выгод от воцарения Юаня[2].

В самом деле, в конце января Юань Шикай нежданно-негаданно в очередной раз отложил уже объявленную церемонию восшествия на престол. Крупенский сообщал:

> Неожиданное принятие китайским правительством упомянутого осторожного решения, между тем как днем восстановления монархии было уже назначено 9 февраля нового стиля <...>, объясняется не чем иным, как его страхом перед Японией. Занятое последней загадочное положение и нежелание дать определенный ответ на повторные запросы китайского посланника, как она относится к перемене в Китае формы правления, возбудили здесь живейшие опасения. Отказ токийского правительства принять чрезвычайное китайское посольство и отправление им в Шанхай бывшего военного агента в Пекине генерал-лейтенанта Аоки, имеющего связи со всеми политическими деятелями, находящимися в оппозиции Юань Шикаю, подействовали еще более устрашающим образом на здешние правящие круги, усмо-

Аоки Нобудзуми (1856–1924)

[1] МОЭИ. Т. 10. С. 37. Примеч. 2.

[2] Крупенский — Сазонову, 19 января 1916 г. // Там же. С. 37.

тревшие в этих фактах доказательство наличия у японцев намерения принять по отношению к Китаю самые крутые меры. Решающее же воздействие на Юань Шикая произвело, должно быть, насколько я могу заключить из слов моего японского сотоварища, известие о созыве в Токио 20 января заседания Совета министров для принятия важных решений по вопросу о восстановлении монархии в Китае. Весьма возможно, что кроме этого японцами было оказано на пекинское правительство неофициальным путем надлежащее давление, дабы внушить ему, насколько для него было бы опасно действовать наперекор ясно выраженной воле его восточной соседки. Как бы то ни было, Юань Шикай решил не ожидать дальнейших шагов в этом вопросе со стороны Японии и предпочел, якобы по собственному почину, отложить свое восшествие на престол[1].

Особое мнение южных провинций

Но опасность грозила Юань Шикаю не только со стороны Японии.

Хотя 1993 выборщика дружно проголосовали за избрание Юань Шикая императором, это вовсе не означало, что всё население Китая поддерживало идею возвращения к самодержавию.

Первой поднялась Юньнань

В середине декабря находившемуся в Пекине по приглашению Юань Шикая губернатору провинции Юньнань Цай Э удалось хитростью покинуть столицу, и он возвратился в Куньмин, где его с нетерпением ждали его сторонники.

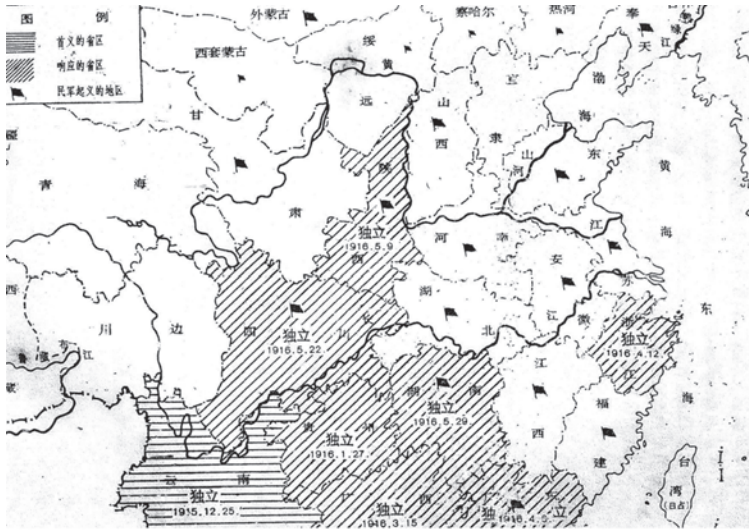
21 декабря на совещании высших военных чинов было решено начать вооруженные действия против изменника Юань Шикая. Главнокомандующим карательного похода был избран Цай Э.

23 декабря было обнародовано обращение к Юань Шикаю, в котором содержалось требование отказаться от изменения формы правления и наказать тех, кто агитировал за это. На ответ было дано 24 часа[2].

---

[1] Крупенский — Сазонову, 26 января 1916 г. // Там же. С. 87–88.

[2] 护国讨袁亲历记 (Воспоминания о личном участии в движении в защиту Республики против Юань Шикая). Пекин. 1985. С. 274.



Выступления против Юань Шикая в конце 1915 — начале 1916 гг. (заштрихованные провинции объявили независимость от Пекинского правительства)

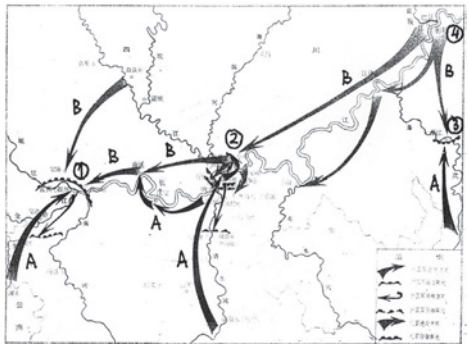
После того как срок истек, провинция Юньнань объявила о своем неподчинении Пекинскому правительству.

Для похода на Север была создана «Армада в защиту республики», включавшая три армии. Первой командовал сам Цай Э, второй – Ли Лецзюнь, третьей — Тан Цзияо.

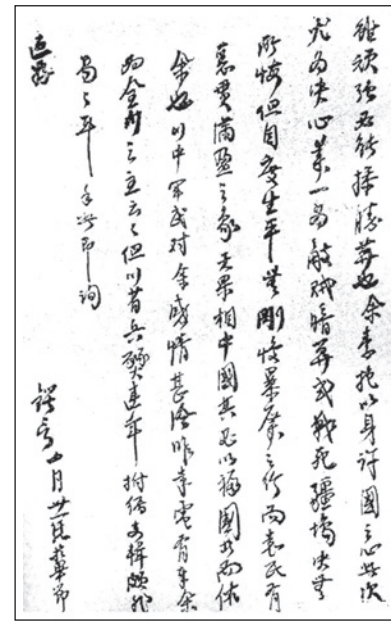
29 декабря из Пекина было получено сообщение о том, что президент своим указом лишил Цай Э и Тан Цзияо всех должностей и наград. Мосты были сожжены. «Армада» начала действовать.

14 января 1-я армия «Армады» вступила в пределы Сычуани, остававшейся верной Пекину. Первая дивизия двинулась от Чжаотуна к Сюйчжоу; вторая

Карательный поход против Юань Шикая возглавил Цай Э



Боевые действия на юге Сычуани в январе–марте 1916 г. (А — наступление «Армады»; В – контрудары армии Севера; 1 — Сюйчжоу; 2 — Лучжоу; 3 — Цзыцзян; 4 — Чунцин)



Одно из воззваний Цай Э

и третья — через Вэйнин и Бицзе к Лучжоу; четвертая — по направлению к Цзыцзяну и Чунцину.

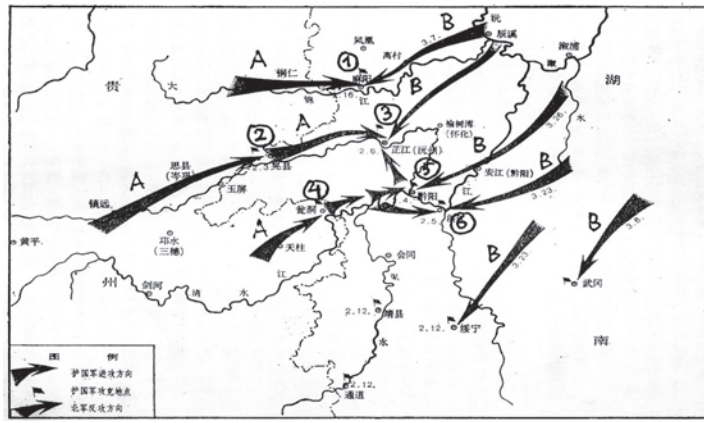
За Юньнанью последовала Гуйчжоу

После того как четвертой дивизии, которой командовал Дай Кань, не удалось продвинуться от Цзыцзяна к Чунцину, он принял решение изменить направление удара.

Вступив в Гуйчжоу, он овладел Гуйяном, и эта провинция вслед за Юньнанью объявила о своей независимости, а ее вооруженные силы присоединились к «Армаде».

Когда 3 февраля Дай Кань во главе своей дивизии выступил из Цзуньи и развернул повторное наступление на Чунцин, к нему присоединились два гуйчжоуских полка под общим командованием Сюн Цисюна.

Дай Кань (1880–1917)



Боевые действия на западе Хунани в феврале–марте 1916 г.
(А — наступление гуйчжоуских армий; В – контрудары армии Севера;
1 — Маян; 2 — Хуансянь; 3 — Чжицзян; 4 — Вэндун; 5 —Цяньян; 6 — Хунцзян)

В это время армия Цай Э осаждала Лучжоу, и ему срочно требовалось подкрепление. Таковым как раз и явились подразделения Сюн Цисюна.

Другая часть армии Гуйчжоу получила не менее ответственную и трудную задачу: развернуть наступление в противоположном направлении, и три полка во главе с Ван Вэньхуа двинулись на восток, завязав бои на западе провинции Хунань. Они наступали тремя колоннами.

Первая выступила из Тунжэня и перемещалась в сторону Маяна; вторая двигалась из Лунсикоу на гуйчжоуско-хунаньской границе к главному городу уезда Хуансянь и далее к Чжицзяну; третья направлялась из Тяньчжу к Вэндуну, а оттуда должна была атаковать стратегически важные пункты — города Цяньян и Хунцзян[1].

Лю Сяньши
(1870–1927)

Политическая ситуация в Гуйчжоу была сложной. Отнюдь не все ее руководители были готовы выступить против Пекинского правительства.

Колебался и губернатор Лю Сяньши, не поладивший с Дай Канем. Лишь после длительных собеседований с другими сторонниками выступления против Юань Шикая он наконец поддался на уго-

[1] 吴厚安。黔军在湘西作战点滴 (*У Хоуань*. Кое-что о боях гуйчжоуской армии на западе Хунани) // Там же. С. 200–202.

воры и присоединился к движению. Ряды защитников Республики существенно укрепились.

И наконец — Гуанси

Иначе вел себя гуансийский военный деятель Лу Жунтин, назначенный Юань Шикаем на пост командующего войсками провинции Гуйчжоу.

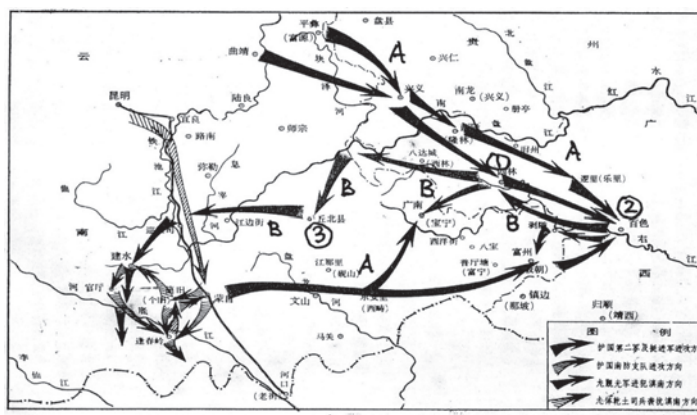
Получив уведомление о своем назначении, Лу Жунтин заявил, что тяжело болен, и удалился от дел.

Лу Жунтин (1859–1928)

Когда его спросили, за кого же он все-таки — за Юань Шикая или против — Лу Жунтин ответил, что он против «узурпатора».

– Отчего же в таком случае Вы не отказались от должности?

– Так ведь если бы я отказался от нынешней должности, я не смог бы командовать войсками, а ныне под моим началом армия, которая будет делать то, что я ей прикажу. Вот закончу все приготовления и прикажу ей трубить сбор и идти в поход на Пекин[1]!



Боевые действия на западе Гуанси в феврале–марте 1916 г. (В – наступление армии Лун Циньгуана на Юньнань; А — контрудары гуансийской армии; 1 — Силун; 2 — Байсэ; 3 — Цюбэй)

[1] 陈树勋。广西宣布独立概略 (*Чэнь Шусюнь*. Вкратце о том, как провинция Гуанси объявила о своей независимости) // Там же. С. 231.

8 февраля, намереваясь привести к покорности провинцию Юньнань, Юань Шикай назначил Лун Циньгуана (младшего брата военного губернатора Гуандуна) командующим войсками, которые должны были вступить на территорию Гуанси и, сконцентрировавшись в Байсэ, начать наступление на Юньнань.

В начале марта правительственным войскам удалось одержать ряд побед в Сычуани: они, в частности, овладели первоначально захваченным «Армадой» городом Сюйчжоу. Юань Шикай хотел воспользоваться благоприятной ситуацией и нанести удар по «Армаде» со стороны Гуанси.

Лу Жунтин воспрепятствовал этому плану, 15 марта 1916 г. объявив о независимости Гуанси, а затем заставив Лун Циньгуана разоружиться.

В дальнейшем гуансийская армия действовала по двум направлениям: одна ее часть вступила в Хунань, вторая — в Гуандун.

Одновременно с этим Лу Жунтин вступил в контакт с Лун Цигуаном, призывая его последовать примеру Гуанси и порвать с Юань Шикаем.

Finita la comedia

Вначале Пекинское правительство аргументировало свой отказ запретить движение за восстановление монархии тем, что это якобы могло вызвать выступления недовольных граждан. Представители держав, напротив, убеждали китайские власти, что беспорядки возможны, но возникнут они в случае, если Юань Шикай будет форсировать смену государственного строя.

Иностранцы оказались правы. И теперь одни выражали свое сожаление по поводу сложившейся ситуации, другие не упускали случая напомнить Пекину о допущенной им ошибке.

У представителей держав нет единого мнения

События на юге Китая вызвали весьма серьезную озабоченность российских дипломатических кругов. 24 декабря сообщение о них было прислано в Петроград посланником Крупенским:

> На юге Китая вспыхнуло довольно серьезное восстание, главный центр коего в провинции Юньнань и которое грозит распространиться на провинции Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань и Чжэцзян. Во главе его стоят

прибывшие из Японии бывший юньнаньский *дуду* Цай Э, а также принимавший видное участие во Второй революции бывший цзянсийский *дуду* Ли Лецзюнь. Юньнаньский *цзянцзюнь* и гражданский губернатор, по-видимому, сочувствуют движению, так как вчера они заявили французскому и английскому консулам, что они вместе с другими губернаторами послали Юань Шикаю телеграмму, советуя ему остановить восстановление монархии и угрожая в противном случае отделением.

Японцы усиленно раздувают все известия касательно восстания и распространяют слухи о тревожном состоянии в Шанхае и Южной Маньчжурии, о непрочности положения Юань Шикая, причем в доказательство последнего приводят участившиеся отъезды из Пекина в Тяньцзинь, Шанхай и Японию отдельных государственных деятелей, не сочувствующих новому режиму[1].

В. Н. Крупенский воздерживался от категорических выводов о положении в Китае, предлагая продолжать следить за событиями

Сообщение из российской миссии в Пекине:

Ликование в правительственных кругах по поводу успехов, одержанных северными войсками над юньнаньскими мятежниками в провинции Сычуань, продолжалось недолго. <...> На прошлой неделе здесь неожиданно получили известие о присоединении к восстанию провинции Гуанси, что произвело в Пекине удручающее впечатление. С чисто военной точки зрения присоединение Гуанси к повстанцам мало чем увеличивает их силы и в этом отношении не является особенно опасным для центрального правительства. Оно лишь ставит в затруднительное положение отправленную для занятия Мэнцзы экспедицию генерала Лун Цзиньгуана, брата кантонского *цзянцзюня*, которая, таким образом, оказывается окруженной со всех сторон мятежниками. Гораздо более серьезным, однако, является моральное и политическое значение помянутого события. Юань Шикай и его сторонники могут теперь не без основания опасаться, что богатая приморская провинция Гуандун

[1] Крупенский — Сазонову, 24 декабря 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 649.

последует примеру соседней Гуанси, что позволило бы мятежникам свободно получать морем оружие, военные припасы и денежные средства. Существуют также сомнения относительно провинции Хунань.

Лун Цзигуан (1868–1925)

Это, в свою очередь, могло повлиять на поведение японцев.

Если восстание таким образом распространится, то следует ожидать, что японцы, не скрывающие своей радости по поводу оборота, который начинают принимать события на юге, признают отделившиеся провинции в качестве воюющей стороны, что, конечно, поведет к еще большему усилению повстанцев. По весьма распространенным здесь слухам, целью японской политики в настоящую минуту является именно разделение Китая на два или даже три отдельных государства с различной формой правления.

При таких обстоятельствах необычайную важность приобретает вопрос о том, какое положение в конце концов займет оставшийся доселе вполне верным центральному правительству гуандунский *цзянцзюнь* Лун Цзигуан, за всяким движением которого теперь следят отсюда с живейшею тревогою. С другой стороны, Юань Шикай весьма озабочен также предотвращением присоединения к восставшим нанкинского *цзянцзюня* Фэн Гочжана и, чтобы привлечь на свою сторону этого влиятельного генерала и некоторых других сановников, подобно ему не сочувствующих монархии, он подумывает даже, как мне известно из достоверных источников, о том, чтобы торжественно объявить об окончательном отказе от восстановления в свою пользу императорской власти.

Во всяком случае, нужно полагать, что в ближайшем будущем события в Китае примут более определенный поворот в ту или другую сторону[1].

Внимательно следил за событиями, происходившими на юге Китая, и английский посланник Дж. Джордан.

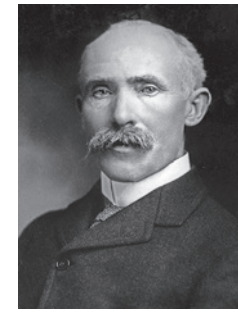
После того как вслед за Юньнанью независимость от Пекина объявила Гуйчжоу, Джордан телеграфировал в Форин Офис:

Гуйчжоу и Гуанси — бедные провинции и не в состоянии оказывать центру сколько-нибудь значительную военную и материальную поддержку. Однако дальнейшее распространение движения на окраинные

[1] Крупенский — Сазонову, 22 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 437–438.

районы может привести к тому, что Юань Шикаю будет трудно с этим справиться[1].

Исполняющий обязанности министра иностранных дел Франции сообщил поверенному в делах Японии Тацуки, что Франция следит за тем, что происходит в Юньнани, и ее оценка этих событий аналогична лондонской, но информация на сей счет, которой располагают Париж и Токио, не совпадает между собой[2].



Джордан полагал, что Англия не заинтересована в дальнейшем распространении беспорядков в Китае

Вопрос о том, сможет ли Юань Шикай справиться со сложившейся в стране ситуацией, естественно, интересовал и японское правительство. Малевский-Малевич информировал Сазонова:

> Японское правительство полагает, что <...> если, несмотря на волнения, происшедшие в Юньнани и в соседних провинциях, и вопреки совету пяти держав китайское правительство будет упорно настаивать на своей программе, оно не должно рассчитывать на признание иностранными державами <...>[3].

Хиоки писал в Токио:

> Антиюаньшикаевские силы растут день ото дня. Те, кто первоначально высказывался в поддержку реставрации, постепенно начинают выступать против. С ними заодно часть гражданских и военных чинов в провинциях. Ранее возлагавшие [на Юань Шикая] большие надежды колеблются. Юань Шикаю не удалось получить ни внутренний, ни внешний заём, доходы от налога на соль сокращаются, поступления из провинций уменьшаются. Общая обстановка не в пользу Юань Шикая[4].

По мнению Хиоки, нестабильная ситуация в Китае была на руку Японии

[1] Jordan to Grey, January 30, 1916 // British Documents on Foreign Affaires. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 147.

[2] Тацуки — в МИД Японии, 26 января 1916 г. // 日本外交文书 (Японские дипломатические документы). 1916 г. Т. 2. С. 24–25.

[3] Малевский-Малевич — Сазонову, 21 января 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 45.

[4] Исии — послу Японии в Лондоне, 26 февраля 1916 г. // British Documents on Foreign Affaires. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 170.

10 марта Лу Цзунъюй получил предписание МИД:

> Тщательно изучите высказывавшиеся за последнее время намерения правительства страны пребывания и тенденции военных кругов в отношении Китая и срочно сообщите о них, с тем чтобы можно было учесть их[1].

В тот же день Джордан сообщал Грэю:

> Японский посланник [Хиоки] выразил свое личное мнение о том, что в случае, если Юань Шикай продемонстрирует превосходство своей армии над силами бунтовщиков и способность восстановить порядок, он должен опубликовать декларацию и недвусмысленно отказаться от восстановления монархии[2].

Конвульсии Пекина

Последовавшее 15 марта объявление независимости провинцией Гуанси Юань Шикай воспринял как удар ниже пояса. Его надежды на успех операции против Юньнани рухнули в одночасье.

Джордан докладывал в Лондон, что в середине марта «Армада защиты республики» оказалась в критическом положении, однако ситуация в корне изменилась после объявления независимости Гуанси. Армия Лун Циньгуана разоружилась. Решающее значение будет иметь теперь позиция Гуандуна. Сторонники Юань Шикая поникли духом[3].

20 марта советник Юань Шикая американец Джон Фергюсон навестил Джордана и сообщил, что нанес ему визит по совету друзей президента, обеспокоенных душевным состоянием Юань Шикая.

Фергюсон считал, что единственным выходом для его шефа был отказ от восстановления монархии, и он хотел услышать совет Джордана — единственного, по его словам, человека, которого при данных обстоятельствах Юань Шикай послушал бы. Однако английский посланник от дачи советов отказался[4].

Джон Фергюсон (1866–1945)

[1] МИД — Лу Цзянъюю, 10 марта 1916 г. // Архив МИД КР. 03-13-021-02-001.

[2] Jordan to Grey, March 10, 1916 // British Documents on Foreign Affaires. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 171.

[3] Jordan to Grey, March 20, 1916 // Ibid. P. 176.

[4] Jordan to Grey, March 23, 1916 // Ibid.

Вслед за Фергюсоном к Джордану по тому же делу явился другой советник Юань Шикая — Ричард Дэйн.

События в Гуанси, сказал он, вызвали у президента почти шоковое состояние. Несколько придя в себя, Юань Шикай предложил избрать новое правительство на сессии Народного собрания, которое можно было бы созвать сразу же за восстановлением порядка на Юге. Что думает по этому поводу сэр Джон?

Третьим по счету визитером за эти два дня у Джордана был Мориссон

Джордан ответил, что подобная мера, может быть, и стала бы выходом из положения, но она несколько запоздала[1].

На следующий день в офисе Джордана появился еще один гость – советник Юань Шикая Джордж Мориссон.

Он также говорил о не вполне нормальном состоянии Юань Шикая и о том, что единственным средством вновь обрести душевный покой было для него завершить свою политическую карьеру[2].

Горнисты трубят отбой

Рассказывают, что в это время кто-то посоветовал Юань Шикаю обратиться за помощью к специалисту по геомантии. Он поручил своему сыну разыскать Цзя Синляня, известного своими познаниями в этой области. Тот внимательно обследовал всю территорию Запретного города и сообщил Юань Шикаю, что всё обстоит благополучно, кроме ворот Синьхуамэнь, где наблюдается излишнее скопление *ци*.

По словам Цзя Синляня, исправить положение можно было, соорудив прямо около ворот традиционный китайский нужник с выгребной ямой.

– Но это испортит весь вид! — возмутился Юань Шикай.

Ворота Синьхуамэнь

[1] Ibid.

[2] Ibid.

– Да, конечно! — отвечал прорицатель. — Но что важнее для Вашего величества: внешний вид дворца или исполнение Вашей исторической миссии?

Нужник был в срочном порядке сооружен. Однако специалист, судя по всему, ошибся в своих расчетах: перелома к лучшему после этого так и не произошло[1].

22 марта был издан указ президента, отменявший изменение государственного строя в Китае. Девиз года «Хунсянь» был аннулирован; 1916 г. впредь стал именоваться 5-м годом Китайской Республики.

Джордан тотчас же сообщил в Форин Офис:

> Указ, опубликованный вечером 22-го числа, встречен с большим удовлетворением. <...> Трудно предвидеть, чем ответят на него провинции, объявившие независимость. <...> Нынешняя ситуация может продлиться еще некоторое время. Не исключено, что бунтовщики могут потребовать от президента дополнительных уступок вплоть до ухода с политической арены. Но кто в этом случае наследует ему?[2]

Однако первым из всех иностранных дипломатов, аккредитованных в Пекине, об указе узнал В. Н. Крупенский.

Срок его службы в Китае подошел к концу, и он должен был выехать в Токио, чтобы сменить там Малевского-Малевича. Утром 22 марта в МИДе в его честь был устроен завтрак.

> На состоявшемся сейчас у президента прощальном для меня завтраке, на коем кроме меня присутствовал только министр иностранных дел, последний сообщил мне, что сегодня вечером появится декрет президента, который, по мнению правительства, должен произвести успокоительное впечатление на всю страну.
>
> В этом декрете Юань Шикай заявляет, что высказанное за последнее время недовольство против монархии со стороны некоторых провинций убеждает его в том, что он был введен в заблуждение, когда, движимый чувством патриотизма и преклоняясь перед волей народа, он согласился на восстановление монархии в Китае. Поэтому ныне он возвращает все полученные им петиции по сему поводу в распущенную было совещательную палату, ныне созываемую на новую сессию в качестве законодательного органа, дабы заняться пересмотром вопроса о монархии. При этом президент лично высказывается за сохранение республиканского

[1] 李明伟。袁世凯当上了皇帝了吗？(*Ли Минвэй*. Стал ли Юань Шикай императором?) // http://bbs.tianya.cn/post-no01-5870-1.shtml.

[2] Jordan to Grey, March 23, 1916 // British Documents on Foreign Affaires. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 195.

образа правления. Декрет будет контрассигнован Сюй Шичаном, согласившимся снова занять должность государственного секретаря, которую он покинул, не сочувствуя монархическому движению.

Сюй Шичан (1855–1939)

Вице-президент Ли Юаньхун равным образом выказал готовность возвратиться к председательствованию в палате, от коего он совершенно было устранился. Г-н Лу Чжэнсян, уступая пост государственного секретаря Сюй Шичану, продолжает, однако, оставаться по-прежнему министром иностранных дел.

При этих условиях весьма вероятно, что и некоторые другие удалившиеся от дел сановники снова войдут в состав правительства, и можно полагать, что такой оборот дела окажет на общественное мнение успокаивающее воздействие, хотя сам Юань Шикай, несомненно, и потеряет при этом значительную долю своего престижа[1].

В одном из последних писем из Пекина Крупенский писал:

Появившийся неделю назад декрет президента об отказе его от мысли провозгласить монархию в Китае, о чем я имел уже честь донести Вашему высокопревосходительству, служит темой оживленного обсуждения среди населения и в прессе. Общее убеждение, однако, сводится к тому, что события на юге зашли слишком далеко, чтобы этим декретом можно было сразу вернуть в подчинение Пекину отделившиеся от центрального правительства южные провинции. Существует даже мнение, что декрет появился слишком поздно и потому скорее придаст бодрости восставшим, которые истолкуют его как проявление слабости президента.

Как бы то ни было, появление этого декрета следует объяснить, помимо событий на юге и брожения в среде высших чинов Китая, главным образом более или менее основательными опасениями нового выступления Японии с более категорическими, чем прежде, требованиями, которым должен был бы быть придан даже ультимативный характер[2].

Временно сменивший Крупенского поверенный в делах России В. В. Граве так характеризовал ситуацию, возникшую после обнародования указа Юань Шикая от 22 марта:

[1] Крупенский — Сазонову, 22 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 437–438.

[2] Крупенский — Сазонову, 29 марта 1916 г. // Там же. С. 531.

Ныне можно более или менее определенно сказать, что требования южан заключаются в следующем:

во-первых, удаление Юань Шикая; во-вторых, образование ответственного министерства; в-третьих, созыв парламента на началах, установленных при объявлении республики; в-четвертых, наказание лиц, замешанных в монархическом движении; в-пятых, политическая амнистия.

Несмотря на то, что требования эти носят крайне настойчивый характер, Юань Шикай мог бы все же договориться с повстанцами и выработать, по прежним примерам, компромисс, который удовлетворил бы самолюбие обеих сторон, если бы не постоянные происки японцев, стремящихся создать различные затруднения для еще большего осложнения настоящего положения, причем имевшие место выступления посредников были, по-видимому, ввиду этого безуспешными.

Это ставит теперешнее правительство в безвыходное положение, и нам следует быть готовыми к всевозможным случайностям, так как всё ныне зависит от японцев, открыто говорящих, что Юань Шикай у власти не останется[1].

Говоря о «безвыходном положении» правительства, Граве имел в виду уверенность японцев, что теперь-то Юань Шикай будет вынужден согласиться с требованиями, которые он «необдуманно» отверг в 1915 г.

Об этом без всяких экивоков писала японская пресса. Шанхайская «Шэньбао» приводила публикацию из «Майнити симбун» о том, что у пекинского правительства нет сейчас иного способа избежать краха, как обратиться к Японии с повинной, «после чего Юань Шикаю были бы прощены все его прошлые грехи и инициированы взаимные отношения нового типа, *урегулированы все ранее нерешенные вопросы* (*курсив наш. — В. К., М. К.*)»[2].

В «безвыходном положении» Юань Шикай оказался и в финансовом смысле. Правда, тут ему немного помогли американцы. 7 апреля Гу Вэйцзюню удалось получить в Вашингтоне заём сроком на 3 года в размере 5 млн американских долларов[3].

Так или иначе, последний акт трагикомедии, именовавшейся переменой формы правления в Китае, завершился. Аплодисментов не последовало.

---

[1] Граве — Сазонову, 7 апреля 1916 г. Там же. С. 590.

[2] 最近之外交如何 (Что нового в дипломатической сфере) // Шэньбао, 3 июня 1916 г.

[3] 王铁崖。中外旧约章汇编 (*Ван Тея*. Сборник договоров Китая с зарубежными странами). Т. 2. Пекин. 1982. С. 1173–1777.

Глава XIV

Ничто не вечно под луной

Неожиданные последствия соглашения

Мы не располагаем сегодня доказательствами того, что выдвижение «21 требования» было компенсацией за согласие Японии на реставрацию монархического режима Юань Шикаем, как утверждал Сунь Ятсен.

Но сегодня можно с полным основанием утверждать, что с самого начала Юань Шикай использовал все имевшиеся в его распоряжении средства для противодействия агрессивным планам японцев.

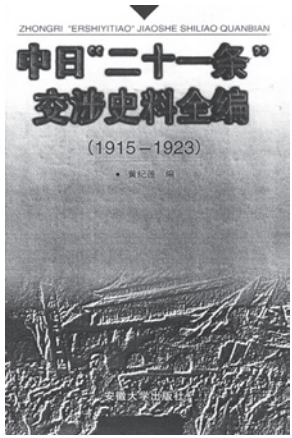
Пометы Юань Шикая на тексте «21 требования»

В 2001 г. увидел свет «Полный свод исторических источников о китае-японских переговорах относительно “21 требования”» под общей редакцией научного сотрудника Института новейшей истории АОН КНР Хуан Цзилянь.

Несмотря на свое название, эта публикация является неполной: в ней отсутствует один исключительно важный документ — пометы Юань Шикая на полях текста «21 требования».

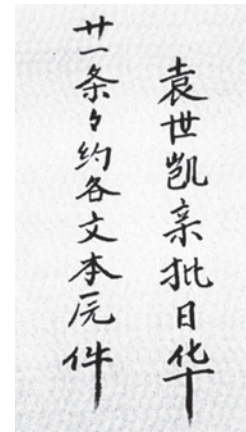
О них было известно из воспоминаний Цао Жулиня, но достоверность его свидетельства раньше, как правило, подвергалась сомнению.

Лишь сравнительно недавно в Тяньцзиньском историческом архиве был обнаружен подлинный экземпляр требований, предъявленных Японией Китаю в 1915 г., со сделанными красной тушью замечаниями Юань Шикая.



«Полный свод исторических источников о китае-японских переговорах относительно “21 требования”»

Цао Жулинь «Воспоминания о моей жизни»



Обложка текста «21 требования» с пометами Юань Шикая

О значении этого исторического документа красноречиво говорит появившийся в интернете отклик, озаглавленный: «Юань Шикай, каким он был на самом деле: от 21 требования к 12 пунктам»[1].

Пометы Юань Шикая на тексте «21 требования» можно разделить на три группы: требования Японии, нарушающие международные соглашения; абсолютно неприемлемые требования и уступки японской стороне.

Для понимания истинного отношения Юань Шикая к японским требованиям наиболее важны пометы второй группы.

Японская формулировка:

> Правительства Японии и Китая, имея в виду защиту целостности территории Китая...

Юань Шикай:

> Фраза о «защите целостности территории Китая» неприемлема для суверенного государства.

Японская формулировка:

> Поскольку Китай всегда признавал особые интересы Японии в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии...

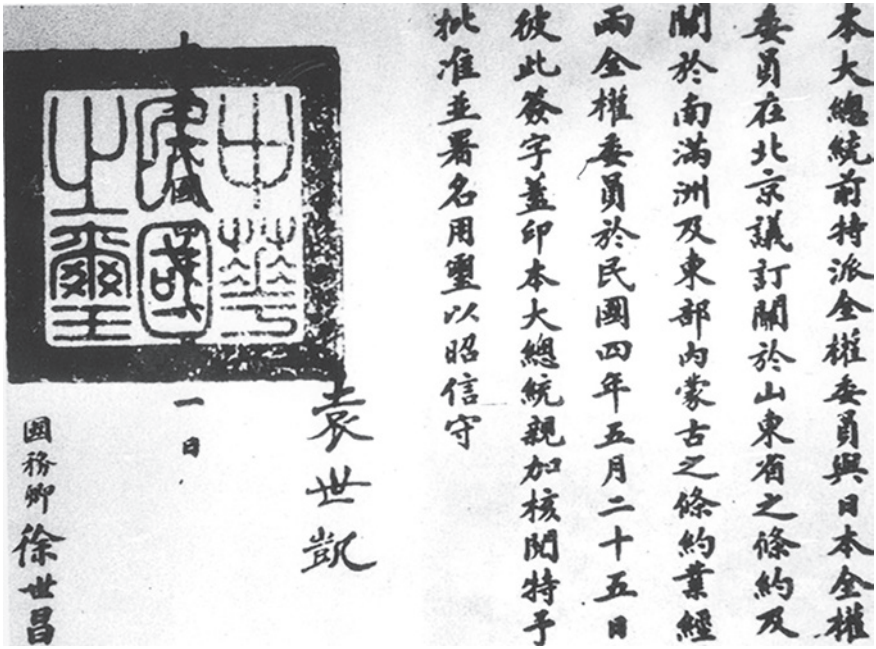
Юань Шикай:

> Никогда не признавал.

[1] http://www.guoxuedashi.com/b/4/192432/

批示类型	日方提出的“二十一条”原文	袁世凯批示原文
批驳日方要求不符合公法条约	第一号第一款：“中国政府允诺，日后日本国政府拟向德国政府协定之所有德国关于山东省依据条约或其他关系对中国政府享有一切权利、利益、让与等项处分，概行承认”	只可依据条约，此外应不在内，青岛声明交还中国应不在内。删去“或其他关系”五字。加一条：一、日后政府协商让与等项倘或未能确定，此项预约作为无效。
	“两订约国互相约定，将旅顺、大连租期限并南满洲及安奉两铁路期限均展至九十九年为期”	与俄约原定期无九十九年之久，不能超过。
	“中国政府允将吉长铁路管理经营事宜，委任日本国政府，其年限自本约画押之日起以九十九年为期。”	违背条约
	“中国政府允准，所有中国沿岸港湾及岛屿概不让与或租与他国”	将“他国”该为“外国”，此当然之事。
完全拒绝日方要求	“日本政府及中国政府，为切实保全中国领土之目的”	“保全中国领土”的提法，独立之国不能承认
	“日本国政府及中国政府，因中国向认日本国在南满洲及东部内蒙古享有优越地位”	无此向认
	“日本国臣民在南满洲及东部内蒙古为盖造商工业应用之房厂或为耕地可得其须要土地之租借权或所有权”	“东部内蒙古”应不在其内；“耕作”超出范围，不行；所有土地有关领土；应删去“或所有权”四字。
	关于日本政府提出的有关东部内蒙古借款、课税、开埠、合办农工业等方面的要求。	办不到
	“两缔约国互相约定，俟将来相当机会，将汉冶萍公司作为两国合办事业，并允如未经日本国政府同意，所有属该公司一切权利产业，中国政府不得自行处分，亦不得使该公司任意处分”	这属商贸之事，并不同意“相当机会”，不得“自行处分”、“任意处分”之类的规定
	“中国政府允准，所有属于汉冶萍公司各矿之附近矿山，如未经该公司同意，一概不准该公司引以外之人开采，并允此外凡欲措办，无论直接间接对该公司恐有影响之举，必先经该公司同意。”	“附近”二字“近强”，并对“有影响之举”的提法表示不满，认为这“是不许中国另开矿也”，“此件应召集股董会讨论”。
	“所有在中国内地所设日本病院、寺院、学校等，概允其土地所有权”	将“所有权”三字重笔点出，表示异议
	关于日本提出的“合办警察”、“整顿福建海口”等事	不予认可
对日让步	“中国政府允准，日本国建造由烟台或龙口接连胶济路线之铁路”	由我自造，如借款俟第一条实行后可先尽日本商议。
	“日本国臣民得在南满洲及东部内蒙古任便居住往来，并经营商工业等各项生意”	漫无限制，各国援引，尤不可行。……欧战相持不下，法比各有失地，将来大会支配，殊难预计，胶澳能否由强人让交，此时尚无十分把握，订此预约；尤足招强人之恶，他西人亦未必同意，殊属无谓，纵能预交日人交还[illegible]

Замечания Юань Шикая, сгруппированные по трем категориям

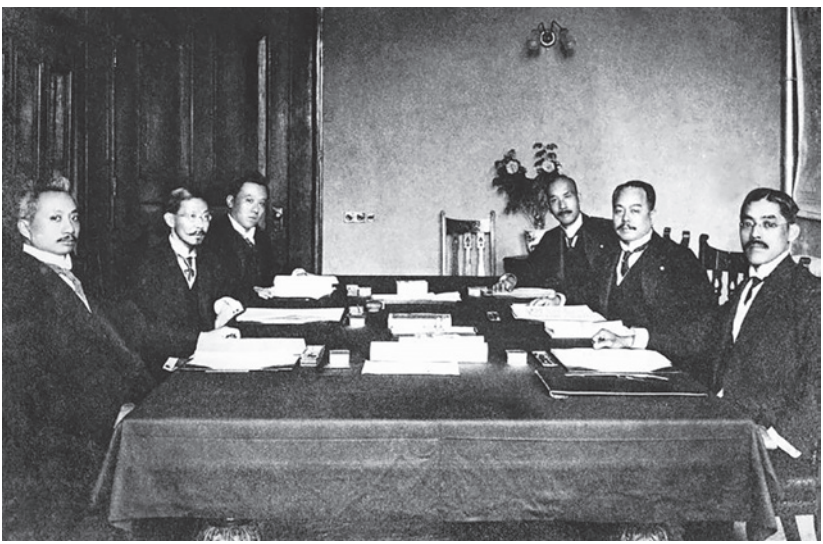

本大總統前特派全權委員與日本全權
委員在北京議訂關於山東省之條約及
關於南滿洲及東部內蒙古之條約業經
兩全權委員於民國四年五月二十五日
彼此簽字蓋印本大總統親加核閱特予
批准並署名用璽以昭信守

袁世凱

一日

國務卿 徐世昌

Распоряжение Юань Шикая подписать китайско-японский договор



Китайско-японский договор 1915 г. подписан

Рядом с японским требованием о создании совместной китайско-японской полиции Юань Шикай пометил: «Не признавать!» и т. д. и т. п.

Когда, угрожая началом военных действий, японский посланник предъявил пекинскому правительству ультиматум, Юань Шикай, понимая, что воевать с Японией Китай не в состоянии, отдал Лу Чжэнсяну приказ принять японские требования — все, кроме угрожавших государственному суверенитету Китая требований 5-го раздела. Японцам не оставалось ничего иного, как согласиться.

Китай отвечает бойкотом японских товаров

Казалось бы, министр Като добился того, чего хотел. Но на деле это было не совсем так.

Грубый нажим Японии на правительство Юань Шикая вызвал беспрецедентное негодование широкой общественности Китая.

Основной формой всенародного протеста против японского произвола с самого начала переговоров стал бойкот товаров с наклейкой «Сделано в Японии».

«Беда! Китай гибнет!»
(листовка, призывающая к сопротивлению Японии)

В одной из листовок, распространявшихся шанхайскими студентами, говорилось:

> Всеми силами бойкотируйте японские товары, и этим вы ослабите врага. Господа, пожалуйста, не пользуйтесь японскими товарами! Жестокий японец все время обманывает нас, и все любящие свою страну должны бойкотировать их товары. Будьте твердыми и выполняйте свой долг![1]

Шанхайская торговая палата обратилась к населению со следующим призывом:

> С тревогой взываем к народу немедленно подняться для спасения отечества от гибели, всеми силами встать на защиту государства, сплотиться, образовать стену, преграждающую дорогу жадному волку! Всеми силами и в полном объеме бойкотируйте японские товары без предварительных обсуждений! Постарайтесь вынуть ваши вклады из японских банков <...>! Не употребляйте и не храните японскую серебряную монету и бумажные денежные знаки![2]

Характерен такой эпизод: в Чанчуне патриотически настроенные солдаты срывали с прохожих шляпы японского производства и осыпали бранью случайно оказавшихся на улице японцев.

В движении сплошь и рядом принимали участие представители местных властей. К нарушителям бойкота население применяло меры физического воздействия вплоть до нанесения телесных повреждений.

Масштабы бойкота резко возросли после того, как президент поставил свою подпись под согласием принять большинство японских требований. Этот день — 9 мая — стали называть «днем национального позора».

Митинги протеста, организуемые Обществом дня национального позора, охватили практически всю страну.

Урон, нанесенный японской торговле в Китае, был значителен. Закрылись многие японские предприятия, сбывавшие свою продукцию на китайском рынке. За первую половину 1915 г. экспорт японских товаров в Китай по сравнению с тем же периодом предыдущего года сократился на 33%[3].

---

[1] Цит. по: *Монина А. А*. Кампания бойкота японских товаров в 1915 г. // Краткие сообщения Института народов Азии. № 66. Средневековая новая история Китая. М., 1963. С. 117.

[2] Там же. С. 119.

[3] Там же. С. 124.

Япония тоже не остается индифферентной

Общественное мнение Японии было раздосадовано действиями МИД, приведшими к тому, что антияпонские настроения в Китае достигли небывалого размаха.

В. Н. Крупенский сообщал в Петроград:

> В результате предпринятого ею выступления Япония, несомненно, получает в Китае весьма существенные выгоды, коими она, конечно, не преминет воспользоваться в полном объеме со свойственной ей ловкостью и неразборчивостью в средствах. Но вместе с тем одержанная Японией дипломатическая победа имеет, бесспорно, и некоторые невыгодные для нее стороны. Столь грубо-насильственная расправа с не подававшим к этому никакого серьезного повода Китаем возбудила здесь повсеместно живейшее негодование и озлобление, и толкам о японо-китайском союзе надолго положен конец. Ненависть к Японии в настоящую минуту настолько сильна во всех слоях населения, что следует ожидать весьма действительного, хотя и не открыто организованного бойкота японских товаров, который может обойтись японской промышленности и торговле во много миллионов[1].

Российский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевич писал по этому поводу в МИД:

Н. А. Малевский-Малевич (1856–1920)

> Здешнее общественное мнение ныне более всего занято идеей русско-японского союза и бойкотом японских товаров в Китае. По последнему вопросу идут всевозможные толки, и с успешным его разрешением связывают участь графа Окума. По официальным подсчетам, за первую половину текущего года японский вывоз в Китай уменьшился на 30 миллионов иен сравнительно с теми же месяцами прошлого года, что составляет понижение на 53%. В каком именно объеме в этом сокращении японского ввоза участвует «бойкот» — определить, конечно, не представляется возможным; однако японская торговля с Китаем несет большие убытки, объяснить которые можно только упорным отказом китайцев от торговых сделок с японцами. Между тем здешние экспортные фирмы рассчитывали использовать остановку подвоза товаров в Китай из Европы вследствие войны, чтобы завоевать тамошние рынки и нажить на высоких ценах хорошие барыши. А теперь,

[1] Крупенский — в МИД, 12 мая 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. С. 426.

наоборот, у японцев возникает опасение, что создавшиеся экономические условия внутри Китая дадут толчок развитию его собственной промышленности, нуждающейся лишь в капиталах и технических знаниях. Если Китай обратится за тем и другим в Америку, то недалек день, когда многие произведения японской промышленности утратят всякий спрос на китайском рынке. Под давлением торговых палат и корпораций японское правительство, как известно, уже обращалось в Пекин с указанием на желательность прекращения бойкота. Но шаги эти пока не имели особого успеха. Печать продолжает настаивать на энергичных мерах против Китая и резко упрекает кабинет графа Окума, и особенно японскую дипломатию, в бездействии. Из весьма достоверного источника нам сообщают, что съезд *генро* в Токио был вызван главнейшим образом тревогой здешних крупных торговых домов, терпящих громадные убытки вследствие бойкота. *Генро* обвиняют во всем барона Като, предъявившего, без их ведома, к Китаю унизительные требования, от которых пришлось потом отказаться, но которые оставили в Китае неблагоприятное впечатление и заронили ненависть к японцам. *Генро* упрекают барона Като в неумении добиться согласия Китая более мягкими дипломатическими приемами, чем те, к коим он прибегнул: они считают, что бойкот явился ответом на ультиматум. Ярым противником министра иностранных дел выступал в совещаниях *генро* престарелый маркиз Иноуе, состоящий, как известно, главным советником крупнейшей японской фирмы Мицуи, имеющей в Китае обширные интересы[1].

Правда, по словам российского посланника, Като пытался сделать хорошую мину при плохой игре:

При последнем свидании моем с бароном Като я спросил его, как он смотрит на китайский бойкот. Министр ответил мне в весьма спокойном тоне. По его словам, печать, вдохновляемая оппозицией, пользуется бойкотом в политических целях; сейюкайцы и их сторонники раздувают искусственно вопрос, желая создать кабинету, и особенно ему лично, затруднения и вызвать министерский кризис. На самом деле, по его сведениям, бойкот вовсе не имеет того угрожающего значения для японской торговли, как стремятся выставить оппозиционные группы. Главная причина бойкота — германская интрига в Китае и подпольная деятельность революционных организаций, пытающихся создать затруднения Юань Шикаю.

Впрочем, прибавил министр, бойкот ныне пошел на убыль, так как китайцы сами поняли его убыточность и бесплодность. Хиоки доносил

[1] Малевский-Малевич — в МИД, 12 июля 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 389, 390.

ему, что на совещании пекинского министерства китайский министр финансов заявил, что прекращение японского ввоза губительно влияет на поступление таможенных и иных сборов, а министр иностранных дел указал на невозможность получения каких-либо внешних займов, пока продолжается бойкот. Барон Като думает, что в течение лета бойкот совершенно прекратится и отношения между обоими государствами войдут в обычную колею. Время покажет, оправдается ли оптимистический взгляд главы японского дипломатического ведомства на японо-китайские отношения[1].

К этому следует, однако, добавить, что, как на это впервые обратил внимание М. Джэнсон, среди японских бизнесменов были и такие, кто поддерживал Като в его политике «твердой руки» в Китае. К их числу принадлежал, в частности, Мори Каку, чей офис в Пекине поддерживал тесные контакты с японским посольством и поощрял действия Като[2]. Но критиков у последнего было всё же больше.

С другой стороны, многие японские политические деятели критиковали кабинет Окума и за то, что «21 требование», не принесшее Японии немедленных дивидендов, тем не менее вызвало неудовольствие держав. Крупенский писал об этом следующее:

Образ действий Японии восстановил также против нее и общественное мнение дальневосточных иностранных кругов, торгово-промышленным интересам коих японские вожделения являются к тому же прямой угрозой. Вся здешняя иностранная, и на первом плане английская, печать полна статей самого резкого антияпонского направления, причем она, бесспорно, является верной выразительницей мнений не только деловых, но и официальных великобританских кругов на Дальнем Востоке.

По общему мнению, все указывает на то, что последнее японское выступление нанесет смертельный удар англо-японскому союзу, и без того уже не отличавшемуся прочностью и искренностью.

С этим обстоятельством Японии, несомненно, придется серьезно считаться по окончании европейской войны, и нам не следует терять из виду, что оно легко может, как я имел уже случай отметить это в предыдущих моих донесениях, привести к сближению между Японией и Германией, уже делающей в этом направлении недвусмысленные авансы[3].

---

[1] Там же. С. 390.

[2] *Jansen M*. The Japanese and Sun Yatsen. Cambridge. 1967. P. 185.

[3] Крупенский — в МИД, 12 мая 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. С. 426.

Как сообщал Малевский-Малевич, еще одной причиной недовольства *генро* по поводу внешнеполитического курса министра Като оказалось то, что он не был сторонником японо-российского сотрудничества и на этой почве полностью разошелся с *генро*.

«Последние, в лице князя Ямагата, маркиза Мацуката и маркиза Иноуе, наоборот, являются горячими защитниками идеи нашего сближения, усматривая в нем основное условие сохранения неприкосновенности Китая и обеспечения мира на Дальнем Востоке»[1].

Генро были крайне раздражены тем обстоятельством, что Като в свое время не принял рекомендаций Ямагата, а позднее не ставил *генро* в известность относительно шагов, которые он собирался предпринять. Сразу же после того, как соглашения о «21 требовании» были подписаны, *генро* пришли к убеждению, что нужно во что бы то ни стало отправить Като в отставку.

Все это вместе взятое привело в конце концов к тому, что в июле 1915 г. в Токио разразился правительственный кризис.

Когда английский посол попытался встретиться с министром Като, тот отказался принять его, сославшись на нездоровье. Сообщая об этом в Петербург, Малевский-Малевич усмотрел в данном эпизоде явный признак того, что Като долго не удержится в кресле министра иностранных дел.

В августе 1915 г. главный конструктор «21 требования» Като Такаакира вынужден был уйти в отставку. Из Парижа в Токио срочно был вызван посол во Франции Исии Кикудзиро. 13 октября он принял у Като дела министерства.

Новый министр — новые веяния в коридорах власти

Вскоре после того, как Исии освоился в новой для него роли, на японском дипломатическом Олимпе подул ветер перемен. Это касалось, прежде всего, курса правительства Окума (до поры до времени остававшегося на своем посту) в отношении Китая.

Цели нового курса остались прежними. Изменились средства, к которым намерен был прибегнуть МИД для их осуществления.

[1] Малевский-Малевич — в МИД, 20 сентября 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. С. 326.

Как же оценивал Исии политику Японии в целом и деятельность своего предшественника в частности?

«21 требование» глазами Исии Кикудзиро

В «Дипломатических комментариях» Исии посвятил немало страниц изложению своего взгляда на этот предмет.

Он писал:

> Предложение приступить к переговорам, сделанное китайскому правительству Юань Шикая графом Такаакира Като, министром иностранных дел в кабинете Окума, является выдающимся событием в деятельности японской дипломатии в начале мировой войны. Пожалуй, никакой другой вопрос не давал повода к столь многочисленным недоразумениям. Многие лица, незнакомые с фактами и обстоятельствами переговоров, обвиняли Японию в том, что она заставила Китай принять несправедливые требования.
>
> Даже в политических кругах Японии были люди, чьи взгляды совпадали со взглядами иностранных критиков и чьи суждения принесли стране немало вреда.
>
> Но если мы тщательно рассмотрим раскритикованные двадцать одно требование, нам станет ясно, что в поведении японского правительства нет ничего, достойного порицания. Оставляя на время в стороне метод переговоров, надо сказать, требования сами по себе были справедливы и умеренны, и, несомненно, Япония имела полное право их выдвинуть.

Исии Кикудзиро (1866–1945)

Обосновывая этот тезис, Исии характеризовал политику в отношении Китая, проводившуюся в то время державами:

> Анализируя политику различных держав в Китае, мы найдем, что каждая из них по меньшей мере одобрила предложения Америки: 1) о территориальной целостности Китая и 2) о принципе открытых дверей и равных возможностей. Но на самом деле различные державы действовали в Китае совершенно по-разному.
>
> В то время как Россия безразлично относилась к политике открытых дверей и равных возможностей, она смотрела на Маньчжурию

как на лакомый кусок, и пункт о территориальной целостности Китая был для нее неприемлем.

Германия, которая в то время понимала русскую психологию и в политику которой входило поощрение русского империализма на Дальнем Востоке, заявила, что хотя она, конечно, уважает территориальную целостность Китая, тем не менее она не считает Маньчжурию частью Китая.

Американский государственный секретарь Хэй, вначале выступивший за все вышеизложенные принципы, на самом деле больше заботился о сохранении открытых дверей и равных возможностей, чем о территориальной целостности Китая.

Великобритания, как и Соединенные Штаты, придавала большое значение своим коммерческим и промышленным интересам, но в то же время, понимая, что экспансия России на восток и на юг угрожала Индии, проявляла достаточную заботу о территориальной целостности Китая.

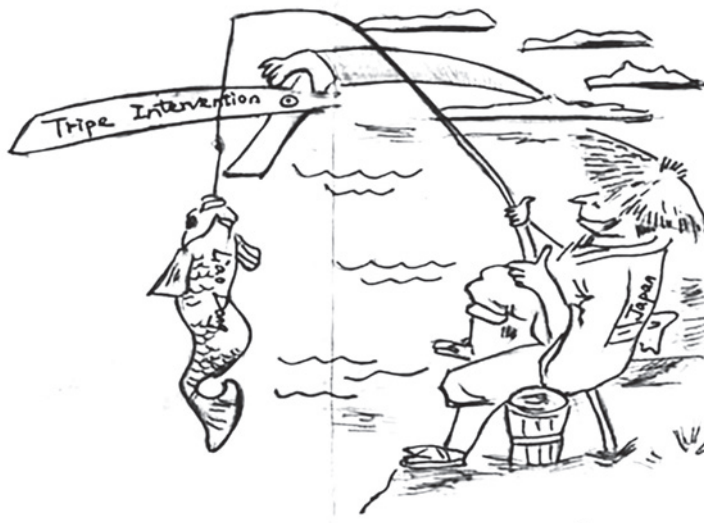
Ввиду того, что торговля с Китаем является основой торговой и промышленной структуры Японии, не приходится говорить, что сохранение открытых дверей и равных возможностей представляет для нее вопрос первостепенной важности. Однако и территориальная целостность Китая имеет для Японии жизненный интерес. Она так же необходима для нее, как колеса для оси, и для ее сохранения Япония без колебаний поставила на карту свое национальное существование.

Таким образом, в отношении двух главных принципов политики в Китае различные державы показали различную степень заинтересованности, и каждый раз, когда в Китае возникал серьезный вопрос, это расхождение проявлялось весьма многообразно.

«Особые интересы» Японии в Китае — лейтмотив японской внешнеполитической доктрины нового времени, и Исии, естественно, не мог не коснуться этой набившей оскомину проблемы.

У Японии были особые интересы в Китае, и поэтому нет ничего удивительного в том, что она придавала такое большое значение территориальной целостности Китая.

Было время, когда, по примеру других стран, она заявляла, что не допустит передачи провинции Фуцзянь в руки иностранной державы, и рассматривала эту провинцию как сферу своего влияния. Однако в те дни Япония не обладала достаточной силой, чтобы приостановить агрессивность других стран, и ее шаг был лишь вынужденной мерой самосохранения. Но истинные интересы Японии несовместимы с наличием сфер влияния или с какими-либо покушениями других держав на суверенные права Китая. В ее интересах может быть лишь полная независимость Китая.



«Россия, пренебрегая правами Китая и интересами Японии в Трех Провинциях, попыталась их аннексировать» (Исии Кикудзиро)

Когда Россия, пренебрегая правами Китая и интересами Японии в Трех Провинциях, попыталась их аннексировать, Япония в целях самозащиты, а также для того, чтобы сохранить территориальную целостность Китая, обнажила меч и поставила на карту свое национальное существование. В поступке Японии не было ничего эгоистического и агрессивного. Поэтому, когда она достигла своей цели в русско-японской войне, она возвратила Три Провинции Китаю и таким образом восстановила его территориальную целостность.

Она действовала подобным же образом после войны с Германией. Когда Германия была вытеснена из своей базы в Шаньдуне, японская дипломатия начала переговоры с Китаем, имея в виду передачу ему Шаньдуна.

Такое великодушие, как возвращение Шаньдуна и Маньчжурии, не имеет себе равного в истории. Нелегко отдавать без всяких условий военную добычу, которая была завоевана с риском национальной катастрофы и которая стоила сто тысяч человеческих жизней и миллиарды иен. Отсутствие в истории других примеров подобного рода доказывает, как тяжело и необычно было такое благородство. Как ни легко в международных отношениях забываются благородные поступки, соседи Японии, китайцы, не могут, как бы они того ни хотели, забыть ее несравненную

«Когда Япония обнажила свой меч и поставила на карту свое национальное существование, в ее поступке не было ничего эгоистического и агрессивного» (Исии Кикудзиро)

мудрость. Вместо того чтобы быть благодарными за то, что державы согласились уважать территориальную целостность их родины, китайцы благодаря своей врожденной заносчивости отнеслись к этому с глубокой неприязнью. <...>

Не будет преувеличением сказать, что своей политической независимостью и территориальной целостностью Китай обязан Японии.

Китай дважды терпел неудачу, защищая свою землю, и каждый раз японское оружие возвращало ему потерянную территорию. Только приняв во внимание этот основной факт, можно правильно оценить истинный смысл переговоров между Китаем и Японией. <...>

Китай не смог освободить Маньчжурию из объятий русского медведя; немыслимо также было, чтобы без посторонней помощи он смог вырвать Шаньдун из когтей германского орла.

При рассмотрении японо-китайских переговоров 1915 г. нельзя забывать, что Китай вернул себе Три Восточные Провинции и Шаньдун и благодаря самопожертвованию Японии наслаждается теперь независимостью и территориальной целостностью[1].

[1] *Исии Кикудзиро*. Дипломатические комментарии. М. 1942. С. 70–73.

Оставляем всё сказанное на совести отпетого апологета агрессивной политики японского милитаризма. Оно говорит само за себя, и комментировать эту часть «Дипломатических комментариев» нет ни необходимости, ни желания. Уместно лишь одно замечание.

«Комментарии» Исии были опубликованы в Москве в 1942 г. Шла война, а Япония, будучи составным звеном оси «Рим–Берлин–Токио», от нападения на СССР воздерживалась. Желая польстить японцам в надежде, что они будут продолжать в том же духе, ответственный редактор издания А. А. Трояновский писал в предисловии к книге:

> Исии в своих «Комментариях» решительно осуждает политику агрессии и захвата чужих земель, а также дипломатию обмана и вероломства в международных отношениях. <...> В соответствии с этим Исии стоит за мирную политику взаимного доверия между государствами и уважение прав и законных интересов каждого из них[1].

Следуя традициям своего предшественника, нынешнее японское правительство до сих пор не признало Японию агрессором, развязавшим войну на Дальнем Востоке, и пытается пересмотреть ее итоги.

Министр умолчал о главном

Утверждая, что требования, предъявленные Китаю кабинетом Окума, были «справедливы и умеренны», Исии продолжает:

> Анализируя переговоры 1915 г. с Китаем, автор всем сердцем одобряет справедливые действия японского правительства. Однако если его спросят, правилен ли был метод ведения переговоров, то он будет вынужден заявить, что метод был, несомненно, неправильный. Он не может считать правильной процедуру, при которой, связывая надежды на будущие отношения между двумя странами с требованиями, основанными на справедливых правах, японское правительство дало повод к непредвиденным подозрениям со стороны иностранных держав. Но автор критикует лишь метод действия; он считает несправедливым осуждение японских требований *самих по себе* только потому, что они были неуклюже предъявлены. Во всём мире плохо осведомленные лица смешивают суть требований с методом их предъявления и в результате их осуждают. Такое отношение можно простить иностранным критикам, но особенно прискорбно, что некоторые общественные деятели в Японии заняли подобную же позицию. Противники правительства, не пытаясь

[1] Там же. С. XXVI.

> отделить цели требований от того, как они были предъявлены, огульно осуждали эти требования. Их нежелание провести черту между национальной и партийной политикой нельзя не назвать непатриотическим поступком! Теперь нечего плакать над разлитым молоком, но в будущем надо постараться отделять внешнеполитические вопросы от внутренних задач. Автор надеется, что японские политические деятели, как в самом правительстве, так и в рядах оппозиции, в будущем будут более осмотрительны в этом отношении[1].

Из слов Исии следует, что, сев в кресло министра, он намерен был продолжать добиваться от Китая всего, что содержалось в «21 требовании». При этом может создаться впечатление, что отрицал он лишь конкретные приемы, примененные с этой целью Хиоки, сделавшего упор на эффект кнута при минимуме пряника. На самом деле это было не так.

Ранее японское правительство добивалось уступок от Юань Шикая путем переговоров и преуспело в этом лишь отчасти. После этого Окума попытался припечатать Юань Шикая лопатками к ковру иным способом — играя на его намерении сесть на трон.

Тут был один немаловажный нюанс. Японское правительство выступало против восстановления монархии в Китае, но его замысел состоял не в том, чтобы Юань Шикай оказался от трона, а в том, чтобы, продолжая упорствовать в вопросе о реставрации, Юань Шикай был вынужден ради осуществления своего плана пойти на те уступки японской стороне, которые содержались в 5 разделе «21 требования» и были отвергнуты им в ходе переговоров.

Но и эта попытка оказалась тщетной: Юань Шикай объявил об отказе от смены государственного строя в Китае, и японцы остались без рычага давления на упрямца.

И вот теперь министр Исии выдвинул принципиально новую стратегию — впредь вообще не иметь дела с несговорчивым Юань Шикаем и устранить его руками оппозиционных сил внутри страны.

Однако это была не единственная и не главная цель японской дипломатии, а скорее эмоциональное стремление отомстить тому, кто дважды переигрывал противника, нанеся немалый урон его международному престижу.

Главное же заключалось в том, чтобы не мытьем, так катаньем добиться от Китая удовлетворения тех японских требований, которые

[1] Там же. С. 74–75.

Исии называл «справедливыми и умеренными» и о которых российский посол в Японии писал:

> Ограничится ли Япония проведением в Китае 5 группы своих прошлогодних требований или, воспользовавшись случаем, осуществит свои вожделения в долине Янцзы и в провинции Фуцзянь, предвидеть пока трудно, так как много будет зависеть от внутреннего положения Китая. Чем более последний будет страдать от внутренних неурядиц и чем слабее будет его центральная власть, тем легче для Японии добиться удовлетворения ее пожеланий. В предвидении этого японцы нимало не стесняются показывать свое нерасположение к Юаню и решительно противодействуют всему, что могло бы укрепить его личное положение. Этим объясняется и их отрицательное отношение к восстановлению монархии в Китае[1].

Кадровые перестановки

О новом курсе правительства — повороте на 180 градусов по отношению к антиюаньшикаевским силам — японское Министерство иностранных дел, отнюдь не называя все вещи своими именами, впервые заявило России в телеграмме, переданной Мотоно через посла в Лондоне Иноуэ:

> Юань Шикай заявил, что он отменяет восстановление монархии, но сомнительно, будет ли это иметь благоприятные последствия в смысле успокоения населения, и нет гарантий, что в конце концов Юань Шикаю не придется оставить пост президента. Если допустить эту возможность, то, конечно, нельзя сразу решить, кто мог бы взять на себя трудную задачу справиться с нынешним положением, но само собой разумеется, что среди 400 миллионов китайцев, кроме Юань Шикая, найдутся и другие подходящие люди, тем более что при нынешних условиях население Китая окончательно разуверилось в Юане.

Исии Кикудзиро сформулировал принципиально новый курс Японии в отношении Китая

[1] Малевский-Малевич — Сазонову, 5 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 572–573.

Мы полагаем поэтому, что оппозиция такому настроению в китайском народе, оказание помощи Юаню или требование подавления партии, настроенной против Юаня, отнюдь не ускорило бы восстановление нормальных условий[1].

Министр Исии был, несомненно, прав, полагая, что посланник Хиоки Масу не сможет стать активным проводником новой политики в Китае. Поэтому он был отозван из Пекина, и ему на смену назначен не менее опытный дипломат Хаяси Гонсукэ.

Хаяси Гонсукэ (1860–1939)

Сменился и китайский посланник в Токио. Но по не вполне ясным причинам на этом посту оказался человек, известный не столько дипломатической, сколько научной деятельностью, будучи к тому же видным специалистом в области каллиграфии — Чжан Цзунсян.

Чжан Цзунсян (1882–1965)

В Пекине приступил к своим служебным обязанностям новый российский посланник Н. А. Кудашев.

Очередной акт пьесы требовал новых действующих лиц, и они появились.

К ним присоединились деятели, до того времени в развитии событий прямого участия почти не принимавшие.

В их числе был и Сунь Ятсен, дождавшийся своего часа и снова начавший деятельную подготовку к своей «Третьей революции» против ненавистного Юань Шикая.

Сюжетная линия драматического действия была столь же напряженной и почти непредсказуемой, как и раньше.

[1] МИД Японии — послу Мотоно, 28 марта 1916 г. // Там же. С. 531–532. Примеч. 2.

Сначала убрать Юань Шикая, а там видно будет

Отправить президента Юань Шикая в отставку — таков был первый пункт обширной программы Исии на его новом посту. Но осуществить эту цель было не так-то просто.

Англия и Россия против

Едва ли не главным препятствием на пути к достижению цели было то, что и Англия, и Соединенные Штаты Америки не разделяли намерений Японии.

Джордан писал об этом Грэю:

> Юань Шикай утратил поддержку значительной части населения, это бесспорный факт. Однако если он уйдет в отставку, на севере Китая это вызовет беспорядки, которые будут иметь резонанс во всем Китае. Иностранцы и здравомыслящие китайцы полагают, что Юань Шикай должен остаться президентом, но его прерогативы следует ограничить. Если он не уйдет в отставку, любая уступка с его стороны возможна, но вряд ли разумно насильно свергать его. Это приведет к вмешательству японцев и осложнит будущую ситуацию. Я вполне разделяю то мнение, что в наших интересах иметь в Китае более выдающуюся фигуру, но отмена реставрации уже удовлетворила первоначальные требования Японии, и, судя по всему, сейчас нет необходимости в дальнейшем ослаблении нынешнего правительства. Мы считаем, что при достаточной поддержке со стороны зарубежных стран Юань Шикай может достичь компромисса с мятежниками. <...>
>
> Никто не может предсказать, каков будет результат свержения [нынешнего] правительства. <...>
>
> Не могли бы Вы обсудить с японским послом вышеприведенные соображения и решить, можно ли в какой-то степени объединить наши усилия, не прибегая к свержению нынешнего правительства?[1]

5 апреля Грэй встретился с японским послом и попросил его задать Исии вопрос: допускает ли он возможность достижения какого-либо соглашения Юань Шикая с юньнаньскими лидерами? Иноуэ ответил на это, что, разумеется, уточнит позицию министра, но лично он счи-

[1] Jordan to Grey, April 3, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 183–184.

тает, что Юань Шикай окончательно утратил доверие китайского народа, и поэтому соглашение невозможно[1].

Аналогичное поручение Грэй дал послу в Токио Грину. Исии подтвердил ему, что, с точки зрения японского правительства, единственным выходом из положения является отставка Юань Шикая.

«А кто сменит Юань Шикая?» — спросил Грин, но внятного ответа не получил[2].

Исии уполномочил Иноуэ передать в Форин Офис следующее изложение позиции южан:

Грэй полностью разделял точку зрения Джордана

> Положение в Китае обостряется с каждым днем. Требования Юга:
>
> во-первых, поскольку нынешняя ситуация возникла из-за Юань Шикая, он должен безоговорочно покинуть политическую арену;
>
> во-вторых, созывается Народное собрание для выработки конституции;
>
> в-третьих, впредь до избрания нового президента власть временно передается Ли Юаньхуну[3].

Несмотря на то, что еще 7 апреля в МИД Японии пришло сообщение из Китая о том, что Цай Э выразил свою надежду на мирное разрешение кризиса[4], японский посол в Лондоне продолжал утверждать, что южане не пойдут на соглашение с президентом. Что касается кандидатуры его преемника, то таковым должен стать Ли Юаньхун[5].

Спорить с Японией союзникам становилось все труднее.

Анализируя это вполне очевидное обстоятельство, Малевский-Малевич обращал внимание Петрограда на то, что современное политическое положение Японии уже не то, каким оно было перед войной: за прошедшие месяцы международные условия настолько изменились, что теперь Японию надо признать не только великой дальневосточной, но и мировой державой. Причина в том, что война, столь разорительная для стран Европы, чрезвычайно благоприятно отразилась на экономике Японии.

---

[1] Grey to Greene, April 5, 1916 // Ibid. P. 184.

[2] Greene to Grey, April 6, 1916 // Ibid. P. 185–186.

[3] Grey to Greene, April 11, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 191–192.

[4] Оваку — Исии, 7 апреля 1916 г. // Документы японской дипломатии. 1916. Т. 2. С. 105.

[5] Grey to Greene, April 11, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 191–192.

> Но еще больше извлекает японское правительство из европейской борьбы политических выгод; если до войны Япония могла считаться наиболее влиятельной силой на Дальнем Востоке, то ныне она сделалась полновластной хозяйкой здешнего положения: ни мы, ни Англия, ни другая европейская держава, не имея в своем распоряжении на Дальнем Востоке ни сухопутной армии, ни флота, не в состоянии противодействовать Японии в достижении ее целей. Японцы вполне сознают исключительность условий, в которые они поставлены благодаря войне, и, несомненно, постараются использовать эти благоприятные условия в своих выгодах. С таким положением вещей приходится считаться и нам, и Англии[1].

И в самом деле, натолкнувшись в вопросе о низложении Юань Шикая на противодействие своих западных союзников, японцы отнюдь не пали духом и продолжали действовать всеми доступными им средствами.

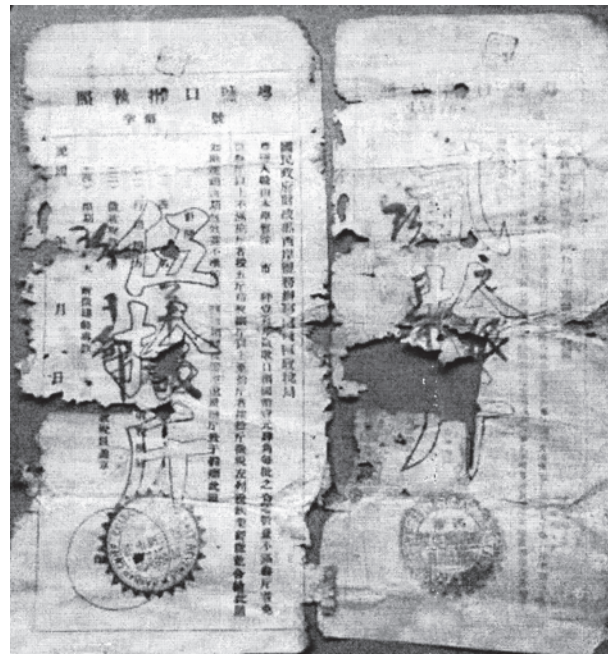
Попытка удушить Юань Шикая финансовой петлей

4 апреля глава Ведомства доходов от налогообложения на продажу соли Р. Дэйн обратился в банк «Хуйфэн» с просьбой выплатить Китаю 3,5 млн *лан* в счет соляных доходов. Представители держав ответили положительно, однако японский коллега заявил, что должен предварительно согласовать вопрос с Токио. В результате выяснилось, что японское правительство не намерено расставаться со своей долей полученных сумм. На запрос о том, чем вызвано подобное решение, Дэйн ответа не получил.

Временный поверенный в делах России Граве подробно информировал об этом инциденте Министерство иностранных дел.

> В августе 1915 года между банкирами и соляной инспекцией было заключено соглашение, в силу коего в банках собирается из соляных поступлений фонд в 9 млн *лан*, который обеспечивает исправные платежи 6-месячных купонов по займам <...> и месячный платеж по боксерскому вознаграждению; избыток соляных доходов передается китайскому правительству. На основании этого соглашения банкиры должны были 5 апреля передать китайскому правительству образовавшийся избыток в 3 500 000 *лан*, как они это неоднократно делали за последующее после соглашения время.
>
> К всеобщему удивлению представитель японского банка заявил, что не может выпустить из своего банка хранящиеся в нем соляные поступления, так как получил предписание от своего правительства не платить

[1] Малевский-Малевич — Сазонову, 5 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 572.



Расписки в получении соляного налога

денег китайскому правительству, не испросив заранее указаний японской миссии в Пекине. На возражения своих коллег, что эта мера нарушает ст. 5 контракта о займе[1], на основании которой распоряжение суммами соляных доходов лежит всецело на инспекторах, он ответил, что имеет категорическое указание на этот счет и должен ждать разрешения, запрошенного по этому поводу у японского правительства. <...>

Спрошенный мною о причинах этого распоряжения, японский посланник заявил, что еще 29 марта он получил от своего правительства указания предписать своему банку не платить денег китайскому правительству, не посоветовавшись предварительно с ним, и что в соответствии с этим он указал банку остановить платежи, так как он запросил по этому поводу Токио. Затем вчера он получил телеграмму от барона Исии, сообщающую, что японское правительство выступило перед заинтересованными правительствами с предложением изменить августовское соглашение банкиров <...>[2].

[1] Имеется в виду соглашение о займе, полученном Юань Шикаем 26 апреля 1913 г.

[2] Граве — Сазонову, 7 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 591–592.

Назвав этот эпизод «прискорбным случаем», Граве резюмировал:

> Английский и французский посланники считают, что это выступление Японии вызвано <...> желанием создать новые затруднения китайскому правительству, нуждающемуся в деньгах для поддержания порядка в стране и для борьбы с повстанцами. Принятие державами предложения Японии будет иметь своим следствием ускорение падения Юань Шикая, ибо оно будет здесь, кроме того, истолковано как утрата ими доверия к нему[1].

Джордан предвидел, что «соляной инцидент» будет иметь своим следствием финансовый крах Пекинского правительства[2].

Планам японцев помешали американцы

Американский посланник в Пекине Пол Рейнш, слывший большим знатоком Китая, был озабочен не принятием мер к отставке Юань Шикая, а, напротив, сохранением существовавшего к тому моменту status quo и гарантиями того, что события в Китая не нанесут ущерба имущественным правам граждан США, проживающих в этой стране.

6 апреля Рейнш предложил Грэю сделать китайскому правительству совместное заявление по этому поводу.

Но его инициатива успеха не имела: Грэй указал Рейншу, что, во-первых, еще не поступало никаких сообщений о том, что в ходе боевых действий пострадал кто-либо из иностранцев, и поэтому совместное выступление представителей держав не вызвано реальной необходимостью; во-вторых, в настоящее время в Китае нет правительства, несущего юридическую ответственность за происходящее в стране в целом, и поэтому южане вряд ли согласятся с требованием соблюдать status quo[3].

Потерпев неудачу со своим предложением, Рейнш преуспел в другом: при его посредничестве правительству Юань Шикая удалось получить столь необходимые ему деньги в Соединенных Штатах.

Граве докладывал в МИД:

> Китайским правительством заключен в Америке при посредстве банкирского дома «Лихеггинсон и К» 6% заём на сумму 5 миллионов золотых долларов, из коих один миллион уже выдан в виде аванса.

[1] Там же. С. 592.

[2] Jordan to Grey, May 15, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 209.

[3] Grey to Spring-Rice, April 8, 1916 // Ibid. P. 187.

Условия займа будут окончательно выработаны по разрешении настоящего кризиса в Китае.

На мой запрос американский посланник, подтвердив вышеизложенное, прибавил, что заём предназначен на финансирование промышленных предприятий в Китае и не обеспечен социальной гарантией. Сравнительно благоприятные условия [соглашения] заставляют предполагать получение названным домом каких-либо особых привилегий, к выяснению коих принимаю меры[1].

П. Рейнш (1869–1923)

Японский замысел покончить с Юань Шикаем, задушив его безденежьем, потерпел полный крах.

Ставка на Сунь Ятсена

Характеризуя Юань Шикая, Исии писал:

Было поистине комично, когда на старости лет Юань Шикай попытался установить императорский режим и стать императором. Выступая в таком фарсе, Юань показал, что, несмотря на свою мудрость и дальновидность, у него была китайская душа, склонная к театральности. <...> До тех пор пока династические мечты не обуяли его, поведение Юаня было безукоризненным. Если бы Юань был благоразумен и посвятил себя сохранению мира, он, несомненно, остался бы президентом республики до конца своих дней. <...> При нормальных условиях для Японии и других держав было бы все равно, считается ли Китай империей или республикой и является ли его главное должностное лицо императором или президентом. Но в тот момент обстановка была напряженная и чреватая опасностями. <...> Враг воспользовался бы последующими беспорядками и нарушил бы мир на Дальнем Востоке[2].

Исии наводил тень на плетень. Решение воспользоваться возникшими в Китае беспорядками для того, чтобы наконец разделаться с несговорчивым Юань Шикаем, было принято не «врагом», а им самим. Решение

[1] Граве — Сазонову, 13 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 627.

[2] *Исии Кикудзиро*. Дипломатические комментарии. С. 75–77.

заставить Юань Шикая покинуть политическую арену было принято кабинетом министров Японии 7 марта 1916 г.[1] Но открыто говорить об этом министру было не с руки.

Поддержать мятежников

Политическая программа тех, кому было решено оказывать помощь в борьбе против Юань Шикая, значения не имела: в соответствии с новым курсом японское правительство поддерживало отныне и юньнаньцев с их «Армадой», выступавших в защиту попранной Китайской Республики, и князя Су, мечтавшего о восстановлении той самой империи Цин, на обломках которой эта республика была создана. Принцип сделки был единым для всех — деньги и оружие в обмен на свержение Юань Шикая.

Выгода, которую Япония получала от негласного соглашения с князем Су, не ограничивалась поддержкой новоявленного претендента на престол. Речь шла о давно вынашиваемом плане создания в Маньчжурии и Внутренней Монголии независимого государства, ориентирующегося на Японию.

Крупенский еще в марте предупреждал Сазонова:

> До меня доходят слухи о существующем якобы желании Японии воспользоваться настоящими затруднениями китайского правительства, чтобы содействовать образованию из южной Маньчжурии и восточной Внутренней Монголии особого автономного государства по примеру Халхи. При этом якобы предполагается, что означенные части китайской территории объявят свою независимость и провозгласят маньчжурского князя Су-*циньвана*, проживающего ныне в Дальнем, своим императором[2].

Активную деятельность по поддержке князя Су и его сторонников развили в это время японские *рёнин* и, в частности, Утида Рёхэй, наконец дождавшийся своего часа: японское правительство начало осуществлять то, к чему он тщетно призывал министра Като.

В начале 1916 г. Утида самолично прибыл в Далянь и встретился с Кавасима Намихая на предмет оказания реальной поддержки, с одной стороны, князю Су, с другой — монгольскому хунхузу Бабуджабу в их намерении отделиться от Китая.

После этого князь Су и Бабуджаб направились в Японию за деньгами и оружием. По указанию МИД раскошелился Окура Кибатиро –

[1] Документы японской дипломатии. 1916 г. Т. 2. С. 45–46.

[2] Крупенский — Сазонову, 29 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 532.

тот самый, которого в 1913 г. обхаживал Сунь Ятсен. Окура был на дружеской ноге со многими деятелями Трех Восточных Провинций.

Окура Кибатиро и Чжан Цзолинь

С юньнаньцами было сложнее. Какие блага в виде компенсации за поддержку могла и, главное, хотела предоставить Японии «Армада» во главе с Цай Э, было не вполне ясно.

Цай Э обратился за помощью к японскому Генеральному штабу еще в то время, когда он только готовил выступление против Пекина. По его поручению в Токио отправился Ван Фуи, на руках у которого было рекомендательное письмо за подписью Цай Э. Прибыв на место, Ван Фуи разыскал знакомого Цай Э — полковника Каэцу, через которого он рассчитывал связаться с заместителем начальника Генштаба Танака Гиити. Каэцу, вначале относившийся с сомнением к перспективам юньнаньского восстания, в конце концов уверовал в его успех и организовал встречу Ван Фуи с Танака. Было оговорено, какое оружие и в каких количествах требовалось повстанцам[1].

Через некоторое время в Японии появилась еще одна личность, тесно связанная с «Армадой», — Цэнь Чуньсюань, которому удалось добиться своего. Он заключил с предпринимателем Такэути Корихико, действовавшим с благословения японского правительства, договор о предоставлении юньнаньцам дотации размером 1 млн иен с условием возврата этой суммы «после того, как получатель добьется успеха»[2].

Но главную ставку в игре возглавляемое Исии министерство делало на Сунь Ятсена. Для этого у него были вполне определенные основания. Лидер Гоминьдана неоднократно выражал свою готовность сторицей отблагодарить своих потенциальных спонсоров. Эти авансы, еще вчера с порога отвергавшиеся Като Такааки, сегодня стали козырной картой в колоде Исии Кикудзиро.

---

[1] 王辅宜。护国军起义时期与日本密谈借款购械的内幕 (*Ван Фуи*. Тайные переговоры с японцами о получении денег и оружия во время восстания «Армады в защиту республики»: как это было) // Воспоминания о личном участии в движении в защиту Республики против Юань Шикая. С. 99–102.

[2] *Тан Цихуа*. Дипломатия имперского строя [периода] Хунсянь. С. 307.

Особое значение для Японии имело то обстоятельство, что Сунь Ятсен сообщил начальнику японского Генштаба Уэхара Юсаку: после долгих размышлений он вновь изменил свою позицию в отношении Маньчжурии и вернулся к допущению в случае необходимости передать японцам права на эту часть китайской территории[1].

Сопоставим то, чего хотелось Утида Рёхэй, некоторые существенные пункты 5-го раздела «21 требования» и посулы Сунь Ятсена, имеющие отношение к суверенитету Китая.

План Утида	«21 требование»	Проект Сунь Ятсена
Признавая особые права Японии в Южной Маньчжурии и Вн. Монголии, Китай передает Японии суверенитет над этими территориями, чтобы Япония могла на прочном основании осуществлять оборону этого региона.		Если Япония окажет китайской революции поддержку тремя или более дивизиями резервистов, а также оружием, исключительные права на Три Восточные Провинции могут быть уступлены Японии.[2]
Имея в виду реформирование своей армии, Китай поручает это дело японским инструкторам. Для создания и укрепления флота Китай приглашает японских инструкторов.	Центральное правительство Китая использует японских граждан в качестве политических, финансовых и военных советников.	В случае если армия и флот Китая будут пользоваться услугами иностранных советников, то они будут комплектоваться преимущественно из граждан Японии.
Для унификации вооружения и боеприпасов Китай впредь будет использовать оружие японского производства, создав при содействии Японии оружейные заводы в стратегически важных пунктах.	В Японии закупается определенное количество вооружения (более половины всего вооружения, необходимого китайскому правительству) или на территории Китая создаются военные заводы, для работы на них приглашаются	В целях облегчения сотрудничества Японии и Китая в области ведения боевых действий армия и флот Китая будут использовать оружие, боеприпасы и оснащение японского образца.

[1] *Дуань Юньчжан*. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 464.

[2] Устное сообщение Сунь Ятсена начальнику японского Генерального штаба.

План Утида	«21 требование»	Проект Сунь Ятсена
	японские технические специалисты, а также используются японские материалы.	
После того как Япония оккупирует район залива Цзяочжоу, она получает все ранее принадлежавшие Германии права на железную дорогу, разработку полезных ископаемых и пр. Для реформирования финансовой системы и методов сбора налогов Китай поручает эту работу Японии. Япония рекомендует способных финансистов, которых назначают высшими советниками при китайском правительстве. Китай приглашает японских специалистов в сфере образования в качестве советников.		Естественные ресурсы Японии уже исчерпаны, и она лишена возможностей для дальнейшего развития, а Китай представляет собой огромную страну с еще не освоенными богатейшими природными ресурсами[1]. Для обеспечения сотрудничества Японии и Китая в политической сфере в случае приглашения иностранцев для занятия должностей в центральном и местных правительствах преимущество отдается гражданам Японии. Япония окажет Китаю содействие в совершенствовании его административной системы и преобразовании армии, чтобы Китай превратился в сильное государство. Япония предоставит помощь для реформирования денежной системы Китая и осуществит эту реформу в короткие сроки.
	Учитывая прежние полицейские инциденты, впредь там, где это необходимо, учреждается совместная японо-китайская полиция, и для совершенствования ее деятельности приглашаются японские граждане.	Я уже договорился с Сунь Ятсеном, что, захватив одну-две намеченные провинции, мы прежде всего назначим японцев полицейскими советниками и военными инструкторами.[2]

[1] Из письма Сунь Ятсена премьеру Окума.

[2] Заявление Чэнь Цимэя 12 сентября 1914 г. // Деятельность Сунь Ятсена в Японии. Август 1913 г. — апрель 1916 г. По материалам архива МИД Японии. С. 690.

План Утида	«21 требование»	Проект Сунь Ятсена
Прежде чем заключить с другим государством соглашение о предоставлении займа, передаче концессии или уступке территории, Китай должен предварительно получить согласие Японии.	Если для строительства железных дорог, разработки полезных ископаемых или оборудования портов на территории Фуцзяни потребуются внешние займы, этот вопрос будет предварительно обсуждаться с Японией.	По всем важнейшим вопросам, касающимся третьих стран в Восточной Азии, Япония и Китай будут предварительно обмениваться мнениями для согласования своих позиций.
		Япония окажет помощь Китаю в пересмотре неравноправных международных договоров, создании независимой таможенной системы, а также отмене права экстерриториальности.

Приведенная таблица говорит сама за себя. Имея ее перед глазами, Исии мог действовать наверняка.

Получите и распишитесь!

Для Сунь Ятсена этот подарок судьбы был полной неожиданностью. Как и прежде, он поспешил поделиться радостной новостью с Этель Ли:

> Я знаю, что, глубоко интересуясь нашими делами, Вы будете рады узнать, что все наши начинания быстро продвигаются вперед в соответствии с нашими первоначальными планами и сложившейся ныне обстановкой! <...> Я уже полностью отказался от намерения отправиться в Америку для чтения лекций, потому что уверен, что наибольшие результаты принесет мое пребывание здесь, а не в какой бы то ни было другой точке земного шара[1].

Вскоре после этого Сунь Ятсен пишет Ли не менее вдохновенные строки:

> Я абсолютно убежден в том, что наши чаяния вот-вот осуществятся. <...> Факты докажут, что я не зря трудился последние два года![2]

[1] Сунь Ятсен — Э. Ли, 20 ноября 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 376.

[2] Сунь Ятсен — Э. Ли, 11 января 1916 г. // Там же. С. 385.

Столь же оптимистично высказывался Сунь Ятсен в письме к вдове Кэнтли:

> Очень скоро мы одержим победу, и этот успех придет даже раньше, чем этого можно ожидать![1]

Чаяния Сунь Ятсена начали осуществляться весной 1916 г. Об этом мы узнаем, как и прежде, главным образом из донесений полицейского управления (решив оказать помощь Сунь Ятсену, правительство все же сочло целесообразным до поры до времени не отменять слежку за политическим эмигрантом).

Связь с лидером Гоминьдана кабинет министров осуществлял не прямо, а через посредников — старых знакомых Сунь Ятсена и связанных с ними лиц — Яманака Минэтаро, Мацусима Дзюнтаро, Акияма Тэйсукэ и др.

В феврале–марте Сунь Ятсен наладил тесный контакт с известным предпринимателем Кухара Фусаносукэ.

Кухара — президент концерна, занимавшегося разработкой полезных ископаемых, один из самых богатых японских *дзайбацу*, действовал в данном случае не по собственной инициативе, а по указке правительства.

Познакомившись с Сунь Ятсеном в 1915 г., Кухара оказывал ему всяческие знаки внимания, подарив, например, старинный меч, который сейчас украшает столовую в шанхайском доме-музее Сунь Ятсена.

Сунь Ятсен очень ценил этот подарок Кухара

[1] Сунь Ятсен — Кэнтли, 18 января 1916 г. // Там же. С. 387.

Но Кухара делал Сунь Ятсену и еще более ценные подарки.

20 февраля он получил от Кухара 700 000 японских иен.

Помимо расписки в получении денег Сунь Ятсен написал Кухара еще несколько строк:

> Во-первых, заимодавец по достоинству оценил истинные стремления нижеподписавшегося, который издавна стремится к миру на Тихом океане и китайско-японской дружбе. <...>
>
> Во-вторых, если впредь у заимодавца будут связанные с Китаем деловые планы, он должен обсудить их с нижеподписавшимся и тот обязательно будет содействовать их осуществлению[1].

То же самое, но в более развернутом виде Сунь Ятсен изложил в письме к Кухара, написанном через два дня после этого:

> Я посвятил много лет своей жизни борьбе за мир на Востоке и дружественные отношения между Китаем и Японией. Моя скромная мечта осуществилась. <...> Мною получены переданные мне 700 тысяч иен, о чем я приложил расписку. Благодаря помощи, оказанной Вашим Превосходительством, мои планы смогут наконец завершиться успехом. Я несу ответственность за то, чтобы в полном объеме возвратить полученные мною в долг деньги. Если же в будущем у Вашего Превосходительства будут планы в отношении деятельности в Китае, то я и мои товарищи приложим все свои силы к тому, чтобы правительство и деловые круги Китайской Республики благосклонно отнеслись к предпринимательской деятельности Вашего Превосходительства в Китае, с тем чтобы хотя бы в какой-то мере отблагодарить Вас за Вашу любезность[2].

Но на этом дело не закончилось. Более того, это было только начало.

У Сунь Ятсена возникла мысль заключить с Кухара договор о сотрудничестве. Прежде всего 5 марта он обсудил эту идею с Мацусима Дзюнтаро. Обмен мнениями продолжался 7 марта.

8 марта Сунь Ятсен в сопровождении Мацусима отправился домой к Кухара Фусаносукэ и имел с ним длительную беседу. В результате этого 10 марта на квартире Кухара был подписан контракт о передаче ему прав

Кухара Фусаносукэ (1869–1965)

[1] Сунь Ятсен — Кухара, 20 февраля 1916 г. // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. С. 455.

[2] Сунь Ятсен — Кухара, 22 февраля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 392.

на разработку полезных ископаемых в Сычуани в обмен на предоставление Сунь Ятсену займа. Подписи под документом с китайской стороны поставили Сунь Ятсен и Дай Цзитао, с японской – Мацусима и Яманака[1].

Не было ни гроша, а тут вдруг алтын. В тот же день 10 марта Сунь Ятсен заключил еще одно соглашение, на этот раз с Такэути Корихико и Накаяма Токитаро.

> [Мы, нижеподписавшиеся] Сунь Ятсен, Ван Тунъи и Дай Цзитао, начиная революцию с целью преобразования расстроенной политической системы Китая, и Такэути Корихико и Накаяма Токитаро, которые намерены предоставить необходимые для этого средства, имея в виду способствовать вечному спокойствию и благополучию Восточной Азии, заключили нижеследующее соглашение (Сунь Ятсен, Ван Тунъи и Дай Цзитао в дальнейшем именуются «А», Такэути Корихико и Накаяма Токитаро — «Б»):
>
> 1) «А» осуществят в Китае идеальное правление и будут действовать рука об руку с Японией в целях способствования спокойствию и процветанию Восточной Азии;
> 2) «Б» окажут материальную помощь революции; способ выплаты, условия предоставления и сроки помощи будут согласованы;
> 3) Шанхайское коммерческое бюро и Машиностроительная компания в Цзяннани становятся совместной собственностью; «Б» осуществляет управление ею и назначает ответственных за это лиц;
> 4) «А» предоставляют «Б» преимущественное право распоряжаться рудниками и местами добычи нефти в нижеперечисленных районах (Сычуань, Хунань, Хубэй, Аньхуй, Юньнань);
> 5) Помимо перечисленных, во всех районах в пределах юрисдикции «А» создаются соответствующие условия для свободной предпринимательской деятельности «Б» в области разработки полезных ископаемых;
> 6) В управлении по использованию природных ресурсов, которое будет создано при правительстве, «А» согласны с тем, чтобы его техническим руководителем стал специалист, рекомендованный «Б» (в будущем этот пост будет предоставлен китайцу);
> 7) Военные корабли для китайского флота (за исключением построенных в Китае) приобретаются в Японии;
> 8) Руководимое «А» правительство еще не создано, но, полагаясь на его авторитет, «А», равно как и дружественные им правительства, гарантируют соблюдение настоящего соглашения <...>[2].

[1] 俞辛醇。孙文の革命运动と日本 (*Юй Синьтунь*. Революционная деятельность Сунь Ятсена и Япония). Токио. 1989. С. 265.

[2] Копия этого соглашения хранится в архиве Чжан Гоганя, переданном им Институту новейшей истории АОН Китая (раздел «Документы китайско-японских отношений за 1916–1922 гг.». 1-350-225).

Заключив это соглашение, Сунь Ятсен продолжал обсуждать с Кухара планы дальнейшего сотрудничества. Их очередная встреча состоялась 19 марта. В общей сложности с февраля по апрель 1916 г. Сунь Ятсен получил от Кухара 240 000 иен[1].

Но дело не ограничивалось только займами. После отставки Като Такааки прежние расхождения между Министерством иностранных дел и Генеральным штабом японской армии были устранены, и руководители Генштаба теперь активно участвовали в разработке деталей нового курса в отношении Китая. Ключевой фигурой в этом отношении был заместитель начальника Генерального штаба Танака Гиити.

Танака Гиити (1863–1929)

Его взаимопонимание с Сунь Ятсеном сложилось не сразу.

По словам Дай Цзитао, Танака считал необходимым на Юге поддерживать Цэнь Чуньсюаня и Тан Цзияо, в центральном Китае – Чжан Сюня, на Севере — Дуан Цижуя, на Северо-Востоке – Чжан Цзолиня. Танака был против объединения Китая, тем более под эгидой Гоминьдана во главе с Сунь Ятсеном. Тем не менее Сунь Ятсен возлагал на общение с Танака большие надежды[2].

И в конце концов усилия Сунь Ятсена не пропали даром.

29 марта Сунь Ятсен и Дай Цзитао нанесли визит начальнику разведывательного отдела Генштаба генералу Фудзита Масатаро, а затем ночью 7 апреля они на квартире Акияма встречались с Танака Гиити.

8 апреля там же состоялась еще одна встреча в том же составе. Она продолжалась до 12 часов ночи.

В дальнейшем Сунь Ятсен регулярно отчитывался перед Танака обо всех действиях, предпринимавшихся Гоминьданом.

26 апреля Сунь Ятсен имел еще одну беседу с Фудзита. Предполагают, что речь во время этих встреч шла о закупке вооружения на средства, полученные у Кухара.

Дело было поставлено на широкую ногу. Речь шла не только о стрелковом оружии.

---

[1] 胜田龙夫。中国贷款与胜田主计 (*Кацуда Тацуо*. Займы Китаю и Кацуда Кадзуэ) // 近代史资料 (Материалы по новейшей истории). Т. 45. С. 192.

[2] *Дай Цзитао*. О Японии. С. 117–119.

У Сунь Ятсена была мечта — иметь собственный авиаотряд, оснащенный современными самолетами. Поэтому еще в начале февраля он познакомился с японским летчиком Сакамото, некогда обучавшимся в Соединенных Штатах. Во время их первой встречи Сунь Ятсен изложил свой план: организовать близ Киото летную школу Гоминьдана, в которой Сакамото был бы главным инструктором.

После этого Сунь Ятсен распорядился, чтобы его сообщники в Сан-Франциско навели справки по поводу покупки десяти «самолетов мощностью более 100 лошадиных сил, приспособленных для ведения боевых действий»[1].

Выяснилось, что такая покупка все же ему не по карману, и Сунь Ятсен уточнил, что вместо десяти придется ограничиться двумя самолетами[2]. Заказ на покупку самолетов был сделан, и 25 апреля Чжоу Инши по поручению Сунь Ятсена заключил с Сакамото соглашение о подготовке летчиков.

Чжоу Инши (1884–1930)

Текст соглашения гласил:

> 25 апреля 5-го года Тайсё нижеподписавшиеся Чжоу Инши (сторона А) и Сакамото Хисаити (сторона Б) заключили в Токио <...> следующее соглашение о подготовке летчиков:
>
> ***** Количество обучающихся — более 10 человек. Каждый обучающийся с начала учебных полетов до окончания курса вносит плату за обучение в размере 10 000 иен.
>
> Все расходы <...> на протяжении шести месяцев с начала занятий несет сторона Б.
>
> ***** Порядок внесения платы за обучение:
>
> 1) после начала обучения вносится 5 000 иен;
>
> 2) через два месяца после начала обучения в случае, если обучающийся добился соответствующих успехов, вносится 2 500 иен;
>
> 3) через четыре месяца после начала обучения в случае, если обучающийся добился соответствующих успехов, вносится 2 500 иен.
>
> ***** В процессе обучения сторона Б несет полную ответственность перед стороной А, в полном объеме гарантируя овладение обучающимися летной техникой. В случае, если после завершения курса обучающийся недостаточно овладел необходимыми навыками (за исключением тех

[1] Сунь Ятсен — в редакцию газеты «Шаонянь чжунго бао», 21 марта 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 397.

[2] Сунь Ятсен — Ху Вэйсюню, 10 апреля 1916 г. // Там же. С. 407.

Боевой самолет времен 1-й мировой войны

случаев, когда обучающийся проявляет неспособность к учебе), сторона Б продолжает обучение бесплатно, неся все соответствующие расходы.

***** В случае необходимости сторона А обращается к стороне Б с просьбой направиться в Китай и компенсирует стороне Б необходимые расходы.

***** Сторона Б удовлетворяет эту просьбу стороны А и занимается в Китае летной деятельностью.

***** Если одна из сторон нарушит условия настоящего соглашения, она выплачивает неустойку <...>[1].

У Сунь Ятсена было еще одно далеко идущее пожелание к Генштабу. Он попросил согласия на участие в грядущих боевых действиях японских резервистов в количестве ни много ни мало нескольких дивизий. Этот вопрос был настолько серьезен, что Сунь Ятсен долго не получал на него ни негативного, ни позитивного ответа.

Две проблемы, настоятельно требовавшие решения

Действия «Армады», начавшей в январе 1916 г. военные действия против правительства Юань Шикая, вызывали у Сунь Ятсена двойственные чувства.

С одной стороны, они радовали лидера Гоминьдана, коль скоро были направлены к той же цели, к которой стремился он сам.

Но с другой стороны, сложившаяся ситуация огорчала д-ра Суня: руководили карательным походом другие люди, а он, всегда мысливший революцию только под своим началом, оставался в стороне от стремительно развивавшихся событий и ему грозила перспектива превратиться из главного действующего лица в пассивного свидетеля свержения Юань Шикая.

[1] Соглашение о подготовке летчиков, подписанное Чжоу Инши и Сакамото // Гэмин вэньсянь. № 46. С. 479–480.

Прежняя уверенность Сунь Ятсена, что эта цель может быть достигнута исключительно военным путем, изменений не претерпела:

> Наша партия, выступая за народовластие и народное благосостояние, отдает себе отчет в том, что без слома [старого] с помощью военной силы невозможно покончить со скверной деспотического правления <...>. Пусть это принесет народу трудности и страдания, пусть торговцы и промышленники не смогут заниматься своим делом, а имущество граждан потерпит урон, всё равно нужно сделать усилие, которое принесет вечное благоденствие. Я надеюсь, что наши соотечественники поймут это и согласятся с этим[1].

А военное выступление требовало единого руководства:

> После поражения 1913 г. я обдумывал уроки прошлого, чтобы не повторить прежних ошибок, и пришел к выводу, что причиной неудачи были два обстоятельства — непослушание подчиненных и отсутствие единства[2].

Каким же образом можно было избежать допущенных ошибок?

Задача эта, по мысли Сунь Ятсена, была еще более сложной, чем во время «Второй революции»: тогда непослушание проявляли деятели, являвшиеся членами одной с ним партии; сейчас повстанцы в организационном отношении не имели к Сунь Ятсену никакого отношения, а кое-кто из них вообще его на дух не принимал.

Последнее касалось, в частности, Цэнь Чуньсюня, независимо от Сунь Ятсена добившегося помощи со стороны японцев.

«После того как Цэнь приехал сюда, — писал Сунь Ятсен Чэнь Цимэю, — я один раз встречался с ним, но безрезультатно»[3].

А еще через некоторое время бывшему потенциальному союзнику была дана следующая нелицеприятная характеристика, исключавшая всякую возможность сотрудничества:

> Что касается Цэнь Чуньсюня, то это старорежимный бюрократ с крайне нелепым мировоззрением, решительно не способный руководить Китаем. А его последователи — всего-навсего марионетки[4].

Надеждам Сунь Ятсена на то, что антиюаньшикаевское движение будет выступать под флагом Гоминьдана, сбыться было не суждено.

Не менее важная проблема, требовавшая незамедлительного решения, — где должна располагаться база «Третьей революции».

---

[1] Сунь Ятсен — в торговую палату Илана, 13 декабря 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 378–379.

[2] Сунь Ятсен — Хуан Цзиннаню, 13 декабря 1915 г. // Там же. С. 378.

[3] Сунь Ятсен — Чэнь Цимэю, 23 февраля 1916 г. // Там же. С. 392.

[4] Сунь Ятсен — Ху Вэйсюню, 10 апреля 1916 г. // Там же. С. 407.

Пути Сунь Ятсена и Цэнь Чуньсюня разошлись

Кантонец Сунь Ятсен как всегда предпочитал Южный Китай. Но сейчас он понимал, что в этом случае будет лишь одним среди многих. На этот раз ему был нужен район, дающий существенные стратегические преимущества перед друзьями-соперниками:

> Армии Юньнани и Гуйчжоу располагаются на окраине, и исход боевых действий трудно предсказать. Поэтому я хочу сократить продолжительность войны и гарантировать решимость всей страны. Так можно будет наименьшими усилиями добиться двойного результата. <...> Начинать надо с района, служащего базой Юань Шикаю[1].

На первых порах в качестве такого района был избран Шанхай, а выбор запасного плацдарма пал на Шаньдун.

В Шанхае в это время находился Чэнь Цимэй и еще несколько функционеров Гоминьдана, туда же вскоре должен был прибыть Ван Тунъи. Был разработан план, согласно которому предполагалось захватить правительственную эскадру, а затем овладеть городом.

В это время из Пекина поступило сообщение о том, что Моррисон предложил Юань Шикаю временно уйти в отставку, передав бразды правления Ли Юаньхуну, а после окончания мировой войны вновь стать президентом.

«Поэтому действия в Шанхае, — писал Сунь Ятсен своим шанхайским соратникам, — нужно начинать до того, как Юань уйдет со своего поста»[2].

---

[1] Сунь Ятсен — деятелям провинций Хэбэй, Шаньдун и Шаньси, 13 марта 1916 г. // Там же. С. 393.

[2] Сунь Ятсен — в Шанхай, 26 марта 1916 г. // Там же. С. 399.

Набережная Шанхая

Déjà vu: Сунь Ятсену нужно было не просто устранение Юань Шикая, а его устранение путем усилий главы Гоминьдана, в противном случае операция утрачивала смысл!

Сунь Ятсен торопил инсургентов: «После того как Шанхай будет захвачен, получать [в Японии] деньги и оружие будет легче»[1].

Однако шанхайская акция потерпела неудачу. Тогда на первый план вышел запасной вариант — Шаньдунский полуостров.

Северо-Восточная армия

Называясь «Северо-Восточной», эта армия не имела какого-либо отношения к Северо-Восточному Китаю в его современном словоупотреблении: для южан провинция Шаньдун тоже была «Северо-Востоком» страны.

[1] Сунь Ятсен — в Шанхай, 28 марта 1916 г. // Там же. С. 399–400.

Шаньдун: плюсы и минусы

Шаньдун представлялся идеальным театром военных действий, целью которых было свержение Юань Шикая.

Прежде всего — его географическое расположение. Юньнань, Гуанси и Гуйчжоу отделяли от Пекина многие тысячи километров; Шаньдун был максимально приближен к конечной точке карательного похода. Но главное заключалось даже не в этом.

В 1916 г. полуостров фактически находился в руках Страны Восходящего Солнца. Под контролем японской оккупационной армии была важная железнодорожная магистраль, связывавшая порт Циндао – главный опорный пункт Японии в Шаньдуне – с провинциальным центром Цзинанью. На территории, занятой японцами, можно было без помех подготовить военную операцию, а во время ее проведения Северо-Восточной армии была гарантирована всесторонняя помощь.

Правда, были у Шаньдуна и свои минусы.

Основным минусом было то, что против Юань Шикая в Шаньдуне выступали деятели, многие из которых не собирались действовать под эгидой Сунь Ятсена, а некоторые и вовсе не могли найти с ним общего языка.

Таким, в частности, был Лю Датун, пользовавшийся у себя на родине, в Шаньдуне, широкой известностью.

В марте 1916 г. Лю Датун побывал в Японии и общался с Сунь Ятсеном, но эта встреча привела к их полному разрыву, и после этого Сунь Ятсен написал Цзюй Чжэну:

> Говорят, Лю Датун вернулся в Шаньдун. Этот человек дурака валяет, иметь с ним дело нельзя![1]

Конфликт Сунь Ятсена с Лю Датуном имел давнюю историю. Еще 11 мая 1915 г. Се Чи записал в своем дневнике, что члены Гоминьдана утратили чувство партийной ответственности, и приводил в качестве примера Лю Датуна, которому «нельзя поручать важные государственные дела»[2].

Лю Датун (1865–1952)

[1] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 30 марта 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 401.

[2] Непубликовавшийся дневник Се Чи. Т. 2. С. 34.

Распределяя обязанности ведущих функционеров Гоминьдана, которые должны были стать ответственными за подготовку грядущего выступления в различных частях Китая, д-р Сунь вручил судьбу Шаньдунского полуострова уроженцу этих мест члену Гоминдана У Дачжоу.

У Дачжоу (1884–1918)

Будучи хорошо знаком с обстановкой, У Дачжоу представил лидеру партии свои предложения о целях и методах ведения боевых действий на территории Шаньдуна.

Автор этого плана предусмотрел два возможных варианта: одновременное наступление где-нибудь на юге и самостоятельная операция против Пекина.

Подписанный Сунь Ятсеном приказ о назначении У Дачжоу командующим «Шаньдунской революционной армией»

По поводу первого варианта У Дачжоу писал:

> Шаньдун искони был ключевой территорией между Югом и Севером и главным опорным пунктом противника, поэтому трудно добиться того, чтобы он объявил независимость.
>
> Однако если действовать одновременно с Цзянсу и Чжэцзяном, то после выступления в этих двух провинциях следует разрушить Тяньцзинь-Пукоускую железную дорогу, с тем чтобы переброска войск Севера на юг была бы затруднена, тогда как армия Цзянсу и Чжэцзяна могла бы двигаться на север. Это была бы уже половина дела.

Что касается второго варианта, полагал У Дачжоу, то надежды на успех были минимальны ввиду значительного численного превосходства сил противника[1].

Место У Дачжоу занимает Цзюй Чжэн

Сунь Ятсена счел представленный У Дачжоу план неудовлетворительным по двум причинам: во-первых, на одновременное выступление в Шаньдуне и Цзянсу–Чжэцзяне в это время было трудно рассчитывать: во-вторых, и это было главное, план У Дачжоу не учитывал то обстоятельство, что успех шаньдунской кампании был гарантирован непосредственной помощью со стороны японских оккупационных войск.

Цзюй Чжэн (1876–1951)

Сунь Ятсен решает перетасовать колоду: только что назначенный У Дачжоу был смещен с должности командующего революционными войсками в Шаньдуне, а на этот пост неожиданно для многих был назначен Цзюй Чжэн — человек сугубо цивильный, к военному делу никогда никакого отношения не имевший.

В январе 1916 г. Цзюй Чжэн прибыл из Даляня в Циндао и вступил в контакт с местной японской военной администрацией. В результате в свое полное распоряжение командующий «Северо-Восточной армии» получил одно из лучших зданий в Циндао. Раньше здесь находился офис германского генерал-губернатора Шаньдуна, а позднее размещалось одно из подразделений штаба оккупационной японской армии (сейчас в этом здании Исторический музей Циндао).

После более чем скромных (если не сказать большего) бытовых условий, в которых функционеры Гоминьдана жили в Японии, подобная роскошь Цзюй Чжэну не могла и сниться. Это вселяло в него уверенность в конечном успехе предпринимаемой акции.

Подготовка к началу военных действий шла полным ходом. За ней издалека внимательно следил Сунь Ятсен. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: с середины марта до конца апреля он направил Цзюй Чжэну 13 (!) телеграмм, требуя подробной информации и давая свои руководящие указания.

[1] 吴大洲。山东筹划大略 (*У Дачжоу*. Основные принципы Шаньдунского плана) // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 274–275, 277.

13 марта по поводу отправленных в Циндао денег:

Так же как и предыдущие, этот транш целиком предназначается на шаньдунские нужды, поэтому деньги можно тратить все без остатка. Очень надеюсь на то, что выступление начнется до конца этого месяца. Нужно приступать к делу немедля[1].

19 марта:

20-го телеграфом посылаю 5 000[2].

23 марта:

Винтовки уже заказаны и скоро будут доставлены. После того как будет зафрахтован пароход, сообщу.

28 марта:

Судно готово, прибудет к вам примерно 14 числа[3].

Помещение штаба «Северо-Восточной армии» в Циндао

Сунь Ятсен разрешил Цзюй Чжэну использовать присылаемые деньги на подкуп солдат расквартированной в Шаньдуне 5-й дивизии правительственных войск[4].

В апреле, казалось, всё было готово к началу военных действий. Для того чтобы из памяти потомков не изгладились будущие боевые подвиги, для бойцов «Северо-Восточной армии» были даже заранее заказаны мемориальные медали.

Цзюй Чжэн рассчитывал на то, что введение в «Северо-Восточной армии» железной дисциплины обеспечит ей поддержку со стороны местного населения.

Памятная медаль бойца 1-й дивизии «Северо-Восточной армии»

[1] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 13 марта 1916 г. // Чжунъян данъу юэкань. 1928. № 8. С. 7.

[2] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 19 марта 1916 г. // Там же. С. 8.

[3] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 13 марта 1916 г. // Там же. С. 12.

[4] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 29 марта 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 400.

Подписанный им дисциплинарный устав включал ни много ни мало 25 (!) пунктов:

1) За неподчинение приказам — расстрел.

2) За отступление с боевых позиций — расстрел.

3) За разглашение военной тайны — расстрел.

4) За дезертирство — расстрел.

5) За предательство — расстрел.

6) За грабеж — расстрел.

7) За поджог жилищ местного населения — расстрел.

8) За изнасилование — расстрел.

9) За взяточничество — расстрел.

10) За сведение личных счетов — расстрел.

11) За незаконное задержание местных жителей — расстрел.

12) За применение оружия против однополчан — расстрел.

13) За фальсификацию списков личного состава с целью получения дополнительного довольствия — расстрел.

14) За убийство иностранцев и поджог церквей — расстрел.

15) За клевету — расстрел.

16) За торговлю людьми и вымогательство — расстрел.

17) За принуждение покупать и продавать — заключение под стражу.

18) За драки со смертельным исходом или ранением — заключение под стражу.

19) За утерю оружия и боеприпасов — заключение под стражу.

20) За утаивание и торговлю трофейным оружием — заключение под стражу.

21) За самовольное пребывание в жилище местных жителей — заключение под стражу.

22) За азартные игры — заключение под стражу.

23) За курение опиума — заключение под стражу.

24) За пьянство — заключение под стражу.

25) За разврат и посещение публичных домов — заключение под стражу[1].

За границей рекрутируются бойцы-смертники

Чтобы гарантировать успех шаньдунской операции, Сунь Ятсен придумал использовать добровольцев из числа китайцев-эмигрантов для соз-

[1] 东北军军律 (Дисциплинарный устав Северо-Восточной армии) // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 286–288.

дания отрядов смертников, которые в решающий момент могли решить исход боя.

В начале апреля он дал указание находившемуся в Юго-Восточной Азии Дэн Цзэжу начать вербовку желающих принять участие в «Третьей революции». Он писал Дэн Цзэжу:

> За последнее время положение некоего господина[1] резко ухудшилось и после того, как он отменил учреждение монархии, ему уже не под силу контролировать ситуацию. Все — и вовне, и внутри — против него, и этот деревенщина, несомненно, обречен. А это делает нашу ответственность еще большей. <...>
>
> Судьба страны еще не определена, и мы должны иметь силу, на которую можно было бы положиться, — военную силу. А как бы ни организовывать и использовать имеющиеся у нас войска, основой их должны послужить товарищи, готовые пожертвовать своей жизнью[2].

Сунь Ятсен добавлял при этом:

> На этих днях из провинций, прилегающих к Янцзы, и с Северо-Востока ожидаются хорошие вести[3].

Одновременно аналогичная работа была начата в Соединенных Штатах и в Канаде. В Гамильтоне было собрано около 500 добровольцев, из которых предстояло создать отряды особого назначения для участия в шаньдунских сражениях.

Ма Сян, ставший впоследствии ближайшим помощником Сунь Ятсена, вспоминал, что, услышав призыв вождя Гоминьдана, он решил вернуться на Родину и осуществить свою давнишнюю мечту — вместе с Сунь Ятсеном принять участие в революции. Он писал:

> Вскоре пришло известие об организации из китайских эмигрантов отрядов смертников <...> Был организован специальный вербовочный пункт. <...> Число добровольцев достигло 500. Записался и я. <...> Очень скоро последовало телеграфное распоряжение Сунь Ятсена отрядам смертников, созданным для борьбы с Юань Шикаем, прибыть в Японию, в Иокогаму, пройти военную подготовку[4].

---

[1] Юань Шикая.

[2] Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 10 апреля 1916 г. // ПССОГ. С. 407–408.

[3] Там же. С. 408.

[4] *Ма Сян*. Десять лет с Сунь Ятсеном // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 135–136.

Глава XV

Место действия — Шаньдун

Зияющая лакуна сегодня должна быть заполнена

«Третья революция» — огромное белое пятно в политической биографии Сунь Ятсена. Причина проста: этот период его деятельности буквально насыщен фактами, о которых апологеты ортодоксальной точки зрения предпочитали умалчивать.

Достаточно сказать, что главный гоминьдановский биограф Сунь Ятсена У Сянсян в своем фундаментальном исследовании, насчитывающем 1783 страницы, для освещения этого важного отрезка жизни своего героя выделил восемь страниц[1].

Г. В. Ефимов, посвятивший деятельности Сунь Ятсена в 1914–1922 гг. специальную монографию, счел возможным отвести событиям «Третьей революции» чуть более одной страницы[2].

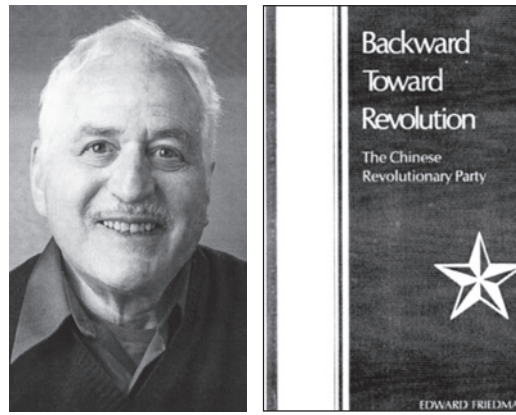
Что же касается С. Л. Тихвинского[3], то читатель его монографии вполне может прийти к выводу, что никакой «Третьей революции» вообще не было: о ней в книге он не найдет ни единой строчки.

---

[1] 吴相湘。孙逸仙先生传 (*У Сянсян*. Биография Сунь Ятсена). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 1252–1259).

[2] *Ефимов Г. В*. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1933. М. 1981. С. 67–69.

[3] *Тихвинский С. Л*. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964.



Эдвард Фридман (1889–1987) и его книга «Назад к революции»

К счастью, отнюдь не все историки прошлого века исповедовали принцип партийности науки и заповедь «об этом — ни-ни!» не ограничивала их исследовательские возможности.

Среди этих исследователей нужно, прежде всего, отметить американца — почетного профессора Университета Висконсин-Мэдисон Эдварда Фридмана, автора выдержавшей два издания монографии «Назад к революции. Китайская революционная партия»[1], на сегодняшний день наиболее детально и всесторонне, а главное — непредвзято и объективно освещающей сложные проблемы «Третьей революции» Сунь Ятсена.

Автор этой книги основывался на широком круге источников. Однако за полвека, прошедшие после ее публикации, в распоряжении исследователя появилось порядочное количество ранее неизвестных документов, позволяющих более полно восстановить события 1916 г.

Воспоминания участников событий

На первое место среди источников, освещающих предпосылки, ход и итоги «Третьей революции», нужно по праву поставить мемуары ее современников и участников.

[1] *Friedman E.* Backward to Revolution. The Chinese Revolutionary Party. Berkeley–Los Angeles–London. 1974.

Янь Гофу
(1900–1975)

За эти годы их появилось немало, но, пожалуй, самая интересная информация содержится в воспоминаниях Янь Гофу[1]. Во время «Третьей революции» ему было всего 16 лет, но люди и события накрепко запечатлелись в его юношеской памяти: автор сам отмечал, что, сверяя свои записки с вновь найденными документами, он не обнаружил сколько-нибудь существенных отклонений от реального хода событий[2].

Не менее информативны воспоминания и другого непосредственного свидетеля событий – Ван Линьгэ[3], который, помимо всего прочего, дает в приложении к своим мемуарам письма и телеграммы участников боевых операций в Шаньдуне, а также воззвания руководителей революционной «Северо-Восточной армии» и другие оригинальные документы. Весьма значительный интерес представляют также записки хорошо знакомого с деятельностью У Дачжоу некоего Пан Иньнаня[4] и другие аналогичные материалы.

Ван Линьгэ

Участие в «Третьей революции» принимали и японцы. Перу одного из видных *рёнин* Каяно Нагатомо принадлежат малоизвестные воспоминания, опубликованные в 1926 г. в Токио[5].

---

[1] 延国符。山东讨袁革命史略 (*Янь Гофу*. Краткий очерк истории антиюаньшикаевской революции в Шаньдуне). Ч. 1 // Чжуаньцзи вэньсюэ. Т. 15. № 6. С. 31–36; Ч. 2 // Там же. Т. 16. № 1. С. 79–83.

[2] Там же. Ч. 1. С. 31.

[3] 王麟阁。袁世凯叛变革命与民五讨袁 (*Ван Линьгэ*. Предательство революции Юань Шикаем и карательный поход против Юань Шикая в 5-м году Республики) // 山东近代史资料 (Материалы по новейшей истории Шаньдуна). Т. 2. Цзинань. 1958. С. 279–297.

[4] 潘蔭南。民国五年吴大洲在周村独立概略 (*Пан Иньнань*. Коротко об объявлении У Дачжоу независимости Чжоуцуни) // Там же. С. 341–381.

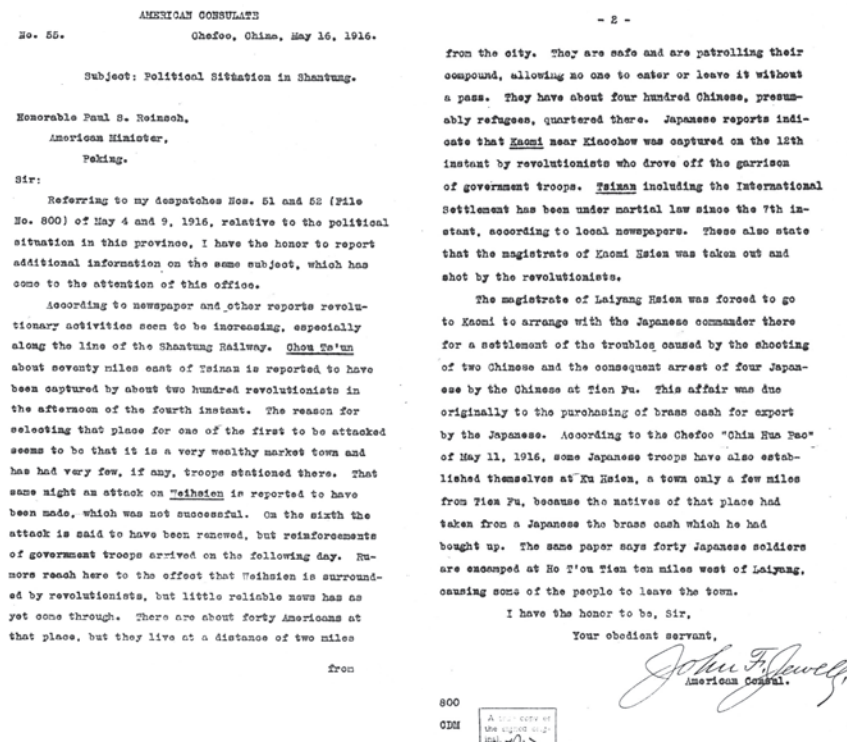
[5] 萱野长知。中华民国革命秘笈 (*Каяно Нагатомо*. Революционные тайны Китайской Республики). Токио. 1926.

Ценность этих источников заключается в том, что содержащиеся в них свидетельства дополняют друг друга.

Донесения иностранных наблюдателей и материалы прессы

Исторический источник совершенно иного рода — сообщения, отражающие взгляд со стороны, в данном случае — доклады зарубежных консулов.

Наибольшую ценность в этом отношении представляют донесения американских и английских консулов, аккредитованных главным образом в Чифу и Цзинани, а также обобщающие доклады в соответствующий МИД посланников двух стран.



AMERICAN CONSULATE

No. 55. Chefoo, China, May 16, 1916.

Subject: Political Situation in Shantung.

Honorable Paul S. Reinsch,
American Minister,
Peking.

Sir:

Referring to my despatches Nos. 51 and 52 (File No. 800) of May 4 and 9, 1916, relative to the political situation in this province, I have the honor to report additional information on the same subject, which has come to the attention of this office.

According to newspaper and other reports revolutionary activities seem to be increasing, especially along the line of the Shantung Railway. Chow Ts'un about seventy miles east of Tsinan is reported to have been captured by about two hundred revolutionists in the afternoon of the fourth instant. The reason for selecting that place for one of the first to be attacked seems to be that it is a very wealthy market town and has had very few, if any, troops stationed there. That same night an attack on Weihsien is reported to have been made, which was not successful. On the sixth the attack is said to have been renewed, but reinforcements of government troops arrived on the following day. Rumors reach here to the effect that Weihsien is surrounded by revolutionists, but little reliable news has as yet come through. There are about forty Americans at that place, but they live at a distance of two miles from

- 2 -

from the city. They are safe and are patrolling their compound, allowing no one to enter or leave it without a pass. They have about four hundred Chinese, presumably refugees, quartered there. Japanese reports indicate that Kaomi near Kiaochow was captured on the 12th instant by revolutionists who drove off the garrison of government troops. Tsinan including the International Settlement has been under martial law since the 7th instant, according to local newspapers. These also state that the magistrate of Kaomi Hsien was taken out and shot by the revolutionists.

The magistrate of Laiyang Hsien was forced to go to Kaomi to arrange with the Japanese commander there for a settlement of the troubles caused by the shooting of two Chinese and the consequent arrest of four Japanese by the Chinese at Tien Fu. This affair was due originally to the purchasing of brass cash for export by the Japanese. According to the Chefoo "Chin Hua Pao" of May 11, 1916, some Japanese troops have also established themselves at Ku Hsien, a town only a few miles from Tien Fu, because the natives of that place had taken from a Japanese the brass cash which he had bought up. The same paper says forty Japanese soldiers are encamped at Ho T'on Tien ten miles west of Laiyang, causing some of the people to leave the town.

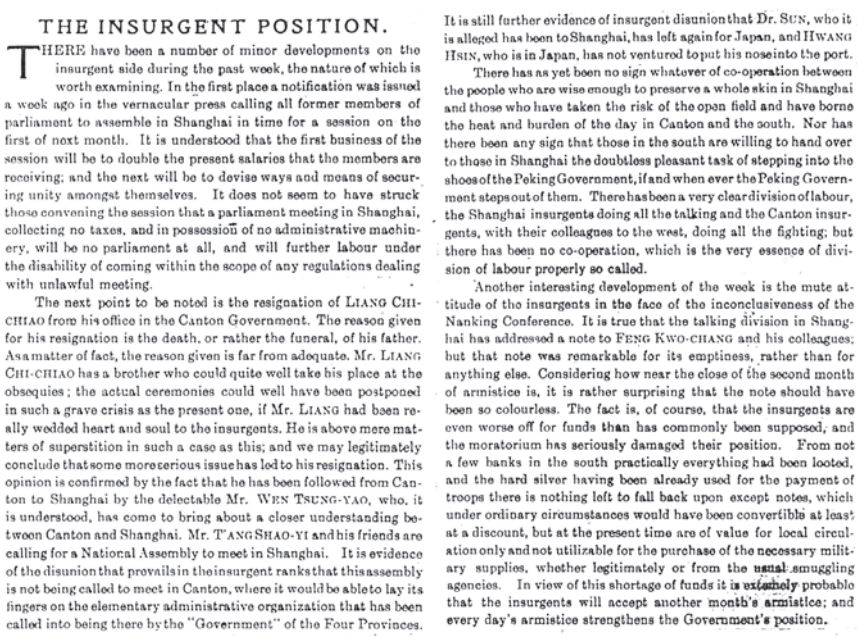
I have the honor to be, Sir,

Your obedient servant,

John F. Jewell
American Consul.

800
CDM

Доклад американского консула в Чифу Дж. Джуэлла посланнику США П. Рейншу от 16 мая 1916 г.



THE INSURGENT POSITION.

THERE have been a number of minor developments on the insurgent side during the past week, the nature of which is worth examining. In the first place a notification was issued a week ago in the vernacular press calling all former members of parliament to assemble in Shanghai in time for a session on the first of next month. It is understood that the first business of the session will be to double the present salaries that the members are receiving; and the next will be to devise ways and means of securing unity amongst themselves. It does not seem to have struck those convening the session that a parliament meeting in Shanghai, collecting no taxes, and in possession of no administrative machinery, will be no parliament at all, and will further labour under the disability of coming within the scope of any regulations dealing with unlawful meeting.

The next point to be noted is the resignation of LIANG CHI-CHIAO from his office in the Canton Government. The reason given for his resignation is the death, or rather the funeral, of his father. As a matter of fact, the reason given is far from adequate. Mr. LIANG CHI-CHIAO has a brother who could quite well take his place at the obsequies; the actual ceremonies could well have been postponed in such a grave crisis as the present one, if Mr. LIANG had been really wedded heart and soul to the insurgents. He is above mere matters of superstition in such a case as this; and we may legitimately conclude that some more serious issue has led to his resignation. This opinion is confirmed by the fact that he has been followed from Canton to Shanghai by the delectable Mr. WEN TSUNG-YAO, who, it is understood, has come to bring about a closer understanding between Canton and Shanghai. Mr. T'ANG SHAO-YI and his friends are calling for a National Assembly to meet in Shanghai. It is evidence of the disunion that prevails in the insurgent ranks that this assembly is not being called to meet in Canton, where it would be able to lay its fingers on the elementary administrative organization that has been called into being there by the "Government" of the Four Provinces.

It is still further evidence of insurgent disunion that Dr. SUN, who it is alleged has been to Shanghai, has left again for Japan, and HWANG HSIN, who is in Japan, has not ventured to put his nose into the port.

There has as yet been no sign whatever of co-operation between the people who are wise enough to preserve a whole skin in Shanghai and those who have taken the risk of the open field and have borne the heat and burden of the day in Canton and the south. Nor has there been any sign that those in the south are willing to hand over to those in Shanghai the doubtless pleasant task of stepping into the shoes of the Peking Government, if and when ever the Peking Government steps out of them. There has been a very clear division of labour, the Shanghai insurgents doing all the talking and the Canton insurgents, with their colleagues to the west, doing all the fighting; but there has been no co-operation, which is the very essence of division of labour properly so called.

Another interesting development of the week is the mute attitude of the insurgents in the face of the inconclusiveness of the Nanking Conference. It is true that the talking division in Shanghai has addressed a note to FENG KWO-CHANG and his colleagues; but that note was remarkable for its emptiness, rather than for anything else. Considering how near the close of the second month of armistice is, it is rather surprising that the note should have been so colourless. The fact is, of course, that the insurgents are even worse off for funds than has commonly been supposed, and the moratorium has seriously damaged their position. From not a few banks in the south practically everything had been looted, and the hard silver having been already used for the payment of troops there is nothing left to fall back upon except notes, which under ordinary circumstances would have been convertible at least at a discount, but at the present time are of value for local circulation only and not utilizable for the purchase of the necessary military supplies, whether legitimately or from the usual smuggling agencies. In view of this shortage of funds it is extremely probable that the insurgents will accept another month's armistice; and every day's armistice strengthens the Government's position.

Статья из «National Review» от 5 июня 1916 г.

К своим донесениям с места событий консулы нередко прилагали вырезки из локальной прессы, также представляющие значительную ценность ввиду того, что в отличие от газет, издававшихся в крупных городах, познакомиться с местными средствами массовой информации в настоящее время зачастую оказывается затруднительным.

Документы из фонда АКИИГ

Все вышеупомянутые материалы в той или иной мере были уже известны исследователям и отчасти использованы теми, кто не считал зазорным сказать правду о «Третьей революции».

Но, помимо этого, авторам данной книги удалось познакомиться с исключительно ценными документами, ранее историкам неизвестными.

Во время работы в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана (АКИИГ) нам неожиданно повезло: нам в руки попали документы фонда 400, не зафиксированные в «Каталоге документов, имеющих отношение к Сунь Ятсену», в большинстве своем никогда не публиковавшиеся и не упоминавшиеся ни в одном из предшествующих исследований.

Фотографировать и ксерокопировать эти источники правилами АКИИГ в отличие от всех прочих материалов, хранящихся в этом архиве, было категорически запрещено, но переписывать от руки разрешалось, чем мы, разумеется, и не преминули тотчас же воспользоваться.

Содержание документов было неожиданным: составленные на японском языке планы операций на территории Шаньдуна, включая «План революционных действий в Шаньдуне», списки офицерского состава «Северо-Восточной армии», перечни доставляемого ей вооружения, переписка руководителей армии с японскими деятелями, распоряжения японских военных и т. д. и т. п.

Документы фонда АКИИГ 400 проливали совершенно новый свет на, казалось бы, уже хорошо известные факты и тем самым ставили совершенно новые вопросы, требовавшиеся осмысления и ответа.

Они фактически заставили нас начать всё сначала и заново пересмотреть все ранее не вызывавшие сомнений материалы.

Эта работа требовала терпения и времени. Но игра стоила свеч. Ее предварительные результаты были изложены в специальной статье на эту тему одного из авторов данной книги, опубликованной в журнале «Проблемы Дальнего Востока»[1], а затем включенной в сборник его избранных работ[2].

«План революционных действий в Шаньдуне»

Го Фанмэй, автор работы об истории «Северо-Восточной армии», утверждал, что документ был составлен Цзюй Чжэном[3]. Этот вывод не имеет под собой оснований.

Прежде всего, документ написан по-японски, причем карандашные пометки на полях сделаны также на японском языке.

---

[1] *Крюков В. М.* Сунь Ятсен и «Третья революция»: шаньдунский вариант // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 108–121.

[2] *Крюков В. М.* Неумолимый червь познанья. Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М. 2009. С. 375–394.

[3] 郭芳美。居正与讨袁东北军 (*Го Фанмэй*. Цзюй Чжэн и антиюаньшикаевская «Северо-Восточная армия») // Цзиньдай чжунго. 1979. № 11. С. 89.

Далее, японцы именуются в тексте «соотечественниками».

Но главное — уже после того как предварительный анализ «Плана» был опубликован, мы обнаружили, что Каяно Нагатомо в своих воспоминаниях цитирует «План» и добавляет: он был «собственноручно составлен мною»[1].

Цели, программа действий, методы осуществления

«План» состоит из 8 разделов.

Раздел № 1 озаглавлен «Цели».

> Цель революции в Шаньдуне — во взаимодействии с провинциями Юга ликвидировать административные органы юаньшикаевского правительства на территории Шаньдуна, объявить о независимости Шаньдуна, воспользовавшись близостью расстояния, создать угрозу Пекину и после этого овладеть ситуацией во всем Китае, сформировав подлинное *правительство прояпонской ориентации*[2].

Таким образом, в этом документе утверждается, что создание «правительства прояпонской ориентации» (亲日政府) было основной целью военных действий в Шаньдуне.

Эта формулировка в принципе противоречит сформулированным в 1914 г. Сунь Ятсеном задачам создания Революционной армии:

> Свержение деспотического правительства, создание подлинной республики, обеспечение нормальных условий жизни народа, укрепление государственного суверенитета[3].

Обратим внимание на тот многозначительный факт, что в книге Каяно наиболее одиозный кусок текста был опущен и о «правительстве прояпонской ориентации» в ней не упоминается.

Пункт № 2 — «Программа революции»:

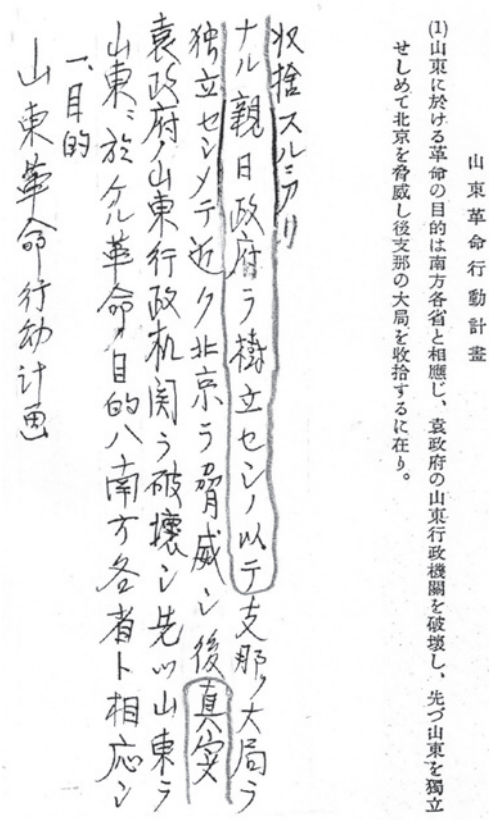
> Центральное место в нынешней ситуации в Шаньдуне занимает генерал Цзинь [Юньпэн], который, возможно, опираясь на общественное мнение, собирается объявить независимость Шаньдуна.

Цзинь Юньпэн (1877–1951)

[1] *Каяно Нагатомо*. Революционные тайны Китайской Республики. С. 222.

[2] 山东革命行动计划 (План революционных действий в Шаньдуне) // АКИИГ. 400-217. С. 1 (курсив наш. — *В. К., М. К.*).

[3] 革命范略 (Программа революции) // ПССОГ. Т. 1. С. 257.



山東革命行動計畫

(1)山東に於ける革命の目的は南方各省と相應じ、袁政府の山東行政機關を破壞し、先づ山東を獨立せしめて北京を脅威し後支那の大局を收拾するに在り。

Слева — пункт № 1 «Плана революционных действий в Шаньдуне», переписанный от руки в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе (столбцы слева направо); справа — тот же пункт, опубликованный в 1926 г. в книге Каяно Нагатомо

Поэтому мы должны предпринять следующие действия, чтобы опередить его и достичь наших целей:

1) недалеко от Циндао или близ Ичжоу обнародовать декларацию независимости в качестве первого сигнала нашей деятельности;

2) сделав это, начать действия на всей территории Шаньдуна, установив контакт с местными силами;

3) готовясь осуществить эти действия и полагаясь на главные революционные силы и ту их часть, которая располагается в Цзинани, захватить уезд Вэйсянь и овладеть положением в Шаньдуне в целом[1].

[1] Там же.

Следующий пункт № 3 — «Осуществление революционных действий» — предполагал захват Вэйсяни на первом этапе и Цзинани – на втором, после чего было запланировано создание правительства.

Одновременно с созданием правительства предполагалось сформировать местные административные органы, подбором кадров для которых надлежало заняться незамедлительно.

В плане специально подчеркивалось, что главным критерием здесь опять-таки является всё та же «прояпонская ориентация» (亲日の意思).

График боевых действий, задействованные силы, подготовка операций

Пункт № 4 — «График боевых действий».

Начало выступления было назначено на 25–26 апреля 1916 г.

Пункт № 5 — «Задействованные силы».

В этой части плана обращает на себя внимание то обстоятельство, что его автор проводил четкое различие между тремя самостоятельными группировками — «сторонниками Цзюй Чжэна», «сторонниками У Дачжоу» и «шаньдунской группировкой» (под последней, судя по всему, имелись в виду сторонники Лю Датуна).

Это значит, что задача, поставленная Сунь Ятсеном, — объединить все антиюаньшикаевские силы, действовавшие на территории если не всего Китая, то по крайней мере в Шаньдуне, под единым гоминьдановским руководством, так и не была выполнена. Различные группировки могли при тех или иных условиях действовать совместно, но в то же время сохраняли свою организационную самостоятельность.

Для наступления на Вэйсянь предполагалось использовать до 300 человек (главным образом из «шаньдунской группировки»); атаковать Цзинань должны были 600 человек «сторонников Цзюй Чжэна и У Дачжоу».

Пункт № 6 — «Подготовка операций».

В этом разделе речь шла, во-первых, о транспортировке войск и военных грузов и, во-вторых, о снаряжении, необходимом на подготовительном этапе.

Подразделениям, предназначенным для атаки на Вэйсянь (включая отряд, который должен был нарушить связь противника), требовалось:

— винтовок — 300;

— ручных гранат — 200;

— взрывчатка для подрыва городских ворот;
— пил — 3;
— топоров — 3;
— веревки;
— опознавательных знаков — 300;
— сухой паёк;
— медикаменты.

Наступавшим на Цзинань требовалось:
— винтовок — 600;
— ручных гранат — 400;
— взрывчатка;
— пил — 10;
— топоров — 10;
— опознавательных знаков — 600;
— сухой паёк;
— медикаменты[1].

В-третьих, состав подразделений, атаковавших Цзинань, определялся на месте партийными руководителями, а предназначавшихся для наступления на Вэйсянь — не «сторонниками Цзюй Чжэна», а «шаньдунской группировкой».

В-четвертых, перед началом операций надлежало в ночное время провести тщательную разведку местности и расположения противника[2].

Пункт № 7 — «Действия штаба».

За это время штабисты должны были подготовить все материалы, необходимые для составления и провозглашения «Декларации независимости».

Пункт № 8 — «Меры на случай неудачи операций».

«План» отнюдь не исключал возможность того, что военные действия против правительственных войск могут сложиться для «Северо-Восточной армии» неудачно. На этот случай было специально предусмотрено отступление на заранее подготовленные позиции в Фанцзы[3].

Помимо этого основного документа на японском языке были составлены «Основные положения действий Шаньдунской революционной партии», конкретизирующие содержание «Плана».

---

[1] Там же. С. 5–6.
[2] Там же. С. 6–7.
[3] Там же. С. 8–10.

Их заключительная часть содержала категорические требования к участникам операций: беспрекословно подчиняться всем приказам японских офицеров; японцам, действующим в составе революционной армии, быть одетым в гражданское китайское или европейское платье; безусловно избегать нанесения ущерба жизни любых иностранцев, не говоря уже о японцах; не наносить повреждений железнодорожным путям и телефонной связи, контролируемой японцами; категорически запрещалось наносить ущерб местным жителям, заботясь об имидже революционной армии, сотрудничающей с японской армией[1].

Кто платит, тот и заказывает музыку

И «План», и «Основные положения» были составлены таким образом, что «революционные действия в Шаньдуне» замышлялись, прежде всего, с соблюдением интересов японской стороны.

Почему же автором этих и некоторых других документов из АКИИГ 400 был Каяно Нагатомо, занимавший должность советника при главнокомандующем «Северо-Восточной армии», а не сам Цзюй Чжэн?

Ответ на этот принципиальный вопрос дает дошедшая до нас фотография, на которой запечатлены руководители Главного штаба шаньдунской армии.

По китайской традиции центр снимка должен был занимать Цзюй Чжэн — старший по должности среди всех сфотографировавшихся. Но он почему-то сидит крайним справа во втором ряду, а почетное место посредине занимает человек в японском военном мундире – его советник Каяно.

Кто здесь хозяин положения, ясно без дополнительных комментариев.

Деньги, необходимые для подготовки «Третьей революции», Сунь Ятсен получил с разрешения японского Генштаба.

«Северо-Восточная армия» была полностью вооружена и экипирована на японские деньги.

Каяно вспоминал, что в конце 1915 г. он пытался уговорить премьера Окума оказать помощь Гоминьдану, передав ему, в частности, трофейное немецкое оружие, захваченное японцами в Шаньдуне.

Тогда это предложение было отвергнуто. Но когда через неделю Каяно прибыл в Циндао, он обнаружил, что за это время официальная позиция

[1] 山东革命军行动要领 (Основные положения действий Шаньдунской революционной армии) // АКИИГ. 400-213. С. 6.

Руководители «Северо-Восточной армии»

Мандат Умэя Сёкити

правительства кардинально изменилась. Командующий оккупационными войсками в Циндао генерал Отани сообщил ему, что им получена инструкция премьер-министра оказывать Каяно всяческое содействие в деле снабжения «Северо-Восточной армии» оружием[1].

В апреле 1916 г. некто по фамилии Тэрада доносил начальнику штаба японских войск в Шаньдуне генералу Ида о предстоящем прибытии в порт Циндао японского судна с оружием, предназначенным для революционной армии: 600 маузеров и 650 ящиков взрывчатки были к тому времени уже доставлены[2].

Вскоре после этого Умэя Сёкити получил от Цзюй Чжэна мандат уполномоченного по доставке оружия из Японии.

Каяно со своей стороны приложил к нему сопроводительное письмо с подробными указаниями.

---

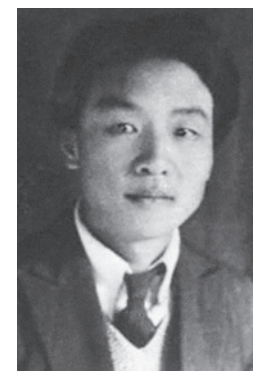
[1] *Каяно Нагатомо*. Революционные тайны Китайской Республики. С. 355–356.

[2] Тэрада — генералу Ида, 18 апреля 1916 г. // АКИИГ. 400-217. С. 8–10.

Инструкции, полученные Умэя от Каяно

В общей сложности Умэя передал в арсенал «Северо-Восточной армии» 7000 винтовок, 7 пулеметов и 5 горных пушек[1].

Японцы предоставили организаторам «Третьей революции» возможность начать подготовку пилотов для создания собственного военно-воздушного отряда. Как уже упоминалось, соглашение на этот счет было подписано с японским летчиком Сакамото Хисаити 25 апреля[2].



Ся Чжунминь (1885–1922)

4 мая начала работать школа по подготовке пилотов. Практические занятия вел Сакамото Хисаити, административными вопросами занимался Умэя Сокити.

В общей сложности к занятиям приступило 47 человек. Старостой был назначен Ся Чжунминь, его заместителем — Чжоу Инши.

Правда, принять участие в боевых действиях им практически не удалось. Два приобретенных в Соединенных Штатах самолета были доставлены на аэродром близ Вэйсяня лишь в июне, так что воспитанники Сакамото могли совершить свой первый испытательный полет лишь в июле. 8 июля с самолетов

[1] 俞辛醇。孙文の革命运动と日本 (*Юй Синчунь*. Революционная деятельность Сунь Ятсена и Япония). Токио. 1989. С. 270.

[2] 东北军有关航空及技术人员文件 (Документы, касающиеся летного и технического состава «Северо-Восточной армии») // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 479–480.

было сброшено более 10 тысяч листовок, гласивших: «Сдавайтесь! Иначе погибнете от наших бомб!»

Солдаты правительственных войск никогда в жизни не видели самолетов, и это вызвало панику.

Было произведено несколько показательных бомбардировок самодельными бомбами, которые вручную сбрасывались пилотом из кабины. Полеты самолетов и разрывы бомб произвели сильнейшее впечатление как на правительственные войска, так и на местное население[1].

Но оружие, которое было получено из Японии, не ограничивалось маузерами, винтовками, пулеметами и орудиями.

Разработанные японской стороной документы предусматривали применение боевых отравляющих веществ, причем этому придавалось первостепенное значение.

Для использования отравляющих веществ было создано специальное подразделение из 20 человек; в его распоряжении имелось 1000 снарядов, начиненных удушающим газом, и 5 установок для стрельбы[2].

Использование отравляющих веществ должно было стать решающим фактором успеха во время наступления на уездный центр Вэйсянь.

В ночь перед штурмом надлежало провести пробные выстрелы в сторону расположения противника и на основании полученных результатов принять окончательное решение о применении перед наступлением отравляющих веществ, которое должно было учитывать также некоторые привходящие обстоятельства, в частности, направление ветра в момент начала газовой атаки.

Установка для стрельбы снарядами с отравляющими веществами периода 1-й мировой войны

В конечном счете отравляющие вещества все-таки не были применены, хотя и сыграли свою роль средства морального воздействия на противника. Так, в ультиматуме, направленном Цзюй

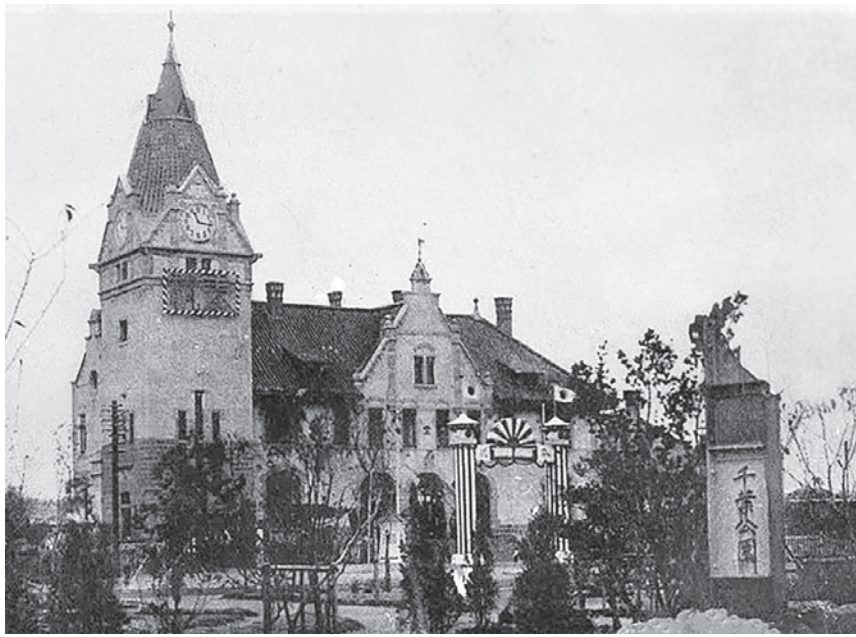
[1] *Го Фанмэй*. Цзюй Чжэн и антиюаньшикаевская «Северо-Восточная армия». С. 92.

[2] Тэрада — генералу Ида, 18 апреля 1916 г. // АКИИГ. 400-217. С. 10.

Чжэном губернатору Шаньдуна Цзинь Юньпэну, содержалась угроза использовать отравляющие вещества в случае отказа капитулировать[1].

Японцы не только оснастили «Северо-Восточную армию» вооружением, но и обеспечили переброску ее подразделений к месту боев по железной дороге под японской вооруженной охраной.

Был разработан детальный график движения составов с указанием точного времени их отправления и прибытия в пункт назначения.

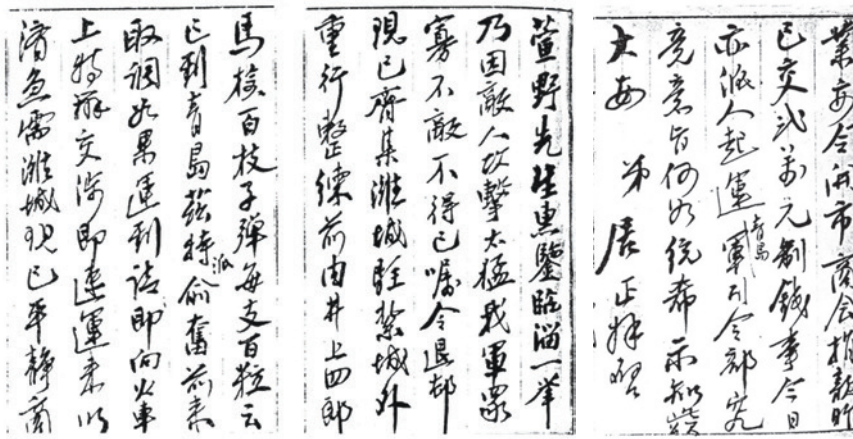


Железнодорожный вокзал в Циндао

Бойцы должны были быть в штатском, спрятав личное оружие под одеждой; во время движения поезда им категорически запрещалось вступать в разговоры с кем бы то ни было из посторонних китайцев.

Медсанбат «Северо-Восточной армии» был полностью укомплектован японским персоналом. Тяжелораненых отправляли в госпиталь, расположенный на японской военной базе в Циндао. Для этого требовалось сопроводительное письмо, подписанное кем-нибудь из японских врачей.

[1] Цзюй Чжэн — Цзинь Юньпэну, 19 апреля 1916 г. // 居正先生全集 (Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна). Т. 2. Тайбэй. 1999. С. 155.



Представленный Каяно отчет Цзюй Чжэна о получении из Японии винтовок и патронов

Даже захоронение умершего от ран можно было совершить не иначе как с предъявления свидетельства о смерти, выданного японцем – начальником госпиталя и завизированного в военно-политическом отделе штаба японской оккупационной армии (примером такого рода документа может служить хранящееся в фонде АКИИГ 400 разрешение на захоронение Ван Юйфэня, 45 лет, подписанное Тамура Масанори и контрассигнованное Ёсимура Кэнсё)[1].

Японская сторона взяла на себя задачу обучения китайского контингента. Занятия по военной подготовке проходили в Циндао под руководством японских офицеров.

Свидетелями этого стали американцы, заснявшие происходящее на фотопленку; соответствующее сообщение попало не только в досье консульства Соединенных Штатов, но и в прессу[2].

Японцы — как штатские, так и кадровые военные — принимали непосредственное участие в шаньдунских операциях. Они входили в состав всех без исключения подразделений «Северо-Восточной армии», причем более 20 человек занимали в них командные долж-

[1] АКИИГ 400-175.

[2] 北村敬直。梦の七十余年 (*Китамура Хиронао*. 70 с лишним лет, прошедшие как сон). Токио. 1965. С. 102.

ности[1], так что приведенное выше требование «безоговорочно подчиняться приказам японских офицеров» отнюдь не было чисто словесным оборотом.

В свете вышесказанного не должно казаться странным, что не советник Каяно отчитывался в своих конкретных деяниях перед главнокомандующим Цзюй Чжэном, а главнокомандующий — перед советником.

Всё вышеизложенное было в порядке вещей: кто платил, тот и заказывал музыку.

Загадка капитуляции вэйсяньского гарнизона

Расположенный на стратегически важном участке железнодорожной магистрали Циндао–Цзинань город Вэйсянь в начале XX века состоял из двух частей — собственно города, обнесенного прочной кирпичной стеной, и восточного предместья. Они были разделены между собой рекой Байланхэ, через которую было перекинуто четыре моста.

Мощная крепостная стена и ров вокруг нее надежно защищали центр города с его административными зданиями и могли выдержать длительную осаду.

Городские ворота Вэйсяни

Однако штурм Вэйсяни, предпринятый революционной армией, продолжался всего два дня, после чего 15 мая стороны заключили перемирие, а еще через две недели правительственные войска оставили город.

Соглашение о перемирии, под которым стоят подписи

[1] 中华革命军东北军各部队任用日籍技术人员姓名录 (Список японских технических специалистов из состава подразделений китайской революционной «Северо-Восточной армии») // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 481–482.

План уездного города Вэйсянь (начало XX века)
1 — город, обнесенный крепостной стеной; 2 — Восточное предместье;
3 — железнодорожный вокзал

и печати командующего 5-й дивизией правительственных войск Чжан Шуюаня и командующего «Северо-Восточной армией» Цзюй Чжэна, включало 15 пунктов:

1) 5-я дивизия одобряет действия революционной армии, направленные на совершенствование политического строя во имя пользы для государства и благоденствия народа.

2) Революционная армия обеспечивает поддержание порядка, а 5-я дивизия покидает Вэйсянь.

3) Со дня подписания перемирия территория, занятая 5-й дивизией, не будет подвергаться нападениям (территория, уже занятая революционной армией, к этому пункту не относится). Однако в случае, если местное население выражает желание присоединиться к революционной армии, последняя принимает его, а 5-я дивизия не вмешивается и не препятствует этому.

4) После того как 5-я дивизия покинет Вэйсянь, революционная армия несет полную ответственность за защиту собственности учреждений

и отдельных жителей Вэйсяни и не будет прямо или косвенно наносить ей ущерб. До того момента, когда 5-я дивизия покинет Вэйсянь, ответственность за это лежит на ней.

5) 5-я дивизия должна полностью оставить город в течение 7 дней после подписания соглашения о перемирии, то есть с полудня 16 мая до полудня 23 мая.

6) После начала перемирия стороны не должны предпринимать карательных действий против населения.

7) До того момента, когда 5-я дивизия покинет город, никто в революционной армии ни при каких условиях не должен без разрешения 5-й дивизии появляться в городе во избежание недоразумений и возможных конфликтов.

8) После официального вступления в Вэйсянь революционная армия не только не препятствует отправке сообщений военного содержания, но и вообще не вмешивается в нормальное телеграфное общение и работу транспорта.

9) Если есть необходимость договариваться о чем-то, стороны заблаговременно уведомляют об этом друг друга.

10) После подписания соглашения о перемирии революционная армия не должна насильственно взимать с населения кормовые.

11) С момента вступления соглашения в действие обе стороны поддерживают общественный порядок и сложившуюся ситуацию.

12) Нарушивший вышеперечисленные условия считается предателем Родины и общим врагом обеих сторон.

13) Вышеперечисленные условия вступают в силу сразу же после достижения соглашения.

14) После достижения соглашения городские ворота будут открыты и будет обеспечен беспрепятственный проход через них местных жителей. По истечении 7 дней на городской стене будет вывешен флаг Республики для успокоения местного населения.

15) Когда 5-я дивизия будет покидать город с полным вооружением и снаряжением, сторонам запрещается начинать стрельбу. В противном случае вышеперечисленные условия утрачивают свою силу[1].

В чем же заключалась причина того, что революционные войска легко овладели хорошо укрепленным городом с сильным гарнизоном?

Источники объясняют это по-разному.

---

[1] 潍县两军议和规则 (Условия перемирия противоборствующих армий в Вэйсяне) // Гэмин вэньсянь. № 46. С. 290–292.

Рассказывает Янь Гофу

Бои за Вэйсянь, назначенные на 25–26 апреля, дважды откладывались и начались лишь 5 мая.

О том, как происходил штурм города, подробно рассказал в своих мемуарах Янь Гофу.

> Вечером 4 мая 1916 г. Цзюй Чжэн, лично возглавив отряды, находившиеся в подчинении Чжу Цицина, Лю Яньханя, Люй Цзыжэня, Чжао Чжунъюя, Инь Сиу и Ду Чжунсаня, начал наступление на Вэйсянь. Прежде всего было захвачено Фанцзы, той же ночью занят район железнодорожной станции Вэйсянь, а на рассвете предпринята атака на восточный пригород, который и был взят после ожесточенного боя.
>
> После этого войска разделились на четыре отряда, окруживших уездный город.
>
> Лю Яньхань во главе 200 с лишним человек осадил Южные ворота, Чжао Чжунъюй и 50 его подчиненных — Восточные ворота, Инь Сиу с 50 людьми — Восточную заставу, Лю Цзыжэнь и 200 с лишним человек – казармы в западном предместье, а Чэнь Чжунфу с резервом расположился около вокзала в ожидании дальнейших приказаний. В осажденном городе командир 5-й дивизии Чжан Шуюань во главе стрелковой бригады занял прочную оборону.
>
> Революционная армия была вооружена лишь ружьями, винтовками и карабинами, а высокая городская стена была окружена глубоким рвом с водой, что препятствовало успешному штурму. Ян Шэнмин, Чжан Дэлян, Линь Тяньмао и Люй Чжаожуй из отряда Люй Цзыжэня, рискуя жизнью, ворвались в расположение вражеской казармы, но у них кончились патроны и они погибли.
>
> В течение нескольких дней из-за пыльной бури видимость была ограниченной, и противник был не в состоянии оценить силы осаждающих.
>
> В это время пришло сообщение, что крупный поселок Чжоуцунь недалеко от Цзинани уже взят революционной армией, и это подорвало боевой дух правительственных войск, обескураженных тем, что путь к отступлению был отрезан. Хотя их силы были значительными, они продолжали обороняться, не решаясь делать вылазки. Обе стороны сохраняли стратегическое равновесие.
>
> Видя, что осада продолжается уже долгое время, а настроение солдат и местного населения падает, Чжан Шуюань понял бесплодность даль-

Чжан Шуюань (1888–1934)

У входа в штаб революционной армии в Вэйсяни (третий справа — Цзюй Чжэн)

нейшей обороны. К тому же он получил известие, что революционная армия предпримет артиллерийский обстрел города.

Поэтому он распорядился о том, чтобы делегация торговых кругов вышла из города к осаждавшим и предложила начать переговоры о перемирии на следующих условиях: революционная армия не предпринимает штурма, а войска Чжана ретируются.

После заключения перемирия прошло уже несколько дней, но Чжан Шуюань не торопился отводить свои войска, а занялся конфискацией городских ценностей.

В это время из Циндао на железнодорожную станцию Вэйсянь были доставлены деревянные муляжи пушек. Поскольку они были зачехлены, определить, что пушки ненастоящие, было невозможно (я узнал об истинном положении вещей лишь позднее со слов Чжу Цицина). Чжан Шуюань получил донесение разведки, что осадные орудия готовы к действию, и боялся, как бы не оказаться черепахой, посаженной в чан. Революционная армия оказывала на него нажим, предъявив ультиматум, и поэтому 22 мая был отдан приказ отвести все войска, находившиеся в уездном городе и его окрестностях.

23 мая в город вступила революционная армия, в доме семьи Дин был размещен штаб, поднят флаг с белым солнцем на синем фоне и вывешено обращение Главнокомандующего Сунь Ятсена[1].

Японская версия

Очень может быть, что пыльная буря, сообщение о взятии Чжоуцуни и доставка деревянных пушек повлияли на решение Чжан Шуюаня прекратить сопротивление. Но в донесении японского посланника в Пекине содержится еще один факт, который не упомянут в воспоминаниях Янь Гофу, но был, возможно, главной причиной капитуляции вэйсяньского гарнизона.

В это время шальной пулей был убит наповал сержант, а в городе погиб еще один наш соотечественник. Поэтому капитан Нонака в каче-

[1] *Янь Гофу*. Краткий очерк истории антиюаньшикаевской революции в Шаньдуне. Ч. 1. С. 35–36.

стве официального представителя нашей армии потребовал встречи с командиром 5-й дивизии Чжан Шуюанем, но получил отказ. Тогда 6 мая начальник 40-го отряда охраны Исиура прибыл из Фанцзы и встретился с дивизионным командиром Чжаном.

Он заявил, что, во-первых, нарушена безопасность вверенной ему территории; во-вторых, его соотечественники нуждаются в защите; в-третьих, артиллерийскому обстрелу подвергся поезд; в-четвертых, дивизионный командир Чжан должен взять на себя ответственность за гибель нашего солдата. <...>

Исиура намекнул, что в случае, если Чжан объявит о независимости, ему будет необходимо начать переговоры с Цзюй Чжэном. <...>

Разгневанный Чжан в запальчивости ответил, что Цзюй Чжэн — бандит, а не революционер и в переговорах с ним нет необходимости[1].

Достоверность сообщения японского посланника подтверждается анонимными воспоминаниями еще одного участника боев в Вэйсяни:

Ночью 4 мая было предпринято наступление на 5-ю дивизию под командованием Чжан Шуюаня, но оно закончилось неудачей и революционная армия отступила. На следующий день подошли резервы, ситуация изменилась к лучшему и атаки, продолжавшиеся с утра до полудня, были успешными. Армия Юань Шикая отошла к уездному городу и заняла в нем оборону, нанося ответные удары из-за городской стены. В районе вокзала свистели пули, и среди японской охраны и гражданских японцев было немало убитых и раненых. Чжан Шуюань был напуган этим и решил вступить в переговоры. 7 мая командир отряда японской охраны полковник Исиура явился к Чжан Шуюаню и потребовал, чтобы вверенные ему войска прекратили свои бесчинства.

Правительство Юань Шикая послало исполняющего обязанности министра иностранных дел Цао Жулиня в японское посольство, и тот выразил посланнику Хиоки протест по поводу того, что японские войска оказывают помощь революционной армии, а полковник Исиура склонял Чжан Шуюаня к объявлению независимости и требовал открыть городские ворота и самому вступить в Революционную партию, что наносит ущерб отношениям между двумя странами.

Но японский посланник сделал ответное заявление: во-первых, утверждение о транспортировке по железной дороге вооруженных революционеров не имеет под собой оснований (даже если среди пассажиров были лица, имевшие при себе оружие, обнаружить это невозможно без тотальной проверки); во-вторых, Исиура вовсе не настаивал на том, чтобы

[1] *Китамура Хиронао*. 70 с лишним лет, прошедшие как сон. С. 96–97.

Чжан открыл перед осаждающими городские ворота, и это утверждение является результатом недоразумения; в-третьих, японская армия вовсе не задерживала начальника уезда; в-четвертых, артиллерийскому обстрелу были подвергнуты поезда; в-пятых, была нарушена неприкосновенность жилища японцев; в-шестых, созданы помехи для выполнения железнодорожной охраной своих служебных обязанностей.

После того как был заявлен этот протест, в Вэйсяни начались переговоры о перемирии. Правительство Юань Шикая «хотело кинуть камнем в мышей, но боялось, как бы посуду не перебить». К тому же выдержать длительную осаду было невозможно. Поэтому Чжан Шуюаню был отдан приказ вступить в переговоры с командующим революционной армией Цзюй Чжэном[1].

Текст соглашения о прекращении военных действий в Вэйсяни был составлен капитаном Окада[2].

Информация, полученная в посольстве США

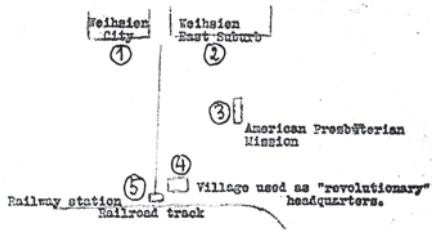
Для того чтобы на месте ознакомиться с происходящим в Вэйсяни после заключения перемирия, туда отправился секретарь посольства США в Пекине Р. Тэнни. После возвращения в Пекин он представил послу П. Рейншу отчет о своей поездке.

Чтобы не возбуждать излишних подозрений со стороны японцев относительно целей всего визита, Тэнни решил ограничиться посещением Американской пресвитерианской миссии якобы для выяснения того, не пострадали ли миссионеры во время боев за Вэйсянь.

По прибытии на станцию я вручил свои документы начальнику японской охраны и попросил предоставить в мое распоряжение в качестве эскорта японского солдата, который доставил бы меня со станции до города, в Американскую пресвитерианскую миссию, расположенную к востоку от прямой дороги. Я заявил, что прибыл из посольства, чтобы удостовериться, что миссия была должным образом охраняема. Начальник охраны и большинство его людей выглядели крайне несимпатично и общались со мной весьма холодно. <...> Сначала начальник ответил отказом, но потом согласился, и солдату с японским флагом на длинном шесте было приказано доставить меня в миссию. <...> Благодаря Красному Кресту миссия непосредственно контактировала и с «революционерами», и с правительственными войсками в городе. <...>

[1] 山东周村潍县战事记 (Заметки о боевых действиях в Чжоуцуни и Вэйсяни, Шаньдун) // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 264.

[2] Там же. С. 264–265.



План расположения Американской пресвитерианской миссии в Вэйсяни, составленный Р. Тэнни 1 – уездный город; 2 – Восточное предместье; 3 – Американская пресвитерианская миссия; 4 – штаб «Северо-Восточной армии»; 5 — железнодорожная станция

Во время боев миссионеры мало что видели собственными глазами, потому что сражение происходило преимущественно ночью. <...> Они также ничего не знали о характере переговоров между японскими властями и китайцами, хотя до них и доходили слухи о том, что соглашение между «революционерами» и местными властями находится в подвешенном состоянии. <...>

Через день после моего прибытия в миссию я написал письмо начальнику японской железнодорожной охраны и попросил прислать эскорт до станции, чтобы успеть на дневной поезд следующего дня.

Незапечатанное письмо было передано в деревню, где находилась штаб-квартира Красного Креста, а затем через «революционеров» японцам на станцию.

Соответственно, на следующий день 17 мая два японца верхом появились в миссии, ее члены предоставили мне паланкин, и мы отправились на железнодорожную станцию. Один всадник тут же направился в штаб «революционеров», поручив другому эскортировать меня.

Избранный им путь вел не прямо на станцию, а проходил через деревню, где располагался штаб «революционеров». Там было вывешено несколько флагов, среди которых выделялся один — голубое небо с белым солнцем в центре.

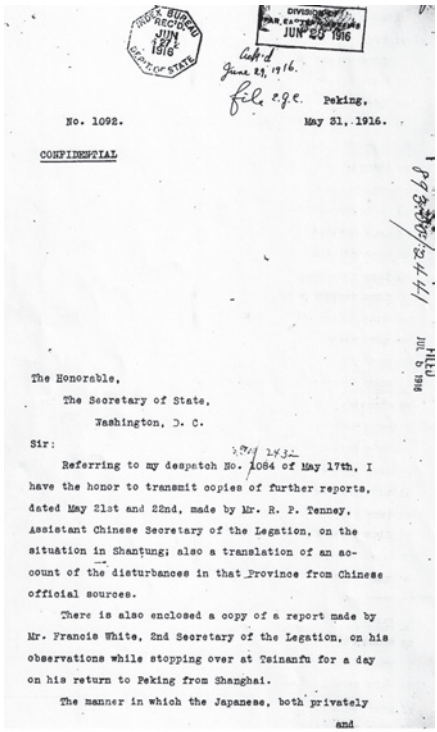
«Революционеры» произвели на меня впечатление криминальных элементов. Они были разномастно вооружены — кое-кто маузером, другие – винтовками. Большинство из них были в серо-голубой форме, некоторые – в хаки. По тому, что я видел, думаю, что их численность составляла несколько сотен.

Эскортировавший меня японец, не спешиваясь, крикнул им, кто я такой и что моим носильщикам разрешено вернуться в миссию.

В конце деревенской улицы здание с вывешенными над ним флагами явно использовалось как один из военных офисов.

Перед этим зданием стоял японец в «революционной» униформе, и мой сопровождающий перебросился с ним несколькими фразами по-японски[1].

[1] Tenney to Reinsh, May 21, 1916 // Enclosure to: Reinsh to Secretary of State, May 31, 1916 // USDS. 893.00/2441.



No. 1092. Peking, May 31, 1916.

CONFIDENTIAL

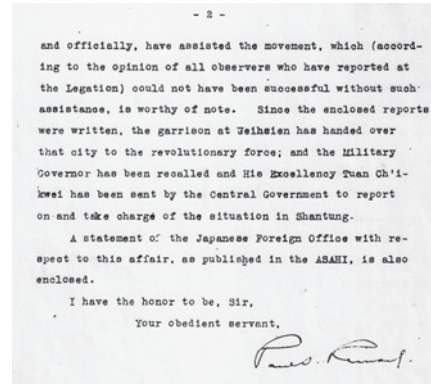
The Honorable,
The Secretary of State,
Washington, D. C.

Sir:

Referring to my despatch No. 1084 of May 17th, I have the honor to transmit copies of further reports, dated May 21st and 22nd, made by Mr. R. P. Tenney, Assistant Chinese Secretary of the Legation, on the situation in Shantung; also a translation of an account of the disturbances in that Province from Chinese official sources.

There is also enclosed a copy of a report made by Mr. Francis White, 2nd Secretary of the Legation, on his observations while stopping over at Tsinanfu for a day on his return to Peking from Shanghai.

The manner in which the Japanese, both privately and



- 2 -

and officially, have assisted the movement, which (according to the opinion of all observers who have reported at the Legation) could not have been successful without such assistance, is worthy of note. Since the enclosed reports were written, the garrison at Weihsien has handed over that city to the revolutionary force; and the Military Governor has been recalled and His Excellency Tuan Ch'i-kwei has been sent by the Central Government to report on and take charge of the situation in Shantung.

A statement of the Japanese Foreign Office with respect to this affair, as published in the ASAHI, is also enclosed.

I have the honor to be, Sir,
Your obedient servant,

Письмо П. Рейнша в Госдепартамент от 31 мая 1916 г.

Рейнш переслал доклад Тэнни в Госдепартамент.

При этом Рейнш сопроводил сообщение Тэнни следующим замечанием:

> Заслуживает внимания то, каким образом японцы частным порядком или официально оказывали движению свою поддержку, без которой (по мнению всех наблюдателей, представивших в посольство свои донесения) оно не могло быть успешным[1].

И, наконец, еще одно донесение, полученное Рейншем.

> В полночь 4 мая [в Вэйсянь] прибыл состав из Циндао с 7–8 сотнями мятежников в униформе. Они вышли из вагонов и атаковали город. Бой продолжался вплоть до 9 часов утра следующего дня, когда они, потерпев неудачу, укрылись на железнодорожной станции.
>
> В 8 часов утра командующий японскими войсками Исиура и переводчик Кан Тянь вместе с сотней японских солдат в униформе подошли

[1] Ibid.

к крепостной стене и потребовали, чтобы генерал Чжан Шуюань открыл ворота. Начальник штаба [правительственных войск] и уполномоченный по иностранным делам были посланы для переговоров, но японцы игнорировали их. Тогда генерал Чжан спустился с городской стены и спросил японцев, чего они хотят. Те ответили, что ворота должны быть открыты, в противном случае они атакуют город. Генерал Чжан отказался удовлетворить это необоснованное требование, после чего японцы открыли стрельбу.

Тогда для переговоров в надежде уговорить японцев отложить их атаку были направлены гражданский администратор района Чжан и начальник штаба Хуан.

В 3 часа пополудни 6 мая японский комендант, переводчик и сотня японских солдат с веревочными лестницами приблизились к Северным воротам города и потребовали открыть их. Видя серьезность ситуации, генерал Чжан, с одной стороны, привел свои войска в боевую готовность, а с другой — сопроводил японцев в свой *ямэнь*, где с соблюдением всех норм вежливости принял их.

Японский комендант потребовал, чтобы китайские войска покинули город, который будет находиться под протекцией японской армии. Генерал Чжан эмоционально отверг это требование. Тогда японцы, ссылаясь на свое право защищать жизнь и имущество японских граждан, потребовали прекратить обстрел железнодорожной станции. Генерал Чжан согласился, и японцы удалились. Пользуясь тем, что китайские войска не могли открывать огонь, японцы вместе с мятежниками сожгли и разграбили деревни близ железнодорожной станции. <...>

В этой усадьбе находился штаб Чжан Шуюаня

Вечером 22 мая японцы обвинили генерала Чжана в нарушении соглашения и атаковали Вэйсянь. Учитывая, что если он откроет ответный огонь, обстрелу подвергнется станция, а в противном случае город будет взят, генерал Чжан был вынужден приказать стрелять по японцам в упор, когда они приблизятся к городской стене. Атакующие отступили. <...>

Генерал Чжан, указывая на то, что японцы действуют силовыми методами и не реагируют на возражения, спросил, в чьи руки —

японцев или мятежников — перейдет город, если он сдаст его. И еще: какое право имеют японцы требовать сдачи города, хотя между двумя странами существуют дружеские отношения?

Ответа от японцев он не получил. Они говорили, что будут оставаться в стороне и не вмешиваться в конфликт только в том случае, если мятежники атакуют город и на их огонь правительственные войска не будут отвечать. Если же начнется бой, они будут рассматривать китайцев как выступающих против иностранцев и прервут все переговоры. Генерал Чжан убедился, что его руки связаны и он не в состоянии сопротивляться японцам. 24 мая он отвел всю свою 5-ю дивизию в Паньцзячжуан[1].

Какой флаг вывешивать?

Сосредоточить в своих руках все нити руководства выступлением против Юань Шикая — таково было непреклонное намерение Сунь Ятсена с самого начала «Третьей революции». Об этом он, в частности, писал в конце 1914 г. американцу Дж. Дэйтрику:

> Пришло время для всеобщих действий, подобных первой революции. На этот раз всё будет находиться под моим непосредственным командованием. Мы избежим ошибок и полумер, и я уверен в еще большем успехе, чем во время первой революции[2].

Но обстоятельства сложились не так, как планировал Сунь Ятсен.

На этот раз командовать Сунь Ятсену не довелось

Деньги, которых он так долго добивался от японцев, Сунь Ятсен получил, но командовать «Третьей революцией» ему не пришлось. Более того, он оказался вынужден исполнять распоряжения других. «Другими» были его щедрые японские спонсоры.

Получив известие о намерении «Северо-Восточной армии» применить против правительственных войск боевые отравляющие вещества, Юань Шикай направил Сунь Ятсену телеграмму протеста:

> Использование ядовитых газов против соотечественников теми, кто называет себя Революционной партией, является антигуманным актом.

---

[1] Ibid.

[2] Сунь Ятсен — Дейтрику, 20 ноября 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 334.

Заместитель командующего «Северо-Восточной армии» Чэнь Чжунфу заявлял впоследствии, что после этого Сунь Ятсен немедленно приказал запретить применение в Шаньдуне отравляющих веществ.

Но это утверждение было не более чем попыткой задним числом выдать желаемое за действительное. Даже если такое распоряжение действительно было отдано Сунь Ятсеном, вовсе не из-за него снаряды с ядовитым газом так и остались неиспользованными. Отряд для применения отравляющих веществ находился в прямом подчинении штаба японской армии, и Сунь Ятсен не мог разрешить или запретить его действия. Если уж кто-то кому-то приказывал, то исполнять распоряжения приходилось самому Сунь Ятсену, но никак не наоборот.

Начать с того, что 27 апреля д-р Сунь вынужден был срочно вернуться на родину, потому что японская сторона требовала от него не слов, а конкретных действий.

За неделю до отъезда он писал Цзюй Чжэну:

> Поступило сообщение о том, что Иваки предоставит заём, только получив согласие властей из военного ведомства. Крупные займы, полученные нашей партией, до сих пор еще не дают эффекта. Власти уже выражают недовольство, и я боюсь, что согласия на новые займы они не дадут[1].

Через несколько дней Сунь Ятсен телеграфирует в Шанхай:

> Полученные ранее крупные займы до сих пор не дают реального результата, мы подрываем доверие к себе, новые субсидии будут невозможны[2].

Малоизвестный факт: вернувшись в Шанхай, Сунь Ятсен рисковал своей жизнью. В Пекине решили организовать теракт с целью устранения одного из главных мятежников, и эти секретные сведения стали известны в окружении Сунь Ятсена. Принадлежавшая ему квартира на улице Хуанлун была расположена на территории французского сеттльмента, однако супруги Сунь сочли ее недостаточно безопасным местом.

Сунь Ятсен и Сун Цинлин в 1916 г.

[1] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 21 апреля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 412.

[2] Сунь Ятсен — неизвестному адресату в Шанхае, 24 апреля 1916 г. // Там же. С. 414.

Помог главный редактор газеты «Echo de Chine», предложивший им поселиться в помещении редакции на Avenue Edouard VII. Так и было сделано. Почти три месяца подряд Сунь Ятсен и Сун Цинлин не выходили из своего убежища. Продукты для них покупал сотрудник газеты Фэн Чжичжун, а готовила еду сама Сун Цинлин[1].

Неудивительно, что Сунь Ятсену хотелось поскорее уехать из негостеприимного Шанхая, где, к слову сказать, незадолго до этого, 18 мая, был убит Чэнь Цимэй.

Первоначально Сунь Ятсен намеревался после взятия Цзинани поехать в Шаньдун, о чем дважды писал Цзюй Чжэну[2]. Он также писал генералу Танака:

> Я принял решение лично выехать в Шаньдун, чтобы собрать в один кулак силы членов нашей партии и предпринять решающие усилия[3].

Цзюй Чжэн приготовился к встрече с вождем, полагая, что его «скорейший приезд дает надежду на немедленное разрешение всех проблем»[4]. Но через два дня Сунь Ятсен получил телеграмму из Токио:

> По сообщению газет, Вы вчера выехали из Шанхая. Верно ли это?[5]

На следующий день пришло послание от Хуан Сина, из которого стало ясно, что именно так взволновало коллег Сунь Ятсена:

> Отправлена ли телеграмма [японским] властям? Они не хотят, чтобы Вы выезжали в Шаньдун[6].

И Сунь Ятсен отменил поездку, сообщив Цзюй Чжэну:

> Японские власти против того, чтобы я ехал в Шаньдун[7].

Когда в кармане не было ни гроша, Сунь Ятсен чувствовал себя свободным человеком, вольным делать то, что считал нужным. Когда же у него в кошельке зазвенел алтын, ему приходилось подчиняться приказам заимодавцев.

---

[1] 馮执中。记总理二次革命时避难法报馆事 (*Фэн Чжичжун*. О том, как лидер партии во время «Второй революции» скрывался в помещении французской газеты) // АКИИГ. 30/80. Обратим внимание на опечатку в тексте: «Третью революцию» Фэн Чжичжун называет «Второй».

[2] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 4 апреля 1916 г. // ПСООГ. Т. 4. С. 404; Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 24 апреля 1916 г. // Там же. С. 414.

[3] Сунь Ятсен — Танака, 21 мая 1916 г. // Там же. С. 423.

[4] Цзюй Чжэн — Сунь Ятсену, 21 мая 1916 г. // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 293.

[5] Токийская ячейка Гоминьдана — Сунь Ятсену, 25 мая 1916 г. // АКИИГ. 400/23.

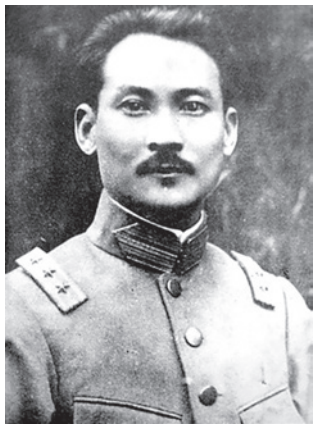
[6] Хуан Син — Сунь Ятсену, 27 мая 1916 г. // Там же. 400/24.

[7] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 30 мая 1916 г. // ПСООГ. Т. 4. С. 426.

А японцы, чувствовавшие себя в Шаньдуне полными хозяевами положения, стали вести себя еще более бесцеремонно.

После взятия Вэйсяня один из отрядов революционной армии под командованием Лю Цзыжэня начал наступление на уезд Гаоми, который ему благополучно удалось захватить.

Но что-то не понравилось штабу оккупационных японских войск, и он потребовал вывести китайские части из местечка Вантай. Лю Цзыжэнь отказался это сделать, сославшись на то, что не получал соответствующего приказа от своего непосредственного начальства.



Сюй Чунчжи (1886–1965)

Тогда заместитель начальника японского штаба через своего адъютанта без объяснения причин направил временно исполняющему обязанности командующего «Северо-Восточной армией» Сюй Чунчжи жесткое предписание в двухдневный срок вывести отряд Лю Цзыжэня из Вантая, угрожая, что в случае неповиновения к нему будет применена сила.

Тон японца был настолько недвусмысленным, что Сюй Чунчжи счел за благо не прекословить и приказал Лю Цзыжэню немедленно выполнить требование оккупантов.

В письме своему подчиненному он объяснил, почему принял такое решение:

> Японцы совершенно обнаглели и ведут себя возмутительно. Но в нашем положении нам остается только смирить гордыню[1].

С местным населением или против него?

Так «Северо-Восточная армия» решала одну из главных задач, первоначально поставленных перед нею лидером Революционной партии — «укрепление государственного суверенитета» Китая. Не лучше дело обстояло и с другой ее задачей – «обеспечением нормальных условий жизни народа».

Прежде всего, действовала она в Шаньдуне под охраной оккупационных войск, а это отнюдь не располагало местное население к людям,

[1] Сюй Чунчжи — Лю Цзыжэню, 15 августа 1916 г. // АКИИГ. 400/201.

говорившим в большинстве своем на малопонятном чужом диалекте, вооруженным иностранными винтовками и грозившим применить доставленные из-за границы ядовитые газы.

Неудивительно, что Сунь Ятсен учинил разнос Цзюй Чжэну за то, что в письме губернатору Шаньдуна он упомянул имя Каяно; командующему «Северо-Восточной армией» было строжайшим образом предписано держать в строжайшем секрете свои контакты с оккупантами[1].

Но тайное всегда становится явным. Местные жители очень скоро воочию убедились в том, что одетые в серо-голубую униформу революционеры на деле являются мальчиками на побегушках у «японских чертей»[2].

То, что было очевидным для населения, очень скоро стало широко обсуждаться в газетах. Одна из пекинских газет писала:

> Давно известно, что революционеры держатся помощью японцев, и без этой помощи не началось бы движение, ныне разделяющее страну[3].

Автор другой передовой статьи констатировал:

> Местное население тепло приветствовало бы революционеров, не получай они помощи от иностранцев[4].

Оказывая помощь китайским революционерам, японцы заботились о своих далеко идущих стратегических интересах, но попутно не брезговали и тем, что плохо лежит. А революционеры, смирив гордыню, в свою очередь помогали им в этом. Ярким примером тому может служить история с вывозом из Шаньдуна дефицитной меди.

Самым простым способом достать медь для переправки ее в Японию было изъятие вышедшей из употребления металлической монеты.

В течение одного только месяца в Чжоуцуни ее было собрано около полутонны. Когда эта медная жила истощилась, в дело пошел метал-

---

[1] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 22 ареля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 413.

Командующий неукоснительно выполнял указание вождя. Держать в секрете истинный характер взаимоотношений Гоминьдана с японской оккупационной армией на протяжении длительного времени продолжала и гоминьдановская историография. Что же касается цитированных выше документов на японском языке, хранящихся в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана, то они, как упоминалось выше, до сих пор остаются неопубликованными и доступ к ним предельно затруднен.

[2] На протяжении многих десятилетий именно так (日本鬼子) простые люди в Китае называли японцев.

[3] Japan Asssists Rebels in Shandung // Peking Daily News, May 10, 1916.

[4] *Friedman E.* Backward to Revolution. P. 201.

Связки металлической монеты, вывозившиеся в Японию из Шаньдуна

ломом: его было заготовлено десять с лишним тонн[1]. По некоторым данным, сбором и насильственным изъятием металлической монеты в то время занималось около 3 000 человек[2].

Промысел был санкционирован и непосредственно контролировался командованием «Северо-Восточной армии». В одном из писем, адресованных Каяно, командующий Цзюй Чжэн сообщал, например:

> Что касается металлической монеты, сегодня посланы люди, чтобы доставить ее в штаб армии в Циндао. Каковы будут соображения на этот счет?[3]

Когда сопротивление со стороны местных жителей стало вполне очевидным, было обнародовано специальное предписание, запрещавшее им «мешать скупке вышедшей из употребления медной монеты»[4].

Помогая оккупантам, революционеры не забывали и о собственных нуждах.

Сразу же после захвата Чжоуцуни в местных банках была произведена конфискация всей наличной валюты, а населению было приказано собрать 150 000 *юаней* кормовых. Многие солдаты занялись изъятием ценностей в индивидуальном порядке, так что «своими действиями они ничем не отличались от обычных бандитов»[5].

Неприязненное отношение местных жителей к революционной армии вскоре вылилось в открытые конфликты.

---

[1] *Пань Иньнань*. Коротко об объявлении У Дачжоу независимости Чжоуцуни. С. 355, 359.

[2] *Friedman E.* Backward to Revolution. P. 201.

[3] Цзюй Чжэн — Каяно, без даты // Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна. Т. 2. С. 153.

[4] Там же. С. 171.

[5] *Китамура Хиронао*. 70 с лишним лет, прошедшие как сон. С. 93.

Наиболее серьезный из них произошел в Чанлэ.

Этот уезд был занят отрядом, участвовавшим в боях за Вэйсянь, по уже отработанному сценарию: сначала город был окружен, затем японский офицер предложил решить вопрос мирным путем[1]. Когда гарнизон капитулировал, начальнику уезда было предписано выплатить определенную сумму денег, а также обеспечить солдат «Северо-Восточной армии» провиантом. Но выполнить последнее требование оказалось невозможным, так как из-за неурожая местное население сидело на голодном пайке.

Тогда в ход была пущена сила, произошло столкновение с жителями окрестных деревень, несколько сот крестьян было убито, а дома их сожжены.

С жалобой на творимые беззакония шаньдунцы обратились к Цзюй Чжэну, и ему пришлось изыскивать способ разрешения конфликта[2].

У Дачжоу приказам не подчиняется

Начиная «Третью революцию», Сунь Ятсен намеревался командовать не только сам, но и всеми. Он требовал от своих эмиссаров, чтобы военные действия против правительственной армии повсеместно происходили под флагом с белым солнцем на синем фоне, который по решению гоминьдановского руководства должен был после победы «Третьей революции» стать государственным, а пока что служил символом руководящей роли Сунь Ятсена в борьбе против Юань Шикая.

В данном конкретном случае субъективные устремления Сунь Ятсена совпадали с тем, чего от него настоятельно требовали японцы. Он писал об этом Цзюй Чжэну:

> В Шаньдуне необходимо энергично объединить все силы внутри и вне партии. Именно это является целью моего возвращения в Шанхай. В противном случае мы не сможем получить помощь из-за границы[3].

Об этом же говорится в очередном отчете Сунь Ятсена генералу Танака:

> Сразу же после возвращения в Шанхай я немедленно встретился с представителями общественности, получил доклады товарищей и после

[1] Там же. С. 99.

[2] Переписку Цзюй Чжэна с провинциальными властями Шаньдуна см.: АКИИГ. 400/201.

[3] Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 28 апреля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 415.

всестороннего изучения ситуации опубликовал заявление, продиктованное стремлением к объединению всех группировок[1].

Но к этому времени уже стало ясно, что в отношении антиюаньшикаевских группировок во всей стране это была попытка с негодными средствами: первоначальный замысел единого руководства движением осуществить не удастся. И 23 мая Сунь Ятсен направляет представителям Гоминьдана в провинциях письмо, в котором отменяет требование в отношении флага:

> В Юньнани, Гуйчжоу, Гуанси, Чжэцзяне уже повсеместно принят пятицветный флаг. Наша партия также должна во всех случаях использовать его, чтобы не вызывать недоумения у армий, вместе с нами борющихся с узурпатором[2].

В это время над зданием штаба «Северо-Восточной армии» в Вэйсяни уже развевался флаг с белым солнцем. Его пришлось спустить, заменив на пятицветный. В связи с этим Цзюй Чжэн опубликовал заявление, в котором объяснял изменение позиции в отношении флага:

> Наша армия уважает временную конституцию, принятую в 1-м году Республики, заботится о пяти нациях и использует пятицветный государственный флаг[3].

Дальше — больше. Даже в пределах одного Шаньдуна добиться полного единства действий не удалось.

Член Гоминьдана У Дачжоу, сначала назначенный командующим революционными войсками Шаньдуна, а затем смещенный с этой должности, не отказался от борьбы с Юань Шикаем, но решил, что с Сунь Ятсеном ему не по пути, и начал действовать самостоятельно.

Соединения Цзюй Чжэна осаждали хорошо укрепленный Вэйсянь, а в то же самое время отряд под командованием У Дачжоу атаковал Чжоуцунь и без особых усилий овладел этим небольшим поселком.

Сразу же после этого У Дачжоу демонстративно переименовал свои войска в «Армаду в защиту республики» (это название было позаимствовано им у юньнаньцев), подчеркивая тем самым, что к «Северо-Восточной армии» под командованием Цзюй Чжэна он никакого отношения не имеет.

---

[1] Сунь Ятсен — Танака, 24 мая 1916 г. // Там же. С. 421.

[2] Сунь Ятсен — Тянь Туну, 23 мая 1916 г. // ПССОГ. Т. 4, С. 419.

[3] *Янь Гофу*. Краткий очерк истории антиюаньшикаевской революции в Шаньдуне. Ч. 1. С. 36.

Пу Цзымин со своим ординарцем

Ассигнация, выпущенная в Чжоуцуни

После этого У Дачжоу объявил о создании в Чжоуцуни самостоятельного военного правительства и возглавил его. Главнокомандующим «Армады» был назначен Пу Цзымин.

Возглавляемое У Дачжоу правительство выпускало свои собственные денежные знаки.

На первых порах Цзюй Чжэн требовал, чтобы У Дачжоу представлял ему донесения о ходе боевых действий, но безуспешно. Командующему пришлось смириться и признать, что войска У Дачжоу не подчиняются его приказам и не информируют штаб армии о положении дел на фронте[1].

Штаб-квартира военного правительства в Чжоуцуни

[1] Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 296–297.

Сунь Ятсен рекомендовал Цзюй Чжэну найти общий язык с У Дачжоу, но убедившись в невозможности этого, написал, что в конце концов «не следует спорить о таких вещах, как флаг, название и так далее»[1].

Для членов Гоминьдана, помнивших, как настойчиво Сунь Ятсен еще совсем недавно требовал признания его единоначалия в борьбе против Юань Шикая, уступка вождя представлялась недопустимым отступлением от первоначально сформулированных принципов.

Пришлось разъяснять, что компромисс был продиктован соображениями высшей целесообразности и что неправы те, кто считает, будто бы лидер Гоминьдана пожертвовал престижем революционной армии[2].

На краю пропасти

Несмотря на успехи, достигнутые антиюаньшикаевскими силами в Вэйсяни и Чжоуцуни, исход шаньдунской операции зависел от судьбы провинциального центра — Цзинани. К нему в мае 1916 г. было приковано всеобщее внимание.

В Цзинани неспокойно

К своим письмам в Госдепартамент П. Рейнш обычно прикладывал официальные сводки событий, происходивших в Цзинани. Первая из них охватывала период с 3 по 15 мая. Согласно сообщавшимся в ней данным, на протяжении всей первой половины мая почти каждый день, а то и по несколько раз в день на улицах Цзинани слышались разрывы бомб, подложенных японцами.

3 мая 1916 г. — три взрыва в 9, 10 и 11 часов вечера.

4 мая — 8 взрывов после 8 часов вечера. Кроме того, несработавшая бомба обнаружена полицейским на одной из улиц.

5 мая — 5 взрывов в 9, 10 и 11 часов вечера.

6 мая — 4 бомбы были подорваны в 7 часов вечера и 2 — после 9.

11 мая — несколько бомб взорвались в 3 часа пополудни.

12 мая — несколько взрывов прогремело в 3 и 4 часа[3].

---

[1] Сунь Ятсен — Цзюйчжэну, 30 мая 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 426.

[2] Се Чи — Чжан Луцюаню, 6 июня 1916 г. // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 325–326.

[3] Account of the Disturbances in Shantung from Chinese Official Sources. Enclosure to: Reinsh to Secretary of State, June 14, 1916 // USDS/ 893.00/2463. P. 1–4.

Однако 15 мая ситуация резко изменилась.

Днем офицер правительственных войск проезжал на рикше близ железнодорожного вокзала. Около десятка японцев схватили его, затащили в здание вокзала, заставили снять униформу и переодеться в гражданское, после чего отпустили с миром.

В 11 часов вечера около тысячи революционеров вышли из вагонов на железнодорожном вокзале и, разбившись на два отряда, атаковали правительственные войска, расквартированные в Новой Деревне и в районе *ямэня* военного губернатора. Перестрелка прекратилась лишь около 4 часов утра[1].

Около десяти дней обстановка в городе была относительно спокойной, но 25 мая в Цзинань прибыл по железной дороге большой отряд революционеров, среди которых было много японцев. Он начал обстрел части города, непосредственно прилегающей к иностранному сеттльменту. Правительственные войска открыли ответный огонь, нанеся нападавшим значительные потери в живой силе.

Японцы убрали тела убитых в вокзал и заявили протест военному губернатору, утверждая, что стрельба в сторону железной дороги была начата без всякого повода. Они потребовали, чтобы китайские войска были выведены из иностранного сеттльмента; в противном случае туда будут направлены японские части для обеспечения безопасности подданных империи.

Китайские власти стояли на своем. Переговоры надолго затянулись[2].

«Мы снова потерпели поражение!»

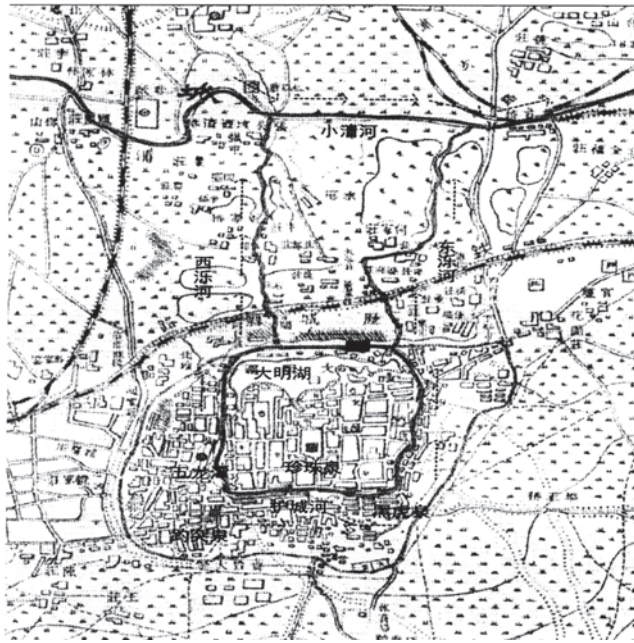
Для того чтобы иметь информацию из первых рук, Рейнш послал Тэнни, вернувшегося из Вэйсяни, в Цзинань. Представленный им отчет многое прояснил.

> Еще до поездки в Цзинань я слышал из различных источников, что ситуация там неспокойна, и поэтому не был удивлен, когда в день моего приезда (25 мая) в половине одиннадцатого ночи началась перестрелка. <...>
>
> Мятежники, будучи представителями низших слоев общества, были оплачены японцами и не считали нужным рисковать более, чем это было абсолютно необходимо.

---

[1] Ibid. P. 5.

[2] Account of the Disturbances in Shandung from Chinese Official Sources, Contunued. Enclosure to: Reinsh to Secretary of State, June 12, 1916 // USDS/ 893.00/2461. P. 1–2.



Город Цзинань и его окрестности (начало XX века)

Намерение японцев, как представляется, заключалось главным образом в том, чтобы устрашить жителей и вызвать как можно больше неуверенности и беспорядков, дабы иметь повод вмешаться якобы для восстановления мира и спокойствия. Японские патрули совершали регулярные обходы международного сеттльмента, и китайские военные власти больше всего боялись по ошибке обстрелять их. Поэтому огонь не открывался даже по явным мятежникам до тех пор, пока они сами не были обстреляны. <...>

Все мятежники вооружены японцами. Большинство обнаруженных снарядов германского производства были, как говорят, захвачены японцами, когда они в 1914 г. овладели Циндао. У меня есть заслуживающие доверия сведения о том, что примерно 20 мая из порта Циндао мятежникам были переправлены три пулемета. Сообщают также, что в Циндао есть фабрика по производству взрывных устройств, но я не смог получить подтверждение этому. <...> Японцы, несомненно, являются зачинщиками всех беспорядков. <...>

В Цзинани примерно на четверть мили ближе к международному сеттльменту, чем старая железнодорожная станция на шаньдунской

магистрали, строится новая станция. <...> Между ними — примерно 50 маленьких домов, в которых располагаются мятежники[1].

Важную информацию Тэнни получил от военного губернатора Шаньдуна генерала Цзинь Юньпэна и уполномоченного по иностранным делам Ян Цинцзюня.

Генерал утверждал, что общая численность мятежников составляет около 2 000 человек и что на тот момент ими было захвачено 10 уездов.

Я спросил генерала Цзиня, верно ли, что его войска были эвакуированы из Вэйсяни. Он ответил, что японский командующий настаивал на том, что он должен оставить город, и он, не желая своим отказом вызывать международные осложнения, был вынужден вывести войска из города.

Ян Цинцзюнь сказал Тэнни, что у мятежников в Шаньдуне, в отличие от южан, нет четкого плана действий и они движимы исключительно личными соображениями с целью занять какой-нибудь официальный пост. Отсюда лозунг «Шаньдун для шаньдунцев».

Цзинь Юньпэн согласился с этим и добавил, что отделение провинции от центрального правительства входит в планы японской стороны.

Генерал Цзинь подтвердил слухи о том, что японские власти предлагали ему объявить независимость Шаньдуна и обещали свою помощь в случае, если против него будут посланы войска из соседних провинций.

Я спросил генерала Цзиня, какой выход из трудного положения он видит, и он ответил, что выхода нет — по крайней мере до окончания европейской войны. По его словам, у него более чем достаточно войск для того, чтобы контролировать ситуацию и покончить с мятежниками в случае, если японцы дадут ему возможность сделать это. <...> Он добавил, что сейчас это дипломатическая, а не военная проблема и контролировать ситуацию при данных обстоятельствах он не в состоянии. <...>

Цзинань находится в жалком состоянии. Китайцы не могут заниматься предпринимательской деятельностью. Все лавки закрыты и опечатаны. 40 000 человек из числа населения в 70 000 покинули Цзинань в поисках защиты в соседних городах. <...>

Позднее я встретился с британским консулом, но не смог узнать у него что-либо интересное, кроме одного: несколько дней тому назад генерал Цзинь в своей речи, произнесенной в его *ямэне* и обращенной к предста-

[1] Memorandum on Political Conditions in Tsinanfu in May 25th–27th, 1916. Enclosure to: Reich to Secretary of State, June 14, 1916 // USDS/ 893.00/2463. P. 2.

вителям деловой части населения, намекнул, что провинция, быть может, будет вынуждена отказаться признавать Пекинское правительство.

Он также заявил, что его представитель на конференции в Нанкине был уполномочен голосовать за отставку Юань Шикая. Эти сведения, безусловно, достоверны, поскольку генерал Цзинь, будучи внешне лоялен [по отношению к правительству], человек слабый и, по слухам, легко поддается влиянию со стороны общественности[1].

Положение в Цзинани обострилось до предела. В случае падения города прямой путь на Пекин был бы открыт.

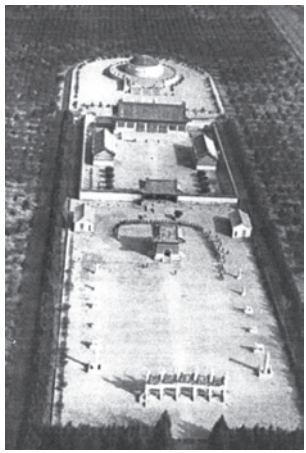
Одержи д-р Сунь победу в «Третьей революции», в Пекине в соответствии с согласованным ранее планом было бы создано «правительство прояпонской ориентации» и это разом зачеркнуло бы всё позитивное в деятельности лидера Гоминьдана — как это произошло с его несостоявшимся преемником Ван Цзинвэем или с генералом Власовым. Сунь Ятсен вошел бы в историю как коллаборационист, предатель китайского народа.

В этот критический момент нашелся человек, спасший Сунь Ятсена от вселенского позора.

Таким человеком был Юань Шикай: 6 июня он неожиданно скончался.

Похороны Юань Шикая

[1] Ibid.



Могила Юань Шикая на его родине в Аньяне

Предпринятый против него карательный поход утратил свой смысл, и «Северо-Восточная армия» прекратила военные действия.

Цзюй Чжэн сообщил, что ему предстоит составить отчет о деятельности «Северо-Восточной» армии в Шаньдуне, и просил своих коллег помочь ему в этом:

На первый взгляд, наши действия, направленные против Юань Шикая, увенчались определенными успехами. Но беспристрастно взглянув на ситуацию, сложившуюся после его смерти, мы вынуждены признать, что мы снова потерпели поражение. Поэтому в процессе составления отчета мы должны найти коренные причины нашего поражения[1].

Через несколько дней Цзюй Чжэн вновь вернулся к этой теме:

Сегодня у нас последнее заседание главного штаба «Северо-Восточной армии». Прежде всего мы должны воздать должное героям, отдавшим свою жизнь борьбе против Юань Шикая.

Штаб «Северо-Восточной армии» начал работать 18 ноября прошлого года, в феврале этого года мы начали наступление на противника, менее чем за три месяца одолели наиболее боеспособную 5-ю дивизию врага, взяли в плен более 7 000 вражеских солдат и офицеров, овладели более чем 10 городами, в том числе Вэйсянью, Гаоми и др.

Если бы не противодействие японской армии, мы были в состоянии овладеть всей восточной частью Шаньдуна.

Но после смерти Юань Шикая у власти по-прежнему последыши узурпатора Юаня — Дуань Цижуй, Фэн Гочжан и иже с ними. Это всё старые милитаристы, наносящие ущерб нашей стране и помыкающие народом. Англия, Америка, Япония и другие державы, как и раньше, считают себя Небесным Владыкой, а простой народ влачит жалкое существование.

Всё это значит, что осуществлявшаяся нами под руководством Сунь Ятсена борьба против Юань Шикая вновь потерпела поражение[2].

[1] Заявление Цзюй Чжэна от 11 октября 1916 г. // Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна. Т. 1. С. 356.

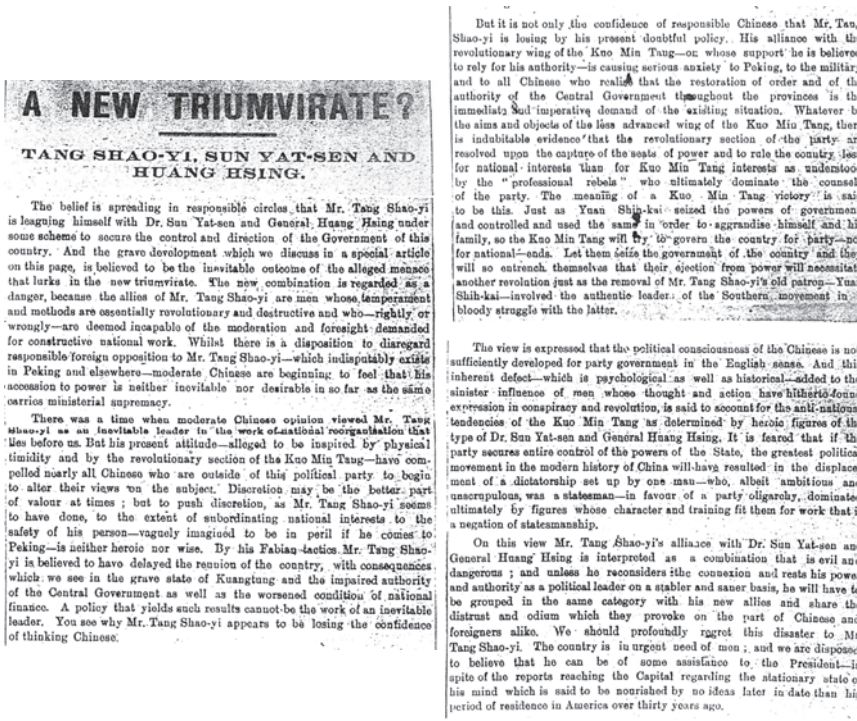
[2] Выступление Цзюй Чжэна на заседании штаба «Северо-Восточной армии», 18 октября 1916 г. // Там же.

Спору нет, неудача «Третьей революции», на которую Сунь Ятсен возлагал столь большие надежды, была жестоким ударом по его самолюбию и престижу. Тем не менее остается неоспоримым фактом, что своей неожиданной смертью Юань Шикай помог Сунь Ятсену удержаться от падения с того обрыва, над которым тот балансировал на протяжении нескольких месяцев «Третьей революции».

Что делать дальше?

Смерть Юань Шикая, означавшая внезапное завершение «Третьей революции», внесла замешательство в ряды гоминьдановцев. Большинству из них не было ясно, что же делать дальше.

Хотя Сунь Ятсен распорядился распустить «Северо-Восточную армию», начальник штаба Чэнь Чжунфу настаивал на продолжении



A NEW TRIUMVIRATE?

TANG SHAO-YI, SUN YAT-SEN AND HUANG HSING.

The belief is spreading in responsible circles that Mr. Tang Shao-yi is leaguing himself with Dr. Sun Yat-sen and General Huang Hsing under some scheme to secure the control and direction of the Government of this country. And the grave development which we discuss in a special article on this page, is believed to be the inevitable outcome of the alleged menace that lurks in the new triumvirate. The new combination is regarded as a danger, because the allies of Mr. Tang Shao-yi are men whose temperament and methods are essentially revolutionary and destructive and who—rightly or wrongly—are deemed incapable of the moderation and foresight demanded for constructive national work. Whilst there is a disposition to disregard responsible foreign opposition to Mr. Tang Shao-yi—which indisputably exists in Peking and elsewhere—moderate Chinese are beginning to feel that his accession to power is neither inevitable nor desirable in so far as the same carries ministerial supremacy.

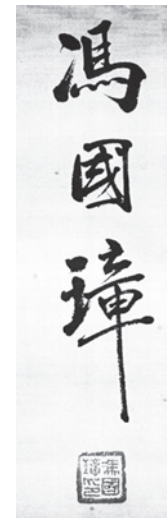
There was a time when moderate Chinese opinion viewed Mr. Tang Shao-yi as an inevitable leader in the work of national reorganisation that lies before us. But his present attitude—alleged to be inspired by physical timidity and by the revolutionary section of the Kuo Min Tang—have compelled nearly all Chinese who are outside of this political party to begin to alter their views on the subject. Discretion may be the better part of valour at times ; but to push discretion, as Mr. Tang Shao-yi seems to have done, to the extent of subordinating national interests to the safety of his person—vaguely imagined to be in peril if he comes to Peking—is neither heroic nor wise. By his Fabian tactics Mr. Tang Shao-yi is believed to have delayed the reunion of the country, with consequences which we see in the grave state of Kuangtung and the impaired authority of the Central Government as well as the worsened condition of national finance. A policy that yields such results cannot be the work of an inevitable leader. You see why Mr. Tang Shao-yi appears to be losing the confidence of thinking Chinese.

But it is not only the confidence of responsible Chinese that Mr. Tang Shao-yi is losing by his present doubtful policy. His alliance with the revolutionary wing of the Kuo Min Tang—on whose support he is believed to rely for his authority—is causing serious anxiety to Peking, to the military and to all Chinese who realise that the restoration of order and of the authority of the Central Government throughout the provinces is the immediate and imperative demand of the existing situation. Whatever be the aims and objects of the less advanced wing of the Kuo Min Tang, there is indubitable evidence that the revolutionary section of the party are resolved upon the capture of the seats of power and to rule the country less for national interests than for Kuo Min Tang interests as understood by the "professional rebels" who ultimately dominate the counsels of the party. The meaning of a Kuo Min Tang victory is said to be this. Just as Yuan Shih-kai seized the powers of government and controlled and used the same in order to aggrandise himself and his family, so the Kuo Min Tang will try to govern the country for party—not for national—ends. Let them seize the government of the country and they will so entrench themselves that their ejection from power will necessitate another revolution just as the removal of Mr. Tang Shao-yi's old patron—Yuan Shih-kai—involved the authentic leader of the Southern movement in a bloody struggle with the latter.

The view is expressed that the political consciousness of the Chinese is not sufficiently developed for party government in the English sense. And this inherent defect—which is psychological as well as historical—added to the sinister influence of men whose thought and action have hitherto found expression in conspiracy and revolution, is said to account for the anti-national tendencies of the Kuo Min Tang as determined by heroic figures of the type of Dr. Sun Yat-sen and General Huang Hsing. It is feared that if the party secures entire control of the powers of the State, the greatest political movement in the modern history of China will have resulted in the displacement of a dictatorship set up by one man—who, albeit ambitious and unscrupulous, was a statesman—in favour of a party oligarchy, dominated ultimately by figures whose character and training fit them for work that is a negation of statesmanship.

On this view Mr. Tang Shao-yi's alliance with Dr. Sun Yat-sen and General Huang Hsing is interpreted as a combination that is evil and dangerous ; and unless he reconsiders the connexion and rests his power and authority as a political leader on a stabler and saner basis, he will have to be grouped in the same category with his new allies and share the distrust and odium which they provoke on the part of Chinese and foreigners alike. We should profoundly regret this disaster to Mr. Tang Shao-yi. The country is in urgent need of men ; and we are disposed to believe that he can be of some assistance to the President—in spite of the reports reaching the Capital regarding the stationary state of his mind which is said to be nourished by no ideas later in date than his period of residence in America over thirty years ago.

Статья «Новый триумвират?», опубликованная в «Peking Gazette» 32 июля 1916 г.



Фэн Гочжан, его подпись и печать

военных действий, и его пришлось убеждать в том, что теперь это утратило смысл.

Многие деятели Гоминьдана выступили за перегруппировку политических сил и реформу Гоминьдана. Предпосылкой для этого они считали, в частности, недвусмысленно выраженное намерение Тан Шаои вновь сблизиться с Сунь Ятсеном и Хуан Сином, так что в июле 1916 г. в газетах стали даже поговаривать о «новом триумвирате».

В октябре в Шанхай из Нанкина прибыли Чжан Цзи и Ху Ханьминь, встречавшиеся с Сунь Ятсеном и Хуан Сином. Обсуждалась тема реорганизации Гоминьдана, причем в известность об этом был поставлен японский военный представитель в Шанхае генерал Аоки.

Аоки сообщал в Токио, что, в соответствии с планом Чжан Цзи и Ху Ханьминя, предполагалось создать новую мощную политическую организацию, вступив в альянс с располагавшим собственными вооруженными силами и проявлявшим благосклонное отношение к Гоминьдану и Сунь Ятсену генералом Фэн Гочжаном, который выразил на то свое согласие[1].

Но этот далеко идущий план был отвергнут Сунь Ятсеном.

---

[1] 章伯锋。北洋军阀 1912–1928 (*Чжан Бофэн.* Бэйянские милитаристы в 1912–1928 гг.). Ухань. 1990. С. 36–38.

Глава XVI

«Северо-Западный план»: первоначальный вариант

Ласковый теленок двух маток сосет

Некоторые историки утверждают, что после неудачи «Третьей революции» лидер Гоминьдана сменил свои внешние ориентиры и стал строить дальнейшие планы, рассчитывая на помощь Германии. С нашей точки зрения, этот вывод верен лишь отчасти. Источники говорят о том, что в 1917 г. Сунь Ятсен стремился опереться на содействие двух стран, находившихся в состоянии войны друг с другом, – Японии и Германии одновременно. Разница заключалась лишь в том, что оказавшиеся обманутыми японцы, как и несколько лет до этого, теперь не спешили помогать неудачнику, тогда как немцы возлагали на него свои надежды. Сначала о первом.

Деньги брал Сунь Ятсен, а отдавать должны другие

После того как Юань Шикай покинул историческую арену, Сунь Ятсен по-прежнему был уверен, что Япония будет продолжать оказывать ему материальную помощь.

15 августа он написал письмо Кухара, в котором обсуждал детали сотрудничества в области разработки полезных ископаемых Китая.

В ответном письме Кухара выразил свое согласие и послал в Шанхай своего представителя Накаяма Токитаро для согласования совместного плана действий[1].

[1] 彭泽洲。近代中国之革命与日本 (*Пэн Цзэчжоу*. Китайская революция в новейшее время и Япония). Пекин. 1982. С. 184–185.

Тэраути Масатакэ (1852–1919)

Но ни тот ни другой не знали, что общая ситуация во взаимоотношениях между Японией и Китаем принципиально изменилась.

В октябре 1916 г. кабинет министров Окума подал в отставку, и на смену ему пришло правительство Тэраути Масатакэ.

Что касается внешней политики, то главным вопросом, который предстояло решить новому премьеру, был курс в отношении Китая.

Влиятельный *генро* Мацуката представил новому правительству свое «Мнение о политике в Китае», предлагавшее налаживать добрососедские отношения с пекинским правительством. Это предложение было поддержано другим *генро* – Ямагата.

Хара Кэй записал в дневнике:

> Это вопрос первостепенной важности. Нужно во что бы то ни стало менять курс[1].

9 января 1917 г. на заседании правительства было принято решение «О политике в Китае», которое включало 5 пунктов.

Хара Кэй был активным сторонником смены курса в отношении Китая

В этом документе декларировалось: «Япония уважает и защищает независимость и территориальную целостность Китая <...>, не поддерживает ни одну политическую партию или группировку в Китае и не вмешивается в его внутренние дела»[2].

На практике же это означало прекращение помощи Сунь Ятсену и другим антипекинским политическим группировкам в Китае.

Правительство Дуань Цижуя, признанное западными державами, рассматривалось кабинетом Тэраути как единственное законное правительство Китая.

Как сообщал министр финансов Кацуда Кадзуэ, Сунь Ятсен обратился к правительству

[1] 原敬日记 (Дневник Хара Кэй). Т. 4. Токио. 1981. С. 235.

[2] 日本外交主要文书·年表 (Важнейшие документы и хронологическая таблица внешней политики Японии). Т. 1. Токио. 1986. С. 424–425.

Японии с просьбой о новой субсидии, но ему было отказано[1].

20 января 1917 г. было подписано соглашение о предоставлении Пекину «займа Нисихара» на солидную сумму 5 млн иен.

А Сунь Ятсен оказался в щекотливом положении. Ему нужно было возвращать полученные взаймы деньги, которых у него не было. В этой ситуации кто-то подсказал ему неординарное решение: переложить всю тяжесть долгов на плечи нового правительства. В начале января об этом сообщила китайская пресса[2].

Кацуда Кадзуэ (1869–1948)

Новый 1917 г. Сунь Ятсен отметил статьей в газете «Осака майнити симбун», назвав ее «Коренной смысл японо-китайской дружбы». Упоминать о желательности новых валютных вливаний автору было не с руки: он еще не рассчитался по старым векселям. Поэтому речь шла преимущественно о «моральной поддержке» Китая со стороны Японии.

日支親善の根本義
孫文

«Осака майнити симбун» от 1 января 1917 г. со статьей Сунь Ятсена

30 января в Пекин были командированы двое высокопоставленных функционеров Гоминьдана — Ху Ханьминь и Ляо Чжункай — с предписанием добиться согласия правительства Дуань Цижуя на возврат японским предпринимателям долгов Сунь Ятсена в размере 1 млн иен, а также

[1] 胜田主计。确定中国借款方针 (*Кацуда Кадзуэ*. Определение курса в отношении займов Китаю) // Цзиньдайши цзыляо. № 45. С. 195.

[2] АКИИГ. 400.195-3.

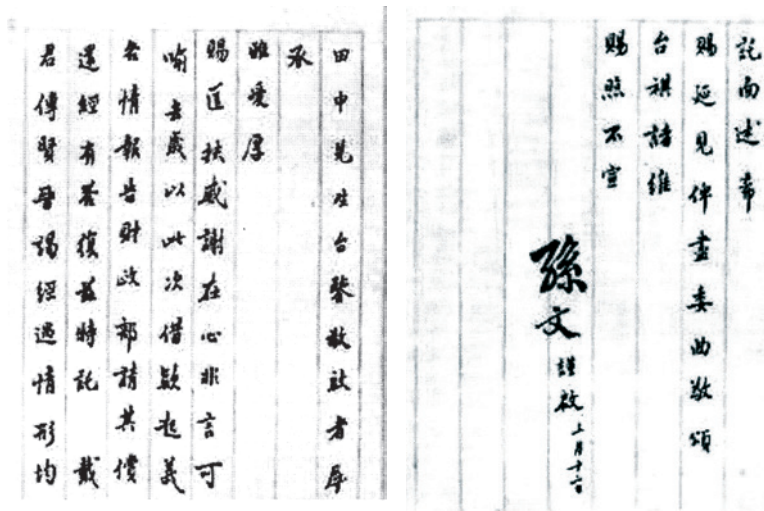
на компенсацию доброхотных даяний китайских иммигрантов 1,7 млн долларов[1].

Само собой разумеется, эта попытка успеха иметь не могла. Оплачивать чужие векселя премьер Дуань Цижуй не собирался.

Тем не менее 12 марта Сунь Ятсен отправил послание Танака Гиити, в котором между прочим писал:

> Нет слов, чтобы выразить Вам чувство благодарности за то, что в прошлом году я получил заём на нужды восстания. Я уже сообщил в Министерство финансов, чтобы они возвратили эти деньги[2].

Неизвестно, что́ ответил на это Танака и ответил ли вообще.



Письмо Сунь Ятсена в адрес Танака от 12 марта 1917 г.

Через три месяца после этого Сунь Ятсен снова написал ему как доброму знакомому, вновь произнося слова благодарности и рассказывая о своих болезнях.

---

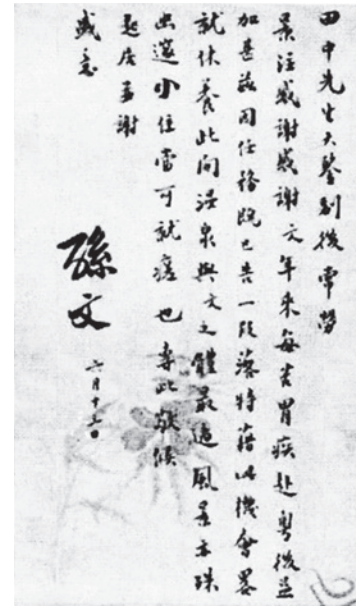
[1] *Дуань Юньчжан*. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 501.

[2] 孙中山向日本政府借款推翻袁世凯的物证：1917年之田中义一的绝密信件 (Вещественное доказательство того, что Сунь Ятсен брал деньги в долг у правительства Японии для свержения Юань Шикая: сверхсекретное письмо 1917 г. в адрес Танака Гиити) // http://blog.sina.com.cn/s/blog_629dc4830100mqxl.html.

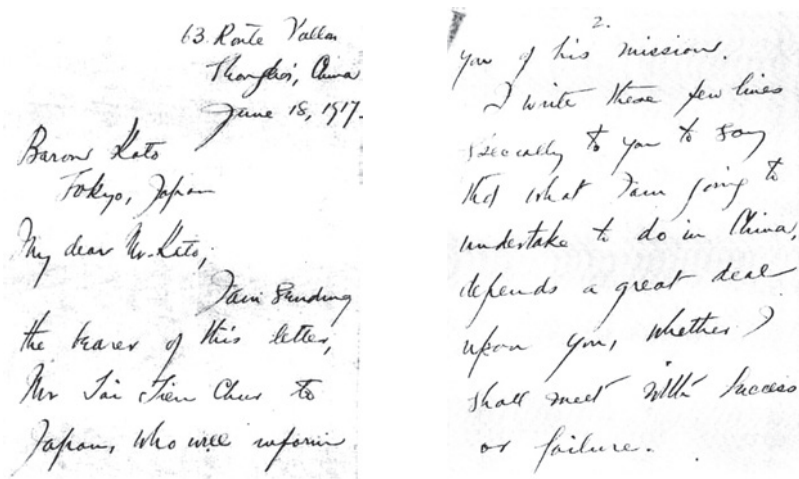
Через две недели после того, как было отправлено это письмо, Сунь Ятсен послал в Японию Дай Цзитао с поручением восстановить прежние контакты. По его словам, он вез с собой несколько писем Сунь Ятсена, а главными лицами, с которыми ему предстояло встретиться, были Танака и адмирал Акияма.

Но когда визит к Танака состоялся, Дай Цзитао с удивлением увидел на стене его кабинета каллиграфическую надпись, подаренную ему генералом Чжан Сюнем, готовившим в это время монархический переворот в Пекине. Дай Цзитао удалось также узнать, что миллионер Окура ссудил сообщников Чжан Сюня деньгами в сумме 2 млн иен[1].

Одно из писем Сунь Ятсена было адресовано отставному министру иностранных дел Като Такааки.



Письмо Сунь Ятсена в адрес Танака от 13 июня 1917 г.



63 Route Vallon
Shanghai, China
June 18, 1917.

Baron Kato
Tokyo, Japan

My dear Mr. Kato,

Tsai Ting-kan,
the bearer of this letter,
Mr. Tai Tien Chun to
Japan, who will inform

2.
you of his mission.
I write these few lines
specially to you to say
that what I am going to
undertake to do in China,
depends a great deal
upon you, whether I
shall meet with success
or failure.

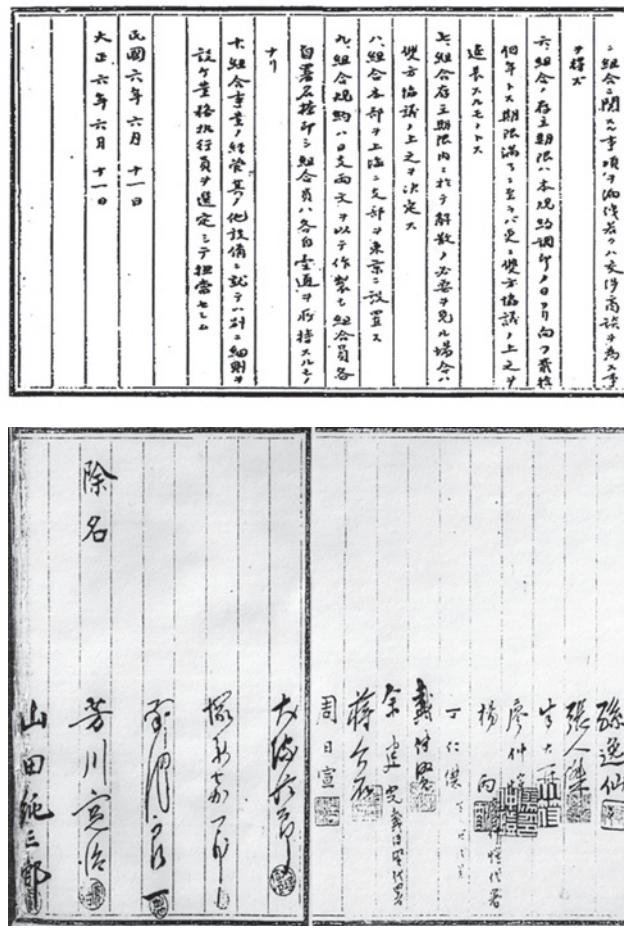
Первые страницы письма Сунь Ятсена к Като Такааки от 18 июня 1917 г.

[1] 戴季陶。日本轮 (*Дай Цзитао*. О Японии). Тайбэй. 1954. С. 103–108.

В нем, в частности, говорилось:

Я пишу это письмо специально для того, чтобы сообщить Вам, что я готов развернуть в Китае работу, успех которой зависит главным образом от помощи с Вашей стороны. Я абсолютно уверен, что если Вы поможете мне, мои усилия непременно увенчаются успехом. <...>

Я очень надеюсь на Вашу помощь. Согласны ли Вы по мере возможности оказать нам поддержку ради интересов всего человечества?[1]



Китайско-японское соглашение от 11 июня 1917 г.

[1] Сунь Ятсен — Като Такааки, 18 июня 1917 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 490.

Еще до отъезда Дай Цзитао в Японию он поставил свою подпись под документом, согласно которому группе японских предпринимателей предоставлялось право разрабатывать залежи полезных ископаемых на территории Китая[1].

Но в условиях, сложившихся после прихода к власти кабинета Тэраути, это соглашение, заключенное без его ведома, не имело шансов на реализацию.

Немцы хотят сотрудничать с Сунь Ятсеном

В отличие от японцев, инициатива возобновления контактов с которыми исходила от Сунь Ятсена и в большинстве случаев не встречала ответной реакции, его сотрудничество с немцами развивалось на основе взаимности.

В 1917 г. продолжавший придерживаться политики нейтралитета Китай стал объектом борьбы между странами Антанты, с одной стороны, и Тройственного союза — с другой: первые стремились вовлечь Китай в войну против Германии, тогда как Берлин был заинтересован в нейтралитете Пекина.

Пауль фон Гинтце (1864–1941)

Еще в январе пекинское Министерство иностранных дел поставило германского посланника П. фон Гинтце в известность о том, что именно было обещано Китаю в случае, если он присоединится к странам Антанты.

В ответ Гинтце заверил Дуань Цижуя, что Германия сторицей отблагодарит Пекин за сохранение им нейтралитета[2].

После этого немцы предприняли ряд конкретных действий, с тем чтобы воздействовать на китайских парламентариев. Каждый раз, когда в законодательном собрании обсуждались вопросы,

[1] Об этом соглашении речь уже шла выше (с. 224).

[2] Bernstorff an Auswärtiges Amt, 16 Januar 1917 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее — PAAA). China 7. Bd. 6–7. A9306.

связанные с отношением Китая к войне, в гостевой ложе демонстративно присутствовал адмирал Гинтце[1].

После того как Германия объявила о начале неограниченной подводной войны, 2 февраля США разорвали дипломатические отношения с Германией.

Через неделю после этого китайское правительство направило Гинтце протест по тому же поводу, однако доверительно сообщило ему, что отвечать на эту ноту и вообще принимать ее всерьёз не надо, поскольку она носит сугубо формальный характер.

Гинтце настоял на том, чтобы сказанное было сообщено германскому посольству в письменной форме, и Дуань Цижуй выполнил это требование, заверив Берлин, что его правительство не намерено вступать в войну[2]. В ответ ему было сказано, что урон, нанесенный Китаю немецкими подводными лодками, будет компенсирован[3].

Германское Министерство иностранных дел дало Гинтце поручение разъяснять, что подводная война направлена против Англии, а скорейшая капитуляция Лондона будет на руку Китаю. Выполняя это указание, он намекал, что благоприятное для Берлина решение китайского правительства было бы щедро оплачено.

21 февраля Гинтце встретился со специально приехавшим в Пекин вице-президентом Фэн Гочжаном.

Сообщая о содержании их беседы, германский посланник напоминал, что в свое время Фэн выступал против вступления Китая в войну, однако изменил свою позицию после того, как получил значительную сумму от союзников. Сам Фэн Гочжан признавал, что первоначально выступал за нейтралитет Китая, но впоследствии резко изменил свое мнение[4].

1 марта, накануне открытия сессии парламента, состоялась встреча Гинтце с Сюй Шучжэном, выступавшим от имени премьера Дуань Цижуя.

Сюй Шучжэн заверял собеседника в своей безусловной приверженности китайско-германской дружбе и утверждал, что враждебные Берлину акции инспирированы Лян Цичао.

[1] 顾维钧。回忆录 (*Гу Вэйцзюнь*. Воспоминания). Пекин. 1983. С. 154.

[2] Hintze an Auswärtiges Amt, 15 Februar 1917 // PAAA. China 7. Bd. 6–7. A5312.

[3] Hintze an Auswärtiges Amt, 16 Februar 1917 // PAAA. China 7. Bd. 6–7. A5789.

[4] 1917年北洋政府对德断交宣战史料三件 (Три документа, касающиеся разрыва дипломатических отношений бэйянского правительства с Германией и объявления ей войны) // Данъань шиляо. 1997. № 1. С. 10.

Сюй Шучжэн (1880–1925)

Это утверждение, сообщал Гинтце канцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу, согласуется с информацией из другого источника: Дуань Цижуй до сих пор не вполне уверен, что спасение Китая заключается в следовании политике Антанты[1].

На следующий день германские дипломаты пошли ва-банк и выложили все свои карты на стол, пообещав Дуань Цижую 10 млн американских долларов за отказ от вступления в войну, однако их цель достигнута не была. «Маловато предлагаете!» – ответил, улыбаясь, Дуань Цижуй на предложение Гинтце[2].

Многие члены парламента оказались более сговорчивыми, и позднее в китайскую прессу просочились сведения о том, что их голоса шли по две тысячи каждый[3].

По признанию Гинтце, на подкуп депутатов он был вынужден истратить все имевшиеся в его распоряжении 100 тысяч долларов, а газеты сообщали, что его попытка удержать Китай от объявления войны Германии в общей сложности стоила рейху 13 млн долларов.

Т. фон Бетман-Гольвег (1856–1921)

Но более удачливыми оказались союзники. 14 марта 1917 г. Китай разорвал отношения с Германией.

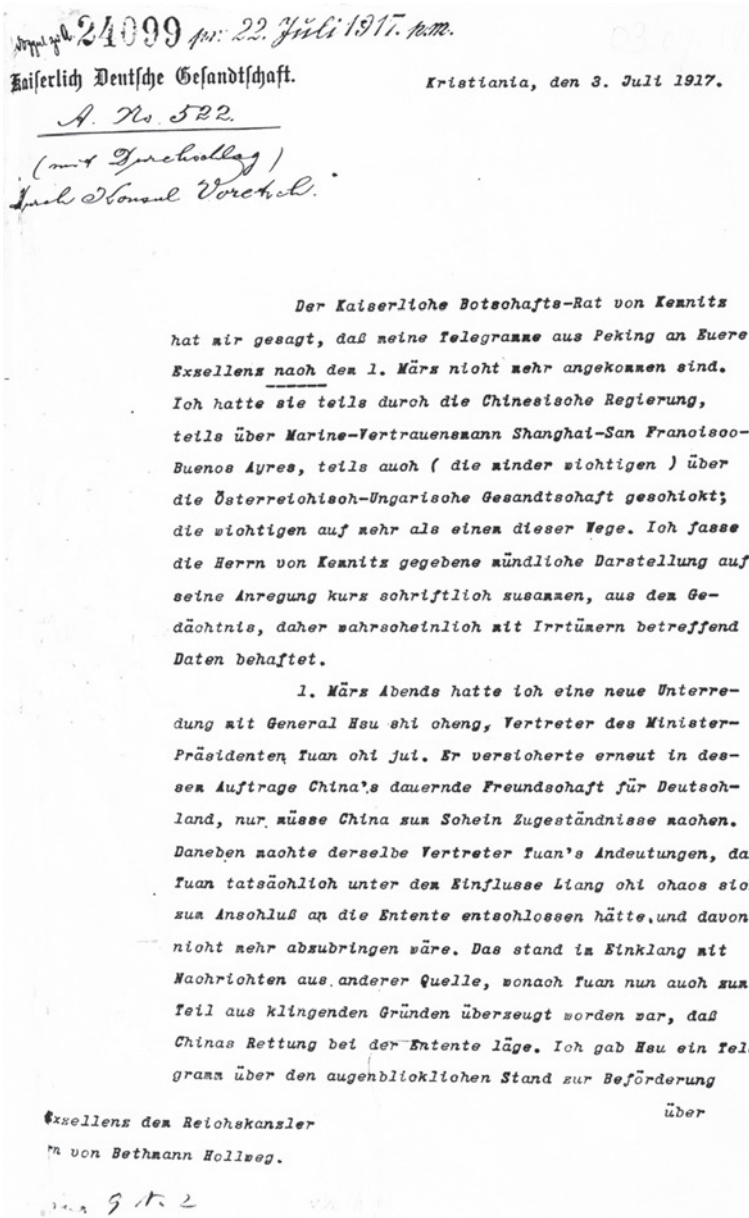
Гинтце заявил по этому поводу протест Пекинскому правительству, но был вынужден покинуть столицу и вернуться в Германию.

Когда стало ясно, что их первоначальный план не удался, немцы решают радикальным образом изменить тактику и приложить усилия к тому, чтобы свалить Дуань Цижуя. В этом они рассчитывали на помощь со стороны, во-первых, влиятельной группы про-

[1] Hintze an Bethman-Holweg, 3 Juli 1917 // PAAA. China 7. Bd. 8–9. A24099.

[2] Ibid.

[3] Peking Daily News, 17 июля 1917 г.



24099 pr: 22. Juli 1917. p.m.

Kaiserlich Deutsche Gesandtschaft.

Kristiania, den 3. Juli 1917.

A. No. 522.

(mit Durchschlag)

Durch Konsul Voretsch.

Der Kaiserliche Botschafts-Rat von Kemnitz hat mir gesagt, daß meine Telegramme aus Peking an Euere Exzellenz nach dem 1. März nicht mehr angekommen sind. Ich hatte sie teils durch die Chinesische Regierung, teils über Marine-Vertrauensmann Shanghai-San Francisco-Buenos Ayres, teils auch (die minder wichtigen) über die Österreichisch-Ungarische Gesandtschaft geschickt; die wichtigen auf mehr als einem dieser Wege. Ich fasse die Herrn von Kemnitz gegebene mündliche Darstellung auf seine Anregung kurz schriftlich zusammen, aus dem Gedächtnis, daher wahrscheinlich mit Irrtümern betreffend Daten behaftet.

1. März Abends hatte ich eine neue Unterredung mit General Hsu shi cheng, Vertreter des Minister-Präsidenten Tuan chi jui. Er versicherte erneut in dessen Auftrage China's dauernde Freundschaft für Deutschland, nur müsse China zum Schein Zugeständnisse machen. Daneben machte derselbe Vertreter Tuan's Andeutungen, daß Tuan tatsächlich unter dem Einflusse Liang chi chaos sich zum Anschluß an die Entente entschlossen hätte, und davon nicht mehr abzubringen wäre. Das stand im Einklang mit Nachrichten aus anderer Quelle, wonach Tuan nun auch zum Teil aus klingenden Gründen überzeugt worden war, daß Chinas Rettung bei der Entente läge. Ich gab Hsu ein Telegramm über den augenblicklichen Stand zur Beförderung

über

Exzellenz dem Reichskanzler

rn von Bethmann Hollweg.

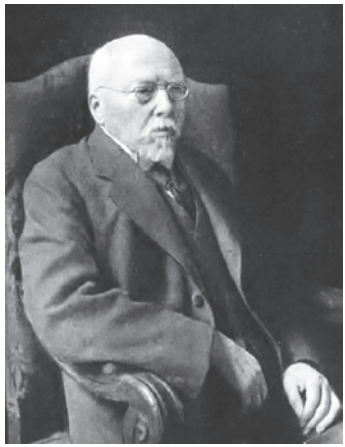
Первая страница письма Гинтце канцлеру Бетман-Гольвигу от 3 июля 1917 г.

германски настроенных общественных деятелей во главе с Кан Ювэем, во-вторых, на личных врагов Дуань Цижуя, среди которых выделялся бывший министр Сунь Хунъи, и, в-третьих, на Сунь Ятсена, неоднократно высказывавшегося против вступления Китая в войну.

Сун Хунъи (1870–1936)

Немецкие деньги Сунь Ятсена

Позднее германский генеральный консул в Шанхае Г. Книппинг представил рейхсканцлеру Г. фон Гертлингу, сменившему Бетман-Гольвега, меморандум, из которого мы сегодня можем судить о том, как развивались последующие события.



Г. фон Гертлинг (1843–1919)

Книппинг сообщал канцлеру, что перед своим отъездом из Китая посланник Гинтце предложил Книппингу задержаться в Шанхае для того, чтобы вступить в непосредственный контакт с Сунь Ятсеном.

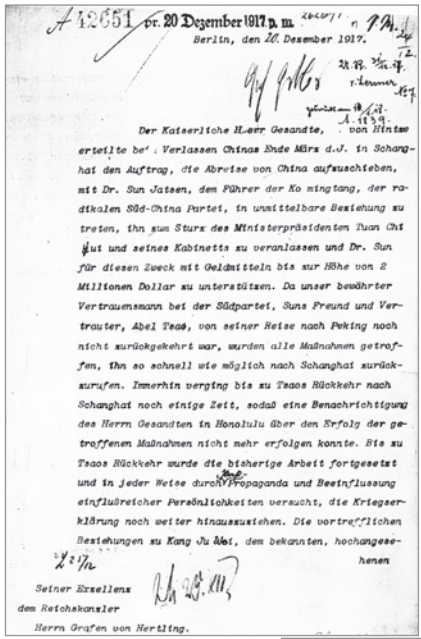
Посредником между германскими дипломатами и Сунь Ятсеном должен был выступить некто Абель Цао, имевший до этого тесные связи с немцами.

Для переговоров с лидером Гоминьдана был назначен переводчик консульства Ширмер, задача которого состояла в том, чтобы склонить Сунь Ятсена к совместным действиям по свержению Дуань Цижуя.

В ходе переговоров Сунь Ятсен подчеркнул, что у него налажены хорошие отношения с некоторыми влиятельными японскими государственными деятелями.

Он заявил, что отношение общественного мнения Японии к Германии противоречиво. Японский МИД занимает антигерманские позиции, тогда как подавляющая часть армии и флота восхищается Германией.

Сам Сунь Ятсен, по его словам, имел намерение посетить Японию, чтобы установить там контакты, полезные для Китая. Ему посоветовали не делать этого, так как его поездка привлекла бы к себе излишнее



A 12651 pr. 20 Dezember 1917 p. m.

Berlin, den 20. Dezember 1917.

Der Kaiserliche Herr Gesandte, ... von Hintze erteilte bei Verlassen Chinas Ende März d.J. in Schanghai den Auftrag, die Abreise von China aufzuschieben, mit Dr. Sun Jatsen, dem Führer der Ko mingtang, der radikalen Süd-China Partei, in unmittelbare Beziehung zu treten, ihn zum Sturz des Ministerpräsidenten Tuan Chi jui und seines Kabinetts zu veranlassen und Dr. Sun für diesen Zweck mit Geldmitteln bis zur Höhe von 2 Millionen Dollar zu unterstützen. Da unser bewährter Vertrauensmann bei der Südpartei, Suns Freund und Vertrauter, Abel Tsao, von seiner Reise nach Peking noch nicht zurückgekehrt war, wurden alle Maßnahmen getroffen, ihn so schnell wie möglich nach Schanghai zurückzurufen. Immerhin verging bis zu Tsaos Rückkehr nach Schanghai noch einige Zeit, sodaß eine Benachrichtigung des Herrn Gesandten in Honolulu über den Erfolg der getroffenen Maßnahmen nicht mehr erfolgen konnte. Bis zu Tsaos Rückkehr wurde die bisherige Arbeit fortgesetzt und in jeder Weise durch Propaganda und Beeinflussung einflußreicher Persönlichkeiten versucht, die Kriegserklärung noch weiter hinauszuziehen. Die vortrefflichen Beziehungen zu Kang Ju Wei, dem bekannten, hochangesehenen

Seiner Exzellenz
dem Reichskanzler
Herrn Grafen von Hertling.

henen, kantonesischen Gelehrten und Führer einer einflußreichen Gruppe von prodeutschen Politikern und Staatsmännern wurden weiter gepflegt. Der bei den Chili Truppen in Peking sehr einflußreiche frühere Minister und Volksführer Sun Hung Ji, ein persönlicher Feind Tuan Chi juis aus früheren Tagen wurde für unsere Ziele gewonnen. Auch Tang Shao Ji, Sun Jatsens Freund, wurde in Abwesenheit von Abel Tsao veranlaßt, den Einfluß der Ko ming tang Partei gegen die Kriegserklärung an Deutschland einzusetzen.

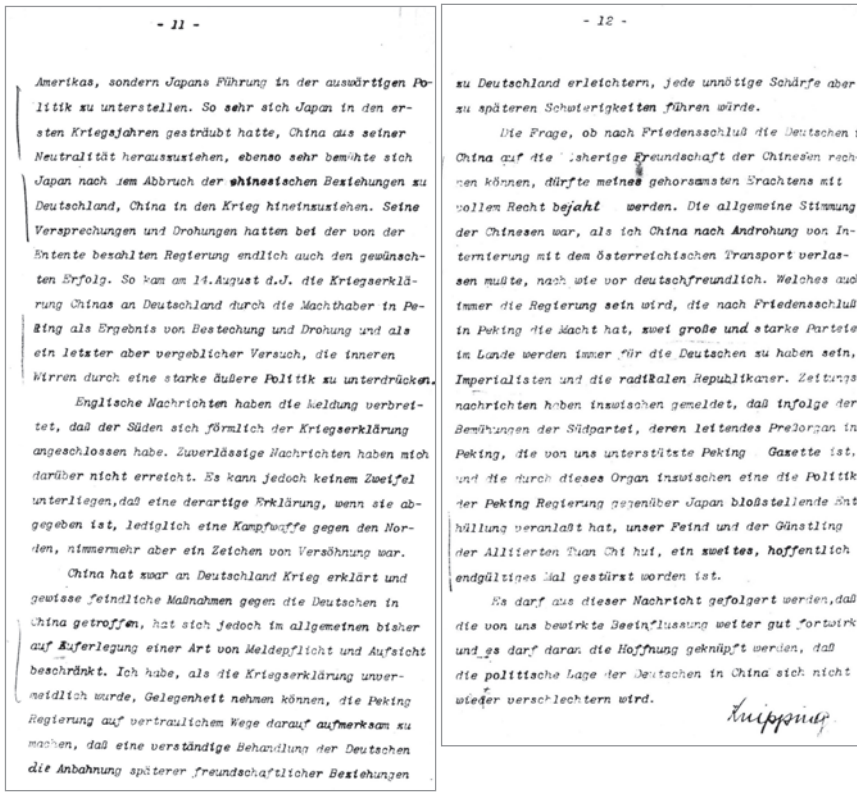
Nach Eintreffen Abel Tsaos in Schanghai wurde wegehend eine geheime Unterredung zwischen dem Dolmetscher Schirmer und Dr. Sun Jatsen herbeigeführt. Die Unterredung ergab Übereinstimmung der politischen Ziele. Sun Jatsen erklärte sich zum Sturz Tuan Chi juis bereit und in der Lage und erbat für Beeinflussung von Heer und Marine einen Betrag von 2 Millionen Dollar. Sun betonte im Laufe der Unterredung seine guten Beziehungen zu einem Teil der einflußreichen japanischen Staatsmänner. Er betonte, daß die Stimmung in Japan gegenüber Deutschland geteilt sei; das Auswärtige Amt sei antideutsch, während ein großer Teil des Heeres und der Marine von Bewunderung für Deutschland erfüllt sei. Er selbst habe die Absicht gehabt, nach Japan zu fahren, um dort wegen der Lage in China Fühlung zu nehmen; man habe ihm abgeraten, da seine Reise zu sehr auffallen würde, - er hätte sich z.B. in Peking abmelden - aber Japan habe ihm versprochen, einen hohen japanischen

Offizier

Offizier, Tanaka, unauffällig nach China zu senden, dem er seine Ansichten auseinandersetzen könne. Nach der Unterredung mit Dr. Sun Jatsen wurde Euerer Exzellenz auf anderem Wege entsprechender Bericht erstattet und nach Eintreffen Euerer Exzellenz Genehmigung das Erforderliche veranlaßt. Sun Jatsens Besprechung mit Tanaka hatte den gewünschten Erfolg; Sun erklärte Tanaka ganz offen, daß er vorhabe, Tuan zu stürzen. Tanaka eröffnete Sun, daß die japanische Regierung nicht beabsichtige, sich in innere Angelegenheiten Chinas einzumischen und berichtete telegraphisch nach Tokio. Die Folgen von Suns Wirken machten sich in Kürze bemerkbar. Die Unzufriedenheit mit der Pekinger Regierung wuchs sichtlich im ganzen Lande und Tuan Chi juis Stellung fing an zu wanken. Die Minister seines Kabinetts wurden in alle möglichen von der Ko ming tang angezettelten Bestechungsskandale verwickelt. Hierzu kamen fast tägliche persönliche Mißhelligkeiten zwischen dem Ministerpräsidenten Tuan und dem Präsidenten Li Juan hung, welch letzterer in seiner ablehnenden Haltung gegenüber Tuan durch unsere in Peking wirkenden Freunde im Präsidialpalast und in den hohen Offizierskreisen gestärkt wurde.

Inzwischen waren aber auch in Peking die Gesandten der verbündeten Mächte nicht müßig gewesen; die Kriegsfrage wurde emsig betrieben und man versuchte eifrig mit den alten Mitteln, China zu veranlassen, nach dem ersten Schritte (der Note) und dem zweiten Schritte (Abbruch der Beziehungen) endlich auch den entscheidenden

Три первые страницы доклада Книппинга рейхсканцлеру Гертлингу от 20 декабря 1917 г.



- 11 -

Amerikas, sondern Japans Führung in der auswärtigen Politik zu unterstellen. So sehr sich Japan in den ersten Kriegsjahren gesträubt hatte, China aus seiner Neutralität herauszureißen, ebenso sehr bemühte sich Japan nach dem Abbruch der chinesischen Beziehungen zu Deutschland, China in den Krieg hineinzuziehen. Seine Versprechungen und Drohungen hatten bei der von der Entente bezahlten Regierung endlich auch den gewünschten Erfolg. So kam am 14.August d.J. die Kriegserklärung Chinas an Deutschland durch die Machthaber in Peking als Ergebnis von Bestechung und Drohung und als ein letzter aber vergeblicher Versuch, die inneren Wirren durch eine starke äußere Politik zu unterdrücken.

Englische Nachrichten haben die Meldung verbreitet, daß der Süden sich förmlich der Kriegserklärung angeschlossen habe. Zuverlässige Nachrichten haben mich darüber nicht erreicht. Es kann jedoch keinem Zweifel unterliegen,daß eine derartige Erklärung, wenn sie abgegeben ist, lediglich eine Kampfwaffe gegen den Norden, nimmermehr aber ein Zeichen von Versöhnung war.

China hat zwar an Deutschland Krieg erklärt und gewisse feindliche Maßnahmen gegen die Deutschen in China getroffen, hat sich jedoch im allgemeinen bisher auf Auferlegung einer Art von Meldepflicht und Aufsicht beschränkt. Ich habe, als die Kriegserklärung unvermeidlich wurde, Gelegenheit nehmen können, die Peking Regierung auf vertraulichem Wege darauf aufmerksam zu machen, daß eine verständige Behandlung der Deutschen die Anbahnung späterer freundschaftlicher Beziehungen

- 12 -

zu Deutschland erleichtern, jede unnötige Schärfe aber zu späteren Schwierigkeiten führen würde.

Die Frage, ob nach Friedensschluß die Deutschen in China auf die bisherige Freundschaft der Chinesen rechnen können, dürfte meines gehorsamsten Erachtens mit vollem Recht bejaht werden. Die allgemeine Stimmung der Chinesen war, als ich China nach Androhung von Internierung mit dem österreichischen Transport verlassen mußte, nach wie vor deutschfreundlich. Welches auch immer die Regierung sein wird, die nach Friedensschluß in Peking die Macht hat, zwei große und starke Parteien im Lande werden immer für die Deutschen zu haben sein, Imperialisten und die radikalen Republikaner. Zeitungsnachrichten haben inzwischen gemeldet, daß infolge der Bemühungen der Südpartei, deren leitendes Predigan in Peking, die von uns unterstützte Peking Gazette ist, und die durch dieses Organ inzwischen eine die Politik der Peking Regierung gegenüber Japan bloßstellende Enthüllung veranlaßt hat, unser Feind und der Günstling der Alliierten Tuan Chi hui, ein zweites, hoffentlich endgültiges Mal gestürzt worden ist.

Es darf aus dieser Nachricht gefolgert werden,daß die von uns bewirkte Beeinflussung weiter gut fortwirkt, und es darf daran die Hoffnung geknüpft werden, daß die politische Lage der Deutschen in China sich nicht wieder verschlechtern wird.

Knipping

Две последние страницы доклада Книппинга рейхсканцлеру Гертлингу от 20 декабря 1917 г.

внимание, поскольку об этом стало бы известно в Пекине. Что касается правительства Японии, то оно послало высокопоставленного военного, заместителя начальника Генерального штаба Танака Гиити, для неофициального обсуждения с Сунь Ятсеном некоторых политических проблем[1].

Встреча Сунь Ятсена с Танака действительно состоялась еще 2 мая 1917 г. Сунь Ятсен изложил Танака свой план свержения Дуань Цижуя, однако

Цао Ябо (1875–1937)

[1] Knipping an Herrn Grafen fon Hertling, 20 December 1917 // Politisches Archiv des Auswärtiges Amts (в дальнейшем — PAAA) China 7. Bd. 8–9. A42651. P. 2.

Чэнь Бинкунь (1868–1927)

японец заявил, что императорское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела Китая.

В целом немецкий консул делал вывод о том, что в ходе переговоров с Сунь Ятсеном у них «выявилось совпадение политических целей».

Главный результат переговоров в Шанхае:

Сунь Ятсен заявил, что он готов к свержению Дуань Цижуя и попросил 2 млн долларов на цели оказания воздействия на армию и флот[1].

Достоверно ли это сообщение Книппинга?

Не вполне ясную позицию в этом вопросе занимал известный американский суньятсеновед М. Уилбур. С одной стороны, он писал, что доклад Книппинга — это «одностороннее свидетельство», и на его основании нельзя утверждать, что Сунь Ятсен действительно получил в Шанхае от германского консула значительную сумму денег.

С другой стороны, Уилбур упоминает о том, что в августе 1917 г., после того как в Кантон прибыл Сунь Ятсен, военный губернатор Гуандуна Чэнь Бинкунь сообщил генеральному консулу США П. Генцлеману: немцы передали Сунь Ятсену полтора миллиона долларов; он, Чэнь Бинкунь, знает, на что была истрачена часть этих денег и в каком банке хранится остальная часть[2].

Сам Сунь Ятсен в получении денег от немцев никогда не признавался.

За и против нейтралитета

Осуществление конечной цели — свержения кабинета Дуань Цижуя — требовало подготовительной работы. Начав ее, Сунь Ятсен продолжал агитацию против вступления Китая в мировую войну.

«Вопрос жизни и смерти Китая»

После окончания первой мировой войны Сунь Ятсен писал президенту Вильсону:

---

[1] Ibid.

[2] *Wilbur M.* Sun Yat-sen: Frustrated Patriot. New York. 1976. P. 93.

> Когда в прошлом году Вы советовали Китаю присоединиться к Вам в войне, я категорически возражал против этого, зная, что милитаристы в моей стране наверняка используют эту возможность для удушения демократии в Китае. К сожалению, мое предвидение оправдалось[1].

Это данное задним числом объяснение причин, заставивших Сунь Ятсена выступать тогда против вступления Китая в войну на стороне Антанты, казалось весьма злободневным в 1918 г., но совершенно не соответствовало тому, что́ лидер Гоминьдана говорил годом раньше.

В апреле 1917 г. Сунь Ятсен продиктовал Чжу Чжисиню текст брошюры «Вопрос жизни и смерти Китая», в которой обосновывал необходимость соблюдения Китаем нейтралитета в мировой войне.

Аргументы, приведенные автором в этой книге, сводились к четырем основным пунктам.

Во-первых, конфликт между Китаем и Германией может быть урегулирован дипломатическими средствами, не прибегая к военной силе.

Соединенным Штатам понадобилось два года, пока, не добившись от Германии уступок, они вынуждены были разорвать официальные отношения с немцами, а затем 6 апреля 1917 г. объявили им войну. Что же касается пекинского правительства, то оно заявило протест Германии сразу же после объявления США о разрыве с рейхом и, не дожидаясь ответа на этот протест, в свою очередь, последовало примеру американцев. По мнению Сунь Ятсена, у Китая еще есть достаточные возможности для того, чтобы решить китайско-германские противоречия путем переговоров.

Во-вторых, оснований для объявления войны Германии нет.

Прежде всего, если подходить к проблеме с этической точки зрения, быть может, нужно признать действия Германии, объявившей 18 февраля 1915 г. неограниченную подводную войну, нарушением международного права и антигуманным актом. Но из этого еще не следует, что Китай должен объявлять Германии войну. Страны Антанты также прибегли к целому ряду акций, противоречащих представлениям о гуманности (так, Англия после начала войны перестала экспортировать в Германию продовольствие, а это привело к голоду среди мирного населения рейха; Франция беззастенчиво выкачивает из Индокитая материальные ресурсы; Россия стремится аннексировать Маньчжурию и отторгнуть Монголию от Китая и т. д.).

Если говорить о разделе территории Китая между державами, то в этом отношении Германия значительно уступала другим странам.

[1] Sun Yat-sen to President Wilson, 18 November, 1918 // USDS. 893.00/2971.

Шаньдунский полуостров, являющийся сферой влияния Германии, составляет лишь 1% территории всей страны, тогда как в распоряжении России 42%, Англии — 28%, Франции и Японии — по 5%. Однако Китай намеревается объявить войну не этим странам, а Германии!

Наконец, с точки зрения нарушений державами суверенитета Китая, Германия отнюдь не выделяется среди них своей агрессивностью, уступая в этом смысле Англии, Франции, России.

В-третьих, от вступления в войну на стороне Антанты Китай больше потеряет, чем выиграет.

Полагают, что объявление войны Германии позволит Китаю увеличить таможенные пошлины, отсрочить выплату боксерской контрибуции, пересмотреть условия Симоносекского договора и т. д. Но всего этого китайцы могут добиться и не вступая в войну. Кроме того, если это произойдет, Китай ожидают серьезные испытания. Неприятности угрожают стране, в частности, со стороны мусульманского населения, которое по религиозным соображениям симпатизирует Турции. Отрицательно скажется на Китае снабжение продовольствием союзников, а также использование рабочей силы китайцев за рубежом.

В-четвертых, для Китая вступление в войну — вопрос жизни и смерти.

Кто бы ни одержал в конце концов верх, Китай в случае объявления им войны Германии в любом случае окажется жертвой борьбы держав за господство в мире. Победа Антанты, добавлял Сунь Ятсен, приведет к заключению союза Англии с Россией, а это сулит Китаю неисчислимые беды. Поэтому для китайцев военный успех Германии все же предпочтительнее[1].

Эту же идею Сунь Ятсен развивал позднее в интервью японскому журналисту в Кантоне:

> Не в интересах Азии (в особенности Китая и Японии), чтобы нынешняя война в Европе закончилась сокрушительным поражением Германии и чтобы союзные державы во главе с Англией вышли из конфликта победителями, потому что такой поворот событий усилил бы британское влияние в Азии вообще и в Китае в частности[2].

Тем не менее 14 августа 1917 г. кантонское правительство, вопреки обещаниям Сунь Ятсена о нейтралитете Китая и его настойчивым попыткам сдержать данное немцам слово, объявило Германии войну.

---

[1] ПССОГ. Т. 2. С. 47–54.

[2] *Kawakami K.* Sun Yat-sen's Greater Asia Doctrine // Contemporary Japan. September 1935. P. 242.

Ли Юаньхун против Дуань Цижуя

В Пекине правительственные круги были в это время раздираемы острейшими противоречиями.

Сложилась явно ненормальная ситуация: президент и премьер-министр не только испытывали друг к другу нескрываемую личную антипатию, но к тому же придерживались диаметрально противоположных взглядов по многим принципиальным государственным проблемам.

23 мая Ли Юаньхун подписал указ об отставке правительства Дуань Цижуя.

Сторонники смещенного премьера выступили против президента.

Губернатор провинции Аньхуй Ни Сычун заявил, что более не подчиняется Пекину; за ним последовали еще несколько провинций, потребовавших роспуска парламента.

В этой обстановке Ли Юаньхун допустил фатальную ошибку, обратившись к генералу Чжан Сюню с просьбой выступить посредником для урегулирования конфликта.

7 июня Чжан Сюнь во главе 5000 солдат, продолжавших носить косы, выступил из Сюйчжоу, присоединившись к требованию распустить парламент.

Они сошлись: волна и камень...
(Дуань Цижуй слева и Ли Юаньхун справа)

Чжан Сюнь (1854–1923)

Ли Юаньхун был уже готов пойти на уступку, но для того чтобы соответствующий указ президента получил законную силу, требовалась еще подпись премьера, а временно исполнявший обязанности главы правительства У Тинфан был против. Президенту пришлось сместить У Тинфана, после чего указ о роспуске парламента был подписан.

1 июля Чжан Сюнь вступил в Пекин и объявил о реставрации маньчжурской династии в лице малолетнего Пуи.

1917 г. был переименован в «9-й год правления Сюаньтуна».

Ли Юаньхун был вынужден найти себе убежище в японском посольстве, а свою печать президента Китайской Республики тайно переправил вице-президенту Фэн Гочжану.

Пекинские события были встречены с одобрением в японских военных кругах. Реставрацию приветствовал, в частности, Танака Гиити, который вскоре, впрочем, изменил свою точку зрения[1].

Но акция Чжан Сюня не встретила поддержки в провинциях. Во главе сил, выступавших за восстановление республики, стал Дуань Цижуй. Захватившая Пекин «армия с косами» была разгромлена, Дуань Цижуй вновь стал премьер-министром, а пост президента занял Фэн Гочжан.

Солдаты с косами на улицах Пекина

Коль скоро у власти вновь оказался Дуань Цижуй, у Сунь Ятсена возникла идея вернуть в президентское кресло Ли Юаньхуна, заодно пригласив членов распущенного парламента покинуть Пекин и начать «Движение в защиту конституции». Сунь Ятсена поддержали бывший министр иностранных дел пекин-

[1] 林权助笔下的张勋复辟 (Реставрация монархии Чжан Сюнем в изложении Хаяси Гонсукэ) // Цзиньдайши цзыляо. № 35. С. 109–117.

Памятная медаль в честь реставрации монархии с изображением Чжан Сюня

ского правительства У Тинфан и министр военно-морского флота Чэн Бигуан, а также несколько южных милитаристов.

Деньги, полученные от немцев, оказались очень кстати: частично они пошли на оплату жалования парламентариям и на перебазирование флота на юг.

19 июля Сунь Ятсен прибыл в Кантон. Американский консул в Кантоне П. Хэйнцлеман информировал посла П. Рейнша о том, что Сунь Ятсен призвал военного губернатора Гуандуна Чэнь Бинкуня и гражданского губернатора Чжу Цинланя направить приглашение Ли Юаньхуну прибыть в Кантон в качестве президента Китайской Республики[1].

Борцы за демократию не прочь получить помощь от США

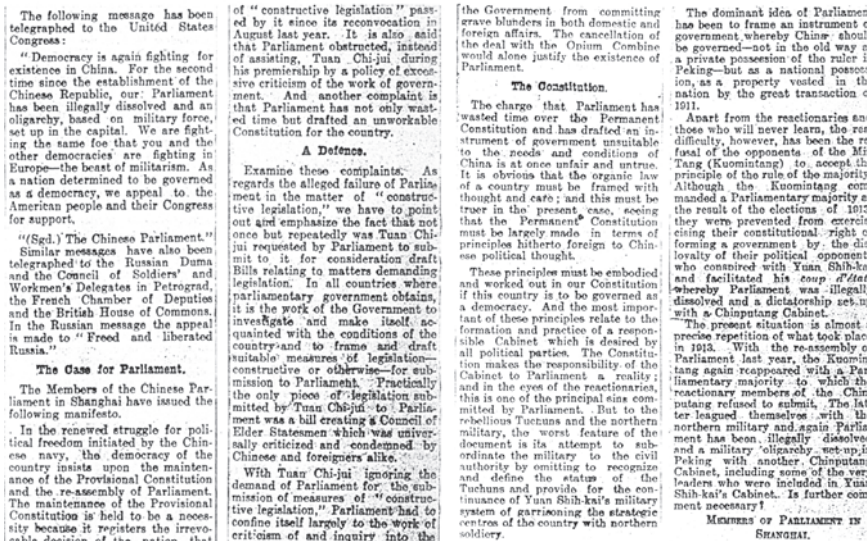
27 июля находившиеся в Шанхае члены китайского парламента, высказывавшиеся против объявления войны Германии, однако обратились к конгрессу США с просьбой о помощи, аргументируя это борьбой с тем же врагом, что Америка и страны Европы, — с милитаризмом, хотя и каждый по-своему[2].

Генеральный консул США в Кантоне Хэйнцлеман внимательно следил за развитием событий на Юге.

---

[1] Heintzleman to Reinsh, July 21, 1917 // USDS. 893.00/2694.

[2] Enclosure with Shanghai Consulate General Despatch No. 1442 of July 27, 1917, to the American Legation at Peking // USSD. 893.00/2701.



The following message has been telegraphed to the United States Congress:

"Democracy is again fighting for existence in China. For the second time since the establishment of the Chinese Republic, our Parliament has been illegally dissolved and an oligarchy, based on military force, set up in the capital. We are fighting the same foe that you and the other democracies are fighting in Europe—the beast of militarism. As a nation determined to be governed as a democracy, we appeal to the American people and their Congress for support.

"(Sgd.) The Chinese Parliament."

Similar messages have also been telegraphed to the Russian Duma and the Council of Soldiers' and Workmen's Delegates in Petrograd, the French Chamber of Deputies and the British House of Commons. In the Russian message the appeal is made to "Freed and liberated Russia."

The Case for Parliament.

The Members of the Chinese Parliament in Shanghai have issued the following manifesto.

In the renewed struggle for political freedom initiated by the Chinese navy, the democracy of the country insists upon the maintenance of the Provisional Constitution and the re-assembly of Parliament. The maintenance of the Provisional Constitution is held to be a necessity because it registers the irrevocable decision of the nation that China shall for ever be governed as a democracy. And the re-assembly of Parliament is also held to be a necessity because democratic government or government according to the will of the governed is impossible if Parliament can be dissolved according to the will of the northern military.

It has been a favourite contention of reactionaries and some foreign critics that Parliament has failed to justify its existence. And in this connexion, it is said that Parliament cannot point to a single piece of "constructive legislation" passed by it since its reconvocation in August last year. It is also said that Parliament obstructed, instead of assisting, Tuan Chi-jui during his premiership by a policy of excessive criticism of the work of government. And another complaint is that Parliament has not only wasted time but drafted an unworkable Constitution for the country.

A Defence.

Examine these complaints. As regards the alleged failure of Parliament in the matter of "constructive legislation," we have to point out and emphasize the fact that not once but repeatedly was Tuan Chi-jui requested by Parliament to submit to it for consideration draft Bills relating to matters demanding legislation. In all countries where parliamentary government obtains, it is the work of the Government to investigate and make itself acquainted with the conditions of the country and to frame and draft suitable measures of legislation—constructive or otherwise—for submission to Parliament. Practically the only piece of legislation submitted by Tuan Chi-jui to Parliament was a bill creating a Council of Elder Statesmen which was universally criticized and condemned by Chinese and foreigners alike.

With Tuan Chi-jui ignoring the demand of Parliament for the submission of measures of "constructive legislation," Parliament had to confine itself largely to the work of criticism of and inquiry into the conduct of the business of the State by the Tuan Cabinet. This conception of Parliament as a critical body cannot justly be said to be objectionable even from a Chinese point of view. In its work of criticism, Parliament may be said to have been the historical successor of the Censorate, one of the most characteristic of Chinese institutions during the days of government according to the will of the ruler in the capital. And apart from this historical justification, there is abundant evidence to show that the critical work of Parliament prevented the Government from committing grave blunders in both domestic and foreign affairs. The cancellation of the deal with the Opium Combine would alone justify the existence of Parliament.

The Constitution.

The charge that Parliament has wasted time over the Permanent Constitution and has drafted an instrument of government unsuitable to the needs and conditions of China is at once unfair and untrue. It is obvious that the organic law of a country must be framed with thought and care; and this must be truer in the present case, seeing that the Permanent Constitution must be largely made in terms of principles hitherto foreign to Chinese political thought.

These principles must be embodied and worked out in our Constitution if this country is to be governed as a democracy. And the most important of these principles relate to the formation and practice of a responsible Cabinet which is desired by all political parties. The Constitution makes the responsibility of the Cabinet to Parliament a reality; and in the eyes of the reactionaries, this is one of the principal sins committed by Parliament. But to the rebellious Tuchuns and the northern military, the worst feature of the document is its attempt to subordinate the military to the civil authority by omitting to recognize and define the status of the Tuchuns and provide for the continuance of Yuan Shih-kai's military system of garrisoning the strategic centres of the country with northern soldiery.

The dominant idea of Parliament has been to frame an instrument of government whereby China should be governed—not in the old way as a private possession of the ruler in Peking—but as a national possession, as a property vested in the nation by the great transaction of 1911.

Apart from the reactionaries and those who will never learn, the real difficulty, however, has been the refusal of the opponents of the Min Tang (Kuomintang) to accept the principle of the rule of the majority. Although the Kuomintang commanded a Parliamentary majority as the result of the elections of 1913, they were prevented from exercising their constitutional right of forming a government by the disloyalty of their political opponents who conspired with Yuan Shih-kai and facilitated his *coup d'état*, whereby Parliament was illegally dissolved and a dictatorship set up with a Chinputang Cabinet.

The present situation is almost a precise repetition of what took place in 1913. With the re-assembly of Parliament last year, the Kuomintang again reappeared with a Parliamentary majority to which the reactionary members of the Chinputang refused to submit. The latter leagued themselves with the northern military and again Parliament has been illegally dissolved and a military oligarchy set up in Peking with another Chinputang Cabinet, including some of the very leaders who were included in Yuan Shih-kai's Cabinet. Is further comment necessary?

MEMBERS OF PARLIAMENT IN SHANGHAI.

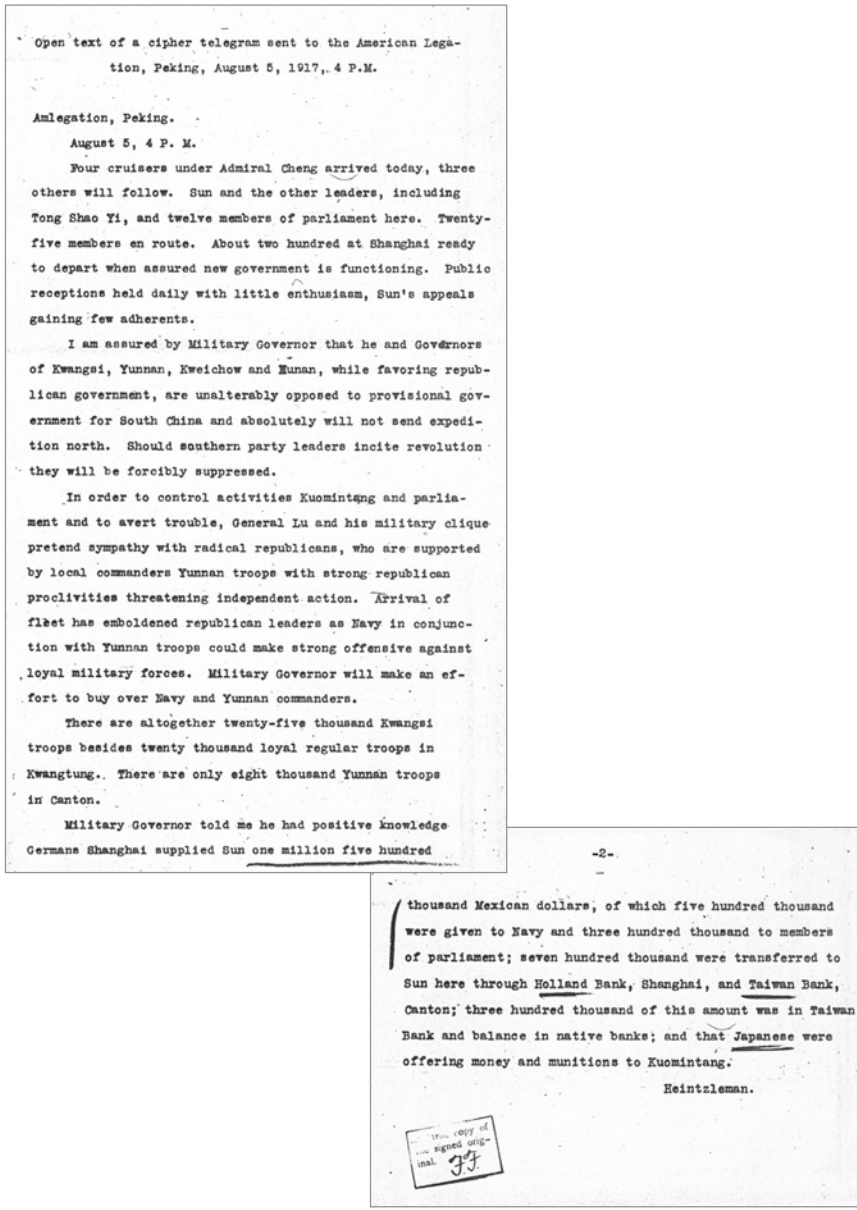
Обращение шанхайских парламентариев к Конгрессу США от 27 июля 1917 г.

5 августа он направил в Пекин посланнику Рейншу шифрованную телеграмму, содержащую целый ряд весьма важных сообщений. Главная новость состояла в том, что, как сообщил Хэйнцлеману военный губернатор Гуандуна Чэнь Бинкунь, Сунь Ятсен получил от немцев 1,5 млн мексиканских долларов. 500 000 долларов он истратил на перебазирование в Кантон военной флотилии, 300 000 — на оплату жалования направлявшихся на Юг парламентариев[1].

11 августа Хэйнцлеман встретился с Сунь Ятсеном и имел с ним продолжительную беседу.

> Д-р Сунь заявил, что республиканцы Юга считают вопрос о европейской войне второстепенным по сравнению с решением внутренних проблем Китая. Они понимают, что сражаются с военной автократией и что симпатиями и поддержкой в этой борьбе можно заручиться лишь благодаря позитивной позиции в отношении демократии. Он постарался убе-

[1] Heintzleman to Reinsch, August 6, 1917 // USDS. 893.00/2707.



Open text of a cipher telegram sent to the American Legation, Peking, August 5, 1917, 4 P.M.

Amlegation, Peking.

August 5, 4 P. M.

Four cruisers under Admiral Cheng arrived today, three others will follow. Sun and the other leaders, including Tong Shao Yi, and twelve members of parliament here. Twenty-five members en route. About two hundred at Shanghai ready to depart when assured new government is functioning. Public receptions held daily with little enthusiasm, Sun's appeals gaining few adherents.

I am assured by Military Governor that he and Governors of Kwangsi, Yunnan, Kweichow and Hunan, while favoring republican government, are unalterably opposed to provisional government for South China and absolutely will not send expedition north. Should southern party leaders incite revolution they will be forcibly suppressed.

In order to control activities Kuomintang and parliament and to avert trouble, General Lu and his military clique pretend sympathy with radical republicans, who are supported by local commanders Yunnan troops with strong republican proclivities threatening independent action. Arrival of fleet has emboldened republican leaders as Navy in conjunction with Yunnan troops could make strong offensive against loyal military forces. Military Governor will make an effort to buy over Navy and Yunnan commanders.

There are altogether twenty-five thousand Kwangsi troops besides twenty thousand loyal regular troops in Kwangtung. There are only eight thousand Yunnan troops in Canton.

Military Governor told me he had positive knowledge Germans Shanghai supplied Sun one million five hundred

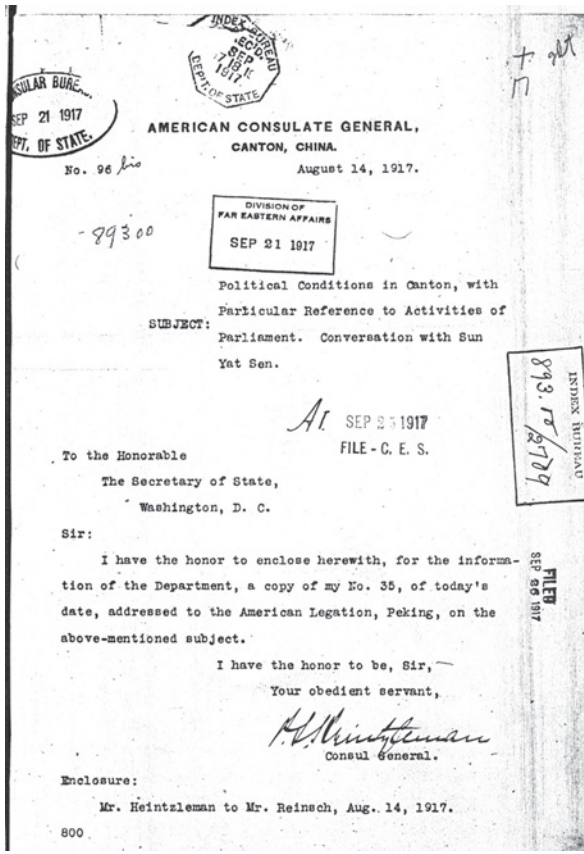
-2-

thousand Mexican dollars, of which five hundred thousand were given to Navy and three hundred thousand to members of parliament; seven hundred thousand were transferred to Sun here through Holland Bank, Shanghai, and Taiwan Bank, Canton; three hundred thousand of this amount was in Taiwan Bank and balance in native banks; and that Japanese were offering money and munitions to Kuomintang.

Heintzleman.

This copy of the signed original. FF

Телеграмма Хэйнцлемана Рейншу
от 6 августа 1917 г.



INDEX BUREAU
REC'D SEP 18 1917
DEPT. OF STATE

CONSULAR BUREAU
SEP 21 1917
DEPT. OF STATE.

AMERICAN CONSULATE GENERAL,
CANTON, CHINA.

No. 96 bis August 14, 1917.

DIVISION OF FAR EASTERN AFFAIRS
SEP 21 1917

-89300

SUBJECT: Political Conditions in Canton, with Particular Reference to Activities of Parliament. Conversation with Sun Yat Sen.

INDEX BUREAU
893.00/2709

SEP 25 1917
FILE - C. E. S.

To the Honorable
The Secretary of State,
Washington, D. C.

Sir:

I have the honor to enclose herewith, for the information of the Department, a copy of my No. 35, of today's date, addressed to the American Legation, Peking, on the above-mentioned subject.

FILED
SEP 26 1917

I have the honor to be, Sir,
Your obedient servant,

Consul General.

Enclosure:
Mr. Heintzleman to Mr. Reinsch, Aug. 14, 1917.

800

Первая страница доклада Хэйнцлемана Рэйншу от 14 августа 1917 г.

дить меня в том, что он сам и все члены его партии едины с Соединенными Штатами и союзниками в своих симпатиях и целях борьбы за дело гуманности и цивилизации.

Д-р Сунь дал ясно понять, что в случае, если Соединенные Штаты обеспечат республиканскому правительству финансовую и иную помощь, члены парламента будут рады согласиться на вступление в войну под предводительством США.

Объявление войны незаконным пекинским правительством, продолжал он, не получит на Юге поддержки. Он отдает себе отчет в отрицательном воздействии объявления войны Пекином на политическое будущее своей партии и пояснил, что оппозиция членов парламента правительству Дуань Цижуя истолковывается как оппозиция объявлению войны.

Между тем парламент искренне поддерживает идею войны с Германией и лишь настаивает на том, что война должна быть объявлена конституционным путем, т. е. президентом с согласия парламента. Вследствие этого он, д-р Сунь, всячески стремился воспрепятствовать объявлению Севером войны до того, как парламент мог собраться и рассмотреть этот вопрос.

Поэтому, продолжал он, Чжан Цзи, бывший спикер Сената, был недавно послан в Японию с целью воспрепятствовать японской поддержке Дуань Цижую в вопросе об объявлении войны. Чжан Цзи должен также уговорить Японию не предоставлять Северу заём; он получил инструкции попытаться в то же время получить заём для Юга на покупку снаряжения для южного флота <...>.

Д-р Сунь также сообщил мне, что его партия крайне нуждается в финансовой помощи, военном снаряжении и признании правительствами иностранных государств. Субсидирование осуществляется за счет пожертвований патриотов, но их совершенно недостаточно для покрытия расходов на длительный период.

Он добавил, что друзья в Нью-Йорке готовы финансировать деятельность Южного правительства, но из-за установленной в Гонконге британской цензуры он не может связаться с ними.

Он заявил, что хотел бы, чтобы Соединенные Штаты построили [на Юге] арсеналы и способствовали различного рода внутренним усовершенствованиям; он заверил меня, что [США] получат от нового правительства привилегии в виде разрешения на промышленную деятельность[1].

Хэйнцлеман внимательно выслушал Сунь Ятсена, не прерывая его речь вопросами. Общее впечатление, которое консул вынес из его заявлений:

Содержание последнего абзаца моей телеграммы от 5 августа, касающегося финансовой помощи, полученной д-ром Сунем из рук немцев, заставляет меня сомневаться в искренности д-ра Суня относительно его позиции в вопросе о вступлении [Китая] в войну[2].

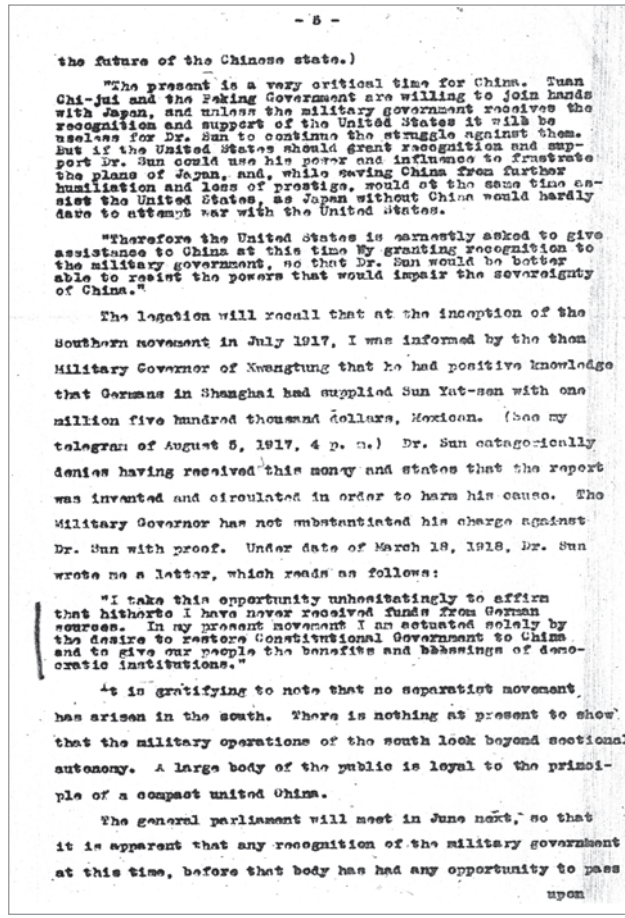
В тот раз Хэйнцлеман счел недипломатичным прямо спросить Сунь Ятсена о том, действительно ли он получил деньги от немцев.

Речь об этом зашла в марте 1918 г.: Сунь Ятсен категорически отрицал получение им немецких денег, утверждая, что эта нелепая версия была сфабрикована с целью скомпрометировать его.

18 марта 1918 г. в письме на имя американского консула д-р Сунь писал:

[1] Heintzleman to Reinsch, August 14, 1917 // USDS. 893.00/2709.

[2] Ibid.



- 5 -

the future of the Chinese state.)

"The present is a very critical time for China. Tuan Chi-jui and the Peking Government are willing to join hands with Japan, and unless the military government receives the recognition and support of the United States it will be useless for Dr. Sun to continue the struggle against them. But if the United States should grant recognition and support Dr. Sun could use his power and influence to frustrate the plans of Japan, and, while saving China from further humiliation and loss of prestige, would at the same time assist the United States, as Japan without China would hardly dare to attempt war with the United States.

"Therefore the United States is earnestly asked to give assistance to China at this time by granting recognition to the military government, so that Dr. Sun would be better able to resist the powers that would impair the sovereignty of China."

The legation will recall that at the inception of the Southern movement in July 1917, I was informed by the then Military Governor of Kwangtung that he had positive knowledge that Germans in Shanghai had supplied Sun Yat-sen with one million five hundred thousand dollars, Mexican. (See my telegram of August 5, 1917, 4 p. m.) Dr. Sun categorically denies having received this money and states that the report was invented and circulated in order to harm his cause. The Military Governor has not substantiated his charge against Dr. Sun with proof. Under date of March 18, 1918, Dr. Sun wrote me a letter, which reads as follows:

"I take this opportunity unhesitatingly to affirm that hitherto I have never received funds from German sources. In my present movement I am actuated solely by the desire to restore Constitutional Government to China and to give our people the benefits and blessings of democratic institutions."

It is gratifying to note that no separatist movement has arisen in the south. There is nothing at present to show that the military operations of the south look beyond sectional autonomy. A large body of the public is loyal to the principle of a compact united China.

The general parliament will meet in June next, so that it is apparent that any recognition of the military government at this time, before that body has had any opportunity to pass upon

Донесение Хэйнтцлемана Рэйншу
от 28 апреля 1918 г., в котором он цитировал письмо Сунь Ятсена,
датированное 18 марта того же года

Я не колеблясь пользуюсь случаем, чтобы подтвердить, что никогда не получал денег от немцев[1].

Впрочем, точно так же реагировал на просочившиеся в прессу слухи о получении денег от немцев и вождь русской революции, называя эти сообщения «ложью самой сплошной, самой грубой»[2].

[1] Heintzleman to Reinsch, April 28, 1918 // USDS. 893.00/2842.

[2] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 32. М. 1978. С. 415.

По его распоряжению сразу же после Октябрьского переворота сотрудники НКИД изъяли из архива Министерства юстиции приказ германского имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 г. с разрешением платить деньги Ленину и его соратникам «за пропаганду мира в России»[1].

В политической игре, связанной со вступлением Китая в мировую войну, в конце концов выиграл Рейнш, приложивший максимум усилий к тому, чтобы Китай отказался от своего нейтралитета.

14 августа пекинское правительство объявило о вступлении Китая в войну. Но на этом проблема не была закрыта.

18 августа военный и гражданский губернаторы Гуандуна ограничились формальной перепечаткой заявления пекинского правительства.

Тем временем открылась сессия провинциальной ассамблеи, возражавшей против признания декларации Пекина, поскольку это означало бы признание права правительства Дуан Цижуя решать столь важные для судеб страны вопросы, т. е. фактически признание законности пекинского режима. Узнав о намерении опубликовать декларацию, спикер ассамблеи потребовал от военного губернатора Гуандуна не делать этого и официально подтвердить объявленную ранее независимость провинции от Пекина. Однако Чэнь Бинкунь отказался сделать это, сославшись на то, что решение уже принято и его невозможно отменить.

Совместное заявление двух губернаторов Гуандуна, в котором был приведен полный текст декларации правительства Дуань Цижуя, было опубликовано 20 августа и немедленно передано в иностранные консульства. В ответ на это сторонники Сунь Ятсена решили созвать 25 августа сессию парламента, хотя число прибывших в Кантон депутатов было недостаточным для кворума. На этой сессии парламент должен был объявить войну Германии, «дабы опровергнуть обвинения в том, что парламентарии находятся под влиянием германских агентов».

Между тем Ло Чэн, сотрудник министерства иностранных дел создаваемого Южного правительства, заявил в конфиденциальной беседе с американским консулом, что «объявление войны прозвучало бы погребальным колоколом по республиканскому движению на юге: из-за отсут-

[1] Доклад Е. Поливанова и Г. Залкинда, 16 ноября 1917 г. // Российский Государственный архив социально-политической истории. Фонд 2. Опись 2. Дело 226. С. 1–5.

ствия единства, организации, армии, финансовых средств (700 тыс. долларов из полученных Сунь Ятсеном немецких денег были в обесцененных банкнотах) и поддержки со стороны населения влияние южной партии постепенно ослабевает»[1].

5 сентября американский консул писал Рэйншу:

> Сунь Ятсен настойчиво отказывается поддержать объявление войны Германии и заявляет о своей уверенности в том, что в конечном итоге Германия выйдет победителем в нынешней войне[2].

6 сентября консула Хэйнцлемана навестил Ху Ханьминь, только что избранный на пост губернатора Гуандуна.

Ху Ханьминь — новый губернатор Гуандуна

> Упомянув о том, что его визит нанесен им по поручению Сунь Ятсена, м-р Ху заявил, что парламентарии и члены Гоминьдана, предпринимающие усилия к воссозданию конституционного правительства в Китае, благодарны Соединенным Штатам за их постоянную симпатию и поддержку. <...>
>
> М-р Ху сказал, что Сунь Ятсен может заверить и заверяет правительство Соединенных Штатов, что флот и юньнаньская армия, сконцентрировавшиеся в Кантоне, полностью лояльны по отношению к парламенту. <...> М-р Ху закончил словами о том, что на следующем заседании парламент примет резолюцию и выступит с заявлением, четко определяющим отношение парламента и республиканской партии к войне с Германией и Австрией[3].

11 сентября состоялось закрытое заседание парламента с обсуждением вопроса об объявлении войны Германии и Австро-Венгрии. Однако решение принято не было «главным образом из-за позиции, занятой Сунь Ятсеном». Тем не менее вице-спикер предал гласности подготовленный проект резолюции. В ней говорилось, что «парламент с самого начала одобрял подобный шаг». Ныне он выражает свою решимость, опираясь на поддержку всей страны, вести войну против германского милитаризма, стремящегося к достижению мирового господства.

[1] Heintzleman to the Secretary of State, September 1, 1917 // USDS. 893.00/2718.

[2] Heintzleman to Reinsch, September 5, 1917 // USDS. 893.00/2721.

[3] Heintzleman to the Secretary of State, September 7, 1917 // USDS. 893.00/2719.

Сообщая об этом, американский консул добавлял, что из-за неудачи парламентариев в их попытках принять определенное решение по вопросу о войне Южное правительство предстает перед США и их союзниками в неблагоприятном свете[1].

Через два дня обсуждение продолжалось. На этот раз споры разгорелись по поводу формулировок. В первоначальном проекте резолюции говорилось, что «военное правительство допускает состояние войны», однако часть депутатов настаивали на том, что «допускать» означает «признавать».

После бурных дебатов обсуждение вновь было перенесено, и 22 сентября 49 голосами из 60 резолюцию приняли в уточненной редакции.

Тем не менее единства мнений по поводу вступления в войну достичь не удалось. По сообщению американского консула, часть общественных деятелей Юга выступала за более активные действия Китая, вплоть до отправки в Европу экспедиционного корпуса. В то же время другие выражали опасение, что успехи немцев на фронте будут продолжаться и союзники окажутся не в состоянии одержать конечную победу.

В сообщении об этом не упоминается о позиции Сунь Ятсена, но о ней мы можем судить по его переписке. В телеграмме на имя Тан Цзияо от 29 ноября он недвусмысленно заявлял, что «объявление войны Германии было большой ошибкой»[2], а в письме Сунь Хунъи предсказывал «скорое поражение Японии и Соединенных Штатов Америки»[3].

В свете этого нас не должен удивлять тот факт, что менее чем год спустя лидер Гоминьдана предпринял очередную попытку вступить в контакт с кайзеровским правительством.

26 сентября того же года руководимое Сунь Ятсеном кантонское «военное правительство» последовало примеру Севера и объявило войну Германии.

Консул Книппинг, непосредственный организатор подкупа Сунь Ятсена весной 1917 г., был в растерянности. Однако он постарался сделать хорошую мину при плохой игре:

> Не подлежит сомнению, что это объявление войны <...> было не чем иным, как орудием в борьбе с Севером, но ни в коем случае не свидетельством примирения с ним[4].

---

[1] Heintzleman to the Secretary of State, September 13, 1917 // USDS. 893.00/2723.

[2] Сунь Ятсен — Тан Цзияо, 29 ноября 1917 г. // ПССОГ. Т. 4, С. 527.

[3] Сунь Ятсен — Сунь Хунъи, ноябрь 1917 г. // Там же. С. 531.

[4] Knipping an Hertling, 20 December 1917 // PAAA. China 7. Band 11. 47626. P. 5–6.

Главнокомандующий

Американский консул Хэйнцлеман располагал обширными источниками информации и постоянно сообщал посланнику Рэйншу обо всем, что происходило в Кантоне осенью 1917 г. Его донесения позволяют восстановить картину того, как готовилась и происходила организация Военного правительства.

В стране вновь двоевластие

Хотя в августе 1917 г. в Кантоне собралась большая группа парламентариев, до кворума было еще далеко, и поэтому заседание парламента, открывшееся там 25 августа, было названо «чрезвычайным».

На заседании присутствовало 70 депутатов, представлявших 17 провинций, а также гражданский губернатор Гуандуна, Сунь Ятсен, адмирал Чэн Бигуан, генерал Ли Лецзюнь и 500 приглашенных гостей — представителей различных слоев Гуандуна. Военный губернатор отсутствовал, сказавшись больным.

После вступительного слова спикера нижней палаты все в зале встали и трижды поклонились флагу Республики.

Несмотря на всё это, по словам Хэйнцлемана, перспективы создания нового кантонского правительства были весьма туманны: у его сторонников отсутствует четкая программа действий, среди них нет полного единства, и они не могут рассчитывать на безусловную поддержку общественного мнения. Более того, генерал Лу Жунтин, военный инспектор провинций Гуандун и Гуанси, занимает особую позицию, стремясь подчинить себе действия Сунь Ятсена и его последователей[1].

29 августа состоялось очередное заседание парламента, на котором обсуждался вопрос о будущем правительстве. Два момента вызвали жаркие споры.

Во-первых, ряд депутатов высказался за то, чтобы правительство именовалось «военным»; в конце концов им удалось отстоять свою точку зрения.

Во-вторых, дискутировался вопрос о статусе Ли Юаньхуна. Согласно мнению части выступавших, распустив парламент, он утратил право быть президентом, однако большинство участников заседания настояло

[1] Heintzleman to Reinsch, August 27, 1917 // USDS. 893.00/2710.

на том, что он должен быть избран таковым, чтобы стать главой создаваемого правительства.

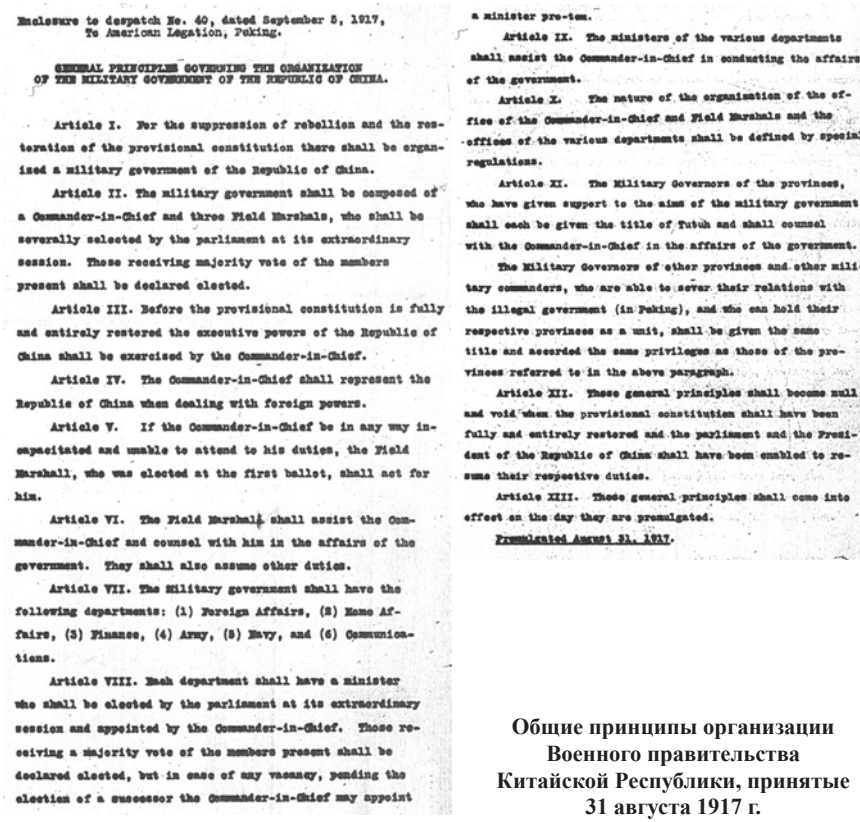
Кроме того, на заседании были приняты правила, регулирующие деятельность парламента:

1. В чрезвычайной сессии парламента принимают участие все его члены, находящиеся в данный момент в Кантоне.
2. Все вопросы повестки дня рассматриваются совместно депутатами обеих палат.
3. Чрезвычайные сессии парламента завершат свою работу после восстановления конституционного порядка в стране.
4. Сессия парламента является легитимной, если на ней присутствуют представители по крайней мере 14 провинций.
5. Вопрос повестки дня считается принятым, если за него проголосовало простое большинство депутатов.
6. Председатели и вице-председатели обеих палат принимают участие в заседаниях, а в случае их отсутствия избирается временный председатель.
7. На чрезвычайной сессии парламента создаются комитеты.
8. Чрезвычайная сессия парламента примет правила, регулирующие формирование военного правительства.
9. Чрезвычайная сессия парламента созывается для обсуждения вопросов, сформулированных правительством, а также группой депутатов. Все эти вопросы предварительно рассматриваются в комитетах.
10. Вышеизложенные правила могут быть пересмотрены по инициативе не менее 40 депутатов, если за изменения проголосует не менее двух третей участников сессии.
11. Правила вступают в силу сразу же после того, как они будут приняты[1].

На заседании 31 августа были приняты принципы формирования нового правительства. Приводя их в своем докладе Рейншу, консул Хэйнцлеман счел необходимым сделать несколько дополнительных разъяснений.

Он подчеркнул, что согласно решению парламента Ли Юаньхун признается легитимным президентом Китайской Республики, который временно лишен возможности исполнять свои обязанности из-за незаконных действий северной милитаристской клики.

[1] Heintzleman to Reinsch, August 30, 1917 // USDS. 893.00/2717.



Enclosure to despatch No. 40, dated September 5, 1917,
To American Legation, Peking.

GENERAL PRINCIPLES GOVERNING THE ORGANIZATION
OF THE MILITARY GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF CHINA.

Article I. For the suppression of rebellion and the restoration of the provisional constitution there shall be organized a military government of the Republic of China.

Article II. The military government shall be composed of a Commander-in-Chief and three Field Marshals, who shall be severally selected by the parliament at its extraordinary session. Those receiving majority vote of the members present shall be declared elected.

Article III. Before the provisional constitution is fully and entirely restored the executive powers of the Republic of China shall be exercised by the Commander-in-Chief.

Article IV. The Commander-in-Chief shall represent the Republic of China when dealing with foreign powers.

Article V. If the Commander-in-Chief be in any way incapacitated and unable to attend to his duties, the Field Marshall, who was elected at the first ballot, shall act for him.

Article VI. The Field Marshals shall assist the Commander-in-Chief and counsel with him in the affairs of the government. They shall also assume other duties.

Article VII. The Military government shall have the following departments: (1) Foreign Affairs, (2) Home Affairs, (3) Finance, (4) Army, (5) Navy, and (6) Communications.

Article VIII. Each department shall have a minister who shall be elected by the parliament at its extraordinary session and appointed by the Commander-in-Chief. Those receiving a majority vote of the members present shall be declared elected, but in case of any vacancy, pending the election of a successor the Commander-in-Chief may appoint a minister pro-tem.

Article IX. The ministers of the various departments shall assist the Commander-in-Chief in conducting the affairs of the government.

Article X. The nature of the organization of the office of the Commander-in-Chief and Field Marshals and the offices of the various departments shall be defined by special regulations.

Article XI. The Military Governors of the provinces, who have given support to the aims of the military government shall each be given the title of Tutuh and shall counsel with the Commander-in-Chief in the affairs of the government.

The Military Governors of other provinces and other military commanders, who are able to sever their relations with the illegal government (in Peking), and who can hold their respective provinces as a unit, shall be given the same title and accorded the same privileges as those of the provinces referred to in the above paragraph.

Article XII. These general principles shall become null and void when the provisional constitution shall have been fully and entirely restored and the parliament and the President of the Republic of China shall have been enabled to resume their respective duties.

Article XIII. These general principles shall come into effect on the day they are promulgated.

Promulgated August 31, 1917.

Общие принципы организации Военного правительства Китайской Республики, принятые 31 августа 1917 г.

В соответствии с этим решением, Сунь Ятсен направил проживающему в Тяньцзине Ли Юаньхуну приглашение прибыть в Кантон, однако было неясно, будет ли оно принято[1].

Согласно «Общим принципам», Военное правительство возглавлялось Главнокомандующим военно-морскими и сухопутными войсками и двумя командующими — его заместителями.

Выборы состоялись 1 сентября. В голосовании принял участие 91 депутат. На пост Главнокомандующего за Сунь Ятсена было подано 84 голоса, за Тан Цзияо — 4, за Лу Жунтина — 3.

На следующий день прошли выборы командующих. Тан Цзияо получил 84 голоса, Лу Жунтин — 76. Предназначавшаяся Ли Юаньхуну должность Президента была оставлена незанятой.

[1] Heintzleman to Reinsch, September 5, 1917 // USDS. 893.00/2721.

Сунь Ятсен возглавил Военное правительство КР

Державы отказывают Сунь Ятсену в поддержке

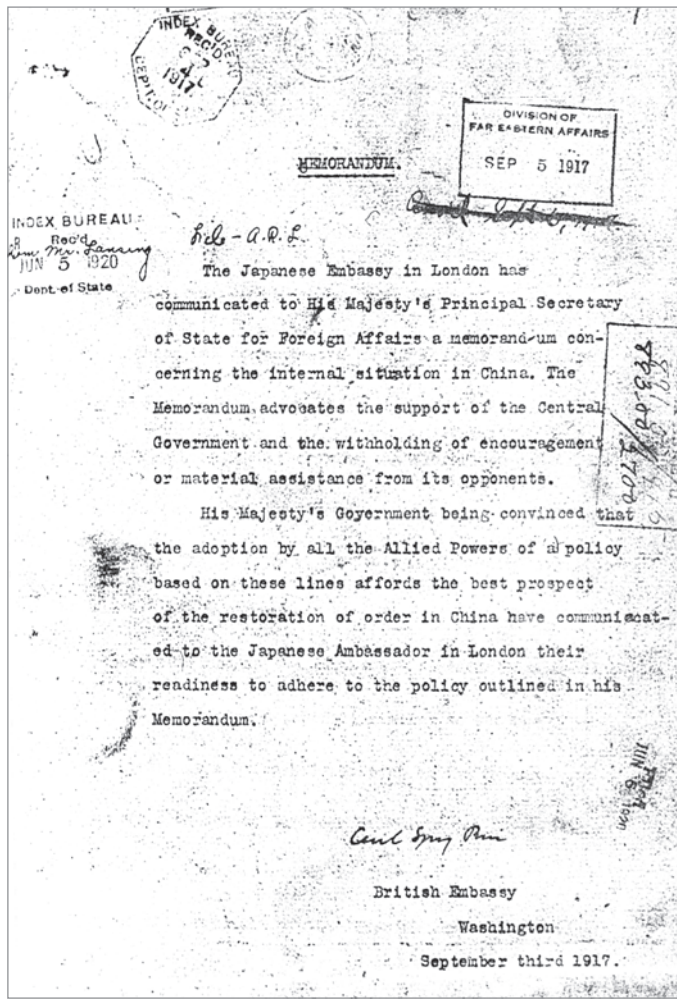
Одной из главных задач, вставших перед новым правительством, было заручиться если не материальной, то по крайней мере моральной поддержкой великих держав, без которой успех в противостоянии Северу становился проблематичным.

Еще до своего избрания Сунь Ятсен направил письмо премьер-министру Тэраути, в котором заявлял, что «Япония — дружественная Китайской Республике страна, а японские граждане — лучшие друзья китайцев» и что поэтому он надеется на помощь Японии справедливому делу борьбы Военного правительства в защиту конституции[1]. Ответа из Токио не последовало.

[1] Сунь Ятсен — Тэраути, 25 августа 1917 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 499–500.

Более того, 3 сентября японский посол в Лондоне вручил министру иностранных дел Англии меморандум с предложениями Токио относительно совместных действий союзных держав в Китае. Документ был передан английским посольством в Вашингтоне для ознакомления госсекретарю США.

4 сентября такой же меморандум был получен и в Вашингтоне.



MEMORANDUM.

DIVISION OF FAR EASTERN AFFAIRS SEP 5 1917

INDEX BUREAU Rec'd JUN 5 1920 Dept. of State

The Japanese Embassy in London has communicated to His Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs a memorandum concerning the internal situation in China. The Memorandum advocates the support of the Central Government and the withholding of encouragement or material assistance from its opponents.

His Majesty's Government being convinced that the adoption by all the Allied Powers of a policy based on these lines affords the best prospect of the restoration of order in China have communicated to the Japanese Ambassador in London their readiness to adhere to the policy outlined in his Memorandum.

British Embassy

Washington

September third 1917.

Меморандум посольства Великобритании в Вашингтоне от 3 сентября 1917 г.

В нем говорилось, что позиции центрального пекинского правительства значительно укрепились после фиаско предпринятой Чжан Сюнем реставрации монархии. Согласно полученной информации, премьер Дуань Цижуй и президент Фэн Гочжан отдают себе отчет в необходимости тесного сотрудничества ради умиротворения страны. Свидетельством этого является объявление войны Германии и Австрии.

Поэтому «японское правительство полагает, что при нынешнем состоянии дел в Китае пекинское правительство обладает достаточной властью для того, чтобы поддержать порядок и спокойствие в стране». И хотя Япония не имеет намерения выражать свое предпочтение в отношении какого-либо из двух политических лагерей в Китае, она уверена, что «все иностранные державы должны оказать свою искреннюю и эффективную поддержку тому правительству, которое в настоящий момент представляет собой единственную законную власть в Китае, и во имя своих собственных интересов воздержаться от поощрения или оказания материальной помощи индивидуумам или группам, стремящимся свергнуть пекинское правительство»[1].

6 сентября Госдепартамент США выразил свое согласие с позицией Японии и Англии[2].

Сунь Ятсен тем не менее вопреки очевидным фактам утверждал, что «Япония и США выражают нам свои дружеские чувства и, если Военное правительство укрепится, эти две страны непременно окажут нам помощь»[3].

15 сентября Сунь Ятсен встретился в Кантоне с известным японским политическим обозревателем Каваками Киёси и имел с ним длительную беседу[4].

«Если в нынешней европейской войне Германия потерпит поражение, то есть, другими словами говоря, союзники во главе с Англией одержат верх, — заявил Сунь Ятсен, — Азии от этого не будет никакой пользы, а тем более Китаю и Японии».

«Разумеется, — добавил он, — мы не испытываем к Германии (как и к Англии) чувства симпатии. Однако с точки зрения безопасности нашей

---

[1] USDS. 893.00/2700.

[2] Ibid.

[3] Сунь Ятсен — Тан Цзияо, 24 сентября 1917 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 506.

[4] *Дуань Юньчжан*. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 516–517. О содержании этой беседы известно из изданной в Соединенных Штатах книги Каваками (*Kawakami K*. Japan and World Peace. New York. 1919) и статьи «Паназиатские идеи Сунь Ятсена», опубликованной в 1935 г. в Японии.

страны нам не хотелось бы видеть Германию разгромленной и неспособной быть силой, противостоящей Англии на Дальнем Востоке. В этом главная причина того, почему мы — республиканцы-южане — не должны объявлять войну Германии и почему нам надо бороться с северянами во главе с Дуань Цижуем, ввязавшимися в войну на стороне союзников».

Вывод Сунь Ятсена: «Вполне очевидно, какого курса должна в настоящий момент придерживаться Япония: она должна помочь деньгами и оружием республиканцам-южанам. Если ваша страна без промедления предоставит нам несколько миллионов долларов и несколько судов с оружием, мы будем в состоянии без труда разбить северян»[1].

Каваками вспоминал впоследствии, что во время этой встречи д-р Сунь сообщил своему собеседнику, что у него есть план, к осуществлению которого можно будет перейти после победы над Севером: он заключит союз с Японией во имя принципа «Азия — для азиатов». Одержав верх над ставленниками северных милитаристов, он без колебаний отдаст японцам Маньчжурию.

«Конечно, — говорил Сунь Ятсен, — нам хотелось бы оставить ее себе. Но мы нуждаемся в ней не так остро, как Япония, потому что ее огромному, постоянно увеличивающемуся населению необходимо жизненное пространство».

Что же касается китайцев, то они уже сейчас осваивают и будут в дальнейшем продолжать осваивать территорию Суматры, Явы, Сулавеси, французского Индокитая, Сиама, Бирмы и т. д. «Это – обетованная земля для китайцев, которая значит для них гораздо больше, нежели Маньчжурия»[2].

Но всё это были лишь мечты о будущем. Настоящее же рисовалось отнюдь не в таком розовом цвете.

Высокая должность — большие неприятности

С самого начала на пути, предначертанном для себя Сунь Ятсеном, обнаружились труднопреодолимые препятствия.

Это, прежде всего, были его противоречия с теми, кого он прочил себе в заместители.

Лу Жунтин, который счел себя оскорбленным результатами голосования на выборах Главнокомандующего, в ответ на приглашение при-

[1] Там же. С. 516.

[2] Там же. С. 517.

быть в Кантон ответил, что, с его точки зрения, необходимости в организации нового правительства вообще не существовало[1].

Тогда Сунь Ятсен сосредоточил свои усилия на том, чтобы заставить вступить в должность второго командующего — Тан Цзияо.

8 сентября тот прислал в Кантон телеграмму с сообщением, что отказывается от высокой чести быть заместителем Сунь Ятсена. Поэтому 15 сентября в Куньмин была направлена делегация, которая привезла Тан Цзияо его печать командующего. Но и это не подействовало.

Обеспокоенный этим обстоятельством, Сунь Ятсен направил Тан Цзияо телеграмму, в которой настаивал на том, чтобы тот немедля заявил о своем вступлении в должность: «Если Вы, милостивый государь, и дальше по причине своей скромности будете отказываться, то это станет препятствием на пути к дипломатическому признанию и предоставлению кредитов»[309]. Поскольку Тан Цзияо продолжал отмалчиваться, д-р Сунь взял за правило раз в неделю напоминать юньнаньцу о необходимости положить конец своей недопустимой бездеятельности.

Шли месяцы, а Военное правительство по-прежнему существовало лишь на бумаге, так как большинство назначенных Сунь Ятсеном министров отказывались приступать к своим обязанностям, а местные милитаристы подчинялись вождю скорее на словах, чем на деле.

В феврале 1918 г. д-р Сунь утверждал, что с момента создания правительства «прошло уже полгода, а маршалы и большинство министров, как и прежде, продолжают скромничать и не приступают к исполнению своих служебных обязанностей. <...> Деятели, выступающие на словах в защиту парламента, не хотят подчиняться его постановлениям, и, наблюдая это, дружественные нам страны во всем мире начинают подозревать, не является ли наша война в защиту конституции не более чем междоусобной склокой».

Еще в ноябре 1917 г. Чэн Бигуан, Тан Шаои, У Тинфан, Мо Жунсинь и другие попутчики Сунь Ятсена выдвинули идею создания федерации не подчинявшихся Пекину юго-западных провинций Китая. Этот план не встретил на первых порах возражений со стороны Главнокомандующего. Однако после того как спустя месяц был подготовлен проект устава «Федеративной ассамблеи», он понял, что замысел авторов этого текста состоял в создании альтернативного органа власти, противопоставленного Военному правительству.

В своем годовом отчете консул Хэйнцлеман отмечал сосуществование в Гуандуне по крайней мере четырех военно-политических фракций.

---

[1] Ibid.

Наибольшим влиянием пользовался Лу Жунтин, с которым тесно сотрудничал Тан Цзияо.

Лу Жунтину противостоит новый гражданский губернатор Гуандуна Ли Яохань, действовавший под лозунгом «Гуандун для гуандунцев».

Также против засилья гуансийцев выступает генерал Ли Лецзюнь, обладающий значительной военной силой.

Престиж Сунь Ятсена, номинально стоящего во главе Военного правительства, но не располагающего реальными возможностями для осуществления своих планов, за последнее время значительно упал[1].

Последнее обстоятельство находило свое выражение, в частности, в том, что многие подчиненные Главнокомандующего к этому времени стали уже открыто демонстрировать пренебрежительное отношение к своему непосредственному начальству.

Мо Жунсинь (1853–1930)

Чэн Бигуан (1861–1918)

Особенно это касалось Мо Жунсиня, нового военного губернатора Гуандуна, ставленника Лу Жунтина.

Кончилось тем, что, воспользовавшись каким-то незначительным поводом, Мо Жунсинь отдал приказ арестовать нескольких телохранителей Сунь Ятсена и расстрелять их как нарушителей общественного спокойствия.

Терпение Главнокомандующего, каждодневно и ежечасно наблюдавшего саботаж своих подчиненных, наконец лопнуло, и 3 января 1918 г. он приказал командующему флотом Чэн Бигуану подвергнуть артиллерийскому обстрелу резиденцию Мо Жунсиня. Адмирал Чэн попытался урезонить не в меру разгневавшегося Сунь Ятсена, указывая на возможные негативные последствия этой акции, но тот стоял на своем.

В конце концов Чэн Бигуан наотрез отказался исполнять этот приказ, и тогда Сунь Ятсен сам вышел в море на боевом корабле и собственноручно произвел несколько выстрелов из бортового орудия[2].

[1] Heintzleman to Reinsch, January 9, 1918 // USDS. 893.00/2770.

[2] Heintzleman to Reinsch, January 11, 1918 // USDS. 893.00/2778.

По словам советского историка, «конфликт не получил дальнейшего развития»[1], но данное утверждение совершенно не соответствует действительности. Именно эта акция Сунь Ятсена, имевшая своей целью устрашение ослушника, стала непосредственной причиной последующих событий.

Прежде всего, Чэн Бигуан начал исподволь готовить общественное мнение к необходимости реорганизовать Военное правительство и ограничить права его главы.

15 января в резиденции губернатора Мо Жунсиня (кстати говоря, не пострадавшей от обстрела с моря) было созвано заседание представителей провинций, на котором официально объявлено о создании «Федеральной ассамблеи юго-западных провинций в защиту конституции» и обнародован ее статут. Ассамблея представляла собой орган, дублировавший так до конца и не сформированное правительство во главе с Сунь Ятсеном.

А 26 февраля произошло непредвиденное: Чэн Бигуан был убит в упор двумя выстрелами из револьвера. Преступник скрылся, и найти его не удалось.

Единомышленники погибшего настойчиво продолжали начатое им дело.

4 мая чрезвычайная сессия парламента приняла решение о реорганизации Военного правительства (за это решение голосовало лишь 40 с небольшим депутатов из присутствовавших 80)[2].

Сунь Ятсен подал заявление о сложении с себя обязанностей Главнокомандующего[3].

18 мая парламент принял документ под названием «Программа организации Военного правительства Китайской Республики». Должность Главнокомандующего упразднялась, а коллективное руководство «движения в защиту конституции» отныне должна была осуществлять Директория в составе семи человек[4].

20 мая прошли выборы членов Директории, и Сунь Ятсен стал одним из них[5].

---

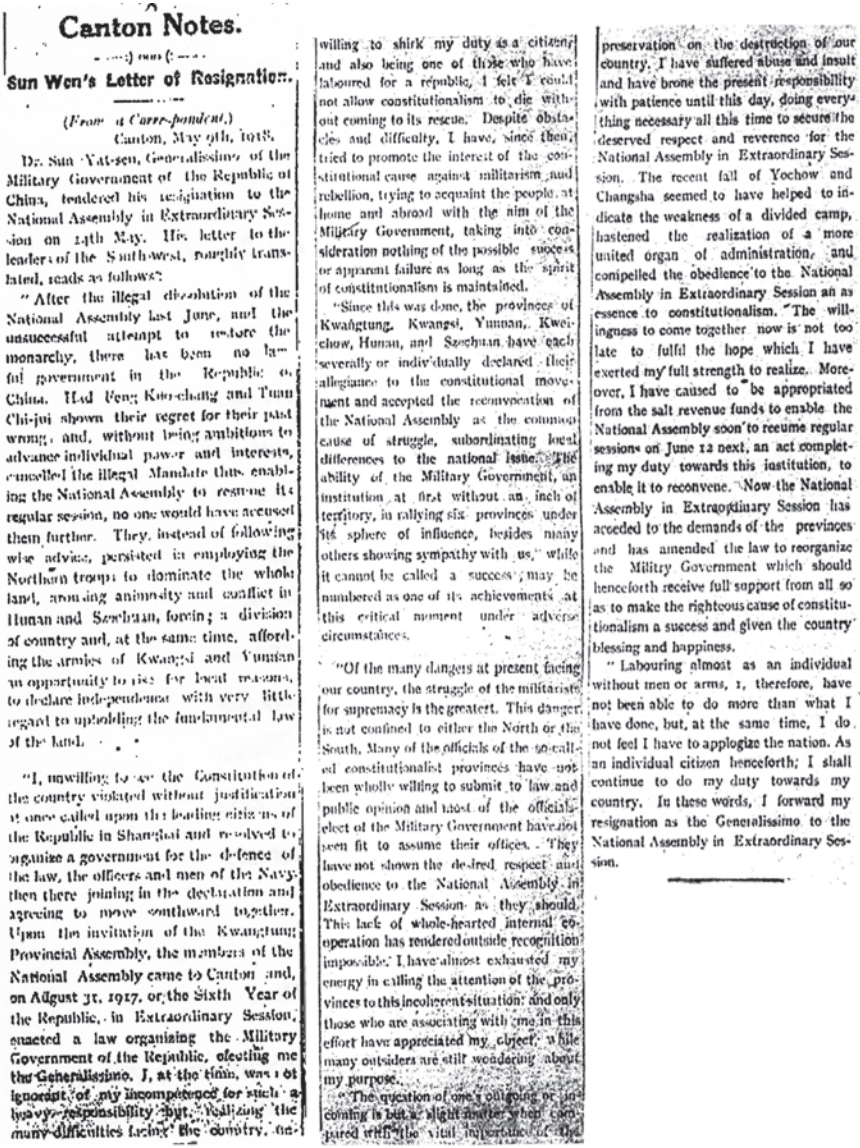
[1] *Ефимов Г. В.* Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М. 1981. С. 91.

[2] 陈锡章。护法沧桑史话 (*Чэнь Сичжан*. Извилистый путь движения в защиту конституции). Т. 1. Тайнань. 1971. С. 60.

[3] Sun Wen's Letter of Resignation // The Peking Leader, May 26, 1912.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 62.



Canton Notes.

Sun Wen's Letter of Resignation.

(*From a Correspondent.*)

Canton, May 9th, 1918.

Dr. Sun Yat-sen, Generalissimo of the Military Government of the Republic of China, tendered his resignation to the National Assembly in Extraordinary Session on 14th May. His letter to the leaders of the South-west, roughly translated, reads as follows:

"After the illegal dissolution of the National Assembly last June, and the unsuccessful attempt to restore the monarchy, there has been no lawful government in the Republic of China. Had Feng Kuo-chang and Tuan Chi-jui shown their regret for their past wrong; and, without being ambitious to advance individual power and interests, cancelled the illegal Mandate thus enabling the National Assembly to resume its regular session, no one would have accused them further. They, instead of following wise advice, persisted in employing the Northern troops to dominate the whole land, arousing animosity and conflict in Hunan and Szechuan, forcing a division of country and, at the same time, affording the armies of Kwangsi and Yunnan an opportunity to rise for local reasons, to declare independence with very little regard to upholding the fundamental law of the land.

"I, unwilling to see the Constitution of the country violated without justification at once called upon the leading citizens of the Republic in Shanghai and resolved to organize a government for the defence of the law, the officers and men of the Navy then there joining in the declaration and agreeing to move southward together. Upon the invitation of the Kwangtung Provincial Assembly, the members of the National Assembly came to Canton and, on August 31, 1917, or the Sixth Year of the Republic, in Extraordinary Session, enacted a law organizing the Military Government of the Republic, electing me the Generalissimo. I, at the time, was not ignorant of my incompetence for such a heavy responsibility but, realizing the many difficulties facing the country, unwilling to shirk my duty as a citizen and also being one of those who have laboured for a republic, I felt I could not allow constitutionalism to die without coming to its rescue. Despite obstacles and difficulty, I have, since then, tried to promote the interest of the constitutional cause against militarism and rebellion, trying to acquaint the people at home and abroad with the aim of the Military Government, taking into consideration nothing of the possible success or apparent failure as long as the spirit of constitutionalism is maintained.

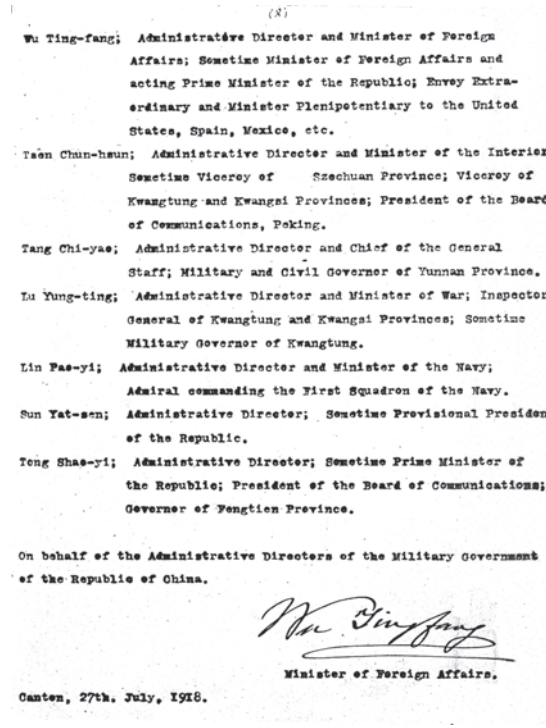
"Since this was done, the provinces of Kwangtung, Kwangsi, Yunnan, Kweichow, Hunan, and Szechuan have each severally or individually declared their allegiance to the constitutional movement and accepted the reconvocation of the National Assembly as the common cause of struggle, subordinating local differences to the national issue. The ability of the Military Government, an institution at first without an inch of territory, in rallying six provinces under its sphere of influence, besides many others showing sympathy with us, while it cannot be called a success, may be numbered as one of its achievements at this critical moment under adverse circumstances.

"Of the many dangers at present facing our country, the struggle of the militarists for supremacy is the greatest. This danger is not confined to either the North or the South. Many of the officials of the so-called constitutionalist provinces have not been wholly willing to submit to law and public opinion and most of the officials-elect of the Military Government have not been fit to assume their offices. They have not shown the desired respect and obedience to the National Assembly in Extraordinary Session as they should. This lack of whole-hearted internal co-operation has rendered outside recognition impossible. I have almost exhausted my energy in calling the attention of the provinces to this incoherent situation: and only those who are associating with me in this effort have appreciated my object, while many outsiders are still wondering about my purpose.

"The question of one's outgoing or incoming is but a slight matter when compared with the vital importance of the preservation on the destruction of our country. I have suffered abuse and insult and have borne the present responsibility with patience until this day, doing everything necessary all this time to secure the deserved respect and reverence for the National Assembly in Extraordinary Session. The recent fall of Yochow and Changsha seemed to have helped to indicate the weakness of a divided camp, hastened the realization of a more united organ of administration, and compelled the obedience to the National Assembly in Extraordinary Session an as essence to constitutionalism. The willingness to come together now is not too late to fulfil the hope which I have exerted my full strength to realize. Moreover, I have caused to be appropriated from the salt revenue funds to enable the National Assembly soon to resume regular sessions on June 12 next, an act completing my duty towards this institution, to enable it to reconvene. Now the National Assembly in Extraordinary Session has acceded to the demands of the provinces and has amended the law to reorganize the Military Government which should henceforth receive full support from all so as to make the righteous cause of constitutionalism a success and given the country blessing and happiness.

"Labouring almost as an individual without men or arms, I, therefore, have not been able to do more than what I have done, but, at the same time, I do not feel I have to applogize the nation. As an individual citizen henceforth; I shall continue to do my duty towards my country. In these words, I forward my resignation as the Generalissimo to the National Assembly in Extraordinary Session.

Заявление Сунь Ятсена о сложении с себя обязанностей Главнокомандующего Военного правительства («The Peking Leader», 26 мая 1918 г.)



(8)

Wu Ting-fang; Administrative Director and Minister of Foreign Affairs; Sometime Minister of Foreign Affairs and acting Prime Minister of the Republic; Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary to the United States, Spain, Mexico, etc.

Tsen Chun-hsun; Administrative Director and Minister of the Interior; Sometime Viceroy of Szechuan Province; Viceroy of Kwangtung and Kwangsi Provinces; President of the Board of Communications, Peking.

Tang Chi-yao; Administrative Director and Chief of the General Staff; Military and Civil Governor of Yunnan Province.

Lu Yung-ting; Administrative Director and Minister of War; Inspector-General of Kwangtung and Kwangsi Provinces; Sometime Military Governor of Kwangtung.

Lin Pao-yi; Administrative Director and Minister of the Navy; Admiral commanding the First Squadron of the Navy.

Sun Yat-sen; Administrative Director; Sometime Provisional President of the Republic.

Tong Shao-yi; Administrative Director; Sometime Prime Minister of the Republic; President of the Board of Communications; Governor of Fengtien Province.

On behalf of the Administrative Directors of the Military Government of the Republic of China.

Minister of Foreign Affairs.

Canton, 27th. July, 1918.

Последняя страница обращения министра иностранных дел реорганизованного Военного правительства У Тинфана к державам с перечислением членов вновь избранной Директории

Цао Ябо едет в Берлин

Быть одним из многих Сунь Ятсен не пожелал и, сославшись на болезнь, уехал из Кантона в Шанхай.

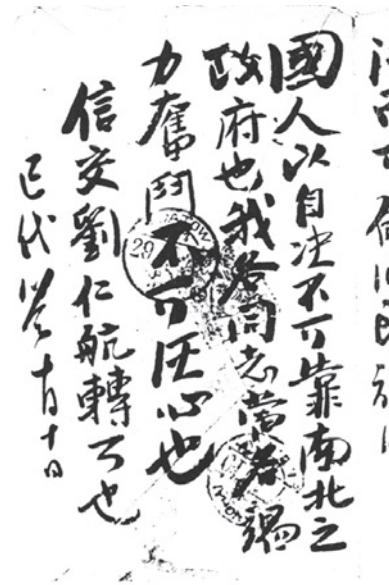
По мнению некоторых исследователей, после прибытия в Шанхай д-р Сунь отошел от политической деятельности и сосредоточился на написании своих сочинений[1].

Экс-главнокомандующий передумал

На самом деле, после того как Сунь Ятсен получил в июле удостоверение члена Директории, он изменил свое первоначальное намерение порвать с реорганизованным кантонским правительством

[1] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 209.

Сунь Ятсен в Шанхае (1918 г.)



Одно из писем Сунь Ятсена с призывом к соратникам продолжать борьбу (фрагмент)

и принял назначение, хотя и остался в Шанхае (свои новые обязанности он исполнял теперь через специально назначенного им представителя, о чем он официально сообщил в Кантон[1]).

7 октября 1918 г. он впервые вместе со всеми другими членами Директории подписал официальный документ Военного правительства.

Отвечая на многочисленные письма своих сторонников, недоумевавших по поводу того, почему Сунь Ятсен уехал из Кантона, он, повторяя, что борьба в защиту конституции продолжается, призывал членов партии не ослаблять своих усилий.

Именно в это время в голове Сунь Ятсена окончательно созрело нечто, позднее получившее наименование «Северо-Западный план».

8 сентября он получил послание от своего последователя Чжан Таня, который сформулировал для Сунь Ятсена важные предложения:

> Я только что получил письмо от своего друга из Синьцзяна. Он пишет, что правительство Ленина собрало несколько десятков тысяч китайских рабочих и обучает их. Если бы во главе их встал офицер-ки-

[1] Сунь Ятсен — Военному правительству, 19 сентября 1918 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 86.

Письмо Чжан Таня Сунь Ятсену от 8 сентября 1918 г.

таец, под командованием которого они вступили бы в Синьцзян, три провинции (Шэньси, Ганьсу и Синьцзян) могли бы быть мгновенно захвачены[1].

Сунь Ятсен наложил резолюцию: «выяснить, кем передано и кто автор письма, составить соответствующий ответ и наградить», не уточнив, чему ответ должен был соответствовать. Это дает основание предполагать, что нечто подобное предложению Чжан Таня уже обсуждалось в окружении Сунь Ятсена и его секретарь знал, в каком духе составить ответ.

[1] Чжан Тань — Сунь Ятсену, 8 сентября [1918 г.] // АКИИГ. 016/530.

7 ноября германское посольство в Норвегии сообщило в Берлин о китайце по имени Абель Цао, который прибыл по заданию Сунь Ятсена для обсуждения проблем взаимоотношений между Военным правительством в Кантоне и Германией[1].

Миссия Абеля Цао явно запоздала. 7 ноября в Компьенском лесу начались переговоры о мире. 8 ноября кайзер Вильгельм отрекся от престола. 10 ноября «Правда» писала о том, что вся северная Германия — в руках восставших рабочих, матросов и солдат. 11 ноября газеты сообщили о том, что Германия капитулировала.

А Абель Цао все еще дожидался разрешения прибыть в Берлин.

В конце концов разрешение было получено, он поселился в отеле «Адлон» на Унтер-ден-Линден и представил фон Гинтце предложения, ради которых с таким трудом добрался до германской столицы.

ПРАВДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Вся северная Германия—в руках восставших рабочих, матросов и солдат. Во всех городах—Советы рабочих солдатских депутатов.

Корона Вильгельма упала в грязь. Это—четвертая по счету!

Да здравствует германский пролетариат, да здравствует мировая революция!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Советская Германия

Несвоевременные мысли.

Пора покончить с „черными гнездами".

Да здравствует Германская революция.

Где выход?

Революция в Германии.

THE LOWELL SUN

6 O'CLOCK

PEACE

Armistice Signed and World War is Over. Pres. Wilson Stops Draft. Lays Terms of Truce Before Congress

(BY THE ASSOCIATED PRESS)

Le Matin

L'ALLEMAGNE A CAPITULÉ

L'ARMISTICE EST SIGNÉ

LES CONDITIONS DE LA VICTOIRE

L'armistice a été signé hier matin à 5 heures

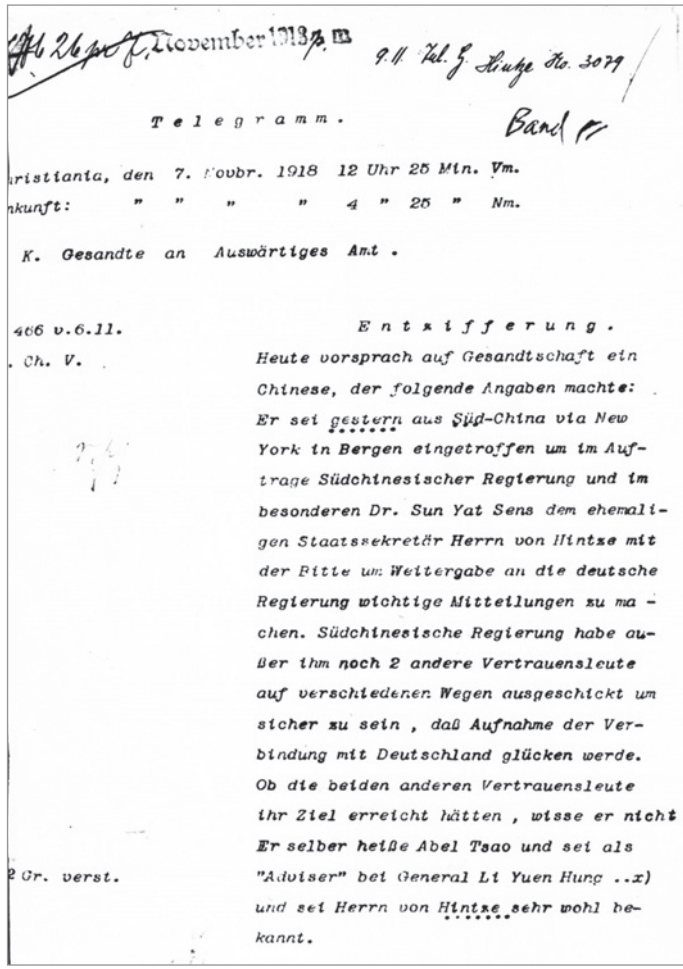
Les hostilités ont été suspendues à 11 heures

1569e JOUR DE GUERRE

DERNIER JOUR DES HOSTILITÉS

«Мир!» — под такими заголовками на первой полосе 11 ноября вышли газеты разных стран

[1] Der Kaiserliche Gesandte an Auswärtiges Amt, 7 November 1918 // Politische Akten des Auswärtigen Amtes in Bonn (далее — PA). China 7. Bd. 11–12. A47626.



Telegramm.

Band 6

ristiania, den 7. Novbr. 1918 12 Uhr 25 Min. Vm.
nkunft: " " " " 4 " 25 " Nm.

K. Gesandte an Auswärtiges Amt.

466 v.6.11.
. Ch. V.

Entzifferung.

Heute vorsprach auf Gesandtschaft ein Chinese, der folgende Angaben machte: Er sei gestern aus Süd-China via New York in Bergen eingetroffen um im Auftrage Südchinesischer Regierung und im besonderen Dr. Sun Yat Sens dem ehemaligen Staatssekretär Herrn von Hintze mit der Bitte um Weitergabe an die deutsche Regierung wichtige Mitteilungen zu machen. Südchinesische Regierung habe außer ihm noch 2 andere Vertrauensleute auf verschiedenen Wegen ausgeschickt um sicher zu sein, daß Aufnahme der Verbindung mit Deutschland glücken werde. Ob die beiden anderen Vertrauensleute ihr Ziel erreicht hätten, wisse er nicht. Er selber heiße Abel Tsao und sei als "Adviser" bei General Li Yuen Hung ..x) und sei Herrn von Hintze sehr wohl bekannt.

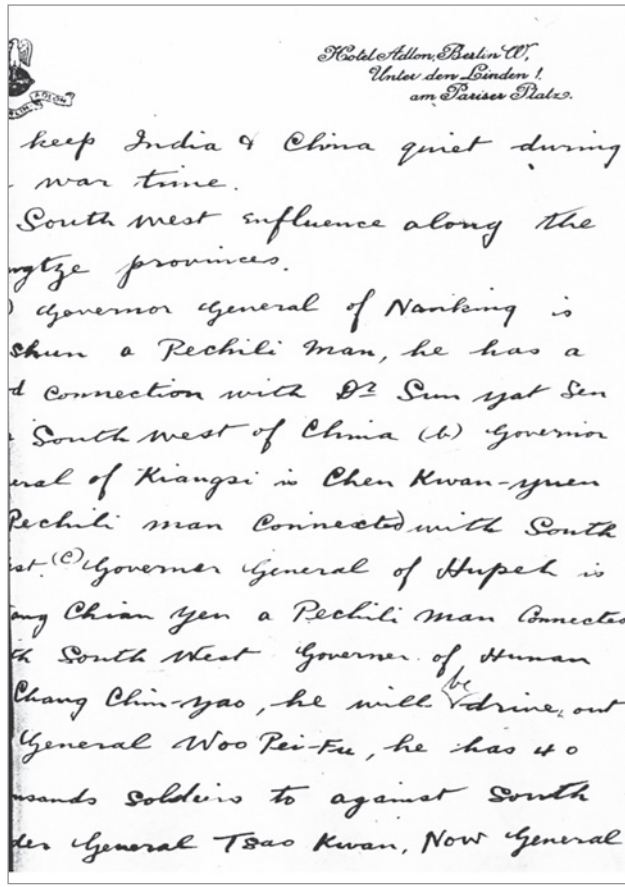
2 Gr. verst.

Первая страница сообщения о прибытии Абеля Цао в Норвегию

Запоздавшие переговоры

Первая часть этого документа содержала характеристику кантонского правительства и вооруженных сил, которыми оно располагало.

По словам Абеля Цао, это правительство, будучи сформированным в соответствии с решением парламента, представляет собой законного выразителя воли китайского народа. Правительство возглавляется семью


Hotel Adlon, Berlin W,
Unter den Linden 1
am Pariser Platz.

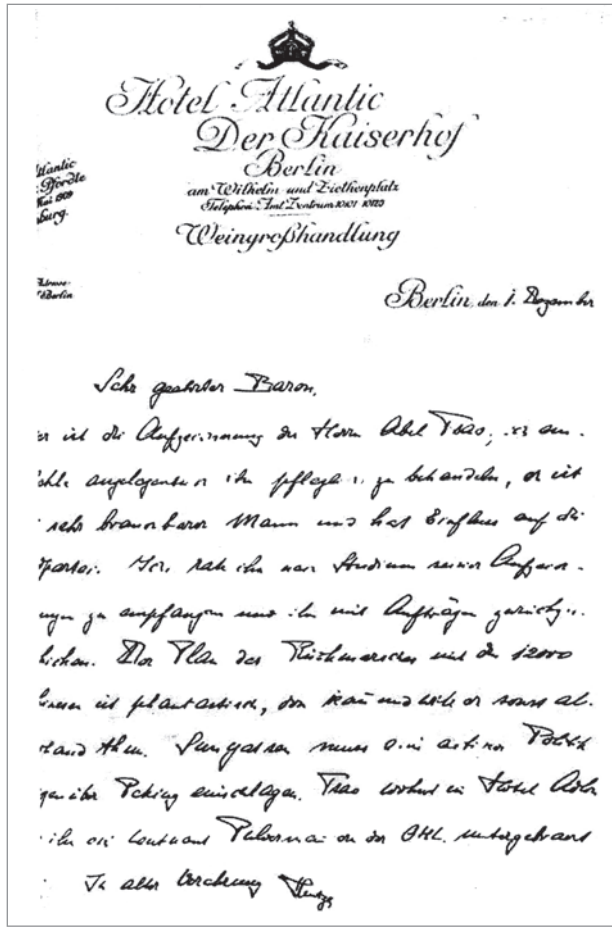
keep India & China quiet during
war time.
South west influence along the
ngtze provinces.
) Governor General of Nanking is
shun a Pechili man, he has a
d connection with Dr Sun yat Sen
South west of China (b) Governor
eral of Kiangsi is Chen Kwan-yuen
Pechili man connected with South
ist. (c) Governer General of Hupeh is
ang Chian yen a Pechili man connected
th South West Governer of Hunan
Chang Chin-yao, he will drive out
General Woo Pei-Fu, he has 40
usands Soldiers to against South
der General Tsao Kwan, Now General

Доклад Абеля Цао, представленный фон Гинтце (фрагмент)

управляющими, первый из которых — Сунь Ятсен. В его распоряжении 100 000 солдат, расквартированных в провинциях Гуандун, Гуанси и Фуцзянь, 30 000 — в Цзянси, 20 000 — в Хунани и 20 000 – в Шэньси, не считая войск в Юньнани и Гуйчжоу, а также военная флотилия.

В отличие от кантонского, пекинское правительство является незаконным, поскольку было сформировано в нарушение конституции страны. Незаконным было также избрание президента Сюй Шичана, которого автор меморандума назвал марионеткой в руках Англии и Японии.

Далее Абель Цао подчеркивал, что целый ряд провинций, формально подчиняющихся Пекину, установил доверительные отношения



Hotel Atlantic
Der Kaiserhof
Berlin
am Wilhelm- und Dietherplatz
Weingroßhandlung

Berlin, den 1. Dezember

Письмо Гинтце в МИД от 1 декабря 1918 г.

с Кантоном, поэтому правительство Севера может фактически рассчитывать на поддержку меньшей части провинций страны[1].

Нетрудно увидеть, что автор меморандума приукрашивал факты, стремясь представить ситуацию в выгодном для д-ра Суня свете (в это время Сунь Ятсен вовсе не был первым среди равных, а кантонское правительство не имело военного преимущества над Пекином).

[1] Hintze an Auswärtiges Amt, 1 December 1918 // PA. China 7. Bd. 11–12. A53674.

Во второй части меморандума излагались конкретные предложения о китайско-германском военном сотрудничестве с целью свержения пекинского правительства:

1. Для боевых операций на территории Китая будут использованы находящиеся в России немецкие военнопленные и добровольцы из числа китайских иммигрантов.
2. Численность первых может составить около 10 000, вторых — 12 000.
3. Вермахт предоставит этому контингенту несколько аэропланов и оборудование для производства боеприпасов.
4. Во время похода на Пекин китайская сторона будет снабжать Германию продовольствием.
5. Сразу же после падения пекинского правительства Германия окажет Китаю финансовую помощь для строительства шоссейных и железных дорог, развития образования и использования новейших промышленных технологий, а Китай будет экспортировать в Германию сырье[1].

Последний пункт разительно напоминал предложения д-ра Суня, сделанные в 1915 г. японскому премьер-министру Окума. Различие было лишь в том, что, во-первых, теперь он хотел видеть Китай, в котором «все было бы, как в Германии», а не в Японии; во-вторых, в качестве партнера предполагалось использовать Советскую Россию.

Но в декабре 1918 г. новому правительству Германии было не до Китая. Программа трехстороннего сотрудничества, представленная на рассмотрение Берлина по поручению Сунь Ятсена, была охарактеризована адмиралом Гинтце как «фантастическая» и решительно отвергнута[2].

Тем не менее он предложил продолжать поддерживать с Абелем Цао конспиративные отношения с целью при случае использовать его в качестве германского агента[3].

В Москве о плане Сунь Ятсена не имели ни малейшего представления

Естественно возникает вопрос: почему, рассчитывая на свержение пекинского правительства силами китайских иммигрантов и немецких военнопленных, находившихся на территории России, Сунь Ятсен

[1] Ibid.

[2] Hintze an Auswärtiges Amt, 1 December 1918 // PAAA. China 7. Bd. 11–12. A7676.

[3] Hintze an Auswärtiges Amt, 19 December 1918 // PAAA. China 7. Bd. 11–12. A83674.

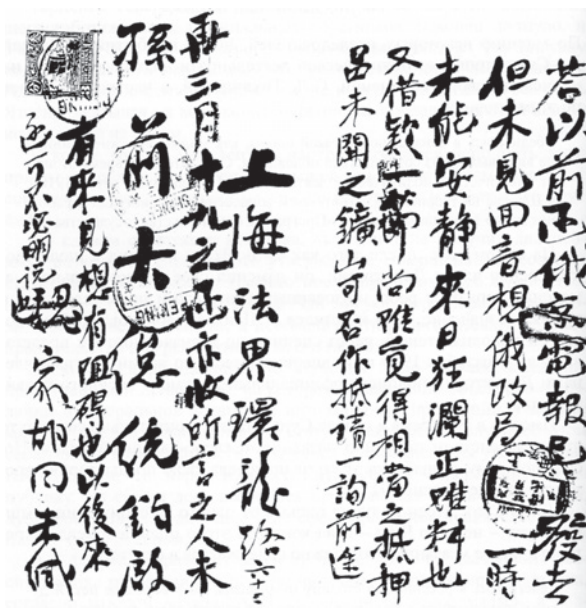
начал переговоры на эту тему в Берлине, не поставив об этом в известность Москву?

Здесь надо иметь в виду, что впервые мысль вступить в непосредственный контакт с Россией пришла в голову Сунь Ятсену в 1917 г., когда он послал телеграмму Временному правительству.

Во второй половине марта 1917 г. он получил письмо от одного из своих единомышленников — некоего Чжу (вероятно, Чжу Хэчжуна) – и на конверте этого письма дал секретарю краткое указание о том, что должно содержаться в ответе.

> Телеграмма в российскую столицу отправлена, но ответа еще нет. Я думаю, что ситуация в России в течение некоторого времени будет неспокойной. <...> Для получения займа трудно найти подходящую гарантию. Могут ли быть использованы в качестве таковой полезные ископаемые, разработка которых еще не началась? Прошу выяснить перспективы[1].

Ясно, что речь шла о возможности заключить какое-то соглашение с русскими (Сунь Ятсен вообще в таких случаях в обмен на помощь предлагал контрагенту право на разработку естественных богатств Китая).



Записка Сунь Ятсена на конверте письма Чжу Хэчжуна

[1] ПССОГ. Т. 6. С. 139.

Не исключено, что этот документ представлял собой первое по времени свидетельство, связанное с разработкой Сунь Ятсеном «Северо-Западного плана».

Ответа на свое обращение к Временному правительству он так и не получил.

Вполне возможно, что второй попыткой, предпринятой Сунь Ятсеном в том же направлении уже после Октябрьского переворота, было его загадочное письмо в адрес советских руководителей летом 1918 г. Загадочное потому, что подлинник его не сохранился ни в Китае, ни в России, а о том, что оно дошло до Петрограда, исследователи судят по одной фразе из ответного письма за подписью наркома Чичерина[1].

Позднее Сунь Ятсен категорически утверждал, что не получал этого письма.

Так или иначе, в декабре 1918 г. переговоры в Берлине велись за спиной советского правительства, без согласия которого находившиеся в России немецкие военнопленные, разумеется, не могли бы принять участие в планировавшемся Сунь Ятсеном походе на Пекин.

Но это обстоятельство почему-то не было принято им во внимание.

[1] Чичерин — Сунь Ятсену, 1 августа 1918 г. // Документы внешней политики СССР. М. 1957. С. 415–416.

Глава XVII

Шанхай: 1919–1920

Уйти? Остаться?

В отечественной литературе вопрос о взаимоотношениях Сунь Ятсена с кантонским Военным правительством после его реорганизации был искажен до неузнаваемости.

Член правительства, действующий через представителя

Как уже упоминалось, академик С. Л. Тихвинский утверждал, что после своего ухода летом 1918 г. из состава гуанчжоуского правительства Сунь Ятсен поселился в Шанхае и с Кантоном не контактировал.

Уехав в Шанхай, он действительно не собирался больше иметь дела с кантонским правительством. Но члены парламента считали, что без Сунь Ятсена Директория не сможет функционировать, и поэтому настаивали на том, чтобы он продолжал исполнять обязанности.

«Изменив свое первоначальное намерение»[1], Сунь Ятсен, оставаясь в Шанхае, продолжал участвовать в работе правительства через своего представителя.

В отличие от Тихвинского, Г. В. Ефимов писал, что с Директорией Сунь Ятсен порвал не в июне 1918 г., а 7 августа 1919 г.[2], однако это утверждение также ошибочно. Действительно, 2 августа Сунь Ятсен пишет У Тинфану и предлагает ему одновременно сложить с себя полномочия

[1] Сунь Ятсен — Люй Цзяньцю, 27 августа 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 159.

[2] *Ефимов Г. В.* Сунь Ятсен. Поиск пути. С. 114.

членов Директории[1], но У Тинфан продолжал исполнять свои обязанности члена Директории и министра иностранных дел. 5 августа он в качестве такового писал госсекретарю США, требуя признать Военное правительство.

Тогда, не дожидаясь решения У Тинфана, Сунь Ятсен 7 августа известил парламент о своем уходе с поста директора[2].

Но сделанное в этот день заявление еще отнюдь не означало, что на этом его контакты с Кантоном прекратились.

Члены парламента настаивали на том, чтобы Сунь Ятсен взял свое заявление обратно. На первых порах он стоял на своем:

У Тинфан колебался

> Хотя парламент за последнее время в своих телеграммах просит меня остаться в составе правительства, я уже принял решение и на компромисс не пойду. Сейчас у меня нет какой-то определенной политической позиции, и мне хотелось бы, чтобы члены нашей партии также проявили бы хладнокровие, не вмешиваясь в ход событий[3].

В те дни Сунь Ятсен писал другому респонденту:

> Я уже ушел в отставку, и переменить это решение невозможно. Отныне я буду исполнять свой долг как рядовой гражданин[4].

То же самое Сунь Ятсен повторил в ответной телеграмме народному собранию провинции Хунань[5].

В начале сентября кантонские парламентарии снова обратились к Сунь Ятсену с просьбой не покидать Директорию, но он был непреклонен:

> Я уже принял решение и на этом посту не останусь. Спасение государства – мое исконное намерение, но стремиться к этому отнюдь не обязательно будучи членом Военного правительства. Поэтому я не несу ответственности за любые документы, подписанные от моего имени после 10 августа[6].

---

[1] Сунь Ятсен — У Тинфану, 2 августа 1929 // ПССОГ. Т. 5. С. 153.

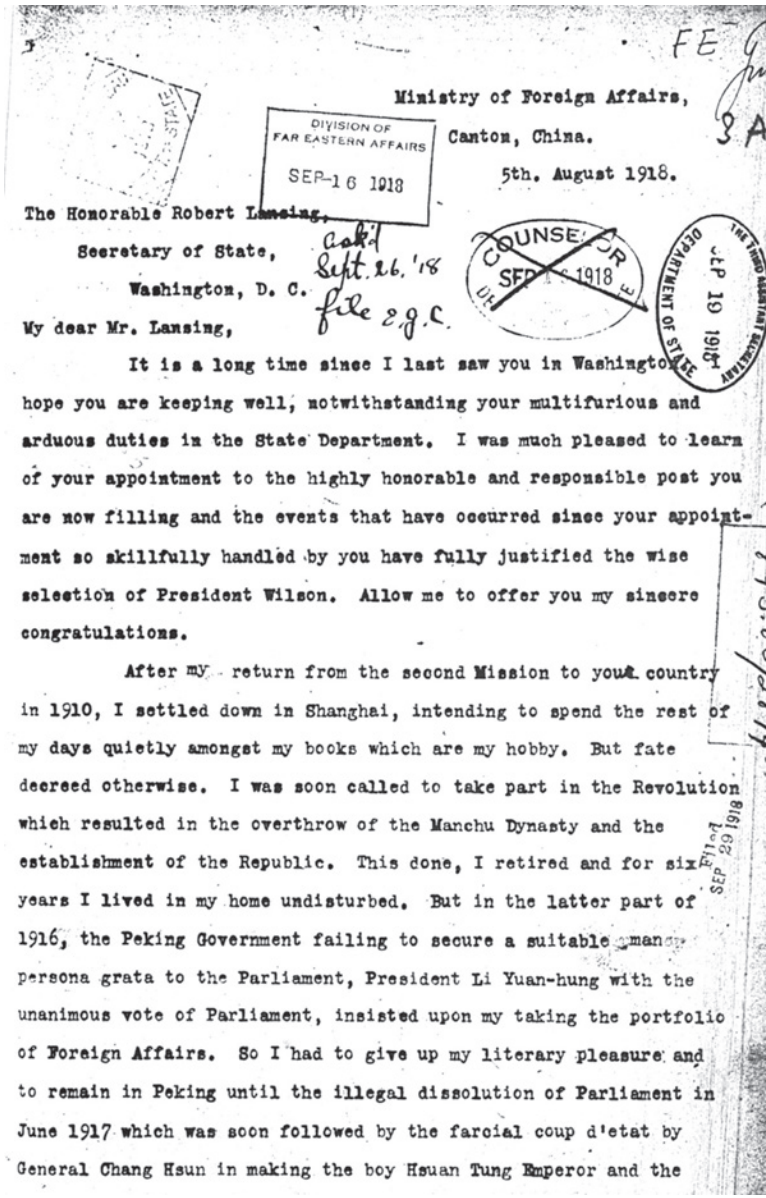
[2] Сунь Ятсен — парламенту, 7 августа 1919 г. // Там же. С. 155.

[3] Сунь Ятсен — Лэн Юэ, 24 августа 1919 г. // Там же. С. 158.

[4] Сунь Ятсен — Люй Цзяньцю, 27 августа 1919 г. // Там же. С. 159.

[5] Сунь Ятсен — народному собранию провинции Хунань, 31 августа 1919 г. // Там же. С. 160.

[6] Сунь Ятсен — парламенту, 10 сентября 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 164.



Ministry of Foreign Affairs,
Canton, China.
5th. August 1918.

DIVISION OF FAR EASTERN AFFAIRS SEP 16 1918

The Honorable Robert Lansing,
Secretary of State,
Washington, D. C.

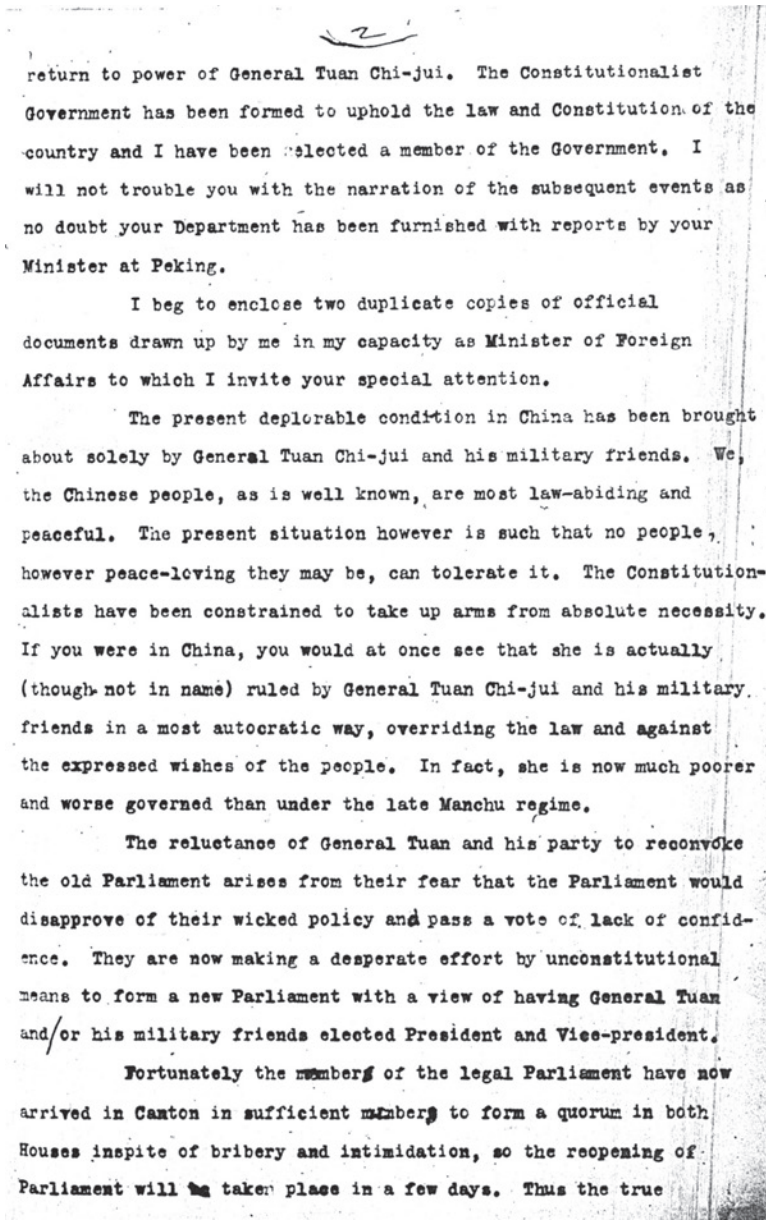
My dear Mr. Lansing,

It is a long time since I last saw you in Washington. I hope you are keeping well, notwithstanding your multifurious and arduous duties in the State Department. I was much pleased to learn of your appointment to the highly honorable and responsible post you are now filling and the events that have occurred since your appointment so skillfully handled by you have fully justified the wise selection of President Wilson. Allow me to offer you my sincere congratulations.

After my return from the second Mission to your country in 1910, I settled down in Shanghai, intending to spend the rest of my days quietly amongst my books which are my hobby. But fate decreed otherwise. I was soon called to take part in the Revolution which resulted in the overthrow of the Manchu Dynasty and the establishment of the Republic. This done, I retired and for six years I lived in my home undisturbed. But in the latter part of 1916, the Peking Government failing to secure a suitable man persona grata to the Parliament, President Li Yuan-hung with the unanimous vote of Parliament, insisted upon my taking the portfolio of Foreign Affairs. So I had to give up my literary pleasure and to remain in Peking until the illegal dissolution of Parliament in June 1917 which was soon followed by the farcial coup d'etat by General Chang Hsun in making the boy Hsuan Tung Emperor and the

Письмо У Тинфана госсекретарю США Р. Лансингу от 5 августа 1919 г.[1]

[1] У Тинфан — Лансингу, 5 августа 1918 г. // USDS. 893.00/2874.



return to power of General Tuan Chi-jui. The Constitutionalist Government has been formed to uphold the law and Constitution of the country and I have been elected a member of the Government. I will not trouble you with the narration of the subsequent events as no doubt your Department has been furnished with reports by your Minister at Peking.

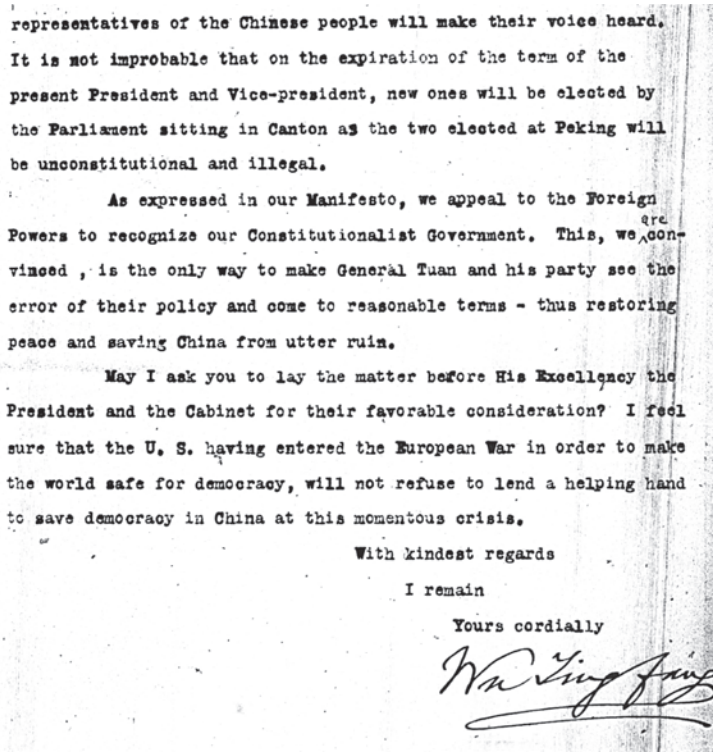
I beg to enclose two duplicate copies of official documents drawn up by me in my capacity as Minister of Foreign Affairs to which I invite your special attention.

The present deplorable condition in China has been brought about solely by General Tuan Chi-jui and his military friends. We, the Chinese people, as is well known, are most law-abiding and peaceful. The present situation however is such that no people, however peace-loving they may be, can tolerate it. The Constitutionalists have been constrained to take up arms from absolute necessity. If you were in China, you would at once see that she is actually (though not in name) ruled by General Tuan Chi-jui and his military friends in a most autocratic way, overriding the law and against the expressed wishes of the people. In fact, she is now much poorer and worse governed than under the late Manchu regime.

The reluctance of General Tuan and his party to reconvoke the old Parliament arises from their fear that the Parliament would disapprove of their wicked policy and pass a vote of lack of confidence. They are now making a desperate effort by unconstitutional means to form a new Parliament with a view of having General Tuan and/or his military friends elected President and Vice-president.

Fortunately the members of the legal Parliament have now arrived in Canton in sufficient numbers to form a quorum in both Houses inspite of bribery and intimidation, so the reopening of Parliament will be taken place in a few days. Thus the true

Письмо У Тинфана госсекретарю США Р. Лансингу от 5 августа 1919 г.
(продолжение)



representatives of the Chinese people will make their voice heard. It is not improbable that on the expiration of the term of the present President and Vice-president, new ones will be elected by the Parliament sitting in Canton as the two elected at Peking will be unconstitutional and illegal.

As expressed in our Manifesto, we appeal to the Foreign Powers to recognize our Constitutionalist Government. This, we are convinced, is the only way to make General Tuan and his party see the error of their policy and come to reasonable terms - thus restoring peace and saving China from utter ruin.

May I ask you to lay the matter before His Excellency the President and the Cabinet for their favorable consideration? I feel sure that the U. S. having entered the European War in order to make the world safe for democracy, will not refuse to lend a helping hand to save democracy in China at this momentous crisis.

With kindest regards

I remain

Yours cordially

Письмо У Тинфана госсекретарю США Р. Лансингу от 5 августа 1919 г.
(окончание)

Однако члены парламента продолжали настаивать, и Сунь Ятсен в конце концов изменил свое решение уйти в отставку.

14 октября в беседе с Тун Хунши он сообщил своему собеседнику, что из уважения к мнению народных избранников он берет обратно свое заявление об отставке и остается членом Директории, хотя, с его точки зрения, эта должность является чисто номинальной и ничего не дает в смысле перспектив защиты конституции[1].

Тем не менее в «Полное собрание сочинений Отца Государства» включены тексты телеграмм от 31 октября, 1 и 3 ноября 1919 г., под кото-

[1] Из уважения к коллегам [Сунь Ятсен] не уходит с поста члена Директории, 14 октября 1919 г. // Там же. Т. 2. С. 527.

рыми стоят подписи всех членов Военного правительства, в том числе Сунь Ятсена[1].

Но, продолжая оставаться членом правительства, Сунь Ятсен начинает обдумывать планы свержения своих коллег и прежде всего – Лу Жунтина, которого он давно уже называл не иначе как «гуансийским бандитом»[2].

Памятуя о том, что враги моих врагов — мои друзья, Сунь Ятсен начинает нащупывать возможность установить контакт со своими вчерашними противниками.

В беседе, состоявшейся еще в мае 1919 г., Сунь Ятсен сказал:

> Дуань Цижуй никогда не был моим личным врагом. Я выступаю против него потому, что он предал республику. Если он распустит армию, предназначающуюся для участия в войне, отменит заключенные им договоры, наносящие ущерб стране, будет без всяких оговорок подчиняться парламенту и закону, прямо признается в совершенных им преступлениях и извинится перед гражданами республики — в этом случае его не в чем будет обвинить и почему бы тогда не иметь с ним дела?[3]

Сунь Ятсен утверждал, что видные деятели Севера — Ван Итан, Сюй Шучжэн, Цзэн Юйси и другие, прочтя его «Учение Сунь Вэня», одобрили изложенные в книге идеи и вместе со своими комментариями передали ее для прочтения Дуань Цижую. Тот якобы также отозвался о ней весьма положительно, и Сунь Ятсен высказался в том духе, что в случае, если Дуань полностью примет сформулированные Сунем идеи, он будет готов назвать его товарищем[4].

Ван Итан (1877–1948)

В ноябре 1919 г. Сюй Шучжэн преуспел в деле ликвидации автономии Внешней Монголии, существовавшей в соответствии с соглашением от 6 ноября 1915 г. Сунь Ятсен тут же послал ему приветственную телеграмму, выражая в ней надежду на то, что доброе дело, совершенное на границе Китая, станет началом изменения взглядов героя дня на внутренние проблемы страны[5].

---

[1] Там же. Т. 5. С. 171, 172, 174, 175.

[2] Сунь Ятсен — Чэнь Гэнжу, 13 июля 1919 г. // Там же. С. 150.

[3] Там же. Т. 2. С. 523, 524.

[4] Сунь Ятсен — Линь Сюхаю, 17 августа 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С.157–158.

[5] Сунь Ятсен — Сюй Шучжэну, 26 ноября 1919 г. // Там же. С. 178.

Это вызвало недоумение некоторых соратников д-ра Суня, который был вынужден дать свои разъяснения по поводу этого. Он писал Лэн Юэ, что заслуга Сюй Шучжэна перед отечеством может быть уподоблена подвигам ханьского полководца Бань Чао, завоевавшего Западный край. А поскольку у каждого человека есть свои достоинства и недостатки, то и Сюй Шучжэна следует восхвалять за его деяния, того заслуживающие, не забывая при этом об ошибках и просчетах, имеющих отношение к иным сферам его деятельности[1].

Ехать в Париж Сунь Ятсен отказался

В то самое время, когда в Кантоне кипели политические страсти, Пекин так же оказался раздираем непримиримыми противоречиями между двумя кликами, пришедшими к власти после подавления путча Чжан Сюня, — аньхуйской и чжилийской. Глава первой из них, Дуань Цижуй, решительно выступал за объединение Китая с помощью военной силы. Представитель второй — исполняющий обязанности президента Фэн Гочжан — допускал возможность преодоления раскола мирными средствами.

Намереваясь нейтрализовать усилия своего противника, Дуань Цижуй пошел на радикальную меру. Он организовал парламентские выборы, рассчитывая избавиться от Фэн Гочжана, сменив его своим ставленником.

В качестве такового Дуань Цижуй намеревался использовать другого представителя чжилийцев — Сюй Шичана, казавшегося ему человеком без особых личных претензий и к тому же не располагавшего собственной военной силой.

Сказано — сделано: в октябре 1918 г. Сюй Шичан был избран президентом Китайской Республики.

Но Дуань Цижуй просчитался. Сюй Шичан вовсе не собирался быть игрушкой в чьих-то руках. Он отправил Дуань Цижуя в отставку, посадив в кресло премьер-министра Цянь Нэнсюня.

Главной внешнеполитической проблемой, которую пришлось решать вновь избранному президенту, была подготовка к участию Китая в мирной конференции, подводившей итоги 1-й мировой войны. Это

[1] Сунь Ятсен — Лэн Юэ, 23 декабря 1919 г. // Там же. С. 179.

была задача чрезвычайной политической важности: впервые в истории Китай как страна-победитель должен был на равных с великими державами обсуждать судьбы послевоенного мира.

Бесспорная заслуга президента Сюй Шичана заключалась в том, что он, готовясь к Версалю, не ограничился действиями внутри своего дипломатического ведомства, а постарался опереться на широкое общественное мнение. Особое значение он придавал прессе как выразителю «народной дипломатии». Именно это подчеркивал тогда ректор Пекинского университета Цай Юаньпэй:

> Прежние неудачи нашей дипломатии объяснялись тем, что она была достоянием узкого круга чиновников и к тому же нередко осуществлялась тайно. <...> Сейчас международная ситуация резко изменилась[1].

Поскольку Сюй Шичан выступал за урегулирование конфликта между Севером и Югом мирными средствами, в состав китайской делегации в Версале должны были войти делегаты как пекинского, так и кантонского правительств.

Сначала предполагалось, что представлять Военное правительство будет Тан Шаои, затем возникла кандидатура У Чаошу — сына У Тинфана. Позднее кантонский парламент порекомендовал послать в Париж Сунь Ятсена, учитывая то, что он долгое время жил в Европе и был хорошо знаком с тамошней обстановкой.

Но Сунь Ятсена эта перспектива не прельщала, и он ответил отказом, ссылаясь на то, что Военное правительство не признано державами и поэтому не получит на конференции права слова[2].

Парламент настаивал, но уговорить Сунь Ятсена не удавалось.

7 февраля он повторил свои аргументы: представитель непризнанного правительства не сможет выступать на конференции, а мандат от незаконного правительства в Пекине он получать не собирается[3]. Примерно то же самое он повторил еще через месяц[4].

В конечном итоге представителем Юга на Версальской конференции стал Ван Чжэнтин, внесший существенный вклад в работу китайской делегации.

---

[1] 顾莹惠。五四时期的国民外交运动 (*Гу Инхуй*. Движение за гражданскую дипломатию в период «4 мая») // http.club.cn/blogArticle-9806.html.

[2] Сунь Ятсен — Чжао Шибэю, 26 января 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 119.

[3] Сунь Ятсен — Се Чи, 7 февраля 1919 г. // Там же. С. 122.

[4] Сунь Ятсен — Линь Сэню, 11 марта 1919 г. // Там же. С. 129.

Сюй Шичан на церемонии вступления в должность президента

Конференцией Севера и Юга Сунь Ятсен тоже не интересовался

Обстоятельства сложились так, что весной 1919 г. одновременно проходили две мирные конференции — в Париже и Шанхае. На первой были подведены итоги 1-й мировой войны, на второй — обсуждались проблемы прекращения военных действий между Севером и Югом Китая.

С первых же дней после своего избрания Сюй Шичан взял решительный курс на немедленное прекращение междоусобной бойни и созыв мирной конференции.

Для начала он объявил о том, что своим указом приостанавливает боевые действия против Юга. После этого ему уже можно было заняться практической подготовкой переговоров представителей двух сторон конфликта.

Как на Севере, так и на Юге у Сюй Шичана было немало противников.

Среди первых выделялся наперсник Дуань Цижуя Сюй Шучжэн (в отличие от президента его называли «маленьким Сюем»), убежденный сторонник объединения страны с помощью военной силы. Вторые были представлены Сунь Ятсеном, всегда предпочитавшим мирным переговорам революционное насилие.

Но были у Сюй Шичана и преданные сторонники. Его активным помощником был, в частности, губернатор провинции Цзянсу Ли Чунь.

На первых порах предварительные контакты Севера и Юга касались трех вопросов: как будет называться конференция, где она будет проходить и сколько делегатов будут представлять каждую из сторон.

Ли Чунь
(1867–1920)

Из переписки Ли Чуня, сохранившейся в личном архиве его советника Ли Тинъюя[1], мы узнаём, что в октябре–декабре 1918 г. губернатор почти всё свое время тратил на то, чтобы выяснять позиции сторон и доказывать колеблющимся необходимость скорейшего созыва конференции.

Что касается наименования конференции, то было выдвинуто два предложения.

Многие высказывались за то, чтобы назвать ее «мирной»; Ли Чунь полагал, что поскольку в повестке дня будут стоять вопросы, выходящие за рамки прекращения гражданской войны, речь должна идти о «конференции по ликвидации последствий конфликта».

Он писал Тан Цзияо:

> «Ликвидация последствий конфликта» включает прекращение войны, а на «мирной конференции» будут обсуждаться только вопросы мира[2].

Долго обсуждался вопрос о месте проведения конференции. Ли Чунь предлагал Нанкин, южане же настаивали на Шанхае.

20 декабря Ли Чунь сообщал Цянь Нэнсюню:

> Договорились, что конференция будет называться «Мирной конференцией по ликвидации последствий конфликта», она будет созвана

[1] 李廷玉所存电稿 (Телеграммы из архива Ли Тинъюя) // 1919年南北议和资料 (Материалы мирной конференции Севера и Юга 1919 г.). Пекин. 2013. С. 1–35.

[2] Ли Чунь — Тан Цзияо, 2 декабря 1918 г. // Там же. С. 27.

в Нанкине, в составе делегаций будет по 10 человек с каждой стороны, один из них будет главой делегации[1].

Впрочем, южане вновь стали отстаивать идею созыва конференции в Шанхае; Ли Чунь пошел на компромисс и в этом вопросе. Теперь оставалось только определить состав делегаций.

Чжу Цицянь (1872–1964)

Более оперативно в этом отношении действовал Север. Руководителем делегации был назначен вице-спикер пекинского парламента Чжу Цицянь. Определение состава делегации южан затягивалось из-за расхождений во мнениях парламента и правительства.

Члены южного парламента считали, что объявить список делегатов можно только после того, как будут прекращены столкновения, все еще продолжавшиеся на территории провинции Шэньси. Правительство же опасалось, что задержка с назначением делегатов Юга будет истолкована как нежелание принимать участие в переговорах.

После длительных затяжек наконец было решено, что визави Чжу Цицяня в Шанхае будет многоопытный Тан Шаои. О его назначении было сообщено 1 января 1919 г.[2], а окончательный состав делегации стал известен 6 февраля[3].

С 21 февраля по 13 мая состоялось 8 заседаний. Общий язык так и не был найден.

Отвечая находившимся в Шанхае парламентариям, Сунь Ятсен утверждал, что вести подобные переговоры не имеет смысла[4].

11 мая 1919 г. Сунь Ятсен заявил, что текущие проблемы не интересуют его, потому что он сосредоточился на изложении своих мыслей в давно задуманной книге[5].

Неудача миссии Абеля Цао подействовала на Сунь Ятсена словно ушат холодной воды. Продолжая оставаться одним из членов кантонской

---

[1] Ли Чунь — Цянь Нэнсюню, 20 декабря 1918 г. // Там же. С. 73.

[2] 粤政务总裁谓已派唐绍仪为总代表 (Член Кантонской директории объявил, что главой делегации назначен Тан Шаои) // Шэньбао, 16 января 1919 г.

[3] 军政府正式公布内外和议代表 (Военное правительство официально объявило состав делегации на мирной конференции) // Шэньбао, 11 февраля 1919 г.

[4] Сунь Ятсен — парламентариям, 27 апреля 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 139.

[5] Сунь Ятсен — Чжао Тайцзи, 11 мая 1919 г. // Там же. С. 141.

Директории, он почувствовал упадок жизненной активности, и политика перестала быть для него единственной сферой творческой деятельности. Ему захотелось сесть за письменный стол и написать что-нибудь основательное.

В результате на свет появилась «Программа строительства страны».

Сунь Ятсен садится за письменный стол

«Программа строительства страны» — одно из главных сочинений Сунь Ятсена — состоит из нескольких разделов.

Первая часть «Духовное строительство» («Учение Сунь Вэня»), была написана еще в 1918 г.

Действовать легко, познавать трудно

В предисловии к первой части этого труда Сунь Ятсена есть такие слова:

> Более тридцати лет посвятил я служению Родине. Этому отдал я все свои знания. Ни разу не изменил я своим идеалам, и сотни неудач не заставили меня свернуть с избранного пути. <...>
>
> Вопреки ожиданиям, уже при первом успехе революции среди членов нашей партии обнаружились разногласия. Многие пришли к выводу, что мои идеалы слишком высоки, что они не отвечают китайской действительности. «Общее мнение плавит металл», — говорит пословица. И когда порыв революционной бури стих, сомнение зародилось даже у ближайших моих единомышленников. <...>
>
> Когда я вспоминаю, чему заботливо учил товарищей по партии и чем они пренебрегли как пустыми фантазиями, когда оцениваю всё с точки зрения сегодняшнего дня, то вижу, что *именно мои идеи отвечают ходу мировой истории, именно они должны были послужить основой в строительстве Республики*[1]. Поэтому у меня и возникло желание изложить свои соображения в книге «Программа строительства страны» и предложить ее моим соотечественникам в качестве руководства.
>
> Единственное, что заставило меня колебаться и медлить, — это опасение, что психология моих сограждан сегодня не отличается от психологии моих товарищей по партии семь лет назад и, если по-прежнему

[1] Курсив наш.

их умами владеет теория о легкости познания и трудности действия, они отвергнут и эти мои планы как утопические.

Поэтому я сначала решил сформулировать учение, которое сокрушило бы моего психологического противника и вывело бы соотечественников из тупика. Я надеялся, что в этом случае мой план строительства страны не будет уже рассматриваться как утопический и появится возможность сплотить вокруг одной идеи весь народ[1].

Вывести соотечественников из тупика должно было, по мысли Сунь Ятсена, его убеждение в том, что «действовать легко, познавать трудно».

Доказательству этого положения он посвятил 8 глав — более 100 страниц первой части своей книги.

В главе 1 «Питание как одно из доказательств» мы читаем:

Когда пища попадает в рот, она проверяется языком. Если пища не подходит для желудка и кишечника, она немедленно выплевывается; если же подходит, она охотно принимается. Вслед за этим зубы перемалывают пищу, слюна, смешиваясь с пищей, растворяет ее, при этом крахмал превращается в сахар. Перемолотые зубами частицы подхватываются кончиком языка и отправляются в пищевод, который, сокращаясь, проталкивает их в желудок. Как только пища попала в желудок, нижнее его отверстие плотно закрывается. Когда желудок в достаточной мере наполнится, его биоэлементы сообщают об этом в мозг, который дает сигнал прекратить процесс еды, что мы осознаем как ощущение сытости. <...>

Нужно иметь в виду, что различные изменения, которым подвергаются питательные вещества после поступления в кровь, могут быть познаны только физиологами, да и те не до конца изучили их. <...>

Таким образом, процесс пищеварения осуществляется каждым человеком, однако сущность его остается непознанной до конца жизни. <...> Всё это служит достаточно веским доказательством того, что «действие легко, а трудно лишь познание»[2].

Глава 2 «Употребление денег»:

Каждый цивилизованный человек с юных лет и до конца своей жизни ежедневно пользуется деньгами. Без них он не может обеспечить себя ни пищей, ни одеждой, ни жилищем, ни средствами передвижения. Мы ежедневно пользуемся деньгами и смотрим на это как на совершенно естественное явление. <...> Но много ли на свете людей, которые знают, что такое деньги <...>?

---

[1] *Сунь Ятсен*. Программа строительства страны // *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. С. 162–165.

[2] Там же. С. 176–179.

«Познавать трудно, действовать легко»
(каллиграфическая надпись Сунь Ятсена)

Люди способны лишь пользоваться деньгами, но не знают, что такое деньги. И это может служить одним из доказательств нашего положения «действие легко, познание трудно»[1].

Глава 3 «Литературное творчество как одно из доказательств»:

Ма Цзяньчжун
(1845–1900)

В Китае в течение многих тысячелетий превыше всего ставили литературу. Ее обожали все — от императора до простолюдина, не исключая разбойников и пиратов. <...>

[Однако] в Китае на всем протяжении его истории не было выработано никаких правил грамматики <...>. Китайские ученые впервые узнали о существовании грамматической науки после выхода в свет «Свода правил письменности в изложении господина Ма». <...> Грамматики, вышедшие после работы Ма Цзяньчжуна, составлялись специально для начальной школы. Но, к сожалению, авторы их в большинстве своем были недостаточно сведущими людьми и не сумели избежать грубых ошибок. <...>

На протяжении тысячелетий деятели китайской литературы умели писать сочинения, но не умели анализировать их. <...> Это является еще одним доказательством положения «действие легко, познание трудно»[2].

В главе 4 «Еще семь доказательств» автор ссылается на постройку жилищ, судостроение, постройку фортификационных сооружений, проведение каналов, электричество, химию и общую теорию эволюции[3].

[1] Там же. С. 179–193.
[2] Там же. С. 194–203.
[3] Там же. С. 203–219.

Предоставляем читателю решать, почему Сунь Ятсен считал, что, познакомившись со столь многословными доказательствами его положения, члены Гоминьдана перестанут рассматривать планы своего лидера как утопические, в результате чего «появится возможность сплотить вокруг одной идеи весь народ».

Материальное строительство (промышленный план)

А планы промышленного развития Китая, содержащиеся во второй части «Программы», как всегда, поражали воображение своей грандиозностью и отсутствием каких бы то ни было оснований технического и финансового порядка.

Вот перечень основных пунктов первого плана (транспорт и тяжелая промышленность):

1. Развитие сети путей сообщения.
   1) 100 000 миль железных дорог;
   2) 1 000 000 миль автомобильных дорог с щебеночным покрытием;
   3) Расчистка существующих каналов:
      А. Каналы Ханчжоу — Тяньцзинь;
      Б. Каналы Сицзян — Янцзы.
   4) Строительство новых каналов:
      А. Канал Ляохэ — Сунхуа;
      Б. Прочие.
   5) Обуздание рек:
      А. На Янцзы построить дамбы и расчистить русло реки от Ханькоу до моря, чтобы океанские суда могли заходить в Ханькоу в любое время года;
      Б. Соорудить дамбы на Хуанхэ и расчистить русло реки, чтобы ликвидировать угрозу наводнений;
      В. Урегулировать русло Сицзян;
      Г. Урегулировать русло Хуайхэ;
      Д. Урегулировать русла других рек.
   6) Строительство новых телеграфных, телефонных и радиолиний на территории всей страны.

I. Создание торговых портов.
   1) Строительство в Центральном, Северном и Южном Китае трех крупнейших океанских портов с пропускной способностью нью-йоркской гавани;

2) Строительство небольших торговых портов и рыбных гаваней вдоль всего побережья;
3) Строительство торговых гаваней на судоходных реках.

II. Строительство современных, благоустроенных городов при всех узловых и конечных железнодорожных станциях и во всех портах побережья.
III. Развитие гидроэнергетики.
IV. Строительство крупных сталелитейных, металлургических и цементных заводов, которые обеспечили бы нужды перечисленных выше областей строительства.
V. Развитие горнорудного дела.
VI. Развитие сельского хозяйства.
VII. Ирригационное строительство во Внутренней Монголии.
VIII. Лесонасаждение в Северном и Центральном Китае.
IX. Заселение Маньчжурии, Монголии, Синьцзяна, Цинхая и Тибета[1].

Далее следовали выкладки Сунь Ятсена, касавшиеся производства предметов народного потребления:

I. Пищевая промышленность.
1) Производство продуктов питания.
2) Складирование и транспортировка продуктов питания.
3) Изготовление продуктов питания и их хранение.
4) Распределение продуктов питания и их экспорт.

II. Легкая промышленность.
1) Шелковая промышленность.
2) Изготовление тканей из рами.
3) Хлопчатобумажная промышленность.
4) Шерстяная промышленность.
5) Кожевенная промышленность.
6) Производство машин для изготовления одежды.

III. Жилищное строительство.
1) Производство и транспортировка строительных материалов.
2) Строительство домов.
3) Производство предметов домашнего обихода.
4) Обеспечение домов коммунальными удобствами.

IV. Автомобильная промышленность.

[1] Там же. С. 289–290.

V. Полиграфическая промышленность[1].

Заключительный раздел второй части «Программы» — разработка полезных ископаемых:

I. Добыча железной руды.
II. Добыча угля.
III. Добыча нефти.
IV. Добыча медной руды.
V. Разработка добычи некоторых других руд.
VI. Производство оборудования для горнорудной промышленности.
VII. Строительство литейных заводов[2].

Сунь Ятсен, кажется, не забыл ни одной сферы материального производства, которую следовало бы развить в Китае. Но за счет чего он рассчитывал осуществить свой всеобъемлющий план?

Ответ на этот вопрос он дает в последних строках второй части «Программы»:

> Целью материальной цивилизации являются не частные, а общественные интересы, и кратчайший путь к этому не конкуренция, а взаимопомощь. Поэтому в своем плане развития Китая усилиями разных стран я предлагаю направить доходы от промышленного производства,

Английский оригинал второй части «Программы строительства страны»

[1] Там же. С. 296–311.
[2] Там же. С. 311–316.

во-первых, на выплату процентов и основных сумм иностранных капиталов, заимствуемых для этих планов, во-вторых, на повышение заработной платы рабочих и, в-третьих, на улучшение и широкое распространение машинного производства. Кроме всего этого, оставшаяся часть доходов должна идти обществу в форме снижения цен на все удобства и общественные службы. Таким образом, весь народ в равной мере будет пользоваться плодами современной цивилизации.

И наконец:

> Моя идея состоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае, так чтобы, гармонично сочетая эти две экономические силы, двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации[1].

Неслучайно составители «Полного собрания сочинений Отца Государства», публикуя письмо Сунь Ятсена бельгийским социалистам, в котором он выражал надежду на то, что Китай станет первым в мире социалистическим государством, сочли необходимым подчеркнуть: «социализм», о котором говорит Сунь Ятсен, «это не тот социализм, который проповедуют китайские коммунисты»[2].

Социальное развитие Китая

В отличие от планов промышленного строительства, изложенных на нескольких десятках страниц, третья часть «Программы», трактующая проблемы «первых шагов народовластия» (она была написана Сунь Ятсеном еще в 1917 г.), уместилась на трех с небольшим полосах.

Здесь нашего внимания заслуживают два момента.

Во-первых, Сунь Ятсен считал, что народы мира различаются не только численностью, но и своими врожденными способностями. Соответственно, «самая большая и самая одаренная» нация в мире – китайская[3].

Во-вторых,

> Развитие народовластия начинается с объединения стремлений отдельных людей, с консолидации сил народа. Но достигнуть этого невозможно, не прибегая к собраниям. Именно собрания являются первым шагом на пути к народовластию.

---

[1] Там же. С. 321.

[2] ПССОГ. Т. 4. С. 373–374.

[3] *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. С. 322.

> Однако в течение нескольких сотен лет китайцам запрещалось собираться вместе, в результате чего естественное чувство коллективизма было ими почти утрачено. Они не знали принципов работы собраний, порядка и обычаев их проведения, у них не было опыта организации собраний.
>
> И вот, китайский народ, который сравнивают с морем ничем не связанных между собой песчинок, вдруг был возвышен до положения носителя верховной власти в республике. Не удивительно, что он оказался неподготовленным к этому, что он не обладал необходимыми знаниями для ведения дел, что наши собрания представляли собой просто неорганизованные сборища[1].

Перед нами — очередной план Сунь Ятсена, поражающий воображение своими космическими масштабами. Вопрос о теоретической ценности «Программы» остается открытым. Во всяком случае автор этой книги не предпринял каких-либо практических шагов для реализации изложенных им идей.

Тем не менее сам Сунь Ятсен считал, что его сочинение должно стать настольной книгой каждого гражданина республики.

> Тот, кто хочет принять на себя обязанности гражданина, не должен уклоняться от изучения этой книги. Тот, кто хочет объединить стремления граждан нашего государства, консолидировать силы нашей нации, должен, почерпнув знания из этой книги, сделать их всеобщим достоянием. <...>
>
> Она учит народ нашей страны, как сделать первый шаг по пути к народовластию[2].

Теперь уже не немецкие военнопленные, а регулярная Красная Армия

Физиология пищеварения, отсутствие в Китае полноценных книг по грамматике родного языка и правила проведения народных собраний при всей своей злободневности не могли надолго отвлечь Сунь Ятсена от главного.

Всю свою сознательную жизнь Сунь Ятсен был озабочен тем, как бы получить от зарубежных спонсоров деньги на нужды революционного преобразования Китая.

---

[1] Там же. С. 324.

[2] Там же. С. 325.

В 1916 г. он впервые обратился к новой стратегии: не только деньги на покупку оружия, но и иностранные войска, которые либо оказывают поддержку революционной армии, либо непосредственно участвуют в решении боевых задач.

В 1918 г. он хотел использовать для этой цели германских военнопленных, без дела коротавших дни в Советской России.

Спустя два года возникла новая мысль: а почему бы не пригласить в Китай регулярные части какой-нибудь иностранной армии?

Этот новый вариант «Северо-Западного плана» отличался от предыдущего также и тем, кого должны были свергнуть иностранные штыки. Теперь в качестве противника был выбран не Пекин, а кантонское правительство, отношения которого с Сунь Ятсеном оказались безнадежно испорченными.

Снова взгляд в северо-западном направлении

Советские исследователи по понятным причинам были склонны преувеличивать значение письма, отправленного Сунь Ятсеном советским руководителям летом 1918 г. Это письмо вовсе не означало, что он уже тогда понял значение идей Октябрьской революции для судеб Китая. С нашей точки зрения, это была в конечном счете неудавшаяся попытка вступить в контакт с советским правительством на предмет осуществления своего плана использования находившихся в России немецких военнопленных для свержения пекинского правительства.

Что же касается идей Октября, то не только в 1918 г., но и год спустя идея общности судеб Советской России и Китая была абсолютно чужда Сунь Ятсену.

Об этом можно судить хотя бы по тому, что́ он говорил в январе 1919 г.:

> В настоящее время из всех стран мира только Соединенные Штаты занимают самую искреннюю позицию и горят желанием помочь нам![1]

Ту же мысль Сунь Ятсен в тот же день повторил в другом письме:

> Сейчас Соединенные Штаты совершенно искренни в своем желании оказать помощь нашему делу[2].

В качестве курьеза здесь можно упомянуть о переписке Сунь Ятсена с командующим войсками провинции Гуйчжоу Си Чжэнмином.

---

[1] Сунь Ятсен — Тан Цзияо, 11 января 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 114.

[2] Сунь Ятсен — Линь Сэню, 11 января 1919 г. // Там же. С. 115.

В начале апреля 1919 г. Сунь Ятсен получил от Си Чжэнмина письмо, в котором тот утверждал, что Гоминьдану есть в чем поучиться у Советской России. Сунь Ятсен ответил ему, что полностью разделяет эту точку зрения.

Си Чжэнмин (1884–1920)

В статье о Си Чжэнмине, помещенной на китайском официальном сайте «Байкэ», говорится, что выдвинутая им идея была «революционной» и поэтому она была поддержана Сунь Ятсеном[1].

Что именно имел в виду Си Чжэнмин, нам неизвестно. Ответное письмо Сунь Ятсена Си Чжэнмину опубликовано. В нем сказано буквально следующее:

> Нынешняя революция в России произошла в результате стихийного выступления народа, армия также стихийно выразила солидарность с ним и поддержала его политические требования. То, с какой скоростью она произошла, зависело от воодушевления народа, а не благодаря наличию материальных средств.
>
> Китайская революционная партия после поражения «Третьей революции» объявила о самороспуске. Зарубежные китайцы еще не получили компенсации за покупку облигаций военного займа. Но даже если они получат таковую, все равно вряд ли можно рассчитывать на их новые пожертвования. Опыт показывает, что политической партии трудно добиться успеха, если она действует, рассчитывая на материальные средства. А те, кто вне партии, также не горят желанием помочь ей.
>
> Если Вы возьмете русских себе в учителя, Вам следует разъяснить военным, близким Вам по духу, политические интересы простых людей, тогда и революцию начинать будет незачем[2].

В этих словах Сунь Ятсена можно при желании усмотреть всё что угодно, но только не намерение впредь руководствоваться большевистскими идеями. Что до самих этих идей, то, по мнению Сунь Ятсена, в Китае не было почвы для их распространения. В том же самом 1919 г. он говорил в ответ на вопрос корреспондента газеты «Далубао», употребляя вместо слова «большевизм» термин «экстремизм»: «У экстремизма нет шансов на проникновение в Китай»[3].

---

[1] 席正铭 (Си Чжэнмин) // https://baike.so.com/doc/9807662-10154475.html.

[2] Сунь Ятсен — Си Чжэнмину, 8 апреля 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 136.

[3] Запись беседы Сунь Ятсена с корреспондентом «Далубао», 26 ноября 1919 г. // ПССОГ. Т. 2. С. 528.

Но одно дело — не разделять идей Октября, совсем другое — надеяться на то, что Советская Россия может помочь китайским революционерам покончить с «гуансийскими бандитами». Неудача миссии Абеля Цао в Берлине не расхолодила надежд Сунь Ятсена на участие заграницы вкупе с Россией.

Вскоре Сунь Ятсену впервые представился удобный случай самому договориться об этом с советским дипломатическим представителем.

Эмиссары Москвы — фиктивные и реальные

Случилось так, что весной–летом 1920 г. в поле зрения Сунь Ятсена впервые появились русские, общаться с которыми раньше ему не доводилось. Этими русскими были бывшие офицеры царской армии — полковник М. Г. Попов и генерал-майор А. С. Потапов.

Ввиду некоторого сходства их фамилий эти две совершенно различных личности нередко путают, приписывая одному высказывания и действия другого.

Так, историк Чжоу Гу, утверждал:

> Потапов счел Сунь Ятсена старомодным милитаристом, полагающим, что не существует иных способов спасения Родины, кроме военной силы[1].

Другой китайский исследователь Ван Гэнсюн сообщал, что «после того, как Попов вернулся в Москву, он специально опубликовал статью под названием “О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской Республики”, в которой он описывал обстоятельства встречи с Сунь Ятсеном в Шанхае»[2].

Между тем «старомодным милитаристом» Сунь Ятсена назвал не Потапов, а Попов, а докладная записка «О докторе Сунь Ятсене» была написана не Поповым, а Потаповым.

Н. М. Потапов (1871–1946)

[1] 周谷。孙中山与第三国际 (*Чжоу Гу*. Сунь Ятсен и Третий Интернационал). 1997. Тайбэй. С. 79.

[2] 王耿雄。孙中山与上海 (*Ван Гэнсюн*. Сунь Ятсен и Шанхай). 1991. Шанхай. С. 152–153.

Кроме того, и отечественные, и зарубежные исследователи зачастую путают генерал-майора А. С. Потапова с генерал-лейтенантом Н. М. Потаповым, известным широкому читателю по фильму «Операция “Трест”».

Между тем, чтобы убедиться в том, что М. Г. Попова и А. С. Потапова невозможно спутать, достаточно познакомиться с донесением американца Дж. Сокольского, служившего в это время секретарем Сунь Ятсена. Будучи в курсе контактов д-ра Суня, Сокольский постоянно информировал о них консульство США, а через него — Госдепартамент.

22 марта 1920 г. Сокольский представил консулу Э. Каннингаму «Меморандум об отношениях между местными китайцами, корейцами и большевиками».

> Генерал Потапов выдает себя за большевика и за жертву, принесенную на алтарь русской революции. На самом деле во время столкновения между Керенским и Корниловым в Петрограде он был на стороне

Memorandum on the relations between the local Chinese, Koreans and the Bolsheviks. March 22, 1920.

CONFIDENTIAL

The Bolshevik propaganda in Shanghai has been slight and without any relations with Moscow. In this work there have been three main factors, viz; General Potapoff, Colonel M.G. Popoff, and the Russian Labor Bureau.

General Potapoff has been posing as a Bolshevik and as a martyr to the cause of the Russian Revolution. As a matter of fact in the Kerensky-korniloff struggle in Petrograd he sided with Korniloff against the revolutionary troops. That is one explanation of his presence in the Far East. He got into trouble in Japan because of his Bolshevik propaganda, but I do not believe that he did much there. He is neurasthenic, has the persecution mania and a gradiose sense of his own importance. He suggested that he was able to communicate with Moscow when even the Vladivostock Zemstvo could not and he is constantly giving persons letters of introduction to Lenine, which sooner or later he withdraws on one pretext or another. He has visited Dr. Sun Yat-sen with whom he discussed plans for co-operation between the Kuomintang and the Bolsheviks, but he had to admit that he had no authority. I offered to assist him if he could show me his credential, but he had no credential. He told me so himself. His big talk is the cause of much of the talk about Bolshevik propaganda in Shanghai. He has been in close relations with General Wang I-tang and the latter's secretary, Mr. Tsao. He has also discussed his plans with General Kao Shih-ping, formerly Chief of Staff of the Tuchun of Kirin. But Kao Shih-ping has neither power nor influence and has disgusted the local people who at first sympathized with him because of his riotous living. General Potapoff is a very intimate friend of Mr. Lyuh, the Korean who visited Mr. Hara in Tokyo recently and who is suspected of being a Japanese agent. Mr. Lyuh claims to be a democrat but there is every reason to believe that he is a friend. Why he and General Potapoff are such close friends is not altogether clear. Potapoff is not to be taken seriously. Nobody does, except newspapermen looking for a Bolshevik story.

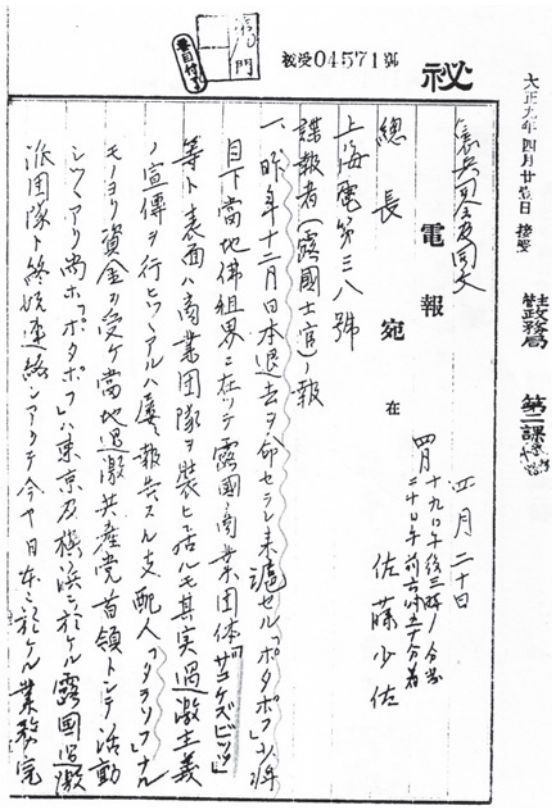
Colonel Popoff is quite a different sort of man. He came here with credentials from the Commander of the Bolshevik troops in the Amur district. I saw the credential and it was bona fide. His mission was of a secret nature and he did not disclose its purport to anyone. He did not engage in propaganda. He did however visit Mr. Tang Shao Yi, who gave him copies of the Sino-Japanese Defense Pact of May 1919 in Chinese. Colonel Popoff reads, writes and speaks Chinese and Japanese and has translated Japanese poems into the Russian. He has been in the old regime army and has been wounded five or six times. He was sent here by Trotsky in 1918 to take over all the property belonging to Russia in the Far East but was captured by the Czechs and imprisoned.

During his visit here this time he saw Dr. Sun Yat-sen who discussed possibilities of co-operation. Colonel Popoff thought that Dr. Sun's plans were impossible of fullfilment. He said that the Bolsheviks were tired of fighting and wanted peace. He characterized Dr. Sun as an old fashioned militarist who saw no way of saving his country except through arms. Colonel Popoff also met Koreans, students and others but his general attitude was to find out what the situation was here. He brought a letter to the Chinese and Korean students from the Russian students in Vladivostock. From his general attitude I assume that Colonel Popoff was sent here to ascertain what the situation and the

Две первые страницы меморандума Сокольского от 22 марта 1920 г.

Корнилова и действовал против революционных войск. В этом — одно из объяснений его появления на Дальнем Востоке. Будучи вовлеченным в большевистскую пропаганду в Японии, он имел там неприятности, однако не думаю, чтобы он предпринял что-нибудь существенное.

Генерал Потапов действительно имел неприятности с японскими властями. Не случайно и в Китае за ним продолжалась слежка, о чем мы можем судить, в частности, по донесению в Токио консула Сато[1]:



Сокольский продолжал:

Он — неврастеник, страдает манией преследования и чрезмерным самомнением о важности собственной персоны. Он высказывается в том

[1] Сато — министру иностранных дел, 20 апреля 1920 г. // Архив министерства иностранных дел Японии. 4-3-2. 1-4-5.

смысле, что может осуществлять контакты с Москвой даже в тех случаях, когда это не в состоянии сделать даже Владивостокское Земство; он то и дело раздает рекомендательные письма к Ленину, которые затем под тем или иным предлогом забирает обратно. Он посетил д-ра Сунь Ятсена, с которым обсуждал планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками. Однако он признает, что не имеет на то полномочий. Я предложил помочь ему при условии, если он предъявит мне свой мандат, но такового у него не оказалось. Он сам сказал мне об этом. Его говорливость стала причиной того, что широко распространились слухи о большевистской пропаганде. <...>

Потапова не следует принимать всерьез, да никто и не принимает, если не считать газетчиков, столь падких на рассказы о большевиках[1].

А. С. Потапов (1872–?)

Иначе характеризует Сокольский М. Г. Попова:

Полковник Попов — человек совершенно иного рода. Он прибыл с мандатом, выданным ему командующим большевистскими войсками в Амурской области. Я видел его мандат, который оказался подлинным. Его миссия носит секретный характер, и он никому не открывает ее цели. <...>

Полковник Попов читает, пишет и говорит по-китайски и по-японски; он переводил на русский язык японскую поэзию. Он служил в армии при старом режиме и был пять или шесть раз ранен. В 1918 году он был послан Троцким для принятия всей собственности, принадлежавшей России на Дальнем Востоке, но был взят в плен чехами и попал в тюрьму[2].

М. Г. Попов (1884–1930)

Нам неоднократно доводилось писать о полковнике Попове[3], но уже после того, как вторая из упомянутых монографий вышла из печати, нам

[1] Ibid.

[2] Ibid.

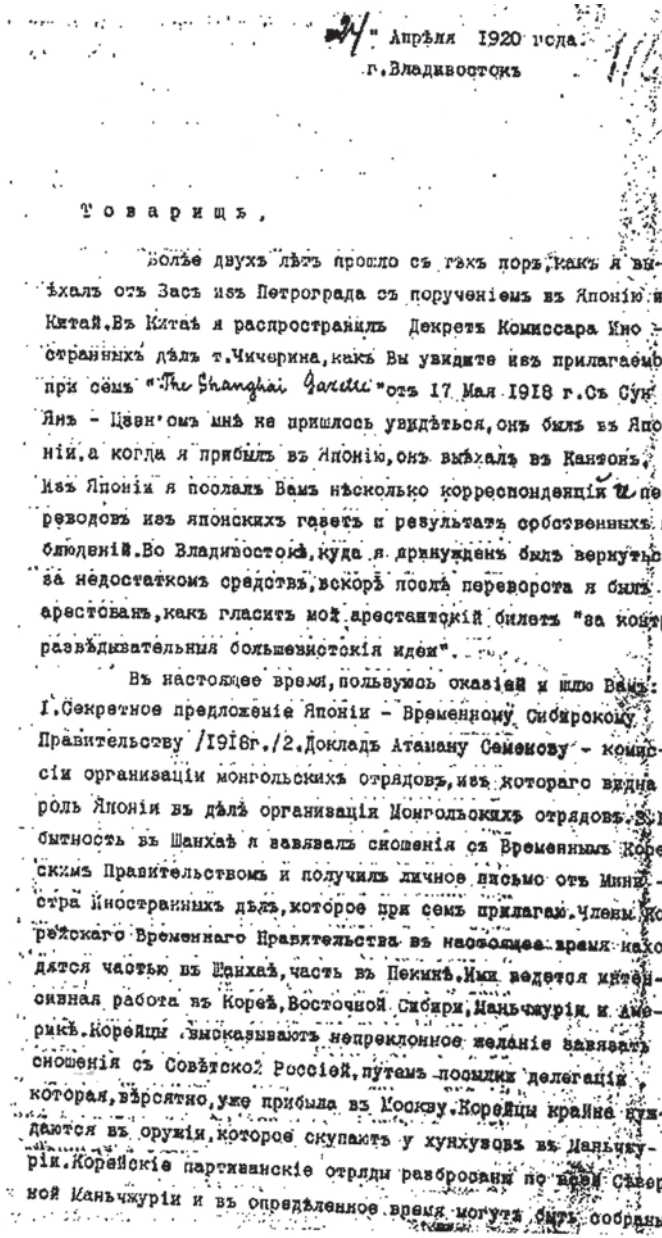
[3] *Крюков М. В.* Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. М. 2000; *Крюков В. М., Крюков М. В.* Весна и осень революционной дипломатии. М. 2015.

ИМѢЕТЪ НАГРАДЫ:

Орденъ Св.Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ	За боевыя отличія противъ Японцевъ пожалованъ 1-го іюля 1904 года.
Орденъ Св.Анны 4-й степени съ надписью "за храбрость"	Тоже,пожалованъ 29-го августа 1904 года.
Орденъ Св.Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.	Т о ж е, пожалованъ 19-го сентября 1904 года.
Орденъ Св.Станислава 2-й степени съ мечами .	Т о ж е, пожалованъ 19-го сентября 1904 года.
Орденъ Св.Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ.	Пожалованъ 18-го марта 1907 года.
Чинъ капитана	За то,что передъ боемъ подъ гор.Гройцы произвелъ рядъ смѣлыхъ и удачныхъ развѣдокъ,приносилъ трофеи,доставалъ плѣнныхъ.Во время развѣдки подъ сел. Варки уничтожилъ офицерскій разъѣзъ и далъ весьма цѣнное свѣдѣніе о переходахъ у сел.Варки передовыхъ частей противника.
Орденъ Св.Анны 2-й степени.	За то,что въ періодъ съ 20-го октября по 1-е декабря 1916 года производилъ развѣдки подъ гор.Бартою,Калишемъ,Козьмино-Турекомъ и Ленчицы и мѣс.Паренчево Подружице,Хута Барзинская на Тушинъ, Ржговъ и Брезинъ.

Из послужного списка полковника М. Г. Попова

На побывке дома с супругой и братьями (1916 г.)



24" Апрѣля 1920 года
г.Владивостокъ

Товарищъ,

Болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,какъ я выѣхалъ отъ Васъ изъ Петрограда съ порученіемъ въ Японію и Китай.Въ Китаѣ я распространилъ Декретъ Комиссара Иностранныхъ дѣлъ т.Чичерина,какъ Вы увидите изъ прилагаемой при семъ "The Shanghai Gazette" отъ 17 Мая 1918 г.Съ Сунъ - Янъ - Цзянъ'омъ мнѣ не пришлось увидѣться,онъ былъ въ Японіи,а когда я прибылъ въ Японію,онъ выѣхалъ въ Кантонъ. Изъ Японіи я послалъ Вамъ нѣсколько корреспонденцій и переводовъ изъ японскихъ газетъ и результатъ собственныхъ наблюденій.Во Владивостокѣ,куда я принужденъ былъ вернуться за недостаткомъ средствъ,вскорѣ послѣ переворота я былъ арестованъ,какъ гласитъ мой арестантскій билетъ "за контръразвѣдывательныя большевистскія идеи".

Въ настоящее время,пользуясь оказіей я шлю Вамъ: 1.Секретное предложеніе Японіи - Временному Сибирскому Правительству /1918г./2.Докладъ Атаману Семенову - комиссіи организаціи монгольскихъ отрядовъ,изъ котораго видна роль Японіи въ дѣлѣ организаціи монгольскихъ отрядовъ.3.Въ бытность въ Шанхаѣ я завязалъ сношенія съ Временнымъ Корейскимъ Правительствомъ и получилъ личное письмо отъ Министра Иностранныхъ дѣлъ,которое при семъ прилагаю.Члены Корейскаго Временнаго Правительства въ настоящее время находятся частью въ Шанхаѣ,часть въ Пекинѣ.Ими ведется интенсивная работа въ Кореѣ,Восточной Сибири,Маньчжуріи и Америкѣ.Корейцы высказываютъ непреклонное желаніе завязать сношенія съ Совѣтской Россіей,путемъ посылки делегаціи, которая,вѣроятно,уже прибыла въ Москву.Корейцы крайне нуждаются въ оружіи,которое скупаютъ у хунхузовъ въ Маньчжуріи.Корейскіе партизанскіе отряды разбросаны по всей Сѣверной Маньчжуріи и въ опредѣленное время могутъ быть собраны

Первая страница письма М. Г. Попова в НКИД от 24 апреля 1920 г.

удалось получить его личное дело, хранящееся в Российском государственном Военно-историческом архиве.

В этом перечне боевых наград М. Г. Попова не упомянут полученный им позже Георгиевский крест с золотым оружием (см. с. 354).

Главное же — благодаря любезной помощи посла РФ в КНР А. И. Денисова мы познакомились с еще одним важным документом – датированным 24 апреля 1920 г. письмом М. Г. Попова в Наркоминдел, содержащим ранее неизвестные нам детали его пребывания в Шанхае – в 1918 г., когда он был назначен советским консулом, но в силу объективных обстоятельств так и не смог приступить к исполнению своих служебных обязанностей, и в начале 1920 г., когда он вел переговоры с Сунь Ятсеном.

Переговоры на улице Мольера

Михаил Георгиевич Попов был профессиональным военным, полковником царской армии, в 1918 г. избранным полковым командиром, после заключения Брестского мира откомандированным в распоряжение Наркоминдела и после этого направленным в Китай, чтобы занять пост консула РСФСР в Шанхае. Кроме того, как явствует из вышеупомянутого письма, он имел поручение встретиться с Сунь Ятсеном — это была первая попытка НКИД установить личный контакт с лидером китайской революции, только что направившим свое послание советским руководителям.

Однако предполагавшееся признание Советской России Китаем не состоялось, и Попов был вынужден вернуться во Владивосток, где на несколько лет задержался из-за стремительно развивавшихся событий гражданской войны. Весной 1920 г. он вновь оказался в Шанхае с мандатом, выданным ему «розовым правительством» — Приморской областной управой. На этот раз первоначальное задание было выполнено: в Шанхае состоялись переговоры Попова с Сунь Ятсеном. Донесения присутствовавшего на этих встречах американца Дж. Сокольского, хранящиеся в Национальном архиве США, и письмо Попова от 24 апреля 1920 г. являются сегодня главными источниками, позволяющими восстановить ход и итоги переговоров.

Чтобы расположить к себе собеседника, Сунь Ятсен заверил его, что является поборником советского общественного строя, и у Попова сначала сложилось превратное представление о том, что «Сунь – сторонник

советской организации и высказывается за установление Советов повсеместно в Китае, сначала во внутренних провинциях с постепенным продвижением к морю, дабы поставить иностранцев лицом к лицу с совершившимся фактом»[1].

Кабинет Сунь Ятсена на Rue Moliere, 29, где проходили его переговоры с М. Г. Поповым (фото А. И. Денисова)

Но после того как Сунь Ятсен изложил суть предложений, обращенных к Москве, мнение Попова о нем резко изменилось.

Сокольский писал:

> Д-р Сунь неоднократно говорил мне, что он собирается силой оружия уничтожить гуансийцев на Юге. То же самое он сообщил большевистскому представителю в Китае Попову. Он спросил большевика, сможет ли Москва помочь ему и в этой операции. <...>
>
> Попов спросил его, почему он не планирует военные действия прежде всего против ориентирующихся на Японию Маленького Сюя и Дуань Цижуя. Д-р Сунь ответил, что прежде всего следует очистить от милитаристов Юг. После этого он предпримет поход на Север.
>
> Попов спросил его, не допускает ли он, что аньфуисты сначала используют его в своих целях, а когда он поможет им уничтожить [милитаристов] Юга, они уничтожат его самого?
>
> Он ответил, что это невозможно, так как он обладает более значительными силами[2].

Какими именно силами, по словам Сунь Ятсена, он располагал, мы узнаём из письма Попова:

> Войска его расположены главным образом в провинциях Сычуань, Шаньси и Шэньси и общее количество их достигает 150 000. Сунь заявил, что у него нет недостатка в людях, но недостаток вооружения. Необходимы 75000 винтовок, патроны, тяжелая артиллерия, аэропланы

[1] Попов — НКИД, 24 апреля 1920 г. // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года. Судьбы русской и советской дипломатии. Фонд Л. М. Карахана. Опись 3. П. 1. Дело 7. С. 116а.

[2] Report by Sokolsky, June 1, 1920 // United States Military Intelligence Reports. No. 2566.

и автомобили. Сунь настроен воинственно и полагает, что он постепенно разобьет главных своих противников:

а/ на юге — Лу [Жунтин]. Генерал Лу (бывший хунхуз) — сильный противник Суня на Юге занял в настоящее время Гуандун и Гуанси, нанеся поражение войскам Суня, которые были в провинции Гуандун.

б/ на севере — Чжан Цзолинь (Мукденский). <...> Японофил, хотя за последнее время отношения его с японцами стали портиться.

в/ в Монголии — генерал Сюй [Шучжэн] — японофил[1].

При этом Сунь Ятсен добавлял, что он «для своей армии намерен пригласить инструкторов и техников из Германии»[2].

«Полковник Попов пришел к выводу, что планы д-ра Суня неосуществимы, — писал Сокольский. — Он сказал, что большевики устали от войны и хотят мира»[3].

Общее впечатление, которое Попов вынес из встречи с Сунь Ятсеном, было более чем негативным:

Он охарактеризовал д-ра Суня как старомодного милитариста, который не видит иного пути спасения своей Родины, кроме военного[4].

Нам уже приходилось писать о том, что полковник Попов был первым, назвавшим Сунь Ятсена «милитаристом». Позднее д-ра Суня примерно в тех же выражениях характеризовали многие советские деятели. Вот несколько примеров.

А. А. Иоффе:

Основная позиция Суня: революцию в Китае можно сделать только военной силой[5].

Г. Н. Войтинский:

До сих пор партия Гоминьдан не сделалась еще национальной политической организацией, а продолжает действовать как одна из милитаристских групп[6].

С. И. Слепак:

До сих пор Сунь Ятсен увлекается военными авантюрами <...> Для многих Гоминьдан не отличается от других милитаристских клик в Китае[7].

Р. Шиллер и С. А. Далин:

---

[1] Попов — в НКИД, 24 апреля 1920 г. // АВП. Фонд 51б. Пор. 2211. Папка 53. С. 116а.

[2] Там же.

[3] Memorandum by Sokolsky, March 30, 1920 // USDS. 761.93/142.

[4] Ibid.

[5] Иоффе — Чичерину, 17 октября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2194. С. 141.

[6] Войтинский — Сафарову, 8 марта 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 41. С. 33.

[7] Слепак — Войтинскому, 25 ноября 1923 г. // Там же. Д. 42. С. 54.

Гоминьдан оказался без социальной базы и вынужден был пойти по бесплодному пути только милитаристских комбинаций[1].

Л. Д. Троцкий:

Пока Сунь Ятсен занимается исключительно военными операциями, в глазах китайского рабочего, крестьянина, ремесленника и мелкого торговца он кажется таким же милитаристом, как милитаристы Севера Чжан Цзолинь и У Пэйфу[2].

Сунь Ятсен, поразмыслив, прислушивается к мнению Попова

Во время встречи с полковником Поповым Сунь Ятсена не убедили высказанные русским опасения относительно того, не воспользуются ли северные милитаристы его планом «сначала покончить с гуансийскими бандитами и лишь после этого осуществить поход на Север».

Через несколько дней после переговоров с Поповым Сунь Ятсен писал одному из своих респондентов:

Если уж говорить о спасении страны, то корень зла тут в творящих зло [гуансийских] наемниках, и их нужно уничтожить в первую очередь.

Кое-кто полагает, что намерение в первую очередь покончить с наемниками [на Юге] может иметь своим следствием раскол наших рядов и позволит врагам воспользоваться этим. Они считают, что [немедленный] поход на Север позволит нам завоевать поддержку большинства населения. <...>

Но если внутренняя смута не преодолена, то невозможно воспрепятствовать внешней опасности[3].

Сунь Ятсен разъяснял тому же адресату:

Нынешний план состоит в том, что нужно вступить в диалог с Севером. Но есть несколько северных военных деятелей, с которыми можно контактировать: или пойти на союз с аньфуистами против Чжили, либо договариваться с Чжили против аньфуистов. <...>

Я считаю, что главное преступление, заключающееся в отказе от конституции и предательстве Родине, совершили люди из Чжили, а аньфуисты лишь были с ними заодно. Если сейчас приходится в силу обсто-

[1] Шиллер и Далин — в ЦК Китайского союза молодежи, 31 мая 1923 г. // Там же. Д. 75. С. 19.

[2] Докладная записка Барановского о посещении делегацией партии Гоминьдан Л. Д. Троцкого, 27 ноября 1923 г. // Там же. Д. 49. С. 23.

[3] Сунь Ятсен — Ван Вэньхуа, 26 марта 1920 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 200.

ятельств иметь с ними дело, нужно выбрать какую-то одну сторону, на которую в большей степени можно положиться, поскольку она менее коварна. <...>

Именно это я имел в виду, идя на контакт с Дуань Цижуем[1].

Однако, судя по всему, мысли Сунь Ятсена вновь и вновь возвращались к сказанному Поповым. Только этим можно объяснить тот факт, что вскоре Сунь Ятсен начинает обдумывать план похода против Пекина — очередной вариант своего «Северо-Западного плана».

В начале августа 1920 г. в Шанхай прибыл из Благовещенска некто Лю Цянь, он же Федор или Федоров — один из руководителей организации китайских иммигрантов, созданной на советском Дальнем Востоке и получившей претенциозное наименование «Китайской коммунистической партии Амурской области». В своем отчете Амурскому обкому ВКП(б) Лю Цянь сообщал, что его пребывание в Шанхае завершилось заключением соглашения с Сунь Ятсеном.

Лю Цянь докладывал в обком:

По прибытии в Шанхай я первым долгом встретился с известным китайским социалистом Сунь Ятсеном, ныне ставшим во главе революционного движения на Юге, с которым я имел переговоры, сущность коих и мое заключенное с ним соглашение состоят в следующем:

А) Немедленное объединение революционных китайских сил, находящихся на территории Южного Китая, Центральной России и Дальнего Востока, дабы совместно — в полном контакте могли подготовить почву для выступления против существующего на Севере реакционного правительства.

Б) Для этого необходимо иметь руководящий центр на территории Дальнего Востока, откуда будут даны директивы как Югу, так и организациям, находящимся в Советской России.

В) Местом концентрации войск, имеющихся в Советской России, и Южного Китая намечена провинция Синьцзян, на границе Семипалатинской и Семиреченской областей, что около Китайского Туркестана, где и в настоящее время идет частичная вербовка добровольцев. По стратегическим соображениям это место является одним из лучших, откуда бы могли свободно двинуть войска на Север. Переговоры относительно слияния войск уже велись китайскими войсками в Центральной России с главой Юга — Сунь Ятсеном. Первые изъявили полное свое согласие выступить в полном контакте с Югом.

[1] Сунь Ятсен — Ван Вэньхуа, 27 марта 1920 г. // Там же. С. 202.

Для живой связи с Сунем делегируются в Москву два представителя, которые ожидаются здесь в ближайшем будущем. Они намерены пробыть в Благовещенске некоторое время и вести на месте пропагандистскую работу [как] среди рабочей массы, так и среди китайских войск.

Г) Широко поставить издательское дело, для чего необходимо организовать в Шанхае типографию[1].

Таким образом, в августе 1920 г. во время переговоров с представителем Благовещенска Сунь Ятсен сформулировал очередной, третий вариант своего «Северо-Западного плана», главной целью которого было свержение пекинского правительства. Осуществить эту задачу он предполагал как за счет частей Красной Армии, так и военных формирований китайских добровольцев, проживавших в России. Именно последние имел в виду Лю Цянь, когда он упоминал о «революционных китайских силах», находящихся на территории Центральной России и Дальнего Востока.

Когда Лю Цянь отправился обратно в Благовещенск, вместе с ним для уточнения деталей операции Сунь Ятсен послал своего представителя Ли Чжанда.

Ли Чжанда (1890–1953)

Во время пребывания в Благовещенске Ли Чжанда встречался не только с руководителями Амурской области, но и с приехавшим из Москвы К. Н. Соколовым-Страховым; тот после этого сам побывал в Шанхае. Из бесед с Ли Чжанда (его в своем докладе он называет Лизуитаном) Соколов-Страхов следующим образом уяснил себе цели, которые в это время ставил перед собой Сунь Ятсен (не будучи достаточно осведомлен о сложившейся на Юге ситуации, он писал о единстве политических устремлений д-ра Суня и Военного правительства, с которым его бывший глава не только решительно порвал, но и планировал его скорейшее свержение):

Первой задачей партии Гоминьдан и кантонского правительства является уничтожение феодализма в стране. Этого, по их мнению, можно

[1] Доклад Лю Цяня в Амурский областной комитет РКП (б), 5 октября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 106. С. 4.

достигнуть только лишь путем гражданской войны, в результате которой, они уверены, должен быть неминуемый разгром пекинского милитаристического правительства[1].

Соответственно излагает Соколов-Страхов предложения, которые сформулировал ему Сунь Ятсен:

Военный договор, который мыслил заключить д-р Сунь Ятсен, сводился к тому, чтобы Красная Армия начала свое наступление весной со стороны русского Туркестана на Синьцзян в направлении на главный город юго-западной китайской провинции Сычуань. В этой провинции, по словам Лизуитана, числилось около 40 тысяч членов партии Гоминьдан, которые подготовлены к такому обороту дел и с радостью встретят Красную Армию[2].

Тем временем пребывание Ли Чжанда в Благовещенске оказалось безрезультатным. О своей поездке он рассказал в отчете, из которого следует, что его миссия завершилась неудачей:

Внимательно проанализировав ситуацию, я пришел к выводу, что русские не разрешат Лю [Цяню] осуществить набор добровольцев. К тому же он оказался не тем человеком, которому можно было доверять. Я опасался, что он обманет меня, но действовать самостоятельно не мог. Тогда я решил ехать в Москву. <...>

Я обратился в Комиссариат внешних сношений с просьбой выдать мне визу для поездки в Москву, но русские не дали на это разрешения, и поездка сорвалась[3].

Не исключено, что узнай в Москве о «Северо-Западном плане» Сунь Ятсена годом раньше, его цель, быть может, была бы достигнута.

Но теперь Троцкий вдруг сам дезавуировал высказанную им самим идею о том, что до Лондона Красной Армии проще всего добраться не иначе, как через Бомбей:

Годом раньше Троцкий, пожалуй, поддержал бы план Сунь Ятсена

До упрочения положения на Западе и улучшения нашего промышленного и транспорт-

[1] Доклад К. Н. Соколова-Страхова, 21 апреля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 8. С. 7.

[2] Там же.

[3] 李章达。视察新俄日记 (*Ли Чжанда*. Дневник поездки в новую Россию) // Чжунго гоминьдан тунсюнь. 1921. № 64. С. 95.

ного состояния советская экспедиция на Востоке может оказаться не менее опасной, чем война на Западе[1].

Сунь Ятсен и генерал Потапов

Джорж Сокольский считал генерала Потапова не вполне психически здоровым человеком. Такого же мнения придерживались практически все, кому когда-либо доводилось иметь с ним дело.

Характеристика, данная Потапову Сокольским, была вполне адекватна

Бывший член Уфимской директории генерал В. Г. Болдырев во время пребывания в Японии вспоминал: «После завтрака в весьма растерзанном виде, с неизменным голубым галстуком на шее вбежал только что прибывший из Владивостока генерал Потапов. <...> Утомил меня нескончаемой беседой»[2].

Прибалтийский генерал-губернатор П. Г. Курлов утверждал, что в 1912 г. Потапов был уволен в запас по причине «умственного помешательства»; генерал П. И. Аверьянов говаривал о Потапове, что это «был просто больной, ненормальный и почти невменяемый человек, с которым военный министр А. И. Гучков не знал впоследствии, как и разделаться, как его сплавить не только из Петрограда, но даже вообще из России»; министр в правительстве адмирала Колчака А. П. Будберг, которому Потапов, не жалея красок, живописал «свои богатства и свою великую революционную роль», счел его «полусумасшедшим авантюристом»; на рижских журналистов он произвел впечатление «не то психически больного человека, не то ловкого авантюриста»[3].

Все вышеприведенные штрихи создают вполне определенный образ, весьма близкий к нарисованному Сокольским: назойливая болтливость,

[1] Цит. по: *Персиц М. А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920–1921. М. 1996. С. 11.

[2] *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новосибирск. 1925. С. 195.

[3] *Дамье В.* Русский генерал и китайские радикалы // Россия и современный мир. 2018. № 3(100). С. 32, 34, 45.

неуемное самомнение, постоянное стремление преувеличенно подчеркивать свою роль во всем, что происходит вокруг.

Только этим можно объяснить парадокс: Потапов встречался с Сунь Ятсеном и «обсуждал с ним планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками», однако д-р Сунь не посвятил его в свой «Северо-Восточный план». Судя по всему, Сунь Ятсен, умевший разбираться в людях, сразу разглядел в нем пустослова и хвастуна и не счел возможным делиться с ним своими сокровенными мыслями. Не случайно и о Сокольском, и о Сунь Ятсене у генерала Потапова сложилось весьма негативное мнение (после возвращения в Москву первого он называл не иначе как «ярым врагом советской власти», а второго всячески порицал за то, что он отказался передать через Потапова письмо Ленину).

Поразительно, но факт: Чэнь Цзюнмина, в это время успешно занимавшегося в Чжанчжоу социальными реформами, Потапову удалось обвести вокруг пальца. После переговоров с «посланцем Ленина» Чэнь Цзюнмин попросил его передать вождю мирового пролетариата письмо, которое и было благополучно доставлено в Москву:

> На днях генерал Потапов прибыл сюда и виделся со мной. Он ознакомился с нашим положением и рассказал мне о положении новой России и путях распространения принципов самоопределения. Это доставило мне огромное наслаждение. Я глубоко верю в исключительное сочувствие, проявленное новой Россией к китайскому народу, и в помощь нашему грядущему революционному движению в его различных видах[1].

Попался на потаповскую удочку и Ли Лецзюнь, встреча с которым произошла в Гонконге. Здесь «посланец Москвы» получил на руки «Обращение к советскому народу»:

> С истинным удовольствием мы пользуемся случаем проезда генерала Потапова через Гонконг, чтобы к вам обратиться с нижеследующими строками, стремясь к тому, чтобы завязать связь и войти в сношения с русским народом и его представителями и установить прочные отношения.

Оба эти письма для Потапова были на вес золота. Теперь он мог возвращаться в Россию — не с пустыми руками, а будучи в состоянии предъявить любому желающему зримые свидетельства его кипучей революционной деятельности на Дальнем Востоке.

В Наркоминделе Потапов предъявил большую папку с самыми различными материалами.

---

[1] Чэнь Цзюнмин — Ленину, май 1920 г. // Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М. 1959. С. 50.

Среди них помимо газет и фотографий были прокламации, составленные Чэнь Цзюнмином якобы при участии Потапова для распространения 1 мая 1920 г. среди войск и населения Южного Китая; письмо Чэнь Цзюнмина проживающим в РСФСР китайцам, письмо Ли Лецзюня Потапову и т. д. Письмо Чэнь Цзюнмина Ленину венчало всё это обширное собрание.

Не было в нем только письма Сунь Ятсена, заполучить которое так хотелось генералу.

Но и без него Потапов добился желаемого.

Мистифицировав китайских прогрессивных деятелей, он сумел одурачить и советских руководителей, поверивших в то, что перед ними пусть в прошлом и царский генерал, но безоговорочно вставший в ряды трудового народа. В конечном счете в Наркоминделе пришли к выводу о том, что «деятельность Потапова признана Советской властью крайне полезной»[1].

Письмо Ленину и другие сочинения генерала Потапова

21 октября 1920 г. Потапов написал письмо Ленину.

Послушать Потапова, так картина его революционной деятельности получалась действительно внушительная.

Оказывается, именно ему Ленин и его соратники были обязаны своим спасением в предоктябрьские дни:

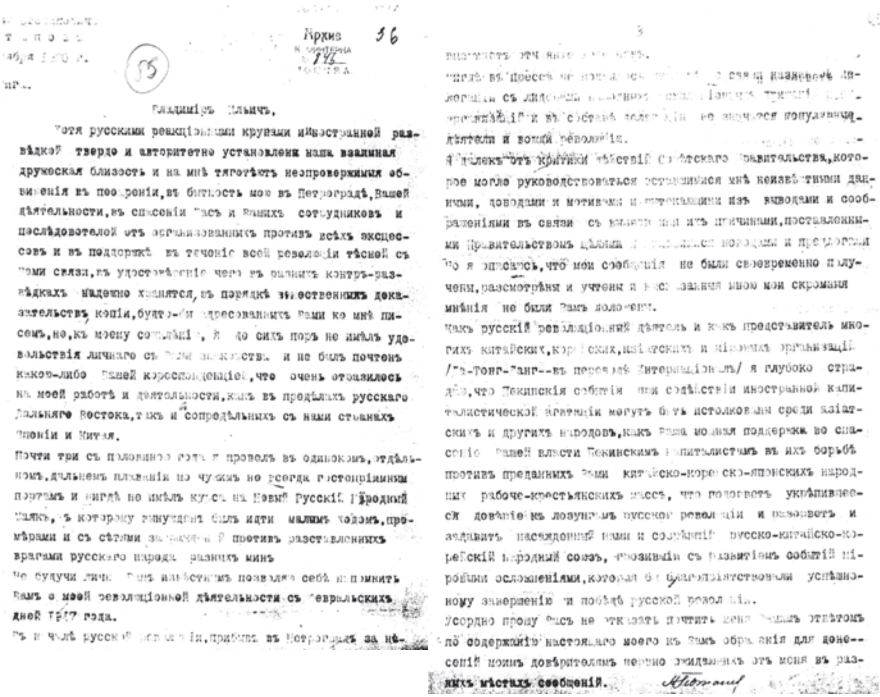
> Хотя русскими реакционными кругами и иностранной разведкой твердо и авторитетно установлена наша взаимная дружеская близость и на мне тяготеют неопровержимые обвинения в поощрении, в бытность мою в Петрограде, Вашей деятельности, ***в спасении Вас и Ваших сотрудников и последователей от организованных против всех эксцессов***[2] и в поддержке в течение всей революции тесной с Вами связи, в удостоверение чего в разных контрразведках надежно хранятся, в порядке вещественных доказательств, копии будто бы адресованных ко мне писем, но, к моему сожалению, я до сих пор не имел удовольствия личного с Вами знакомства и не был почтен какою-либо Вашей корреспонденцией, что очень отразилось на моей работе и деятельности как в пределах русского Дальнего Востока, так и в сопредельных с нами странах Японии и Китая[3].

---

[1] *Дамье В.* Русский генерал и китайские радикалы. С. 46.

[2] Курсив наш.

[3] Потапов — Ленину, 21 октября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. С. 36.



Владимiръ Ильичъ,

Хотя русскими реакцiонными кругами иностранной развѣдкой твердо и авторитетно установлена наша взаимная дружеская близость и на мнѣ тяготѣютъ неопровержимыя обвиненiя въ поощренiи, въ бытность мою въ Петроградѣ, Вашей дѣятельности, въ спасенiи Васъ и Вашихъ сотрудниковъ и послѣдователей отъ организованныхъ противъ всѣхъ эксцессовъ и въ поддержкѣ въ теченiе всей революцiи тѣсной съ Вами связи, въ удостовѣренiе чего въ разныхъ контръ-развѣдкахъ надежно хранятся, въ порядкѣ вещественныхъ доказательствъ, копiи, будто-бы адресованныхъ Вами ко мнѣ писемъ, но, къ моему сожалѣнiю, я до сихъ поръ не имѣлъ удовольствiя личнаго съ Вами знакомства и не былъ почтенъ какой-либо Вашей корреспонденцiей, что очень отразилось на моей работѣ и дѣятельности, какъ въ предѣлахъ русскаго Дальняго Востока, такъ и сопредѣльныхъ съ нами странахъ Японiи и Китая.

Почти три съ половиною года я провелъ въ одинокомъ, отдѣльномъ, дальнемъ плаванiи по чужимъ не всегда гостепрiимнымъ портамъ и нигдѣ не имѣлъ курса на Новый Русскiй Народный Маякъ, къ которому вынужденъ былъ идти малымъ ходомъ, промѣрами и съ сѣтями [illegible] противъ разставленныхъ врагами русскаго народа разныхъ минъ.

Не будучи лично Вамъ извѣстнымъ позволяю себѣ напомнить Вамъ о моей революцiонной дѣятельности съ Февральскихъ дней 1917 года.

Въ началѣ русской революцiи, прибывъ въ Петроградъ за нѣ-

3

[illegible]

[illegible] въ прессѣ [illegible] связи назначенiя [illegible] съ лидерами [illegible] Гоминдана [illegible] организацiи и въ составѣ делегацiи не значатся популярные дѣятели и вожди революцiи.

Я далекъ отъ критики дѣйствiй Совѣтскаго Правительства, которое могло руководствоваться оставшимися мнѣ неизвѣстными данными, доводами и мотивами и вытекающими изъ [illegible] выводами и соображенiями въ связи съ [illegible] ихъ причинами, поставленными Правительствомъ цѣлями [illegible] и предлогами, но я опасаюсь, что мои сообщенiя не были своевременно получены, разсмотрѣны и учтены и высказанныя мною мои скромныя мнѣнiя не были Вамъ доложены.

Какъ русскiй революцiонный дѣятель и какъ представитель многихъ китайскихъ, корейскихъ, азiатскихъ и мiровыхъ организацiй /Та-Тонг-Данг--въ переводѣ Интернацiоналъ/ я глубоко страдаю, что Пекинскiя событiя при содѣйствiи иностранной капиталистической агитацiи могутъ быть истолкованы среди азiатскихъ и другихъ народовъ, какъ Ваша молчаливая поддержка во спасенiе [illegible] Вашей власти Пекинскимъ капиталистамъ въ ихъ борьбѣ противъ преданныхъ Вами китайско-корейско-японскихъ народныхъ рабоче-крестьянскихъ массъ, что подорветъ укрѣпившееся довѣрiе къ лозунгамъ русской революцiи и разорветъ и задавитъ насажденный нами и созрѣвшiй русско-китайско-корейскiй народный союзъ, грозившiй съ развитiемъ событiй мiровыми осложненiями, которыя бы благопрiятствовали успѣшному завершенiю и побѣдѣ русской революцiи.

Усердно прошу Васъ не отказать почтить меня Вашимъ отвѣтомъ по содержанiю настоящаго моего къ Вамъ обращенiя для донесенiй моимъ довѣрителямъ нервно ожидающимъ отъ меня въ разныхъ мѣстахъ сообщенiй.

Первая и последняя страницы письма Потапова Ленину
от 21 октября 1920 г.

А в Китае, по словам Потапова, он стал едва ли не ключевой фигурой всей революционной деятельности в этой стране:

> За протекший промежуток времени моих настойчивых, вызывавших в отношении меня эксцессы союзников, попыток установления с Вами связи моих доверителей, из бесед с Вашими представителями, из полученных мною сообщений из России и с Дальнего Востока и из прессы мною установлено, что с отъездом моим из Китая лидеры революционных движений, в надежде на успех моей и моих сотрудников миссий и уверенные в Вашем им сочувствии, смело перешли к активным против Пекина действиям, схема которых мною была одобрена, и, при обозначившемся организацией борьбы несомненном успехе народных масс, союзные и даже японские войска приняли нейтралитет[1].

[1] Там же. С. 40.

Помимо письма Ленину Потапов представил в НКИД еще три записки: «Современное положение в Китае»[1], «Краткий обзор современных политических партий, обществ и союзов в Китае и отношения их и населения разных частей Китая к РСФСР»[2] и «О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской республики»[3].

Побочный эффект

Начиная с первых месяцев после Октября большевики настойчиво искали контактов с Сунь Ятсеном, которого считали главной фигурой народно-освободительного движения в Китае.

Как явствует из письма М. Г. Попова в НКИД, направляясь в Шанхай весной 1918 г., он имел предписание встретиться с Сунь Ятсеном. Но эта встреча не состоялась, потому что Сунь Ятсена в тот момент в Шанхае не было[4].

Г. В. Чичерин (1882–1936)

В августе 1918 г. наркоминдел Г. В. Чичерин направил Сунь Ятсену письмо, в котором чрезвычайно высоко оценивал его вклад в дело китайской революции и даже называл его «Учителем».

Чичерин писал Сунь Ятсену:

> Дорогой д-р Сунь Ятсен,
>
> Совет Народных Комиссаров дал нам почетное задание благодарить Вас, уважаемый Учитель, за приветствие, присланное несколько месяцев назад Рабоче-крестьянскому правительству от имени Южно-Китайского парламента, и приветствовать Вас как вождя китайской революции и как человека, который с 1911 года в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей — северокитайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств.

[1] РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. С. 19–23.

[2] Там же. С. 24–33.

[3] Там же. С. 34–36.

[4] Попов — в НКИД, 24 апреля 1920 г. С. 116а.

Вы, уважаемый Учитель, некоторое время назад в приветствии Рабоче-крестьянскому правительству России указали, что у русской и китайской революции одни и те же цели и что они клонятся к освобождению рабочих и к установлению прочного мира, основывающегося на признании общих интересов двух великих пролетариатов, русского и китайского.

Эта великая задача, понимаемая нами как установление всеобщего мира в результате всеобщего братства трудящихся классов этих наций, была основой всей деятельности Рабоче-крестьянского правительства с момента, когда власть перешла из рук буржуазного правительства в руки народа. Эта наша программа выражена в «Декрете о мире», который, уважаемый Учитель, известен Вам, и она повторена в нашей декларации относительно народов Востока, зачитанной на Пятом Всероссийском Съезде Советов.

Мы тоже, как и Вы сами, сталкиваемся с беспримерными трудностями на нашем пути. Окруженные стальным кольцом штыков империалистических правительств, наемников буржуазии, — чехословацких орд и русской буржуазии, стремящихся восстановить монархию в России, мы отрезаны от наших друзей, южнокитайского пролетариата. В течение двух месяцев связь с Вами была прервана.

На Дальнем Востоке распространяются лживые слухи нашими общими врагами через прессу, развращенную банками и капиталистами, слухи, цель которых — скрыть от китайского народа правду, что Рабоче-крестьянское правительство живет и ведет мощную и неустанную борьбу, теперь, как и прежде, неся знамя победы пролетариата над мировой буржуазией и европейскими ворами и грабителями.

Наша участь горька и борьба неравная. В этот час испытания, когда империалистические правительства протягивают свои жадные руки с востока и с запада, с севера и с юга, чтобы сокрушить русскую революцию и отнять у русских крестьян и рабочих то, что они завоевали для себя такой революцией, какую мир никогда раньше не видел, когда к этим грабителям готово присоединиться правительство Пекина, созданное там иностранными банкирами, в этот момент русские трудящиеся классы обращаются к их китайским братьям и призывают их к совместной борьбе. Ибо наш успех есть ваш успех, наше уничтожение есть ваше уничтожение. Сомкнем теснее наши ряды в великой борьбе за общие интересы пролетариата всего мира!

Да здравствует трудящийся китайский крестьянин!

Да здравствует китайский рабочий!

Да здравствует союз между русским и китайским пролетариатами!

С нашими самыми искренними пожеланиями счастья и процветания китайским трудящимся классам и их уважаемому Учителю д-ру Сунь Ятсену,

Г. Чичерин[1]

Однако ответа на свое послание нарком Чичерин так и не получил.

Не реагировал Сунь Ятсен и на «Обращение Советского правительства к народам и правительствам Южного и Северного Китая» от 26 июля 1919 г. («Первую Декларацию Карахана»).

По поручению Советского правительства в июле 1920 г. два послания Сунь Ятсену были направлены в Шанхай председателем «Союза китайских рабочих в России» Лю Цзэжуном.

Лю Цзэжун (1892–1970)

В первой телеграмме говорилось:

Третий всероссийский съезд китайских рабочих, представляющий многие десятки тысяч рабочих, разобщенных со своей Родиной и в силу указанного обстоятельства лишенных возможности принять непосредственное участие в строительстве нового Китая, но с энтузиазмом следящих за Вашей неутомимой и энергичной деятельностью, принял решение об избрании Вас своим почетным председателем, наряду с вождем мирового освободительного движения Лениным.

Съезд принял решение пригласить Вас приехать в Россию с тем, чтобы дать нам возможность непосредственно ознакомиться с идеями главы китайской революции[2].

Эта телеграмма была оставлена Сунь Ятсеном без ответа.

Текст второго обращения:

Шанхай, господину Сунь Ятсену для всех китайцев, всех общественных организаций, обществ и политических партий.

Сто тысяч эмигрантов, живущих в России и Сибири, избрали своих делегатов на III Всероссийский съезд китайских рабочих, который решил обратиться с телеграммой-обращением к своим соотечественникам:

---

[1] Чичерин — Сунь Ятсену, 1 августа 1918 г. // Документы внешней политики СССР. М. 1957. С. 415–416.

[2] АВП СССР. Ф. 04. П. 455. Д. 62499. С. 2. В черновом варианте телеграммы последняя фраза гласила: «приехать в Россию с тем, чтобы Вы получили возможность непосредственно познакомиться с великими идеями русской революции» (правка рукой Г. В. Чичерина).

1. Мы призываем всех соотечественников обединиться и оказать всемерную помощь революционной деятельности китайской молодежи, направленной на уничтожение своих врагов — империалистической агрессии и капиталистического деспотизма.
2. Мы призываем Китай немедленно признать рабоче-крестьянскую республику, которая возглавляет угнетенные народы в их совместной борьбе за свободу. Мы призываем также нашу страну ни в коем случае не оказывать помощи державам, выступающим против России.
3. Мы призываем нашу страну послать официальную полномочную делегацию в Россию для установления дружественных отношений. Это вопрос первостепенной важности для Китая, и его ни в коем случае нельзя откладывать.
4. Мы просим также срочно принять меры к тому, чтобы китайские эмигранты, желающие вернуться на Родину, могли бы, сделав соответствующее заявление, в любое время беспрепятственно вернуться в Китай. Заранее приносим благодарность[1].

В ответной телеграмме Сунь Ятсен писал:

> Телеграмма от 5 июля, отправленная «Союзом китайских рабочих» в Москве, получена в Шанхае 10 июля и должным образом доведена до сведения страны.
>
> Однако позвольте мне заметить, что в настоящий момент Китай является республикой чисто номинально, политическая власть находится в руках монархистов и милитаристов, народ не является свободным.
>
> Прежде чем четвертый пункт вашей телеграммы может быть осуществлен, необходима еще одна революция, которая лишила бы эти группировки власти <...>[2].

Всё это говорило не в пользу Сунь Ятсена.

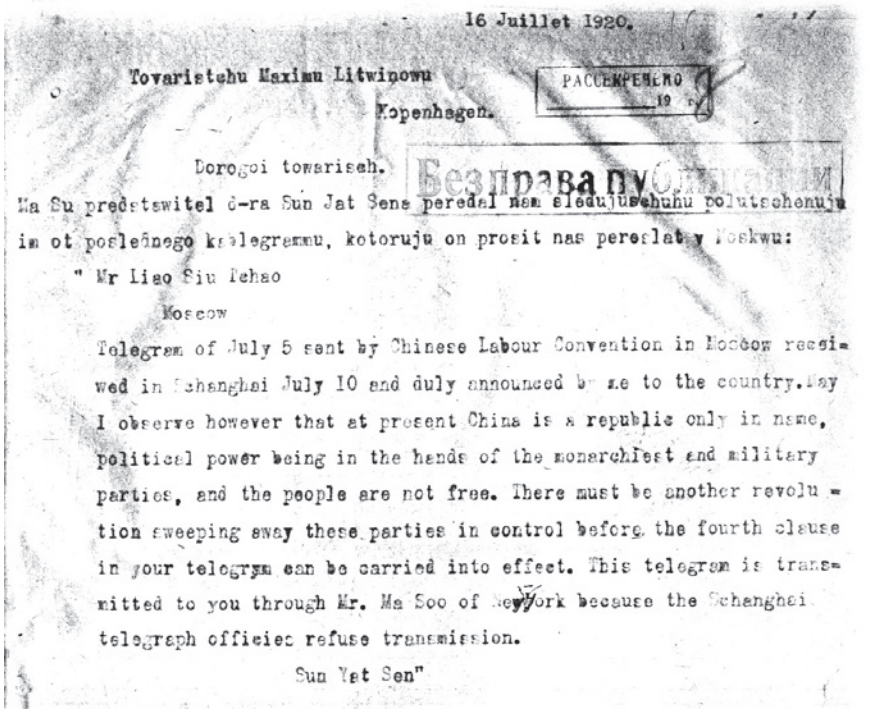
В октябре 1920 г. Чичерин снова пишет Сунь Ятсену, но говорит на этот раз не о перспективах мировой революции, а лишь о желательности налаживания торговых отношений между РСФСР и Китаем.

При этом в годовом отчете Народного комиссариата иностранных дел РСФСР VIII съезду Советов за 1919–1920 гг. Чичерин упоминал

---

[1] Цит. по: *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 254–255.

[2] Цит. по: *Хусейнов С. С.* Новый документ революционной солидарности советского и китайского народа // Народы Азии и Африки. 1963. № 1. С. 73.



16 Juillet 1920.

Tovaristchu Maximu Litwinowu

Kopenhagen.

РАССЕКРЕЧЕНО

Dorogoi towarisch.

Ma Su predstawitel d-ra Sun Jat Sena peredal nam sledujuschuhu polutschenuju im ot poslednego telegrammu, kotoruju on prosit nas perestat w Moskwu:

" Mr Liao Siu Tehao

Moscow

Telegram of July 5 sent by Chinese Labour Convention in Moscow received in Schanghai July 10 and duly announced by me to the country. May I observe however that at present China is a republic only in name, political power being in the hands of the monarchiest and military parties, and the people are not free. There must be another revolution sweeping away these parties in control before the fourth clause in your telegram can be carried into effect. This telegram is transmitted to you through Mr. Ma Soo of Newyork because the Schanghai telegraph officies refuse transmission.

Sun Yat Sen"

Текст ответа Сунь Ятсена на обращение III съезда китайских рабочих в России

о попытках установить связи не только с Сунь Ятсеном, но и с «видными демократическими деятелями Севера»[1].

В этих условиях характеристика, данная Сунь Ятсену генералом Потаповым, не только вполне вписывалась в те представления о китайском деятеле, которые в это время складывались в Москве, но и добавляла к ним новые яркие штрихи.

Достаточно было хотя бы одной такой фразы:

> [Сунь Ятсен] неоднократно высказывал недоверие к возможности нашего успеха проведения коммунизма в России[2].

[1] Документы внешней политики СССР. Т. II. М. 1958. С. 730. VIII съезд Советов проходил 22–29 декабря 1920 г.

[2] *Потапов А. С.* О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской республики // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. С. 36.

И весной 1921 г. советское руководство приняло важное политическое решение. Большевики меняют свое прежнее отношение к Сунь Ятсену, предпочитая отныне иметь дело в Китае с Чэнь Цзюнмином на юге и с У Пэйфу на севере.

Внешним проявлением этого принципиального сдвига стала перепечатка в «Вестнике Народного комиссариата иностранных дел» письма Чэнь Цзюнмина к Ленину, доставленного в Москву Потаповым[1].

Выступая на 1-м Конгрессе Коминтерна, Лю Цзэжун в свое время назвал Сунь Ятсена «гордостью Китая». Теперь «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна» без каких-либо комментариев перепечатывали статью из либеральной пекинской газеты, где, в частности, говорилось:

> Доктор Сунь и его приверженцы давно уже потеряли свою популярность, которой они пользовались раньше, и вся страна считает его политическим интриганом, одним из тех, политика которых имеет чисто химерический характер[2].

Эта формулировка постепенно становится общепринятым идеологическим клише, к которому то и дело прибегали в это время коминтерновские авторы:

> Популярность Сунь Ятсена в китайских общественных кругах, а тем более среди революционных групп интеллигенции и трудящихся, утрачивается. <...> Он ныне одинаково далек как от нарождающейся и освобождающейся от феодального плена буржуазии, так и от трудящихся масс.
>
> Это не мешает, однако, Сунь Ятсену выступать периодически в роли защитника интересов рабочего класса.
>
> Так, на одном из многочисленных собраний кантонских организованных рабочих Сунь Ятсен заявил, что «условия жизни рабочих тяжелы, и необходимо их изменить». Но заявления Сунь Ятсена встречают очень и очень мало доверия[3].

На страницах этого издания Чэнь Цзюнмин выступает как «один из наиболее передовых и популярных людей Китая», а Сунь Ятсен – как

---

[1] Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1921. № 1–2. С. 13.

[2] Беспокойный доктор Сунь Ятсен // Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна. № 4. 17 апреля 1921 г. С. 9.

[3] В южном Китае // Там же. № 7. 29 мая 1921 г. С. 11.

«искусный дипломат, осторожный политик и меньше всего революционер»[1].

При этом утверждалось, что «честолюбивые планы Сунь Ятсена потерпели фиаско»[2].

Как справедливо отмечал К. В. Шевелев, было бы упрощением объяснять подобную позицию редколлегии «Бюллетеней» левацкими тенденциями Дальневосточного секретариата Коминтерна[3]: в то время она, несомненно, отражала санкционированную высшими партийными инстанциями точку зрения ИККИ.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] *Шевелев К. В.* Предыстория единого фронта в Китае и учредительный съезд КПК // Китай: традиции и современность. Сборник статей. Москва. 1976. С. 203.

Глава XVIII
Эпопея Чэнь Цзюнмина

Конфликт, заслуживающий сожаления

Еще сравнительно недавно историки однозначно характеризовали Чэнь Цзюнмина как милитариста, какое-то время поддерживавшего Сунь Ятсена, а затем предавшего его. Последующие исследования отчетливо показали, что подоплека взаимоотношений этих двух деятелей была гораздо более сложной.

Начать с того, что Чэнь Цзюнмин вовсе не был милитаристом. Ветеран «Объединенного союза», в 1914 г. он отказался вступать в Гоминьдан из-за несогласия с сочиненным Сунь Ятсеном уставом партии. Но шесть лет спустя д-р Сунь, связывая с Чэнь Цзюнмином свои надежды на лучшее будущее, руководствовался принципом «Кто старое помянет...».

Сунь Ятсен снова в Кантоне

Убедившись в том, что план похода на Пекин не срабатывает, Сунь Ятсен вернулся к своей первоначальной мысли: сначала разделаться с «гуансийскими бандитами», а затем уж думать о Пекине. Несмотря на радующие глаз выкладки о численности войск, которые могли бы участвовать в этом, на деле он мог рассчитывать только на сравнительно немногочисленную армию, действовавшую в Фуцзяни под командованием Чэнь Цзюнмина.

Сунь Ятсена радовали боевые успехи Чэнь Цзюнмина, и в конце августа он писал:

На днях Цзинцунь[1] начал наступление на [гуансийских] наемников и к тому же весьма успешно: за 5 дней занял Чаочжоу и Мэйсянь, уничтожив несколько десятков тысяч бандитов. Если дело пойдет дальше столь же успешно, то в этом году можно будет уничтожить всех наемников в Гуандуне и Гуанси[2].

Своим возвращением в Кантон Сунь Ятсен был обязан Чэнь Цзюнмину

Своим сторонникам Сунь Ятсен предписывал во всех вопросах ведения боевых действий подчиняться распоряжениям Чэнь Цзюнмина.

После того как 23 октября Чэнь Цзюнмин отдал приказ начать наступление на Кантон, Цэнь Чуньсюань объявил о роспуске Военного правительства. 29 октября Кантон пал, и Чэнь Цзюнмин телеграфировал об этом Сунь Ятсену, приглашая его прибыть в Кантон, чтобы взять в свои руки руководство.

Сообщая об этом Чан Кайши, Сунь Ятсен заявлял, что не только не пожалеет сил, чтобы впредь всячески поддерживать Чэнь Цзюнмина, но и что он доверяет своему благодетелю так же, как в 1912 г. доверял Хуан Сину, а в 1913 г. — Чэнь Цимэю[3].

Тем временем Пекин откликнулся на заявление Лу Жунтина и опубликовал декларацию о том, что противостояние Севера и Юга стало достоянием истории и отныне страна объединена. Сунь Ятсен, Тан Шаои, У Тинфан и поддержавший их Тан Цзияо выступили с опровержением: «Военное правительство существует, как и прежде!»[4]

Чэнь Цзюнмин поддержал четырех членов Директории:

> Заявление Лу Жунтина, Мо Жунсиня и пр. аннулирует незаконно присвоенные ими атрибуты и посты, не нанося ущерба ни Военному правительству, ни парламенту[5].

Но на этом единодушие Чэнь Цзюнмина и Сунь Ятсена исчерпало себя. На поверхность вышли принципиальные расхождения во взглядах

---

[1] Чэнь Цзюнмин.

[2] Сунь Ятсен — Дэн Цзяяню, 30 августа 1920 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 236.

[3] Сунь Ятсен — Чан Кайши, 29 октября 1920 г. // Там же. С. 270.

[4] Опровержение декларации о мнимом объединении Китая, 31 октября 1920 г. // Там же. С. 271.

[5] 陈总司令电斥岑莫等私和 (Главнокомандующий Чэнь опроверг частное заявление Цэня, Мо и пр.) // Миньго жибао, 9 ноября 1920 г.

как по частным тактическим проблемам, так и по вопросу о том, каким путем в дальнейшем должен идти Китай.

Их мнения по кардинальным аспектам государственной политики оказались несовместимыми

1 января 1921 г. Сунь Ятсен впервые четко сформулировал мысль о том, что функционирование прежнего Военного правительства уже не отвечает требованиям времени, и на смену ему должно прийти всекитайское правительство во главе с легитимно избранным президентом[1].

Это предложение встретило возражения Чэнь Цзюнмина, указывавшего на то, что в условиях отсутствия кворума результаты проведенных парламентом выборов президента будут незаконными.

Действительно, в соответствии с существовавшими правилами, выборы президента могли состояться в том случае, если в них принимали участие две трети от общего числа 580 депутатов, тогда как в Кантоне в тот момент присутствовали лишь 220 парламентариев.

У Сунь Ятсена наготове был контрдовод: выборы президента будут проходить на «чрезвычайной» сессии парламента, на которой наличие кворума необязательно. Соответственно, и президент будет тоже «чрезвычайный».

14 февраля на заседании правительства (Чэнь Цзюнмин принимал в нем участие, будучи военным министром) разгорелся спор по поводу выборов президента и организации всекитайского правительства. Сунь Ятсен высказался в том смысле, что без сильного правительства Китай не будет признан державами. По мнению Чэнь Цзюнмина, этот аргумент звучал неубедительно: «Главное в том, чтобы внутреннее положение было устойчивым, а признание иностранцами — это неважно»[2].

18 февраля «Шэньбао» писала, не называя имен:

> Один видный деятель провинции Гуандун заявил, что он очень уважает Сунь Ятсена и готов во всем подчиняться ему, но тем не менее решительно выступает против немедленного избрания Сунь Ятсена президентом. Из-за этого выборы были на время отложены[3].

---

[1] 孙总裁元旦之演辞 (Новогодняя речь члена Директората Сунь Ятсена) // Миньго жибао, 11 января 1921 г.

[2] 有关陈炯明资料 (Материалы, касающиеся Чэнь Цзюнмина). [Гектограф]. 1965. С. 76.

[3] 广州通信 (Корреспонденция из Кантона) // Шэньбао, 18 февраля 1921 г.

Всё это крайне раздражало Сунь Ятсена, и он потребовал от парламентариев, чтобы выборы президента состоялись не позже чем через три недели[1].

В беседе с одним из своих ближайших соратников Сунь Ятсен жаловался: «Что бы я ни предложил, Цзюнмин каждый раз хватает меня за локти!»[2]

В своем интервью корреспонденту осакской «Майнити симбун» Чэнь Цзюнмин утверждал, что у него с Сунь Ятсеном нет никаких политических разногласий[3].

Иначе он характеризовал ситуацию, отвечая на вопросы гонконгской «Сянган хуацзы жибао»:

> Я не хочу, чтобы г-н Сунь потерпел неудачу, и поэтому выступаю против преждевременных выборов президента.
>
> Если в Кантоне будет избран президент, Север непременно воспользуется этим и начнет военные действия. <...>
>
> Положение в Гуандуне еще непрочное, и в случае начала войны над ним нависнет опасность. Мы с г-ном Сунем и так уже прошли через многочисленные испытания, зачем же сейчас снова подвергаться риску?

Тем не менее 7 апреля парламент на своем чрезвычайном заседании принял «Статут Правительства Китайской Республики» и почти единогласно избрал Сунь Ятсена Чрезвычайным президентом КР.

«Сянган хуацзы жибао» писала по этому поводу:

> Сунь Ятсен давно уже добивался избрания президента, но произошло это совершенно неожиданно[4].

香港華字日報

Один из номеров «Сянган хуацзы жибао»

[1] 上海快信摘要 (Резюме сообщений из Шанхая) // Дагунбао (Чанша), 10 марта 1921 г.

[2] 危机四伏的广东 (В Гуандуне назревает кризис) // Дагунбао (Тяньцзинь), 11 марта 1921 г.

[3] 陈炯明与日记者谈话 (Беседа Чэнь Цзюнмина с японским журналистом) // Миньго жибао (Шанхай), 24 марта 1921 г.

[4] 选举总统后之陈炯明 (Чэнь Цзюнмин после выборов президента) // Сянган хуацзы жибао, 11 апреля 1921 г.

О том, в чем заключалась эта неожиданность, мы можем судить по другим газетным сообщениям. Журналисты выяснили, что Чэнь Цзюнмину стало известно о предстоящей сессии парламента, и он спросил у Ху Ханьминя, какие вопросы будут на ней обсуждаться. Тот ответил, что запланирован лишь предварительный обмен мнениями и ничего важного не ожидается. Но во второй половине дня он позвонил Чэнь Цзюнмину: «Кто бы мог предполагать, что сегодня Сунь Ятсен будет избран президентом! Он и сам-то об этом не подозревал!»

Действительно ли Ху Ханьминь ничего не знал о предстоящем избрании Сунь Ятсена, сейчас установить уже невозможно

Оказывается, в розданной депутатам повестке дня значилось лишь обсуждение вопроса о «Статуте Правительства», а пункт о выборах президента отсутствовал[1].

Вечером того же дня Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй навестили Чэнь Цзюнмина и от имени Сунь Ятсена сообщили ему, что вновь избранный президент будет заниматься исключительно внешнеполитическими вопросами, не вмешиваясь в дела, связанные с управлением провинцией Гуандун (Чэнь Цзюнмин был военным министром и одновременно губернатором Гуандуна)[2].

Но эти разъяснения не удовлетворили Чэнь Цзюнмина. 15 апреля он созвал секретное совещание подчиненных ему военачальников, на котором было решено просить Сунь Ятсена воздержаться от вступления на пост президента[3]. Соответственная телеграмма за подписью Е Цзюя и еще 20 высших офицеров была направлена Сунь Ятсену 18 апреля[4].

19 апреля в телеграмме на имя Чэнь Цзюнмина Сунь Ятсен заявил, что он не может не подчиниться решению парламента[5].

---

[1] Материалы, касающиеся Чэнь Цзюнмина. С. 82–83.

[2] Чэнь Цзюнмин после выборов президента // Сянган хуацзы жибао, 11 апреля 1921 г.

[3] 西南总统之反对声 (Голоса против президента Юго-Западного Китая) // Чэньбао, 19 апреля 1921 г.

[4] 孙文就职前之波折 (Трудности, возникшие накануне вступления Сунь Ятсена в должность) // Дагунбао, 29 апреля 1921 г.

[5] Сунь Ятсен — Чэнь Цзюнмину, 19 апреля 1921 г. // ПССС. Т. 5. 521.

23 апреля Сунь Ятсен на собрании представителей 1-й и 2-й дивизий дал чрезвычайно высокую оценку заслугам Чэнь Цзюнмина и призвал присутствующих быть достойными своего заслуженного начальника:

> Главнокомандующий Чэнь в этот раз вместе со своей армией вернулся в Гуандун не ради себя, а ради интересов государства. Чэнь — революционер, вы все тоже революционеры! Вы должны последовательно осуществлять [революционные] принципы, дабы не подвести главнокомандующего Чэня! Вы несете тяжелую ношу, но революция еще не завершена. Вы должны помочь главнокомандующему Чэню и потрудиться еще 2–3 года![1]

На следующий день на приеме в честь военачальников гуандунской армии Сунь Ятсен говорил:

> Сегодняшний Гуандун является оплотом революции. Главнокомандующий Чэнь — это главнокомандующий революции, все вы — революционные бойцы, и если все будут всеми силами поддерживать революцию, она непременно победит![2]

Чэнь Цзюнмина на приеме не было.

Корреспондент из Дальневосточной Республики спросил Сунь Ятсена, правда ли, что, как об этом постоянно пишут в газетах, он расходится во взглядах с Чэнь Цзюнмином. Сунь Ятсен ответил, что расхождение во взглядах по тем или иным конкретным вопросам – нормальное явление среди соратников. Кое в чем он расходится и с генералом Чэнь Цзюнмином. Но их объединяет общность политических целей, и генерал Чэнь всегда подчиняется ему как главе правительства[3].

5 мая 1921 г. Сунь Ятсен официально вступил в должность Чрезвычайного президента Китайской Республики, опубликовав по этому поводу декларацию и «Обращение к иностранным державам».

Как и предполагал Чэнь Цзюнмин, «Обращение» Сунь Ятсена было гласом вопиющего в пустыне.

Вице-консул США в Кантоне Э. Прайс, с которым у Сунь Ятсена сложились дружеские отношения, направил Госсекретарю доклад о церемонии инаугурации Чрезвычайного президента Китая, приложив к нему «Обращение» и запечатанное личное письмо Сунь Ятсена[4].

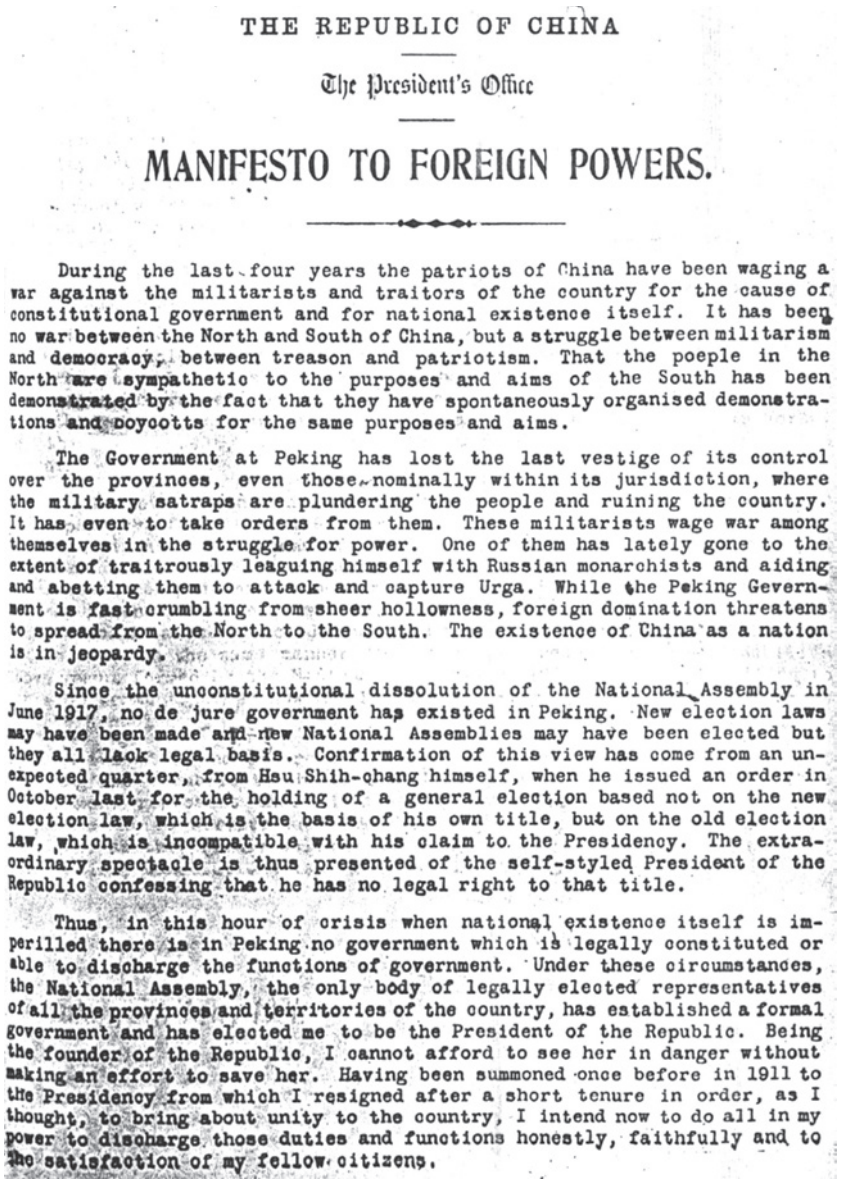
---

[1] 孙总统演说辞的概略 (Основное содержание речи президента Суня) // Миньго жибао, 1 мая 1921 г.

[2] Там же.

[3] 段云章、沈晓敏。孙文与陈炯明史事编年 (*Дуань Юньчжан, Шэнь Сяоминь*. Хронология взаимоотношений Сунь Ятсена и Чэнь Цзюнмина). Гуанчжоу. 2003. С. 392.

[4] Foreign Relations of the United States. 1921. P. 332, 335.



THE REPUBLIC OF CHINA

The President's Office

MANIFESTO TO FOREIGN POWERS.

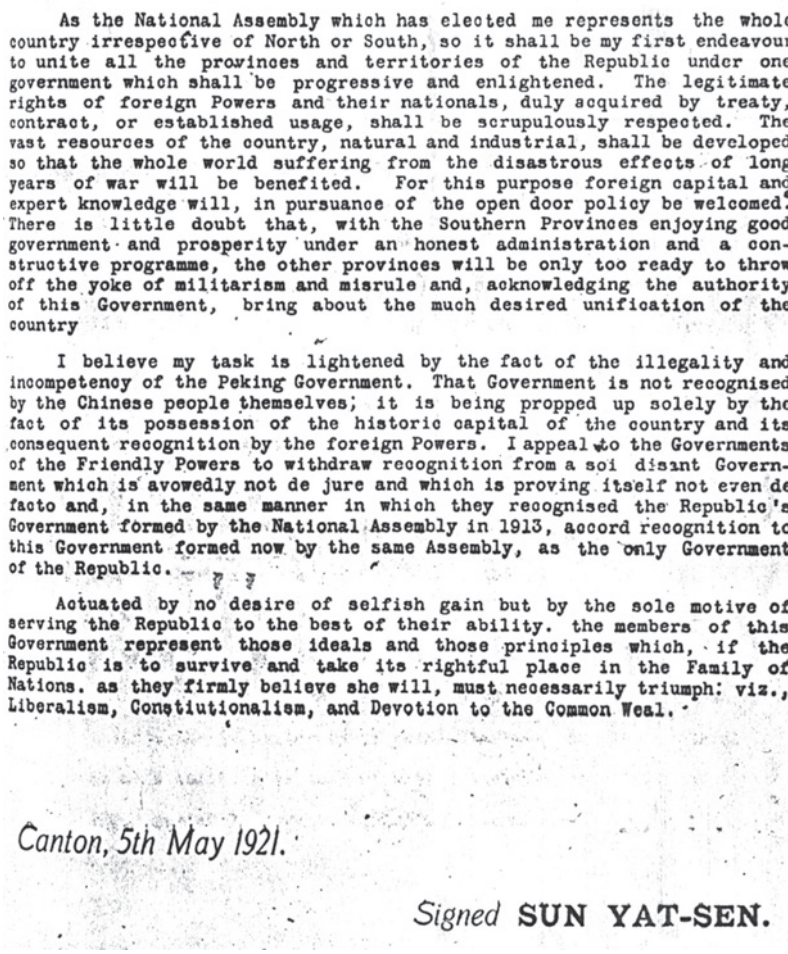
During the last four years the patriots of China have been waging a war against the militarists and traitors of the country for the cause of constitutional government and for national existence itself. It has been no war between the North and South of China, but a struggle between militarism and democracy, between treason and patriotism. That the poeple in the North are sympathetic to the purposes and aims of the South has been demonstrated by the fact that they have spontaneously organised demonstrations and boycotts for the same purposes and aims.

The Government at Peking has lost the last vestige of its control over the provinces, even those nominally within its jurisdiction, where the military satraps are plundering the people and ruining the country. It has even to take orders from them. These militarists wage war among themselves in the struggle for power. One of them has lately gone to the extent of traitrously leaguing himself with Russian monarchists and aiding and abetting them to attack and capture Urga. While the Peking Government is fast crumbling from sheer hollowness, foreign domination threatens to spread from the North to the South. The existence of China as a nation is in jeopardy.

Since the unconstitutional dissolution of the National Assembly in June 1917, no de jure government has existed in Peking. New election laws may have been made and new National Assemblies may have been elected but they all lack legal basis. Confirmation of this view has come from an unexpected quarter, from Hsu Shih-chang himself, when he issued an order in October last for the holding of a general election based not on the new election law, which is the basis of his own title, but on the old election law, which is incompatible with his claim to the Presidency. The extraordinary spectacle is thus presented of the self-styled President of the Republic confessing that he has no legal right to that title.

Thus, in this hour of crisis when national existence itself is imperilled there is in Peking no government which is legally constituted or able to discharge the functions of government. Under these circumstances, the National Assembly, the only body of legally elected representatives of all the provinces and territories of the country, has established a formal government and has elected me to be the President of the Republic. Being the founder of the Republic, I cannot afford to see her in danger without making an effort to save her. Having been summoned once before in 1911 to the Presidency from which I resigned after a short tenure in order, as I thought, to bring about unity to the country, I intend now to do all in my power to discharge those duties and functions honestly, faithfully and to the satisfaction of my fellow citizens.

Обращение Сунь Ятсена к иностранным державам (начало)



As the National Assembly which has elected me represents the whole country irrespective of North or South, so it shall be my first endeavour to unite all the provinces and territories of the Republic under one government which shall be progressive and enlightened. The legitimate rights of foreign Powers and their nationals, duly acquired by treaty, contract, or established usage, shall be scrupulously respected. The vast resources of the country, natural and industrial, shall be developed so that the whole world suffering from the disastrous effects of long years of war will be benefited. For this purpose foreign capital and expert knowledge will, in pursuance of the open door policy be welcomed. There is little doubt that, with the Southern Provinces enjoying good government and prosperity under an honest administration and a constructive programme, the other provinces will be only too ready to throw off the yoke of militarism and misrule and, acknowledging the authority of this Government, bring about the much desired unification of the country

I believe my task is lightened by the fact of the illegality and incompetency of the Peking Government. That Government is not recognised by the Chinese people themselves; it is being propped up solely by the fact of its possession of the historic capital of the country and its consequent recognition by the foreign Powers. I appeal to the Governments of the Friendly Powers to withdraw recognition from a soi disant Government which is avowedly not de jure and which is proving itself not even de facto and, in the same manner in which they recognised the Republic's Government formed by the National Assembly in 1913, accord recognition to this Government formed now by the same Assembly, as the only Government of the Republic.

Actuated by no desire of selfish gain but by the sole motive of serving the Republic to the best of their ability. the members of this Government represent those ideals and those principles which, if the Republic is to survive and take its rightful place in the Family of Nations. as they firmly believe she will, must necessarily triumph: viz., Liberalism, Constiutionalism, and Devotion to the Common Weal.

Canton, 5th May 1921.

Signed SUN YAT-SEN.

Обращение Сунь Ятсена к иностранным державам (окончание)

Заместитель Госсекретаря А. Эйди вернул письмо Прайсу с инструкцией «удостовериться, что оно должным образом возвращено отправителю, и устно высказать сожаление по поводу невозможности вручить его адресату»[1].

Генеральному консулу в Кантоне Л. Бергольцу было предписано строго указать Прайсу на «недопустимость превращения консульства

[1] Ibid. P. 339–340.

в орудие официальных сношений с организацией, выступающей против правительства, с которым Соединенные Штаты имеют дружеские отношения»[1].

А. Эйди (1842–1924)

Еще одним вопросом, по которому мнения Сунь Ятсена и Чэнь Цзюнмина принципиально расходились, была идея д-ра Суня «помочь Гуанси», т. е. покончить с «гуансийскими бандитами» с помощью военной силы.

Спор Сунь Ятсена с Чэнь Цзюнмином по поводу «помощи Гуанси» был лишь частью более общей проблемы: какими средствами можно осуществить конечную цель — объединение всего Китая?

Лу Жунтин, которого Сунь Ятсен называл «гуансийским бандитом», и в самом деле начинал свою карьеру обыкновенным разбойником с большой дороги

Сунь Ятсен, как, кстати, и Дуань Цижуй, был последовательным сторонником решения этой задачи военными методами. В противоположность ему, Чэнь Цзюнмин категорически отвергал этот путь.

Свое видение проблемы Чэнь Цзюнмин подробно изложил в интервью, взятом у него корреспондентом шанхайской газеты «North China Daily News» в феврале 1921 г.:

> Сегодня мы уверены в том, что если Китай хотят объединить посредством возрождения монархии или военными методами, то это абсолютно неосуществимо.
>
> Юань Шикай хотел управлять республикой, будучи проповедником монархических идей, а когда убедился в невозможности этого, реставрировал монархию, но потерпел неудачу и только запятнал свое имя. За ним последовали Дуань Цижуй и Чжан Сюнь. Д-р Сунь Ятсен также пытался объединить Китай с помощью военной силы, но у него ничего не вышло. <...> Поэтому сегодня есть только один способ восстановить мир в стране – передать власть народу, ведь народ хочет мира. <...>

[1] Ibid. P. 340.

Преобразование Китая должно осуществляться снизу вверх, а не сверху вниз. Мы уже пробуем сделать это в нескольких уездах <...>, с тем чтобы в будущем все уездные начальники и другие должностные лица, равно как и депутаты провинциального собрания, все без исключения избирались народом[1].

Сунь Ятсен был против курса, предложенного Чэнь Цзюнмином:

10 с лишним лет тому назад в «Планах революции» я высказывался за выборность уездных начальников.

Ныне главнокомандующий армией Гуандуна Чэнь Цзюнмин, решив осуществить выборность уездных начальников на практике, активно высказывается в пользу местного самоуправления. Но подумайте о том, поднялся ли уже народ Гуандуна до такой степени [сознательности]? С моей точки зрения, пожалуй, нет. А осуществлять [местное самоуправление] в условиях, когда у народа еще нет необходимой степени [сознательности], не значит ли самим провоцировать беспорядки?[2]

Касаясь вопроса о том, нужно ли предпринимать военную операцию против Гуанси, Чэнь Цзюнмин заявлял:

Все военные мероприятия [в Гуандуне] имеют своей целью оборону, а не нападение [на соседние провинции]. Если Лу Жунтин и иже с ним будут по-прежнему оставаться в Гуанси, Гуандун не может рассчитывать на мир и спокойствие. Но я не собираюсь объявлять поход на Гуанси. <...> Вот если жители Гуанси покончат со своими милитаристами и попросят помощи у Гуандуна, тогда мы обязательно направим войска им на помощь[3].

Сунь Ятсен же настаивал на немедленном нападении на Гуанси:

Если Гуандун не возьмет на себя инициативу, то, завершив подготовку к военным действиям, Гуанси спровоцирует войну и может причинить Гуандуну существенный ущерб. Поскольку в настоящее время Гуандуну никто не может помочь, он должен первым начать военные действия, чтобы получить поддержку со стороны[4].

1 апреля Чэнь Цзюнмин еще раз сформулировал свою позицию в гуансийском вопросе:

---

[1] “字林报”通讯员披露广东真相 (Корреспондент «North China Daily News» об истинном положении в Гуандуне) // Миньго жибао (Шанхай), 17 февраля 1921 г.

[2] 记粤中是近政局 (О нынешней ситуации в Гуандуне) // Дагунбао (Чанша), 5 марта 1921 г.

[3] Корреспондент «North China Daily News» об истинном положении в Гуандуне // Миньго жибао (Шанхай), 17 февраля 1921 г.

[4] 孙中山与广东 (Сунь Ятсен и Гуандун). Гуанчжоу. 1996. С. 216.

> Я намерен осуществить в нашей провинции местное самоуправление. Сейчас нужно дать гражданам возможность перевести дух и упорядочить все свои дела, нельзя отвлекаться на решение других вопросов. Новые деятели в Гуанси прилагают усилия к тому, чтобы прогнать своих милитаристов, ввести демократические порядки, и я солидарен с ними. Но если во имя помощи этим людям начать военную экспедицию в Гуанси, то это не только может быть истолковано как акт агрессии, но и войдет в противоречие с идеей местного самоуправления в нашей провинции. Поэтому если Гуанси нападет на Гуандун, мы будем защищаться. Мы не исключаем этот военный вариант, но не имеем намерений начинать первыми[1].

В конце концов первыми все-таки начали гуансийцы. 13 июня Лу Жунтин отдал приказ о наступлении на Гуандун.

22 июня Чэнь Цзюнмин выступил с обращением к жителям Гуанси, в котором заявил, что «Гуанси и Гуандун испокон века были одна семья» и что гуандунская армия, обороняясь, намерена помочь своим братьям изгнать преступников Лу Жунтина, Чэнь Бинкуня, Ма Цзи и иже с ними, «иных помыслов у нас нет»[2].

Бог войны был на стороне гуандунской армии, занимавшей один город на территории Гуанси за другим.

4 августа пал Наньнин, и Лу Жунтин объявил о том, что он уходит в отставку с поста губернатора. Через несколько дней после этого Чэнь Цзюнмин выступил в Наньнине на заседании провинциальной ассамблеи с изложением своей программы осуществления местного самоуправления в Гуанси и Гуандуне[3].

Ма Цзюньу (1881–1940)

11 августа губернатором провинции Гуанси был избран Ма Цзюньу – заведующий секретариатом Чрезвычайного президента Сунь Ятсена.

Проблема провинции Гуанси была решена. По мнению Сунь Ятсена, созрели все условия для Северного похода с целью свержения Пекинского правительства. Он говорил:

---

[1] 陈炯明派反对攻桂 (Фракция Чэнь Цзюнмина выступает против похода на Гуанси) // Чэньбао, 1 апреля 1921 г.

[2] 总司令布告桂省军民 (Главнокомандующий обратился к армии и народу Гуанси) // Гуандун цюньбао, 22 июня 1921 г.

[3] 陈竞存在桂议会演说 (Чэнь Цзюнмин выступил с речью в ассамблее Гуанси) // Миньго жибао, 26 августа 1921 г.

> С гуансийскими злодеями покончено, и теперь народу у нас в Гуандуне никто не угрожает. Но это лишь временное спокойствие. <...> После усмирения Гуанси нужно еще раз приложить усилие и объединить Китай. <...> Но объединить Китай можно лишь военными средствами, предприняв поход на Север[1].

Решив взять это дело под свой непосредственный контроль, Сунь Ятсен направился в Гуанси для встречи с Чэнь Цзюнмином, после чего тот вернулся в Кантон. Начало Северного похода вновь было отложено.

Время шло, а преодолеть день ото дня усиливавшиеся разногласия не удавалось.

Когда американский журналист спросил у Сунь Ятсена, что он намерен предпринять в этой ситуации, президент ответил, что расхождение в их взглядах на целесообразность Северного похода носит сугубо частный характер, поскольку Чэнь Цзюнмин всю свою сознательную жизнь боролся и продолжает бороться во имя интересов республики.

– К тому же, — добавил он, — Чэнь Цзюнмин назначен на должность южным правительством и поэтому должен подчиняться его приказам. Если же он не будет подчиняться, можно сместить его и назначить другого.

– Но каким образом Вы сможете сместить его? — полюбопытствовал журналист. — Ведь у него армия, да и народ его поддерживает!

Когда Сунь Ятсен услышал это, глаза его заблестели. Он вытянул руку и сжал пальцы в кулак: «Армия у меня в руках!» — чеканя каждое слово, произнес он[2].

На этот раз Сунь Ятсен не бросал слов на ветер. Менее чем через полгода он подписал приказ о смещении Чэнь Цзюнмина с поста губернатора провинции Гуандун и главнокомандующего войсками республики.

Но еще до этого произошло событие, после которого взаимоотношения Сунь Ятсена и Чэнь Цзюнмина вступили в качественно новую фазу, и стало ясно, что возврата к прошлому теперь уже быть не может.

21 марта 1922 г. в Кантоне был смертельно ранен командир 1-й дивизии, начальник штаба гуандунской армии Дэн Кэн.

За несколько минут до смерти, отвечая на вопрос, кто же стрелял в него, Дэн Кэн сказал: «Я знаю его. Никогда не думал, что он убьет меня», но

[1] 大总统对海陆军军官演说词 (Речь президента, обращенная к офицерам армии и флота) // Гуандун цюньбао, 8 сентября 1921 г.

[2] 孙文与美国记者之北伐谈 (Беседа Сунь Ятсена с американским журналистом по поводу Северного похода) // Шибао, 4 декабря 1921 г.

так и не назвал имени убийцы. Преступление осталось нераскрытым.

Дэн Кэн (1886–1922)

Современные исследователи до сих пор продолжают спорить о том, кто организовал это убийство. На этот счет были высказаны три различные точки зрения.

Согласно первой из них, до недавних пор разделявшейся большинством как гоминьдановских исследователей, так и историков КНР, Дэн Кэн был убит по приказу Чэнь Цзюнмина в отместку за то, что в противостоянии «Сунь–Чэнь» он поддержал первого.

Сравнительно недавно историк Чэнь Сяопин, основываясь на некоторых намеках, содержащихся в воспоминаниях секретаря Чэнь Цзюнмина, сформулировал другую версию, согласно которой покушение на Дэн Кэна было спланировано не Чэнь Цзюнмином, а людьми из его окружения, при этом не по политическим соображениям. По мнению этого автора, первопричиной случившегося послужили меры, принимавшиеся Дэн Кэном против торговцев опиумом[1].

Наконец, еще в конце 90-х гг. прошлого века в целом ряде публикаций Чэн Динъянь выдвинул версию, согласно которой организатором убийства Дэн Кэна был Сунь Ятсен, намеревавшийся с помощью этой акции воздействовать на Чэнь Цзюнмина и заставить его отказаться от своей особой линии в вопросе о Северном походе. Эта точка зрения встретила поддержку со стороны ряда исследователей, в том числе профессора Ван Жунцзу.

Ван Жунцзу

Ван Жунцзу подчеркивал, что мы сегодня не располагаем какими-либо документальными свидетельствами причастности Чэнь Цзюнмина к убийству своего сторонника Дэн Кэна, тогда как по словам американского вице-консула США в Кантоне Дж. Джэмисона,

[1] 陈晓平。粤军第一师师长邓铿遇刺是陈炯明策划的吗 (*Чэнь Сяопин*. Действительно ли командир 1-й дивизии гуандунской армии Дэн Кэн был убит по приказу Чэнь Цзюнмина) // https://military.china.com/history4/62/20180929/34041974.html.

его собственное расследование выявило доказательства вины Сунь Ятсена[1].

Однако, о том, каковы же эти доказательства, ни Джэмисон, ни Ван Жунцзу не сообщают. Дело об убийстве Дэн Кэна продолжает оставаться нераскрытым, и нет надежды на то, что когда-нибудь мы узнаем правду.

Как бы то ни было, после этого события конфликт между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюнмином перерос в открытое столкновение.

В апреле 1922 г. Чэнь Цзюнмин был снят с должности губернатора и главнокомандующего войсками Гуандуна. А в ночь на 16 июня его ближайший помощник Е Цзюй обстрелял из орудий резиденцию Чрезвычайного Президента.

Сунь Ятсену удалось вовремя покинуть здание, и он пробрался на один из кораблей верной ему флотилии, с которого произвел ответный обстрел Кантона, после чего покинул Кантон и нашел себе и Сун Цинлин привычное убежище в своем особняке на Rue Moliere во французском сеттльменте Шанхая.

В оценке конфликта Сунь Ятсена и Чэнь Цзюнмина общественное мнение разошлось во взглядах

Острейший конфликт двух деятелей, еще вчера действовавших рука об руку во имя общей цели, на долгое время стал для китайской прессы темой № 1.

Активное участие в разгоревшемся по этому поводу споре принял известный профессор Пекинского университета Ху Ши, а также авторы, публиковавшие свои дискуссионные отклики на страницах издававшегося им популярного еженедельника «Нули чжоубао» («The Endeavor»).

На страницах «Нули чжоубао» Ху Ши высказался о своем отношении к конфликту Суть Ятсена и Чэнь Цзюнмина.

Выдающийся китайский ученый современности Ху Ши (1891–1962)

[1] 汪荣祖。邓铿之死真相探索 (*Ван Жунцзу*. В поисках правды о смерти Дэн Кэна) // https://douban.com/group/topic/1318193.

努力週報

THE ENDEAVOR

一年半的回顧

胡適

胡適啓事

Один из номеров еженедельника «Нули чжоубао»

Ху Ши писал:

Многочисленные сторонники Сунь Ятсена ожесточенно нападают на Чэнь Цзюнмина, утверждая, что он «нарушил завет повиновения», что он «мятежник», что он «бунтовщик».

Но уместно задать вопрос: что в условиях республики значит «нарушать завет повиновения» и «быть бунтовщиком»? Что же касается «мятежника», то что есть «революция» и что такое «мятеж»?

Когда Цай Э выступил против Юань Шикая, был ли он «мятежником»?

У Пэйфу сместил Дуань Цижуя, значит ли это, что он был «мятежником»?

У Пэйфу сверг Сюй Шичана — снова «мятеж»?

Если согласиться с логикой сторонников Сунь Ятсена, не только Чэнь Цзюнмин не должен был выступать против Сунь Ятсена, но и У Пэйфу не должен был выступать против Дуань Цижуя и Сюй Шичана.

С точки зрения подобной логики, Чэнь Цзюнмин должен был продолжать быть преданным слугой Сунь Ятсена, а У Пэйфу — Цао Куня.

Мы вовсе не защищаем Чэнь Цзюнмина. Тот факт, что его подчиненные изгнали Сунь Ятсена из Кантона, быть может, заслуживает порицания. Но мы против использования в качестве идеологического оружия такие пережившие свой век жупелы старой морали как «нарушать завет повиновения», стать «мятежником» и «бунтовщиком»[1].

После этого дискуссия продолжалась. Ху Ши публиковал мнения как тех, кто, подобно Ху Ши, стремился занять объективную позицию в споре[2], так и сторонников Сунь Ятсена (в частности, отклик Линь Шэна[3]).

再述孫陳之爭

林生

Статья Линь Шэна «Еще раз о споре Сунь Ятсена с Чэнь Цзюнмином» (фрагмент)

[1] 这一周 (На этой неделе) // Нули чжоубао. № 12 (23 июля 1922 г.).

[2] Там же. № 16 (20 августа 1922 г.).

[3] Там же. № 17 (27 августа 1922 г.).

За Вашингтоном последовала Москва

Собираясь стать Чрезвычайным президентом КР, Сунь Ятсен понимал, что его планы объединения Китая не могут быть реализованы без международной поддержки. Но на чью помощь он мог рассчитывать?

К этому времени Сунь Ятсен окончательно разочаровался в возможности получить помощь Японии. Однако кто мог занять ее место, ему было не вполне ясно.

Письмо Сунь Ятсена так и не было передано адресату

Чарльз Крэйн (1858–1939)

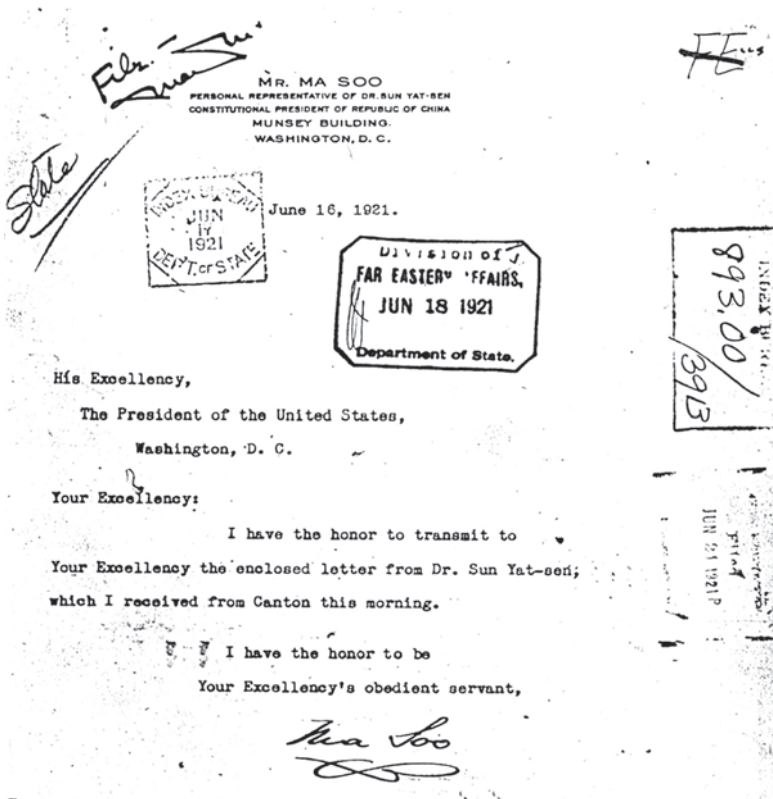
Надежд на американцев было мало. Совсем недавно, 28 февраля 1921 г., посланник США в Китае Ч. Крэйн позволил себе оскорбительную для Сунь Ятсена выходку. Он написал д-ру Суню письмо, в котором привел мнения о нем некоторых китайских политиков — тех, кто считал планы лидера Гоминьдана «нереальными и преувеличенными», а автора этих планов – авантюристом, «готовым пожертвовать интересами страны ради личных целей»[1].

Но 4 марта к служебным обязанностям приступил только что избранный президент Соединенных Штатов Уоррен Гардинг. Может, он откликнется на призыв своего китайского коллеги о помощи?

Уоррен Гардинг (1865–1923)

Сунь Ятсен уполномочил своего личного представителя в Штатах Ма Су поздравить нового президента с избранием и передать ему пожелание установить более тесные отношения между республиканскими США и республиканским Китаем. Каково же было разочарование

[1] 李云汉。中山先生护法时期的对美交涉 (*Ли Юньхань*. Контакты Сунь Ятсена с американцами в период борьбы за конституцию) // 中华民国史料中心十周年纪念论文集 (Сборник статей в честь 10-летия Центра исторических источников по истории Китайской Республики). Тайбэй. 1979. С. 345–367.



MR. MA SOO
PERSONAL REPRESENTATIVE OF DR. SUN YAT-SEN
CONSTITUTIONAL PRESIDENT OF REPUBLIC OF CHINA
MUNSEY BUILDING
WASHINGTON, D. C.

June 16, 1921.

DEPT. of STATE JUN 17 1921

Division of FAR EASTERN AFFAIRS. JUN 18 1921 Department of State.

893.00/393

His Excellency,
The President of the United States,
Washington, D. C.

Your Excellency:

I have the honor to transmit to Your Excellency the enclosed letter from Dr. Sun Yat-sen, which I received from Canton this morning.

I have the honor to be
Your Excellency's obedient servant,

Ma Soo

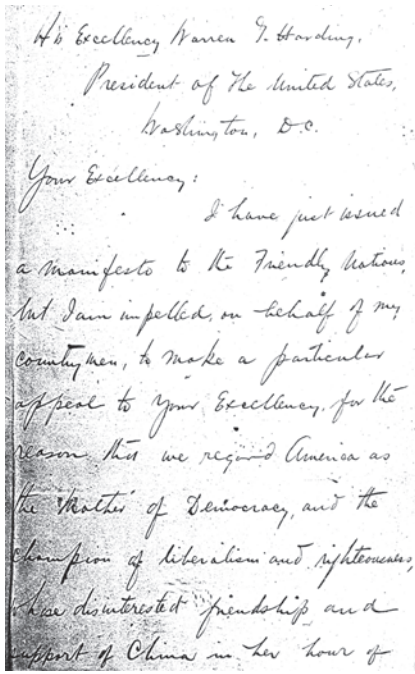
Сопроводительное письмо Ма Су от 16 июня 1921 г.

Сунь Ятсена, когда он узнал, что заведующий Дальневосточным отделом Госдепартамента Дж. Мак-Мюррей запретил отвечать на поздравительную телеграмму. Когда же Ма Су обратился к секретарю президента Дж. Кристиану с просьбой организовать визит представителя Сунь Ятсена в Белый Дом, тот по поручению Мак-Мюррея ответил, что в этом нет необходимости[1].

Всё же Сунь Ятсен решил предпринять еще одну попытку.

После своего избрания он написал Гардингу пространное послание, которое Ма Су 16 июня 1921 г. собственноручно препроводил в Госдепартамент вместе с экземпляром суньятсеновского манифеста.

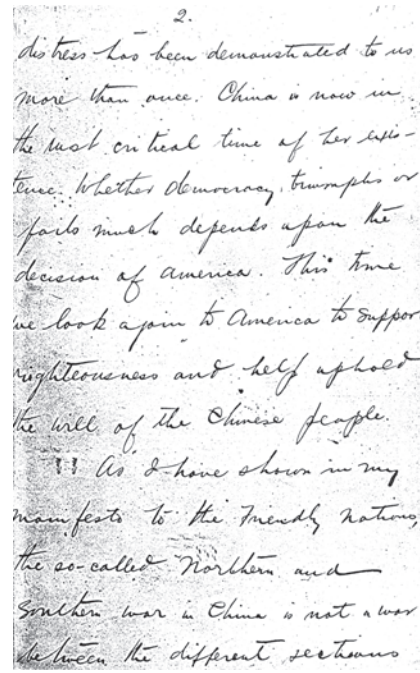
[1] Там же.



His Excellency Warren G. Harding,
President of the United States,
Washington, D.C.

Your Excellency:

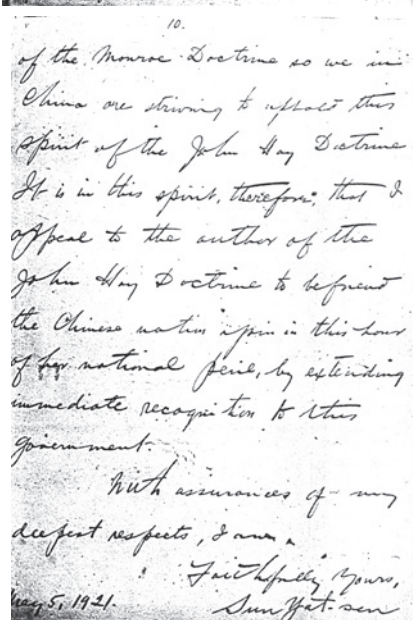
I have just issued a manifesto to the Friendly Nations, but I am impelled, on behalf of my countrymen, to make a particular appeal to your Excellency, for the reason that we regard America as the Mother of Democracy, and the champion of liberalism and righteousness, whose disinterested friendship and support of China in her hour of



2.

distress has been demonstrated to us more than once. China is now in the most critical time of her existence. Whether Democracy triumphs or fails much depends upon the decision of America. This time we look again to America to support righteousness and help uphold the will of the Chinese people.

As I have shown in my manifesto to the Friendly Nations, the so-called Northern and Southern war in China is not a war between the different sections



10.

of the Monroe Doctrine so we in China are striving to uphold the spirit of the John Hay Doctrine. It is in this spirit, therefore, that I appeal to the author of the John Hay Doctrine to befriend the Chinese nation again in this hour of her national peril, by extending immediate recognition to this government.

With assurances of my deepest respects, I am,

Faithfully Yours,
Sun Yat-sen

May 5, 1921.

1-я, 2-я и 10-я страницы письма Сунь Ятсена Гардингу от 5 мая 1921 г.

Послание, подписанное Сунь Ятсеном, начиналось словами:

Его Превосходительству Уоррену Г. Гардингу,

Президенту Соединенных Штатов, Вашингтон.

Ваше Превосходительство!

Я только что обнародовал «Манифест дружественным державам», но мои соотечественники уполномочили меня обратиться к Вашему превосходительству со специальным воззванием, так как мы считаем Америку матерью демократии и чемпионом свободы и справедливости, чья бескорыстная дружба и помощь, оказываемая Китаю в трудную минуту, не раз были продемонстрированы нам.

В настоящее время Китай переживает критический момент своего существования. Одержит ли демократия [в нашей стране] верх или потерпит поражение — это зависит от решения, которое примет Америка[1].

Ответа на письмо не последовало, поскольку Госдепартамент не счел уместным вручить это послание президенту Гардингу.

Американский вице-консул в Кантоне Э. Прайс направил госсекретарю доклад об инаугурации Сунь Ятсена, к которому приложил «Манифест иностранным державам» и запечатанный конверт с письмом Сунь Ятсена президенту Гардингу.

Отвечая Прайсу, помощник госсекретаря вернул письмо Сунь Ятсена со строгой инструкцией «проверить, что оно надлежащим образом возвращено отправителю с устным выражением сожаления по поводу невозможности доставить его адресату». Генеральный консул Л. Бергхольц получил предписание указать Прайсу, что он «не должен выступать посредником в контактах с организацией, выступающей против правительства, с которым Соединенные Штаты поддерживают дружеские отношения»[2].

Третью попытку вручить Гардингу свое послание Сунь Ятсен предпринял через своего секретаря Чэнь Южэня. Но оно дошло лишь до Госдепартамента и президенту передано не было[3].

Намерение Сунь Ятсена заручиться поддержкой «матери демократии» осталось нереализованным.

---

[1] Sun Yatsen to Harding, May 5, 1921 // USDS. 893.00/3913.

[2] *Yang R. H*. Sun Yatsen in the U. S. State Department Central Confidential Files // Чжуншань шэхуй кэсюэ сюэбао. 1994. Т. 8. № 4. С. 239.

[3] Там же. С. 240.

Мы хотим в Вашингтон

Президенту Гардингу нужно было продемонстрировать, что оригинальных идей и инициатив у него отнюдь не меньше, чем их было у его предшественника Вильсона. Поэтому он предложил созвать в Вашингтоне международную конференцию по проблемам Тихоокеанского региона. 15 июля он официально пригласил Англию, Францию и Японию участвовать в конференции; 11 августа аналогичное приглашение было направлено Пекинскому правительству.

Но еще до этого, 20 июля, Кантонское правительство вручило американскому консулу меморандум, в котором выражало свое желание и право представлять Китай на грядущей международной конференции[1].

29 июля депутат Чрезвычайной сессии парламента Гао Юньсяо обратился к Сунь Ятсену с обоснованием необходимости направить представителя Кантона на конференцию в Вашингтон. Сунь Ятсен ответил, что его правительство уже давно занимается этим вопросом[2].

25 августа на заседании правительства Сунь Ятсен заявил, что поскольку только Кантонское правительство является законным правительством Китая, оно должно направить в Вашингтон своего делегата[3].

Мнения американских дипломатов разделились. Консулы США в Амое и Кантоне, а также временно исполнявший обязанности посланника А. Раддок выступали за то, чтобы в делегацию Пекинского правительства был включен один представитель Кантона. Эта точка зрения стала преобладающей и была сообщена Пекину.

У Чаошу (1887–1934) с супругой

В результате в Пекине в состав делегации был предложен сын У Тинфана, заместитель министра иностранных дел Южного правительства У Чаошу, который от этого назначения, разумеется, отказался.

---

[1] Bergholz to The Secretary of State, July 22, 1921 // FRUS. 1921. P. 40.

[2] 新政府咨复国会非常会议文 (Новое правительство отвечает на обращение Чрезвычайной сессии парламента) // Миньго жибао. 10 октября 1921 г.

[3] 新政府决遣派太平洋代表 (Новое правительство приняло решение послать делегата на Тихоокеанскую конференцию) // Миньго жибао, 2 сентября 1921 г.

Сунь Ятсен предпринимает шаги к тому, чтобы Южное правительство представлял в Вашингтоне Ма Су, но безрезультатно.

Адресованное Хардингу письмо Сунь Ятсена оказалось в Госдепартаменте с большой задержкой — лишь 3 ноября, а в руки Гардинга вообще не попало и было сдано в архив.

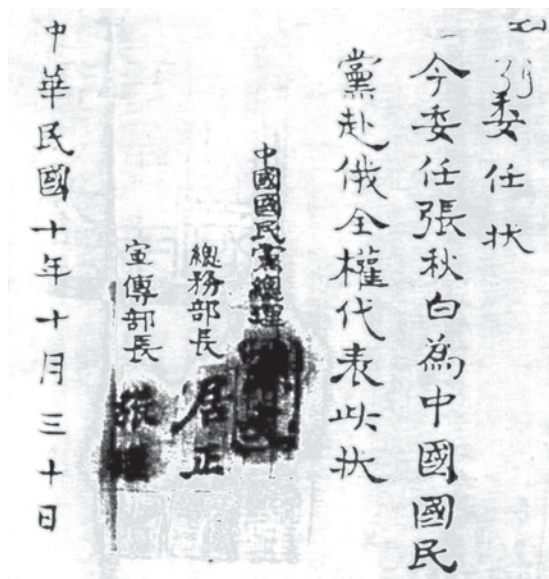
11 ноября Тихоокеанская конференция открылась. Китай был представлен на ней делегацией Пекинского правительства, в списке которой формально числился У Чаошу.

Миссия Гоминьдана в Москве

Не получив ответа на свои письма президенту Гардингу, Сунь Ятсен предпринимает попытку нащупать почву для установления контактов с Советской Россией.

28 августа 1921 г. он пишет Чичерину и просит передать привет своему «другу Ленину».

30 октября Чжан Цюбай получает от Сунь Ятсена мандат «полномочного представителя в России» и отправляется в Москву на съезд революционных организаций Дальнего Востока.



Подписанный Сунь Ятсеном мандат Чжан Цюбая

Отношение руководства Исполкома Коминтерна к эмиссару Сунь Ятсена было более чем прохладным. В своем установочном докладе на пленарном заседании съезда председатель ИККИ Г. Е. Зиновьев открытым текстом критиковал линию Гоминьдана на сближение с империалистами Соединенных Штатов. Он говорил:

Г. Е. Зиновьев (1883–1936)

> Было бы поистине непоправимой ошибкой, если бы среди политических деятелей — скажем, Южного Китая — нашлись бы простаки, способные принять «открытые двери» за чистую монету демократизма и обреченные таким образом на заклание кровожадному капиталистическому богу.
>
> К сожалению, приходится сказать, что, по нашим сведениям (хотя я должен оговориться, что информация у нас весьма плохая и отрывочная), среди революционных деятелей Южного Китая, среди сторонников Сунь Ятсена, среди вожаков его партии есть такие, которые не без благоволения смотрят в сторону Америки, т. е. в сторону американского капитализма, рассчитывая, что именно оттуда на революционный Китай будет изливаться благодать демократизма и прогресса, но, как мне кажется, Вашингтонская конференция должна будет, в конце концов, всё же убедить более дальновидных деятелей Южного Китая, китайских революционеров и, вообще, всех тех, кто хочет бороться за подлинную самостоятельность своего народа (даже в том случае, если они не социалисты), в том, что в лице американского капитализма они имеют не друга, а бешеного и злобного врага[1].

Чжан Цюбай был вынужден опровергать слова Зиновьева:

> Товарищ Зиновьев заявил, что правительство Южного Китая смотрит на Америку как на источник благодетельной демократии и прогресса. О периоде до 1911 г. мы не можем судить ввиду нехватки точной информации, но, говоря о нынешней ситуации, я должен сказать, что пути Гоминьдана не совпадают с путями империалистов и мы скорее последуем за Коммунистическим Интернационалом, чем за империалистами[2].

---

[1] Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Пг. 1922. С. 13.

[2] Цит. по: *Глунин В. И.* Первая миссия Гоминьдана в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5. С.106.

На другом заседании Чжан Цюбай вновь говорил об этом:

> В целом я согласен с докладом товарища Зиновьева за исключением двух пунктов.
>
> Первый пункт состоит в заявлении, что в южной революционной партии имеются элементы, настроенные проамерикански и приветствующие американскую буржуазную демократию. Это неправда. Партия Гоминьдан была создана двадцать лет тому назад, и с самого начала она объявила о своем намерении добиться свободы Китая. Следующим шагом должна стать политическая революция. Третьим шагом — социальная революция. При такой программе у партии Гоминьдан не может быть желания заимствовать американскую буржуазную демократию[1].
>
> Я считаю, что нельзя пренебрегать партией Гоминьдан, которая имеет за плечами двадцатилетнюю летопись борьбы и которая пользуется симпатией и поддержкой масс. Я поэтому считаю, что говоря о развитии революционного движения на Дальнем Востоке, мы должны связать его с существованием партии Гоминьдан, имеющей такое большое значение для Китая[2].

Заведующий Восточным отделом ИККИ Г. И. Сафаров заверил делегатов съезда, что Гоминьдан, как и все другие буржуазно-демократические партии в колониальных и зависимых странах Востока, может рассчитывать на помощь со стороны Коммунистического Интернационала:

> С этой ответственной трибуны мы берем на себя смелость сказать совершенно открыто и определенно, мы будем поддерживать, поддерживали и поддерживаем всякое буржуазно-демократическое движение в колониях до того предела, пока это буржуазно-демократическое движение действительно нацелено на национальное освобождение угнетенных народов[3].

Г. И. Сафаров (1891–1942)

В то же время он решительно отверг попытки китайского делегата «перекрасить Гоминьдан в коммунистический цвет»:

---

[1] Там же. С. 107.

[2] Там же. С. 109.

[3] Там же. С. 110.

Мы знаем, что партия, возглавляющая правительство Южного Китая, является революционно-демократической партией, и мы не хотим подвергать сомнению этот факт. Мы убеждены, что эта партия проделала большую революционную работу, абсолютно необходимую Китаю, и мы надеемся сражаться рука об руку с этой партией в будущем.

Но, с другой стороны, мы не настолько наивны, чтобы вообразить, будто эта партия является революционной коммунистической партией.

Мы не настолько наивны, чтобы ошибаться насчет происхождения этой партии и изображать ее в своих глазах как пролетарскую коммунистическую партию. Такое представление не соответствовало бы действительности и придало бы ошибочный вид отношениям с этой партией[1].

Документы, найденные в сейфе Сунь Ятсена

24 сентября 1922 г. генеральный консул США в Гонконге У. Гейл направил в Госдепартамент очередное донесение (см. ниже, с. 400)[2].

К донесению была приложена брошюра под названием «Сунь Ятсен разоблачен», изданная газетой «Hongkong Telegraph».

Идея тройственного союза

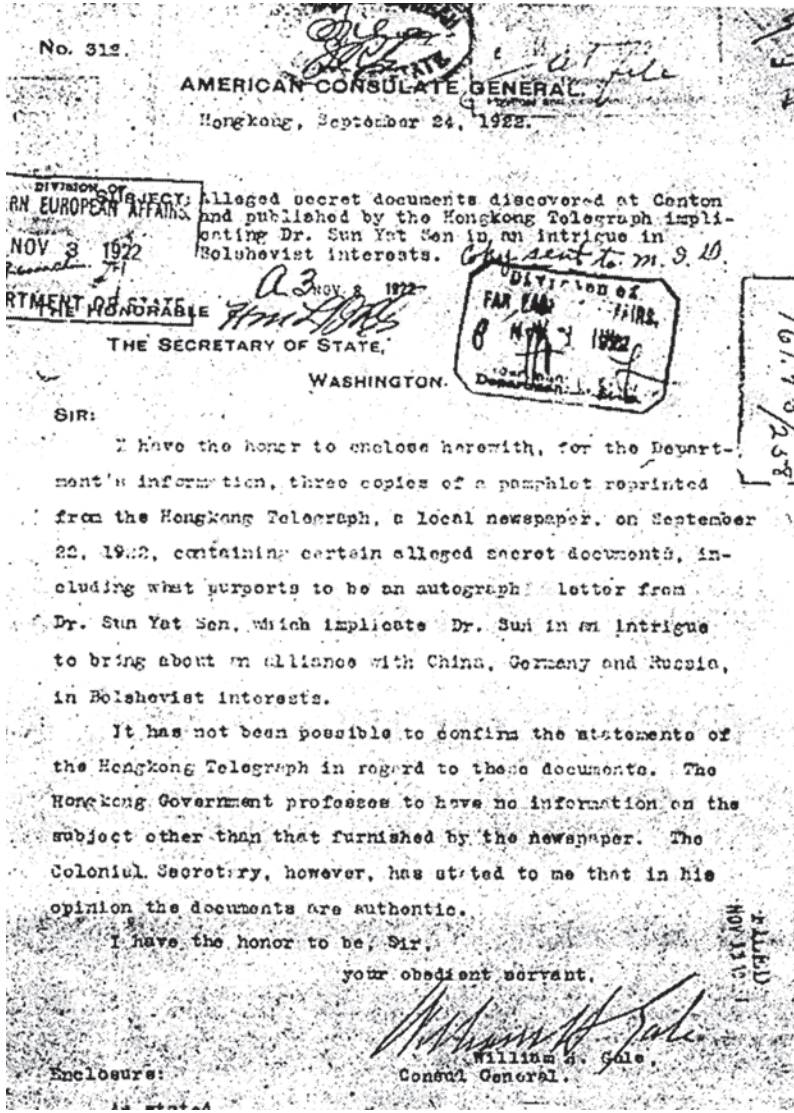
Оказывается, после того как Сунь Ятсен покинул президентский дворец, в незапертом сейфе в рабочем кабинете заместителя министра финансов Ляо Чжункая были обнаружены секретные документы — переписка Сунь Ятсена, свидетельствующая о том, что он разрабатывал план заключения союза Китайской Республики, Германии и Советской России.

В одном из этих писем находившийся в Германии Чжу Хэчжун писал Сунь Ятсену:

> Заручившись помощью со стороны Гинтце, мне удалось добиться определенных успехов, и я значительно расширил сферу своей деятельности.

[1] Там же.

[2] Gale to The Secretary of State, September 24, 1922 // USDS. 761.93/258.



No. 312.

AMERICAN CONSULATE GENERAL

Hongkong, September 24, 1922.

DIVISION OF RN EUROPEAN AFFAIRS NOV 3 1922 RTMENT OF STATE

SUBJECT: Alleged secret documents discovered at Canton and published by the Hongkong Telegraph implicating Dr. Sun Yat Sen in an intrigue in Bolshevist interests.

Copy sent to M. I. D.

A3 NOV. 8 1922

DIVISION OF FAR EAST AFFAIRS 8 NOV 1922 Department of State

THE HONORABLE THE SECRETARY OF STATE,

WASHINGTON.

SIR:

I have the honor to enclose herewith, for the Department's information, three copies of a pamphlet reprinted from the Hongkong Telegraph, a local newspaper, on September 22, 1922, containing certain alleged secret documents, including what purports to be an autographed letter from Dr. Sun Yat Sen, which implicate Dr. Sun in an intrigue to bring about an alliance with China, Germany and Russia, in Bolshevist interests.

It has not been possible to confirm the statements of the Hongkong Telegraph in regard to these documents. The Hongkong Government professes to have no information on the subject other than that furnished by the newspaper. The Colonial Secretary, however, has stated to me that in his opinion the documents are authentic.

I have the honor to be, Sir,

your obedient servant,

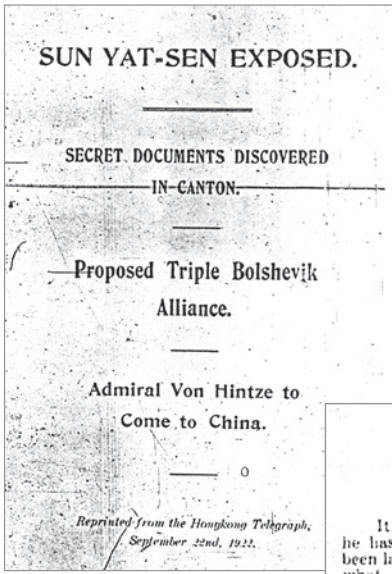
William J. Gale,

Consul General.

Enclosure:

FILED NOV 11 1922

761.94/258



SUN YAT-SEN EXPOSED.

SECRET DOCUMENTS DISCOVERED IN CANTON.

Proposed Triple Bolshevik Alliance.

Admiral Von Hintze to Come to China.

Reprinted from the Hongkong Telegraph, September 22nd, 1922.

SUN YAT-SEN EXPOSED.

It has long since been charged against Dr. Sun Yat-sen that he has embraced Bolshevist doctrines. Up till now there has been lack of concrete proof, but to-day we are enabled to publish what we know to be irrefutable evidence that Sun has been conspiring to bring about an alliance between China, Germany and Russia, based on Bolshevist ideals. Let us tell the story first in brief.

On July 24th the French newspaper *L'Avenir du Tonkin*, published at Hanoi, contained the following paragraph:—

"Le Gouvernment de Chen-Chiung-Ming devoile des documents originaux etablissant le projet d'une entente Sino-Russe-Allemande elabore par Sun Yat-sen et le Ministre d'Allémagne a Moscou, M. Von Hintze, ex-Ministre a Pekin."

On having our notice called to the above, and realising its importance, we began to make our own enquiries, with the result that the story has been verified beyond all question.

When Sun Yat-sen and his officials fled from their homes on the night of General Yip Kue's coup in Canton, the Vice-Minister of Finance left behind a safe. In that safe were discovered certain letters, one being in Sun's own handwriting, proving that negotiations were then being carried on to bring about the alliance already referred to. Photographic copies of those letters have been secured by us, and we have taken every step to ensure that they are genuine before giving publicity.

From the translations, which are given below, it is revealed that the leading spirits in this movement are Dr. Sun Yat-sen and Admiral Von Hintze, the present German Minister to Moscow and who was formerly German Ambassador to Peking. It is shown that Sun, working through the medium of a paid Chinese emissary in Berlin named Chu Wo-chong, has managed to secure the co-operation of Admiral Von Hintze, who, in turn, is planning to be sent secretly to China by the German Government. The correspondence shows that it had been arranged for Admiral Von Hintze (travelling under an assumed name) to be met on arrival at Hongkong by Tse Ah Pak, (the notorious Canton Socialist M.P.?) The latter was then to escort Admiral Von Hintze to Sun Yat-sen's headquarters in Canton. It further reveals that a Bureau was to be established with Admiral Von Hintze as its Head, acting in the capacity of Advisor to Sun Yat-sen. This Bureau was to arrange for Bolshevik agents to be sent to China. A further disclosure is that Sun Yat-sen was

Обложка и первая страница брошюры «Сунь Ятсен разоблачен»

<...> Наши планы только-только начинают обретать свои очертания. Чтобы получить результат, мне понадобится еще по крайней мере месяцев шесть. Поэтому о моем возвращении в Китай сейчас не может быть и речи, поскольку я не могу бросить все на произвол судьбы. Жду от Вас денег и указаний[1].

Среди обнаруженных в сейфе бумаг было еще одно письмо Чжу Хэчжуна Сунь Ятсену.

Первая страница письма Чжу Хэчжуна Сунь Ятсену от 1 января 1922 г.

В нем сообщалось:

Бывший германский посланник Гинтце прекрасно осведомлен о ситуации в Китае. За 8 лет, проведенных со специальной военной миссией в России, у него установились добрые отношения со многими деятелями этой страны.

Он свободно говорит по-английски, по-русски и по-французски. Кроме того, он мыслит по-новому, активен и тактичен. Его планы соответствуют нынешним демократическим тенденциям. Таких людей в Германии немного. Еще до моего приезда в Берлин Гинтце выступал за заключение союза между Китаем, Германией и Россией – план, отвечающий Вашим тайным намерениям. В результате моих переговоров с ним он решил отложить все прочие политические дела, с тем чтобы целиком сосредоточиться на данной проблеме. Решено совместно с нами организовать комиссию, которая подготовит заключение этого союза. Через два

[1] Ibid.

По мнению Чжу Хэчжуна, на Гинтце вполне можно было положиться

месяца, когда все необходимые шаги будут предприняты, он запросит разрешение премьер-министра на поездку в Китай. По моему мнению, Гинтце следует назначить руководителем этой комиссии. После этого нужно назначить глав нескольких подкомиссий. Что до других официальных участников, документации и решений, которые будут приняты, то этим займется генеральный секретарь. Глава комиссии будет Вашим советником. Руководители подкомиссий будут решать, кто должен прибыть в Китай немедленно, а кто позднее, какие материалы следует доставить в первую очередь, какие — во вторую, какие меры должны быть приняты незамедлительно, а какие могут подождать. Решения по всем этим вопросам будут приниматься Вами совместно с руководителем комиссии. Если контакты между Востоком и Западом будут установлены и принципы взаимодействия оговорены, этот проект быстро заработает. Но, учитывая высокое положение Гинтце, ему придется действовать под псевдонимом, и немецкая публика ничего не будет знать о его участии в проекте.

Когда придет время, я сообщу Вам название судна, на котором он прибудет в Китай, и прошу встретить его в Гонконге, с тем чтобы секретно сопроводить в Кантон. Я не касаюсь здесь вопроса о том, согласитесь ли Вы с его предложениями и используете ли его по прибытии в Китай. В моей телеграмме буква «Н» будет проставлена вместо фамилии Гинтце[1].

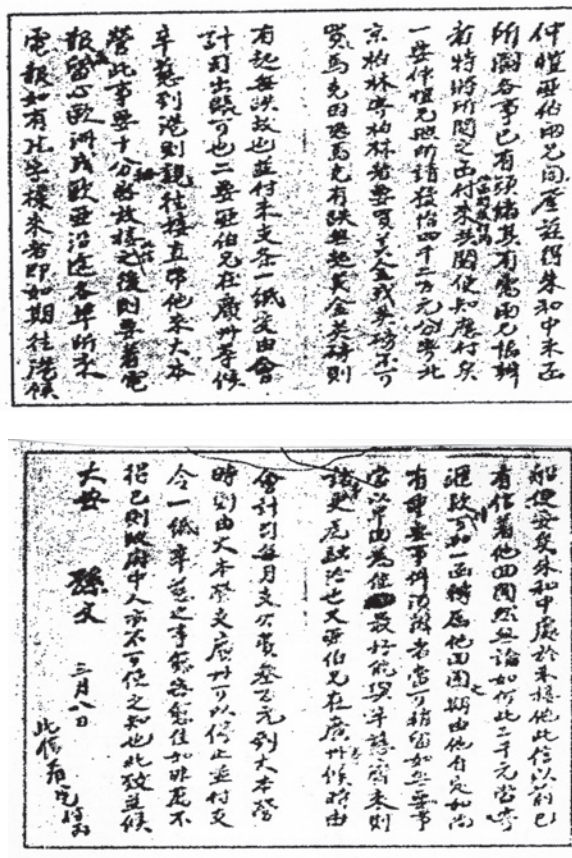
В сейфе было еще одно письмо, адресованное Сунь Ятсеном Ляо Чжункаю и Цао Ябо:

От Чжу Хэчжуна получено сообщение о том, что подготовка к осуществлению плана идет успешно. Из нижеследующего вы поймете, почему мне нужна ваша помощь (прочитав, сожгите это письмо).

Во-первых, [Ляо] Чжункай должен послать 420 000 юаней в два адреса: в Пекин и Берлин. Доля, предназначенная для Берлина, должна быть в американских долларах или английских фунтах, но не в марках, так как курс марки падает, а доллар и фунт укрепляются. В конверте вы найдете счет, который будет оплачен моим кассиром.

Во-вторых, [Цао] Ябо должен ждать в Кантоне приезда Гинтце в Гонконг, встретить его там и сопроводить сюда, в штаб-квартиру.

[1] Ibid.



Письмо Сунь Ятсена Ляо Чжункаю и Цао Ябо от 8 марта 1922 г.

Это должно быть сделано в полной тайне. Получив это письмо, дайте указание телеграфному ведомству внимательно просматривать все телеграммы из Европы и из портов на пути из Европы в Азию. Как только будет обнаружена телеграмма, помеченная литерой «Н», Ябо должен немедленно выехать в Гонконг и в условленный день дожидаться там приезда Гинтце.

Еще до получения корреспонденции из Германии я написал Чжу Хэчжуну и просил его вернуться в Китай. Пошлите ему 3000 долларов и напишите ему, что он может сам решить, когда ему возвращаться. Он может отложить отъезд из Германии, если ему еще предстоят важные

переговоры. Но было бы хорошо, если бы он мог приехать на том же пароходе, что и Гинтце: это облегчило бы дело. <...>

Всё, что связано с приездом Гинтце, должно оставаться в полнейшей тайне. За исключением самых крайних случаев об этом не должны знать даже члены правительства. С наилучшими пожеланиями,

Сунь Вэнь. 8 марта.

После прочтения письмо сжечь[1].

То, о чем не должны были знать даже члены кантонского правительства, стало достоянием падких на сенсации газетчиков.

Реакция прессы

Для либеральных средств массовой информация разоблачение тайных переговоров Сунь Ятсена с Германией явилось прекрасным поводом для того, чтобы еще раз высказать всё, что они думали о лидере Гоминьдана.

Англоязычная «The Shanghai Times» посвятила Сунь Ятсену большую статью под названием «Зловещая китайская фигура», в которой припомнила ему, что в годы Синьхайской революции Сунь Ятсен находился в Америке и был сторонним наблюдателем того, что в это время происходило в Китае.

Не менее критически газета отозвалась об адмирале Гинтце – «ближайшем друге экс-кайзера Вильгельма», который был во время войны послан в Китай не для того, чтобы налаживать дружеские отношения с этой страной, а для защиты эгоистических интересов Германии, в чем он, однако, не преуспел.

Генеральный консул Соединенных Штатов в Шанхае Э. Каннингам не замедлил переслать эту статью Госсекретарю США[2].

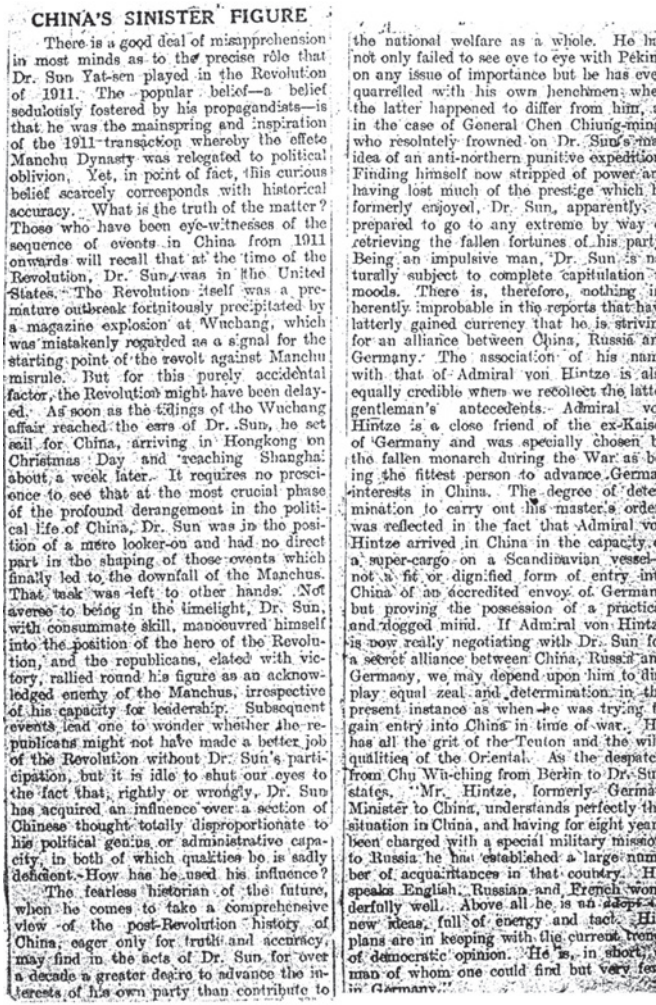
Сунь Ятсену пришлось оправдываться.

Сунь Ятсен не стал отрицать подлинность писем, обнаруженных в сейфе Ляо Чжункая, и признал, что действительно выступает за сближение Китая с Германией и Россией, но категорически отверг предъявленное ему обвинение в намерении способствовать распространению в Китае коммунистических идей.

Д-р Сунь заявил, что это обвинение глупо, потому что никто не может утверждать, что в Китае существуют исторические и экономические условия, приведшие к появлению большевизма. И это обвинение ложно,

[1] Ibid.

[2] USDS. 893-00/4733.



CHINA'S SINISTER FIGURE

There is a good deal of misapprehension in most minds as to the precise rôle that Dr. Sun Yat-sen played in the Revolution of 1911. The popular belief—a belief sedulously fostered by his propagandists—is that he was the mainspring and inspiration of the 1911 transaction whereby the effete Manchu Dynasty was relegated to political oblivion. Yet, in point of fact, this curious belief scarcely corresponds with historical accuracy. What is the truth of the matter? Those who have been eye-witnesses of the sequence of events in China from 1911 onwards will recall that at the time of the Revolution, Dr. Sun was in the United States. The Revolution itself was a premature outbreak fortuitously precipitated by a magazine explosion at Wuchang, which was mistakenly regarded as a signal for the starting point of the revolt against Manchu misrule. But for this purely accidental factor, the Revolution might have been delayed. As soon as the tidings of the Wuchang affair reached the ears of Dr. Sun, he set sail for China, arriving in Hongkong on Christmas Day and reaching Shanghai about a week later. It requires no prescience to see that at the most crucial phase of the profound derangement in the political life of China, Dr. Sun was in the position of a mere looker-on and had no direct part in the shaping of those events which finally led to the downfall of the Manchus. That task was left to other hands. Not averse to being in the limelight, Dr. Sun, with consummate skill, manœuvred himself into the position of the hero of the Revolution, and the republicans, elated with victory, rallied round his figure as an acknowledged enemy of the Manchus, irrespective of his capacity for leadership. Subsequent events lead one to wonder whether the republicans might not have made a better job of the Revolution without Dr. Sun's participation, but it is idle to shut our eyes to the fact that, rightly or wrongly, Dr. Sun has acquired an influence over a section of Chinese thought totally disproportionate to his political genius or administrative capacity, in both of which qualities he is sadly deficient. How has he used his influence?

The fearless historian of the future, when he comes to take a comprehensive view of the post-Revolution history of China, eager only for truth and accuracy, may find in the acts of Dr. Sun for over a decade a greater desire to advance the interests of his own party than contribute to the national welfare as a whole. He has not only failed to see eye to eye with Peking on any issue of importance but he has even quarrelled with his own henchmen when the latter happened to differ from him, as in the case of General Chen Chiung-ming, who resolutely frowned on Dr. Sun's mad idea of an anti-northern punitive expedition. Finding himself now stripped of power and having lost much of the prestige which he formerly enjoyed, Dr. Sun, apparently, is prepared to go to any extreme by way of retrieving the fallen fortunes of his party. Being an impulsive man, Dr. Sun is naturally subject to complete capitulation to moods. There is, therefore, nothing inherently improbable in the reports that have latterly gained currency that he is striving for an alliance between China, Russia and Germany. The association of his name with that of Admiral von Hintze is also equally credible when we recollect the latter gentleman's antecedents. Admiral von Hintze is a close friend of the ex-Kaiser of Germany and was specially chosen by the fallen monarch during the War as being the fittest person to advance German interests in China. The degree of determination to carry out his master's orders was reflected in the fact that Admiral von Hintze arrived in China in the capacity of a super-cargo on a Scandinavian vessel—not a fit or dignified form of entry into China of an accredited envoy of Germany but proving the possession of a practical and dogged mind. If Admiral von Hintze is now really negotiating with Dr. Sun for a secret alliance between China, Russia and Germany, we may depend upon him to display equal zeal and determination in the present instance as when he was trying to gain entry into China in time of war. He has all the grit of the Teuton and the wily qualities of the Oriental. As the despatch from Chu Wu-ching from Berlin to Dr. Sun states, "Mr. Hintze, formerly German Minister to China, understands perfectly the situation in China, and having for eight years been charged with a special military mission to Russia he has established a large number of acquaintances in that country. He speaks English, Russian and French wonderfully well. Above all he is an adept at new ideas, full of energy and tact. His plans are in keeping with the current trend of democratic opinion. He is, in short, a man of whom one could find but very few in Germany."

Статья «Зловещая китайская фигура», помещенная в «The Shanghai Times» от 2 октября 1922 г. (фрагмент)

так как д-р Сунь не только не планировал превращение Китая в коммунистическое государство, но никогда даже не думал о возможности этого[1].

Как помнит читатель, весной 1920 г. Сунь Ятсен заверял М. Г. Попова, что он является сторонником советской системы.

[1] Ibid.

DR. SUN SAYS HE WROTE TO RUSS AND GERMANS AS REBUKE TO POWERS

Sought Their Co-operation "Because They Are The Only Nations That Treat China As An Equal," He Explains in Statement

U. S. AND EUROPE DEAF TO HIS PLEAS

Denies Intention To Spread Bolshevism In China And Says Translations Of Letters Were Garbled Into Twisted Meanings

In a formal written statement that he issued yesterday Dr. Sun Yat-sen gave answer to the blast that was directed against him by the Hongkong Telegraph which printed letters said to have been discovered after the Canton revolt and disclosing that Doctor Sun was negotiating a triple alliance of China with Germany and Soviet Russia.

Объяснения Сунь Ятсена[1]

Как и в 1918 г., Сунь Ятсен, строя план сотрудничества Китая, России и Германии, ограничился переговорами с Берлином, не считая нужным согласовать свои намерения с Москвой.

Сунь Ятсен приглашает японцев на остров Хайнань

К сказанному следует добавить, что еще один секретный документ был обнаружен в кабинете Сунь Ятсена после его бегства из Кантона.

11 июля 1922 г. генеральный консул Дж. Джемисон сообщил об этой находке посланнику Великобритании в Пекине и приложил к письму текст документа, о котором шла речь.

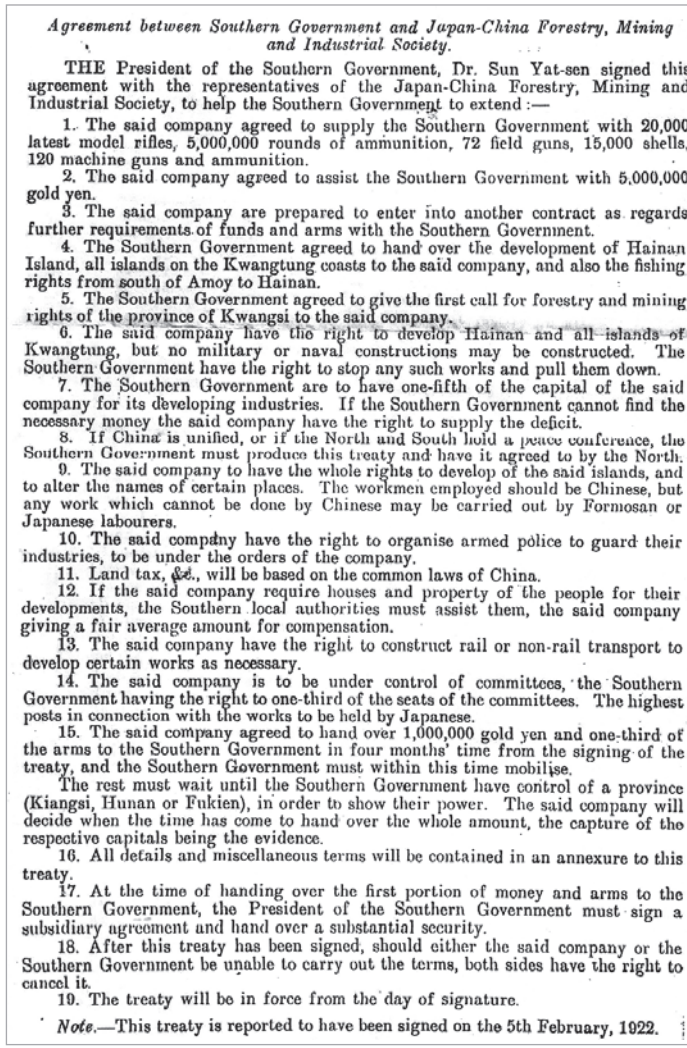
Это было заключенное 5 февраля 1922 г. соглашение Сунь Ятсена с создаваемой «Japan-China Forestry, Mining and Industrial Society», 4/5 оборотного капитала которой принадлежало Японии, и высшие посты в руководстве которой занимали граждане Японии.

По соглашению японская сторона должна была поставить Южному правительству 20 000 винтовок новейшей модели, 1 000 000 патронов, 72 полевых орудия, 15 000 снарядов, 120 пулеметов и 5 000 000 иен наличными. Третья часть вооружения и боеприпасов, а также 1 000 000 иен

[1] The China Press, September 30, 1922.

передавались китайской стороне в течение 4 месяцев после подписания соглашения.

Со своей стороны Южное правительство предоставляло смешанной японо-китайской компании права на освоение острова Хайнань и при-



Agreement between Southern Government and Japan-China Forestry, Mining and Industrial Society.

THE President of the Southern Government, Dr. Sun Yat-sen signed this agreement with the representatives of the Japan-China Forestry, Mining and Industrial Society, to help the Southern Government to extend :—

1. The said company agreed to supply the Southern Government with 20,000 latest model rifles, 5,000,000 rounds of ammunition, 72 field guns, 15,000 shells, 120 machine guns and ammunition.

2. The said company agreed to assist the Southern Government with 5,000,000 gold yen.

3. The said company are prepared to enter into another contract as regards further requirements of funds and arms with the Southern Government.

4. The Southern Government agreed to hand over the development of Hainan Island, all islands on the Kwangtung coasts to the said company, and also the fishing rights from south of Amoy to Hainan.

5. The Southern Government agreed to give the first call for forestry and mining rights of the province of Kwangsi to the said company.

6. The said company have the right to develop Hainan and all islands of Kwangtung, but no military or naval constructions may be constructed. The Southern Government have the right to stop any such works and pull them down.

7. The Southern Government are to have one-fifth of the capital of the said company for its developing industries. If the Southern Government cannot find the necessary money the said company have the right to supply the deficit.

8. If China is unified, or if the North and South hold a peace conference, the Southern Government must produce this treaty and have it agreed to by the North.

9. The said company to have the whole rights to develop of the said islands, and to alter the names of certain places. The workmen employed should be Chinese, but any work which cannot be done by Chinese may be carried out by Formosan or Japanese labourers.

10. The said company have the right to organise armed police to guard their industries, to be under the orders of the company.

11. Land tax, &c., will be based on the common laws of China.

12. If the said company require houses and property of the people for their developments, the Southern local authorities must assist them, the said company giving a fair average amount for compensation.

13. The said company have the right to construct rail or non-rail transport to develop certain works as necessary.

14. The said company is to be under control of committees, the Southern Government having the right to one-third of the seats of the committees. The highest posts in connection with the works to be held by Japanese.

15. The said company agreed to hand over 1,000,000 gold yen and one-third of the arms to the Southern Government in four months' time from the signing of the treaty, and the Southern Government must within this time mobilise.

The rest must wait until the Southern Government have control of a province (Kiangsi, Hunan or Fukien), in order to show their power. The said company will decide when the time has come to hand over the whole amount, the capture of the respective capitals being the evidence.

16. All details and miscellaneous terms will be contained in an annexure to this treaty.

17. At the time of handing over the first portion of money and arms to the Southern Government, the President of the Southern Government must sign a subsidiary agreement and hand over a substantial security.

18. After this treaty has been signed, should either the said company or the Southern Government be unable to carry out the terms, both sides have the right to cancel it.

19. The treaty will be in force from the day of signature.

Note.—This treaty is reported to have been signed on the 5th February, 1922.

Текст соглашения с Японией, подписанный Сунь Ятсеном[1]

[1] Jamieson to Alston, July 11, 1922 // FO 371-8050.

брежных островов провинции Гуандун, а также на рыболовство в окрестных водах.

Компания получала право создавать на Хайнане свою собственную полицию, строить железные и грунтовые дороги и переименовывать местные географические названия.

В соглашении оговаривалось: «Если после подписания договора вышеуказанная компания или Южное правительство окажутся не в состоянии выполнять согласованные условия, обе стороны имеют право расторгнуть его».

Стороной, оказавшейся не в состоянии выполнять условия соглашения, стал Сунь Ятсен, вынужденный тайно бежать из столицы.

Глава XIX

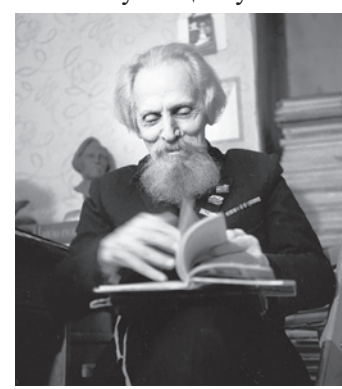
«Великий перелом» в мировоззрении Сунь Ятсена?

На пути к альянсу

Почему в последние годы жизни Сунь Ятсен отважился пойти на союз с Советской Россией? Эта тема всегда привлекала к себе внимание историков. Многое здесь остается спорным.

Ленин меняет свое отношение к Сунь Ятсену

Известно, что до Октябрьского переворота Ленин не раз интересовался деятельностью Сунь Ятсена и давал ей высокую оценку. Но став во главе Советского государства, Ленин проявлял в этом отношении сугубую осторожность.



Н. Н. Матвеев-Бодрый (1891–1979)

В конце 1919 г. Сунь Ятсена навестил в Шанхае Н. Н. Матвеев-Бодрый. Вспоминая об этой встрече, он писал:

> Когда мы спросили Сунь Ятсена о его отношении к Великой Октябрьской революции в России, он молча вынул из кипы аккуратно лежавших на столе документов небольшой листок бумаги. С едва заметной счастливой улыбкой на лице он протянул его нам.

> Это была телеграмма от Ленина, написанная по-французски. В ней Ленин выражал Сунь Ятсену свое уважение. Было видно, что эти несколько слов вождя пролетарской революции чрезвычайно взволновали великого китайского революционера[1].

Однако это свидетельство противоречит утверждению как получателя вышеупомянутой телеграммы, так и ее автора.

14 июня 1921 г. Сунь Ятсен получил из Москвы письмо Чичерина, отправленное еще за несколько месяцев до этого, и написал в ответ:

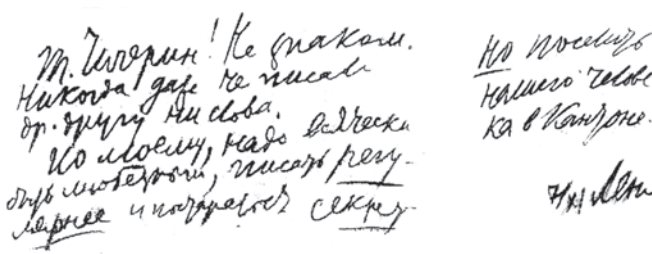
> Прежде всего я должен информировать Вас, что это первое и единственное письмо, полученное мною от Вас или от кого-либо из Советской России[2].

Если в 1919 г. несколько слов вождя пролетарской революции взволновали Сунь Ятсена, то почему в 1921 г. он утверждал, что вообще не получал этой телеграммы от Ленина?

В конце своего послания Чичерину Сунь Ятсен попросил его передать привет своему «другу Ленину». Чичерина это удивило. Он переслал письмо Ленину вместе со своей запиской:

> Многоуважаемый Владимир Ильич, посылаю Вам для ознакомления письмо Сунь Ятсена, заключающее в себе, между прочим, привет Вам. Он называет Вас своим другом.

Несколько слов, начертанных Лениным на записке Чичерина, — ценное историческое свидетельство, смысл которого был до неузнаваемости искажен публикаторами[3].



Ответ Ленина на записку Чичерина от 6 ноября 1921 г.

[1] *Матвеев-Бодрый Н. Н.* Две встречи с Сунь Ятсеном // Дальний Восток. 1957. № 3. С. 175.

[2] Сунь Ятсен — Чичерину, 28 августа 1921 г. // Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М. 1959. С. 57.

[3] Чичерин — Ленину, 6 ноября 1921 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. 1920–1925. М. 1994. С. 65.

Прежде всего, Ленин категорически заявил, что он с Сунь Ятсеном вообще «не знаком» и что они «никогда не писали друг другу ни слова».

Далее следует рекомендация:

> По-моему, надо всячески быть любезными, писать ***регулярнее*** и постараться ***секретно*** поселить нашего человека в Кантоне.

Предписание «всячески быть любезными» с Сунь Ятсеном в устах Владимира Ильича, в общении с коллегами обычно не стеснявшегося использовать крепкие выражения, порой выходящие за пределы нормативной лексики, звучит многозначительно: с товарищами по оружию не было необходимости любезничать.

Не менее глубокий смысл заключен и в требовании «секретно поселить нашего человека в Кантоне». Его невозможно истолковать иначе как предложение создать нелегальный источник информации о деятельности Сунь Ятсена.

Ничего не сказав о своем отношении к содержанию письма Сунь Ятсена, Ленин возвратил его Чичерину.

Через два месяца Ленин почему-то неожиданно вспомнил об этом письме:

> Т. Чичерин! Помните, Вы мне посылали письмо Сунь Ятсена? Еще в нем он говорил что-то о ***дружбе*** ко мне, и Вы запрашивали меня, знал ли его я? К Вам или ко мне адресовано было это письмо? Сохранилось ли оно у Вас в архиве? И мой ответ с Вашим запросом? Если да, не можете ли прислать мне (на адрес Фотиевой)? Если нет, что ***помните*** об этом?[1]

Приведя эти слова Ленина, А. И. Картунова замечала: «Сведений о том, для какой цели В. И. Ленин запрашивал письмо Сунь Ятсена, не имеется. Но это еще раз подтверждает тот интерес и внимание, с которым Владимир Ильич отнесся к этому письму»[2].

Однако почему же в ноябре 1921 г. Ленин не проявил никакого интереса к письму Сунь Ятсена, а в январе 1922 г. ему вдруг захотелось еще раз перечитать его?

Сегодня мы можем ответить на этот вопрос.

В конце 1921 г. представитель Нидерландской компартии в Коминтерне Х. Сневлит (Маринг) выступил инициатором оригинального плана: молодые компартии, еще не успевшие завоевать поддержку трудящихся масс, вступают в прогрессивные буржуазно-демократические партии

---

[1] Ленин — Чичерину, 26 января 1922 г. // Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 141–142.

[2] *Картунова А. И.* Сунь Ятсен — друг Советского Союза // Вопросы истории КПСС. 1966. № 10. С. 31.

Х. Сневлит (1883–1942)

своих стран и создают с ними единый антиимпериалистический фронт.

В Китае единственным кандидатом на роль партнера только что созданной компартии был Гоминьдан.

Ленин одобрил идею Сневлита. Контакт с Сунь Ятсеном теперь представлялся ему необходимым предварительным шагом для реализации плана создания единого фронта в Китае. Еще раз перечитав письмо Сунь Ятсена, Ленин пришел к выводу, что следует опробовать на практике комбинацию «Гоминьдан–КПК».

В это время в Москве находились представители обеих партий, участвовавшие в работе съезда революционных организаций Дальнего Востока. Ленин принял их, задав тому и другому один и тот же вопрос: возможен ли союз китайской компартии с Гоминьданом?

Эмиссар Сунь Ятсена Чжан Цюбай отвечал на этот вопрос положительно, представитель КПК Чжан Готао — тоже, хотя и с некоторыми оговорками[1].

Решение было принято — Сневлит получил партийное поручение сформировать в Китае единый антиимпериалистический фронт.

Мнение Виленского

В. Д. Виленский (1888–1942)

В 1922 г. представитель Советского правительства А. К. Пайкес вел в Пекине переговоры о судьбе Китайско-Восточной железной дороги. НКИД принял решение усилить советскую делегацию, послав в Китай еще одного энергичного дипломата — В. Д. Виленского (Сибирякова).

Познакомившись на месте с положением в стране, Виленский выдвинул целый ряд предложений, не совпадавших с первоначальными намерениями Москвы.

Прежде всего он утверждал, что «на очереди стоит вопрос о РУССКО-КИТАЙСКОМ СОЮЗЕ,

[1] Подробнее см.: *Глунин В. И.* Первая миссия Гоминьдана в Москве. С. 103.

который весьма вероятен в условиях победы националистических элементов, становящихся сейчас у власти.

Весьма вероятно, что такой союз мог бы иметь основой соглашения оборонительного порядка против японского влияния в Маньчжурии»[1].

Но с кем конкретно мог бы быть заключен подобный союз? Отвечая на этот вопрос, 11 мая Виленский писал в Наркоминдел:

> С Юга идут тревожные сведения о возможностях крушения Кантонского правительства. Возможно, что здесь пока много преувеличенного, но нет дыма без огня, и очень может быть, что в этих сообщениях есть доля истины.
>
> Во всяком случае, из двух фигур, оставшихся сейчас на политической арене Китая — У Пэйфу и д-ра Сунь Ятсена, первая блещет ярче, а главное — У Пэйфу располагает победоносной армией, которую китайцы склонны отождествлять с «Национальной китайской армией», которая должна выполнить задачу борьбы за объединение Китая и утверждение его независимости[2].

Стремясь убедить правительство в необходимости сменить ориентиры, Виленский писал 3 июля Чичерину и Троцкому:

> Главным фактом китайской политики является генерал У Пэйфу, в руках которого армия, финансы, пути сообщения, а также Министерство внутренних дел. Большинство провинций Юга ориентируется сейчас на У Пэйфу, результатом чего явился почти полный крах правительства Сунь Ятсена[3].

Решив ковать железо пока горячо, Виленский добивается встречи с У Пэйфу в его ставке в Баодине.

У Пэйфу (1874–1939)

О своей встрече с У Пэйфу Виленский подробно рассказал в своей книге «За Великой китайской стеной».

> Среднего роста, немного сутулый, в скромной одежде, с мягкой улыбкой, он с первого взгляда производит впечатление скромного и мягкого человека. И только внимательно наблюдая его в процессе разговора, можно было подметить, что за этой мягкой

[1] Виленский — Чичерину, 21 мая 1922 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 5. П. 101, Д. 1. С. 23.

[2] *Виленский В. Д.* Вместо отчета о деятельности, 11 мая 1922 г. // Там же. С. 20.

[3] Виленский — Чичерину и Троцкому, 3 июля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2194. С. 87.

Первое издание книги В. Д. Виленского «За Великой китайской стеной» 1923 г. (РГБ)

внешностью скрывается большая сила воли, которая отличает У Пэйфу среди других политических деятелей современного Китая.<...>

— Я отношусь с большой симпатией к Советской России. К сожалению, военная обстановка не дает мне возможности сделать необходимые шаги, — как бы оправдываясь, начал У Пэйфу беседу. — Китай переживает момент исключительного напряжения. Все внимание сейчас поглощают внутренние дела.

— Какие же задачи Вы себе ставите сейчас?

— Две задачи: объединение Китая и создание национальной армии. Без осуществления этих двух задач Китай не сможет добиться национального возрождения.

— Какой же путь национального возрождения Китая, по-Вашему, более вероятен?

— В первую очередь — объединение с Югом. Я думаю, что созыв старого парламента облегчит нам эту задачу, хотя должен признаться, что задача эта нелегкая[1].

Одним из результатов визита Виленского в Баодин было письмо У Пэйфу, адресованное Троцкому:

> Многоуважаемый г-н Троцкий,
>
> Член советской миссии в Китае г-н Виленский недавно посетил меня, и от него я много узнал о Вас, о Вашей работе, энтузиазме и о Вашей силе воли.
>
> Будучи лидерами освободительного движения человечества, мне представляется, что единственной задачей, стоящей в настоящее время передо мною и Вами, это приложить наши усилия для реконструкции наших стран. После завершения этой работы Россия и Китай будут вместе бороться за мир и благополучие Дальнего Востока. Выражаю пожелание, что Вы и я будем вести нашу работу по этой линии[2].

Троцкий ответил на это письмо:

> Многоуважаемый г-н У Пэйфу!

---

[1] *Виленский-Сибиряков В. Д.* За Великой китайской стеной (Люди, быт и общественность). Изд. 2-е. М. 1925. С. 147.

[2] У Пэйфу — Троцкому, 29 июня 1922 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 5. П. 101. Д. 1. С. 29.

На днях в Москву приехал член нашей дипломатической миссии в Китае тов. Виленский, который передал мне Ваше любезное письмо и рассказал о действительном положении в Китае, где Вам приходится вести напряженную работу для дела национального возрождения Китая и освобождения его от опеки иностранных империалистов.

Могу Вам сообщить, что мы искренне сочувствуем той борьбе, которая идет в Китае под знаменем борьбы за независимость, и стараемся внимательно следить за всем происходящим в Китае.

Я вполне разделяю Вашу мысль, что народы Китая и Советской России не только естественно друзья, но имеют своей исторической задачей стремиться к установлению мира на Д[альнем] Востоке. И чем скорее будет осуществлена эта задача, совместные действия Китая и Советской России на Д[альнем] Востоке получат наконец возможность мирного развития и упрочения своего благосостояния.

Опыт моей страны показал, что освободиться от назойливости империалистов [можно] только силой оружия. Поэтому Ваше стремление создать национальную китайскую армию я считаю правильным. Но армия должна служить интересам народа и быть тесно связана с народом. Только такая армия может победить и быть полезной своей стране.

Т. Виленский мне передал, что Вы интересуетесь Красной Армией. Спешу послать Вам несколько книжек, которые смогут объяснить Вам наши достижения в военном деле.

Что касается ряда вопросов, которые Вы обсуждали с т. Виленским, то я полагал бы, что продолжить это обсуждение Вы могли бы с т. Иоффе, который является нашим полномочным представителем в Китае.

Выражаю надежду, что Вам удастся преодолеть препятствия, стоящие на пути к освобождению Китая от опеки империалистов[1].

Казалось, всё было готово к заключению военно-политического союза с У Пэйфу. Но после того как вместо Пайкеса в Китай прибыл А. А. Иоффе, ситуация несколько изменилась.

Коммюнике Сунь Ятсен — Иоффе

Не отвергая того, что было сделано Виленским для установления тесных контактов с У Пэйфу, Иоффе сформулировал иной план вовлечения Китая в антиимпериалистическую борьбу. Эта цель, по его мнению, могла быть наиболее успешно достигнута в том случае, если бы

[1] Троцкий — У Пэйфу, 27 августа 1922 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 7.. П. 107. Д. 19. С. 182–183.

А. А. Иоффе (1883–1927)

противостояние Сунь Ятсен — У Пэйфу не только было бы преодолено, но два деятеля объединили свои усилия, направленные на объединение страны.

Сразу же после прибытия в Пекин Иоффе приступил к реализации этого плана.

Прежде всего он направил У Пэйфу письмо, начинавшееся словами:

Русский народ с неослабным вниманием следит за национальной борьбой китайского народа во имя политического и экономического раскрепощения от империалистического ига. И с особым вниманием и симпатией мы все следим за Вами, кто в одном лице умеет объединить глубокомыслие философа с мудростью опытного и умелого политика и талантливого военного стратега.

Я был бы счастлив повидаться с Вами лично для того, чтобы, во-первых, ближе узнать крупнейшего политического и военного деятеля Китая, а во-вторых, чтобы обсудить с Вами вопросы, взаимно интересующие оба государства и народа.

Но, к сожалению, в данный момент, вероятно, личное свидание невозможно, и потому я посылаю к Вам вполне доверенное лицо, моего консультанта по военным делам г-на Геккера, бывшего командующим армией во время последней войны в России, а затем начальником Российской Академии Генерального штаба.

Прошу отнестись к нему с полным доверием[1].

Следующим на очереди было письмо Сунь Ятсену:

Я мечтал о том, что мне удастся лично познакомиться с Вами и таким образом повидать величайшего государственного деятеля современного борющегося за свое национальное освобождение Китая.

По Вашим письмам к тов. Чичерину я знаю, что Вы со свойственной Вам ясностью и трезвостью мысли превосходно понимаете основы нашей внешней политики вообще и дальневосточной в частности[2].

Отправляя копию этого письма Чичерину, Иоффе делает на ней многозначительную приписку: «Вопросы, заданные мною Сунь Ятсену, нарочито наивны».

1. Для меня неясно, есть ли Чжан Цзолинь и его группировка — тоже национально-освободительная группировка, но несколько более реакционная, чем другие, или же это просто агентура японского империализма.

[1] Иоффе — У Пэйфу, 19 августа 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2144. С. 277.

[2] Иоффе — Сунь Ятсену, 22 августа 1922 г. // Там же. С. 279–280.

Неясно мне также, на кого в смысле социально-классовом опирается Чжан Цзолинь и какие элементы поддерживают его в Пекине.

2. Для меня неясно, почему Вы недавно пошли на соглашение с Чжан Цзолинем против У Пэйфу. Было ли это просто желание поддержать казавшегося более сильным, чтобы он уничтожил другого для того, чтобы Вы оставались только с одним врагом, которого Вам легче было бы уничтожить впоследствии, или же Вы действительно считаете политику Чжан Цзолиня полезной для Китая? В связи с этим я хотел бы знать, какую именно линию поведения по отношению к Чжан Цзолиню Вы порекомендуете мне?

3. Для меня неясны Ваши разногласия с Чэнь Цзюнмином. Ведь одного только несогласия в том, из Пекина или из Кантона должно идти национальное объединение Китая, недостаточно, чтобы прийти к кровопролитной войне.

4. Для меня неясно, почему, если в нынешнем китайском парламенте партия Гоминьдан и вообще Юг играют большую роль, парламент этот не признается Вами.

5. Для меня неясно, почему, если Вы теперь идете на соглашение с У Пэйфу и влияние Ваше и Гоминьдана, следовательно, еще более увеличивается, китайское правительство, в особенности Министерство иностранных дел, ведет политику, нисколько не соответствующую ни программе Гоминьдана, ни действительным интересам китайского народа. <...>

Очень извиняюсь, что отнимаю у Вас столько времени своим письмом, но мнение умнейшего человека в Китае настолько ценно, что я не мог отказать себе в удовольствии запросить этого мнения[1].

Сунь Ятсен отреагировал на письмо Иоффе, ответив на заданные ему вопросы:

1. Чжан Цзолинь — китаец, и непостижимо, чтобы он мог испытывать желание увидеть порабощение своей страны чужой державой или работать для этого. Я не верю, что он — агент японцев. Что касается общественных классов, то Чжан Цзолинь, по-видимому, не опирается ни на один класс. Он полностью опирается на своих солдат, и, насколько мне известно, нет элементов, о которых можно было бы сказать, что они поддерживают его в Пекине. <...>

2. Я пришел к соглашению с Чжан Цзолинем прошлой зимой, главным образом потому, что он направил ко мне в Кантон своего представителя — или точнее, в Гуйлинь, где я сосредотачивал войска для

[1] Там же. С. 250–251.

Северного похода – и предложил сотрудничество в проведении в жизнь моей политики воссоединения страны, а также дал четкое обещание, что в случае необходимости выступит против японцев. Я могу заметить, что на аналогичных условиях я согласился на сотрудничество с Дуань Цижуем в позапрошлом году. Альтернативой принятию сотрудничества с Чжан Цзолинем была бы вооруженная борьба как с ним, так и с У Пэйфу. Чжан Цзолинь мог быть искренним или неискренним, когда предлагал сотрудничать со мной, но, будучи человеком практичным, я не имел права подозревать его в неискренности. Если бы позднее он показал свою неискренность, то тогда мне бы пришлось заняться им, но не раньше. Я считал чрезвычайно важным воссоединение Китая и был готов тогда и готов теперь к сотрудничеству со всяким лидером, принимающим мои условия. Этим объясняется направление, в котором ныне развиваются события, относящиеся к У Пэйфу.

Что касается Вашего отношения к Чжан Цзолиню, то я должен посоветовать Вам не толкать его к Японии и дать ему возможность быть более восприимчивым к моему влиянию. В настоящее время он, как представляется, активно выступает против Великобритании и Америки из-за их поддержки, якобы оказываемой У Пэйфу. Дополнительная враждебность с Вашей стороны может заставить его искать дипломатическую поддержку у Японии, ибо никто не хочет оказаться в полной изоляции. Имейте это в виду.

3. По этому вопросу я прилагаю к письму подписанное заявление о положении в Кантоне, которое я выпустил на прошлой неделе для информирования держав. Чэнь Цзюнмин — плохой человек. Можно понять политического сторонника, порывающего со своим политическим лидером [из-за разногласий] по одному из фундаментальных политических вопросов. Однако вся политическая жизнь подрывается в корне, когда такой разрыв принимает форму покушения на жизнь лидера.

4. На этот вопрос дает ответ тот факт, что я уже посоветовал всем депутатам парламента от партии Гоминьдан направиться в Пекин. Я отметил, что парламент имеет неотъемлемое право для созыва, что до сих пор он был лишен возможности собраться в Пекине из-за противодействия северных милитаристов, что это противодействие ныне устранено, и его последующий созыв в Пекине не станет признанием законности администрации Ли Юаньхуна, а просто даст преимущество в устранении противодействия повторному созыву парламента в столице.

5. Вы заблуждаетесь, полагая, будто в настоящее время я так или иначе нахожусь в контакте с китайским Министерством иностранных дел[1].

[1] Сунь Ятсен — Иоффе, 28 августа 1922 г. // Там же. С. 253–256.

Иоффе не скрывал своего удовлетворения ответом Сунь Ятсена, который «попался на эту удочку, ответил на все щекотливые вопросы»[1]. Главное, что он вынес из этого письма, — дальнейшее сближение лидеров Юга и Севера возможно.

В этом его убеждал и ответ У Пэйфу, доставленный вернувшимся в Пекин Геккером.

> [Геккер] вернулся от У Пэйфу. Говорит, никогда не видел такого образцового военного порядка: порядок, дисциплина максимальны, муштрование, обучение выше похвалы. Был принят с максимальными почестями, также военными. У Пэйфу и его политические советники заявили о полном согласии с моим письмом. Все заявляют себя русофилами. У Пэйфу прислал мне свой портрет[2].

Отсюда — вывод:

> Сунь Ятсен — идейный вождь Китая, У Пэйфу — военный; соединившись, оба создадут единый Китай. Теперь ведут переговоры, надеемся, согласятся, Сунь будет президентом республики, он сам — военмином и главкомом.

Иоффе с воодушевлением писал Сунь Ятсену:

> Самой счастливой комбинацией для Китая было бы Ваше объединение с У Пэйфу и совместное создание китайского центрального правительства.
>
> Мне кажется, что за обязательство признавать и поддерживать это правительство следовало бы вернуть Чжан Цзолиню все его звания, должности и чины.
>
> Мне кажется также, что Чжан Цзолинь согласился бы на такие условия и, таким образом, такое правительство фактически объединило бы весь Китай. Я совершенно не сомневаюсь, что в своем стремлении всемерно содействовать национальному объединению Китая и его освобождению от ига мирового империализма Россия оказывала бы такому правительству Китая всю ту поддержку и помощь, которые она в силах оказать.
>
> И думается мне, что при нынешнем международном положении, когда Россия опять заняла фактически подобающее ей место среди государств и, кроме того, является тем центром, вокруг которого объединяются все борющиеся за свое освобождение и государственную независимость народы и государства, такому правительству были бы не страшны происки империалистических держав, стремящихся не только сохранить наложенные ими на Китай цепи, но и наложить на него новые[3].

---

[1] Иоффе — Карахану, 30 августа 1922 г. // Там же. С. 113.

[2] Иоффе — Карахану, 25 августа 1922 г. // Там же. С. 113.

[3] Там же.

Тем временем Геккер, посланный Иоффе в Шанхай для встречи с Сунь Ятсеном, сообщал разочаровывающие новости:

> Сунь считает необходимым охарактеризовать обоих противников — У и Чжана. У – это старый китайский ***scholar***. Его нелегко заинтересовать новыми идеями. Он — «готовое изделие», в то время как бандит Чжан Цзолинь — «сырой материал», который можно обработать.
>
> Неверно считать, что он всего лишь орудие японцев. Есть примеры, показывающие, что он проводит свою собственную политику. Он — умный человек, хотя и без воспитания.
>
> У Пэйфу находится в зависимости от Англии и Америки. Он неоднократно обманывал китайцев, и Сунь Ятсен сильно сомневается в том, что сейчас можно всерьез воспринять его дружественные жесты по отношению к России. Он, несомненно, настроен против японцев, однако при этом, возможно неосознанно, является орудием англо-американского капитализма. Победа У Пэйфу была бы англо-американской победой[1].

Иоффе сообщал в Москву:

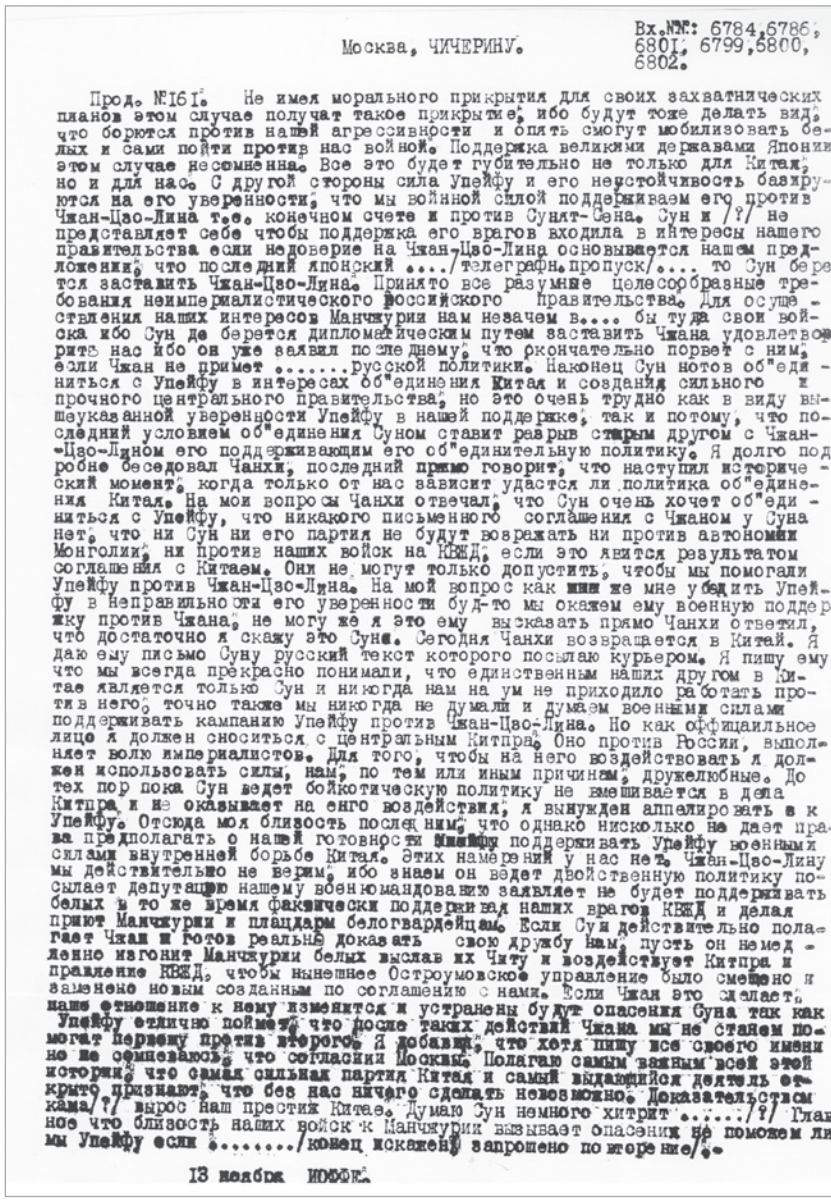
> Отношения между У Пэйфу и Сунь Ятсеном за последнее время опять испортились, и последний опять идет на сближение с Чжан Цзолинем.
>
> По-видимому, диктаторская воля Суня столкнулась с такой же волей У. Бесспорно, что оба друг друга боятся. Сунь с самого начала не очень-то рвал с Чжаном, чтобы в случае чего иметь в нем противодействие У, а последний, ввиду громадной популярности Суня, не могущий с ним рвать, стремился его ослабить, чтобы заключить союз со слабым, а не с сильным Сунь Ятсеном.
>
> Поэтому У Пэйфу, фактически (хотя и тайно) ведя переговоры о соглашении с Сунем, поддерживал врага последнего, Чэнь Цзюнмина (изгнавшего Суня из Кантона), и одновременно поддерживал борьбу против войск Суня, проводимую разными маленькими генералами в Сычуаньской провинции. План, по-видимому, был таков: оставить Суня без территории, на которую он мог бы опираться, и тогда заключить с ним союз, имея полную возможность противодействовать диктаторским наклонностям Суня <...>[2].

Вскоре Сунь Ятсен в письме к Иоффе поставил все точки над «i»:

> Со времени нашего последнего обмена посланиями я вступил в контакт с У Пэйфу, пытаясь выяснить возможность сотрудничества с ним

[1] Запись беседы Геккера с Сунь Ятсеном, 26 сентября 1922 г. // РГАСПИ, Ф. 514. Оп. 1. Д. 985. С. 20.

[2] Иоффе — советским руководителям, 20 октября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2145. С. 42.



Москва, ЧИЧЕРИНУ. Вх.№№: 6784,6786, 6801, 6799,6800, 6802.

Прод. №161. Не имея морального прикрытия для своих захватнических планов этом случае получат такое прикрытие, ибо будут тоже делать вид, что борются против нашей агрессивности и опять смогут мобилизовать белых и сами пойти против нас войной. Поддержка великими державами Японии этом случае несомненна. Все это будет губительно не только для Китая, но и для нас. С другой стороны сила Упейфу и его неустойчивость базируются на его уверенности, что мы военной силой поддерживаем его против Чжан-Цзо-Лина т.е. конечном счете и против Сунят-Сена. Сун и /?/ не представляет себе чтобы поддержка его врагов входила в интересы нашего правительства если недоверие на Чжан-Цзо-Лина основывается нашем предположении, что последний японский ..../телеграфн.пропуск/.... то Сун берется заставить Чжан-Цзо-Лина. Принято все разумные целесообразные требования неимпериалистического российского правительства. Для осуществления наших интересов Манчжурии нам незачем в.... бы туда свои войска ибо Сун де берется дипломатическим путем заставить Чжана удовлетворить нас ибо он уже заявил последнему, что окончательно порвет с ним, если Чжан не примет .....русской политики. Наконец Сун нотов об"единиться с Упейфу в интересах об"единения Китая и создания сильного и прочного центрального правительства, но это очень трудно как в виду вышеуказанной уверенности Упейфу в нашей поддержке, так и потому, что последний условием об"единения Суном ставит разрыв старым другом с Чжан-Цзо-Лином его поддерживающим его об"единительную политику. Я долго подробно беседовал Чанхи, последний прямо говорит, что наступил исторический момент, когда только от нас зависит удастся ли политика об"единения Китая. На мои вопросы Чанхи отвечал, что Сун очень хочет об"единиться с Упейфу, что никакого письменного соглашения с Чжаном у Суна нет, что ни Сун ни его партия не будут возражать ни против автономии Монголии, ни против наших войск на КВЖД, если это явится результатом соглашения с Китаем. Они не могут только допустить, чтобы мы помогали Упейфу против Чжан-Цзо-Лина. На мой вопрос как нам не убедить Упейфу в неправильности его уверенности буд-то мы окажем ему военную поддержку против Чжана, не могу же я это ему высказать прямо Чанхи ответил, что достаточно я скажу это Суне. Сегодня Чанхи возвращается в Китай. Я даю ему письмо Суну русский текст которого посылаю курьером. Я пишу ему что мы всегда прекрасно понимали, что единственным нашим другом в Китае является только Сун и никогда нам на ум не приходило работать против него, точно также мы никогда не думали и думаем военными силами поддерживать кампанию Упейфу против Чжан-Цзо-Лина. Но как оффициальное лицо я должен сноситься с центральным Китпра. Оно против России, выполняет волю империалистов. Для того, чтобы на него воздействовать я должен использовать силы, нам, по тем или иным причинам, дружелюбные. До тех пор пока Сун ведет бойкотическую политику не вмешивается в дела Китпра, и не оказывает на него воздействия, я вынужден апеллировать к Упейфу. Отсюда моя близость последнему, что однако нисколько не дает права предполагать о нашей готовности Упейфу поддерживать Упейфу военными силами внутренней борьбе Китая. Этих намерений у нас нет. Чжан-Цзо-Лину мы действительно не верим, ибо знаем он ведет двойственную политику посылает депутацию нашему военнокомандованию заявляет не будет поддерживать белых в то же время фактически поддерживая наших врагов КВЖД и делая приют Манчжурии и плацдарм белогвардейцам. Если Сун действительно полагает Чжан и готов реально доказать свою дружбу нам, пусть он немедленно изгонит Манчжурии белых выслав их Читу и воздействует Китпра и правление КВЖД, чтобы нынешнее Остроумовское управление было смещено и заменено новым созданным по соглашению с нами. Если Чжан это сделает, наше отношение к нему изменится и устранены будут опасения Суна так как Упейфу отлично поймет, что после таких действий Чжана мы не станем помогать первому против второго. Я добавил, что хотя пишу все своего имени не не сомневаюсь, что согласии Москвы. Полагаю самым важным всей этой истории, что самая сильная партия Китая и самый выдающийся деятель открыто признают, что без нас ничего сделать невозможно. Доказательством /?/ вырос наш престиж Китае. Думаю Сун немного хитрит ...../?/ Главное что близость наших войск к Манчжурии вызывает опасения не поможем ли мы Упейфу если ...../конец искажен/ запрошено по второе/.

13 ноября ИОФФЕ.

Расшифровка телеграммы Иоффе Чичерину о беседе с Чжан Цзи (фрагмент)

в деле воссоединения Китая и формирования сильного и стабильного правительства.

К сожалению, я вынужден констатировать, что оказалось весьма затруднительным иметь с ним дело. Имеющаяся в моем распоряжении информация заставляет меня полагать, что его нынешнее отношение, которое практически непреклонно, вызвано тем фактом, что он надеется заручиться военной помощью Вашего правительства на случай конфликта с Чжан Цзолинем. Конфликт между этими двумя людьми при таких обстоятельствах был бы губителен не только для Китая, но и для России. <...> Что касается У Пэйфу, то я очень хочу сотрудничать с ним. Однако я не могу согласиться ни на какое сотрудничество, включающее разрыв со старыми друзьями, которые все еще сохраняют верность моему плану воссоединения страны. У Пэйфу хочет, чтобы я в качестве платы за сотрудничество с ним отрекся от Чжан Цзолиня. Такой курс действий я не могу принять[1].

Иоффе понял, что его план потерпел неудачу. Теперь ему предстояло решить, на кого в дальнейшем ориентироваться: на У Пэйфу или Сунь Ятсена. Свой выбор полномочный представитель РСФСР остановил на последнем.

В ноябре 1922 г. с целью договориться с Иоффе о его встрече с Сунь Ятсеном в Пекин прибыл Чжан Цзи.

17 января 1923 г. Иоффе прибыл в Шанхай для переговоров с Сунь Ятсеном.

Их встреча состоялась на улице Мольера, 29, где три года до этого лидер Гоминьдана угощал чаем полковника М. Г. Попова и тщетно пытался заручиться поддержкой Советской России для осуществления плана свержения Южного военного правительства.

Шанхайская полиция хорошо подготовилась к приезду Иоффе. В ее распоряжении помимо людей в штатском, дежуривших у входа в особняк, был еще кто-то, кто был вхож в кабинет Сунь Ятсена и пользовался его доверием. Был ли это, как и прежде, Джорж Сокольский или кто-то другой, сегодня нам неизвестно.

Переговоры начались 23 января.

Согласно донесению осведомителя, полученному в полицейском управлении Шанхая, Иоффе сообщил Сунь Ятсену, что советское правительство готово оказать помощь Гоминьдану на следующих условиях:

[1] Сунь Ятсен — Иоффе, 2 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5, Оп. 1. Д. 2144. С. 268–270.

Шанхай, улица Мольера, дом № 29

официальное дипломатическое признание РСФСР, заключение с ней союза и согласия на ведение в Китае коммунистической пропаганды. Сунь Ятсен заявил на это, что готов принять два первых условия, но не может согласиться на третье[1].

26 января газета «The China Press» опубликовала «Совместное коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе».

Коммюнике включало 4 пункта.

Во-первых, заявление Сунь Ятсена о том, что коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае, поскольку там для этого нет соответствующих условий. Иоффе выразил свое согласие с этим утверждением и подчеркнул, что самой насущной задачей Китая является его национальное объединение и обретение полной национальной независимости. Он заверил Сунь Ятсена, что в этом великом деле Китай может рассчитывать на поддержку со стороны России.

[1] 一九二三年孙中山与苏联特使越飞在沪会谈情况的警务报告 (Доклады полицейского управления о переговорах Сунь Ятсена с советским полпредом Иоффе, 1923 г.) // 党史研究资料 (Материалы по истории партии). Т. 5. Чунцин. 1985. С. 59.

During his stay in Shanghai, Mr. Joffe has had several conversations with Dr. Sun Yat-sen, which have revealed the identity of their views on matters relating to Chinese-Russian relations, more especially on the following points:—

(1). Dr. Sun Yat-sen holds that the Communistic order or even the Soviet system cannot actually be introduced into China, because there do not exist here the conditions for the successful establishment of either Communism or Sovietism. This view is entirely shared by Mr. Joffe, who is further of opinion that China's paramount and most pressing problem is to achieve national unification and attain full national independence, and regarding this great task, he has assured Dr. Sun Yat-sen that China has the warmest sympathy of the Russian people and can count on the support of Russia.

(2). In order to clarify the situation, Dr. Sun Yat-sen has requested Mr. Joffe for a reaffirmation of the principles defined in the Russian Note to the Chinese Government, dated September 27, 1920. Mr. Joffe has accordingly re-affirmed these principles and categorically declared to Dr. Sun Yat-sen that the Russian Government is ready and willing to enter into negotiations with China on the basis of the renunciation by Russia of all the treaties and exactions which the Tsardom imposed on China, including the treaty or treaties and agreements relating to the Chinese Eastern Railway (the management of which being the subject of a specific reference in article VII of the said Note).

(3). Recognizing that the Chinese Eastern Railway Question in its entirety can be satisfactorily settled only at a competent Russo-Chinese Conference, Dr. Sun Yat-sen is of opinion that the realities of the situation point to the desirability of a *modus vivendi* in the matter of the present management of the Railway. And he agrees with Mr. Joffe that the existing Railway management should be temporarily reorganized by agreement between the Chinese and the Russian Government without prejudice, however, to the true rights and special interests of either party. At the same time Dr. Sun Yat-sen considers that General Chang Tso-lin should be consulted on the point.

(4). Mr. Joffe has categorically declared to Dr. Sun Yat-sen (who has fully satisfied himself as to this) that it is not and has never been the intention or purpose of the present Russian Government to pursue an Imperialistic policy in Outer Mongolia or to cause it to secede from China. Dr. Sun Yat-sen, therefore, does not view an immediate evacuation of Russian troops from Outer Mongolia as either imperative or in the real interest of China, the more so on account of the inability of the present Government at Peking to prevent such an evacuation being followed by a recrudescence of intrigues and hostile activities by White Guardists against Russia and the creation of a graver situation than that which now exists.

Mr. Joffe has parted from Dr. Sun Yat-sen on the most cordial and friendly terms. On leaving Japan, to which he is now proceeding, he will again visit the South of China before finally returning to Peking.

Shanghai, Jan. 26, 1923.

«Совместное коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе», опубликованное газетой «The China Press»

Во-вторых, Сунь Ятсен попросил Иоффе подтвердить те принципы, которые были провозглашены в советской ноте китайскому правительству от 27 сентября 1920 г. Иоффе подтвердил эти принципы и заявил, что Советское правительство готово вступить в переговоры с Китаем на основе отказа от всех договоров, навязанных ранее Китаю.

В-третьих, Сунь Ятсен признал, что существующее управление Китайско-Восточной железной дорогой должно быть реорганизовано без нарушения прав какой-нибудь из сторон, но оговорил, что по этому вопросу должно быть выслушано мнение генерала Чжан Цзолиня.

В-четвертых, Иоффе заявил, что Советское правительство не намерено проводить в Монголии империалистическую политику или способствовать ее отпадению от Китая. Что касается Сунь Ятсена, то, по его мнению, немедленный вывод советских войск из Монголии не является необходимым и не соответствует действительным интересам Китая.

Впоследствии выяснилось, что опубликованные переводы коммюнике на русский и китайский языки расходятся в одной существенной детали — толковании английского слова ***actually***, употребленного в первом пункте документа, где говорится о том, что «коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае». В английском языке ***actually***, как известно, имеет два значения: «в настоящее время» и «фактически». В китайском переводе это слово было истолковано в своем втором значении, в русском — в первом. Может быть, оно было включено в текст намеренно — с тем, чтобы каждая из сторон могла толковать его по-своему?

Как бы то ни было, «Совместное коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе» заложило основы сотрудничества Советской России с Гоминьданом, хотя конкретные формы этого сотрудничества в документе, естественно, оговорены не были. О том, чего хотел от России Сунь Ятсен, подписывая коммюнике, мы узнаём из писем Иоффе в Москву.

«Северо-Западный план» терпит фиаско

Первое, чего Сунь Ятсен ожидал от сближения с Советской Россией, — это, как всегда, оружие и деньги, в которых лидер Гоминьдана постоянно испытывал нужду.

Иоффе выступает за оказание помощи Сунь Ятсену

Иоффе был убежден в том, что оказать Сунь Ятсену военную и финансовую помощь необходимо:

В случае если последней оказано не будет, Суню придется идти на компромиссы с империалистами и, следовательно, с находящимися у них в плену пекинскими правительствами, и победа национальной революции в Китае ***будет надолго отсрочена***.

Таким образом, развертывающиеся в Китае события резко ставят перед нами следующие вопросы:

— Готовы ли мы дать Суню немедленно два миллиона золотых рублей или какую бы то ни было другую сумму (какую?). <...>

— Готовы ли мы в случае необходимости наступлением на Чжан Цзолиня отвлечь его из Пекина?

— Готовы ли мы в продолжение одного-двух лет снабдить оружием 100 000 армию Суня (также дать некоторое количество инструкторов), считаясь с тем, что, конечно, это все же не должны быть ***современные европейские корпуса по вооружению***. Если нет, ***то в каких размерах и в какие сроки мы вообще можем оказывать помощь Суню оружием*?**

Я ставлю эти вопросы и ***сам лично*** на все три отвечаю утвердительно, несмотря на то, что в свое время я уже однажды получил отповедь ЦК за предложение дать Китаю заём[1].

Иоффе отнюдь не был уверен в том, что его соображения будут с пониманием встречены в Москве.

Я пишу это письмо и, зная нашу, так сказать, политическую «увлекаемость», сильно опасаюсь, что теперь, в период Лозаннской конференции, оккупации Францией Рурского округа и начинающихся политических осложнений на Балканах, моего письма никто даже и читать не станет.

Но если кто-нибудь его прочтет, я хотел бы обратить его внимание на то, что, несмотря ни на какие события в Европе, Дальний Восток все же остается ***ахиллесовой пятой империализма***. Как бы ни развернулись ***теперь*** события на Ближнем Востоке и в Европе, ***в будущем*** разрешаться мировая история будет все же здесь, на Тихом океане, в Китае. Мы можем и должны проявить максимум внимания и активности в ближневосточных и европейских делах, но из-за этого мы вовсе не должны игнорировать дальневосточных[2].

Но на этот раз Сунь Ятсен намеревался получить от Советской России не только деньги и оружие. Он рассчитывал на то, что теперь есть реальная возможность наконец-то осуществить свой «Северо-Западный план».

---

[1] Соображения А. А. Иоффе о перспективах и возможных последствиях сотрудничества с Сунь Ятсеном, 26 января 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2147. С. 48–49.

[2] Иоффе — советским руководителям, 26 января 1923 г. // Там же. С. 30.

Об этом Сунь Ятсен подробно рассказал Иоффе, а тот изложил суть дела в специальном письме в Москву.

Сунь, по-видимому, исходит из соображения, что все его неудачи до сих пор имели своей причиной то, что он всегда базировался исключительно на Юг и поэтому слишком зависел от империалистических держав. Вероятно, ввиду этого он свою программу хотел строить ***на полной независимости от империалистических держав и чистейшей ориентации на нас,*** хотя и утверждает, что резко враждебной ему является только Великобритания, Америка его поддерживает, Япония относится скорее сочувственно, чем враждебно (во всяком случае, аньфуисты за него), а Франция — безразлична. Тем не менее, базируясь на Юг, Сунь Ятсен всегда должен иметь в виду, что «державы» могут, в любой момент отрезав побережье, заставить Суня плясать под свою дудку. Если поэтому перенести свою базу вглубь страны, поближе к нам, то при соглашении с нами абсолютно не страшными являются всякие диверсии держав на тихоокеанском побережье, рассуждает Сунь. В настоящее время весь, так сказать, мусульманский Китай, то есть Восточный Туркестан и прилежащие провинции — под сильным влиянием Суня. Это влияние должно быть усилено еще для того, чтобы, во всяком случае, сохранен был тесный и непосредственный контакт с нами.

Затем из Сычуани путями, ***не соприкасающимися с районами влияния У Пэйфу,*** т. е. через Ганьсу, Шэньси и так далее, движется имеющаяся там 100 000 армия Суня ***к границам Монголии,*** где и располагается в хлебородных и богатых провинциях на территории, находящейся ***в прямом контакте с нами и через Восточный Туркестан, и через Ургу***.

Эта армия вооружается нами (амуницию, одежду и т. п. Сунь надеется достать без нас, но некоторое количество наших военных инструкторов будет тоже необходимо). Когда эта армия будет приведена в достаточное боевое состояние (на что, по мнению Суня, надо будет от года до двух), тогда предпринята будет последняя «Северная экспедиция» Суня, на этот раз, ***безусловно,*** удачная. Никакие вмешательства держав в этом случае не будут опасны, ибо, даже отрезав побережье, они не смогут повредить осуществлению этого плана, а двинуться с берега внутрь страны они никогда не рискнут. Только одна Япония могла бы двинуться из Маньчжурии, но и это мало страшно, ибо настоящая 100 000 армия — достаточная сила, чтобы удержать и Японию в известных границах.

При этом плане, по мнению Суня, мы не должны заключать договоры с пекинским правительством, и может быть, нам пришлось бы даже пере-

нести резиденцию моей миссии во Владивосток, откуда я мог бы сноситься с Сунем[1].

Иоффе изложил свое предварительное мнение об этом плане, и Сунь Ятсен согласился со всеми «политическими поправками», уточнив при этом, что он не имел в виду располагать свою армию в самой Монголии, а лишь на границах ее.

Соображения Иоффе касались двух аспектов — внутриполитического и международного. В связи с первым аспектом Иоффе указывал на следующие обстоятельства:

> Из борющихся ныне в Китае группировок, главным образом военных, если даже считать, что [при] перенесении центра тяжести движения на Северо-Запад Чжан Цзолинь все же останется сторонником д-ра Сунь Ятсена, необходимо предвидеть, что У Пэйфу никак не сможет не быть препятствием, во-первых, потому, что он сам находится как раз на пути движения с Юга на Северо-Запад; во-вторых, потому, что он не может удовлетвориться нынешним своим положением, должен, наоборот, стремиться вернуть себе утраченное ныне свое значение и силы и необходимо должен будет стремиться к расширению, либо прямо в сторону Юга, т. е. в направлении как раз противоположном направлению д-ра Сунь Ятсена, либо тоже в сторону Монголии, то есть как раз туда, куда будет идти движение д-ра Сунь Ятсена. В обоих случаях последний, следовательно, должен будет столкнуться с первым.
>
> При базировании на Северо-Запад, конечно, не предполагается упустить Юг, наоборот, весь план только тогда реален и серьезен, когда Юг целиком остается в руках д-ра Сунь Ятсена, между тем трудно себе представить, чтобы на Юге за такой промежуток времени, как 1–2 года, не было никаких изменений, не было бы по меньшей мере попыток к совершению переворота, например, хотя бы со стороны Чэнь Цзюнмина, который, быть может, самостоятельно, а быть может, при содействии Англии, наверное, будет стараться вернуть себе свое положение. Совершенно случайные, но возможные неожиданности вроде движения какого-нибудь нового генерала тут не принимаются в расчет, однако необходимо иметь в виду, что вышеуказанные предусматриваемые два обстоятельства внутренней жизни Китая в самом наилучшем случае всё же могут ***задержать значительно*** окончательное проведение в жизнь плана д-ра Сунь Ятсена[2].

[1] Там же. С. 25.

[2] Соображения А. А. Иоффе о перспективах и возможных последствиях сотрудничества с Сунь Ятсеном, 26 января 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2147. С. 49–50.

Далее Иоффе характеризовал те возможные «осложнения и затруднения в осуществлении этого плана», которые виделись ему с точки зрениямеждународной обстановки.

> Как раз в последнее время замечается особенная заинтересованность международного империализма именно на Севере Китая; например, за последний год количество английских предприятий в Маньчжурии (правда, не весьма значительных по размеру), увеличилось в 60 раз. Заинтересованность Соединенных] Ш[татов] Сев[ерной] Америки и особенно Японии в Маньчжурии и Монголии — общеизвестны.
>
> При этих условиях всякое движение д-ра Сунь Ятсена в направлении на Север перепугает империалистов и заставит их принять хоть какие-нибудь меры предосторожности.
>
> При постоянном стремлении мирового империализма воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы еще сильнее закабалить Китай, столь энергичные за последнее время разговоры об «интернационализации» Китая и об установлении «международного контроля над финансами Китая» не могут быть простой случайностью и в связи с тем обстоятельством, что до окончательного проведения в жизнь плана д-ра Сунь Ятсена успокоение [в] стране, действительно, наступить не может, вышеуказанное стремление мирового империализма использовать все, чтобы закабалить сильнее, если и не приведет к решительным действиям со стороны мирового империализма, благодаря невозможности отдельных держав сговориться между собой, ***то все же будет висеть постоянной угрозой над Китаем*** и будет лишать движение д-ра Сунь Ятсена ***в широких массах той его привлекательности, которую оно имело бы без постоянной угрозы иностранного вмешательства.***
>
> Эта угроза иностранного вмешательства будет, если не на деле, то, наверное, на словах становиться все грознее по мере приближения д-ра Суня к России как в прямом, так и в переносном смысле, т. е. как в смысле дружественного сближения, так и в смысле территориального приближения.
>
> Для идейных вождей движения эти угрозы будут не очень-то страшны, но определенную и при том ***невыгодную*** атмосферу для участия широких *народных масс* они всё же создадут[1].

По мнению Иоффе, план Сунь Ятсена нельзя было рассматривать в отрыве от ситуации в связи с грядущими переговорами с пекинским правительством:

> Так как русско-китайские переговоры, т. е. переговоры российского посла А. А. Иоффе с центральным, официальным, т. е. пекинским прави-

[1] Там же.

тельством, ***ожидаются всеми в стране*** и ***формально*** отложены только до конца лечения А. А. Иоффе, т. е. до начала марта, то дальнейшее их откладывание произведет неблагоприятное впечатление и, особенно принимая во внимание большую агитационную работу врагов России, будет истолковано как «перемена советским правительством политики», «возврат к империалистической, агрессивной политике царизма», «подготовка к оккупации Маньчжурии» и т. д. и т. п.

Открытый же разрыв Москвы с Пекином, неизбежно влекущий за собой взаимное отозвание всех уполномоченных, консулов и т. п., может вызвать разговор о «войне», «насилии России над Китаем» и т. п. и дать возможность и ***повод*** державам, жаждущим закабаления Китая, особенно Японии, вмешаться в целях «спасения» Китая от советской агрессивности.

Наконец, слишком большое затягивание в начатии переговоров невозможно для России, ибо в двух вопросах, в которых она заинтересована, в монгольском вопросе и в вопросе о КВЖД, Россия не может откладывать решения[1].

Исходя из всех этих соображений, Иоффе предлагал следующую детализацию плана Сунь Ятсена:

Весь план должен оставаться ***конспиративным*** и до максимально возможного срока никому ***непонятным.***

План должен проводиться в жизнь не исключительно военными мерами, но и развитием самой широкой агитации в стране в пользу национального объединения всего Китая под руководством д-ра Сунь Ятсена и в пользу максимального сближения Китая с Россией.

Движение не должно идти как в прошлый раз, когда в Кантоне было создано независимое китайское правительство, бойкотировавшее и не признававшее пекинское.

Наоборот, хотя, возможно, скорее все провинции, признающие д-ра Сунь Ятсена, должны быть объединены одним общим правительством, возглавляемым д-ром Сунем, но это последнее должно стремиться ***еще до военного захвата всего Севера с Пекином*** приобрести соответствующее его политическому весу в Китае влияние на пекинское правительство и добиться, например, того, чтобы представитель Российской миссии в Пекине открыто был аккредитован при правительстве д-ра Сунь Ятсена, и ***переговоры Китая с Россией велись с соответственным участием представителей правительства д-ра Суня***[2].

[1] Там же.

[2] Там же. С. 52.

В Москве нашлись как сторонники, так и противники предложения Иоффе принять план Сунь Ятсена. Среди последних был, в частности, замнаркома Л. М. Карахан.

Как бы то ни было, 8 марта 1923 г. Политбюро приняло решение по этому вопросу.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 53 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП

Москва, 8 марта 1923 г.

Присутствовали:

Члены Политбюро тт. Зиновьев, Троцкий, Сталин, Томский, Молотов (кандидат).

Члены ЦК: тт. Сокольников, Радек.

Зам. пред. СНК т. Цюрупа.

3. О Китае.

(Предложение тов. Иоффе).

([Присутствовали] тт. Чичерин, Карахан, Литвинов).

а) Отвергнуть все те части плана, которые в какой бы то ни было мере чреваты опасностью интервенции со стороны Японии.

б) Признать желательным заложить основу революционной армии в Западном Китае в форме целостной воинской единицы.

в) Признать возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов.

г) Признать необходимым посылку к Сунь Ятсену группы политических и военных советников с согласия Сунь Ятсена.

д) Признать желательным приезд тов. Иоффе в Москву на совещание, договорившись о времени приезда с тов. Иоффе.

е) Указать тов. Иоффе, что Политбюро имеет серьезные опасения насчет того, что Сунь Ятсен уделяет слишком большое внимание чисто военным операциям в ущерб организационно-подготовительной работе.

ж) Поручить комиссии в составе тт. Чичерина, Радека и Троцкого составить к следующему заседанию Политбюро проект инструкции тов. Иоффе на основе принятых директив, с обязательной рассылкой проекта всем членам Политбюро[1].

Карахан в письме к Иоффе следующим образом резюмировал решение Политбюро:

При сем посылаю Вам копию инструкции по вопросам, возбужденным Вами в Вашем письме № 8. Как Вы увидите из инструкции о плане поддержки Сунь Ятсена полностью в том виде, как они были предложены Сунь Ятсеном и переданы нам с Вашими замечаниями, они не приняты, но

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 339. С. 1, 2, 5.

частично они приемлемы, и инструкция формулирует характер и размер помощи, на которую мы готовы пойти в настоящий момент[1].

Решение Политбюро от 8 марта 1923 г. встретило решительные возражения ИККИ.

24 марта заведующий Дальневосточным бюро Восточного отдела ИККИ Г. Н. Войтинский писал в Москву о том, что «до сих пор еще, к сожалению, не видно, чтобы Гоминьдан и Сунь Ятсен пытались создать политическое движение в стране и осмыслить таким образом в глазах широких масс свои военные действия»[2].

4 апреля в Политбюро ЦК получили письмо заведующего Восточным отделом ИККИ Г. И. Сафарова. В нем говорилось:

> Поддержка Суня-Чжана-Дуаня (об этой коалиции идет речь!) со стороны Советской России является недоразумением, которое может иметь роковые последствия для нашей политики в Китае, и гилянская история, имевшая за собой гораздо больше плюсов, должна была бы служить нам предостережением. <...> На основании вышесказанного я позволяю себе просить Политбюро пересмотреть свое решение[3].

Решение оказать помощь Сунь Ятсену пересмотрено не было. Его довели до сведения лидера Гоминьдана, и тому не оставалось ничего иного, как только принять условия помощи, поставленные Москвой, в частности, направление в Кантон советских советников, одной из задач которых было осуществить реорганизацию Гоминьдана.

24 мая Сунь Ятсен попросил Маринга передать Иоффе:

> Я немедленно приступаю к реорганизации партии. Учреждаю ежедневные газеты в Кантоне, Шанхае и Харбине, еженедельные в Пекине и Шанхае, а также ежемесячник в Кантоне. В ближайшем будущем станет возможным развернуть пропаганду среди солдат-северян. Хотел бы получить первый транш в счет выделенной мне помощи. Прошу немедленно телеграфировать в Москву. Что касается организации военных сил на северо-западной границе, то детали этого обсудят делегаты, вскоре отправляющиеся в Москву. <...>[4]

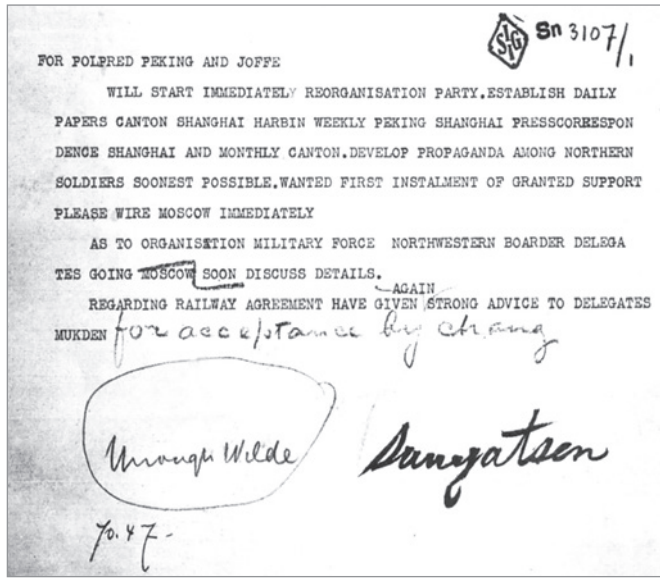
---

[1] Карахан — Иоффе, 21 марта 1923 г. АВП. Ф. 08. Оп. 6. П. 4. Д. 7. С. 14.

[2] Отчет Г. Н. Войтинского Восточному отделу ИККИ, 24 марта 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 41. С. 83.

[3] Сафаров — в Политбюро ЦК РКП, 4 апреля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 40. С. 35. «Гилянская история», о которой говорил Сафаров, — предпринятая в 1921 г. и закончившаяся неудачей советская военная интервенция в Персии, имевшая своей целью оказание помощи группировке Кучек-хана.

[4] 李玉珍。孙中山与共产国际 (*Ли Юйчжэнь*. Сунь Ятсен и Коминтерн). Пекин. 1996. (вкладка).



FOR POLPRED PEKING AND JOFFE

WILL START IMMEDIATELY REORGANISATION PARTY. ESTABLISH DAILY PAPERS CANTON SHANGHAI HARBIN WEEKLY PEKING SHANGHAI PRESSCORRESPON DENCE SHANGHAI AND MONTHLY CANTON. DEVELOP PROPAGANDA AMONG NORTHERN SOLDIERS SOONEST POSSIBLE. WANTED FIRST INSTALMENT OF GRANTED SUPPORT PLEASE WIRE MOSCOW IMMEDIATELY

AS TO ORGANISATION MILITARY FORCE NORTHWESTERN BOARDER DELEGA TES GOING MOSCOW SOON DISCUSS DETAILS.

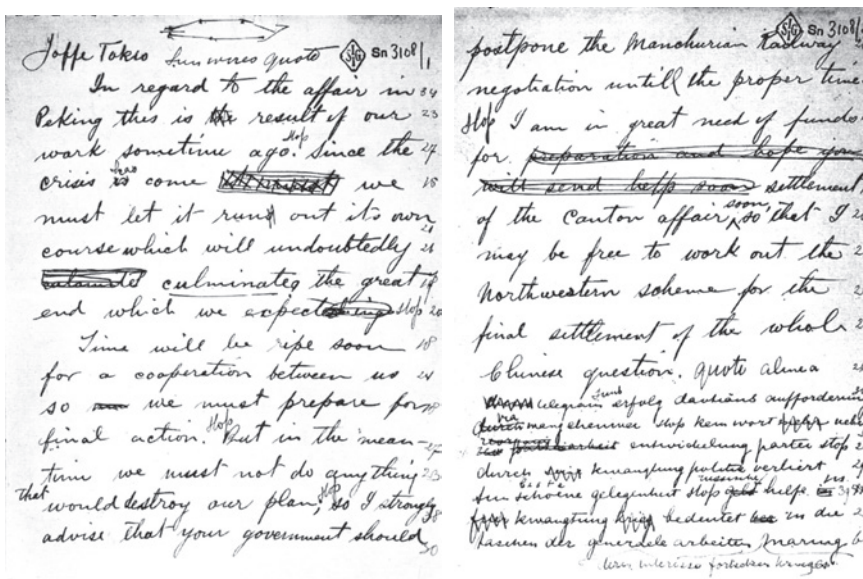
AGAIN

REGARDING RAILWAY AGREEMENT HAVE GIVEN STRONG ADVICE TO DELEGATES MUKDEN for acceptance by Chang

Through Wilde

Sanyatsen

Текст телеграммы Сунь Ятсена от 24 мая 1923 г.



Joffe Tokio

In regard to the affair in Peking this is the result of our work sometime ago. Since the crisis has come we must let it run out its own course which will undoubtedly culminate the great end which we expected.

Time will be ripe soon for a cooperation between us so we must prepare for final action. But in the meantime we must not do anything that would destroy our plan, so I strongly advise that your government should

postpone the Manchurian Railway negotiation until the proper time. I am in great need of funds for preparation and hope you will send help soon. Settlement of the Canton affair, that I may be free to work out the northwestern scheme for the final settlement of the whole Chinese question.

Черновик телеграммы Сунь Ятсена, адресованной Иоффе, 30 июня 1923 г.

В другой телеграмме, отправленной в Японию вскоре после этого, Сунь Ятсен торопил Иоффе:

> Мы должны быть готовы к финальной стадии нашего сотрудничества. Но в ожидании этого мы не должны делать что-либо, что нарушит наши планы. Поэтому я настаиваю на том, чтобы Ваше правительство отложило до более подходящего времени переговоры о маньчжурской железной дороге.
>
> Я испытываю большую нужду в средствах для скорейшего решения вопросов в Кантоне, с тем чтобы у меня были развязаны руки в отношении Северо-Западного плана для окончательного решения китайской проблемы в целом[1].

«Делегация д-ра Сунь Ятсена» в Москве

2 сентября 1923 г. в Пекин на смену отозванному Иоффе прибыл новый полномочный представитель Советского правительства — заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан.

Вскоре он получил письмо от Сунь Ятсена, в котором, в частности, говорилось:

> То, что следует ниже, строго ***конфиденциально***. Несколько недель тому назад я послал письма товарищу Ленину, Чичерину и Троцкому, представив им генерала Чан Кайши, начальника моего штаба и личного представителя. Я направил его в Москву для обсуждения путей, посредством которых друзья могли бы оказать помощь моей работе в этой стране. В частности генерал Чан представит вашему правительству и военным экспертам предложение, касающееся военных действий моих вооруженных сил в районе, находящемся к Северо-Востоку от Пекина. Генерал Чан имеет полномочия действовать от моего имени[2].

Л. М. Карахан (1889–1937)

Это сообщение встревожило Карахана, опасавшегося, что в случае если советско-китайские переговоры будут вестись параллельно в Пекине и Москве, он не сможет контролировать их ход. И полпред делает все от него зависящее, чтобы

[1] Там же.

[2] Сунь Ятсен — Карахану, 17 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. VI. М. 1962. С. 436.

воспрепятствовать обсуждению в Москве конкретных вопросов, касающихся сотрудничества с Гоминьданом.

Он дает указание прибывшему в Кантон М. М. Бородину побеседовать об этом с Сунь Ятсеном:

> Вы должны попросить, чтобы он ознакомил Вас подробно со своим планом, причем деликатно укажите, что едва ли в Москве может быть принято какое-либо решение без меня и что, наверное, Москва предпочтет, чтобы вопрос, возбуждаемый им, был разрешен мною в Пекине. В Москве, несомненно, выслушают его представителя самым внимательным и благосклонным образом, но что едва ли смогут принять какое-либо окончательное решение[1].

Ту же мысль о нецелесообразности ведения переговоров с Гоминьданом одновременно в Москве и в Китае Карахан еще до этого внушил Чичерину, и тот сообщил ему:

> Здесь сейчас находится суньятсеновский генерал. Его знакомят с разными лицами. Он хотел говорить о подробностях нашей помощи Сунь Ятсену. Я сказал, что об этом Вами уже начат разговор непосредственно и что кто-нибудь от Вас поедет к Сунь Ятсену. Он был этим, по-видимому, не совсем доволен. Некоторые разговоры с ним все-таки ведутся, чтобы не озлобить его[2].

Наркому не хотелось травмировать полпреда, и он, как мог, старался смягчить ситуацию. На деле же «некоторые разговоры», которые, по его словам, велись в то время в Москве, включали встречи с высшими советскими руководителями — председателем ЦИК М. И. Калининым, секретарем ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзутаком, главкомом С. С. Каменевым, заместителем председателя Реввоенсовета Э. М. Склянским, председателем Реввоенсовета Л. Д. Троцким, наркомом просвещения А. В. Луначарским, а также председателем Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьевым. Несколько раз с делегацией беседовал Чичерин.

На встрече в Реввоенсовете 9 сентября Чан Кайши поставил перед Склянским три вопроса:

1) делегация просит, чтобы Реввоенсовет направил в Кантон возможно большее количество военных специалистов;

2) делегация хотела бы получить возможность познакомиться с организацией и повседневной подготовкой Красной Армии;

3) делегация намерена обсудить план военных действий в Китае.

---

[1] Карахан — Бородину, 6 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 4. С. 2.

[2] Чичерин — Карахану, 12 сентября 1923 г. // АВП. Ф. 0179. Оп. 7. П. 4. Д. 5. С. 10.

По первому вопросу Склянский ответил, что несколько военных специалистов уже направлено в Кантон, и предложил организовать для китайских военных специальные учебные заведения. В результате обмена мнениями было решено, что в Петрограде или Москве, а также во Владивостоке или в Иркутске будут созданы два военных учебных заведения для китайского персонала.

Второй вопрос не вызвал возражений, и Склянский заявил, что гости могут познакомиться с теми сторонами жизни Красной Армии, которые их интересуют.

Отвечая на просьбу более подробно изложить суть дела, касающегося третьего вопроса, Чан Кайши пояснил, что речь идет о плане организации к югу от Урги на границе Монголии и Китая военной базы, на которой по образцу Красной Армии была бы создана новая армия Гоминьдана, которая затем предпримет наступление на Пекин.

Этот пункт предложений, сформулированных «делегацией д-ра Сунь Ятсена», не вызвал в Москве энтузиазма.

Объяснялось это отнюдь не тем, что советское руководство не хотело быть втянутым в военные действия на территории Китая, как полагают некоторые исследователи[1]. Главная причина заключалась в другом — нежелании создавать китайскую военную базу на границе с Монголией, проблема которой еще не была окончательно решена. Чичерин писал Карахану, что лично он считал «совершенно невозможным использование Монголии как плацдарма для Гоминьдана, ибо монголы никаких китайских войск у себя не допустят»[2].

Об этом же Чичерин писал и Сунь Ятсену:

> Мы думаем, что фундаментальной целью партии Гоминьдан является создание мощного движения китайского народа, и поэтому первоочередными задачами являются пропаганда и массовая организация. Наш опыт показывает: наша военная активность была эффективной потому, что прошло много лет, на протяжении которых мы организовывали и воспитывали наших последователей, тем самым строя в стране организованную партию, способную победить всех своих врагов. Вся китайская нация должна видеть разницу между Гоминьданом — организованной массовой партией и властью милитаристов в различных частях Китая. ***Братские народы — монголы, тибетцы и народности Западного Китая должны***

[1] *Картунова А. И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М. 2001. С. 35.

[2] Чичерин — Карахану, 24 октября 1923 г. АВП. Ф. 0179. Оп. 1. П. 4. Д. 5. С. 20.

ясно понимать, что Гоминьдан поддерживает их право на самоопределение. Поэтому их территории не могут использоваться для размещения ваших вооруженных сил[1].

После всестороннего изучения предложений делегации Гоминьдана, активное участие в котором принимал председатель Реввоенсовета, было решено отклонить план Сунь Ятсена, указав на первоочередную необходимость уделять главное внимание не военной, а политической работе. Троцкий предлагал «внушить Сунь Ятсену и его агентам чрезвычайно решительно и твердо в корне ту мысль, что сейчас для них наступает длительный подготовительный период; военные планы, а следовательно, и чисто военные требования, обращенные к нам, откладываются до прояснения положения в Европе и до завершения хоть некоторой политической подготовки в Китае»[2].

Троцкий возражал и против предложения Карахана немедленно послать к Сунь Ятсену группу военных специалистов:

> Я думаю, что мы сейчас не можем отрывать ни одного серьезного военного работника от дела. Да и отдельные наши военные, при отсутствии в Китае политической организации, оказались бы бессильными[3].

Вместе с тем Троцкий поддержал мысль Чичерина о создании специальной комиссии по китайским делам «с тем, чтобы эта комиссия действительно, т. е. не на словах, а на деле обеспечила крутой поворот в работе внутри Китая в смысле передвижения внимания на 99% от генеральских комбинаций к политической организации населения в существующих армиях»[4].

Тон письма Марингу, написанного Чан Кайши 12 ноября 1923 г., был вполне оптимистичен.

Однако во время второго посещения Реввоенсовета 13 ноября члены делегации поняли, что «Северо-Западный план» советским руководством отвергнут.

Последние сомнения в этом отношении были рассеяны после того, как 27 ноября Чан Кайши и его спутники были приняты Троцким, который заявил:

---

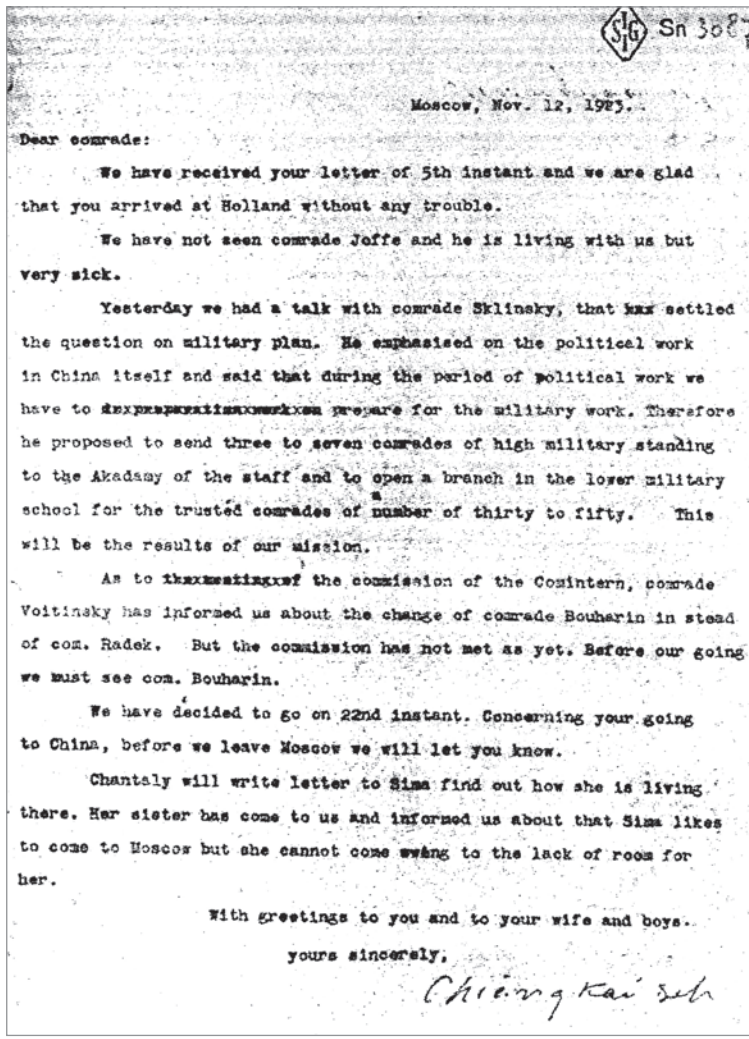
[1] Чичерин — Сун Ятсену, 4 декабря 1923 г.; цит. по: *Whiting A*. Soviet Policies in China. 1917–1924. New York. 1954. P. 245–246.

[2] Троцкий — Чичерину и Сталину, 2 ноября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 415. С. 3.

[3] Там же.

[4] Там же.

Пока Сунь Ятсен занимается исключительно военными операциями, в глазах китайского рабочего, крестьянина, ремесленника и мелкого торговца он кажется таким же милитаристом, как и милитаристы Севера Чжан Цзолинь и У Пэйфу. Известно, милитаристы Севера поддерживаются иностранцами. Поэтому, если бы мы оказали военную помощь Сунь Ятсену, то китайское общественное мнение расценивало бы поло-



Sn 3087

Moscow, Nov. 12, 1923.

Dear comrade:

We have received your letter of 5th instant and we are glad that you arrived at Holland without any trouble.

We have not seen comrade Joffe and he is living with us but very sick.

Yesterday we had a talk with comrade Sklinsky, that was settled the question on military plan. He emphasised on the political work in China itself and said that during the period of political work we have to prepare for the military work. Therefore he proposed to send three to seven comrades of high military standing to the Akadamy of the staff and to open a branch in the lower military school for the trusted comrades of number of thirty to fifty. This will be the results of our mission.

As to the commission of the Comintern, comrade Voitinsky has informed us about the change of comrade Bouharin in stead of com. Radek. But the commission has not met as yet. Before our going we must see com. Bouharin.

We have decided to go on 22nd instant. Concerning your going to China, before we leave Moscow we will let you know.

Chantaly will write letter to Sima find out how she is living there. Her sister has come to us and informed us about that Sima likes to come to Moscow but she cannot come owing to the lack of room for her.

With greetings to you and to your wife and boys.

yours sincerely,

Chiang Kai Shek

Письмо Чан Кайши Марингу от 12 ноября 1923 г.

жение таким образом: Чжан Цзолинь — агент Японии, У Пэйфу — Америки и Англии, Сунь Ятсен – Советской России. В таких условиях революционное движение не могло бы быть успешным. Требуются иные методы революционного движения. Нужна, прежде всего, длительная и упорная политическая подготовка широких народных масс. Это значит, что наибольшая часть внимания Гоминьдана должна быть обращена на пропаганду. Хорошая газета <...> лучше, чем плохая дивизия. Серьезная политическая программа в настоящих условиях имеет значительно большее значение, чем плохой корпус. Мы не отказываемся от оказания военной помощи, но при теперешнем стратегическом соотношении военных сил не представляется возможным оказать эту помощь войскам Суня[1].

Выслушав речь Троцкого, Чан Кайши впал в нервозное состояние и потребовал, чтобы его отправили в санаторий. Он был до крайности раздосадован тем, что ему так и не удалось добиться главной цели пребывания в Москве.

Вернувшись в Кантон, он неодобрительно отзывался о тех, с кем ему в Москве довелось вести переговоры, утверждая, что «русским нельзя верить».

О своих многочисленных заявлениях в коммунистическом духе он в своей жизни больше никогда не вспоминал.

Чичерин делал всё, что мог, чтобы «не озлобить» Чан Кайши, но в конце концов тот все-таки озлобился

Сунь Ятсен принимает то, что ему дают

«Северо-Западный план» Сунь Ятсена так и остался неосуществленным. Однако за исключением этого он получил из Москвы всё, что просил: и деньги, и оружие. Более того, была достигнута договоренность об организации близ Кантона, в Вампу, военной школы для подготовки высшего командного состава собственной гоминьдановской армии. В этих условиях Сунь Ятсену пришлось согласиться на требования, выставленные Москвой, — создание единого фронта с китайскими коммунистами и реорганизация Гоминьдана на советский манер.

[1] Посещение делегацией Сунь Ятсена тов. Троцкого, 27 ноября 1923 г. // Там же. С. 23–24.

10 декабря Карахан информировал Москву об успехах главного политического советника Бородина, действовавшего в Кантоне «с удивительным тактом, энергией и настойчивостью». Успехи эти были впечатляющи: создан ЦИК Гоминьдана, в Кантоне начали функционировать районные комитеты, произведена перерегистрация членов партии. Главное же заключалось в том, что в своей пространной речи 25 ноября Сунь Ятсен официально признал важность недооценивавшейся им ранее политической работы[1].

М. М. Бородин (1884–1951)

Теперь, полагал Карахан, следовало всерьез подумать и о военной помощи Гоминьдану. Прежде всего, дело касалось открытия военной школы.

> Начальником ее назначен тот самый Чан Кайши, который был в Москве. Двое наших генштабистов, находящиеся уже в Кантоне, работают над ее организацией. Составлен план, разработана программа, намечены условия приема, подбираются слушатели, намечен учебный персонал, уже выбрано помещение, и все ждут приезда Чан Кайши, который должен уже непосредственно приступить к ее организации. Школа в год может стоить от 150 до 200 тысяч китайских долларов. Сумма эта должна быть ассигнована, и она должна находиться в моем распоряжении для того, чтобы по мере надобности я мог бы через ЦИК Гоминьдана и т. Бородина передавать деньги на расходы по заранее утвержденной смете[2].

Следующий вопрос — помощь Сунь Ятсену оружием.

> Он просит 10 000 винтовок. Я указывал Вам, что мы могли бы дать ему не всё просимое количество, что можно было бы сократить наполовину, но сейчас, после приезда Бородина, я настаиваю на том, чтобы оружие было дано полностью: 10 000 винтовок, 1000 пулеметов и несколько орудий[3].

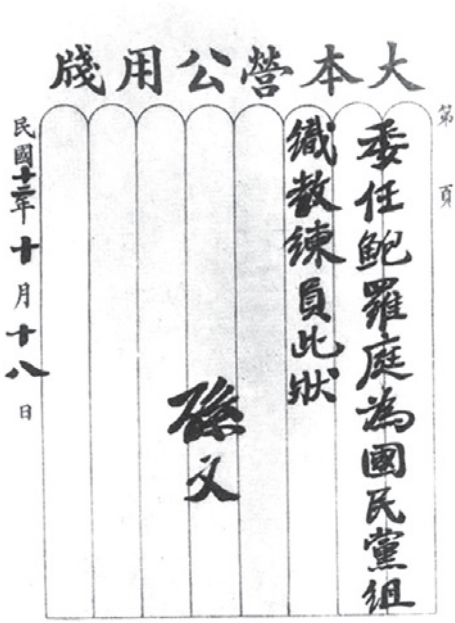
И, наконец, военные специалисты.

---

[1] Карахан — Чичерину, 10 декабря 1923 г. // АВП. Ф. 0179. Оп. 7. П. 4, Д. 9. С. 211–212.

[2] Там же. С. 213.

[3] Там же. С. 216.



Мандат М. М. Бородина, подписанный 18 октября 1923 г.

Нужно по крайней мере 2–3 человека: по кавалерийской части, по артиллерийской и по пехотной. Если бы можно было дать одного инструктора по авиационной части, это было бы хорошо, но в первую очередь хотелось бы этих трех. Наличный состав здесь генштабистов не подходит, они не справятся с этой работой, и поэтому хотелось бы иметь высококвалифицированных людей, которые могли бы быть на высоте положения, и не только инструктировали бы, но могли бы оказать помощь советами самому штабу Сунь Ятсена. Там есть очень хорошие генералы, но они настолько отстали и не смыслят ничего в современной военной науке, что несколько человек среднего, а еще лучше высокого калибра наших военных играли бы там первую роль и первую скрипку[1].

Спустя неделю после этого Карахан вновь просит Чичерина обратить «серьезное внимание на помощь оружием и открытие необходимых кредитов для работы с Сунем, иначе мы провалим все дело, так хорошо начатое»[2].

Настойчивость Карахана была вознаграждена. 24 декабря 1923 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение выделить на помощь Гоминьдану 500 000 золотых рублей[3].

Сбылась давнишняя мечта Сунь Ятсена: он наконец смог приобрести самолет. Счастливый обладатель этой технической новинки назвал его «Rosamund» — в честь своей обожаемой супруги.

16 июня состоялась церемония открытия военной школы Вампу.

---

[1] Там же. С. 217.

[2] Карахан — Чичерину, 17 декабря 1923 г. // Там же. С. 220.

[3] Протокол № 64 заседания Политбюро ЦК РКП, 24 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 412. С. 2.

Сунь Ятсен, Сун Цинлин и Бородин на открытии школы Вампу

Сунь Ятсен был вполне удовлетворен результатами сближения с Россией. Теперь в своих публичных выступлениях лидер Гоминьдана то и дело употреблял слова из советского лексикона: «единый фронт», «империализм», «неравноправные договоры» и пр.

Дело об исключении коммунистов из Гоминьдана

Во взаимоотношениях Москвы и Кантона была проблема, к решению которой стороны подходили с диаметрально противоположных точек зрения.

Гоминьдан считал Пекинское правительство незаконным и рассчитывал рано или поздно элиминировать его как политическую реальность.

Советское правительство, напротив, исходило из того, что целый ряд нерешенных вопросов российско-китайских отношений может быть урегулирован только с Пекинским правительством, признанным *de jure*.

Сунь Ятсен предостерегает Карахана

По дороге в Пекин Л. М. Карахан, сменивший Иоффе на посту чрезвычайного представителя Советской России в Китае, сформулировал «конечную цель» и «ближайшую задачу» своей миссии:

> Конечная цель — это создание объединенного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемого Сунь Ятсеном, с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом «Гоминьдан»[1].

По мнению Карахана, переговоры на Севере — в Мукдене и Пекине — и, в частности, разрешение проблемы КВЖД отнюдь не противоречит этой «конечной цели».

> Разрешение вопроса о КВЖД ни в коей мере не помешает осуществлению «конечной цели», о которой говорилось выше. Оно вполне укладывается в рамки общего плана, ибо, закрепляясь на КВЖД, развязывая руки Чжану для похода на Пекин, мы создаем условия, облегчающие совместный приход Чжана и Суня в Пекин. В то же время, владея КВЖД, мы укрепляем нашу позицию в Маньчжурии настолько, что в случае разногласий и конфликта между Чжан Цзолинем и Сунь Ятсеном <...> командующее положение наше в Маньчжурии, поскольку мы владеем КВЖД, будет очень сильным орудием нашего давления на первого и облегчит разрешение спора между Чжаном и Сунем в пользу последнего[2].

Но для Сунь Ятсена его принцип «не иметь ничего общего с незаконным Пекинским правительством» был превыше всего. Он писал Карахану:

> Ваше самое значительное затруднение состоит в ведении переговоров с политической группой, которая, кроме того, что она абсолютно не представляет китайский народ, перестала иметь даже видимость национального правительства, и ее дипломатия в действительности руководствуется скорее желаниями и указаниями определенных иностранных держав, чем жизненными интересами Китая как независимого и суверенного государства[3].

Сунь Ятсен считал, что успех миссии Карахана может быть гарантирован только в том случае, если он будет вести переговоры не с Пекином, а с Кантоном.

---

[1] Карахан — Чичерину, 27 августа 1923 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 5. П. 101. Д. 1. С. 153.

[2] Там же. С. 154–155.

[3] Сунь Ятсен — Карахану, 16 сентября 1923 г. // Там же. С. 435.

В случае если Вы найдете безнадежными переговоры с Пекином на условиях, которые, не ущемляя суверенных прав китайского народа, поставили бы Новую Россию в положение международного равенства с другими иностранными державами, Вам, может быть, придется рассмотреть целесообразность приезда в Кантон и переговоров с моим новым правительством, в настоящее время формирующимся, вместо того чтобы возвращаться в Москву с пустыми руками[1].

В марте 1924 г. у Сунь Ятсена взял интервью корреспондент «Кантон ньюс сервис».

Вопрос: Сейчас Пекинское правительство предпринимает шаги для переговоров с г-ном Караханом по вопросу о признании Советской России. Так как вопрос этот имеет международное значение, широким кругам было бы интересно знать Ваше личное мнение по этому вопросу. Какова будет позиция Южного правительства, если Пекин действительно признает Советскую Россию?

Сунь Ятсен: Признает ли Пекинское правительство Советскую Россию или не признает, ни в какой степени не имеет отношения к моему правительству. Это только вопрос о дипломатических отношениях между Советами и Пекинским правительством, о чем я не могу высказывать никакого личного мнения. Прежде чем Карахан приехал в Пекин, Советское правительство уже показало свою позицию по отношению к моему правительству, совершенно отличную от позиции по отношению к Пекину. Что касается позиции моего правительства по отношению к России, то до сих пор здесь не было никаких изменений, и нет никаких оснований к тому, чтобы положение изменилось.

Вопрос: Таким образом, будучи независимым от Пекинского правительства, Южное правительство признает Советскую Россию сепаратно?

Сунь Ятсен: Нет никакой нужды делать это, отношения между Советской Россией и моим правительством настолько дружественны, что похожи на отношения двух братьев и не нуждаются в таких формальностях как признание. Холостой человек, желающий жениться, обязательство должен сделать какие-то шаги, чтобы выбрать себе жену и согласиться на некоторые условия, прежде чем вступить в брак. Между братьями никакие формальности не нужны. Таковы именно наши отношения с Россией.

Вопрос: Хотите ли Вы этим сказать, что принципы и направление политики у Вас совершенно те же, что и у Советской России?

[1] Сунь Ятсен — Карахану, 17 сентября 1923 г. // Там же. С. 436.

> ***Сунь Ятсен***: Конечно, принципы и направление политики Русского правительства, существовавшие два года тому назад, совершенно отличны от наших. Но теперешняя политика Русского правительства — Новая экономическая политика — построена в главном по тому же образцу, как и мои принципы Экономического Строительства, которые должны быть введены в Китае. На этой почве мы, естественно, устанавливаем братские отношения между обоими правительствами. В вопросе о применении этой политики в этих странах есть разница по многим пунктам практического характера, но в основе их политика одинакова[1].

Отвечая на этот вопрос журналиста, Сунь Ятсен повторил принципиально важный, с его точки зрения, тезис, который он сформулировал еще в январе того же года на заседании временного ЦИК Гоминьдана. В ответ на упреки в том, что он добровольно идет в ученики к большевикам, Сунь Ятсен ответствовал:

> В начале русской революции они осуществляли коммунистические принципы, отличавшиеся от «Трех народных принципов» нашей партии. Но новая экономическая политика, которая сейчас проводится в России, это государственный капитализм, как и «Три народных принципа». Поэтому в действительности не наша партия учится у России, а Россия учится у нашей партии[2].

Советские суньятсеноведы никогда не цитировали эти слова лидера Гоминьдана, предпочитая ссылаться на другие его высказывания, в частности на то, что он писал примерно в то же время наркому Чичерину:

> Мы надеемся со временем проделать в Китае то, что ваша партия была в состоянии совершить в России, в смысле создания новой концепции государства и новой системы управления. По этой причине мы нуждаемся в советах и помощи и ожидаем их от Вас и от других товарищей[3].

После этого разобраться в том, кого — Гоминьдан или РКП(б) – Сунь Ятсен в действительности считал «учителем» и кого «учеником», затруднительно.

---

[1] Интервью Сунь Ятсена корреспонденту «Кантон ньюс сервис» // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 144. С. 123.

[2] 中国国民党临时中央执行委员会第二十二次会议记录 (Протокол 22-го заседания временного ЦИК Гоминьдана), 3 января 1924 г. // 李云汉。从容共到清党 (*Ли Юньхань*. От допуска коммунистов до чистки партии). Тайбэй. 1966. С. 5. Оригинал протокола хранится в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе.

[3] Сунь Ятсен — Чичерину, 16 февраля 1924 г. Советско-китайские отношения. 1917–1957. М. 1959. С. 78.

Тем временем журналист продолжал спрашивать.

> ***Вопрос***: В вопросе о признании России Пекинским правительством, что означает занятие такой же дружественной позиции по отношению России, приветствуете ли Вы такое признание?
>
> ***Сунь Ятсен***: Конечно, я его приветствую[1].

Означало ли это заявление Сунь Ятсена, что в марте 1924 г. он изменил свое первоначальное отрицательное отношение к возможности заключения соглашения Советской России с Пекинским правительством?

Американский историк А. Уайтинг утверждал, что Сунь Ятсен продолжал оставаться противником соглашения Москвы и Пекина[2].

Его мнение решительно отвергал С. Л. Тихвинский, ссылавшийся, в частности, на выпущенный Сунь Ятсеном «Манифест» по поводу заключения советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г., а также на не названные им «другие многочисленные документальные свидетельства»[3].

Документальные свидетельства, однако, говорят совершенно о другом.

Когда до Кантона дошло известие о том, что парафированное 14 марта советско-китайское соглашение так и не вступило в силу, у Сунь Ятсена появилась надежда на то, что оно будет окончательно сорвано.

4 апреля он провел в Кантоне совещание, участие в котором приняло всё руководство Гоминьдана. Обсуждались перспективы признания СССР южным правительством. Газета «Шиши синьбао» писала по этому поводу:

> Кантонское правительство воспользовалось тем, что переговоры в Пекине прерваны, и Сунь Ятсен намерен интенсифицировать свои отношения с Россией. На секретном совещании обсуждались меры, которые нужно предпринять для этого. Согласно имеющейся информации, на днях будет опубликована важная декларация, главное содержание которой сводится к тому, что Пекинское правительство не имеет права представлять общественное мнение и Советская Россия будет признана от имени Южного правительства. В декларации будет заявлено о признании независимости Монголии (что фактически означает уступку России в обмен

[1] Интервью Сунь Ятсена корреспонденту «Кантон ньюс сервис» // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 144. С. 123.

[2] *Whiting A. S.* Soviet Policies in China. 1917–1924. New York. 1954. S. 247.

[3] *Тихвинский С. Л.* Об отношении Сунь Ятсена к Советской России // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 84.

[на отказ Москвы от заключения договора с Пекином]). <...> Переговоры начнутся сразу же по прибытию в Гуандун советского представителя Иванова[1].

А. И. Иванов (1877–1937)

Этим «советским представителем» был эксперт полпредства известный китаист А. И. Иванов, пославший Сунь Ятсену телеграмму с уведомлением о том, что он направляется в Кантон с полномочиями на ведение переговоров об установлении официальных дипломатических отношений с Южным правительством[2].

Миссия Иванова не состоялась.

В Пекине тем временем было заключено советско-китайское соглашение.

Соглашение Карахан — Гу Вэйцзюнь вступило в силу

26 июня пекинская газета «The North China Standard» опубликовала статью, в которой излагались вероятные последствия этого события для взаимоотношений Москвы и Кантона.

Автор статьи писал, что, поставив свою подпись под ст. 6 Пекинского соглашения, Советское правительство оказалось в щекотливом положении по отношению к Кантону, которому оно оказывало моральную и материальную поддержку.

Между тем, в ст. 6 соглашения говорилось:

> Правительства обоих договаривающихся сторон взаимно ручаются не позволять в пределах своих территорий по принадлежности существования или деятельности каких-либо организаций или групп, задачей коих является борьба путем насильственных действий против правительства какой-либо из договаривающихся сторон <...>[3].

Если советская помощь, говорилось в редакционной статье «The North China Standard», действительно будет прекращена, незамедлительным следствием этого неизбежно станет, в частности, прекращение деятельности военной школы Вампу.

---

[1] Кантон и китайско-российские переговоры // Шиши синьбао, 7 апреля 1924 г.

[2] Миньго жибао, 12 апреля 1924 г.

[3] Соглашения между Китайской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик. 1924 г. Харбин. 1929. С. 5.

SINO-RUSS PACT AFFECTS CANTON

Article 6 Of Agreement Would Deprive Dr. Sun Of Red Support

By subscribing to article 6 of the Sino-Russian Agreement that the Governments of the two contracting parties mutually pledge themselves not to permit, within their respective territories, the existence or activities of any organizations or groups whose aim is to struggle by acts of violence against the Government of either contracting party, the Soviet Government or for that matter, its envoys in Peking and Canton have placed themselves in a false position in regard to the Canton Government which has hitherto received constant moral and financial support from Moscow. Whether the support is to cease or continue, Dr. Sun and his men are asking themselves, according to telegraphic advices just received here. The left wing of the Kuomingtang party considers the provision as a serious blow to its fondest hopes and has urged Dr. Sun to appeal to Moscow and Karakhan direct.

The advices go on to say that a representative of the Soviet Government is in Canton conferring with Messrs. Wang Ching-wei, Hu Han-ming, Liu Chung-kai and Tai Tien-shou as to a way out of the predicament and that the former Soviet Envoy at Canton who was recently summoned to Peking is now on his way to Canton. In this connection it is interesting to note that one of the local Chinese papers reports that the Metropolitan police recently suppressed a telegram sent by Dr. Sun Yat-sen to M. Karakhan.

Telegram Detained

(Associated News Agency Service)

PEKING, June 25:—It is reported in well-informed circles that during the last few days, the government censors at the telegraph office detained a wire from Dr. Sun Yat-sen to Mr. Karakhan dealing with the sixth article of the new Russo-Chinese agreement on general principles. According to this article, the Soviet can not continue their support to the Kuomintang party in the south and Dr. Sun wants to know the actual intention of the Soviet authorities. Borodin is proceeding to the South immediately as the Kuomintang leaders, such as General Hu Han-min, Civil Governor Liao Chung-kai and Sun Fo, (son of Dr. Sun) are greatly stirred about the new situation. In this connection, a Canton despatch says that owing to the lack of financial support from the Soviet, the newly-established Sino-Soviet military college in Kuangtung for the training of young Chinese after the Bolshevik army system will be suspended shortly.

Редакционная статья газеты «The North China Standard»

Со ссылкой на хорошо информированный источник сообщалось, что Сунь Ятсен направил Карахану телеграмму, в которой потребовал объяснить, каковы же на самом деле намерения Москвы.

В Кантоне подписание Пекинского соглашения вызвало бурю негодования.

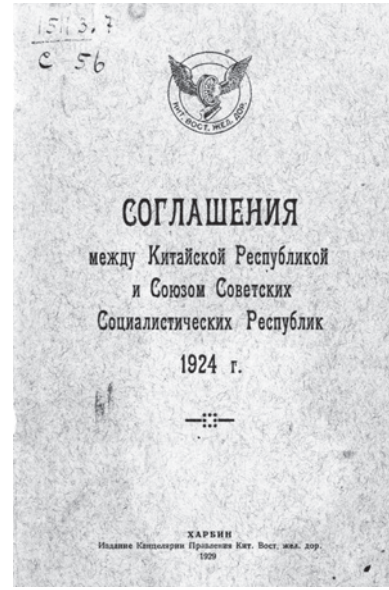
В июне 1924 г. «Миньго жибао» напечатала целую серию статей, в которых в предельно резкой форме критиковалась внешняя политика Советского Союза. Кто скрывался под псевдонимами «Юн Шэн» и «Кэ Ли», которыми были подписаны эти статьи, неизвестно. Но совершенно прав был Цюй Цюбо, указавший на то, что все эти публикации появились в официальном печатном органе Гоминьдана и, стало быть, случившееся могло произойти не иначе, как только с ведома и согласия Сунь Ятсена[1].

[1] Цюй Цюбо — Бородину, 20 июня 1924 г. // 瞿秋白文集 (Собрание сочинений Цюй Цюбо). Пекин. 1988. Т. 2. С. 603.

В одной из этих статей без обиняков говорилось, что проповедям большевиков нельзя доверять[1].

Другой автор следующим образом развивал эту мысль:

> Потерпев неудачу на Западе, русские вознамерились компенсировать свои потери на Востоке. Провоцируя независимость Монголии, они захватили ее вооруженной силой. Чем их политика отличается от заветов Петра Великого? Лишь только их клятвами помогать слабым нациям. А несведущие люди еще утверждают, что после революции у России больше нет агрессивных замыслов![2]



Испепеляющий огонь критики был направлен непосредственно на Карахана и Бородина:

> Карахан несет ответственность за то, что дружбе народов Китая и России нанесен удар. Карахан знает, что окопавшееся в Пекине правительство не может представлять Китай. Помощник Карахана Бородин на протяжении нескольких месяцев пребывания в Кантоне заявлял, что прогрессивное Южное правительство способно преобразовать Китай. Но теперь ясно, что эти слова были лишь средством воздействия на Пекинское правительство. Вот они — хитроумные уловки Карахана![3]

Еще в апреле на совещании под председательством Сунь Ятсена ряд членов руководства Гоминьдана высказывали опасение, что в случае заключения соглашения в Пекине Советский Союз перестанет оказывать финансовую помощь Кантону[4]. Теперь эта угроза стала вполне реальной.

О том, как на это реагировали в Кантоне, мы сегодня можем судить по малоизвестному источнику — подборке документов под общим названием «Замыслы коммунистов раскрыты», опубликованной шанхайским

---

[1] Миньго жибао, 3 июня 1924 г.

[2] Там же, 4 июня 1924 г.

[3] Там же, 9 июня 1924 г.

[4] 孙政府与中俄交涉 (Правительство Сунь Ятсена и китайско-российские переговоры) // Хуацзыбао, 9 апреля 1924 г.

издательством «Саньминь шудянь» в августе 1924 г. (изданная ограниченным тиражом, эта публикация давно уже стала библиографической редкостью; один экземпляр ее хранится ныне в спецхране Шанхайской городской библиотеки).

Как свидетельствует один из документов, включенных в это издание, 14 июня Сунь Ятсена навестил Чжан Цзи, высказавший лидеру Гоминьдана свой взгляд на сложившуюся ситуацию. В ответ д-р Сунь крайне неодобрительно отозвался о Коминтерне, но заявил, что он всё же не утратил веру в искренность большевиков. Тогда Чжан Цзи показал ему ст. 6 Пекинского соглашения. Сунь Ятсен промолчал, а его собеседник сделал из этого вывод: лидер, «вероятно, понял, что на Советскую Россию нельзя положиться»[1].

23 июня группа членов ЦИК Гоминьдана во главе в Фан Жуйлинем предложила потребовать от Карахана отказаться от Пекинского соглашения[2].

Вслед за этим Сунь Ятсен получил письмо за подписью 321 члена Гоминьдана. В нем говорилось, что Советская Россия признала Пекинское правительство и заключила с ним соглашение, включающее ст. 6, равнозначную объявлению войны Гоминьдану. Ответственность за это дипломатическое поражение Южного правительства несут члены ЦИК, уполномоченные заниматься отношениями с СССР, — Дай Цзитао, Тань Пиншань, Ляо Чжункай, и они должны быть строго наказаны.

Остроту конфликта приглушила встреча Чжан Цзи, Се Чи и Сунь Кэ с Бородиным, состоявшаяся 25 июня.

Запись их беседы сохранилась, но в ее опубликованной версии[3] явно опущены важные детали.

Взаимопонимание по вопросу о советско-китайском соглашении могло последовать только в том случае, если политический советник

Красноречие Бородина развеяло опасения скептиков

[1] 共产党阴谋大暴露 (Замыслы коммунистов раскрыты). Шанхай. 1924. С. 16.

[2] Шиши синьбао, 30 июня 1924 г.

[3] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. М. 1994. Т. 1. С. 449–454.

Гоминьдана заверил своих собеседников, что ст. 6 — это не более чем «бумажная декларация», следовать которой Советское правительство не собирается.

Сразу же после этого Ху Ханьминь сделал важное заявление:

> Непоследовательность политики Советского правительства — чисто внешняя. Заключение советско-китайского соглашения с Пекином фактически не означает каких-либо изменений в отношениях СССР с Кантонским правительством[1].

Еще более определенно высказался Чжан Цзи:

> Китайско-советское соглашение на практике является клочком бумаги, не имеющим какого-либо значения. Это не более чем прием, использованный Россией в своей политике[2].

7 июня ЦИК Гоминьдана принял решение признать советско-китайское соглашение[3].

Еще через неделю был принят «Манифест»[4], который академик Тихвинский цитировал как доказательство того, что Сунь Ятсен никогда не выступал против заключения соглашения СССР с Пекинским правительством.

Коммунисты нарушают партийную дисциплину

Нараставший конфликт Москвы и Кантона был успешно преодолен. Но «правые» гоминьдановцы воспользовались им, чтобы изгнать из своих рядов коммунистов, которых они считали бомбой замедленного действия, подложенной в здание Гоминьдана.

В сложившейся ситуации китайские коммунисты оказались меж двух огней. Будучи членами Гоминьдана, они были обязаны поддерживать позицию лидера партии. Но поскольку они оставались коммунистами, им надлежало следовать линии Коминтерна, выступавшего за заключение договора между Москвой и Пекином.

Многие руководящие деятели КПК избрали для себя вторую линию поведения.

В начале апреля 1924 г. стало известно, что Ли Дачжао встречался с Гу Вэйцзюнем и уговаривал его пойти на уступки Карахану во имя

[1] 粤方否认中俄协定 (Кантон не признает китайско-советское соглашение) // Шэнцзин шибао, 1 июля 1924 г.

[2] Там же.

[3] Замыслы коммунистов раскрыты. С. 43.

[4] 中国国民党第一届中央执行委员会会议记录汇编 (Протоколы заседаний ЦИК Гоминьдана 1-го созыва). Тайбэй. 1954. С. 81.

установления официальных отношений между Китаем и Советским Союзом.

Сунь Ятсен наложил резолюцию на письме, в котором сообщалось об этом факте как о грубейшем нарушении членом Гоминьдана партийной дисциплины:

> ЦИКу надлежит выяснить, действительно ли это имело место. Решение будет принято позднее[1].

Ли Дачжао (1889–1927)

Резолюция Сунь Ятсена была воспринята теми, кто с самого начала выступал против допущения коммунистов в Гоминьдан, как сигнал к действию.

Получив информацию о том, что произошло, Дэн Цзэжу не мешкая написал Се Чи и предложил ему официально поднять вопрос об изгнании коммунистов из рядов Гоминьдана.

Ляо Чжункай (1877–1925)

Инициаторам импичмента повезло. Им в руки попала резолюция 2-го съезда Китайского социалистического союза молодежи (китайского аналога комсомола), в которой в очередной раз подчеркивалось, что союз должен быть помощником КПК, а коммунисты, вступившие в Гоминьдан, сохраняют организационную структуру и свою политическую программу[2].

Собрав весь этот компромат, Се Чи 18 июня на заседании ЦИК предложил исключить КПК из Гоминьдана.

Проект резолюции по этому вопросу, встретивший возражения Ляо Чжункая, был переработан и вновь внесен на обсуждение очередного заседания ЦИК[3].

---

[1] 罗刚。中华民国国父实录 (*Ло Ган*. Правдивые записи об Отце Китайской Республики). Т. 6. Тайбэй. 1964. С. 629.

[2] 中央监察委员会弹劾共产党案 (ЦКК рассматривает дело об исключении компартии) // Документы революции. Т. 9. С. 72–74.

[3] ВКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. М. 1994. С. 498.

Злостным нарушителям партийной дисциплины были предъявлены следующие обвинения:

1) их высказывания по поводу переговоров, которые вел Карахан в Пекине, были равнозначны признанию легитимности Пекинского правительства, что несовместимо с линией партии;
2) на страницах печати они открыто заявляли, что пропагандируемая Гоминьданом национальная революция является «недостаточной»;
3) заверение Ли Дачжао на 1-м съезде Гоминьдана, что коммунисты вступают в эту партию не как организация, а в индивидуальном порядке, на поверку оказалось «обманом лидера партии и всех делегатов»;
4) в таких изданиях, как «Синь циннянь» и «Сяндао», нередки публикации, в которых выражается несогласие с линией Гоминьдана[1].

На заседании ЦИК в связи с этим разыгрался конфликт, который трудно было назвать дискуссией, потому что дело едва не дошло до рукоприкладства. В итоге было решено созвать для обсуждения этого вопроса специальный пленум.

По совету Бородина Сунь Ятсен распорядился создать еще один партийный орган — Политсовет, который способствовал бы разрешению непрерывно возникающих острых спорных вопросов. Главой Политсовета стал сам Сунь Ятсен, его советником был назначен Бородин, а большинство ветеранов партии и членов ЦИК остались за его чертой. Это нововведение вызвало резкую критику со стороны членов ЦИК, фактически отстраненных от процесса принятия текущих решений.

3 июля состоялось 40-е заседание ЦИК. Главным объектом ожесточенных нападок на этот раз был избран Бородин.

Первым выступил Чжан Цзи, воспроизведший беседу с Бородиным, имевшую место 25 июня. Тогда, видимо, разнервничавшийся Бородин произнес несколько фраз, которые теперь прозвучали как обвинения в его адрес: Гоминьдан как партия мертв, ЦИК не в состоянии быть центральным звеном Гоминьдана, что Гоминьдан может возродиться только за счет вступления в него членов других партий и т. д.

Свою речь Чжан Цзи закончил словами о том, что такой человек, как Бородин, не может быть главным советником партии.

Коммунист Тань Пиншань попытался опровергнуть филиппику Чжан Цзи; его поддержали Ван Цзинвэй и Ляо Чжункай, заявившие, что Чжан Цзи «наговорил много лишнего» и что назначение советника партии — это исключительная прерогатива ее лидера.

[1] Документы революции. Т. 9. С. 74–77.

Однако общая атмосфера на заседании складывалась в пользу инициаторов импичмента. Сунь Ятсен распорядился отложить окончательное решение вопроса до следующего заседания ЦИК, которое должно было состояться в августе.

Одновременно с атаками на коммунистов целесообразность продолжения деятельности КПК и Гоминьдана в одной упряжке вновь стала вызывать серьезные сомнения и тех руководителей КПК, которые с самого начала были против ленинского эксперимента. Наиболее активным среди них был Чэнь Дусю.

Тань Пиншань (1886–1956)

Об этом наглядно свидетельствует, в частности, его письмо Войтинскому, датированное 13 июля.

В этом письме Чэнь Дусю анализировал соотношение фракций внутри Гоминьдана, подчеркивая, что «правые» гоминьдановцы – ярые антикоммунисты.

Он писал, что раньше было принято считать Сунь Ятсена и некоторых других руководителей Гоминьдана «левыми», но сейчас их можно рассматривать только как «центристов». В этих условиях поддерживать Гоминьдан означает на деле оказывать поддержку «центру» и «правым», потому что вся организационная структура находится в их руках.

Чэнь Дусю был по-прежнему обеспокоен возможными последствиями вступления коммунистов в Гоминьдан

По словам Чэнь Дусю, во внутренней политике деятельность нынешнего Гоминьдана во многом противоречит интересам трудящихся масс, а во внешней он нередко занимает антисоветские позиции.

Поэтому дальнейшая поддержка Гоминьдана может иметь серьезные последствия для дела революции на Дальнем Востоке. Чэнь Дусю выражал надежду на то, что Коминтерн пересмотрит курс на сотрудничество КПК и Гоминьдана[1].

[1] Чэнь Дусю — Войтинскому, 13 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 79. С. 7.

Бородин счел мнение Чэнь Дусю слишком «левым». Чтобы спасти положение, он предложил создать при Политсовете специальную комиссию для рассмотрения дела о членстве коммунистов в Гоминьдане.

В связи с этим ЦК КПК принял компромиссное решение:

1) не рекомендовать коммунистам вступать в дискуссии о судьбе КПК, не обращать внимание на эти споры, запретить Цюй Цюбо выступать на заседаниях Политсовета от имени КПК;
2) отказаться от создания комиссии, предложенной Бородиным;
3) на пленуме ЦК Гоминьдана коммунисты должны занять наступательную позицию[1].

19 августа открылся 2-й пленум ЦК первого созыва.

Дискуссию, как и в предыдущий раз, начал Чжан Цзи, подробно изложивший факты нарушения коммунистами взятых ими на себя обязательств[2].

Вопреки предположению Чэнь Дусю, Сунь Ятсен на этом заседании заявил, что главная опасность заключается не в несанкционированных выступлениях коммунистов, а в том, что многие старые члены Гоминьдана выступают против политики союза с СССР и допуска коммунистов в состав Гоминьдана.

Козлом отпущения Сунь Ятсен избрал ветерана Гоминьдана Фэн Цзыю

Сунь Ятсен, в частности, обрушился на одного из старейших членов партии Фэн Цзыю. Но при этом он говорил вовсе не об антисоветских настроениях ветерана, а о совершенно иных его прегрешениях перед Гоминьданом:

Вначале, когда партия приняла решение о реорганизации, товарищ Фэн Цзыю вовсе не выступал против. На протяжении двух месяцев он, будучи членом временного ЦК, ни разу не высказывался против реорганизации. Но когда был сформирован постоянный ЦК и он не был избран в его состав, Фэн Цзыю сообщил нашим врагам из гонконгской газеты «Дагунбао» всё, что он знал о реорганизации партии[3].

[1] ЦК КПК – Бородину и Цюй Цюбо, 27 августа 1924 г. (цит. по: 孙中山与弹劾共党案 (Сунь Ятсен и дело об исключении коммунистов из Гоминьдана) // https://book.douban.com/reading/10340145/.

[2] 国民党中央全体委员第二次会议录 (Протоколы заседаний пленума ЦК Гоминьдана 2-го созыва) // Архив комитета по изучению истории Гоминьдана. 2.2/2.

[3] Там же.

Сунь Ятсен утверждал, что Фэн Цзыю подбивал членов Гоминьдана выступить против коммунистов исключительно потому, что его не избрали в ЦК. Поэтому лидер Гоминьдана принял решение: «Исключить Фэн Цзыю из членов партии».

При этом Сунь Ятсен заявил:

> Если после пленума окажется, что кто-то из товарищей не разделяет сформулированные мною принципы и провоцирует беспорядки, мы поступим с ним точно так же, как поступили с Фэн Цзыю[1].

Это заявление вызвало резкую реакцию со стороны Чжан Цзи:

> Исключить Фэн Цзыю — это Ваше право. Но очень многие не понимают Ваш принцип народного благосостояния. Зарубежные китайцы поголовно его не понимают. Кроме того, я занимаю ту же позицию, что и Фэн Цзыю. Поэтому я прошу заодно наказать и меня»

Сунь Ятсен возражал:

> Да нет, просто ты чего-то не понял и в чем-то не разобрался, твоя позиция не имеет ничего общего с занятой Фэн Цзыю!

Чжан Цзи не сдавался:

> Раньше Вы выступали за то, чтобы сначала объединить Китай и лишь после это начать осуществлять «Три народных принципа». Мы сейчас выступаем против принципа народного благосостояния именно исходя из этого.

Это окончательно вывело Сунь Ятсена из себя, и он перешел на крик:

> Если вы провоцируете разногласия внутри партии, то о каком объединении страны может идти речь!
>
> Члены партии должны беспрекословно подчиняться своему лидеру!
>
> В противном случае я брошу Гоминьдан и вступлю в компартию![2]

«Его глаза налились кровью. Я не решился продолжать спор»,– вспоминал впоследствии Чжан Цзи[3].

Пленум ЦК отклонил проект резолюции об исключении коммунистов из рядов Гоминьдана.

Причина, по которой Сунь Ятсен настоял на подобном решении острой проблемы, была проста: в эти дни на пути в Кантон из Владивостока было судно с оружием, предназначавшимся для Гоминьдана.

В этот ответственный момент озлоблять Москву Сунь Ятсену было ни к чему.

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] 张溥泉先生回忆录。日记 (Воспоминания и дневники Чжан Цзи) // 近代中国史料丛刊 (Собрание источников по истории Китая в новейшее время). Т. 3. Ч. 3. Тайбэй. 1984. С. 15.

Апокалипсис Сигуаня

Одна из последних по счету «болевых точек» в биографии Сунь Ятсена — событие, вошедшее в историю под наименованием «подавление мятежа бумажных тигров».

Предыстория конфликта

Во времена Синьхайской революции кантонские торговцы создали отряды добровольцев, готовых с оружием в руках защищать жизнь и имущество своих коллег по профессии. Позднее эта «торговая милиция» была фактически распущена. Когда же начались военные действия между верными Сунь Ятсену боевыми соединениями и армией Чэнь Цзюнмина, необходимость охранять собственность кантонских коммерсантов стала ощущаться вновь.

Рассчитывая использовать «торговую милицию» в борьбе со своим антиподом, Сунь Ятсен не возражал против того, чтобы коммерсанты во главе с президентом кантонской Торговой гильдии Чэнь Ляньбо закупили через посредство Гонконга некоторое количество оружия.

Чэнь Ляньбо (1884–1944)

Однако когда 10 августа партия оружия прибыла в Кантон, Сунь Ятсен изменил свое решение и распорядился конфисковать груз.

12 и 15 августа более 1000 представителей торговых кругов обратились к Сунь Ятсену с просьбой вернуть оружие, но получили отказ. 18 августа Сунь Ятсен обратился к кантонским коммерсантам с письмом, в котором обвинял Чэнь Ляньбо в намерении свергнуть правительство.

> За последние дни из высказываний торговой милиции и других источников стало известно, что Чэнь Ляньбо вынашивает грандиозный план использовать торговую милицию для низвержения правительства по примеру Муссолини. <...>
>
> Вчера Чэнь Ляньбо на страницах гонконгской газеты обрушился с нападками на правительство. <...>

Первоначально предполагалось, что правительство будет свергнуто 14 августа, Чэнь Ляньбо станет губернатором Гуандуна, отменит независимость [от Пекинского правительства] и капитулирует перед Севером. <...>

Проявляя великодушие, правительство не хочет прибегать к карательным мерам и предлагает в отношении всех, кроме Чэнь Ляньбо, две следующие меры:

1) раскаявшиеся могут явиться с повинной, и правительство пойдет им навстречу и простит их;
2) что касается тех, кто до сих пор не осознал своих ошибок и продолжает что-то замышлять, уважаемые господа должны выявить их и передать в руки правительства. <...>

Я направляю Линь Чжимяня, Лянь Шэнхая и Дэн Яньхуа в качестве представителей правительства для переговоров с вами, господа, и разрешения этих двух вопросов <...>[1].

Но переговоры о выдаче злоумышленников не дали результата. Не получив удовлетворения своей просьбы, Торговая гильдия объявила забастовку. К 25 августа закрылись витрины магазинов не только в Кантоне, но и еще в 100 малых городах Гуандуна.

Линь Чжимянь (1888–1934)

Тогда Сунь Ятсен сменил милость на гнев. Было решено направить в торговую часть Кантона войска и силой заставить торговцев вернуться к прилавкам магазинов[2].

24 августа Сунь Ятсен объявил в Кантоне военное положение и издал распоряжение о том, что Чэнь Ляньбо разыскивается как государственный преступник.

Но тут в дело вмешался британский консул в Кантоне Б. Джайлз. 29 августа он направил кантонскому правительству ноту, в которой говорилось:

Вчера из различных источников дошло до меня, что китайские власти намерены открыть огонь по городу Кантону, в частности, по пригороду Сайкуан[3]. <...>

[1] Сунь Ятсен — кантонским коммерсантам, 18 августа 1924 г. // 广东扣械潮 (Вокруг конфискации оружия в Гуандуне). Т. 2. С. 42–43.

[2] Там же. С. 43–44.

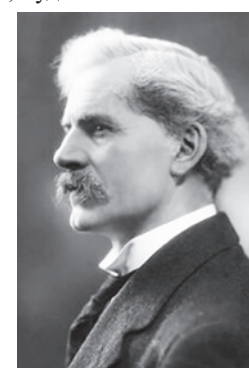
[3] Сигуань.

Сигуань (начало 20-х гг. прошлого века)

В настоящее время я получил сообщение от британских морских властей, что они получили приказ из Гонконга, предписывающий им в случае бомбардировки города китайскими властями принять все меры против этого, какие будут в распоряжении английских морских сил[1].

Сунь Ятсен ответил консулу:

Мое правительство отвергает предположение, будто оно могло быть виновным в варварском обстреле беззащитного города, так как единственной частью Гуанчжоу, против которой мое правительство было вынуждено принять известные шаги, является пригород Сайкуан — вооруженная крепость приверженцев Чэнь Ляньбо <...>[2].



Р. Макдональд (1866–1937)

Одновременно Сунь Ятсен послал телеграмму премьер-министру лейбористского правительства Великобритании Р. Макдональду:

В связи с дипломатической и финансовой помощью, которая непрерывно оказывалась контрреволюции в Китае со стороны ряда сменявших друг друга правительств

[1] Правда, 3 сентября 1924 г.

[2] Известия, 3 сентября 1924 г.

> Великобритании, и в связи с тем фактом, что мое правительство сегодня является единственным центром сопротивления этой контрреволюции, я вынужден сделать вывод о том, что подлинная цель ультиматума английского генконсула — это уничтожение моего правительства. Я самым решительным образом протестую против этой новой империалистической интервенции во внутренние дела Китая[1].

Академик С. Л. Тихвинский писал этому поводу:

> В эти тяжелые для Китая дни, когда британский империализм угрожал интервенцией, трудящиеся Советского Союза создали добровольное общество «Руки прочь от Китая» для мобилизации мирового общественного мнения и срыва намечавшейся интервенции, для оказания помощи китайскому народу в деле борьбы за свою национальную независимость[2].

Анализ имеющихся документов показывает, что для этого не было сколько-нибудь серьезных оснований.

Посланник Великобритании в Китае Маклей узнал о произошедшем из газет и немедленно запросил Джайлза, действительно ли тот предъявлял «ультиматум» кантонскому правительству, и если да, то почему он предварительно не получил на то согласие британской миссии в Пекине, а также кто разрешил командующему британскими военно-морскими силами в Гонконге отдать приказ, о котором упомянул консул[3].

Джайлз пытался оправдаться тем, что события разворачивались слишком стремительно и у него не было времени для того, чтобы связаться с британской миссией. Но подобное объяснение вызвало у Маклея взрыв негодования, и он отчитал консула за самовольные действия, способные причинить ущерб политике Великобритании в Китае, поскольку они давали Сунь Ятсену и большевикам повод для антибританской пропаганды[4].

Форин Офис поддержал Маклея: на его письме от 5 сентября была наложена резолюция: «Мы не должны были заявлять о том, что собираемся вмешаться в дела Кантона»[5].

В ответном письме Маклею ответственный сотрудник Форин Офис указал ему на ошибку, допущенную консулом, который не должен был

---

[1] 孙中山选集 (*Сунь Ятсен.* Избранные произведения). Т. 2. Пекин. 1956. С. 872.

[2] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 318.

[3] Macleay to Foreign Office, September 5, 1924 // FO 371/10244. P. 24.

[4] Ibid.

[5] Ibid.

направлять кантонскому правительству официальную ноту; ему следовало в приватном порядке указать Сунь Ятсену на серьезные последствия обстрела Сигуаня[1].

Поскольку ошибка была допущена не только кантонским консулом, но и командованием британскими военно-морскими силами в Гонконге, Маклей предложил Форин Офис отреагировать и на этот факт[2], что и было сделано министром иностранных дел в послании Министерству военно-морского флота[3].

Таким образом, и грозное письмо Сунь Ятсена Макдональду, и создание общества «Руки прочь от Китая» на поверку были бурей в стакане воды. В данный конкретный исторический момент Великобритания не планировала военную интервенцию против правительства Сунь Ятсена и не оказывала поддержки «торговой милиции»[4].

Противоречия устранены не были

Сунь Ятсен не вернул кантонским коммерсантам закупленное на их деньги оружие, а они, в свою очередь, не собирались выдавать ему «приверженцев» Чэнь Ляньбо. Недовольство действиями правительства было многократно усилено финансовой политикой властей.

В это время Сунь Ятсен готовился к Северному походу, который требовал значительных расходов, а правительство располагало единственным источником средств — ужесточением налогообложения.

Таких налогов жители Гуандуна отродясь не видывали: по свидетельству коммуниста Цай Хэсэня, в это время на территории, находящейся под юрисдикцией правительства Сунь Ятсена, в общей сложности взималось более 80 (!) различных налогов[5].

Сунь Ятсена это крайне угнетало, вплоть до того, что, по свидетельствам современников, когда ему напоминали об этом, он был готов «биться головой об стену», но выхода из положения предложить не мог.

---

[1] Foreign Office to Maclay, September 12, 1924 // Ibid. P. 33.

[2] Maclay to Foreign Office, September 16, 1924 // Ibid. P. 114.

[3] Foreign Office to Ministry of Navy, September 19, 1924 // Ibid. P. 118.

[4] Подробнее об этом см.: 张俊义。英国政府与1924年广州商团叛乱 (*Чжан Цзюньи*. Английское правительство и мятеж торговой милиции в Гуанчжоу) // Гуандун шэхуй кэсюэ. 2000. № 3.

[5] 和森。击败商团后广州政府的地位 (*[Цай] Хэсэнь*. Положение Кантонского правительства после разгрома торговой милиции) // Сяндао. № 88.

Однако вернемся к тому, как излагал последовавшие за этим события академик С. Л. Тихвинский:

> Решительные меры, принятые Сунь Ятсеном против волнений, которые были организованы отрядами «купеческой милиции» в Гуанчжоу в конце августа 1924 года, привели к тому, что эти отряды на время прекратили открытые антиправительственные выступления и стали готовиться к вооруженному восстанию против Сунь Ятсена. Это восстание, субсидировавшееся и вдохновлявшееся англичанами, вспыхнуло 10 октября 1924 г., когда отряды «купеческой милиции» расстреляли многолюдную демонстрацию трудящихся в Гуанчжоу, состоявшуюся по случаю годовщины учреждения республики[1].

«Новая редакция принципа “народного благосостояния” великого деятеля из Кантона» (карикатура, помещенная в 1924 г. в одной из кантонских газет)

Трагедии 10 октября предшествовали принципиально важные события.

4 сентября Сунь Ятсен отбыл из Кантона в Шаогуань, где он намеревался устроить последний смотр войскам Северного похода, и назначил Ху Ханьминя временно исполняющим обязанности главы правительства и губернатора Гуандуна.

15 сентября Чэнь Ляньбо опубликовал открытое письмо, в котором заявлял, что «купеческая милиция» отнюдь не собирается свергать кантонское правительство, а сам он поддерживает Сунь Ятсена и подчиняется ему. После этого Ху Ханьминь отменил прежнее распоряжение об объявлении Чэнь Ляньбо государственным преступником.

4 октября представители «купеческой милиции» приняли решение еще раз потребовать от правительства возвращения конфискованного оружия, угрожая в случае отказа вновь объявить забастовку. По распоряжению Сунь Ятсена передача оружия коммерсантам началась, и уже казалось, что возникший конфликт близок к разрешению.

---

[1] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 319–320.

Но тут 7 октября в соответствии с ранее достигнутым соглашением в Кантон из Советского Союза прибыла первая партия винтовок и военного снаряжения. Это резко изменило ситуацию. Сунь Ятсен решает покончить с «купеческой милицией» с помощью военной силы.

Чжоу Эньлай (1898–1976)

10 октября состоялся митинг, на котором выступил заведующий политотделом военной школы Вампу Чжоу Эньлай.

После митинга его участники, многие из которых были вооружены, двинулись в сторону Сигуаня, выкрикивая: «Покончим с купеческой милицией!», «Чэнь Ляньбо к стенке!»

На улице Тайпиннаньлу произошло столкновение демонстрантов с милицией. В общей сложности 20 человек было убито, более 100 ранено.

В Сигуани были возведены баррикады, на которых красовались лозунги: «Сунь Ятсена — в отставку!», «Правительство — на свалку!»

11 октября Сунь Ятсен сформировал и лично возглавил Революционный комитет, задачей которого была ликвидация «купеческой милиции».

Мятеж подавлен

В связи с созданием Революционного комитета мы вынуждены вновь процитировать С. Л. Тихвинского.

> Огромное значение в деле успешного и быстрого подавления мятежа «бумажных тигров» сыграла директива, которую Сунь Ятсен, находившийся тогда на фронте, дал 10 октября 1924 г. в Гуанчжоу начсоставу военной школы Вампу. Сунь Ятсен писал:
>
> «Необходимо немедленно создать революционный комитет, для того чтобы разрешить различные чрезвычайные дела. Можно и без участия Ху Ханьминя и Ван Цзинвэя, так как в настоящий момент нельзя не учиться у России. Ху Ханьминь же не верит в учебу у России и поэтому, естественно, не должен быть членом комитета. <...>
>
> Не следует также вводить в состав комитета и Ван Цзинвэя, так как он тоже не является сторонником русского пути революции, в то время как

революция, которую проводит отныне наша партия, ни в коем случае не может победить, если не будет следовать примеру России.

Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй не способны на изменение своих взглядов. Характер этих двух людей по своей природе соглашательский и далек от принципиальности в решениях». <...>

Как видно из приведенного выше письма, Сунь Ятсен уже в 1924 году раскусил подлую душонку Ван Цзинвэя, ставшего впоследствии предателем китайского народа. <...>

Сунь Ятсен решительно требовал отстранения от руководящей работы в Гоминьдане антисоветских элементов, считая их недостойными доверия партии и народа[1].

Хотя внешне смысл этой тирады выражен достаточно ясно, на самом деле разобраться в сказанном не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Прежде всего, что именно было процитировано автором — «директива» Сунь Ятсена или его письмо «начсоставу» школы Вампу?

Если это была директива, значит, состав Революционного комитета в этот ответственный момент был определен не лично Сунь Ятсеном, а решался в школе Вампу, говоря конкретно — ее начальником Чан Кайши, о чем академик С. Л. Тихвинский в данном случае почему-то умалчивает.

Другими словами говоря, раскусив еще в 1924 г. подлую душонку Ван Цзинвэя, Сунь Ятсен стал полагаться на решение Чан Кайши, который вскоре после кончины лидера Гоминьдана организовал кровавую «чистку партии», изгнав коммунистов и порвав с тем самым Советским Союзом, следовать примеру которого его призывал Сунь Ятсен.

Академик С. Л. Тихвинский умалчивает здесь и о другом. Истинной причиной, по которой Сунь Ятсен считал нецелесообразным включать в состав Революционного комитета Ху Ханьминя и Ван Цзинвэя, было их отношение не к Советскому Союзу, а к методам разрешения конфликта с «купеческой милицией».

Еще в августе в связи с этим вопросом в руководстве Гоминьдана произошел раскол.

Меньшинство, представленное Ляо Чжункаем и Чан Кайши, выступало за подавление ослушников с помощью военной силы, тогда как большинство (и прежде всего — Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй) считали, что проблему следует решать мирным путем.

[1] *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 321–322.

Эти расхождения вылились в яростный спор на заседании 26 августа (спустя два дня после того, как Сунь Ятсен объявил Чэнь Ляньбо в розыск).

Сюй Чунчжи выступил против применения военной силы

Против Ляо Чжункая и Чан Кайши выступил сын Сунь Ятсена Сунь Кэ, командующий войсками провинции Гуандун Сюй Чунчжи и некоторые другие военачальники[1].

Слово Сунь Ятсена было решающим.

На следующий день губернатор Ху Ханьминь объявил о роспуске купеческой милиции и о введении в Кантоне военного положения. Войска начали операцию по подавлению «мятежа бумажных тигров».

Неизвестно, кто подал Сунь Ятсену эту идею, но он одобрил ее и принял в качестве руководства к действию.

Утром 15 октября в Сигуань было подвезено более 300 бочек бензина, который был затем разлит на улицах и подожжен. Весь квартал превратился в пылающий факел. Горели лавки, горели люди. По пытавшимся выбраться из огня велась стрельба. Вскоре весь некогда процветающий торговый квартал превратился в пепелище.

Среди сгоревших заживо было немало горожан, к «бумажным тиграм» никакого отношения не имевших.

Сигуань после подавления мятежа

[1] 广州商团事变 (Мятеж кантонской милиции) // https://baike.so.com/doc/7241580-7470753.html.

Нет ничего удивительного в том, что историки резко разошлись в оценке события, вошедшего в историю под названием «подавление мятежа бумажных тигров».

Одни исследователи считают его триумфом революционной деятельности Сунь Ятсена, но при этом прибегают к фигуре умолчания, опуская наиболее неприглядные детали этого события и делая вид, что мальчика-то и не было[1]. Другие считают данный эпизод одной из самых позорных страниц биографии Сунь Ятсена[2]. Наконец, третьи предпринимают заслуживающую поощрения попытку взглянуть на случившееся «без гнева и пристрастья» и попытаться объективно восстановить ход событий[3].

[1] *У Сянсян*. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1723–1726; *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 315–321.

[2] 西关末日 (Последний день Сигуаня) // http: //www.mwhongchen.com/wen/32992/.

[3] 敖光旭。论孙中山在1924年下半年的是是非非 (*Ао Гуансюй*. В чем был прав и в чем неправ Сунь Ятсен во второй половине 1924 г.) // Цзиньдайши яньцзю. 1995. № 6; 邱捷。广州商团与商团事变 (*Цю Цзе*. Кантонская торговая милиция и ее мятеж) // Лиши яньцзю. 2002. № 2.

Глава XX

В поисках запасного аэродрома

Вопрос, кого считать «единственным учителем», еще не решен

В своей внешнеполитической деятельности Сунь Ятсен всегда исходил из принципа, предписывавшего «никогда не класть все яйца в одну корзину». Поэтому, торопя советских представителей насчет выплаты обещанных денег и доставки в Кантон оружия, д-р Сунь не отказывался от контактов с деятелями из других стран на предмет зондирования почвы для получения от них помощи.

Кого только Сунь Ятсен не называл своими учителями!

На первом месте в этом списке стоит, несомненно, Япония.

С Японией д-ра Суня связывали особые отношения — ведь ее он не уставал называть своей «второй Родиной». Чему же научила милитаристская Страна Восходящего Солнца великого китайского революционера? Сунь Ятсен воздерживался от ответа на этот вопрос.

Главным объектом агрессивных устремлений японских милитаристов в XX веке был Китай

Кайзер Вильгельм II (1859–1941)

Далее шла Германия, развязавшая в 1914 г. кровавую мировую бойню. Лидеру Гоминьдана очень хотелось «сделать в Китае всё так, как в Германии», хотя во главе этой страны-учителя стоял кайзер Вильгельм, а Сунь Ятсен называл себя убежденным противником монархического строя.

Сунь Ятсен с восхищением отзывался о Соединенных Штатах, включив их в число своих учителей. По его словам, они научили его демократии. О том, что одним из неотъемлемых атрибутов американской демократии был Ку-клукс-клан, Сунь Ятсен не уточнял.

И вот теперь — Советский Союз.

Сначала Сунь Ятсен называл Советскую Россию своим учителем. Потом оказалось, что она не учитель, а ученик, поскольку к Новой экономической политике Ленин перешел, начитавшись произведений Сунь Ятсена.

Парад куклуксклановцев на улицах Нью-Йорка

Но свято место пусто не бывает, на смену СССР неизбежно должны были появиться новые учителя.

И они не замедлили появиться...

«Мы должны учиться у Англии!»

Вскоре после того как Сунь Ятсен подписал с Иоффе их совместное коммюнике, он дважды (11 и 19 января 1923 г.) направлял Чэнь Южэня к английскому консулу в Шанхае С. Бартону с заверениями в том, что он стремится проводить курс, который был бы с симпатией встречен англичанами.

В беседе с консулом Чэнь Южэнь упомянул о желательности встречи Сунь Ятсена с посланником Р. Маклеем, находившимся в тот момент в Гонконге.

1 февраля по дороге в Пекин Маклей остановился в Шанхае, и его по поручению Сунь Ятсена навестили Чэнь Южэнь и У Чаошу. Британский посланник сообщил им, что его страна не питает антипатии лично к лидеру Гоминьдана[1].

Чэнь Южэнь (1875–1944)

Путь в Кантон, куда д-р Сунь возвращался после разгрома армии Чэнь Цзюнмина, лежал через Гонконг. Там его ждал теплый прием. Гонконгский генерал-губернатор Э. Стаббс дал обед в его честь[2].

20 февраля Сунь Ятсен выступил с большой речью на встрече, устроенной в местном университете. В ней он, в частности, вспомнил о том, что еще в студенческие годы убедился в эффективности британской колониальной администрации Гонконга: честность здесь – правило, коррупция — исключение. Точно так же дело обстоит и в метрополии.

Свое выступление д-р Сунь закончил словами:

«Мы должны учиться на примере Англии. Мы должны донести английский пример образцового правительства до всех уголков Китая»[3].

---

[1] Macleay to Curson, February 28, 1923 // British Documents on Foreign Affairs: reports and Papers from Foreign Office Confidential Print/ Series E. Vol. 27. China. March 1922 — May 1923/ P. 410 (F 1107/12/10).

[2] Tenney to Schurman, February 24, 1923 // USDS. 893.00/4936.

[3] Ibid.

И опять Германия

Другим направлением усилий Сунь Ятсена после его возвращения в Кантон по-прежнему была Германия.

24 февраля того же 1923 г. посланник Веймарской республики писал германскому консулу в Кантоне о необходимости использовать психологический фактор для укрепления контактов между Германией и воссоздаваемым правительством Сунь Ятсена, хотя речь может идти не столько о материальной, сколько о моральной поддержке последнего[1]. Но одна лишь моральная поддержка Сунь Ятсена удовлетворить не могла.

1 июля в интервью американскому журналисту он заявил, что намерен привлечь к решению китайских проблем Германию и Россию. Глава Южного правительства предполагал следующее распределение ролей: Германия обеспечивает приток мозгов, Россия является промежуточным звеном, а Китай предоставляет рабочую силу.

Вскоре Сунь Ятсен более конкретно изложил свое видение того, какова должна быть роль Германии в переустройстве Китая.

18 августа он написал письмо находившемуся в Германии Дэн Цзяню и поручил его ознакомить с содержанием своего послания сотрудников Министерства иностранных дел.

В письме говорилось:

> Необходимо вместе с предпринимателями (например, с фирмой Стиннес) и правительством Германии выработать широкомасштабный план, в соответствии с которым Китай предоставит материальные условия и рабочую силу, а Германия — технику и научные разработки для сотрудничества в целях освоения богатых природных ресурсов Китая, реформирования его административной системы, переоснащения китайских вооруженных сил. Одним словом, цель состоит в том, чтобы в кратчайшие сроки, используя знания немецких специалистов, превратить Китай в богатое и сильное государство. Когда же этот первый шаг будет осуществлен, мы, используя возможности Китая, окажем Германии помощь, с тем чтобы она могла освободиться от пут Версальского договора. Если германское правительство сможет оценить шанс, предоставляемый ему Китаем, мы, в свою очередь, будем считать Германию ***своим единственным учителем***[2].

[1] Boye an Bosing. Februar 24, 1923 // PAAA. 943. S. 122.

[2] Сунь Ятсен — Дэн Цзяню, 19 июня 1923 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 923.

Америка, Америка!

По словам М. М. Бородина, он не раз и не два задавал Сунь Ятсену вопрос: «До каких же пор Вы будете по-прежнему фантазировать о том, что китайский народ может получить помощь от США, Англии и Японии?!»[1]

Сунь Ятсен на это ничего не отвечал. И продолжал фантазировать.

Шурман в Кантоне

6 января 1924 г. посланник США в Пекине Дж. Шурман прибыл в Кантон и встретился с Сунь Ятсеном.

О состоявшейся беседе американский дипломат информировал Государственный департамент, а затем по просьбе президента К. Кулиджа составил пространный «Конфиденциальный доклад о Китае» (этот документ хранится ныне в библиотеке Корнельского Университета в США)[2].

Поведение д-ра Суня во время их встречи произвело на американца странное впечатление.

> Первые 15 минут беседы, продолжавшейся два часа, Сунь Ятсен распространялся, словно будучи не в себе, о грядущем конфликте между угнетателями и угнетенными — то есть между Китаем, Россией, Германией, Индией и т. д., представляющими вторую группу, и «капиталистическими странами», включая Америку, входящими в первую[3].

По словам Шурмана, «сказанное [Сунь Ятсеном] было произнесено столь несвязно и взволнованно, словно это было сделано специально для иллюстрации появившегося здесь сообщения о том, что он немного тронулся умом»[4].

Вслед за этим Сунь Ятсен, словно не замечая, что он противоречит самому себе, категорически заявил, что «Соединенные Штаты Америки являются ***единственной страной в мире, к которой китайцы относятся без подозрений***» и поэтому надеются на помощь с ее стороны[5].

В данном случае помощь должна была бы заключаться в том, чтобы США стали посредником между Югом и его противниками.

---

[1] *У Сянсян*. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1627.

[2] Confidential Report on China. Written for President Coolidge at His Request // Papers of J. G. Schurman, Cornell University Libraries, Ithaka, N.Y.

[3] Ibid. P. 10.

[4] Schurman to the Secretary of State, February 16, 1924 // USDS. 861.00/793.

[5] Ibid.

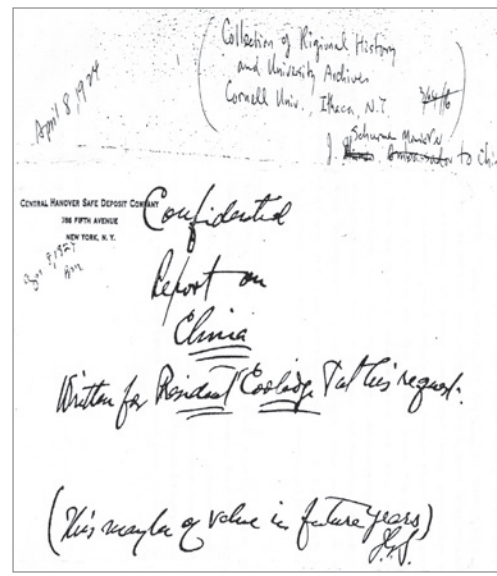
Дж. Шурман (1854–1942)

Д-р Сунь высказался в том духе, что выход из создавшегося в Китае политического положения заключается в созыве конференции, в которой приняли бы участие все вовлеченные в конфликт силы. Он спросил Шурмана, не могли ли бы американцы содействовать подготовке такой конференции.

Как вспоминал впоследствии генконсул Д. Джэнкинс, эта идея показалась Шурману «совершенно неосуществимой, потому что в это время Сунь Ятсен контролировал микроскопическую часть территории страны и не располагал возможностью склонить могущественных военных лидеров Севера к восприятию каких бы то ни было акций с его стороны»[1].

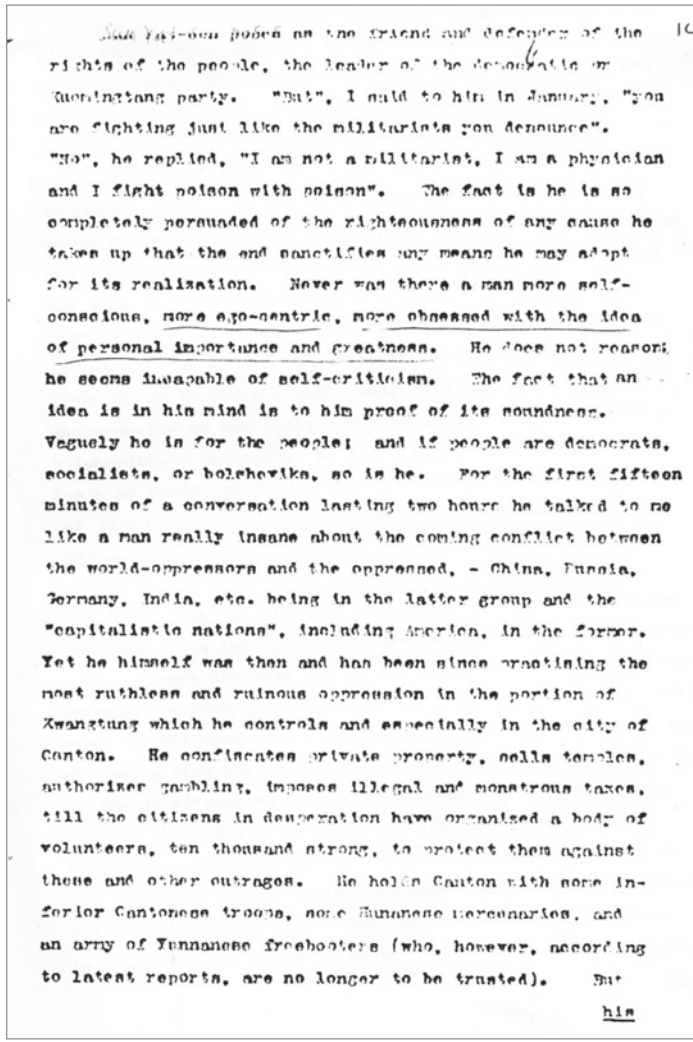
К. Кулидж (1872–1933)

В своем докладе президенту Кулиджу Шурман упоминает о том, что во время беседы его с Сунь Ятсеном произошел обмен следующими фразами.



Первая страница доклада Шурмана, 8 апреля 1924 г.

[1] Цит. по: *Wilbur M. C.* Sun Yat-sen Frustrated Patriot. New York. 1976. P. 189.



Sun Yat-sen poses as the friend and defender of the 10
rights of the people, the leader of the democratic or
Kuomintang party. "But", I said to him in January, "you
are fighting just like the militarists you denounce".
"No", he replied, "I am not a militarist, I am a physician
and I fight poison with poison". The fact is he is so
completely persuaded of the righteousness of any cause he
takes up that the end sanctifies any means he may adopt
for its realization. Never was there a man more self-
conscious, more ego-centric, more obsessed with the idea
of personal importance and greatness. He does not reason;
he seems incapable of self-criticism. The fact that an
idea is in his mind is to him proof of its soundness.
Vaguely he is for the people; and if people are democrats,
socialists, or bolsheviks, so is he. For the first fifteen
minutes of a conversation lasting two hours he talked to me
like a man really insane about the coming conflict between
the world-oppressors and the oppressed, - China, Russia,
Germany, India, etc. being in the latter group and the
"capitalistic nations", including America, in the former.
Yet he himself was then and has been since practising the
most ruthless and ruinous oppression in the portion of
Kwangtung which he controls and especially in the city of
Canton. He confiscates private property, sells temples,
authorizes gambling, imposes illegal and monstrous taxes,
till the citizens in desperation have organized a body of
volunteers, ten thousand strong, to protect them against
these and other outrages. He holds Canton with more in-
ferior Cantonese troops, more Yunnanese mercenaries, and
an army of Yunnanese freebooters (who, however, according
to latest reports, are no longer to be trusted). But
him

Дж. Шурман. Конфиденциальный доклад о Китае. С. 10

Шурман: «Но ведь Вы воюете так же, как те милитаристы, которых Вы разоблачаете...»

Сунь Ятсен: «Я не милитарист, я врач и использую яд как противоядие!»[1]

[1] Confidential Report on China. P. 10.

Ответ Сунь Ятсена был воспринят Шурманом как выражение ни на чем не основанной самоуверенности, и в целом он дал своему собеседнику весьма нелестную оценку.

Шурман писал Кулиджу о Сунь Ятсене:

> Бесспорно, он абсолютно уверен в том, что всё предпринимаемое им является правильным <...>. Никогда еще не было на свете человека более самоуверенного, более эгоцентричного, обуриваемого верой в важность собственной роли и свое величие. Он не умеет спорить и не знает, что такое самокритика. Сам по себе тот факт, что какая-то идея возникла в его голове, является для него доказательством ее истинности. Первые 15 минут беседы, продолжавшейся два часа, говорил, словно одержимый, только он — о грядущем конфликте между угнетателями и угнетенными[1].

Неподтвержденная деталь встречи Сунь Ятсена с Шурманом

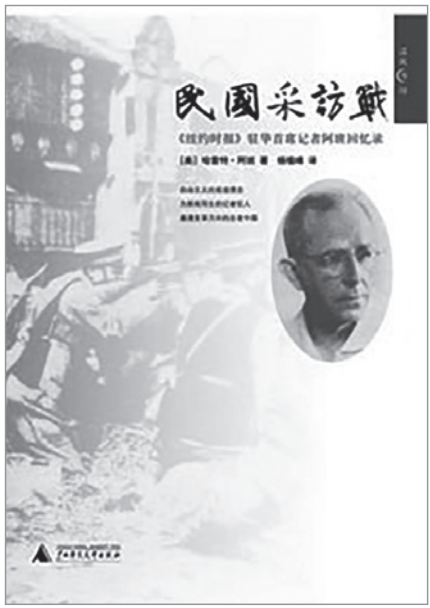
С визитом Шурмана в Кантон связана еще одна таинственная история, о которой в своих воспоминаниях рассказал известный американский журналист Г. Абенд, многие годы проработавший в Китае корреспондентом газеты «New York Times».

Однажды он встретился в Гонконге с неким попавшим в опалу гоминьдановским функционером, который рассказал ему, что во время встречи с Шурманом Сунь Ятсен неожиданно обратился к американскому дипломату с вопросом: не могли ли бы США ввести в Китай свои войска сроком на 5 лет, чтобы навести порядок в стране?

Г. Абенд (1884–1955)

Сунь Ятсен пояснил, что он имел в виду: американские войска занимают все провинциальные центры и берут под свой контроль железные дороги, реки, порты, телеграфную связь; США направляют в Китай в качестве советников своих специалистов в области военного дела, железнодорожного строительства, финансов, ирригации, здравоохранения и просвещения. За время пребывания в Китае американские войска должны подавить местных милитаристов и искоренить бандитизм. По истечении 5 лет в Китае будут проведены выборы, после чего вся полнота власти будет передана тем, кого выберет китайский народ.

[1] Ibid.



«Вы не должны упоминать о том, что этот факт сообщен Вам мною, — предупредил информатор. — О том, что я рассказал Вам правду, свидетельствует документ, хранящийся в архиве Вашего консульства. Вы можете спросить об этом Джэнкинса».

Абенд встретился с консулом Джэнкинсом и рассказал ему о вышеприведенном разговоре, не называя имени своего собеседника, на что американский консул ответил, что не имеет права показывать кому бы то ни было документ, о котором шла речь, но подтвердил, что такой документ существут и его копия хранится в Национальном архиве в Вашингтоне[1].

В Национальном архиве США нам не удалось обнаружить документ, который подтвердил бы достоверность вышеприведенного сообщения Г. Абенда.

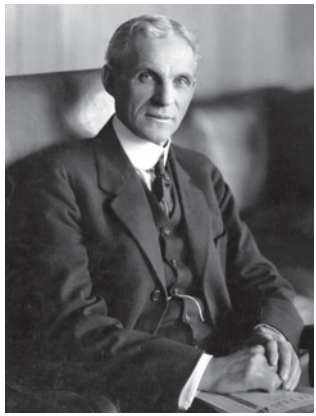
Письмо Генри Форду

В июне 1924 г. Сунь Ятсену стало известно, что американский автомобильный король Генри Форд, возможно, приедет в Китай. Фантазия д-ра Суня разыгралась вновь.

Сунь Ятсен решает написать миллиардеру, судя по всему, пылавшему желанием помочь китайскому народу избавиться от вековой нищеты:

> 12 июня 1924 г.
>
> Глубокоуважаемый г-н Форд,
>
> Человек, который доставит Вам это письмо, г-н Хуан Жэньцзя, сообщил мне, что в ближайшем будущем Вы намерены посетить Китай.

[1] 民国采访战:《纽约时报》驻华首席记者阿班回忆录 (Битвы интервьюера в Китайской Республике. Мемуары ведущего корреспондента газеты «New York Times» Г. Абенда). Наньнин. 2008. С. 20–22.



Генри Форд (1863–1947)

Если Вы и в самом деле приедете, я непременно буду иметь счастье приветствовать Вас на Юге Китая.

Юг — район Китая, самый богатый талантами, идеями и материальными благами.

Я знаю и видел своими собственными глазами выдающиеся успехи, которых Вы достигли в Америке в области промышленности и сельского хозяйства. И я думаю, что и в Китае Вы можете добиться таких же успехов, а может быть, — и еще более масштабных и впечатляющих. Потому что в Америке Вы действуете главным образом в одиночку, а в Китае у Вас будет прекрасный шанс в течение длительного времени применять Ваши намерения и идеалы во вновь создаваемой системе промышленного производства.

С моей точки зрения, если китайская экономика будет продолжать находиться в неразвитом состоянии и подвергаться угнетению и эксплуатации со стороны великих держав, Китай может стать причиной развязывания 2-й мировой войны.

По этой причине еще в 1919 году, когда в Европе было подписано соглашение о перемирии, я составил план промышленного развития Китая, с тем чтобы представить его державам на мирной конференции. Этот план был подробно изложен в моей новой книге «Международный план экономического развития Китая», китайское издание которой было опубликовано в Шанхае в 1921 г., а английское в 1922 г. в Нью-Йорке.

В настоящее время мне кажется, что Китай не может возлагать надежды на нынешние правительства великих держав. Но такой способный и деятельный предприниматель, как Вы, может стать для нас источником безграничных надежд и уверенности в завтрашнем дне.

Вот почему я и приглашаю Вас лично побывать в Китае, с тем чтобы детально изучить одну из самых трудных проблем XX века.

Искренне Ваш Сунь Ятсен[1]

По каким-то причинам письмо Сунь Ятсена попало в офис автомобильного короля более чем через полгода — в конце ноября 1924 г. Форда в это время в Штатах не было, и ответить на письмо было некому.

Очередной масштабный план Сунь Ятсена разделил судьбу всех предыдущих.

[1] Цит. по: *У Сянсян*. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1588–1589.

Взгляд на Восток

2 сентября 1923 г. в Японии было сформировано правительство Ямамото Гомбэ. Давнишний приятель Сунь Ятсена Инукаи Цуёси получил в нем портфель министра. Известие об этом воодушевило д-ра Суня, вселив в него надежду на то, что он, судя по всему, раньше времени махнул рукой на Японию как на спонсора революции.

Сунь Ятсен пишет Инукаи

Воспользовавшись возвращением в Токио Ямада Дзюнтаро, Сунь Ятсен 16 октября вручил ему письмо, адресованное Инукаи[1].

В конце 1924 г. Инукаи Цуёси был на коне

В этом письме Сунь Ятсен писал:

> В своей политике по отношению к Китаю правительство Вашей страны всегда следовало за великими державами и в результате этого не оправдало надежды, возлагавшиеся на него Китаем и народами Азии. Это была его ошибка.
>
> Ныне Вы вошли в состав кабинета министров и наверняка сможете положить конец политике пресмыкательства перед великими державами и принять новый курс, отвечающий чаяниям всех народов Азии.

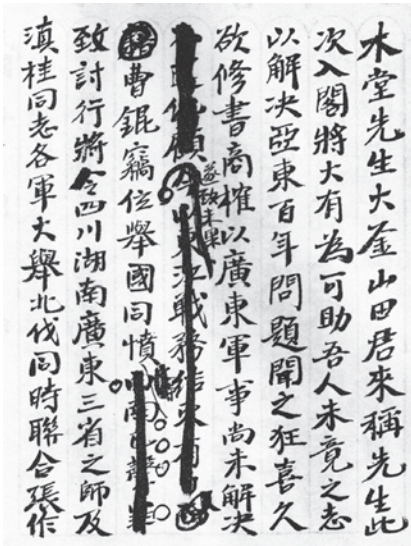
По мнению Сунь Ятсена, так Япония смогла бы решить свою извечную проблему:

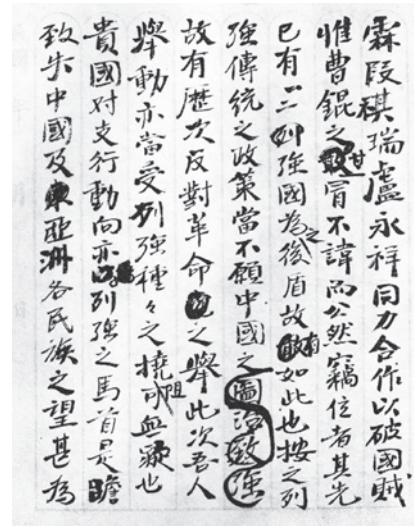
> В этом случае Японии не нужно было бы беспокоиться о том, что она не имеет возможности осваивать новые территории для того, чтобы разместить на них свое непрерывно увеличивающееся население.

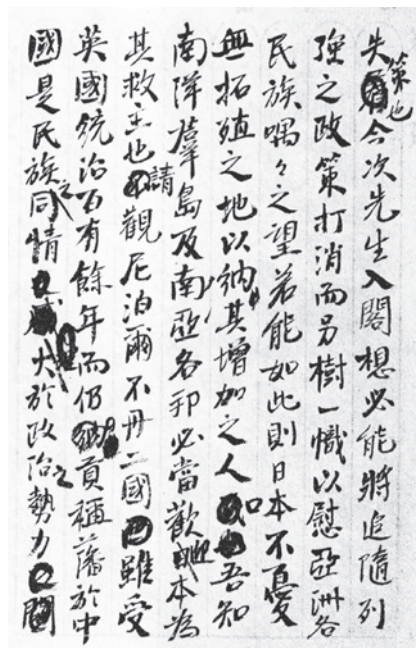
Далее следует не менее важное соображение:

> Если бы Япония могла заново оценить ситуацию и стала бы вести себя по отношению к Корее подобно тому, как Англия относится к Ирландии, то – лучше поздно, чем никогда — она завоевала бы сердца народов Азии.
>
> В противном случае их взоры неизбежно обратятся к Советской России, а это отнюдь не в интересах Японии!

[1] 孙中山致犬养毅函告意见 (Оригинал письма Сунь Ятсена, адресованного Инукаи Цуёси) // Миньго данъань. 1986. № 4.







Первые три страницы письма Сунь Ятсена Инукаи Цуёси от 16 октября 1924 г. (черновик)

Сунь Ятсен пояснял:

> Советская Россия — надежда угнетенных народов Европы и главный враг сильных мира сего. Поэтому великие державы предприняли вооруженную интервенцию против России, а простой народ этих стран выступил против своих правительств. Из-за сопротивления народа Англия, Франция, США и т. д. были вынуждены вывести свои войска из России.
>
> Ныне народы Азии угнетены в большей степени, чем народы Европы, и их желание найти спасителя выражено более определенно. Но на нашем континенте нет страны, которая бы оказывала поддержку слабым, выступала за справедливость и, обещав, была бы верна своему слову. Поэтому [народам Азии] не остается ничего иного, как возлагать свои надежды на Советскую Россию!

Сунь Ятсен развернул перед Инукаи величественную перспективу преобразования Азии в случае, если тот сможет изменить нынешнюю политику японского правительства:

> Главное — отношение к китайской революции. Ибо китайская революция – главный объект ненависти со стороны европейских держав. А если китайская революция победит, то на очереди будут Аннам, Бирма, Непал, Бутан и другие страны. Народы Индии, Афганистана, арабских стран, Малайи последуют за Китаем, освободятся от гнета со стороны европейцев и объявят независимость. Это нанесет поражение экономической агрессии европейского империализма.
>
> Поэтому китайская революция — предвестница смертного приговора европейскому империализму. Вот почему правительства держав во всех сферах выступают против китайской революции. А японское правительство не понимает этого и тоже выступает против нее. Чем же это отличается от самоубийства?

В соответствии с этими соображениями Сунь Ятсен формулирует задачи, которые, по его мнению, следовало бы поставить перед собой новому правительству Японии:

> Чтобы, спасая Китай, спасти себя, Япония должна сосредоточить все свои силы на помощи Китаю подобно тому, как 100 лет тому назад Англия помогала Испании, а в наши дни Америка помогает Панаме.

Коль скоро Япония должна стать центром притяжения для народов Азии подобно тому, как Советская Россия пользуется симпатиями народов Европы, у Японии нет видимых оснований для того, чтобы продолжать не признавать советское правительство.

Нельзя не отдавать себе отчета в том, что военно-морской флот Англии и США в несколько раз мощнее японского, а сухопутные силы России на сегодняшний день — сильнейшие в мире. Что хорошего будет от того, что находящаяся в изоляции Япония будет противостоять своим могучим соседям с их флотом и сухопутной армией? <...>

В начале европейской войны Япония приняла ошибочное решение и упустила прекрасный шанс стать во главе мирового сообщества. Разумно ли повторять эту ошибку? Хотелось бы, чтобы Вы, не откладывая дело в долгий ящик, всесторонне обдумали всё это.

Трудно комментировать это письмо. По-видимому, в таком же затруднении находился и Инукаи. Во всяком случае, на послание д-ра Суня он ничего не ответил.

Снова случай побывать на второй родине

В октябре 1924 г. политическая ситуация в Китае неожиданно изменилась. Командующий одной из армий пекинского правительства Фэн Юйсян отправил в отставку президента Цао Куня и назначил премьер-министром Дуань Цижуя, долгое время отдыхавшего от обременительных государственных дел.

Фэн Юйсян (1882–1948)

Одновременно Фэн Юйсян объявил о своем намерении созвать конференцию для решения вопроса о будущем правительстве объединенного Китая, пригласив Сунь Ятсена принять в ней участие.

После долгих споров о том, следует ли Сунь Ятсену ехать в Пекин, он все-таки решил отправиться на Север. Хотя до Пекина можно было добраться и по суше, д-р Сунь предпочел путь по морю — через Японию.

13 ноября он в сопровождении своей супруги и нескольких членов руководства Гоминьдана отбыл в Шанхай, а 22 ноября направился в Японию.

Накануне отплытия глава Гоминьдана дал интервью корреспондентам японских газет «Токио нити нити симбцн» и «Осака майнити симбун», сделав следующее заявление:

Мой нынешний визит в Японию связан с тем, что, направляясь в Тяньцзинь для участия в конференции, я хочу навестить в Японии моих старых знакомых и встретиться с представителями правительственных и общественных кругов, чтобы в непринужденной обстановке обсудить с ними кое-какие вопросы. Сегодня Китай стоит накануне объединения, и то, как в ответственный момент надо поступать, дабы добиться этой цели, заслуживает внимательного рассмотрения. Сегодня проблема Китая — это проблема не одного лишь Китая, и ее следует рассматривать с точки зрения важнейших мировых проблем. В этой обстановке я со всей остротой ощущаю, что проблему можно разрешить лишь в том случае, если действовать рука об руку с Японией. Причем речь идет не только о сотрудничестве в дипломатической сфере. Нужно, полагаясь на подлинное взаимопонимание народов Японии и Китая, совместными

Сунь Ятсен и Сун Цинлин на корабле по пути в Японию

усилиями укрепить ***единство людей желтой расы*** ради спасения Китая и поддержания мира в Восточной Азии вопреки незаконному нажиму со стороны великих держав[1].

Япония должна помочь нам отменить неравноправные договоры

24 ноября Сунь Ятсен и Сун Цинлин прибыли в Кобэ и намеревались поехать в Токио, но японские власти сочли это неприемлемым. Находившемуся в Японии функционеру Гоминьдана Инь Жугэну пришлось неоднократно ездить в МИД и упрашивать начальника Азиатского департамента разрешить поездку Сунь Ятсена в столицу, но безрезультатно.

Вопрос об отмене неравноправных договоров, которые Китай вынужден был заключить под давлением со стороны держав, впервые был сформулирован на состоявшемся в январе 1924 г. 1-м съезде Гоминьдана. В «Манифесте» съезда говорилось:

> Все неравноправные договоры, ущемляющие суверенные права Китая, такие как договоры об иностранных концессиях, праве консульской юрисдикции, праве иностранцев на контроль за таможенными пошлинами и на осуществление всякого рода политической власти на территории нашей страны, должны быть аннулированы и перезаключены на основе равноправия и взаимного уважения суверенитета договаривающихся сторон[2].

Отмена неравноправных договоров была одной из основных тем, которые Сунь Ятсен обсуждал во время пребывания в Японии в ноябре 1924 г.

Выступая 25 ноября на приеме, устроенном в его честь, Сунь Ятсен сформулировал мысль о том, что «для того чтобы осуществить мирное объединение страны, нужно покончить с милитаристами; для того чтобы покончить с милитаристами, нужно нанести поражение злокозненному империализму; для того чтобы нанести поражение империализму, необходимо отменить все неравноправные договоры», навязанные державами Китаю[3]. Но осуществить эту историческую задачу, по мнению Сунь Ятсена, Китаю без помощи со стороны Японии было бы не под силу.

---

[1] Цит. по: 李吉奎。孙中山与日本 (*Ли Цзикуй*. Сунь Ятсен и Япония). Гуанчжоу. 1996. С. 586–587. Курсив наш.

[2] Манифест 1 съезда Гоминьдана, 23 января 1924 г. // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М. 1964. С. 409.

[3] ПССС. Т. 11. С. 379.

Встреча 25 ноября 1924 г. Сидят (справа налево): Окубо Такахару, Сунь Ятсен, Тояма Мицуру; стоят (справа налево): Ямада Дзюнсабуро, Дай Цзитао, Ли Лецзюнь, Фудзимото Наонори

Об этом он в тот же день долго и убежденно говорил на встрече с Тояма Мицуру, Окубо Такахару, Фудзимото Наонори и Ямада Дзюнсабуро.

Сунь Ятсен высказался за немедленную отмену всех неравноправных договоров Китая, включая имеющие отношение к особым правам Японии в Маньчжурии. Тояма возражал, ссылаясь на то, что Маньчжурия представляла собой объект российской агрессии и это большая удача для Китая, что Япония ценой неимоверных усилий и жертв со своей стороны остановила экспансию России. Особые права Японии будут со временем переданы Китаю, но не сейчас, ибо большинство японцев будет против такого шага.

Фудзимото Наонори спросил Сунь Ятсена, когда он говорит об отмене неравноправных договоров, имеет ли он в виду возвращение Китаю Люйшуня и Даляня. Сунь Ятсен ответил, что он ставит вопрос в целом, а конкретно о судьбе Люйшуня и Даляня (равно как Гонконга и Макао) он еще не думал[1].

[1] *Ли Цзикуй*. Сунь Ятсен и Япония. С. 596.

Извечная «паназиатская идея»

28 ноября Сунь Ятсен выступил с большой речью на собрании представителей торговых организаций Кобэ. Эта речь никогда не переводилась на русский язык, поэтому читателю, по всей вероятности, будет интересно познакомиться с нею. Ниже мы приводим полный текст этого выступления Сунь Ятсена.

Историческая миссия Азии

Он начал издалека:

> Наша сегодняшняя тема — «паназиатизм», но прежде чем обратиться к этой проблеме, мы должны четко представить себе место, которое Азия занимает в мире.
>
> С моей точки зрения, Азия является колыбелью древнейшей цивилизации на Земле. Несколько тысяч лет тому назад ее народы создали развитую цивилизацию. Даже древние цивилизации Запада — Греция и Рим — имеют свои корни на азиатской почве. Древняя Азия — философская, религиозная, логическая и промышленная цивилизация. Истоки различных современных цивилизаций мира восходят к древней цивилизации Азии. Лишь за последние несколько столетий страны и народы Азии постепенно деградировали и ослабли, тогда как страны Европы развили свои ресурсы и обрели могущество. После того как последние полностью развили свои силы, они обратили свое внимание на Восточную Азию и проникли в нее, уничтожая или подчиняя себе все азиатские народы, в результате чего 30 лет тому назад в Азии не осталось ни одной независимой страны[1].

По мнению Сунь Ятсена, день возрождения Азии наступил в последнем десятилетии XIX века:

> Когда Азия достигла этой точки, ситуация начала меняться, эти перемены означали возрождение Азии. Оно началось 30 лет тому назад, когда Япония разорвала все неравноправные договоры, навязанные ей иностранными державами. День, когда Япония совершила это, был днем возрождения стран Азии. После этого Япония стала первой независимой страной Азии. Другие страны Азии — Китай, Индия, Персия, Афганистан, арабские страны, Турция — не были независимыми, в них по-прежнему

[1] Речь на собрании представителей торговых организаций Кобэ, 28 ноября 1924 г. // ПССС. Т. 11. С. 401–409.

господствала Европа, относившаяся к ним как к колониям. 30 лет тому назад Япония тоже была европейской колонией. Но японцы смотрели в будущее. Они поняли, что единственный путь к обретению власти — бороться против европейцев и отменить неравноправные договоры, что они и сделали, превратив Японию в независимую страну. После того как Япония стала независимой страной Восточной Азии, многие народы в этой части мира обрели надежду на будущее. Они поняли, что коль скоро Япония стала независимой, отменив неравноправные договоры, они также могут сделать это. Они вновь обрели уверенность в борьбе за свою независимость, надеясь сбросить ярмо европейского господства, с тем чтобы занять достойное место в мире. Подобного рода мысли стали преобладающими за последние 30 лет, и это вселяет в нас оптимизм.

Вслед за этим Сунь Ятсен подробно остановился на историческом значении победы Японии над Россией в 1904 г.:

30 лет тому назад люди думали иначе. Они верили в то, что европейская цивилизация является прогрессивной — в отношении науки, промышленности, материального производства, вооружения — и что Азия не может сравниться с ней. Соответственно, они думали, что Азия никогда не сможет оказать сопротивление Европе, что европейский гнет никогда не будет поколеблен. Так думало большинство 30 лет назад. Это была пессимистическая точка зрения. Даже после того как Япония разорвала неравноправные договоры и обрела независимый статус, это событие почти не оказало влияния на Азию, за исключением нескольких стран, расположенных поблизости от нее. Однако 10 лет спустя разразилась русско-японская война, и Япония разгромила Россию. Первый раз в истории на протяжении нескольких сотен лет азиатская страна нанесла поражение европейской державе. Эта победа мгновенно получила отзвук во всей Азии и вселила новую надежду во все азиатские народы. Когда началась русско-японская война, я был в Европе. В один прекрасный день пришло сообщение о том, что адмирал Того разгромил российский флот, только что переброшенный из Европы во Владивосток. Эта новость ошеломила жителей всего континента. Британия была союзницей Японии, и тем не менее она была неприятно удивлена, потому что с ее точки зрения победа Японии над Россией не сулила людям белой расы ничего хорошего. В конце концов, «кровь гуще воды». Позднее я отплыл в Азию. Когда пароход проходил Суэцкий канал, ко мне подошла группа местных жителей. У всех были улыбающиеся лица. Они спросили меня, японец ли я. Я ответил, что я китаец, и осведомился, чему они так рады. Они ответили: «Мы только что услышали новость о полном уничтожении японцами русского флота, переброшенного из Европы. Можно ли верить

этому сообщению? Проживая по обе стороны канала, мы стали свидетелями того, как мимо время от времени проплывают российские суда с ранеными на борту, и это, несомненно, является доказательством поражения русских. Прежде мы, цветные народы Азии, страдавшие под гнетом народов Запада, считали свое освобождение невозможным. Но поражение России, нанесенное ей Японией, мы рассматриваем как победу Востока над Западом. Мы считаем победу Японии своей собственной победой. Это радостное событие! Вот почему у нас такое приподнятое настроение, вот чему мы радуемся!» Оказала ли победа Японии над Россией влияние на народы всей Азии? И велико ли было это влияние? В тот момент известие о победе Японии над Россией, будучи услышано в Восточной Азии, может быть, и не было воспринято с радостью как важное событие. Но жители западной части Азии живут по соседству с европейцами и постоянно общаются с ними, все время испытывают их гнет, все время страдают от этого. Они воспринимают угнетение более остро, чем люди Востока, и страдают от него больше. Вот почему, услышав вести о победе Японии, они радовались им больше, чем мы, люди Востока.

Начиная с того дня, когда Япония одержала победу над Россией, народы Азии обрели надежду на освобождение от европейского ига — надежду, положившую начало целому ряду движений за независимость

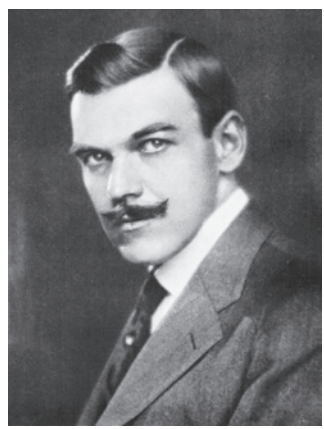
Японо-русская война (японская карикатура)

в Египте, Персии, Афганистане и, наконец, в Индии. Таким образом, результатом победы Японии над Россией была великая надежда Азии на завоевание независимости. С тех пор прошло 20 лет. Движение за независимость Египта, Турции, Персии, Афганистана и арабских стран материализовалось и начинается, по прошествии некоторого времени, в Индии. Эти факты — конкретные доказательства прогресса националистической идеи в Азии. Пока эта идея не оформится во всей своей полноте, ни объединение, ни достижение независимости всеми азиатскими народами невозможно. Китай и Япония являются двумя великими нациями Восточной Азии. Китай и Япония — движущая сила национального движения. Каковы будут результаты действия этой силы, мы увидим в будущем. Но тенденция развития событий указывает на то, что не только Китай и Япония, но и все народы Восточной Азии объединятся во имя восстановления Азией своего прежнего статуса».

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут

Констатируя, что «эту тенденцию признают и в Европе, и в Америке», Сунь Ятсен ссылается на книги Л. Стоддарда[1].

Один американский ученый написал книгу о возрождении цветных народов, в которой он утверждает, что победа Японии над Россией была



Лотроп Стоддард (1883–1950) и его книга

[1] *Stoddard L.* The Rising Tide of Color Against White World-Supremacy. New York. 1920; Ibidem. The Revolt Against Civilization: The Menace of the Under Man. New York. 1922.

победой желтой расы над белой и что подобная тенденция, если ей что-нибудь не помешает, приведет к объединению всей желтой расы, и это будет несчастьем для народов белой расы, так что следует изыскать пути и способы его предотвращения. После этого он написал еще одну книгу, в которой он изображает освободительные движения как бунт против цивилизации. По его мнению, освободительные движения в Европе следует рассматривать как бунт против цивилизации; в еще большей степени нужно считать бунтом против цивилизации освободительные движения в Азии. Подобные взгляды характерны для привилегированных классов в Европе и Америке. Будучи меньшинством, они угнетают большинство на своем континенте или в своей стране. Ныне они хотят распространить свое зловещее господство на Азию, намереваясь подчинить себе 900 миллионов ее жителей и обращаться с ними как со своими рабами. Этот американский ученый считает пробуждение азиатских народов бунтом против цивилизации. Люди Запада считают себя единственными достойными подлинной культуры и цивилизации; другие народы с их собственной культурой и оригинальными идеями рассматриваются как варвары, взбунтовавшиеся против цивилизации. Сравнивая цивилизации Запада и Востока, они считают, что только их собственная цивилизация логична и гуманистична.

Отталкиваясь от этого представления, Сунь Ятсен излагает свое собственное мнение о сущности западной и восточной культуры.

С точки зрения культурного развития на протяжении нескольких сот лет материальная цивилизация Европы быстро развивалась, а наша восточная цивилизация находилась в состоянии стагнации. На первый взгляд кажется, что Европа превосходит Азию. Но если взглянуть поглубже, то что из себя представляет европейская культура последнего столетия? Это культура точных наук, культура, ориентированная на материальные блага. Будучи внедрена в жизнь общества, такая культура признает лишь материальные достижения цивилизации, самолеты и бомбы, винтовки и пушки. Это культура вооруженной силы. Европейцы использовали эту культуру вооруженной силы для того, чтобы подчинить себе Азию, и поэтому Азия не могла прогрессировать. Эта культура, использующая вооруженную силу для того, чтобы порабощать людей, у нас в древнем Китае называли *ба-дао* 霸道, т. е. «управлением с помощью силы»; этот термин подходит для обозначения европейской культуры. Но мы на Востоке всегда отвергали управление с помощью силы. Ведь существует иная культура, превосходящая управление с помощью силы. Ее основа — гуманность и добродетель.

Посредством этой культуры можно облагораживать людей, а не угнетать их, поощрять людей творить добро, а не устрашать их. Такую культуру, поощряющую людей творить добро, у нас в древнем Китае называли *ван-дао* 王道, т. е. «добродетельным управлением». Культура Азии не что иное, как культура добродетельного управления. С тех пор как материальная цивилизация Европы получила развитие и в мире стало преобладать управление с помощью силы, нравственность в странах мира день ото дня деградировала. Так произошло даже во многих странах Азии. За последнее время европейские и американские ученые понемногу стали обращать внимание на восточную культуру и стали постепенно понимать, что хотя материальная цивилизация Востока уступает западной, но в нравственном отношении Восток намного превосходит Запад.

Вслед за этим Сунь Ятсен предпринял небольшой экскурс в историю:

Сравнивая культуру управления с помощью силы и управления посредством добродетели, вы можете сами решить, которая из них отвечает справедливости и гуманности, принося пользу нации и государству. Я же могу сослаться на один пример. На протяжении 1000 лет между пятым и двадцатым столетием Китай был самым мощным государством мира. Его статус был подобен нынешней Британии и США. Могущество

Сунь Ятсен произносит речь

Британии (как и США) делает ее одной из великих держав. А прежнее могущество Китая позволяло ему быть единственной великой державой. Когда Китай был единственной великой державой, как он относился к слабым народам и государствам? И как слабые государства относились к Китаю?

В те времена слабые государства считали Китай своим сюзереном и приносили ему дань и просили принять их в качестве вассалов. Возможность прибыть в Китай, чтобы поднести дань, они считали для себя честью, а если это было невозможно, для них это было позором. В те времена дань Китаю платили не только азиатские страны, даже некоторые страны Европы не считали за труд поступать так же. Каким же путем Китай добивался того, что столь многочисленные государства и далекие народы присылали ему дань? Может быть, принуждал их силой своего флота и своей сухопутной армии? Нет! Китай воздействовал на них своей добродетелью, и они, воспринимая ее, добровольно прибывали, чтобы поднести свою дань. Восприняв добродетель Китая, они не только сами прибывали в Китай, но так же поступали их дети и внуки.

До сих пор существуют доказательства этого. Например, к северу от Индии находятся два маленьких государства, одно из них называется Бутан, другое — Непал. Эти два государства хотя и малы, но их народы обладают решительным характером, они храбры и воинственны. Особенной храбростью и воинственностью отличаются жители Непала — их называют гурками. Ныне чтобы управлять Индией, Британия постоянно набирает в свою армию гурков. Британия смогла подчинить себе огромную Индию и превратить ее в свою колонию, но не осмеливается относиться к Непалу свысока и каждый год вынуждена еще платить ему, чтобы тот разрешил направить туда своих наблюдателей. Британия — одна из могущественнейших стран мира — с таким уважением относится к Непалу! Из этого можно заключить, что Непал — это сильное государство Азии. А как Непал, это сильное государство, относится к Британии? Британии потребовалось сто лет, чтобы стать могучей, и более ста лет, чтобы поработить Индию. На протяжении столь длительного времени Непал тесно граничит с британской колонией, но не только не платит дань Британии, но, напротив, Британия платит ему. А как относится Непал к Китаю? Китай растерял весь свой международный авторитет, и его статус уступает даже британской колонии, к тому же он расположен далеко от Китая и между ними еще находится обширный Тибет. Но Непал до сих пор почитает Китай своим сюзереном. В 1-й год Республики Непал направил через Тибет дань Китаю,

потом они дошли до Сычуани и не смогли продвинуться дальше из-за проблем с транспортом. Не кажется ли вам, господа, странной эта разница в отношении Непала к Британии и Китаю? Взяв отношение Непала к Британии и Китаю в качестве критерия, можно сравнивать восточную цивилизацию Китая и западную цивилизацию Британии. Хотя на протяжении нескольких столетий Китай пришел в упадок, он сохранил свою культуру, и Непал до сих пор считает его своим сюзереном. Хотя Британия сильна и обладает заслуживающей положительной оценки материальной цивилизацией, Непал смотрит на нее свысока. Это свидетельствует о том, что Непал воспринял благотворное влияние Китая и считает китайскую культуру подлинной культурой, а материальную цивилизацию Британии — не культурой, а культом силы.

Надежда на Азию

Далее Сунь Ятсен задавал вопрос:

В чем же состоит главная проблема, когда мы говорим о паназиатизме? Говоря коротко, это проблема культуры, проблема соотношения восточной и западной культуры и конфликта между ними. Восточная культура — это культура добродетели; западная культура — культура культа силы. Исповедовать культуру добродетели означает оперировать понятиями гуманности и нравственности; следовать культу силы означает ставить превыше всего собственные интересы и власть. Основывать свои действия на гуманности и справедливости значит воздействовать на других соображениями нравственного порядка; исходить из собственных властных интересов значит использовать винтовки и пушки для порабощения других. Люди, воспринявшие культуру нравственности, не в состоянии забыть источник, из которого она исходила, даже если он по прошествии нескольких столетий утратил былую силу. Примером тому является сегодня Непал, продолжающий считать Китай своим сюзереном. Люди, подвергшиеся порабощению, стремятся к освобождению, даже если их поработитель очень силен. В частности, Британия подчинила себе Египет и лишила независимости Индию, но как бы Британия ни была сильна, Египет и Индия стремятся освободиться из-под ее гнета, в этих странах ширится движение за независимость, пока еще не добившееся успеха из-за вооруженного давления со стороны Британии. Если Британия придет в упадок, Египту и Индии не потребуется и пяти лет, чтобы избавиться от британского гнета и добиться независимости. Надеюсь, что, выслушав меня, вы, господа, согласитесь с превосходством восточной культуры. Какова же основа того, чтобы, живя в новом мире,

мы могли осуществить нашу паназиатскую идею? Такой основой должна послужить нам наша традиционная культура. Надо руководствоваться справедливостью и гуманностью, которые являются прекрасной основой нашего паназиатизма. Имея эту основу, мы, помимо этого, должны еще изучать европейскую науку, развивать промышленность, совершенствовать оружие. Но мы должны учиться у Европы не тому, как подчинять себе другие государства и угнетать другие народы. Мы должны учиться, чтобы защищать себя.

Далее, о нынешних странах Азии.

Среди азиатских государств наибольших успехов в изучении европейских военных достижений за последнее время достигла Япония. Создавая свой флот и используя его, Япония не нуждается в помощи европейцев. Япония может создавать и использовать свою армию по своему усмотрению. Поэтому Япония может считаться в полном смысле слова независимой страной Азии. У нас в Азии есть еще одно государство, которое в европейской войне[1] выступило на стороне союзников[2], потерпело сокрушительное поражение и было разделено на части, а после войны изгнало европейцев и стало в полном смысле независимым — это Турция. Таким образом, сейчас в Азии два независимых государства: на востоке это Япония, на западе Турция. Япония и Турция — две опоры Азии на востоке и западе. В настоящее время Персия, Афганистан, арабские страны тоже начали учиться у Европы и получили в свое распоряжение прекрасное оружие. Европейцы более не решаются пренебрегать этими странами. Что касается Непала, то Британия боится смотреть на него свысока, потому что и у него есть хорошее вооружение. У Китая в настоящее время большое количество оружия, и после объединения он обретет вес. Мы должны исповедовать паназиатизм, возрождать былой статус азиатских народов, и стоит нам принять в качестве основы гуманность и справедливость, объединив азиатские народы, как они станут могущественными.

Однако ограничиваться тем, что стремиться повлиять на европейцев понятием гуманности и просить их миром вернуть утраченные нами права, – столь же бессмысленно, как просить тигра снять с себя шкуру. Если мы хотим вернуть себе все наши права, мы должны применить вооруженную силу. Что касается этой стороны вопроса, то Япония давно уже имеет современную армию, у Турции она появилась за последнее время, а персы, афганцы, арабы, гурки и т. д. по природе своей являются воинственными народами. Нас, китайцев, насчитывается 400 мил-

[1] Имеется в виду Первая мировая война.

[2] Читай: «была членом “Четверного союза” Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции».

лионов, и хотя мы миролюбивый народ, в тот момент, когда речь идет о жизни и смерти, мы будем сражаться и, безусловно, представляем собой огромную вооруженную силу. И если все народы Азии объединятся и выступят как единая вооруженная сила против европейцев — победа нам обеспечена!

Далее, сравним численность населения Европы и Азии. В Китае живет 400 млн человек, в Индии 350 млн, в Бирме, Аннаме, Малайе несколько десятков миллионов, столько же в Японии, в других небольших государствах несколько десятков миллионов, то есть мы, народы Азии, составляем более половины населения Земли. А европейцев всего 400 млн против 900 млн азиатов. Меньшинство в 400 млн угнетает большинство, составляющее 900 млн, — это противоречит справедливости, а всё, что несовместимо со справедливостью, всегда обречено на поражение. К тому же, среди 400 миллионов европейцев за последнее время есть люди, оказавшиеся под нашим идейным влиянием. Поэтому сейчас тенденция развития мировой культуры заключается в том, что кое-кто в Англии и Америке стал проповедовать гуманность и добродетель. То же самое характерно и для других нецивилизованных стран. Из этого следует, что западная культура выгоды и силы начинает подчиняться азиатской культуре гуманности и справедливости. Это значит, что культ силы начинает подчиняться добродетельному правлению, что культура всего мира день ото дня становится обращенной к свету правды!

Сейчас в Европе есть одно новое государство, которое отвергается всеми европейцами белой расы. Европейцы считают его сборищем диких животных, а не человеческим сообществом, и не хотят общаться с ним. Эта позиция разделяется многими у нас в Азии. Что же это за государство? Это Россия. Сегодня Россия отмежевалась от европейцев белой расы. В чем причина этого? В том, что Россия исповедует добродетельное правление, а не культ силы, она стремится к гуманности и добродетели, отвергая выгоду и насилие. Она ратует за справедливость, выступая против подавления большинства меньшинством. Таким образом, новая культура России сродни нашей традиционной восточной культуре. Именно поэтому эта страна намерена объединиться с Востоком и отмежеваться от Запада. Из-за подобной позиции России европейцы не могут согласиться с ней, они смертельно боятся, что эта позиция одержит верх над их культом силы, поэтому они не признают Россию гуманной и справедливой страной, клеветнически утверждая, что она предала человечество.

Какие же проблемы мы собираемся решить, пропагандируя паназиатскую идею? Это вопрос о том, что следует предпринять в интересах народов, страдающих под гнетом европейцев, для сопротивления могу-

щественным народам Европы. Коротко говоря, нужно встать на защиту этих угнетенных народов. А такие народы есть не только в Азии, есть они и в Европе. <...>

На вас, японцев, оказала влияние евро-американская культура силы, но в основе у вас лежит азиатская культура гуманизма <...>.

Насколько можно судить по этому выступлению Сунь Ятсена, за несколько месяцев до смерти свои надежды на лучшее будущее он возлагал не на Советскую Россию, только что «отмежевавшуюся от европейцев белой расы», а на Японию, якобы испокон века исповедовавшую культуру нравственных принципов.

О «предсмертном письме Сунь Ятсена советским руководителям»

Нам могут возразить: ведь в Российском Государственном архиве социальной и политической истории (РГАСПИ) хранится письмо Сунь Ятсена советским руководителям, написанное буквально накануне его кончины[1].

В советской исторической науке это письмо рассматривалось как политическое завещание Сунь Ятсена, священная реликвия, неопровержимо доказывающая, что на смертном одре мысли великого китайского революционера были обращены к советскому народу.

А. М. Григорьев (1933–2015)

Полтора десятилетия тому назад один из авторов этой книги предпринял специальное исследование предсмертного письма Сунь Ятсена. Выводы, к которым он пришел, показались руководителям отечественной синологической мысли столь кощунственными, что главный редактор «Проблем Дальнего Востока» А. М. Григорьев наотрез отказался печатать статью, и она в конце концов увидела свет в журнале «Восток»[2].

[1] To the Central Executive Committee of the Union of Soviet Socialist Republics // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 125. С. 13–14.

[2] *Крюков В. М.* Завещания, которых не было // Восток. 2005. № 6. С. 61–73. Перепечатано в книге: *Крюков В. М.* Неумолимый червь познанья. М. 2009. С. 419–440.

Примерно в то же самое время проблему подлинности письма Сунь Ятсена в Советский Союз изучал японский историк Исикава Тэйко[1]. Эта тема продолжает обсуждаться историками КНР. Некоторые из них признают, что опубликованный текст письма, может быть, и не отражает подлинных мыслей Сунь Ятсена, хотя другие продолжают настаивать на том, что сомневаться в подлинности письма у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований.

Некоторые спорные моменты

Хэ Сяннин (1879–1972)

Неясно, как появился на свет текст письма Сунь Ятсена. Вот что писала по этому поводу Хэ Сяннин:

Все более убеждаясь в неизлечимости [его] болезни, мы решились наконец просить у Сунь Ятсена совета на будущее. Сунь Ятсен, врач по профессии, отлично сознавая свое положение, согласился с нами. 22 января мы заговорили с ним о завещании, а 24 января[2] оно было уже готово.

Завещание Сунь Ятсена состояло из трех документов.

Первый впоследствии зачитывали на открытии всех заседаний Гоминьдана.

Согласно второму, Сун Цинлин завещались библиотека и дом Сунь Ятсена. Обе части завещания записывал со слов Сунь Ятсена Ван Цзинвэй.

Последний документ — письмо Советскому правительству, которое Сунь Ятсен диктовал по-английски, записывали М. М. Бородин, Чэнь Южэнь, Сун Цзывэнь и Сунь Кэ. <...>

24 января готовый текст завещания должен был подписать Сунь Ятсен, но он попросил отложить эту процедуру, узнав, что в соседней комнате сокрушается Сун Цинлин[3].

---

[1] 石川祯浩。孙中山致苏联政府的遗书 (*Исикава Тэйко*. Предсмертное письмо Сунь Ятсена советскому правительству) // 石川祯浩。中国近代史的表与里 (*Исикава Тэйко*. Новейшая история Китая — снаружи и изнутри). Пекин. 1915. См. также статью того же автора: 死後の孫文 — 遺書と紀念週 (Сунь Ятсен после его смерти — предсмертное письмо и юбилейная неделя) // Тохо гакухо (Киото). № 76. 2005.

[2] Следует читать: «24 февраля».

[3] *Хэ Сяннин*. Воспоминания о Сунь Ятсене. М. 1966. С. 96.

Таким образом, по словам Хэ Сяннин, текст письма и двух завещаний был продиктован Сунь Ятсеном 24 января 1925 г. Однако сказанное ею противоречит другим свидетельствам, в частности, записи «Разговора с Ван Цзинвэем и др. 24 февраля 1925 г.»:

> 24 февраля 1925 г. Сун Цзывэнь, Сунь Кэ, Сунь Вань, Цзоу Лу и Ван Цзинвэй по поручению товарищей по Гоминьдану пришли к больному Сунь Ятсену с просьбой составить завещание. <...>
>
> Лидер партии:
>
> – Что вы хотите мне сказать?
>
> Ван Цзинвэй:
>
> – Мы до сих пор не оставляем надежды помочь Вам победить болезнь. Но западные и китайские врачи сказали нам, что лучше всего было бы поговорить с Вами, когда Вы еще хорошо себя чувствуете. Мы не знаем, когда нам понадобится Ваше напутствие, может быть, через 10 лет, может быть, через 8, а может быть, и через 20–30. Мы не оставляем надежду помочь Вам победить болезнь, но в то же время хотим, чтобы Вы сказали нам несколько слов.
>
> Лидер партии:
>
> – Я думаю, что мне нечего вам сказать. Поправлюсь — будет о чем сказать, а умру — к чему тогда слова?
>
> Ван Цзинвэй:
>
> – Товарищи хотят действовать в соответствии с Вашими предначертаниями. Если Вы скажете товарищам несколько слов, это вселит в них необоримую уверенность в своих силах. После того как Вы поправитесь, понадобится отдых в течение года или полугода. На это время требуется, чтобы Вы сказали товарищам несколько слов.
>
> Лидер партии:
>
> – А что вы хотели от меня услышать?
>
> Ван Цзинвэй:
>
> – Мы записали то, что Вы часто говорили нам (зачитывает).
>
> Лидер партии (утвердительно покачивая головой):
>
> – Согласен!
>
> Ван Цзинвэй:
>
> – Ваша супруга проявляет исключительную заботу о Вас во время Вашей болезни! Наши товарищи относятся к ней с огромным уважением и очень благодарны ей. Если вдруг произойдет непредвиденное, товарищи непременно будут заботиться о ее безопасности, но Вы и ей должны сказать несколько слов, чтобы успокоить ее. Кроме того — Ваши дети! Мы подготовили текст обращенных к ним слов (зачитывает).

Лидер партии (закрыв глаза, утвердительно кивая головой):

– Согласен.

Ван Цзинвэй:

– Могли ли бы Вы поставить свою подпись?

Лидер партии:

– Пока не нужно этого делать. Принесите мне тексты через несколько дней, и я подпишу их[1].

Это документальное свидетельство сообщает нам два существенных факта: во-первых, текст завещаний был не продиктован Сунь Ятсеном, а подготовлен заранее и 24 февраля зачитан умирающему; во-вторых, речи о письме советским руководителям в тот день не было.

Первое обстоятельство находит подтверждение в мемуарах члена Политсовета Гоминьдана Юй Шудэ:

Юй Шудэ (1882–1972)

Пекинская ячейка Гоминьдана часто проводила расширенные заседания — фактически это был перебазировавшийся в Пекин ЦК Гоминьдана, решавший важнейшие вопросы. Кроме членов ЦК, первоначально входивших в состав пекинской ячейки — Ли Дачжао, Дин Вэйфэня, Ван Фациня, Юй Южэня, Гу Мэньюя, Сюй Цяня и Юй Шудэ, в заседаниях принимали участие Ван Цзинвэй, Линь Сэнь, Чжан Цзи, Цзоу Лу, Се Чи, У Чжихуй, Ли Шицзэн и другие, а также кандидаты в члены ЦК Хань Линьфу, Лу Ююй, Фу Жулинь и т. д. Председательствующим на заседаниях обычно избирали Ван Цзинвэя.

Так как состояние г-на Суня стало угрожающим, на одном из таких заседаний Ван Цзинвэй высказал мнение о том, что на всякий случай нужно составить текст завещания Сунь Ятсена. Написать предварительный набросок завещания тогда же уполномочили У Чжихуя.

На следующем заседании У Чжихуй представил свой проект текста и, сокрушенно покачивая головой, зачитал его присутствовавшим. Я не помню его дословно, но общий смысл, как обычно в политических завещаниях, сводился к тому, что автор призывал членов партии воплотить в жизнь его неосуществленные планы.

Текст был короткий, всего иероглифов 100 с небольшим.

[1] 黄宗汉、王灿炽。孙中山与北京 (*Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи*. Сунь Ятсен и Пекин). Пекин. 1996. С. 388, 389.

Я помню только, что в последней фразе «Упорно стремитесь к этому! Упорно стремитесь к этому!» было использовано показавшееся неуместным устаревшее выражение старокитайского письменного языка.

Ван Цзинвэй слушал и тоже покачивал головой. Когда текст был зачитан, Ван Цзинвэй спросил присутствовавших, какие есть замечания, но все молчали. Тогда выступил сам Ван Цзинвэй, сказавший, насколько помнится, о том, что «этот текст неудовлетворителен, он не отражает революционный дух Сунь Ятсена и не может вдохновить членов партии на революционные свершения». После этого он сам предложил:

– Я мог бы попробовать составить другой вариант завещания.

На следующем заседании Ван Цзинвэй зачитал написанный им текст завещания, который после длительного обсуждения был единодушно признан гораздо более удачным, чем вариант У Чжихуя, и без каких-либо изменений принят[1].

Существуют указания на то, что письмо в Москву было зачитано Сунь Ятсену после того, как 11 марта тот подписал завещания. Любопытные подробности привел на сей счет автор официальной хроники жизни Сунь Ятсена, не указывая, впрочем, на каких источниках он основывался:

После того как Сунь Ятсен поставил свою подпись под двумя завещаниями, с которыми он согласился еще 24 февраля, его секретарь Чэнь Южэнь вдруг вынул написанное по-английски длинное предсмертное письмо в Советскую Россию. Оно было составлено Чэнем и Бородиным, а зачитано Сун Цзывэнем, после чего вождя попросили подписать его. Текст был очень пространный, написан на английском языке, появился он неожиданно и в большой спешке. Это было нечто совсем иное, чем согласованное за 16 дней до этого написанное по-китайски политическое завещание, принятое после тщательного обсуждения ответственными товарищами из высшего руководства. Этот английский текст всего лишь один раз прочли находившемуся при смерти Сунь Ятсену и тут же попросили подписать его. Неудивительно, что в то время товарищи по партии считали, что сделано это было неправильно, на сей счет было высказано много критических замечаний, и все это вызвало споры[2].

Письмо не было продиктовано Сунь Ятсеном, но было ли оно подписано им? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к подлиннику, хранящемуся в РГАСПИ.

---

[1] Там же. С. 387, 388.

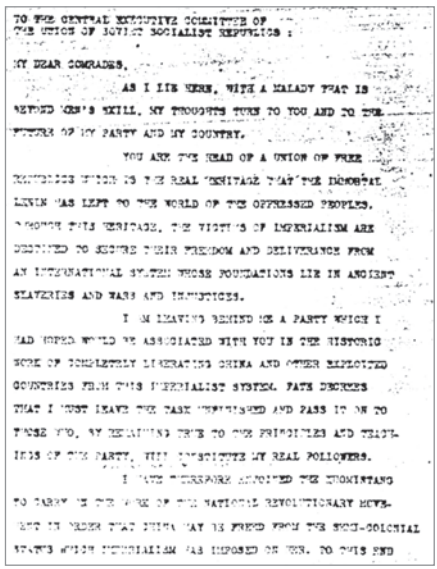
[2] 国父年谱 (Хронология событий жизни Отца Государства). Тайбэй. 1965. С. 1129.

Рассматривая подлинник документа

Обращает на себя внимание подпись Сунь Ятсена:

Как явствует из текста письма, умирающий Сунь Ятсен подписал его 11 марта 1925 г. Но еще 24 февраля он, по свидетельству медсестры, был уже «в бессознательном состоянии». Когда 11 марта в палату к Сунь Ятсену вошла Хэ Сяннин, его вид «сразу напугал» ее, «особенно выражение его глаз»[1].

Хуан Чангу вспоминал, что когда дело дошло до подписания завещания, «г-жа Сунь со слезами на глазах приподняла руку главнокомандующего, чтобы он мог удержать авторучку и поставить свою подпись»[2].



TO THE CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE OF
THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS :

MY DEAR COMRADES,

AS I LIE HERE, WITH A MALADY THAT IS
BEYOND MEN'S SKILL, MY THOUGHTS TURN TO YOU AND TO THE
FUTURE OF MY PARTY AND MY COUNTRY.

YOU ARE THE HEAD OF A UNION OF FREE
REPUBLICS WHICH IS THE REAL HERITAGE THAT THE IMMORTAL
LENIN HAS LEFT TO THE WORLD OF THE OPPRESSED PEOPLES.
[illegible] THIS HERITAGE, THE VICTORIES OF IMPERIALISM ARE
DESTINED TO SECURE THEIR FREEDOM AND DELIVERANCE FROM
AN INTERNATIONAL SYSTEM WHOSE FOUNDATIONS LIE IN ANCIENT
SLAVERIES AND WARS AND INJUSTICES.

I AM LEAVING BEHIND ME A PARTY WHICH I
HAD HOPED WOULD BE ASSOCIATED WITH YOU IN THE HISTORIC
TASK OF COMPLETELY LIBERATING CHINA AND OTHER EXPLOITED
COUNTRIES FROM THIS IMPERIALIST SYSTEM. FATE DECIDES
THAT I MUST LEAVE THE TASK UNFINISHED AND PASS IT ON TO
THOSE WHO, BY REMAINING TRUE TO OUR PRINCIPLES AND TRADI-
TIONS OF THE PARTY, WILL CONSTITUTE MY REAL FOLLOWERS.

I HAVE THEREFORE APPOINTED THE KUOMINTANG
TO CARRY ON THE WORK OF THE NATIONAL REVOLUTIONARY MOVE-
MENT IN ORDER THAT CHINA MAY BE FREED FROM THE SEMI-COLONIAL
STATUS WHICH IMPERIALISM HAS IMPOSED ON HER. TO THIS END

I HAVE CHARGED THE PARTY TO KEEP IN CONSTANT TOUCH WITH
YOU; AND I LOOK WITH CONFIDENCE TO THE CONTINUANCE OF
THE SUPPORT THAT YOUR GOVERNMENT HAS GRACIOUSLY EXTENDED
TO MY PARTY.

IN TAKING FAREWELL TO YOU, DEAR COMRADES,
I WISH TO EXPRESS THE FERVENT HOPE THAT THE DAY MAY SOON
DAWN WHEN THE U. S. S. R. WILL FIGHT, AS A FRIEND AND ALLY,
A STRONG AND INDEPENDENT CHINA AND THAT THE TWO ALLIES
MAY TOGETHER ADVANCE TO VICTORY IN THE GREAT STRUGGLE FOR
THE LIBERATION OF THE OPPRESSED PEOPLES OF THE WORLD.

WITH FRATERNAL GREETINGS.

Sun Yat-sen

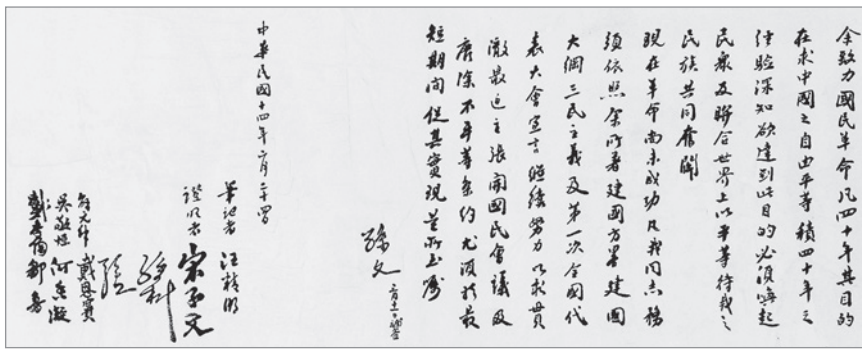
Оригинал «письма Сунь Ятсена советским руководителям»

[1] *Хэ Сяннин*. Вопоминания о Сунь Ятсене. М. 1966. С. 96.

[2] *Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи*. Сунь Ятсен и Пекин. С. 417.

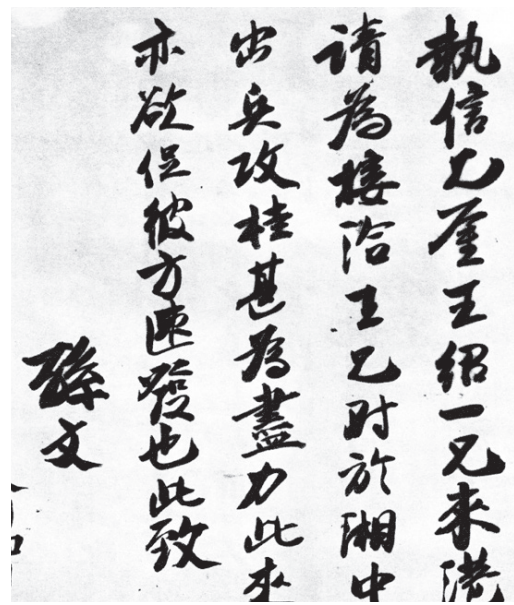
Между тем подпись, стоящая под письмом Сунь Ятсена, являет собой прямо-таки произведение каллиграфического искусства — линии букв идеально ровные, плавные, они написаны твердой и решительной рукой.

Не менее показательна подпись Сунь Ятсена под его политическим завещанием:

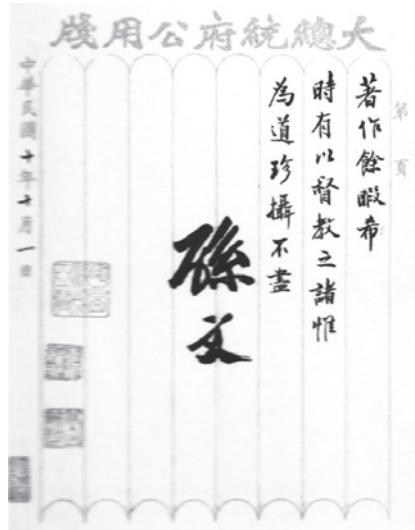


Оригинал политического завещания Сунь Ятсена

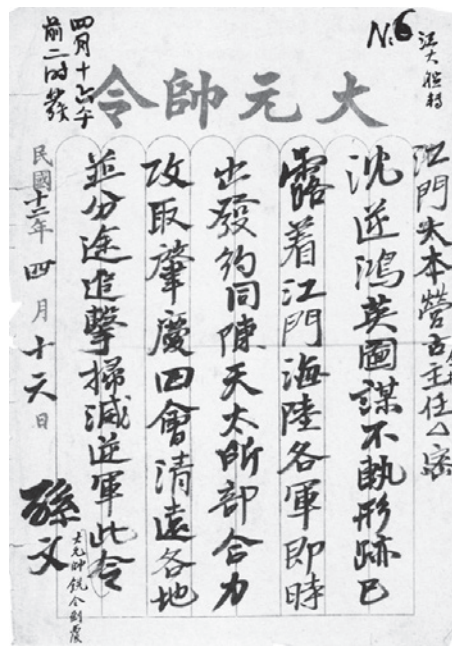
Как мы уже видели, на протяжении жизни Сунь Ятсена его иероглифическая подпись не оставалась неизменной. Однако начиная примерно с 1920 г. она, как это можно видеть на приведенных ниже примерах, более или менее стабилизировалась.



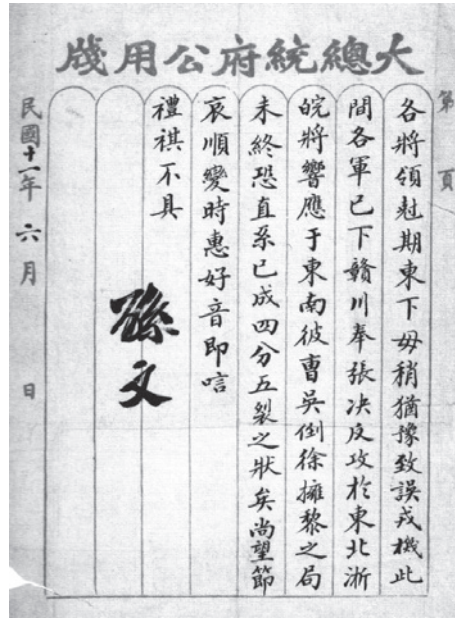
Август 1920 г.



Октябрь 1921 г.



Апрель 1923 г.



大總統府公用牋

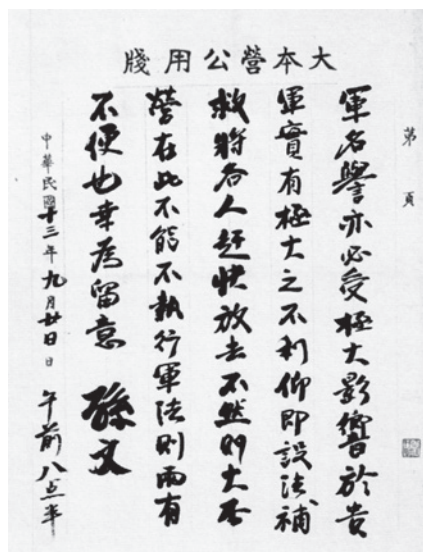
第 頁

各將領尅期東下毋稍猶豫致誤戎機此
間各軍已下贛川奉張決反攻於東北浙
皖將響應于東南彼曹吳倒徐擁黎之局
未終恐直系已成四分五裂之狀矣尚望節
哀順變時惠好音即唁
禮祺不具

孫文

民國十一年 六月 日

Июнь 1922 г.



大本營公用牋

第 頁

軍名譽亦必受極大影響於貴
軍實有極大之不利仰即設法補
救將各人趕快放去不然則大本
營在此不能不執行軍法則兩有
不便也幸為留意

孫文

中華民國十三年九月廿日 午前八点半

Сентябрь 1924 г.

Из сопоставления этих образцов нетрудно установить, что подпись под политическим завещанием Сунь Ятсена была подделана.

Причем сделано это было весьма неумело — во-первых, потому что она не была похожа на подлинные автографы Сунь Ятсена; во-вторых, потому что ее начертала сильная и уверенная рука, каковой не могла быть рука умирающего.

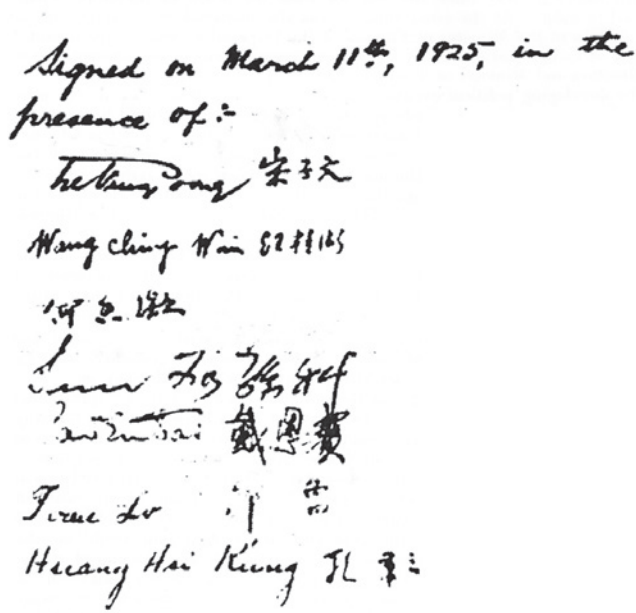
Это значит, что оригинал и завещания, и письма были переписаны (перепечатаны) еще раз и под ними кто-то расписался за Сунь Ятсена.

Подписи свидетелей

И под завещанием, и под письмом стоят еще и другие подписи — свидетелей произошедшего.

Прежде всего, остается неясным, когда они появились под текстом.

Ван Цзинвэй утверждал, что это произошло сразу же после того, как Сунь Ятсен одобрил 24 февраля текст завещания.



Подписи свидетелей под «письмом Сунь Ятсена»

Ван Цзинвэй свидетельствовал:

> Выйдя из комнаты, мы тут же отправились с отчетом в Политсовет. На месте было несколько членов Политсовета. Некоторые из них уже ждали у дверей и слышали весь наш разговор. Поэтому мы попросили их подписать текст, удостоверяя его[1].

Примерно так же излагал происходившее другой свидетель — Сунь Кэ:

> Мы вышли из комнаты больного и немедленно направились с сообщением в Политсовет. Все присутствовавшие члены Политсовета единодушно поставили свои подписи под документами в знак подтверждения их подлинности[2].

Между тем Цзоу Лу утверждал, что подписи членов Политсовета и родственников появились под завещанием лишь 11 марта:

> Когда вождь подписывал [завещание], г-жа Сунь держала его руку в своей. После этого У Цзинхэн[3], Дай Чуаньсянь[4], Шао Юаньчун, Сун Цзывэнь, Кун Сянси, Сунь Кэ, Дай Эньсай и я тут же скрепили его своими подписями[5].

Немаловажное значение имеет также и вопрос о том, кто именно удостоверил подлинность документов.

Под текстом завещания стоят подписи десяти человек: Ван Цзинвэя, Сун Цзывэня, Сунь Кэ, Кун Сянси, Шао Юаньчуна, Дай Эньсая, У Чжихуя, Хэ Сяннин, Дай Цзитао и Цзоу Лу.

Текст письма был якобы подписан в присутствии семерых человек, среди которых не было У Чжихуя, Дай Цзитао и Шао Юаньчуна.

Нет сомнений в том, что письмо Сунь Ятсена в Москву не могло быть подписано Сунь Ятсеном «в присутствии» тех лиц, фамилии которых стоят под ним. Невозможно представить себе, чтобы члены Политсовета демонстративно отказались засвидетельствовать подлинность послания прямо у постели умирающего вождя.

Но они могли уклониться от этой процедуры после кончины Сунь Ятсена, когда письмо задним числом было перепечатано вторично, а под ним появилась красивая подпись умершего.

---

[1] 中国国民第二全国代表大会会议记录 (Протоколы заседаний II-го Всекитайского съезда Гоминьдана). 1926. С. 13.

[2] 孙科。八十疏略 (*Сунь Кэ*. Воспоминания восьмидесятилетнего) // Чжуаньцзи вэньсюэ, 1994, № 4. С. 12.

[3] У Чжихуй.

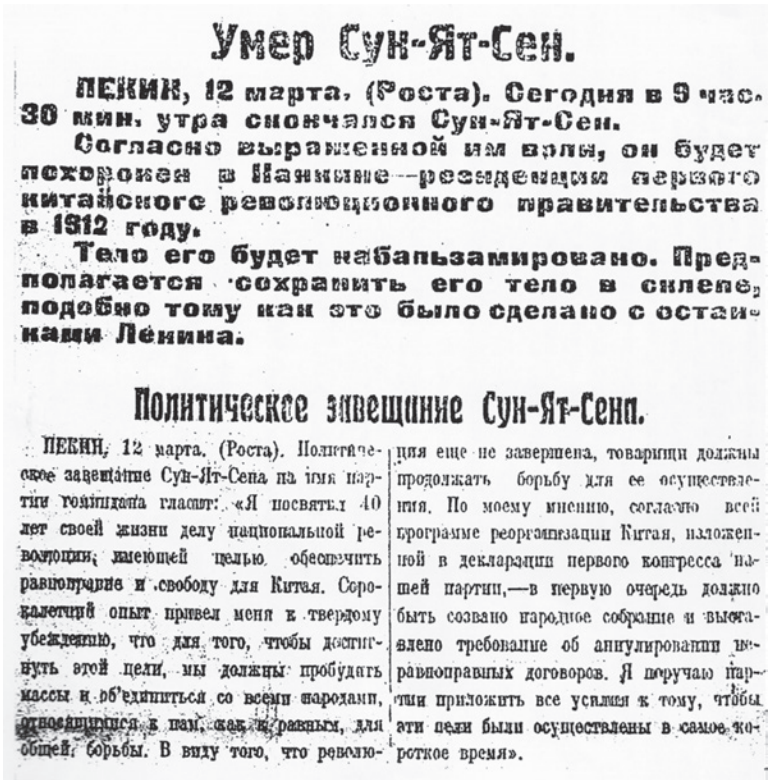
[4] Дай Цзитао.

[5] 邹鲁回忆录 (Воспоминания Цзоу Лу). Шанхай. 2010. С. 163

Все трое были представителями правого крыла Гоминьдана. В ноябре 1925 г. они принимали участие в Сишаньской конференции, на которой было принято решение об исключении коммунистов из Гоминьдана и освобождении Бородина от обязанностей главного политического советника.

Неслучайно письмо в Москву, в отличие от завещания, не было предано гласности сразу же после кончины Сунь Ятсена, и о нем, судя по всему, вообще знало весьма ограниченное число лиц.

Во всяком случае, в сообщении о смерти Сунь Ятсена, помещенном в газете «Правда», перепечатано его политическое завещание, но о письме советским руководителям вообще не упоминается[1].



Умер Сун-Ят-Сен.

ПЕКИН, 12 марта, (Роста). Сегодня в 9 час. 30 мин. утра скончался Сун-Ят-Сен.

Согласно выраженной им воли, он будет похоронен в Нанкине—резиденции первого китайского революционного правительства в 1912 году.

Тело его будет набальзамировано. Предполагается сохранить его тело в склепе, подобно тому как это было сделано с останками Ленина.

Политическое завещание Сун-Ят-Сена.

ПЕКИН, 12 марта. (Роста). Политическое завещание Сун-Ят-Сена на имя партии гоминдана гласит: «Я посвятил 40 лет своей жизни делу национальной революции, имеющей целью обеспечить равноправие и свободу для Китая. Сорокалетний опыт привел меня к твердому убеждению, что для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны пробудить массы и об'единиться со всеми народами, относящимися к нам, как к равным, для общей борьбы. В виду того, что революция еще не завершена, товарищи должны продолжать борьбу для ее осуществления. По моему мнению, согласно всей программе реорганизации Китая, изложенной в декларации первого конгресса нашей партии,—в первую очередь должно быть созвано народное собрание и выставлено требование об аннулировании неравноправных договоров. Я поручаю партии приложить все усилия к тому, чтобы эти цели были осуществлены в самое короткое время».

[1] Правда, 14 марта 1925 г.

Орган КПК еженедельник «Сяндао», сообщая 15 марта о смерти лидера Гоминьдана, вообще не упоминал о его письме советским руководителям и опубликовал перевод документа лишь две недели спустя, 28 марта.

The Guide Weekly

分處售

分售處

每星期三出版 發行通信處

孫中山特刊

中國共產黨爲孫中山之死告中國民衆

Сообщение о смерти Сунь Ятсена в «Сяндао»

Из вышесказанного явствует, что «письмо Сунь Ятсена советским руководителям» не было составлено им самим, а подпись на документе, хранящемся в московском архиве, подделана.

Соответственно, мы сегодня не знаем, действительно ли лидер Гоминьдана на смертном одре обратил мысленные взоры к столице первого в мире социалистического государства или же он, может быть, как это часто случалось прежде, думал о своей «второй Родине» — Японии.

Предельно краткое заключение

Итак, главный вопрос, который волнует сегодня соотечественников Сунь Ятсена: был ли Отец Государства патриотом или же, домогаясь помощи со стороны великих держав, он был готов торговать своей Родиной?

Почти двадцать пять веков тому назад древнекитайский философ Мэнцзы встретился однажды с неким жителем царства Сун, который рассказал ему о своих сокровенных политических планах. Выслушав собеседника, Мэнцзы сказал ему:

> Ваша цель, учитель, благородна. Вот только средства, которые Вы намерены использовать для ее осуществления, никуда не годятся![1]

По нашему мнению, данное высказывание вполне может служить ответом на заданный выше вопрос.

Сунь Ятсен несколько раз заявлял, что он уходит из политики, но в политику он вновь и вновь возвращался. Он не мыслил своей жизни вне политики, а она значила для него только одно — служение революции. Революция требовала жертв, и он был готов принести любую жертву на алтарь революции — отдать спонсорам часть территории своей страны, физически устранить соратника-соперника, влекущего, по его мнению, страну не в ту сторону, которую уготовил ей он сам, нарушить некогда данное слово, сказать явную неправду, если это послужит на благо революции.

Сунь Ятсен, с детства привыкший считать себя вторым Хун Сюцюанем, искренне верил в то, что революция может победить только под его руководством. А его руководство означало постоянные поиски за границей денег и оружия, и Сунь Ятсен не считал зазорным домогаться помощи одновременно у двух враждующих стран, как это было во

[1] 孟子译注 (Трактат «Мэнцзы» с комментариями). Т. 2. Пекин. 1960. С. 280.

Японские солдаты оскверняют памятник Сунь Ятсену

время Первой мировой войны, когда он получил деньги и от Японии, и от воевавшей против нее Германии.

Впрочем, среди его фактических и потенциальных спонсоров – Германии, Франции, Англии, Америки, Советской России — Япония всё же занимала совершенно особое, исключительное место. «Учителей» у Сунь Ятсена было много, но только Япония удостоилась чести быть его «второй Родиной». К сожалению, его любовь к Японии осталась неразделенной.

Всю свою сознательную жизнь Сунь Ятсен исповедовал идеи паназиатизма, и это мешало ему узреть истинную природу японского милитаризма, которая, начиная с конца позапрошлого столетия, была ясна каждому здравомыслящему китайцу.

Факты свидетельствуют о том, что «великий перелом» в сознании Сунь Ятсена, якобы в конце своей жизни воспринявшего идеи Октября, является вымыслом — не случайно же уже после того, как Советский Союз начал помогать ему, Сунь Ятсен был готов признать своим «единственным учителем» Германию.

В своих сочинениях Сунь Ятсен повествовал как о разрушительном, так и о созидательном этапе революции. Но в своей практической деятельности все силы он отдавал только первому. Трижды он был президентом Китайской Республики, но ни разу не приложил усилий к тому, чтобы осуществить хотя бы малую толику того принципа народного благосостояния, который он с таким апломбом афишировал.

Таков был реальный, а не мифологизированный Сунь Ятсен, официальный портрет которого стал иконой, объектом поклонения, но утратил черты, органически свойственные д-ру Суню при жизни. Мы постарались освободить этот портрет от этих позднейших наслоений.

С этим связан еще один вывод, к которому мы пришли в результате изучения жизни и деятельности Сунь Ятсена, — превращать живую личность в предмет культа одинаково вредно как для поклонников героя, так

и для самого героя. В наши дни этот вывод не только не утратил своего смысла, но обрел еще большую, чем раньше, злободневность.

Мы отдаем себе отчет в том, что кто-то из читателей наверняка не согласится с выводами, изложенными в этой книге. Мы приветствуем критические замечания в свой адрес, но с одним условием: оппоненты должны основывать свои возражения не на чеховском «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!», а на анализе текста первоисточников.

Мы всецело за продолжение творческой дискуссии, ибо, как говаривали древние, «в споре рождается истина»!

Научное издание

В. М. Крюков, М. В. Крюков

Неизвестный Сунь Ятсен. Штрихи к портрету

Том II
(1913–1925)

Верстальщик *А. Б. Дунаева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректоры *С. В. Кирюхина, А. И. Кобзев, Н. А. Орлова*

В книге использованы иллюстрации из открытых источников

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 28.06.2023. Формат 60×90/16.
Уч.-изд. л. 25,4. Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте https://book.ivran.ru
Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
Тел.: +7 (800) 700-86-33, +7 (8452) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: http://amirit.ru